ОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ:

И. М. ГРЕВСА, Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО, Н. И. КАРѢЕВА и М. И. РОСТОВЦЕВА.

Томъ II.

Р. ПЁЛЬМАНЪ. „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“.

Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Предисловіе редактора. III—IV

Исторія античнаго коммунизма и соціализма. Часть I.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЭЛЛАДА.

Предисловіе 3— 4

Глава I. Коммунизмъ древнѣйшихъ формъ общественной жизни.—Истина и поэзія. 5— 67

Отдѣлъ I.—Коммунизмъ первобытныхъ временъ, 5.—Отдѣлъ II.—Семейный коммунизмъ и вопросъ объ общности земли у Гомера, 11.—Отдѣлъ III.—Коммунистическое государство на Липарѣ, 25.—Отдѣлъ IV.—Мнимые слѣды коммунизма въ Великой Греціи, 28.—Отдѣлъ V.—Государственная организація общественныхъ трапезъ въ Спартѣ и на Критѣ и соціализмъ общинъ военнаго типа, 30.—Отдѣлъ VI.—Спартано-критскій аграрный строй, 39.—Отдѣлъ VII.—Соціальное государство легенды и соціалистическое естественное право, 50.

Глава II. Индивидуалистическое разложеніе общества и реакція въ философской теоріи государства и общества 68—119

Отдѣлъ I.—Индивидуалистическія тенденціи, 68.—Отдѣлъ II.—Борьба идеалистической соціальной философіи противъ крайняго индивидуализма.—Общіе соціально-этическіе постулаты, 72.—Отдѣлъ III.—Критика историческаго строя государства и общества у Платона, 82.—Отдѣлъ IV.—Нападки идеалистической соціальной философіи на основы существующаго экономическаго правопорядка, 88.

Глава III. Планы организаціи новаго строя государства и общества 120—280

Отдѣлъ I.—Идеалъ государства Фалея изъ Халкедона, 120.—Отдѣлъ II.—Платоновское государство разума, 122.—Отдѣлъ III.—«Второе по совершенству» государство Платона, 220.—Отдѣлъ IV.—Фрагментъ Аристотелевскаго идеала государства, 268.

Глава IV Міровое соціальное государство основателя школы стоиковъ 280—283

Исторія античнаго коммунизма и соціализма. Часть II.

Предисловіе 287

Глава V. Соціальная утопія въ поэтической формѣ. 289—333

Отдѣлъ I. Обѣтованная земля въ баснѣ и въ комедіи, 289.—Отдѣлъ II.—Государственный романъ, 303.

Глава VI. Соціальная демократія 333—503

Отдѣлъ I.—Государство-городъ какъ родина соціализма, 333.—Отдѣлъ II.—Аристократическое государство и зачатки капитализма и соціализма, 341.—Отдѣлъ III. Гражданское общество и полное развитіе капитализма, 366.—Отдѣлъ IV.—Противорѣчіе между соціальною и политическою эволюціею въ свободномъ демократическомъ государствѣ, 391.—Отдѣлъ V.—Превращеніе политической демократіи въ соціальную, 399.—Отдѣлъ VI.—Демократическій государственный соціализмъ и поворотъ къ радикальному революціонному соціализму, 415.—Отдѣлъ VII.—Соціальная революція, 451.

СТРАН.

КНИГА ВТОРАЯ.—РИМЪ.

Глава I. Первоначальный періодъ государственной жизни и аграрный коммунизмъ 503
Глава II. Развитіе капиталистическаго строя 513
Глава III. Соціальное движеніе съ точки зрѣнія господствующихъ партійныхъ взглядовъ 517
Глава IV. Пробужденіе соціальнаго самосознанія среди бѣдноты 540
Глава V Критика общества 556
Глава VI. Демократическій соціализмъ и романтическій утопизмъ 567

Примѣчанія.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЭЛЛАДА.

Предисловіе 585

Примѣчанія къ первой части.

Глава I . . . . . 585—604

Отдѣлъ I.—Коммунизмъ первобытныхъ временъ, 585.—Отдѣлъ II.—Семейный коммунизмъ и вопросъ объ общности земли у Гомера, 587.—Отдѣлъ III.—Коммунистическое государство на Липарѣ, 590.—Отдѣлъ IV.—Мнимые слѣды коммунизма въ Великой Греціи, 591.—Отдѣлъ V.—Государственная организація общественныхъ трапезъ въ Спартѣ и на Критѣ и соціализмъ общинъ военнаго типа, 592.—Отдѣлъ VI.—Спартано-критскій аграрный строй, 594.—Отдѣлъ VII.—Соціальное государство легенды и соціалистическое естественное право, 597.

Глава II . . . . . 604—619

Отдѣлъ I.—Индивидуалистическія тенденціи, 604.—Отдѣлъ II.—Борьба идеалистической соціальной философіи противъ крайняго индивидуализма.—Общіе соціально-этическіе постулаты, 605.—Отдѣлъ III.—Критика историческаго строя государства и общества у Платона, 611.—Отдѣлъ IV. Нападки идеалистической соціальной философіи на основы существующаго экономическаго правопорядка, 613.

Глава III . . . . . 619—656

Отдѣлъ I.—Идеалъ государства Фалея изъ Халкедона, 619.—Отдѣлъ II.—Платоновское государство разума, 620.—Отдѣлъ III.—«Второе по совершенству» государство Платона, 641.—Отдѣлъ IV.—Фрагментъ Аристотелевскаго идеала государства, 651.

Глава IV 656—657

Примѣчанія ко второй части.

Глава V . . . . . 658—666

Отдѣлъ I.—Обѣтованная земля въ баснѣ и въ комедіи, 658.—Отдѣлъ II.—Государственный романъ, 661.

Глава VI . . . . . 666—693

Отдѣлъ I.—Государство-городъ какъ родина соціализма, 666.—Отдѣлъ II.—Аристократическое государство и зачатки капитализма и соціализма, 667.—Отдѣлъ III.—Гражданское общество и полное развитіе капитализма, 673.—Отдѣлъ IV.—Противорѣчіе между соціальною и политическою эволюціею въ свободномъ демократическомъ государствѣ, 679.—Отдѣлъ V.—Превращеніе политической демократіи въ соціальную, 680.—Отдѣлъ VI.—Демократическій государственный соціализмъ и поворотъ къ радикальному революціонному соціализму, 682.—Отдѣлъ VII.—Соціальная революція, 687.

КНИГА ВТОРАЯ.—РИМЪ.

Глава I. 693
Глава II. 695
Глава III. 696
Глава IV. 700
Глава V. 704
Глава VI. 706

I.

Исторія античнаго коммунизма и соціализма.

Часть I.

Р. Пёльмана.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

Книга Пёльмана, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ историковъ древности, представляетъ собою первую крупную научную работу общаго характера въ области исторіи соціальной жизни и соціальныхъ идей древняго міра. Работа Пёльмана—не только изложеніе результатовъ своихъ и чужихъ изслѣдованій, это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первоизслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и по новому методу. Этимъ объясняется въ значительной мѣрѣ объемъ книги, довольно значительное количество повтореній и нѣсколько утомительныя длинноты нѣкоторыхъ разсужденій. Изслѣдуя соціальную жизнь и соціальныя идеи древности съ современной точки зрѣнія и послѣ основательнаго изученія современной соціальной литературы, авторъ не избѣгъ подчасъ и нѣкоторой модернизаціи античности, нѣкотораго насилія надъ особенностями ея склада, нѣкоторой шаблонизаціи развивающихся въ ней процессовъ. Но эти недостатки въ сильной мѣрѣ искупаются цѣлымъ рядомъ новыхъ и важныхъ результатовъ, освѣщающихъ жизнь античности съ новыхъ и иногда неожиданныхъ точекъ зрѣнія. Лучшей книги въ этой области не дала до сихъ поръ научная литература современности.

Переводъ книги представлялъ значительныя затрудненія какъ по содержанію самаго труда, такъ и по его формѣ. Переводъ поэтому не всегда соединяетъ нужную точность съ не менѣе необходимой литературностью. Примѣчанія, согласно типу всей серіи, однимъ изъ томовъ которой является книга Пёльмана, отнесены всѣ къ концу книги. Крупное затрудненіе представляли выдержки изъ древнихъ авторовъ, обильно приводимыя авторомъ въ примѣчаніяхъ. Отпечатать ихъ по-гречески—значило бы сдѣлать ихъ недоступными для большин-

ства русскихъ читателей: число понимающихъ по-гречески уменьшается въ Россіи съ каждымъ днемъ. Редакція поэтому нашла необходимымъ дать почти всѣ тексты въ переводѣ: желающій имѣть передъ глазами греческій текстъ, думалось намъ, всегда можетъ обратиться къ изданіямъ соотвѣтственныхъ авторовъ. Нелегкую работу перевода цитатъ перваго тома взялъ на себя проф. С. А. Жебелевъ, цитаты второго тома переведены переводчикомъ этого тома, д-ромъ ф-фіи А. Воденомъ.

Переводъ перваго тома исполненъ г-жей З. И. Таберіо, за исключеніемъ отдѣла о государствѣ „Законовъ“ Платона, переводъ котораго сдѣланъ г-жей Н. Томиловой. Весь второй томъ переведенъ, какъ сказано, д-ромъ А. Воденомъ.

М. Ростовцевъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ЭЛЛАДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторіи коммунизма и соціализма древняго времени еще не существуетъ [1]). Молодая наука соціальной и экономической исторіи, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, занялась преимущественно средними вѣками и новой эпохой. Наука же о древности, несмотря на нѣкоторыя отдѣльныя выдающіяся работы, въ общемъ далеко отстала отъ успѣховъ современной науки о государствѣ и обществѣ. Въ Германіи, послѣ создавшихъ новую эпоху трудовъ Штейна и Гнейста, мы уже давно научились всю исторію права и учрежденій строить на исторіи общества; тѣмъ не менѣе, наука о древности все еще твердо придерживается механическаго дѣленія на древности государственныя, правовыя и частныя. Такимъ образомъ, она сама себѣ затрудняетъ единственно возможный путь къ всеобъемлющему соціально-научному анализу тѣхъ безчисленныхъ проблемъ, въ которыхъ всѣ эти области неразрывно слиты [2]).

Правда, трудности подобной работы чрезвычайно велики! Съ одной стороны, уже чисто-филологическая и историческая обработка матеріала въ высшей степени затрудняется свойствами античнаго преданія; съ другой стороны—изслѣдователю постоянно приходится дѣлать экскурсы въ чуждыя ему области; быть спеціалистомъ во всѣхъ этихъ областяхъ онъ, конечно, не можетъ. Всесторонняя оцѣнка соціально-историческихъ явленій невозможна безъ систематическаго примѣненія выводовъ самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія: психологіи, этики, философіи права, наукъ правовыхъ и государственныхъ, политической экономіи, соціологіи, общей культурной и экономической исторіи и т. д. Выводы эти часто оказываются шаткими, неточными и противорѣчивыми; даже научная терминологія часто еще вовсе не установлена. Въ догматико-историческомъ отношеніи какъ-разъ соціальныя науки представляютъ собою настоящій хаосъ [3]).

Однакоже, какъ ни великъ рискъ изслѣдователя древности, приступающаго при указанныхъ условіяхъ къ одной изъ труднѣйшихъ задачъ соціальной исторіи, наука о древности все-таки должна когда-нибудь взяться за эту задачу. Если тому, что сказалъ Лассаль по поводу рѣчи Августа Бёка, суждено остаться правдой, т.-е. что въ Германіи античное образованіе, по счастью, является противовѣсомъ манчестерству, если, какъ надѣется Лассаль [4]), классицизмъ надолго еще останется «незыблемой осно-

вой нѣмецкаго духа» и оплотомъ противъ вторгающагося матеріализма, то прежде всего необходимо дать новое изображеніе античной жизни. Оно, говоря словами незабвеннаго Ницше, нарисуетъ античный міръ, до самыхъ глубинъ потрясаемый тѣми же жизненными вопросами, которые до сихъ поръ занимаютъ каждаго порядочнаго человѣка и частью еще ждутъ своего разрѣшенія [5]).

Тотъ, кто думаетъ, что онъ можетъ игнорировать эти вопросы только потому, что при этомъ — по выраженію одного филолога по адресу книги автора, разбирающей большіе города античнаго міра,—филологическій интересъ отступаетъ на задній планъ, тотъ самъ уменьшаетъ значеніе, которое древній міръ могъ бы имѣть для нашего времени [6]). Во всякомъ случаѣ, человѣкъ, никогда не пытавшійся дать себѣ серьезно отчетъ въ томъ, что составляетъ основы соціальной жизни, никогда не будетъ въ состояніи оживить античный міръ для себя или для другихъ. Для такихъ людей недоступенъ идеалъ всякаго гуманистическаго образованія—чувствовать себя какъ дома въ той области, исходя изъ которой можно найти объясненіе для всѣхъ самыхъ существенныхъ интересовъ человѣчества.

Рѣчь идетъ здѣсь о такихъ работахъ, которыя могутъ дать чрезвычайно много новаго для познанія античной жизни. Въ своей лейпцигской вступительной рѣчи Куртъ Ваксмутъ вполнѣ основательно замѣтилъ, что въ области соціальной и экономической исторіи античнаго времени самые элементарные вопросы не только еще не разрѣшены, но даже еще не поставлены. Имѣемъ ли мы, напримѣръ, дѣйствительно удовлетворительный критическій анализъ и соціально-политическую оцѣнку платоно-аристотелевской теоріи государства и общества?

А, между тѣмъ, обращаясь къ источникамъ съ правильной точки зрѣнія и при правильной постановкѣ вопроса, даже тамъ, гдѣ едва возможнымъ казалось сказать новое въ области какого-нибудь мелкаго вопроса, можно добиться поразительныхъ выводовъ и пережить истинную радость открытія. Автору предлагаемаго труда не было отказано въ этой радости. И если онъ можетъ вообще разсчитывать на какое-нибудь признаніе, то надѣется, что признано будетъ, по крайней мѣрѣ, то, что проведенный имъ методъ и способъ разсмотрѣнія могутъ пролить новый свѣтъ на культурную и умственную жизнь античной эпохи, расширить и углубить наше знаніе древности.

Къ сожалѣнію, въ этомъ томѣ нельзя было довести до заключенія первую книгу. Исторія государственныхъ утопій и соціальной демократіи въ Элладѣ составитъ содержаніе второго (послѣдняго) тома, который, кромѣ того, долженъ разобрать еще Римъ и формы религіозныхъ проявленій античнаго соціализма (іудейство, христіанство и маздакизмъ).

Робертъ Пёльманъ.

Эрлангенъ. Октябрь, 1893.

ГЛАВА I.

Коммунизмъ древнѣйшихъ формъ общественной жизни.

ИСТИНА И ПОЭЗІЯ.

Отдѣлъ I.—Коммунизмъ первобытныхъ временъ.

Древнѣйшій періодъ исторіи грековъ исчезаетъ во мракѣ, почти совершенно скрывающемъ отъ нашихъ взоровъ начало національнаго развитія Греціи. Къ сожалѣнію, въ этомъ мракѣ, по выраженію Якова Гримма, не видно и отблеска той утренней зари, которая, благодаря безсмертному произведенію одного римлянина, проливаетъ свѣтъ на первобытную исторію германскихъ племенъ. Періоды развитія, обнимающіе цѣлыя столѣтія и озаренные у германцевъ полнымъ свѣтомъ исторіи, у грековъ относятся къ доисторической еще эпохѣ. Древнѣйшіе памятники письменности грековъ, дающіе намъ возможность глубже проникнуть въ жизнь эллинскаго народа,—ихъ эпическія поэмы,—рисуютъ до извѣстной степени сложившійся уже міръ; по сравненію съ древнѣйшимъ уровнемъ экономическаго и соціальнаго развитія германцевъ, засвидѣтельствованнымъ историческими данными, эпическая Греція обнаруживаетъ значительно болѣе высокую степень развитія. И если по отношенію къ германцамъ главный и основной вопросъ о древнѣйшей формѣ аграрнаго строя, о возникновеніи и развитіи частной земельной собственности, несмотря на безцѣнныя свидѣтельства Цезаря и Тацита, не можетъ быть достовѣрно рѣшенъ на основаніи источниковъ и вмѣсто строго историческихъ доказательствъ зачастую приходится прибѣгать къ аналогіямъ между первобытными общественными состояніями вообще, то тѣмъ большую осторожность слѣдуетъ соблюдать тамъ, гдѣ историческая традиція характеризуетъ несравненно болѣе позднюю стадію развитія.

Несмотря на это, все-таки можно рѣшиться сдѣлать нѣкоторыя предположенія даже о первичныхъ формахъ экономической жизни греческаго народа. Многое изъ того, что мы почерпаемъ изъ сравнительнаго языкознанія и историческихъ данныхъ о состояніи индо-германскихъ племенъ въ моментъ ихъ выступленія въ исторіи, заставляетъ насъ предполагать, что въ мѣста своей позднѣйшей осѣдлости греки

явились кочевниками [1]), и что поэтому, несмотря на свое знакомство съ примитивной обработкой полей, они сначала устроились на новой родинѣ соотвѣтственно потребностямъ кочевого народа. Уже Ѳукидидъ держится мнѣнія, что древнѣйшіе греки были народомъ пастушескимъ, только въ силу необходимости приспособлявшимся къ обработкѣ пашни и всегда легко мѣнявшимъ мѣста своего жительства [2]). И онъ думаетъ, что грекамъ понадобилось много времени, пока они преодолѣли глубоко вкоренившееся у всѣхъ кочевыхъ народовъ отвращеніе къ тяжелому труду хлѣбопашества, склонность къ разбою и бродяжничеству и рѣшились на постоянную осѣдлость.

Если соображенія Ѳукидида правильны, то мы дѣйствительно въ состояніи уяснить себѣ многое въ жизни эллиновъ первобытной эпохи, такъ какъ наличность той или иной хозяйственной системы обусловливаетъ нѣкоторыя основныя формы собственности и общественной организаціи. Вышеупомянутое кочевое хозяйство есть результатъ извѣстныхъ установленныхъ самой природой условій, которыя кладутъ неизбѣжный отпечатокъ на весь укладъ человѣческаго существованія [3]).

Зимой и лѣтомъ земля можетъ прокормить только опредѣленное количество скота. Слишкомъ большія стада не могутъ пастись вмѣстѣ. Поэтому является необходимость установить границы пастбищъ, черту которыхъ нельзя переходить. Соотвѣтственно этому, владѣльцы стадъ распадаются на группы, и эта группировка, при замкнутости семейнаго быта пастушескихъ народовъ, происходитъ по семьямъ и родамъ. Родовой союзъ смотритъ на занятую имъ область, какъ на свою общую собственность; иногда, правда, и въ первые моменты народной жизни довольно часто, отдѣльные участки пастбищъ поступали въ очередное пользованіе отдѣльныхъ частей цѣлаго племени; но и въ этихъ случаяхъ все племя являлось носителемъ собственности въ предѣлахъ всей принадлежавшей племени территоріи. Во всякомъ случаѣ, на указанной ступени развитія народа земля всегда составляетъ нераздѣльную общую собственность; обработка отдѣльныхъ участковъ отдѣльными лицами ведетъ въ крайнемъ случаѣ только къ надѣленію участкомъ во временное владѣніе, на срокъ одной жатвы. Естественныя условія этой хозяйственной системы препятствуютъ отдѣльному лицу претендовать на постоянное и исключительное владѣніе какой-либо частью территоріи. И этотъ порядокъ не могъ быть нарушенъ произволомъ индивидуальнаго хозяйства и неурегулированнымъ распространеніемъ частной собственности уже въ силу необходимости мѣнять мѣсто зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ и, стало-быть, занимать различные участки территоріи въ опредѣленномъ, обязательномъ для цѣлей общины порядкѣ, соотвѣтственно времени года [4]). Не допускали измѣненія характеризованнаго порядка также и общіе пріемы обработки земли, связанные съ примитивной системой лугового хозяйства, отводившаго всю годную для обработки площадь то подъ пашню, то подъ выгонъ. Къ этому присоединялись и внѣшнія затрудненія, съ которыми приходится бороться народу, стоящему на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія. Обезпеченіе отъ тѣхъ опасностей, которыми угрожаетъ природа самому цѣнному имуществу—стаду, и отъ насилій враговъ надъ жизнью и свободой пастушескіе народы могутъ найти лишь въ соединеніи отдѣльныхъ лицъ въ строго организованныя общества; при замкнутости же семьи и патріархальномъ строѣ всей жизни самое существованіе общества обыкновенно связано съ болѣе или менѣе коммунистическимъ хозяйствомъ. Общая защита, совмѣстные переходы съ зимнихъ пастбищъ на лѣтнія, въ большинствѣ случаевъ коммунистическое добываніе средствъ къ существованію, коммунистическое подчиненіе одному главѣ рода или начальнику племени—вотъ

характерныя черты той стадіи развитія, которую мы съ большой вѣроятностью можемъ предположить и у древнѣйшихъ грековъ. Поэтому, какъ исходный пунктъ соціальнаго развитія, и для Греціи можетъ быть принята извѣстная коммунистическая организація или, по крайней мѣрѣ, принципъ общиннаго владѣнія землей. Однако, благодарный климатъ и почва, располагавшіе къ осѣдлой обработкѣ полей, а также орографическая раздробленность страны и недостатокъ широкихъ равнинъ для кочевого хозяйства должны были способствовать тому, что это примитивное состояніе у грековъ исчезло быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Правда, мы все-таки должны твердо помнить, что рѣчь тутъ можетъ идти только о выводахъ вѣроятныхъ, и что предположеніе, на которомъ основывается изложенный выше взглядъ, болѣе или менѣе гипотетично. Во всякомъ случаѣ, сравненіе греческаго языка съ языками другихъ индо-германскихъ народовъ показало, что среди первобытныхъ выраженій, служившихъ для обозначенія собственности, имущества, богатства и т. д., не встрѣчается ни одного термина, относящагося къ землѣ [5]). Однако, то, что вѣрно для первобытной эпохи индо-германскихъ расъ, можетъ еще и не быть безусловно правильнымъ для греческихъ поселенцевъ на Балканскомъ полуостровѣ; кромѣ того, нельзя безъ оговорокъ отвергать возможности, что филологическое и историческое изслѣдованіе примитивныхъ стадій развитія приписывало до послѣдняго времени отдѣльнымъ индо-германскимъ народамъ слишкомъ длинный періодъ кочевого или полукочевого состоянія [6]).

Какъ бы то ни было, относится ли указанная форма общиннаго хозяйства къ болѣе древней стадіи развитія или простирается и до болѣе поздняго времени, не подлежитъ, на основаніи выводовъ сравнительной исторіи хозяйства и права, сомнѣнію одно: общинный принципъ, дѣйствовавшій въ этомъ нераздѣльномъ хозяйствѣ, надолго пережилъ послѣднее. И у грековъ переходъ къ полной осѣдлости совершился общиннымъ путемъ, и окончательное заселеніе территоріи было дѣломъ не отдѣльныхъ лицъ, но объединившихся для всѣхъ жизненныхъ цѣлей союзовъ, семей и родовъ [7]). Эта первоначальная связь между родовымъ союзомъ и земледѣльческимъ общиннымъ поселеніемъ еще ясно видна у различныхъ индо-германскихъ народовъ [8]); что же касается въ частности древнѣйшей сельской общины у грековъ, то уже Аристотель допускалъ первоначальное родство между членами общины, причемъ онъ справедливо, между прочимъ, указывалъ на часто встрѣчающееся наименованіе ихъ ὁμογάλακτες (молочные братья) [9]).

Далѣе, въ виду первоначальной тождественности общины и родового союза, Аристотель очень удачно высказалъ положеніе, что строй общины первоначально долженъ былъ быть одинаковъ со строемъ родового союза, и что вся организація общины покоилась сначала на чисто-патріархальныхъ основахъ. Правовыя формы греческаго государства съ самаго начала такъ тѣсно примыкали къ формамъ семьи, что родовой союзъ и въ болѣе позднее историческое время являлся дѣйствующимъ факторомъ политической организаціи, хотя бы и въ видѣ искусственной системы фиктивнаго родства. Если же и въ совсѣмъ позднюю эпоху, когда покоящіяся на родовомъ строѣ организація и дѣленіе народа уже давно были нарушены территоріальнымъ принципомъ, воспоминаніе о первоначальномъ принципѣ общественнаго строя было еще такъ живо, что во многихъ случаяхъ смогло удержаться представленіе объ естественномъ родствѣ между членами сельской общины, то, очевидно, этотъ принципъ долженъ былъ дѣйствительно долгое время служить господствующей нормой всей народной жизни и, стало-быть, основой всего аграрнаго строя.

А разъ родовой союзъ, въ формѣ земледѣльческой общины поселенцевъ (κώμη, δῆμος), являлся первоначальнымъ носителемъ экономической и соціальной организаціи ставшаго осѣдлымъ народа, то очевидно, что его рѣшеніе опредѣляло способъ поселенія и нормы раздѣленія территоріи. Этотъ же родовой союзъ установилъ на прочныхъ основахъ опредѣленные жребіемъ участки (клеры, κλῆροι) своихъ членовъ подъ домъ и пашню, пользованіе выгонами и лѣсомъ, а также подчинилъ своему вліянію и способъ хозяйствованія, поскольку этого требовала общность экономическихъ интересовъ сочленовъ и вытекавшая изъ нихъ общность дѣйствій.

Сомнѣнія возникаютъ, однако, немедленно, если мы поставимъ себѣ дальнѣйшій вопросъ: въ чемъ и въ какой степени сказалась зависимость отдѣльнаго лица отъ этого однороднаго, проникнутаго самымъ горячимъ чувствомъ общности жизненныхъ интересовъ союза въ дѣлѣ организаціи собственности. Придерживалась ли аграрная община старыхъ формъ общинной хозяйственной жизни въ такой степени, что и впослѣдствіи занятыя на общихъ началахъ поля продолжали считаться общей собственностью? Распространялось ли понятіе общей собственности только на лѣсъ, пастбище и пустыри, или также и на обработанную землю? Предоставлялось ли, въ связи съ этимъ, отдѣльному лицу только временное, періодически перестраиваемое право пользованія, изъ котораго право частной собственности развилось лишь постепенно, подъ вліяніемъ все возраставшихъ требованій интенсивности обработки почвы и увеличивавшагося стремленія къ индивидуальной самостоятельности пріобрѣтенія [10])?

Отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, съ полной увѣренностью, какъ это слѣдовало бы сдѣлать согласно широко распространенному взгляду на историческое развитіе хозяйственныхъ формъ, мы не можемъ. Какъ бы ни были многочисленны тѣ черты коммунистическаго строя, которыя можно указать въ аграрномъ правѣ различныхъ народовъ, ихъ все-таки еще недостаточно, чтобы и для временъ полной осѣдлости считать доказаннымъ положеніе, будто «существованіе коллективной земельной собственности можетъ быть разсматриваемо какъ общее для первичныхъ формъ историческаго развитія явленіе» [11]), или—по выраженію другого представителя этого же направленія [12])—что «въ коллективной земельной собственности мы должны видѣть необходимую фазу развитія общества и своего рода универсальный законъ, господствующій въ развитіи формъ земельной собственности». Этотъ «законъ» можетъ считаться доказаннымъ лишь постольку, поскольку при этомъ имѣются въ виду зачатки экономическаго развитія вообще безъ отношенія къ моменту осѣдлости, или если рѣчь идетъ только о части земли. Если же этотъ законъ распостранять и на времена полной осѣдлости и принять безъ дальнѣйшихъ оговорокъ для этой болѣе поздней стадіи развитія распространеніе коллективной собственности и на пахотныя земли, то выводъ окажется покоящимся на слишкомъ поспѣшномъ обобщеніи, благодаря одностороннему примѣненію сравнительнаго метода.

Мы отнюдь не отрицаемъ неоцѣнимыхъ достоинствъ сравнительнаго метода. Способъ, посредствомъ котораго строго индуктивнымъ путемъ стараются освѣтить неизвѣстное состояніе народа путемъ обратныхъ заключеній отъ извѣстныхъ условій жизни странъ съ родственнымъ населеніемъ, стоитъ гораздо выше все еще господствующаго въ наукѣ о древнемъ мірѣ метода дедукціи изъ общихъ, смутныхъ понятій,—понятій, за которыми исчезаетъ въ большей или меньшей степени реальная дѣйствительность. Выше стоитъ сравнительный методъ и того внѣшняго использованія писанныхъ источниковъ, конечнымъ выводомъ котораго является

формула: «quod non est in fontibus, non est in mundo»[13]) (чего нѣтъ въ источникахъ, нѣтъ въ мірѣ). Не придерживаемся мы и того взгляда, что исконность частной земельной собственности у античныхъ народовъ можетъ быть такъ или иначе доказана, и что поэтому всякая попытка обосновать мнѣніе о болѣе позднемъ возникновеніи ея изъ общей экономической и культурной исторіи будетъ излишня. Надо, однако, представить себѣ все разнообразіе явленій, которыя явятся нашимъ матеріаломъ при такой попыткѣ: германскій аграрный коммунизмъ, аграрный строй индійской сельской общины, общинный коммунизмъ восточныхъ славянъ (русскій «міръ»), семейный коммунизмъ южно-славянскихъ дворовъ, племенной коммунизмъ кельто-ирландскихъ клановъ. При этихъ условіяхъ едва ли можно надѣяться изъ массы перечисленныхъ своеобразныхъ соціальныхъ образованій вывести заключеніе объ одной общей всѣмъ индо-германскимъ народамъ послѣ ихъ перехода къ осѣдлости, первичной формѣ организаціи собственности. Такое многообразіе формъ развитія дѣлаетъ допустимыми самыя различныя предположенія для тѣхъ народовъ, у которыхъ, какъ у грековъ, въ такой сильной степени сгладились слѣды первичнаго аграрнаго строя. Сравненіе, съ одной стороны, оставляетъ невыясненнымъ, съ какой именно формы коллективнаго землепользованія эти народы начали—съ родовой или семейной; съ другой стороны, отнюдь не исключается возможность, что съ момента превращенія личныхъ союзовъ родичей въ территоріальныя общины отдѣльные главы семей получили опредѣленные участки пахотной земли въ постоянную, наслѣдственную собственность. Что касается, напримѣръ, германцевъ, у которыхъ мы еще до извѣстной степени можемъ прослѣдить процессъ перехода къ осѣдлости, то, хотя въ извѣстныхъ описаніяхъ Цезаря мы и встрѣчаемъ у нихъ коллективную аграрную собственность, но эти описанія относятся къ состоянію, еще далекому отъ момента прочнаго заселенія страны. Спустя нѣсколько поколѣній, при большемъ развитіи осѣдлости германцевъ, во времена Тацита, мы встрѣчаемся съ условіями, которыя совершенно неоспоримо указываютъ на существованіе опредѣленныхъ и продолжительныхъ правъ на собственность у отдѣльныхъ семействъ[14]). Въ славянскомъ общинномъ коммунизмѣ земельный участокъ каждаго члена общины постоянно измѣняется, соотвѣтственно числу членовъ, путемъ періодически повторяющагося передѣла, въ цѣляхъ сохраненія принципа равнаго для всѣхъ права на хозяйственное существованіе; участокъ умершаго члена возвращается общинѣ, а каждый родившійся мальчикъ увеличиваетъ число участниковъ общины и требуетъ для себя равнаго участія въ недвижимомъ имуществѣ ея. Въ германскомъ нераздѣльномъ владѣніи нѣтъ и слѣда какъ періодическаго измѣненія числа и величины земельныхъ надѣловъ, такъ и унаслѣдованія права на всю пахотную землю всѣми вновь рождающимися членами общины въ равной степени, что только и соотвѣтствовало бы принципу коммунизма[15]). Слѣдовательно, о коммунизмѣ, въ смыслѣ славянскаго аграрнаго строя, тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Должны ли мы представлять себѣ древнѣйшій періодъ національнаго экономическаго развитія эллиновъ по германскому или по славянскому образцу?

Нѣкоторую вѣроятность имѣетъ за себя первое. Къ эллинамъ въ особенности примѣнимо замѣчаніе одного глубокаго современнаго мыслителя и экономиста, высказанное о грекахъ, италійцахъ и германцахъ вообще. «Въ нихъ живетъ удивительное стремленіе, сущность котораго та, что никогда, ни въ какой области жизни ихъ не удовлетворяетъ то, что они имѣютъ. Они умѣютъ защищать то, чѣмъ обладаютъ; но неустанно стремятся они дальше, навстрѣчу неизвѣстному. На всемъ протяженіи ихъ исторіи земля какъ бы не оставляетъ ихъ въ покоѣ, пока

они не овладѣли ею цѣликомъ и не использовали ее. И другіе народы могутъ указать на совершенные ими большіе міровые походы и завоеванія. Но грекамъ, италійцамъ и германцамъ свойственна одна общая черта: они не удовлетворялись тѣмъ, что все племя покорило какую-нибудь страну. Они желали, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ въ пріобрѣтенномъ свою опредѣленную, принадлежащую ему долю. Индивидуумъ, его сила, его собственность было цѣлью всѣхъ. Ни одинъ народъ Востока не зналъ ничего подобнаго» [16]). И гдѣ же стремленіе къ индивидуальной самостоятельности въ дѣлѣ пріобрѣтенія съ самаго начала могло получить болѣе сильный импульсъ, найти большій просторъ для своего осуществленія, какъ не въ безконечно богатомъ разнообразіи природы Греціи!

Однако, какъ ни вѣроятно, что уже древнѣйшая эллинская аграрная община—при наличности подходящихъ условій—допускала для отдѣльныхъ членовъ или главъ семьи извѣстную степень индивидуальной самостоятельности, все же остается открытымъ вопросъ, вездѣ ли существовали эти условія съ самаго начала? Вполнѣ возможно, что тамъ, гдѣ болѣе древнее населеніе еще не занималось земледѣліемъ, гдѣ греческіе поселенцы встрѣчались съ еще дикими силами дѣвственной природы, вышеуказанное стремленіе національнаго характера парализовалось необходимостью общей борьбы съ враждебными некультурными силами, и потому принципъ общиннаго хозяйства могъ выступить ярче, чѣмъ гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ.

Здѣсь, гдѣ силы отдѣльнаго лица имѣли гораздо меньше значенія, не только работы по расчисткѣ лѣса и осушенію болотъ, по искусственному орошенію и осушенію, но, можетъ-быть, также и посѣвъ и жатва могли быть общимъ дѣломъ всей аграрной общины; каждое отдѣльное лицо могло обладать прочной земельной собственностью только въ видѣ жилого дома.

Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ только о вѣроятныхъ предположеніяхъ и о заключеніяхъ, имѣющихъ лишь относительное значеніе, то съ перваго же взгляда кажется сомнительнымъ категорическое заключеніе Моммзена, основанное только на тожествѣ родового союза и общины. Моммзенъ думаетъ, что какъ греческая, такъ и италійская сельская марка, «такъ же, какъ и дворовая марка», повсюду управлялась по строгой системѣ общиннаго хозяйства, основными чертами котораго онъ считаетъ: общность владѣнія, общинную распашку земли и раздѣлъ полученнаго общаго дохода между отдѣльными домами, принадлежавшими данному роду [17]). Для того, чтобы признать за фактъ такой полный коммунизмъ въ дѣлѣ земельнаго владѣнія и трудового дохода, а также и повсемѣстное существованіе этого принципа, мы должны были бы имѣть болѣе прочныя точки опоры, чѣмъ даже тѣ, которыя постарался почерпнуть изъ исторіи римскаго права самъ Моммзенъ, по крайней мѣрѣ, для древне-римской сельской общины.

Между тѣмъ, древнѣйшее греческое право знаетъ, правда, извѣстнаго рода связанность частной земельной собственности, ограничивавшую въ пользу семьи, въ большей или меньшей степени, свободу распоряженія отдѣльнаго лица,—особенно распоряженія наслѣдственнымъ и родовымъ имуществомъ (это явленіе безъ колебаній объясняли какъ пережитокъ первоначальнаго аграрнаго общиннаго коммунизма или какъ остатокъ общиннаго владѣнія родового союза), однако, нигдѣ нѣтъ указаній на то, что источника этой «связанности» слѣдуетъ искать въ нераздѣльной собственности рода. Поскольку мы можемъ установить наслѣдственноправовыя воздѣйствія родства въ греческомъ правѣ, мы видимъ, что эти воздѣйствія вытекаютъ изъ правовыхъ отношеній отдѣльной семьи, а не изъ строя ро-

дового союза. Для того, чтобы имѣть возможность съ требуемой опредѣленностью выводить греческое наслѣдственное право изъ общинно-родового владѣнія, нужно было бы найти, по крайней мѣрѣ, слѣды существовавшаго нѣкогда права наслѣдованія всего рода [18]); для окончательнаго рѣшенія вопроса одного этого было бы, однако, все еще недостаточно. Такъ какъ частная собственность можетъ легко существовать на ряду съ правомъ преемничества семьи или рода, то и это послѣднее не должно непремѣнно вытекать изъ общинно-родовой собственности; оно можетъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть послѣдствіемъ довольно поздняго развитія права [19]).

То же самое слѣдуетъ сказать о правѣ согласія и правѣ выкупа общинниковъ при отчужденіяхъ,—правѣ, слѣды котораго нашлись, какъ думаютъ, въ греческомъ правѣ. Это право также ошибочно приводятъ какъ доказательство существованія когда-то земельнаго коммунизма и коллективнаго владѣнія землею [20]). Существованіе права, дававшаго возможность членамъ общины воспрепятствовать отчужденію или передачѣ земельнаго надѣла въ руки неугоднаго для нихъ чужака, при характерѣ общиннаго союза въ его цѣломъ, можетъ быть достаточно объяснено соображеніями, совсѣмъ независящими отъ аграрнаго строя [21]). Впрочемъ, у насъ и нѣтъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, говорящихъ объ этомъ институтѣ сосѣдскаго права. Мы знаемъ только, что въ Элладѣ существовалъ обычай, при отчужденіи земельныхъ участковъ, приглашать сосѣдей въ качествѣ свидѣтелей или поручителей, которые при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—какъ, напримѣръ, въ Туріяхъ—получали мелкую монету: «для памяти и свидѣтельства», какъ прибавляетъ Θеофрастъ [22]). О сосѣдскомъ правѣ при этомъ совсѣмъ не упоминается, и Лавелей поступаетъ вполнѣ неосновательно, сопоставляя этотъ обычай съ якобы существовавшимъ правомъ вмѣшательства членовъ общины и высказывая предположеніе, что монета должна быть разсматриваема какъ плата за согласіе или какъ признаніе извѣстнаго права совладѣнія. Ясно, что участіе сосѣдей въ данномъ случаѣ искони имѣло только одну цѣль: охранить желательную публичность акта передачи, для усиленія его правового значенія и въ интересахъ участниковъ и лицъ, имѣющихъ право протеста. Да и кому пришло бы въ голову въ учрежденіяхъ колоніальной общины Аѳинъ временъ Перикла искать точки опоры для сужденія о примитивномъ аграрномъ строѣ первобытной эпохи!

Отдѣлъ II.—Семейный коммунизмъ и вопросъ объ общности земли у Гомера.

Съ несравненно большимъ правомъ можно было бы воспользоваться, въ только-что указанномъ смыслѣ, описаніями патріархальной семейной жизни, съ которыми мы встрѣчаемся въ эпосѣ Гомера. Кто изъ читавшихъ «Иліаду» не вспоминаетъ съ удовольствіемъ разсказъ о патріархальномъ домашнемъ бытѣ, господствовавшемъ при дворѣ сѣдовласаго владыки Трои, который почти все свое потомство соединялъ въ одномъ общемъ хозяйствѣ [1]):

...въ немъ (т.-е. прекрасномъ домѣ Пріама) заключалось
вкругъ пятьдесятъ почиваленъ изъ гладко отесанныхъ камней,
близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
всѣ почивали сыны у цвѣтущихъ супругъ ихъ законныхъ;
дщерей его на другой сторонѣ, на дворѣ почивальни
были двѣнадцать подъ кровлей одною, изъ тесанныхъ камней,
близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
всѣ почивали зятья у цвѣтущихъ супругъ ихъ стыдливыхъ [2]).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что при этомъ описаніи поэту представлялись дѣйствительные факты древняго семейнаго права и древнихъ семейныхъ обычаевъ. Главнѣйшія черты этого изображенія согласуются и съ тѣмъ институтомъ, существованіе котораго мы можемъ указать у самыхъ различныхъ народовъ, и который у южныхъ славянъ часто вплоть до новѣйшихъ временъ составлялъ существенный элементъ ихъ аграрнаго строя. Дворъ Пріама несомнѣнно является отображеніемъ такъ называемыхъ домовыхъ общинъ, т.-е. объединеніемъ потомковъ одного родоначальника, кровныхъ родственниковъ до второго и третьяго колѣна, живущихъ подъ однимъ кровомъ, сообща владѣющихъ земельной собственностью и сообща же пользующихся доходомъ отъ общей работы [3]).

Но отдѣльный лучъ свѣта, падающій, благодаря указанному свидѣтельству на соціальный строй древней Греціи, къ сожалѣнію, лишь слегка разсѣиваетъ общій мракъ. Мы даже не знаемъ, представляетъ ли гомеровская картина домоваго коммунизма остатокъ воспоминаній о коммунистической семейной организаціи первобытной эпохи, или она возникла подъ впечатлѣніемъ народныхъ обычаевъ времени самихъ рапсодовъ. Нѣтъ, такимъ образомъ, никакой необходимости разсматривать въ данномъ случаѣ домовый коммунизмъ какъ примитивный институтъ: Правда, онъ могъ возникнуть какъ результатъ того, что уже при первоначальномъ раздѣленіи территоріи надѣлы пашни были подѣлены не между отдѣльчыми лицами, а между семьями, жившими вмѣстѣ въ домовой общинѣ. Однако, рядомъ съ этимъ всегда можно допустить возможность и болѣе поздняго происхожденія: домовая община могла возникнуть и вслѣдствіе того, что при раздѣлѣ земли каждому полноправному участнику была предоставлена извѣстпая хозяйственная единица, извѣстный надѣлъ, какъ его часть въ общемъ полѣ; эти единицы съ самаго начала могли считаться недѣлимыми, и потому, при возрастаніи народонаселенія, въ концѣ концовъ, оказывалось, что на одномъ надѣлѣ хозяйничало вмѣстѣ нѣсколько семей.

Такъ, напримѣръ, въ Спартѣ, вслѣдствіе неотчуждаемости и недѣлимости клера (надѣла), было обычнымъ явленіемъ, что нѣсколько братьевъ, живя въ одномъ домѣ, сообща владѣли семейнымъ достояніемъ [4]). И вообще мы часто встрѣчаемъ домовую общину именно въ странахъ съ болѣе древней культурой [5]), гдѣ, вслѣдствіе густоты населенія, особенно сильно давала себя чувствовать необходимость совмѣстной жизни нѣсколькихъ семей на одномъ надѣлѣ, пока эти семьи не были въ состояніи прибѣгнуть къ натуральпому раздѣлу [6]).

Но если бы даже мы съ полной достовѣрностью знали, что уже древнѣйшая греческая община представляла не союзъ отдѣльныхъ семей, а союзъ коммунистическихъ домовыхъ общинъ,—это принесло бы намъ мало пользы для уясненія общиннаго строя аграрной организаціи общины. Отсюда далеко еще не слѣдовало бы, что характерный для домовой общины семейный коммунизмъ собственности и трудового заработка былъ первоначально господствующимъ принципомъ и аграрной общины, т.-е. вся земельная марка сначала обрабатывалась, какъ общее достояніе, и весь полученный съ нея урожай подлежалъ раздѣлу между отдѣльными семейными группами. Напротивъ, самое существованіе домовой общины внутри сельской общины скорѣе говорило бы за то, что община, въ предѣлахъ всего общиннаго союза, предоставляла вначалѣ извѣстный просторъ отдѣльнымъ хозяйствамъ болѣе мелкихъ хозяйственныхъ единицъ; такія отдѣльныя хозяйства могли даже существовать на ряду съ нераздѣльной собственностью общины, при условіи періодическихъ передѣловъ земель, находившихся въ пользованіи домовыхъ

общинъ. Только въ томъ случаѣ, если бы подтвердился раздѣляемый теперь часто и новѣйшими учеными взглядъ Аристотеля [7]), будто эллинская сельская община (кома, деревня) повсюду развилась изъ отдѣльнаго дома, являясь, въ извѣстной степени, какъ бы колоніей этого дома,—только въ этомъ случаѣ возможно было бы допустить, что коммунистическая аграрная община составляла необходимую переходную фазу соціальнаго развитія эллиновъ [8]).

Само по себѣ такое возникновеніе деревни нельзя было бы считать немыслимымъ. Историкъ славянъ, напримѣръ, изобразилъ намъ такого рода процессъ очень ясно [9]). По его мнѣнію, древній богемецъ строилъ свое жилище посреди ему лично принадлежавшаго участка земли (dědiny). «Его потомки обрабатывали отцовское наслѣдіе, часто нѣсколько поколѣній сряду, сообща и нераздѣльно. Когда домъ не могъ болѣе вмѣстить въ себѣ увеличившагося числа обитателей, поблизости строились другіе дома, и такъ возникали древнѣйшія славянскія деревни страны».—Если бы греческая сельская община имѣла такую же исторію возникновенія, можно было бы, конечно, съ очень большой вѣроятностью сказать, что, пока патріархальное общинное чувство твердо жило въ разросшемся въ цѣлую деревню домѣ, тамъ придерживались и жизненныхъ нормъ домовой общины. Принимая во вниманіе устойчивость аграрныхъ формъ въ эпоху чисто-натуральнаго хозяйства, едва ли было бы ошибочно предположить, что, возникшая на основѣ первоначальной семейной собственности, родовая деревня еще долгое время оставалась не только носительницей земельной собственности, но представляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и замкнутую хозяйственную единицу, которая сообща обрабатывала принадлежавшую всей деревнѣ землю. Видимъ же мы, напримѣръ, у южныхъ славянъ, даже и въ новѣйшее время, когда тенденція къ полному разложенію союза домовыхъ общинъ проявляется весьма сильно, еще часто такую форму раздѣла, при которой хотя и прекращается совмѣстная жизнь подъ однимъ кровомъ, и каждан отдѣльная семья хозяйничаетъ уже въ своемъ собственномъ дворѣ, но земельные участки все-таки продолжаютъ обрабатываться сообща [10]).

Попытка, исходя изъ факта существованія домовой общины, дойти до предполагаемаго коммунистическаго строя сельской общины, къ сожалѣнію, все-таки должна быть признана безплодной. Лежащая въ основѣ такой попытки гипотеза, будто заселеніе страны у грековъ происходило отдѣльными дворами, а не по системѣ деревень, противорѣчитъ результатамъ многочисленныхъ изслѣдованій въ области исторіи той или другой системы; эти изслѣдованія въ достаточной мѣрѣ выяснили, что у индо-германскихъ народовъ далеко преобладающимъ примитивнымъ способомъ разселенія была система деревень; осѣданіе же отдѣльными дворами имѣло мѣсто только тамъ, гдѣ естественныя условія производства затрудняли осѣдлость обществами, или тамъ, гдѣ тому препятствовали особыя склонности племени [11]). Поэтому, съ точки зрѣнія современной политико-экономической науки, слѣдуетъ держаться взгляда Ѳукидида, по которому доминирующей формой хозяйства и жизни въ Греціи съ самаго начала была деревня (I,10: по деревнямъ—согласно древнему обычаю Эллады). Дѣйствительно, для горныхъ сельскихъ кантоновъ на сѣверо-западѣ Греціи, условія жизни которыхъ, какъ думаетъ Ѳукидидъ, наиболѣе точно отразили въ себѣ картину греческой первобытной эпохи,—для Локриды, Этоліи, Акарнаніи,— система деревень опредѣленно засвидѣтельствована какъ обычная форма поселенія [12]).

Правда, на ряду съ институтомъ домовой общины, въ гомеровскомъ эпосѣ думали усмотрѣть еще цѣлый рядъ другихъ фактовъ, болѣе или менѣе, будто бы, указывающихъ на эпоху строгой коммунистической хозяйственной организаціи общины [13]).

Въ этомъ отношеніи прежде всего придавали значеніе извѣстному мѣсту «Иліады» (XII, с. 421), гдѣ борьба грековъ и троянцевъ у укрѣпленій корабельнаго лагеря сравнивается съ упорнымъ споромъ двухъ крестьянъ, ссорящихся изъ-за границы своихъ пашенъ:

какъ два человѣка, сосѣди, за межи раздорятъ,
оба съ саженью въ рукахъ, на смежномъ стоящіе полѣ,
узкимъ пространствомъ дѣлимые, шумно за равенство спорятъ,
такъ и бойцовъ лишь забрала дѣлили.

Полное пониманіе этого описанія казалось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если предполагаемому тутъ аграрному строю приписать, по крайней мѣрѣ, то, что въ системѣ аграрнаго коммунизма среднихъ вѣковъ обозначалось, какъ «общее» или «открытое» поле (Common Field, Open Field) [14]). По этой системѣ первоначально постоянно ограничивались только мѣста жилищъ, т.-е. домъ и дворъ съ садомъ; они подлежали исключительно сферѣ частнаго права, отнюдь не распространявшагося на разбросанные въ чертѣ смѣшанныхъ владѣній сельской территоріи тѣ надѣлы пашни, которые въ извѣстномъ смыслѣ всегда оставались тѣмъ, что Гомеръ въ приведенномъ выше отрывкѣ называетъ ἐπίξυνος, т.-е. ἐπίκοινος ἄρουρα («общее поле»). Пашня и выгонъ подлежали не только общему, находившемуся въ зависимости отъ принудительнаго сѣвооборота, мірскому хозяйству, но также и опредѣленному общему пользованію односельчанъ. Частное пользованіе отдѣльнаго лица участкомъ пашни длилось только въ теченіе періода полевыхъ работъ. Съ окончаніемъ жатвы исчезали размежовки полей, и вступало въ силу право каждаго на общій выгонъ для скота, на пожнивныя и лежащія подъ наромъ поля. Итакъ, передъ нами такая форма аграрной общины, которая сама по себѣ, во всякомъ случаѣ, уже не исключаетъ частной собственности на пахотную землю, но все-таки налагаетъ еще на эту собственность извѣстныя ограниченія въ пользу общества и потому часто разсматривается какъ пережитокъ первоначальной, еще болѣе тѣсной, имущественной общности.

Уже другими было обращено вниманіе на то, что сравненіе вала, оспариваемаго воинами другъ у друга, съ спориой границей поля было бы особенно мѣткимъ, если бы подъ выраженіемъ ἀμφοῖν ὅροισι можно было понимать такія межи, которыя обыкновенно отграничиваютъ другъ отъ друга отдѣльныя части одного и того же полевого участка, состоящаго въ принудительномъ сѣвооборотѣ [15]). Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что въ такомъ случаѣ это сравненіе было бы особенно близко и понятно народу: въ земельной общинѣ, въ моментъ, когда старый коммунальный духъ начинаетъ исчезать, чрезвычайно легко могутъ возникнуть непрестанные пограничные споры и постоянныя нарушенія общественнаго мира: раздробленность земельнаго владѣнія, обусловленная черезполосицей пахотныхъ участковъ, вызываетъ необходимость большого количества межей и потому даетъ богатую пищу стремленіямъ эгоистичныхъ и притязательныхъ сосѣдей увеличивать свои владѣнія постоянными запашками чужой земли [16]). Выраженіе «ἐρίζητον περὶ ἴσης» получило бы при такомъ пониманіи полное смысла значеніе: при такого рода раздѣлѣ ноля особенно опредѣленно выдвигается на первый планъ принципъ равноправія. Чтобы каждому надѣлу, хотя бы приблизительно, предоставить равноцѣнныя доли удобной земли и поставить всѣхъ участниковъ общины въ одинаковыя условія какъ по отношенію къ взаимному положенію поля и усадьбы, такъ и по отношенію къ качеству почвы и внѣшнимъ условіямъ ея естественной плодородности, общее поле дѣлится на большіе участки (ярусы или столбы), а они, въ свою очередь, указанными межами разрѣзаются на полосы пашни р а в-

ной величины, чтобы каждое владѣніе имѣло свою долю въ различныхъ ярусахъ. При этихъ условіяхъ, слѣдовательно, распри сосѣдей сосредоточиваются на спорахъ о равномъ правѣ на общинную пашню «ἐπιξύνῳ ἐν ἀρούρῃ—περὶ ἴσης».

Однакоже, какъ ни прекрасно все укладывается при такого рода толкованіи, послѣднее все-таки не настолько очевидно, чтобы, опираясь на него, мы могли строить дальнѣйшіе выводы. Въ самой «Иліадѣ» есть мѣсто, указывающее на возможность совсѣмъ иного толкованія. Въ XXI пѣснѣ, ст. 403, о сражающейся съ Ареемъ Аѳинѣ, говорится:

> Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
> камень, въ полѣ лежащій, черный, зубристый, огромный,
> въ древніе годы мужами положенный поля межою [17]).

Границей нашни (οὖρος ἀρούρης) здѣсь является уже не межа—пограничный знакъ древней земельной общины, а пограничный камень (terminus), какъ и въ болѣе позднія эпохи греко-римскаго міра; и едва ли позволительно, безъ несомнѣнныхъ основаній, толковать раньше приведенное мѣсто поэмы какъ указаніе на ипую форму обозначенія границы. Даже если бы возможно было доказать, что стихи XII пѣсни принадлежатъ къ болѣе древней части поэмы, чѣмъ мѣсто XXI пѣсни, и этимъ путемъ выиграть извѣстный промежутокъ времени, въ который могъ бы совершиться переходъ отъ земельной общины къ вполнѣ завершенной частной собственности, нельзя было бы, не имѣя другихъ точекъ опоры, безъ колебаній давать первому мѣсту другое объясненіе, чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ второго. Описаніе спора о границѣ и при второмъ толкованіи оказывается вполнѣ подходящимъ, особенно если принять во вниманіе слова: ὀλίγῳ ἐνὶ χώρῳ ἐρίζητον. Всю эту сцену пришлось бы тогда представлять себѣ такъ, что поэтъ рисуетъ намъ картину раздѣла частной собственности, находившейся въ общемъ владѣніи: спорящіе, вышедшіе, съ саженью въ рукахъ, съ противоположныхъ концовъ дѣлимаго участка, сталкиваются другъ съ другомъ—ὀλίγῳ ἐνὶ χώρῳ—на узкомъ пространствѣ и не могутъ придти къ соглашенію относительно мѣста пограничнаго камня, причемъ, конечно, рѣчь можетъ идти только о небольшомъ пространствѣ спорной земли.

Если мы откажемся выводить заключенія о древнемъ аграрномъ строѣ на основаніи способа раздѣла пашни, описаннаго Гомеромъ, мы принуждены будемъ въ поискахъ какого-либо доказательства существованія земельной общины въ эпоху эпической пѣсни обратиться къ другого рода явленіямъ въ области аграрной жизни.

Свидѣтельство въ пользу земельной общины думали найти въ прекрасномъ изображеніи сельской жизни, которое поэтъ даетъ при описаніи щита Ахиллеса. Въ XVIII пѣснѣ «Иліады» (ст. 541) о выковавшемъ щитъ Гефестѣ говорится:

> сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
> рыхлый, три раза вспаханный паръ; на немъ землепашцы
> гонятъ яремныхъ валовъ, и назадъ и впередъ обращаясь.
> И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
> каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
> мужъ подаетъ, и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
> вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразднаго пара.

Указывали на то [18]), что это широкое, лежащее подъ паромъ поле (νειὸς εὐρεῖα) и масса пахарей (πολλοὶ ἀροτῆρες ἐν αὐτῇ) поразительно напоминаютъ тѣ большіе пахотные участки (ярусы) обрабатываемой земельной общиной деревенской земли, на которыхъ, какъ извѣстно, всѣ сельскія работы должны были производиться въ одно и то же время.

Дѣйствительно, при сравненіи гомеровскаго описанія съ аналогичными изображеніями изъ временъ средневѣковой земельной общины получается замѣчательное совпаденіе. Напомню извѣстное англійское стихотвореніе: «Vision of Piers the Plowman» [19]). Въ этомъ стихотвореніи «пахаря Пирса» совершенно такъ же, какъ и у Гомера, говорится о «прекрасномъ полѣ, полномъ народу»; на этомъ полѣ поэтъ видитъ работниковъ «всякаго рода». Одни идутъ за плугомъ, другіе движутся взадъ и впередъ, сѣя и сажая, и т. д. Это—картина земельной общины, принуждавшей всѣхъ участниковъ одного яруса на Common Field'ѣ одновременно начинать вспахиваніе своихъ долей пашни.

Однако, еслибы и гомеровское описаніе такъ же близко подходило къ поземельному общинному владѣнію, какъ и средневѣковое стихотвореніе, дѣйствительно имѣющее въ виду такое общинное владѣніе, развѣ отсюда слѣдовало бы, что античный поэтъ долженъ былъ представлять себѣ дѣло непремѣнно въ такомъ же видѣ? Развѣ онъ не могъ точно также думать о располагавшемъ многочисленными рабочими силами хозяйствѣ крупныхъ помѣщиковъ, пахотныя земли которыхъ, по описаніямъ эпоса, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были очень обширны и хорошо округлены [20])? Стоитъ только сравнить непосредственно слѣдующее за этой сценой описаніе сцены жатвы!

Правда, и тутъ нѣтъ недостатка въ тѣхъ чертахъ, которыя представляетъ картина жатвы на средневѣковомъ ярусѣ. На описанномъ пахаремъ Пирсомъ полѣ работаютъ поселяне, пекаря, пивовары, мясники; повара предлагаютъ имъ «горячіе паштеты», трактирщики вино и жаркое; точно также и на гомеровскомъ жатвенномъ полѣ мы видимъ цѣлый рядъ жнецовъ, сноповязовъ, подбирающихъ колосья мальчиковъ; недалеко, подъ дубомъ, лежитъ заколотый для обѣда работающимъ большой быкъ, и женщины заняты приготовленіемъ мучныхъ блюдъ [21]); по всей вѣроятности, поэтъ упомянулъ бы здѣсь и объ угощеніи виномъ, если бы этимъ мотивомъ онъ не воспользовался уже въ предыдущей сценѣ распашки поля. Развѣ тѣ, которые думаютъ найти у Гомера сельскую общину, поколебались бы хоть минуту усмотрѣть въ сценѣ жатвы нагляднѣйшую картину общиннаго сельскаго хозяйства, если бы поэтъ случайно или, вѣрнѣе, руководимый опредѣленнымъ поэтическимъ мотивомъ [22]), не помѣстилъ среди работающихъ хозяина и тѣмъ самымъ не опредѣлилъ мѣстомъ дѣйствія этой сцены большое помѣстье [23])? Или, можетъ-быть, поэтъ упомянулъ именно здѣсь о хозяинѣ не изъ чисто-поэтическихъ, а изъ какихъ-либо другихъ соображеній, напр., какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы опредѣленно противопоставить помѣщичьей землѣ въ сценѣ жатвы землю поселянъ, какъ мѣсто дѣйствія другой сельской сцены?

Особенное значеніе придаютъ тому, что поле жатвы въ первой сценѣ обозначено какъ τέμενος [24]), а помѣщикъ какъ βασιλεύς. Здѣсь, значитъ, рѣчь можетъ быть только о царѣ и о постоянномъ аттрибутѣ царской власти у Гомера—царскомъ участкѣ, для котораго единственно только и употребляется выраженіе τέμενος.

Далѣе, поэту приписывается намѣреніе изобразить на щитѣ различныя стороны гражданскаго быта, въ рядѣ отдѣльныхъ картинъ, такъ, чтобы отдѣльныя сословія и классы народа были представлены въ извѣстныхъ характерныхъ для нихъ положеніяхъ: правитель на своемъ τέμενος, «народные старѣйшины» (γέροντες),—собравшіеся для суда соединенными въ «кругѣ» для той же цѣли (ст. 503 сл.) и свободные граждане (ст. 497 сл.). Такъ какъ именно обладаніе τέμενος специфически отличало царя отъ геронтовъ, то для характеристики царя поэтъ и избралъ, какъ *наиболѣе подходящую* черту, сцену на царскомъ участкѣ,—сцену, соотвѣтственную другой, изображенной на другой части щита, сценѣ изъ *хозяйственной* жизни деревни.

Я долженъ сознаться, что, если поэтъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе охарактеризовать положеніе царя, противопоставивъ его знати и народу, онъ употребилъ, по моему мнѣнію, очень неудачный пріемъ, выдвинувъ исключительно экономическій моментъ, матеріальную обстановку царской власти,—не говоря уже о томъ, что τέμενος былъ, правда, необходимой, но отнюдь не исключительной принадлежностью царской власти [25]). Но, очевидно, поэтъ вовсе не имѣлъ приписываемаго ему намѣренія. Основную мысль композиціи щита и дѣйствительный принципъ дѣленія его на составныя части дали совсѣмъ не соціальные классы народа, а скорѣе рядъ явленій общественной и экономической жизни, явленій, которыя сами по себѣ не имѣютъ ничего общаго съ дѣленіемъ народа на классы [26]). Такъ во второмъ кругѣ щита, въ двухъ отдѣленіяхъ, изображенъ городъ въ мирное время и городъ во время войны, причемъ послѣднее отдѣленіе заключаетъ въ себѣ три сцены: 1) стѣна съ защитниками, 2) нападеніе на стада, 3) сраженіе обоихъ войскъ. Гдѣ тутъ хотя бы ничтожнѣйшій слѣдъ того, будто поэтомъ особенно подчеркнута — какъ это соотвѣтствовало бы характеру рыцарскаго эпоса — преимущественная роль, отводимая Гомеромъ, именно въ сраженіи, царямъ и знати сравнительно съ народомъ? То же можно сказать и о сценахъ изъ жизни мирнаго города. Въ различныхъ картинахъ передъ нами проходятъ здѣсь эпизоды свободнаго празднества и сцены суда на площади, событія изъ жизни всего народа, въ которыхъ могутъ принимать участіе всѣ классы безъ различія; само собою понятно каждому, что, напримѣръ, при описаніи собранія суда перечислены по порядку всѣ лица, въ немъ участвующія: тяжущіяся стороны, судящіе геронты, глашатаи, «кругъ» свободныхъ лицъ, причемъ отдѣльныя группы характеризованы лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для живого и нагляднаго пониманія происходящаго.

Картина изъ сельской жизни въ третьемъ кругѣ щита совершенно ясно показываетъ, что основной мотивъ поэта не есть изображеніе соціальныхъ типовъ. Кругъ этотъ расчленяется не по соціальнымъ отношеніямъ сельскаго хозяйства, а съ точки зрѣнія хозяйственныхъ работъ, въ зависимости отъ различныхъ временъ года и различнаго рода землепользованія (распашка, жатва, сборъ винограда, выгонъ скота на пастбища). Поле первой сцены противополагается не какъ принадлежащая деревнѣ пашня царскому участку—τέμενος βασιλήιον, — какъ объясняютъ на основаніи, очевидно, невѣрнаго чтенія текста,—но какъ лежащее подъ паромъ поле (νειός) противопоставляется нивѣ, на которой высоко взошелъ посѣвъ (τέμενος βαθυλήιον).

Этотъ эпитетъ (βαθυλήιον) доказываетъ, кромѣ того, что терминъ τέμενος въ данномъ случаѣ употребленъ не исключительно въ смыслѣ царскаго имѣнія, а обозначаетъ вообще поле, участокъ. Упоминаніе же, именно при описаніи жатвеннаго поля, владѣльца, который, въ виду различнаго значенія слова basileus, не долженъ непремѣнно быть царемъ, объясняется чисто-поэтическимъ мотивомъ. Появленіе счастливаго помѣщика, на лицѣ котораго сіяетъ свѣтлая радость отъ удачной жатвы, съ поэтической точки зрѣнія просто необходимая принадлежность картины; и трудно себѣ представить, какъ, вмѣсто такого понятнаго мотива, можно приписывать поэту трезвую, государственно-правовую точку зрѣнія. Или поэтъ долженъ былъ заставить хозяина уже и весной присутствовать при полевыхъ работахъ, рискуя показать его въ непоэтической роли надсмотрщика надъ работами? Заботливыя распоряженія господина могли быть изображены поэтомъ гораздо тоньше. Присутствіе виночерпія, который каждому дошедшему до конца борозды пахарю подаетъ кубокъ вина и тѣмъ подбадриваетъ его къ оживленному соревнованію, ясно говоритъ о томъ, что поэтъ такъ и сдѣлалъ. Самая манера подчеркиванія

поэтомъ психологическаго дѣйствія угощенія виномъ позволяетъ видѣть, что цѣль угощенія и есть это подбадривающее вліяніе вина. Очевидно, оно должно исходить отъ кого-нибудь, кто заинтересованъ въ скоромъ выполненіи полевыхъ работъ; заинтересованнымъ же лицомъ можетъ быть только помѣщикъ, ведущій свое хозяйство при помощи наемныхъ рабочихъ рукъ. Виночерпій на лежащемъ подъ паромъ полѣ находится, такимъ образомъ, тоже на службѣ у помѣщика, какъ и наемные глашатаи и женщины въ сценѣ жатвы, безспорно задуманной въ pendant къ сценѣ обработки поля. Подобныя параллели мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ описанія щита.

Послѣ всего сказаннаго можно было бы въ крайнемъ случаѣ допустить еще одну возможность: поэтъ, пожалуй, имѣлъ въ виду земельно-общинную организацію крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Однако, и это предположеніе въ нашемъ вопросѣ ничего не доказало бы. При такомъ предположеніи источникомъ земельнообщинныхъ отношеній могъ быть, какъ это часто бывало въ средніе вѣка, помѣщичій союзъ, что совершенно исключаетъ обязательность заключенія о примитивной формѣ земельной собственности въ первобытную эпоху.

Въ довершеніе всего, описаніе лежащаго подъ паромъ поля заключаетъ въ себѣ еще одинъ моментъ, значеніе котораго, впрочемъ, до сихъ поръ еще не признано, но который, по моему мнѣнію, долженъ считаться рѣшающимъ для всего вопроса. Паровое поле названо рыхлымъ (μαλακὴ) и «трижды вспаханнымъ» (τρίπολος). Съ одной стороны, значитъ, оно было глубоко взрыто, имѣло глубокій рыхлый слой [27]); съ другой—вспахивали его нѣсколько разъ; описанное въ этой сценѣ вспахиваніе поля можетъ даже быть разсматриваемо какъ четвертая борозда [28]). Такая энергичная обработка парового поля показываетъ, что сельское хозяйство времени Гомера уже перешло къ системѣ полной или, какъ ее обыкновенно называютъ, чистой, черной пашни, къ системѣ, при которой о пользованіи паровымъ полемъ подъ выгонъ болѣе не могло быть и рѣчи. Гдѣ же тутъ мѣсто для «открытаго» поля древней земельной общины и для общаго пастбища односельчанъ?

Въ дѣйствительности, пахотное и луговое хозяйство являются у Гомера рѣзко разграниченными. Послѣднее для него начинается тамъ, гдѣ кончается распашка (ἀγροῦ ἐπ'ἔσχατίης) [29]). Это уже такая же развитая форма хозяйства, какую мы встрѣчаемъ и въ гораздо болѣе позднюю эпоху, напримѣръ, въ идилліяхъ Θеокрита, описанія котораго въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ съ описаніями Гомера [30]).

Но даже если бы во времена эпической пѣсни—что очень возможно и даже вѣроятно [31])—на ряду съ описанной выше болѣе поздней системой хозяйства, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ удержалась древняя земельная община съ принудительнымъ сѣвооборотомъ и общимъ выгономъ, слѣды которыхъ могли бы быть указаны въ нашемъ преданіи, много ли бы отъ этого получили мы для выясненія по существу соціальнаго вопроса о характерѣ аграрной организаціи собственности? Мы этимъ установили бы только существованіе такой формы земельной общины, которую очень легко согласовать съ частной собственностью на пахотныя земли [32]), даже при предположеніи, что «κλῆρος» (надѣлъ) отдѣльнаго лица при существованіи этой земельной общины, какъ думали, обозначалъ только полученный по жребію надѣлъ въ сельской маркѣ. Многочисленные примѣры новѣйшей экономической исторіи показали, что перемѣна участковъ нисколько не препятствуетъ частной собственности, что, несмотря на совершенно свободную собственность, пашни все-таки могутъ изъ года въ годъ, или періодически, получать другое, опредѣляемое жребіемъ, положеніе въ ярусѣ [33]). Существованіе же настоящей, въ собственномъ смыслѣ, земельной общины, покоящейся на принципѣ общей собственности, требовало бы, слѣдовательно, еще особаго доказательства.

Правда, въ гомеровскихъ поэмахъ пытались найти слѣды, указывающіе и на эту систему, слѣды такой правовой организаціи, въ которой господствовалъ принципъ строжайшей земельной общины, и которой еще была не извѣстна частная земельная собственность. Несомнѣнно, однако, что всѣ тексты, которыми старались подкрѣпить указанное предположеніе, также какъ и только-что разобранные, допускаютъ возможность самыхъ различныхъ толкованій и уже по одному этому не могутъ доказать того, что ими хотятъ доказать.

Здѣсь поэтому достаточно будетъ разобрать только самыя главныя изъ этихъ мнимыхъ свидѣтельствъ; остальное читатель найдетъ въ подробномъ изслѣдованіи, гдѣ нами разобранъ весь вопросъ о земельной общинѣ у Гомера [34]).

Въ XV пѣснѣ (ст. 495) «Иліады» Гекторъ уговариваетъ своихъ соратниковъ держаться съ безстрашной стойкостью и указываетъ имъ при этомъ, что ихъ жены, дѣти, домъ и имущество (κλῆρος) останутся неприкосновенны, если ахейцы уйдутъ. Въ этихъ словахъ усматривали о б ѣ щ а н і е оставить вдовамъ и сиротамъ павшихъ воиновъ надѣлъ въ общей маркѣ въ томъ объемѣ, которымъ ранѣе владѣли отцы; κλῆρος долженъ въ этомъ случаѣ обозначать, какъ это принимаетъ, напримѣръ, Ridgeway, пользованіе участкомъ общаго поля; это пользованіе стояло въ зависимости отъ наличности работоспособныхъ членовъ семьи и потому, при извѣстныхъ условіяхъ, прекращалось послѣ смерти главы семьи [35]). Едва ли нужно настаивать на томъ, что такая интерпретація могла бы имѣть за собой нѣкоторое основаніе только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительное существованіе земельной общины во времена «Иліады» было уже чѣмъ-либо доказано.

Точно также отпадаетъ и указаніе на жалобу Андромахи [36]) о горестной судьбѣ ея осиротѣвшаго сына, у котораго «другіе отнимутъ поля». Это отнятіе полей совершенно неосновательно истолковываютъ не какъ актъ насилія,—что напрашивается само собою,—а какъ «примѣненіе примитивнаго обычая», согласно которому земельная собственность умершаго, оставившаго послѣ себя только несовершеннолѣтнихъ, должна снова переходить къ общинѣ.

Такое же произвольное, искусственное толкованіе пытались примѣнить и къ прекрасному мѣсту «Одиссеи», описывающему сельскій дворъ престарѣлаго Лаэрта, собственноручно, вдали отъ города, воздѣлывающаго свою землю. Предполагается, что этотъ дворъ возникъ внѣ границъ общей марки путемъ занятія пустоши; существованіе его должно, согласно указанному толкованію, служить доказательствомъ того, что тогда еще (какъ въ средніе вѣка въ Германіи, когда земля еще не была вся обработана) въ общинномъ владѣніи повсюду находились большіе участки невоздѣланной, но годной къ обработкѣ земли, личное право на которые могъ получить каждый сочленъ марки, разъ онъ брался выкорчевать и обработать новину. Только такую возможность возникновенія частной земельной собственности готовъ допустить Эсмейнъ для временъ гомеровскаго эпоса [37]), на ряду съ дареніями изъ общиннаго имущества, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Въ сельскомъ дворѣ Лаэрта «законное основаніе пріобрѣтенія» заключается единственно только въ личномъ трудѣ; такое же «законное начало», въ эпоху строжайшей земельной общины, имѣло силу по отношенію къ дому, который каждый человѣкъ строилъ себѣ собственными руками.

Изъ чего же все это слѣдуетъ? Исключительно только изъ выраженія поэта, что дворъ Лаэрта лежалъ «далеко», и что престарѣлый Лаэртъ «пріобрѣлъ его самъ, преодолѣвъ многія трудности». Но развѣ «трудности», о которыхъ поэтъ упоминаетъ въ данномъ случаѣ, пользуясь свойственнымъ ему стереотипнымъ оборотомъ рѣчи, не могутъ быть «тяжелыми трудами войны», какъ старый, свободный отъ предразсудковъ Фоссъ перевелъ это выраженіе совсѣмъ въ духѣ пѣсни? Что

же касается «отдаленности» двора, то развѣ она не достаточно мотивирована и даже прямо-таки вызвана всей ситуаціей [38])?

Такъ же мало, какъ и дворъ Лаэрта, можетъ служить доказательствомъ въ вопросѣ о земельной общинѣ «расположенное далеко на границѣ поля» древесное насажденіе, въ которомъ, согласно XVIII пѣснѣ, ст. 358 «Одиссеи», одинъ изъ жениховъ съ насмѣшкой предлагаетъ работать переодѣтому нищимъ Одиссею. И здѣсь предполагаютъ также новую распашку въ альмендѣ и усматриваютъ въ ней симптомъ стремленія, на ряду съ переданными только въ періодическое пользованіе участками на воздѣланной полевой маркѣ, пріобрѣсть въ полную собственность участки общинныхъ земель, выкорчеванныхъ и культивированныхъ при помощи зависимыхъ рабочихъ силъ.

Мы согласны, что такимъ путемъ въ раннюю эпоху какъ греческаго, такъ и германскаго средневѣковья, на общественной землѣ могла возникнуть въ значительномъ количествѣ частная собственность [39]). Но развѣ право свободнаго корчеванія въ пустоши что-нибудь говоритъ въ пользу организаціи собственности въ предѣлахъ *обработанной* полевой марки? Это право въ Германіи, при госиодствѣ опиравшагося съ самаго начала на принципъ индивидуальной собственности строя личнаго надѣла, находило себѣ примѣненіе вплоть до поздней эпохи среднихъ вѣковъ. Можно даже сказать, что въ болѣе широкомъ объемѣ и съ *бо́льшимъ экономическимъ успѣхомъ этимъ правомъ воспользовались только тогда*, когда, подъ вліяніемъ развившейся частной собственности, возросло количество землевладѣльцевъ, выдвинувшихся благодаря экономическому перевѣсу изъ массы рядовыхъ свободныхъ членовъ общества и имѣвшихъ поэтому возможность приступить къ обработкѣ земли съ большей энергіей, съ лучшими и болѣе обильными рабочими средствами [40]).

Едва ли даже съ предвзятой точки зрѣнія можно отрицать существованіе крупнаго частнаго землевладѣнія уже въ мірѣ эпоса. Напримѣръ, въ VI пѣснѣ «Иліады» (ст. 194) ликійцы передаютъ Беллерофонту отборные участки пахотной земли и древесныхъ насажденій, очевидно, въ полную собственность. Въ XX пѣснѣ, ст. 184, Ахиллъ спрашиваетъ Энея, не обѣщали ли ему троянцы такого участка земли, если онъ его убьетъ? Въ IX пѣснѣ, ст. 575, этолійскіе жрецы и старѣйшины обѣщаютъ Мелеагру за его помощь обширное имѣніе въ 50 морговъ, наполовину виноградникъ, наполовину пашня, на плодороднѣйшемъ полѣ.

Правда, какъ-разъ въ приведенныхъ мѣстахъ усматриваютъ аргументъ въ пользу преобладанія общиннаго земельнаго владѣнія. Общинная земля переходитъ въ данномъ случаѣ путемъ даренія во владѣніе отдѣльныхъ лицъ; при этомъ подаренные участки, по крайней мѣрѣ, въ первомъ и второмъ изъ указанныхъ мѣстъ, обозначаются, какъ ἔξοχον ἄλλων, что именно и должно указывать на выдѣленіе этихъ участковъ изъ входящей въ составъ общинной земли территоріи [41]).

Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и здѣсь тотчасъ же обнаруживается призрачность всего толкованія. Вѣдь передачу собственности производитъ не аграрная община, а всегда весь народъ, община государственная. Какимъ же образомъ эти даренія могутъ служить доказательствами въ вопросѣ о земельной общинѣ?

А что касается до ἔξοχον ἄλλων, то, по-моему, оно должно обозначать не что иное, какъ τέμενος περικαλλές (превосходный участокъ), какъ и обозначается совершенно опредѣленно подаренный участокъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ мѣстъ «Иліады».

Вотъ матеріалъ, на основаніи котораго утверждаютъ, что въ мірѣ эпоса при преобладающемъ господствѣ земельнаго общиннаго владѣнія существовали только

двѣ возможности пріобрѣтенія частной земельной собственности: корчеваніе и распашка новины, съ одной стороны, и дареніе за особыя заслуги передъ общиной—съ другой.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ внутренней вѣроятностью только-что приведеннаго взгляда. Противъ него говоритъ уже весь соціальный строй гомеровскаго міра, многочисленная рыцарская знать, существованіе которой не находитъ себѣ объясненія, если не признать существованія развитой частной земельной собственности и ея продолжительнаго воздѣйствія на сложеніе соціальныхъ классовъ.

Вліяніе ея было такъ интенсивно, что, по крайней мѣрѣ, въ «Одиссеѣ», обозначеніе богача и бѣдняка (πολύκληρος—ἄκληρος) заимствовано изъ терминологіи земельной собственности. Въ той же «Одиссеѣ» индивидуалистическое развитіе права собственности дошло уже до свободнаго раздѣла земли [42]), даже до права наслѣдованія ея женщинами [43]). Всѣ эти факты безусловно заставляютъ предположить весьма продолжительный процессъ развитія собственности.

Правда, Моммзенъ думалъ, что хлѣбопашество у грековъ должно было производиться на основаніи системы общиннаго землевладѣнія, въ силу того, что въ Греціи, какъ и въ Италіи, исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всякаго частнаго имущества было обладаніе не землей, а скотомъ [44]). Въ виду важнаго значенія скота, какъ средства обмѣна въ гомеровскомъ мірѣ, Лавеле также высказалъ положеніе, что еще во времена эпоса земля, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, должна была состоять въ общемъ владѣніи. Иначе, если бы большая часть страны не была отведена подъ общее пастбище, на которое каждый имѣлъ право выгонять свои стада, и скотъ не могъ бы служить средствомъ обмѣна [45]).

Однако, эти заключенія, основательныя, поскольку они касаются только *начала* національной экономической жизни [46]), страдаютъ той ошибкой, что лежащія въ ихъ основаніи представленія о преобладаніи скотоводства въ народномъ хозяйствѣ *гомеровской* эпохи, безъ сомнѣнія, сильно преувеличены. Лавеле упускаетъ изъ виду, что скотъ у Гомера, съ одной стороны, является часто не средствомъ обмѣна, а только мѣриломъ для опредѣленія цѣны, и что, съ другой стороны, на ряду со скотомъ, употребленіе металловъ—золота, мѣди, желѣза—какъ средствъ обмѣна, получило уже полное право гражданства. Въ колонизованной греками Малой Азіи такое употребленіе металловъ должно было быть тѣмъ болѣе древнимъ и общераспространеннымъ, что именно въ Передней Азіи, уже съ древнѣйшихъ временъ, металламъ давали формы, удобныя для потребностей обращенія; послѣдній, рѣшительный шагъ, превратившій взвѣшенный металлъ въ деньги,—чеканка монеты,—былъ также изобрѣтеніемъ колоніальной Греціи или лежащей за нею Лидіи [47]).

Въ древнѣйшіе центры, въ которыхъ протекаетъ дѣйствіе эпической пѣсни, чеканка монеты нашла себѣ доступъ, если не въ VIII, то уже навѣрное въ началѣ VII вѣка [48]), послѣ, безъ сомнѣнія, цѣлыхъ столѣтій предшествовавшаго подготовительнаго развитія. Цвѣтущая малоазійская и островная Іонія уже въ IX и даже въ X вѣкѣ не могла, конечно, стоять на той примитивной ступени обмѣна, которую предполагаетъ Лавеле.

Кромѣ того, при историческихъ заключеніяхъ изъ бытовыхъ формъ, въ которыхъ вращаются эпическіе герои, не нужно никогда забывать, что часто эпическій стиль условно удерживалъ старинныя черты жизни и обычаевъ, которые во времена пѣвцовъ имѣли уже или очень малое реальное значеніе, или даже и вовсе его не имѣли.

Только потому, что не всегда придаютъ должное значеніе условному моменту

въ эпическомъ изображеніи, часто представляютъ себѣ экономическія состоянія той эпохи менѣе развитыми, чѣмъ они были въ дѣйствительности [49]). Сознательно или безсознательно передъ толкователемъ проносится картина примитивной экономической жизни, основанной преимущественно на скотоводствѣ, и затуманенный взоръ вычитываетъ изъ поэмы въ этомъ смыслѣ гораздо больше того, что она и безъ того даетъ въ пользу приведеннаго взгляда.

Такъ, напримѣръ, чтобы доказать, что въ эпосѣ, при перечисленіи богатствъ знатныхъ людей, почти всегда важнѣйшую часть этихъ богатствъ составляютъ стада, приводятъ XIV пѣснь «Иліады» (ст. 124), гдѣ «въ имуществѣ Тидея на первомъ мѣстѣ якобы стоятъ стада» [50]). Мѣсто гласитъ: онъ жилъ

дому владыка,
благами жизни богатый, довольно имѣлъ онъ обширныхъ
нивъ хлѣбородныхъ, множество разныхъ садовъ плодоносныхъ,
множество стадъ онъ имѣлъ.

Оказывается, что на «первомъ мѣстѣ» стоитъ дорогое движимое имущество въ домѣ, затѣмъ пашни и, наконецъ, стада, изъ чего мы, съ своей стороны, все-таки не могли бы сдѣлать вывода о меньшей цѣнности послѣднихъ сравнительно съ другимъ имуществомъ, такъ какъ порядокъ при такого рода перечисленіяхъ можетъ быть обусловленъ чисто формальными, преимущественно метрическими соображеніями. Не менѣе неосновательна и ссылка на «Одиссею» (II, ст. 75), гдѣ поэтъ, будто бы, «непосредственно сопоставляетъ овецъ и драгоцѣнности» [51]). Какъ извѣстно, Телемахъ объясняетъ тутъ передъ народомъ, что для него было бы выгоднѣе, если бы его имѣнія и стада (κειμήλιά τε πρόβασίν τε) уничтожалъ бы народъ, а не женихи, потому что у него осталась бы тогда надежда на возмѣщеніе утраченнаго. «Мое недвижимое имущество и то, что пасется», удачно переводитъ старый Фоссъ, точно, безъ предвзятаго мнѣнія, передававшій смыслъ мѣста. Совершенно неудаченъ и аргументъ, заимствованный изъ «Одиссеи» (XIV, ст. 100) [52]), гдѣ Евменъ, желая дать представленіе о богатствѣ Одиссея, перечисляетъ исключительно стада. Развѣ, съ точки зрѣнія пастуха, это не было вполнѣ естественно? Жалоба же Телемаха на утрату плодородныхъ полей, отнятыхъ женихами, свидѣтельствуетъ ясно, что господинъ его думалъ иначе, IV, 318.

Да и кто же бы, вообще, рѣшился, на основаніи такихъ индивидуально обусловленныхъ показаній, безъ оговорокъ заключить объ общемъ характерѣ экономической жизни эпохи, обнимающей нѣсколько вѣковъ и охватывающей разнообразныя хозяйственныя области? Развѣ на высокомъ, скалистомъ островѣ Итакѣ могло быть такое же соотношеніе между хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, какъ и на широкихъ равнинахъ Эоліи и Іоніи, съ ихъ тучной, плодоносной почвой? Обычная точка зрѣнія совершенно не понимаетъ особенностей поэмы, въ которой проявляется необыкновенно тонкое чувство, въ смыслѣ различенія природныхъ условій, обусловливающихъ мѣсто, занимаемое отраслями хозяйства! Эпосъ, вообще заключающій въ себѣ массу хозяйственно-географическихъ характеристикъ, описываетъ хозяйственную жизнь Итаки въ существенныхъ чертахъ такъ, какъ это соотвѣтствовало предполагаемой природѣ страны. По мнѣнію такого выдающагося географа, какъ Партчъ [53]), характеръ природы острова переданъ въ «Одиссеѣ» всюду замѣчательно мѣтко, съ тонкимъ взвѣшиваніемъ преимуществъ и темныхъ сторонъ, и въ этой свѣжей, истинно-локальной окраскѣ заключается главная прелесть героической поэмы [54]). То же, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, можно сказать и относительно обрисовки культурныхъ и экономически-географическихъ условій. Напомню только чрезвычайно наглядное противо-

поставленіе сравнительно ограниченнаго, скупо надѣленнаго дарами природы хозяйства на островѣ Итакѣ и богатой сельской культуры въ благословенныхъ, плодородныхъ равнинахъ Лакедемона [55])! Слѣдовательно, если въ «Одиссеѣ»—поскольку мѣстомъ ея дѣйствія является Итака—скотоводство и выступаетъ особенно сильно на первый планъ, то тутъ дѣло идетъ объ обусловленномъ мѣстностью явленіи [56]), которое не проливаетъ свѣта на состояніе греческаго міра вообще.

Впрочемъ, именно гомеровская Итака показываетъ ясно, насколько мало «примитивнымъ» мы должны представлять себѣ народно-хозяйственный фонъ «Одиссеи». Описаніе—конечно, нѣсколько вздутое,—богатства виномъ и пшеницей острова [57]), характеристика наслѣдства Телемаха [58])—все это показываетъ, что уже и тогда населеніе острова усердно занималось хлѣбопашествомъ и культурой виноградниковъ [59]). Уже во времена эпической пѣсни, такимъ образомъ, въ общей картинѣ природы Итаки не малую роль играли тщательно содержимыя террасы, засаженныя виноградниками, и заботливо воздѣланныя нивы на равнинахъ [60]), которыя и въ наши дни радуютъ взоры посѣтителей. Можно сказать даже, что и л у г о в о е хозяйство въ томъ видѣ, какъ его описываетъ поэма, даетъ неоспоримыя указанія на высокій уровень экономическаго развитія. Правда, оно свидѣтельствуетъ о существованіи обширныхъ лѣсовъ на высотахъ, обезпечивавшихъ богатый запасъ желудей для откармливанія свиней, но большіе участки пастбищъ отведены также уже и козамъ. Островъ называется даже страной, богатой пастбищами для козъ [61]); это позволяетъ заключить, что, съ одной стороны, на склонахъ горъ уже начались порубки лѣса, и что, съ другой, разведеніе садовъ въ низинахъ уже сдѣлало значительные успѣхи. Коза, въ противоположность быку, для котораго нужны тучныя пастбища и вообще болѣе широкія пространства [62]), довольствуется дикимъ кустарникомъ, растущимъ на знойныхъ, скалистыхъ склонахъ; поэтому на югѣ, въ гористыхъ мѣстностяхъ съ садовой культурой, коза является домашнимъ животнымъ по преимуществу [63]). Только при такихъ условіяхъ она находитъ свое настоящее мѣсто и полезное примѣненіе. То же нужно сказать и относительно муловъ, разведеніе которыхъ, также вслѣдствіе ихъ нетребовательности, тѣсно было связано съ распространеніемъ культуры деревьевъ. Примѣненіе мула въ качествѣ рабочаго животнаго, при обработкѣ полей и перевозкѣ тяжестей, оказывается уже общераспространеннымъ въ мірѣ «Иліады», а въ «Одиссеѣ» (IV пѣснь, ст. 637) оно засвидѣтельствовано именно для Итаки.

Взглядъ, въ силу котораго еще въ эпоху возникновенія эпоса въ Греціи предполагается повсемѣстное преобладаніе скотоводства и альменднаго владѣнія, стоитъ въ противорѣчіи и съ тѣмъ фактомъ, что эллинскій государственный міръ, въ томъ видѣ, въ какомъ его предполагаютъ поэмы Гомера, возникъ на гораздо болѣе культурной почвѣ, чѣмъ древне-германскій [64]). Родина эллиновъ уже въ очень древнее время была густо заселена и, соотвѣтственно съ этимъ, стояла на довольно высокой стадіи культуры; объ этомъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки этой культуры и масса переселенцевъ, распространившихъ греческую народность по островамъ Эгейскаго моря и берегамъ Малой Азіи. Колоніальная же Греція, въ свою очередь, колыбель эпической пѣсни, выросла опять-таки на издревле культурной почвѣ. Зачастую, слѣдовательно, племена, образовавшія государство исторической Греціи, встрѣчали мѣстную культуру уже въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи. Съ другой стороны, несомнѣнно и они продолжали очень энергично культурное дѣло своихъ предшественниковъ. Раздробленіе на массу мелкихъ племенныхъ общинъ, ограниченность территоріи которыхъ заставляла жителей извлекать изъ нея возможно большую

пользу, необыкновенно благопріятствовало быстрому развитію культуры въ странѣ. Колонизаторская сила, вызванная раздѣленіемъ національной земли между множествомъ мелкихъ культурныхъ центровъ, дѣйствительно проявлялась настолько мощно, что уже очень скоро сильно возросшему населенію стало на родинѣ слишкомъ тѣсно. Какую колоссальную массу лишней народной силы долженъ былъ выслать изъ своего лона греческій міръ, уже начиная съ VIII вѣка, чтобы покрыть греческими поселеніями берега Средиземнаго моря!

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно знаменателенъ тотъ фактъ, что въ «Кипріяхъ», поэмѣ VII вѣка, современной болѣе позднимъ частямъ «Одиссеи», упомянутый въ «Иліадѣ» βουλή (замыселъ) Зевса мотивированъ политическимъ соображеніемъ, касающимся роста народонаселенія, намѣреніемъ божества освободить землю отъ тяжести избытка населенія!

На самомъ дѣлѣ, культура страны въ Элладѣ, согласно общенародному воззрѣнію, была настолько давней, что труднѣйшія культурныя работы могли быть приписаны миѳическимъ героямъ, и что во многихъ мѣстностяхъ идея самобытности земледѣлія подразумѣвалась сама собой и тѣснѣйшимъ образомъ переплеталась съ древнѣйшими миѳическими преданіями [65]). Уже въ «Иліадѣ» земля называется многопитающей, и этому взгляду на землю соотвѣтствуетъ интенсивность ея обработки, о которой свидѣтельствуютъ описанія на всемъ протяженіи эпопеи. Эта интенсивность сказывается не только въ томъ, что въ земледѣліи, ради сохраненія и увеличенія плодородія почвы, обращается вниманіе на тщательное удобреніе и вспахиваніе лежащаго подъ паромъ поля [66]), но также и въ томъ, что въ дѣлѣ использованія земли дошли уже и до развитой садовой культуры. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ, которое само по себѣ уже служитъ критеріемъ высокой древности культуры, дошло уже, какъ это изображено въ «Иліадѣ», рядомъ съ культурой фруктовыхъ деревьевъ и винограда, до культуры маслинъ [67]). Распашка земли и разсадка деревьевъ являются уже настолько сопутствующими другъ другу отраслями культуры, что, напримѣръ, въ числѣ признаковъ, свидѣтельствующихъ о варварскомъ, первобытномъ состояніи циклоповъ, одинаково подчеркивается какъ незнакомство ихъ съ культурой деревьевъ, такъ и незнакомство съ хлѣбопашествомъ [68]). Для характеристики чувства хозяйственнаго превосходства, наполняющаго культурнаго человѣка, очутившагося въ этой природной дикости, чрезвычайно знаменательно сожалѣніе Одиссея о томъ, что остается неиспользованной такая удобная для плуга и насажденій почва, и увѣренное замѣчаніе его, что страна циклоповъ, если бы ее можно было связать съ городами людей корабельными рейсами, скоро превратилась бы въ прекрасно воздѣланную, культурную мѣстность [69]). Такъ думать и чувствовать могло только время, когда внутренняя сельско-хозяйственная разработка страны, въ существенныхъ чертахъ, была закончена, и ея внѣшняя физіономія получила вполнѣ опредѣленный отпечатокъ: невоздѣланныя пространства и лѣсъ далеко уже отодвинуты и вытѣснены были заботливо содержимыми фруктовыми садами и пашнями [70]).

Изъ всего этого въ достаточной мѣрѣ выясняется, въ какомъ широкомъ объемѣ, уже въ эпоху возникновенія эпоса, частная недвижимая собственность должна быть выдѣляема изъ находившихся въ общемъ пользованіи земель. Всеобщее распространеніе благородныхъ, въ высокой степени зависящихъ отъ доброкачественности личной работы, культуръ—винограда и разведенія деревьевъ—служитъ неоспоримымъ симптомомъ очень древняго развитія частной земельной собственности, при отсутствіи которой развитіе этихъ «индивидуальныхъ» культуръ не можетъ преуспѣвать. Хлѣбопашество, очевидно, также всецѣло переросло

земельнообщинныя формы. Притязанія возраставшаго населенія слишкомъ громко требовали интенсивной обработки земли, продуктивности труда; стремленіе къ личному заработку и самостоятельной иниціативѣ были слишкомъ развиты, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ болѣе прогрессивныхъ мѣстностяхъ, организація земледѣлія на основахъ общиннаго владѣнія могла удовлетворять потребностямъ времени. И дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, по воззрѣніямъ «Одиссеи», раздѣлъ пашенъ въ личную собственность относится къ числу первыхъ актовъ человѣческаго поселенія [71]).

Послѣ всего вышесказаннаго, мы, такимъ образомъ, не можемъ доказать, при помощи свидѣтельствъ эпоса, существованія на ряду съ семейнымъ коммунизмомъ другой формы аграрнаго коммунизма; намъ приходится поэтому задать себѣ вопросъ: не сохранились ли слѣды такого коммунизма гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

Отдѣлъ III.—Коммунистическое государство на Липарѣ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ фактовъ, указывающихъ, какъ думаютъ, на относительно долгое существованіе земельной общины въ эллинскомъ мірѣ [1]) несомнѣнно является знаменитый общественный строй на колонизованныхъ греками Липарскихъ островахъ. Въ 580 году, разсказываетъ Діодоръ Сицилійскій, въ Сицилію пришли выходцы съ Книдоса и Родоса, занявшіе потомъ Липарскіе острова. Чтобы противостоять натиску этрусковъ, пришельцы построили флотъ и всю свою общину организовали на военную ногу, положивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ея основаніе строго коммунистическія начала.

Территорія острововъ осталась въ нераздѣльномъ владѣніи, и въ то время, какъ на одной части населенія лежала постоянная обязанность вести борьбу съ враждебными пиратами, другая занималась обработкой земли, продукты съ которой потреблялись всѣми гражданами на общественныхъ обѣдахъ [2]). Такая система полнаго аграрнаго коммунизма, какъ говоритъ Діодоръ, продержалась довольно долго. Затѣмъ главный островъ, Липара, былъ разбитъ на надѣльные участки, а остальные острова, очевидно, преимущественно служившіе пастбищами [3]), продолжали обрабатываться сообща. Наконецъ, была подвергнута раздѣлу и вся островная территорія, но передана населенію не въ полную собственность, а съ установленіемъ передѣла черезъ каждыя 20 лѣтъ [4]).

Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ правильности этого разсказа или ставить его на одну доску съ описаніемъ коммунистическаго государства легендарнаго острова Панхайи, составленнымъ Діодоромъ, въ той же книгѣ (V, 45), по ἱερὰ ἀναγραφὴ Евгемера. Свѣдѣнія свои о Липарѣ—можетъ-быть, косвеннымъ путемъ черезъ посредство Тимея [5])—Діодоръ, несомнѣнно, почерпнулъ у Антіоха Сиракузскаго, говорившаго въ своемъ большомъ историческомъ трудѣ о Сициліи и о жителяхъ Липарскихъ острововъ. Діодоровское описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ живому интересу Антіоха Сиракузскаго къ исторіи культуры и учрежденій и заслуживаетъ полнаго довѣрія уже потому, что Антіохъ серьезно стремился передавать по возможности одно только достовѣрное [6]). Съ другой стороны, описанный имъ общественный строй, по крайней мѣрѣ, въ болѣе поздней стадіи его развитія, Антіохъ могъ наблюдать какъ очевидецъ или же могъ ознакомиться съ нимъ путемъ личныхъ разспросовъ. Нѣтъ основанія также предполагать, чтобы Діодоръ въ

своемъ разсказѣ исказилъ въ существенныхъ чертахъ первоначальный разсказъ и дѣйствительную картину описываемаго имъ строя.

Его описаніе безспорно отражаетъ подлинныя черты примитивной аграрной организаціи и не содержитъ ни одного момента, который не подкрѣплялся бы многими данными изъ исторіи земельной общины [7]).

Но, признавая существованіе липарской земельной общины за историческій фактъ, намъ приходится все-таки опирающіеся на этотъ фактъ выводы считать идущими во многихъ отношеніяхъ слишкомъ далеко. Предположеніе, будто коммунизмъ липарцевъ коренился уже въ соціальномъ состояніи ихъ первоначальной родины и даже, пожалуй, является отзвукомъ кочевой эпохи дорическихъ племенъ, ничѣмъ не подтверждается [8]). Противъ него говоритъ уже то обстоятельство, что Липара была одной изъ самыхъ позднихъ сицилійскихъ колоній. Въ то время, когда ея основатели вышли изъ Книдоса и Родоса, эти общины имѣли уже за собой многовѣковую исторію. Промышленный и торговый расцвѣтъ малоазійскихъ городовъ; экономическій подъемъ основанныхъ на древней семитской культурной почвѣ общинъ Родоса, «получившаго отъ Зевса безконечную полноту богатства», какъ говоритъ о немъ гомеровскій списокъ кораблей («Иліада» II, ст. 670), относящійся къ VII вѣку, расцвѣтъ, двинутый впередъ колонизаціей и организаціей въ VII в. сношеній съ Египтомъ; аристократическій строй, съ которымъ эти общины выступаютъ на историческую сцену,—все это заставляетъ признать въ нихъ развитіе формъ собственности, далеко опередившее ту стадію, которая позволяла бы предположить тамъ въ VI вѣкѣ существованіе земельной общины.

На самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой необходимости представлять себѣ формы соціальнаго быта липарцевъ тѣсно примыкающими къ формамъ быта ихъ метрополіи. Онѣ находятъ себѣ достаточное объясненіе въ особенностяхъ положенія островитянъ.

Живя на одномъ изъ наиболѣе открытыхъ всякимъ опасностямъ форпостовъ эллинскаго міра [9]), посреди безпокойнаго моря, находившагося въ рукахъ исконныхъ враговъ эллиновъ—этрусковъ и пуническихъ семитовъ, постоянно подъ угрозой катастрофъ—въ родѣ той, напримѣръ, которую испытала въ средніе вѣка отъ руки африканскихъ пиратовъ даже отдаленная Исландія, — населеніе Липары должно было все свое существованіе приспособить для борьбы. Болѣе даже: все говоритъ за то, что этими островами, которые, какъ сторожевыя башни, высились въ далекомъ морѣ и открывали широкое поле зрѣнія, греки овладѣли въ намѣреніи вести отсюда каперскую войну противъ этрусковъ и карѳагенянъ [10]). Такая война тогда обѣими сторонами считалась почетнымъ ремесломъ, а Липарскіе острова были для нея необыкновенно удобны. Если, такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой нѣчто въ родѣ піратской крѣпости [11]), то липарская организація совершенно выходитъ изъ рамокъ общей эволюціи Греціи. Она—такое же единичное явленіе, какъ, напримѣръ, вестъ-индское государство флибустьеровъ, въ которомъ, также на началахъ пиратства, строго военная организація была связана съ коммунистическими учрежденіями.

Эта аналогія ясно показываетъ, что липарскій коммунизмъ коренится въ тѣхъ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ мы застаемъ эллиновъ на Липарѣ. Какъ легко могъ повести къ такимъ учрежденіямъ воинственный корпоративный духъ населенія, гдѣ каждый чувствовалъ себя членомъ военнаго союза!

На Липарѣ вся хозяйственная дѣятельность почти половины населенія заключалась только въ выходѣ на добычу и въ военномъ захватѣ; захваченное добро здѣсь привыкли по-товарищески дѣлить между соучастниками, какъ законное пріобрѣтеніе; естественно поэтому самъ собою возникалъ взглядъ и на сообща за-

хваченную территорію новой родины, какъ на военную добычу. Земля являлась собственностью всей военной корпораціи; это вытекало изъ самой природы вещей; и на пользованіе этой землей каждый, принимавшій участіе въ ея защитѣ, имѣлъ благопріобрѣтенное право. Такая общественная организація къ тому же несомнѣнно представляла особыя преимущества именно для сложившихся на Липарѣ отношеній.

Препятствуя, по возможности, развитію исключительной собственности, она въ то же время дѣйствовала въ интересахъ постоянной боевой готовности, необходимо обусловленной положеніемъ островитянъ. Такая организація въ зачаткѣ подавляла все, что могло бы ослабить воинственный духъ: склонность къ мирнымъ занятіямъ и пріобрѣтенію, привычку къ болѣе обезпеченной и комфортабельной жизни и возникновеніе неизбѣжнаго при институтѣ частной собственности экономическаго и соціальнаго неравенства—опаснѣйшаго врага духа воинственнаго братства [12]).

При такомъ взглядѣ на причины возникновенія липарскаго общественнаго строя нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы этотъ строй значительно пережилъ тѣ условія, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ. Правда, при описаніи послѣдней стадіи его развитія (частное владѣніе съ періодическимъ передѣломъ) Діодоръ пользуется настоящимъ временемъ; получается впечатлѣніе, будто липарцы и во времена Діодора, при императорѣ Августѣ, еще не вполнѣ установили частную собственность; будто еще и тогда у нихъ, «передъ воротами Рима, практиковались періодическіе раздѣлы, наблюдавшіеся Цезаремъ въ Германіи» [13]). Такое заключеніе, однако, становится чрезвычайно сомнительнымъ, если предположить, что настоящее время у Діодора есть простое «praesens historicum»; если даже это и не такъ, то все-таки вполнѣ возможно, что Діодоръ это настоящее время необдуманно списалъ съ своего источника; послѣднее для такого «жалкаго бумагомарателя» [14]) не представляло бы ничего удивительнаго. Діодоръ нерѣдко списываетъ фразы своихъ источниковъ безъ какихъ бы то ни было измѣненій, не обращая вниманія на то, что для его времени онѣ уже болѣе не годятся [15]). Поэтому въ вопросѣ объ историческомъ значеніи липарской земельной общины указанное обстоятельство лишено всякой доказательной силы.

Настоящее время въ сообщеніи Діодора о Липарѣ могло бы, въ крайнемъ случаѣ, указывать только на то, что источникъ его, Тимей, съ котораго Діодоръ списывалъ, говорилъ о земельной общинѣ липарцевъ, какъ объ еще существующемъ учрежденіи. И очень возможно, что Тимей засталъ еще послѣднюю фазу ея развитія. Трудъ свой онъ закончилъ еще до завоеванія Липары римлянами, т.-е. раньше половины III столѣтія [16]). Но кто все-таки согласился бы предположить, что описанныя Тимеемъ формы продолжали существовать и послѣ этого времени, или даже и тогда, когда Липара превратилась въ римскую колонію [17])?

Какъ основательно измѣнились условія на Липарѣ до временъ Діодора, доказываютъ свидѣтельства Цицерона въ его 3-й обвинительной рѣчи противъ Верреса, дурное управленіе котораго тяжело сказалось и на этихъ островитянахъ. Липарцы являются здѣсь чрезвычайно миролюбивымъ народцемъ, настолько мало сохранившимъ старинныя традиціи острова, что регулярными платежами покупаютъ у пиратовъ спокойное владѣніе своими пашнями [18])!

Отдѣлъ IV.—Мнимые слѣды коммунизма въ Великой Греціи.

Высказанные въ послѣднее время взгляды на нѣкоторые слѣды коммунизма въ сосѣдней съ Липарой Великой Греціи оказываются еще болѣе проблематичными, чѣмъ заключенія объ общемъ ходѣ развитія Греціи, выводимыя на основаніи все же историческаго факта существованія коммунистическаго государства липарцевъ.

Изъ вороха литературныхъ произведеній неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ не постѣснились извлечь басню, повѣствующую, какъ, по призыву Пиѳагора, 2000 слишкомъ человѣкъ (а по другимъ версіямъ 600 человѣкъ), установивъ общую собственность, основали свое отдѣльное государство [1]). Фантазія французскихъ изслѣдователей —очевидно, подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія о повсемѣстномъ существованіи института земельной общины—разыгралась до утвержденія, что въ основаніи этихъ свѣдѣній, вѣроятно, лежитъ старое, невѣрно понятое преданіе о возникновеніи отдѣльныхъ южно-италійскихъ общинъ, и что это преданіе «перешло» въ болѣе поздніе, полумиѳическіе разсказы о жизни Пиѳагора [2]).

Какъ-будто здѣсь вообще дѣло идетъ о «легендѣ», и какъ-будто все, что мы знаемъ о «пиѳагорейскомъ» общинномъ владѣніи, не носитъ на себѣ печати позднѣйшихъ измышленій [3])! Едва ли не достаточно одного указанія, что историческій разсказъ для неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ есть исключительно только форма, которой они пользуются съ неограниченнымъ произволомъ, вкладывая въ эту форму любое содержаніе и прикрываясь авторитетомъ первобытной эпохи [4]). Подъ видомъ мнимыхъ ученій и твореній Пиѳагора они безцеремонно преподносятъ свои собственные идеалы. Между тѣмъ эти идеалы, какъ въ спекулятивномъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи, существенно обусловлены платонизмомъ; такъ неоплатонизмъ создалъ даже проектъ осуществленія платоновскаго государства въ Италіи [5]).

Никакому сомнѣнію, впрочемъ, не подлежитъ то, что коммунистическіе элементы сказанія о Пиѳагорѣ (на ряду съ неправильнымъ пониманіемъ пиѳагоровскаго жизненнаго принципа: «общее должно быть все у друзей») [6]) обязаны своимъ происхожденіемъ позднѣйшему платонизированію пиѳагоровскаго ученія, такъ какъ древнѣйшія и самыя достовѣрныя извѣстія ничего не говорятъ намъ объ общинномъ владѣніи[7]). Неужели можно думать, что Платонъ, такъ близко лично ознакомившійся съ ученіемъ Пиѳагора и съ пиѳагорейцами въ самой Италіи, могъ такъ говорить о неосуществимости коммунизма, какъ онъ говоритъ въ своихъ «Законахъ», если бы онъ дѣйствительно имѣлъ передъ глазами осуществленный опытъ коммунистическаго общества, «фаланстеру» Пиѳагора?

Допустимъ, однако, возможность существованія подобной попытки Пиѳагора. Что можетъ это дать намъ для рѣшенія совершенно иного вопроса о продолженіи существованія *примитивной* земельной общины? Предположить, что легенда о Пиѳагорѣ примыкаетъ къ историческому факту, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы гдѣ-нибудь въ южной Италіи сохранились слѣды древняго общиннаго земельнаго владѣнія. Но такихъ слѣдовъ нигдѣ нѣтъ. Примѣръ Тарента, въ которомъ, опираясь на одну выдержку изъ Аристотеля, думаютъ еще въ IV вѣкѣ найти отзвуки коммунистическаго имущественнаго строя, не доказываетъ того, что имъ хотятъ доказать. Аристотель о Тарентѣ говоритъ только, что тамъ состоятельные граждане «дѣлили свое имущество съ бѣдными», предоставляя имъ часть своихъ доходовъ. Какъ ни обще это замѣчаніе, оно все-таки достаточно ясно говоритъ, что упомянутый здѣсь обычай не можетъ быть истолко-

ванъ какъ пережитокъ древнихъ общинно-хозяйственныхъ отношеній: его совершенно произвольно ставятъ рядомъ съ институтами Липары [8]).

Тарентинскій обычай доказываетъ только дѣйствіе развитого соціальнаго чувства, сознающаго, что частная собственность должна служить не исключительно только интересамъ отдѣльнаго лица, но и интересамъ общества. Въ широкомъ проявленіи этого чувства соціальнаго единенія, которое путемъ предоставленія пользованія чужимъ имуществомъ превращало частную собственность въ общественное достояніе, демократія Тарента, по свидѣтельству Аристотеля, далеко не стояла особнякомъ. Бо́льшее или меньшее осуществленіе того же самаго Аристотель находитъ и въ другихъ государствахъ, живущихъ, по его мнѣнію, здоровой гражданской жизнью [9]). Онъ ясно указываетъ на примѣръ Спарты, граждане которой въ опредѣленныхъ случаяхъ признавали другъ за другомъ право совмѣстнаго пользованія нѣкоторыми предметами обихода (лошадьми, собаками, плодами урожая, рабами). Аристотель поэтому считаетъ возможнымъ и при существующемъ строѣ собственности повсюду провести въ жизнь указанный принципъ путемъ политическаго воспитанія гражданъ. Ему кажется простымъ велѣніемъ разума, чтобы состоятельные и правящіе классы брали на себя и соотвѣтственно большія общественныя повинности, какъ «высокую цѣну своего господства» [10]).

То, что Аристотель говоритъ о Тарентѣ, отвѣчало вообще соціально-политическимъ идеаламъ эллинства. Тѣ же идеалы отражаются, напримѣръ, въ словахъ Исократа, въ его высшреннемъ описаніи «добраго стараго времени» Аѳинъ, когда богатые добровольно дѣлились съ бѣдными, поддерживали ихъ, отдавая имъ свои земли въ аренду за самую ничтожную плату [11]) или доставляя бѣднякамъ хорошо оплачиваемыя работы; такимъ образомъ богатые свои владѣнія какъ-будто п р е в р а щ а л и в ъ о б щ у ю с о б с т в е н н о с т ь в с ѣ х ъ г р а ж д а н ъ [12])! Очевидно, тутъ все дѣло только въ стереотипномъ выраженіи; оно встрѣчается еще и въ другомъ мѣстѣ: у Плутарха при описаніи щедрости Кимона [13]) говорится: «Кимонъ до извѣстной степени снова вернулъ къ жизни общность (т.-е. общность имущества) золотого вѣка»!

При обсужденіи поднятаго вопроса не нужно забывать, какое сильное побужденіе, какое могучее внутреннее принужденіе къ такому общему пользованію частной собственностью заключали въ себѣ условія жизни греческаго міра. Въ томъ сравнительно узкомъ кругѣ, въ которомъ вращался гражданинъ греческаго государства-города, частныя отношенія, въ особенности же богатство отдѣльныхъ лицъ, выступали на свѣтъ несравненно ярче и были гораздо очевиднѣе, чѣмъ въ современномъ мірѣ. Скрыть имущество было гораздо труднѣе, потому что въ тѣ времена еще не существовало всѣхъ тѣхъ многосторонніхъ способовъ помѣщенія капитала, которые создало развитіе новѣйшаго денежнаго хозяйства. Богатство, слѣдовательно, подлежало несравненно большему контролю гласности; это естественно, само по себѣ, давало сильный толчокъ къ либеральному распоряженію собственностью. Эта тенденція еще подкрѣплялась тѣмъ, что и обычай [14]), и цѣлый рядъ другихъ явленій дѣйствовали въ томъ же направленіи: таковы—ограниченное количество числа гражданъ; вызванное концентраціей политической жизни въ маленькихъ городскихъ центрахъ небольшой области, постоянное соприкосновеніе гражданъ между собою; постоянно поддерживаемое малыми размѣрами государства сознаніе зависимости благосостоянія и самаго существованія каждаго отъ судьбы государства и общества; вообще тѣсное соприкосновеніе отдѣльнаго лица съ обществомъ, возбуждавшее желаніе снискать расположеніе и благодарность послѣдняго, и многое другое [15]).

Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что экономическія теоріи грековъ въ вопросѣ потребленія и распредѣленія имущества особенно рѣшительно выдвигаютъ этическій и соціальный моментъ; съ самаго своего зарожденія эта теорія съ гораздо большимъ интересомъ относилась къ вопросу о распредѣленіи и употребленіи національныхъ богатствъ, чѣмъ къ вопросу объ ихъ производствѣ. Въ этомъ живомъ сознаніи вытекающихъ изъ имущества обязанностей, Греція поднялась до тѣхъ воззрѣній, которыя мы привыкли считать чисто-христіанскими. Еще Еврипидъ высказалъ прекрасную мысль, тѣсно соприкасающуюся съ новозавѣтной притчей о талантахъ,—мысль, что состояніе отдѣльнаго лица не составляетъ его абсолютной собственности, но есть отданное ему божествомъ въ пользованіе имущество [16]).

Такимъ образомъ, замѣчаніе Аристотеля о Тарентѣ, хотя и свидѣтельствуетъ о фактахъ, весьма опредѣленно указывающихъ на соціальный характеръ пониманія собственности у грековъ, но для выводовъ въ области исторіи соціальнаго права никакихъ данныхъ не содержитъ.

Отдѣлъ V.—Государственная организація общественныхъ трапезъ въ Спартѣ и на Критѣ и соціализмъ общинъ военнаго типа.

Къ тѣмъ же выводамъ приходимъ мы и при разсмотрѣніи установленія, долѣе всего удержавшагося въ метрополіи Тарента и въ родственныхъ ей дорійскихъ общинахъ Крита. Это установленіе уже много разъ обсуждалось и часто понималось превратно. Мы имѣемъ въ виду общественныя, т.-е. организованныя государствомъ, трапезы гражданъ.

Такія трапезы обыкновенно также разсматривали какъ пережитокъ примитивнаго аграрнаго коммунизма. Если продукты страны потреблялись сообща, то, очевидно, основаніемъ такого потребленія служило то обстоятельство, что на землю первоначально смотрѣли не какъ на домены отдѣльныхъ лицъ, а какъ на общую кормилицу [1]). Яркій свѣтъ на такое возникновеніе обычая будто бы проливаетъ замѣчаніе Діодора о липарцахъ, которые «собственность свою сдѣлали общей и питались за общественными трапезами». Опираясь на это свидѣтельство, ставятъ общественныя трапезы въ непосредственную историческую связь съ земельной общиной, разсматривая ихъ, первыя, какъ слѣдствіе, вторую—какъ причину [2]). Институтъ общественныхъ трапезъ позволяетъ намъ будто бы заглянуть еще дальше, за предѣлы перваго основанія осѣдлыхъ общинъ, въ глубь кочевой жизни патріархальныхъ семей. Возникнувъ въ эпоху кочевого хозяйства и примитивной земельной общины, онъ удержался и развился въ религіи и обычаяхъ.

Легко представить себѣ необыкновенную важность подобнаго воззрѣнія! Если оно правильно, и сисситіи дѣйствительно являются послѣднимъ пережиткомъ древнѣйшаго аграрнаго строя, считавшаго общей собственностью не только землю, но и продукты ея, строя, не допускавшаго раздѣла собраннаго съ поля урожая между отдѣльными лицами, а требовавшаго строго-совмѣстнаго потребленія продуктовъ всѣми членами общины,—въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, народное хозяйство эллиновъ дѣйствительно прошло черезъ такую фазу развитія, которая является воплощеніемъ самыхъ строгихъ формъ аграрнаго коммунизма [3]). Древнѣйшая Греція окажется не знавшей индивидуальной собственности ни на землю, ни на про-

дукты ея; коллективное владѣніе она, слѣдовательно, соединяла съ коллективнымъ потребленіемъ, а послѣднее, съ своей стороны, должно было обусловливать строго общинную, регулируемую и направляемую общественными органами, обработку земли!

Какія глубокія перспективы въ соціально-экономическую жизнь первобытной эпохи открылись бы тутъ нашимъ взорамъ! По своему внутреннему значенію пріобрѣтенныя нами такимъ путемъ свѣдѣнія объ экономическомъ и общественномъ строѣ древнѣйшихъ эллиновъ не уступили бы тѣмъ свѣдѣніямъ о соотвѣтствующихъ отношеніяхъ, напримѣръ, у древнихъ германцевъ, которыя мы почерпаемъ изъ непосредственныхъ свидѣтельствъ; а по ясности и опредѣленности онѣ даже сильно превзошли бы основанныя на этихъ свидѣтельствахъ представленія.

Конечно, возможность существованія переходной фазы въ развитіи греческаго народа,—фазы, когда господствовали строгія общинно-хозяйственныя нормы, категорически отрицать нельзя. Но на однѣхъ только возможностяхъ основываться не слѣдуетъ. Необходимо доказать, что институтъ сисситій никакого другого происхожденія не могъ имѣть, что его происхожденіе становится понятнымъ только при такомъ объясненіи.

Дѣйствительно ли, однако, заключеніе отъ сисситій къ общей земельной собственности единственно возможно и необходимо?

Поэмы Гомера свидѣтельствуютъ о томъ, что у князей и знати издавна были въ обычаѣ совмѣстные обѣды. Здѣсь уже мы находимъ общественную трапезу, трапезу, какъ политическій институтъ. У Гомера упоминаются пиры, общественный характеръ которыхъ явствуетъ, съ одной стороны, изъ ихъ значенія, какъ собраній совѣта, а съ другой изъ того, что они, по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству «Иліады»—«снаряжались ахейцами», т.-е. устраивались на общественный счетъ [4]).

Развѣ кому-нибудь придетъ въ голову выводить эти гомеровскія трапезы государственныхъ мужей не изъ политическихъ или общественныхъ, а изъ какихъ-либо другихъ мотивовъ?

Если же это такъ, и если общественная трапеза является здѣсь только интегрирующимъ элементомъ государственной организаціи, безъ малѣйшаго слѣда первоначальной связи съ аграрнымъ строемъ, то самъ собой напрашивается вопросъ: не коренится ли, или, по крайней мѣрѣ, не объясняется ли этотъ институтъ и въ той формѣ, въ которой мы встрѣчаемъ его въ сисситіяхъ военной аристократіи дворянъ, въ достаточной степени, главнымъ образомъ, условіями государственнаго характера.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только мы пристальнѣе всмотримся въ ту роль, которую сисситіи играли въ организмѣ спартано-критскаго государства, намъ сейчасъ же станетъ ясно, что объяснять происхожденіе сисситій чисто-хозяйственнымъ мотивомъ было бы, во всякомъ случаѣ, произвольно. Защитники этой теоріи слишкомъ односторонне выдвигаютъ въ нихъ характеръ товарищескихъ трапезъ,—представленіе, далеко не исчерпывающее дѣйствительнаго значенія и цѣли сисситій.

При этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что сисситіи, какъ въ Спартѣ, такъ и на Критѣ, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, органической составной частью военнаго строя, военнаго воспитанія народа и гражданскаго режима (ἀγωγή), звеномъ въ той системѣ постоянной готовности къ войнѣ, которая необходимо вызывалась господствующимъ положеніемъ этихъ дорійскихъ общинъ среди подданныхъ и крѣпостныхъ земледѣльцевъ, далеко превосходившихъ численностью своихъ повелителей. Боевая готовность была проведена, какъ извѣстно, съ такой послѣдовательностью, что вся община представляла собою настоящее государство-лагерь (ср. слова

Платона о критянахъ: у васъ гражданство лагеря—Зак. II, 10, 666-*e*) [5]), и населеніе являлось войскомъ, во всякое время стоящимъ подъ оружіемъ и готовымъ къ выступленію.

Для историческаго пониманія институтовъ Спарты и Крита необходимо въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, уяснить себѣ условія жизни «общинъ военнаго типа» и слѣдствія, изъ нихъ вытекающія, по примѣру того, какъ онѣ въ новѣйшее время были проанализированы съ такой глубиной Гербертомъ Спенсеромъ.

Такія созданныя исключительно для войны и борьбы за существованіе государства, какими были спартано-критскія государства-лагери, должны были съ самаго начала считать своей задачей возможно полное проведеніе общинно-хозяйственнаго принципа, какъ въ идейномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Въ цѣляхъ наступленія и обороны всѣ граждане такихъ государствъ должны были пріучаться къ постоянной совмѣстной дѣятельности; всѣ индивидуальныя силы и занятія должны были сосредоточиваться и объединяться наиболѣе плодотворнымъ образомъ вокругъ одной цѣли. «Хроническій милитаризмъ», въ которомъ выражалось развитіе типа военныхъ общинъ, требовалъ тѣснѣйшаго соединенія всѣхъ частей народнаго цѣлаго, такого сліянія, которое дѣлало все соціальное построеніе этихъ государствъ точнымъ отраженіемъ тѣсно сомкнутой фаланги его войска. Потребность въ каждый данный моментъ располагать всей суммой силъ отдѣльнаго лица съ внутренней необходимостью приводила къ тому, что строго военная организація—«полковая система»—распространялась за предѣлы жизни войска и подчиняла всѣ стороны существованія гражданина государственному принужденію и контролю [6]). По мнѣнію Ѳукидида, виртуозность тактики спартанскаго войска заключалась въ томъ, что отдѣльные его члены стояли другъ къ другу въ многочисленныхъ степеняхъ подчиненія, что оно «почти все состояло изъ начальниковъ надъ другими начальниками, и потому забота о совершаемомъ касалась многихъ» [7]); точно также и гражданское общество Спарты представляло собою систему послѣдовательныхъ ступеней подчиненія, и въ этой системѣ каждый старшій по лѣтамъ стоялъ къ младшему въ отношеніи высшаго къ низшему.

Такая дѣятельность государства, во всемъ направленная къ единству и совмѣстности дѣйствія массы, давала мало простора для свободнаго развитія отдѣльной личности. Каждый, повидимому, назначенъ только для того, чтобы расплыться въ массѣ, чтобы свои индивидуальныя склонности и желанія принести въ жертву цѣлому, которому принадлежитъ его жизнь. Уже при самомъ появленіи на свѣтъ вопросъ о жизни или смерти человѣка рѣшается въ зависимости отъ того, удовлетворяетъ ли онъ цѣлямъ государства. Если вопросъ рѣшается въ смыслѣ сохраненія жизни, то только затѣмъ, чтобы эту молодую жизнь какъ можно скорѣе отдать на воспитаніе и обученіе государству, отъ опеки котораго освобождаетъ только смерть [8]). Цѣли государства насильственно навязываютъ направленіе каждой личной жизни: за гражданиномъ не признается права ни на какое другое образованіе или призваніе, кромѣ одного—быть воиномъ. Государство каждому опредѣляетъ его дѣятельность, держитъ каждаго, такъ сказать, день и ночь подъ контролемъ гласности. Оно назначаетъ ему срокъ вступленія въ бракъ, имѣющій цѣлью дать государству гражданъ, и, съ другой стороны, старается снова по возможности отвлечь его отъ семейной жизни. Оно навсегда обезпечиваетъ за собой обладаніе личностью гражданина, угрожая смертью эмигрантамъ и вообще сильно ограничивая свободу передвиженія. Какъ крѣпостной илотъ привязанъ къ землѣ, такъ и господинъ его, въ качествѣ воина, не смѣетъ безъ разрѣшенія покинуть мѣста своего

жительства; онъ тоже безусловно зависимое орудіе и въ извѣстномъ смыслѣ—собственность государства [9]).

Жизненными условіями общинъ военнаго типа вполнѣ объясняется и централизація управленія, какъ она представлена въ эфоратѣ, и государственное регулированіе всего народнаго хозяйства. Всякое общество такого воинственнаго типа, вслѣдствіе необезпеченности своихъ торговыхъ сношеній съ другими странами, вынуждено создавать самодовлѣющую и самообезпечивающую организацію; оно заботится о производствѣ всѣхъ необходимыхъ для жизни продуктовъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, дѣлая себя, такимъ образомъ, независимымъ отъ сосѣдей.

Такъ и въ Спартѣ; мы видимъ здѣсь самое радикальное осуществленіе этой тенденціи, видимъ обостреніе принципа хозяйственной автономіи вплоть до отреченія отъ признанія одинаковыхъ для всѣхъ средствъ обмѣна. Съ другой стороны, вслѣдствіе этого ограниченія сношеній съ сосѣдями, среди самихъ гражданъ, какъ неизбѣжный коррелатъ, должно было выработаться такое тѣсное экономическое единеніе, что иногда отдѣльнымъ лицамъ разрѣшалось даже — какъ это уже было раньше указано [10])—пользоваться чужой собственностью для своихъ личныхъ потребностей.

Представляя себѣ всю эту организацію государства и общества, объединявшую при помощи охватывавшаго всю жизнь человѣка государственнаго руководства какъ бы въ одномъ общемъ домоуправленіи всю совокупность гражданъ въ искусно построенное цѣлое, въ «космосъ»,—мы будемъ въ правѣ назвать эту организацію опредѣленно соціалистической. Государственный соціализмъ есть естественный и необходимый коррелатъ общинъ военнаго типа; этотъ соціализмъ проведенъ здѣсь настолько послѣдовательно, что намъ становятся вполнѣ понятными всѣ факты спартано-критской исторіи, которую упомянутая выше доктрина считаетъ нужнымъ выводить изъ аграрнаго коммунизма первобытной эпохи [11]).

Форма этого соціалистическаго строя, какъ уже было сказано, опредѣлялась исключительно тѣмъ, что и въ мирное время по возможности сохранялось лагерное устройство. И краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ этому служитъ какъ-разъ институтъ сисситій, общія трапезы всѣхъ гражданъ, цѣль которыхъ, какъ совершенно правильно указываетъ традиція, состояла въ увеличеніи подготовленности къ походу и бою [12]). Военныя братства, располагавшіяся вмѣстѣ въ лагерѣ, въ полѣ и стоявшія рядомъ въ битвѣ, и въ мирное время продолжаютъ существовать какъ товарищества по трапезѣ [13]), причемъ военный характеръ союза поддерживался такъ строго, что роль надзирателей за трапезами исполняли полемархи, и граждане собирались къ столу вооруженными.

На основаніи этихъ фактовъ проще и естественнѣе всего выводить происхожденіе спартано-критскихъ сисситій изъ военно-политическихъ причинъ [14]). По крайней мѣрѣ, для историческаго пониманія института сисситій намъ вовсе не нужно искать какихъ-нибудь другихъ причинъ его возникновенія; нѣтъ, такимъ образомъ, никакихъ основаній ставить его въ связь съ экономическими отношеніями. На ряду съ товарищескими трапезами могла существовать и земельная община, какъ это доказываетъ примѣръ дорійской Липары; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы сисситія всегда и вездѣ непремѣнно стояла въ причинной связи съ общиннымъ землевладѣніемъ. Напротивъ, въ виду того положенія, которое общія трапезы гражданъ занимали въ организмѣ дорійскаго военнаго государства вообще, мало вѣроятно даже и для Липары, чтобы сисситіи тамъ были исключительно слѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія. Онѣ и тамъ, какъ

и самая земельная община липарцевъ, могутъ разсматриваться какъ слѣдствіе военной организаціи общины.

Если бы сисситіи въ томъ видѣ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ на Липарѣ, на Критѣ и въ Спартѣ, были о б щ е-д о р і й с к и м и или даже обще-древне-эллинскими учрежденіями (такого мнѣнія со временъ Отфрида Мюллера держатся многіе), тогда было бы справедливо и даже необходимо, для объясненія ихъ возникновенія, подыскивать причину болѣе общаго характера, особенно для мѣстностей, въ которыхъ военное устройство не вызывалось необходимо ихъ положеніемъ. Такой причиной можно было бы считать экономическія отношенія. Однакоже, есть ли хоть тѣнь основанія для подобнаго предположенія?

Обычай товарищескихъ трапезъ вообще игралъ большую роль въ государственной и общественной жизни эллиновъ; а въ эпоху упадка онъ даже перешелъ всякую мѣру, выродившись въ настоящіе обѣденные клубы. Даже и тамъ, однако, гдѣ опредѣленно говорится о «сисситіяхъ», невозможно утверждать, чтобы при этомъ подразумѣвались правильныя и общія трапезы всѣхъ гражданъ, какъ въ Спартѣ или на Критѣ. А между тѣмъ только эти послѣднія могутъ имѣть для насъ значеніе; ни въ коемъ же случаѣ не обычные жертвенные и праздничные пиры или общіе обѣды отдѣльныхъ корпорацій, все равно частнаго или общественнаго характера. Не должны же мы, въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣми, которые, во что бы то ни стало, хотятъ найти слѣды коммунистической переходной фазы въ соціальной эволюціи грековъ, принимать и эти «сисситіи» за доказательства въ нашемъ вопросѣ?

Сами древніе, во всякомъ случаѣ, не дѣлали строгаго разграниченія между различными формами сисситій. Аристотель, напримѣръ, безъ всякихъ оговорокъ сравниваетъ съ спартанскимъ институтомъ обѣды карѳагенскихъ «гетерій» [15]); если эти гетеріи и были общественными корпораціями, мы все-же эти ихъ обѣды не можемъ ставить хотя бы и въ отдаленную связь съ ежедневными общими трапезами гражданъ. Діонисій Галикарнасскій въ праздничныхъ и жертвенныхъ столахъ римскихъ курій также видитъ черты спартанскихъ сисситій; между тѣмъ эти столы гораздо болѣе напоминаютъ жертвенные пиры аттическихъ фратрій. Одинъ интерполяторъ Аристотеля (къ «Политикѣ», IV, 92, 1329 b.), въ свою очередь, ищетъ источникъ спартано-критскихъ сисситій въ южной Италіи, безъ малѣйшаго указанія на то, дѣйствительно ли приписываемый древне-италійскимъ земледѣльцамъ обычай общихъ трапезъ имѣетъ сходство съ обычаемъ спартанцевъ.

Подобныя комбинаціи вызываютъ у насъ улыбку, а между тѣмъ онѣ нисколько не менѣе произвольны, чѣмъ попытки нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей, считающихъ самыя различныя формы общественныхъ или общихъ трапезъ равноцѣнными и видящихъ въ нихъ лишь позднѣйшую модификацію одного и того же основного института первобытной эпохи,—послѣдній пережитокъ коммунистическаго хозяйства патріархальныхъ семейныхъ группъ [16]).

Бюхеръ особенно важнымъ и доказательнымъ моментомъ въ вопросѣ о происхожденіи жертвеннаго стола аттическихъ фратрій изъ земельной общины считаетъ именно «патріархальный» характеръ этихъ союзовъ [17]). Но развѣ доказательность этого момента въ самомъ дѣлѣ такъ значительна? Вѣдь утвержденіе, будто патріархальный бытъ мѣстно или родственно связанныхъ между собою семей съ самаго же начала всегда заключалъ въ себѣ аграрный коммунизмъ, есть лишь предположеніе, которое въ такомъ общемъ видѣ еще не достаточно доказано. Напротивъ, вполнѣ достовѣрно, что каждое такое патріархальное общество въ Греціи объединялось общностью культа, обусловлнвавшей и общія трапезы. Съ жертвен-

ными празднествами, въ которыхъ выражалась сакральная связь общества, естественно и необходимо связываются и общіе жертвенные пиры. Неужели же для объясненія этого обычая нуженъ еще и коммунизмъ [18])?

Впрочемъ, указанная теорія проглядѣла дальнѣйшее важное обстоятельство: какъ-разъ при той формѣ общественной трапезы, которая могла бы наиболѣе соотвѣтствовать примитивной аграрной общинѣ,—при спартанскомъ да, по всѣмъ признакамъ, и при критскомъ столѣ гражданъ,—вообще не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было связи съ патріархальными институтами. Спартанскіе товарищескіе столы образовывались путемъ свободнаго выбора членовъ; они обращали такъ мало вниманія на семейные или родовые союзы, что отецъ и сынъ вовсе не должны были быть членами одной и той же сисситіи. Судя по всему, и критскія сисситіи представляли собою такія же свободно сложившіяся товарищества [19]).

Итакъ, именно въ этомъ пунктѣ институтъ оказывается стоящимъ внѣ всякой связи съ аграрнымъ строемъ. Принципъ недѣлимости и неотчуждаемости древняго родового имущества могъ часто соединять нѣсколько семей въ одномъ общемъ хозяйствѣ; но для образованія товарищескихъ трапезъ эти домовыя общины имѣли такъ же мало значенія, какъ и всякія другія аграрно-хозяйственныя отношенія. И, съ этой точки зрѣнія, поэтому кажется совершенно произвольнымъ разсматривать сисситіи какъ пережитокъ болѣе тѣсной патріархальной имущественной общины.

Всюду, гдѣ мы можемъ прослѣдить извѣстную связь между обычаемъ общихъ трапезъ и земельной общиной,—напримѣръ, у нѣкоторыхъ восточно-африканскихъ племенъ, у индійцевъ и полинезійцевъ,—эти трапезы совершаются именно патріархальными группами, родовыми союзами или покоящимися на этихъ послѣднихъ сельскими общинами [20]).

Впрочемъ, въ томъ видѣ, въ которомъ мы находимъ институтъ сисситій на Критѣ, онъ носитъ на себѣ опредѣленный отпечатокъ общинно-хозяйственныхъ формъ. Вся совокупность гражданъ питалась здѣсь на общественный счетъ. Всѣ доходы, которые государство извлекало изъ общественныхъ земель [21]), изъ подушной подати несвободнаго населенія [22]) или изъ другихъ общественныхъ источниковъ дохода [23]), особенно же изъ земельныхъ податей (послѣднія платились не только подданными, но и гражданами изъ доли доходовъ съ урожая ихъ крѣпостныхъ; въ Ликтосѣ, напр., уплачивалась десятая часть урожая [24]), употреблялись за вычетомъ расходовъ на обряды и на особыя государственныя нужды, для сисситій.

Въ Спартѣ институтъ сисситій хотя и былъ также учрежденіемъ общественнымъ, но въ другихъ отношеніяхъ, т.-е. въ своемъ управленіи и дѣятельности для общества, въ сущности, довольствовался частно-хозяйственнымъ принципомъ взаимныхъ повинностей; онъ имѣлъ настолько индивидуалистическую организацію, что, при равномъ для всѣхъ, обязательномъ взносѣ, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своихъ нуждахъ; въ случаѣ же несостоятельности гражданинъ терялъ право участія въ государственномъ столѣ и лишался привилегій полнаго гражданства [25]).

На Критѣ частно-хозяйственный моментъ, основной принципъ взаимныхъ повинностей, былъ удержанъ лишь настолько, насколько это казалось необходимымъ въ интересахъ справедливости и цѣлесообразности. Здѣсь институтъ сисситій служилъ принципіально потребностямъ общины, какъ таковой; общество поэтому само выступало со своими средствами для помощи менѣе обезпеченнымъ въ хозяйственномъ отношеніи; и пропитаніе бѣднѣйшихъ было, такимъ образомъ, вполнѣ гарантировано [26]). Въ случаѣ, если складчина послѣднихъ не покрывала расходовъ по ихъ содержанію, ихъ не покидали на произволъ судьбы; недостаю-

щія суммы пополняли соотвѣтственно повышеннымъ обложеніемъ болѣе состоятельныхъ и приплатами отъ государства. Обложеніе отдѣльныхъ лицъ регулировалось не по равному для всѣхъ участію въ столѣ государства, какъ это было въ Спартѣ, а по величинѣ дохода каждаго; поэтому всякій, въ извѣстной мѣрѣ, пользовался урожаемъ со всей отечественной земли, — все равно, былъ ли этотъ урожай общей или частной собственностью.

Если черты этого замѣчательнаго строя общества въ «Политикѣ» Аристотеля переданы намъ неискаженными [27]), то пришлось бы признать, что въ проведеніи общинно-хозяйственнаго принципа на Критѣ дошли даже до кормленія на общественный счетъ членовъ семейства (женщинъ и несовершеннолѣтнихъ дѣтей [28]), не участвовавшихъ въ обѣдахъ мужчинъ; подобное предположеніе, однако, подвержено большому сомнѣнію. Такое полное проведеніе права на существованіе, конечно, поглощало бы значительную часть доходовъ состоятельныхъ классовъ и, въ то же время, очень затруднило бы скопленіе большихъ богатствъ въ рукахъ немногихъ лицъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, на Критѣ замѣчается явная тенденція къ сильному неравенству въ распредѣленіи богатствъ [29]).

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что описанный общинно-хозяйственный строй критскихъ сисситій, во всякомъ случаѣ, соприкасается съ одной изъ основныхъ мыслей строгаго аграрнаго коммунизма. Какъ тотъ, такъ и другой признаютъ за каждымъ членомъ общины прирожденное право на пользованіе дарами природы и на совмѣстное удовлетвореніе матеріальныхъ условій существованія. Это право, впрочемъ, на Критѣ осуществляется экономически въ гораздо болѣе ограниченномъ смыслѣ, чѣмъ въ аграрномъ коммунизмѣ, и въ формахъ, обусловленныхъ частной собственностью, т.-е. въ формѣ права не на самую землю, а лишь на извѣстную часть наличныхъ средствъ потребленія.

Доказываетъ ли, однако, этотъ фактъ съ несомнѣнностью, что мы имѣемъ здѣсь передъ собой видоизмѣненіе и ослабленіе первоначальнаго аграрно-общиннаго коммунизма, съ полной нераздѣльностью коллективнаго владѣнія землею, ослабленіе, вызванное развитіемъ частной земельной собственности? Разъ мы уже выяснили, что обычай общихъ трапезъ гражданъ вполнѣ объясняется условіями военнаго быта государства-лагеря, можетъ ли самъ по себѣ одинъ только фактъ существованія **общинно-хозяйственной** организаціи института сисситій вызвать такія широкія заключенія?

Боюсь, что, принимая институтъ сисситій безъ всякихъ оговорокъ за «чисто-коммунистическое учрежденіе» [30]), вытекающее изъ «принципа общиннаго владѣнія» [31]), и объясняя его исключительно на основаніи «исконнаго коммунистическаго владѣнія» [32]), господствующее воззрѣніе допускаетъ извѣстное смѣшеніе понятій. Это воззрѣніе опирается на обычное, но совершенно неясное представленіе о коммунизмѣ какъ объ **абсолютной** общности всякаго имущества, даже движимой собственности и особенно всѣхъ предметовъ потребленія [33]). Дѣйствительно, выставлялось положеніе, что источникъ сисситій можетъ быть найденъ только въ когда-то существовавшей общности **всякаго** владѣнія [34]). Такого абсолютнаго коммунизма индо-германскіе народы, однако, даже на древнѣйшей, доступной нашему взору, ступени развитія не знали. Уже индо-германская первобытная эпоха знаетъ общіе корни для обозначенія воровства и вора; для такихъ понятій, какъ обмѣнъ, купля, покупная цѣна и под., въ индо-германскихъ языкахъ, еще въ древнія времена развились общія одинаковыя выраженія [35]). Если же, судя по этому факту, понятіе собственности восходитъ къ первобытной эпохѣ, то гдѣ же тогда «прежняя общность **всякаго** владѣнія»?

Вообще, говорить о коллективной собственности на Критѣ вообще—какъ это сдѣлалъ даже и Рошеръ [36])—значитъ дать поводъ къ заблужденію. Кто ясно представляетъ себѣ экономическую структуру сисситій на Критѣ во всѣхъ подробностяхъ, тотъ пойметъ, что называть ихъ «коммунистическими» можно лишь постольку, поскольку этотъ институтъ былъ общимъ хозяйствомъ и особенно принудительно-общимъ. Но тотъ же обще-хозяйственный характеръ носитъ и самый институтъ государства, представляющій высшую форму принудительнаго общиннаго хозяйства, тотъ же характеръ имѣетъ и каждое государственное учрежденіе, существующее за счетъ всѣхъ (т.-е. основанное на финансовой системѣ налоговъ и на государственномъ имуществѣ) и дѣйствующее въ интересахъ каждаго—иными словами, въ общихъ цѣляхъ государства. Существуетъ ли вообще правовая организація, которая въ этомъ смыслѣ не заключала бы въ себѣ цѣлаго ряда «коммунистическихъ» элементовъ (ограниченіе распоряженіемъ или злоупотребленіемъ собственностью, совмѣстное и общее хозяйство въ государствѣ и общинѣ и т. д.) [37])!

Хотя институтъ сисситій и является однимъ изъ жизненныхъ условій государства, онъ принципіально затрагиваетъ частную собственность не больше, чѣмъ соціальное право современнаго государства. Въ критскихъ трапезахъ гражданъ перерасходы, образующіеся отъ недостаточныхъ взносовъ бѣднѣйшей части населенія, покрывались приплатами отъ государства и повышенными взносами болѣе состоятельныхъ классовъ; совершенно такъ же дѣйствуетъ соціальное законодательство современнаго государства: тратя общественныя средства на больницы, на обезпеченіе пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, на инвалидный и пенсіонный капиталъ, оно пополняетъ недостаточность обезпеченія неимущихъ классовъ уплатами состоятельныхъ и, отчасти, государственными средствами (государственная приплата въ пенсіонный капиталъ).

На Критѣ доходы зажиточныхъ классовъ въ видѣ взносовъ, увеличивавшихся по мѣрѣ возрастанія благосостоянія, на общественный столъ, организованный государствомъ, шли на пользу и бѣднѣйшихъ гражданъ. Совершенно такъ же, принужденіемъ закона, переносимъ мы на рабочихъ часть доходовъ, которая безъ этого принужденія пришлась бы на работодателей, т.-е. на состоятельныхъ. И какъ на Критѣ государство требовало взносовъ и отъ менѣе зажиточныхъ, такъ и мы принуждаемъ каждаго участника страхованія рабочихъ отдавать часть своего заработка на покрытіе расходовъ этого института. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы имѣемъ передъ собой законодательство, безпрерывно вмѣшивающееся въ естественное распредѣленіе народнаго дохода и дающее этому распредѣленію то направленіе, которое соотвѣтствуетъ народному благосостоянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ указанное измѣненіе въ распредѣленіи дохода направлено въ пользу экономически слабыхъ за счетъ состоятельныхъ. Поэтому, если строй критскихъ сисситій считать «чисто-коммунистическимъ», то таковыми же придется считать и институты современнаго соціальнаго права, какъ бы ни были рѣзки различія между ними въ остальныхъ отношеніяхъ.

Конечно, на Критѣ государственная приплата, по сравненію съ взносами населенія, имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ это могло бы быть въ соціальномъ правѣ такого государства, въ распоряженіи котораго нѣтъ, какъ это было въ дорійскомъ военномъ государствѣ, средствъ не входящаго въ составъ гражданъ, подвластнаго населенія. Далѣе, въ критскихъ трапезахъ гражданъ общинно-хозяйственный принципъ распространялся также и на потребленіе, и притомъ въ объемѣ, далеко превосходившемъ подобныя же учрежденія современнаго государства (напр., общее хозяйство стоящаго подъ ружьемъ войска). Наконецъ, въ критскомъ госу-

дарствѣ право на существованіе было обезпечено болѣе полнымъ образомъ, чѣмъ въ нашемъ [современномъ призрѣніи бѣдныхъ и въ нашихъ страховыхъ законодательствахъ. Но все-таки разница здѣсь не принципіальная; дѣло идетъ лишь о большей или меньшей степени примѣненія принципа; специфическія особенности «чисто-коммунистическаго» правового строя, какъ принципіальное отрицаніе частной собственности, индивидуальнаго хозяйства и индивидуальнаго домоуправленія,— совершенно чужды и критскому государству. Оно знаетъ распространенную доменную собственность, но въ немъ нѣтъ коллективной собственности в с е й земли; ему извѣстно распространенное хозяйство на общественныхъ земляхъ, но не коммунистическая организація в с е г о производства; его трапезы гражданъ далеко не являются осуществленіемъ коммунистическаго идеала, т.-е. безусловно коммунистическаго домоуправленія [38]).

Смутному представленію о коммунистическомъ характерѣ сисситій, безъ сомнѣнія, не мало способствовало то обстоятельство, что въ своемъ соціальномъ значеніи онѣ отчасти соприкасаются съ практическими цѣлями коммунизма. Въ коммунистическомъ государствѣ удовлетвореніе жизненныхъ потребностей должно быть для всѣхъ одинаковымъ, и сисситіи, по крайней мѣрѣ, въ одномъ пунктѣ, имѣли слѣдствіемъ такое равное положеніе гражданъ въ смыслѣ удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей. Однакоже, изъ-за этого внѣшняго сходства не слѣдуетъ упускать изъ виду основного различія! При коммунизмѣ одинаковость образа жизни стоитъ дѣйствительно въ органической зависимости отъ экономически-правового строя; она есть естественное выраженіе коммунистическаго принципа вполнѣ равнаго распредѣленія народнаго дохода и обусловленнаго имъ равенства экономическаго положенія гражданъ. Созданное же сисситіями равенство, напротивъ того, опирается не на народно-экономическій, а на политическій мотивъ: на обусловленное государственными цѣлями систематическое дисциплинированіе гражданъ. Поэтому оно не является с а м о ц ѣ л ь ю, какъ равенство обыкновеннаго коммунизма, а только с р е д с т в о м ъ обезпеченія жизнеспособности государства [39]).

Итакъ, устанавливать какой-нибудь о п р е д ѣ л е н н ы й строй собственности, какъ необходимую предпосылку института сисситій, оказывается вполнѣ произвольнымъ. Достигнутое путемъ товарищескихъ трапезъ равенство о б р а з а жизни гражданъ нисколько не зависѣло отъ экономическаго ихъ п о л о ж е н і я [40]). И именно на Критѣ, по крайней мѣрѣ, въ IV столѣтіи, при строго общинно-хозяйственной организаціи сисситій, въ то же время существовали самыя рѣзкія экономическія и соціальныя противоположности. Эфоръ говоритъ о бѣдныхъ и богатыхъ [41]); Аристотель упоминаетъ о могущественныхъ семьяхъ, необузданность и насилія которыхъ могли переходить всякія границы права и конституціи [42]). Строй критскихъ городовъ той эпохи онъ обозначаетъ какъ правленіе династовъ, т.-е. худшую форму олигархіи. Масса гражданъ охотно подчинялась «могущественнымъ» (δυνατοί), которые, очевидно, далеко превосходили ихъ своими широкими земельными владѣніями [43]). Если «коммунистическій» строй сисситій могъ сочетаться съ такими общественными состояніями, то понятно, что Аристотель считалъ возможнымъ провести этотъ строй во всѣхъ государствахъ, на ряду съ дѣйствующимъ тамъ экономическимъ правомъ, опирающимся на принципъ частной собственности [44]). Онъ даже настолько далекъ отъ мысли основывать институтъ сисситій на общности имущества, что въ своей полемикѣ противъ коммунистическихъ теорій ссылается на сисситіи какъ на аргументъ въ пользу того, что владѣніе, даже на основѣ и при господствѣ частной собственности, можетъ осуществить свои соціальныя функціи вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Коммунистическимъ

въ сисситіяхъ онъ считаетъ только «превращеніе собственности въ общее достояніе путемъ потребленія» [45]), о чемъ выше уже обстоятельно говорилось.

Пусть противъ такого взгляда не возражаютъ, указывая на то, что въ этомъ употребленіи собственности на общую пользу играло роль принужденіе. Правда, государство вынуждало здѣсь отъ общества или, вѣрнѣе, отъ одной его части жертвы для блага другой и въ институтѣ сисситій насильственно соединяло частно-хозяйственныя силы для выполненія этой жертвы. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ моментѣ принужденія нельзя видѣть коммунистической тенденціи, потому что принужденіемъ ничуть не нарушались правовыя формы частной собственности, лежавшія въ основаніи всей экономической жизни. Государственное принужденіе имѣло въ виду только внести предохранительную поправку къ извѣстнымъ, опаснымъ для жизненности государства послѣдствіямъ существующей хозяйственной организаціи. Во всякомъ случаѣ, государственно-соціалистическій характеръ общинъ военнаго типа служитъ достаточнымъ историческимъ объясненіемъ и для критской системы сисситій.

Отдѣлъ VI.—Спартано-критскій аграрный строй.

Послѣ всего вышеизложеннаго у насъ остается для заключеній объ аграрномъ строѣ первобытной эпохи только тотъ матеріалъ, который даетъ самъ аграрный строй въ историческія времена. Какъ въ Спартѣ, такъ и на Критѣ мы видимъ наибольшую часть земли, поскольку она находилась въ собственности господствующаго класса, раздѣленной на отдѣльныя фермы, которыя обрабатываются крѣпостными поселянами. Эти дворовые участки (κλῆροι) представляли замкнутыя и недѣлимыя хозяйственныя единицы. Для Крита Гортинскимъ городскимъ правомъ намъ достаточно засвидѣтельствовано—по крайней мѣрѣ для V в.,—что владѣнія «домовниковъ», положеніе которыхъ соотвѣтствовало положенію спартанскихъ илотовъ, не могли подлежать раздѣлу между наслѣдниками ихъ господъ на томъ же основаніи, на какомъ дѣлилось остальное ихъ имущество [1]). Въ Спартѣ замкнутость надѣловъ обнаруживается еще яснѣе. Здѣсь доходъ, доставляемый илотами съ своихъ хозяйствъ господамъ, въ установленномъ государствомъ размѣрѣ, былъ для всѣхъ одинъ и тотъ же (82 медимна ячменя и соотвѣтствующая мѣра масла, плодовъ и вина) [2]). Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что «жребіи» должны были быть не только приблизительно равными, но величина ихъ не подлежала измѣненію. Только такимъ путемъ объясняется то обстоятельство, что уже такъ рано замѣчаемая въ спартанской аристократіи тенденція къ концентрированію недвижимой собственности, очевидно, чрезвычайно мало затрагивала древній аграрный строй, основанный на самостоятельности многочисленныхъ мелкихъ единицъ. Право собственности на многочисленныя имѣнія илотовъ могло постепенно объединяться въ однѣхъ рукахъ; но это не приводило къ образованію комплексовъ, обрабатываемыхъ какъ цѣлое имѣніе, такъ какъ отношеніе между господиномъ и поселяниномъ не могло быть измѣнено въ ту или другую сторону отдѣльнымъ лицомъ. «Κλῆροι» продолжали существовать какъ самостоятельныя земельныя единицы, которыя не могли быть слиты въ органическую хозяйственную единицу.

Прекрасный анекдотъ разсказывается о Ликургѣ: возвращаясь разъ, послѣ проведенія своего аграрнаго закона, изъ путешествія, Ликургъ проѣзжалъ по полямъ, съ которыхъ была только-что снята жатва; при видѣ сложенныхъ правильными рядами копенъ Ликургъ замѣтилъ: «Лаконика выглядитъ собственностью мно-

гихъ братьевъ, только-что подѣлившихъ между собою наслѣдство [3]). Конечно, это только легенда, какъ и вся исторія о ликурговомъ раздѣлѣ земли. Но она несомнѣнно заключаетъ въ себѣ зерно истины. Въ этомъ мнимомъ изреченіи законодателя несомнѣнно отражается то впечатлѣніе, которое долженъ былъ испытать всякій, наблюдавшій раздѣлъ полей въ области Спарты и обусловленныя этимъ раздѣломъ формы земельнаго хозяйства.

Очевидно—и изобрѣтатель приведеннаго разсказа совершенно правильно почувствовалъ это,—что раздѣлъ полей въ Спартѣ не народился естественнымъ порядкомъ, но былъ выработанъ искусственно. Далѣе, несомнѣнно: если раздѣлъ полей былъ произведенъ долгое время спустя послѣ завоеванія страны и послѣ продолжительной эпохи развитія частной земельной собственности, онъ могъ быть совершенъ только при посредствѣ общаго отчужденія имущества и систематическаго новаго передѣла всѣхъ земельныхъ владѣній. Это былъ бы радикальнѣйшій соціалъ-революціонный переворотъ, который самъ по себѣ настолько лишенъ всякаго внутренняго вѣроятія, что допустить его существованіе мы бы могли, только опираясь на хорошо засвидѣтельствованное преданіе. Но гдѣ же у насъ такое преданіе? То, что сообщаетъ связанная съ именемъ Ликурга легенда о подобномъ преобразованіи спартанской имущественной организаціи, произведенной великимъ законодателемъ, основывается вообще не на преданіи, а совершенно безспорно обязано своимъ возникновеніемъ соціально-политическимъ реставраціоннымъ стремленіямъ и служащей этимъ стремленіямъ тенденціозной литературѣ IV и III вв.,—той литературѣ, которая родилась изъ оппозиціи противъ общественныхъ и государственныхъ золъ Спарты того времени. Если уже личность самого законодателя, въ виду миѳическихъ и іератическихъ элементовъ, присущихъ легендѣ о Ликургѣ, врядъ ли можетъ признаваться теперь за историческую, то тѣмъ менѣе возможно сомнѣніе въ томъ, что приписанное ему дѣло соціальнаго освобожденія представляетъ не что иное, какъ фантастическую картину, имѣющую только значеніе образца для современности; другими словами, она даетъ современникамъ зеркало идеализированнаго прошлаго, созданнаго въ интересахъ возрожденія государства и общества [4]).

Послѣ такого отрицательнаго вывода остается только одна возможность, а именно—что существовавшій въ историческое время въ области Спарты раздѣлъ полей былъ уже законченъ, прежде чѣмъ земельная собственность перешла въ единичное владѣніе отдѣльныхъ семей господствующаго класса. Это предположеніе проливаетъ яркій свѣтъ и на исторію возникновенія спартанскаго аграрнаго строя. Мы видимъ, какъ занятая спартіатами страна, поскольку она не оставалась въ свободной собственности подпавшаго ихъ зависимости населенія (περίοικοι) или не предназначена была для другихъ цѣлей, была раздроблена государствомъ на рядъ участковыхъ хозяйствъ (κλῆροι); какъ величина этихъ хозяйствъ была точно урегулирована въ интересахъ культуры страны и производства нужнаго для пропитанія крѣпостныхъ и ихъ будущихъ господъ количества продуктовъ, и какъ, наконецъ, дворы, вмѣстѣ съ ихъ живымъ инвентаремъ, были подѣлены между сочленами аристократической общины.

Правда, установивъ этотъ фактъ, мы уже достигли предѣловъ нашихъ свѣдѣній. Мы не въ состояніи указать, на основаніи какого принципа произведено было первое раздѣленіе земельныхъ надѣловъ; еще менѣе знаемъ мы, былъ ли этотъ раздѣлъ съ самаго начала окончательнымъ, и повелъ ли онъ тогда же къ возникновенію частной земельной собственности, или страна еще въ теченіе нѣкотораго времени оставалась въ общемъ владѣніи переселившихся дорянъ.

Прежде всего совершенно ясно, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ дѣйствительно историческихъ данныхъ объ этихъ началахъ экономической жизни. Тѣ отношенія, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, сложились больше, чѣмъ за 500 лѣтъ до первыхъ «свидѣтелей», чьи показанія можно привести. Такимъ «свидѣтелемъ» является Платонъ; въ «законахъ» (III, 684, и V, 736) онъ, говоря объ основателяхъ дорическихъ государствъ Аргоса, Мессеніи и Лаконіи, утверждаетъ, что раздѣлъ занятой страны между своими воинами они предприняли на основѣ извѣстнаго равенства («какое-то равенство имущества»). Впрочемъ, такое преданіе существовало уже и до Платона, но оно покоилось, очевидно, не на историческихъ воспоминаніяхъ, а имѣло исключительно спекулятивный характеръ, по всей вѣроятности угадывавшій истину; но для рѣшенія вопроса это преданіе имѣетъ не больше значенія, чѣмъ современныя разсужденія объ этихъ предметахъ [5]).

Дункеръ полагалъ, что пробѣлъ въ преданіи можетъ быть восполненъ привлеченіемъ аналогій, и указывалъ на многочисленные примѣры другихъ колонизацій: на германскія поселенія въ римскомъ государствѣ; на водвореніе въ Англіи норманновъ, раздѣльный кадастръ которыхъ, какъ извѣстно, еще сохранился; на нѣмецкую колонизацію на востокъ отъ Эльбы,—надѣльная мѣра въ занятыхъ этими поселенцами областяхъ (большіе и малые участки) оставила свой слѣдъ на нашихъ земельныхъ картахъ; на образъ дѣйствія конквистадоровъ; на надѣлы колонизаціи Фридриха II и продажу земли сѣверо-американскими Соединенными Штатами [6]). Настаивать на своемъ мнѣніи заставляетъ Дункера то обстоятельство, что дѣйствительно въ историческое время, какъ мы можемъ доказать, въ Греціи совершенно такъ же поступали съ завоеванными областями; всякое разселеніе въ странѣ шло у грековъ рука-объ-руку съ раздѣломъ территоріи. Уже въ сравнительно древней пѣснѣ «Одиссеи» разсказывается о феакахъ, какъ, при основаніи поселенія, первой заботой поселенцевъ, на ряду съ постройкой стѣнъ и домовъ, былъ раздѣлъ пахотныхъ земель (VI, 16) [7]).

Аргивяне изгнали одного царя за то, что онъ не произвелъ раздѣла области, отнятой у аркадянъ; а когда они разрушили Микены (463), то подѣлили ея область [8]). Чтобы показать, что въ Аркадіи населеніе не перемѣнилось, т.-е., что страна не была завоевана, Страбонъ говоритъ: «Аркадяне не подверглись жеребьевкѣ» [9]).

О подобномъ же способѣ раздѣла посредствомъ жребія (κατακληρουχεῖν) вновь заселенныхъ областей свидѣтельствуютъ замѣчанія Діодора (V, 15, 81, 83, 84) о колонизаціи Кикладъ — Тенедоса, Лесбоса, Сардиніи, аѳинскихъ клерухій и т. д. Что касается самой Спарты, то можно указать на извѣстное изреченіе, приписываемое царю Полидору, который на вопросъ: зачѣмъ онъ идетъ походомъ противъ братьевъ (мессенцевъ), отвѣтилъ: «я иду на нераздѣленную на участки страну» [10]). Сюда же относится изреченіе оракула, данное Пиѳіей спартанцамъ, о задуманномъ ими завоеваніи Аркадіи. Оно говоритъ [11]): «я дамъ тебѣ Тегею—ударяй ее ногой въ пляскѣ, чудную равнину—измѣрь ее всю веревкой». Совершенно справедливо Дункеръ полагаетъ, что это изреченіе, также какъ и отвѣтъ царя Полидора, могло быть придумано только въ томъ предположеніи, что спартанцы имѣли обыкновеніе «мѣрить завоеванную страну веревкой и дѣлить ее».

Однако, развѣ во всемъ этомъ заключается какое-нибудь дѣйствительно не подверженное сомнѣнію доказательство въ пользу того, что уже при первомъ поселеніи дворянъ-завоевателей въ долинѣ Еврота они поступили съ земельной собственностью во всѣхъ отношеніяхъ такъ же, какъ это они дѣлали при болѣе

позднихъ расширеніяхъ спартанской территоріи? Тотъ, кто находитъ возможнымъ объяснить соціальное развитіе Спарты только изъ первоначальнаго аграрнаго коммунизма, можетъ справедливо возразить, что вышеуказанныя колонизаціи и завоеванія относятся къ такимъ временамъ, когда институтъ частной земельной собственности находился уже въ полномъ развитіи, и потому переходъ вновь пріобрѣтенной земли въ частную собственность былъ самъ по себѣ понятенъ.

При этомъ мы должны помнить, что древнѣйшіе примѣры раздѣла земли все же относятся къ временамъ, на нѣсколько столѣтій болѣе позднимъ, чѣмъ эпоха первоначальныхъ основаній дорическихъ государствъ [12]), и что въ теченіе этихъ столѣтій экономическія воззрѣнія и потребности могли существеннымъ образомъ измѣниться. Взглядъ Дункера, что поселенія, происходящія на почвѣ завоеваній, немыслимы безъ раздѣла земли между завоевателями, вѣренъ лишь постольку, поскольку дѣло касается устройства отношеній и дѣлежа земли съ исконнымъ населеніемъ; слѣдствіемъ оккупаціи былъ, вѣроятно, какъ видимъ въ Спартѣ, и новый раздѣлъ полей для урегулированія сельскаго хозяйства на территоріи, отнятой у исконнаго населенія. Что же касается надѣленія участками отдѣльныхъ семей господствующаго сословія, то способъ и организація его остаются для насъ все еще вопросомъ не рѣшеннымъ. Если, посредствомъ κατακληρουχεῖν болѣе позднихъ передѣловъ земли, земля переходила въ постоянное владѣніе отдѣльныхъ лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что такой порядокъ практиковался съ самаго начала. Гораздо болѣе вѣроятно, что такое тѣсно сплоченное военное товарищество, какимъ является спартанская господская община, въ которой необходимость постоянной готовности къ войнѣ обусловливала сама по себѣ существованіе извѣстныхъ общихъ институтовъ, держалось возможно долѣе товарищескаго принципа и въ отношеніи къ сообща пріобрѣтенной территоріи. Съ одной стороны, въ господскихъ государствахъ дорянъ не дѣйствовалъ главный мотивъ, толкавшій къ собственности,—личный трудъ и рождающіяся изъ него притязанія на исключительное пользованіе плодами своего труда; съ другой стороны, развитіе стремленія къ наживѣ и экономическому неравенству—неизбѣжное слѣдствіе частной собственности—представляло особую опасность для жизнеспособности самого государства. Возможно поэтому, что въ Спартѣ, также какъ и у дорійцевъ Липарскихъ острововъ, процессъ образованія собственности прошелъ черезъ сравнительно продолжительный періодъ товарищеской организаціи аграрнаго строя, т.-е., что весь комплексъ илотскихъ надѣловъ первоначально разсматривался какъ общественная собственность всей общины, отдѣльнымъ же лицамъ было предоставлено лишь временное право пользованія «жребіями» (κλῆροι).

Въ пользу такого предположевія легко можно подыскать аналогіи, какъ показываетъ примѣръ дорической Липары. Если въ подтвержденіе своей мысли Дункеръ указываетъ на частно-хозяйственныя формы, въ которыхъ въ новое время совершается заселеніе американскаго запада, то для противоположнаго толкованія съ такимъ же правомъ можно было бы сослаться на примѣръ современной Англіи, древнѣйшая колонизація которой, какъ извѣстно, часто соединялась съ аграрнымъ коммунизмомъ. Но какая польза отъ такихъ сомнительныхъ аналогій, разъ нѣтъ другихъ точекъ опоры?

Правда, есть лица, думающія, будто существуетъ цѣлый рядъ такихъ точекъ опоры, способныхъ будто бы разсѣять всякія сомнѣнія въ томъ, что аграрный строй Спарты, вплоть до отдаленныхъ временъ историческаго ея существованія, покоился на принципѣ общей собственности; въ Спартѣ — полагаютъ они—государство во всѣ времена оставляло за собою право собственности на раздѣленные надѣлы

пашни; эти надѣлы, до нѣкоторой степени, разсматривались какъ «государственные лены» и въ каждую данную минуту могли быть вновь конфискованы для новаго передѣла [13]).

Для доказательства этого взгляда прежде всего ссылаются на то, что часть Лакедемона, перешедшую въ непосредственное владѣніе спартанской аристократіи, обозначали общимъ терминомъ «πολιτικὴ χώρα» [14]), значеніе котораго, очевидно, совпадаетъ съ ager publicus. Но является ли такое объясненіе необходимымъ или даже только вѣроятнымъ? Нѣтъ положительно никакого основанія допускать, что въ Спартѣ общественная земля называлась иначе, чѣмъ въ остальной Элладѣ,— именно τὸ κοινόν, τὸ δημόσιον. И почему терминъ πολιτικὴ χώρα долженъ имѣть другое значеніе, чѣмъ «гражданская земля», т.-е. земля, раздѣленная между гражданами и подлежащая дѣйствующему для полныхъ гражданъ праву, въ противоположность землѣ, лежавшей въ округахъ подвластныхъ періэковъ [15])?

Въ гораздо большей мѣрѣ способно объяснить намъ понятіе πολιτικὴ χώρα Лакедемона извѣстное различіе въ области личнаго и имущественнаго права, господствовавшее въ Италіи и заключавшееся въ томъ, что италійская территорія, въ противоположность провинціальной, понималась какъ родная земля гражданъ, какъ спеціально гражданская территорія [16]). Эта земля, обрабатываемая, согласно обезпеченію со стороны государства, несвободнымъ рабочимъ населеніемъ, была необходимымъ условіемъ существованія цѣлаго класса гражданъ-спартіатовъ; она, очевидно, была принципіально предоставлена господствующему классу гражданъ, такъ что ни одинъ подданный, не получивъ правъ гражданина, не могъ пріобрѣсть земельной собственности въ той области, гдѣ лежали «древніе надѣлы» ἀρχαῖαι μοῖραι [17]); αἱ ἀρχῆθεν διατεταγμέναι μοῖραι [18]). Съ другой стороны, нормы обычнаго права, регулировавшія или, лучше, ограничивавшія пріобрѣтеніе и отчужденіе этихъ земельныхъ надѣловъ, естественно, не нашли себѣ примѣненія къ условіямъ земельнаго владѣнія тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили періэки.

Такимъ образомъ, понятіе πολιτικὴ χώρα обозначало не общественную землю, а спеціально гражданскую территорію, подчиненную строгому гражданскому праву, регулировавшему гражданскую земельную собственность, въ отличіе отъ собственности, стоящей внѣ этого строгаго права. Но если такъ, то сейчасъ же возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: развѣ аграрное стѣсненіе, налагаемое гражданскимъ правомъ, не заключаетъ въ себѣ достаточнаго количества такихъ моментовъ, которые все-таки исключаютъ возможность допустить существованіе настоящей собственности на надѣлы въ «гражданской землѣ»?

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что обычное у насъ понятіе частной собственности не примѣнимо къ владѣнію, которое не могло быть ни отчуждаемо, ни дѣлимо, и которое подлежало строго обязательному порядку наслѣдованія [19]). Но должны ли мы изъ-за этого, вмѣстѣ съ традиціонными взглядами изслѣдователей древняго міра, отвѣтить на поставленный выше вопросъ утвердительно? Конечно, нѣтъ! Не признавать за спартанскимъ землевладѣніемъ исторической эпохи характера собственности можетъ только тотъ, кто, сознательно или безсознательно, исходитъ изъ доктрины естественнаго права, полагающаго, что сущность собственности заключается въ неограниченномъ господствѣ надъ нею собственника. По опредѣленію естественнаго права всякое ограниченіе собственника является уже посягательствомъ, противорѣчащимъ самой идеѣ института собственности [20]). Но не кажется ли такое абстрактно-индивидуалистическое толкованіе права собственности, какъ неограниченной власти надъ объектомъ, до невозможности противорѣчащимъ исторіи? Не является ли оно апріорной фикціей, неосуществимость

которой ясна съ перваго же взгляда? Если задача права состоитъ въ томъ, чтобы «обезпечить жизненныя условія общества при посредствѣ принужденія» [21]), то вообще не можетъ существовать никакого права собственности, на которое не вліяла бы и которое не связывала бы необходимость постоянно принимать въ разсчетъ интересы общины; а этотъ разсчетъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, привести къ довольно существеннымъ ограниченіямъ отдѣльнаго лица, хотя бы оно и не переставало быть собственникомъ [22]).

Ограниченія собственности въ спартанскомъ аграрномъ правѣ имѣютъ именно указанную цѣль: обезпечить жизненныя условія существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Въ такомъ аристократическомъ, сословномъ государствѣ, какъ Спарта, власть господствующаго класса всецѣло опиралась на землевладѣніе. Земельная рента для всѣхъ принадлежавшихъ къ господствующему классу была необходимымъ условіемъ для поддержанія жизни, соотвѣтственно званію, жизни, свободной отъ всякаго пріобрѣтательнаго труда; она же обусловливала выполненіе ими ихъ обязанностей по отношенію къ государству. Жизненный интересъ заставлялъ поэтому господствующій классъ заботиться о томъ, чтобы, по возможности, обезпечить за входящими въ составъ его семьями владѣніе недвижимыми имуществами. А это было достижимо лишь при условіи основательнаго ограниченія отдѣльныхъ лицъ въ свободномъ распоряженіи земельной собственностью, которую и старались съ этою цѣлью замкнуть въ рамки семейнаго владѣнія. Поэтому во всей Греціи, при господствѣ древнихъ аристократическихъ учрежденій, встрѣчаются такія же ограниченія земельной собственности, какія мы находимъ въ Спартѣ [23]). Болѣе того, мы видимъ передъ собою явленіе, обыкновенно повторяющееся у большей части народовъ въ извѣстныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Тамъ, гдѣ общественный порядокъ покоится еще преимущественно на натуральномъ хозяйствѣ, или гдѣ земельная собственность составляетъ центръ жизни, тамъ повсюду само собою возникало сильное стремленіе къ сохраненію за семьею тѣхъ жизненныхъ благъ, на которыхъ только и можетъ основываться самостоятельное ея существованіе. Утрата этихъ благъ, при условіяхъ неразвитой экономической и государственной жизни, необходимо влекла за собою зависимость и пониженіе соціальной оцѣнки, а также и уменьшеніе личныхъ и политическихъ правъ. Эти мотивы въ Греціи еще усиливались религіозными интересами императивнаго характера; въ Греціи семейное имѣніе было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіемъ семейнаго культа и семейныхъ погребеній, забота о которыхъ принадлежала къ числу самыхъ священныхъ обязанностей потомковъ [24]).

Такое взаимодѣйствіе сословныхъ, экономическихъ и религіозныхъ мотивовъ въ древнѣйшія времена греческаго міра должно было вызвать ту же устойчивость въ землевладѣльческихъ отношеніяхъ, какую мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка у другихъ народовъ [25]). Сознанію древне-греческаго сельскаго населенія мелкихъ земельныхъ собственниковъ тамъ, гдѣ оно сумѣло сохранить свою первоначальную силу и стойкость, должно было казаться не менѣе постыднымъ, чѣмъ представителю благороднаго сословія, отчуждать полученный въ наслѣдство дворъ безъ настоятельной необходимости. Все древнѣйшее греческое право проникнуто такими вѣяніями, въ которыхъ указанныя выше тенденціи отпечатались очень отчетливо; правда, мы не всегда въ состояніи ясно представить себѣ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ фиксированнымъ закономъ запретомъ или съ обычаемъ, имѣвшимъ въ древнее время не меньшую принудительную силу. Даже въ такомъ промышленномъ и торговомъ государствѣ, какимъ были Аѳины, живо сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда распоряженія имуществомъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ не

были еще дозволены, такъ какъ, говоря словами Плутарха [26]), «домъ и имущество умершаго должны были оставаться за его семействомъ». Съ этимъ представленіемъ вполнѣ согласуется свидѣтельство Полибія, который противопоставляетъ господствовавшимъ у современныхъ ему беотійцевъ злоупотребленіямъ въ области права свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ по завѣщанію наслѣдованіе κατὰ γένος (родовое), господствовавшее въ Беотіи раньше [27]). Что касается, далѣе, неотчуждаемости въ Спартѣ полученнаго по наслѣдству земельнаго владѣнія, «древнихъ родовыхъ имѣній», то такая неотчуждаемость, по свидѣтельству Аристотеля, «искони» существовала въ дѣйствующемъ правѣ многихъ греческихъ государствъ [28]). И еще много лѣтъ спустя послѣ того, какъ пришелъ въ забвеніе самый принципъ, сохранились болѣе или менѣе важныя ограниченія въ правѣ отчужденія. Такъ, напримѣръ, въ Локрахъ, еще въ IV вѣкѣ продажа недвижимости, правда, разрѣшалась, но только въ случаѣ настоятельной нужды [29]). Древнее право Элиды разрѣшало отдѣльному лицу облагать ипотеками свой земельный участокъ только до опредѣленной суммы, чтобы хоть часть его обезпечить отъ грозящей, вслѣдствіе задолженности, потери [30]). Для другихъ государствъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, засвидѣтельствованы законодательныя мѣры, направленныя къ сохраненію существующихъ аграрныхъ отношеній, къ «сохраненію древнихъ родовыхъ имѣній» τοὺς παλαιοὺς κλήρους διασῴζειν [31]). При этомъ можно подразумѣвать или ограниченія раздѣла и отчужденія, или урегулированное государствомъ усыновленіе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно была введено въ Θивахъ такъ называемыми νόμοι θετικοί.

Гдѣ же, однако, во всѣхъ этихъ ограниченіяхъ свободнаго распоряженія недвижимымъ имуществомъ хоть малѣйшій слѣдъ того, чтобы этими ограниченіями отрицался самый институтъ частной земельной собственности?

Они свидѣтельствуютъ намъ о связанности земельной собственности въ интересахъ семьи и существующей общественной организаціи; но они отнюдь не исключаютъ самаго понятія собственности. Если, такимъ образомъ, законы о землѣ въ Спартѣ не знаютъ никакихъ другихъ ограниченій отдѣльнаго лица, кромѣ тѣхъ, съ которыми мы встрѣчаемся вообще въ древнѣйшемъ аграрномъ правѣ грековъ, то у насъ нѣтъ никакого основанія думать, что право индивидуума или семьи на землю въ Спартѣ принципіально понималось иначе, чѣмъ вообще въ древней Греціи.

Возможно, конечно, что въ Спартѣ соціализмъ типа военныхъ общинъ придавалъ принципу общинности и въ области землевладѣльческаго права несравненно большее значеніе и создавалъ болѣе строгія формы его осуществленія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Способъ примѣненія этого принципа, практиковавшійся по отношенію къ движимой собственности, дѣлаетъ такое предположеніе очень вѣроятнымъ. Легко можетъ быть, что такое государство, какъ Спарта, которое смотрѣло на личность гражданина, до нѣкоторой степени, какъ на свою собственность, такъ же понимало и имущество гражданина и считало себя собственникомъ всей земли, а гражданина—только временнымъ обладателемъ ея на основаніи права пользованія.

Если на вопросъ: «чей это домъ?» Штауфферъ отвѣчаетъ ландфогту: «это домъ моего господина и императора, вашъ и мой ленъ», то древній спартанецъ, для котораго государство воплощалось не въ одной личности, которому ближе была идея абстрактнаго государства, идея πόλις, на подобный вопросъ могъ легко отвѣтить: «мой домъ и имѣніе принадлежатъ государству». Возможно поэтому, что понятіе о верховномъ ленномъ правѣ, о верховной собственности государства на

территорію было опредѣленно проведено въ первоначальномъ аграрномъ правѣ Спарты.

Однакоже, разбирая такія возможности, мы, съ другой стороны, должны твердо помнить, что дѣло при этомъ идетъ именно только о возможностяхъ. Утвержденіе, будто спартанскіе земельные участки, «на основаніи дѣйствующихъ для нихъ правовыхъ установленій, оказываются не чѣмъ инымъ, какъ государственными ленами» [32]), несомнѣнно не основывается на имѣющихся у насъ фактическихъ данныхъ и потому можетъ быть названо слишкомъ поспѣшнымъ. Полагаютъ, что въ пользу такого характера государственныхъ леновъ, присущаго надѣламъ спартіатовъ, особенно говорятъ тѣ права, которыя принадлежали спартанскимъ царямъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ семейнаго права, въ частности вопросовъ о владѣніи. Изъ извѣстнаго показанія Геродота (VI, 57), по которому усыновленіе въ Спартѣ происходило въ присутствіи царей [33]), было выведено заключеніе, что государство, въ лицѣ царя, какъ представителя его притязаній на отдѣльные надѣлы, вступало, въ случаѣ отсутствія потомства у кого-нибудь изъ держателей надѣла, имѣвшаго право на наслѣдство, въ соглашеніе съ нимъ относительно другого способа передачи наслѣдства. Происходило это такимъ образомъ, что владѣлецъ надѣла «вызывалъ судебное рѣшеніе царя въ пользу опредѣленнаго усыновленія» [34]). Въ силу этой-то судебной власти царя государство, въ качествѣ собственника территоріи, сохраняло за собой законную возможность безпрестанно оказывать опредѣленное вліяніе на распредѣленіе земельной собственности. Царь, напримѣръ, имѣлъ право помѣшать тѣмъ усыновленіямъ, которыя влекли за собою соединеніе нѣсколькихъ надѣловъ въ одно владѣніе, вопреки интересамъ государства; напротивъ, царь могъ принудить къ такимъ усыновленіямъ, которыя доставляли надѣлъ непристроеннымъ сыновьямъ многосемейныхъ [35]). Совершенно такъ же толковали и то обстоятельство, что царю принадлежало право судебнаго рѣшенія въ дѣлѣ присужденія руки тѣхъ наслѣдницъ, которыя не были помолвлены еще ихъ отцами [36]). Основаніемъ тутъ служило только желаніе обезпечить за государствомъ право собственности на κλῆρος и дать ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность распоряжаться рукою и владѣніемъ наслѣдницъ въ пользу гражданъ, не имѣющихъ собственнаго имущества [37]).

Противъ такого воззрѣнія нужно прежде всего замѣтить, что, если даже въ Спартѣ право усыновленія и распоряженія рукою наслѣдницъ до такой степени систематически служило соціально-политической дѣятельности государства, то изъ этого одного еще не слѣдуетъ, будто государство при этомъ дѣйствовало въ качествѣ хозяина всей земли. Такое государство, какъ Спарта, ограничивавшее принудительной властью всѣ области жизни индивидуума, сферу его воли и правъ, могло безъ колебаній считать себя въ правѣ поступать такъ, даже въ томъ случаѣ, если земля составляла предметъ частной собственности. Понятіе частной собственности могло въ такомъ государствѣ издавна, и съ принципіальной точки зрѣнія, заключать въ себѣ вовможность подобныхъ ограниченій, которыя, впрочемъ,—какъ доказываютъ ѳиванскіе νόμοι θετικοί—и не были чисто-спартанскими, но практиковались по отношенію къ частной собственности и въ другихъ мѣстахъ.

Рядомъ съ этими соображеніями возникаетъ, однако, другой вопросъ: находитъ ли указанный взглядъ на отношеніе спартанскихъ царей къ имущественному праву какую-нибудь опору въ источникахъ? Въ томъ, что сообщаетъ намъ единственное извѣстіе Геродота, объ этомъ спорномъ правѣ царя рѣчи нѣтъ. Объ усыновленіяхъ въ Спартѣ Геродотъ говоритъ только, что они должны были происходить въ присутствіи царя. Имѣлъ ли и въ какой степени этотъ послѣдній

право утверждать усыновленія, намъ совершенно не извѣстно; не извѣстно также, могъ ли и въ какомъ направленіи царь вообще оказывать вліяніе на актъ усыновленія. Еще менѣе благопріятно обстоитъ вопросъ о правѣ царя въ дѣлахъ наслѣдницъ. Геродотъ въ приведенномъ мѣстѣ обозначаетъ дѣятельность царя при этомъ какъ «судоговореніе» [38]) (διχάζειν) [39]). Во всякомъ случаѣ, было бы полнымъ произволомъ понимать здѣсь слово διχάζειν (судить) въ общемъ значеніи «рѣшать». Если же при постановленіи о замужествѣ и имуществѣ наслѣдницъ дѣло шло о судебномъ рѣшеніи *правовыхъ* вопросовъ [40]), то представленіе о принятіи во вниманіе при этомъ не юридическихъ, т.-е. въ числѣ другихъ и соціально-политическихъ, соображеній само собою исключается. Очень трудно было бы также понять, почему государство, которое, въ силу своего права верховной собственности, могло въ послѣдней инстанціи постановлять рѣшенія о *всѣхъ* наслѣдныхъ имуществахъ вообще, проявляло эту власть въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ. Развѣ не слѣдовало бы скорѣе ожидать, что согласіе царя требовалось на бракъ *каждой* наслѣдницы, какъ это—съ полной послѣдовательностью—проводилось, напримѣръ, въ франко-норманнскомъ ленномъ правѣ? Какъ могъ «верховный феодалъ», считавшій своей задачей заботиться о томъ, чтобы ни одинъ участокъ земли не пустовалъ и чтобы не имѣющіе земли члены военной общины, по возможности, становились собственниками посредствомъ браковъ съ наслѣдницами [41]), какъ могъ онъ признавать право абсолютнаго рѣшенія отца, который, очевидно, очень часто рѣшалъ въ пользу состоятельнаго, а не бѣднаго претендента на руку наслѣдницы [42])?

Вѣдь, разъ государство имѣло право вмѣшиваться въ дѣла только тѣхъ наслѣдницъ, за которыми не стояла воля отца, то оно сразу уже ставило осязательныя границы выполненію главнаго своего намѣренія [43]). Въ дѣйствительности же фактическое примѣненіе со стороны спартанскихъ царей приписываемой имъ соціально-политической дѣятельности оставило послѣ себя въ реальныхъ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ Спартѣ, такъ мало слѣда, что всего черезъ два поколѣнія послѣ описываемаго Геродотомъ времени двѣ пятыхъ всей земельной собственности Спарты перешло въ руки женщинъ, тогда какъ значительная часть гражданъ не имѣла въ своемъ владѣніи достаточнаго количества земли [44]).

Итакъ, съ принципіальной точки зрѣнія мы не имѣемъ основаній понимать описанную Геродотомъ компетенцію спартанскихъ царей иначе, чѣмъ, напримѣръ, компетенцію перваго аѳинскаго архонта или римскихъ понтификовъ въ той же области семейнаго права. Участіе магистратуры, между тѣмъ, въ Греціи въ этомъ актѣ объясняется очень просто; объясненіе лежитъ въ тѣсной связи между сакральнымъ и семейнымъ правомъ, въ требуемой отъ личности усыновляемаго квалификаціи, наконецъ, въ общественно-правовомъ значеніи самаго акта усыновленія. Сама семья, продолжателемъ которой являлся усыновленный, имѣетъ также общественно-правовое значеніе, и политическая власть можетъ поэтому, естественно, желать сказать и свое рѣшающее слово въ этомъ дѣлѣ. Этотъ фактъ находитъ себѣ ясное выраженіе въ томъ, что въ актѣ усыновленія принимаютъ участіе, напримѣръ, въ Римѣ, собравшійся въ куріатныхъ комиціяхъ подъ предсѣдательствомъ pontifex maximus, populus Romanus, въ Аѳинахъ—демосъ, въ Гортинѣ—народное собраніе. Къ этому присоединялось—поскольку это касается права наслѣдницъ—общее основное положеніе права: за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ или усыновленныхъ при жизни, въ наслѣдство вступить можно только послѣ публичнаго процесса, который давалъ возможность всѣмъ, имѣвшимъ притязанія на наслѣдство, поддержать свои права [45]).

Почему объ оффиціальной дѣятельности спартанскихъ царей, проявлявшейся

въ той же самой области, мы должны судить съ другихъ точекъ зрѣнія? Мы тѣмъ менѣе имѣемъ на это право, что именно тутъ вмѣшательство царей вполнѣ мотивируется ихъ оффиціальнымъ положеніемъ. Какъ представители «общины», они были облечены, по отношенію къ богамъ страны, высшимъ жреческимъ достоинствомъ; какъ таковые, они были прирожденными охранителями религіозныхъ интересовъ, связанныхъ съ семейнымъ правомъ; уже на основаніи этого, спартанскіе цари, точно такъ же, какъ и римскіе понтифики, были призваны проявлять свое содѣйствіе при важныхъ актахъ семейнаго права.

Напротивъ, лишь только мы припишемъ царямъ право вмѣшательства въ соціалистическое урегулированіе имущественныхъ отношеній, лишь только мы установимъ на нихъ взглядъ, какъ на великихъ «подателей благъ» обездоленнымъ членамъ общества, передъ нами встанутъ тотчасъ же неразрѣшимыя затрудненія. Въ томъ видѣ, въ какомъ распредѣленіе государственныхъ полномочій въ Спартѣ было установлено вплоть до временъ Геродота, не цари спартанскіе были бы призваны защищать право собственности всей общины и интересы послѣдней, касающіеся «отечественной» земли, не они должны были бы «блюсти равенство владѣнія и правъ» [46]),—это право принадлежало бы той власти, которая уже тогда была верховною магистратурою въ Спартѣ, именно—эфорату. Если бы община желала выказать свои притязанія на распоряженіе отдѣльными надѣлами, то она, очевидно, въ это время сдѣлала бы это черезъ тѣ органы власти, которые собственно и олицетворяли суверенную волю и власть народа (т.-е. господствующаго сословія). При томъ ревнивомъ недовѣріи, съ которымъ господствующій классъ относился къ царской власти, опасаясь ея превращенія въ «тираннію», предоставленіе царямъ подобной дискреціонной власти въ одной изъ самыхъ важныхъ областей жизни было бы совершенно непонятнымъ. Между тѣмъ, уже съ давнихъ поръ институтъ эфоровъ, олицетворяя въ себѣ высшій надзоръ за общимъ государственнымъ «космосомъ», являлся «блюстителемъ» благополучія и интересовъ государства и соединялъ въ себѣ всѣ данныя для осуществленія такой власти [47]). Дѣйствительно, дѣломъ эфоровъ, напримѣръ, было рѣшеніе вопроса, имѣвшаго чрезвычайно важное значеніе для характера имущественныхъ отношеній и для развитія соціальнаго неравенства, вопроса о допустимости согласно закону обращенія въ Спартѣ золотой и серебряной монеты, вопроса, возникшаго въ Спартѣ въ исходѣ V и началѣ IV вѣка [48]).

Что же касается, наконецъ, до права постановленій, касавшихся общинной собственности, то, въ извѣстныхъ намъ случаяхъ—какъ, напримѣръ, при отпущеніи на волю илотовъ и при раздачѣ общинныхъ земель—этимъ правомъ не обладалъ ни одинъ правительственный органъ, а только сама суверенная община [49]).

Принимая во вниманіе эти факты, мы можемъ въ современномъ толкованіи спартанской царской власти, какъ верховнаго регулятора экономической жизни, усматривать не болѣе, какъ продолженіе той античной легенды о спартанскомъ соціально-образцовомъ государствѣ, которую намъ придется разбирать ниже. Такое толкованіе сходится съ античной легендой и въ томъ отношеніи, что тѣ же самыя черты, которыя заключаетъ въ себѣ картина идеальнаго государства легенды, созданная на основаніи соціальныхъ т е о р і й, оно переноситъ на жизнь древней Спарты. Сознательно или безсознательно, но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, передъ глазами изслѣдователей стояло «Государство Законовъ» Платона, государство, основанное фактически на томъ принципѣ, что каждый изъ его гражданъ, получающій участокъ на родной землѣ, долженъ «смотрѣть на этотъ участокъ, какъ на собственность общины» [50]). Въ государствѣ Платона, для осуществленія этой мысли,

имѣется и мощная центральная власть (ἀρχὴ μεγίστη καὶ τιμιωτάτη), которая «должна за всѣхъ помышлять» о томъ, чтобы земельный участокъ каждаго, та полоса земли, «которая является его родиной, и которую онъ долженъ почитать больше, чѣмъ дѣти почитаютъ свою мать», не была уменьшаема, и чтобы каждому гражданину, по возможности, было обезпечено участіе во владѣніи землею. Въ числѣ мѣропріятій (μηχανήματα) этого соціализма опредѣленно указано, что позднѣе родившимся сыновьямъ дается право на владѣніе такими имѣніями, у владѣльцевъ которыхъ нѣтъ мужского потомства. Допуская, что учрежденія Спарты представляютъ значительныя аналогіи съ учрежденіями идеальнаго государства Платона,—они безъ сомнѣнія служили Платону прообразами,—мы должны тѣмъ болѣе остерегаться сглаживать тѣ различія, которыя и здѣсь существуютъ между идеаломъ и дѣйствительностью [51]). Для насъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что развитіе исторической Спарты въ области аграрной политики во многомъ отличается отъ развитія соціальнаго государства легенды. Нельзя не признать въ высшей степени вѣроятнымъ, что первоначальный раздѣлъ земли между воинственнымъ племенемъ дорянъ произошелъ на основѣ самаго широкаго равенства. Это соотвѣтствовало тѣмъ взаимнымъ товарищескимъ отношеніямъ, которыя, естественнымъ образомъ, существуютъ при завоеваніи страны между членами военнаго союза. Каждый товарищъ имѣлъ въ данномъ случаѣ вполнѣ заслуженное право на пользованіе сообща завоеванной территоріей, и это право пользованія было, естественно, такимъ же равнымъ для всѣхъ, какъ равноправно было положеніе свободныхъ лицъ, входившихъ въ составъ войскового союза. Въ крайнемъ случаѣ царямъ войска и военачальникамъ вообще предоставлена была бо́льшая доля въ завоеванной территоріи, соотвѣтственно ихъ болѣе высокимъ заслугамъ и почетному положенію, — привилегія, отнюдь не нарушавшая общаго принципа. Но вступилъ ли одновременно съ раздѣломъ земли въ жизнь аграрный строй, разсчитанный на продолжительное сохраненіе первоначальнаго равенства и не признававшій частной собственности въ раздѣленныхъ земельныхъ участкахъ,—мы не знаемъ. Одно несомнѣнно: если въ Спартѣ и существовалъ такой строй, то онъ сравнительно рано вышелъ изъ практики. Древнѣйшее свидѣтельство въ области спартанской аграрной исторіи, относящееся къ VII вѣку,—политическія стихотворенія Тиртея,—рисуютъ нашему взору такія экономическія отношенія, при которыхъ индивидуальная собственность должна была уже давно существовать, о принципіальномъ же имущественномъ равенствѣ, въ томъ видѣ, какъ его принимаютъ Эфоръ и Полибій даже для значительно болѣе поздняго времени, не могло быть болѣе и рѣчи.

Рѣчь идетъ объ извѣстіи Аристотеля, почерпнутомъ изъ Тиртея; оно говоритъ о тяжеломъ внутреннемъ кризисѣ, который пережило спартанское государство въ суровыя времена второй мессенской войны. Въ первый разъ въ греческой исторіи встрѣчаемся мы здѣсь съ требованіемъ новаго раздѣла земли. Это требованіе раздалось со стороны разоренныхъ войной гражданъ (можетъ-быть, тѣхъ, что имѣли участки въ Мессеніи и теперь остались безъ хлѣба). Согласно извѣстію, свидѣтельствующему о «возмущеніяхъ среди аристократіи», это требованіе и для того времени должно было казаться столь же революціоннымъ, какимъ оно казалось и позже; поэтому Тиртей осуждаетъ его, ссылаясь на принципъ «благозаконія» (εὐνομία) [52]). Съ другой стороны, въ основаніе этого требованія, можетъ-быть, положено было указаніе на то, что отдѣльныя лица получили свои пашни во владѣніе отъ «общины», и что поэтому послѣдняя всегда имѣетъ право предпринять новое урегулированіе владѣльческихъ отношеній. Но, если уже и въ то время осуществить этотъ взглядъ можно было только насильственнымъ путемъ, то это доста-

точно доказываетъ, что такъ далеко заходящее вторженіе государственной власти въ существующее распредѣленіе земельной собственности не соотвѣтствовало болѣе правовымъ нормамъ и господствовавшему тогда правовому сознанію эпохи.

Какъ глубоко вкоренился институтъ частной земельной собственности, видно изъ того факта, что жившій немногимъ позже Тиртея Алкей могъ вложить въ уста одного спартанца выраженіе: «имущество создаетъ человѣка», и «бѣднякъ не можетъ быть благороднымъ» [53]). Эти слова служатъ яснымъ симптомомъ того, что экономическое неравенство — естественное слѣдствіе частной собственности—уже въ VII вѣкѣ было и въ Спартѣ болѣе или менѣе ощутительно. Можно ли было разсчитывать измѣненіемъ существовавшаго землевладѣнія обезпечить, очевидно, многочисленные неимущіе элементы, если бы въ рукахъ значительной части спартанцевъ уже не сосредоточились владѣнія, размѣръ которыхъ далеко превышалъ необходимую для жизни норму?

Имущественное неравенство отражается и въ одномъ существенномъ экономическомъ фактѣ. Въ Одиссеѣ, рисующей намъ уже условія жизни дорической Спарты [54]), Лакедемонъ восхваляется за процвѣтающее въ немъ коневодство:

ты владѣешь землею
тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотосъ и галгантъ
съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ [55]).

Итакъ, коневодствомъ здѣсь усердно занимались уже съ древнихъ временъ, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя лица; и если преувеличено утвержденіе, будто со времени персидскихъ войнъ спартанцы въ этомъ отношеніи превзошли всѣхъ другихъ грековъ [56]), то намъ, во всякомъ случаѣ, уже для V вѣка извѣстны многіе спартанцы, явившіеся побѣдителями на олимпійскихъ конныхъ состязаніяхъ [57]). Этотъ фактъ позволяетъ сдѣлать несомнѣнный выводъ о характерѣ имущественныхъ отношеній, потому что въ древности издавна ἱπποτροφία (коневодство) считалась доказательствомъ выдающагося богатства и сильно развитаго экономическаго неравенства [58]).

Впрочемъ, въ V вѣкѣ въ Спартѣ и въ другихъ свидѣтельствахъ очень ярко выступаютъ имущественныя противорѣчія, различіе между «οἱ πολλοί» (масса) и «οἱ τὰ μείζω κεκτημένοι» (крупные собственники) [59]); въ IV вѣкѣ такая дифференціація общества привела со стремительной быстротой къ крайностямъ маммонизма и пауперизма.

Отдѣлъ VII.—Соціальное государство легенды и соціалистическое естественное право.

Принятіе аграрнаго коммунизма за исходный пунктъ всего соціальнаго развитія Спарты могло бы получить вѣское подтвержденіе, если бы можно было доказать, какъ полагали нѣкоторые, дѣйствительное существованіе въ Спартѣ «древней» традиціи, которая ставила бы въ основу земельной организаціи принципіальное имущественное равенство и которая признавала бы за каждымъ спартіатомъ право на равный надѣлъ въ общей «гражданской землѣ». «Особенностью лакедемонскаго государственнаго строя — говоритъ Полибій въ неоднократно уже разбиравшемся мѣстѣ—является, какъ утверждаютъ, прежде всего организація земельнаго владѣнія; земли никому не полагается больше, чѣмъ другому, но требуется, чтобы всѣ граждане имѣли каждый равную долю въ гражданской землѣ» (VI, 45).

Если бы передъ нами здѣсь лежало точное и неискаженное историческое воспоминаніе, то гипотеза о строгой аграрной общинѣ для древнѣйшихъ временъ Спарты была бы фактически неопровержима. Для того, чтобы осуществить принципъ равенства земельной собственности, недостаточно было одинъ разъ раздѣлить землю на равныя доли (Платонъ, вѣроятно правильно, относитъ такое раздѣленіе территоріи къ моменту основанія государства). Измѣненіе числа гражданъ, случайности наслѣдованія и другія условія постоянно нарушали равновѣсіе въ землевладѣніи, и для устраненія возникавшаго неравенства требовались періодическіе передѣлы; только эти послѣдніе давали возможность провести въ жизнь притязаніе каждаго члена общины на равный надѣлъ. А при такомъ положеніи дѣла не можетъ быть и рѣчи о частной земельной собственности. И тутъ, однако, ясно обнаруживается шаткость нашихъ свѣдѣній и трудность придти къ рѣшительному, опредѣленному выводу. Въ изслѣдованіи Полибія о спартано-критскомъ строѣ, гдѣ стоитъ и приведенная выше цитата, названы только такіе источники, которые, по сравненію съ разбираемой нами сейчасъ эпохой, принадлежатъ весьма позднему времени: Платонъ, Ксенофонтъ, Эфоръ и Каллисѳенъ. Особенно проблематичнымъ кажется замѣчаніе о принципіальномъ имущественномъ равенствѣ въ Спартѣ уже по одному тому, что авторомъ этого замѣчанія нужно, безъ сомнѣнія, считать Эфора [1]); а ненадежность послѣдняго, неясное представленіе его о древнѣйшей спартанской исторіи, ложный прагматизмъ и искусственная подтасовка историческаго матеріала сразу же возбуждаютъ недовѣріе къ его показаніямъ.

Нужно, кромѣ того, помнить, что древнимъ историкамъ приходилось въ данномъ случаѣ обсуждать вопросъ, чрезвычайно остро интересовавшій какъ-разъ данное время,—вопросъ, занимавшій живѣйшимъ образомъ и теорію, и практическую политику той эпохи. Послѣднее обстоятельство уже издавна давало поводъ къ тому, чтобы исторію ставить въ служебное отношеніе къ взглядамъ современности. Литература, съ которой намъ въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло, возникла подъ вліяніемъ эпохи, когда спартанское государство было глубоко захвачено броженіемъ и переворотами. Положеніе первостепенной державы, достигнутое Спартой въ концѣ V и въ началѣ IV столѣтія, сильнѣйшимъ образомъ пошатнуло традиціи древне-спартанской государственной и общественной жизни. Деморализующее вліяніе стекавшихся со всѣхъ сторонъ въ Спарту богатствъ на образъ мыслей гражданства сказывалось въ возраставшей роскоши и алчности гражданъ; а давно уже замѣтная тенденція имущественнаго неравенства теперь, послѣ длиннаго періода войнъ, уменьшившаго численность гражданъ, стала проявляться еще сильнѣе. И въ то время, какъ Спарта IV вѣка слыла богатѣйшимъ городомъ Эллады [2]), въ ней быстро прогрессировало обѣднѣніе широкихъ народныхъ слоевъ; выполненіе государственныхъ повинностей стало уже имъ не подъ силу, и среди самихъ гражданъ безправная и безземельная масса сосуществовала съ незначительнымъ количествомъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ все больше и больше концентрировалась земельная собственность [3]). Къ этому присоединялись духъ беззастѣнчиваго насилія и острая жажда новизны, не останавливавшаяся даже передъ ниспроверженіемъ государственнаго строя. Воплощеніе этихъ новыхъ искапій мы особенно ярко видимъ въ личности Лисандра. Разлагающее вліяніе подобныхъ явленій было тѣмъ болѣе опасно, что въ то же время среди крѣпостного и подвластнаго населенія, а также и въ низшихъ классахъ самихъ гражданъ, продолжалось непрерывное броженіе, подрывавшее устои государственнаго зданія. Реакція была неизбѣжна. Создавшееся положеніе вещей должно было вызвать требованіе реформъ; и не только у тѣхъ, кто непосредственно страдалъ отъ него, а и у всѣхъ, патріотически настроенныхъ. Эта жажда реформъ

стала, естественно (поскольку это было возможно), искать удовлетворенія въ указаніи на порядки и житейскія нормы добраго стараго времени, порядки, обезпечивавшіе внутреннюю мощь Спарты [4]). И, конечно, не случайность, что спартанскій царь именно этого времени, Павсаній, положеніе котораго характеризуется уже его соперничествомъ съ Лисандромъ и учрежденіемъ олигархическаго эфората, написалъ сочиненіе о Ликургѣ. По остроумному замѣчанію Э. Мейера, это сочиненіе могло заключать въ себѣ только прославленіе «ликурговскихъ» установленій [5]); для насъ главный его интересъ заключается въ томъ, что Эфоръ пользовался имъ, какъ авторитетомъ въ спартанскомъ вопросѣ. Въ этомъ сочиненіи впервые всплываютъ тѣ, вѣроятно, вышедшія изъ Дельфъ, предсказанія [6]), которыми закрѣплялись основныя нормы древне-спартанской государственной жизни въ ихъ идеальномъ обликѣ; ихъ пытались объявить божественнымъ откровеніемъ (νόμοι πυθόχρηστοι) [7]), чтобы укрѣпить за ними обязательный на всѣ времена авторитетъ. Конечно, эти реставраціонныя тенденціи преобразовывали представленія о сути первоначальнаго государственнаго и общественнаго строя въ Спартѣ и вели къ бо́льшей или меньшей идеализаціи прошлаго. Да и могло ли быть иначе?

Сознательно или нѣтъ, идеалы и желанія настоящаго должны были слиться съ традиціонными воззрѣніями на прошлое, въ которомъ эти желанія искали своего оправданія. Такъ бываетъ во всѣ времена, когда противники существующаго порядка стремятся властью легенды сломить силу исторической дѣйствительности.

Съ другой стороны, развѣ не было естественно, что легенда особенно интенсивно сосредоточилась на тѣхъ явленіяхъ народной жизни, которыя стояли на первомъ планѣ общественнаго интереса? Общественный же интересъ того времени былъ поглощенъ именно соціальнымъ вопросомъ, проявившимся во всемъ своемъ значеніи въ заговорѣ Кинадона, въ началѣ IV вѣка. Дѣйствительно, именно въ этой области мы можемъ прослѣдить вторженіе въ наше преданіе тенденціозныхъ выдумокъ. Отвѣтъ оракула [8]), данный, будто бы, еще Ликургу и направленный противъ денежныхъ капиталовъ («стремленіе къ деньгамъ можетъ погубить Спарту, другое же ничто»), есть несомнѣнно продуктъ очень поздняго времени и, можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ не старше конца V вѣка, т.-е. момента описанной реакціи противъ развившагося капитализма и наводненія Спарты благородными металлами [9]). Такими же искаженіями исторической дѣйствительности являются какъ связываемое со взглядами на доброе старое время мнѣніе, будто движимое имущество у спартанцевъ раньше не играло никакой роли [10]), такъ и встрѣчающееся въ литературныхъ памятникахъ революціонной эпохи III вѣка [11]) утвержденіе, что созданное Ликургомъ равенство земельной собственности и даже число надѣленныхъ при немъ имуществомъ семействъ удержались безъ измѣненія, вплоть до извѣстнаго закона эфора Эпитадея. Безсмысленность такихъ представленій съ экономической точки зрѣнія ясна сама по себѣ, даже если бы мы не въ состояніи были прослѣдить въ Спартѣ развитія экономическихъ противоположностей богатства и бѣдности на длинномъ промежуткѣ времени, для котораго у насъ сохранились объ этихъ явленіяхъ достовѣрныя свидѣтельства. При такомъ положеніи дѣла естественно сразу же возникаетъ подозрѣніе въ достовѣрности извѣстія о принципіальномъ равенствѣ земельной собственности, извѣстія, тѣсно связаннаго съ вышеприведенными и, очевидно, не историческими представленіями [12]), обязанными своимъ происхожденіемъ соціально-политическому романтизму позднѣйшей эпохи. Извѣстіе это, конечно, такая же тенденціозная выдумка, какъ и предсказаніе богини Пасифаи, поведѣвшей современникамъ царя Агиса возстановить существовавшее раньше пресловутое равенство [13]).

Въ обществѣ, приведенномъ въ разстройство крайностями маммонизма и пауперизма, проявленіе коммунистическихъ тенденцій настолько естественно, что нужно было бы удивляться, если бы въ тогдашней Спартѣ отсутствовалъ этотъ лозунгъ соціальнаго недовольства.

Впрочемъ, возникновенія и развитія легенды отнюдь не слѣдуетъ искать въ одной только Спартѣ. Въ литературѣ IV вѣка вообще господствуетъ тенденція связать коммунистическіе и соціалистическіе идеалы того времени съ «ликурговской» Спартой и картину послѣдней создать на основѣ этихъ идеаловъ.

Поэтому, для всесторонняго и исчерпывающаго обсужденія вопроса, необходимо припомнить соціально-историческія построенія, созданныя этой литературой вообще, и особенно въ примѣненіи къ Спартѣ. Эти построенія, безплодныя для исторіи практическаго коммунизма, имѣютъ тѣмъ бо́льшее значеніе для исторіи коммунистическихъ и соціалистическихъ идей.

Описаніе идеальныхъ состояній народа является уже съ раннихъ временъ чрезвычайно характерной особенностью греческой исторіографіи. Стоитъ только вспомнить—не говоря уже о Геродотѣ—встрѣчающіяся въ историческихъ трудахъ Ѳеопомпа и Гекатея Абдерскаго описанія вполнѣ свободно созданныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ: это настоящіе «государственные романы» [14]); они проливаютъ яркій свѣтъ на всю духовную атмосферу того времени, когда возникла легенда о спартанскомъ соціальномъ государствѣ. Легко представить себѣ, насколько сильно былъ пропитанъ воздухъ баснями такого рода, если вспомнить, что даже и исторіографія въ серьезныхъ историческихъ произведеніяхъ поддалась искушенію и великую проблему времени стала представлять въ чисто-поэтическихъ образахъ [15]). Надо ли удивляться, что такая исторіографія, и при изображеніи дѣйствительной жизни, давала себѣ въ большей или меньшей степени волю тамъ, гдѣ она находила подходящій матеріалъ для примѣненія къ дѣлу своихъ умозрѣній? Имѣя возможность при помощи самой исторіи доказать исполнимость и разумность идеала равенства, можно было дать и гораздо болѣе вѣскій отвѣтъ на вопросъ, является ли существующая организація общества единственно возможной или справедливой. Факты исторіи и народной жизни одни только могли служить подтвержденіемъ общимъ выводамъ соціальной теоріи и тѣмъ самымъ доказать, что эти выводы способны принять извѣстную конкретную форму и дѣйствительно жизнеспособны. Такое подтвержденіе со стороны исторіи должно было казаться тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ острѣе и ярче на мѣсто общей теоріи становились единичные живые факты, т.-е. чѣмъ болѣе исторія становилась поэзіей. Впрочемъ, первый значительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ не исторіографіей, а соціальной теоріей; но первая вскорѣ пошла по стопамъ второй.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ ученіе объ естественномъ состояніи, въ томъ видѣ, какъ оно впервые подробно формулировано Платономъ. Корень этого ученія—въ неоднократно выдвигавшемся соціальной теоріей того времени требованіи: вернуться къ возможно простымъ, «согласнымъ съ природой» формамъ народнаго хозяйства, т.-е. къ тому состоянію, которое довольствуется производствомъ «необходимаго» и которое, путемъ возможнаго приближенія къ натуральному хозяйству, поставило бы самыя тѣсныя границы экономическому эгоизму и духу наживы [16]). Въ то время какъ идеальныя соціальныя перспективы рисуютъ лучшее будущее, безконечно далекое отъ исторической дѣйствительности, взглядъ, съ другой стороны, обращается къ прошлому; и, чѣмъ больше это прошлое удаляется отъ «искусственнаго» построенія современнаго общества, чѣмъ оно становится примитивнѣе и «естественнѣе», тѣмъ вѣроятнѣе кажется предположеніе, что идеалъ со-

временности былъ уже однажды осуществленъ въ этомъ прошломъ. Состоянія прошлаго становятся темой соціально-философскихъ построеній, романтическаго прославленія и одухотворенія. Желаннаго новаго ищутъ въ старомъ и, перенося собственные идеалы въ прошлое, стараются, со всѣмъ авторитетомъ традиціи, ополчиться противъ испорченнаго и превратнаго настоящаго. Такъ, въ «Законахъ» Платона рисуется то блаженное первобытное время, когда еще не проявлялись опасныя послѣдствія частной собственности: при незначительной густотѣ населенія, всѣ необходимыя потребности могли легко удовлетворяться, и всѣ люди имѣли одинаковую возможность стать обладателями необходимыхъ благъ. На этой счастливой зарѣ современнаго человѣчества, когда обладаніе земными благами однихъ не означало обездоливанія другихъ, между людьми, по мнѣнію Платона, не было еще никакого соперничества и экономической борьбы за существованіе. Въ своемъ простомъ, пастушескомъ быту люди еще и не подозрѣвали о нравственныхъ разрушеніяхъ, которыя влечетъ за собой жажда наживы и конкуренція, идущія рука-объ-руку по мѣрѣ развитія городской культуры [17]). Поэтому люди были проникнуты взаимной любовью и доброжелательствомъ. Они не знали ни богатства, ни лишеній бѣдности, дѣлающихъ даже противъ ихъ воли людей враждебными другъ другу [18]). «Общество, чуждое какъ богатства, такъ и нужды, можетъ наслаждаться величайшею чистотою нравовъ; въ немъ нѣтъ мѣста ни преступленію, ни недоброжелательству, ни зависти, ни враждѣ» [19]). Это состояніе блаженной невинности, правда, въ смыслѣ культуры стояло гораздо ниже болѣе позднихъ временъ; но оно далеко превосходило цивилизованный міръ основными соціальными добродѣтелями, нравственнымъ самоограниченіемъ и духомъ справедливости [20]); этому состоянію были совершенно чужды темныя стороны цивилизаціи—война, внутренніе раздоры, судебныя тяжбы и всѣ хитрости (μηχαναί), изобрѣтенныя человѣкомъ во вредъ своему ближнему.

Ясно, что для тѣхъ представленій, изъ которыхъ возникла сентиментальная идиллія этого непорочнаго первобытнаго состоянія, институтъ частной собственности долженъ былъ казаться источникомъ человѣческихъ бѣдствій.

Если только полная незначительность частной собственности обезпечиваетъ счастье человѣчества, то этому счастью наступалъ конецъ, лишь только, вслѣдствіе прироста населенія и увеличенія потребностей, общая естественная основа богатства утрачивала характеръ неистощимости. Присвоеніе имущества отдѣльными лицами все болѣе и болѣе ощущалось какъ исключеніе и обездоливаніе другихъ. И если возникшее соревнованіе въ пріобрѣтеніи экономическихъ благъ должно было стать могилой нравственности и соціальнаго мира, то, конечно, частная собственность, дававшая этому соревнованію широкій просторъ, являлась существенной причиной всякой деморализаціи. Поэтому-то Аристотель, опираясь на ученіе объ естественномъ состояніи и на предшествовавшее этому послѣднему описаніе спасительнаго вліянія коммунизма, могъ сказать о Платонѣ, что основой его ученія былъ взглядъ на частную собственность какъ на причину всякаго зла [21]). Во всякомъ случаѣ. въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, ученіе объ естественномъ состояніи и тогда и позже—въ XVIII столѣтіи—пришло къ принципіальному отрицанію частной собственности и къ провозглашенію общности имущества, какъ единственно истиннаго и соотвѣтствующаго природѣ состоянія.

Въ рѣшеніи этого вопроса видное мѣсто занимаетъ извѣстный ученикъ Аристотеля, Дикеархъ изъ Мессаны. Въ своей исторіи греческой культуры (подъ заглавіемъ «Жизнь Эллады»), изображая постепенное развитіе цивилизаціи, Дикеархъ не только использовалъ для своей цѣли ученіе объ естественномъ состоя-

ніи вообще [22]), но и пытался доказать, что развитіе частной собственности, въ особенности, является отклоненіемъ отъ счастливаго состоянія, отъ «закона природы».

Этому предшественнику Руссо [23]) такъ же, какъ и Платону, жизнь людей въ первобытномъ состояніи представлялась полной мира и согласія; отсутствіе распрей Дикеархъ объясняетъ тѣмъ, что общество, питавшееся, главнымъ образомъ, плодами и еще не умѣвшее приручать животныхъ, имѣло лишь ограниченныя потребности и не знало такихъ вещей, изъ-за обладанія которыми стоило бы враждовать и бороться («не было вражды другъ съ другомъ; не было достойнаго вниманія приза, изъ-за котораго кто-нибудь пожелалъ бы затѣять распрю») [24]). Взглядъ Дикеарха, такимъ образомъ, не отрицая прямо понятія частной собственности для первобытныхъ временъ, все же предполагаетъ такое состояніе общества, когда частная собственность не имѣла никакого значенія. Только стремленіе къ «излишнимъ благамъ» и связанный съ этимъ стремленіемъ переходъ къ скотоводству и хлѣбопашеству открываетъ людямъ широкое поле для борьбы: одни стремятся къ достиженію благъ, другіе—къ удержанію ихъ за собою. Интересы тѣхъ и другихъ не совпадаютъ [25]), и рука-объ-руку съ этимъ соревнованіемъ человѣческой алчности, съ этимъ взаимнымъ стремленіемъ къ большему (εἰς ἀλλήλοις πλεονεξία), идутъ несправедливость и насиліе, вражда и раздоры.

Ученіе о роковыхъ послѣдствіяхъ развитія частной собственности особенно рѣзко проводится въ, правда, поздней, примыкающей къ Посидонію, трактовкѣ Сенеки; впрочемъ, очевидно уже Посидоній, въ существенныхъ чертахъ, заимствовалъ свой взглядъ изъ болѣе ранней литературы [26]). «Алчность — говоритъ онъ— разорвала братскія узы, первоначально соединявшія людей между собою, тогда, когда они были неиспорченны и послушны законамъ природы. Но уклоненіе отъ этихъ законовъ не принесло пользы человѣчеству: страсть къ наживѣ стала источникомъ бѣдности даже для тѣхъ, кого она больше другихъ обогащала. Люди перестали владѣть всѣмъ, начавъ добиваться опредѣленной собственности».

При выясненіи нашего вопроса мы тѣмъ болѣе въ правѣ сослаться на взгляды Сенеки и Посидонія, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о тѣхъ представленіяхъ, слѣды которыхъ можно найти въ ученіи стоической школы, вплоть до ея основателя, бывшаго современникомъ Дикеарха. Уже этика киниковъ, къ которымъ такъ тѣсно примыкала древнѣйшая Стоя, проповѣдывала возвращеніе къ нетребовательности первыхъ людей, она восхваляла такую жизнь, какъ состояніе истинной свободы [27]). Идеальное государство Зенона [28]), въ данномъ отношеніи примыкавшее къ духу кинической школы, очевидно навѣяно идеей естественнаго состоянія. Въ этомъ государствѣ не было ни храмовъ, ни судовъ, ни гимнасіевъ, ни денегъ [29]); въ немъ вполнѣ осуществлялась общность женъ [30]) и возможно полное равенство половъ; общая нивелировка людей доводилась до полной одинаковости образа жизни, которая опредѣленно сравнивается [31]) съ общей жизнью стада [32]). Такое государство любви, свободы и согласія [33]), очевидно, должно было осуществлять въ себѣ и общее отреченіе отъ частной собственности, такъ какъ лишь это послѣднее обезпечивало полное воплощеніе того самодовленія, той αὐτάρκεια, которая соотвѣтствовала кинико-стоическому идеалу истинно свободной и согласной съ природой жизни [34]) (τοῦ ἀκολούθως τῇ φύσει ζῆν).

Могло ли это ученіе считать соединимыми «свободу» естественнаго состоянія съ институтомъ частной собственности [35])? Вѣдь общность имущества является только самымъ совершеннымъ выраженіемъ того всесильнаго стремленія къ единенію (οἰκείωσις), которое, по ученію Стои, связываетъ между собою всѣ разумныя

существа, и въ силу котораго «нельзя жить для себя, не живя для другихъ» [36]). Если этотъ законъ природы, оказывающійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и закономъ разума, требуетъ такого полнаго растворенія отдѣльнаго индивидуума въ общей жизни цѣлаго, служенія отдѣльнаго лица цѣлому [37]), то какимъ образомъ Стоя, примыкая къ народной легендѣ о золотомъ вѣкѣ, могла учить объ абсолютномъ господствѣ естественнаго права въ счастливыя первобытныя времена человѣчества, и въ то же время не противопоставлять идеала общинно-хозяйственной жизни экономическому индивидуализму положительнаго права, возникшаго, по воззрѣніямъ стоиковъ, изъ испорченности людей [38])?

На томъ же кругѣ идей, какъ и ученіе объ естественномъ состояніи, основывается идеализированіе такъ называемыхъ примитивныхъ народовъ, идеализированіе, которое мы встрѣчаемъ въ этнографическихъ описаніяхъ греческой литературы, преимущественно у Эфора.

Міровоззрѣніе, для котораго освобожденіе отъ болѣзненныхъ соціальныхъ явленій, неизбѣжныхъ при высоко развитой культурѣ, заключалось только въ возвращеніи къ «природѣ», должно было, конечно, интересъ и воображеніе свое направлять преимущественно на границы культурнаго міра — на тѣ народы, все существованіе которыхъ оказывалось вѣрнымъ отраженіемъ естественнаго состоянія и отзвукомъ грезъ о лучшемъ прошломъ собственной націи. Эти народы еще стояли на той ступени экономической жизни, гдѣ бѣдность и отсутствіе потребностей сами по себѣ соединялись съ осуществленіемъ въ широкихъ размѣрахъ соціальнаго равенства между свободными соплеменниками. Сообразно этому, у первобытныхъ народовъ въ тѣхъ соціальныхъ ихъ союзахъ, которые опредѣляли характеръ примитивнаго уклада народной жизни, въ семьѣ, родѣ и племени старались найти и находили чрезвычайно сильное и живое чувство общественнаго единенія [39]). Это чувство единенія, господствовавшее внутри указанныхъ союзовъ, вело къ далеко идущимъ требованіямъ экономической справедливости [40]), къ такой организаціи владѣльческихъ отношеній, которая, по крайней мѣрѣ, у кочевыхъ скиѳскихъ племенъ, казалась болѣе или менѣе точно выраженнымъ коммунизмомъ [41]). Что же извлекла изъ этихъ фактовъ идеалистическая соціальная философія грековъ?

О «νόμιμα βαρβαρικά» (варварскихъ обычаяхъ) историки и философы, ревностно ихъ собиравшіе, говорятъ въ такомъ тонѣ, будто въ нихъ облеклись въ плоть и кровь высшіе политическіе и общественные идеалы эллинскаго міра! Въ одномъ описаніи, относящемся вѣроятно ко времени Посидонія, а можетъ-быть, даже и Эфора, о скиѳахъ говорится, что сама природа даровала имъ то, чего греки не могли добиться, не взирая на всѣ ученія своихъ философовъ [42]). Грубую мѣрку экономической справедливости, естественно вытекавшую у первобытнаго человѣка изъ общей жизни въ узкомъ соціальномъ кругу и изъ чувства равенства, свойственнаго низшимъ ступенямъ культуры, греки безъ оговорокъ отожествили съ высокой идеей справедливости, воздающей каждому должное, т.-е. съ той идеей, къ которой пробилась, наконецъ, многовѣковая моральная работа культуры.

Δικαιοσύνη (справедливость) является главной чертой народнаго характера скиѳовъ, руководящимъ мотивомъ поступковъ этихъ «справедливѣйшихъ» изъ людей [43]), точно такъ же, какъ у Платона, который выставлялъ δικαιοσύνη какъ основной принципъ своего идеальнаго государства, или у извѣстнаго ученика Стои — Арата, который считалъ ее жизненнымъ элементомъ той блаженной, давней эпохи, когда Дике, воплощенная, царствовала на землѣ [44]). У скиѳовъ, являвшихъ примѣры соціальной справедливости, предполагалось осуществленнымъ все то, въ чемъ

идеализмъ тогдашнихъ соціальныхъ теорій усматривалъ необходимый результатъ истинно справедливой жизненной организаціи. Если Платонъ ожидалъ, что коммунистическія учрежденія его «живущаго добрыми законами» государства устранятъ всякую вражду и споры, примыкающіе всегда къ борьбѣ изъ-за собственности [45]), то такой историкъ, какъ Эфоръ, въ восхваляемой имъ, какъ εὐνομία (добрые законы) [46]), общественной организаціи нѣкоторыхъ скиѳскихъ племенъ, видитъ уже фактическое осуществленіе своего идеала. Коммунистическіе институты скиѳовъ, по его мнѣнію, исключаютъ всякое стремленіе къ наживѣ. Скиѳы—οὐ χρηματισταὶ (не пріобрѣтатели) и потому свободны отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, которыя Платонъ оплакиваетъ какъ послѣдствія χρηματισμός (жажды къ пріобрѣтенію) [47]). Вражда, зависть и рабская трусливость скиѳамъ не знакомы [48]). Но Эфоръ идетъ еще дальше. Спекулятивная философія установила, будто существенной чертой «справедливости» и естественнаго состоянія являются пощада животныхъ и воздержаніе отъ мясной пищи [49]); уже древнѣйшая исторіографія ввела эту черту въ идеализирующее описаніе сѣверныхъ легендарныхъ народовъ [50]). Эфоръ же нисколько не сомнѣвается въ томъ, что идеалъ этотъ былъ на дѣлѣ осуществленъ «благочестивыми соплеменниками мудраго Анахарсиса» [51]). Одного стариннаго наименованія этихъ кочевниковъ «галактофагами» достаточно для Эфора, и онъ безъ всякихъ оговорокъ, несмотря на отсутствіе другихъ данныхъ, включаетъ легенду о ихъ воздержаніи отъ мяса въ исторію [52]).

Еще дальше заходятъ выводы, основанные на широко распространенныхъ недоразумѣніяхъ, къ которымъ далъ поводъ, наблюдавшійся у нѣкоторыхъ народовъ сѣвера, и не понятый въ своей сущности институтъ поліандріи между родственниками и своеобразное положеніе женщины въ скиѳскомъ брачномъ и наслѣдственномъ правѣ [53]). По скиѳскому и монгольскому праву женщина считалась семейной собственностью, которую дѣти имѣли право получить по наслѣдству, какъ и всякое другое семейное имущество. Въ представленіи грековъ изъ этого факта создалась та утрированная общность женъ и дѣтей, которую имѣла въ виду соціальная теорія Платона и особенно соціальная теорія киниковъ [54]). Съ такимъ представленіемъ естественно и сама собою такъ же, какъ и у Платона, соединялась идея о невозмутимой гармоніи общества и о ненарушимомъ соціальномъ мирѣ. Еще Геродотъ, говоря о жившемъ по сосѣдству со скиѳами народѣ, сообщалъ, что у него практиковалась широкая общность женъ съ той цѣлью, «чтобы всѣ были между собою братьями и родственниками, и чтобы люди не питали другъ къ другу ни зависти, ни вражды» [55]). Эфоръ о своихъ галактофагахъ повѣствуетъ уже, что у нихъ, вслѣдствіе той же самой общности женъ, «всякій старый человѣкъ назывался отцомъ, всякій молодой—сыномъ, всякій равный по возрасту—братомъ» [56]), обычай, совпадающій съ обычаемъ идеальнаго государства Платона [57]). Не удивительно, что у своего образцоваго народа Эфоръ и въ экономической области находитъ осуществленіе идеала соціальной справедливости,—идеала, не уступающаго самымъ смѣлымъ грезамъ соціалъ-экономической метафизики его времени. Въ оставленномъ Эфоромъ описаніи скиѳской народной жизни мы встрѣчаемъ неясную идею чистаго коммунизма, представленіе о такомъ соціальномъ состояніи, въ которомъ отсутствуетъ какая бы то ни было частная собственность, какъ земельная, такъ и на предметы пользованія и потребленія; экономическія же условія жизни и удовлетвореніе потребностей для всѣхъ отдѣльныхъ лицъ или семей—абсолютно одинаковы. Самъ Платонъ, коммунистическій идеалъ котораго, очевидно, служилъ тутъ прообразомъ, не вѣрилъ въ возможность полнаго осуществленія такого рода коммунизма. Онъ ограничиваетъ его—какъ дѣйствительную жизненную

норму, имѣющую общее значеніе—особымъ классомъ населенія своего идеальнаго государства и, кромѣ того, предвидитъ неизбѣжность отклоненій даже внутри этого класса отъ строго коммунистическаго принципа [58]). Эфоръ не сомнѣвается. Онъ безъ колебаній и безъ затрудненій мыслитъ цѣлый народъ живущимъ въ состояніи чистаго коммунизма. Подъ перомъ этого историка, изъ простого и яснаго факта общаго хозяйства кочевниковъ создается совершенно фантастическій коммунизмъ, представляющій собою не что иное, какъ хитросплетеніе невышколеннаго и сбивчиваго умозрѣнія объ экономическихъ предметахъ.

Отъ исторіографіи, предававшейся подобнымъ самообманамъ въ явленіяхъ современной ей народной жизни, трудно ожидать серьезнаго стремленія взглянуть реально исторіи прямо въ глаза [59]), особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось временъ, преданіе о которыхъ совершенно затемнено было легендой. Характернымъ примѣромъ того, что историческая фантазія могла создать въ области, являвшейся для нея до нѣкоторой степени бѣлымъ листомъ бумаги, служитъ литература о «ликурговой» Спартѣ, колоссально разросшаяся въ IV и III вв. Достаточно указать только слѣдующій извѣстный фактъ: по собственному признанію Плутарха [60]), о жизни и законодательствѣ Ликурга рѣшительно не знали ничего точнаго; и все-таки Плутархъ, на основаніи указанной литературы, даетъ наглядный, касающійся всѣхъ подробностей, разсказъ о самóмъ законодателѣ и о его реформахъ. Это обстоятельство краснорѣчиво доказываетъ, что источники такихъ разсказовъ объ идеальныхъ древнихъ временахъ Спарты должны были носить на себѣ болѣе или менѣе романтическій отпечатокъ, если только они и дѣйствительно не были государственными романами. Въ такую эпоху, когда изъ чисто-политическихъ интересовъ республиканскій эллинскій міръ создалъ идеальный образъ ц а р я (въ политическомъ романѣ Ксенофонта «Киропедія»), развѣ могло врожденное національное стремленіе къ образности изображенія пройти мимо такихъ государственныхъ и соціальныхъ учрежденій, которыя такъ близко соприкасались съ самыми насущными жизненными вопросами и интересами, со всѣми соціально-политическими теоріями и экономически-философскими идеями времени?

Въ государственномъ строѣ Спарты передъ глазами Греціи находилось соціально-политическое твореніе, въ которомъ соціалистическая доктрина о государствѣ данной эпохи усматривала давнишнее осуществленіе своихъ главныхъ выводовъ; твореніе, гдѣ господство государства надъ обществомъ казалось выраженнымъ съ безпримѣрной энергіей—по крайней мѣрѣ, въ раннія времена. Съ помощью своей однородной и стройной системы общественнаго воспитанія гражданъ, это государство сумѣло, по мѣрѣ возможности, охранить подраставшія поколѣнія отъ вліянія собственности и ея распредѣленія. Въ жизни взрослыхъ гражданъ Спарты господствовалъ тотъ же принципъ общности и равенства; на каждое отдѣльное лицо и на его имущество онъ налагалъ широкія соціальныя обязанности; принципъ подчиненія общимъ цѣлямъ, повсюду игравшій роль сдерживающей силы противъ возраставшихъ стемленій личнаго эгоизма, былъ такъ сильно развитъ, что оказался въ силахъ сравнительно надолго поддержать въ Спартѣ невзыскательность воина и старинную простоту нравовъ, несмотря на роскошь и соблазны сильно шагнувшей впередъ культуры окружающаго міра. Какой мощной рукой, наконецъ, это «укрощающее мужей» [61]) государство вторгалось и въ имущественную жизнь своихъ гражданъ! Упорно поддерживая примитивную денежную систему, самымъ рѣшительнымъ образомъ затруднявшую образованіе капитала, сохраняя строгую связанность аграрнаго владѣнія и исключая всякій пріобрѣтательный трудъ, государство старалось удер-

жать имущественную жизнь гражданъ въ соотвѣтствіи со своими жизненными условіями и цѣлями!

Естественно, что соціальная теорія, смотрѣвшая на развитіе индивидуальныхъ силъ, особенно на стремленіе къ пріобрѣтенію и на возрастаніе богатства, какъ на разрушеніе соціальнаго счастья и національной нравственности, не могла, на ряду съ первобытными народами, найти болѣе подходящаго, чѣмъ Спарта, объекта для исторической экземплификаціи своихъ идеаловъ. На примѣрѣ Спарты можно было доказать возможность существованія такой организаціи общества, при которой частная собственность служила не только частнымъ цѣлямъ индивидуума, но и, прежде всего, сохраняла за собой соціальный характеръ. Примѣръ Спарты показывалъ, что имущественный строй самыхъ передовыхъ и свободныхъ общинъ эллинскаго міра не является еще послѣднимъ и самымъ совершеннымъ словомъ, но что частная собственность, въ интересахъ гармоничнаго развитія цѣлаго, должна пройти черезъ рядъ извѣстныхъ ограниченій или измѣненій. Далѣе, институты Спарты, какъ и жизнь упомянутыхъ выше примитивныхъ народовъ, давали возможность при построеніи идеалистическихъ фикцій найти опредѣленныя точки отправленія. Воображенію рисовалась такая эпоха, когда описанныя выше тенденціи централистической и государственно-соціалистической политики [62]), въ современной Спартѣ уже сильно ослабленныя или существеннно извращенныя, дѣйствовали въ первоначальной силѣ и чистотѣ; стоило только при попыткѣ создать себѣ болѣе точное представленіе о той эпохѣ, хотя бы немного поддаться вліянію идей, рисовавшихъ строй образцоваго соціальнаго государства, и можно было легко, въ это время соціальныхъ утопій, нарисовать себѣ древнюю Спарту въ видѣ представительницы имущественнаго и общественнаго строя, почти не уступавшаго даже платоновскимъ и кинико-стоическимъ идеаламъ и осуществлявшаго самымъ радикальнымъ образомъ принципъ экономическаго равенства и справедливости.

Для описаннаго процесса идеализаціи очень характерны представленія объ этической и соціально-политической цѣнности институтовъ древней Спарты, поскольку эти послѣдніе отразились въ греческой литературѣ, главнымъ образомъ, начиная съ IV вѣка. Трактатъ о «государствѣ лакедемонянъ» находитъ въ Спартѣ наиболѣе совершенное осуществленіе той нравственно-прекрасной жизни, которую греческое ученіе о государствѣ ставило высшей цѣлью государства. Благодаря совершенно исключительнымъ заботамъ о нравственныхъ интересахъ, Спарта сдѣлалась, согласно этому воззрѣнію, воплощеніемъ ἀρετή (доблести), какъ никакое другое государство въ мірѣ. Въ ея институтахъ живетъ непреодолимая внутренняя сила, вызывающая расцвѣтъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей [63]); опасныя же соціальныя заблужденія, жажда наживы и стремленіе къ обогащенію въ ней совершенно немыслимы [64]). Естественно, что такое государство не могло быть затронуто ужасомъ борьбы интересовъ и классовой ненависти, подтачивавшихъ остальной міръ. И если среди идеальныхъ чертъ спартанской государственной и народной жизни особенно сильно подчеркивается этотъ миръ и «единодушіе гражданъ», то основаніемъ тутъ служитъ не простая тривіальность, а глубокая тоска той эпохи по соціальному миру.

Первымъ въ такомъ тонѣ заговорилъ Исократъ. По его мнѣнію, равенство и свобода, въ томъ видѣ, какъ они осуществлены были въ Спартѣ, служили безусловной гарантіей внутренняго мира [65]). Ученикъ Исократа, Эфоръ, возвращается къ той же мысли, особенно выдвигая моментъ экономическаго равенства [66]). Взглядъ Эфора несомнѣнно точно переданъ въ изслѣдованіи Полибія о спартанскомъ государствѣ (VI, 45) [67]). Здѣсь о миѳическомъ законодателѣ и соціальномъ

мессіи Спарты говорится: это былъ единственный человѣкъ на землѣ, правильно понявшій истинную сущность государства, а именно—способность обороняться и единодушіе среди гражданъ. Въ е г о государствѣ стремленіе имѣть больше или «стать больше», чѣмъ другіе—πλεονεξία—или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, «соревнованіе о большемъ и меньшемъ» (ἡ περὶ τὸ πλεῖον καὶ τοὔλαττον φιλοτιμία) вырвано съ корнемъ, благодаря чему спартанцы долго не знали внутреннихъ раздоровъ и наслаждались тѣми условіями гражданскаго существованія, счастливая гармонія которыхъ не имѣла себѣ равной во всей Элладѣ [68]).

Подобную же идеализацію Спарты мы встрѣтили бы, безъ сомнѣнія, и въ недошедшихъ до насъ политическихъ трактатахъ стоиковъ. Они сдѣлали Спарту предметомъ литературнаго прославленія не только потому, что ея устройство отвѣчало ихъ ученію о наилучшемъ раздѣленіи политической власти, но, по меньшей мѣрѣ, настолько же потому, что соціально-политическій строй Спарты соприкасался съ идеалами Стои [69]). Въ VI книгѣ Полибія, политическія разсужденія котораго всецѣло проникнуты духомъ стоиковъ и отчасти непосредственно навѣяны ихъ литературой [70]), о спартанскомъ государствѣ, между прочимъ, говорится приблизительно слѣдующее: преимущества и особенности лучшаго государственнаго строя такъ счастливо сочетались въ немъ между собою, что, необходимое для здоровья государства, равновѣсіе всѣхъ политическихъ факторовъ никогда не могло быть нарушено преобладаніемъ о д н о й какой-нибудь части [71]). И далѣе—«желая обезпечить согласіе гражданъ, сохранить въ цѣлости территорію и поддержать свободу въ Спартѣ, Ликургъ въ своемъ законодательствѣ и въ предвидѣніи будущаго дѣйствовалъ такъ искусно, что хочется думать скорѣе о божеской, чѣмъ о человѣческой мудрости. Равенство имущества и простой образъ жизни, одинаковый для всѣхъ, должны были воспитать въ гражданахъ чувство самоотреченія въ ихъ частной жизни и обезпечить государству непоколебимый внутренній миръ» [72]). Здѣсь, по мнѣнію Полибія, умѣніе человѣка самому удовлетворить свои потребности составляло жизненный принципъ [73]), это та αὐτάρκεια, которая, какъ мы уже знаемъ, была жизненнымъ идеаломъ стоиковъ [74]).

Тѣ же самые взгляды проводятся, наконецъ, и въ написанной Плутархомъ біографіи Ликурга. Только форма этого произведенія, можетъ-быть, является личнымъ достояніемъ автора; къ традиціонному идеальному образу Ликурга онъ, очевидно, не прибавилъ ни одной новой черты. Плутархъ восхваляетъ установленія Ликурга за то, что они изгнали изъ государства высокомѣріе, зависть, роскошь и е щ е х у д ш і я и б о л ѣ е д р е в н і я б о л ѣ з н е н н ы я я в л е н і я о б щ е с т в е н н о й ж и з н и—б ѣ д н о с т ь и б о г а т с т в о [75]). Тенденція этихъ установленій направлена къ тому, чтобы всѣхъ гражданъ въ ихъ совмѣстной жизни поставить въ одинаковыя жизненныя условія; спартанскія установленія допускаютъ только одно отличіе—по степени добродѣтельности [76]). По мнѣнію Плутарха, особенныхъ чудесъ надѣлало введеніе желѣзной монеты. Съ исчезновеніемъ золота и серебра сразу исчезло и все безнравственное. Воровство, подкупъ, обманы и грабежи утратили всякій смыслъ, такъ какъ не было больше цѣнностей, пробуждавшихъ алчность [77]). Въ томъ же наивно преувеличенномъ тонѣ, примыкая къ Θеофрасту (слѣдовательно, опять-таки, къ писателю IV вѣка), Плутархъ восхваляетъ сисситіи: благодаря имъ, богатство утратило всякую прелесть и само стало бѣдностью, а Спарта, согласно пословицѣ, сдѣлалась единственной страной, гдѣ богатство не имѣло глазъ и было подобно статуѣ безъ души и жизни [78]). Это было поистинѣ такое государство, творецъ котораго, при видѣ своего творенія, могъ чувствовать радость, испытанную Богомъ при созданіи міра [79]). И Пиѳія въ стихахъ, уже включенныхъ Эфоромъ въ его исторію, спра-

ведливо прославляла данную спартанцамъ εὐνομία какъ даръ, не выпавшій на долю больше ни одному государству вселенной [80]).

Итакъ, ясно, что традиціонное изображеніе Спарты носитъ на себѣ существенныя черты государственнаго романа; и если этотъ видъ поэтическаго творчества въ духѣ Шиллера мѣтко принято называть «сентиментальной идилліей», то чѣмъ же инымъ было образцовое спартанское государство, какъ не такой идилліей, какъ не «созданіемъ поэтической картины, въ которой борьба, напряженіе и нужда неудовлетворительной дѣйствительности совершенно отброшены, и чистый идеалъ мыслителя, въ полномъ и гордомъ обликѣ, проявляется какъ реально существующій» [81]). Монтескьё, не сознавая, впрочемъ, всего значенія своихъ словъ, совершенно правильно говоритъ, что, читая описанныя въ біографіи Ликурга установленія, кажется, будто читаешь извѣстный соціальный романъ Вэрасса «Исторія севарамбіевъ» [82]). Плутархъ справедливо находитъ точки соприкосновенія между теоріей и традиціей, правда, не отдавая себѣ отчета въ легендарномъ характерѣ послѣдней; между тѣмъ именно легендарностью традиціи и объясняется это совпаденіе теоріи и традиціи. Исходя изъ отмѣченнаго совпаденія, Плутархъ замѣчаетъ, что спартанскій законодатель реально воплотилъ ту цѣль, которая, при созданіи ихъ теорій, носилась передъ Платономъ, Діогеномъ, Зенономъ и другими; онъ вызвалъ къ существованію государство, недоступное по своему совершенству для подражанія, и тѣмъ, кто считалъ идеалъ мудреца недостижимымъ даже для отдѣльныхъ лицъ, поставилъ воочію передъ глазами цѣлый городъ мудрецовъ [83]).

Городъ мудрецовъ! Развѣ это не достаточно характерно рисуетъ ту связь идей, изъ которой возникло идеальное государство Спарты! Это же выраженіе показываетъ намъ, что идеализированная Спарта служила, вмѣстѣ съ тѣмъ, политической параллелью, дополненіемъ индивидуальнаго идеальнаго образа нравственности, созданнаго въ понятіи «мудреца» греческой моральной философіей со времени киниковъ, главнымъ образомъ, философіей стоиковъ [84]). Стоическая этика въ этомъ понятіи мудреца обладала такъ наз. φαντασία καταληπτική, образомъ, обладавшимъ непосредственно силою убѣжденія, «критеріемъ», на основаніи котораго создавалась норма для индивидуальныхъ дѣйствій; совершенно также идеальный образъ древне-спартанскаго государства являлся такого рода φαντασία καταληπτική, содержавшей въ себѣ «критерій истины» для созданія наилучшей формы государственной и общественной жизни [85]).

Но если древне-спартанское государство въ такой степени соотвѣтствовало требованіямъ раціональнаго права, то въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключалось и принципіальное согласіе съ требованіями естественнаго права—по воззрѣнію всѣхъ тѣхъ, кто, какъ стоики, усматривали въ «законѣ разума» законъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе объ естественномъ состояніи самымъ тѣснымъ образомъ соприкасается съ вышеизложенными взглядами на древнюю Спарту. Развѣ съ картиной этого идеальнаго образцоваго государства не совпадаютъ буквально и дословно главныя черты естественнаго состоянія, какъ-то: отсутствіе какого-либо значенія экономическихъ благъ, свобода отъ всякой плеонексіи и нарушеній соціальнаго мира, довольство немногимъ, равенство и братство? Для меня связь идей въ данномъ случаѣ несомнѣнна. Уже Платонъ, какъ мы увидимъ, прямо высказалъ взглядъ, что лучшее изъ существующихъ государствъ то, которое въ своихъ учрежденіяхъ, по возможности, подражаетъ формамъ жизни естественнаго состоянія [86]); что высшая задача государственнаго искусства состоитъ въ приближеніи къ тѣмъ идеаламъ, которые связаны съ представленіемъ о счастливомъ состояніи перво-

бытнаго человѣчества [87]). Какое же государство, кромѣ Спарты, могло похвалиться болѣе серьезнымъ преслѣдованіемъ этой цѣли?

Для уясненія вліянія, которое оказало вышеизложенное ученіе объ естественномъ состояніи, особенно характерно то, какъ представленія о Спартѣ непосредственно соприкасаются съ представленіями о жизни примитивныхъ народовъ и даже о жизни нѣкоторыхъ общественныхъ животныхъ. Міровоззрѣнію, которое въ «согласномъ съ природой» видѣло абсолютную норму и правило всѣхъ человѣческихъ установленій, было вполнѣ естественно ссылаться на удивительныя формы общественной жизни, встрѣчаемыя у «общественныхъ отъ природы» [88]) животныхъ, напримѣръ, у пчелъ. Государство пчелъ, съ его строгимъ подчиненіемъ индивидуумовъ общимъ цѣлямъ, съ его соціальными порядками, носившими на себѣ большій или меньшій отпечатокъ соціализма и коммунизма, казалось, съ этой точки зрѣнія, богомъ созданной естественной организаціей [89]) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцомъ для самихъ людей. Развѣ человѣкъ не слѣдовалъ бы заповѣди великой наставницы—«божественной природы», если бы онъ, въ своихъ разумныхъ поступкахъ, копировалъ и совершенствовалъ то, что инстинктъ животныхъ создалъ по ея непосредственному побужденію? Поэтому чѣмъ лучше организованы государство и общество, тѣмъ болѣе они, въ силу этого взгляда, должны въ своихъ учрежденіяхъ напоминать тѣ созданія неискаженной природы [90]), которыя привлекаютъ романтиковъ какъ живой пережитокъ далекаго и счастливаго первобытнаго прошлаго. Съ такимъ толкованіемъ стоитъ, вѣроятно, въ связи и тотъ взглядъ, что пчелы и ихъ государство обязаны своимъ возникновеніемъ еще эпохѣ Кроноса [91]).

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Спартѣ находили осуществленіе даже самой строгой и самой односторонней формы общественности,—осуществленіе общественной жизни стаднаго типа. Это была та форма общественности, напоминающая государство животныхъ, которую въ стоическомъ общественномъ идеалѣ принималъ принципъ общественности. Плутархъ, въ своей біографіи Ликурга, говоритъ, будто спартанцы срослись съ своимъ государствомъ какъ пчелы съ ульемъ [92]). Онъ даже называетъ ихъ «одареннымъ разумомъ роемъ пчелъ-гражданъ» [93]).

Соотвѣтственно указанной выше связи идей, вполнѣ естественно было разсматривать Спарту и примитивные народы подъ однимъ угломъ зрѣнія. Уже Эсхилъ восхваляетъ страну скиѳовъ, типичныхъ представителей естественнаго состоянія, а вмѣстѣ со скиѳами и Спарту какъ «обитель справедливости» [94]). И, конечно, только отрывочность нашей традиціи мѣшаетъ намъ прослѣдить это сопоставленіе и дальше.

Не казалось развѣ, что въ этой «обители справедливости» воскресаетъ блаженная древность неискаженнаго, согласнаго съ природой существованія? Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ, съ одной стороны, отдѣльныя черты спартанской государственной и народной жизни послужили прообразами [95]) для изображеній золотаго вѣка въ аттическихъ комедіяхъ и для идеальнаго государства Платона, такъ, наоборотъ, съ другой стороны, историко-философское умозрѣніе несомнѣнно, не долго думая, перенесло на Спарту теоретическія воззрѣнія объ естественномъ состояніи и объ естественной организаціи общества. Плутархъ, напримѣръ, въ біографіи Ликурга, опредѣленно называетъ своеобразные брачные обряды Спарты «согласными съ природой» [96]). Затѣмъ, совершенно въ духѣ невиннаго естественнаго состоянія, не знающаго еще пролитія крови и умерщвленія животныхъ, когда человѣкъ довольствовался простой растительной пищей, Плутархъ, и во всей организаціи жизни государства Ликурга, видитъ намѣреніе по возможности ограничить, если не вполнѣ

устранить употребленіе мясной пищи. Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ мнѣніе, само по себѣ очень справедливое. Корнемъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ той эпохи и причиной обостренія соціальныхъ крайностей, по крайней мѣрѣ отчасти, оно считаетъ извращенный образъ жизни и, какъ его послѣдствія, страсть къ наслажденіямъ и постоянное увеличеніе потребностей, тѣсно связанное съ общимъ недовольствомъ; главнымъ же условіемъ всякой соціальной реформы оно считаетъ возвращеніе къ простымъ, естественнымъ и здоровымъ нормамъ жизни. Но, исходя изъ этого правильнаго взгляда, вскорѣ перешли къ одностороннему прославленію исключительнаго вегетаріанства [97]) и, въ государствѣ, которое дѣйствительно, на практикѣ, послѣдовательнѣе другихъ стремилось къ естественному и здоровому образу жизни своихъ гражданъ, усмотрѣли въ большей или меньшей степени осуществленіе и этого своего идеала.

При установленіи оброковъ пшеницы и плодовъ, которые илоты доставляли спартанцамъ со своихъ надѣловъ, законодатель, будто бы, руководился тѣмъ соображеніемъ, что, кромѣ этихъ продуктовъ земли, гражданамъ не нужна никакая другая пища для поддержанія ихъ здоровья и благосостоянія [98]). Съ достаточнымъ основаніемъ поэтому сочиненіе Порфирія о воздержаніи, составляющее евангеліе вегетаріанства, соединило съ заимствованнымъ у Дикэарха описаніемъ естественнаго состоянія прославленіе Спарты, какъ государства, гдѣ идеальное первобытное состояніе Эллады сохранилось сравнительно въ самомъ чистомъ видѣ [99]). Послѣднее наблюденіе не принадлежитъ, конечно, неоплатонику Порфирію; оно было сдѣлано уже Дикеархомъ, похвальное слово котораго спартанскому государству, съ восторгомъ принятое въ Спартѣ, было, очевидно, проникнуто подобными же мыслями. Для меня даже нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что Дикеархъ, съ своей стороны, явился только выразителемъ взгляда, заимствованнаго имъ въ еще болѣе ранней литературѣ по древнѣйшей исторіи Греціи, въ томъ же готовомъ видѣ, какъ и ученіе объ эволюціи эллиновъ изъ естественнаго состоянія.

Впрочемъ, въ Спартѣ существовали и осязательныя, реальныя предпосылки для осуществленія этого общественнаго идеала. По ученію объ естественномъ состояніи, древнѣйшее человѣчество, имѣя ограниченныя потребности, довольствовалось добровольными дарами природы и было свободно отъ труда и заботъ о заработкѣ; такую же свободу спартанцамъ обезпечивала ихъ общественная организація: она освобождала полноправныхъ гражданъ отъ всякой работы съ цѣлью заработка и возлагала ее на плечи зависимаго, стоящаго внѣ общины, населенія [100]). Бо́льшая часть экономическихъ затрудненій, препятствующихъ обыкновенно осуществленію идеальныхъ общественныхъ построеній, отпадала здѣсь сама собой [101]). Не удивительно поэтому, что тотъ идеалъ, который могла построить фантазія на такой благопріятной почвѣ, историческое умозрѣніе развило почти до крайнихъ экономическихъ послѣдствій.

Однакоже, совершенно полнаго воспроизведенія естественнаго состоянія нельзя было усмотрѣть даже и въ имущественной организаціи образцоваго спартанскаго народа. По ученію объ естественномъ состояніи земля и ея плоды были достояніемъ всѣхъ, какъ воздухъ и свѣтъ солнца, въ Спартѣ же, на основѣ прочно урегулированной аграрной системы, земля была раздѣлена между отдѣльными лицами, и даже выдѣленному изъ общины земледѣльцу было предоставлено индивидуальное на нее право въ силу glebae adscriptio (прикрѣпленія къ землѣ). Не удивительно, что сбивчивое экономическое мышленіе и необузданная фантазія считали возможнымъ, въ указанныхъ рамкахъ, достигнуть приближенія къ коммунизму первобытной эпохи; любопытно, что и исторія поздней Греціи, охваченная волнеб-

нымъ кольцомъ романтики, пошла на дѣлѣ также далеко въ идеализаціи спартанскаго аграрнаго строя. По ея воззрѣнію, свободное развитіе нравственныхъ идей въ жизни народа и государства было мыслимо только при возможно полномъ равенствѣ жизненнаго положенія всѣхъ гражданъ. Могла ли при этомъ эта исторія представить себѣ ту общественную организацію, въ которой она усматривала величайшій тріумфъ нравственныхъ интересовъ надъ матеріальными, не осуществившей самаго широкаго равенства въ распредѣленіи экономическихъ благъ? Доктринерство того времени, конечно, нисколько не колеблясь, превратило въ якобы историческіе факты тѣ логическіе выводы, которые оно извлекало изъ самой сущности такой организаціи общества, по отношенію къ необходимымъ жизненнымъ ея проявленіямъ [102]). Поэтому совершенно естественнымъ образомъ указанные доктринеры толкуютъ раздѣленіе спартанской территоріи какъ «дѣленіе между братьями»; и если въ первобытную эпоху существовала общность имущества,—говоря словами Юстина (т.-е., вѣроятно, Эфора),—«какъ-будто всѣ люди владѣли однимъ наслѣдствомъ» [103]), то граждане спартанскаго образцоваго государства могли, по крайней мѣрѣ, хвалиться тѣмъ, что среди нихъ не было обездоленныхъ, и что каждый изъ нихъ могъ требовать равнаго участія въ «гражданской землѣ» по прирожденному праву.

Какимъ образомъ это принципіальное равенство земельнаго владѣнія было проведено въ частностяхъ, было ли вообще возможно поддержать его при измѣняющемся количествѣ гражданъ, не измѣняя постоянно числа и величины земельныхъ участковъ, объ этомъ, конечно, не задумывались. Дѣло представляли себѣ легко и просто. Въ государствѣ древнихъ перуанцевъ каждый отецъ, при рожденіи ребенка, получалъ во владѣніе новый кусокъ земли [104]); точно также и въ Спартѣ каждаго новорожденнаго мальчика представляли въ общинный портикъ (лесху); если старшины филы соглашались на его воспитаніе, то ему немедленно присуждался земельный участокъ [105]). Какъ могли старѣйшины удовлетворять каждое такое притязаніе, мы не знаемъ; но зато намъ извѣстно, что показаніе объ этомъ обычаѣ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о спартанскомъ имущественномъ правѣ. Ясно вѣдь, что если бы государство желало каждаго новорожденнаго гражданина надѣлить клеромъ, то вся земельная собственность государства, въ каждый данный моментъ, должна была бы находиться въ общественномъ распоряженіи; такимъ образомъ, возможность постояннаго права владѣнія отдѣльныхъ лицъ—особенно же всякаго права наслѣдованія—была бы тѣмъ самымъ исключена [106]). Между тѣмъ тотъ же Плутархъ, нисколько не задумавшійся сообщить намъ указанную выше легенду, въ другомъ мѣстѣ принужденъ признать, что въ Спартѣ, съ древнѣйшихъ временъ, земельные участки регулярно переходили, путемъ наслѣдованія, отъ отца къ сыну [107]). Кромѣ того, для трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя прошлаго должно бы быть ясно, что легенда несовмѣстима съ фактическимъ развитіемъ соціальныхъ отношеній въ Спартѣ, гдѣ экономическое неравенство гражданъ можно прослѣдить вплоть до VII вѣка.

Но тѣ историческія произведенія, которыми мы приуждены довольствоваться въ данномъ вопросѣ, не могли подняться до такихъ критическихъ соображеній, менѣе другихъ на это способенъ былъ Эфоръ, въ произведеніи котораго мы впервые встрѣчаемъ легенду о принципіальномъ равенствѣ спартанскаго землевладѣнія. Общее толкованіе спартанскаго государства у Эфора, также какъ и его описаніе первобытныхъ скиѳовъ, достаточно доказываютъ, до чего могла дойти реторика исократовской школы въ идеализированіи историческихъ состояній. Ученикъ преисполненъ тѣми же фантастичными представленіями о прежнемъ блаженствѣ, тѣми

же иллюзіями объ утраченномъ, лучшемъ прошломъ, которыя находятъ себѣ выраженія и въ сочиненіяхъ учителя. Вспомнимъ только, какъ Исократъ описываетъ «доброе старое время» аѳинской демократіи!

Древнія Аѳины въ представленіи Исократа нашли вѣрный путь къ соціальному миру. Соперничество партій въ древнихъ Аѳинахъ существовало; но то не была борьба за власть или использованіе господства, а благородное соревнованіе — стремленіе опередить другъ друга въ служеніи общему благу. Если гдѣ проявлялась тенденція къ товарищескому объединенію, создавались мелкіе союзы и группы, цѣлью этихъ союзовъ была не односторонняя дѣятельность на пользу частныхъ интересовъ; напротивъ, каждый отдѣльный союзъ чувствовалъ себя только органомъ, служившимъ интересамъ своего народа[108]). Духъ взаимнаго доброжелательства соединялъ всѣ классы населенія[109]). Бѣдный не питалъ зависти къ состоятельному и богатому. Наоборотъ! Низшіе классы видѣли въ преуспѣяніи высшихъ ручательство за свое собственное благоденствіе и потому такъ же ревностно споспѣшествовали ихъ интересамъ, какъ и своимъ собственнымъ[110]). Состоятельные же классы были далеки отъ мысли смотрѣть на бѣдныхъ свысока и въ бѣдности видѣли скорѣе общественное зло, служившее упрекомъ самимъ имущимъ [111]). Въ борьбѣ съ нуждою они были всегда готовы протянуть руку помощи; они отдавали въ аренду нуждавшимся участки земли за недорогую плату или путемъ денежной ссуды доставляли имъ возможность обзавестись какимъ-нибудь ремесломъ. Богатые люди не боялись потери своихъ капиталовъ: въ тѣ времена отданныя взаймы деньги считались такими же вѣрными, какъ и лежащія дома подъ замкомъ. Дѣло здѣсь дѣйствительно обстояло такъ, что забота о другомъ благотворно отзывалась на собственномъ процвѣтаніи [112]). Безопасность собственности шла рука-объ-руку съ такимъ ея употребленіемъ, которое превращало ее до извѣстной степени въ о б щ е е достояніе в с ѣ х ъ гражданъ, нуждавшихся въ поддержкѣ [113]); въ тѣ времена не было бѣдняка, который долженъ былъ бы оскорблять государство нищенствомъ [114]). Правильно сознавая, что нужда—причина нравственныхъ недостатковъ, надѣялись восторжествовать надъ послѣдними устраненіемъ самого «корня зла» [115]).

Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ, недалеко до осуществленія «лучшаго изъ государствъ» [116]); такое государство могло бы оправдать надежды тѣхъ, кто вѣрилъ въ возможность радикальнаго нравственнаго измѣненія всего человѣчества и отъ э т о г о измѣненія ждалъ полнаго переустройства общества. Разъ доказана возможность развить въ состоятельныхъ классахъ сознаніе, что бѣдность окружающихъ лежитъ пятномъ на нихъ самихъ, то почему же не можетъ быть мыслима и еще дальнѣйшая ступень ихъ развитія? Быть богатымъ въ то время, какъ другіе терпятъ нужду, должно вообще считаться несправедливымъ, и тогда каждый добровольно откажется отъ своего излишка и отдастъ все то, что въ рукахъ другого можетъ принести больше пользы, чѣмъ въ его собственныхъ.

Ясно, такимъ образомъ, что между тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ возникла идеальная картина древнихъ Аѳинъ у Исократа, и идеализирующими взглядами на образцовое соціальное государство Спарты, выраженными въ историческомъ трудѣ ученика Исократа — Эфора, существуетъ непосредственная связь. Основой какъ у того, такъ и у другого служатъ одни и тѣ же соціально-политическія построенія, а не дѣйствительная традиція.

Насколько вся исторіографія того періода находилась подъ вліяніемъ теоріи ясно доказываетъ тотъ способъ, посредствомъ котораго ученіе объ естественномъ состояніи было введено въ исторію. Съ какой удивительной легкостью была признана исторической дѣйствительностью основа этого ученія, представленіе объ

идиллическомъ мирѣ, царившемъ въ первобытныхъ условіяхъ жизни народовъ! По свидѣтельству Дикеарха, внѣшнее развитіе ученія объ естественномъ состояніи было слѣдующее: изъ миѳовъ о золотомъ вѣкѣ выбросили все «слишкомъ баснословное» и изъ оставшихся элементовъ миѳическаго разсказа, представлявшихся разуму исторически **возможными**, сложили новую исторію первобытнаго человѣчества [117]). Несомнѣнно, что, среди писателей, на которыхъ въ данномъ случаѣ ссылается, не называя ихъ, Дикеархъ, на первомъ мѣстѣ стоялъ именно Эфоръ: историческій методъ послѣдняго отличается именно такой плоской раціонализаціей всего миѳическаго и такимъ амальгамированіемъ легенды и исторіи [118])!

Но нужно ли еще доказывать слабыя стороны этой исторіографіи? Тотъ, кто разсматриваетъ весь данный вопросъ съ универсально-исторической точки зрѣнія, знаетъ, что передъ нами одно изъ тѣхъ явленій въ жизни человѣческаго духа, которыя — независимо отъ достигнутой высоты исторической критики—сами собою появляются какъ логическое послѣдствіе извѣстныхъ душевныхъ процессовъ, создающихъ понятія. Во всѣ смутныя эпохи, когда существующія соціальныя и политическія организаціи, не соотвѣтствуя болѣе законнымъ потребностямъ и желаніямъ общества, начинаютъ крошиться, мы встрѣчаемъ это стремленіе вонъ изъ разлагающейся дѣйствительности настоящаго въ міръ идеальнаго. Въ такія переходныя эпохи даже и строгому изслѣдователю бываетъ очень трудно сохранить всю ясность взора: часто его личныя желанія и надежды заслоняютъ отъ него ту тонкую грань, которая отдѣляетъ міръ дѣйствительный отъ міра желаннаго, и реальныя картины экономической жизни, со всѣми ея причинными зависимостями, смѣшиваются съ его собственными идеалами. Вотъ почему, не говоря уже о теоріяхъ древняго Рима, и историческая спекуляція XIX вѣка, руководствуясь тѣми же мотивами, какъ и умозрѣніе IV в. до Р. Хр., пришла къ совершенно аналогичнымъ взглядамъ на прошлое. Въ наше, проникнутое въ области соціальной политики соціально-реформаторскимъ духомъ время мы находимъ такія историческія построенія, основы которыхъ, ихъ историческій фундаментъ, построенный на источникахъ, врядъ ли менѣе проблематичны, чѣмъ мнѣнія древнихъ о принципіальномъ имущественномъ равенствѣ въ Спартѣ. Я напомню лишь о той роли, которую въ современной аграрной исторіи сыграла восточно-славянская сельская община (русскій «міръ»). Этотъ славянскій общинный коммунизмъ самымъ радикальнымъ образомъ осуществляетъ указанное имущественное равенство съ помощью періодическаго «земельнаго передѣла» (γῆς ἀναδασμὸς) по числу душъ; между тѣмъ, въ древне-германской земельной общинѣ—по крайней мѣрѣ, во времена осѣдлости—нельзя отыскать ни малѣйшихъ слѣдовъ такой системы [119]). И, несмотря на это, часто германскій сельскій строй считали полнымъ отображеніемъ восточно-славянскаго (напр., Лавелэ) и германскую общину представляли себѣ общежитіемъ съ «вполнѣ коммунистической» организаціей [120]). Современные проповѣдники соціалистическаго евангелія—«націонализаціи земли», обратной «передачи земли народу»—такъ же точно толкуютъ о «**возвращеніи** къ **древнему** праву общаго владѣнія землей», какъ и соціалъ-революціонеры временъ Агиса и Клеомена говорили о возвращеніи къ ἰσότης καὶ κοινωνία (равенству и общности) ликурговой Спарты [121]). Даже такой ученый, какъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, рѣшается утверждать, что у трехъ великихъ культурныхъ народовъ Европы—грековъ, италійцевъ и германцевъ—основой всей правовой жизни была общность **всякаго** земельнаго владѣнія. Въ силу той же ассоціаціи идей, которую мы встрѣчаемъ у Эфора, Полибія и Плутарха, «принципіальное равенство надѣла въ общемъ имѣніи» кажется фонъ-Штейну необходимымъ экономическимъ осуществленіемъ «равенства и свободы», характери-

зующихъ, по его мнѣнію, «начало европейской исторіи». «Жизненный принципъ этихъ трехъ народовъ—свобода способнаго носить оружіе человѣка; она ведетъ къ равенству имущества у отдѣльныхъ лицъ, къ о б щ н о с т и имущества и къ общей дѣятельности всѣхъ на пользу государства. Свое осуществленіе эта свобода могла найти только въ о б щ н о с т и имущества. Только послѣдняя давала личности силу и гордое сознаніе ц ѣ л а́ г о»[122]). Мы видимъ: идея счастливаго, но, къ сожалѣнію, разрушеннаго строя общества первобытной эпохи, идеальное представленіе о своего рода предустановленной гармоніи силъ,—короче говоря, о «золотомъ вѣкѣ»—выступаетъ здѣсь съ тѣмъ же притязаніемъ на воспроизведеніе историческихъ фактовъ, какъ и аналогичныя соціально-историческія построенія древнихъ [123]).

Неисторичность и преувеличенія приведенной выше идеальной картины, въ ея отношеніи къ германской древности, недавно были достаточно выяснены [124]). Что же касается эллинскаго міра, то, послѣ всего сказаннаго, дальнѣйшія доказательства нужны только тому, кто раздѣляетъ взглядъ Віоллэ [125]), Лавелэ [126]), фонъ-Штейна [127]) и др. и думаетъ, будто «античные поэты описываютъ въ золотомъ вѣкѣ такое древнее состояніе, о которомъ сохранились воспоминанія»! Тѣмъ, кто заходитъ такъ далеко и кто, въ заключеніе, вмѣстѣ съ Лавелэ, даже идеальное государство Евгемера [128]) считаетъ явленіемъ фактической исторіи—на томъ основаніи, что учрежденія этого государства «заключаютъ въ себѣ истинныя черты первобытнаго аграрнаго строя»,—тѣмъ наши разсужденія ничего не скажутъ.

Если мы представимъ себѣ общее состояніе эллинскаго міра, поскольку оно нашло свое отраженіе въ разсмотрѣнной нами литературѣ, а также и ту сильную реакцію, которую это состояніе вызвало во всемъ политическомъ и соціально-экономическомъ мышленіи благороднѣйшихъ умовъ Греціи, то намъ станетъ ясно, что соціальное государство легенды является въ сильной степени созданіемъ духа времени и только изъ него можетъ быть вполнѣ понято.

ГЛАВА II.

Индивидуалистическое разложеніе общества и реакція въ философской теоріи государства и общества.

Отдѣлъ I.—Индивидуалистическія тенденціи.

Соціальныя бѣдствія, претерпѣваемыя Спартой въ IV и III вѣкѣ, типичны вообще для всей исторіи этой эпохи. Почти повсемѣстно въ Греціи наблюдается одинаковая тенденція къ обостренію экономическихъ противорѣчій: вслѣдствіе усиливающагося сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ капиталовъ и земельной собственности неудержимо исчезаетъ среднее сословіе; на ряду съ возрастающимъ значеніемъ денегъ проявляется опасная изнанка этого явленія—пауперизмъ; жажда прибыли и наслажденій, постепенно заглушающая лучшія стремленія во всѣхъ слояхъ народа, влечетъ за собой безпощадную эксплуатацію, безумнѣйшую спекуляцію, раздраженіе и взаимное отчужденіе различныхъ слоевъ общества, охваченнаго классовой завистью и ненавистью.

Всѣ эти элементы соціальнаго разложенія и распаденія находили самый широкій просторъ для своего проявленія. При существовавшемъ въ мірѣ греческихъ республиканскихъ государствъ положеніи вещей, тамъ не было такой государственной власти, которая оказалась бы въ силахъ опредѣленно противопоставить распространяющимся въ обществѣ эгоистическимъ интересамъ идею государства, какъ представителя общихъ интересовъ и равной для всѣхъ справедливости, и подчинить царившій въ обществѣ эгоизмъ общимъ цѣлямъ государственной жизни. Въ государствѣ, основанномъ на принципѣ народнаго суверенитета, но въ своемъ дѣйствительномъ устройствѣ опирающемся на верховенство общества или, точнѣе, господствующаго въ немъ въ данный моментъ класса, рѣшающее значеніе и въ его общественной жизни имѣютъ соціальныя силы. Основы общественнаго строя—имущество и его распредѣленіе—оказываются здѣсь всегда опредѣляющимъ моментомъ для государственнаго строя. Поэтому все развитіе политической жизни греческихъ государствъ, въ концѣ концовъ, зависѣло отъ рѣшенія вопроса: которому изъ общественныхъ классовъ удастся захватить въ свои руки преобладающее вліяніе на государственную власть: капиталистическому меньшинству, среднему сословію, совершенно неимущимъ или малоимущимъ?

Такое предоставленное самому себѣ общество, не ограниченное твердо и сильно проведенной въ жизнь государственной мыслью, всегда готово и въ политической жизни дѣйствовать подъ вліяніемъ спеціальныхъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ и обладаніе государственной властью подчинять собственнымъ цѣлямъ. Борьба эгоистическихъ стремленій, принимающая въ обществѣ форму экономической конкуренціи, переносится изъ соціально-экономической сферы въ область политики; и въ политической жизни начинаютъ въ силу этихъ причинъ на нашихъ глазахъ проявляться тѣ же, раздѣляющія общество, противорѣчія.

Притязанія политическихъ партій на обладаніе государственной властью были обыкновенно не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ провести извѣстные соціальные интересы, а цѣлью борьбы партій, болѣе или менѣе открыто признаваемою, стремленіе использовать власть въ частныхъ интересахъ одного класса въ ущербъ другому. Матеріальные интересы часто властвовали надъ государствомъ съ той же стихійной силой, какъ и надъ обществомъ, и государство становилось ареной грубыхъ классовыхъ вождѣленій.

Тамъ, гдѣ государство въ такой сильной степени находилось во власти стихійныхъ стремленій общества, общественный духъ долженъ былъ самъ собою впасть въ то заблужденіе, согласно которому политическое право есть прежде всего право индивидуальное, свободное отъ обязанностей по отношенію къ цѣлому, а политическое господство не есть выполненіе долга передъ обществомъ, но лишь средство къ удовлетворенію классовыхъ притязаній [1]). Такова уже природа человѣка, въ которую глубоко заложена склонность въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшаютъ отдѣльныя лица, думать прежде всего о себѣ, интересы же другихъ лицъ и всего народа отодвигать всегда на второй планъ. Это явленіе повторяется вездѣ одинаково, независимо отъ того, кто, при помощи политической власти, получаетъ возможность безпрепятственно проявить эту склонность—капиталистическое меньшинство или масса неимущихъ.

Въ концѣ концовъ, стали считать вполнѣ естественнымъ и само собою понятнымъ взглядъ на политическое соотношеніе силъ какъ на условіе соціальнаго господства и эксплуатаціи; соотвѣтственно этому взгляду и дѣйствовали. Извѣстный трактатъ объ аѳинской демократіи признаетъ классовое господство демоса, съ точки зрѣнія послѣдняго, вполнѣ естественнымъ, такъ какъ-де нельзя упрекать кого-нибудь въ томъ, что онъ прежде всего заботится о себѣ [2]); съ полной откровенностью и простодушіемъ заявляется, что и богатые воспользовались бы своей властью въ томъ же духѣ [3]). Такой точкѣ зрѣнія вполнѣ соотвѣтствуетъ и опредѣленіе, даваемое Аристотелемъ двумъ главнымъ формамъ правленія той эпохи—олигархіи и демократіи. Это—правительственныя системы, изъ которыхъ одна преимущественно служитъ къ выгодѣ богатыхъ, а другая—бѣдныхъ [4]). Борьба между богатыми и бѣдными, говоритъ далѣе Аристотель, состоятельными и неимущими, потрясавшая и отравлявшая народную и государственную жизнь Эллады, можетъ имѣть только одинъ результатъ: временно побѣдившая партія всюду гораздо болѣе заботится объ упроченіи своего господства, чѣмъ о созданіи такой государственной организаціи, которая охраняла бы интересы всего народа и примиряла бы между собой интересы отдѣльныхъ соціальныхъ единицъ («государство общее и равное», πολιτεία κοινὴ καὶ ἴση [5]). Въ этомъ смыслѣ Платонъ справедливо называетъ выросшія на такой основѣ учрежденія прямымъ отрицаніемъ государственной идеи, орудіемъ уничтоженія, а не сохраненія гражданской общины [6]).

Очевидно, это-то и имѣлъ въ виду Моммзенъ, говоря о характерной чертѣ грековъ, въ силу которой отдѣльному лицу приносилось въ жертву цѣлое, гражда-

нину—община, чертѣ, которая приводила къ внутреннему разложенію общественной власти. Конечный результатъ этого—крайній индивидуализмъ, доходящій до полнаго отрицанія государства и права, и провозглашающій единственно истиннымъ интересомъ—интересъ индивидуума. По теоріи эгоизма, проникшей въ общество рука-объ-руку съ описаннымъ развитіемъ общественной жизни, индивидуумъ являлся не только высшей причиной всей организаціи и всѣхъ институтовъ общественности, болѣе того, жизненныя цѣли индивидуума разсматривались какъ единственныя цѣли всѣхъ человѣческихъ дѣйствій [7]).

Такое пониманіе должно было неизбѣжно привести къ нравственному матеріализму. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ жизненныя цѣли отдѣльнаго или мыслимаго, какъ отдѣльный, индивидуума безусловно эгоистичны, и такъ какъ онѣ, главнымъ образомъ, относятся къ физическому существованію, то что же другое можетъ быть результатомъ исключительнаго преслѣдованія этихъ цѣлей, какъ не матеріализмъ или нравственный нигилизмъ [8])?

Идеѣ права и государства противопоставляется мнимое естественное право, не ставящее отдѣльному лицу, въ удовлетвореніи его эгоистическихъ стремленій, другихъ границъ, кромѣ предѣловъ его собственной силы. Какъ въ животномъ мірѣ въ борьбѣ за существованіе сильный беретъ верхъ надъ слабымъ, такъ, по этой догматикѣ эгоизма, право всегда на сторонѣ сильнаго; оно совпадаетъ съ интересомъ сильнаго [9]). Правительства съ полнымъ правомъ дѣлаютъ закономъ то, что ведетъ къ ихъ выгодѣ; такъ называемая справедливость есть не что иное, какъ польза власть имущихъ [10]). Только глупцовъ и слабыхъ положительный законъ можетъ удержать отъ исключительнаго преслѣдованія ихъ личной выгоды.

Большинство прекрасно сознаетъ свою слабость и знаетъ, что единственной гарантіей его благополучія служитъ ограниченіе сильнаго. Для этой цѣли естественное право большинство вытѣснило и замѣнило «произвольно придуманнымъ» закономъ. Сильныхъ отъ природы людей съ юности берутъ на воспитаніе, какъ молодыхъ львовъ, пока еще нравъ ихъ мягокъ; ихъ стараются обмануть разными выдумками, имъ прививаютъ сознаніе равноправія съ другими. Но порой кто-нибудь изъ нихъ, исключительно сильная натура, возмужавъ, стряхиваетъ съ себя все навязанное ему, разрываетъ магическій кругъ идей, въ который его искусственно заключили, ниспровергаетъ всѣ противорѣчащіе природѣ законы и становится господиномъ и повелителемъ массъ, во всемъ блескѣ проявляя то, что есть право, созданное природой [11]).—Особенно рѣзко это антисоціальное разсужденіе проявляется въ области хозяйственной конкуренціи, области властныхъ рѣшеній соціальной борьбы за существованіе, которая представителями указаннаго направленія разсматривалась аналогично съ фактами развитія животнаго міра, совершенно такъ же, какъ ихъ современными послѣдователями суверенитетъ чистаго эгоизма считается необходимымъ постулатомъ естественнаго подбора. Провозглашеніе естественнымъ правомъ того принципа, что «достояніе слабѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ принадлежитъ, собственно говоря, сильнымъ», т.-е. «лучшимъ и способнѣйшимъ», и что слабые должны довольствоваться тѣмъ, что имъ оставляютъ сильные [12]),—есть лишь простое перенесеніе дикой борьбы силы и хитрости въ царствѣ животныхъ на борьбу интересовъ въ гражданскомъ обществѣ. Въ этомъ требованіи хищническія притязанія классоваго господства нашли свое высшее выраженіе.

Такимъ путемъ возведена была на престолъ эгоистическая воля индивидуума, общество же распалось на атомы. Гибельное значеніе того, что для практики жизни выдаетъ себя въ этихъ разсужденіяхъ за теорію, ярко выступаетъ въ ужас-

номъ приговорѣ, произнесенномъ такимъ трезвымъ наблюдателемъ, какъ Аристотель, надъ эгоизмомъ своей эпохи: «къ праву и равенству взываютъ только слабые; сильные же о такихъ вещахъ совсѣмъ и не думаютъ [13])».

Тамъ, гдѣ высшія соціальныя чувства стали до такой степени чужды сознанію широкихъ круговъ, и борьба интересовъ индивидуальныхъ и классовыхъ должна была превратиться въ борьбу непримиримыхъ силъ, не знающихъ границъ права и нравственности. Въ наиболѣе развитыхъ экономически и политически государствахъ греческаго міра мы видимъ, съ одной стороны, плутократически настроенное меньшинство, относившееся, какъ къ тяжелому бремени, къ принципу народнаго суверенитета и законодательной власти народа, считавшее этотъ принципъ неестественнымъ закрѣпощеніемъ болѣе сильныхъ, высшихъ по своему соціальному и умственному развитію. Это меньшинство всегда и всѣми средствами стремилось къ освобожденію отъ власти народа. Съ другой стороны стоялъ «народъ», демократическое сознаніе котораго было такимъ же одностороннимъ индивидуализмомъ въ интересахъ массъ, какъ и олигархическій принципъ—въ интересахъ богатыхъ. И если денежная олигархія стремилась къ освобожденію отъ государственнаго принужденія, стѣснявшаго ея алчныя стремленія, то радикальная часть демоса хотѣла добиться для массъ всего при помощи государства. Это противорѣчіе должно было все болѣе обостряться по мѣрѣ того, какъ одностороннее капиталистическое развитіе общества вызывало постепенное уменьшеніе въ числѣ состоятельнаго средняго сословія, составлявшаго въ государствѣ элементъ, призванный противодѣйствовать худшимъ крайностямъ и насильственнымъ проявленіямъ классоваго эгоизма, и по мѣрѣ того, какъ увеличивалась пропасть между богатымъ меньшинствомъ и безпрерывно растущей массой ненасытнаго въ своей жадности пролетаріата.

Разрушительное дѣйствіе этого обостренія классовыхъ противорѣчій и вражды лучше всего рисуетъ преступный лозунгъ тайныхъ олигархическихъ обществъ того времени: «я буду врагомъ народа и буду по мѣрѣ силъ вредить ему моими совѣтами». Это уже разрушеніе духовно-нравственнаго общенія соотечественниковъ, разложеніе общихъ идей и чувствъ, объединяющихъ націю, дошедшее до того предѣла, когда поистинѣ можно было сказать—какъ это проповѣдуютъ въ массахъ современные демагоги,—что высшія сословія живутъ въ своемъ отечествѣ, какъ въ непріятельской странѣ, что они прирожденные враги мелкаго люда.

Можно ли, съ другой стороны, удивляться тому, что впавшая въ пауперизмъ масса, «безразличная къ государству, лишь бы у нея былъ хлѣбъ» [14]), проявляла стремленіе до послѣднихъ границъ использовать ту силу, которую ей давали политическая равноправность и численное ея превосходство?

Такимъ образомъ, политическая борьба партій превращается болѣе или менѣе въ борьбу экономическую и ведется поэтому со всей свойственной послѣдней страстностью. Это уже не просто столкновеніе на политической аренѣ, но часто борьба кулакомъ и мечомъ, кровавое насиліе которой яркимъ пламенемъ зажигаетъ всюду скопившійся матеріалъ классовой ненависти и всюду приводитъ къ тѣмъ же ужаснымъ крайностямъ: и въ борьбѣ партій въ позднѣйшей римской республикѣ, и во времена французскаго террора и коммуны.

Стоитъ только вспомнить полные ужаса эпизоды борьбы олигарховъ съ демократами на Керкирѣ въ 427 г. и классическое описаніе Ѳукидида, рисующее по поводу этого событія и подобныхъ крайностей партійныхъ распрей разложеніе духомъ эгоизма національной нравственности [15]). Стоитъ подумать о такъ называемомъ скитализмѣ въ Аргосѣ, гдѣ въ 370 году разъяренная чернь напала на состоятельныхъ гражданъ и перебила дубинами полторы тысячи человѣкъ. «Народъ

въ Аргосѣ—говоритъ Исократъ—съ удовольствіемъ убиваетъ богатыхъ и, лишая ихъ жизни, радуется такъ, какъ другіе не радуются, убивая своихъ враговъ» [16]). О положеніи дѣлъ въ Пелопоннесѣ вообще Исократъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ такъ: «враговъ боятся меньше, чѣмъ собственныхъ согражданъ. Богатымъ легче бросить свои сокровища въ море, чѣмъ отдать ихъ бѣднымъ; бѣдные же только и помышляютъ, какъ бы ограбить богатыхъ. Жертвы прекращаются, у алтарей бьются люди. У иного города теперь больше эмигрантовъ, чѣмъ прежде во всемъ Пелопоннесѣ» [17]).

Такъ соціальныя крайности раздѣляютъ общество на двѣ враждебныя части, и каждая изъ нихъ оспариваетъ у другой ту поддержку, которую государство должно было бы оказывать ея экономическому и общественному существованію, имуществу и свободѣ [18]). Элементы единенія становятся настолько слабѣе элементовъ раздѣленія, что часто борющіеся классы, въ концѣ концовъ, становятся внутренне болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ чужестранцы и враги.

Отдѣлъ II.—Борьба идеалистической соціальной философіи противъ крайняго индивидуализма.—Общіе соціально-этическіе постулаты.

Очевидно, народъ, обладавшій настолько выдающейся духовной энергіей, какъ греки, не могъ переносить съ тупой покорностью описанное положеніе вещей. Вѣкъ, который довелъ до полнаго развитія всѣ силы разложенія и разрушенія, является въ то же время истинно-философскимъ вѣкомъ эллинской исторіи, эпохой могучей культурной работы, стремившейся побѣдить страшныя противорѣчія во внутренней и внѣшней жизни народа и указать путь къ ихъ разрѣшенію.

Направленіе, по которому шла эта работа соціально-философской мысли, было ясно предначертано указанными выше жизненными отношеніями. Если описываемая эпоха выдвинула до крайности принципъ индивидуализма и провозгласила личный интересъ двигательной пружиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, то сознаніе, что чрезмѣрное злоупотребленіе этимъ принципомъ ведетъ только къ разложенію общества, должно было у всѣхъ болѣе вдумчивыхъ людей того времени возбудить сильную реакцію въ сторону централизаціи.

Противъ воззрѣнія, разсматривавшаго преимущественно индивидуума въ его обособленности, поднялось теперь въ эллинской литературѣ сильное теченіе, исходившее изъ той мысли, что всякая индивидуальная жизнь и стремленіе должны быть всегда разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ связи съ цѣлымъ. Вмѣсто морали, сознательно поклонявшейся догматикѣ эгоизма, послѣднимъ выводомъ которой могла быть только борьба всѣхъ противъ всѣхъ, должна была снова выступить болѣе чистая нравственность, выдвинувшая цѣли человѣческаго хотѣнія за предѣлы индивидуума и пытавшаяся снова слить въ живомъ общеніи всѣ разрозненные и враждебные элементы общества. Крайнее индивидуалистическое міровоззрѣніе должно было быть внутренно побѣждено тѣмъ, что, придерживаясь терминологіи Конта и Карлейля, можно было бы назвать «альтруистической» моралью.

Такова великая проблема, красной нитью проходящая черезъ всю соціальную философію грековъ со времени ихъ великой братоубійственной войны. На мѣсто чрезмѣрнаго эгоизма она стремится снова поставить соціальные мотивы, воспитать людей къ соціальнымъ дѣйствіямъ, пріучить ихъ къ дѣятельности, не направленной исключительно на собственное существованіе, но постоянно служащей одновременно и интересамъ цѣлаго. Такимъ образомъ, въ борьбѣ, угрожавшей раздѣлить обще-

ство и государство, былъ указанъ путь къ соціальному миру, къ прогрессивному объединенію отдѣльныхъ членовъ государственнаго организма.

При этомъ съ самаго начала справедливо указывалось—подобно Фихте, Карлейлю и др. вождямъ-піонерамъ аналогичнаго современнаго движенія,—что если должна быть увеличена и распространена способность личности къ жертвамъ обществу, то прежде всего нужно измѣнить взаимоотношенія между индивидуумами и классами. Состоянію, при которомъ различные классы перестали понимать другъ друга, бѣдные и богатые живутъ рядомъ, какъ два враждующіе народа, у которыхъ нѣтъ ни общихъ чувствъ, ни общихъ мыслей,—этому состоянію, приводящему только къ раздорамъ и дѣлающему невозможнымъ мирное соглашеніе, долженъ быть положенъ конецъ, и государство должно быть поставлено на новыя нравственныя основы. Надо стремиться къ смягченію классовыхъ противорѣчій и къ тому, чтобы вся масса гражданъ стала опять чувствовать себя однимъ нравственно-объединеннымъ цѣлымъ, однородной массой, спаянной узами общихъ всѣмъ чувствъ и представленій и объединенной общими идеалами; надо, чтобы эти узы оказались крѣпче, чѣмъ эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ классовъ.

Въ этомъ смыслѣ уже Сократъ особенно сильно указывалъ на гражданскую клятву, налагавшую на каждаго эллина прежде всего обязанность поддерживать единодушіе среди гражданъ. Ὁμόνοια, согласіе одинаково чувствующихъ людей, которое одно только и можетъ перекинуть мостъ черезъ разъединяющія различія между индивидуумами и классами, Сократъ считаетъ высшимъ политическимъ благомъ [1]). Περὶ ὁμονοίας (о согласіи) дѣлается излюбленнымъ заглавіемъ тѣхъ, очевидно, многочисленныхъ публицистическихъ произведеній, которыя ратовали за радикальную реформу государства и общества и набрасывали идеальную картину новаго, лучшаго строя [2]).

Въ томъ же смыслѣ Платонъ объявляетъ высшей цѣлью всякой политики—миръ и взаимное доброжелательство [3]). Прежде всего надо воспитывать въ гражданахъ чувства общности («дружественное и общее въ государствѣ») [4]), связывающія государство и придающія ему внутреннее единство («что бы связало и сдѣлало городъ единымъ») [5]), для того, чтобы государство было «дружественно въ самомъ себѣ» [6]).

Цѣль государства поэтому должна заключаться не въ благополучіи *части* его населенія, но въ благополучіи *общемъ* [7]). Сообразно съ интересами и потребностями *всего* составляющаго государство общества должно вырабатываться право; право индивидуума должно быть отодвинуто на второй планъ. Достиженіе этой цѣли возможно лишь при томъ условіи, если государственная дисциплина и государственное воспитаніе настолько ограничатъ волевую сферу отдѣльнаго лица, настолько сочетаютъ ее съ жизнью общества, что индивидуумъ будетъ служить государству добровольнымъ помощникомъ въ укрѣпленіи связей, объединяющихъ его общину (ἐπὶ τὴν ξύνδεσμον τῆς πόλεως) [8]).

Направленная къ этой цѣли дѣятельность политики, этого «царскаго искусства», съ означенной точки зрѣнія обозначается при помощи прекраснаго поэтическаго образа, какъ «царственное сплетеніе душъ» (βασιλικῆς ξυνυφάνσεως ἔργον), которое, путемъ «божескихъ и человѣческихъ» узъ, согласіемъ и любовью создаетъ нравственную общность жизни [9]), «самую драгоцѣнную пряжу», связывающую другъ съ другомъ отдѣльные члены государственнаго организма [10]).

Эгоизму («излишняя дружба къ самому себѣ») [11]), не признающему ничего, кромѣ потребностей своего ненасытнаго «я» (ἀχολασία), ставятъ въ упрекъ, что онъ до послѣднихъ предѣловъ уничтожаетъ возможность всякаго общенія между людьми

(κοινωνία), разрушаетъ тѣмъ узы симпатіи (φιλία), не допускаетъ, собственно говоря, никакого общаго порядка [12]) и права и этимъ отрицаетъ все, что «связываетъ небо и землю, боговъ и людей» [13]).

Уже самое понятіе всеобнимающаго и побѣждающаго мірового строя, Космоса, сущностью котораго и является именно «порядокъ», связанность, гармонія, показываетъ, что притязаніе индивидуума на безпредѣльную свободу, беззастѣнчивое подчеркиваніе личнаго интереса—противно природѣ и превращаетъ общество въ хаосъ анархистическихъ силъ (ἀκοσμία καὶ ἀκολασία) [14]). Ничѣмъ не стѣсняющееся стремленіе къ πλεονεξίи несовмѣстимо съ тѣмъ, что Платонъ называетъ относительнымъ равенствомъ [15]); въ силу этого равенства каждый долженъ стать на свое мѣсто въ служеніи міровому порядку, частью котораго является и самое государство и общество.

Если крайній индивидуализмъ разложилъ государство на вихрь атомистически стоящихъ другъ съ другомъ рядомъ индивидуумовъ, то теперь разъединенные элементы снова соединяются въ живой организмъ, члены котораго всегда сознаютъ свою обязанность—ограничиваться сферой своей дѣятельности (τὰ ἑαυτοῦ πράττειν) [16]) и все время считаться съ пользой цѣлаго [17]). Эгоистическія побужденія должны быть подчинены побужденіямъ соціальнымъ и прежде всего—нравственному служенію высшей общинѣ, т.-е. государству. Въ противовѣсъ эгоистическимъ центробѣжнымъ теченіямъ и отрицательнымъ идеаламъ свободы, сдѣлавшимъ индивидуума центромъ міра, нарождается ясно выраженное центростремительное направленіе; противъ крайняго индивидуализма выступаетъ соціализмъ.

Это развитіе мысли совершенно сходно съ тѣмъ, которое возникло въ аналогичномъ движеніи послѣдняго столѣтія противъ міровоззрѣнія эпохи просвѣщенія, индивидуалистическаго естественнаго права и индивидуалистической національной экономіи. Указанному кругу представленій грековъ вполнѣ соотвѣтствуетъ высказанная Гёте въ его «Wanderjahre» мысль, что каждый является только управителемъ своей собственности; онъ долженъ управлять ею на пользу цѣлаго; каждому человѣку ставится требованіе: «преврати себя въ органъ и ожидай, какое мѣсто отведетъ тебѣ человѣчество въ общей жизни».

Впрочемъ, это «органическое» толкованіе съ самаго своего возникновенія—какъ у Платона, такъ и въ органическихъ государственныхъ и соціальныхъ теоріяхъ новаго времени,—страдаетъ нѣкоторой односторонностью. Платонъ, исходя изъ того положенія, что «государство—то же, что и человѣкъ, но въ бо̀льшемъ масштабѣ» [18]), упускаетъ изъ виду, что аналогія между явленіями соціальной жизни и физическими организмами не можетъ быть универсальной, не можетъ охватывать все цѣлое ихъ существа, а всегда будетъ относиться только къ опредѣленнымъ, отдѣльнымъ ихъ сторонамъ [19]). При обсужденіи позитивныхъ предложеній Платона въ области новаго строительства государства и общества мы увидимъ, что теорія построенія государства, какъ организма, привела къ глубокимъ заблужденіямъ, къ чрезмѣрному напряженію соціалистическаго принципа; однако, въ своей критической части и для ближайшей задачи устраненія чисто-механическаго толкованія соціальныхъ явленій «органическая» теорія оказала большія услуги, какъ для той эпохи, такъ и для новаго времени. При ея помощи проложило себѣ путь сознаніе, что государственная община не есть простой аггрегатъ, не упорядоченіе только чисто-внѣшнихъ отношеній между болѣе или менѣе отдѣльно стоящими лицами, но что въ государствѣ народъ сливается въ одно цѣлое, отдѣльныя части котораго,—какъ и въ физическомъ организмѣ,—хотя и одарены самостоятельною жизнью, но въ то же время обусловлены жизнью цѣлаго и функціонируютъ какъ его «члены».

Индивидуалистически-атомистической точкѣ зрѣнія, безъ колебанія отождествлявшей государство съ его временными, человѣчески-личными носителями и разлагавшей его въ комплексъ механическихъ отдѣльныхъ отношеній, противопоставляется теорія, установившая, что интересы общественныхъ группъ не исчерпываются суммой отдѣльныхъ интересовъ. Она разсматриваетъ государство какъ однородное цѣлое съ отдѣльнымъ существованіемъ, отличающимся отъ суммы существованій его частей. Противъ матеріалистическаго низведенія государства до уровня простого орудія единичныхъ атомистическихъ интересовъ здѣсь вырастаетъ сознаніе самостоятельной сущности государства, какъ субъекта-цѣли, отличнаго отъ суммы конкретныхъ, временно-живущихъ индивидуумовъ, сознаніе его жизненнаго содержанія, превосходящаго всякую индивидуальную жизнь, и стремленія, переживающаго поколѣнія и олицетворяющаго единство во множествѣ [20]).

Насколько инымъ оказывается, по этому воззрѣнію, положеніе индивидуума относительно государства! Разъ отдѣльный человѣкъ, въ его отношеніи къ государству, разсматривается какъ часть цѣлаго, какъ членъ единообразной общей жизни, то онъ уже не можетъ болѣе быть исключительной цѣлью для самого себя и не можетъ низводить государство на степень орудія своей самодовлѣющей воли. А само государство, разъ оно не является уже только суммой отдѣльныхъ личностей, неравныхъ по своему положенію—частью владыкъ, частью подданныхъ,—оно уже перестаетъ быть и тѣмъ, чѣмъ его сдѣлало ученіе крайняго индивидуализма: организаціей господства однихъ надъ другими въ цѣляхъ болѣе широкаго удовлетворенія интересовъ сильныхъ путемъ эксплуатаціи слабыхъ. Надъ притязаніями эгоизма индивидуумовъ и классовъ возвышается идея государства какъ силы, которая преслѣдуетъ свои собственныя, нравственно-разумныя цѣли. Такая сила, являясь единствомъ, присущимъ совокупности всѣхъ, должна осуществлять и справедливость по отношенію ко всѣмъ. А отдѣльныя особи, въ свою очередь, какъ элементы этого единства, должны видѣть содержаніе своего существованія не исключительно въ самихъ себѣ, но одновременно въ сознаваемомъ ими назначеніи своемъ для высшей общей жизни, для стоящаго надъ всѣми единичными организмами, «организма общественнаго».

Въ этомъ заключаются истина и вѣчное значеніе «органической» теоріи государства [21]), хотя идея организма, сама по себѣ, лишь несовершенно и односторонне преувеличенно выражаетъ понятіе политическаго единства [22]). Во всякомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Карлейль, эта идея указала путь къ низверженію не менѣе односторонняго индивидуализма и показала возможность соціально-этическаго пониманія, которое свойственно въ другихъ случаяхъ только религіознымъ эпохамъ. Какъ отдѣльной особью, человѣкомъ управляютъ его личные интересы; какъ членомъ цѣлаго—то, что Карлейль называетъ вѣрою въ «сверхъ-индивидуальную цѣнность», любовью, самопреодолѣніемъ и «лойяльностью»; Гёте это зоветъ «благоговѣніемъ», самоотреченіемъ и самоограниченіемъ; Платонъ-«нравственнымъ стыдомъ» (αἰδώς) [23]), симпатіей (φιλία), самообладаніемъ (σωφροσύνη) и справедливостью [24]); эта справедливость обезпечиваетъ каждому «должное» и скорѣе готова переносить несправедливость, чѣмъ ее причинять [25]).

Человѣка, который своимъ смѣлымъ идеализмомъ наложилъ узду на беззастѣнчивый индивидуализмъ современнаго міра и который существенно подготовилъ побѣду новой общественной теоріи—Томаса Карлейля,—называютъ «Исаіей своего вѣка». Для характеристики Платона нельзя подыскать болѣе мѣткаго выраженія. Вся его соціальная философія была могучимъ воззваніемъ къ «совѣсти общества»

въ борьбѣ со слабостью и эгоизмомъ его эпохи, въ борьбѣ съ матеріалистическимъ и атомистическимъ пониманіемъ явленій общественной и политической жизни.

Платонъ, однако, этотъ идеалистъ и пророкъ, будящій общественную совѣсть, стоитъ не одинъ; трезвое ученіе о государствѣ Аристотеля захвачено тѣмъ же анти-индивидуалистическимъ движеніемъ.—«Не нужно думать,—говоритъ Аристотель, совершенно въ духѣ Платоновомъ,—что гражданинъ принадлежитъ только себѣ; скорѣе всѣ принадлежатъ государству». Ибо,—прибавляетъ онъ,—каждый есть часть государства [26]). Въ этомъ положеніи сказывается опять-таки пониманіе государства какъ организма. Для того, чтобы освѣтить отношенія между индивидуумомъ и государствомъ, приводится сравненіе съ членами человѣческаго тѣла: рука и нога перестаютъ существовать, разъ прекратилось существованіе цѣлаго человѣка; они существуютъ тогда только по имени [27]). Часть цѣлаго не можетъ выполнить безъ него своего назначенія; она «не довлѣетъ сама себѣ» и своего полнаго и истиннаго существованія достигаетъ только посредствомъ цѣлаго [28]). Поэтому Аристотель говоритъ о государствѣ, что оно, какъ цѣлое, существуетъ раньше (какъ понятіе), чѣмъ его непричастныя аутаркіи части,—индивидуумы [29]). Только изъ идеи цѣлаго можетъ быть понятъ отдѣльный членъ.

Какъ организмъ, государство не есть нѣчто искусственно-созданное, продуктъ произвола и размышленія; оно вырастаетъ изъ данныхъ самой природой зародышей [30]), которые приводятъ къ возникновенію общественной жизни, правда, въ менѣе совершенной формѣ, уже въ царствѣ животныхъ, напр., въ «государствѣ пчелъ» [31]). Это, вложенное природой, стремленіе къ общественности въ государственномъ единеніи достигаетъ своей конечной цѣли, аутаркіи, т.-е. полнаго самодовлѣнія, въ которомъ сущность всякаго счастья.

Вѣдь истинно-счастливое существованіе — не состояніе собственности, въ которой человѣкъ можетъ жить только для себя, но такое, въ которомъ онъ, какъ общественное существо, въ одно и то же время живетъ для семьи, для друзей и для согражданъ [32]).

Сообразно съ такимъ основнымъ соціальнымъ воззрѣніемъ, Аристотель особенно напираетъ на развитіе соціально-этическихъ чувствъ, которымъ онъ посвящаетъ три полныхъ книги своей «Этики»; рядомъ съ ними онъ ставитъ чувства общественности, объединяемыя въ понятіи φιλία, и основныя соціальныя добродѣтели: правильность оцѣнки и справедливость.

Противовѣсомъ специфическому пороку эгоизма—плеонексіи, обогащенію сильнѣйшаго [33]), безцеремонно осуществляющаго въ соревновательной борьбѣ за внѣшнее благо свои интересы на счетъ слабаго [34]), является у него прежде всего справедливость, какъ такой нравственный образъ мыслей, который старается, по мѣрѣ возможности, уравнять собственный интересъ съ интересами другихъ. Иными словами, человѣкъ долженъ при распредѣленіи матеріальной прибыли или убытковъ сохранять принципъ относительнаго равенства, не брать себѣ слишкомъ много прибыли и слишкомъ мало убытковъ, а ближнему (τῷ πλησίον), наоборотъ, удѣлять мало прибыли и много убытковъ; онъ обязанъ вездѣ честно заботиться о справедливой мѣрѣ [35]). Справедливостью, въ этомъ смыслѣ, оказывается, такимъ образомъ, осуществленіе принципа suum cuique (добродѣтель, благодаря которой каждый имѣетъ свое («Rhet.» I, 9). Въ противность воззрѣнію, допускающему только одну норму справедливаго раздѣла—право сильнаго, эта справедливость принимаетъ въ разсчетъ и интересъ слабаго. Она даетъ ближнему болѣе того, что ему можетъ, въ крайнемъ случаѣ, присудить законъ; она не только законность, но и справедливость (τὸ ἐπιεικές), которая не настаиваетъ на буквѣ формальнаго права; даже въ тѣхъ

случаяхъ, когда законъ говоритъ въ пользу ея собственнаго интереса, она заставляетъ этотъ интересъ добровольно уступить мѣсто внутренне справедливому притязанію ближняго [36]). Имѣя въ виду, кромѣ своего блага, также и благо *другихъ*, справедливость есть въ то же время «благо ближняго» («*чужое* благо, такъ какъ относится къ другому; другому дѣлаетъ полезное» [37]). Альтруизмъ!); она оказывается также и «совершенной добродѣтелью», такъ какъ обладающій ею можетъ осуществлять добродѣтель не только какъ индивидуумъ, въ примѣненіи къ самому себѣ и въ своей внутренней жизни, но и въ отношеніи къ другимъ [38]). Требованіямъ ἀρετὴ многіе удовлетворяютъ въ своей дѣятельности дома и въ семьѣ, но лишь только дѣло коснется другихъ людей, они сильно грѣшатъ противъ нея [39]). Особенно явно это сказывается въ тѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ, гдѣ дѣятельность отдѣльнаго лица направлена на другихъ и на общество. Поэтому Біасъ очень удачно замѣтилъ, что «должность покажетъ человѣка» [40]).

Справедливость въ то же время и «политическое благо» (πολιτικὸν ἀγαθόν [41]), такъ какъ она является благомъ, служащимъ обществу (τὸ κοινῇ συμφέρον [42]). Она—«пригодность къ общественной жизни» (κοινωνικὴ ἀρετή [43]). Справедливость—говоритъ Аристотель словами поэта—заключаетъ въ себѣ всякую добродѣтель. Въ извѣстномъ смыслѣ она ἀρετή вообще. Она прекраснѣе и вечерней и утренней звѣзды [44]).

Въ общеніи людей между собою справедливость содѣйствуетъ тому, чтобы дѣйствію въ чью-либо пользу соотвѣтствовало такое же дѣйствіе со стороны лица, на котораго дѣйствіе было направлено, чтобы оба дѣйствія стояли въ справедливомъ отношеніи другъ къ другу; она поэтому является силой, объединяющей государство и общество и связывающей человѣка съ человѣкомъ [45]).

Если мы представимъ себѣ значеніе этой, изложенной въ «Этикѣ», идеи справедливости для развитія экономическихъ отношеній, то намъ сразу же станетъ ясно, что она совершенно исключаетъ то чисто-индивидуалистическое пониманіе народнаго хозяйства, которое считаетъ «сообразнымъ природѣ» стремленіе человѣка въ своей хозяйственной жизни, взамѣнъ минимальныхъ затратъ съ своей стороны, получать возможно большее количество нужнаго ему отъ другихъ. Аристотелевская идея справедливости заключаетъ въ себѣ, наоборотъ, требованіе, чтобы и въ явленіяхъ рынка, при установленіи мѣновой стоимости и цѣнъ, рѣшающую роль игралъ не одинъ экономическій эгоизмъ, но чтобы рядомъ съ дѣйствіями на пользу законнаго частнаго интереса принималось, и притомъ сознательно, во вниманіе благо ближняго, чтобы, благодаря имъ, это благо умножалось.

Высокій нравственный идеалъ вводится, такимъ образомъ, въ дѣловую жизнь. Преслѣдованіе чисто «экономическаго принципа», въ силу котораго предлагающій стремится, взамѣнъ возможно меньшаго количества товара, получить возможно больше денегъ, а спрашивающій добивается противоположнаго, не признается съ точки зрѣнія этого идеала хотя бы «этически безцвѣтнымъ» [46]) даже въ тѣхъ довольно обычныхъ случаяхъ, когда каждая сторона убѣждена въ выгодности для другой сдѣлки, въ томъ, что, пріобрѣтая себѣ дѣйствительно нужное, покупающій получаетъ, какъ и продающій, извѣстную экономическую выгоду. Человѣкъ вообще не долженъ домогаться *наивысшаго* вознагражденія за свою работу, *наивысшей* платы за свои товары, высшей ренты на свои капиталы; онъ долженъ брать только такое вознагражденіе и цѣну, которыя принципіально не противорѣчатъ принципамъ умѣренности и справедливости. Нигдѣ въ области производства и потребленія тотъ человѣкъ, въ согласіи или содѣйствіи котораго мы нуждаемся, не долженъ казаться намъ *только* средствомъ и орудіемъ, разсматриваемымъ

нами исключительно съ экономической точки зрѣнія; мы всегда должны смотрѣть на него какъ на объектъ нравственныхъ обязанностей.

Частный интересъ слѣдуетъ «морализовать», и именно такъ, чтобы человѣкъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ не стремился къ одностороннему охраненію своихъ только интересовъ, но заботился бы и объ интересахъ другихъ; нельзя предоставлять заботу объ ихъ благѣ исключительно своимъ контрагентамъ; каждый долженъ самъ одушевляться и руководиться честнымъ стремленіемъ къ справедливому уравненію притязаній обѣихъ сторонъ.

О возможности осуществленія такого требованія можно думать, что угодно; гнету, налагаемому на отдѣльную личность экономическими отношеніями, и, къ сожалѣнію, вытѣсняющему въ большинствѣ случаевъ всѣ неэкономическія соображенія [47]), можно придавать какое угодно значеніе,—и все-таки врядъ ли можно сомнѣваться, что желательная сущность дѣловыхъ отношеній заключается въ возможномъ приближеніи къ выставляемому здѣсь идеалу. Весь прогрессъ нравственной культуры зависитъ отъ рѣшенія вопроса о томъ, до какой степени, на ряду со стремленіемъ къ экономическому самосохраненію и саморазвитію, можетъ имѣть значеніе идея уравнивающей справедливости, какъ нравственная норма, регулирующая жизненныя отношенія. На какомъ другомъ пути возможно добиться прогресса въ области смягченія и примиренія экономическихъ и соціальныхъ противорѣчій, кромѣ пути оріентированнаго согласно «нормѣ блистательнаго suum cuique» (Родбертусъ).

Или мы разъ навсегда должны признать «просто заповѣдью справедливаго эгоизма, соединимаго съ любовью къ ближнему», такой, напримѣръ, фактъ, что хозяйственный предприниматель «при предложеніи товара-работы» будетъ, среди одинаково пригодныхъ рабочихъ, выбирать только тѣхъ, которые требуютъ меньшую плату [48]), причемъ даже не задастъ себѣ серьезно вопроса, не нуждою ли вызывается это низкое требованіе, и не даютъ ли ему полную возможность экономическія условія дѣла предложить лучшее вознагражденіе?

Должны ли мы разъ навсегда признать «справедливымъ» постоянное возрастаніе и все болѣе безцеремонное проявленіе эгоизма подъ давленіемъ столкновенія различныхъ группъ въ экономическихъ интересахъ? Должны ли мы покорно принять этотъ эгоизмъ, какъ нѣчто такое, «противъ чего нельзя возражать», и всецѣло предоставить государству заботу о томъ, какъ противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ антисоціальной дѣятельности эгоизма [49])?

Аристотель держится другого мнѣнія. Онъ считаетъ, что государство такъ же, какъ и отдѣльная личность, должно и здѣсь дѣйствовать въ качествѣ органа уравнивающей справедливости; общее народное сознаніе должно быть развито настолько, чтобы заклеймить какъ нѣчто безнравственное все направленіе частныхъ интересовъ во вредъ цѣлому, всякую эксплуатацію экономическаго соотношенія силъ для полученія недобросовѣстно большой выгоды.—«Поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла служить принципомъ общаго законодательства». Эта формула Канта есть не что иное, какъ выраженіе только-что развитаго здѣсь моральнаго принципа Аристотеля, для котораго нравственно рѣшающимъ является мысль о ближнемъ и обществѣ. Это—идея взаимности (мутуализма [50]), долженствующая и въ области экономическихъ отношеній осуществлять извѣстное равновѣсіе между требованіями справедливаго себялюбія и чувствомъ солидарности съ общимъ.

Та же идея взаимности ведетъ еще далѣе, въ сферу тѣхъ человѣческихъ дѣйствій, въ которыхъ «альтруистическое» настроеніе получаетъ преобладаніе—

въ царство щедрости и милосердія, т.-е. всего того, что съ недавняго времени было поставлено, какъ «каритативная» система, на ряду съ частно-хозяйственной. Путь къ аристотелевскому способу мышленія въ области разсужденій о справедливости, путь, котораго требуетъ истинная справедливость, намѣченъ былъ уже прекраснымъ народнымъ обычаемъ строить въ центрахъ обмѣна святилище богинямъ милости (Харитиннамъ [51]). Въ этомъ обычаѣ Аристотель усматриваетъ постоянное напоминаніе людямъ о необходимости выполнять свои нравственныя обязанности, отвѣчать ближнему услугой за услугу, и даже болѣе—предупреждать его желанія новымъ доказательствомъ своей любви, въ чемъ собственно и состоитъ сущность Харитъ [52]).

Въ концѣ концовъ, Аристотель приходитъ къ выводу, что справедливость во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ тѣмъ, что греки называли φιλία [53]), съ тѣмъ чувствомъ общности, которое связываетъ человѣка съ человѣкомъ и которое должно существовать, если вообще люди дойдутъ когда-нибудь до осуществленія справедливости въ самомъ чистомъ и высокомъ смыслѣ.

Φιλία не равнозначаща, однако, съ понятіемъ дружбы, т.-е. личными отношеніями между отдѣльными лицами. Она есть въ то же время свойственное человѣку стремленіе къ жизни въ обществѣ [54]). Въ этомъ проявляется противоположность аристотелевской точки зрѣнія и его пониманія справедливости соціальному атомизму. Та же противоположность сказывается въ разсужденіяхъ Аристотеля о «дружбѣ»: рядомъ съ φιλία въ узкомъ смыслѣ, въ это понятіе включаются самыя разнообразныя формы общежитія—корпораціи, товарищество, короче говоря, союзы всякаго рода [55]), а также и разныя формы чувства общности, ведущія въ большей или меньшей степени за предѣлы индивидуальной жизни.

Соотвѣтственно этому и здѣсь, какъ одна изъ формъ φιλία, является «единство настроенія» (ὁμόνοια [56]), «политическая дружба». Она связываетъ государство и образуетъ твердый оплотъ противъ внутренней борьбы; тамъ, гдѣ эта дружба налицо, отдѣльныя личности чувствуютъ себя членами одного духовно-нравственнаго общества, объединеннаго общими идеалами, болѣе цѣнными, чѣмъ частные интересы; идеалы эти—справедливость и благо всѣхъ входящихъ въ составъ общества [57]).

Но понятіе φιλία, какъ его опредѣляетъ Аристотель, выходитъ за предѣлы даже тѣхъ широкихъ рамокъ, въ которыхъ дѣйствуетъ государственное общежитіе.—Аристотель ссылается на то стремленіе къ общей жизни, которое свойственно уже животнымъ, проявляющимъ инстинктъ общественности, и—въ еще болѣе высокомъ смыслѣ—человѣку [58]). Благороднымъ плодомъ этого чувства общности является доброжелательство къ ближнему, φιλανθρωπία (филантропія), постоянно говорящее о томъ, «какъ дороги и близки человѣкъ человѣку», ὡς οἰκεῖον ἅπας ἄνθρωπος ἀνθρώπῳ καὶ φίλον [59]). Съ точки зрѣнія Аристотеля эгоистъ, такимъ образомъ, отрицаетъ всѣ истинно-человѣческія чувства; онъ дѣлаетъ все только ради себя (ἑαυτοῦ χάριν πάντα) и не дѣлаетъ ничего такого, что не затрагивало бы его интересовъ (οὐδὲν ἀφ'ἑαυτοῦ πράττει); въ общей борьбѣ за внѣшнія блага жизни—богатство, почести и наслажденія—онъ преслѣдуетъ только свои эгоистическіе интересы [60]).

Прямо противоположенъ такому себялюбію образъ мыслей, воздающій каждому свое—сообразно близости личныхъ отношеній, высокому достоинству или ничтожеству,—и этимъ путемъ стремящійся удовлетворить всѣмъ нравственнымъ обязательствамъ, налагаемымъ на личность ея столь разнообразными отношеніями къ родственникамъ, друзьямъ, согражданамъ и другимъ людямъ [61]).

Задача воспитанія—развить по возможности въ народѣ эти соціальныя чувства и обезпечить ихъ правильное примѣненіе. Воспитаніе въ духѣ такой нравственной жизни въ обществѣ является въ сущности дѣломъ государства, потому что въ немъ вся общность жизни достигаетъ своего полнаго развитія и завершенія [62]). Государство и его установленія должны путемъ воспитанія привлечь личность къ исполненію ея соціальныхъ обязанностей, особенно же—къ употребленію частной собственности на общую пользу; они обязаны добиваться того уравненія желаній, которое, по Аристотелю, есть первое условіе соціальнаго мира [63]). Государство должно даже въ необходимыхъ случаяхъ принуждать къ исполненію такихъ высокихъ соціальныхъ обязанностей [64]).

И въ этомъ своемъ пониманіи вопросовъ общественности Аристотель выступаетъ рѣзкимъ противникомъ односторонне-индивидуалистическихъ доктринъ своихъ предшественниковъ. Двухъ представителей этихъ доктринъ онъ даже называетъ: архитектора и теоретика государствовѣда Гипподама Милетскаго, несомнѣнно близко стоявшаго къ софистикѣ, и софиста Ликофрона.

Стоящая на почвѣ демократизма государственная теорія Гипподама первая изъ тѣхъ, которыя мы знаемъ, исходя изъ абстрактно-индивидуалистическаго принципа свободы, вывела заключеніе, что государство и его законодательство должны принципіально ограничиваться одной цѣлью: охранять право, обезопасить личность и собственность [65]). Еще яснѣе выступаетъ передъ нами атомистически-индивидуалистическое толкованіе государства у Ликофрона; одно его мнѣніе, сообщенное намъ Аристотелемъ, чрезвычайно характерно: онъ утверждалъ, что законъ есть не что иное, какъ только «порука взаимныхъ правовыхъ притязаній» (ἐγγυητὴς ἀλλήλοις τῶν δικαίων [66]). Мысль Ликофрона находится въ полномъ согласіи съ воззрѣніемъ, ставившимъ личность краеугольнымъ камнемъ всего права и признававшимъ ея право существовать только для самой себя. Право основывается только на договорѣ [67]), которымъ отдѣльныя лица взаимно обезпечиваютъ другъ другу личную безопасность и которому подчиняются только для того, чтобы имѣть возможность удержаться и существовать рядомъ съ другими. Главная обязанность государства состоитъ исключительно въ томъ, чтобы оберегать отъ насильственнаго вторженія одной сферы свободы въ другую; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ оно должно по возможности дать волю стремленіямъ отдѣльныхъ лицъ. Между нимъ и отдѣльными индивидуумами такъ же мало внутренней связи, какъ и между отдѣльными лицами.

Имѣя въ виду эту догматику эгоизма, Аристотель, въ третьей книгѣ «Политики», развиваетъ руководящія для всѣхъ временъ основныя положенія государственной и общественной теоріи. Задачею государства, далеко выходящею за предѣлы заботливости о безопасности гражданъ, Аристотель ставитъ позитивное содѣйствіе культурѣ, благосостоянію и нравственности своихъ гражданъ.

Хотя государство—такъ гласятъ эти положенія, которыя слѣдуетъ постоянно повторять [68]),—рождается изъ настоятельнѣйшихъ потребностей людей, но въ своемъ развитіи оно должно служить усовершенствованію ихъ внѣшняго и внутренняго бытія [69]).

Государство не есть простой союзъ для взаимной охраны противъ правонарушеній и внѣшней силы, не учрежденіе для организаціи торговаго обмѣна [70]) или коммерческое товарищество [71]). Самостоятельныя государства—разсуждаетъ онъ—постоянно заключаютъ между собою охранительные союзы и торговые договоры, но не заботятся о развитіи нравственности и объ образованіи того народа, съ которымъ существуютъ договорныя отношенія; между тѣмъ, именно этотъ идеальный

моментъ, содѣйствіе развитію нравственности и справедливости,—неотдѣлимъ отъ идеи истиннаго государственно-гражданскаго общества.

Единство мѣста еще не даетъ поэтому государства. Если бы двѣ совершенно разнородныя общины—Аристотель беретъ для примѣра Мегары и Коринѳъ—можно было сдвинуть такъ, чтобы онѣ составили непрерывный рядъ домовъ, то онѣ бы еще не образовали изъ себя единаго государства. Или представимъ себѣ извѣстное число индивидуумовъ, живущихъ обособленно, но все-таки достаточно близко другъ къ другу, чтобы находиться другъ съ другомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ; представимъ себѣ, кромѣ того, что эти лица составили другъ съ другомъ товарищество для избѣжанія правонарушеній и заключили союзъ для общей защиты; при всемъ этомъ такое соединеніе индивидуумовъ не было бы государствомъ. Допустимъ даже, что они заключаютъ формальный синойкизмъ и поселяются вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ продолжаетъ смотрѣть на свой собственный домъ какъ на отдѣльное государство, а себя самого считаетъ только членомъ охранительнаго союза, который обязываетъ лишь подавать помощь въ случаѣ внѣшняго насилія, и въ этомъ случаѣ настоящаго государственнаго общенія не существовало бы тутъ такъ же, какъ не существовало его и прежде, ибо въ характерѣ и цѣляхъ взаимныхъ отношеній ничто не измѣнилось бы [72]).

Ясно, значитъ, что государство есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ простая общность мѣстожительства или союзъ для защиты отъ несправедливости или для процвѣтанія торговаго обмѣна [73]). Все это, правда, составляетъ необходимую предпосылку для существованія государства; но сущностью его является общеніе для возможно полнаго и совершеннаго осуществленія всѣхъ жизненныхъ цѣлей человѣка [74]). Цѣль государственнаго общенія не простое сожительство, но общность жизни, которая въ то же время стремится къ прекрасному и доброму [75]).

Кромѣ того, государство есть также учрежденіе, ставящее своей цѣлью осуществленіе счастья людей,—не въ матеріальномъ значеніи этого слова,—«ибо противорѣчитъ великодушному и истинно-либеральному образу мыслей относить все лишь къ внѣшней пользѣ» [76]). Счастье, котораго добивается государство, заключается прежде всего въ усовершенствованіи того, что составляетъ благороднѣйшую часть человѣческаго существа—въ развитіи духовныхъ и нравственныхъ задатковъ человѣка [77]). Сравнительно съ ними внѣшнія блага (τὰ ἐκτὸς, τὰ ἐξωτερικά) имѣютъ лишь второстепенное значеніе. До извѣстной степени они необходимы, но въ то время какъ духовный и нравственный прогрессъ по своей природѣ есть и долженъ быть безграниченъ, необузданное стремленіе къ увеличенію матеріальныхъ благъ не гарантируетъ счастья ни цѣлому, ни отдѣльной личности. Напротивъ! Матеріальное богатство, переходя извѣстную мѣру, можетъ послужить во вредъ и даже угрожать опасностью нравственнымъ цѣлямъ жизни [78]).

Но, какъ на то указываетъ Аристотель въ своемъ выясненіи этики эгоизма, именно къ этимъ внѣшнимъ благамъ: богатству, почестямъ, чувственнымъ наслажденіямъ горячо и усердно стремится большинство людей, они составляютъ предметъ постоянной борьбы страстей и желаній [79]). Главною особенностью стремленія къ наживѣ и спеціально къ накопленію денегъ является то, что ему свойственно увеличивать количество пріобрѣтаемаго до безконечности [80]). Бо́льшая часть людей заботится только о внѣшнемъ благополучіи, а не объ облагороженіи жизни [81]). А такъ какъ границы жизни не извѣстны, то и забота о жизни не знаетъ предѣла, а вмѣстѣ съ ней и стремленіе людей добыть себѣ возможно больше средствъ къ жизни. Даже и тѣ люди, которые стараются украсить жизнь, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду внѣшнія наслажденія; средствомъ ихъ достиженія служитъ, опять-

таки, богатство, а поэтому и всѣ ихъ помыслы и желанія направляются къ пріобрѣтенію состоянія. И въ этомъ случаѣ стремленіе къ богатству, естественно, не имѣетъ предѣла такъ же, какъ и цѣль его—наслажденіе [82]). Благодаря тому, что въ жизни громаднаго большинства царятъ такія односторонніе побужденія, возникаетъ антагонизмъ между жизненными цѣлями отдѣльныхъ личностей и цѣлями государства—носителя высшихъ благъ человѣчества, осуществленіе которыхъ приводитъ къ гармоническому уравненію человѣческихъ стремленій, къ выработкѣ правильнаго нравственнаго масштаба. Поэтому, если дѣйствительно задачею государства является подчиненіе эгоизма отдѣльныхъ лицъ благу цѣлаго, то государство, серьезно смотрящее на свои нравственныя цѣли, должно обратить особое вниманіе на ту область матеріальныхъ интересовъ, въ которой эгоизмъ главнымъ образомъ развиваетъ свою дѣятельность и изъ которой онъ постоянно черпаетъ новыя побужденія и новую пищу.

Ради этихъ своихъ цѣлей государство должно принять рѣшительныя мѣры противъ крайняго индивидуализма въ экономической области. Противовѣсомъ ученію, которое, подъ видомъ борьбы за существованіе въ природѣ и естественнаго права сильнаго надъ слабымъ, принципіально отвергало вмѣшательство государства въ экономическую борьбу и считало «сообразнымъ съ природой» «свободное предоставленіе вещей самимъ себѣ», πάντα ἑατέον [83]), Аристотель такъ же, какъ и Платонъ, ставитъ государству задачу нравственнаго очищенія экономической жизни, положительной борьбы съ одностороннимъ искаженіемъ или преувеличеніемъ экономическаго эгоизма. И въ хозяйственной области индивидуумъ не долженъ ставить себя единственной цѣлью жизни общества; сфера индивидуальной воли и дѣятельности должна опредѣляться условіями этой жизни общества. Естественной силѣ матеріальныхъ интересовъ, царящихъ въ обществѣ и стремящихся покорить себѣ все лучшее въ человѣкѣ, противопоставляется возвышенная идея государства, какъ нравственной общности жизни; ея призваніе, съ которымъ при правильной организаціи соединяется и сила,—способствовать побѣдѣ высшаго права этическихъ цѣлей надъ цѣлями односторонне-экономическими, хотя бы даже и путемъ примѣненія государственной силы принужденія.

Для противодѣйствія эгоизму предполагалось не только воспитывать отдѣльныя личности съ цѣлью развить въ нихъ нравственныя начала; собирались оспаривать у эгоизма самую почву, на которой онъ можетъ проявиться всего беззастѣнчивѣе,—почву экономической дѣловой жизни.

Отдѣлъ III.—Критика историческаго строя государства и общества у Платона.

Послѣ того, какъ политикѣ была поставлена основная задача возвышенія государства надъ односторонним господствомъ экономической жизни, дальнѣйшая задача философскаго ученія о государствѣ намѣчалась сама собою: слѣдовало, съ своей стороны взять на себя борьбу противъ существующаго экономическаго и общественнаго строя путемъ рѣзкой критики и настойчиво указать общественному сознанію на тѣ опасности, которыми угрожалъ всему государству и обществу перевѣсъ экономическаго эгоизма. Противъ квіэтизма, принимающаго положеніе вещей, какъ оно есть, такъ какъ, по его мнѣнію, иначе и быть не можетъ, нужно было, говоря словами Фихте, выдвинуть вопросъ: какимъ образомъ возникло настоящее положеніе вещей, по какимъ причинамъ міръ сложился такъ, какъ мы его видимъ?

При такой постановкѣ вопроса результатъ историческаго развитія—современное положеніе вещей—оказывался созданіемъ совершенно опредѣленныхъ, «часто даже весьма удивительныхъ и произвольныхъ» отношеній; этотъ выводъ давалъ мыслителю, «привыкшему свободно возсоздавать въ своихъ мысляхъ не только дѣйствительно существующее, но и возможное», право попытаться доказать, что «возможны и, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе естественны и разумны совершенно иныя, чѣмъ существующія, соединенія вещей и отношенія между ними» [1]). Платонъ опредѣленно напираетъ на то, что политическія науки не должны ограничиваться «пустыми» теоріями, но обязаны разбираться въ исторіи и въ явленіяхъ дѣйствительной жизни [2]). Изслѣдованіе идеала «справедливости», который онъ связываетъ съ конструкціей «лучшаго государства», кажется ему непонятнымъ безъ анализа противоположныхъ этому идеалу принциповъ и ихъ фактическихъ жизненныхъ проявленій [3]).

Поистинѣ величественно ведетъ насъ Платонъ по этому пути къ познанію внутренней сущности соціальныхъ бѣдствій своего народа. Восьмая книга его «Политіи» (Государства) съ ея рѣзкой критикой государственной жизни, совершенно подчиненной и поглощенной обществомъ, является сплошнымъ грознымъ обвинительнымъ актомъ какъ противъ плутократическаго, такъ и противъ охлократическаго суверенитета матеріальныхъ интересовъ.

Исходной точкой Платона служитъ тотъ моментъ въ развитіи общества [4]), когда, вмѣсто соціальныхъ мотивовъ, связывающихъ государство и общество, всесильной двигательной пружиной, направившей дѣйствія, по крайней мѣрѣ, одной части общества, сталъ разрушительный, разрывающій соціальныя узы эгоизмъ и нераздѣльно съ нимъ—погоня за золотомъ (χρηματισμός) [5]). Такое измѣненіе въ общественномъ настроеніи создаетъ, по мнѣнію Платона, даже въ аристократическомъ обществѣ цѣлый классъ людей, кумиромъ которыхъ дѣлаются деньги; этому кумиру они втайнѣ поклоняются съ грубой страстью. Главнымъ предметомъ ихъ заботы становятся ихъ денежные шкапы и склады, въ которыхъ они могутъ надежно укрыть свои сокровища. Въ своихъ жилищахъ они больше всего цѣнятъ стѣны, отдѣляющія ихъ отъ внѣшняго міра. Эти дома должны быть ихъ «гнѣздомъ», въ тиши котораго они, со своими женами или съ кѣмъ имъ вздумается, могутъ безпрепятственно отдаваться наслажденіямъ и скрывать свои поступки отъ глазъ закона. Они дѣлаются изобрѣтательны въ созданіи новыхъ формъ своихъ тратъ и сообразно съ ними передѣлываютъ законы, залогъ древней простоты жизни, которой измѣнили они и ихъ жены [6]).

Но полный золота сундукъ богача (ταμιεῖον ἐκεῖνο χρυσίου πλῆρούμενον) [7]) очень скоро начинаетъ притягательно дѣйствовать на массу. Сначала въ ихъ собственной средѣ, а потомъ и въ болѣе широкихъ кругахъ, гдѣ одинъ беретъ примѣръ съ другого, разражается настоящая борьба изъ-за матеріальнаго обладанія, борьба, постоянно увеличивающая жажду наживы; въ то же время, съ другой стороны, идеальныя блага (ἀρετή) все болѣе понижаются въ общественной оцѣнкѣ. Такое направленіе должно неизбѣжно деморализирующе дѣйствовать на народный духъ; тамъ, гдѣ склоняются передъ богатствомъ и богатыми, естественно менѣе цѣнятъ добродѣтель и «добрыхъ» (virtus post nummos—на первомъ планѣ деньги, на второмъ—добродѣтель): люди всегда подражаютъ тому, что всѣми уважается, и пренебрегаютъ тѣмъ, что менѣе цѣнится [8]).

Естественнымъ слѣдствіемъ такой власти денегъ и спекуляціи является зависимость государства отъ денежныхъ магнатовъ; выраженіемъ этой зависимости становится политическое владычество капитала, плутократія [9]), или господство

немногихъ. Почетъ и удивленіе выпадаетъ на долю одного богатства; оно—путь къ высшимъ почестямъ въ государствѣ, тогда какъ неимущій, уже въ силу своей бѣдности, цѣнится мало. Сумма денегъ (πλῆθος χρημάτων) служитъ масштабомъ, рѣшающимъ моментомъ при опредѣленіи права отдѣльной личности въ государствѣ [10]). Государство распадается на два государства—богатыхъ и бѣдныхъ; живя на одномъ пространствѣ, они проникнуты недоброжелательствомъ другъ къ другу и, правда, тайно постоянно враждуютъ [11]). Такое положеніе вещей ведетъ къ ослабленію государства и съ внѣшней стороны. Его оборонительная сила постепенно падаетъ. Состоятельные люди, дорожащіе своимъ имуществомъ, боятся финансовыхъ жертвъ, требуемыхъ оборонoю страны; съ другой стороны, призывая массы къ оружію, они должны жить въ постоянномъ страхѣ, какъ бы эти послѣдніе не стали для нихъ опаснѣе, чѣмъ внѣшніе враги [12]).

Но самымъ большимъ зломъ, по мнѣнію Платона, является соотвѣтствующая духу власти денегъ, или, по крайней мѣрѣ, допускаемая имъ, абсолютная свобода отчужденія и пріобрѣтенія имущества. Она вызываетъ вредное скопленіе капиталовъ, дѣлающее однихъ слишкомъ богатыми и обрекающее другихъ на безнадежную бѣдность. Оборотной стороной маммонизма является пауперизмъ и пролетаріатъ, или, придерживаясь болѣе близко терминологіи Платона,—классъ «совершенно неимущихъ». Эти послѣдніе живутъ въ государствѣ, не составляя части его, не имѣютъ значенія ни въ экономическомъ смыслѣ, какъ торговцы или ремесленники, ни въ военномъ,—какъ всадники или гоплиты; они—ничто; просто только «бѣдные» и «нуждающіеся» [13]).

Очевидно, въ виду такого постояннаго превращенія мелкихъ состояній въ немногія крупныя, въ виду закрѣпощенія народа арендною платою и долгами—явленіе, характеризующее соціально-экономическое развитіе эпохи,—Платонъ устанавливаетъ общее положеніе, что плутократія доведетъ, въ концѣ концовъ, до положенія пролетаріата всю массу тѣхъ, которые не могутъ подняться до господствующаго класса [14]). Платону совершенно ясно, что необузданный капитализмъ имѣетъ явную тенденцію постоянно увеличивать разстояніе между мелкимъ людомъ и денежной аристократіей, что при посредствѣ капитализма крупные доходы и состоянія будутъ увеличиваться гораздо быстрѣе, чѣмъ общее благосостояніе, и въ то же время какъ абсолютно, такъ и относительно будетъ все возрастать въ численности тотъ классъ населенія, который живетъ изо дня въ день, не имѣя имущества.

Рядомъ съ этими явленіями вырастаетъ еще одно: создается вскормленный маммонизмомъ классъ тунеядцевъ и расточителей, которыхъ Платонъ очень мѣтко называетъ трутнями. Эти трутни—язва общества (νόσημα πόλεως) [15]); они хуже, чѣмъ трутни въ ульѣ пчелъ, потому что крылатыхъ трутней богъ лишилъ жала, трутни же человѣчества обладаютъ частью острымъ жаломъ. Изъ нихъ, главнымъ образомъ, набирается многочисленный въ плутократическомъ обществѣ контингентъ воровъ, карманщиковъ, похитителей церковныхъ сокровищъ и другихъ зачинщиковъ всякихъ проступковъ, съ которыми государству тяжело справляться. Конечно, и въ человѣческомъ государствѣ есть трутни и съ менѣе острымъ жаломъ, т.-е. менѣе храбрые, чѣмъ ихъ болѣе рѣшительные товарищи, идущіе впереди въ борьбѣ противъ нравственности и права. Но зато имъ постоянно грозитъ опасность стать въ старости нищими и опять-таки увеличить число опасныхъ классовъ [16]).

На ряду съ этими трутнями, которые своимъ появленіемъ всюду вызываютъ одинаковыя болѣзни въ соціальномъ организмѣ, какъ мокрота и желчь въ тѣлѣ физическомъ [17]), мы видимъ, какъ типичное явленіе плутократическаго общества,

страсть къ спекуляціи; спекулянты, какъ говоритъ Платонъ, возвели на тронъ въ душѣ своей жадность и алчность и, обвивъ ихъ діадемами, увѣсивъ золотыми цѣпями и почетнымъ оружіемъ, сдѣлали ихъ «великимъ царемъ» своего внутренняго существа [18]).

Чтобы подняться изъ низкаго положенія, они всѣ свои мысли и поступки сосредоточиваютъ на наживѣ. Но, въ то время, какъ ихъ имущество, вслѣдствіе упорной экономіи и неустанной дѣятельности, умножается, они бѣднѣютъ умомъ и духомъ; и то, и другое они дѣлаютъ рабами алчности; они не позволяютъ разуму искать и думать о чемъ-либо, кромѣ того, какимъ путемъ малое состояніе дѣлается большимъ, сердцу запрещаютъ почитать и восхищаться чѣмъ-либо другимъ, кромѣ богатства и богатыхъ [19]). Грязныя души ихъ все свое честолюбіе направляютъ исключительно на пріобрѣтеніе денегъ и на то, что способствуетъ этому пріобрѣтенію; они изъ всего умѣютъ извлекать пользу для единственной цѣли увеличенія капитала. Всякій образовательный интересъ имъ чуждъ; иначе какъ могли бы они избрать себѣ «предводителемъ хора слѣпого»?

Въ этихъ людяхъ также начинаютъ развиваться наклонности трутней (κηφηνώδεις ἐπιθυμίαι), лишь только имъ представляется случай къ эксплуатаціи слабыхъ, напр., безпомощныхъ сиротъ, или вообще является возможность безнаказанно совершить несправедливость, напр., при **управленіи чужими деньгами**. Несмотря на это, въ дѣловыхъ сношеніяхъ эти люди считаются честными! Они достаточно умны, чтобы во-время подавить свои влеченія; они умѣютъ хорошо разсчитать, гдѣ нечестность обойдется имъ дороже, чѣмъ отказъ отъ неправой наживы. Они кажутся приличнѣе многихъ, хотя до истинной добродѣтели гармонически настроенной души имъ далеко, какъ до неба [20]).

Принципъ капиталистическаго господства играетъ въ руку даже этому классу спекулянтовъ. Ненасытности капиталистическаго общества, никогда не умѣющаго остановиться въ преслѣдованіи того, что ему кажется высшимъ благомъ [21]), вполнѣ соотвѣтствуетъ безграничная экономическая свобода, позволяющая каждому по желанію распоряжаться своимъ имуществомъ; право каждаго отчуждать свое имущество даетъ капиталу возможность увеличиться путемъ ростовщичества и скупкой задолженныхъ земель [22]). Эта свобода приноситъ разореніе прежде всего тѣмъ, кто попадаетъ въ руки денежныхъ тузовъ, побѣжденный тенденціей капиталистическаго вѣка къ нехозяйственному потребленію, къ роскоши [23]).

«Обѣднѣвшіе—продолжаетъ Платонъ въ духѣ набросанной выше картины—ютятся въ государствѣ, вооруженные жалами и другимъ оружіемъ; одни изъ нихъ обременены долгами, другіе опозорены, третьи—и то, и другое вмѣстѣ; всѣ полны ненависти, таятъ въ себѣ мстительные замыслы противъ тѣхъ, кто отнялъ ихъ достояніе, и противъ всего свѣта, «жадно поджидая общаго крушенія» [24]). Денежные же тузы крадутся, сгорбившись, какъ воплощеніе нечистой совѣсти, и какъ-будто не замѣчаютъ этихъ своихъ жертвъ; «въ то же время они злобно мечутъ въ тѣхъ, кто обрекаетъ себя ихъ власти, золотыя стрѣлы денегъ и, создавая при помощи процентовъ богатое потомство этому отцу (т.-е. деньгамъ), вскармливаютъ въ государствѣ множество трутней и нищихъ».

Настроеніе, вызываемое всѣмъ этимъ въ обществѣ, не служитъ имъ предупрежденіемъ; они спокойно смотрятъ на то, что особенно младшее поколѣніе предается кутежамъ, уклоняется отъ всякаго напряженія тѣла и духа, дѣлается изнѣженнымъ и слабымъ [25]); сами же они равнодушно относятся ко всему, кромѣ пріобрѣтенія денегъ, и такъ же мало думаютъ объ истинной добродѣтели, какъ и презираемый ими пролетарій [26]).

Этимъ способомъ, на почвѣ капитализма, выращиваютъ то паразитное растеніе профессіональнаго бездѣльничанья, которое, живя унаслѣдованной рентой, освобождаетъ себя отъ всякаго профессіональнаго труда и обязанностей. Жизнь этихъ богатыхъ бездѣльниковъ, находящуюся во власти самыхъ эфемерныхъ настроеній и капризовъ, Платонъ нарисовалъ сильными штрихами во всей ея внутренней несостоятельности. Упадокъ всякой умственной и нравственной энергіи, который съ психологической необходимостью влечетъ за собою доходъ съ капитала, не сопровождающійся трудомъ, едва ли можно изобразить рельефнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Платонъ въ картинѣ «демократическаго», т.-е. выше всего ставящаго личную свободу, сына «олигархическаго», сколачивающаго деньгу отца.

«Такъ и живетъ человѣкъ изо дня въ день, отдаваясь всякому налетѣвшему на него желанію; то онъ кутитъ, приглашая флейтистокъ; то онъ снова пьетъ воды и продѣлываетъ курсъ лѣченія отъ полноты; то предается тѣлеснымъ упражненіямъ, то лѣниво лежитъ, чуждый какихъ бы то ни было заботъ, а то вдругъ начинаетъ разыгрывать изъ себя ученаго. Очень часто онъ занимается политикой, всходитъ на трибуну и говоритъ все, что ему только взбредетъ въ голову; иногда его взглядъ падаетъ на людей военныхъ или на дѣло банковское, и онъ съ усердіемъ отдается этимъ занятіямъ. И нѣтъ въ его жизни порядка, нѣтъ внутренней логики; онъ же все-таки считаетъ такую жизнь сладкой и с в о б о д н о й и живетъ ею до конца» [27]).

Конечно, этой «свободной и счастливой» жизнью, чуждой всякихъ обязанностей, онъ въ то же время способствуетъ ускоренію правосудія, которое господствующій классъ общества навлекаетъ на себя описаннымъ образомъ дѣйствій и мыслей своихъ составныхъ элементовъ, какъ трудящихся, такъ и наслаждающихся.

На первый планъ Платонъ выдвигаетъ психологическую реакцію этихъ явленій на низшій классъ народа.

«Если при такомъ настроеніи господствующіе и подчиненные придутъ въ болѣе близкое соприкосновеніе другъ съ другомъ,—въ путешествіяхъ, въ паломничествѣ къ святымъ мѣстамъ, въ военномъ походѣ и т. п.—особенно же когда одни наблюдаютъ другихъ среди опасностей войны,—будетъ ли тогда богатый имѣть поводъ смотрѣть презрительно и свысока на бѣднаго? Не случится ли обратное, когда гибкій, сожженный солнцемъ человѣкъ изъ народа въ битвѣ будетъ стоять рядомъ съ богачемъ, привыкшимъ къ тѣнистому покою или страдающимъ отъ чрезмѣрной полноты, и первый увидитъ послѣдняго задыхающимся и измученнымъ? Не появится ли у бѣдняка мысль о томъ, что подобные люди богаты только потому, что никуда не годятся? И собравшійся народъ станетъ говорить: наши господа, въ сущности, ничего не стоятъ» [28]).

Пробудившееся въ массахъ сознаніе противорѣчія между ничтожностью правящихъ и ихъ притязаніемъ на господство въ государствѣ и обществѣ роетъ могилу политической власти капитала. Ненасытной жадностью, безмѣрнымъ стремленіемъ къ тому, что онъ считаетъ высшимъ благомъ и изъ чего онъ самъ возникъ, пренебреженіемъ ко всему остальному, ради накопленія денегъ, капиталъ губитъ самъ себя [29]).

Ослабленному тѣлу достаточно малѣйшей причины для заболѣванія; иногда, даже безъ всякаго толчка извнѣ, оно теряетъ свое внутреннее равновѣсіе; такъ и въ болѣзненномъ организмѣ общества катастрофа разражается по самому ничтожному поводу. Давно уже затлѣвшій костеръ бѣдствія (τὸ κακὸν ἐκκαυόμενον) [30]), который не сумѣли потушить стоящіе у власти, и которому они, напротивъ, доставляли постоянно новую пищу, разгорается яркимъ пламенемъ.

Въ этотъ моментъ денежная олигархія пожинаетъ то, что посѣяла; власть на-

рода, вступившая ея мѣсто, продолжаетъ представлять собою арену трутническихъ вожделѣній, вскормленныхъ капитализмомъ. Разница только та, что теперь экономически слабые, малоимущіе или вовсе неимущіе получаютъ, въ свою очередь, возможность дать волю упомянутымъ вожделѣніямъ трутней по адресу капитала [31]). Трутни, т.-е. разоренные расточители и бездѣльники, становятся между состоятельными и наиболѣе численнымъ въ демократіи классомъ тѣхъ, которые живутъ трудами рукъ своихъ. Они умѣютъ привлечь къ себѣ массу рабочаго народа, питая въ немъ жажду «меда», который добывается за счетъ имущихъ. Богатство теперь дѣлается кормомъ трутней (κηφήνων βοτάνη) [32]). Достаточно только просто быть богатымъ, чтобы прослыть врагомъ народа [33]). За прежнюю эксплуатацію со стороны капитала масса и ея вожди отплачиваютъ теперь беззастѣнчивой борьбой съ богатствомъ: изгнаніями, казнями, конфискаціями, требованіями отмѣны долговыхъ платежей и передѣла земли. Прежніе носители принципа эксплуатаціи падаютъ теперь сами его жертвами.

Но возникшее и въ демократіи охлократическое владычество матеріальныхъ интересовъ, переносящее по возможности на всѣ области жизни принципъ свободы, осуществленный капитализмомъ въ области экономической, должно пасть, въ свою очередь, жертвой преувеличенія этого принципа. Демократія становится, въ концѣ концовъ, жертвой человѣка, въ которомъ ярче всего воплотится эгоизмъ и самовозвеличеніе индивидуума, который въ безпощадной погонѣ за собственными интересами окажется сильнѣйшимъ и который, «великанъ, вытянувшійся во весь свой гигантскій ростъ» [34]), остается твердо стоять на передкѣ государственной колесницы, сбросивъ съ нея остальныхъ [35]). И вотъ на развалинахъ капитализма и пауперизма, изъ свободной игры чисто-индивидуалистическихъ силъ, вырастаетъ власть насилія—тираннія [36]).

Въ другомъ мѣстѣ Платонъ сравниваетъ эту, выходящую за предѣлы всякихъ объективныхъ нравственныхъ границъ, борьбу грубыхъ природныхъ инстинктовъ съ штурмомъ титановъ на небожителей. Соціальная борьба за существованіе, съ этимъ пробужденіемъ титаническихъ вожделѣній въ человѣческой душѣ, возвращаетъ, какъ ему кажется, людей къ грубымъ формамъ насилія первобытной эпохи [37]). У Платона мы находимъ уже понятіе и фразу Гоббса: «bellum omnium contra omnes—война всѣхъ противъ всѣхъ» (τὸ πολεμίους εἶναι πάντας πᾶσιν) [38]), въ которомъ новѣйшая соціалистическая критика видитъ характерную черту современнаго общества [39]).

Такими же мрачными красками Платонъ въ своемъ позднѣйшемъ произведеніи рисуетъ картину порчи народнаго характера подъ вліяніемъ эгоизма и безграничнаго стремленія къ наживѣ; любовь къ богатству—говоритъ онъ—занимаетъ у гражданъ все время, необходимое для заботъ о болѣе высокомъ, чѣмъ собственное достояніе; ему отдана вся ихъ душа; у нихъ нѣтъ времени заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ своего ежедневнаго заработка [40]). Наставленія и учрежденія, способствующія этой цѣли, каждый охотно признаетъ, все же остальное кажется ему смѣшнымъ (τῶν δ'ἄλλων καταγελᾷ) [41]).

Ненасытная жажда золота и серебра заставляетъ каждаго хвататься за любое ремесло, за всякое средство—все равно честное или безчестное, лишь бы оно вело къ обогащенію; человѣкъ не останавливается ни передъ какимъ поступкомъ, будь онъ богоугодный или безбожный, или даже самый постыдный, только бы онъ обезпечивалъ возможность предаваться безъ удержу чревоугодію и сладострастію [42]).

Это стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ и къ средствамъ ихъ удовлетворенія служитъ одной изъ главныхъ двигательныхъ силъ соціальнаго распада.

Не зная длительныхъ и чистыхъ удовольствій, люди, точно стадо на пастбищѣ, постоянно смотрятъ въ землю и въ кормушку, удовлетворяются ѣдой и удовлетвореніемъ чувственности; они убиваютъ другъ друга желѣзными рогами и копытами, добиваясь преимуществъ въ этихъ отношеніяхъ; но жажда ихъ все растетъ, такъ какъ наслажденія эти не наполняютъ истиннымъ наслажденіемъ истинное (т.-е. душу). Эти призраки физическаго наслажденія возбуждаютъ бѣшеную жажду къ нимъ въ безумцахъ и становятся предметомъ кровавой борьбы, подобно призраку Елены въ Иліонѣ [42]).

Отдѣлъ IV.—Нападки идеалистической соціальной философіи на основы существующаго экономическаго правопорядка.

Противорѣчіе между выставленнымъ философскимъ ученіемъ о государствѣ идеаломъ нравственнаго и духовнаго развитія личности и обусловленнымъ собственностью и ея распредѣленіемъ неравенствомъ жизненнаго положенія людей, ведшимъ къ жесточайшимъ искушеніямъ; несоединимость овладѣвшаго обществомъ эгоизма и матеріальныхъ интересовъ съ нравственными идеями, которыя, сообразно съ требованіями того же ученія о государствѣ, должны были быть осуществлены въ государствѣ и правѣ—все это не могло быть выражено болѣе рѣзко, чѣмъ въ мрачной картинѣ общественнаго и политическаго развитія греческаго народа, нарисованной Платономъ.

Правда, въ этой соціально-политической картинѣ современности выступаютъ, и притомъ въ самомъ яркомъ освѣщеніи, лишь отрицательныя стороны капиталистическаго денежнаго хозяйства; нерѣдко встрѣчаются и тенденціозныя преувеличенія, напримѣръ, при мотивировкѣ принципа экономической свободы. Но эти односторонности станутъ сами собой понятными, если представить себѣ всю царившую тогда нравственную и экономическую неурядицу и тѣ ощущенія, которыя долженъ былъ испытывать философъ-мыслитель на чистыхъ высотахъ своего соціально-этическаго міросозерцанія, сталкиваясь съ матеріалистическимъ эгоизмомъ и враждебнымъ государству индивидуализмомъ современниковъ.

Громадная и вѣчная заслуга эллинскаго ученія о государствѣ въ томъ, что оно противопоставило этому крайнему индивидуализму поистинѣ соціальное пониманіе, пытавшееся разрѣшить вопросы о свободѣ и собственности на основаніи условій общественной жизни и тѣмъ самымъ поставившее цѣль, къ которой мы даже въ концѣ XIX столѣтія лишь едва-едва пробиваемся. IV столѣтіе до Р. Хр. уже вело ту борьбу, которой мы не окончили и до сихъ поръ [1]). Оно выковало бо́льшую часть того духовнаго оружія, которымъ мы и теперь пользуемся въ этой борьбѣ.

Если въ великомъ принципіальномъ спорѣ между индивидуализмомъ и соціализмомъ эллинская соціальная философія не была въ состояніи найти правильный средній путь между двумя крайностями и въ процессѣ развитія своихъ соціалистическихъ идей сама отчасти пришла къ крайнимъ и утопическимъ требованіямъ, то все же то столѣтіе, когда соціализмъ и коммунизмъ стали «постояннымъ явленіемъ» [2]), а примирительные принципы все же не были найдены, не имѣетъ повода смотрѣть сверху внизъ на эпоху Платона и Аристотеля, соціально-политическія умозрѣнія которыхъ, несмотря на неизмѣримо меньшее знакомство авторовъ съ соціально-экономическими положеніями и законами эволюціи, ничуть не болѣе утопичны, чѣмъ теоріи современнаго соціализма, начиная съ Оуэна и Сенъ-Симона и кончая Гертцка и Беллами.

Сообразно управляющему развитіемъ человѣческой духовной жизни закону дѣйствія и противодѣйствія, реакція, направленная противъ односторонностей высокоразвитой матеріальной культуры и соціальныхъ дисгармоній капиталистической хозяйственной эпохи, должна была повести къ принципіальнымъ нападкамъ на основы этого капиталистическаго народнаго хозяйства.

Было ясно, что рука объ руку съ прогрессирующимъ развитіемъ и возрастающей мощью частнаго капитала идетъ распаденіе старыхъ основъ жизни и старой нравственности, усиливается эгоизмъ и жажда наслажденій, и все безстыднѣе становятся способы добыванія денегъ и ростовщической эксплуатаціи слабѣйшихъ. На глазахъ у всѣхъ, благодаря чрезмѣрному накопленію собственности въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и параллельному обнищанію остальныхъ, выростали классовыя противорѣчія, развращающее вліяніе которыхъ угрожало высшимъ интересамъ государства и общества. Все съ болѣе и болѣе глубокой горечью ощущали сознательные круги, какъ матеріальный прогрессъ, вызванный расцвѣтомъ капиталистическаго денежнаго хозяйства, зачастую оказывался регрессомъ и упадкомъ идеальныхъ этическихъ интересовъ. Отсюда было уже недалеко до мысли, что именно въ этомъ матеріальномъ прогрессѣ и развитіи богатства самомъ по себѣ слѣдуетъ искать причину всѣхъ соціальныхъ болѣзненныхъ явленій. Передъ громаднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на умы современниковъ сознаніемъ неоспоримой связи между этими явленіями, съ одной стороны, и капитализмомъ, и пауперизмомъ съ другой, остальные, не менѣе важные для оцѣнки вещей моменты невольно отступали на второй планъ. Такъ, совершенно проглядѣли тотъ фактъ, что корни добра и зла лежатъ несравненно глубже, чѣмъ въ строѣ народнаго хозяйства, и что источники физическихъ и моральныхъ бѣдствій неизсякаемы. Непониманіе этого повело за собой одностороннее взваливаніе отвѣтственности за всѣ темныя стороны современной соціальной жизни на тотъ хозяйственный моментъ, который нравственно и матеріально сковалъ своими оковами такую массу людей, т.-е. именно на капиталъ.

Но, исходя изъ односторонней экономической оцѣнки соціальныхъ условій и связывая не менѣе одностороннія надежды на счастье и благосостояніе человѣчества съ цѣлебной силой экономическаго переворота, теорія съ внутренней необходимостью должна была дойти до болѣе или менѣе рѣшительнаго разрыва со всей существующей хозяйственной системой и установить вполнѣ новый привципъ строенія экономической жизни. Если послѣдней причиной всѣхъ соціальныхъ бѣдствій идеалистическая философія провозглашала противоположность между бѣднымъ и богатымъ, то, само собою разумѣется, она могла не отступить передъ требованіемъ устранить и замѣнить новыми существующія формы накопленія и образованія капитала, изъ которыхъ эти противоположности ежедневно создаются заново.

Отсюда возникло принципіальное разногласіе съ господствующимъ пониманіемъ института частной собственности и со всѣмъ правомъ собственности и обмѣна. Разногласіе это—въ частностяхъ нерѣдко вполнѣ правильное—въ виду односторонности исходной точки зашло слишкомъ далеко въ преслѣдованіи самой по себѣ правильной тенденціи.

Если, благодаря всему предыдущему развитію,—по крайней мѣрѣ въ промышленныхъ и торговыхъ государствахъ,—все благопріятствовало пріобрѣтенію и накопленію капитала, способствовало вполнѣ опредѣленной выработкѣ понятія и права частной собственности на движимое и недвижимое имущество и помогало развитію собственности—въ извѣстныхъ, обусловленныхъ природой городского государственнаго хозяйства, предѣлахъ—въ право свободнаго распоряженія имуществомъ,

если вообще, благодаря лежащей въ сущности денежнаго хозяйства подвижности условій обмѣна и всей жизни, было расчищено широкое поле для проявленія человѣческаго эгоизма, то теперь реакція противъ разрушительнаго вліянія такого преобладанія индивидуалистическихъ тенденцій повела къ преувеличенію соціальнаго принципа, къ требованію стѣснить частную собственность и индивидуальную волю, чтобы положить границы не только проявленію безнравственнаго эгоизма, но и законному пріобрѣтенію капитала, самому стремленію къ наживѣ и, слѣдовательно, вообще образованію капитала. Такъ какъ результатомъ разразившейся борьбы интересовъ было, главнымъ образомъ, чрезмѣрное неравенство въ распредѣленіи богатствъ, то теперь, въ противовѣсъ возникшей на почвѣ этого неравенства дисгармоніи, выступали съ требованіемъ не только болѣе справедливаго раздѣла имущества, раздѣла, болѣе благопріятнаго для гармоническаго устроенія народной и государственной жизни, но заходили въ этомъ несомнѣнно глубоко справедливомъ требованіи слишкомъ далеко: требовали вообще, по возможности, полнаго нивелированія экономическихъ различій.

Этимъ путемъ думали парализовать антисоціальное вліяніе частной собственности и ограничить самыми тѣсными рамками противодѣйствіе индивидуальныхъ интересовъ общественнымъ.

Но для полнаго достиженія намѣченной цѣли необходимо было дойти до крайнихъ выводовъ въ указанномъ направленіи мысли, т.-е. къ отрицанію самой частной собственности.

Пока существуетъ частная собственность на хозяйственныя блага, до тѣхъ поръ той части общества, на долю которой выпала эта собственность, будетъ противостоять другая, болѣе или менѣе обдѣленная. Благодаря этому, стремленіе къ наживѣ и эгоизмъ всегда будутъ имѣть возможность проявиться и тѣмъ самымъ нарушить нравственные интересы. Тотъ поэтому, кто считалъ самое неимѣніе собственности, совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и одностороннее концентрированіе ея, соціальнымъ болѣзненнымъ симптомомъ [3]), кто хотѣлъ уже въ зародышѣ помѣшать искаженію стремленія къ пріобрѣтенію и эгоистическаго интереса, тотъ долженъ былъ объявить войну основной причинѣ всякаго неимѣнія собственности, т.-е. самой собственности. Его идеаломъ должно было быть такое положеніе вещей, въ которомъ вообще нѣтъ болѣе личной собственности.

Первымъ теоретикомъ, принципіально высказавшимся противъ экономическаго неравенства, является для насъ Фалей изъ Халкедона. По Аристотелю онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые усматривали въ этомъ неравенствѣ настоящую причину всѣхъ гражданскихъ раздоровъ [4]) и ожидали отъ ея устраненія [5]) глубокаго улучшенія народной нравственности [6]), по крайней мѣрѣ исчезновенія преступленій противъ собственности, которыя въ существующемъ обществѣ вызываются «холодомъ и голодомъ» [7]).

Къ Фалею непосредственно примыкаетъ Платонъ. Его соціально-экономическая точка зрѣнія характеризуется прежде всего энергіей, съ которой онъ выступаетъ противъ общераспространеннаго убѣжденія, гласящаго, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ политики является забота о возможно бо́льшемъ возрастаніи богатства [8]). Истинное государственное искусство, по его мнѣнію, стремится лишь къ счастью, а такъ какъ истинное счастье недостижимо безъ добродѣтели, то и къ нравственности гражданъ [9]). Возрастаніе богатства само по себѣ, слѣдовательно, еще не означаетъ возрастанія счастья, если тѣ, которые имъ обладаютъ, не удовлетворяютъ первому условію счастья, нравственности. Но слѣдуетъ ли ожидать именно отъ богатыхъ выполненія этого условія? Платону кажется, что

на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество, сосредоточенное въ однѣхъ рукахъ, превышаетъ извѣстные размѣры. По его мнѣнію, владѣлецъ чрезмѣрнаго богатства врядъ ли можетъ быть истинно-нравственнымъ человѣкомъ [10]). Ибо у того, кто, съ одной стороны, тщательно избѣгаетъ всякихъ безнравственныхъ и безчестныхъ путей къ обогащенію и, съ другой стороны, всецѣло выполняетъ обязанности, лежащія на богатствѣ, жертвуя на «благородныя и добрыя» цѣли (καλὰ ἀναλώματα [11]), едва ли накопятся чрезмѣрныя сокровища [12]). Вообще между богатствомъ и нравственностью отъ природы существуетъ такой антагонизмъ, какъ-будто они лежатъ на двухъ чашкахъ однихъ и тѣхъ же вѣсовъ и постоянно тянутъ въ противоположныя стороны [13]).

Вліяніе богатства пагубно благодаря тому, что оно благопріятствуетъ расточительности, бездѣлью, погонѣ за новизной; оно уничтожаетъ духъ нравственнаго самоограниченія [14]). Его неизбѣжная оборотная сторона, нужда, порождаетъ, напротивъ, жажду разрушенія, пошлость міровоззрѣнія (ἀνελευθερία) [15]) и влечетъ души людей чрезъ нищету къ безстыдству [16]) или къ рабской подобострастности [17]). Даже экономическіе интересы народа страдаютъ отъ этихъ двухъ крайностей. Разбогатѣвшій промышленникъ не хочетъ больше работать, а погибающій отъ нищеты человѣкъ не можетъ больше работать соотвѣтствующимъ образомъ, такъ какъ у него недостаетъ необходимыхъ условій для достаточной успѣшности его производства [18]). Но хуже всего—это классовая ненависть и гражданская война, обыкновенно являющіяся послѣднимъ результатомъ противоположности между богатымъ и бѣднымъ [19]).

Общество, въ концѣ концовъ, распадается на два враждебныхъ лагеря, или, говоря словами Платона, государство распадается на два государства—бѣдныхъ и богатыхъ, которые болѣе не понимаютъ другъ друга и преслѣдуютъ другъ друга съ непримиримой ненавистью [20]).

Въ пролетаріатѣ, какъ бы мы сказали, вырастаетъ особая соціальная группа, противопоставляющая интересамъ цѣлаго свой собственный классовый интересъ и свои особыя классовыя требованія. Цѣль же этихъ требованій не болѣе, не менѣе какъ обладаніе политической властью, чтобы при помощи ея ограбить цѣлое въ пользу «нищихъ и голодающихъ». Государственная власть становится, такимъ образомъ, предметомъ безпрерывной войны, ведущей, въ концѣ концовъ, къ гибели воюющихъ сторонъ и къ разрушенію государства [21]).

Поэтому, если государство желаетъ избѣжать этой «худшей изъ всѣхъ болѣзней» (μέγιστον νόσημα), то оно не должно допускать ни образованія громадныхъ богатствъ, ни возникновенія удручающей нищеты [22]). Вообще «борьба съ нищетой и богатствомъ» является одной изъ важнѣйшихъ задачъ всякаго законодательства [23]). Эта борьба должна, главнымъ образомъ, быть направлена противъ неразлучнаго съ капитализмомъ размноженія трутней, которое «всюду, гдѣ оно появляется, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ, подобно желчи и мокротѣ въ тѣлѣ человѣка». «Противъ этихъ трутней врачъ или законодатель государства, подобно мудрому пасѣчнику, долженъ заблаговременно принимать мѣры, лучше всего не давая имъ угнѣздиться, но если это уже случилось, то необходимо, какъ можно скорѣе, вырѣзать ихъ вмѣстѣ съ сотами» [24]).

Точка зрѣнія великаго ученика Платона во всѣхъ существенныхъ пунктахъ согласуется съ вышеизложеннымъ основнымъ воззрѣніемъ учителя. Хотя Аристотель не раздѣляетъ того воззрѣнія, что въ строѣ экономической жизни и въ правѣ собственности слѣдуетъ искать единственную причину нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдствій общества, однако, и онъ примыкаетъ къ вышеизложеннымъ

политико-экономическимъ требованіямъ теоріи Платона. Онъ также хочетъ, чтобы въ принципѣ была поставлена граница накопленію хозяйственныхъ благъ. Онъ различаетъ «истинное» богатство, охватывающее лишь «необходимыя и полезныя» для государственнаго и домашняго общежитія блага, отъ общераспространеннаго пониманія богатства, «не имѣющаго никакой понятной человѣку цѣли» [25]). Для того украшенія и усовершенствованія жизни, въ которомъ онъ видитъ сущность счастья, необходимо лишь очень умѣренное количество внѣшнихъ благъ и чувственныхъ наслажденій, и всякое нарушеніе этой мѣры, по его мнѣнію, наноситъ лишь ущербъ истинному счастью человѣка. Аристотель поэтому принципіально отвергаетъ ту капиталистическую спекуляцію, ту хрематистику, по винѣ которой богатство и нажива не знаютъ мѣры и цѣли [26]). Но онъ не останавливается на этомъ принципіальномъ отрицаніи!

Такъ какъ отъ отдѣльныхъ личностей добровольнаго самоограниченія ожидать нельзя, особенно въ области денежной спекуляціи, то Аристотель требуетъ, чтобы соотвѣтствующія рамки, въ смыслѣ экономическаго уравненія стремленія къ наживѣ, были установлены законодательнымъ путемъ. Государство не должно терпѣть «непропорціональнаго возвышенія» отдѣльныхъ личностей [27]). Оно должно, путемъ своего законодательства, принимать предупредительныя мѣры, оно обязано не допустить накопленія чрезмѣрныхъ богатствъ въ отдѣльныхъ рукахъ (ὑπεροχὴ πλούτου) [28]), его долгъ не дать развиться и противоположной крайности—чрезмѣрной бѣдности. Государство не должно давать владѣній настолько большихъ, чтобы они порождали излишнюю роскошь, или настолько малыхъ, чтобы они вели къ голоданію [29]). Ибо «нищета порождаетъ возмущеніе и преступленія» [30]). Съ точки зрѣнія лучшаго государства Аристотель, по крайней мѣрѣ, относительно собственности на землю, устанавливаетъ принципъ полнаго имущественнаго равенства какъ требованіе справедливости [31]).

Рѣзче всѣхъ, однако, формулировала свое принципіальное отрицаніе капитализма этика циниической школы. «Въ богатомъ государствѣ, какъ въ богатомъ домѣ,—говоритъ Діогенъ,—добродѣтель не можетъ обитать» [32]). Любовь къ собственности, по его мнѣнію, «мать всякаго зла» [33]). Природа, говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ приверженцевъ этой этики, создала людей для добродѣтели; бо́льшая часть безнравственности происходитъ отъ богатства; не существовало бы массы золъ, если бы не было богатства [34]).

Повтореніе идей этой эпохи мы находимъ и въ плутарховыхъ біографіяхъ Ликурга [35]) и царя Клеомена [36]), гдѣ богатство и бѣдность, какъ таковыя,—даже безъ ихъ крайностей,—считаются основнымъ зломъ и наихудшей формой заболѣванія гражданскаго общества; врачеваніе же ихъ является верховной задачей истинно-великаго государственнаго человѣка.

Подобныя воззрѣнія неминуемо должны были вызывать критику тѣхъ учрежденій, которыя постоянно снова и снова создаютъ маммонизмъ и пауперизмъ, нравственное и матеріальное убожество; нападки соціализма направлены были, главнымъ образомъ, на три института современнаго общества: на частную собственность, деньги и торговлю.

Платонъ въ то время, когда писалъ «Государство», ожидалъ еще отъ правопорядка, порвавшаго съ частной собственностью, полнаго осуществленія соціальнаго мира. Онъ называетъ «разрываніемъ на части гражданской общественности» (διασπᾶν τὴν πόλιν) то состояніе общества, когда одинъ называетъ своимъ одно, другой—другое, когда каждый оказывается исключительнымъ собственникомъ жилища, въ которомъ онъ имѣетъ возможность скоплять все, что сумѣлъ захватить

раньше другихъ; такое пріобрѣтеніе изолируетъ человѣка: его результатъ, **единоличное** владѣніе, возбуждаетъ лишь такія ощущенія, радости или страданія, которыя переживаются индивидуумомъ въ **одиночку**. Въ противовѣсъ изолированности, вызываемой частной собственностью, идеаломъ Платона является состояніе, въ которомъ всѣ, кому это доступно, вслѣдствіе полной общности всѣхъ благъ, «по возможности раздѣляютъ то же горе и ту же радость» [37]). Такой порядокъ, при которомъ никто ничѣмъ не владѣетъ какъ собственностью, будетъ равносиленъ, по мнѣнію Платона, избавленію отъ борьбы и раздоровъ, обыкновенно возникающихъ между людьми изъ-за обладанія земными благами [38]).

Во всякомъ случаѣ, Платонъ былъ съ самаго начала убѣжденъ, что тотъ нравственный уровень, на которомъ находится большинство людей, допускаетъ лишь приблизительное осуществленіе этого идеальнаго коммунизма; впослѣдствіи, какъ извѣстно, и эти его надежды сильно поколебались [39]). Однако, тотъ фактъ, что онъ, несмотря на потерю увѣренности въ осуществимости коммунизма, ищетъ объясненія упадка нравственности въ неизбѣжныхъ **слѣдствіяхъ** частной собственности, въ растущей экономической дифференціаціи общества, ясно доказываетъ, что внутреннимъ образомъ Платонъ съ частной собственностью никогда примириться не могъ.

Въ высшей степени характерно въ этомъ отношеніи его ученіе о соціальномъ мирѣ и о нравственной чистотѣ первоначальнаго природнаго состоянія; это ученіе онъ, какъ мы видѣли, исповѣдывалъ еще въ своемъ послѣднемъ сочиненіи [40]).

Эта соціалистическая доктрина о естественномъ, природномъ состояніи представляетъ полнѣйшую противоположность прежде упомянутому, чисто индивидуалистическому пониманію естественнаго состоянія, какъ безудержной, насильственной и вѣроломной войны сильныхъ со слабыми. Съ этимъ послѣднимъ, однако, оно согласуется постольку, поскольку и оно изъ своего взгляда на истинно сообразное природѣ извлекаетъ непосредственные практическіе выводы для построенія современнаго общества. Правда, въ совершенно противоположномъ смыслѣ! Въ то время какъ индивидуализмъ провозглашаетъ свободную конкуренцію, какъ требованіе естественнаго права, естественно-правовой соціализмъ Платона, напротивъ, стремится, по мѣрѣ возможности, къ устраненію соперничества, соревнованія въ дѣлѣ добыванія хозяйственныхъ благъ; въ нихъ онъ видитъ лишь источникъ нравственнаго зла и соціальной вражды.

Исходя, очевидно, изъ этой точки зрѣнія и примыкая къ простонародному пониманію невиннаго природнаго состоянія, какъ золотаго вѣка подъ владычествомъ Кроноса, Платонъ думаетъ, что единственный путь, который выведетъ гражданское общество изъ глубокаго несчастія и зла, состоитъ въ томъ, чтобы общество «всѣми возможными способами подражало образу жизни, господствовавшему, согласно преданію, при Кроносѣ [41]), и, подчиняясь живущему въ насъ безсмертному (т.-е. разуму), устроило свою домашнюю и общественную жизнь, возводя въ законъ всѣ предписанія разума» [42]).

Въ приведенномъ мѣстѣ Платонъ вполнѣ ясно высказываетъ, что осуществленіе этого разумнаго права, права истинно сообразнаго съ природой, означало бы радикальный разрывъ со всѣмъ существующимъ. Въ рамкахъ существующаго государственнаго и общественнаго строя, гдѣ господствуетъ не разумное право, но «безконечное и ненасытное зло» (ἀνήνυτον καὶ ἄπληστον κακὸν νόσημα) людскихъ вожделѣній, по мнѣнію Платона, нѣтъ средствъ спасенія (σωτηρίας μηχανή) [43]). Абсолютность естественнаго права и неподкрашенной естественной нравственности

противопоставляются имъ кажущемуся ему искусственнымъ порядку поддѣльной дѣйствительности, съ тѣмъ же рѣзкимъ отрицаніемъ, какое мы находимъ и въ новѣйшей философіи. Взамѣнъ плохого, продиктованнаго эгоизмомъ и невѣжествомъ позитивнаго права, государственнымъ закономъ должно сдѣлаться найденное разумомъ естественное право.

Въ ученіи о естественномъ состояніи соціализмъ обрѣлъ то духовное орудіе, которымъ онъ надѣялся сокрушить существующій экономическій и общественный строй. Съ признаніемъ этого ученія весь соціальный порядокъ и узаконенный имъ институтъ частной собственности переставали быть чѣмъ-то неприкосновеннымъ. Общество и самая форма его организаціи были признаны продуктомъ историческаго развитія, и тѣмъ самымъ дана была возможность объявить провозглашенную «основнымъ соціальнымъ зломъ» противоположность между бѣднымъ и богатымъ со всѣми ея послѣдствіями результатомъ существующихъ соціальныхъ и основанныхъ на нихъ правовыхъ отношеній и потребовать именемъ самой исторіи коренного преобразованія послѣднихъ. На великій вопросъ о возможности и осуществимости экономическаго и общественнаго строя, покоющагося на основахъ, вполнѣ отличныхъ отъ существующихъ, былъ данъ утвердительный отвѣтъ.

Платонъ—какъ уже сказано—дошелъ, въ концѣ концовъ, до признанія необходимости отказаться фактически отъ крайнихъ своихъ выводовъ, т.-е. отъ полнаго уничтоженія частной собственности. Несмотря на это, его упорное настаиваніе на коммунизмѣ, какъ идеалѣ, его стремленіе даже въ послѣднемъ своемъ политико-соціальномъ сочиненіи обезвредить частную собственность путемъ всевозможныхъ стѣсненій распоряженія собственностью и жажды къ пріобрѣтенію, показываютъ, что онъ никогда не отказывался отъ принципіальнаго своего отрицательнаго отношенія ко всему предыдущему историческому развитію. Соціальная теорія, стремящаяся въ такой мѣрѣ подавить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія собственности, конкуренцію, въ такой же мѣрѣ противорѣчитъ исторически сложившимся основамъ общества, какъ и коммунизмъ.

Разумѣется, Платонъ былъ вполнѣ правъ, когда бичевалъ пламенными словами развращающее вліяніе чистой и исключительной конкуренціи ради денежныхъ преимуществъ, матеріализмъ духа времени и вытѣсненіе болѣе благородныхъ стремленій плеонексіей. Правымъ его слѣдуетъ признать и въ томъ, что, полемизируя, нападалъ онъ, главнымъ образомъ, на одну сторону конкуренціи: борьбу, экономическое состязаніе интересовъ. Несомнѣнно, что развитіе общества въ направленіи, по возможности ограничивающемъ область такой борьбы [44]), является желательной цѣлью. Стремленія благороднѣйшихъ умовъ настоящаго времени также направлены къ этой цѣли. Я напоминаю объ идеѣ третейскихъ судовъ, если и не устраняющихъ вполнѣ антагонизмъ экономическихъ партій, то все же стремящихся привести ихъ къ дружелюбному соглашенію, объ идущей еще далѣе идеѣ кооперація, устанавливающей равенство и общность интересовъ всѣхъ участниковъ производственнаго процесса, какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ, и стремящейся, такимъ образомъ, путемъ устраненія объектовъ раздора, создать живое чувство солидарности. Эти идеи, несмотря на всю ихъ молодость, уже кое-гдѣ побѣдили принципъ конкуренціи, т.-е. экономической борьбы интересовъ, и будущее несомнѣнно обѣщаетъ имъ еще большій успѣхъ.

Какъ ни правъ, однако, въ извѣстномъ отношеніи эллинскій соціализмъ, проповѣдующій борьбу съ крайностями конкуренціи, все же, съ другой стороны, несомнѣнно, что выставленный имъ идеалъ строя, абсолютно не вѣдающаго конкуренціи, является чистѣйшей утопіей, и что реакціонное восхваленіе первобыт-

наго состоянія общества и вполнѣ отжившихъ формъ хозяйственной жизни народа—совершенно ошибочно.

Уже основное историческое воззрѣніе, сказывающееся здѣсь, насилуетъ природу вещей. Не миръ есть исходная точка развитія; въ началѣ человѣческой исторіи господствовала скорѣе звѣроподобная борьба за существованіе. Хотя извѣстная формула: «на землѣ для всѣхъ хватитъ мѣста» была тогда справедлива въ пространственномъ смыслѣ, въ хозяйственномъ отношеніи самый фактъ не имѣлъ того значенія, которое предполагаетъ ученіе о естественномъ состояніи. Ученіе это не принимаетъ въ разсчетъ, что первобытный человѣкъ слишкомъ мало умѣлъ пользоваться тѣмъ, что ему предоставила природа, что поэтому онъ, побуждаемый инстинктомъ самосохраненія и размноженія, долженъ былъ все-таки неминуемо бороться за обезпеченіе и расширеніе условій своего существованія. Оно не принимаетъ далѣе въ разсчетъ, что эта борьба есть необходимое условіе всякаго культурнаго прогресса, что безъ нея въ интересахъ наибольшаго раввитія производительныхъ силъ, никогда, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ обойтись будетъ невозможно.

Въ общественномъ строѣ, въ которомъ противоположности интересовъ, вытекающія изъ естественнаго различія индивидуумовъ, не находили бы мѣста для своего проявленія, прекр. тилась бы, вмѣстѣ съ экономической борьбой интересовъ, и всякая конкуренція, т.-е. всякое соревнованіе вообще, а слѣдовательно и совершенствованіе какъ общества, такъ и индивидуумовъ. Конкуренція—это высшая форма усовершенствованнаго подбора въ человѣческой борьбѣ за существованіе [45]). Поэтому принципъ кооперації и солидарности всегда будетъ имѣть лишь относительное значеніе рядомъ съ принципомъ конкуренціи, и прогрессъ будетъ заключаться въ томъ, что конкуренція станетъ постепенно принимать все болѣе гуманныя и благородныя формы, и постепенно затихнетъ звѣроподобная, губительная, не брезгающая насиліемъ и хитростью война между индивидуумами. Поэтому кто, подобно естественно-правовому соціализму грековъ, видитъ спасеніе общества въ строѣ, радикально подавляющемъ экономическое соревнованіе, тотъ долженъ бороться въ то же время противъ экономическаго прогресса, а слѣдовательно и противъ высшей ступени цивилизаціи вообще.

Въ цинико-стоическомъ міровоззрѣніи, какъ извѣстно, это выступаетъ вполнѣ ясно. Но и Платонъ не могъ въ полной мѣрѣ избѣжать необходимости считаться съ указанными слѣдствіями вышеупомянутой точки зрѣнія.

Платону само собою, не приходитъ на умъ отказываться, какъ этого требуетъ цинико-стоическій идеалъ, отъ всей современной ему культуры. Весь колоритъ данной имъ въ одномъ мѣстѣ картины жизни истинно здороваго, по его мнѣнію, общества (πόλις ἀληθινὴ ὑγιής), радостная непритязательность и разумное самоограниченіе, царящія въ немъ [46]), существенно отличаются отъ квіэтическаго и враждебнаго культурѣ міровоззрѣнія тѣхъ, кто съ большей охотой низвелъ бы человѣческое общество снова на ступень несчастныхъ дикарей [47]). Его извѣстное требованіе—насколько возможно повысить производительность технической работы путемъ широкаго примѣненія принципа раздѣленія труда—свидѣтельствуетъ о его далеко не безразличномъ отношеніи къ усовершенствованію матеріальныхъ условій жизни и объ его умѣньи цѣнить значеніе матеріальнаго прогресса, какъ основы всякаго дальнѣйшаго духовнаго подъема.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вышеизложенной односторонности соціально-этическаго воззрѣнія Платона было, однако, то, что вопросъ объ экономическомъ прогрессѣ имъ все же, въ концѣ концовъ, не былъ достаточно выясненъ. Въ широко

развитомъ этическомъ идеализмѣ Платоновой системы одна точка зрѣнія въ такой мѣрѣ преобладаетъ надъ другими, что остальные интересы необходимо должны отступить передъ ней на задній планъ, все остальное мышленіе должно склониться передъ этой господствующей чертой и должно принять ея характерный отпечатокъ [48]).

Характерно, что, описывая упадокъ первоначально здороваго общества, Платонъ присоединяетъ къ симптомамъ вырожденія, на ряду съ излишествами роскоши и распутства, нѣкоторыя культурныя пріобрѣтенія, которыя отнюдь не сами по себѣ, а лишь вслѣдствіе злоупотребленій и преувеличеній, могутъ угрожать нравственному и физическому благосостоянію, и многія изъ которыхъ Платонъ допускаетъ даже въ своемъ идеальномъ государствѣ разума. Платону все кажется, что онъ недостаточно разъяснилъ обществу всѣ детали того, что, по его мнѣнію, является причиной «лихорадочнаго состоянія» послѣдняго: онъ повторно напираетъ на роскошь, которая, ради пышнаго убранства жилища и великолѣпія одежды, «приводитъ въ движеніе живопись и пеструю окраску» и находитъ удовлетвореніе лишь въ примѣненіи драгоцѣннаго матеріала, въ родѣ золота и слоновой кости; указываетъ на другія, становящіяся все болѣе и болѣе разнообразными, средства удовлетворенія пресыщенности, каковы натиранія и куренія, лакомства и куртизанки; рисуетъ всю «массу излишнихъ людей», каковы охотники всякаго рода (!), художники-изобразители (μιμηταί), т.-е. скульпторы, живописцы, музыканты, поэты съ ихъ свитой, рапсодами, актерами, хористами, антрепренерами; ювелиры и фабриканты модныхъ товаровъ, надзиратели за дѣтьми, кормилицы, няньки, служанки, модистки, цирульники, повара, торговцы лакомствами и т. д. [49]). Эти различные элементы—художники на ряду съ куртизанками, поэты на ряду съ поставщиками гастрономическихъ товаровъ—всѣ соединены здѣсь въ однородную массу, которая, повидимому, существуетъ лишь для того, чтобы служить страстямъ, пороку и глупости и содѣйствовать побѣдѣ матеріализма. Рядомъ съ этимъ, однако, въ другихъ мѣстахъ Платонъ признаетъ тѣ услуги, которыя искусство въ состояніи оказывать идеалистическимъ интересамъ.

Но эти послѣднія соображенія стушевывались передъ гнетущимъ впечатлѣніемъ, которое производили на мыслителя злоупотребленія культурными пріобрѣтеніями, экономическія, нравственныя и политическія опасности односторонняго производства предметовъ роскоши и слишкомъ высокая оцѣнка внѣшнихъ благъ. Напомню лишь о выраженномъ въ одномъ болѣе раннемъ діалогѣ осужденіи Аеинъ временъ Перикла и всей политики демократіи, снабдившей въ изобиліи городъ гаванями, стѣнами, верфями, налогами и тому подобнымъ «балластомъ» (τοιούτων φλυαρίων), взамѣнъ духа разсудительности и справедливости [50]).

«Такъ называемыя хозяйственныя блага» [51]) такъ мало имѣютъ значенія для человѣка, держащагося указанной точки зрѣнія, что Платонъ, нисколько не задумываясь, выставляетъ ради соціально-этическихъ интересовъ требованія, которыя низвели бы производительность всего народнаго хозяйства на тотъ уровень, на которомъ оно стояло много столѣтій тому назадъ. Для него этотъ регрессъ искупается тѣмъ, что этимъ путемъ ограничивается кругъ хозяйственныхъ благъ, способныхъ зажечь соперничество и страсти, и гражданское общество оказывается вынужденнымъ ограничиться въ производствѣ и потребленіи «дѣйствительно необходимымъ» и отказаться отъ всѣхъ излишнихъ искусственныхъ потребностей, повергающихъ теперь общество въ «лихорадочное состояніе» [52]).

Эти требованія выражаются прежде всего въ томъ, что первое и главное мѣсто среди всѣхъ отраслей промышленности Платонъ отводитъ земледѣлію, вообще первобытнымъ производствамъ. Заработка слѣдуетъ прежде всего искать въ томъ,

что «даетъ и порождаетъ обработка земли», такъ какъ этотъ заработокъ не заставляетъ трудящагося «пренебрегать тѣмъ, ради чего стремятся къ самому заработку, т.-е. душой и тѣломъ» [53]). Согласно этому воззрѣнію, въ земледѣліи заложена наилучшая гарантія сохраненія чистыхъ и простыхъ нравовъ, въ то время какъ ремесла, торговля и денежная спекуляція могутъ наносить тяжелый ущербъ физическому и психическому благосостоянію; съ особеннымъ недовѣріемъ при этомъ Платонъ относится къ деньгамъ и торговлѣ, какъ главнымъ причинамъ имущественнаго неравенства, соціальнаго разложенія и эгоизма.

Поэтому, рядомъ съ земледѣліемъ другія отрасли промышленности могутъ существовать лишь постольку, поскольку это вынуждается непреложными потребностями. Не должно допускать, по выраженію Платона, «ревностной погони за наживой, путемъ занятія какимъ-нибудь промысломъ» [54]), и число людей, занимающихся торговлей, должно быть какъ можно незначительнѣе [55]). Требованіе, которое Лютеръ, при подобной же низкой оцѣнкѣ неземледѣльческой промышленности, высказалъ слѣдующими словами: «было бы гораздо божественнѣе расширять земледѣліе, этотъ красивый и честный способъ пропитанія, и уменьшать число торговцевъ» [56]).

Такое враждебное отношеніе къ торговлѣ является неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ всего вышеизложеннаго направленія мысли и поэтому встрѣчается во всѣ времена, гдѣ мы находимъ подобныя политико-соціальныя идеи. Сила своекорыстія и эгоизма дѣйствительно ослабѣваетъ по мѣрѣ приближенія къ натуральному хозяйству. Тамъ, гдѣ работаютъ исключительно для себя и своей семьи и обыкновенно производятъ не болѣе того, чѣмъ нужно для собственнаго хозяйства, гдѣ человѣкъ, главнымъ образомъ, предоставленъ своей собственной силѣ и трудоспособности и рѣдко вынужденъ, путемъ обмѣна, претендовать на продукты другихъ, гдѣ поэтому торговыя сношенія еще не развиты,—тамъ, разумѣется, область проявленія хозяйственнаго эгоизма является болѣе или менѣе ограниченной.

Если же, напротивъ, увеличивается торговля и масса приспособленныхъ и предназначенныхъ для обмѣна средствъ, «если противъ поселянина выступаетъ торговецъ, противъ иностранца—иностранецъ, и каждый озабоченъ стремленіемъ возможно дешевле купить и возможно дороже продать, не считаясь при этомъ съ пользою или ущербомъ другого», тогда начинаетъ развиваться та «скрытая борьба въ мирной формѣ» [57]), основой которой является эгоизмъ. Дѣятельность сельскаго хозяина, скотовода и т. п., работающаго только для самого себя, приноситъ выгоду этому лицу, не принося при этомъ никакого вреда другому и не сталкиваясь ни съ чьими интересами. При торговыхъ же сдѣлкахъ возникаетъ экономическая дѣятельность, скрещивающаяся постоянно съ экономическими стремленіями другихъ лицъ и становящаяся въ противорѣчіе съ ихъ интересами, такъ какъ чѣмъ выгоднѣе сдѣлка для одной стороны, тѣмъ невыгоднѣе она для другой. При этомъ каждый старается—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ обыденной морали—по возможности больше выиграть для себя, нисколько не заботясь о томъ, находятъ ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніе интересы другого. Обыденная мораль въ торговыхъ дѣлахъ исключаетъ понятіе дружбы; понятія «дѣловой» и «эгоистичный» для нея равнозначащи. Во всякомъ случаѣ, характеръ торговыхъ отношеній, поскольку они свободно слѣдуютъ вложеннымъ въ нихъ и въ нихъ дѣйствующимъ силамъ, или лучше поскольку они стоятъ подъ давленіемъ чрезмѣрной «свободной конкуренціи», опредѣляется въ гораздо большей мѣрѣ указаннымъ принципомъ плеонексіи, чѣмъ тѣмъ стремленіемъ къ «пропорціональному равенству и правильной соразмѣрности» въ распредѣленіи матеріальныхъ выгодъ и убытковъ, которыхъ, въ

интересахъ экономической справедливости, требовала этика Платона и Аристотеля. Опытъ всѣхъ наиболѣе культурныхъ эпохъ достаточно опредѣленно показалъ, что распространеніе и обостреніе борьбы за существованіе и за улучшеніе существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, повышенная, благодаря развитію торговли и промышленности, интенсивность жизни придаютъ новыя силы эгоизму, дѣлаютъ его болѣе напряженнымъ и безпощаднымъ [58]).

Поэтому, если нужно, не принимая въ разсчетъ другихъ культурныхъ интересовъ, по возможности истребить все, что противорѣчитъ идеѣ справедливости, и сузить кругъ дѣятельности эгоизма, въ области экономической жизни остается только прибѣгнуть къ экономической реакціи—устранить частную торговлю или, по меньшей мѣрѣ, ограничить свободу обмѣна.

Платонъ, однако, несмотря на это, до этихъ крайнихъ выводовъ соціально-этическаго радикализма не дошелъ, по крайней мѣрѣ, не проводилъ этихъ выводовъ постоянно и упорно. Онъ нигдѣ не высказываетъ въ положительной формѣ мысль болѣе позднихъ соціалистовъ, мечтавшихъ о такомъ состояніи, когда народно-экономическая функція торговли, вслѣдствіе государственной организаціи народнаго хозяйства и непосредственныхъ сношеній между производителемъ и потребителемъ, сдѣлается совершенно излишней. Въ проникнутомъ коммунистическими идеями очеркѣ идеальнаго государства мысли Платона какъ-будто и направились рѣшительно въ эту сторону [59]), но и тамъ въ его изложеніи встрѣчается безпристрастная оцѣнка института торговли съ точки зрѣнія историческихъ мотивовъ его историческаго возникновенія [60]). Во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшемъ произведеніи, въ «Законахъ», гдѣ Платонъ опредѣленно придерживается частной собственности и частно-хозяйственнаго способа производства, нѣтъ и рѣчи о названномъ выше радикальномъ требованіи.

Въ своихъ, изложенныхъ въ «Законахъ», проектахъ урегулированія промышленной жизни Платонъ всюду предполагаетъ расчлененіе производства на самостоятельныя отдѣльныя хозяйства. Такое расчлененіе работы по отдѣльнымъ отраслямъ, изъ которыхъ каждая ставитъ своей задачей удовлетвореніе особой потребности, не можетъ, однако, существовать, если каждое отдѣльное хозяйство не имѣетъ возможности обмѣнивать ненужный ему излишекъ своего производства на необходимые для удовлетворенія его потребностей продукты производства другихъ отраслей труда. Такой временный обмѣнъ, съ другой стороны, при сколько-нибудь обширномъ рынкѣ и при болѣе или менѣе развитомъ раздѣленіи труда, затруднялся въ крайней степени при условіи существованія столь непосредственнаго обмѣна между производителями и потребителями.

Платонъ, высоко цѣня раздѣленіе труда [61]), стремился съ возможной строгостью провести и спеціализацію различныхъ отраслей производства. Онъ не могъ не предвидѣть, что при существованіи одной только мѣновой торговли какъ-разъ требуемая имъ спеціализація въ высшей степени и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе затрудняла бы для отдѣльныхъ производителей отысканіе такихъ потребителей, которые бы, имѣя нужду въ ихъ товарахъ, въ то же время, съ своей стороны, могли бы въ качествѣ производителей дать имъ въ обмѣнъ соотвѣтствующій ихъ цѣнѣ и нужный имъ продуктъ. Результатомъ подобныхъ соображеній явилось признаніе Платономъ необходимости такого посредствующаго органа, который бы бралъ у производителей ихъ продукты въ запасъ и, такимъ образомъ, былъ бы въ состояніи каждому изъ потребителей дать то, что ему необходимо [62]). Съ этой точки зрѣнія Платонъ объявляетъ торговлю благодѣяніемъ для общества; «несоразмѣрное и разнородное обладаніе любыми товарами» она превращаетъ въ

«соразмѣрное и однородное» [63]), такъ какъ она «приходитъ на помощь во всѣхъ нуждахъ и создаетъ равномѣрность собственности» [64]).

Могъ ли, далѣе, Платонъ изгнать изъ торговли принципъ раздѣленія труда, разъ онъ придавалъ ему въ области производства такое крупное значеніе? Требуя отъ производителей, въ интересахъ доброкачественности ихъ работы, чтобы они ограничивались производствомъ одного опредѣленнаго сорта товаровъ, могъ ли онъ запретить торговцу обратить на пользу своего ремесла преимущества раздѣленія труда—въ общихъ интересахъ? Иными словами, онъ долженъ былъ признать законной такую форму обмѣна, при которой отдѣльный торговецъ все болѣе и болѣе ограничивается торговлей товарами о п р е д ѣ л е н н а г о сорта, чтобы имѣть возможность выискивать ихъ тамъ, гдѣ ихъ производилось особенно много, и доставлять ихъ туда, гдѣ потребность въ нихъ наиболѣе сильна.

Этимъ самымъ Платонъ одобряетъ ту форму торговыхъ сношеній, которая все менѣе и менѣе позволяла отдѣльному торговцу снабжать каждаго производителя предметами, нужными ему лично, или брать отъ л ю б о г о потребителя излишекъ его именно продуктовъ. У торговца при этомъ возникаетъ необходимость всегда имѣть подъ рукой такой товаръ, который онъ можетъ предложить в с я к о м у производителю за предлагаемый ему продуктъ, который опять-таки ему выгодно получать отъ каждаго потребителя. Короче говоря, является необходимость общаго средства обмѣна—д е н е г ъ. Неизбѣжность ихъ для обоюднаго уравненія потребностей Платонъ опредѣленно признаетъ [65]).

Но, ясно представляя себѣ сущность тѣхъ функцій, которыя торговля призвана отправлять въ качествѣ органа народнаго хозяйства, опирающагося на частную собственность, Платонъ, съ другой стороны, рѣшительно протестовалъ противъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ, на ряду съ ея настоящей задачей—посредничествомъ между производствомъ и потребленіемъ, стремилась торговля въ угоду частнохозяйственной точкѣ зрѣнія отдѣльнаго лица.

Какъ позже канонисты, реформаторы, Фурье и другіе соціалисты, такъ и Платонъ поднимаетъ вопросъ: допустимо ли, чтобы купецъ желалъ быть не только органомъ для достиженія общей цѣли облегченія обмѣна, но рядомъ съ этимъ ставилъ бы цѣлью с а м о г о с е б я, «достойнымъ порицанія образомъ» низводя «помощь, оказываемую имъ настоятельной необходимости» (τὴν τῆς ἀπορείας ἐπικούρησιν) [66]), на степень орудія частной собственности? Имѣютъ ли право люди, занимающіеся торговлей, обращать торговлю въ сдѣлки, цѣлью которыхъ они прежде всего ставятъ собственное обогащеніе, а не удовлетвореніе потребностей?

Осуждая принципіально т а к у ю тенденцію торговли и желая подавить всякую торговую дѣятельность, цѣлью которой является «о б о г а щ е н і е», гдѣ покупаютъ только для того, чтобы дороже продать [67]), Платонъ выставляетъ требованіе: при всякой куплѣ и продажѣ цѣна должна опредѣляться тѣмъ, что онъ называетъ «истинной цѣнностью» [68]), не давая, впрочемъ, болѣе точнаго опредѣленія этого понятія. Ввести въ жизнь эту настоящую цѣнность, объективно справедливую цѣну, дѣло государственной власти; для этого она должна войти въ сношеніе съ свѣдущими лицами изъ торговаго и промышленнаго сословія, для которыхъ, по мнѣнію Платона, установленіе истинной цѣнности не можетъ представить никакихъ трудностей.

Такимъ образомъ, торговля, совершенно лишенная своего спекулятивнаго характера, должна стать своего рода службой; свою задачу она должна видѣть только въ томъ, чтобы выполнять извѣстныя народно-экономическія функціи,

соотвѣтственно потребностямъ общества; она довольствуется тѣмъ, что общество присуждаетъ ей, какъ извѣстное жалованіе за исполненіе этихъ функцій.

При такомъ положеніи за торговлею долженъ быть обезпеченъ тотъ «умѣренный» барышъ, который необходимъ для поддержанія экономическаго существованія торговаго класса, но который дѣлаетъ совершенно невозможнымъ большое скопленіе капитала.

Для болѣе вѣрнаго достиженія этой послѣдней цѣли Платонъ требуетъ исключенія благородныхъ металловъ—золотой и серебряной монеты—изъ всего внутренняго обращенія. Онъ высказывается за введеніе мѣстной монеты, которая такъ же, какъ спартанскія желѣзныя деньги, не имѣла бы цѣнности за границей.

Такая мѣра въ корнѣ подрываетъ и внѣшнюю торговлю. Эту торговлю, опасную для простоты и строгости нравовъ, Платонъ желалъ бы низвести на возможно низкій уровень; онъ воспрещаетъ ввозъ всѣхъ дорогихъ, служащихъ только для роскоши, товаровъ и допускаетъ только импортъ предметовъ первой необходимости [69]). Такое запрещеніе впрочемъ, наноситъ ударъ и торговлѣ вообще, такъ какъ принципіальное ограниченіе, предметовъ производства и потребленія исключительно продуктами первой необходимости неизбѣжно дѣлаетъ излишнимъ цѣлый рядъ отраслей торговли и промышленности.

Конечно, народно-экономическая функція мѣстной монеты должна быть, по взгляду Платона, допущена только въ предѣлахъ необходимости; другими словами, монета должна быть только вспомогательнымъ средствомъ при обмѣнѣ товаровъ и мѣриломъ цѣнности [70]).

Деньги, обладая присущимъ имъ свойствомъ накопляться въ неограниченномъ количествѣ, имѣя значеніе и цѣну вездѣ и всегда—внѣ зависимости отъ мѣста и времени,—усиливаютъ стремленіе и способность къ пріобрѣтенію у отдѣльнаго лица; вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ усиливаютъ экономическую борьбу на почвѣ конкуренціи, увеличиваютъ число способовъ накопленія богатства и дѣлаютъ ихъ болѣе разнообразными. Поэтому для теоріи, видѣвшей въ самой конкуренціи и въ противорѣчіи между бѣднымъ и богатымъ симптомъ соціальнаго заболѣванія, онѣ должны были быть предметомъ недовѣрія и антипатіи [71]).

Для того, чтобы ослабить силу движимаго капитала, принесенную деньгами, поскольку это было возможно безъ устраненія самихъ денегъ,—абстрактный догматизмъ теоріи не остановился передъ самыми крайними выводами. Теорія желала сдѣлать невозможнымъ скопленіе большихъ цѣнностей при помощи денегъ уже однимъ тѣмъ, что благородный металлъ въ монетахъ она замѣняла матеріаломъ несравненно меньшей цѣнности, съ точки зрѣнія обмѣна и употребленія; свойство денегъ, способствующее, въ концѣ концовъ, также всякой концентраціи цѣнностей служить своему обладателю средствомъ пріобрѣтенія, эта теорія стремится радикально уничтожить тѣмъ, что она принципіально отрицаетъ право на такія занятія, при которыхъ деньги *сами по себѣ* становятся цѣлью пріобрѣтенія. Всѣ денежныя операціи должны стать невозможными въ силу уничтоженія института, бывшаго душою кредита, процентнаго займа [72]), а также вслѣдствіе запрещенія покупокъ и продажъ въ кредитъ [73]).

Коммерческое дѣло должно, по возможности, сохранять мѣновой характеръ, покупка должна быть возможно сближена съ обмѣномъ; всякая свободная форма покупки, основанная на кредитѣ, недопустима. Согласно этому воззрѣнію, стремящемуся возможно ближе подойти къ натуральному хозяйству, покупка должна носить только характеръ обмѣна съ непосредственной реализаціей; этотъ обмѣнъ отличается отъ обмѣна натуральнаго хозяйства только тѣмъ, что

со стороны одного контрагента мѣновымъ объектомъ является денежная сумма [74]).

Этимъ путемъ деньги, какъ и торговля, перестанутъ способствовать развитію алчности и маммонизма, съ одной стороны, бѣдности и эксплуатаціи бѣдныхъ—съ другой.

Общая тенденція, сказывающаяся въ этихъ разсужденіяхъ Платона, несомнѣнно заслуживаетъ симпатіи; какъ-разъ современность ощущаетъ, какъ одно изъ самыхъ зловѣщихъ и опасныхъ послѣдствій высокаго развитія денежнаго и кредитнаго хозяйства, то, что небольшему меньшинству оно даетъ возможность неномѣрно эксплуатировать массу, благодаря тѣмъ техническимъ знаніямъ, которыми это меньшинство обладаетъ, и благодаря его коммерческому господству въ денежныхъ сношеніяхъ. Но, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что всѣ проекты Платона, направленные къ предотвращенію и излѣченію этого соціальнаго зла, не могутъ считаться зрѣло обдуманными; это—идеологическіе сны соціально-политическаго адепта, принимающаго за дѣйствительность свои желанія и надежды. Намъ не нужно доказывать того, что даже въ сравнительно узкихъ рамкахъ античнаго государственнаго хозяйства, за предѣлы которыхъ проекты Платона принципіально не выходятъ, средство къ излѣченію общества лежитъ не въ экономической реакціи; цѣль Платона создать устойчивыя и справедливыя отношенія между цѣнностями безупречна, средство негодно.

При такомъ утопическомъ характерѣ теоріи Платона кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что его взгляды на обмѣнъ и на денежное обращеніе восприняты такимъ трезвымъ мыслителемъ и тонкимъ наблюдателемъ соціально-экономическихъ явленій, какъ Аристотель, и притомъ не въ ослабленной, а скорѣе въ еще болѣе радикальной формѣ. Какою мощью должно было обладать антикапиталистическое движеніе, какое глубокое и продолжительное впечатлѣніе должна была оставить въ настроеніи общества мысль о необходимомъ измѣненіи существующаго экономическаго порядка, если даже такой мыслитель, какъ Аристотель, въ основномъ вопросѣ объ организаціи собственности никогда не отклонявшійся отъ фактической почвы, какъ то дѣлалъ Платонъ, въ своей критикѣ послѣдствій, вытекающихъ изъ частно-экономическаго правового порядка, въ своихъ воззрѣніяхъ на обмѣнъ, свободную конкуренцію, денежное хозяйство и денежную ренту, не только тѣсно примкнулъ къ ходу мыслей Платона, но даже пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше!

Аристотель, какъ и Платонъ, признаетъ прогрессъ въ денежномъ хозяйствѣ сравнительно съ хозяйствомъ натуральнымъ; его разъясненіе возникновенія и природы денегъ должно быть признано классическимъ [75]). Но Аристотель, какъ и Платонъ, присоединяетъ къ этому разсужденію принципіальное ограниченіе, гласящее, что деньги должны служить только средствомъ для обмѣна, а не орудіемъ обогащенія. Прибыль отъ помѣщенія денегъ подъ проценты и тому подобные денежные обороты кажутся ему совершенно противоестественными (μάλιστα παρὰ φύσιν), потому что такимъ образомъ *сами* деньги становятся цѣлью пріобрѣтенія и употребляются не на то, для чего онѣ были выдуманы. «Деньги появились только для облегченія обмѣна, а не для того, чтобы, путемъ процентовъ, увеличивать сами себя» [76]).

Совершенно по-платоновски мыслитъ Аристотель, усматривая симптомъ вырожденія въ томъ, что деньги и торговля вызываютъ экономическую дѣятельность, направленную, главнымъ образомъ, на то, чтобы опредѣлить: «какъ и какими способами, при оборотѣ капитала, можно больше всего нажиться» [77]). Аристотель,

всецѣло соглашается съ Платономъ въ томъ, что всякое пріобрѣтеніе должно ограничиваться доставленіемъ нужнаго для существованія, не должно превышать извѣстной мѣры и выходить за извѣстные предѣлы: критеріемъ служатъ разумныя потребности человѣка [78]). Согласенъ онъ съ Платономъ и въ томъ, что все фактическое развитіе торговли, особенно денежной торговли, предосудительно, такъ какъ торговля, въ преслѣдованіи своей цѣли, не признаетъ указанныхъ выше границъ, а разсчитываетъ на «безграничную наживу денегъ» [79]).

«Истинное» богатство, по мнѣнію Аристотеля, заключается только въ томъ, что полезно и необходимо для жизни, достаточный для разумнаго существованія размѣръ такой собственности не долженъ увеличиваться до безконечности [80]); поэтому Аристотель такъ же, какъ и соціализмъ Платона, враждебно относится къ богатству, возникшему на почвѣ торговли и денежныхъ оборотовъ,—богатству, по самой своей природѣ не допускающему ни цѣли, ни границы [81]).

«Естественному» увеличенію достоянія, цѣлью котораго является удовлетвореніе естественныхъ потребностей семейнаго и общественнаго (государственнаго) домашняго хозяйства (οἰκονομική, ἡ περὶ τὴν τροφήν) противопоставляется несогласное съ природой искусство наживать деньги (χρηματιστική). Такая спекуляція, направленная на пріобрѣтеніе денегъ, какъ таковыхъ, сначала проявляется «въ совсѣмъ простомъ видѣ» въ мелкой торговлѣ; потомъ, при «увеличившемся опытѣ», она становится болѣе «искусной». Тогда уже при совершеніи акта обмѣна дѣло идетъ не только о томъ, чтобы пріобрѣсть необходимое для домашняго обихода, но и о спекулятивной операціи, имѣющей въ виду возможно большую прибыль. Искусство наживы становится искусствомъ спекулировать въ тѣхъ областяхъ, гдѣ можно надѣяться выручить много денегъ. Мѣсто естественнаго богатства и пріобрѣтенія предметовъ въ размѣрахъ, ограниченныхъ домашними потребностями, занимаетъ спекуляціонный капиталъ, разсматривающій наживу какъ самоцѣль; «безграничными, какъ безгранично и пріобрѣтеніе денегъ, становятся тогда потребности разнуздавшихся, не знающихъ предѣла страстей, и стремятся тогда къ безмѣрнымъ средствамъ удовлетворенія не знающихъ мѣры чувственныхъ наслажденій» [82]).

Какъ это разсужденіе Аристотеля, такъ и его полемика противъ капиталистической внѣшней торговли, которую Аристотель хочетъ заключить въ возможно тѣсныя рамки, звучатъ совершенно въ духѣ Платона. Соціальное государство Аристотеля, какъ и государство Платона, допускаетъ внѣшнюю торговлю лишь постольку, поскольку она неизбѣжна въ интересахъ обмѣна излишнихъ продуктовъ страны на необходимые предметы потребленія, которые можно достать только внѣ предѣловъ своей страны [83]).

Торговля, въ ея исторически сложившейся формѣ, оказывается и тутъ, главнымъ образомъ, паразитомъ народнаго хозяйства; ея дѣятельность не только ничего не прибавляетъ къ продуктивности страны, но всегда однимъ доставляетъ то, что отнимаетъ у другихъ [84]).

Такое толкованіе не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что Аристотель, и съ точки зрѣнія своего общественнаго идеала, долженъ былъ требовать возможно сильнаго обезвреженія «несогласныхъ съ природой» тенденцій торговли. Но способа, которымъ онъ думалъ достигнуть осуществленія этого требованія, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Не исключена даже возможность, что въ своемъ изображеніи экономическаго строя идеальнаго государства Аристотель вообще не пришелъ къ окончательному результату въ области этого труднаго вопроса.

Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, въ отрицательномъ отношеніи, можно считать установленнымъ тотъ фактъ, что Аристотель не раздѣлялъ взгляда Платона,

будто бы торговлю, какъ профессію, можно до извѣстной степени согласовать съ этикою. Можно сказать, что фактически Аристотель, по отношенію къ торговлѣ, занялъ еще болѣе отрицательное положеніе, чѣмъ Платонъ—по крайней мѣрѣ, въ его послѣднемъ соціально-философскомъ трактатѣ. И этотъ пессимизмъ очень понятенъ, съ точки зрѣнія вышеназванныхъ предпосылокъ!

Тому, кто считаетъ идеальнымъ лишь такой обмѣнъ, который производится только ради удовлетворенія «истинной потребности», и ищетъ получить только потребительную стоимость благъ, безусловно нравственнымъ можетъ казаться лишь такая торговая сдѣлка, при которой пріобрѣтатель имѣетъ намѣреніе самъ потребить пріобрѣтенную вещь, а продавецъ—дать другимъ возможность удовлетворить свою потребность. Но профессіональная торговля по самой своей природѣ не можетъ хотѣть только этого. Торговецъ покупаетъ и продаетъ вещи потому, что на ряду съ ихъ потребительной стоимостью въ нихъ заключается и выражаемая въ деньгахъ мѣновая стоимость. По мнѣнію Аристотеля, въ торговлѣ каждая купля, равно какъ и продажа, есть по необходимости спекуляція, основанная на мѣновой стоимости или, что то же самое, на денежной стоимости. Частно-хозяйственная цѣль, идущая рука объ руку съ народно-хозяйственными функціями торговли, состоитъ въ получаемомъ отъ реализаціи этой мѣновой стоимости денежномъ барышѣ, въ прибавочной стоимости, которая, говоря словами Маркса, получается отъ превращенія денегъ въ товары и обратнаго превращенія товаровъ въ деньги. Поэтому Аристотель, въ этомъ смыслѣ, т.-е. съ частнохозяйственной точки зрѣнія торговли, какъ промысла, совершенно справедливо называетъ деньги элементомъ и цѣлью торговаго оборота [85]).

Мыслимо ли при такомъ положеніи вещей требовать, подобно Платону, отъ торговли, не отнимая у нея ея главной побудительной силы и не уничтожая ея самой, чтобы она совершенно отказалась отъ своего спекулятивнаго характера, т.-е. чтобы она при куплѣ и продажѣ отказалась отъ всякой мысли о барышѣ, являющемся обогащеніемъ?

На этотъ вопросъ Аристотель совершенно недвусмысленно даетъ отрицательный отвѣтъ, устанавливая положеніе, что направленное на меркантильную спекуляцію искусство пріобрѣтенія, по самой своей природѣ, органически никогда не можетъ признать такой границы такъ же, какъ «медицина не можетъ поставить себѣ предѣловъ или границъ, до которыхъ она имѣетъ право распространять заботы о здоровьѣ» [86]).

Но если торговля, какъ промыселъ, совершенно несовмѣстима съ истинной нравственностью; если она, согласно съ истинной своей тенденціей, должна привести къ уничтоженію того хозяйственнаго равенства, которое Аристотель выставляетъ общественнымъ идеаломъ, то, при послѣдовательномъ развитіи его точки зрѣнія, невольно долженъ былъ возникнуть дальнѣйшій вопросъ: является ли существованіе торговли, какъ особаго промысла, необходимымъ при всякихъ условіяхъ, и нельзя ли представить себѣ такое состояніе общества, при которомъ посредничество купца излишне?

Какой отвѣтъ давалъ Аристотель на этотъ вопросъ, объ этомъ можно, какъ уже выше было упомянуто, дѣлать лишь предположенія. Нѣкоторыя выраженія «Политики» заставляютъ предположить, что Аристотель все же не могъ убѣдить себя въ ненужности торговли, какъ промысла. Это тѣ мѣста, гдѣ онъ перечисляетъ классы, имѣющіе значеніе для созданія новаго строя, и, на ряду съ сельскими жителями и классомъ ремесленниковъ, называетъ, какъ третій органическій элементъ народа,—торговый классъ [87]). Но этимъ мѣстамъ ни въ коемъ случаѣ нельзя при-

давать рѣшающаго значенія [88]). Въ той части «Политики», откуда взяты приведенныя мѣста, Аристотель занимается только патологіей и терапіей существующаго государственнаго и общественнаго строя, экономическія основы котораго онъ считаетъ уже данными. Признаніе Аристотелемъ торговли какъ промысла можно было бы считать поэтому доказаннымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось показать, что въ своемъ идеальномъ общественномъ строѣ «лучшаго» государства онъ также признавалъ необходимость особаго торговаго класса.

Но при ближайшемъ изученіи вопроса обнаруживается чрезвычайно важный фактъ, до сихъ поръ—какъ это ни странно—совершенно не замѣчавшійся: при повторномъ перечисленіи экономическихъ условій и хозяйственныхъ профессій, безъ которыхъ не можетъ существовать и его «лучшее» государство, Аристотель совершенно умалчиваетъ о классѣ торговцевъ [89]). Даже допуская, что то или другое перечисленіе не преслѣдовало цѣли быть исчерпывающимъ, все-таки такое полное умолчаніе намъ кажется достаточно краснорѣчивымъ. Можетъ ли быть случайностью, что торговля, какъ профессія, прямо упомянутая при характеристикѣ существующаго народнаго хозяйства, совершенно игнорируется—и притомъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ—при изображеніи хозяйственныхъ основъ идеальнаго государства [90]). Но если признать это умолчаніе вамѣреннымъ, то остаются только двѣ возможности: или соціальная теорія Аристотеля дѣйствительно представляла себѣ возможнымъ освободить хозяйственный міръ, путемъ подчиненія государству торговли, отъ всякихъ посредниковъ, или, по крайней мѣрѣ, тенденція этой теоріи стремилась отвести торговлѣ, какъ особому промыслу, самое незначительное мѣсто въ общей экономіи народнаго хозяйства.

Но, какъ бы то ни было, изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что осуществленіе какъ аристотелевской, такъ и платоновской теоріи фактически обозначало бы болѣе или менѣе радикальное разрушеніе торговли. Уже самое пониманіе этими теоріями роли денегъ въ народномъ хозяйствѣ должно было привести къ заключеніямъ, которыя должны парализовать жизненный нервъ торговли.

Правда, Аристотель—это нужно признать вопреки обычному взгляду—совершенно правъ, говоря, что самая существенная и единственная функція денегъ состоитъ въ посредничествѣ и облегченіи обмѣна, и что извѣстная сумма денежныхъ знаковъ сама по себѣ не можетъ дать никакихъ процентовъ и, слѣдовательно, сама не можетъ возрасти при посредствѣ процентовъ. Рядомъ съ этимъ, однако, упускается изъ виду, что если деньги сами по себѣ непосредственно и непродуктивны, то косвеннымъ образомъ онѣ могутъ стать продуктивными для своего обладателя, давая ему возможность получить блага, которыя, въ свою очередь, могутъ послужить къ пріобрѣтенію и производству новыхъ благъ. При этомъ забываютъ также, что разъ лицо, одолжающее деньги, предоставляетъ этимъ другому возможность сдѣлаться обладателемъ средствъ къ пріобрѣтенію и средствъ производства, т.-е. капитала, оно этимъ самымъ получаетъ достаточно обоснованное притязаніе на участіе въ прибыли отъ этого капитала. Отрицать это—значитъ устранить изъ жизни самую операцію ссуды, поставить крестъ на развитіи всякаго кредита и тѣмъ самымъ прекратить хозяйственную дѣятельность всѣхъ тѣхъ, которые вынуждены для осуществленія своей рабочей силы и своего духа предпріимчивости добывать нужный имъ капиталъ при помощи кредита. Но какое можетъ имѣть значеніе торговля, душою которой являются деньги, и кредитъ при такой народно-хозяйственной системѣ, которая до такой степени парализовала производительность труда, образованіе капитала и его ростъ?

Современная наука склонна слишкомъ низко оцѣнивать разницу, существую-

щую между изложенной платоновско-аристотелевской экономической теоріей и фактическимъ укладомъ жизни.

Въ этой теоріи—особенно въ ея борьбѣ противъ частной торговли—видятъ симптомъ относительной отсталости античнаго народнаго хозяйства, пренебрежительнаго отношенія къ торговлѣ съ точки зрѣнія нравственности и недовѣрія къ ней; такія чувства, по мнѣнію многихъ, торговля возбуждаетъ къ себѣ вездѣ тамъ, гдѣ слабо развита культура, и гдѣ поэтому сравнительно мало въ ней нуждаются. Точно также и нападки на процентность ссудъ въ значительной степени являются, будто бы, рефлексомъ слабаго развитія капиталистическаго хозяйства и неизбѣжно связаннаго съ нимъ отрицательнаго отношенія къ взиманію процентовъ [91]).

Взглядъ этотъ, однако, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, тому фактическому развитію, до котораго дошло тогдашнее народное хозяйство! Какъ ни правильно положеніе Зуземиля, что аристотелевскій и платоновскій идеалъ государства заключаетъ въ себѣ, какъ предпосылку, представленіе о греческомъ государствѣ-городѣ, все же мнѣніе его, включающее въ составъ этой предпосылки свойственное городу-государству «презрѣніе къ занятію торговлей, промышленностью и ремесломъ», свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи всего хозяйственнаго строя города-государства.

Если ясно представить себѣ дѣйствительное положеніе вещей, то легко понять, что именно условія, въ которыхъ жило греческое мелкое государство, являлись наиболѣе могучимъ стимуломъ къ развитію коммерческой и промышленной дѣятельности. При своихъ малыхъ размѣрахъ эти государства были вынуждены ввозить изъ-за границы важные предметы потребленія, которыхъ не могло создавать неизбѣжно одностороннее производство на мѣстѣ. Взамѣнъ они могли предложить продукты своего сельскаго хозяйства, вино, масло, шерсть и т. д., которые уже издавна служили предметами массоваго вывоза и широкаго оборота. Но росту сельско-хозяйственнаго производства, естественнымъ образомъ, были поставлены болѣе или менѣе узкія границы, что и заставило хозяйство греческихъ городовъ-государствъ обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя были способны къ болѣе широкому развитію, чѣмъ земледѣліе, а именно къ промысламъ и торговлѣ.

Прежде всего и наиболѣе интенсивно эта тенденція проявляется тамъ, гдѣ, съ одной стороны, почва была мало подходяща для земледѣльческой эксплуатаціи, но содержала, съ другой стороны, важные сырые матеріалы для промышленности, напр., глину, мѣдную руду и т. д.; то же наблюдаемъ мы и тамъ, гдѣ благопріятные пути сообщенія, особенно приморское положеніе, способствовали развитію мореходства, что встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Греціи. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ благодаря ярко выраженной даровитости населенія зародилась крупная торговля, которая при точно такихъ же условіяхъ развилась у финикіянъ, а затѣмъ, позже, у венеціанцевъ, генуэзцевъ и голландцевъ. Могучимъ стимуломъ въ этомъ направленіи является необычайный приростъ населенія, нашедшій себѣ выраженіе въ широкомъ и могучемъ распространеніи эллинства при посредствѣ колонизацін.

Коммерческое развитіе греческихъ приморскихъ государствъ по обѣ стороны Эгейскаго моря начинается въ виду указанныхъ условій въ эпоху, значительно предшествовавшую засвидѣтельствованному историческому періоду. Уже въ восьмомъ вѣкѣ создалась обширная система торговыхъ путей и торговыхъ сношеній, надъ расширеніемъ и усовершенствованіемъ которой все время усердно работали. Это упорное и сознательное стремленіе создало конъюнктуру мірового рынка, давшую возможность получать, и притомъ правильно и постоянно, массами товары самыхъ

отдаленныхъ областей производства: предметы роскоши старыхъ, культурныхъ странъ Востока и наряду съ ними столь важные для развитія греческой промышленности и прокормленія многочисленнаго промышленнаго населенія естественные продукты сѣверныхъ странъ. Эта же конъюнктура мірового рынка открыла для сбыта продуктамъ мѣстнаго производства огромныя пространства, начиная отъ самаго дальняго уголка Чернаго моря до Атлантическаго океана.

Какое значеніе получили именно м е р к а н т и л ь н ы е интересы, объ этомъ можно судить по очень раннему переходу греческихъ государствъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству и по тому коммерческому соперничеству, которое уже въ древнія времена проявлялось и въ настоящихъ торговыхъ войнахъ, и въ мирныхъ учрежденіяхъ, каковымъ, напр., являются факторіи въ Навкратисѣ, вполнѣ напоминающія купеческіе дворы Ганзейскаго союза. О томъ же свидѣтельствуетъ развитіе класса торговцевъ и ремесленниковъ, давшее имъ въ руки политическій перевѣсъ во многихъ государствахъ, ростъ власти капитала и денегъ (χρήματα χρήματ' ἀνήρ)! Деньги и только деньги дѣлаютъ человѣка! (Слова, сильно напоминающія американское: to make money). Наконецъ, какъ хорошо сумѣли Аѳины V вѣка использовать свое политическое могущество въ интересахъ своей торговой политики! Какимъ безпокойнымъ торговымъ духомъ проникнуты были всѣ жители этого города! Этотъ духъ мѣтко охарактеризовалъ Ѳукидидъ, сказавъ про аѳинянъ, что они не знаютъ усталости и постоянно уѣзжаютъ изъ дома, стремясь увеличить свое состояніе; для нихъ работа—не средство, а цѣль; имъ лишь рѣдко приходится спокойно наслаждаться плодами рукъ своихъ, потому что они всегда думаютъ о новомъ пріобрѣтеніи [92])!

Эти самыя А ѳ и н ы и были родиной платоновско-аристотелевской экономической теоріи! Они представляли собою обширный міровой рынокъ, гдѣ на основѣ развитаго денежнаго хозяйства расцвѣли истинно-интернаціональныя торговыя сношенія, складочное мѣсто, куда стекались продукты едва ли не всѣхъ извѣстныхъ тогда странъ, денежный рынокъ, гдѣ концентрація капитала сдѣлала такіе успѣхи, что значительные торговые капиталы раздавались отсюда въ кредитъ по всѣмъ странамъ восточнаго бассейна Средиземнаго моря, вплоть до самыхъ отдаленныхъ заморскихъ мѣстностей.

Можно ли сравнивать эти условія съ условіями, характеризующими ранній періодъ «среднихъ вѣковъ», когда производительный кредитъ былъ мало развитъ, когда займы дѣлались только для потребленія, и каждый почти заемъ былъ займомъ вынуждаемымъ, когда кредиторъ обыкновенно былъ богатъ, а должникъ бѣденъ, и потому проценты считались презрѣнной эксплуатаціей бѣдняка, а безвозмездность кредита казалась обоснованной самими экономическими условіями.

Какую массу капитала требовала богатая промышленная жизнь греческаго міра, развившаяся во многихъ отрасляхъ въ крупную капиталистическую индустрію и массовое почти фабричное производство, царившее, напр., въ ткацкой промышленности; послѣдняя удовлетворяла какъ потребностямъ крайней роскоши, такъ и массовому потребленію населенія и получала, благодаря усовершенствованной организаціи торговаго дѣла, возможность продавать свои продукты въ трехъ частяхъ свѣта! Возможно ли предположить, чтобы здѣсь, въ этихъ центрахъ торговли и производства, гдѣ отдѣльной личности предоставлялась согласно дѣйствующему праву почти полная свобода для занятія промыслами, не существовало крупныхъ промышленныхъ предпріятій, постоянно нуждавшихся въ чужомъ капиталѣ?

Въ равной мѣрѣ и сельское хозяйство было поставлено въ условія, заста-

влявшія его прибѣгать къ капиталу: въ сельскомъ хозяйствѣ этого времени царила интенсивнѣйшая садовая культура и спекулятивное насажденіе растеній, доставлявшихъ продукты торговли (вино, масло и т. д.), которые, какъ и продукты промышленности, имѣли сбытъ на міровомъ рынкѣ. Самая земля, послѣ того какъ были отмѣнены стѣсненія въ отчужденіи и дѣленіи ея, и сброшены были уже много вѣковъ тому назадъ связывавшія ее оковы—замкнутость и закрѣпленность помѣстій, стала благодарнымъ объектомъ для спекулятивнаго капитала. Разрастающійся вмѣстѣ съ развитіемъ мобилизаціи земель торговый оборотъ земельными участками, благодаря которому сама земля стала товаромъ, обусловленная свободнымъ раздѣломъ земли необходимость для наслѣдника выдѣлять сопаслѣдниковъ и многое другое создавали безчисленные поводы къ займамъ на покупку земли или на пріобрѣтеніе ея понаслѣдству. Какіе капиталы долженъ былъ, наконецъ, привести въ движеніе ростъ торговли и денежнаго оборота, ставшихъ душою этой высоко развитой экономической жизни.

Кто принципіально становился на почву этой экономической жизни, считался съ ея потребностями и стремился удовлетворить ихъ, тотъ не могъ признать спекулятивную торговую прибыль и процентъ на капиталъ несправедливыми, болѣе того надувательствомъ. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ практическимъ взглядамъ того времени, коренящимся въ собственномъ опытѣ и собственной волѣ экономически активнаго народа, если вникнуть въ духъ всего торговаго права, отразившаго на себѣ господствующіе взгляды на объекты и средства торговли, на экономическую жизнь вообще, то придется признать, что вопросъ о торговой прибыли и процентахъ уже во времена Платона давно разрѣшенъ былъ такъ, какъ его рѣшаютъ въ наше время.

Въ промышленныхъ и торговыхъ государствахъ типа Аѳинъ мы находимъ— при всей антипатіи къ ростовщической эксплуатаціи — такую развитую систему банковъ и кредитныхъ учрежденій, которая внушала къ себѣ полнѣйшее дѣловое довѣріе. Взиманіе процентовъ соотвѣтственно этому было настолько общеупотребительнымъ и распространеннымъ явленіемъ, что давно уже было признано законодательствомъ безъ всякихъ ограниченій. И эта законная свобода процентовъ должна имѣть въ нашихъ глазахъ тѣмъ болѣе значенія, что высота обычной процентной нормы и вообще та прибыль, которую давало производительное приложеніе капитала, чрезвычайно благопріятствовала эксплуатаціи слабыхъ и способствовала возникновенію недовольства противъ всякой меркантильной спекуляціи.

Для пониманія того, какъ на этотъ процентный вопросъ смотрѣли тогдашняя практика и законодательство, чрезвычайно характерно, что въ греческомъ дѣловомъ языкѣ процентъ съ капитала назывался τόκος — «рожденное»; процентъ, такимъ образомъ, считался какъ бы результатомъ непосредственной, создающей цѣнность силы денежнаго капитала, на ряду съ которой факторъ труда, какъ нѣчто совершенно незначительное, оставлялся совершенно безъ вниманія. Съ этой точки зрѣнія денежный процентъ возникаетъ оттого, что отданный въ ростъ капиталъ какъ бы самъ его создаетъ; дальнѣйшій вопросъ о правѣ капиталиста на прибавочную стоимость, созданную взиманіемъ процентовъ, падаетъ при такомъ взглядѣ самъ собою. Это воззрѣніе чрезвычайно напоминаетъ широко распространенный современный взглядъ на происхожденіе процента, который также приписываетъ капиталу «активную роль» и прибавочную цѣнность выводитъ, безъ всякой дальнѣйшей связующей мотивировки, изъ производительной силы капитала [93]).

Можетъ ли существовать болѣе рѣзкая противоположность, чѣмъ та, которую мы констатируемъ въ данномъ случаѣ между платоновско-аристотелевскимъ ученіемъ, едва признающимъ косвенную производительность денегъ, и охарактеризованнымъ выше, получившимъ преобладаніе въ правѣ и народномъ хозяйствѣ, взглядомъ, по которому денежный капиталъ есть просто-на-просто первичный источникъ благъ, самостоятельная производительная сила, дѣйствіе которой однородно съ трудомъ человѣка.

Этотъ рѣзкій контрастъ между точкой зрѣнія соціальной теоріи и взглядами практики ясно показываетъ, что мы должны смотрѣть на историческую позицію экономической философіи того времени совершенно иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Эта философія не есть болѣе или менѣе точное отражевіе д ѣ й с т в и т е л ь н ы х ъ условій и нуждъ сравнительно низкой ступени развитія народнаго хозяйства, а скорѣе продуктъ реакціи противъ крайностей высоко развитой экономической культуры, реакціи того міровоззрѣнія, которое принципіально враждебно всей дѣйствительно существовавшей въ то время организаціи хозяйственной жизни.

Н е п о т о м у, что движимый капиталъ, какъ средство производства, имѣлъ въ то время сравнительно небольшое значеніе, у наиболѣе благородныхъ людей того времени явилась мысль о необходимости, путемъ ограниченія экономическихъ функцій денегъ, отнять у нихъ ихъ цѣнность и могущество и, такимъ образомъ, лишить эгоизмъ и матеріализмъ главнѣйшихъ питающихъ ихъ источниковъ. Мысль эта вызвана была какъ-разъ обратными явленіями, тѣмъ, что вслѣдствіе развитія капиталистическаго денежнаго хозяйства деньги получили господствующее положеніе; тѣмъ, что матеріализмъ этого могущества денегъ привелъ къ чрезмѣрной переоцѣнкѣ внѣшнихъ благъ, и прежде всего денегъ, какъ общаго выразителя всѣхъ благъ, создалъ какую-то неутомимую погоню за барышомъ и наслажденіями жизни.

Въ эпоху Платона и Аристотеля въ силу естественной реакціи противъ могущества движимаго капитала ему противопоставлена была также односторонне земля, какъ единственный, приносящій плоды капиталъ, какъ самое цѣнное изъ всѣхъ благъ; доходъ отъ земли былъ объявленъ единственнымъ естественнымъ пріобрѣтеніемъ, владѣніе ею—истиннымъ богатствомъ.

Реакція эта вызвана была отнюдь не тѣмъ, что занятія торговлей и промышленностью имѣли по сравненію съ сельскимъ хозяйствомъ лишь небольшое значеніе, а какъ-разъ обратнымъ, тѣмъ, что эти промыслы, получившіе необыкновенно интенсивное и экстенсивное развитіе, привели къ одностороннему перевѣсу силы денегъ и меркантильныхъ интересовъ, и это чувствовалось какъ роковой матеріальный и моральный гнетъ. Денежное хозяйство, сдѣлавшее самую землю товаромъ, угрожало уничтожить всѣ тѣ различія, на которыхъ основывалась здоровая народная и государственная жизнь; естественно поэтому, что Платонъ и Аристотель особенно рѣзко подчеркиваютъ это различіе между земельнымъ и денежнымъ капиталомъ, между доходомъ отъ земли и торговой прибылью; вполнѣ естественно и ихъ возмущеніе противъ все возрастающаго поглощенія земельной собственности денежнымъ капиталомъ, заставившее ихъ требовать сведенія до полнаго ничтожества въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ отношеніи всѣхъ занятій, не связанныхъ съ землей; этимъ путемъ они думали совершенно уничтожить силу денегъ.

Радикализмъ этихъ требованій можно понять только, разсматривая ихъ, какъ выводъ изъ всеобъемлющаго соціально-экономическаго міросозерцанія, создавшаго

себѣ идеалъ болѣе или менѣе далекаго отъ современнаго, истинно нравственнаго и справедливаго строя общества; съ точки зрѣнія этого идеала, сторонники указаннаго міровоззрѣнія желали поставить, если не человѣка вообще, то, по крайней мѣрѣ, членовъ гражданскаго общежитія въ совершенно иное отношеніе къ внѣшнему міру и къ матеріальнымъ благамъ жизни, чѣмъ то, которое существовало въ дѣйствительности. Словомъ, въ упомянутыхъ требованіяхъ проявился «соціалистическій» [94]) характеръ этой соціальной философіи. Въ силу этого выступаетъ на первый планъ и та теорія, которая стояла у колыбели современнаго соціализма развивалась рука объ руку съ нимъ, теорія, играющая теперь рѣшительную роль при спорахъ объ организаціи народнаго хозяйства: именно — теорія о процентѣ на капиталъ.

Правда, Платонъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ коммунизма, такъ же, какъ и Аристотель, не нападаетъ, подобно современному соціализму, на капиталистическую ренту во всякой формѣ; особенно снисходительны они къ недвижимости и поземельной рентѣ. Разъ граждане платоновскаго справедливаго и аристотелевскаго лучшаго государства живутъ свободными отъ экономическаго труда и хозяйственныхъ заботъ, только для нравственнаго и духовнаго развитія личности и для служенія государству, разъ существованіе этихъ гражданъ обезпечено владѣніемъ землею, признаніе земельной ренты является неизбѣжнымъ. Съ другой стороны, античный соціализмъ по отношенію къ проценту по займу не знаетъ того различія, которое дѣлаетъ современный соціализмъ, объявляя проценты несправедливыми только по отношенію къ рабочимъ, «за счетъ которыхъ они, въ концѣ концовъ, выплачиваются», а не по отношенію къ предпринимателямъ, которые ихъ платятъ. Дѣло въ томъ, что античный соціализмъ интересовался не идеей эмансипаціи труда отъ капитала, а тѣмъ, чтобы возстановить «идентичность работника и капиталиста» при помощи безденежнаго кредита въ духѣ Прудона. Общественный идеалъ древности предполагалъ именно зависимость экономическаго труда.

Но какъ ни значительно это различіе, все же несомнѣнна и нѣкоторая аналогія между обоими явленіями. Современная соціалистическая критика процента на капиталъ противопоставляетъ такъ называемой теоріи производительности капитала свою теорію эксплуатаціи. Согласно послѣдней одна часть общества, капиталисты, на подобіе трутней, присваиваютъ себѣ часть стоимости продукта, созданнаго исключительно другой частью общества рабочихъ. Античный соціализмъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ денежному капиталу и къ проценту на займы, также противопоставляетъ теоріи производительности капитала теорію эксплуатаціи. При этомъ процентъ на ссуженныя деньги онъ разсматриваетъ, при всякихъ условіяхъ, а не только по отношенію къ труду, какъ противоестественную и незаконную эксплуатацію человѣка.

И общая тенденція нападокъ на взиманіе процентовъ и денежную систему, на посредничество и свободную конкуренцію, возмущеніе противъ денежно-олигархическаго развитія общества, противъ концентраціи имущества вообще совпадаютъ съ антикапиталистическими основными воззрѣніями современнаго соціализма [95]). Эта тенденція настолько могуча, что Платонъ и Аристотель противопоставили свои требованія концентраціи капитала во всѣхъ областяхъ экономической жизни; должна была подвергнуться реформѣ, и притомъ радикальной, въ духѣ экономическаго уравненія, и вся организація земельной собственности.

По поводу анализа, которому Аристотель подвергъ переходъ отъ «домашняго богатства» къ спекулятивному капиталу, отъ добыванія хозяйственныхъ благъ къ

спекуляціи на денежную прибыль (процентъ), Шефле опредѣленно отмѣтилъ, что этотъ анализъ заключаетъ въ себѣ «въ зачаточномъ видѣ всю современную критику капитала», т.-е. всю отрицательную работу соціалистическихъ теорій [96]), при этомъ онъ замѣчаетъ, что вся теорія цѣнности Маркса въ главныхъ своихъ основахъ представляетъ заимствованіе изъ аристотелевской критики ростовщичества.

Очень вѣрна поэтому мысль соціалиста Родбертуса, сравнивающаго аристотелевскую критику «хрематистики» того времени съ современной реакціей противъ того, что онъ называетъ «капиталистикой» нашего времени [97]), первый ударъ которой нанесенъ соціализмомъ. Почти буквальнымъ повтореніемъ жалобъ Стагирита на лихорадочную денежную спекуляцію его времени кажутся намъ пророческія слова Родбертуса: «Послѣ того, какъ сначала на экономическомъ поприщѣ ко всему, что можетъ быть куплено за деньги, станутъ относиться, какъ къ капиталу, именно потому, что оно можетъ быть куплено, вообще все то, что покупается за деньги, скоро станетъ капиталомъ, даже то, что лежитъ далеко за предѣлами экономической области. Развѣ въ наше время предпринимательская горячка не превратила уже въ капиталъ честь и служебное положеніе? Капиталистика стала страстью нашего времени и его болѣзнью; и ея развитіе несомнѣнно приведетъ къ печальнѣйшей страстной повѣсти» [98]).

«Если они — говоритъ Аристотель о своихъ современникахъ—не въ состояніи достигнуть своей цѣли при помощи коммерческой спекуляціи, то они гонятся за нею другими путями и употребляютъ все искусство и всѣ свои таланты въ противность ихъ естественному назначенію на ея достиженіе. Вѣдь храбрость существуетъ не для добыванія денегъ, а для военной доблести, военному искусству и медицинѣ также найдется другое назначеніе; первое стремится къ побѣдѣ, вторая—къ обезпеченію здоровья. Но что они сдѣлали изъ всего этого? Денежную спекуляцію, какъ-будто бы деньги являются единственной и главной цѣлью всего» [99]).

Мы затронули здѣсь пунктъ, который снова показываетъ, что и античный соціализмъ, несмотря на всѣ свои заблужденія и односторонности, заключаетъ въ себѣ глубоко здоровое ядро, неопровержимыя, вѣчныя истины.

Греческая соціальная теорія пріобрѣла себѣ безмертную заслугу, показавъ будущимъ поколѣніямъ, что счастье народовъ зависитъ не только отъ созданія возможно большей массы благъ, но въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, отъ ихъ распредѣленія. Если вспомнить одностороннюю теорію производства съ точки зрѣнія производителя, господствовавшую вплоть до нашего столѣтія и въ теченіе значительной его части въ новѣйшей политической экономіи, то невольно почувствуешь себя пристыженнымъ той высокой духовной и нравственной энергіей, съ которой греческіе мыслители пытались выдвинуть на первый планъ и разрѣшить вопросъ объ экономическихъ и соціально-этическихъ вліяніяхъ различныхъ формъ распредѣленія дохода и имущества, о желательномъ распредѣленіи вообще и о цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться въ этомъ отношеніи.

Здѣсь впервые мы встрѣчаемся съ той острой принципіальной постановкой проблемы распредѣленія, которой не избѣжать современной теоріи. Здѣсь впервые очень рѣшительно высказывается претензія на право науки выставлять идеальную, хотя и обусловленную временемъ и народностью, цѣль для развитія распредѣленія дохода и богатства. Одинъ современный соціальный теоретикъ, исходя изъ этой точки зрѣнія, выставляетъ, какъ идеалъ экономическаго распредѣленія благъ, такое распредѣленіе, которое будетъ наиболѣе плодотворнымъ для цѣлей усовершенствованія общества, при которомъ, кромѣ того,

общество можетъ достигнуть высшей степени цивилизаціи и тѣмъ самымъ удовлетворенія всѣхъ истинно-человѣческихъ потребностей. Чѣмъ, спрашивается, такая формулировка постулата принципіально отличается отъ греческой соціальной теоріи выставляющей понятіе, εὖ ζῆν (хорошо жить), какъ масштабъ для критической оцѣнки государственной дѣятельности въ области распредѣленія благъ?

Точно такъ же обстоитъ вопросъ о борьбѣ съ одностороннимъ индивидуалистическимъ пониманіемъ понятія собственности, совершенно игнорирующимъ связь съ цѣлымъ и свои обязанности по отношенію къ цѣлому, абсолютно признающимъ за отдѣльною личностью именно все то, чѣмъ она владѣетъ, и желающимъ обезпечить за ней это владѣніе. Одинъ изъ выдающихся ученыхъ-юристовъ нашего времени, прошедшій строго индивидуалистическую школу римскаго права, предвидитъ, что «наступитъ время, когда собственность получитъ другую форму, чѣмъ теперь, когда общество будетъ оспаривать у собственника мнимое право накоплять столько благъ міра сего, сколько ему угодно, точно такъ же, какъ оно уже отвергло право древне-римскаго отца семейства распоряжаться жизнью и смертью своихъ дѣтей, феодальное право рыцарей и ихъ право разбоя, средневѣковое береговое право» [100]). Сообразно этому, Іерингъ требуетъ отъ государства, чтобы оно «произвело на частную собственность давленіе, которое остановило бы чрезмѣрное накопленіе въ однѣхъ рукахъ, создало бы возможность уменьшить давленіе на другія части соціальнаго организма, ввести болѣе отвѣчающее интересамъ общества, т.-е. болѣе справедливое распредѣленіе благъ, и замѣнить имъ существующее въ данное время распредѣленіе богатствъ, создавшееся подъ вліяніемъ собственности. Собственность же приняла теперь, если называть вещи своими именами, характеръ ненасытнаго эгоизма» [101]). Ту же мысль знаменитаго нѣмецкаго романиста высказываетъ и извѣстный американскій публицистъ Михаелисъ, сочиненіе котораго, направленное противъ книги Беллами «Черезъ 100 лѣтъ», было восторженно встрѣчено манчестерской прессой Стараго и Новаго Свѣта, хотя и въ немъ заключаются требованія, которыя доктринерскій либерализмъ отбрасываетъ какъ «соціалистическія».

Какое знаменіе времени! Даже этотъ горячій защитникъ свободы конкуренціи считаетъ себя вынужденнымъ призвать на помощь государственную власть противъ «монопольнаго хозяйства, дѣлающаго возможнымъ накопленіе въ однѣхъ рукахъ колоссальныхъ богатствъ». Онъ называетъ—совсѣмъ въ духѣ аристотелевской идеи справедливости—образованіе трёстовъ, т.-е. всякихъ организацій, созданныхъ для намѣреннаго повышенія цѣнъ на товары, чистой попыткой на грабежъ, отъ котораго народъ долженъ быть защищенъ при помощи законовъ [102]). Онъ требуетъ далѣе ограничительныхъ нормъ государственнаго и международнаго законодательства съ цѣлью борьбы противъ непомѣрнаго накопленія въ однѣхъ рукахъ какъ движимаго капитала, такъ и земельной собственности [103]).

Такъ, отправляясь отъ различнѣйшихъ исходныхъ пунктовъ, современный міръ возвращается къ основной мысли эллинской соціальной философіи: не знающая никакихъ границъ плеонексія отдѣльныхъ индивидуумовъ должна быть принципіально ограничена требованіями общаго блага. Съ неудержимою силой снова начинаетъ пробиваться убѣжденіе, что государство, какъ органъ всего общества, призвано противодѣйствовать вреднымъ формамъ распредѣленія дохода и капитала, угрожающимъ народному благу и нравственности, путемъ принудительной власти и путемъ реформы права, въ особенности же права частной собственности.

И въ этической оцѣнкѣ матеріальной жизни въ современной соціально-политической литературѣ господствуютъ вызванные аналогичными общественными

неурядицами взгляды, близко соприкасающіеся съ античными жизненными идеалами.

Въ современномъ намъ движеніи дѣло идетъ, очевидно, о томъ, чтобы противопоставить кипучей и жадной къ наживѣ жизни современности, нашей все увлекающей въ свой водоворотъ борьбѣ изъ-за удовлетворенія безконечно возрастающихъ потребностей—болѣе высокую и болѣе достойную человѣка жизненную теорію и жизненную практику. Разъ это такъ, мы естественнымъ путемъ приходимъ къ одной изъ основныхъ идей соціальной этики грековъ, идеѣ о существованіи извѣстной мѣры, являющейся полезнѣйшимъ элементомъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ; согласно той же идеѣ истинное наслажденіе жизнью зависитъ не отъ массы удовлетворенныхъ потребностей и отъ трудности ихъ удовлетворенія, а отъ той болѣе чистой и болѣе благородной формы наслажденій, къ которой современный человѣкъ, вѣчно погруженный въ вихрь стяжательства, все менѣе и менѣе становится и склоннымъ и способнымъ.

Если далѣе, мы спросимъ себя, въ какой формѣ представляемъ мы себѣ возможность перехода отъ этическаго матеріализма нашего времени къ здоровому идеализму, то современная этика дастъ на это такой же отвѣтъ, какъ и греческая соціальная философія? И та, и другая усматриваютъ возможность измѣненія духовныхъ стремленій въ грандіозномъ возрожденіи чувства общественности и въ подавленіи все захватившей плеонексіи [104]).

Опытъ современности отнюдь не доказываетъ исключительной справедливости того положенія новѣйшей политической экономіи, согласно которому человѣческое благополучіе можетъ быть лучше всего достигнуто повышеніемъ потребностей, такъ какъ при этомъ возрастетъ производство, и количество наличныхъ цѣнностей увеличится. Наоборотъ, вся физіономія нашего современнаго общества свидѣтельствуетъ о справедливости античнаго ученія о томъ, что счастья слѣдуетъ искать въ разумномъ ограниченіи потребностей, и что оно все уменьшается по мѣрѣ расширенія круга потребностей, выдвигаемыхъ жизнью.

Ничто не можетъ болѣе блестящимъ образомъ подтвердить правильность изложенныхъ воззрѣній греческой соціальной философіи, какъ слѣдующая характеристика, написанная однимъ изъ современныхъ мыслителей, для котораго, какъ и для грековъ, всѣ соціальные вопросы являются въ то же время вопросами нравственными, однимъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ «своимъ часто полнымъ печали взоромъ» проникать «въ самую глубь сердца».

«Несмотря на необычайный ростъ богатствъ и власти»,—говоритъ онъ—незамѣтно, однако, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшилась среди имущихъ классовъ жажда наживы и погоня за ней; не видно также, чтобы удовлетвореніе низшихъ классовъ народа сдѣлало замѣтный прогрессъ, несмотря на несомнѣнность легко устанавливаемаго цифрами прогресса въ ихъ общемъ положеніи. Печальная, но общеизвѣстная истина гласитъ, что наше время, столь богатое необыкновеннѣйшими средствами наслажденія, почти не знаетъ, что такое истинное наслажденіе, такъ какъ оно ждетъ всего извнѣ, такъ какъ приготовленія къ наслажденію приносятъ столько хлопотъ, что уже поглощаютъ три четверти самаго наслажденія. Поэтому-то одна потребность—потребность обладать возможно большимъ—стала настолько преобладающей, что вполнѣ мыслимымъ оказывается постоянный ростъ производства матеріальныхъ благъ и средствъ къ наслажденію безъ сколько-нибудь значительнаго повышенія счастья хотя бы одного человѣка, счастья, обусловленнаго этимъ безконечнымъ приростомъ» [105]).

Характеристика эта находитъ себѣ поразительную параллель въ картинѣ,

нарисованной Платономъ въ его «Государствѣ», картинѣ, изображающей лихорадочное состояніе общества (πόλις φλεγμαίνουσα), развивающееся, по его мнѣнію, которое подтвердила практика и его и нашего времени, необходимымъ образомъ изъ роста искусственныхъ потребностей и ненасытной погони за наживой.

Правда, этическій идеализмъ Платона и Аристотеля не можетъ справиться съ вопросомъ объ экономическомъ прогрессѣ, но эта односторонность только оборотная сторона крупнаго преимущества: она свидѣтельствуетъ о ясномъ сознаніи того, что и этотъ вопросъ слѣдуетъ обсуждать только въ тѣснѣйшей связи съ этическими вопросами.

Выше охарактеризованное аналогичное осужденіе матеріальной жизни несомнѣнно должно было привести къ аналогичному до нѣкоторой степени сужденію спеціально о производствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, современная наука снова начинаетъ сближаться съ античной соціальной философіей въ томъ, что въ вопросѣ о высотѣ и организаціи производства исходитъ уже не исключительно изъ экономическихъ и техническихъ соображеній, но вновь удѣляетъ подобающее мѣсто этическому интересу. Современная теорія, какъ и античная, выставляетъ идеальную цѣль производства, требуя такой организаціи его, «которая дала бы возможность удовлетворить справедливыя потребности населенія,—матеріальныя, духовныя и моральныя, не отставая отъ нихъ, но и не опережая ихъ» [106]). Мы всѣ признаемъ теперь тяжелымъ ущербомъ для экономическихъ и идеальныхъ интересовъ всего народа то обстоятельство, что неравномѣрное распредѣленіе національнаго дохода обусловливаетъ, главнымъ образомъ, болѣе обильное и изысканное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей имущихъ классовъ. Мы порицаемъ роскошь, приносящую даже высшимъ классамъ только физическій и моральный вредъ, все болѣе возбуждающую зависть низшихъ классовъ и ведущую по неправильному направленію все производство. Производятся предметы роскоши для богатыхъ, вмѣсто массоваго производства благъ для всѣхъ. При этомъ роскошь, за исключеніемъ роскоши, направленной на пріобрѣтеніе предметовъ искусства, не способствуетъ и развитію культурныхъ интересовъ въ народѣ. И мы поэтому начинаемъ сознавать, что, разъ дѣло зашло такъ далеко, необходимо, чтобы законодательство взялось за созданіе извѣстнаго уравненія въ распредѣленіи доходовъ [107]).

Мы видимъ, что охарактеризованная современная точка зрѣнія принципіально та же, на которой стоялъ уже Платонъ въ своихъ сужденіяхъ о производствѣ. Платонъ, впрочемъ, былъ отчасти иного мнѣнія о средствахъ къ достиженію идеальной цѣли и о томъ, что слѣдуетъ признавать законной потребностью.

Могло бы, однако, казаться, что въ одномъ не менѣе важномъ вопросѣ, въ вопросѣ объ оцѣнкѣ экономической дѣятельности человѣка, Платонъ стоялъ на точкѣ зрѣнія, совершенно отличной отъ нашей.

Платону дѣйствительная хозяйственная дѣятельность представлялась—по крайней мѣрѣ, въ торговлѣ и промышленности—управляемой исключительно эгоистическими побужденіями. Эгоизмъ, по его мнѣнію, «великая пружина народнаго хозяйства»; подъ его властью находятся и безцеремонное преслѣдованіе личныхъ интересовъ, и не знающая устали погоня за наживой и наслажденіемъ, захватывающія всѣ помыслы и чувства человѣка-хозяина.

Какъ ни односторонне это воззрѣніе, все же оно менѣе узко, чѣмъ схожая съ нимъ на первый взглядъ, но въ сущности совершенно отъ него отличная оцѣнка хозяйственной жизни, встрѣчающаяся у современныхъ доктринеровъ индивидуализма, начиная отъ Бейля и Мандевилля, и у представителей крайняго манчестерства. То наблюденіе, которое печалитъ и вызываетъ отрицательное отноше-

ніе къ себѣ античныхъ мыслителей, здѣсь съ чувствомъ удовлетворенности кладется въ основу всего экономическаго и соціальнаго ученія. Тотъ фактъ, что въ экономической области эгоизмъ, и притомъ только эгоизмъ, является единственнымъ рѣшающимъ мотивомъ, истиннымъ духовнымъ двигателемъ, устанавливается не только, какъ вполнѣ естественное, но и какъ чрезвычайно благодѣтельное, необходимое для прогресса государства и общества обстоятельство. Все человѣческое существованіе разбивается на двѣ строго обособленныя сферы, одна—для дѣятельности сообразно личнымъ интересамъ, другая—для проявленія добродѣтели.

Это воззрѣніе, по которому «нравственность и братство начинаются лишь тамъ, гдѣ кончается экономическая дѣятельность и государство» [108]), не могло, разумѣется, раздѣляться тѣми лицами, которыя уже изъ факта политическаго суверенитета промышленныхъ классовъ вполнѣ уяснили себѣ, какими опасностями угрожаетъ всей народной и государственной жизни эгоизмъ въ экономической сферѣ.

И дѣйствительно, у Платона, несмотря на пессимистическую оцѣнку имъ экономической трудовой жизни, къ которой велъ его высоко развитой принципъ добродѣтели этическаго идеализма, и болѣзненно ощущаемое несоотвѣтствіе между тогдашнимъ политическимъ положеніемъ класса промышленниковъ и его моральными и интеллектуальными правами на него, все же пробивается убѣжденіе, что и экономическая жизнь можетъ и должна до извѣстной степени руководиться моральными мотивами. Чисто-экономическому понятію труда, исключительно господствовавшему въ дѣйствительной жизни, противопоставляется, какъ моральное долженствованіе, какъ идеалъ—принципъ труда въ соціально-этическомъ смыслѣ. Платонъ доказываетъ, что и хозяйственный трудъ можетъ быть поистинѣ облагороженъ, если рядомъ съ его эксплуатаціей, какъ средства для удовлетворенія экономическаго эгоизма, имъ будутъ пользоваться въ духѣ разумнаго и нравственнаго самоограниченія, въ сознаніи, что этотъ трудъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ соціальное служеніе, направленное на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей человѣка (τῇ τῆς ἀπορίας ἐπικουρήσει παρεσκευακός) [109]).

Платонъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что даже тѣ профессіи, которыя стали презрѣнными вслѣдствіе злоупотребленій, какъ, напр., мелочная торговля и тому под., могутъ снискать истинно-нравственнымъ людямъ, занимающимся ими безукоризненнымъ образомъ, полную симпатію и благодарность, такъ что они будутъ пользоваться такимъ же почетомъ, какимъ пользуются мать и воспитательница [110]). Нѣтъ, дѣйствительно, никакихъ основаній не считать всякаго, кто своею полезною работой способствуетъ удовлетворенію общихъ потребностей, «благодѣтелемъ», не перестающимъ оказывать услуги народу и странѣ [111]).

Эта идея соціальнаго служебнаго поста, народно-хозяйственнаго чиновничества, недавно снова возстановленная Родбертусомъ, Іерингомъ и др., высказана была, какъ мы видимъ, уже Платономъ совершенно опредѣленно. Правда, для Платона такое пониманіе хозяйственнаго труда—лишь идеалъ; отъ реализаціи его онъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдней стадіи своего теоретико-экономическаго мышленія, отказался, такъ какъ, по его мнѣнію, такой идеальности взглядовъ можно ожидать только отъ людей съ необыкновенно хорошими природными качествами и особенно тщательнымъ воспитаніемъ; широкимъ же массамъ она всегда будетъ чуждой [112]). Однако, и въ этомъ отношеніи онъ считаетъ возможнымъ «если не полное, то, по крайней мѣрѣ, частичное лѣченіе» [113]) и соотвѣтственно этому усматриваетъ въ заботѣ о нравственномъ оздоровленіи экономическаго обмѣна и трудовой жизни, въ попеченіи о нравственности трудящихся классовъ одну изъ самыхъ важныхъ задачъ государственнаго общежитія [114]); отъ вы-

полненія этой задачи государство, несмотря на ея грандіозность и трудность, не можетъ и не должно уклоняться [115]).

И здѣсь передъ нами идеи, вѣчная цѣнность которыхъ совершенно очевидна, хотя онѣ, съ другой стороны, и соединены съ воззрѣніями, ограничивающими ихъ значеніе. Съ полнымъ основаніемъ задаютъ вопросъ: какіе успѣхи могло сдѣлать проведеніе принциповъ нравственности въ трудовую жизнь и уваженіе къ труду, пока продолжалъ проявлять свое безнравственное вліяніе несвободный трудъ, принципіально, по крайней мѣрѣ, не осужденный и Платономъ и дававшій экономическому эгоизму постоянно все новую и новую пищу? Но помимо этихъ неизбѣжныхъ односторонностей, коренящихся въ воззрѣніяхъ того времени, мы должны признать, что и въ этой области были намѣчены истинныя задачи человѣческаго общества.

Какъ близко соприкасаются именно въ этой области античное и современное мышленіе, особенно ясно показываетъ идея соціальнаго человѣка, какъ ее формулировала аристотелевская этика, равно какъ и аристотелевское требованіе постоянной совмѣстной дѣятельности чувства общественности и личныхъ интересовъ въ цѣляхъ осуществленія распредѣляющей и уравнивающей справедливости.

Уже одно то, что Адамъ Смитъ въ центръ своей теоріи моральныхъ чувствъ ставитъ принципъ симпатіи; что онъ, какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ своей политической экономіи, считаетъ необходимымъ ограничить эгоизмъ (selfishness) черезъ посредство оживленія соціальныхъ побужденій и принципіально признаетъ личные интересы лишь постольку, поскольку они не выходятъ за предѣлы с п р а в е д л и в о с т и; наконецъ, то, что онъ выставляетъ требованіе гармоническаго уравненія чувствъ и страстей при помощи преодолѣнія эгоистическихъ и развитія доброжелательныхъ чувствъ [116]),—все это устанавливаетъ извѣстное сродство его идей въ соціально-этическихъ вопросахъ съ выше охарактеризованной аристотелевской соціальной философіей, несмотря на то, что въ остальныхъ пунктахъ, и именно въ политической экономіи, обѣ точки зрѣнія сильно расходятся.

Несравненно болѣе близко родство платоно-аристотелевской теоріи къ современнымъ этическимъ направленіямъ политической экономіи. Чисто по-аристотелевски звучатъ выставляемыя фонъ Тюненомъ и Книсомъ требованія, чтобы отдѣльная экономическая личность считалась (не только со своей личной выгодой, но и) съ экономическими интересами «другихъ». Въ связи съ этимъ Книсъ выставляетъ такое положеніе: «Пріобрѣтеніе кѣмъ-либо значительнаго количества хозяйственныхъ благъ путемъ эгоизма, путемъ вреднаго для ближнихъ и всего общества себялюбія находится въ противорѣчіи съ матеріальнымъ и моральнымъ благомъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, съ общимъ благомъ, наконецъ, съ моральнымъ благомъ самого пріобрѣтателя» [117]). Вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу аристотелевской этики и мнѣніе Ад. Вагнера, утверждающаго, что «мотивы индивидуальной экономической выгоды слѣдуетъ по возможности связывать и замѣнять альтруистическими мотивами; результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи отдѣльной личностью и цѣлымъ обществомъ, составляютъ мѣрило для ихъ нравственной оцѣнки и опредѣленія ихъ истинной культурной высоты» [118]). То же нужно сказать и о главѣ исторической школы, Шмоллерѣ, для котораго также «рѣшающее значеніе» имѣетъ вопросъ, какъ и въ какой мѣрѣ «стремленіе во всемъ считаться со своей собственной личностью и ея преуспѣяніемъ проникается и напитывается моральнымъ и правовымъ сознаніемъ» [119]).

И это многообразное соприкосновеніе античнаго и современнаго мышленія ни въ коемъ случаѣ не случайно. Прежде всего оно объясняется тѣмъ, что, какъ тогда, такъ и теперь существуютъ до извѣстной степени аналогичныя отрицатель-

ныя условія народной жизни, которыя вызвали болѣе высокое соціально-этическое пониманіе матеріальной жизни, болѣе глубокіе взгляды на сущность и призваніе государства и болѣе повышенную чувствительность къ соціальной справедливости. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, существуетъ и непосредственная сознательная связь между тѣмъ и другимъ.

Охотно признавая совершенную справедливость мысли, что соціальныя б ѣ д с т в і я вернули науку о народномъ хозяйствѣ въ объятія этики, рядомъ съ этимъ, однако, не слѣдуетъ забывать и того, что наука, создавшая такой грандіозный переворотъ въ современной духовной жизни, возросла на основѣ гуманизма. И дѣйствительно, въ одномъ изъ основныхъ сочиненій исторической школы политической экономіи совершенно ясно проводится та мысль, что современное теченіе есть не только продуктъ экономической дѣйствительности, но одновременно и результатъ оплодотворенія современной науки древне-классическими воззрѣніями [120]).

Связь эта ясно выступаетъ уже у одного изъ наиболѣе крупныхъ передовыхъ борцовъ, возставшихъ противъ односторонне-индивидуалистическаго взгляда на экономическіе феномены,—у Сисмонди. Свою полемику противъ science de l'accroissement des richesses онъ непосредственно связываетъ съ соціально-политическимъ изслѣдованіемъ, которому подвергъ Аристотель въ своей «Политикѣ» хрематистику [121]). Совершенно въ томъ же духѣ уже въ 1849 году нѣмецъ Рошеръ противопоставилъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «Объ отношеніи политической экономіи къ классической древности» господствовавшей тогда доктринѣ политическую экономію грековъ, потому что послѣдняя никогда не дѣлала громадной ошибки—изъ-за богатства не забывала ч е л о в ѣ к а [122]).

Вслѣдъ за нимъ Родбертусъ выставляетъ требованіе, чтобы мы въ нашей политикѣ нѣсколько болѣе проникались античнымъ духомъ [123]), а Лоренцъ фонъ Штейнъ черпаетъ изъ изученія античнаго государствовѣдѣнія убѣжденіе, что мы, знакомясь съ тѣмъ, кто были древніе, и какъ они дѣйствовали, «второй разъ переживаемъ самихъ себя» [124]). Подъ впечатлѣніемъ все еще непобѣжденнаго односторонняго индивидуализма, составляющаго сущность современнаго воззрѣнія на государство, Адольфъ Вагнеръ считаетъ неизбѣжнымъ, независимо отъ политической точки зрѣнія, возвратъ къ античнымъ взглядамъ. Для политической экономіи, совершенно упустившей это изъ виду, основныя положенія Аристотеля о сущности государства являются, по мнѣнію Вагнера, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фундаментальными принципами всей науки народнаго хозяйства [125]). Наконецъ, въ наше время Шмоллеръ такъ же, какъ въ началѣ XIX столѣтія Сисмонди, теорія богатства котораго указываетъ на Аристотеля, подкрѣпилъ свое ученіе о распредѣленіи дохода сообразно заслугамъ указаніемъ на то, что онъ лишь повторяетъ теорію, уже выставленную Аристотелемъ въ его этикѣ [126]). Да и наше современное законодательство очень опредѣленно двигается въ этомъ же направленіи. Явнымъ признакомъ приближенія къ аристотелевскому идеалу распредѣляющей и уравнивающей справедливости въ области обмѣна, несомнѣнно, надо считать тотъ фактъ, что благодаря современному законодательству кругъ индивидуумовъ, съ которыми приходится считаться человѣку въ его экономической дѣятельности, постоянно расширяется.

Отвлечемся, однако, отъ отдѣльныхъ проблемъ и будемъ держаться въ рамкахъ общаго міровоззрѣнія эллинскаго соціализма.

Несмотря на всѣ заблужденія абстрактнаго и идеологическаго догматизма, мы должны признать, что здѣсь, въ самомъ способѣ разсмотрѣнія вещей, замѣчается огромный прогрессъ, давшій цѣнные и длительные результаты, которые и до настоящаго времени продолжаютъ оказывать свое вліяніе.

Критика, которой греческій соціализмъ подвергъ дѣйствительность, была не только критикой экономическихъ отношеній, но въ то же время и критикой моральныхъ, духовныхъ и политическихъ условій жизни народа. Такъ какъ этотъ соціализмъ съ самаго начала задался идеей о преобразованіи в с е й жизни народа, то для него не было ни одной области, на которую не простирались бы его реформаторскія стремленія. Экономическая жизнь и основанный на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ строй общества являются съ этой всеобъемлющей точки зрѣнія предметомъ такого изученія, отъ котораго соціальная наука не должна была бы никогда отклоняться, и къ которому современная наука какъ-разъ и вернулась.

Греческое ученіе о государствѣ показало будущему, что для реализаціи идей, которыя желательно провести въ право и въ жизнь, имѣетъ большое значеніе не только система политическихъ институтовъ, извѣстный строй и раздѣленіе государственной власти, но еще больше міръ матеріальныхъ благъ и интересовъ, тѣхъ чрезвычайно важныхъ факторовъ, которые играютъ видную роль при созиданіи всѣхъ человѣческихъ отношеній и которые, благодаря своей власти надъ отдѣльной личностью, могутъ съ элементарной силой вліять и на все общество. Здѣсь впервые въ исторіи политическихъ наукъ выступаетъ передъ нами болѣе глубокое пониманіе природы о б щ е с т в е н н ы х ъ противоположностей и тѣхъ опасностей, которыя въ экономической жизни и въ области распредѣленія богатствъ угрожаютъ самому благородному, что есть въ человѣкѣ,—высшимъ культурнымъ интересамъ общества.

Благодаря указанному представленію, греческое ученіе о государствѣ поднялось неизмѣримо выше того доктринерства, которое считаетъ государство и народъ только суммою индивидуумовъ и, рѣзко противополагая личность государству, не замѣчаетъ той лежащей между жизнью отдѣльной личности и жизнью всего государства важной сферы, которую мы называемъ обществомъ. Своимъ анализомъ соціальныхъ явленій греческое ученіе о государствѣ обосновало то болѣе глубокое воззрѣніе на государство и его цѣли, которое прежде всего останавливается на цѣломъ рядѣ кардинальныхъ вопросовъ. Оно интересуется и тѣмъ, въ какомъ отношеніи стоятъ соціальныя условія народа къ его политической жизни, и тѣмъ, какъ относятся и какъ должны относиться различные элементы общества—соціальные классы другъ къ другу и къ государству, и тѣмъ, наконецъ, какъ вообще вліяютъ другъ на друга государство и общество—эти двѣ самостоятельныя сферы жизни, стоящія въ вѣчномъ антагонизмѣ другъ къ другу и все же стремящіяся къ постоянному взаимному сближенію и къ проникновенію другъ другомъ.

Этотъ с о ц і а л ь н ы й взглядъ на вещи, оцѣнивающій систему управленія прежде всего по ея соціальной пригодности, далъ возможность Аристотелю чрезвычайно ясно охарактеризовать связь между смѣной политическихъ формъ и политической борьбой партій, съ одной стороны, и экономической дифференціаціей народа—съ другой; этотъ же взглядъ позволилъ Аристотелю указать на зависимость государственнаго развитія отъ общественнаго строя и матеріальной основы—его распредѣленія богатствъ. Совершенно справедливо одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ ученыхъ, имѣя въ виду указанныя особенности взгляда Аристотеля, сказалъ, что его «Политика» въ этомъ отношеніи является для науки государственнаго права тѣмъ же, чѣмъ для астрономіи «Органонъ» Коперника [127]).

Съ другой стороны, аристотелевское ученіе о государствѣ въ подчеркиваніи экономическихъ факторовъ не пошло такъ далеко, какъ современный, такъ называемый, научный соціализмъ.

Придавая весьма важное значеніе экономическому моменту и особенно борьбѣ классовъ въ своемъ анализѣ государственно-правовой эволюціи, Аристотель, однако, далекъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи, исключительно съ точки зрѣнія классовой борьбы, которое считаетъ экономическій моментъ вездѣ и всюду рѣшающимъ и единственно важнымъ при образованіи общества, а все политическое, правовое, духовное и религіозное существованіе народа—только надстройкой, заранѣе предопредѣленной экономическомъ базисомъ и хозяйственной структурою общества.

Эта вѣра во всемогущество чисто хозяйственныхъ факторовъ, разумѣется, должна была остаться чуждой тому воззрѣнію, которое принципіально отрицало равноправность хозяйственныхъ цѣлей и этическихъ задачъ, высшую же, конечную цѣль всякой политики видѣла въ томъ, чтобы по возможности эмансипировать государство, его законодательство и управленіе отъ грубыхъ матеріальныхъ интересовъ.

Правда, и греческій соціализмъ долженъ былъ съ психологической необходимостью пройти черезъ такую фазу развитія, которая характеризуется сильнымъ преувеличеніемъ зависимости моральной жизни отъ хозяйственныхъ факторовъ. Въ тѣхъ чрезмѣрныхъ надеждахъ, которыя Платонъ возлагалъ на нравственное перерожденіе путемъ коммунизма, и въ томъ, что онъ считалъ частную собственность причиной упадка нравственности, чрезвычайно ясно проглядываетъ это заблужденіе. Но, какъ скоро, однако, послѣдовалъ коррективъ! Уже аристотелевскій соціализмъ эмансипировался отъ этихъ иллюзій относительно воспитательной силы коммунизма и въ противовѣсъ ему выставилъ нравственное несовершенство человѣческой натуры съ такой ясностью и остротой [128]), до которой современный соціализмъ со своей экономической односторонностью еще не дошелъ.

Но зато античной соціальной философіи присуща другая слабость современныхъ реформаторовъ міра. Ихъ идеализмъ нисколько не уступаетъ идеализму современныхъ оптимистовъ въ оцѣнкѣ того, что человѣческій разумъ и государство въ силахъ сдѣлать для урегулированія въ желательномъ имъ направленіи всей матеріальной жизни. Современные оптимисты, въ виду огромнаго прогресса на всѣхъ поприщахъ жизни, преисполнились преувеличенными надеждами относительно возможности и легкости безконечно болѣе радикальныхъ измѣненій. И надо сознаться, что вѣкъ Беллами, въ своихъ преувеличенныхъ представленіяхъ о могуществѣ человѣческаго разума и человѣческихъ учрежденій, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и соціальная теорія четвертаго вѣка до Р. Хр. Съ одинаково повышенной чувствительностью къ тяжелымъ недостаткамъ существующаго общества и тамъ, и здѣсь связываются одинаково непомѣрныя надежды на способности человѣка излѣчить всѣ эти недостатки, то же нетерпѣливое требованіе быстраго и радикальнаго способа лѣченія.

Въ области античнаго міра такое направленіе умовъ получало постоянные толчки и питалось фактическимъ развитіемъ государственной жизни! Какая непрерывная смѣна формъ управленія царила въ этомъ микрокосмѣ маленькихъ греческихъ государствъ, который,—какъ выразился Цицеронъ о греческихъ островныхъ государствахъ—«казалось, плылъ вмѣстѣ со своими институтами и правами по волнамъ моря» [129])! При такомъ вѣчномъ измѣненіи государственная система, дѣйствительно, могла казаться чѣмъ-то въ родѣ покорной глины въ рукахъ «законодателя» и ея способность къ перемѣнамъ безграничной; разумъ въ этихъ условіяхъ чувствовалъ себя обязаннымъ сознательно положить основу новому государству и обществу, какъ продукту своего собственнаго свободнаго творчества.

При видѣ множества формъ, которыя вызваны были къ жизни неистощимыми факторами политической и соціальной жизни, но не привели, однако, къ здоровому и прочному результату, соціальная философія стала сомнѣваться въ томъ, чтобы страданія общества могли быть излѣчены обыкновенными средствами; между тѣмъ все изъ той же неистощимой способности исторической жизни принимать новыя формы она почерпнула надежду, что возможно окончательно разрушить непрерывно преобразующійся государственный и общественный строй и вновь создать его по свободному фантастическому плану. На развалинахъ всеобщаго распаденія, отжившихъ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ институтовъ, на развалинахъ, изъ которыхъ не поднялось еще ни одной подающей надежды новой формы, эта теорія почувствовала непреодолимую потребность заполнить пропасть между прошедшимъ и будущимъ, объединивъ ихъ идеальной картиной новаго, лучшаго порядка вещей, которому должно было принадлежать будущее; надежда на этотъ лучшій порядокъ должна снова ободрить и укрѣпить умы людей.

Эта теорія обѣщала показать путь къ новому строю, въ которомъ всѣ отталкивающія стороны современной жизни блестящимъ образомъ превратятся въ свою противоположность: въ немъ исчезнетъ все, что такъ угнетало нашъ міръ, и станетъ истиной и дѣйствительностью все, чего жаждутъ благороднѣйшіе умы. На этомъ пути переустройства общества мы какъ-разъ и встрѣчаемъ руководящіе умы націи. Вмѣстѣ съ склонностью къ абстракціи, дедукціи и конструированію, въ нихъ было заложено стремленіе къ соціалистическому утопизму, и они, при этомъ, столько же шли навстрѣчу своимъ собственнымъ потребностямъ, сколько и требованію времени, критикуя самымъ рѣзкимъ и безпощаднымъ образомъ все существующее и создавая широкіе, всеобъемлющіе планы возведенія новаго, лучшаго государственнаго и общественнаго строя.

Такъ создалось представленіе объ истинно-хорошемъ, о «лучшемъ» государствѣ будущаго.

ГЛАВА III.

Планы организаціи новаго строя государства и общества.

Отдѣлъ I.—Идеалъ государства Фалея изъ Халкедона.

«Первый частный человѣкъ, рѣшившійся заговорить о лучшемъ государствѣ» [1]), былъ извѣстный архитекторъ Гипподамъ изъ Милета, строитель Пирейской гавани. Но эта первая попытка противопоставить идеалъ дѣйствительности едва ли имѣетъ какое-нибудь значеніе для исторіи соціализма. По крайней мѣрѣ, въ сообщеніяхъ Аристотеля объ идеяхъ Гипподама не содержится указаній на принципіальное возраженіе противъ основъ существующаго строя общества. Напротивъ, основная индивидуалистическая тенденція пройденнаго до тѣхъ поръ соціальнаго и политическаго развитія, какъ мы уже видѣли это раньше, проводится здѣсь съ еще большей послѣдовательностью; законодательство же ограничивается отрицательной задачей охраненія права и, такимъ образомъ, съ соціально-экономической точки зрѣнія обрекаетъ себя на безплодіе [2]).

Исторія соціалистическаго государственнаго идеала эллинства начинается поэтому только съ «Политіи» Фалея Халкедонскаго. «Политія» была написана [3]), можетъ-быть, еще раньше «Государства» Платона и потому должна быть поставлена здѣсь на первомъ мѣстѣ. Правда, это сочиненіе до насъ не дошло, а то немногое, что говоритъ о немъ единственный нашъ свидѣтель, Аристотель, оставляетъ открытымъ именно существенный вопросъ о догматическо-историческомъ положеніи этой системы и о томъ значеніи, которое она вообще имѣетъ въ ходѣ развитія соціальныхъ идей. При обсужденіи идеальнаго государства Платона Аристотель, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, разбираетъ догматическіе и тѣ этическіе и политическіе принципы, на основѣ которыхъ задумана теорія Платона въ ея цѣломъ; при разборѣ же «Политіи» Фалея онъ ограничивается критикой нѣкоторыхъ отдѣльныхъ требованій, предъявленныхъ Фалеемъ къ практикѣ. Онъ регистрируетъ и критикуетъ нѣкоторыя изъ спеціальныхъ его предложеній, пригодныхъ, по мнѣнію Фалея, для исцѣленія соціальныхъ болѣзненныхъ явленій. Но о томъ, какой видъ имѣло все соціально-философское построеніе обсуждаемаго идеала государства, разсматриваемое какъ теоретическое цѣлое, какъ система принциповъ, Аристотель совершенно умалчиваетъ. У насъ не получается, благодаря этому, картины научной индивидуальности философа, а также и ея зависимости отъ условій эпохи и обстановки [4]).

Намъ приходится поэтому ограничиться заключеніями и догадками, построенными на томъ, что училъ Фалей относительно отдѣльныхъ конкретныхъ вопросовъ

соціальной реформы. Наиболѣе характернымъ для опредѣленія его точки зрѣнія является, пожалуй, проектъ подчинить государству всю промышленность и превратить всѣхъ членовъ промышленнаго класса въ служебные органы государственнаго коллективнаго хозяйства. Такое радикальное преобразованіе всего экономическаго существованія промышленнаго населенія было въ его представленіи въ то же время и политической деградаціей. Промышленное населеніе, переставая быть частью гражданъ государства [5]), попадаетъ въ подчиненное положеніе и, можетъ-быть, даже спускается до рабства [6]). Проектъ этотъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что требованіе коллективно-хозяйственнаго производства въ теоріи Фалея не было слѣдствіемъ соціальнаго демократизма; послѣдній имѣетъ въ виду крайнее проведеніе индивидуалистическаго принципа равенства; здѣсь же проявляется анти-индивидуалистическая точка зрѣнія, для которой предложенное расширеніе государственнаго хозяйства является только средствомъ осуществить путемъ возможно болѣе радикальнаго подчиненія всего промышленнаго населенія принудительной силѣ государства, свои, если и не анти-капиталистическія, то прежде всего анти-демократическія цѣли [7]).

Эта анти-демократическая основная тенденція политики Фалея служитъ, далѣе, доказательствомъ того, что, желая раздѣлить землю между полноправными гражданами своего государства на принципѣ совершеннаго равенства [8]), онъ это равенство также не выводилъ *исключительно* изъ индивидуалистическаго корня. Другими словами, Фалей и здѣсь не исходилъ изъ односторонне понятаго интереса индивидуума и его притязаній—на основѣ одинаковой цѣнности всѣхъ достигнуть по возможности одинаковой для всѣхъ доли участія въ хозяйственныхъ благахъ и связаннаго съ ними наслажденія жизнью. Исходнымъ пунктомъ или, по крайней мѣрѣ, существенно рѣшающимъ моментомъ служитъ для него, очевидно, соціальный интересъ, интересъ цѣлаго; это ясно и намъ изъ того, что у Аристотеля цѣлью, ради которой Фалей хотѣлъ ввести имущественное равенство, считается обезпеченіе соціальнаго мира [9]) и поднятіе уровня народной нравственности [10]).

То же надо сказать и о требованіи одинаковаго воспитанія всѣхъ государствомъ [11]). Это требованіе является также слѣдствіемъ принципа общности, κοινωνία, а не идеи свободы, какъ ее понималъ индивидуализмъ.

Идейное сродство Фалея съ государственной и общественной теоріей Платона неоспоримо, хотя мы и не можемъ раздѣлить убѣжденія [12]), что одинъ изъ платоновскихъ идеаловъ государства—государство закона —«является просто лишь болѣе тонкой разработкой идеала государства Фалея». Къ такому заключенію насъ отнюдь не уполномачиваютъ тѣ немногочисленныя указанія, которыя мы могли привести для характеристики идеала Фалея.

Дальнѣйшія замѣчанія Аристотеля о Фалеѣ не прибавляютъ ничего существенно новаго къ уже сказанному. Требованіе, чтобы богатые давали приданое, но не брали его, а бѣдные—наоборотъ—брали, но не давали—вообще не относится къ проекту лучшаго государства; оно лишь указываетъ на то, какъ легче всего достигнуть уравненія имущественныхъ противорѣчій въ рамкахъ *существующаго* строя общества [13]). Критикуя государство Фалея, Аристотель находитъ непослѣдовательнымъ и неправильнымъ, что свой принципъ экономическаго равенства оно не распространяетъ на движимый капиталъ [14]); далѣе, что онъ опускаетъ мѣры, необходимыя для поддержанія равенства, при увеличеніи населенія, какъ, напр., урегулированное государствомъ рожденіе дѣтей и т. п. [15]); что наконецъ, въ его теоріи совершенно не выясненъ вопросъ, можетъ ли и хочетъ ли онъ своимъ общественнымъ воспитаніемъ достигнуть того, что еще

важнѣе, чѣмъ уравненіе собственности, именно—уравненія желаній [16]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, насколько справедлива или несправедлива вся эта критика Аристотеля.

Въ передачѣ теорій своихъ предшественниковъ Аристотель вообще проникнутъ стремленіемъ доказать негодность этихъ теорій [17]); при этомъ онъ часто, какъ это доказываетъ его критика платоновскаго идеала государства, позволяетъ себѣ дѣлать такіе необоснованные и несправедливые выводы, что на однихъ его отзывахъ мы не можемъ строить опредѣленнаго сужденія. Если Платонъ опредѣленно говоритъ многое изъ того, о чемъ, по утвержденію Аристотеля, онъ никогда и не упоминалъ, если во многомъ онъ оказывается совершенно непонятымъ Аристотелемъ, то вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что и разсматриваемое сочиненіе Фалея въ дѣйствительности носило совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ то казалось его критику.

Отдѣлъ II.—Платоновское государство разума.

1. Государство и его органы.

Основныя мысли идеальнаго государства Платона почерпнуты непосредственно изъ фактическаго развитія историческаго государства. Въ греческомъ государственномъ мірѣ государственная власть повсюду сдѣлалась яблокомъ раздора отдѣльныхъ классовъ общества и болѣе или менѣе подчинилась частнымъ интересамъ, выросшимъ изъ жизни общества. Самостоятельная идея государства, такъ сказать, потонула въ обществѣ. Идеальное государство Платона стремится снова призвать къ жизни государственную мысль и поставить государство независимо и самостоятельно надъ обществомъ, которое, такимъ образомъ, теряетъ возможность подчинять государство своимъ интересамъ. Изъ хаоса безпощадной борьбы, въ которой отдѣльныя части общества,—будь то индивидуумы или классы,—стараются подчинить другъ друга своимъ личнымъ цѣлямъ или интересамъ, складывается картина государственной жизни, стремящейся удовлетворить интересы *всѣхъ* и имѣющей призваніе и силу подчинить эгоизмъ отдѣльныхъ частей цѣлямъ цѣлаго, личный интересъ—интересу общаго.

«Мы основываемъ,—говоритъ Сократъ платонова «Діалога»,—свое государство не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать счастливымъ одинъ классъ общества преимущественно передъ другимъ, но съ тѣмъ, чтобы по возможности осчастливить все государство» [1]). И дѣйствительно, государство существуетъ для *всѣхъ*. Государственная власть служитъ здѣсь не тѣмъ болѣе сильнымъ интересамъ, въ рукахъ которыхъ находятся наибольшія вліяніе и сила, могущія придать власти наибольшій авторитетъ; съ самозабвеніемъ и преданностью она отдается именно защитѣ *слабыхъ* [2]). Этимъ путемъ, затуманенная въ дѣйствительной жизни эгоизмомъ общества, идея государства достигаетъ своего полнаго и совершеннаго осуществленія; но рядомъ съ этимъ идеальное государство Платона выдвигаетъ претензію—быть правовымъ государствомъ, по преимуществу, высшимъ воплощеніемъ справедливости [3]).

Для того, чтобы выполнить эту задачу, т.-е., стоя надъ обществомъ, остаться его властелиномъ и повелителемъ, государству нужны органы, имѣющіе силу и желаніе, оставаясь внѣ зависимости отъ односторонихъ интересовъ, защищать и проводить истинную идею государства. Въ государствѣ долженъ образоваться такой элементъ власти, который былъ бы абсолютно недосягаемъ для общества.

Существовавшее въ эпоху Платона государство, все равно—олигархическое или демократическое, было совершенно лишено подобныхъ органовъ. Господство надъ нимъ общества проявлялось прежде всего какъ-разъ въ томъ, что интересы общества сумѣли овладѣть общественнымъ служеніемъ и сдѣлать его въ его функціяхъ зависимымъ отъ себя; зависимость эта была одновременно и внѣшней, и внутренней. Должностныя лица вербовались путемъ жребія или выбора, непосредственно изъ среды самихъ, борющихся между собою за власть, экономическихъ классовъ общества; психологическая зависимость отъ классовыхъ интересовъ и классовыхъ взглядовъ вносилась этимъ путемъ въ должность, и отъ этой зависимости, даже при искреннемъ желаніи служить общему, отдѣльное лицо никогда не могло освободиться окончательно и навсегда. Да и было ли возможно, при краткомъ срокѣ службы и частой смѣнѣ добивавшихся власти партій, такое правленіе, которое твердо стояло бы на почвѣ государственности и чувствовало себя исключительно органомъ общности? Могли ли тѣ элементы, которые, въ силу своего гражданскаго положенія, были болѣе или менѣе захвачены потокомъ промышленной и торговой жизни, отстоять независимость государства и охранить его отъ стихійной силы матеріальныхъ интересовъ; и это при томъ огромномъ значеніи, которое имѣли матеріальные интересы въ промышленномъ и торговомъ государствѣ IV вѣка?

Такое положеніе дѣла ясно указывало Платону путь, на которомъ слѣдовало искать освобожденія государства отъ владычества общества. Если должности нужно было снова вернуть характеръ общественнаго служенія и дать ей возможность осуществить нравственную задачу государства, присущую государству согласно взглядамъ Платона, то первымъ шагомъ всякой реформы должно быть *возвышеніе должности до полной самостоятельности*.

Въ виду этой цѣли Платонъ требуетъ абсолютнаго отдѣленія индивидуума, облеченнаго полномочіями исполненія государственной воли, отъ промышленной и хозяйственной жизни, т.-е., созданія постояннаго *класса чиновниковъ*, существованіе которыхъ обезпечено было бы жалованьемъ и содержаніемъ, и которые жили бы исключительно и единственно для службы государству.

Платонъ идетъ даже дальше. Разъ признано необходимымъ совершенно обезвредить вліяніе хозяйничающаго общества и соціально-экономическихъ частныхъ интересовъ на государственную жизнь, слѣдовало, по его мнѣнію, не только изъять изъ сферы этого вліянія *исполненіе* государственной воли, управленіе и администрацію, но и сдѣлать невозможнымъ самое участіе общества въ *выработкѣ* этой воли, т.-е въ законодательствѣ. Вся полнота государственной власти должна сосредоточиться въ рукахъ этихъ органовъ общественности, живущихъ *единственно только* для государства. Они—исключительно носители всѣхъ государственныхъ функцій. Такое положеніе власти, однако, могло быть обезпечено за нею только тѣмъ путемъ, что она же одновременно представляла собою вооруженную руку государства. Все остальное населеніе представляетъ лишь чисто хозяйственное общество. Оно не несетъ военной службы и довѣряетъ ее постоянному, отборному войску—безусловно надежному орудію правящей силы, гарантирующему полную независимость государственной воли.

Намѣченная организація общественнаго служенія имѣетъ въ виду осуществленіе еще и другой идеи: она стремится провести принципъ *раздѣленія труда*, т.-е. такого длительнаго, индивидуальнаго примѣненія къ одной спеціальной задачѣ, которое охватывало бы всю жизнь человѣка, господствовало бы въ ней и каждую личность заставляло бы служить другому [1]). Этотъ законъ раздѣленія труда Пла-

тонъ разсматриваетъ какъ безусловно руководящую норму внѣшняго упорядоченія человѣческаго существованія и въ то же время какъ законъ природы: люди не одинаковы, они родятся съ индивидуально различными задатками [5]). Проведеніе такого закона требуется кромѣ того интересами общества, такъ какъ концентрація на одной дѣятельности повышаетъ продуктивность труда каждой личности [6]). Каждый долженъ отдавать все свое время и всѣ свои силы исключительно своей профессіи; онъ не долженъ считать ее побочнымъ занятіемъ (ἐν παρέργου μέρει), напротивъ, онъ обязанъ быть свободнымъ отъ всякихъ другихъ обязательствъ [7]).

Такъ смотритъ Платонъ даже на обыкновенный ремесленный трудъ. Еще въ большей мѣрѣ обязательно проведеніе его взгляда по отношенію къ высшимъ профессіямъ и въ особенности по отношенію къ служенію государству. Дѣятельность правителя, законодателя, чиновника и военнаго требуетъ не только особенныхъ прирожденныхъ качествъ, но и познаній, которыя могутъ пріобрѣтаться только путемъ систематическаго воспитанія къ этой особой профессіи, требующей напряженія всѣхъ силъ человѣка еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое бы то ни было другое занятіе [8]).

Въ «государствѣ разума» вообще нѣтъ «двойственной и многообразной личности»; тамъ «каждый занятъ только однимъ дѣломъ: сапожникъ—только сапожникъ, а не рулевой, сельскій хозяинъ—только сельскій хозяинъ, а не судья, солдатъ—только солдатъ, а не купецъ» [9]); совершенно также и всякая политическая дѣятельность есть особая профессія; она не можетъ быть побочной дѣятельностью классовъ, занятыхъ экономическимъ трудомъ.

Активное участіе всѣхъ классовъ въ законодательствѣ и управленіи противорѣчило бы требованіямъ природы и справедливости, опредѣляющей «каждому свое» и тѣмъ самымъ дающей ему то, что ему принадлежитъ по праву [10]).

Рѣзкая формулировка принципа раздѣленія труда [11]) обусловлена въ основѣ своей опытами исторической жизни государства. Она выражаетъ собою острую реакцію противъ притязаній господствующаго большинства—быть въ каждомъ вопросѣ самымъ компетентнымъ судьей, послѣдней инстанціей и верховнымъ трибуналомъ; реакцію противъ посредственности и необразованности [12]), противъ πολυπραγμοσύνη, какъ она проявлялась при господствѣ принципа свободы и равенства демократіи. Эта реакція, понятнымъ образомъ, съ своей стороны шла въ подчеркиваніи противоположной точки зрѣнія такъ далеко, какъ только было возможно, и проводила какъ принципъ дифференціаціи, такъ и принципъ централизаціи до самаго крайняго предѣла.

Указанной связи теоріи и опыта не понимаютъ всѣ тѣ, кто, какъ, напр., Целлеръ, думаетъ, что ученіе о раздѣленіи труда Платонъ добавилъ лишь позднѣе въ цѣляхъ научнаго оправданія своего принципа раздѣленія сословій [13]).

Подобный взглядъ можетъ возникнуть только у тѣхъ, кто идетъ исключительно путемъ спекулятивнаго разсужденія, устраняя совершенно историко-политическую точку зрѣнія. Основнымъ мотивомъ возникновенія платоновскаго государственнаго идеала является для этихъ лицъ, съ одной стороны, чисто-спекулятивная мысль, будто, при такомъ раздѣленія государства на классы, оно получаетъ то же расчлененіе, которое психологія Платона принимаетъ для человѣческой души, а его космологія—для мірового цѣлаго; съ другой стороны, Платономъ якобы руководило пластическое стремленіе отдѣлять другъ отъ друга логически различное также и внѣшнимъ образомъ, конкретизировать моменты понятія въ ясныхъ и завершенныхъ воззрѣніяхъ. Этотъ-то пластическій интересъ и заставилъ Платона распредѣлить различныя области политической дѣятельности между различными

классами; такимъ образомъ, послѣдніе, рѣзко отдѣленные другъ отъ друга, должны были жить только ради своей спеціальной задачи и «осуществлять въ себѣ лишь одно опредѣленное понятіе».

Уже давно замѣчено [14]), что, признавая правильность этого взгляда, пришлось бы Платона, какъ политика, осудить окончательно и безповоротно. Ученіе о государствѣ, для котораго все построеніе человѣческаго общества существуетъ только лишь ради возможности воплотить логическое соотношеніе частей понятія и дать подражаніе расчлененію космоса и отдѣльной души, теорія государства, проводящая такія точки зрѣнія, была бы для насъ абсурдомъ. По крайней мѣрѣ, въ исторіи наукъ о государствѣ она не могла бы претендовать на серьезную оцѣнку.

Въ обоихъ (единственныхъ) мѣстахъ, на которыя можетъ сослаться указанная точка зрѣнія, Платонъ говоритъ о принципѣ справедливости въ государствѣ. Гдѣ же, однако, исходный пунктъ его разсужденія? Психологическій анализъ души или строй космоса? Ничуть!

Уже въ первомъ мѣстѣ отправная точка зрѣнія—чисто-историческая. Платонъ убѣжденъ, что для уясненія вопроса о томъ, какъ въ государствѣ возникаетъ справедливость или несправедливость, нужно выяснить прежде всего исторію возникновенія самаго государства [15]). Историческій процессъ дифференціаціи, возникновеніе общественнаго и государственнаго строя, выводится изъ потребностей индивидуума въ дополненіе себя другими и изъ развитія принципа раздѣленія труда. Это воззрѣніе геніально предвосхищаетъ выводы современныхъ соціальныхъ ученій [16]).

Тотъ же принципъ раздѣленія труда и другіе чисто-соціально-политическіе моменты играютъ рѣшающую роль въ разрѣшеніи вопроса о сущности государственной справедливости и во второмъ мѣстѣ [17]). Параллель же съ человѣческой душой, напротивъ, оказывается чѣмъ-то вторичнымъ, прибавленнымъ до извѣстной степени какъ доказательство правильности историко-политическихъ результатовъ. Параллель эта стремится только показать, что опредѣленіе идеала справедливости, по отношенію къ государственному строю найденное уже раньше, самостоятельнымъ путемъ [18]), правильно уже потому, что находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ принципомъ нравственности, который долженъ быть и признаваться условіемъ здороваго душевнаго состоянія, индивидуальнымъ идеаломъ нравственности [19]). Ученіе о государствѣ, такимъ образомъ, отнюдь не основывается на психологіи, а только ищетъ въ ней подтвержденія своихъ выводовъ.

Ясно, конечно, что указанная параллель даже при охарактеризованномъ пользованіи ею все-таки заблужденіе, ведетъ къ затемнѣнію политическаго взгляда на вещи. Мы бы преувеличили, однако, ея значеніе, если бы стали отрицать самостоятельность концепціи указаннаго политическаго взгляда и признали, что тѣ пункты, которые Платонъ опредѣленно выдвигаетъ впередъ, онъ прибавилъ лишь впослѣдствіи, для оправданія.

Это тѣмъ менѣе мыслимо, что уже Сократъ выставлялъ выведенное изъ принципа раздѣленія труда требованіе особенно подготовленныхъ для своей профессіи, для своей τέχνη — чиновниковъ [20]). Изъ этого требованія Платонъ сдѣлалъ только послѣдніе выводы. У него оно является рефлексомъ именно того, что непосредственно совершалось передъ глазами мыслителя. Какъ ни силенъ въ Платонѣ доктринерскій элементъ, все же въ данномъ случаѣ его воззрѣніе есть, несомнѣнно, продуктъ фактическаго историческаго движенія; послѣднему оно непосредственно противопоставляется на основаніи критическаго анализа жизненныхъ условій государства и общества. Государство Платона, по прекрасному

выраженію одного теоретика права [21]), является не праздным порожденіемъ фантазіи; оно—твореніе, имѣющее въ виду реальную дѣйствительность, со всѣхъ сторонъ протканное нитями исторіи.

Вернемся, однако, къ нашему исходному пункту. Чтобы достигнуть возможно полнаго выдѣленія органовъ общественнаго служенія или, какъ ихъ называетъ Платонъ, «охранителей» государства изъ массы занимающихся хозяйствомъ гражданъ (γένος χρηματιστικόν), Платонъ требуетъ разрушенія всякой между ними связи, даже связи по мѣсту жительства. Осуществленіе этого требованія значительно облегчено было тѣмъ, что въ основу своего проекта организаціи лучшаго государства Платонъ принципіально кладетъ отношенія греческаго государства-города. Весь персоналъ гражданскихъ и военныхъ служащихъ съ женщинами и дѣтьми Платонъ представляетъ себѣ живущимъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, на подобіе спартіатовъ государства-лагеря Спарты; они сосредоточены въ томъ пунктѣ маленькой области, который болѣе всего пригоденъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и для господства надъ населеніемъ страны [22]).

Правда, тутъ сейчасъ же возникаетъ затрудненіе, вполнѣ сознаваемое, впрочемъ, и самимъ Платономъ, встаетъ вопросъ, не вызоветъ ли такое радикальное подчиненіе хозяйствующаго общества органамъ государственной власти и въ лучшемъ государствѣ опасности эксплуататорскаго классоваго господства, т.-е. того явленія, котораго принципіально хотѣлъ избѣгнуть Платонъ.

Будутъ ли эти охранители государства, противъ которыхъ граждане являются совершенно беззащитными, чувствовать себя всегда только представителями государственной идеи, «начальниками города» [23]), и не поддадутся ли они, въ концѣ концовъ, искушенію, всегда сопряженному съ властью? Не поставятъ ли и они, какъ болѣе сильные, ввѣренные ихъ суверенной волѣ интересы гражданъ позади своихъ эгоистическихъ побужденій, и не уподобятся ли они волкамъ, вмѣсто собакъ, не сдѣлаются ли, вмѣсто доброжелательныхъ союзниковъ гражданъ, худшими ихъ врагами [24])?

Отклоненіе этой опасности является главнымъ условіемъ прочности всего лучшаго государства, и Платонъ всѣми мѣрами готовъ идти ему навстрѣчу. Онъ смѣло до послѣднихъ и крайнихъ слѣдствій развиваетъ свои идеи, на которыхъ зиждется построеніе его государства. Онъ ясно видитъ, что одно внѣшнее отдѣленіе государственныхъ органовъ отъ пріобрѣтающихъ классовъ само по себѣ еще не даетъ полнаго внутренняго освобожденія отъ ига матеріальныхъ интересовъ. Власть ихъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока жизненный строй этихъ органовъ будетъ походить на строй существующаго общества, т.-е. до тѣхъ поръ, пока и здѣсь будетъ существовать институтъ частной собственности, право наслѣдованія, свобода пріобрѣтенія и связанное съ ними имущественное различіе, и пока всѣ эти факторы будутъ оказывать свое вліяніе на отдѣльнаго индивидуума. При наличности этихъ условій, по мнѣнію Платона, нельзя и думать о совершенномъ освобожденіи правителей отъ интересовъ экономической имущественной жизни и о подчиненіи индивидуума и его эгоистическихъ побужденій цѣлямъ государства. Пока чиновники владѣютъ деньгами, домами и пашнями, говоритъ Платонъ, будетъ существовать и опасность, что они начнутъ чувствовать себя домоправителями и сельскими хозяевами больше, чѣмъ правителями государства [25]).

Отъ органовъ своего государства Платонъ требуетъ поэтому не болѣе, не менѣе, какъ отреченія отъ частной собственности. Жалованье отъ занимающагося пріобрѣтеніемъ общества получаетъ не отдѣльное лицо, но все сословіе солдатъ и чиновниковъ, какъ таковое. Ежегодный доходъ, приносимый для

этой цѣли податями пріобрѣтающихъ классовъ, не долженъ превышать сумму, дѣйствительно необходимую для содержанія чиновниковъ. Послѣдніе «ни въ чемъ не терпятъ недостатка, но и не имѣютъ ничего лишняго» [26]). Жалованье выдается натурою, такъ какъ охранители государства не должны имѣть дѣла съ деньгами — золотомъ и серебромъ, вызывающими беззаконіе въ рукахъ массъ [27]). Чиновникамъ запрещается имѣть деньги подъ своимъ кровомъ и употреблять украшенія или утварь изъ благородныхъ металловъ [28]). Деньги имъ и не нужны; они не ведутъ частнаго домашняго хозяйства, а удовлетвореніе потребностей находятъ въ общественныхъ столовыхъ и магазинахъ. За исключеніемъ самаго необходимаго, они обходятся безъ частной собственности [29]). У нихъ нѣтъ даже своего собственнаго жилища, въ которое закрытъ доступъ для другихъ.

Но устраненіе частной собственности еще не уничтожаетъ всѣхъ источниковъ эгоизма. При существованіи индивидуальныхъ правовыхъ отношеній и отдѣльныхъ личныхъ отношеній между двумя людьми, создаваемыхъ институтомъ брака, эгоизму все еще остается широкое поле дѣйствія. Противоположность семейныхъ интересовъ внутри класса охранителей создаетъ возможность разложенія и раздоровъ среди нихъ; рядомъ съ этимъ возникаетъ опасность нарушенія необходимыхъ въ общихъ дѣйствіяхъ носителей государственной воли, для единства самой воли государства, единства и согласованности дѣйствія.

Этимъ въ глазахъ Платона произносится приговоръ семьѣ, — поскольку это касается класса, служащаго государству. Частная собственность и индивидуальное хозяйство замѣняются коллективнымъ владѣніемъ и общимъ хозяйствомъ; семья — общностью женъ и дѣтей. Женщины, лишенныя съ устраненіемъ заботъ о семьѣ и о домѣ ихъ особаго соціально-экономическаго призванія, уравниваются въ воспитаніи и во всемъ образѣ жизни съ мужчинами [30]). Въ принципѣ онѣ должны «принадлежать всѣмъ мужчинамъ, и ни одна не должна жить отдѣльно съ кѣмъ-нибудь однимъ» [31]). Такое положеніе, впрочемъ, вовсе не исключаетъ строгаго урегулированія отношенія половъ со стороны государства [32]) и не имѣетъ *ничего общаго съ свободной любовью* [33]). Дѣти тоже должны быть общими, и ни отецъ не долженъ знать сына, ни сынъ отца [34]).

Платонъ надѣется, что представители организованной въ такомъ духѣ корпораціи перенесутъ на общество тѣ чувства симпатіи и доброжелательности, которыя при господствѣ брака и собственности оказываются до извѣстной степени *индивидуально связанными*. Вмѣстѣ съ отдѣльнымъ владѣніемъ исчезаютъ и отдѣльныя радости и горести [35]). Гдѣ каждый въ другомъ человѣкѣ будетъ предполагать брата или сестру, отца или мать, сына или дочь [36]), гдѣ каждый будетъ называть своимъ одно и то же [37]), тамъ явится и полная общность чувствъ радости и печали, воцарится ненарушимая гармонія интересовъ, и всѣ объединятся въ одну большую семью [38]). Подобно членамъ здороваго физическаго организма, всѣ будутъ тогда жить сообща и сообща дѣйствовать на благо цѣлаго, какъ «истые охранители» государства [39]).

Практическихъ результатовъ отъ проектируемыхъ институтовъ Платонъ ожидаетъ тѣмъ скорѣе, что на ряду съ уничтоженіемъ собственности и семьи онъ хочетъ ввести чисто-государственную систему воспитанія и весь классъ охранителей, съ самаго ранняго дѣтства, подчинить систематическому дисциплинированію и обученію; такое воспитаніе должно поднять ихъ до высшаго уровня нравственности и интеллигентности.

Предназначенныхъ для служенія государству чиновниковъ воспитываетъ исключительно *государство*. Оно завладѣваетъ ими съ самаго рожденія: ново-

рожденныхъ берутъ въ общественныя воспитательныя заведенія и заботятся о томъ, чтобы дѣти и родители совершенно не знали другъ друга [40]).

Самое воспитаніе направлено къ гармонической формировкѣ тѣла и души, къ возможно равномѣрному развитію всѣхъ тѣлесныхъ, душевныхъ и умственныхъ силъ человѣка [41]). Для того, чтобы со временемъ быть въ состояніи гармонично дѣйствовать вмѣстѣ съ другими на пользу общую, отдѣльныя лица должны прежде всего пребывать въ согласіи съ самими собою [42]). Подробно разбираетъ Платонъ въ связи съ этимъ все, что въ этомъ смыслѣ могутъ и должны дать гимнастика, музыка, поэзія и пластическія искусства. Все развитіе изящной литературы и искусства ставится подъ цензуру государства, чтобы дать имъ возможность дѣйствительно выполнять свою воспитательную роль.

Рядомъ съ этимъ все то, что можетъ содѣйствовать появленію изнѣженности, безнравственности, лживости или невѣрію [43]), безпощадно искореняется.

Въ лучшемъ государствѣ поэтъ долженъ насаждать нравственность и добро или не творить вовсе [44]). Государственному надзору подчиняются искусство и ремесло, государство заботится о томъ, чтобы въ статуяхъ, зданіяхъ и другихъ произведеніяхъ искусства не было ничего безнравственнаго, пошлаго, уродливаго и несоразмѣрнаго. Не исполняющему этихъ требованій въ лучшемъ государствѣ запрещается заниматься своимъ искусствомъ, иначе охранители государства, вырастая среди изображеній дурного и день за днемъ впитывая его въ себя, какъ плохую пищу, будутъ незамѣтно отравлять свою душу. Искусству и промышленности вмѣняется въ обязанность изображать только прекрасное и благопристойное. Тогда «юноши, какъ бы живя въ здоровомъ мѣстѣ, будутъ извлекать пользу изъ всего; ихъ глазамъ и ушамъ, со всѣхъ сторонъ, будетъ представляться что-нибудь прекрасное, и, подобно теченію воздуха, идущему изъ здоровыхъ мѣстностей и приносящему здоровье, это прекрасное будетъ незамѣтно, съ самаго дѣтства, укрѣплять ихъ въ любви и согласіи съ красотой» [45]).

Главное значеніе Платонъ придаетъ воспитанію въ духѣ повышенной религіозности. По его мнѣнію, безъ сильныхъ религіозныхъ побужденій невозможна требуемая имъ преданность индивидуума общественному служенію. Исходя изъ того взгляда, что нравственные постулаты находятъ наиболѣе полное осуществленіе только тогда, когда они являются одновременно и требованіями религіозной убѣжденности, Платонъ вводитъ въ свою систему воспитанія извѣстныя авторитарныя религіозныя представленія. Послѣднія въ формѣ миѳовъ слѣдуетъ внушать подрастающему поколѣнію, которое тогда преисполнится истинно-соціальнымъ духомъ; религія не допуститъ развитія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ молодежи эгоистическихъ, анти-соціальныхъ мотивовъ. «Будущіе охранители государства должны считать позоромъ враждовать другъ съ другомъ изъ-за ничтожныхъ поводовъ» — говоритъ Платонъ; ясно поэтому, что они ничего не должны слышать о ложныхъ битвахъ боговъ и героевъ; напротивъ, вездѣ, гдѣ только можно, при помощи подходящихъ сказаній, въ нихъ нужно будить убѣжденіе, что на самой землѣ, по крайней мѣрѣ, среди гражданъ одного и того же государства, всякая вражда является грѣхомъ, болѣе того, что въ дѣйствительности такого грѣха въ государствѣ (т.-е. въ лучшемъ государствѣ) никогда не существовало [46]). Особаго рода миѳъ о сотвореніи міра долженъ создать во всѣхъ классахъ гражданъ—какъ въ правителяхъ, такъ и въ управляемыхъ—увѣренность, что всѣ представители государства, какъ дѣти одной матери-земли, какъ отпрыски страны, ввѣренной ихъ общему попеченію,—братья между собою [47]).

Платонъ ясно понимаетъ, что подобныя представленія, съ чисто-индивидуали-

стической точки зрѣнія, рѣшительно непонятны. Но онъ все-таки надѣется, что сила вѣры побѣдитъ власть эгоизма. Религія имѣетъ для него то же соціально-созидательное значеніе, какъ и для Карлейля; она является центромъ, вокругъ котораго движется существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка, и притомъ центромъ, лежащимъ внѣ; создавая вѣру въ неиндивидуальныя,—т.-е. въ лежащія в н ѣ индивидуума цѣнности, религія развиваетъ способность приносить жертвы для общаго и учитъ человѣка находить въ этомъ общемъ свое мѣсто.

Не отъ преходящихъ религіозныхъ формъ ожидаетъ Платонъ дѣйствительной помощи процессу соціализаціи. Эти формы не помѣшали г о с п о д с т в у эгоизма въ поступкахъ человѣка. Охранителей своего государства Платонъ намѣренъ воспитать не только въ «страхѣ божіемъ», онъ хочетъ довести ихъ до «возможнаго богоподобія» [48]). Это предполагаетъ прежде всего одухотвореніе религіи, болѣе близкое сочетаніе ея съ внутренней духовной жизнью человѣка; въ такой религіи чувственному міру отводится совсѣмъ другое мѣсто, чѣмъ въ обычной религіи народа. Міровоззрѣніе, считающее абсолютнымъ и высшимъ масштабомъ чувственный міръ и принадлежащаго къ нему индивидуума, должно уступить мѣсто идеализму, разсматривающему чувственный міръ, какъ несовершенное проявленіе высшаго невидимаго бытія. Внѣшній міръ поэтому взгляду имѣетъ лишь ограниченное, подчиненное значеніе, и конечныя цѣли человѣческаго стремленія этотъ идеализмъ переноситъ далеко за предѣлы индивидуума и его скоропреходящей земной жизни.

Въ VII книгѣ, въ несравненной картинѣ ада и въ грандіозныхъ умозрѣніяхъ въ концѣ сочиненія творческая сила геніальной поэтической фантазіи автора открываетъ «смертному, обреченному смерти роду» [49]) «божественныя перспективы» (θεῖαι θεωρίαι) [50]). Рядомъ съ этими «божественными перспективами» стимулами, способными принудить вѣрующихъ держаться стези добродѣтели и справедливости,—стези, которая «для нихъ въ жизни и послѣ смерти [51]) есть лучшая» и ведетъ людей «вверхъ» на небо [52]), являются указаніе на божественное правосудіе, награждающее праведнаго райскимъ блаженствомъ по ту сторону жизни и удесятеряющее муки грѣшнаго [53]), и ученіе объ истинномъ, неземномъ отечествѣ объявленной безсмертною души.

Такое ученіе вѣры вполнѣ покрывается основной мыслью идеалистической философіи. Послѣдняя въ государствѣ Платона представляется расцвѣтомъ всей образованности, и внутреннее ея усвоеніе составляетъ условіе достиженія высшихъ должностей.

«Правильныя представленія», уже развитыя воспитаніемъ юношества, должны поднять на высоту философскаго знанія способнѣйшіе элементы класса охранителей; этой цѣли служитъ продолжающееся до зрѣлаго возраста (35 лѣтъ жизни) систематическое научное и философское обученіе [54]).

Конечная и высшая цѣль философскаго знанія—истинно сущее и вѣчное, идея добра. Это знаніе не ограничивается разсмотрѣніемъ единичныхъ явленій; оно направлено на цѣлое, на «все божеское и человѣческое» [55]). Призванные къ господству обладаютъ въ немъ благомъ такой дающей счастье цѣнности (κτῆμα ἡδὺ καὶ μακάριον), что рядомъ съ нимъ всѣ другіе интересы отступаютъ на задній планъ.

Внѣшнее существованіе не можетъ казаться «чѣмъ-то великимъ» тому, кого «истинное стремленіе къ мудрости» привело на такія высоты мысли. Даже смерть теряетъ для него свой ужасъ [56]); какъ пустая видимость лежитъ передъ нимъ жизнь однихъ чувственныхъ наслажденій и всего того, что является импульсомъ для массы въ ея безпокойной погонѣ за золотомъ [57]). „Двигательныя силы души,

со всей мощью сосредоточенныя на одномъ пунктѣ, подобно отведенному потоку, слабо дѣйствуютъ во всѣ остальныя стороны“ [58]). Вотъ почему тѣ, кто въ познаніи видитъ самое высшее благо, призваны руководить другими. Только они одни имѣютъ единую и прочную цѣль въ жизни,—цѣль, дающую абсолютно единое направленіе всѣмъ ихъ чувствамъ и поступкамъ [59]).

Чѣмъ меньше обладаніе властью можетъ быть для нихъ предметомъ односторонникъ эгоистическихъ аппетитовъ, тѣмъ больше они годятся для господства. Они познали неизъяснимую прелесть «лучшей» жизни и уже на землѣ считаютъ себя перенесенными на острова блаженныхъ [60]). Что же можетъ заставить ихъ съ этихъ чистыхъ высотъ изслѣдованія и познанія [61]) спуститься въ темноту «худшей» жизни [62])? Въ лучшемъ государствѣ они дѣлаютъ это по необходимости, изъ послушанія передъ закономъ и во имя долга благодарности къ государству,—ихъ воспитателю, «взлелѣявшему ихъ на пользу самимъ себѣ и государству, какъ улей лелѣетъ матокъ и королевъ» [63]).

Ввѣряя осуществленіе высшей административной власти людямъ, для которыхъ она является не только обязанностью, но и долгомъ, государство въ лицѣ этихъ носителей власти обезпечиваетъ реализацію своихъ цѣлей [64]). Идея государства находитъ себѣ выраженіе, возвышающее ее надъ всѣми другими интересами.

Въ силу этого въ государствѣ Платона нѣтъ уже болѣе борьбы за политическую власть,—борьбы, отравляющей жизнь обыкновеннаго государства, гдѣ слѣпое заблужденіе «борется за тѣнь и враждуетъ за господство, какъ-будто оно есть величайше благо» [65]). Здѣсь мирно царствуютъ представители истиннаго богатства—не золота, но богатства, необходимаго для счастья, для нравственности и разума [66]); въ обычномъ же государствѣ «нищіе и алчущіе собственной выгоды бросаются на государство, думая, что изъ него слѣдуетъ добывать себѣ блага»; зажигая, такимъ образомъ, внутреннюю вражду, они губятъ себя и своихъ согражданъ [67]).

Въ государствѣ разума вмѣсто «спящихъ» господствуютъ «бодрствующіе» [68]); вмѣсто «непригодныхъ къ общежитію» антисоціаловъ (δυσκοινώνητοι) [69])—настроенные истинно-соціалистически (οἱ φιλοπόλιδες); вмѣсто нравственно и умственно незрѣлыхъ—«достигшіе совершенства посредствомъ образованія и возраста (τελεωθεὶς παιδείᾳ τε καὶ ἡλικίᾳ) [70]). Мѣсто слѣпыхъ, въ умѣ которыхъ нѣтъ вообще яснаго прообраза вещей (ἐναργὲς παράδειγμα) здѣсь заняли знающіе, которые умѣютъ формировать государства согласно его божественному прообразу (θεῖον παράδειγμα) [71]). Ко всему данному только они могутъ прилагать масштабъ идеи и дѣйствительность организовать сообразно съ идеями. Они узрѣли самое высшее—нравственную идею τὴν ἀγαθοῦ ἰδέαν, μέγιστον μάθημα) [72]), долженствующую быть постояннымъ центромъ всякаго соціальнаго и политическаго мышленія и дѣйствія.

Все это имѣетъ въ виду Платонъ, когда онъ «осмѣливается» высказать, что самые вѣрные охранители въ лучшемъ государствѣ должны быть сдѣланы «друзьями мудрости» [73]) (φιλόσοφοι). Онъ думаетъ, что государства дѣйствительности только тогда избавятся отъ своихъ недостатковъ, когда господствовать въ нихъ будутъ «философы» [74]). Правда, всегда лишь очень немногіе будутъ въ состояніи подняться на ту высоту умственнаго развитія и идеальнаго образа мыслей, которая требуется отъ верховныхъ руководителей государства [75]). Но число людей, стоящихъ у кормила правленія, для Платона не играетъ роли. Форма правленія можетъ быть монархической [76]) или аристократической (въ лучшемъ смыслѣ этого слова); вся суть въ томъ, чтобы, путемъ тщательнаго подбора, поставить во главѣ государства, дѣйствительно, лучшихъ людей.

Ради этой цѣли подрастающее поколѣніе класса охранителей проходитъ черезъ цѣлый рядъ испытаній, которыя, рядомъ съ духовной одаренностью и научными успѣхами, принимаютъ во вниманіе въ особенности развитіе характера въ индивидуумѣ. Тотъ, кто не хочетъ застрять на низшихъ ступеняхъ административной и военной службы, долженъ, путемъ строгихъ научныхъ занятій, достигнуть вершины образованія и подняться до гармоническаго общаго взгляда на вещи, дающаго ему возможность ясно представлять себѣ общую связь всякаго единичнаго познанія. Съ другой стороны, будущій охранитель долженъ дать вѣскія доказательства твердости своего характера и способности приносить жертвы,—доказательства, являющіяся для государства гарантіей въ томъ, что въ теченіе всей жизни этого человѣка благо цѣлаго будетъ руководящей нормой его поступковъ [77]); «подвергнувшись болѣе тщательному испытанію, чѣмъ золото въ огнѣ», онъ долженъ показать, что ничто въ мірѣ не поколеблетъ его преданности государству—ни сила, ни обманъ, ни жадность [78]).

Достигнувъ тридцати-пяти лѣтъ, прошедшіе черезъ весь этотъ рядъ испытаній вступаютъ въ высшія административныя и военныя должности. Теперь имъ предстоитъ еще пріобрѣсть всеобъемлющій практическій навыкъ и опытъ, необходимые, по взгляду Платона, для государственнаго дѣятеля [79]). Тѣ, которые и тутъ окажутся во всѣхъ отношеніяхъ на высотѣ практическихъ требованій, должны, на порогѣ старости—на пятидесятомъ году жизни—«быть приближены къ послѣдней цѣли»: имъ даютъ возможность устремить свой духовный взоръ ввысь, къ источнику всякаго свѣта; они получаютъ въ свое распоряженіе досугъ, необходимый для того, чтобы погрузиться въ міръ понятій, чтобы въ совершенствѣ постигнуть то, что во всякой смѣнѣ единичнаго остается непреходящимъ, общимъ, что составляетъ независящую отъ случайныхъ явленій истинную сущность вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти люди получаютъ власть организовать всю государственную и индивидуальную жизнь по тому высшему масштабу, который они обрѣли въ познаніи понятій и въ созерцаніи «добра самого въ себѣ» [80]).

Большую часть своего времени они посвящаютъ теперь умозрѣнію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ возлагается обязанность поочередно и временно принимать на себя верховное управленіе государствомъ. Когда настанетъ ихъ очередь, они должны «возлагать на себя бремя государственныхъ дѣлъ» [81]). Власть такихъ мудрецовъ абсолютна. Они—настоящіе, совершенные охранители (φύλακες παντελεῖς τέλειοι) государства; всѣ остальные представители ихъ сословія являются только лишь исполнительными органами, «помощниками въ проведеніи воли повелителей» (ἐπίκουροι καὶ βοηθοὶ τοῖς τῶν ἀρχόντων δόγμασιν) [82]),—поскольку эти послѣдніе и сами являются орудіями государственной идеи. Такимъ образомъ, во всѣхъ органахъ государства проявляется высокая нравственная идея. Ради этой идеи они существуютъ и функціонируютъ; она есть вездѣсущій и всеобусловливающій принципъ всѣхъ дѣйствій общественной власти.

Но какой бы неистощимой полноты ни достигали нравственныя и умственныя силы, развиваемыя описаннымъ выше ходомъ воспитанія и образованія,—передъ дальновиднымъ взоромъ мыслителя открывалась еще о д н а забота: можетъ ли эта, добытая съ такимъ трудомъ, сумма силъ сохраниться неослабленной, или грядущія поколѣнія снова утратятъ ее?

Правда, идеальный классъ чиновниковъ и воиновъ, какъ цѣлое, состоитъ исключительно только изъ однихъ лучшихъ людей. Однакоже, значительныя различія въ дарованіяхъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ неизбѣжно будутъ существовать и при этихъ условіяхъ. Что, если способныхъ къ исполненію высшихъ госу-

дарственныхъ задачъ талантовъ окажется недостаточно, и, напротивъ, несоразмѣрно большая часть прироста населенія упадетъ на долю менѣе одаренныхъ элементовъ? Такой результатъ даже неизбѣженъ среди того класса людей, которыхъ коммунизмъ совершенно избавилъ отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, и у которыхъ поэтому сразу же отпадаетъ тенденція борьбы за существованіе, уменьшающая количество менѣе цѣнныхъ индивидуумовъ.

Платонъ находился передъ альтернативой: или онъ долженъ былъ предоставить размноженіе, зависящее отъ внѣшнихъ случайностей, его свободному теченію, что неминуемо грозило ухудшить «назначенный для государства» классъ охранителей и, такимъ образомъ, заставило бы его отказаться отъ прочности своего государственнаго построенія; или же нужно было отнять у размноженія его случайный и чисто-индивидуальный характеръ. Какъ ни претятъ нашему чувству результаты, неизбѣжные при послѣднемъ рѣшеніи вопроса, т.-е. при государственномъ регулированіи размноженія путемъ сознательнаго и искусственнаго подбора, — для Платона не могло быть и рѣчи объ отказѣ отъ этого требованія, разъ оно съ логичной послѣдовательностью вытекало изъ всей его системы.

Хорошо и прекрасно, по мнѣнію Платона, то, что содѣйствуетъ цѣлямъ государства; безнравственно и ужасно то, что служитъ государству во вредъ [83]). Вѣдь цѣль государства—общее счастье, а если счастье, то, значитъ, и общая нравственность. Можетъ ли то, что содѣйствуетъ этой цѣли, идти въ разрѣзъ съ нравственностью? Правда, исполненіе этого требуетъ большой, съ современной точки зрѣнія, даже слишкомъ большой жертвы въ области личной свободы и самоопредѣленія. Но для чиновниковъ и солдатъ государства разума, являющихся органомъ, безусловно преданнымъ проведенію государственныхъ цѣлей, можетъ ли вообще существовать слишкомъ большая жертва въ сравненіи съ этими цѣлями?

Впрочемъ, чувству античнаго человѣка принужденіе именно въ этой области претило меньше, чѣмъ нашему современному чувству. Грекъ привыкъ разсматривать бракъ съ чисто-политической точки зрѣнія, какъ институтъ, призванный давать государству гражданъ [84]). Стремленіе лучшаго государства, для того, чтобы быть лучшимъ, самому создавать свои органы, его тенденція, путемъ систематическаго урегулированія вопроса о размноженіи, надолго обезпечить себѣ постоянное воспроизведеніе подходящихъ для своего служенія индивидуумовъ—есть только крайній выводъ въ духѣ отмѣченнаго взгляда.

Для произведенія «предназначеннаго государству потомства» государство разума устанавливаетъ своимъ служителямъ, т.-е. чиновникамъ и солдатамъ, обязательный предѣлъ возраста. Оно видитъ въ этомъ вѣрную гарантію даровитаго потомства [85]). Государство требуетъ отказа отъ брака, т.-е. отъ свободнаго и длительнаго союза, и подчиняетъ бракъ искусственнымъ установленіямъ, при посредствѣ которыхъ общественная власть соединяетъ отдѣльныя лица въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. При этомъ безпощадно, согласно принципамъ индивидуальнаго производительнаго подбора [86]), наиболѣе способнымъ индивидуумамъ отдается предпочтеніе передъ менѣе способными [87]). Принципъ требуетъ, чтобы «лучшіе какъ можно чаще соединялись съ лучшими, и, наоборотъ, худшіе только съ худшими». Наиболѣе даровитые должны производить возможно многочисленное потомство, а потому всѣмъ тѣмъ, кто отличился въ военной и гражданской дѣятельности, разрѣшается, въ видѣ награды, «болѣе частое сожительство съ женщиной». Принципы подбора проведены крайне строго; дѣти менѣе способныхъ индивидуумовъ съ самаго начала считаются стоящими внѣ класса ихъ родителей. Эти дѣти такъ же, какъ и вообще слабыя дѣти болѣе даровитыхъ представителей ихъ сословія, «должны быть

отдѣлены» [88]). Всѣ плоды союзовъ, не указанныхъ властью, подвергаются уничтоженію; если же уничтожить невозможно, то на нихъ смотрятъ такъ, «какъ-будто для ихъ воспитанія въ государствѣ не хватило мѣста» [89]). Позже Платонъ прибавилъ, въ видѣ поясненія, что всѣ дѣти, не предназначенныя для нужнаго для служенія государству воспитанія, тайно распредѣляются среди прочихъ гражданъ [90]).

Для послѣдовательнаго подбора на протяженіи цѣлыхъ поколѣній выбираются, такимъ образомъ, все одни и тѣ же индивидуумы, свойства характера которыхъ, въ силу систематическаго воспитанія и дисциплинированія, оказываются развитыми выдающимся образомъ. Потомство же людей, менѣе пригодныхъ для служенія высшимъ государственнымъ цѣлямъ, исключается изъ сословія солдатъ и чиновниковъ. Этимъ путемъ необходимыя для выполненія цѣлей государства качества избранниковъ не только удерживаются, но накопляются и повышаются настолько, что Платонъ надѣется въ ихъ лицѣ поддержать «стадо возможно большаго совершенства».

Охарактеризованная система полезна классу охранителей еще и въ другомъ отношеніи. Ограждая произведеніе потомства отъ личнаго произвола, она старается уравнять численность прироста съ данными условіями и противодѣйствуетъ опасности слишкомъ большого предложенія силъ, для которыхъ въ государствѣ не находится примѣненія [91]). Эта опасность была особенно велика тамъ, гдѣ коммунизмъ не только вполнѣ обезпечивалъ существованіе каждаго лица, но и избавлялъ его отъ заботъ объ его потомствѣ. Такое солидарное, связанное между собою общество вообще не могло бы существовать, если бы оно не ставило предѣловъ размноженію своихъ сочленовъ и признавало бы за основное и прирожденное право гражданина свободу обременять общество произвольнымъ количествомъ отпрысковъ.

Проекты Платона—какъ они ни возмущаютъ наше чувство—являются строгимъ и послѣдовательнымъ результатомъ предположенныхъ имъ состояній общества въ идеальномъ государствѣ. Для тѣхъ, кто вообще принимаетъ его предложенія, они *логически* неопровержимы. Но дѣйствительно ли съ осуществленіемъ ихъ наступило бы и все то, чего ждетъ отъ нихъ Платонъ, это, конечно, другой вопросъ.

2. Граждане.

Странную противоположность подробному описанію класса солдатъ и чиновниковъ составляетъ краткость, съ которой Платонъ говоритъ о строѣ жизни пріобрѣтающаго общества.

Въ этой кроткости, еще со времени Аристотеля, усматривали пробѣлъ всей политической *системы* Платона вообще [1]), и на этомъ строили довольно ясно высказанное уже Аристотелемъ предположеніе, будто Платонъ убоялся трудностей, связанныхъ съ систематической разработкой даннаго вопроса [2]).

Несомнѣнно, что въ «Государствѣ» Платонъ подробныхъ указаній относительно строя экономической жизни идеальнаго государства не даетъ, между тѣмъ какъ въ проектѣ организаціи «Государства Законовъ»,—этого второго по совершенству государства, болѣе близкаго къ дѣйствительности, онъ разработалъ обширный планъ государственнаго урегулированія всего народнаго хозяйства. Нельзя

также, какъ мы увидимъ ниже, отрицать и того, что самъ Платонъ, въ вопросѣ о степени и способѣ осуществленія на практикѣ представлявшагося ему идеала экономическаго строя въ лучшемъ государствѣ, не могъ придти къ окончательному заключенію.

И, все-таки, строить предположеніе о «пробѣлѣ» въ его системѣ еще нельзя. Предвидя именно такой упрекъ, Платонъ, какъ только могъ, ясно и опредѣленно высказалъ причины, побудившія его въ проектѣ идеальнаго государства разума отказаться отъ детальной разработки указанной стороны вопроса.

Онъ живо чувствуетъ, что по отношенію къ безконечному разнообразію, запутанности и перемѣнчивости общественныхъ состояній, по отношенію къ не менѣе многообразному и измѣнчивому духу человѣческому всѣ позитивныя положенія могутъ имѣть лишь относительную цѣнность. Онъ убѣжденъ, что жизнь опасно сковывать неподвижными правилами, претендующими на вѣчное и повсемѣстное значеніе. Ни одинъ законодатель не можетъ заранѣе точно опредѣлить, что «является лучшимъ и наиболѣе справедливымъ для всѣхъ» [3]) и, «давая предписанія всѣмъ въ совокупности, надѣлить каждаго тѣмъ, что для него окажется подходящимъ» [4]). Какъ простое никогда въ своей сущности не покрывается сложнымъ [5]), такъ и писаный законъ—особенно въ области столь запутанныхъ экономическихъ правоотношеній—можетъ считаться только съ «грубыми средними выводами» [6]) и никогда не можетъ въ дѣйствительно достаточной степени входить въ индивидуальные интересы. Позитивное право можетъ лишь въ узкихъ предѣлахъ осуществлять матеріальную справедливость, являющуюся въ ея наиболѣе идеальномъ осуществленіи цѣлью государства разума. Нѣтъ такого формальнаго права, которое не покупалось бы цѣною частичной матеріальной несправедливости.

Съ этой точки зрѣнія, подчиненіе правителей писаному закону является лишь неизбѣжной необходимостью; оно охраняетъ интересы управляемыхъ отъ неразумія и эгоизма правителей [7]). Но нужно ли ихъ охранять, разъ правящими оказываются люди, отъ которыхъ такая защита излишня? Вѣдь они—«истинно-государственные люди», вполнѣ и совершенно владѣющіе «царственнымъ знаніемъ» (ἐπιστήμη βασιλική)? Нужно ли налагать на нихъ оковы (ἐμποδίσματα) писанныхъ положеній, способныя только мѣшать имъ на ихъ пути и разрушать практическое осуществленіе ихъ болѣе высокой проницательности,—той проницательности, которая при свободѣ ея проявленія должна принести лучшіе результаты, чѣмъ всякій законъ [8])?

Простымъ и неопровержимымъ слѣдствіемъ этого взгляда, развитаго уже въ діалогѣ о «Политикѣ» (т.-е. объ истинно-царской власти), является отказъ Платона дать правителямъ своего идеальнаго государства «многочисленныя и пространныя» предписанія относительно того, какъ они должны править [9]). Онъ убѣжденъ, что предложенныя имъ воспитаніе и организація класса чиновниковъ гарантируютъ его государству правленіе, воплощающее въ себѣ наиболѣе высокую степень практическаго опыта и теоретическихъ знаній,—гораздо болѣе высокую, во всякомъ случаѣ, чѣмъ знанія только чистаго теоретика. При своемъ взглядѣ на отношеніе истинно-государственнаго искусства къ писаному закону, Платонъ впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, «осмѣлившись» на всѣ времена связать руки тому совершенному правленію, которое, «въ большинствѣ случаевъ», можетъ само создать необходимыя законныя предписанія [10]). Основу осуществляемой въ государствѣ разума идеальной справедливости должны составлять не мертвыя положенія, неподвижныя и неизмѣнныя сравнительно съ неутомимымъ движеніемъ жизни, но живая мудрость руководящихъ государствомъ людей, почерпнутая изъ вѣчно свѣжаго и неистощимаго кладезя практическаго опыта и научнаго знанія.

Такая точка зрѣнія принципіально не допускаетъ, чтобы проектъ идеальнаго государства, «какъ того, можетъ-быть, можно было ожидать» [11]), занимался созданіемъ подробныхъ предписаній въ области вопросовъ экономической политики и тому подобнаго.

Признавать вмѣстѣ съ Целлеромъ, что въ своемъ идеальномъ государствѣ Платонъ предоставляетъ пріобрѣтающія сословія «всецѣло самимъ себѣ», значитъ совершенно искажать мысль Платона [12]).

Подобный взглядъ возможенъ лишь при полномъ непониманіи положенія хозяйственныхъ классовъ въ этомъ государствѣ и опирается на невѣрное предположеніе, будто подъ гражданами государства здѣсь понимаются только представители класса охранителей, а потому якобы интересъ государства къ матеріальному и нравственному благополучію своихъ гражданъ ограничивается исключительно только этимъ классомъ. «Масса народная», съ этой точки зрѣнія, является только неизбѣжной матеріальной основой при осуществленіи совпадающихъ съ цѣлями самого государства жизненныхъ цѣлей высшаго класса общества. Эта масса народа, согласно такому воззрѣнію, только misera plebs contribuens; она не имѣетъ никакихъ правъ на то, чтобы ея собственныя жизненныя цѣли признавались наравнѣ съ интересами избранниковъ и составляли предметъ нравственныхъ попеченій со стороны государства. «Ея положеніе для государства безразлично» [13]).

Вся политическая система Платона была бы абсурдомъ, если бы онъ дѣйствительно раздѣлялъ это мнѣніе. Неужели система, которая опредѣленно заявляетъ, что ни одинъ классъ гражданъ не долженъ пользоваться счастьемъ за счетъ другого класса, можетъ всякаго, кто не чиновникъ и не солдатъ, считать за несущественнаго члена общества, за простое средство къ цѣли, и всѣхъ трудящихся гражданъ—отъ простого работника до художника — выставлять, какъ массу съ такимъ низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ, что объ ея благоденствіи не стоитъ и говорить, и отъ вопроса объ ея судьбѣ просто слѣдуетъ перейти къ порядку дня!

Да и какую бы культурно-политическую цѣнность могло имѣть государство, дѣятельная сила котораго служила бы односторонне на пользу маленькой части его населенія, тогда какъ для чудовищнаго большинства [14]),—можетъ-быть, для $^{19}/_{20}$) его гражданъ—эта дѣятельная сила не приводила бы къ прогрессу сравнительно съ существующимъ положеніемъ ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи! Зачѣмъ, наконецъ, было Платону, безъ всякой внутренней или внѣшней необходимости, сдѣлать крайне опасный для прочности своего идеальнаго государства опытъ; зачѣмъ было ему маленькую, организованную въ чисто-соціалистическомъ и централистическомъ духѣ, корпорацію своихъ охранителей ставить въ центрѣ общества, вся жизнь котораго была бы проникнута діаметрально противоположнымъ принципомъ «laisser faire» (πάντα ἐατέον)? Предполагая даже, что онъ былъ способенъ на такую политическую несообразность, можно ли сочетать съ развитой выше основной соціально-экономической теоріей Платона мнѣніе, будто онъ просто перенесъ въ свое государство разума экономическій и общественный строй дѣйствительности, основанный на началахъ индивидуализма, и осуществленіе владѣвшихъ всѣми его мыслями и чувствами соціалистическихъ идей нарочно ограничилъ непомѣрно маленькой частью народа?

Въ послѣдующемъ своемъ трудѣ [15]) Платонъ, какъ извѣстно, стремился показать, что государство можетъ достигнуть сравнительно удовлетворительныхъ условій существованія даже и при отказѣ отъ идеальнаго способа правленія государства разума. Въ этомъ сочиненіи Платонъ долженъ былъ взять на себя рѣшеніе

той задачи, которую въ «Политіи» онъ смѣло предоставлялъ «царственному искусству» будущихъ руководителей лучшаго государства. Теперь, при меньшей дальновидности менѣе совершеннаго правленія, Платону пришлось самому придти на помощь правителямъ и установить извѣстныя позитивныя нормы, болѣе подробно регулировавшія управленіе государствомъ. Эти нормы, необходимыя, какъ ему кажется, для процвѣтанія народа и государства, имѣютъ цѣлью болѣе или менѣе соціалистическій характеръ всего народнаго хозяйства, а потому и распространяются на жизнь всѣхъ классовъ народа. Платонъ съ усердіемъ погружается теперь «въ низшій міръ рынка»,—въ тотъ самый міръ, отъ котораго въ прежнемъ своемъ сочиненіи онъ отвернулся «съ гордымъ пренебреженіемъ» [16]).

Непонятно, но въ то же время и назидательно, какъ сильно предвзятое мнѣніе можетъ извратить взглядъ на самыя очевидныя вещи. Повидимому, никому еще не бросилось въ глаза то неразрѣшимое противорѣчіе, которое получается при принятіи господствующаго мнѣнія изъ слѣдующаго факта. «Законы» рисуютъ намъ государство, хотя и не стоящее, въ смыслѣ правленія, на высотѣ самыхъ строгихъ требованій, но дарующее своимъ гражданамъ все же довольно высокое благо; оно обѣщаетъ имъ не болѣе, не менѣе, какъ избавленіе отъ худшихъ формъ заболѣванія существующаго общества—отъ маммонизма, пауперизма и неизбѣжныхъ ихъ послѣдствій [17]); оно съ величайшею энергіей стремится облагородить всю торговую и трудовую жизнь своего народа [18]). Рядомъ же съ этимъ въ «Политіи» мы имѣемъ такое государство, которое выдвигаетъ претензію поистинѣ соотвѣтствовать разуму и природѣ и желаетъ имѣть наилучшее правленіе, а, между тѣмъ, для громаднаго большинства гражданъ это прекрасное правленіе абсолютно безплодно и въ самомъ главномъ и основномъ вопросѣ эпохи совершенно бросаетъ ихъ на произволъ судьбы. Абсолютная независимость правящей власти въ соціальной и экономической области отъ какихъ бы то ни было частныхъ интересовъ и предразсудковъ создаетъ идеальному государству лучшую гарантію успѣшнаго разрѣшенія именно этого вопроса; но, по совершенно непонятнымъ причинамъ, оно не пользуется для вышеуказанной цѣли этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ преимуществомъ [19]).

Такимъ ли должно быть государство, опредѣленно претендовавшее на то, чтобы содѣйствовать благу всѣхъ гражданъ,—государство, въ которомъ Платонъ видѣлъ высшій политическій идеалъ даже тогда, когда онъ уже принялся за разработку своего второго по совершенству государства?

Этотъ проектъ второго по совершенству государства насквозь проникнутъ соціально-реформаторскимъ духомъ. «Здравомыслящимъ государствомъ» (πόλις νοῦν ἔχουσα) Платонъ опредѣленно признаетъ только такое, которое серьезно и на самыхъ широкихъ основаніяхъ берется за «уврачеваніе» болѣзненныхъ соціальныхъ явленій (τῆς νόσου ταύτης ἀρωγὴν [20]). При этомъ Платонъ высказываетъ надежду, что такое здравомыслящее государство, при проведеніи и этой, и всякихъ другихъ государственныхъ задачъ, будетъ, насколько возможно, близко придерживаться какъ своего прообраза, идеальнаго государства разума [21]).

Но была ли умѣстна такая надежда, могъ ли Платонъ выставлять государство разума идеальнымъ образцомъ всякаго государства будущаго, разъ оно весь свой соціально-политическій интересъ сосредоточивало исключительно только на своихъ чиновникахъ и солдатахъ, обрекая все остальное общество «величайшему бѣдствію» (μέγιστον νόσημα)? Вѣдь при такихъ условіяхъ оно даже переставало отвѣчать требованіямъ, предъявляемымъ Платономъ къ просто-здравомыслящему государству.

«Законы»—государство съ только посредственной конституціей и управле-

ніемъ,—требуютъ отъ своего правительства настолько сильной заботы о всѣхъ свободныхъ и рабахъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ впасть въ крайнюю бѣдность и не принужденъ былъ просить милостыню [22]). Въ лучшемъ же государствѣ громадное большинство гражданъ предоставлено самимъ себѣ!

Единственнымъ положительнымъ свидѣтельствомъ мнимаго «равнодушія» государства разума къ пріобрѣтательнымъ и промышленнымъ классамъ общества является извѣстное замѣчаніе «Политіи» о томъ, что для прочности государства гораздо важнѣе качества правителей и законодателей, чѣмъ свойства управляемаго народа. «Остальные, т.-е. не чиновники и не солдаты, — играютъ меньшую роль. Если сталъ плохъ сапожникъ, но продолжаетъ увѣрять, что онъ хорошій сапожникъ, то это еще не грозитъ опасностью государству. Если же охранители законовъ и государства перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть, и дѣлаются охранителями только по названію, то это вноситъ порчу во всѣ основы государства, потому что только одни охранители могутъ дать государству хорошее управленіе и счастье» [23]).

Очевидно, что это замѣчаніе не можетъ служить доказательствомъ въ пользу господствующаго представленія. Только предвзятый взглядъ можетъ увидѣть тутъ ложный аристократизмъ. Существо дѣла здѣсь не въ аристократическомъ предразсудкѣ, а лишь въ той простой истинѣ, что государство прежде всего заинтересовано въ даровитости своихъ органовъ, способности частныхъ лицъ для него стоять на второмъ планѣ [24]).

Впрочемъ, Платонъ вовсе не равнодушенъ къ послѣднимъ [25]). Правительству идеальнаго государства онъ предписываетъ заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы не только люди, стоящіе у кормила правленія, но и всѣ другіе классы какъ можно лучше выполняли свою повседневную работу [26]). Сообразно этому именно въ проектѣ идеальнаго государства находится извѣстное разсужденіе о томъ, какъ путемъ усовершенствованія принципа раздѣленія труда и борьбы съ маммонизмомъ и пауперизмомъ можно повысить способности пріобрѣтательныхъ классовъ народа. Упустить изъ виду этотъ фактъ можетъ лишь тотъ, кто вмѣстѣ съ Целлеромъ полагаетъ, будто у Платона, какъ у «ненавистника всякой дѣятельности, связанной съ наживой, вообще не можетъ быть и рѣчи о народно-экономической точкѣ зрѣнія».

Въ указанномъ мѣстѣ «Политіи» видятъ, однако, не только доказательство равнодушія Платона къ практическимъ способностямъ трудящихся классовъ, но еще и указаніе на полное отсутствіе въ немъ интереса къ ихъ нравственности [27]). По мнѣнію Целлера, Платонъ долженъ былъ чѣмъ-нибудь отмѣтить свой интересъ къ воспитанію промышленныхъ классовъ; онъ долженъ былъ сказать: «будетъ ли сапожникъ сапожникомъ, или нѣтъ,—до этого мало дѣла государству; но ему важно, чтобы этотъ сапожникъ былъ честнымъ человѣкомъ».

Опровергнуть Целлера очень легко при посредствѣ простого указанія на то, что весь контекстъ цитируемаго имъ мѣста отнюдь не даетъ повода и не допускаетъ такого замѣчанія, но что Платонъ, непосредственно вслѣдъ за этимъ, тамъ, гдѣ онъ перечисляетъ указанныя хозяйственно-политическія мѣропріятія, ведущія къ улучшенію положенія третьяго сословія, какъ нельзя яснѣе проявляетъ и свой интересъ къ нравственности послѣдняго! Гражданъ третьяго сословія онъ хочетъ охранить не только отъ нужды, но и отъ избытка, превращающаго ихъ и въ дурныхъ работниковъ, и въ дурныхъ людей [28]), такъ какъ иначе въ нихъ разовьется изнѣженность, праздность и вульгарный образъ мыслей (ἀνελευθερία) [29]).

Столь же легко разбивается и другое утвержденіе, будто, интересуясь нрав-

ственностью третьяго сословія, Платонъ долженъ былъ указать и способъ воспитать эту нравственность.

Мы видѣли, что правителямъ лучшаго государства Платонъ, вообще, не даетъ никакихъ детальныхъ предписаній относительно третьяго сословія [30]). Съ другой стороны, дѣйствительно, въ проектѣ второго по совершенству государства указывается способъ, которымъ можно поднять нравственность классовъ, занятыкъ пріобрѣтательной дѣятельностью, причемъ моральныя качества ихъ имѣются въ виду не только въ интересахъ общества, но и въ интересахъ ихъ собственнаго блага [31]). Охранителямъ законовъ Платонъ совѣтуетъ постоянно помнить, что подъ ихъ управленіемъ находятся не только такіе люди, которыхъ характеръ складывался при благодѣтельныхъ условіяхъ хорошаго происхожденія и воспитанія, и которыхъ, поэтому, сравнительно легко удержать отъ противозаконныхъ и дурныхъ поступковъ; они управляютъ также людьми, лишенными такихъ преимуществъ и къ тому же еще, въ силу своей профессіи, подверженными сильнымъ нравственнымъ искушеніямъ. Люди послѣдней категоріи требуютъ особенно заботливыхъ попеченій. Охранители государства должны изыскивать всевозможныя средства для того, чтобы характеръ даже самаго мелкаго лавочника не дѣлался «грязнымъ и безсовѣстнымъ», чтобы и въ этомъ лавочникѣ «мы имѣли честнаго члена общества или, по крайней мѣрѣ, возможно меньше заслуживающаго порицанія сожителя въ нашемъ государствѣ» [32]). Платонъ идетъ даже еще дальше; онъ даетъ подробныя наставленія относительно того, какъ облагородить тотъ классъ людей, нравственное убожество которыхъ, по взгляду эллиновъ, могло казаться безнадежнымъ,—т.-е. классъ несвободныхъ. Въ противовѣсъ мнѣнію, будто въ душѣ раба не осталось ничего здороваго (ὡς ὑγιὲς οὐδὲν ψυχῆς δούλης), и будто рабу нельзя довѣрять ни въ чемъ, Платонъ выдвигаетъ тотъ фактъ, что многіе рабы оказываются гораздо способнѣе къ воспріятію добродѣтели, чѣмъ ихъ господа (κρείττους πρὸς ἀρετὴν πᾶσαν). Развитіе въ рабахъ этихъ способностей Платонъ считаетъ обстоятельствомъ громадной важности, какъ въ смыслѣ общественнаго, такъ и частнаго интереса. Онъ требуетъ тщательнаго моральнаго воздѣйствія на психическую жизнь раба. И государство, и частныя лица должны стремиться къ тому, чтобы вызвать въ рабахъ самое доброжелательное отношеніе къ ихъ господамъ [33]).

Въ обращеніи съ рабами сказывается, способенъ ли человѣкъ «посѣять плодотворное сѣмя добродѣтели» (σπείρειν εἰς ἀρετῆς ἐκφυσιν [34]). Хорошее отношеніе къ рабамъ Платонъ разсматриваетъ какъ нравственную обязанность, являющуюся самымъ вѣрнымъ критеріемъ истинно-богобоязненнаго и справедливаго образа мыслей, въ особенности потому, что эта обязанность выполняется сильнымъ по отношенію къ слабому [35]).

Руководясь такимъ образомъ мыслей, платоновское государство законовъ печется даже и о рабахъ—не объ эллинахъ, а о презрѣнныхъ варварахъ, такъ какъ всѣхъ людей, происходящихъ отъ эллиновъ, оно разъ навсегда избавляетъ отъ рабства [36]). Неужели, держась такихъ взглядовъ и признавая въ «Законахъ» единственной данью государству со стороны ремесленника честность, Платонъ, въ своемъ «Государствѣ разума», могъ равнодушно относиться къ вопросу о томъ, будетъ ли ремесленникъ—являющійся къ тому же и гражданиномъ этого государства—честнымъ человѣкомъ, или нѣтъ [37])? Неужели человѣкъ, желавшій даже раба не-греческаго происхожденія воспитать въ «доброжелательности» къ своему господину, могъ, въ государствѣ разума, находить воздѣйствіе на образъ мыслей бо̀льшей части гражданъ «не стоющимъ труда» [38]), довольствоваться «пас-

сивнымъ послушаніемъ» третьяго сословія и, въ случаѣ нужды, даже вынуждать это послушаніе [39])?

Если это дѣйствительно такъ, то, значитъ, Платонъ, за промежутокъ времени, отдѣляющій проектъ «Государства» отъ проекта «Законовъ», долженъ былъ совершенно измѣнить свое отношеніе къ пріобрѣтательной работѣ и къ гражданамъ, занятымъ пріобрѣтательной дѣятельностью. Но тогда бы онъ казался намъ психологической загадкой! Почему, спрашивается, въ тотъ періодъ жизни, когда онъ весь былъ проникнутъ самымъ смѣлымъ оптимизмомъ и имѣлъ самое высокое мнѣніе о способности человѣческой природы къ развитію, онъ сталъ бы рѣшительно отрицать возможность нравственнаго прогресса всѣхъ членовъ пріобрѣтательнаго класса гражданъ? И, напротивъ, позднѣе, когда, вмѣстѣ съ усилившимся пониманіемъ слабостей человѣческой природы, въ немъ вообще увеличилась склонность къ суровому осужденію людей, когда вслѣдъ за печальнымъ личнымъ опытомъ поколебавшаяся вѣра во все человѣчество привела его къ отреченію отъ проведенія въ жизнь самыхъ дорогихъ для него идеаловъ, почему въ этотъ моментъ онъ несравненно благосклоннѣе отнесся именно къ той части народа, которая наиболѣе подвержена нравственнымъ искушеніямъ и вырожденію?

Во всякомъ случаѣ, именно на слова «Политіи» опираются тѣ, кто думаетъ, будто Платонъ былъ убѣжденъ, что люди, посвятившіе себя пріобрѣтательной дѣятельности, «не нуждаются ни въ какихъ индивидуальныхъ способностяхъ» [40]). Но дѣйствительно ли слова Платона имѣютъ такой смыслъ?

Платонъ жалуется на то, что нѣкоторые непризванные элементы—особенно изъ круга ремесленниковъ—обращаются къ наукѣ исключительно ради ея прекрасной внѣшней стороны; они перескакиваютъ «отъ техники къ философіи», несмотря на то, что они частью недостаточно къ ней способны отъ рожденія, частью въ силу неизбѣжныхъ неблагопріятныхъ условій ручного труда испытали въ своемъ физическомъ и умственномъ развитіи цѣлый рядъ помѣхъ и задержекъ. Въ чемъ состоитъ эта физическая и умственная отсталость, объ этомъ Платонъ не говоритъ. Онъ лишь образно говоритъ объ «угнетенности» и «придавленности» души. Послѣдняя сравнивается съ деревомъ безъ вершины, у котораго отнята способность расти вверхъ [41]). Но, по общей связи съ предыдущимъ, смыслъ этого мѣста «Политіи» можетъ быть лишь такой: тотъ, кто принужденъ зарабатывать свой хлѣбъ механическимъ трудомъ, не можетъ поддержать въ себѣ той гармоніи душевныхъ и умственныхъ силъ, которая является главнымъ условіемъ плодотворной работы мысли. Самый характеръ механической работы и забота объ ежедневномъ заработкѣ мѣшаютъ развитію умственной энергіи и порывовъ души, необходимыхъ для высшихъ профессій, и въ особенности — для профессіи мыслителя. Тотъ же самый взглядъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Фихте. Говоря о «сущности ученаго», Фихте замѣчаетъ: большинство людей живетъ исключительно въ мірѣ чувственныхъ явленій и въ томъ, что этому міру кажется реальнымъ; они никогда не могутъ подняться до познанія того, что служитъ основой всякаго явленія. Современная соціальная наука даже считаетъ открытымъ вопросъ о томъ, «могутъ ли люди, занимающіеся механическимъ трудомъ,—когда-либо настолько развить свои нервы и мышленіе, насколько это возможно для купцовъ и средняго сословія» [42])?

Можно ли поэтому видѣть аристократическое высокомѣріе по отношенію къ классамъ, занимающимся ручнымъ трудомъ, въ томъ, что Платонъ не предполагаетъ за этими классами нервнаго и мыслительнаго развитія, обусловливающихъ пригодность къ высшимъ профессіямъ? О классовыхъ предразсудкахъ тутъ можетъ

быть такъ же мало рѣчи, какъ и во взглядѣ Фихте на «сына ремесленника». Фихте, будучи ярымъ поборникомъ гражданской свободы и равенства, изъ тѣхъ же предпосылокъ, какъ и Платонъ, выводитъ заключеніе, что политическая свобода необходима развѣ только для одного лица, и передача правительственныхъ полномочій этому лицу или избранному имѣетъ то преимущество, что «граждане могутъ спокойно продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ они умѣютъ заниматься» [43])!

Интересную параллель къ мнѣнію философа мы имѣемъ въ разсужденіи о профессіи библейскаго ученаго, въ іудейскомъ сборникѣ «Премудростей Іисуса, сына Сирахова». Здѣсь мы читаемъ дословно слѣдующее: «Мудрость библейскаго ученаго [успѣшно развивается] въ счастливомъ досугѣ, и кто освобождаетъ себя отъ своихъ дѣлъ, дѣлается мудрымъ [44]). Можетъ ли стать мудрымъ тотъ, кто ходитъ за плугомъ или гордится насажденіемъ колючекъ, гонитъ быковъ и живетъ своей работой, кто говоритъ только о молодыхъ быкахъ? Умъ его направленъ исключительно на то, чтобы проводить борозды; всѣ его заботы—о кормѣ для скота. Таковъ же точно и любой мастеръ или строитель, день и ночь проводящій за работой, или рѣзчикъ печатей на кольцахъ: стремленіе такого человѣка—создать на печатяхъ разнообразныя изображенія. Свои помыслы онъ направляетъ на то, чтобы достигнуть сходства въ своихъ изображеніяхъ; день и ночь онъ занятъ тѣмъ, чтобы закончить свою работу. Также и кузнецъ. Онъ сидитъ за наковальней и слѣдитъ за выдѣлкой желѣза. Пылъ пламени пожираетъ его тѣло, и онъ долженъ бороться съ жаромъ горнила. Удары молота оглушаютъ его уши, а глаза постоянно устремлены на образчикъ выдѣлываемаго орудія. Помыслы его постоянно направлены на окончаніе своей работы, и онъ занятъ и рано и поздно тѣмъ, какъ бы изящнѣе отдѣлать вещь. Или горшечникъ, сидящій за своей работой и ногами вертящій гончарный кругъ. Онъ живетъ въ непрестанной заботѣ о своемъ дѣлѣ, и ему ставятъ на счетъ его работу. Руками онъ формируетъ глину, а ногами разминаетъ твердую массу. Свои помыслы онъ направляетъ на то, чтобы закончить глазурь, и только и думаетъ, какъ бы раздуть печь. Всѣ эти люди полагаются на свои руки, и каждый доказываетъ въ работѣ свое искусство. Безъ нихъ нельзя выстроить ни одного города, и въ городѣ безъ нихъ никто не можетъ жить и общаться съ другими. Но, въ общемъ, они не выдѣляются: не сидятъ на судейскомъ креслѣ, не изучаютъ законовъ и не могутъ выяснить ни права, ни справедливости. Въ притчахъ о нихъ не будетъ сказано. Но они сохраняютъ твореніе міра и ихъ желаніе направлено къ работѣ въ области искусства [45]). Иное положеніе того, чья мысль устремлена на изученіе законовъ Всевышняго»!

Развѣ все это разсужденіе не производитъ впечатлѣнія комментарія къ мнѣнію Платона о работѣ, имѣющей пріобрѣтательный характеръ? И, однакоже, никому не вздумалось бы выводить изъ премудростей Іисуса Сирахова столь далеко идущихъ заключеній, какъ изъ вышеприведеннаго положенія Платона. Напротивъ! Одинъ изъ современныхъ—и ужъ, конечно, не «враждебно» настроенныхъ къ народу—теоретиковъ государственнаго права, Блунчли, воспользовался этими изреченіями для опроверженія ложнаго принципа равенства. По его мнѣнію, изреченія сына Сирахова «полны здраваго смысла» [46]), а между тѣмъ они преувеличиваютъ значеніе принципа раздѣленія труда къ невыгодѣ пріобрѣтательныхъ классовъ не менѣе односторонне, чѣмъ Платонъ.

Правда, нельзя отрицать, что Платонъ довольно рѣзко указываетъ свое мѣсто мѣщанству. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что, по отношенію къ ремесленной и промышленной дѣятельности, у Платона не можетъ быть и рѣчи о какихъ ы то ни было индивидуальныхъ способностяхъ, или что каждый ремеслен-

никъ непремѣнно долженъ оставаться тѣмъ, что мы называемъ человѣкомъ, «искалѣченнымъ тѣломъ и душою».

Въ занятіи ручнымъ трудомъ Платонъ видитъ причину во многихъ отношеніяхъ проявляющагося ослабленія физическихъ, душевныхъ и умственныхъ силъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ считаетъ это притупленіе настолько непоправимымъ и безнадежнымъ, чтобы всѣ производительные классы гражданъ просто предоставить на волю судьбы.

Какъ ни мало благопріятны были тѣ заключенія, которыя неизбѣжно долженъ былъ сдѣлать Платонъ при разсмотрѣніи эволюціи народно-хозяйственной жизни и техническаго производства [47]) и при обсужденіи результатовъ развитаго раздѣленія труда въ области промышленности, все же въ словахъ его меньше пессимизма, чѣмъ въ выводахъ основателя современной политической экономіи. Послѣдній считаетъ, что въ сильно развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи государствахъ классы, занимающіеся ручнымъ трудомъ, должны быть неизбѣжно искалѣчены.

Интересно напомнить эти заключенія Адама Смита. Они объединяютъ въ себѣ всѣ тѣ жалобы, которыя встрѣчались и у древнихъ авторовъ, и въ которыхъ доктринальный либерализмъ обыкновенно усматривалъ предубѣжденія ложнаго аристократизма.

«При все возрастающемъ расчлененіи работы—говоритъ Адамъ Смитъ—мы приходимъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что каждый человѣкъ, живущій ручнымъ трудомъ,—т.-е. большая часть народа,—исполняетъ только нѣкоторыя немногія функціи. Умъ большинства людей обыкновенно складывается подъ вліяніемъ его обычныхъ занятій. Если человѣкъ всю жизнь проводитъ въ безпрерывномъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же простыхъ операцій, и результаты этихъ операцій всегда одинаковы или очень однообразны, то такому человѣку никогда не представляется случая напрягать свою мысль или развивать изобрѣтательность. Обыкновенно, такимъ образомъ, онъ теряетъ способность размышлять и съ теченіемъ времени доходитъ до такой степени невѣжественности и тупости, какую только возможно представить себѣ въ человѣческомъ существѣ. Умъ его погружается въ спячку. Эта спячка не только дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ осмысленному спору, но и убиваетъ въ его сердцѣ всѣ благородные порывы, такъ что и въ своей частной жизни онъ теряетъ возможность добросовѣстно исполнять даже самыя обыкновенныя лежащія на немъ обязанности. Такой человѣкъ совершенно не способенъ имѣть сужденіе о важныхъ и глубокихъ вопросахъ общественнаго блага, и, если только не принимаются какія-нибудь чрезвычайныя мѣры, парализующія вліяніе его образа жизни, то онъ окажется неспособнымъ защищать свое отечество на войнѣ. Однообразіе его сидячей жизни ослабляетъ въ немъ природное мужество и заставляетъ со страхомъ и отвращеніемъ смотрѣть на трудную и полную опасностей кочевую жизнь солдата. Образъ жизни этотъ ослабляетъ въ немъ даже и физическія силы и мѣшаетъ ему безпрерывно и напряженно примѣнять гибкость и силу членовъ въ работѣ, чуждой его профессіи. Ловкость въ своемъ ремеслѣ пріобрѣтается имъ, такимъ образомъ, какъ-будто за счетъ всѣхъ его умственныхъ, соціальныхъ и военныхъ добродѣтелей. Въ такое состояніе неизбѣжно долженъ впасть работающій бѣднякъ, а слѣдовательно и большая часть народа въ той націи, которая дѣлаетъ значительные успѣхи въ торговлѣ и промышленности,—если только само государство не возьметъ на себя воспитанія и образованія трудящагося люда». Въ противномъ случаѣ, по мнѣнію Смита, громадную массу «ждетъ полное одичаніе» [48]).

Ясно изъ этого, что самыя невыгодныя представленія о вліяніи на массу ея жизненнаго положенія сами въ себѣ еще нисколько не заключаютъ отказа отъ требованія противодѣйствовать этому вліянію со стороны общества. И если выраженія, сходныя у Платона и у либеральнаго политика-эконома, находятъ себѣ неодинаковую оцѣнку, то виноваты въ этомъ исключительно преувеличенныя представленія о «глубоко внѣдрившемся аристократизмѣ» Платона. Въ самыхъ же словахъ его не содержится никакихъ намековъ на подобный отказъ.

Еще менѣе ихъ въ томъ единственномъ мѣстѣ «Политіи», которое можетъ рядомъ съ выше разобранными имѣть значеніе для даннаго вопроса. Это мѣсто до извѣстной степени дополняетъ только-что разобранное. Послѣднее, ссылаясь на низкій духовный уровень массы, выражаетъ протестъ противъ вторженія мѣщанства въ сферу чисто-умственной дѣятельности; второе выступаетъ противъ политическихъ притязаній массы, указывая на отсутствіе въ ней нравственной къ этому квалификаціи.

Широкая масса, по мнѣнію Платона, не дозрѣла до политическаго самоопредѣленія. Она, естественно, должна подчиняться руководству тѣхъ, «въ комъ преобладаетъ божественное начало». Въ подкрѣпленіе своего требованія Платонъ указываетъ на множество такихъ людей, которые вызвали презрѣніе къ ремесламъ и ручному труду; они не сумѣли на долгое время упрочить въ себѣ господство своего благороднаго *я* и подчинить ему міръ своихъ страстей и желаній; пробудить въ нихъ благородныя стремленія можетъ лишь одна внѣшняя сила закона [49]).

Въ этихъ словахъ Платона также нѣтъ того абсолютнаго осужденія, которое обыкновенно хотятъ въ нихъ видѣть. Они лишь даютъ заключеніе о фактическомъ обычномъ настроеніи массы. Они отнюдь не утверждаютъ, будто всякій ручной трудъ самъ по себѣ, или будто всякая дѣятельность пріобрѣтательнаго характера вообще лишаетъ человѣка возможности достигнуть извѣстнаго нравственнаго развитія. Одинъ видъ заработка—а именно земледѣліе—Платонъ даже опредѣленно признаетъ такимъ, въ которомъ руководящая пріобрѣтательная работа «не заставляетъ человѣка пренебрегать тѣмъ, ради чего стремятся къ заработку, т.-е. тѣломъ и душою» [50]). Но и промышленный классъ идеальнаго государства Платонъ не можетъ представлять себѣ настолько искалѣченнымъ нравственно и физически, какъ это обыкновенно думаютъ. Гражданъ идеальнаго государства онъ дѣлитъ на двѣ категоріи: на «здоровыхъ тѣломъ и душой» (εὐφυεῖς τὰ σώματα καί τὰς ψυχάς) и на такихъ, у которыхъ «душа дурна по природѣ и неизлѣчима» (τοὺς δὲ κατὰ τὴν ψυχὴν κακοφυεῖς καὶ ἀνιάτους). Согласно господствующему мнѣнію, пріобрѣтательные классы идеальнаго государства должны были бы принадлежать лишь къ послѣдней категоріи. Между тѣмъ, участь, «ожидающая дурныхъ» въ идеальномъ государствѣ, доказываетъ, что о такомъ предположеніи не можетъ быть и рѣчи: въ идеальномъ государствѣ «дурные» должны умереть [51]).

Не нужно забывать, что Платонъ устанавливаетъ два вида нравственности: нравственность, покоющуюся на разумномъ познаніи истины, на «знаніи», т.-е. философскую добродѣтель, и нравственность «народную», добродѣтель гражданскую (δημοτικὴ καὶ πολιτικὴ ἀρετὴ [52]), которая возникаетъ въ силу привычки и упражненія (ἐξ ἔθους τε καὶ μελέτης γεγονυίαν ἀνευ φιλοσοφίας τε καὶ νοῦ).

Эту «гражданскую» добродѣтель, главнымъ образомъ, проявляющуюся въ «осмотрительности» и «честности» (σωφροσύνη τε καὶ δικαιοσύνη) [53]), Платонъ отнюдь не отрицаетъ въ третьемъ сословіи идеальнаго государства; напротивъ, ее-то онъ и считаетъ необходимымъ условіемъ существованія государства [54]).

Этого не можетъ отрицать и Целлеръ [55]); а между тѣмъ онъ задаетъ намъ неразрѣшимую психологическую загадку; какимъ образомъ тѣ же самые люди, «въ которыхъ Платонъ видитъ только преобладаніе низшихъ силъ надъ высшими», и которыхъ онъ не можетъ себѣ представить иначе, какъ «лишенными всякихъ индивидуальныхъ способностей», должны развивать въ себѣ эти добродѣтели?

Человѣкъ, не носящій на себѣ божественнаго «какъ господствующаго признака», далеко не всегда обреченъ стать безвольной жертвой низшихъ побужденій. Ему недостаетъ только того высшаго познанія, которое имѣетъ «знающій» объ истинной сущности нравственности, объ ея основахъ и объ ея необходимости. Такому человѣку доступно лишь то, что Платонъ называетъ «правильнымъ представленіемъ», δόξα ἀληθὴς, отличающимся отъ истиннаго познанія, отъ ἐπιστήμη, тѣмъ, что оно, какъ простое мнѣніе, можетъ вновь впасть въ ложное представленіе [56]); тогда какъ знаніе, являясь прочно обоснованнымъ постиженіемъ истины, исключаетъ возможность подобнаго уклоненія. Знаніе нельзя пошатнуть никакими доводами; простое же правильное представленіе, наоборотъ, измѣнчиво, такъ какъ оно само пріобрѣтается путемъ доводовъ и воздѣйствія на шаткій образъ мыслей человѣка, а не путемъ восхожденія ума къ тому знанію, которое непоколебимо по самой своей природѣ [57]).

Доступная для широкой массы нравственность является, съ этой точки зрѣнія, достояніемъ невѣрнымъ и перемѣнчивымъ. Она можетъ сдѣлать человѣка «порядочнымъ» (ἀνὴρ μέτριος) [58]), но не въ состояніи утвердить въ его душѣ благороднаго владычества божественнаго начала, стоящее выше всякихъ нападокъ и непоколебимо направляющее человѣка «къ тому, что тамъ, вверху» [59]). Въ борьбѣ съ сильными искушеніями, въ особенности, она не является порукой той стойкости, которой Платонъ требуетъ отъ человѣка, претендующаго на политическое господство.

Врядъ ли кто станетъ отрицать, что такой взглядъ, односторонне выводящій нравственность изъ познанія, неправильно понимаетъ «нефилософскую» добродѣтель. Онъ слишкомъ мало цѣнитъ инстинктивную нравственность людей, стоящихъ на низкой ступени умственнаго развитія, и отрицаетъ, что *высшая* добродѣтель возможна въ каждомъ слоѣ общества и, дѣйствительно, встрѣчается у отдѣльныхъ личностей. Но эта недостаточно высокая оцѣнка индивидуальной нравственности, доступной для низшихъ слоевъ не даетъ еще намъ права видѣть выраженіе высокомѣрнаго презрѣнія въ сужденіи Платона о дѣйствительномъ среднемъ уровнѣ массы. Его сужденіе, въ виду царившаго въ то время классоваго господства демоса, становится вполнѣ понятнымъ. Рядомъ съ нимъ можно поставить мнѣніе наблюдателя, настроеннаго къ народу чрезвычайно дружелюбно. «Въ массахъ—говоритъ, напримѣръ Шмоллеръ—*эгоизмъ*, хотя и обузданный нѣсколько нравственными результатами общественной жизни, все-таки *остается внутренней пружиной* большей части ихъ поступковъ» [60]). Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и того, что и въ денежной аристократіи, пользующейся широкимъ досугомъ, Платонъ находитъ тотъ же недочетъ нравственнаго развитія, не дающій ему права на политическое господство, и что вообще, въ смыслѣ выработки характера и полноты духовнаго развитія, онъ ставитъ правителямъ такія требованія, которымъ удовлетворить могутъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь весьма немногіе, обыкновенно же одинъ или два человѣка [61]).

Мы, вообще, имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ взглядомъ, при которомъ вопросъ о профессіи и о соціальномъ положеніи отдѣльной личности до нѣкоторой степени утрачиваетъ свое значеніе [62]). По сравненію съ «царственнымъ искусствомъ»

правителей, охватывающимъ въ своей предусмотрительности ц ѣ л о е и господствующее надъ цѣлымъ, всякая другая дѣятельность, направленная на удовлетвореніе е д и н и ч н ы х ъ потребностей общества, играетъ одинаково служебную роль (τέχνη, ἐπιστήμη διάκονος). Съ точки зрѣнія этой теоріи сельскій хозяинъ, промышленникъ, поденщикъ, банкиръ и купецъ, ювелиръ, врачъ, писатель, жрецъ или пророкъ [63]) — всѣ кажутся равно далекими отъ требованій «государственной дѣятельности» (πολιτικῆς πράξεως) [64]), именно вслѣдствіе рамокъ, налагаемыхъ на нихъ ихъ профессіей и знаніями. Въ этомъ отношеніи Платонъ не дѣлаетъ различія между скромнымъ рабочимъ и «высокомѣрнымъ, уважаемымъ за свою важную профессію жрецомъ» [65]).

Неужели же Платонъ ради того, что представители всякихъ другихъ профессій, сравнительно съ государственнымъ дѣятелемъ-философомъ, призваннымъ руководить государствомъ, обладаютъ, по его мнѣнію, меньшей степенью знанія и предусмотрительности, в о о б щ е считалъ безразличнымъ, обладаютъ ли они большей или меньшей мѣрой способностей? Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ господствующая теорія!

Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ наша точка зрѣнія находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ «Законахъ». И второе по совершенству государство надѣляетъ политическими правами только тѣхъ, кто «презираетъ» барышъ, извлекаемый изъ ремеслъ и торговли, и тѣхъ, кто не позволяетъ своему «истинно свободному» образу мыслей погибнуть въ объятіяхъ «постыднаго ремесленнаго духа» [66]). А, между тѣмъ, «Законы» стремятся, насколько возможно больше, облагородить жизнь трудящихся людей, вплоть до жизни презрѣннаго ветошника и даже раба! Почему же требованіе, предъявляемое «Законами», должно быть непремѣнно несовмѣстимо съ основной точкой зрѣнія идеальнаго государства, въ которомъ ремесленникъ занимаетъ къ тому же несравненно б о л ѣ е п о ч е т н о е положеніе?

Господствующее мнѣніе слишкомъ сильно обусловлено рѣзкой ф о р м о й нѣкоторыхъ платоновскихъ выраженій; вслѣдствіе этого оно доходитъ до такихъ выводовъ, отъ которыхъ самъ авторъ этихъ выраженій былъ весьма далекъ. Господствующее мнѣніе забываетъ, что къ страстно-неспокойнымъ, а подчасъ даже и противорѣчивымъ выраженіямъ геніальной личности, апостола, воодушевленнаго безпощаднымъ рвеніемъ, нужно относиться иначе, чѣмъ къ холоднымъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ человѣка трезваго разсудка, наблюдающаго вещи безучастно, безъ внутренняго чувства. Оно совершенно упускаетъ изъ виду, что рѣзкость выраженій у человѣка, чрезвычайно безпристрастно считавшаго в с я к і й трудъ почтеннымъ и полезнымъ [67]), являлась слѣдствіемъ не предвзятости мнѣнія: она, скорѣе, была очевиднымъ психологическимъ рефлексомъ окружавшихъ его условій. Эти условія, виновникомъ которыхъ оказывалась именно городская чернь, казались невыносимыми уму мыслителя, увлеченнаго высшими государственными задачами. Ощущеніе невыносимаго гнета должно было со стихійной силой выливаться въ горькихъ и жестокихъ словахъ, лишь только рѣчь заходила—какъ именно въ діалогахъ—о людяхъ, «сидѣвшихъ на агорѣ вокругъ ораторскихъ трибунъ и старавшихся крикомъ подавить всякое не нравившееся имъ слово»; въ рукахъ такихъ людей даже дѣло справедливости—самая идеальная функція государства—могло превратиться въ каррикатуру. Если мы уяснимъ себѣ психологическое дѣйствіе этого противорѣчія, то намъ станетъ вполнѣ понятно даже самое жестокое слово, особенно же въ устахъ того человѣка, который самъ палъ жертвой умственной и нравственной неразвитости толпы.

Развѣ большинство, этотъ «многоголовый деспотъ» (Аристотель), не дѣйствовало во всѣ эпохи точно такимъ же образомъ на всѣ болѣе благородныя, болѣе тонко организованныя въ нравственномъ и эстетическомъ отношеніи натуры? Вспомнимъ, напр., какую печать наложили подвиги французской демократіи на творенія нашихъ героевъ духа!

Выраженія, въ которыхъ, въ тысячѣ своихъ сентенцій, Гёте говоритъ о толпѣ, врядъ ли по рѣзкости уступаютъ словамъ Платона. Платоновскій Сократъ говоритъ, что большая часть людей живетъ въ «сумеречныхъ снахъ»; они никогда не могутъ подняться отъ нредставленія къ логическому познанію; совершенно то же звучитъ въ словахъ Гёте.

«Горе тому, кто даетъ небесный факелъ вѣчно-слѣпому»—съ чисто-платоновской рѣзкостью Гёте говоритъ въ своихъ Wanderjahre,—«ничего нѣтъ отвратительнѣе толпы: она состоитъ изъ немногихъ сильныхъ застрѣльщиковъ, изъ приспособляющихся плутовъ, изъ ассимилирующихся слабыхъ и изъ плетущейся позади массы, не знающей, что она хочетъ». Однакоже, подобное мнѣніе не помѣшало Гёте въ тѣхъ «Годахъ странствій» («Wanderjahre») въ проектѣ идеальнаго общества, разрѣшить вопросъ о положеніи пріобрѣтательной дѣятельности въ истинно-гуманномъ духѣ, совершенно свободномъ отъ чувства классовой предубѣжденности.

Да и демократическій Шиллеръ не говоритъ ли:

— «Mehreit ist Unsinn,
Verstand ist stets Wenigen nur gewesen,
Kümmert sich um das Ganze, wer nichts hat? *).

Такія же жалобы мы встрѣчаемъ у глашатаевъ и вождей демократіи. «Трудно—говоритъ Руссо въ своей исповѣди—умѣть думать благородно, когда вся мысль направлена на поддержаніе существованія». Еще рѣзче выражается величайшій изъ ораторовъ революціи, Мирабо: «презирайте народъ и помогайте ему». Работу на благо народа Мирабо вмѣняетъ въ обязанность, но, несмотря на это, говоритъ: «презирайте!» Такого девиза не приняли бы государственные дѣятели платоновскаго идеальнаго государства.

Попробуемъ представить себѣ, что у насъ парламентскій принципъ фактически устранилъ монархію, что парламентское большинство перешло въ руки массы, и что у насъ практикуется выборъ народомъ должностныхъ лицъ, и существуетъ всенародный судъ—по аѳинскому образцу! Развѣ сталъ бы кто сомнѣваться, что неизбѣжная реакція образованнаго меньшинства повела бы къ тому же рѣзкому сужденію о массѣ и объ ея умственной и нравственной незрѣлости, какъ и во времена аѳинской демократіи? Иллюзіи доктринальнаго либерализма, привыкшаго свысока относиться къ устрашеннымъ подобными политическими условіями античнымъ мыслителямъ, разлетѣлись бы, какъ мыльные пузыри, уступивъ мѣсто такому пессимизму, который едва ли рѣзко отличался бы отъ пессимизма античной государственной доктрины. Извѣстный вождь соціалъ-демократовъ совершенно справедливо полагалъ, что въ тотъ моментъ, когда соціалъ-демократы достигнутъ большинства въ парламентѣ, меньшинство просто отмѣнитъ общее и равное право голоса, и широкая масса будетъ осуждена на то же политическое безсиліе, какъ и у Платона; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что и отъ меньшинства Платонъ требуетъ совсѣмъ иной легитимаціи своего господства, чѣмъ та, которую она до сихъ поръ могла выставить

*) Большинство—безсмыслица, разумъ всегда былъ присущъ лишь немногимъ. Развѣ заботится о цѣломъ тотъ, у кого нѣтъ ничего.

Уже теперь, подъ сильнымъ давленіемъ смѣлаго натиска массы, «реалистическое» направленіе современной государственной доктрины, выдвигающее претензію стоять въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительной жизнью и съ требованіями послѣдней, пришло къ тѣмъ же воззрѣніямъ, которыя современному либерализму были совершенно непонятны въ государственной теоріи грековъ. Такъ же, какъ и античная доктрина, принципъ большинства оно объявляетъ «чрезвычайно неправильнымъ и ложнымъ». Говоря словами одного изъ новѣйшихъ представителей этого реализма: «не подлежитъ абсолютно никакому сомнѣнію, что толпа груба и безсмысленна; разумъ и благородство мысли свойственны только ничтожному меньшинству». Фактъ, который смягчить можно было бы только тѣмъ, что меньшинство держало бы вдали и исключило бы отъ всякаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ широкую массу. Эту мысль не могъ выразить рѣзче и Платонъ!

Мягче, но все-таки въ томъ же смыслѣ, судитъ родоначальникъ историческаго направленія политической экономіи. «Чѣмъ глубже опускаются,—говоритъ Рошеръ,—съ дарованіемъ правъ суверенитета, тѣмъ болѣе приходится подумать о томъ, что непомѣрно утомляющее тѣло занятіе, вѣчная забота о пищѣ, узкій горизонтъ и небрежное воспитаніе не представляютъ хорошей школы для государственнаго дѣятеля» [68]). Въ низшихъ классахъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шмоллеръ [69]), особенно велика опасность исключительнаго подчиненія индивидуума классовому духу; объясняется это тѣмъ, что въ этомъ классѣ факторы общаго развитія государственнаго и національнаго чувства отодвинутся совершенно на задній планъ.

Даже такой либеральный политикъ, какъ Гиртъ, приближается къ платоновской характеристикѣ демократіи; въ своихъ «Свободныхъ взглядахъ на государство и народное хозяйство» онъ говоритъ: «къ той непомѣрно громадной роли, которую сейчасъ у насъ играетъ индивидуумъ въ качествѣ избирателя и тѣмъ самымъ косвенно—законодателя, въ качествѣ плательщика податей и защитника отечества, а также и къ тому гордому самосознанію, которое доставляетъ этому индивидууму всеобщее равенство передъ закономъ, истинная культура права не имѣетъ никакого отношенія. Широкая масса бродитъ въ потемкахъ. Благо ей и государству, если она, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ хорошимъ инстинктамъ. Это все, на что мы можемъ надѣяться» [70]). «То, что въ минуты возбужденія—говоритъ Контъ — кажется правомъ, то, чѣмъ стараются овладѣть, чтобы его использовать, на опытѣ оказывается тяжелымъ долгомъ, съ которымъ не въ силахъ справиться современный человѣкъ при его индивидуалистическомъ направленіи жизни» [71]). То же самое и Платонъ утверждаетъ объ античной демократіи!

Такія воззрѣнія вовсе не единичны. Какъ въ древности, такъ и теперь, мы встрѣчаемъ ихъ именно тамъ, гдѣ развитіе государственной жизни сложилось «наиболѣе свободолюбиво» и наиболѣе приближается къ духу античнаго республиканизма. Одинъ изъ политиковъ республиканскаго Цюриха говоритъ: «совершенно вѣрно, что существуютъ единицы, которыя могутъ подняться выше простого чувства благоразумнаго себялюбія, которые готовы, подъ вліяніемъ высшей, божественной любви, подчинить свое *я* организму государства, отдаться ему и даже готовы принести себя ему въ жертву. Въ этомъ заключается настоящая добродѣтель». Но считать такую добродѣтель общимъ, руководящимъ отдѣльными лицами двигательнымъ принципомъ, видѣть въ ней выраженіе общей, коллективной воли,—значитъ предаваться самообману. Эта добродѣтель—скорѣе рѣдкое исключеніе, несмотря на то, что очень многіе стараются показать, будто обладаютъ ею.—«Rari in vasto gurgite nantes»!—«Впрочемъ,—прибавляетъ авторъ, желая смягчить свой

отзывъ о средней цѣнности человѣческой природы,—отъ многихъ, или даже отъ большей части людей нельзя и требовать такого добродѣтельнаго патріотизма, принимая въ разсчетъ уровень ихъ образованія и гнетъ, налагаемый работой изо дня въ день и заботами о скудномъ пропитаніи» [72]).

Цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, когда были сказаны эти слова; за это время демократизмъ, въ смыслѣ античнаго принципа непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ, сдѣлалъ большіе успѣхи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, результаты все выше вздымающейся волны демократическихъ стремленій вызвали даже и въ «либеральныхъ» кругахъ такую перемѣну, которая проявляется все въ болѣе и болѣе яркихъ и рѣзкихъ отзывахъ. Такъ, новая цюрихская газета въ 1891 году открыла походъ противъ прямого участія народа въ законодательствѣ и противъ референдума. Мотивы протестовъ этой газеты могли бы быть прямо заимствованы изъ государственной доктрины Платона. «Законодатель долженъ обладать чувствомъ добросовѣстности и справедливости, широкимъ взглядомъ на вещи и обширными знаніями. Въ широкой массѣ всѣ эти качества отсутствуютъ. Можно ли, въ такомъ случаѣ, допускать толпу къ высшему законодательству? Референдумъ долженъ служить народу лишь политической школой; а между тѣмъ онъ оказался причиной пробужденія и развитія въ народѣ худшихъ человѣческихъ свойствъ, тѣхъ свойствъ, которыя порождаетъ недовольство экономическими отношеніями, именно—зависти, эгоизма и узости въ политическихъ вопросахъ.

Пресса противоположнаго, демократическаго лагеря, конечно, видитъ въ этой критикѣ лишь признаки сухого, враждебнаго народу аристократизма, точно такъ же, какъ и стоявшаго выше всякихъ партійныхъ побужденій античнаго мыслителя заклеймили именемъ партійнаго аристократа и причислили къ разряду людей, «клявшихся въ гетеріяхъ погубить демосъ» [73]).

Если Платонъ аристократъ въ этомъ смыслѣ, то ужъ, конечно, придется считать аристократомъ и Карлейля, утверждавшаго, что «Аѳины и Римъ создали свое дѣло не громкими голосованіями и дебатами массъ, но мудрой предусмотрительностью и господствомъ немногихъ» [74]); узкимъ аристократомъ окажется и другой выдающійся англійскій мыслитель, Генри Мэнъ (Maine), такъ какъ ему принадлежатъ слова: «Все, что сдѣлало Англію славной и богатой, есть дѣло меньшинства, и часто очень небольшого меньшинства. Мнѣ кажется неопровержимой истиной, что, если бы въ теченіе четырехсотъ лѣтъ въ странѣ существовали широкое право голоса и многочисленные избиратели, у насъ не было бы еще ни религіозной реформы, ни смѣны династіи, ни свободы вѣры, ни даже правильнаго календаря. Молотилка, механическій ткацкій станокъ, прядильная машина, а можетъ-быть, даже и паровая машина были бы запрещены. И вообще можно сказать, что все ближе надвигающееся владычество массъ—худшее предзнаменованіе для законодательства, опирающагося на научное знаніе, требующаго для своего пониманія умственнаго напряженія и самопреодолѣнія для того, чтобы ему подчиниться» [75]).

Но, съ другой стороны, изъ свободной конституціонной формы современнаго государства сдѣлалъ ли «состоятельный и образованный» классъ гражданъ такое употребленіе, которое показало бы, что недовѣріе Платона къ буржуазіи было исключительнымъ слѣдствіемъ античныхъ предразсудковъ? Отнюдь нѣтъ! Опыты свободной государственной жизни новаго времени неопровержимо доказали, что—какъ это мѣтко замѣтилъ Шмоллеръ [76])—«большая часть людей, даже среди присяжныхъ, гласныхъ городской думы, среди депутатовъ, словомъ всѣ тѣ, кто не обладаетъ чрезвычайно высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, не обладаетъ и силой абстракціи и способностью совершенно отдѣлить свою

мысль и чувство, какъ представителя общественнаго интереса, отъ мыслей и чувства своихъ, какъ владѣтеля какого-нибудь дѣла».

Все это подтверждаетъ слова Шопенгауэра, одного изъ величайшихъ психологовъ-наблюдателей. Въ своемъ «Мірѣ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэръ говоритъ: «Выгода оказываетъ на наше сужденіе таинственное вліяніе. То, что служитъ выгодѣ, сейчасъ же кажется намъ добросовѣстнымъ, справедливымъ и разумнымъ; то, что идетъ съ ней въ разрѣзъ, совершенно серьезно представляется намъ несправедливымъ, дурнымъ, нецѣлесообразнымъ или безсмысленнымъ. Отсюда столько предразсудковъ сословныхъ, профессіональныхъ, національныхъ, сектантскихъ и религіозныхъ».

Но если для большинства людей оказывается почти непреодолимой трудностью безкорыстный и непредвзятый способъ мышленія, то у многихъ ли развита та способность постоянной самокритики, ограждающей отъ всякихъ заблужденій субъективизма, та сила абстракціи, безъ которой невозможна высшая объективность, считающаяся со всѣми интересами и со всякими точками зрѣнія? Вотъ какъ одинъ изъ современныхъ критиковъ соціализма формулируетъ отвѣтъ историческаго и психологическаго опыта на этотъ вопросъ: «способность къ абсолютной объективности есть даръ лишь самыхъ избранныхъ умовъ. Этой способностью обладали величайшіе философы и величайшіе политическіе дѣятели. Народу же она—не по плечу» [77]). Какіе выводы можетъ сдѣлать отсюда соціальная теорія для выясненія принциповъ, на основаніи которыхъ должна дѣйствовать справедливость высшаго порядка? Соціальной теоріи «придется отказаться отъ мысли обращаться къ участникамъ». Уяснивъ себѣ мотивы, которыми сознательно или безсознательно руководятся различные классы общества, соціальная теорія должна придти къ заключенію, что «искать въ этихъ мотивахъ директивъ для соціально-политическихъ дѣйствій было бы совершенно ошибочно» [78]). Для установленія «формулы справедливости» соціальная теорія требуетъ инстанціи совершенно самостоятельной и свободно возвышающейся надъ сутолокой общества.

Если мы вполнѣ ясно и сознательно представимъ себѣ всѣ эти факты, которые намъ вновь открыли только уроки современной политической жизни, но на которые аналогичный нашему опытъ уже давно открылъ глаза античному мыслителю, то мы должны будемъ сказать себѣ: если Платонъ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, безотносительно къ другимъ моментамъ, играющимъ роль въ исторически сложившемся государствѣ, стремился къ крайнимъ логическимъ выводамъ, то, конечно, въ качествѣ идеальнаго представителя своего принципа справедливости онъ могъ мыслить только политика-философа. Онъ не могъ допустить вліянія на государственную жизнь пріобрѣтающаго общества, такъ какъ это вліяніе было равносильно вторженію ихъ «заблужденій», т.-е. сразу поставило бы подъ сомнѣніе возможность проведенія принципа справедливости въ чистомъ видѣ! Поскольку его мысль была осуществима на практикѣ, конечно, другой вопросъ. Намъ важно лишь установить, что исключеніе пріобрѣтательнаго сословія изъ политики было безусловнымъ требованіемъ строго логическихъ выводовъ изъ всей системы Платона.

Всѣ тѣ, кто думаетъ, что въ политическихъ діалогахъ, устами Сократа, Платонъ выражаетъ только свои аристократическіе предразсудки, не понимаютъ этого. Однако, слѣдующій знаменательный фактъ показываетъ, что о такихъ предразсудкахъ Платона не можетъ быть и рѣчи: историческій Сократъ, сынъ ваятеля и человѣкъ труда, какъ политическій мыслитель, не менѣе рѣзко, чѣмъ Платонъ, судилъ о политическомъ государствѣ промышленныхъ классовъ, и притомъ на тѣхъ же осно-

ваніяхъ. Сократъ, уважавшій всякій трудъ [79]), произнесъ суровый приговоръ властвующему демосу, «этой невѣжественной и безсильной толпѣ шерстобитовъ, сапожниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, земледѣльцевъ, мелочныхъ торговцевъ и лавочниковъ, никогда и не думавшихъ о политикѣ» [80]). И все-таки развѣ Сократъ не былъ бы послѣднимъ изъ тѣхъ, кто отказался бы «посѣять плодоносное сѣмя добродѣтели» въ этой невѣжественной толпѣ и просвѣтить каждаго изъ этой толпы относительно его самого и его положенія въ обществѣ? Не Сократъ ли вынесъ на рынокъ, въ палестры и въ лавки ремесленниковъ обсужденіе вопроса о нравственныхъ задачахъ человѣка [81])? И развѣ не общему счастью всего народа заставляетъ онъ служить всякую государственную власть [82])?

У Платона Сократъ, несмотря на гораздо большую сдержанность своего отношенія къ массѣ, въ главныхъ чертахъ высказываетъ тѣ же мысли [83]). Сущность провозглашаемаго имъ «истинно-государственнаго искусства» и заключается въ томъ, что онъ превращаетъ государство въ учрежденіе, старающееся всѣхъ воспитать для блага [84]). Если даже всегда будутъ существовать люди, «невѣжественность и низкій образъ мыслей» (ἀμαθία καὶ ταπεινότης) которыхъ противится всякому воспитанію, то, все-таки, этотъ взглядъ не позволяетъ государству цѣлые классы, или даже большую часть своихъ гражданъ, лишать подобнаго воспитанія. Государство, которое, какъ государство Платона, желаетъ счастья не какого-нибудь отдѣльнаго сословія, а счастья цѣлаго народа, должно неизбѣжно стремиться по возможности сдѣлать общедоступнымъ извѣстный уровень нравственности, необходимую предпосылку всякаго благосостоянія. Всѣ другія благодѣянія, какія могутъ быть оказаны гражданамъ, потеряютъ, по мнѣнію Платона, для нихъ всякую цѣну, если не удастся улучшить ихъ въ нравственномъ отношеніи [85]). Отказать своему государству въ такой задачѣ Платонъ можетъ тѣмъ менѣе, что онъ всецѣло убѣжденъ, что ни профессія, ни сословіе ни для кого не могутъ служить препятствіемъ въ достиженіи большей или меньшей степени нравственнаго развитія въ зависимости отъ индивидуальности каждаго [86]).

Ничто не можетъ пролить болѣе яркаго свѣта на этотъ взглядъ Платона, чѣмъ то обвиненіе, которое онъ бросаетъ политическимъ вождямъ аѳинской демократіи—Периклу, его предшественникамъ и преемникамъ. Платонъ отказывается признать ихъ не только за «хорошихъ государственныхъ дѣятелей» (οὐκ ἀγαθοὶ τὰ πολιτικά) [87]), но даже и за хорошихъ гражданъ своего государства, такъ какъ они не позаботились о томъ, чтобы сдѣлать своихъ согражданъ изъ худшихъ лучшими (βελτίους ἀντὶ χειρόνων) [88]), а между тѣмъ,—«это должно быть единственнымъ стремленіемъ хорошаго гражданина» [89]).

Такимъ образомъ, Платонъ дѣлаетъ государственныхъ людей историческаго государства въ полной мѣрѣ отвѣтственными за состояніе всеобщей народной нравственности; политическихъ вождей и ораторовъ демократіи онъ отвергаетъ, прежде всего, какъ плохихъ воспитателей народа, и государство провозглашаетъ общимъ воспитательнымъ учрежденіемъ. Могъ ли этому же самому человѣку, при разработкѣ его проекта идеала государства, совершенно не придти въ голову вопросъ о нравственномъ воспитаніи массъ, поскольку онъ касался широкаго большинства гражданъ [90])? Предположеніе совершенно непріемлемое, тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ въ себѣ и еще дальнѣйшій выводъ — будто государство разума еще меньше сдѣлало бы въ области воспитанія народа, чѣмъ государство дѣйствительности.

Адамъ Смитъ, въ упомянутомъ выше разсужденіи о вредныхъ послѣдствіяхъ принципа раздѣленія труда, съ похвалой отзывается о законодательствѣ греческихъ

государствъ, которыя заботами о музическомъ (эстетическомъ) и гимнастическомъ воспитаніи всѣхъ членовъ государства противодѣйствовали односторонности промышленнаго и коммерческаго развитія. Неужели Платона можно серьезно заподозрить въ томъ, что, въ своемъ всѣхъ осчастливливающемъ государствѣ, онъ хочетъ громадное большинство гражданъ лишить такого благодѣянія и тѣмъ низвергнуть одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ оплотовъ противъ физическаго и нравственнаго вырожденія?

Впрочемъ, у насъ есть подлинное выраженіе Платона, говорящее о томъ, что онъ былъ вполнѣ согласенъ съ указанной дѣятельностью существующаго государства. Въ «Критонѣ» выступаютъ говорящими законы государства; заключенному въ темницу Сократу они указываютъ на заботу, которой они окружали его съ дѣтства: имъ онъ обязанъ своимъ какъ музическимъ (эстетическимъ), такъ и гимнастическимъ «воспитаніемъ и образованіемъ»; и то и другое отецъ далъ ему согласно съ законами. Сократъ, т.-е. Платонъ, опредѣленно признаетъ, какъ нѣчто «прекрасное», эту заботу государства, не забывающую и дѣтей бѣднаго ремесленника [91]). Правда, рѣчь здѣсь идетъ не о воспитаніи, руководимомъ самимъ государствомъ, а, главнымъ образомъ, только о косвенныхъ мѣропріятіяхъ; послѣднія должны дать государству извѣстную гарантію въ томъ, что подрастающіе граждане не останутся безъ воспитанія и обученія. Но для принципіальнаго вопроса, на какіе классы, по мнѣнію Платона, должна распространяться образовательная политика государства, это обстоятельство значенія не имѣетъ.

Да и въ самомъ проектѣ идеальнаго государства нѣтъ недостатка въ точкахъ опоры, свидѣтельствующихъ, что Платонъ, какъ раньше, такъ и позже, хотѣлъ заставить государство, въ интересахъ воспитанія и обученія, дѣйствовать на благо всѣхъ гражданъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Гармоническія соотношенія, которыя идеальное государство старается установить между всѣми классами общества, должны быть не только результатомъ принужденія, но прежде всего—плодомъ свободнаго убѣжденія силою «доводовъ» [92]). Этой цѣли служатъ, между прочимъ, религіозныя представленія; Платонъ хочетъ привить ихъ членамъ промышленнаго сословія и «прочимъ гражданамъ» въ такой же мѣрѣ, какъ и чиновникамъ, и воинамъ. Къ числу этихъ религіозныхъ представленій относится упомянутый выше миѳъ о сотвореніи міра, содержащій въ себѣ ученіе о родствѣ между собою всѣхъ гражданъ; онъ долженъ весь народъ наполнять духомъ братской любви [93]); затѣмъ, тоже облеченное въ форму миѳа, ученіе о томъ, что раздѣленіе народа въ государствѣ разума на три сословія есть дѣло самого Божества [94]); и, наконецъ, пророчество оракула, согласно которому всякая перемѣна во взаимоотношеніяхъ сословій, всякое стремленіе какого-нибудь сословія перейти предѣлы отведенной ему государствомъ сферы права угрожаетъ гибелью самому государству [95]).

Государственный строй не долженъ быть для управляемыхъ только чѣмъ-то внѣшнимъ; онъ долженъ составлять часть ихъ внутренней жизни. Для того, чтобы внутренно съ нимъ соглашаться, они должны пріучаться считать его дѣломъ высшаго устроителя всѣхъ вещей, дѣломъ Божества, права котораго безспорны. Нужно сдѣлать возможнымъ для индивидуума поборотъ въ себѣ всякое сомнѣніе въ справедливости государственнаго порядка, всякую мысль о возстаніи противъ него. Достигнуть этого можно путемъ вселенія въ него убѣжденія о божественности государственнаго порядка: надо научить индивидуума понимать особенность своего собственнаго положенія, свою профессіональную работу, какъ выраженіе божественной воли, а свое подчиненіе цѣлому—какъ обязанность, налагаемую религіей.

Поученія въ этихъ представленіяхъ вѣры составляли непремѣнную часть музическаго (эстетическаго) образованія класса охранителей—музическаго въ обычномъ смыслѣ слова, т.-е. обученія поэзіи, музыкѣ и γράμματα, т.-е. чтенію и письму. И разъ Платонъ хотѣлъ распространить эти наставленія въ вѣрѣ и на юношей третьяго сословія, то развѣ отсюда неизбѣжно не слѣдуетъ, что онъ хотѣлъ дать имъ и элементарное образованіе и опирающееся на очищенную народную религію нравственное воспитаніе? Въ разсужденіи объ этомъ нравственномъ воспитаніи Платонъ самъ говоритъ, что тотъ чеканъ (τύπος), который желаютъ дать мыслямъ и чувствамъ человѣка, легче всего прививается покорному духу юношества [96]). Какъ могъ онъ, при такихъ воззрѣніяхъ, добиваться созданія нужнаго ему чекана, который онъ хотѣлъ придать этическимъ и политическимъ воспріятіямъ третьяго сословія, инымъ путемъ, чѣмъ при посредствѣ воспитанія юношества? Юношество буржуазныхъ классовъ Платонъ хочетъ предохранить отъ недостойныхъ представленій о богахъ. Всѣ миѳы, содержащіе подобныя представленія, какъ, напр, исторію борьбы боговъ съ гигантами и т. п., в о о б щ е, «не должны разсказываться» въ предѣлахъ его государства, не должны «касаться ушей н и о д н о г о мальчика», даже и въ томъ случаѣ, когда имъ желаютъ придать только символическій смыслъ [97]). «Мальчикъ не можетъ различать, что символъ и что нѣтъ; а между тѣмъ представленія, получаемыя человѣкомъ въ этомъ возрастѣ, обыкновенно удерживаются неискоренимо и неизбѣжно» [98]). Поэтому идеальное государство ни въ какомъ случаѣ (οὐδ'ὁπωστιοῦν) не допуститъ, чтобы «мальчики слушали первыя попавшіяся сказанія, сложенныя первымъ попавшимся человѣкомъ, и воспринимали въ душу представленія, большею частью, противорѣчащія тѣмъ, которыя мы желаемъ укрѣпить въ нихъ на всю дальнѣйшую жизнь» [99]).

Но если подрастающее поколѣніе третьяго сословія такъ же охраняется государствомъ отъ вторженія опасныхъ для государства и нравственности представленій, какъ и классъ охранителей, то развѣ не должны распространяться на третье сословіе и позитивные выводы педагогики Платона? Эта педагогика, именно вслѣдствіе устойчивости юношескихъ впечатлѣній, «считаетъ самымъ важнымъ, чтобы изъ всего того, что слышатъ юноши, они прежде всего слышали сказанія, привлекающія ихъ къ добродѣтели» [100]). Развѣ не входитъ въ интересы самаго идеальнаго государства сдѣлать предметомъ систематическаго воспитанія юношества тѣ нравственныя, религіозныя и соціальныя представленія, которыя должны крѣпко «укорениться» и въ представителяхъ третьяго сословія, и тѣ сказанія, которыя зарождаютъ такія представленія? Вѣдь это воспитаніе, по собственному мнѣнію Платона, больше, чѣмъ что-либо, гарантируетъ государству стойкость такихъ моральныхъ представленій и такого образа мыслей.

Да развѣ самая конституція государства разума уже не требуетъ извѣстной степени общественнаго воспитанія для всѣхъ классовъ народа? Раздѣленіе на сословія отнюдь не должно вести въ государствѣ разума къ неподвижному кастовому устройству, закрѣпощающему навсегда людей низшаго происхожденія въ рамкахъ ихъ сословія; оно не должно служить выраженіемъ сословныхъ привилегій и монополій; оно единственно и всецѣло является орудіемъ осуществленія г о с у д а р с т в е н н ы х ъ ц ѣ л е й, исключающихъ всякую классовую политику. Въ интересахъ г о с у д а р с т в е н н ы х ъ цѣлей, сыновья лицъ изъ высшихъ классовъ общества, включая и правителей, оказавшіеся неспособными къ военной или политической профессіи отцовъ, безпощадно «низводятся въ разрядъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ»; богато же одаренный сынъ ремесленника или земледѣльца можетъ безпрепятственно возвыситься до высшихъ профессій и даже достигнуть выс-

шей власти правителя [101]). Генію и заслугѣ здѣсь, въ полномъ смыслѣ слова, улыбается корона [102]). Но могло ли бы государство выбирать для своихъ цѣлей богато одаренные элементы третьяго сословія, разъ оно не давало бы послѣднему извѣстной степени воспитанія и обученія? Или, можетъ-быть, профессія дѣтей, какъ въ утопіяхъ венгерскаго Фауста, должна опредѣляться тѣмъ или инымъ развитіемъ ихъ черепа? Далѣе, разъ Платонъ хочетъ, чтобы въ его государствѣ общество отводило каждому отдѣльному лицу ту профессію, которая соотвѣтствуетъ его индивидуальнымъ природнымъ склонностямъ [103]), то какъ же могутъ проявиться эти склонности, если государство, путемъ системы общественнаго обученія, не доставитъ къ тому возможности всѣмъ своимъ членамъ? Платонъ требуетъ отъ государства самаго заботливаго надзора надъ в с ѣ м ъ подрастающимъ поколѣніемъ, чтобы государство могло судить о склонностяхъ каждаго отдѣльнаго лица [104]). Возможенъ ли такой надзоръ иначе, чѣмъ при посредствѣ школы?

Представивъ себѣ положеніе, занимаемое въ идеальномъ государствѣ самимъ третьимъ сословіемъ, мы придемъ къ тѣмъ же выводамъ. Мы увидимъ, что и э т о м у сословію ставится нравственная цѣль, и совсѣмъ не низшаго порядка. Отъ занятыхъ пріобрѣтательной дѣятельностью гражданъ идеальное государство ждетъ не только принудительнаго, но добровольнаго самоограниченія и подчиненія по внутреннему убѣжденію тѣмъ, кто призванъ къ господству [105]). Это—духъ нравственнаго самовоспитанія (σωφροσύνη), распространяющійся здѣсь съ верху, на в с ѣ сословія [106]); съ нимъ и у третьяго сословія стоитъ въ связи способность удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя въ государствѣ разума принципъ с п р а в е д л и в о с т и предъявляетъ отдѣльной личности.

Принципъ справедливости осуществляется путемъ «соотвѣтственныхъ» дѣйствій (οἰκειοπραγία) всѣхъ составныхъ частей народа [107]). Въ общей рабочей жизни каждый долженъ вполнѣ заполнить собою мѣсто, отведенное ему обществомъ, въ соотвѣтствіи съ его силами и дарованіями; онъ обязанъ сконцентрировать на немъ всю свою дѣятельность и не вторгаться въ тѣ сферы дѣйствій, которыя лежатъ за предѣлами его особой жизненной задачи или способностей. Никто не долженъ жить только ради себя и ради с в о и х ъ интересовъ; какъ часть цѣлаго, всякій обязанъ работать и для цѣлаго, чтобы все, что можетъ отдѣльная личность сдѣлать для блага цѣлаго, дѣйствительно, служило послѣднему на пользу [108]). Такимъ образомъ, всякій поступокъ отдѣльнаго лица носитъ соціальный отпечатокъ и является не средствомъ отчужденія и вражды, но средствомъ соціальнаго мира и гармоническаго согласія между всѣми членами народа.

Такая соціализація общей рабочей жизни, какъ это допускаетъ и самъ Платонъ, должна достигаться не только путемъ внѣшняго принужденія и механическаго сдерживанія эгоистическихъ стремленій и желаній людей, настроенныхъ противоположно, но, по крайней мѣрѣ, столько же и путемъ «убѣжденія» болѣе разумныхъ и высшихъ элементовъ; она можетъ быть только слѣдствіемъ систематическаго развитія духа общности; школа общественнаго воспитанія беретъ подъ свою защиту и заботу уже мысль ребенка и еще въ душѣ мальчика будитъ сознаніе высшаго назначенія человѣка для общества.

Какъ можетъ государство оставаться равнодушнымъ къ воспитанію тѣхъ людей, которые должны впослѣдствіи—по крайней мѣрѣ частью—своей дѣятельностью поддерживать его высшія цѣли. Мы видимъ, какое значеніе Платонъ придаетъ тому, чтобы литература и пластическія искусства, а также и всѣ произведенія ремесла отражали въ себѣ лишь одно прекрасное, благородное и соразмѣрное; онъ требуетъ, чтобы въ нихъ не было ничего вульгарнаго, грубаго и безнравствен-

наго. Уже самая внѣшняя обстановка должна вызывать въ чуткихъ душахъ подрастающаго юношества гармоничныя впечатлѣнія и повсюду наводить ихъ только на прекрасное, доброе и идеальное. «Деміурги», какъ этого требуетъ отъ художниковъ и Гёте въ идеальномъ государствѣ своихъ «Wanderjahre», «должны, въ концѣ концовъ, настолько возвышаться надъ общимъ, обыденнымъ уровнемъ, чтобы весь народъ чувствовалъ облагораживающее вліяніе ихъ самихъ и ихъ произведеній!» Неужели Платонъ былъ въ самомъ дѣлѣ способенъ думать, что такой высокой цѣли можно достигнуть путемъ чисто-отрицательныхъ средствъ, путемъ репрессій полицейскаго характера?

Что это не такъ, съ достаточной ясностью вытекаетъ изъ его опредѣленныхъ разъясненій относительно произведеній поэтовъ, художниковъ и «прочихъ деміурговъ». Платонъ хочетъ, чтобы то, что эти произведенія выражаютъ, было, главнымъ образомъ, плодомъ нравственныхъ (τῷ τῆς ψυχῆς ἤθει ἕπεται) [109]) и непремѣнно добрыхъ нравственныхъ качествъ (σώφρονος τε καὶ ἀγαθοῦ ἤθους) [110]) ихъ авторовъ, плодомъ такого образа мыслей, который «выработалъ въ нихъ прекрасный и благородный характеръ» [111]). Можетъ ли Платонъ, при такомъ взглядѣ, предоставить исключительно дѣлу случая, чтобы поэзія, искусство и художественная промышленность вообще стали и удержались на уровнѣ такого нравственнаго и эстетическаго воспріятія, при которомъ только и возможно выполненіе предъявленныхъ къ нимъ требованій! Можетъ ли Платонъ ожидать, что искусству всегда удастся инстинктивно «найти сущность прекраснаго и возвышеннаго» (ἰχνεύειν τὴν τοῦ καλοῦ καὶ εὐσχήμονος φύσιν) [112]), если необходимая для того склонность не будетъ развиваться и укрѣпляться въ отдѣльныхъ личностяхъ?

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Платонъ выставляетъ свои идеальныя требованія по отношенію къ художественному и промышленному производству идеальнаго государства, онъ говоритъ: «Чрезвычайную роль въ воспитаніи играетъ музическое развитіе. Оно порождаетъ возвышенный образъ мыслей (φέρει τὴν εὐσχημοσύνην) [113]). Только правильное воспитаніе дѣлаетъ человѣка благороднымъ; безъ воспитанія достигаются противоположные результаты [114]). Чѣмъ лучше воспитаніе, тѣмъ больше обостряется взглядъ на то, что осталось несовершеннымъ, что нехорошо выполнено или некрасиво создано природой» [115]); тѣмъ нетерпимѣе становится личность ко всему уродливому и тѣмъ полнѣе радуется прекрасному; въ прекрасномъ человѣкъ найдетъ свою духовную пищу, а все уродливое и вульгарное, напротивъ,— научится презирать еще съ юности, прежде чѣмъ познаетъ его причину.

Правда, всѣ эти соображенія высказаны въ разсужденіи о воспитаніи класса охранителей. Но они имѣютъ общее значеніе и ссылаются на общія одинаковыя для всѣхъ людей данныя. Поэтому мы въ правѣ формулировать выводы изъ всей теоріи Платона такъ: она приводитъ къ логически неопровержимому заключенію о томъ, что, разъ произведенія искусства и художественной промышленности должны отражать въ себѣ только прекрасное и возвышенное, то, очевидно, и сами художники должны быть воспитаны и развиты въ этомъ направленіи. Недостатки воспитанія, по словамъ самого Платона, могутъ привести лишь къ «обратному» — къ «отчужденію отъ музъ и невоспріимчивости къ прекрасному» (ἀμουσία καὶ ἀπειροκαλία) [116]).

Вотъ въ какія неразрѣшимыя противорѣчія вовлекаетъ Платона господствующее мнѣніе. Неужели же и мы захотимъ, безъ всякихъ принудительныхъ основаній, допустить подобныя противорѣчія у «величайшаго изъ учителей міра», да еще въ самой излюбленной его области?

Впрочемъ, у насъ есть—правда, болѣе позднее — заявленіе самого Платона,

свидѣтельствующее о томъ, что онъ съ живѣйшимъ интересомъ относился къ вопросу о воспитаніи «трудящихся» и пріобрѣтательныхъ классовъ. Онъ высказываетъ мысль, что тотъ, кто хочетъ стать впослѣдствіи къ чему-нибудь годнымъ, долженъ уже съ дѣтства, въ играхъ и занятіяхъ, упражняться во всемъ, имѣющемъ отношеніе къ его будущей профессіи [117]). Если кто-нибудь хочетъ быть дѣльнымъ сельскимъ хозяиномъ или дѣльнымъ архитекторомъ, то и игра его должна состоять въ возведеніи дѣтскихъ построекъ или въ сельскохозяйственныхъ занятіяхъ, а воспитатели должны позаботиться о доставленіи и тому, и другому соотвѣтствующихъ пособій, представляющихъ копіи съ дѣйствительныхъ устройствъ. Вообще воспитаніе должно стараться, чтобы уже за игрой юноши по возможности пріобрѣтали извѣстныя знанія и подготовку къ своей дальнѣйшей профессіи, и чтобы уже дѣтскія упражненія давали склонностямъ и стремленіямъ мальчиковъ то направленіе, которому имъ постоянно придется слѣдовать въ будущей профессіональной дѣятельности [118]). Совершенно ясно, какое значеніе должно, съ этой точки зрѣнія, получить дѣло воспитанія народа для государства, стремящагося доставить всѣмъ своимъ членамъ возможность развить величайшую ловкость въ ихъ профессіи!

Платону приписываютъ, вслѣдствіе совершеннаго непониманія всей его теоріи, взглядъ на все третье сословіе, какъ на одну «тупую, неспособную къ культурѣ массу». Что это невѣрно, за это говоритъ,—какъ это ни кажется парадоксальнымъ—уже самое политическое положеніе третьяго сословія въ идеальномъ государствѣ. Правда, промышленные классы лишены права участія въ выработкѣ государственной воли, т.-е. того, что, по демократической теоріи, неотдѣлимо отъ понятія гражданина государства. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что представители третьяго сословія являются гражданами въ меньшей степени, чѣмъ классъ охранителей, которыхъ, вопреки опредѣленнымъ разъясненіямъ Платона, принято считать единственными гражданами государства разума. Развѣ права гражданина, въ только что указанномъ смыслѣ, составляютъ отличительное преимущество этого послѣдняго класса? Конечно, нѣтъ! Представители его, въ качествѣ чиновниковъ и солдатъ, стоятъ въ чисто подчиненномъ отношеніи къ всемогущему правительству. Только одинъ или немногіе, «стоящіе у кормила правленія», являются суверенными обладателями полной и нераздѣльной государственной власти. Сравнительно съ ихъ абсолютной полнотою власти, правовое положеніе *всѣхъ* другихъ классовъ принципіально одинаково: это положеніе безусловнаго подчиненія [119]).

Правда, классъ охранителей пользуется преимуществомъ въ томъ отношеніи, что поприще солдата или чиновника является предварительнымъ условіемъ для достиженія высшей власти; кромѣ того, дѣти этого класса воспитываются опять-таки прежде всего для профессіи своихъ отцовъ. Однакоже, уже не говоря о томъ, что указанной цѣли на самомъ дѣлѣ можетъ достигнуть только ничтожное меньшинство, и только оно можетъ выдвинуться изъ рядовъ повинующихся, о классовомъ господствѣ тутъ, вообще, совершенно не можетъ быть рѣчи. Первое преимущество покоится на принципѣ раздѣленія труда и обусловленномъ послѣднимъ исключительномъ правѣ на существованіе практическаго и теоретическаго спеціальнаго воспитанія; второе—на искусственномъ физіологическомъ подборѣ, которому обязаны своимъ рожденіемъ «дѣти, предназначенныя для служенія цѣлому», и въ которомъ государство видитъ необходимую гарантію для произведенія соотвѣтствующаго его цѣлямъ потомства; но при этомъ государство не закрываетъ дороги одинаково способнымъ элементамъ другихъ классовъ. Здѣсь нѣтъ, какъ въ сословномъ государствѣ, кастоваго права, *какъ такового*, а потому нѣтъ и насилія

принудительнаго равенства по рожденію надъ неравнорожденными. Вообще государство не признаетъ за интересами класса охранителей никакихъ высшихъ правъ на предпочтеніе передъ интересами «прочихъ гражданъ». «Мы создаемъ — говоритъ Платонъ — счастливое государство не тѣмъ путемъ, что отдѣляемъ одну часть отъ цѣлаго и въ этой части дѣлаемъ счастливымъ меньшинство; мы хотимъ счастья всего совокупнаго государства [120]). Законодатель заботится не о томъ, чтобы какое-нибудь одно сословіе процвѣтало въ государствѣ за счетъ другого, а старается дѣйствовать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо» [121]).

Поэтому, согласно намѣреніямъ Платона, въ государствѣ разума, между представителями различныхъ классовъ народа, нѣтъ отношеній владыкъ и подданныхъ; всѣ члены государства—чиновникъ, какъ и ремесленникъ, солдатъ, какъ и земледѣлецъ,—могутъ чувствовать себя не только согражданами [122]), но даже братьями [123]). Чувство солидарности такъ тѣсно сжилось съ ними, взаимоотношенія отдѣльныхъ сословій такъ проникнуты духомъ взаимнаго доброжелательства и довѣрія, что носители государственной власти въ идеальномъ государствѣ не обозначаются даже тѣмъ именемъ, которое безъ колебанія употребляютъ и представители чистой демократіи. Они не называются правителями (ἄρχοντες), а защитниками и помощниками (σωτῆρες καὶ ἐπίκουροι). Правители не чувствуютъ себя «господами» (δησπόται) народа; они чтутъ въ немъ своихъ плательщиковъ и кормильцевъ (μισθοδότας τε καὶ τροφέας). Правители, чиновники и солдаты являются «услужливыми сою'зниками» остальныхъ гражданъ [124]) и видятъ въ нихъ не «покровительствуемыхъ и подчиненныхъ» (περιοίκους τε καί οἰκέτας), а людей свободныхъ, друзей и кормильцевъ (ἐλευθέρους φίλους τε καὶ τροφέας) [125]). Человѣка, занимающагося ручнымъ трудомъ, связываютъ съ интеллектуальнымъ работникомъ, служащимъ высшимъ цѣлямъ общества, идеальныя узы; по пониманію Платона, въ извѣстномъ смыслѣ слова, тотъ, кто даровито исполняетъ свою ежедневную работу, оказывается мастеромъ своего ремесла настолько же, какъ и «другіе мастера» [126]).

Такимъ образомъ, пріобрѣтающее сословіе пользуется въ государствѣ разума тѣмъ почетомъ, который «Законы», по болѣе позднему опредѣленію Платона, соглашаются отвести на долю промышленности безспорно и вообще только тогда, когда она будетъ находиться въ рукахъ истинно-нравственныхъ людей. Въ идеальномъ государствѣ пріобрѣтательная работа уже пользуется уваженіемъ, между тѣмъ какъ «Законы»—мы это видѣли—воздаютъ его только тогда, «когда ее будутъ любить и почитать, какъ мать и воспитательницу» (τροφός) [127]).

Здѣсь признаніе за трудомъ почета не ставится въ зависимость отъ такого идеальнаго условія, какъ тамъ; однакоже, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что необходимымъ основаніемъ подобнаго почета профессіональной работы Платонъ долженъ былъ признать довольно высокій средній уровень общей нравственности народа, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тогдашней дѣйствительностью. Иначе возможно ли было бы то единодушіе чувствъ и взглядовъ, которое должно существовать — хотя бы въ извѣстной степени,—для того, чтобы высоко образованный и высоко стоящій по положенію человѣкъ могъ видѣть въ лицѣ простого рабочаго своего «друга и брата», и для того, чтобы всѣ люди, подчиненные одной и той же власти, т.-е. власти разума, были другъ на друга похоже и дружелюбно настроены одинъ къ другому [128])?

Пусть только ясно представятъ себѣ, какъ высокъ тотъ идеалъ, который стремится осуществить соціальная организація государства разума. Въ немъ нашло свое воплощеніе то, что въ болѣе раннемъ сочиненіи Платонъ выставлялъ высшей цѣлью истинно-государственнаго искусства, то «сплетеніе душъ» [129]), которое со-

единяетъ души «божественными узами» [130]) и дѣлаетъ совмѣстную жизнь различныхъ классовъ общества отображеніемъ гармоніи звуковъ [131]). Но такое идеальное взаимоотношеніе сословій опять-таки предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, за разумными элементами управляемаго народа, «правильное представленіе о томъ, что хорошо, справедливо и прекрасно» [132]); или же, какъ говорится въ «Политіи»,— у всѣхъ классовъ согласное пониманіе того, «что и въ государствѣ, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка естественно должно быть господствующимъ» [133]). Только такой взглядъ можетъ привести «къ осмотрительному и разумному поведенію, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ государству» [134]).

Съ гармоніей, наполняющей цѣлое, нужно, по возможности, согласовать и душевную жизнь отдѣльныхъ гражданъ. Если государство должно быть «дружественнымъ въ самомъ себѣ», если всѣ граждане должны возможно больше *походить* другъ на друга и быть взаимно *доброжелательными*, то громадное большинство ихъ не можетъ пребывать въ томъ душевномъ настроеніи, которое Платонъ называетъ *анархическимъ*, и въ которомъ, «вслѣдствіе безпорядка и превратнаго направленія» (ταραχὴ καὶ πλάνη) различныхъ душевныхъ силъ, все снова и снова «рождается несправедливость, необузданность, низость и невѣжество, словомъ—всякое *зло*» [135]). Государство не складывается, подобно колесамъ мертваго механизма, только изъ возможно болѣе совершенныхъ *техническихъ* единицъ, и потому неизбѣжно должно выставлять нравственное требованіе: каждый гражданинъ въ немъ долженъ стараться, путемъ разумнаго урегулированія общей дѣятельной жизни, достигнуть извѣстной власти надъ самимъ собою.

Требованіе, чтобы каждому гражданину было отведено занятіе, соотвѣтствующее его природнымъ склонностямъ, мотивируется необходимостью, чтобы каждый «поставилъ себѣ какую-нибудь одну задачу, а не многія, и чтобы совокупности отдѣльныхъ лицъ представляла единое цѣлое, а не разнородную массу» [136]). Развѣ это достижимое для отдѣльной личности единообразіе должно означать только концентрацію ея на одной технической области труда, а не извѣстное въ то же время объединеніе моральнаго человѣка? Отвѣтъ врядъ ли можетъ быть сомнительнымъ. Самъ Платонъ называетъ именно эту послѣднюю цѣль руководящей нитью каждаго дѣйствія и поступка, все равно, къ чему бы онъ ни относился: къ пріобрѣтательной наживѣ (περὶ χρημάτων κτῆσιν) и пріобрѣтательному обмѣну (περὶ τὰ ἴδια ξυμβόλαια) или къ области гражданскихъ отношеній [137]). И хотя Платонъ предвидитъ, что даже и въ идеальномъ государствѣ, среди промышленныхъ классовъ, численный перевѣсъ окажется на сторонѣ такихъ людей, которые будутъ удовлетворять этому требованію лишь несовершенно и только подъ принудительнымъ давленіемъ болѣе разумныхъ элементовъ [138]), то все же описанное настроеніе умовъ является до извѣстной степени достижимымъ даже и для третьяго сословія. Безъ такого настроенія не могло бы быть и рѣчи о *счастьи* этого сословія.

Проявляется подобное настроеніе умовъ въ слѣдующихъ добродѣтеляхъ: въ «честности» (δικαιοσύνη) или, какъ переводитъ Гегель,—въ «добросовѣстности», и въ томъ нравственномъ поведеніи, которое Платонъ называетъ σωφροσύνη) [139]) Σωφροσύνη есть нравственное владычество надъ самимъ собой; оно покоряетъ себѣ все неразумное въ насъ, наши слѣпыя побужденія, эгоизмъ и страсти [140]); оно—полное мѣры самоограниченіе; оно помогаетъ намъ ясно отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ собственныхъ недостаткахъ и добровольно приводить себя въ подчиненіе тѣмъ, кто обладаетъ высшей проницательностью и потому призванъ руководить цѣлымъ [141]); оно—духъ самаго строгаго вѣрнаго выполненія обязанностей въ индивидуальной профессіи; короче говоря,—это «дѣятельное начало добра» (πρᾶξις τῶν

ἀγαθῶν) [142]) и «здоровье души» [143]). «Своихъ обладателей оно превращаетъ въ хорошихъ людей» (ἀγαθοὺς ποιεῖ οἷς ἂν παρῇ) [144]).

Само собой ясно, что такая степень развитія нравственныхъ качествъ можетъ быть только результатомъ воспитанія. Это опредѣленно признаетъ и самъ Платонъ въ томъ діалогѣ, гдѣ онъ пытается ближе опредѣлить сущность σωφροσύνη [145]). Θεραπεία ψυχῆς (діэтетика души) онъ требуетъ такъ же, какъ и діэтетики тѣла. То же самое требованіе встрѣчается и въ болѣе позднемъ его сочиненіи—въ «Горгіи»,—когда онъ говоритъ о «предписаніяхъ и постановленіяхъ для души», о τάξεις τε καὶ κοσμήσεις τῆς ψυχῆς [146]), необходимыхъ для того, «чтобы въ душахъ гражданъ возникало чувство добросовѣстности и разсудительности». Какія же предписанія для души хочетъ Платонъ дать на пользу, какъ мы видѣли, всѣхъ гражданъ безъ различія? Проектъ лучшаго государства отвѣчаетъ: [147]) «простое» музическое и гимнастическое воспитаніе; оно одно приводитъ къ тому уравненію стремленій, къ тѣмъ правильнымъ моральнымъ представленіямъ, которыя дѣлаютъ отдѣльную личность способной по собственному почину «исполнять свое дѣло» [148]), согласно съ намѣреніями принципа справедливости. Отсутствіе такого воспитанія ввергало бы государство въ опасность, грозящую искаженіемъ всего образа жизни гражданъ, въ силу перевѣса низшихъ душевныхъ побужденій [149]). При недостаточномъ воспитаніи (τροφῇ κακῇ), вслѣдствіе дурного ухода, все лучшее въ человѣкѣ должно поддаться власти худшаго [150]). Поэтому тотъ, кто въ добросовѣстности видитъ счастье, долженъ признать, что нужно словомъ и дѣломъ вліять на все то, что способствуетъ усиленію внутренняго человѣка (ὁ ἐντὸς ἄνθρωπος, хорошія побужденія въ человѣкѣ, «истинный человѣкъ»). О «многосложной» душѣ человѣка нужно «заботиться такъ, какъ заботится сельскій хозяинъ о своемъ полѣ: онъ холитъ и облагораживаетъ всѣ полезные всходы [151]) и не допускаетъ появленія дикихъ плевелъ». Всѣ двигательныя силы души нужно окружать заботливымъ вниманіемъ, воспитывая ихъ въ взаимномъ равновѣсіи.—Та же самая точка зрѣнія высказывается Кантомъ; онъ говоритъ, что только воспитаніе дѣлаетъ человѣка человѣкомъ.—Если человѣкъ,—говорятъ «Законы»,—не получаетъ заботливаго или хорошаго воспитанія, то онъ легко можетъ стать самымъ дикимъ изъ всѣхъ земныхъ созданій, хотя и считается ручнымъ [152]). Все это доказываетъ, какую важную роль для государства играетъ дѣло воспитанія [153])!

Съ особенной рѣзкостью эта мысль повторяется въ «Тимеѣ», по ходу идей непосредственно примыкающемъ къ «Политіи». Платонъ и здѣсь высказываетъ взглядъ, что тотъ, кто растетъ безъ воспитанія и образованія, кто «съ дѣтства не пріобрѣтаетъ знаній, являющихся цѣлебнымъ средствомъ противъ всякаго зла, долженъ стать дурнымъ человѣкомъ» [154]) — «Уговоры», т.-е., по-всей вѣроятности, прежде всего воспитаніе, вызываютъ тѣ правильныя представленія, которыя служатъ основой народной морали [155]). Поэтому всякій долженъ, по мѣрѣ силъ, стремиться къ воспитанію, къ образу жизни, къ знаніямъ, которыя помогутъ ему избѣжать дурного и достигнуть хорошаго» [156]). Среди воспитателей, содѣйствующихъ этой цѣли, первое мѣсто принадлежитъ государству. Оно, въ лицѣ своихъ учрежденій и въ томъ, чему оно «учитъ общественнымъ или частнымъ путемъ», отвѣтственно за низкій уровень народной нравственности» [157]).

Поэтому недостатки народнаго школьнаго образованія рѣзко выдвигаются Платономъ въ его критикѣ существующаго порядка, Въ «Законахъ» онъ выставляетъ образцомъ Египетъ, гдѣ широкая масса дѣтей (πάμπολυς παίδων ὄχλος) получаетъ такое первоначальное образованіе, съ которымъ греческое не можетъ и сравниться. Платону «стыдно за себя и за всѣхъ гре-

ковъ», что въ Греціи первоначальное обученіе въ извѣстныхъ вопросахъ (относительно элементарныхъ понятій о пространствѣ) оставляетъ юношество въ «смѣшномъ и постыдномъ невѣжествѣ» [157]),—невѣжествѣ, допустимомъ не въ людяхъ, а развѣ лишь въ какомъ-нибудь стадѣ свиней [158]). Притязаніе на необходимую степень образованія, стоящую въ зависимости отъ успѣховъ цивилизаціи, признается, въ извѣстной мѣрѣ, человѣческимъ правомъ. Въ то же время государство законовъ идетъ еще дальше: дѣтей самыхъ важныхъ сановниковъ—по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго возраста—оно хочетъ воспитывать вмѣстѣ съ дѣтьми бѣднѣйшихъ рабочихъ и даже рабовъ [159])! А когда затѣмъ наступаетъ моментъ отдѣленія свободныхъ отъ несвободныхъ, первые строго подчиняются принципу всеобщаго школьнаго обученія [160]).

Допустимо ли, чтобы Платонъ, державшійся подобнаго взгляда, могъ видѣть свой идеалъ въ такомъ государствѣ, которое исключительно заботится о взращеніи хорошихъ солдатъ и чиновниковъ и съ полнымъ равнодушіемъ относится къ вопросу объ образованіи народа,—въ томъ государствѣ, которое громадное большинство своихъ гражданъ предаетъ опасности развращенія и огрубѣнія? Силы, опредѣляющія общественную жизнь, въ каждой отдѣльной личности могутъ быть пробуждены и развиты только путемъ воспитанія и обученія. Такъ не долженъ ли вопросъ объ обученіи быть важнымъ предметомъ общественнаго интереса именно въ томъ государствѣ, которое стремится къ возможно совершенному и содѣйствующему цѣлому расцвѣту всѣхъ индивидуальныхъ силъ? Какъ можетъ государство, гдѣ даже самый высшій сановникъ долженъ въ каждомъ соплеменникѣ своемъ уважать друга и брата, совершенно оставлять массу въ томъ состояніи, которое Платонъ сравниваетъ съ состояніемъ стада свиней.

Мы можемъ даже пойти еще дальше и сказать: вопросомъ о народномъ образованіи задача идеальнаго государства по отношенію къ своимъ гражданамъ еще далеко не исчерпывается. Государство, желавшее счастья по возможности всѣхъ своихъ сочленовъ, и, именно ради этого счастья и въ интересахъ своего собственнаго состава, живѣйшимъ образомъ интересовавшееся нравственнымъ прогрессомъ, профессіональной ловкостью и внѣшнимъ преуспѣяніемъ пріобрѣтательныхъ классовъ, не могло предоставить и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ массу трудящагося народа исключительно самому себѣ. Для Платона, какъ мы видѣли, вопросъ о народной нравственности былъ въ то же время вопросомъ соціальнымъ и экономическимъ. Онъ видѣлъ, что этому вопросу со всѣхъ сторонъ тяжко вредятъ нездоровые наросты существующаго экономическаго строя, явленія маммонизма и пауперизма, и вредятъ именно тѣмъ самымъ качествамъ, которыя идеальное государство прежде всего предполагаетъ за своими гражданами. Для нравственнаго самоограниченія, для σωφροσύνη, являющагося колыбелью гармоническаго отношенія всѣхъ классовъ народа другъ къ другу, Платонъ не знаетъ злѣйшаго врага, чѣмъ противоположности богатства и бѣдности, — источникъ всякаго высокомѣрія, беззастѣнчивости и жажды переворота [161]). Основное условіе здороваго состоянія общества Платонъ видитъ въ духѣ простоты, умѣренности и трудолюбія; имъ особенно противодѣйствуетъ богатство, порождающее пышность, роскошь и праздность [162]); оно даетъ возможность жить лѣнивой жизнью на доходы съ капитала, а такая жизнь горделиво отворачивается отъ труда и тѣмъ отнимаетъ у отечественной промышленности ея производительныя силы [163]); вообще существующее распредѣленіе собственности, по мнѣнію Платона, влечетъ за собою не только моральныя, но народно-экономическія невзгоды, и устраненія этихъ невзгодъ Платонъ опредѣленно добивается въ проектѣ своего идеальнаго госу-

дарства. Такъ именно т у т ъ указывается на тяжелое зло, являющееся оборотной стороной богатства,—на отсутствіе собственности у большинства; многимъ, вслѣдствіе недостатка оборотнаго капитала, оно мѣшаетъ добыть необходимыя средства производства, а потому многіе не могутъ выполнять того дѣла, къ которому они способны [164]). Платонъ горько жалуется, что, такимъ образомъ, «и богатство, и бѣдность ухудшаютъ производство такъ же, какъ и нравственныя и техническія способности производителей»[165])—явленіе, абсолютно несовмѣстимое съ требованіями государства разума.

Разсматривая организацію гражданской и военной службы, мы уже видѣли, съ какой послѣдовательностью это государство преслѣдуетъ мысль—найти каждой индивидуальной силѣ то примѣненіе, въ которомъ она, по роду своихъ особенностей, будетъ болѣе всего на мѣстѣ. Этотъ принципъ—каждый на своемъ мѣстѣ для цѣлаго и при содѣйствіи цѣлаго—Платонъ опредѣленно переноситъ и на пріобрѣтательные классы. «Также и п р о ч и м ъ гражданамъ, — говоритъ онъ,— правительство должно каждому въ отдѣльности указать занятіе, къ которому влекутъ его его природныя склонности, чтобы каждый дѣлалъ то, что ему подходитъ» [166]). Такимъ образомъ государство удовлетворяетъ претензію индивидуума на соотвѣтствующее его личной производительности жизненное положеніе, и въ то же время достигаетъ и другого результата: каждая сила, въ служеніи цѣлому, находитъ свое полное и совершенное примѣненіе. Платоновское государство не должно ни одной силы оставлять неиспользованной. Чтобы не вредить своему внутреннему единству, оно нарочно ограничивается маленькой территоріей [167]); а потому недохватъ въ своей площади и въ численности гражданъ оно должно пополнять возможно болѣе интенсивнымъ напряженіемъ и использованіемъ всѣхъ своихъ силъ. Упомянутая выше эмансипація женщинъ, главнымъ образомъ, вызвана этой мыслью. По мнѣнію Платона, интересы государства не могутъ допустить, чтобы цѣлая половина его представителей—всѣ женщины—не выполняла, какъ это наблюдается при существующихъ условіяхъ, того, что она можетъ выполнить при полномъ развитіи ея способностей [168]). Теперь, какъ говорятъ «Законы», почти половина имѣющейся въ государствѣ общей силы пропадаетъ даромъ; а при одинаковомъ развитіи обоихъ половъ можетъ быть достигнуто вдвое больше, чѣмъ достигается теперь [169]). Поэтому Платонъ, какъ мы видѣли, ставитъ женщинамъ назначеннаго для общественнаго служенія класса самыя обширныя образовательныя задачи, желая тѣмъ самымъ поднять производительную способность в с е г о класса. Еще ярче эта тенденція выражается въ жалобѣ Платона, высказанной въ его болѣе позднемъ соціально-политическомъ произведеніи; онъ говоритъ, что, «въ смыслѣ рукъ, мы въ извѣстной степени искалѣчены, благодаря неразумію нашихъ матерей и нянекъ, не развивавшихъ нашу лѣвую руку наравнѣ съ правой». Платонъ хочетъ устранить и этотъ недостатокъ. Воспитаніе юношества должно тщательно обращать вниманіе на то, чтобы какъ мужчины, такъ и женщины достигали возможно большей ловкости во владѣніи своими членами и не допускать, чтобы ложными привычками извращались способности, данныя человѣку природой [170]). Можно подумать, что передъ нами современный техникъ, не желающій видѣть безполезной потери силъ [171]). Строжайшему проведенію принципа раздѣленія труда въ общей области производства Платонъ придаетъ такое большое значеніе именно потому, что оно влечетъ за собою самое интенсивное примѣненіе и подъемъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ.

Но если въ государствѣ разума не должна пропадать или остаться безъ примѣненія ни одна сила, то это государство должно неизбѣжно стремиться со-

блюсти границу, ниже которой не можетъ опускаться ни одинъ классъ населенія. Государство разума не терпитъ слишкомъ мелкихъ хозяйствъ или перебивающихся ремесленниковъ; оно не можетъ допустить своего гражданина до состоянія безработнаго или лѣниваго пролетарія, который уже не способенъ дѣйствовать на благо цѣлаго, т.-е. вообще утраченъ для государства, а потому перестаетъ, по мнѣнію Платона, быть «частью государства» [172]).

Государство разума не терпитъ трутней [173]) и соціальныхъ паразитовъ. Въ немъ нѣтъ мѣста и другой крайности—лѣнивой жизни богатыхъ на свою ренту. Такъ же рѣшительно, какъ съ безнадежной бѣдностью, оно ведетъ борьбу и со скопленіемъ богатства, лишающимъ трудъ всякой привлекательности въ глазахъ цѣлыхъ классовъ народа. Каждый, кто въ состояніи исполнять работу, содѣйствующую благу цѣлаго, д о л ж е н ъ работать. По представленію Платона, съ понятіемъ хорошо организованнаго государства нераздѣльно слито требованіе, чтобы всѣ безъ различія были связаны какой-нибудь дѣятельностью, отъ которой никто не имѣетъ права уклониться [174]).

Платонъ, будто бы презрительно относящійся къ труду, сходится здѣсь непосредственно съ сознаніемъ трудящагося народа, которое нашло себѣ выраженіе у сельскаго поэта изъ Аскры. С а м ъ Платонъ непосредственно примыкаетъ къ Гесіоду, оставившему намъ въ наслѣдство слѣдующія прекрасныя слова: «никакая работа не позоритъ, позоритъ только боязнь труда». Образъ паразита-трутня прямо взятъ Платономъ у Гесіода. Имъ обоимъ одинаково ненавистенъ высокомѣрный и пошлый тунеядецъ. Въ своемъ послѣднемъ произведеніи Платонъ снова возвращается къ проклятію, брошенному Гесіодомъ по адресу «боящагося труда человѣка» [175]): «тотъ ненавистенъ богамъ и смертнымъ, кто безъ работы живетъ, по цѣнности равный безоружнымъ трутнямъ, праздно поѣдающимъ работу трудолюбивыхъ пчелъ» («Труды и дни», 302—6).

Къ борьбѣ съ маммонизмомъ и пауперизмомъ государство разума побуждаютъ еще и другія причины. Все существованіе этого государства основано на способности его чиновниковъ и арміи къ самоотреченію и жертвамъ. Можетъ ли оно надѣяться поддержать съ такимъ трудомъ развитый духъ высокаго отсутствія потребностей и непритязательности своихъ чиновниковъ и солдатъ, когда они будутъ постоянно видѣть, что тѣ, ради кого они служатъ и въ пользу кого отказываются отъ собственности и наслажденія, безгранично накопляютъ богатство за богатствомъ, пользуются наслажденіемъ за наслажденіемъ, и—по крайней мѣрѣ, часть изъ нихъ—ведутъ такую жизнь, которая оказывается, такъ сказать, вѣчнымъ праздникомъ [176])

А сами граждане? Останутся ли они надолго въ состояніи абсолютнаго подчиненія, если въ ихъ средѣ, параллельно съ богатствомъ, будетъ постоянно расти сознаніе собственной значительности, если среди ремесленниковъ и промышленниковъ возвысятся люди, «которыхъ богатство сдѣлало высокомѣрными», или которымъ, вслѣдствіе обладанія другими средствами внѣшняго могущества, можетъ придти мысль насильно проложить себѣ дорогу въ высшіе классы? [177]) Возможно ли было думать для отдаленнаго будущаго о томъ согласіи умовъ въ идеальномъ государствѣ, которое Платонъ сравниваетъ съ гармоніей тоновъ, если бы это государство оставляло массу населенія просто въ такомъ состояніи, которое случайно выпало ей на долю, и которое Платонъ считаетъ только разсадникомъ самыхъ худшихъ страстей? Вѣдь этимъ бы Платонъ перенесъ въ свое идеальное государство, какъ уже замѣтилъ и Аристотель, все то, что онъ находилъ дурнымъ въ существующемъ строѣ общества [178]).

Какъ мы видѣли, противоположности бѣдности и богатства, по мнѣнію Платона, нарушаютъ цѣльность государства и заставляютъ его распасться на двѣ враждебныхъ половины. Можетъ ли государство, держащееся подобнаго взгляда, равнодушно смотрѣть на то, что всю массу народа проникъ такой расколъ? Правда, здѣсь, гдѣ государственная идея завоевала себѣ самостоятельное существованіе надъ промышленнымъ обществомъ, единству государства не грозила такая непосредственная опасность отъ соціальныхъ противорѣчій, какъ въ государствахъ дѣйствительности: тамъ эти противорѣчія постоянно переносились въ сферу государственной жизни. Однакоже, нечего было и думать, чтобы даже самый здоровый организмъ чиновничества и войска надолго остался чуждымъ опасности зараженія, разъ онъ находился въ постоянномъ и неизбѣжномъ, даже и при полной мѣстной обособленности, соприкосновеніи и трепіи съ больнымъ соціальнымъ тѣломъ, съ обществомъ, пребывавшемъ въ «лихорадочномъ состояніи»? Но даже и допуская эту возможность, можно ли соединить съ понятіемъ политическаго единства у Платона такое государство, въ которомъ только «серебряныя» души принуждены нести на себѣ ярмо долга и служить «цѣлому», тогда какъ низшія натуры могутъ свободно наживать добро и наслаждаться» [179])? Такое государство, какъ уже вѣрно замѣтилъ Аристотель, состояло бы изъ двухъ общинъ, и внутренняя противоположность ихъ должна была неизбѣжно вести къ взаимной враждебности, къ созданію πόλις ὑγιὴς (здороваго государства) и рядомъ съ нимъ πόλις φλεγμαίνουσα (государство въ лихорадочномъ состояніи) [180]).

Въ дѣйствительности Платонъ не знаетъ другого государственнаго дѣла, которое—послѣ поддержанія коммунистической организаціи сословія охранителей—было бы для правленія идеальнаго государства важнѣе, чѣмъ *государственное урегулированіе вопроса собственности въ пріобрѣтательныхъ классахъ общества* [181]).

По опредѣленному указанію Платона, правительство должно заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы «незамѣтно въ государство не прокрались богатство и бѣдность» [182]).

Относительно того, какъ государство должно осуществлять это требованіе, Платонъ, правда, не далъ точныхъ указаній. Правда, отдѣльныхъ указаній на реформы экономическаго права, которыми, по его мнѣнію, можетъ быть оказано противодѣйствіе капитализму и пауперизму, у него имѣется немало. Такъ, напримѣръ, въ своей критикѣ плутократіи Платонъ требуетъ сильныхъ ограниченій договорнаго права; онъ не хочетъ, чтобы личность въ распоряженіи своей собственностью или въ пріобрѣтеніи чужого имѣнія оставалась вполнѣ неограниченной: это влечетъ за собою «чрезмѣрное обогащеніе однихъ и, наоборотъ, совершенное обѣднѣніе другихъ» [183]). Онъ хочетъ въ самомъ корнѣ подкосить ростовщичество, причемъ устанавливаетъ положеніе, въ силу котораго должно быть отмѣнено «взысканіе по суду отданныхъ подъ проценты денегъ» [184]). Наконецъ, въ идеальномъ государствѣ Платонъ не допускаетъ ни золотой, ни серебряной монеты. Но всѣ единичныя указанія, ограничивающіяся отрицаніемъ существующаго порядка, ни въ коемъ случаѣ не даютъ намъ матеріала для сужденія о томъ, въ какой положительной формѣ Платонъ представлялъ себѣ новый экономическій строй идеальнаго государства. Не говорятъ они даже о вышеизложенномъ требованіи устраненія богатства и бѣдности самихъ по себѣ, а только имѣютъ въ виду вырожденіе богатства въ черезчуръ сильную власть капитала, а бѣдности—въ пауперизмъ и нужду. И все-таки съ нѣкоторой достовѣрностью можно отвѣтить на *слѣдующій*

вопросъ: какое разрѣшеніе проблемы собственности автору «Политіи» рисовалось какъ самое желательное?

Прежде всего спрашивается: что же является необходимымъ послѣдствіемъ тѣхъ задачъ, которыя Платонъ ставилъ истинно государственному искусству, а тѣмъ самымъ и идеальному государству?

Лучшее представленіе о томъ, чѣмъ «должно быть» государство по Платону, дастъ характеристика, которую нашелъ себѣ задуманный въ существенныхъ пунктахъ совершенно въ духѣ Платона государственный идеалъ Родбертуса по изложенію его новѣйшихъ біографовъ. Государство, согласно Родбертусу, должно быть центральной организаціей соціальнаго тѣла. Сущность же каждой организаціи заключается въ совпаденіи и гармоніи частей, изъ которыхъ каждая должна выполнять опредѣленную, относящуюся къ жизни цѣлаго функцію, стоящую во взаимодѣйствіи съ дѣятельностью всѣхъ прочихъ частей. Чѣмъ государство централизованнѣе, и чѣмъ больше въ немъ раздѣленіе труда, тѣмъ оно совершеннѣе. Со своей «ясной точки зрѣнія» государство можетъ и должно привести дѣйствія многихъ индивидуальностей въ согласіе и соотвѣтствіе; оно должно дать форму соціальной матеріи и играть роль промысла въ общей жизни народа. Во всѣхъ областяхъ соціальной жизни ему принадлежатъ «иниціатива и доминирующая власть», въ области интеллектуальной и нравственной такъ же, какъ и въ области экономической культуры [185]).

Въ основныхъ пунктахъ совершенно то же имѣетъ въ виду и Платонъ, когда о «царственномъ искусствѣ» правителей онъ говоритъ: «Оно — причина всѣхъ правильныхъ дѣйствій въ государствѣ (αἰτία τοῦ ὀρθῶς πράττειν ἐν τῇ πόλει); оно правитъ рулемъ государства, и, все направляя и царствуя повсюду (πάντα κυβερνῶσα καὶ πάντων ἄρχουσα), оно все заставляетъ приносить пользу (πάντα χρήσιμα ποιεῖ) [186]). Оно одно можетъ разумно рѣшить, какъ застанить всякое дѣйствіе и поступокъ служить ихъ высшей цѣли, общему благополучію. Его задача въ томъ, чтобы всѣ единичныя дѣятельности направить къ этой цѣли и урегулировать ихъ сообразно требованіямъ общей всѣмъ цѣли. Оно—высшій регуляторъ общей трудовой жизни [187]).

Могло ли идеальное государство осуществить эти принципы, удержавъ институтъ частной собственности въ томъ объемѣ, какой онъ имѣлъ въ государствахъ дѣйствительности? Для того, чтобы примѣнять каждую экономическую силу въ надлежащемъ мѣстѣ, государство должно всегда быть въ состояніи доставлять ей необходимыя рабочія средства. Послѣднимъ условіемъ вызываются два другія требованія: обобществленіе со стороны государства собственности на средства производства и установленіе общаго хозяйства при производствѣ продуктовъ.

Ясны ли были сознанію самого Платона эти заключенія, намъ опредѣленно не извѣстно. Но мы хорошо знаемъ, что Платонъ высказывалъ идеи, далеко выходящія за предѣлы обоихъ этихъ требованій,—идеи, означавшія въ вопросѣ частной собственности на предметы потребленія и въ вопросѣ частнаго домашняго хозяйства болѣе или менѣе радикальную ломку существующаго порядка.

Платонъ задаетъ вопросъ: что является для государства высшимъ счастьемъ, къ которому долженъ прежде всего стремиться законодатель, и что оказывается величайшимъ зломъ [188])? Отвѣтъ таковъ: для государства нѣтъ большаго блага, чѣмъ то, что служитъ его внутренней связи и объединенію, нѣтъ большаго зла, чѣмъ то, что ведетъ къ его раздѣленію и распаду [189]). Но ничто не объединяетъ болѣе, чѣмъ равенство интересовъ, или—говоря языкомъ Платона—«общность радости и горя» [190]); ничто не раздѣляетъ сильнѣе, чѣмъ обратное явленіе [191]). Желательно, чтобы одни и тѣ же событія въ жизни по возможности во всѣхъ

гражданахъ (ὅτι μάλιστα πάντες οἱ πολῖται) вызывали однородныя чувства—радостныя или печальныя, и чтобы одни и тѣ же событія не были источникомъ сильной радости однихъ и глубокой печали для другихъ [192]). Какъ у отдѣльнаго индивида боль или пріятное ощущеніе какого-нибудь отдѣльнаго члена отзывается во всемъ тѣлѣ, такъ должно быть и въ государствѣ. Государство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ оно ближе, въ смыслѣ внутренняго единства, подходитъ къ человѣческому организму, и чѣмъ больше вся совокупность его населенія можетъ радоваться или печалиться, когда съ отдѣльной личностью происходитъ что-нибудь дурное или хорошее [193]). Но что же укрѣпляетъ какъ-разъ обратныя явленія въ существующемъ обществѣ? Что ведетъ къ раздѣльности интересовъ и чувствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ расколъ въ образѣ мыслей? По мнѣнію Платона — единственно и исключительно то обстоятельство, что о всѣхъ благахъ нельзя съ одинаковой вѣрностью сказать и «это мое», и «это не мое», и что, вслѣдствіе существованія частной собственности, барышъ и радость одного могутъ быть ущербомъ и горемъ для другого [194]).

Если мы представимъ себѣ всю важность этихъ положеній, то намъ станетъ ясно, что Платонъ не могъ остановиться, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, на коммунизмѣ только класса чиновниковъ и войска, и что онъ долженъ былъ желать болѣе общаго коммунизма. Выставляемый имъ идеалъ государственнаго единства могъ осуществиться вполнѣ и совершенно только тогда, когда не только чиновникъ или солдатъ, но, по возможности, и весь народъ станетъ жить и хозяйничать какъ одна большая семья.

Итакъ, конечныя желанія Платона въ отношеніи пріобрѣтательныхъ классовъ общества выходили за предѣлы того половинчатаго коммунизма, который былъ бы достаточенъ для государственной организаціи работы. Послѣднимъ и высшимъ идеаломъ и здѣсь является полный и совершенный коммунизмъ, т.-е. общая собственность не только на средства производства, но и на средства потребленія, общее хозяйство какъ при производствѣ продуктовъ, такъ и въ домашней жизни.

Такой выводъ неопровержимъ даже и въ томъ случаѣ, если бы въ болѣе ранней части «Политіи» нашлись выраженія, говорящія въ пользу чисто-индивидуальнаго хозяйства въ промышленныхъ сословіяхъ. Эти выраженія доказывали бы только, что, по мѣрѣ развитія своей работы и подъ вліяніемъ логическихъ выводовъ, Платонъ зашелъ по пути коммунизма за предѣлы своихъ первоначальныхъ намѣреній. Впрочемъ, по моему мнѣнію, выраженій такого рода въ «Политіи» нѣтъ. Мѣста, приводимыя обыкновенно въ качествѣ доказательствъ того, что для «массы народной» Платонъ предполагаетъ «обычный образъ жизни», лишены всякой доказательности.

Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ Платонъ обосновываетъ коммунистическій строй жизни своихъ чиновниковъ и солдатъ тѣмъ соображеніемъ, что если бы имъ разрѣшить частную собственность на землю, дома или движимый капиталъ, то изъ «охранителей» они легко обратились бы въ домовладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ и, вмѣсто «союзниковъ», стали бы враждебными властелинами своихъ согражданъ; всю свою жизнь питая ненависть и возбуждая ее въ другихъ, они оказались бы виновниками и предметомъ враждебныхъ преслѣдованій [195]).

Эти слова истолковываютъ въ томъ смыслѣ, будто Платонъ хотѣлъ сказать, что въ отношеніи частно-правовомъ и экономическомъ частная собственность поставила бы чиновника и солдата идеальнаго государства въ такое же положеніе, какое въ этомъ государствѣ занимаютъ, напримѣръ, крестьянинъ и другіе. Но

такая ссылка на третье сословіе идеальнаго государства, какъ уже правильно разъясняли нѣкоторые отдѣльные комментаторы [196]), приведена въ связь съ этимъ мѣстомъ искусственно. Выраженіе Платона очевидно имѣетъ совершенно общій смыслъ, а именно, что сельское или какое-нибудь другое частное хозяйство отдалило бы охранителей отъ ихъ профессіи; интересы умноженія состоянія или обработки земли взяли бы у нихъ верхъ надъ требованіями служебнаго долга.

Такой же общій характеръ имѣетъ и другое обыкновенно приводимое мѣсто Одинъ изъ собесѣдниковъ «Діалога» возражаетъ противъ коммунистическаго строя жизни охранителей и говоритъ, что въ такой жизни мало мѣста для того счастья, которое идеальное государство обѣщаетъ всѣмъ своимъ согражданамъ. Охранители держатъ въ своихъ рукахъ все государство, а между тѣмъ не получаютъ отъ него ни малѣйшихъ матеріальныхъ выгодъ; «они не могутъ, какъ другіе (οἷον ἄλλοι), пріобрѣтать земли, строить большіе, прекрасные дома и заводить хорошую обстановку; у нихъ нѣтъ ни золота, ни серебра; словомъ, они лишены всего того, чѣмъ обыкновенно владѣютъ «счастливые люди» [197]).

Очевидно, здѣсь положеніе высшихъ классовъ идеальнаго государства совсѣмъ не противопоставляется положенію прочихъ гражданъ, какъ это обыкновенно думаютъ: въ большей части рукописей стоитъ не «οἱ ἄλλοι», а «ἄλλοι»; здѣсь идетъ рѣчь вообще о жизни другихъ людей и въ томъ смыслѣ, который соотвѣтствуетъ обычному представленію о счастьѣ.

Съ нашимъ толкованіемъ не идетъ въ разрѣзъ даже и то мѣсто, гдѣ, въ экономическомъ отношеніи, чиновники и войско дѣйствительно противопоставляются другимъ гражданамъ. Вѣдь слова Платона, запрещающія соприкосновеніе съ золотомъ и серебромъ не всѣмъ гражданамъ, а только представителямъ высшихъ сословій, можно было бы истолковать такъ, какъ-будто въ экономической жизни прочихъ классовъ благородные металлы играютъ совершенно ту же роль, какъ и въ экономическомъ строѣ существующаго общества; въ этомъ увидѣли бы, безъ сомнѣнія, главный моментъ для доказательства господствующаго мнѣнія, если бы только самъ Платонъ опредѣленно не разъяснилъ, что дѣйствующимъ правомъ идеальнаго государства употребленіе золота и серебра должно быть в о о б щ е запрещено населенію [198]). Очевидно, въ первомъ мѣстѣ подразумѣвается только минимумъ золотой и серебряной монеты; отъ этого минимума народное хозяйство государства-города не можетъ никогда вполнѣ отказаться, такъ какъ надолго едва ли можно было обойтись безъ ввоза необходимыхъ предметовъ потребленія изъ-за границы; изъ внутренняго обращенія государства былъ изгнанъ, однако, и этотъ минимумъ золота и серебра [199]).

Но если, съ одной стороны, всѣ приведенныя выдержки не выясняютъ вопроса о с т р о ѣ с о б с т в е н н о с т и пріобрѣтательныхъ классовъ идеальнаго государства, то, съ другой, у насъ нѣтъ недостатка въ такихъ выраженіяхъ Платона, которыя позволяютъ достаточно опредѣленно признать, что онъ прекрасно понималъ экономическіе выводы, вытекавшіе изъ его соціально-политической теоріи, и что наше толкованіе отнюдь не раздвигаетъ произвольно рамокъ ученія Платона за предѣлы его собственныхъ представленій.

Платонъ опредѣленно говоритъ, что самая совершенная организація государства и общества была бы та, гдѣ «большинство» населенія могло бы объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ одновременно сказать: «это мое» и «это не мое» [200]). И въ полномъ согласіи съ самимъ собой, въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи Платонъ провозглашаетъ слѣдующій основной принципъ лучшаго государственнаго устройства: по возможности в о в с е м ъ государствѣ нужно осуществить старую посло-

вицу: «у друзей дѣйствительно всегда все общее» [201]). По мнѣнію Платона, въ интересахъ своего внутренняго единства [202]) такъ же, какъ и въ интересахъ нравственности своихъ гражданъ, государство должно своимъ высшимъ идеаломъ признать такое состояніе, при которомъ все, что называется собственностью, совершенно изгнано изъ человѣческой жизни [203]). На осуществленіе, хотя бы и въ далекомъ будущемъ, этого высшаго изъ своихъ соціально-экономическихъ идеаловъ, конечно, не смѣлъ надѣяться и самъ Платонъ даже въ высшей стадіи своего оптимизма. Въ проектѣ идеальнаго государства онъ, какъ мы уже видѣли, опредѣленно довольствуется тѣмъ, что граждане—или, по выраженію другого мѣста, большинство изъ нихъ—по возможности соучаствуютъ въ дѣлежѣ общихъ продуктовъ и живутъ общими интересами [204]).

Платонъ не вышелъ также изъ рамокъ общей формулировки своей проблемы. Относительно всякихъ возникающихъ при этомъ детальныхъ вопросовъ, напр., о томъ, какъ его требованіе претворяется въ законы управленія, законы управленія въ административныя мѣры, а эти послѣднія—въ новый желательный видъ соціальныхъ отношеній, у Платона не сложилось яснаго и опредѣленнаго представленія. Также и о степени достижимости его идеаловъ на практикѣ. Онъ указываетъ только общее направленіе, по которому должна идти реформа экономическаго строя. Экономическую политику лучшаго государства онъ хочетъ заставить руководиться мыслью, что народное хозяйство по возможности всегда должно превращаться въ хозяйство государственное. Однакоже, рѣшеніе о степени осуществимости этой мысли онъ предоставляетъ той дальновидности, которая должна воплотиться въ лицѣ философа-властителя, какъ результатъ самой совершенной теоретической и практической выучки.

Аристотель не совсѣмъ вѣрно понялъ основную точку зрѣнія Платона. Въ своей полемикѣ противъ идеальнаго государства Аристотель держится мнѣнія, что Платонъ оставилъ совершенно не рѣшеннымъ вопросъ, долженъ ли строй жизни третьяго сословія покоиться на основѣ коммунизма или на основѣ частной собственности [205])? Платонъ оставилъ открытымъ вопросъ не о частной или общей собственности, не о частномъ или общемъ хозяйствѣ, а о томъ, въ какомъ объемѣ по необходимости придется допустить частную собственность и частное хозяйство на ряду съ самымъ широкимъ и преимущественнымъ проведеніемъ принципа общей собственности и общаго хозяйства [206]).

И все-таки въ этомъ вопросѣ Аристотель несравненно ближе подошелъ ко взгляду своего учителя, чѣмъ современные критики, упрекающіе Аристотеля въ полномъ непониманіи Платона. Этотъ упрекъ бросаютъ Аристотелю только за то, что онъ допускаетъ возможность присутствія у Платона мысли о болѣе или менѣе широкомъ коммунистическомъ строѣ третьяго сословія. Допуская подобное соображеніе, Аристотель будто бы проявилъ полную неспособность проникнуть въ кругъ идей своего противника,—такую неспособность, сильнѣе которой нельзя себѣ и представить [207]). Дѣйствительно, если Платонъ думалъ и высказалъ то, что приписывается ему по современному пониманію «Политіи», если свое идеальное государство разума онъ хотѣлъ построить на основѣ чисто-индивидуалистическаго народнаго хозяйства, то аристотелевская критика настолько плоха и поверхностна, настолько лишена всякаго пониманія, что авторъ ея кажется рѣшительно непризваннымъ къ обсужденію даннаго вопроса.

Правда, справедливымъ остается то, что критика Аристотеля, вслѣдствіе ея односторонне-полемическаго характера, иногда приходила къ чрезвычайно одностороннимъ и ложнымъ выводамъ; она оставляла безъ вниманія тѣ, правда, случайныя,

выраженія Платона въ «Государствѣ» и въ «Законахъ», которыя заключаютъ въ себѣ характерныя указанія для правильнаго пониманія ихъ автора. Но эти недостатки, отчасти общіе у Аристотеля и съ новѣйшими критиками, еще далеко не даютъ намъ права предполагать въ величайшемъ изъ учениковъ Платона такое дѣтское непониманіе, какое приходится признать за нимъ по современному толкованію. Не слѣдуетъ ли скорѣе признать, что современный взглядъ на платоновское государство, приведшій къ такимъ выводамъ относительно Аристотеля, исходитъ изъ ложнаго предположенія [208])?

Во всякомъ случаѣ, подтвержденіемъ развитаго въ этой книгѣ взгляда можетъ служить уже то обстоятельство, что онъ одинъ дѣлаетъ намъ понятнымъ Аристотеля и его критику «Политіи».

Если мы, послѣ всего этого, еще разъ представимъ себѣ моменты, на которыхъ зиждется нашъ взглядъ на платоновское государство и на его отношеніе къ третьему сословію, то и обо всемъ отношеніи Платона къ основной задачѣ соціальной этики мы будемъ судить правильнѣе и справедливѣе, чѣмъ могла судить господствующая теорія.

Пути, на которыхъ ищутъ разрѣшенія указанной проблемы, ведутъ—теперь, какъ и въ эпоху Платона—по двумъ другъ другу діаметрально противоположнымъ направленіямъ. Съ одной стороны, мы находимъ представителей исключительно аристократической, съ другой—представителей демократически-эгалитарной общественной морали. Первые исходятъ изъ того положенія, что высокой духовной культуры можетъ достигнуть всегда только небольшое меньшинство, являющееся носителемъ прогресса. Цѣли культуры и высшее право болѣе одаренныхъ отъ природы людей на использованіе своихъ преимуществъ эта теорія ставитъ впереди всѣхъ другихъ соображеній и, соотвѣтственно съ этимъ, рѣшающее значеніе придаетъ возможно большей дифференціаціи и возможно большему аристократическому расчлененію общества; такое расчлененіе представляетъ благопріятную почву для проявленія означеннаго превосходства [209]).

Напротивъ, приверженцы другой точки зрѣнія подчеркиваютъ справедливыя притязанія широкаго большинства на участіе въ завоеваніяхъ культуры и на пользованіе тѣми благами, которыя способны поднять степень достижимаго отдѣльной личностью человѣческаго счастья. Выше цѣлей культуры они ставятъ цѣль счастья или, говоря словами Бентама, возможно большее счастье большинства [210]).

Оба воззрѣнія заключаютъ въ себѣ зерно истины, оба страдаютъ извѣстной односторонностью. Въ то время, какъ въ одномъ проявляется сильная тенденція къ противорѣчащему культурѣ нивелированію, другое слишкомъ легко забываетъ нравственное правило, что человѣкъ въ человѣкѣ никогда не долженъ видѣть только средство. «Морали господъ», какъ назвалъ аристократическое направленіе крайній представитель его, Ницше, предпочтительное положеніе выдающихся личностей естественно представляется самоцѣлью; она съ полнымъ удовлетвореніемъ признаетъ, что «человѣчество какъ масса» должно жертвовать благомъ большинства «благу немногихъ, преуспѣянію отдѣльнаго, болѣе сильнаго вида человѣка». Масса, полезное и рабочее стадо животныхъ, служитъ лишъ грунтомъ для развитія тончайшихъ цвѣтковъ культуры, подобно тому, какъ въ деревѣ только верхушка даетъ цвѣты и плодъ, тогда какъ стволъ несетъ на себѣ всю тяжесть Цѣль общества заключается единственно въ томъ, чтобы приготовить арену совершенному человѣку. «Пусть поставятъ такого человѣка—говоритъ Ницше—на одну чашку вѣсовъ, а широкую, волнующуюся массу, стадо—на другую,

тогда эта послѣдняя низринется до крайняго предѣла возможности, потому что все ея содержимое—только нули». Отсюда гибель или порабощеніе всѣхъ менѣе одаренныхъ!

Кто не отождествитъ этотъ взглядъ съ общественнымъ идеаломъ, такъ часто приписываемымъ Платону? И дѣйствительно неоднократно уже указывалось на идейную связь, которая якобы существуетъ между Платономъ и этой соціальной философіей современнаго аристократизма. Послѣдняя сама зачастую съ особеннымъ пристрастіемъ ссылалась на Платона. Такой замѣчательный знатокъ древности, какъ Ницше, восхваляетъ Платона, этого «царственнаго и величаваго отшельника духа», за его «презрѣніе къ состраданію», за его «возвеличеніе знатности и первенства». Ницше раздѣляетъ даже мнѣніе Онкена о мнимомъ олигархизмѣ основоположеній Платона. «Во всякой олигархіи — говоритъ онъ — скрывается жажда тиранніи. Всякая олигархія трепещетъ отъ напряженія, вызываемаго необходимостью для каждаго отдѣльнаго ея члена побороть въ себѣ эту жажду власти. Такъ было, напримѣръ, въ Греціи. Платонъ подтверждаетъ это въ сотнѣ мѣстъ, Платонъ, знавшій самого себя и себѣ подобныхъ».

Въ томъ, что это мнѣніе бросаетъ ложный свѣтъ на точку зрѣнія Платона, не можетъ оставаться сомнѣній послѣ выводовъ нашего обстоятельнаго анализа платоновскаго государства. Правда, Платонъ искренно убѣжденъ, что—скажемъ словами Трейтшке—милліоны людей должны пахать, ковать и строгать для того, чтобы нѣсколько тысячъ могли изслѣдовать и управлять. Основываясь на такомъ убѣжденіи, онъ требовалъ очень сильнаго дифференцированія общества,—даже слишкомъ сильнаго; признаемся въ этомъ сейчасъ же; но все его представленіе о положеніи выдающихся элементовъ соціальнаго организма еще безконечно далеко отъ того міра идей «высшаго десятка тысячъ», который, по мнѣнію Герберта Спенсера («The Man versus State)», и въ настоящее время еще существеннымъ образомъ опредѣляется воззрѣніями классической древности на общество.

Для того, чтобы считаться поборникомъ этой общественной теоріи, Платонъ долженъ былъ бы прежде всего требовать прогрессивнаго дифференцированія общества, зиждущагося на возможно болѣе широкомъ различіи матеріальнаго положенія. Указанный аристократизмъ болѣе или менѣе открыто выставляетъ желанной цѣлью соціально-экономическаго развитія: концентрацію богатства, которая заключаетъ въ себѣ возможность рафинированной, аристократической духовной культуры; высшее развитіе всѣхъ цвѣтовъ тончайшаго наслажденія жизнью; самый свободный путь тѣмъ виртуозамъ наслажденія, которые въ то же время являются и виртуозами духа, и которые могутъ развивать свои силы только въ атмосферѣ утонченнаго чувственнаго существованія, какъ, напримѣръ, В. фонъ Гумбольдъ, Гентцъ и Гейне [211]). Культурный идеалъ, предполагающій для своего полнаго осуществленія «пожертвованіе безчисленнымъ множествомъ людей», которые, какъ думаетъ Ницше, ради тѣхъ «счастливцевъ», должны быть принижены и угнетены до состоянія несовершенныхъ людей, рабовъ и простыхъ орудій.

Совсѣмъ иной взглядъ у Платона! Для аристократіи своего идеальнаго государства онъ вообще не требуетъ никакого внѣшняго положенія, покупаемаго цѣной матеріальной эксплуатаціи пріобрѣтательныхъ классовъ народа, а тѣмъ болѣе—бѣдствіемъ массы. Мнѣніе Трейтшке, будто талантамъ, какъ созидателямъ и носителямъ культуры, подобаетъ исключительное матеріальное положеніе, Платонъ несомнѣнно отвергъ бы какъ олигархическое. Онъ самъ указываетъ, что съ точки зрѣнія людей, для которыхъ матеріальный моментъ играетъ рѣшающую роль, участь класса охранителей идеальнаго государства не можетъ казаться «особенно счаст-

ливой» [212]). Вѣдь Платонъ требуетъ для нихъ только того, что необходимо для поддержанія ихъ физической и духовной продуктивности, т.-е. освобожденія отъ обычныхъ лишеній и отъ физической работы [213]). Это—скромный идеалъ, который однажды призналъ своимъ Шиллеръ. «Быть счастливымъ—говоритъ Шиллеръ—я могу, только живя въ обезпеченномъ благоденствіи, которое не стояло бы въ зависимости отъ произведеній моего духа». Занимающійся пріобрѣтательной дѣятельностью народъ идеальнаго государства снимаетъ со своихъ правителей, чиновниковъ и солдатъ заботу о хлѣбѣ насущномъ; онъ даетъ имъ жалованье, «при которомъ они не терпятъ нужды, но отъ котораго не имѣютъ и никакого излишка [214]). Это—минимумъ жертвъ, которыя неизбѣжно должно принести общество, желающее имѣть избранную интеллигенцію и войско, обезпечивающее его собственное существованіе. Въ дѣятельности этихъ избранниковъ общество, во всякомъ случаѣ, согласно намѣреніямъ Платона, находитъ себѣ полное воздаяніе за свои жертвы; поэтому оно приноситъ ихъ, въ концѣ концовъ, не столько ради другихъ, сколько ради своихъ собственныхъ интересовъ.

Одна часть общества возвышается надъ всѣми другими не потому, что ея высшія способности, какъ таковыя, даютъ ей на это право, но потому, что эти способности позволяютъ достигнуть наивысшихъ результатовъ въ служеніи цѣлому. Въ кругъ этихъ избранныхъ личность вступаетъ не исключительно только ради самой себя, но и ради другихъ. Насколько мало аристократы Платона одушевлены тѣмъ, что поборникъ современнаго аристократизма называетъ «волей къ могуществу»; насколько мало все ихъ существованіе требуетъ безпощаднаго пожертвованія и «совершеннаго использованія» другихъ; настолько же и масса народа мало чувствуетъ себя угнетенной и придавленной, страждущей и несвободной. Масса жертвуетъ собою ради избранныхъ не въ большей степени, чѣмъ избранные для нея. Здѣсь нѣтъ непримиримой вражды между «моралью господъ и рабовъ»; мы видимъ здѣсь скорѣе идею обязанностей, налагаемыхъ соціальными взаимоотношеніями, которыя въ гармоническомъ согласіи связываютъ правящихъ и управляемыхъ.

Однимъ словомъ въ платоновскомъ государствѣ мы имѣемъ передъ собою попытку уравновѣсить цѣли культуры и «благо немногихъ» съ цѣлями счастья и «благомъ большинства».

Платоновское государство, создавая классъ охранителей, дѣлаетъ уступку аристократизму; но, съ другой стороны, оно даетъ этой аристократіи общегосударственный отпечатокъ, заставляя ее отталкивать всѣ негодные для служенія государству элементы и постоянно обновляться привлеченіемъ талантовъ изъ народа. Насколько рѣзко проведена разница между индивидуумами и классами въ соціалъ-аристократическомъ смыслѣ,—разница, обусловленная неоднаковостью ихъ задачъ, настолько же ясно выступаетъ соціалъ-демократическая тенденція, проявляющаяся въ чрезвычайно скромной экономической обстановкѣ высшихъ классовъ; задача этой тенденціи не допустить развитія неравенства выше той мѣры, которая требуется гармоніей общей жизни. Платоновское государство не хочетъ такого неравенства, при которомъ громадное число рукъ принуждено работать не для удовлетворенія необходимыхъ всѣмъ потребностей, а для содѣйствія несоразмѣрному возвышенію отдѣльныхъ личностей надъ соціально-экономическимъ положеніемъ ихъ собраній. На своемъ знамени платоновское государство выставляетъ демократическій принципъ Бентама; оно печется обо всѣхъ или, по возможности, о многихъ и руководящей нитью взаимоотношеній своихъ гражданъ провозглашаетъ мораль общаго сострадания и общей радости; послѣднюю, конечно, какъ соціали-

стическія мечтанія о братствѣ, рѣшительно отвергла бы соціальная философія аристократизма, являющаяся моралью гордыни, самовластія и жестокости [217]).

Изъ принципа счастья Платонъ сдѣлалъ болѣе радикальные выводы, чѣмъ даже только-что названный представитель этого принципа—Бентамъ. Послѣдній тоже держится мнѣнія, что сумма счастья тѣмъ больше, чѣмъ меньше разность въ экономическомъ положеніи гражданъ. Но важное значеніе матеріальныхъ благъ, какъ основы личнаго счастья, по воззрѣнію Бентама, не позволяетъ ему въ развитіи своей мысли дойти до послѣдняго вывода, т.-е. до требованія коммунизма. Вмѣсто равнаго распредѣленія собственности, онъ стремится къ равному распредѣленію правъ и силъ; онъ надѣется, что подобное распредѣленіе дастъ въ достаточной мѣрѣ благопріятный результатъ для осуществленія счастья цѣлаго; вѣдь то счастье, къ которому стремилась бы суверенная община всѣхъ гражданъ, было бы всегда счастьемъ всѣхъ. Платонъ, не раздѣлявшій этой надежды и для достиженія цѣли, поставленной здѣсь политическому демократизму, не нуждавшійся въ равномъ распредѣленіи правъ, тѣмъ смѣлѣе вступаетъ на путь экономическаго равенства. Для высшаго индивидуальнаго счастья, по его мнѣнію, нужно лишь малое количество матеріальныхъ благъ, а потому примиреніе стремленій меньшинства къ наибольшей интенсивности доступнаго для него счастья и стремленій большинства къ возможно широкому распространенію благополучія представляется Платону задачей, разрѣшимой именно на основѣ народнаго хозяйства; этимъ въ достаточной мѣрѣ обезпечивается соціальная гармонія между меньшинствомъ и большинствомъ.

3.

Совпаденіе соціализма и индивидуализма у Платона въ его идеалѣ государства.

Со времени Гегеля мы привыкли разсматривать государство Платона какъ прототипъ такого соціализма, изъ котораго всякая индивидуалистическая тенденція исключена самымъ радикальнымъ образомъ, и въ которомъ всякая индивидуальная жизнь и стремленіе подавлены чувствомъ общности.

Духъ платоновской республики, по взгляду Гегеля, состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ тѣ стороны, въ которыхъ обособленность (индивидуальность) выступаетъ какъ таковая, поглощаются общимъ, и отдѣльный человѣкъ имѣетъ значеніе лишь какъ часть цѣлаго [1]). Соотвѣтственно такому устраненію принципа субъективизма каждая часть является *только* моментомъ въ цѣломъ [2]). Въ современномъ государствѣ каждый индивидуумъ можетъ предаться своимъ собственнымъ интересамъ (sic!); платоновская идея исключаетъ эту возможность [3]). Платонъ заботится только о совершенствованіи организаціи *государства*, а не о субъективно-индивидуальной сторонѣ жизни [4]). «Дѣйствовать въ интересахъ государства или отечества индивидуумовъ побуждаетъ не уваженіе или почитаніе; свое рѣшеніе они принимаютъ и согласно ему дѣйствуютъ по собственному убѣжденію, по нравственнымъ соображеніямъ; такой принципъ, т.-е. принципъ субъективной свободы—позднѣйшаго происхожденія; это принципъ современности. Въ греческомъ мірѣ, правда, дѣйствовалъ иногда и этотъ принципъ, но только какъ принципъ гибельный для греческихъ государствъ и для греческой жизни. Изъ своего государства Платонъ хотѣлъ этотъ принципъ изгнать, сдѣлать его невозможнымъ! [5]).

«Платоновское государство—говоритъ Шталь — жертвуетъ человѣкомъ, его счастьемъ, его свободой и даже его нравственнымъ совершенствомъ. Это государство существуетъ исключительно ради *самого себя*, ради красоты своего явленія;

назначеніе гражданина въ немъ — войти какъ служебный членъ въ красоту его постройки. Государство Платона имѣетъ пластическій характеръ. Это произведеніе искусства, существующее, повидимому, не столько ради интересовъ входящихъ въ него элементовъ, сколько для созерцателя» [6]).

Въ возраженіяхъ противъ взгляда Шталя не было недостатковъ [7]), но всѣ они не были достаточно обоснованы и убѣдительны и не могли подорвать его авторитета. Самое распространенное изъ современныхъ представленій это—представленіе Целлера; въ главныхъ чертахъ оно стоитъ на точкѣ зрѣнія Гегеля. Характерную сторону платоновской идеи государства Целлеръ видитъ въ подавленіи всѣхъ, даже самыхъ законныхъ, личныхъ интересовъ, въ безправіи отдѣльной личности передъ государствомъ и въ томъ принципѣ, что граждане существуютъ ради государства, а не это послѣднее ради гражданъ [8]). Въ платоновскомъ государствѣ, по мнѣнію Целлера, отдѣльная личность должна отказаться отъ всякихъ личныхъ желаній и превратиться въ орудіе общихъ законовъ, сдѣлаться иллюстраціей общаго понятія. Идеальное государство не стремится согласовать права отдѣльныхъ лицъ съ правами цѣлаго, потому что въ его глазахъ первые, сравнительно со вторыми, вовсе не имѣютъ никакихъ правъ [9]); человѣкъ долженъ вообще отказаться отъ всякихъ личныхъ цѣлей и жить только въ интересахъ цѣлаго [10]). Въ противоположность государственнымъ утопіямъ [11]) новѣйшаго времени воспитательной цѣли государства должны быть подчинены всѣ другія цѣли; ему безпощадно приносятся въ жертву всѣ частные интересы; оно требуетъ безусловнаго самоотреченія отъ всѣхъ своихъ гражданъ. Платонъ хочетъ уничтожить частный интересъ; его современные преемники хотятъ его удовлетворить. Платонъ стремится къ совершенству цѣлаго, они же—къ счастью отдѣльной личности. Платонъ разсматриваетъ государство какъ цѣль, а гражданъ—какъ средство; современные соціалисты дѣлаютъ личность цѣлью, а государство и общество—средствомъ [12]).

Современная наука о государствѣ также не могла еще отдѣлаться отъ такого истолкованія. Новѣйшее изложеніе ученія о государствѣ и корпораціяхъ древности, которымъ мы обязаны Гирке [13]), всецѣло примыкаетъ къ только-что приведенному положенію и утверждаетъ, что для Платона индивидуумъ являлся не самоцѣлью, а только средствомъ въ достиженіи общихъ цѣлей. Правда, Гирке допускаетъ, что по представленію Платона «жизнь индивидуума является чѣмъ-то обособленнымъ», но все же, по его мнѣнію, Платонъ требовалъ, чтобы она вполнѣ поглощалась жизнью общественной, высшей и естественно необходимой формой существованія, осуществляющейся въ видѣ государства: въ ней одной частная жизнь должна быть заключена всецѣло, въ ней находить свою мѣру и цѣль, ни въ единомъ пунктѣ не выходя изъ ея рамокъ [14]). Платоновское ученіе о государствѣ, какъ думаетъ Гирке, стремится къ полному поглощенію индивидуума обществомъ и игнорируетъ право личности [15]); государство является не средствомъ въ достиженіи индивидуальныхъ цѣлей, а имѣетъ свою цѣль въ самомъ себѣ [16]).

Если мы, со своей стороны, постараемся представить себѣ весь ходъ идей Платона, то, на основаніи прежнихъ выводовъ объ общей тенденціи платоновской государственной доктрины, намъ придется безъ колебанія руководящимъ принципомъ этой доктрины рѣшительно признать соціальный принципъ (τὸ κοινὸν ἡγούμενον [17]). Исходной точкой эта доктрина считаетъ не индивидуумъ, нормой государства и общества выставляетъ не интересы и желанія отдѣльнаго лица, а потребности общества. Государство разума стремится дать такую организацію общей народной жизни, которая осуществляетъ возможно большее счастье цѣлаго.

Этой цѣли оно вполнѣ подчиняетъ стремленія индивидуума къ собственному счастью. Истинное государственное искусство, по мнѣнію Платона, направлено не къ тому, чтобы отдѣльные классы народа или отдѣльные индивидуумы достигали высшей мѣры человѣческаго счастья за счетъ остальныхъ, но на то, чтобы счастье и преуспѣяніе всей совокупности гражданъ были по возможности совершенными. Стремленіе къ счастью отдѣльной личности находитъ себѣ здѣсь принципіальное ограниченіе въ основномъ требованіи: оно нигдѣ и ни въ чемъ не должно вредить благополучію другихъ или даже всѣхъ другихъ. Счастье цѣлаго оказывается масштабомъ, измѣряющимъ счастье отдѣльныхъ частей.

Отсюда ясно, что органы общественнаго организма должны обладать принудительной властью для обузданія непокорнаго эгоизма и противодѣйствія индивидуальнымъ стремленіямъ, самовольно становящимся, по ихъ мнѣнію, въ противорѣчіе съ интересами общества. Рѣшающимъ моментомъ являются, такимъ образомъ, общество и государство. Его рѣшенія являются высшей руководящей нитью постунковъ отдѣльной личности, а не индивидуальное усмотрѣніе. Личное усмотрѣніе не всегда бываетъ безпристрастно; бо́льшая часть людей думаетъ односторонне лишь о своемъ счастьѣ. Нельзя поручиться, что предоставленный самому себѣ индивидуумъ будетъ въ своихъ поступкахъ руководиться благомъ цѣлаго [18]). Поэтому государство не можетъ допустить, чтобы «каждый шелъ по тому направленію, которое ему нравится» [19]). Такая свобода увѣнчала бы произволъ индивидуума и превратилась бы въ анархію и дезорганизацію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякому стремленію къ счастью сразу дается опредѣленное направленіе. Счастье, находимое личностью въ соціальномъ государствѣ, можетъ быть лишь такимъ, которое гармонируетъ съ интересомъ цѣлаго. Это не то интенсивное матеріальное наслажденіе, къ которому стремится эгоизмъ, преимущественно направленный на чувственную сторону жизни и способный, какъ замѣчаетъ Платонъ, создать изъ чиновника что угодно, но только не хорошаго чиновника, изъ сельскаго хозяина или горшечника—все другое, только не хорошаго сельскаго хозяина или горшечника [20]). Вообще при господствѣ односторонне матеріалистическаго эвдемонизма отношенія личности къ совокупности другихъ лицъ были бы несовмѣстимы съ жизненными условіями государственнаго общества [21]). Жизненныя условія цѣлаго запрещаютъ отдѣльнымъ гражданамъ или классамъ общества смотрѣть на жизнь какъ на своего рода праздникъ (πανήγορις) и сообразно съ этимъ устраивать свою жизнь. Государство не можетъ быть ареной для праздничнаго разгула; оно представляетъ собою организацію, надѣляющую личность не только правами, но и обязанностями, и требующую отъ нея жертвы [21]). Вѣдь само государство является членомъ высшаго организма, отдѣльныя части котораго до самыхъ мельчайшихъ атомовъ, какъ въ активныхъ, такъ и въ пассивныхъ состояніяхъ, служатъ, по опредѣленію своего божественнаго промыслителя, для поддержанія и усовершенствованія цѣлаго [22]). Какъ государство, такъ и личность по отношенію къ вселенной «являются только частицей, которая хотя и представляетъ собою крошечный атомъ, но постоянно дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ цѣлымъ» [23]). Міръ возникъ не ради этихъ атомовъ, но части возникаютъ по требованію жизненныхъ условій великаго цѣлаго [24]).

Итакъ, въ противоположность принципамъ эгоизма, принимающимъ за исходный пунктъ думающаго исключительно о себѣ индивидуума, Платонъ разсматриваетъ человѣка какъ звено въ цѣломъ родѣ [25]); въ качествѣ такого звена на него возлагается естественная задача—совмѣстная работа въ совершенствованіи человѣчества. Такъ какъ, далѣе, успѣхъ этой работы существенно обусловливается

организаціей государства, объединяющаго всѣ отдѣльныя силы,—силы, выполняющія всѣ культурныя задачи, то обязанности по отношенію рода дѣлаются и обязанностями по отношенію къ тому обществу, которое представляетъ собою главный органъ въ достиженіи цѣлей рода.

Должна ли, однако, эта добровольная преданность всѣхъ господствующему надъ всѣмъ государству,—преданность, вмѣняющая всякое право въ обязанность и требующая служенія на пользу государству, быть равносильна безусловному самоотреченію и полному поглощенію личности высшей единицей—государствомъ? Должны ли при этомъ совершенно исчезать всякіе индивидуальные запросы, долженъ ли человѣкъ сознавать себя лишь орудіемъ и средствомъ въ достиженіи цѣлей цѣлаго, а не самоцѣлью?

Такой взглядъ чуждъ Платону. По крайней мѣрѣ, въ его намѣренія не входитъ превращеніе человѣка въ лишенную плоти и крови схему его идей. Даже и мощная теодицея, отводящая въ вышеуказанномъ смыслѣ отдѣльной жизни ея мѣсто въ міровомъ цѣломъ, не смотритъ на индивидуумъ только какъ на такую незначительную точку въ рядѣ безчисленныхъ другихъ точекъ; индивидуумъ не перестаетъ чувствовать въ себѣ свое «я». Вѣдь именно эта теодицея, въ противовѣсъ стремленіямъ «упрямаго скептика», опредѣленно ссылается на то, что принятіе ея ученія совсѣмъ не требуетъ отказа отъ всѣхъ личныхъ цѣлей. Она опредѣленно апеллируетъ къ правильно понятому личному интересу индивидуума, которому должно приносить пользу то, что приноситъ пользу міровому цѣлому, поскольку это позволяютъ общіе законы бытія [26]). Она утверждаетъ предустановленную гармонію между правильно понятымъ частнымъ интересомъ и интересомъ цѣлаго, божественный хранитель и руководитель котораго посылаетъ каждому въ жизни «надлежащее» [27]) индивидуальное преуспѣяніе, т.-е. она также признаетъ извѣстное «право личности».

По взгляду Платона, даже уже и въ безграничной вселенной, существующей исключительно ради своихъ собственныхъ цѣлей, а не ради человѣчества, значеніе человѣка больше, чѣмъ только простого момента въ цѣломъ; при этомъ Платонъ подчеркиваетъ потребность въ «примирительномъ посредничествѣ» между цѣлымъ и притязаніями человѣческаго сердца на то, чтобы были признаны его индивидуальныя жизненныя цѣли, и подчеркиваетъ это настолько рѣзко, что напоминаетъ теоріи счастья, относящіяся къ XVIII вѣку, и ученія того времени о предполагаемомъ совпаденіи полезнаго вообще съ индивидуально-полезнымъ [28]). Могъ ли въ такомъ случаѣ Платонъ отвергать справедливость подобныхъ притязаній человѣческой личности къ той частичкѣ космоса, которая называется государствомъ и которая какъ-разъ должна быть органомъ для достиженія человѣческихъ жизненныхъ цѣлей, для осуществленія возможно высокой степени человѣческаго счастья? Целлеръ восклицаетъ съ паѳосомъ: «Насъ никогда не убѣдятъ въ томъ, что пожертвованіе существенными правами и интересами личности ради цѣлей государства можетъ служить къ совершенствованію этого государства, или что такое пожертвованіе вообще допустимо»! Для этихъ словъ Целлера нѣтъ никакого основанія. Платонъ вовсе не хочетъ совершенствованія государственнаго цѣлаго за счетъ существенныхъ правъ и интересовъ личности. Его оптимистическій и идеологическій догматизмъ не допускаетъ возможности безпощаднаго пожертвованія человѣкомъ, какъ атомомъ въ природѣ и во вселенной, цѣлямъ послѣдней. Платонъ не помышляетъ о такомъ совершенствѣ міра, которое противорѣчило бы интересамъ человѣка, его стремленію къ личному счастью и личному совершенству. Могъ ли Платонъ при такомъ представленіи требовать абсолютнаго поглощенія индивидуума государствомъ?

Противъ этого говоритъ уже все спекулятивное и религіозное міросозерцаніе Платона. Оно именно ставитъ отдѣльной личности чисто-индивидуальныя цѣли, далеко выходящія за предѣлы государственной жизни. Открывая стремленіямъ духа царство истины, пребывать въ которомъ составляетъ для него высшее блаженство, оно именно благороднѣйшіе элементы народа направляетъ къ идеалу, выводящему ихъ чувства и мысли далеко за рамки «призрачнаго міра явленій», слѣдовательно, и за рамки государства.

Познаніе, открывающееся здѣсь личности, опредѣленно признается важнѣе всякихъ земныхъ интересовъ [29]), и посвященная познанію жизнь лучше жизни въ государствѣ и для государства [30]). Только уступая нравственному долгу и необходимости, спускаются призванные къ веденію государства съ блаженныхъ высотъ научнаго созерцанія къ дѣламъ житейскимъ. Дѣлаютъ они это вовсе не только ради государства, но и ради самихъ себя; вѣдь только хорошо управляемое государство служитъ непремѣннымъ условіемъ прогресса научнаго знанія и успѣшнаго развитія идеальныхъ интересовъ [31]). Но самые эти интересы повторно и повелительно указываютъ, по мнѣнію Платона, на высшее, безсмертное существованіе, обѣщающее такое урегулированіе земного неравенства, какого не можетъ достигнуть даже и самое совершенное государство. Поэтому проектъ идеальнаго государства—и это очень характерно—оканчивается не какъ соціальное государство у Фихте, т.-е. не прославленіемъ достигнутыхъ имъ состояній, а указываетъ на стезю, ведущую къ тому, «что тамъ, вверху»; тѣ, кто неуклонно слѣдуетъ по этому пути, уже и въ этомъ мірѣ чувствуютъ себя менѣе гражданами земного государства, чѣмъ будущими гражданами небесъ: они живутъ въ томъ убѣжденіи, что ничто земное не имѣетъ надъ ними высшей власти; они повинуются лишь той силѣ, которой «принадлежимъ всѣ мы, смертные», т.-е. Богу.

Удивительно, что съ этимъ взглядомъ Платона Гирке можетъ соединять мнѣніе, будто у Платона всякая отдѣльная жизнь совершенно заключена въ рамки общей государственной жизни, имѣетъ въ ней свою единственную цѣль и ни въ одномъ пунктѣ не переходитъ за ея предѣлы [32]).

Не только космологія и религіозная философія Платона, но также и его психологія и этика стоятъ въ противорѣчіи съ мнѣніемъ его современныхъ критиковъ. Правда, въ государствѣ Платонъ не далъ теоретическаго разграниченія эгоистическихъ и альтруистическихъ побужденій человѣческой души. Въ «Законахъ» же, напротивъ, есть нѣкоторыя указанія, проливающія значительный свѣтъ на исходную точку зрѣнія Платона. Онъ жалуется здѣсь какъ на величайшее изъ золъ на то, что природныя склонности у большинства людей оказываются глубоко эгоистичными. Бо́льшая часть людей думаетъ и дѣйствуетъ по принципу, гласящему, что природа и право исполнили человѣка любовью къ самому себѣ [33]). Это замѣчаніе какъ-будто указываетъ, что любовь къ самому себѣ безусловно отрицается и безъ всякихъ оговорокъ отождествляется съ эгоизмомъ.

Однако, возраженіе, которое Платонъ тутъ же дѣлаетъ противъ упомянутаго ходячаго мнѣнія, доказываетъ, что онъ не держался такого взгляда. Онъ говоритъ, что «чрезмѣрное себялюбіе (ἡ σφόδρα ἑαυτοῦ φιλία) есть источникъ всякихъ пороковъ. Поэтому отъ каждаго требуется преодолѣніе эгоизма τοῦ σφόδρα φιλεῖν ἑαυτὸν [34]), а не отрицаніе вообще всякаго себялюбія, не противоестественное отреченіе отъ всякаго проявленія собственнаго интереса. Платонъ враждебно относится только къ эгоистичному индивидууму, а не къ любви человѣка къ самому себѣ.

Это ясно видно изъ того положенія, которое платоновскій человѣкъ занимаетъ относительно нравственнаго закона. Если бы господствующій взглядъ былъ

вѣренъ, то и нравственныя нормы въ сознаніи человѣка должны были бы явиться единственно и исключительно въ формѣ категорическаго императива долга,— императива, которому личность обязана слѣпо подчиняться. Единственно допустимое разсужденіе со стороны Платона для личности было бы: какъ долженъ я поступать, чтобы содѣйствовать прочности и благу ц ѣ л а г о? Мысль о драгоцѣнномъ «я» и о преимуществахъ, которыя прогрессъ въ общемъ благѣ не приноситъ этому «я», должна была бы совершенно бездѣйствовать въ смыслѣ двигательнаго побужденія человѣческихъ поступковъ.

Однако, это совсѣмъ не такъ! Именно проектъ идеальнаго государства не довольствуется утвержденіемъ нравственныхъ нормъ въ качествѣ естественныхъ условій человѣческаго о б щ е с т в а; онъ старается обезпечить ихъ признаніе со стороны отдѣльныхъ лицъ тѣмъ, что призываетъ на помощь такіе импульсы, которые лежатъ въ самой глубинѣ человѣческой природы.

Платоновскій человѣкъ поступаетъ нравственно не только ради общества, но также и р а д и с а м о г о с е б я. Онъ чувствуетъ себя въ правѣ спросить: справедливое полезно ли также и въ субъективномъ смыслѣ [35]), в ы г о д н ѣ е ли оно, чѣмъ несправедливое [36])? И онъ поступаетъ нравственно, будучи въ то же время убѣжденъ, что добродѣтель, какъ «здоровье души», является такимъ же основнымъ условіемъ индивидуальнаго благополучія, какъ и здоровье тѣла [37]). При этомъ онъ, конечно, не думаетъ о внѣшнихъ слѣдствіяхъ своей добродѣтели—о наградахъ, почестяхъ и т. п., а обращаетъ вниманіе на ея идеальную цѣнность; вѣдь онъ уже понялъ, что «справедливость сама по себѣ есть высшее благо для души» [38]). Но развѣ побудительной причиной индивидуальнаго поступка не остается при этомъ всегда эгоистическій, правда, не въ самомъ дурномъ смыслѣ слова эгоистическій мотивъ? Вѣрное слѣдованіе нравственному закону является средствомъ къ повышенію личнаго счастья. Счастье, связанное съ нравственнымъ поступкомъ, индивидуальное совершенство, несомнѣнно, ставится передъ взоромъ личности, какъ цѣль, въ которой она должна искать награды за свою добродѣтель [39]). Она избираетъ справедливое потому, что этотъ выборъ для нея лучшій и въ жизни и въ смерти [40]), потому, что такимъ путемъ она достигаетъ «высшаго блаженства» [41]).

Разъ это такъ, то возникаетъ даже вопросъ, не получаетъ ли при такомъ воззрѣніи субъективно-индивидуальный моментъ такого сильнаго значенія, которое можно было бы счесть даже не соотвѣтствующимъ смыслу истинной нравственности. Мы удовлетворимся, однако, простымъ установленіемъ факта, что соціальный эвдемонизмъ Платона ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ субъективно-эвдемоническаго и субъективно-утилитарнаго элемента [42]). Признавая въ индивидуумѣ ненасытную жажду счастья, Платонъ заходитъ такъ далеко, что, «на ряду съ тѣми благами, которыя обезпечиваетъ человѣку сама справедливость» [43]), онъ считаетъ нужнымъ упомянуть и о «великой и прекрасной наградѣ, которую справедливость пріобрѣтаетъ душѣ человѣка передъ богами и людьми въ жизни и послѣ смерти [44]).

Справедливый въ платоновскомъ смыслѣ слова не довольствуется спинозовскимъ: «beatitudo non praemium virtutis, sed ipsa virtus». Напротивъ, онъ скорѣе выдвигаетъ очень рѣшительныя притязанія на особенную милость небесъ. Онъ чувствуетъ за собой право вѣрить, что «за перенесенную бѣдность, болѣзнь или другое несчастье ему воздастся въ жизни или послѣ смерти» [45]). Да и среди людей — по крайней мѣрѣ, въ большей части случаевъ—онъ несомнѣнно тѣмъ или инымъ образомъ получитъ внѣшнюю награду за свое поведеніе!

Искусный въ бѣгѣ человѣкъ, достигая на состязаніи цѣли, получаетъ призъ

и вѣнокъ; такъ же точно и справедливый: сравнительно съ несправедливымъ онъ заслужитъ у людей награду—уваженіе, почетъ и т. д. А по окончаніи земного поприща его ожидаютъ награды, воздаянія и дары, превосходящіе всякій земной масштабъ [46]); его ждетъ неизъяснимая отрада [47]), въ то время какъ несправедливый каждую вину свою долженъ будетъ искупить удесятеренными мученіями. Короче говоря, люди, стремясь къ добродѣтели, видятъ въ ней источникъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго счастья [48]). Поэтому мы, говорится въ заключеніи «Политіи» [49]), должны всѣми способами осуществлять справедливость; тогда мы будемъ въ мирѣ съ собой и съ богами; въ теченіе всей нашей жизни и въ часъ воздаянія за нее мы, подобно стяжавшему вѣнецъ побѣдителю, будемъ собирать нашу награду [50]); словомъ намъ будетъ хорошо какъ здѣсь, такъ и тамъ.

Ту же самую точку зрѣнія отстаиваетъ въ «Федонѣ» умирающій Сократъ. Великолѣпіе блаженныхъ (μακάρων εὐδαιμονίαι) является мотивомъ, «ради котораго (ἕνεκα) нужно дѣлать все, чтобы еще въ земной жизни пріобщиться добродѣтели и разума. Ибо прекрасна награда и велика надежда» [51]).

Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе индивидуалистическое, чѣмъ эта теорія о наградѣ и наказаніи, чѣмъ эта отвергающая всякую мысль о смиреніи мораль надежды и страха,—мораль, всецѣло коренящаяся въ томленіи и стремленіяхъ эгоистическаго сердца человѣка,—мораль, рискующая всякій нравственный поступокъ превратить въ политику благоразумнаго себялюбія? Этотъ вексель на звѣзды, это обѣтованіе равенства всѣхъ людей по ту сторону бытія, указаніе на заботу божества о человѣкѣ, возвышающемся до богоподобія путемъ добродѣтели,—все это, въ концѣ концовъ, ставитъ человѣка, какъ «любимца боговъ» [52]), опять-таки въ центръ вселенной. Побѣда на сторонѣ безграничнаго стремленія индивидуума къ счастью, за стремленіемъ, не желающимъ понять, что человѣкъ въ то же время составляетъ часть природы и, какъ таковой, подлежитъ въ своемъ существованіи естественнымъ законамъ, которые слишкомъ часто ставятъ непреодолимыя границы благороднѣйшимъ потребностямъ человѣка и самымъ идеальнымъ его требованіямъ.

Тотъ, кто могъ такъ индивидуально чувствовать, не могъ найти возраженія противъ несомнѣнно справедливыхъ положеній индивидуализма, слѣдовательно, и противъ стремленія человѣка къ собственному благополучію, какъ таковому. Сообразно съ этимъ, платоновскій человѣкъ и поступаетъ такъ, «чтобы ему было хорошо» (ἵνα εὖ πράττος).

Благополучіе есть не что иное, какъ состояніе радостнаго чувства удовлетворенія или отсутствіе ощущенія страданія [53]); теорія радостныхъ чувствованій пріобрѣтаетъ поэтому столь сильное значеніе въ этикѣ и политикѣ Платона, что самый проектъ идеальнаго государства входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о субъективной цѣнности радостныхъ ощущеній, вызываемыхъ удовлетвореніемъ различныхъ стремленій—стремленія къ знанію, честолюбія, стремленія къ пріобрѣтенію [54]). Различныя, обусловленныя этими стремленіями направленія жизни оцѣниваются по степени ихъ пріятности и отсутствію въ нихъ элементовъ страданія [55]).

«По природѣ своей истинно-человѣческими, говорится въ «Законахъ» [56]) являются чувства радости и горести, а также желанія. Ими, по естественной необходимости, управляются и обусловливаются помышленія и стремленія всѣхъ смертныхъ». Поэтому люди, при установленіи законовъ, должны почти все свое вниманіе сосредоточить на радости и горѣ и на томъ, чѣмъ эти чувства возбуждаются въ жизни общества и въ настроеніи отдѣльнаго индивидуума [57]). Счастье государства такъ же, какъ и отдѣльнаго

гражданина, коренится въ томъ, какъ черпаютъ изъ этихъ двухъ вѣчно живыхъ источниковъ [58]).

Все вышесказанное приводитъ къ утвержденію индивидуальнаго жизненнаго идеала, т.-е. стремленія къ возможно прекрасной жизни; преимущество послѣдней, наряду съ приносимымъ ею почетомъ, состоитъ въ томъ, что оно во все свое продолженіе приноситъ больше радости, чѣмъ горя, «а къ этому-то всѣ мы и стремимся» [59]). Всѣ мы справедливо желаемъ, чтобы намъ было хорошо [60]), или, по крайней мѣрѣ, чтобы въ нашей жизни преобладали радостныя чувства [61]); поэтому въ самой счастливой жизни, какая только можетъ выпасть на долю человѣка, съ необходимыми нравственными благами должно соединяться «то, что намъ мило и пріятно» [62]). Съ этой точки зрѣнія лучшей и самой желательной оказывается именно нравственная жизнь, «и для тѣла и для души она пріятнѣе, чѣмъ жизнь дурная, потому что, въ силу добродѣтели, хорошій человѣкъ ведетъ болѣе счастливую жизнь, чѣмъ дурной». То же самое можно сказать о познаніи. Въ одномъ изъ болѣе раннихъ діалоговъ, содержащихъ и дробную теорію радостныхъ чувствъ, говорится, что связанныя съ познаніемъ наслажденія (αἱ τῶν μαθημάτων ἡδοναί) приводятъ къ болѣе совершенному освобожденію радости отъ горя, чѣмъ всякія другія наслажденія [63]). Посвященную познанію жизнь «Политія» признаетъ въ то же время и наиболѣе пріятной (βίος ἥδιστος); связанныя съ познаніемъ чувства радости по качеству и продолжительности превосходятъ всѣ другія удовольствія [64]). Лишенная сладости этихъ радостныхъ ощущеній, самая жизнь мыслителя была бы ничего не стоящей [65]).

Неужели послѣ всего сказаннаго слишкомъ смѣлымъ покажется утвержденіе, что разобранный нами взглядъ цѣну жизни опредѣляетъ чистымъ избыткомъ приносимыхъ ею радостей [66])? Поэтому Целлеръ, выставляющій Платона поборникомъ чисто-соціальнаго эвдемонизма (исключительнаго стремленія къ совершенству цѣлаго), совсѣмъ не понимаетъ точки зрѣнія Платона; онъ находитъ полное противорѣчіе между Платономъ и его современными послѣдователями—Томасомъ Муромъ и Фихте, которыхъ Целлеръ считаетъ представителями чисто-индивидуалистическаго соціализма (стремленія къ счастью отдѣльной личности).

Граждане платоновскаго идеальнаго государства преисполнены той же самой энергичной потребностью въ счастьѣ, какъ и утописты Мура и граждане замкнутаго торговаго государства. Они вовсе не думаютъ о томъ, чтобы «отказаться отъ всякихъ личныхъ желаній» въ пользу цѣлаго, или о томъ, чтобы «очиститься до олицетворенія общаго понятія». Ихъ чувства и поступки вовсе не мотивируются исключительно альтруистическими соображеніями. Хотя они знаютъ, что жизнь отдѣльнаго человѣка не должна быть только самоцѣлью, они въ то же время рѣшительно держатся взгляда, что она не можетъ быть и только средствомъ къ преуспѣянію рода или родового союза, т.-е. государства. Поэтому вопросъ, напр., о причинахъ возникновенія государства платоновскій человѣкъ рѣшаетъ, по меньшей мѣрѣ, настолько же съ точки зрѣнія индивидуума, какъ и съ точки зрѣнія рода. Онъ не допускаетъ даже подобно такимъ сильнымъ индивидуалистамъ, какъ Гроціусъ и Локке, что къ государственному общежитію человѣка побудило только одно безкорыстное стремленіе—чувство рода, соціальный инстинктъ. По его мнѣнію, государство возникаетъ, собственно, изъ чувства самосохраненія индивидуума; «вѣдь никто изъ насъ не можетъ существовать самъ по себѣ, но каждый чувствуетъ потребность во многихъ другихъ» [67]). «Призывая на помощь одинъ другого для различныхъ цѣлей, мы, чувствуя недостатокъ во многихъ вещахъ, собрались—много товарищей и помощниковъ, жить въ одномъ мѣстѣ

и дали этому общежитію названіе государства» [68]). Слѣдовательно, опредѣленно признается, что «мы основали государство ради интереса» [69]). Индивидуумы собираются въ общество съ цѣлью организовать обмѣнъ, дающій имъ возможность дѣлиться другъ съ другомъ плодами ихъ труда [70]); при такомъ обмѣнѣ всякій, будь то дающій или получающій, разсчитываетъ самымъ лучшимъ образомъ удовлетворить именно свой интересъ [71]). Индивидуумы сливаются въ государственный союзъ, сознавая, что «это лучше для нихъ самихъ».

Очевидно, «Политія» Платона не заставляетъ насъ отказаться отъ отвѣта на вопросъ, что даетъ государство для счастья отдѣльнаго лица? Такъ же мало думаютъ отказаться отъ этого и граждане государства «Законовъ». Съ вопросомъ о томъ, какъ должно быть наиболѣе цѣлесообразно устроено государство, они непосредственно соединяютъ другой вопросъ—о томъ, какъ можетъ лучше всего жить личность, какъ таковая [72])? И если даже Фихте, «строжайшій философъ-моралистъ», проповѣдуетъ гражданамъ своего соціальнаго государства, что «каждый долженъ жить, насколько можетъ, пріятно» [73]), то и граждане Платона считаютъ правильными свои притязанія на βίος ἥδιστος [74]), къ которому обѣщаетъ привести ихъ государство разума; оно ручается имъ какъ за общественное, такъ и за индивидуальное счастье [75]). Съ точки зрѣнія платоновскаго эвдемонизма, индивидуумъ имѣетъ такое же право спросить, въ какой мѣрѣ съ нимъ считается государство, какъ и съ точки зрѣнія системы общественнаго утилитаризма Іеринга, задуманной въ чисто-индивидуалистическомъ смыслѣ. «Получаю ли я за свою долю труда соотвѣтствующій эквивалентъ? Оплачивается ли то, что я дѣлаю въ государствѣ, тѣмъ, что я отъ него получаю? Не получаютъ ли, по сравненію со мной, другіе болѣе того, что имъ полагается? Соотвѣтствуетъ ли распредѣленіе между гражданами преимуществъ государственнаго сообщества основному принципу справедливости» [76])? Такіе вопросы о «цѣли въ правѣ» задаетъ и платоновскій человѣкъ.

Впрочемъ, индивидуалистическій эвдемонизмъ Платона не заключаетъ въ себѣ ни капли пошлаго гедонизма. Всякое стремленіе отдѣльной личности къ счастью у Платона подчиняется и руководится требованіями разума и нравственности. Но развѣ у Мура или Фихте это не такъ? И развѣ радостный, преисполненный самаго здраваго индивидуализма народъ утопистовъ не принадлежитъ къ самымъ усерднымъ почитателямъ Платона? Его сочиненія больше всего читаются въ «Утопіи», и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ близко соприкасается содержаніе платоновскихъ твореній съ жизненными идеалами этого народа. Дѣйствительно, послѣдній во многомъ чувствуетъ и дѣйствуетъ совершенно въ духѣ Платона, и если въ его моральной философіи и жизненной практикѣ, въ смыслѣ условій человѣческаго счастья, внѣшнія блага имѣютъ больше значенія, чѣмъ по теоретической ихъ оцѣнкѣ у Платона, то все-таки утописты еще очень далеки отъ мысли отождествлять благополучіе съ гедонизмомъ въ смыслѣ чувственныхъ наслажденій. Они, какъ и Платонъ, признаютъ разницу въ характерѣ отдѣльныхъ видовъ радости и понимаютъ высшую нравственную цѣнность духовныхъ наслажденій. Они тоже «къ меду радостей примѣшиваютъ прозрачную отрезвляющую воду созерцанія» [77]).

Ничто не могло бы пролить на всю тенденцію государственнаго идеала Платона болѣе значительнаго свѣта, чѣмъ тотъ фактъ, что отецъ современнаго соціализма и граждане идеальнаго государства, будучи далеки отъ принципіальнаго противоположенія съ Платономъ, какъ это ложно утверждали, съ одушевленіемъ придерживаются именно платоновскихъ жизненныхъ идеаловъ. Развѣ это обстоя-

тельство не представлялось бы намъ психологической загадкой, если бы сами эти идеалы уже означали принципіальное и систематическое уничтоженіе всякой индивидуальной жизни и стремленія?

На самомъ дѣлѣ, платоновская теорія государства заключаетъ въ себѣ достаточное количество индивидуалистическихъ чертъ. Ихъ проглядѣли только потому, что подъ вліяніемъ крайняго индивидуализма эпохи просвѣщенія и естественнаго права, безъ колебаній, гуртомъ отвергали основныя воззрѣнія Платона и не были способны къ непредвзятому продумыванію частностей его ученія. Представители эпохи ренессанса, не смотрѣвшіе на древній міръ сквозь очки доктринерства, обладали болѣе зоркимъ взглядомъ. Поэтому, напримѣръ, Томасъ Муръ не могъ, подобно Целлеру [78]), почувствовать себя въ противорѣчіи съ «эллинской идеей государства» изъ-за того, что греки «могли представить себѣ достойное человѣка существованіе вообще только въ государствѣ», или изъ-за того, что они «не признаютъ нарушеніемъ справедливыхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ такое нарушеніе, которое требуется интересами государства (sic!), и вообще не считаютъ государство обязаннымъ предоставлять своимъ членамъ бо́льшую мѣру правъ, чѣмъ то требуется его собственными цѣлями» [79]). Во всѣхъ этихъ пунктахъ Муръ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ древнихъ такъ же, какъ раздѣляетъ ихъ и современное ученіе о государствѣ, поскольку оно успѣло эмансипироваться отъ иллюзій доктринальнаго либерализма. Напротивъ, тотъ, кто еще такъ сильно находится подъ чарами естественно-правового индивидуализма, что, вмѣстѣ съ Целлеромъ, принципіально отказываетъ государству въ правѣ ограниченія интересовъ и правъ индивидуума въ только-что указанномъ объемѣ; кто вмѣстѣ съ Целлеромъ отъ «естественнаго» развитія личности и общества ожидаетъ такого удовлетворительнаго результата, что безъ колебанія полагается на «духъ общественности, рождающійся изъ свободныхъ побужденій личности», и потому считаетъ излишнимъ «самостоятельное представительство государственной идеи» [80]); кто можетъ признавать достойное человѣка существованіе внѣ государства [81]), отъ того можно ожидать только того, что и у Платона онъ увидитъ одинъ крайній соціализмъ, принципіально, во всѣхъ отношеніяхъ приносящій индивидуума въ жертву государственной мысли.

Если бы этотъ взглядъ былъ вѣренъ, то вообще не было бы ни одного государства, не покоящагося на насиліи надъ индивидуумомъ. Развѣ какое-нибудь государство, на самомъ дѣлѣ, признаетъ «справедливымъ» интересъ личности, противный интересамъ государства, или «право» личности, противное государству? Упрекъ, бросаемый Целлеромъ съ точки зрѣнія его ложной естественно-правовой метафизики, напримѣръ, Фихте, будто все соціалистическое зданіе послѣдняго лишено «естественно-правового фундамента» [82]), вовсе не является упрекомъ. Государство можетъ признавать «право» только въ государствѣ и черезъ государство и не признаетъ никакого прирожденнаго намъ «закона»; оно не можетъ допустить, чтобы ему противопоставлялись отдѣльные индивидуумы, какъ суверенные носители первоначальныхъ «правъ», которыя государство будто бы уже нашло готовыми, и которыя оно должно признавать за абсолютныя границы своего права, или что оно призвано къ жизни отдѣльными лицами для охраненія правъ этихъ послѣднихъ. Государство отрицало бы самое себя, если бы принципіально не установило неограниченности своихъ правомочій такъ же, какъ и обязанности повиновенія отдѣльной личности государству, оставляя при этомъ широкое поле индивидуальному самоопредѣленію [83]). Слѣдовательно, въ платоновскомъ го-

сударствѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы оно рѣшительно жертвовало индивидуумомъ изъ-за того, что свое право оно ставитъ выше.

Впрочемъ, самъ Платонъ до такой степени оказывается сыномъ своего времени, съ его соціально-политическимъ раціонализмомъ, и самъ до такой степени стоитъ на почвѣ естественно-правовой метафизики, что если онъ и не признаетъ права противъ государства, то зато рѣшительно признаетъ обоснованныя естественнымъ правомъ притязанія индивидуума къ государству. Это вытекаетъ уже изъ всего сказаннаго и станетъ еще яснѣе при анализѣ его принципа справедливости, свободы и равенства.

Конечно, степень свободной дѣятельности, отводимая фактически государствомъ разума отдѣльному лицу, чрезвычайно узко ограничена. Съ непреодолимой силой оно толкаетъ индивидуумовъ по строго опредѣленнымъ путямъ, предуказаннымъ государственной идеей. Понятіе о государствѣ, какъ объ единомъ организмѣ, доведено до утопическаго требованія: одна абсолютная соціальная воля должна превращать отдѣльныхъ индивидуумовъ въ одно соціальное цѣлое, въ которомъ стремленія и поступки самостоятельно чувствующаго и мыслящаго существа должны сливаться такъ же гармонично, какъ функціи бездушныхъ частей органическаго цѣлаго—природы. Этой цѣли пытаются достигнуть централизаціей государственной власти; всѣ вопросы политической, соціальной и экономической жизни разрѣшаются сверху, изъ одного мѣста; всякое индивидуальное существованіе и дѣятельность привлекаются въ сферу государственнаго вліянія и государственнаго порядка.

Однако, даже такая крайне соціалистическая форма организаціи, пользующаяся для своего осуществленія и усовершенствованія индивидуумомъ, какъ безусловно зависимымъ орудіемъ, въ конечной своей цѣли задумана отнюдь не съ той антииндивидуалистической послѣдовательностью, какъ это обыкновенно думаютъ. Если Шмоллеръ сказалъ о Фихте, что онъ «слишкомъ сильный продуктъ германскаго духа, чтобы заставить индивидуума совершенно потонуть въ механизмѣ уложеній» [84]), то и о Платонѣ можно сказать, что онъ—слишкомъ эллинъ, слишкомъ стоитъ на почвѣ господствующаго во всей эллинской этикѣ и соціальной философіи эвдемоническаго міросозерцанія [85]), чтобы совершенную организацію соціальнаго цѣлаго представлять себѣ не удовлетворяющей въ то же время индивидуальнаго стремленія къ счастью и справедливыхъ жизненныхъ цѣлей отдѣльной личности,—единственно живого, имѣющаго потребности и чувствующаго человѣческаго индивидуума. Одной изъ освовныхъ мыслей его системы является мысль о томъ, что въ государствѣ разума даже крайнее принужденіе есть принужденіе къ счастью также и для отдѣльной личности.

Согласно съ духомъ господствующаго взгляда думали: вѣдь Сократъ въ «Политіи» самъ опредѣленно объясняетъ, что въ дѣйствительности «въ его намѣреніи вовсе не входитъ желаніе сдѣлать счастливыми отдѣльныхъ лицъ; онъ хочетъ дать счастье цѣлому» [86]). Но развѣ въ такой формулировкѣ дѣйствительно и совершенно выражается смыслъ приведеннаго мѣста?

Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ объ опроверженіи мнѣнія, будто философы и воины государства разума не могутъ быть названы очень счастливыми; хотя они и держатъ въ своей власти все государство, но, отказываясь отъ матеріальной собственности и наслажденія, они не имѣютъ никакихъ преимуществъ отъ своего господства [87]). Если бы обычное сужденіе о платоновскомъ государствѣ было правильно, то Сократъ на это возраженіе долженъ былъ бы просто отвѣтить: «Такъ какъ государство является исключительно самоцѣлью, а индивидуумъ служитъ только и единственно средствомъ въ достиженіи цѣлей

соціальнаго тѣла, то онъ и не можетъ имѣть притязаній на удовлетвореніе его собственнаго стремленія къ счастью въ государствѣ и черезъ государство». Между тѣмъ, развѣ таковъ отвѣтъ Сократа на самомъ дѣлѣ?

Прежде всего рѣшительно оспаривается, будто объ особенномъ счастьѣ указаннаго класса не можетъ быть рѣчи. Въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ какія они были бы поставлены, напротивъ, не удивительно, полагаетъ Сократъ, если бы оказалось, что они наслаждаются наивысшимъ счастьемъ! Итакъ, проблема индивидуальнаго счастья вовсе не отклоняется, какъ недопустимая, а, напротивъ, признается справедливой. Отвергается только одностороннее разрѣшеніе этой проблемы въ пользу опредѣленнаго числа индивидуумовъ. Постановка вопроса признается невѣрной лишь настолько, насколько она относится къ счастью одного особаго класса. «Мы основываемъ свое государство—продолжаетъ Сократъ—не съ тѣмъ, чтобы дать счастье одному сословію (ἓν τι ἔθνος) передъ другимъ (διαφερόντως, но съ тѣмъ, чтобы осчастливить, по возможности, всю общину (ὅ τι μάλιστα ὅλη ἡ πόλις) [88]), т.-е. всѣхъ гражданъ [89]). Носителями осуществленнаго въ государствѣ счастья не должны быть немногіе избранные [90]).

Отсюда видно, что въ этомъ мѣстѣ дѣло идетъ вовсе не о противоположеніи абстрактнаго коллективнаго индивидуума-государства его органамъ, а о противоположеніи конкретной множественности, т.-е. совокупности объединенныхъ въ государствѣ индивидуумовъ, народнаго цѣлаго, съ одной стороны, и особой группы его—съ другой [91]). Поэтому вопросъ формулируется еще опредѣленнѣе: долженъ ли быть классъ охранителей поставленъ такъ, чтобы въ немъ олицетворялось высшее счастье, или мы должны искать это счастье въ государствѣ вообще [92])? Государство не должно быть средствомъ односторонней эксплуатирующей силы въ рукахъ господствующаго класса; оно должно, по возможности, осуществлять общее благоденствіе, счастье, по возможности, всѣхъ гражданъ. Только такимъ образомъ, говорится далѣе, оно ближе всего будетъ отвѣчать требованіямъ справедливости [93]).

Справедливости! Но развѣ вопросомъ справедливости является другой вопросъ: должно ли государство считать своей задачей благоденствіе отдѣльныхъ личностей, или индивидуумы служатъ только «матеріаломъ», который политика должна переработать для служенія усовершенствованію высшаго организма—государства?

Какъ Платонъ представляетъ себѣ счастье «всего государства», ясно показываетъ дальнѣйшее развитіе его мысли; тутъ опредѣленно видно, что предпосылкой общаго счастья является счастье отдѣльной личности. Для того, чтобы было счастливо «все государство», должны быть счастливы, по возможности, всѣ граждане, не въ томъ смыслѣ, что каждый можетъ слѣдовать безграничному стремленію къ наслажденію,—это сдѣлало бы невозможнымъ самое существованіе гражданскаго общества [94]),—но въ томъ, что каждая отдѣльная личность получаетъ то, что ей причитается (τὰ προσήκοντα [95]). Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Платонъ снова возвращается къ этому вопросу, онъ говоритъ: чтобы избытокъ счастья не скопился въ одномъ классѣ, и чтобы счастьемъ наслаждалось все государство, граждане должны быть воспитаны такъ, чтобы они взаимно позволяли другъ другу пользоваться тѣмъ, что каждый изъ нихъ можетъ принести цѣлому [96]). Такимъ образомъ, служащее къ преуспѣянію общества оказывается, при этомъ взглядѣ, и средствомъ, ведущимъ къ индивидуальному благу.

Какъ велико будетъ участіе отдѣльныхъ классовъ въ общемъ благоденствіи, Платонъ оставляетъ нерѣшеннымъ. Свою задачу онъ считаетъ законченной, разъ ему

удалось найти для государства такую форму организаціи, которая въ состояніи создать это общее благоденствіе [97]). Но это не вноситъ ни малѣйшихъ измѣненій въ общій его взглядъ. Это ограниченіе лежитъ въ самой природѣ вещей, т.-е. въ неизбѣжныхъ границахъ, поставленныхъ всякому писанному праву. «Законодателю» положительно невозможно въ деталяхъ установить точныя нормы для осуществленія дистрибутивной справедливости; вѣдь каждый зафиксированный правопорядокъ слишкомъ разсчитанъ на средній уровень, слишкомъ мало эластиченъ, чтобы быть въ состояніи осуществить идеальнымъ образомъ принципъ suum cuique [98]).

Законодатель, давая свои положенія для «всѣхъ вмѣстѣ», просто не въ силахъ надѣлить каждое отдѣльное лицо «тѣмъ, что ему причитается» [99]). Итакъ, проектъ учрежденія идеальнаго государства оставляетъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ не потому, что онъ не признаетъ индивидуальныхъ стремленій къ счастью, а, наоборотъ, чтобы дать возможность справедливому удовлетворенію такихъ притязаній. Вѣдь нельзя же было въ силу этого затрудненія отказаться отъ разрѣшенія вопроса вообще. Именно для того въ государствѣ разума и существуютъ идеальные государственные люди, не скованные узами заблужденій и неподвижными законоположеніями, чтобы во всякое время «предоставить всѣмъ гражданамъ то, что является справедливѣйшимъ съ точки зрѣнія разума и искусства» [100]); они могутъ провести въ жизнь то совпаденіе общественнаго и индивидуальнаго счастья, которое дѣлаетъ государство разума лучшимъ государствомъ.

Развѣ не на этомъ именно совпаденіи основываетъ Платонъ всю свою надежду—привести отдѣльную личность, путемъ разумнаго убѣжденія, къ добровольному подчиненію принципамъ государства разума? Вспомнимъ только аргументъ, кажущійся Платону наиболѣе убѣдительнымъ; онъ носитъ рѣшительно индивидуалистическій характеръ.

Платонъ исходитъ изъ того положенія, что всякая индивидуальная забота большей частью обращается на то, что человѣкъ любитъ. А прежде всего, по мнѣнію Платона, мы любимъ то, съ чѣмъ тѣсно связаны наши интересы, или, употребляя выраженіе самого Платона, «то, чья выгода намъ дорога, какъ наша собственная, и то, чье благополучіе, равносильно и нашему благополучію, а неудача равняется нашей неудачѣ» [101]). Это вполнѣ приложимо къ государству, по мнѣнію Платона. Отдѣльную личность, такимъ образомъ, съ государствомъ связываетъ не односторонній, суровый и требующій лишь жертвы долгъ, но и симпатія, вытекающая изъ увѣренности, что, служа цѣлому, индивидуумъ въ то же время заботится и о своемъ собственномъ благополучіи. Гражданинъ платоновскаго государства убѣжденъ, что при благополучіи цѣлаго процвѣтаютъ и отдѣльныя его части [102]).

Даже и при существованіи готовыхъ на добровольную жертву, самымъ идеальнымъ образомъ настроенныхъ элементовъ государства разума, при существованіи правителей-философовъ, Платонъ считаетъ нужнымъ апеллировать къ чувству человѣческаго себялюбія. Будучи вынужденъ, вмѣсто того, чтобы жить только для своего усовершенствованія, спуститься съ блаженныхъ высотъ познанія и примѣнить воспринятыя тамъ откровенія къ нравамъ людей въ ихъ общественной и частной жизни, философъ-мыслитель, во всякомъ случаѣ, приноситъ жертву [103]). Однакоже, онъ приноситъ ее не изъ одного чувства долга, но и потому, что при этомъ въ высокой степени затрагивается его собственное счастье [104]). На этомъ пути жертвы онъ также находитъ радости, служащія къ усовершенствованію его бытія. Изолированное существованіе, неизбѣжно выпадающее на долю фило-

софа въ государствѣ дѣйствительности, никогда не можетъ послужить ему источникомъ высшаго совершенства и высшаго счастья [105]). Для этого послѣдняго ему необходимо завершеніе, заключающееся въ счастливой организаціи гражданскаго общества; оно содѣйствуетъ его личному благу и дѣлаетъ его «болѣе высокимъ», облегчая ему плодотворную работу въ дѣлѣ самоусовершенствованія и въ дѣлѣ усовершенствованія другихъ [106]). Среди существующихъ государствъ, по мнѣнію Платона, нѣтъ ни одного такого, которое представляло бы собою подходящую почву для развитія истинно-философскаго ума. Поэтому, при существующихъ условіяхъ, сама философія терпитъ чрезвычайно сильный ущербъ. Она вырождается и отдаляется отъ своей первоначальной сущности. Она, какъ чужеземное растеніе, перенесенное въ неподходящую почву, гибнетъ подъ вліяніемъ неподходящихъ для нея условій новой родины [107]). Только въ условіяхъ государства разума философія находитъ наиболѣе подходящую для своего расцвѣта почву.

Государство разума имѣетъ, однако, такую политическую организацію, которая не осуществима, если во главѣ правленія не будутъ стоять «философы», единственно способные управлять имъ. Они тѣмъ охотнѣе возьмутся за эту задачу, что въ то же время они этимъ отвратятъ отъ себя тяжелое бѣдствіе. Предоставляя дѣло управленія государствомъ менѣе достойнымъ, они подверглись бы еще худшему несчастью, которое было бы для нихъ тяжелымъ испытаніемъ; они чувствовали бы надъ собой невыносимое насиліе—необходимость повиноваться худшимъ, постоянно подвергаясь ихъ ненависти и преслѣдованію [108]). Устраненіе подобнаго насилія и вообще всего того зла, которое угрожаетъ имъ въ существующемъ государствѣ [109]), обозначается какъ ихъ **награда**, какъ тотъ эквивалентъ, котораго справедливо [110]) домогаются за свои заслуги какъ они, такъ и вообще всѣ призванные служить государству. Платонъ признаетъ даже, что безъ такого индивидуальнаго побужденія замѣщеніе должностей въ лучшемъ государствѣ встрѣтило бы затрудненія: каждый охотнѣе предпочелъ бы извлекать для себя пользу изъ другихъ, чѣмъ самому безпокоиться ради другихъ.

Можно ли съ этимъ взглядомъ соединять мнѣніе, будто Платонъ, уже не говоря о принципіальномъ отрицаніи всякихъ личныхъ интересовъ, не хотѣлъ считаться и ни съ какимъ правомъ личности? Развѣ онъ опредѣленно не признаетъ этого «права личности», когда возражаетъ самъ себѣ, защищаясь противъ высказаннаго имъ же себѣ упрека, что его государство совершаетъ несправедливость по отношенію къ правителямъ, вынуждая ихъ, вмѣсто лучшей жизни, на которую они имѣютъ право, вести жизнь худшую?

Персонифицированные законы государства стараются убѣдить личность, что своими требованіями они ничуть не нарушаютъ ея истинныхъ правъ [111]). Они указываютъ, что въ существующемъ государствѣ философамъ не нужно принимать участія въ политической жизни, по причинамъ естественнаго и правового характера. «Здѣсь они произрастаютъ сами безъ ухода со стороны того или другого правительства, а то, что растетъ само по себѣ и никому не обязано своимъ пропитаніемъ, **имѣетъ право** (δίκην ἔχει) освободиться отъ возмѣщенія затратъ на себя. Мы же (т.-е. законы государства) даемъ вамъ возможность **на вашу собственную пользу и на благо государства** [112]) вырабатываться, подобно маткамъ въ пчелиномъ ульѣ, въ царей, достигающихъ большаго совершенства, чѣмъ они (независимые философы); вы болѣе способны принимать участіе и въ томъ и въ другомъ (т.-е. въ философіи и въ политикѣ)». Такимъ образомъ, принужденіе закона превращается въ добровольную повинность, «потому что на справедливыхъ можетъ возлагаться только **справедливое**» (δίκαια δικαίοις) [113]),

и они не могутъ отклонить отъ себя тѣ повинности, которыя сами и они признали справедливыми и основательными [114]).

Но и чиновникъ и солдатъ не являются слѣпымъ, обезличеннымъ орудіемъ государственной власти. Ихъ послушаніе существеннымъ образомъ гарантируется убѣжденіемъ, что требуемое отъ нихъ послужитъ на пользу не только государству, но и имъ самимъ [115]), и что «ихъ жизнь будетъ гораздо лучше и прекраснѣе, чѣмъ жизнь побѣдителя на олимпійскихъ играхъ» [116]), жизнь безъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, свободная отъ принижающей зависимости отъ богатства [117]),—жизнь, которую они должны предпочесть всякой другой жизни, если только они не смотрятъ неразумно или съ юношескимъ легкомысліемъ на условія своего собственнаго благоденствія [118]). Такимъ образомъ, принося всякую жертву по свободному побужденію, какъ чиновникъ, такъ и солдатъ обмѣниваютъ ее на большее счастье. Для нихъ, пользуясь выраженіемъ Гесіода, половина оказывается больше цѣлаго [119]). Путемъ отреченія они достигаютъ высшаго блаженства [120]).

То, что Платонъ говоритъ объ органахъ своего государства, въ неменьшей степени касается и подчиненныхъ. Эти послѣдніе знаютъ, что они живутъ въ такомъ государствѣ, гдѣ законъ оказывается «союзникомъ всякаго члена государства [121]). Они увѣрены, что государство стремится къ счастью каждаго, и, въ особенности, къ счастью подчиненныхъ [122]), и что благо или бѣдствіе, радость или печаль каждаго отдѣльнаго человѣка вызываютъ сочувственную симпатію всѣхъ соотечественниковъ. Они знаютъ, что сами по себѣ они не могутъ создать единственнаго средства къ возстановленію общаго, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своего собственнаго благоденствія, т.-е. не могутъ создать хорошаго правленія; поэтому, поскольку ослѣпленіе или страсть не мѣшаютъ имъ понять ихъ истинные интересы, они добровольно соглашаются на то, чтобы это правленіе осуществили для нихъ другіе. Именно правильное пониманіе ихъ собственнаго интереса говоритъ гражданамъ идеальнаго государства о томъ, что подчиненіе олицетворенному въ его управленіи господству разума—лучшій исходъ для каждаго [123]). Здѣсь возникаетъ то всеобщее убѣжденіе во внутренней справедливости существующаго строя государства и общества, та добровольная преданность цѣлому, которая налагаетъ на государственную и общественную жизнь печать гармоніи [124]).

Итакъ, платоновское государство вовсе не хочетъ превращенія своихъ гражданъ въ автоматовъ чужой воли, т.-е. не хочетъ исключительно подчинять ихъ силѣ государственнаго принужденія и дѣлать изъ нихъ только передаточныя колеса въ механизмѣ цѣлаго. Воля гражданина столько же почерпаетъ свое содержаніе и направленіе въ себѣ самомъ, сколько и въ цѣломъ; субъективный и объективный моментъ, служащій для образованія соціальной жизни, долженъ всегда находиться въ гармоническомъ взаимодѣйствіи.

Эта тенденція съ самаго начала проявляется въ томъ, что рядомъ съ идеей общества, опредѣляющей цѣлое и возвышающей требованія цѣлаго надъ частичными притязаніями, красной нитью черезъ весь проектъ идеальнаго государства проходитъ мысль противоположнаго характера: идея справедливости, желающая каждой личности дать то, что ей полагается.

Такой знатокъ человѣческаго сердца, какъ Платонъ, прекрасно видѣлъ, что никакое великое соціальное или экономическое преобразованіе однимъ лишь указаніемъ на ея цѣлесообразность и полезность для общества не въ силахъ будетъ сломить естественнымъ образомъ со всѣхъ сторонъ возникающее на ея пути пассивное противодѣйствіе. Онъ зналъ, что зажечь умы и привести ихъ въ движеніе

эти требованія могутъ лишь тогда, когда они будутъ примыкать къ чувствованіямъ, изъ которыхъ индивидуумъ обыкновенно создаетъ свои жизненные идеалы и представленія о томъ, «что должно быть». Поэтому и идеальное государство стремится узаконить себя передъ индивидуальнымъ сознаніемъ личности указаніемъ на свое намѣреніе отвѣчать въ своихъ требованіяхъ тому, чего въ глубинѣ сердца личность требуетъ какъ «причитающагося ей по праву», т.-е. какъ справедливаго.

Путемъ признанія, такимъ образомъ, идеи справедливости основнымъ принципомъ государственнаго устройства въ идеальное государство, несомнѣнно, вносится индивидуалистическій элементъ, правда, индивидуализмъ, имѣющій всяческое право на существованіе. Вѣдь вопросъ о справедливости или несправедливости тѣхъ или иныхъ установленій и дѣйствій является основой всякаго индивидуализма. Съ индивидуалистической точки зрѣнія мы требуемъ справедливости, пропорціальности обязанностей и правъ, тогда какъ цѣлое и его интересы прежде всего требуютъ средствъ и нерѣдко вынуждены бороться съ послѣдствіями этого основного принципа индивидуализма [125]).

Такъ же индивидуалистично, какъ идея справедливости, оказывается и идея свободы, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ первой въ міровоззрѣніи Платона. Стараясь обосновать свои политическія требованія передъ судомъ индивидуальнаго разума, какъ логическія слѣдствія справедливости, Платонъ рѣшающее значеніе придаетъ признанію этихъ требованій какъ права и стремленію къ нимъ со стороны всѣхъ благоразумныхъ людей. Онъ даетъ понять, что государственное принужденіе не является для него послѣднимъ словомъ, и что ему хочется скорѣе добровольнаго подчиненія личности цѣлому. Законнымъ образомъ существующее принужденіе должно сдѣлаться фактически излишнимъ для всѣхъ разсудительныхъ элементовъ идеальнаго государства, а внѣшнія нормы закона должны превратиться въ добровольно признанный и осуществляемый догматъ, коренящійся въ самыхъ глубокихъ тайникахъ жизни человѣческаго духа, въ идейной жизни народа. Платоновское государство хочетъ властвовать надъ свободнымъ духомъ, а не надъ рабами.

Поэтому въ «Политикѣ» объ истинномъ государственномъ искусствѣ говорится, что, въ противоположность деспотизму, оно заключается въ господствѣ надъ добровольными (ἐπιμέλεια ἑκούσιος καὶ ἑκουσίων) [126]); это господство охотно примѣняется, и его охотно слушаются; въ теперешнихъ же государствахъ существованіе всякаго правительства постоянно связано съ извѣстнымъ принужденіемъ и удовлетворяетъ только самихъ правителей, возбуждая въ подчиненныхъ желаніе противодѣйствія [127]). Задача всякаго законодательства поэтому сдѣлать государство истинно-свободнымъ, т.-е. настолько же далекимъ отъ всякой необузданности, какъ и отъ чрезмѣрнаго гнета государственнаго принужденія; послѣднее, по мнѣнію Платона, можетъ дѣйствовать только во вредъ [128]).

Платонъ опредѣленно отклоняетъ упреки въ томъ, что принужденіе, налагаемое на индивидуума при осуществленіи его государственной идеи, менѣе справедливо, чѣмъ принужденіе, практикуемое плутократіей или демократіей при существующемъ строѣ государства. Развѣ принужденіе,—спрашиваетъ Платонъ,—практикуемое невѣжественными богачомъ или бѣднякомъ, можетъ быть болѣе справедливо или несправедливо, чѣмъ принужденіе, исходящее отъ понимающаго дѣло государственнаго дѣятеля [129])? Развѣ не болѣе гарантій въ томъ соображеніи, что государственная практика будетъ дѣйствовать правильно, если благополучіе

управляемаго народа будетъ находиться въ рукахъ мудраго и хорошаго правительства [130])?

Если правительство дѣйствительно удовлетворяетъ потребностямъ массы, которая сама не можетъ быть у власти, то развѣ власть этого правительства не оказывается все-таки принужденіемъ? Разсудительные граждане государства разума, имѣя свободный выборъ, не пожелали бы себѣ другого образа правленія, кромѣ того, который имъ данъ. Фактически конечный результатъ былъ бы тотъ же, если бы правленіе было установлено общей коллективной волей, конечно, при условіи, что воля здравомыслящихъ людей обязательна для большинства. Государство становится свободнымъ, потому что здѣсь государственная власть и государственный строй опираются на единообразную, коллективную волю народа. Государство увѣрено въ добровольномъ признаніи (ξυμφωνία) всѣхъ классовъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, какъ высоко развитыхъ въ духовномъ отношеніи, такъ и самыхъ отсталыхъ [131]). Послушаніе, которымъ личность содѣйствуетъ государственной власти, зиждется на сознаніи, что на нее не возлагается ничего такого, чего не требовала бы разумная общая воля, и что не предуказано разумомъ и самой природой вещей [132]).

Личность хочетъ только того, что соотвѣтствуетъ ея индивидуальности (τὸ προσῆκον); поэтому въ идеальномъ государствѣ она и не вступаетъ въ противорѣчіе съ истинной свободой; она сталкивается лишь съ отсутствіемъ внутренней свободы, съ ослѣпляющими ее эгоизмомъ и страстями, вводящими человѣка въ заблужденіе относительно постулатовъ его собственной нравственно-этической природы. Вѣдь всякое принужденіе дѣйствуетъ здѣсь только въ томъ направленіи, какъ и это истинно-свободное самоопредѣленіе [133]). Воля государства не только не ставитъ отдѣльной личности никакихъ преградъ въ достиженіи соотвѣтствующихъ ея внутренней сущности и призванію цѣлей, а скорѣе даже систематически содѣйствуетъ ей. Въ то время какъ каждому здѣсь, смотря по его физическимъ и духовнымъ склонностямъ, дѣлается доступной профессія, лучше всего соотвѣтствующая его индивидуальности, профессія, въ которой онъ поэтому находитъ и свое удовлетвореніе, каждая индивидуальность въ то же время направляется на исключительно ей соотвѣтствующій путь и тѣмъ дѣлается истинно-свободной: «Потому что—употребляя прекрасное выраженіе Лагарда—не тотъ свободенъ, кто дѣлаетъ то, что ему хочется, а тотъ, кто можетъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Свободенъ тотъ, кто въ состояніи слѣдовать своему врожденному жизненному принципу. Свободенъ тотъ, кто познаетъ въ себѣ заложенную Богомъ идею и разовьетъ ее до полнаго проявленія».

Осуществленное въ идеальномъ государствѣ подчиненіе всѣхъ господству разума заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, отрицательную идею свободы, освобождая человѣка отъ власти страстей и безцѣльнаго смутнаго произвола; съ другой стороны, здѣсь же осуществляется положительная, высшая свобода; каждый человѣкъ попадаетъ въ сферу содержательной и признанной въ своей цѣнности дѣятельности, позволяющей ему развить свою индивидуальную сущность, поскольку это не является препятствіемъ на пути развитія личности другихъ. Такъ какъ при этомъ граждане, наконецъ, научились понимать свою индивидуальную профессію какъ профессію соціальную, то для всѣхъ здравомыслящихъ элементовъ, доступныхъ благоразумному убѣжденію (πειθώ), не нужно и внѣшняго принужденія. Они добровольно служатъ этой профессіи. Ихъ назначеніе становится, по прекрасному замѣчанію Гегеля [134]), дѣйствительно собственнымъ бытіемъ и волей индивидуумовъ.

Тѣмъ самымъ, что при вышеуказанныхъ условіяхъ каждому открывается возможность содѣйствовать цѣлому сообразно со своими склонностями и задатками и въ то же время занять въ обществѣ мѣсто, соотвѣтствующее его значенію для общества, вмѣстѣ съ истинной свободой осуществляется и истинное равенство. Идея равенства такъ же, какъ и идея свободы, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ идеей справедливости. Специфическое понятіе справедливости здѣсь прежде всего имѣетъ значеніе дистрибутивной справедливости. Оно требуетъ пропорціональности между дѣятельностью индивидуума на пользу государства и подлежащими раздѣленію положительными и отрицательными благами. Оно хочетъ умѣть обходиться съ равными равно, съ неравными неравно, т.-е. такъ, чтобы никто изъ членовъ цѣлаго не получалъ слишкомъ много или слишкомъ мало. Это требованіе нашего идивидуальнаго сознанія Платонъ признаетъ справедливымъ, отрицая демократическое понятіе равенства, признающее «право на равенство въ одинаковой мѣрѣ за равными и неравными». Платонъ считаетъ такое «право» насиліемъ надъ индивидуумомъ [135]) и провозглашаетъ принципъ равенства, «надѣляющій высшаго бо́льшимъ, слабаго меньшимъ, т.-е. каждому отводящій то, что опредѣлила ему природа». Къ равнымъ функціямъ онъ призываетъ только равныхъ, къ неравнымъ—только неравныхъ [136]). Абсолютное равенство противорѣчило бы принципу справедливости, знающему только относительное равенство, относительное постольку, поскольку нѣтъ одинаковыхъ индивидуальностей. Такимъ образомъ, и здѣсь, по намѣреніямъ Платона, индивидуальность снова возстановляется въ своихъ правахъ.

Даже Гегель, болѣе проницательный, чѣмъ его преемники, долженъ былъ—правда, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общимъ своимъ пониманіемъ платоновскаго государства — признать индивидуалистическій элементъ, привнесенный въ платоновскій идеалъ государства принципомъ свободы, равенства и справедливости.

Тѣмъ, что въ государствѣ Платона «каждый самымъ лучшимъ образомъ научается дѣлать и дѣлаетъ то, для чего онъ родился», и только этимъ личность, какъ опредѣленно признаетъ Гегель, добивается, и притомъ какъ опредѣленная индивидуальность, того, на что она имѣетъ право. Каждый достигаетъ полнаго обладанія и управленія своей природой, т.-е. своимъ неотъемлемымъ имуществомъ» [137]). Позволяя каждому, благодаря принципу справедливости, осуществить, въ своемъ особомъ назначеніи, свое право, Платонъ удовлетворяетъ требованію, которое Гегель считаетъ въ то же время требованіемъ «свободы»; «особенности индивидуума должны развиваться и находить свое право и проявленіе»; каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ, исполнять свое назначеніе и, такимъ образомъ, осуществлять свое право». Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, находитъ осуществленіе то, что одинъ изъ современныхъ представителей соціализма опредѣляетъ какъ главное требованіе соціальной справедливости, какъ «основное соціальное право», право на самого себя, т.-е. право личности на полное обладаніе своимъ специфическимъ и примѣнимымъ дарованіемъ [138]).

Станетъ ли кто отрицать, что въ этихъ пунктахъ платоновское ученіе о государствѣ соприкасается съ правовой теоріей современнаго индивидуализма? Такъ же, какъ и послѣдняя, платоновская соціальная философія облекаетъ индивидуума неотъемлемыми и ненарушимыми правами—правами естественными и естественными же обязанностями. Платоновское государство признаетъ—хотя и ограниченное національностью—право на свободу, право на равенство, право индивидуума на полное развитіе своихъ специфическихъ дарованій, на соотвѣтствующее его индивидуальности жизненное содержаніе; каждой личности оно

помогаетъ добиться ея естественныхъ правъ и, съ другой стороны, заставляетъ ее признать ея естественныя обязанности. Положеніе, занимаемое въ государствѣ индивидуумомъ, все равно, господствующее или подчиненное, обосновано естественнымъ правомъ. И передъ Платономъ «проносятся естественныя права и естественныя обязанности, какъ объективное, обусловленное φύσει долженствованіе, стоящее надъ индивидуумомъ и обществомъ, и осуществленіе этого естественнаго порядка является положенной государству задачей, его идеальной цѣлью» [139]). Правовой строй государства разума узаконяется передъ индивидуальнымъ сознаніемъ тѣмъ, что разумъ признаетъ его согласнымъ съ разумной природой, νόμος κατὰ φύσιν [140]), соотвѣтствующимъ естественной справедливости, осуществленіе которой считается конечной цѣлью государства разума [141]).

Въ осуществленіи этого принципа справедливости самомъ по себѣ уже заключается и осуществленіе основного идеала естественнаго права—«истинной» свободы, равенства и братства, примиреніе противоположныхъ интересовъ въ самой совершенной гармоніи, возвращеніе къ міру райскаго согласія, которое историческая философія Платона ставитъ началомъ историческаго развитія, и въ которомъ Платонъ, подобно Гротію и Локке, видитъ идеальную цѣль. Правда, средство осуществленія этихъ идеаловъ Платонъ усматриваетъ не въ политической эмансипаціи индивидуума, а въ абсолютизмѣ государственной власти. Онъ далекъ отъ мысли цѣлью государства односторонне выставлять индивидуумъ и его автономію. Однакоже, это основное различіе не должно заставлять насъ не видѣть дѣйствительно имѣющихся въ государственной и соціальной теоріи Платона индивидуалистическихъ элементовъ.

Ясно, что непредвзятая оцѣнка всѣхъ имѣющихъ значеніе моментовъ приводитъ къ выводамъ, часто противорѣчащимъ господствующимъ взглядамъ на платоновское государство. Она показываетъ, что соціализмъ Платона самъ по себѣ отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ индивидуальнымъ принципомъ, а напротивъ, до извѣстной степени скорѣе признаетъ справедливость послѣдняго. Хотя Платонъ исходной точкой ставитъ обязанности по отношенію къ цѣлому, онъ, съ другой стороны, считается и съ индивидуумомъ и съ требованіями индивидуальнаго самосознанія. Онъ обращается не только къ нравственному чувству, но также и къ интеллекту, усматривая принципіальную цѣнность своего идеальнаго государства въ томъ, что въ немъ каждый, заботясь о цѣломъ, лучше всего заботится въ то же время и о самомъ себѣ. Однимъ словомъ, конечнымъ результатомъ платоновской теоріи государства является совпаденіе обоихъ принциповъ—соціалистическаго и индивидуалистическаго. Согласіе гражданъ относительно того, «что должно господствовать въ государствѣ и въ душѣ отдѣльнаго человѣка», заставитъ, по мнѣнію Платона, разумные элементы добровольно исполнять свою обязанность въ отношеніи цѣлаго и хотѣть того, чего они должны хотѣть [142]). Это—совпаденіе свободы и принужденія, при которомъ каждый находитъ свою выгоду, потому что онъ правильно понимаетъ ее въ индивидуальномъ и нравственномъ смыслѣ [143]). Фундаментомъ всего государственнаго зданія является достигнутое систематическимъ воспитаніемъ и обученіемъ правящихъ и подчиненныхъ моральное и интеллектуальное развитіе, необходимое для осуществленія вышеуказаннаго совпаденія.

Этимъ же обусловливается и мѣсто, занимаемое платоновскимъ идеальнымъ государствомъ въ исторіи соціально-политическихъ идеальныхъ представленій.

Принципіально Платонъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и самая древняя

и самая возвышенная изъ всѣхъ утопій—описаніе золотого вѣка у пророка Исаіи [144]). Когда будетъ сломлено владычество маммона, когда Господь, какъ высокіе кедры ливанскіе, уничтожитъ тирскіе корабли богатыхъ купцовъ, тогда призоветъ Онъ къ жизни царство счастья и мира. Для осуществленія этого царства нужно только, чтобы «съ Сіона раздалось повелѣніе, и слово Іеговы прозвучало изъ Іерусалима».—«Никакого зла не сотворятъ они на святой горѣ Моей, ибо земля исполнена познаніемъ Іеговы, какъ моря полны водою».

Развѣ не на томъ же утопическомъ предположеніи, какъ и этотъ идеалъ пророка, основано и платоновское государство разума, подчиненное власти познанія? Именно на предположеніи, что разъ человѣчество познаетъ истинные пути, которыми оно должно слѣдовать, то оно неизбѣжно придетъ къ счастливому существованію.

Платонъ возвышается надъ Исаіею лишь тѣмъ, что сначала даетъ пространное теоретическое изслѣдованіе вопроса о томъ, что опредѣляетъ предварительное условіе этого идеала, т.-е. при какихъ обстоятельствахъ нравственное и умственное развитіе достигнетъ той степени, на которой каждый будетъ желать того, чего онъ долженъ желать. Съ другой стороны, въ своей попыткѣ Платонъ пришелъ къ выводу, что указанное совпаденіе свободы и принужденія въ дѣйствительности никогда не можетъ быть всеобщимъ, т.-е. что всегда будетъ большее или меньшее количество людей, для которыхъ никакое просвѣщеніе не сдѣлаетъ излишнимъ внѣшнее принужденіе.

Но этотъ выводъ приводитъ лишь къ модификаціи, къ ограниченію ученія, а не къ теоретической дальнѣйшей разработкѣ, о которой вообще, при такой замкнутой въ себѣ и съ самаго начала выступающей въ совершенно готовомъ видѣ доктринѣ, не можетъ быть и рѣчи. Поэтому ни въ одной изъ идеальныхъ картинъ, въ основѣ которыхъ лежитъ тотъ же принципъ, что и у Платона, мы не найдемъ въ теоретическомъ отношеніи значительнаго прогресса сравнительно съ тѣмъ, что даетъ Платонъ. Даже самая геніальная изъ современныхъ утопій, утопія Гертке Фрейландъ, хотя и сильно отличающаяся отъ Платона своимъ въ высшей степени индивидуалистическимъ основнымъ принципомъ, идетъ снова по стопамъ Платона. Соціальное государство свое она строитъ на томъ же предположеніи, что его граждане правильно понимаютъ свою пользу.

4. Осуществленіе государства разума.

Относя идеальное государство Платона къ ряду утопій, мы этимъ не хотимъ сказать, что самъ Платонъ думалъ лишь набросать идеалъ человѣческихъ состояній, но что объ осуществимости этого идеала у него не было и мысли. Правда, свое произведеніе онъ называетъ поэтическимъ видѣніемъ фантазіи [1]) и весьма рѣшительно указываетъ, что уже одна попытка создать такую «образцовую картину» [2]), такое чисто-теоретическое изображеніе того, что должно быть, само по себѣ имѣетъ громадное значеніе: такая картина даетъ поступкамъ человѣка цѣль и руководящую нить. Онъ указываетъ также, что между теоріей и практикой всегда будетъ существовать извѣстное разстояніе, что при превращеніи теоретическаго представленія въ дѣйствительность нельзя достигнуть абсолютно точнаго совпаденія практическаго результата съ идеей [3]); поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ достаточно доказать, что дѣйствительность, по крайней мѣрѣ, можетъ близко подойти къ идеалу [4]). Однакоже, чѣмъ усерднѣе старается Платонъ въ дальнѣй-

шемъ ходѣ своего изложенія создавать указанныя доказательства и указывать сходства и пути къ осуществленію своего идеала, тѣмъ болѣе рѣшительно напираетъ онъ именно на достижимость послѣдняго. А въ заключеніе всего проекта онъ высказываетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что съ ними навѣрное согласятся и поймутъ, что онъ не просто высказалъ свои скромныя пожеланія; выполненіе его предложеній если и не легко, то возможно, но возможно только предначертаннымъ имъ образомъ [5]).

Критерій осуществимости своей государственной идеи Платонъ находитъ въ томъ, что требованія ея являются въ то же время требованіями природы, тогда какъ существующія государства всѣ болѣе или менѣе противорѣчатъ природѣ [6]). Въ заключеніе онъ говоритъ, что реформы на почвѣ существующаго, при всей своей неизбѣжной необходимости, въ концѣ концовъ, не могутъ привести къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ, а напротивъ—только къ ухудшенію общественныхъ невзгодъ. Дѣятельность государственныхъ законодателей, безпрестанно издававшихъ законы и старавшихся улучшить существующіе, Платонъ сравниваетъ съ единоборствомъ съ гидрой, у которой на мѣстѣ каждой отрубленной головы сейчасъ же вырастаетъ десять новыхъ [7]). При всей этой реформаторской работѣ, направленной только на симптомы, съ государствомъ происходитъ то же, что съ больнымъ человѣкомъ, который надѣется путемъ долгаго лѣченія возвратить себѣ здоровье, а между тѣмъ продолжаетъ вести образъ жизни, приведшій его къ болѣзни [8]).

Конечно, изъ этого сопротивленія больного общества радикальному, въ корнѣ подрывающему зло вмѣшательству, слѣдуетъ, что оно никогда добровольно не подчинится постулатамъ природы и разума. Поэтому если лучшему государству не суждено навсегда остаться только утопіей, то люди, носящіе въ душѣ его «прообразъ», должны получить возможность съ неограниченной полнотою власти рѣшать судьбы государства [9]). «Счастливый случай» долженъ помочь, и осужденные въ существующемъ государствѣ на бездѣйствіе мыслители (τὸ φιλόσοφον γένος) [10]) должны встать у кормила государства и взять на себя управленіе имъ. Или среди правителей долженъ появиться философскій умъ; «исполненный божественнаго вдохновенія, онъ обратитъ средства абсолютной монархіи на служеніе великому дѣлу [11]). Государственный дѣятель, которому суждено стать спасителемъ государства и освободителемъ отъ неестественности существующаго, долженъ владѣть государствомъ, какъ художникъ своей палитрой, чтобы контуры новаго зданія набросать совершенно по божественному прообразу и затѣмъ свободно, въ деталяхъ, выработать отпечатокъ, «мѣстами стирая, мѣстами дополняя свой эскизъ» [12]).

Только обладая такимъ абсолютнымъ авторитетомъ, можетъ онъ овладѣть всѣми препятствіями, дѣлающими людей недоступными разумному назиданію. Онъ долженъ наполнить жизнь народа новымъ нравственнымъ духомъ, безъ котораго лучшій государственный строй не былъ бы проченъ [13]).

Понятно, что Платонъ придаетъ особый вѣсъ этому психологическому моменту. Конституціи—думаетъ онъ—не растутъ, подобно желудямъ, на деревьяхъ, не начинаютъ вдругъ бить изъ скалъ, подобно источникамъ; онѣ зарождаются въ образѣ мыслей гражданъ и въ немъ находятъ свой отпечатокъ [14]).

Великій процессъ очищенія, который должно продѣлать общество [15]), въ случаѣ возможнаго осуществленія идеальнаго государства, заключается прежде всего въ томъ, что государственный дѣятель-реформаторъ возьметъ въ свои руки дѣло воспитанія народа. Это воспитаніе должно стать общественнымъ воспитаніемъ массъ; только оно можетъ создать то идеальное чувство общности и ту, свя-

занную однимъ міровоззрѣніемъ и одними чувствами, одними мнѣніями и настроеніями, одними намѣреніями и цѣлями, массу, которая необходима для прочности соціальнаго государства. Платонъ надѣется, что юношество, испытывающее съ самаго начала дисциплинирующее вліяніе общества, не отвергнетъ этого вліянія и въ своей дальнѣйшей жизни и даже въ самыхъ индивидуальныхъ проявленіяхъ будетъ имѣть въ виду соображенія цѣлаго.

Съ этимъ же предложеніемъ на порогѣ XIX вѣка выступили нѣмецкіе мыслители-патріоты; они считали его единственнымъ средствомъ, предохраняющимъ отъ всякаго упадка гражданскаго духа и гражданской силы и способнымъ вновь создать общество и вырастить въ немъ истинныхъ гражданъ. «Питомцы такой новой системы воспитанія,—говоритъ Фихте въ своихъ рѣчахъ къ германскому народу,—хотя и обособленные отъ уже взрослаго общества, будутъ жить общей жизнью другъ съ другомъ; они составятъ обособленное и существующее для самого себя государство, имѣющее свою совершенно опредѣленную, обоснованную самой природой вещей конституцію, въ высшей степени согласную съ требованіями разума. Первое представленіе о счастливомъ строѣ общества духъ питомца долженъ почерпать изъ очерка строя той общины, въ которой онъ самъ живетъ; тогда внутренне онъ принужденъ будетъ представлять себѣ этотъ строй точь-въ-точь соотвѣтствующимъ его дѣйствительнымъ предначертаніямъ и будетъ понимать всѣ части его, какъ неизбѣжно вытекающія изъ его основъ» [16]).

Способомъ къ осуществленію принципа воспитанія массъ Платонъ считаетъ отдѣленіе всего юнаго и еще поддающагося воздѣйствію поколѣнія, моложе десяти лѣтъ, отъ поколѣнія, выросшаго при старыхъ условіяхъ. Оставаясь въ сторонѣ отъ вреднаго вліянія старшихъ, молодежь воспитывается сообразно вышеизложеннымъ основоположеніямъ. Чтобы достигнуть нужнаго изолированія, всѣ перешедшіе десятилѣтній возрастъ жители удаляются изъ города и выселяются за черту его на территорію страны [17]). Въ городѣ остаются только правительство и взятые имъ подъ опеку граждане, изъ которыхъ оно готовитъ необходимый для цѣлей новаго государства матеріалъ чиновниковъ и солдатъ. Такимъ способомъ—думаетъ Платонъ—новое государство скорѣе и лучше всего найдетъ свое осуществленіе и проявитъ гарантируемое имъ счастье.

Неизбѣжный при подобномъ діойкизмѣ насильственный переворотъ въ имущественныхъ отношеніяхъ и безконечно глубокое нарушеніе всего народнаго хозяйства не вызываетъ опасенія у увлеченнаго реформаторскимъ усердіемъ Платона [18]).

Радикальная народно-экономическая революція вѣдь и безъ того является неизбѣжнымъ и желаннымъ слѣдствіемъ всей его системы. Она нужна была ему не только для достиженія уже указанной цѣли, но и для осуществленія его политико-экономическаго идеала. Въ лицѣ «города» ненавистное капиталистическое хозяйство должно быть поражено въ самое сердце, и изъ торговаго и промышленнаго государство должно снова превратиться въ земледѣльческое.

Платонъ такъ сильно вѣритъ въ непобѣдимое могущество своихъ реформаторскихъ идей, что, несмотря на нарушеніе безчисленныхъ интересовъ, вызываемое такимъ переворотомъ, онъ не отказывается отъ надежды и взрослое поколѣніе привлечь на сторону новаго порядка. Онъ думаетъ: когда граждане на опытѣ узнаютъ блага новаго государства и увидятъ дѣла истинныхъ государственныхъ людей, конечно, явится возможность, мало-по-малу, привести и этихъ гражданъ къ добровольному послушанію [19]). Почему бы то, «что кажется хорошимъ намъ, не показалось хорошимъ и другимъ» [20])?

Если теперь широкая масса гражданъ отворачивается отъ требованій мыслителя, то виноваты въ этомъ лишь отсутствіе опыта и намѣренное вовлеченіе въ заблужденіе [21]). Но если бы путемъ дружелюбныхъ назиданій относительно истинныхъ намѣреній философіи направить народъ по вѣрной дорогѣ, то онъ увидѣлъ бы, что философія желаетъ лишь его блага, и не сталъ бы долѣе противиться ей [22]). Зачѣмъ быть враждебнымъ къ добротѣ и ненавидѣть доброжелательныхъ, разъ самъ человѣкъ не обуреваемъ завистью и имѣетъ доброе сердце [23])?

Что народъ въ бо́льшей своей части проявитъ себя именно съ такой хорошей стороны, Платонъ, въ противовѣсъ скептическому сужденію о массѣ, утверждаетъ безъ всякихъ колебаній [24]). А, между тѣмъ, немного выше онъ самъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывалъ выходки демоса, правда, предводимаго демагогами [25]). Народъ, страстное поведеніе котораго на агорѣ напоминаетъ ему необузданное и упрямое дикое животное [26]); народъ, считающій хорошимъ то, что ему пріятно, и дурнымъ то, что ему не по душѣ [27]), налагающій на того, кто дорожитъ его одобреніемъ, поистинѣ невыносимое принужденіе [28]),—этотъ самый народъ, переставъ выступать въ качествѣ единомассы съ суверенными, властными рѣшеніями, станетъ добровольно и безъ зависти подчиняться руководству людей, стоящихъ выше въ духовномъ отношеніи, и превратится въ стадо послушныхъ ягнятъ!

Такъ возникнетъ государство, которое хотя и не въ силахъ избѣжать преходящей участи всего земного, но которое все же, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію своего автора, представляетъ лучшую гарантію долгаго, безмятежнаго существованія [29]).

Для ослабленія и распаденія своего государства Платонъ считаетъ опаснымъ только одинъ моментъ—естественное теченіе вещей; оно можетъ сдѣлать призрачными всякіе человѣческіе разсчеты въ жизненномъ вопросѣ цѣлаго: въ вопросѣ постояннаго пополненія способныхъ къ служенію государству силъ и талантовъ [30]). Такъ же мало, какъ и недостаточное количество рождаемыхъ талантовъ, человѣческое предвидѣніе можетъ предотвратить и опасность рожденія такихъ людей, которымъ природа отказала въ необходимыхъ для высшихъ профессій склонностяхъ, но которые, несмотря на это, будутъ достигать допущенія къ этимъ профессіямъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого явленія будетъ утрата единодушія въ образѣ мыслей носителей и органовъ государственной власти и усиленіе разлада, обусловливающаго распаденіе государства разума [31]). Итакъ, единственной угрозой этому государству оказывается е с т е с т в е н н ы й процессъ, противъ котораго безсильны воля и умъ человѣка. Поскольку же дѣло касается чисто-историческихъ условій, трудностей и опасностей, способныхъ побороть эту волю и это предвидѣніе, государство разума безусловно увѣрено въ счастливыхъ результатахъ.

5. Историческая оцѣнка «Политіи».

Взглядъ на достоинства и значеніе платоновскаго произведенія прежде всего зависитъ отъ рѣшенія предварительнаго вопроса, можно ли вообще признать описаніе идеальнаго государства въ томъ видѣ, какъ его пытается изобразить Платонъ, видомъ литературы, имѣющимъ право на научное признаніе. Тотъ, кто на этотъ вопросъ отвѣчаетъ отрицательно, кто считаетъ всякую «утопію» заблужденіемъ и праздной игрой фантазіи, тотъ сразу произноситъ приговоръ и Платону. Въ теоріяхъ Платона, подобно новѣйшимъ историкамъ «государственныхъ рома-

новъ», онъ увидитъ лишь воздушные замки, весело возносящіеся въ голубомъ эөирѣ и ставящіе ихъ автора на одну доску съ писателями типа Жюля Верна [1]).

Подобное сужденіе, однакоже, конечно, не можетъ быть послѣднимъ словомъ истинно-историческаго взгляда на вещи [2]). Въ этомъ едва ли усомнится человѣкъ непредвзятый, особенно же въ такое время, когда созданіе именно такихъ идеальныхъ конструкцій пріобрѣло значеніе, котораго еще недавно нельзя было и ожидать, и когда сами признанные представители науки—вспомнимъ хотя бы Гертцка—не пренебрегаютъ пользоваться ими какъ орудіями въ великой борьбѣ умовъ, возгорѣвшейся изъ-за вопроса объ основныхъ положеніяхъ гражданскаго общества.

Въ виду поразительной аналогіи между XIX столѣтіемъ и IV вѣкомъ до Р. Хр. само собой напрашивается заключеніе, что въ утопизмѣ мы имѣемъ дѣло съ историческимъ явленіемъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ общимъ развитіемъ народовъ. Это явленіе съ психологической необходимостью вновь и вновь возникаетъ даже и тамъ, гдѣ его считали давно уже «побѣжденнымъ».

По справедливому замѣчанію Джона Стюарта Милля, утопизмъ является естественнымъ результатомъ всѣхъ тѣхъ эпохъ, въ которыхъ—какъ въ наше время и какъ въ эпоху Платона—чувствуется необходимость въ новой, общей провѣркѣ основныхъ принциповъ государства и общества [3]). Чѣмъ глубже и острѣе чувствуется при такой провѣркѣ несовмѣстимость интересовъ и желаній человѣчества съ существующимъ, чѣмъ, съ другой стороны, упорнѣе вѣритъ средній лишенный идей человѣкъ въ вѣчность такихъ состояній, при которыхъ онъ находитъ удовлетвореніе своихъ мелкихъ, личныхъ интересовъ, тѣмъ настоятельнѣе дѣлается потребность возможно яснѣе освѣтить контрастъ между дѣйствительностью и требованіями разума и справедливости. Дѣйствительности противопоставляется идеальная картина лучшаго строя государства и общества, идеалъ человѣческихъ состояній, какими они должны быть, а, можетъ-быть, и могутъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Путемъ противопоставленія идеала и дѣйствительности духъ человѣка пріобрѣтаетъ могучее средство, дающее ему возможность острѣе понять существующее и яснѣе разбудить въ себѣ и въ другихъ сознаніе его недостатковъ и ошибокъ.

Въ противовѣсъ ограниченности квіэтизма, разсматривающей существующій въ данное время порядокъ вещей, какъ единственно правильный или единственно возможный, появленіе идеальныхъ умозрѣній, указывающихъ возможность иныхъ, лучшихъ состояній, служитъ признакомъ прогресса, и пока будетъ находиться въ движеніи самый духъ человѣка, не исчезнутъ вполнѣ и такія умозрѣнія. Безсмысленному обожествленію существующаго они противопоставляютъ сознаніе, что настоящій порядокъ вещей является, главнымъ образомъ, дѣломъ перемѣнчивыхъ человѣческихъ установленій; такимъ образомъ, эти спекуляціи мысли, поскольку онѣ оказываются обоснованными, играютъ роль передовыхъ борцовъ за высшее право будущаго съ тѣмъ, что продолжаетъ существовать въ силу давленія внѣшнихъ моментовъ, но уже безъ всякаго внутренняго основанія. Въ идеалахъ, создаваемыхъ народомъ въ лицѣ своихъ мыслителей, отражается высшая ступень политическаго сознанія, на которой съ познаніемъ настоящаго соединяется живое чувство будущаго.

Цѣнность и значеніе этихъ идеальныхъ построеній въ томъ, что, если только они не праздныя фантазіи, а результатъ серьезной умственной работы и познанія истинныхъ потребностей, они ставятъ проблемы дѣлу будущаго и указываютъ цѣль и направленіе историческому развитію такъ же, какъ и органической реформаторской дѣятельности.

Поэтому отличающійся такимъ трезвымъ направленіемъ мысли и такой консервативно настроенный человѣкъ, какъ Робертъ фонъ Мооль, рѣшительно осуждаетъ тѣхъ, кто, учитывая только ошибки, свойственныя утопизму, считаетъ нужнымъ заключить, будто послѣдній не можетъ имѣть никакого значенія ни въ жизни, ни въ теоріи. Мооль вполнѣ признаетъ, что «эти заблужденія не имѣютъ никакого с е р ь е з н а г о отношенія къ задачѣ, и что умный и талантливый писатель, умѣющій правильно подойти къ своей задачѣ, можетъ заставить науку съ уваженіемъ отнестись къ его произведенію» [4]).

Входитъ ли въ задачу этого вида литературы создавать проекты, разсчитанные на непосредственное практическое осуществленіе, это, конечно, другой вопросъ. При всемъ уваженіи къ моральной и ученой энергіи, съ которой высокообразованный авторъ самой значительной изъ современныхъ утопій взялся за практическое осуществленіе своихъ плановъ, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всегда еще оказывалось невозможнымъ придумать такую новую форму государства и общества, практическое дѣйствіе которой можно было бы заранѣе учесть, подобно дѣйствію спроектированной на бумагѣ машины.

Одинъ изъ критиковъ Фрейланда, и въ то же время историкъ, очень удачно замѣтилъ, что идеальное государство къ практическому ученію о народномъ хозяйствѣ относится такъ же, какъ наблюденія физика въ безвоздушномъ пространствѣ относятся къ механикѣ [5]). Всѣ законы паденія, установленные для безвоздушнаго пространства, правильны, но имѣютъ значеніе при такихъ условіяхъ, которыя никогда не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. «Механикъ не можетъ обойтись безъ этихъ законовъ; онъ долженъ знать ихъ и умѣть ими пользоваться. Но въ каждомъ случаѣ онъ долженъ считаться съ сопротивленіемъ среды, какъ съ задерживающимъ факторомъ. Физикъ, который потребовалъ бы, чтобы законы, найденные имъ въ безвоздушномъ пространствѣ, путемъ экспериментовъ и вычисленій, были либо опровергнуты, либо примѣнены механикомъ, вдругъ увидѣлъ бы, что не случилось ни того, ни другого; выводы его встрѣтили одобреніе, но примѣнены къ совсѣмъ инымъ цѣлямъ, чѣмъ онъ желалъ. Въ такомъ же положеніи находится и политико-экономъ, устанавливающій свои положенія для общества, въ которомъ такъ же отсутствуютъ глупость и страсти, какъ воздухъ отсутствуетъ подъ воздушнымъ колоколомъ. Его выводы, поскольку они правильны, могутъ найти практическое примѣненіе лишь тогда, когда будутъ приняты во вниманіе всѣ нарушенія и тренія дѣйствительной жизни съ ихъ истинными коэффиціентами».

Только при такомъ условіи и при такомъ ограниченіи можно обсуждать мысль о реализаціи государственнаго идеала. И, дѣйствительно, въ исторіи не разъ дѣлались попытки въ маленькихъ кружкахъ, въ которыхъ были, по возможности, устранены всякія постороннія и противодѣйствующія вліянія и уменьшены сопротивленія тренію, осуществить идеи, являвшіяся конечными выводами логическаго мышленія, разбиравшаго взаимоотношенія человѣческихъ дѣйствій. Можетъ-быть, мысль о томъ, чтобы создать государство и общество подобно произведенію искусства, чтобы сложить ихъ какъ опредѣленный механизмъ, никѣмъ не проводилась съ такой послѣдовательностью, какъ смѣлымъ доминиканцемъ; шествуя по стопамъ Платона, онъ построилъ идеалъ государства совершенно на основахъ естественнаго разума. И все-таки солнечное государство Кампанеллы, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ главныхъ чертахъ осуществилось въ первобытныхъ лѣсахъ Южной Америки. Правда, именно этотъ примѣръ доказываетъ, какъ далекъ будетъ всегда идеалъ отъ дѣйствительности, стремленіе создать нѣчто совершенное и высшее отъ дѣйствительно достигнутаго.

Приступая къ изслѣдованію «Политіи» Платона съ этой точки зрѣнія, мы сейчасъ же встрѣчаемся съ вопросомъ относительно ея теоретическихъ результатовъ. Что дала она въ смыслѣ прочныхъ успѣховъ на пути политическаго и соціально-экономическаго познанія? Создала ли она такія идеи, которыя могутъ служить путеводной звѣздой будущему, и которыя, поскольку онѣ еще не осуществлены, не утратили и до сихъ поръ своего значенія?

Въ общихъ чертахъ на этотъ вопросъ уже утвердительно отвѣтила политическая экономія нашихъ дней. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ видныхъ ея представителей считаетъ неизбѣжнымъ независимо отъ политической точки зрѣнія возвращеніе къ извѣстнымъ основнымъ взглядамъ древности въ томъ видѣ, какъ эти взгляды излагаетъ политика Аристотеля и государство Платона [6]). Здѣсь прежде всего имѣются въ виду тѣ положенія, которыя, въ противовѣсъ атомистически-индивидуалистической государственной теоріи и ея возвышенію индивидуума на первое мѣсто, подчеркиваютъ необходимость подчиненія отдѣльной личности государству и ея внѣдренія въ послѣднее. Адольфъ Вагнеръ призналъ, что, будучи вѣрно поняты, эти идеи не только справедливы для древне-греческихъ отношеній, но и безусловно истинны; что онѣ представляютъ собою не только исторически-относительныя положенія, но и логически-абсолютныя [7]).

Выдвигая на первое мѣсто принципъ общественности, сейчасъ же приходится вывести изъ него требованіе, справедливость котораго въ настоящее время все глубже и глубже чувствуется, именно требованіе сильной, возвышающейся надъ обществомъ правящей власти, имѣющей силы и желаніе подчинить интересы индивидуума интересамъ и цѣлямъ общества,—власти истинной, т.-е. понимаемой и практикуемой не какъ мандатъ лишь общественнаго большинства, но такой, которая можетъ быть осуществлена только самостоятельнымъ чиновничествомъ, независимымъ отъ общества и его соціально-экономическихъ классовыхъ интересовъ. Не кажется ли это требованіе пророческимъ указаніемъ на истинно-государственную монархію, прежде всего осуществленную въ Германіи? Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ соціологовъ, здоровье современнаго государства и современнаго общества покоится, въ противовѣсъ античному, а отчасти и средневѣковому государству, на томъ, что на ряду съ людьми состоятельными, такъ легко подпадающими подъ власть своихъ частныхъ интересовъ, выступаетъ широкій, вліятельный классъ общества, имѣющій въ среднемъ болѣе идеальный образъ мыслей: наши теперешніе государственные и коммунальные чиновники, духовенство, учителя, офицеры и т. д.,—словомъ, люди, которымъ безъ всякихъ средствъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ большихъ средствъ, стало доступно высшее образованіе; они пользуются умѣреннымъ, но приблизительно соотвѣтствующимъ ихъ заслугамъ доходомъ и свое соціальное положеніе изъ поколѣнія въ поколѣніе упрочиваютъ не силою своего имущественнаго положенія, а путемъ воспитанія своихъ дѣтей; они не такъ легко подпадаютъ стремленію къ наживѣ и, имѣя вліяніе на государственную жизнь, легче исходятъ изъ высшихъ мотивовъ, чѣмъ изъ простой алчности [8]). Созданіе такъ поставленнаго и такъ построеннаго класса общества, которымъ обладаетъ современное государство, и котораго было лишено государство той далекой эпохи, Платонъ съ геніальной проницательностью признаетъ главнымъ и основнымъ вопросомъ всякой политики. Это сужденіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи государственныхъ неурядицъ, къ которымъ должно неизбѣжно, въ концѣ концовъ, привести верховенство общества, независимо отъ того, опредѣляетъ ли волю государства односторонне индивидуалистическая воля состоятельнаго меньшинства или воля громаднаго большинства.

Поистинѣ пророческимъ для настоящаго времени оказалось описаніе непобѣдимой силы, съ которой эгоистическіе интересы стремятся повсюду проникнуть въ поры государственнаго тѣла. Иллюзорность надеждъ на счастливое воздѣйствіе все шире и шире распространяющейся демократизаціи государствъ, такъ сильно развитыхъ одностороннимъ политическимъ доктринерствомъ послѣдняго столѣтія, и отъ которыхъ такъ трудно отказаться нашимъ гражданамъ, была доказана уже Платономъ, исходившимъ изъ истинно-соціально-политическаго взгляда на вещи. Гротъ, греческая исторія котораго полна подобныхъ иллюзій, въ своей критикѣ извѣстнаго государственнаго дѣятеля Діона говоритъ, что послѣдній лишь потому сомнѣвался въ достоинствахъ чисто-народнаго государства, что его воззрѣнія были обусловлены не опытами практической жизни и лучшихъ политическихъ дѣятелей, а ученіемъ академіи и Платона [9]). Врядъ ли что-нибудь можетъ доставить бо̀льшій тріумфъ взглядамъ Платона, чѣмъ то сужденіе, къ которому пришелъ Гротъ именно путемъ политическаго опыта позднѣйшихъ дней своей жизни,—сужденіе относительно значенія англійскихъ выборовъ. «Возьми частицу общества,—говоритъ онъ въ позднѣйшее время своей жизни,—разрѣжь его сверху до низу и изслѣдуй тогда соединеніе слѣдующихъ другъ за другомъ слоевъ. Всѣ они отъ начала до конца очень похожи другъ на друга. Взгляды ихъ всѣ основаны на однородныхъ соціальныхъ инстинктахъ, а не на ясномъ и просвѣщенномъ пониманіи интересовъ цѣлаго. Всякій отдѣльный классъ преслѣдуетъ свои собственные интересы, и результатомъ этого является общая борьба изъ-за преимуществъ, вытекающихъ изъ господства той или иной партіи» [10]).

То же самое могъ бы сказать и Платонъ, да по смыслу онъ это и сдѣлалъ.

Съ вѣрностью естественнаго закона видимъ мы въ классическомъ описаніи «Политіи», какъ передъ нашимъ духовнымъ взоромъ происходитъ роковой процессъ, когда при абсолютномъ самоуправленіи общества государство неизбѣжно становится средствомъ и орудіемъ обогащенія достигшихъ политическаго вліянія классовъ народа и вырождается въ классовое господство состоятельныхъ; какъ затѣмъ въ естественной реакціи при возрастающемъ радикализмѣ общественныхъ учрежденій широкая масса получаетъ возможность подобныхъ же злоупотребленій, пока, наконецъ, «самое свободное» государственное устройство не превратится въ діаметрально противоположный деспотическій ему цезаризмъ.

Самый значительный и для настоящаго времени самый важный выводъ изъ этого историческаго изслѣдованія есть научная побѣда надъ абстрактнымъ принципомъ свободы крайняго демократизма, который въ своемъ стремленіи къ возможно абсолютной свободѣ личности односторонне понимаетъ всякую свободу, какъ индивидуальное право, и болѣе или менѣе игнорируетъ неизбѣжно связанныя съ этимъ правомъ соціальныя и политическія обязанности. Неопровержимо указаніе, что тамъ, гдѣ атомистически-индивидуалистическая идея свободы и равенства «чистой» демократіи осуществлена вполнѣ и совершенно, и воля большинства стала рѣшающимъ моментомъ въ правительствѣ, законодательствѣ и управленіи,—тамъ государство подпадаетъ господству массы, неспособной и не желающей выполнять эти обязанности; это большинство будетъ всегда такъ безпощадно эксплуатировать политическую власть въ пользу частныхъ интересовъ тѣхъ, кто его образуетъ, какъ никогда не умѣло ее эксплуатировать въ свою пользу плутократическое меньшинство. Неумолимая логика этихъ заключеній не оставляетъ болѣе мѣста оптимистическимъ утѣшеніямъ людей, воображающихъ, что ничѣмъ неограниченное всеобщее право голоса носитъ въ себѣ самомъ исцѣленіе подобныхъ недуговъ.

Вѣрѣ въ абсолютную пригодность не имѣющаго противовѣса господства всеобщаго права голоса, безъ колебаній отожествляющаго единственно волю большинства, созданную при помощи этого права, съ «волею народа» и считающаго—какъ-будто никогда за вѣкомъ Перикла не было эпохи Клеона—рѣшенія даннаго большинства массы за лучшее проявленіе «общей воли», а избранниковъ ея за самыхъ подходящихъ носителей государственныхъ функцій,—этой наивной вѣрѣ политическаго радикализма Платонъ противопоставляетъ ясное признаніе историческаго факта, что абсолютный принципъ большинства всегда вытекаетъ изъ насилія надъ бо́льшей или ме́ньшей частью гражданскаго общества и менѣе всего можетъ дать какъ-разъ то, что обѣщаетъ: «равную свободу всѣхъ». Борьба, ведущаяся германской наукой о государствѣ, съ ея основнымъ требованіемъ рѣзко выдвинуть на первый планъ идею государства въ противовѣсъ болѣе или менѣе проведенному у столь многихъ современныхъ народовъ строенію государства на основахъ народнаго суверенитета, эта борьба въ сущности рѣшена уже государственной доктриной Платона.

Понятно, что доктринальный либерализмъ XIX столѣтія не понималъ изслѣдованій, изложенныхъ въ восьмой книгѣ «Политіи»; такъ обстояло дѣло до тѣхъ поръ, пока состоятельная буржуазія и неимущая масса съ ея требованіемъ политическаго равенства согласно шли еще рука-объ-руку. Теперь же, когда уже наступилъ разрывъ, давно признанный Платономъ необходимой фазой развитія демократіи, вѣрность, съ которой онъ изображаетъ эволюцію чисто-индивидуалистической идеи свободы и равенства, предстали предъ нами съ ужасающей ясностью. Мы теперь знаемъ такъ же, какъ и онъ, что любовь къ свободѣ экономически болѣе сильныхъ, состоятельныхъ и образованныхъ и жажда равенства низшей массы никогда не могутъ долго идти рука-объ-руку; свобода всегда заключаетъ въ себѣ тенденцію превратиться въ господство сильнаго надъ слабымъ, а равенство—въ ограниченіе свободы и насиліе сильныхъ надъ слабыми.

Поистинѣ пророческимъ для настоящаго времени оказался и выводъ Платона, гласящій,—что принципъ свободы экономически сильныхъ и состоятельныхъ классовъ, принципъ, стремящійся устранить государство отъ всего того, что ограничиваетъ ихъ жажду наживы, находитъ себѣ неизбѣжный коррелатъ въ одинаково индивидуалистической идеѣ свободы и равенства массы; что изъ своего политическаго индивидуализма масса будетъ постоянно извлекать такія же чисто-экономическія выгоды, какъ и состоятельные граждане, и что буржуазія въ лицѣ политической демократіи лелѣетъ врага своей свободы и своей собственности,—врага, котораго наше время обозначаетъ именемъ соціалъ-демократіи.

Этимъ почерпнутымъ изъ несравненнаго историческаго опыта указаніемъ на всѣ времена разрушенъ призрачный идеалъ безграничнаго индивидуализма въ области конституціоннаго права, индивидуализма, разсматривавшаго народъ только какъ сумму отдѣльныхъ единицъ, государственную волю, какъ волю массоваго большинства, и на мѣсто расчлененнаго народа ставившаго простую массу индивидуумовъ. Побѣдоносно прокладываетъ себѣ дорогу познаніе, что государство не принадлежитъ извѣстному числу лицъ, но всему народу въ его живомъ расчлененіи; что это расчлененіе должно поэтому выражаться и въ организмѣ самой конституціи, если только это не наноситъ ущерба жизненнымъ условіямъ цѣлаго.

Эти условія существованія цѣлаго, а не атомистическое понятіе свободы и равенства, признаются руководящимъ моментомъ въ распредѣленіи общественныхъ правъ и обязанностей. Правильно опредѣливъ истинныя потребности государственной жизни, Платонъ на мѣсто принципа абсолютнаго равенства демократіи ста-

вить понятіе «истиннаго» равенства, т.-е. соразмѣрности между политической властью и личной дѣятельностью на пользу государства. Не менѣе мѣтко противопоставляется, наконецъ, требованію равенства демократіи постулатъ единства государства, признаваемый Платономъ вопросомъ жизни для государственнаго организма, въ правильномъ признаніи, что принципъ, въ силу котораго множественность, какъ таковая (οἱ πολλοί), дѣлается владычицей государственной воли, дѣлаетъ невозможнымъ необходимое единство этой воли и, такимъ образомъ, грозитъ распаденіемъ самому государственному организму.

Народное государство признаетъ за отдѣльнымъ лицомъ и именно за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ право управлять, издавать законы, чинить судъ и расправу и судить; оно даетъ каждому право избирать судей, административные и правительственные органы; напротивъ, Платонъ изъ живого проникновенія въ послѣдствія этой системы почерпнулъ сознаніе, что государственная дѣятельность въ правительствѣ, администраціи и законодательствѣ нуждается въ особомъ выработанномъ организмѣ, не призванномъ къ жизни сегодня моментально выраженной волею толпы избирателей, чтобы въ скоромъ времени снова исчезнуть въ этомъ Молохѣ. Одностороннему политическому доктринерству, находящему свое удовлетвореніе въ подобномъ положеніи дѣла, противопоставляется здоровое реально-политическое соображеніе, что для рѣшенія вопроса о томъ, чувствуется ли конституція какъ нарушеніе свободы и равенства, прежде всего надо обращать вниманіе на то, увѣренъ ли народъ въ томъ, что его дѣла находятся въ рукахъ справедливаго и мудраго правительства, или нѣтъ? Платонъ высказываетъ этимъ лишь ту мысль, все болѣе и болѣе раздѣляемую общественнымъ мнѣніемъ настоящаго времени, что управленіе государствомъ имѣетъ для блага и горя широкаго большинства населенія большее значеніе, чѣмъ его конституція [11]).

Высокія требованія, которыя Платонъ съ этой точки зрѣнія предъявляетъ къ государству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ дѣеспособности его органовъ, заключаютъ въ себѣ дальнѣйшіе постулаты, прямо относящіеся и къ современному государству. Платонъ приходитъ къ заключенію, что возможно совершенное въ техническомъ отношеніи осуществленіе государственныхъ цѣлей—цѣлей культуры и благополучія, такъ же, какъ и цѣлей могущества—достижимо, подобно производительному процессу народнаго хозяйства, только путемъ квалифицированной (профессіональной) работы; что поэтому часть населенія, по принципу раздѣленія труда, заранѣе должна посвящать себя исключительно службѣ государству и образовывать себя для нея, чтобы дѣйствительно соотвѣтствовать высокимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ качеству работы на пользу государства. Въ этомъ отношеніи государство Платона оказывается современнымъ государствомъ, въ которомъ дѣйствуютъ разъ навсегда назначенные, получившіе профессіональное образованіе и обезпеченные жалованьемъ чиновники. «То, что Платонъ—говоритъ одинъ изъ современныхъ политико-экономовъ—такъ продуманно хотѣлъ достигнуть путемъ заботливаго воспитанія въ «своемъ государствѣ охранителей», теперь является еще большей практической потребностью, чѣмъ когда-либо. Въ этомъ пунктѣ взгляды Платона опять-таки оказываются имѣющими вѣчную цѣнность. Поэтому и здѣсь надо въ большей мѣрѣ примыкать къ идеямъ, развитымъ именно въ государствѣ Платона, о необходимости правильнаго воспитанія служителей государства» [12]).

То же самое подчеркиваніе соціальнаго принципа, то же самое принципіальное разногласіе съ атомистически-индивидуалистическимъ пониманіемъ свободы, изъ которыхъ для Платона вытекали указанныя образцовыя основоположенія политики государственнаго устройства, естественно, служатъ руководствомъ и въ

области частнаго права и политики управленія. Ясно изложивъ условія плодотворной экстенсивной и интенсивной дѣятельности государства, Платонъ съ той же самой силой убѣдительности показываетъ, что государство и въ этой дѣятельности призвано и можетъ бороться съ опасными послѣдствіями односторонняго пониманія свободы. Шагъ впередъ, сдѣланный платоновскимъ государствомъ въ области философіи государства и публичнаго права, ведетъ за собою значительный прогрессъ и въ области частнаго правопорядка. Какъ вопросъ о гражданской свободѣ разбирается съ точки зрѣнія условій общей жизни, точно такъ же разбирается и вопросъ объ экономической свободѣ. И здѣсь Платонъ находится въ согласіи съ соціальнымъ направленіемъ современной науки о государствѣ, значеніе котораго побѣдоносно возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Послѣдняя уже давно перестала исходить изъ права естественной свободы индивидуума, мыслимаго какъ нѣчто абсолютное, и изъ его требованій къ выработкѣ права собственности и экономическихъ отношеній, чтобы лишь потомъ опредѣлить право цѣлаго въ отношеніи къ отдѣльной личности и ея собственности; она скорѣе, наоборотъ, спрашиваетъ: каковы условія совмѣстной жизни въ обществѣ, особенно экономической жизни цѣлаго? Какъ должны быть урегулированы поэтому сфера свободы индивидуума, имущественное право, право собственности и договора согласно съ этими прежде всего долженствующими быть выполненными условіями соціальной и экомической жизни народа [13])?

Подобная точка зрѣнія лежитъ въ основѣ правового строя платоновскаго государства. Говоря словами Іеринга [14]), онъ строитъ всякое право по масштабу общественной цѣлесообразности. Мысль о соціальномъ характерѣ частнаго права побѣдоносно прорывается здѣсь наружу. Платоновское государство не признаетъ никакого права, которое не находилось бы подъ вліяніемъ и не было бы связано съ постоянной работой о цѣломъ. Проведеніе Платономъ своей указанной выше точки зрѣнія, и притомъ проведеніе съ ни передъ чѣмъ не останавливающейся энергіей, даже въ примѣненіи къ великимъ основнымъ институтамъ частнаго права, какъ, напримѣръ, къ праву собственности, свидѣтельствуетъ о поразительной безпристрастности сужденія этого человѣка, принадлежавшаго по рожденію къ родовой и имущественной аристократіи. Современная соціальная наука должна признать это полностью, какъ бы мало она ни раздѣляла способъ его реакціи противъ существующаго права собственности и крайніе выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ соціальнаго принципа не въ пользу частной собственности и свободы договоровъ.

То же самое остается въ силѣ и для части тѣхъ общихъ основныхъ взглядовъ, которые Платонъ, съ точки зрѣнія принципа общности и тѣсно связаннаго съ нимъ принципа благополучія государства, высказываетъ въ своемъ проектѣ идеальнаго государства относительно полной правомѣрности и необходимости всеобъемлющей государственной дѣятельности въ народномъ хозяйствѣ и принужденія въ народно-экономическихъ отношеніяхъ. Такъ же и здѣсь предвосхищаетъ онъ мысли будущаго, доказывая изъ невзгодъ, являющихся слѣдствіемъ чрезмѣрной свободы въ области имущественной жизни, соціально-политическое призваніе государства и необходимость, вмѣсто односторонне-индивидуалистической формы правоотношеній, дающей экономически сильному и могущественному слишкомъ большую свободу стремиться къ организаціи народнаго хозяйства на основахъ общественныхъ, даже принудительно-общественныхъ. Такъ же и въ этомъ онъ тѣсно соприкасается съ эпохой, которая, какъ и наше время, отличается прогрессирующимъ развитіемъ общехозяйственныхъ предпріятій въ ущербъ частно-хозяйственнымъ,—съ эпохой, въ

которой даже тѣ, кто желаетъ исключительно государственной промышленности, надѣются, что придетъ также и время, когда государство и община, безъ вреда для самодѣятельности индивидуума, будутъ въ состояніи взять на себя то, чего они или совсѣмъ, или отчасти не могли предпринять безъ нѣкоторой опасности [15]).

При этомъ Платонъ остается совершенно послѣдовательнымъ, выводя изъ того же соціальнаго принципа, который привелъ его къ необходимости устраненія односторонняго демократизма въ области государственной политики, необходимость болѣе сильной демократизаціи народнаго хозяйства.

Этимъ справедливо требуются отъ государства двѣ вещи: обузданіе крайняго индивидуализма, а также обузданіе и соціально-политическое усиленіе капиталистическаго класса гражданъ, постройку окоповъ противъ плутократіи и, съ другой стороны, мѣры позитивной соціальной политики въ интересахъ наивозможно вѣрнаго обезпеченія массы отъ голодовки и безработицы. То, что наше время признаетъ справедливымъ требованіемъ послѣдней,—скромное, по крайней мѣрѣ, гарантирующее самое необходимое, экономическое содержаніе,—ставится здѣсь уже главной цѣлью государственной политики благополучія.

Для Платона такъ же, какъ и для Адама Смита, достовѣрно, «что никакое государство не можетъ процвѣтать и быть счастливымъ, когда очень большая часть его гражданъ находится въ бѣдности и несчастіи». Онъ признаетъ, что народное хозяйство, распредѣляющее доходъ отъ національнаго производства такъ, что несоразмѣрно большое число гражданъ едва можетъ влачить свою жизнь, служитъ уже не цѣлямъ всего народа, а лишь одной части его. Платонъ чрезвычайно живо чувствуетъ нравственную недооцѣнку и «порабощеніе» личности, которое влечетъ за собою для массы неимущихъ такое выродившееся въ чисто-классовое господство народное хозяйство, а потому онъ требуетъ и для самыхъ низшихъ членовъ народа возможности извѣстнаго развитія личности въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Онъ въ принципѣ устраняетъ условія существованія, ставящія отдѣльнаго человѣка въ экономическомъ или правовомъ смыслѣ въ такое положеніе, когда его личность перестаетъ быть своей собственной цѣлью. Съ этой точки зрѣнія Платонъ, съ одной стороны, требуетъ личной свободы для всего, что носитъ на себѣ ликъ Греціи, а съ другой—съ полной рѣшительностью признаетъ обязанность всякаго государственнаго управленія быть управленіемъ, построеннымъ на соціальныхъ реформахъ.

Платоновская теорія государства требуетъ непрерывной работы для поднятія того уровня, на которомъ вынуждены пребывать низшіе сочлены гражданскаго уровня; она провозглашаетъ великую идею возвышенія низшихъ классовъ, борьбу противъ «бѣдности», т.-е. противъ уничтоженія и изувѣченія цѣлыхъ слоевъ общества, къ которымъ должна привести возрастающая дифференціація общества, благодаря чрезмѣрному неравенству распредѣленія имущества.

Этимъ платоновская государственная доктрина входитъ въ рядъ теорій соціальнаго прогресса и гуманистическаго преобразованія народно-экономическихъ формъ строя; въ исторіи соціальныхъ теорій Платона будутъ всегда называть однимъ изъ первыхъ, предпринявшихъ ту борьбу, въ разгарѣ которой находимся и мы,—борьбу противъ квіэтизма и пессимизма, не желающихъ признать того, что въ соціальномъ расчлененіи можно добиться существеннаго прогресса, разсматривающихъ постоянное и все возрастающее неравенство въ распредѣленіи дохода и развивающійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, антагонизмъ классовъ какъ нѣчто нормальное, даже необходимое и желательное.

Соприкосновеніе съ соціально-реформаторскими стремленіями настоящаго вре-

мени идетъ еще дальше. Платонъ не только хочетъ воспрепятствовать тому, чтобы низшіе слои общества опускались ниже извѣстнаго уровня, онъ добивается того, что бывсѣмъ стремящимся, жаждущимъ дѣятельности талантамъ этихъ слоевъ была предоставлена возможность такъ высоко подняться на ступеняхъ соціальной лѣстницы, какъ только это позволяетъ ихъ личная одаренность. Гдѣ только возможно, каждому должна быть сдѣлана доступной та профессія, къ которой лучше всего подходятъ его тѣлесныя и духовныя склонности. Эта цѣль все рѣшительнѣе признается современностью не только какъ требованіе соціальной справедливости, но и какъ важное требованіе цѣлесообразности, хотя наше время и забываетъ, что тутъ рѣчь можетъ идти всегда лишь объ извѣстномъ приближеніи къ идеалу, полное достиженіе котораго никогда не возможно.

Платоновское государство указываетъ народному воспитанію будущаго цѣль и пути, открывая самымъ одареннымъ дѣтямъ народа возможность посредствомъ образованія достигнуть высшихъ благъ культуры и власти. Геніямъ и талантамъ всѣхъ классовъ должна быть дана возможность получить подготовку къ соотвѣтствующимъ ихъ личнымъ особенностямъ отраслямъ профессій, даже и самыхъ высшихъ. Здѣсь, дѣйствительно, съ точки зрѣнія цѣлаго удовлетворяется справедливость притязаній народа на равенство. Самые одаренные, способные и старательные умы должны получить развитіе, не только имѣя на это право, но и располагая для этого надлежащими средствами. Таланты изъ народа, вмѣсто того, чтобы превратиться въ опасныхъ, полныхъ ненависти и зависти бунтовщиковъ и революціонеровъ, должны усилить собою высшіе классы. Кто дѣйствительно способенъ господствовать, кто обладаетъ самыми ловкими руками, тому произвольныя границы не должны мѣшать на самомъ дѣлѣ достигнуть господства или примѣнить свою ловкость. Каждое отдѣльное лицо должно быть въ состояніи примѣнить свои индивидуальныя способности не только въ своемъ собственномъ интересѣ, но и, прежде всего, въ интересахъ цѣлаго.

Здоровая демократическая черта въ соціально-экономической системѣ Платона проявляется и въ борьбѣ съ тѣмъ чрезвычайно вреднымъ народно-экономическимъ направленіемъ производства, которое, въ ущербъ удовлетворенію потребностей массы, идетъ односторонне для удовлетворенія потребностей въ роскоши зажиточныхъ классовъ.

Платонъ признаетъ, что тенденціи капиталистическаго общества отнять изъза потребностей въ роскоши отъ производства необходимыхъ средствъ существованія народа несоразмѣрно большое количество рабочихъ силъ, капитала и земли, и тѣмъ вообще сузить сферу пропитанія народа,—что этой тенденціи должны быть поставлены принципіальныя границы со стороны государственной власти.

Онъ понимаетъ, что ничто такъ не способствуетъ этой тенденціи, какъ слишкомъ сильное имущественное неравенство; безспорнымъ выводомъ соціальнаго взгляда на вещи ему кажется необходимость ограниченія для какой бы то ни было части народа безусловнаго права на избытокъ въ доходѣ и собственности; такой избытокъ прямо или косвенно дѣлаетъ невозможнымъ удовлетвореніе даже самыхъ насущныхъ потребностей другой части населенія. На всѣ времена устанавливаются признанныя справедливыми абсолютныя границы въ неравенствѣ доходовъ и право необходимаго для поддержанія этихъ границъ вмѣшательства государственной власти въ частную собственность.

Самая исторія Греціи такъ же, какъ и исторія всего послѣдующаго времени, неопровержимо доказала, что то, что Платонъ назвалъ борьбой съ богатствомъ и бѣдностью, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ зерно истины и въ извѣстной сте-

пени даже требуется жизненными интересами народовъ. Сильное неравенство въ распредѣленіи имущества до сихъ поръ во всѣ эпохи приводило къ упадку народной нравственности. Народъ оказывался тѣмъ жизнеспособнѣе, чѣмъ позже и медленнѣе наступало имущественное неравенство [16]). А потому наша современная соціальная наука все болѣе и болѣе приходитъ къ тому выводу, который Платонъ, въ силу аналогичнаго же опыта, сдѣлалъ и для своего времени, т.-е., что народъ, который уже достигъ необходимой для развитія высшей культуры степени благосостоянія, остается тѣмъ здоровѣе, чѣмъ меньше проявляется возрастающее неравенство, и чѣмъ больше удается провести равномѣрное распредѣленіе народныхъ доходовъ.

Призывъ къ борьбѣ съ бѣдностью и богатствомъ, который проповѣдуетъ платоновское государство, въ извѣстномъ смыслѣ,—хотя и не совсѣмъ такъ, какъ его понималъ самъ его авторъ,—станетъ лозунгомъ государственной науки наступающихъ столѣтій [17]). Уже теперь серьезная наука успѣшно старается устранить возраженія, которыми доктринерство болѣе ранней эпохи думало навсегда покончить съ мыслью о томъ, чтобы распредѣленіе доходовъ направить по болѣе здоровому пути. Наука снова возвращается къ основному мотиву соціальной политики Платона, стараясь установить, что «соціальная реформа въ смыслѣ болѣе соразмѣрнаго распредѣленія народнаго дохода» есть не только требованіе гуманности и справедливости, но и условіе экономическаго расцвѣта и всякой политики, стремящейся сохранить государство [18]).

Если современная наука стремится провести это болѣе соразмѣрное распредѣленіе чистаго дохода отъ національнаго производства не тѣми средствами, которыя имѣлъ въ виду Платонъ, и если, съ другой стороны, она, въ противовѣсъ Платону, считаетъ безусловно необходимой болѣе или менѣе сильную разницу между наибольшимъ и наименьшимъ количествомъ собственности и вполнѣ выработанную экономическую организацію классовъ въ интересахъ экономической продуктивности народа и его культуры, то она все-таки такъ же, какъ и Платонъ, убѣждена, что предоставленный самому себѣ обмѣнъ заключаетъ въ себѣ тенденцію къ неравному распредѣленію дохода и имущества; такое распредѣленіе вредитъ какъ экономическимъ, такъ и нравственнымъ интересамъ народовъ, и потому «распредѣленіе дохода изъ явленія, обусловленнаго только слѣпыми естественными факторами, должно стать явленіемъ, управляемымъ нравственностью и правомъ» [19]). Выставляя требованіе—все сильнѣе и сильнѣе добиваться того, чтобы «самое большое богатство не избавляло отъ труда, и чтобы самая мелкая работа вела къ какому-нибудь имуществу, чтобы преимущества собственности какъ таковой передъ трудомъ уменьшались, а эксплуатація неимущихъ и превосходство состоятельныхъ надъ неимущими вообще все болѣе и болѣе теряло почву»,—современная соціальная наука дѣйствуетъ совершенно въ духѣ Платона. Послѣдній, какъ сынъ преисполненнаго соціально-революціонными теченіями вѣка, ясно понималъ, что люди, живущіе на ренту безъ возмѣщенія трудомъ, способствуютъ приближенію расплаты; какъ можетъ не понимать еще всего этого **наше время** [20])?

Слѣдствіе, выводимое Платономъ изъ такого взгляда на вещи,—признаніе за государствомъ права вмѣшиваться въ строй частной собственности, въ распредѣленіе имущества и дохода, съ цѣлью положить предѣлъ чрезмѣрному неравенству,—нашло, какъ мы уже видѣли, послѣдователей среди представителей современной соціальной и правовой науки.

Очевидно, факты самой исторіи какъ тамъ, такъ и здѣсь съ достаточной опредѣленностью указали путь теоріи. Тамъ—экономическая и соціальная реформа

Солона, дѣло величайшаго изъ реформаторовъ античнаго міра, здѣсь—современныя аграрныя реформы и законодательство Штейна-Гарденберга, говоря словами современнаго ихъ критика, «показали на рядѣ разительныхъ примѣровъ, какъ великодушная политика можетъ и должна вмѣшиваться въ строй собственности, какъ искупленіе многовѣкового и несправедливаго нарушенія цѣлыхъ тысячъ частныхъ интересовъ можетъ сдѣлать неизбѣжными даже такія мѣропріятія, которыя могутъ быть названы ни болѣе, ни менѣе, какъ новымъ распредѣленіемъ собственности, но которыя все-таки не были соціалистическими мѣропріятіями въ дурномъ смыслѣ этого слова» [21]). Исторія аѳинскаго государства такъ же, какъ и исторія современнаго германскаго государства со времени аграрныхъ реформъ послѣдняго столѣтія, одинаково сильно подготовили истинно-соціальный взглядъ на вещи постольку, поскольку показали съ несомнѣнностью, что поднимаемый во всѣ времена противъ сильнаго проведенія соціальнаго принципа крикъ о нарушеніи и экспропріаціи собственности, объ искаженіи и нарушеніи права долженъ замолкнуть и замолкнетъ, если подобныя мѣропріятія будетъ проводить не страстная чернь, а вполнѣ сознающая свои обязанности государственная власть, если не «произволъ будетъ отнимать у однихъ и дарить другимъ, а будутъ исторически, на прочныхъ основахъ, проводиться новыя границы собственности» [22]).

Изъ тѣхъ же взаимоотношеній вытекаетъ для Платона еще дальнѣйшее право государственнаго общества по отношенію къ индивидууму. Платонъ признаетъ, что и самая успѣшная борьба съ чрезмѣрной концентраціей богатства и одностороннимъ развитіемъ труда, направленнаго на производство предметовъ роскоши, сама по себѣ не достигнетъ прочнаго установленія благосостоянія широкаго большинства народа. Какъ житель густо населеннаго и густо обработаннаго небольшого государства, Платонъ ясно сознаетъ, что не одно неравномѣрное распредѣленіе народнаго дохода и народнаго имущества можетъ быть причиною того, что приходящаяся на отдѣльное лицо доля средствъ пропитанія чрезмѣрно сокращается. Онъ знаетъ, что тутъ играетъ роль и связанная естественными и непреодолимыми границами в е л и ч и н а народнаго дохода. Платонъ постоянно имѣлъ передъ глазами въ высшей степени интенсивную экономическую борьбу за существованіе, которую должно было вести греческое государство-городъ, чтобы поддержать равновѣсіе между доходомъ отъ своего народнаго хозяйства и количествомъ своего населенія. Поэтому онъ всегда былъ чуждъ оптимизма жителя большихъ государствъ, обладающихъ еще широкимъ пространствомъ невоздѣланной или слабо заселенной земли. Проблема увеличенія народонаселенія, которую экономическій соціализмъ и экономическій либерализмъ новаго времени считаютъ возможнымъ игнорировать съ легкомысленной поверхностью, ясно стояла передъ глазами Платона во всемъ своемъ ужасающемъ значеніи. Современный соціализмъ надѣется устранить эту проблему и думаетъ, что опасность чрезмѣрной густоты населенія можетъ явиться лишь продуктомъ существующаго правового и экономическаго строя, при господствѣ же соціалистической организаціи производства и распредѣленія этой опасности нечего вообще бояться; эллинскій же соціализмъ былъ свободенъ отъ подобныхъ иллюзій.

Платонъ, по крайней мѣрѣ, считаетъ главнымъ симптомомъ здоровыхъ соціальныхъ условій, если народъ въ разумной заботливости объ избѣжаніи массовыхъ бѣдствій или войны [23]) «не производитъ дѣтей больше, чѣмъ это дозволяютъ ему средства пропитанія» [24]). Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія неотъемлемымъ правомъ государственнаго общества по отношенію къ индивидууму является прямо или косвенно воздѣйствіе путемъ законодательства на ограниченіе національнаго прироста, когда послѣдній дѣлаетъ сомнительнымъ вопросъ о равно-

вѣсіи въ производствѣ и потребленіи. Какъ ни претятъ нашему нравственному чувству реформы въ духѣ политико-народонаселенческой системы Платона, какъ ни сильно въ данномъ вопросѣ вліяніе на него точки зрѣнія современной ему эпохи, все-таки введеніе народонаселенческой проблемы въ систему политики, самое указаніе на опасность перенаселенія,—опасность, ставшую ясной для сознанія современной Европы только сто лѣтъ тому назадъ благодаря Мальтусу, наконецъ, примѣненіе общиннаго принципа и къ этому вопросу,—все это является прогрессомъ, имѣющимъ принципіальное значеніе.

Но соціальный принципъ Платона, желая сформировать строй государства и права, общества и народнаго хозяйства сообразно потребностямъ народа, какъ цѣлаго, не стремится этимъ своимъ соціализмомъ вызвать абсолютное отрицаніе всякаго индивидуализма. Платонъ ясно сознаетъ,—и въ этомъ онъ также соприкасается съ новѣйшей германской наукой,— что индивидуализмъ имѣетъ такое же право на признаніе, какъ и соціализмъ, и что, слѣдовательно, дѣло можетъ идти не о взаимномъ исключеніи, а лишь о комбинаціи обоихъ великихъ принциповъ общественной жизни. Положеніе, отводимое платоновской соціальной теоріей частному интересу, его принципъ свободы, равенства и справедливости коренится въ правильномъ познаніи, что дѣло идетъ не объ индивидуализмѣ *или* соціализмѣ, а объ индивидуализмѣ и соціализмѣ, что теоретическій и практическій спорный вопросъ есть не—или то, или другое, *а и то и другое* [25]). На всѣ времена за платоновскимъ государствомъ останется слава первой попытки теоретическаго посредничества между могучими соціалистическими созидательными тенденціями, властвующими въ вѣчной смѣнѣ формъ надъ всякой человѣческой жизнью.

Представивъ себѣ еще разъ все то, что мы съ теперешней точки зрѣнія государственнаго и соціально-экономическаго познанія должны признать въ выводахъ Платона за пріобрѣтенія неизмѣнной цѣнности, мы можемъ безъ особенной смѣлости, примыкая къ словамъ Ранке, посвященнымъ военнымъ подвигамъ аѳинскихъ гражданъ, назвать геніальное произведеніе духа величайшаго изъ ихъ сыновъ произведеніемъ, «преисполненнымъ будущаго». То, что Шмоллеръ особенно выдвигаетъ въ соціальномъ государствѣ Фихте [26]), примѣнимо—если имѣть въ виду только освѣщенные выше моменты—и къ Платону: «познанное имъ является истинными задачами человѣческаго общества».

Этотъ приговоръ остается въ силѣ, какъ ни сильна на другой чашкѣ вѣсовъ тяжесть его заблужденій. Не менѣе ясно, что рука-объ-руку съ величайшими истинами у него шли и величайшія заблужденія, повлекшія за собою тяжелыя послѣдствія!

Односторонній идеологическій догматизмъ, съ которымъ мы познакомились, когда говорили объ экономической теоріи Платона, роковымъ образомъ повліялъ на выработку его государственнаго и общественнаго идеала. Какъ ни рѣшительно, съ одной стороны, платоновская теорія «обращается къ дѣйствительности», и какъ ни значительны выводы, которыми она обязана проницательнымъ наблюденіямъ надъ реальными явленіями, индукціи изъ эмпирическихъ фактовъ государственной и общественной жизни, — рядомъ съ этимъ, однако, обусловленное самой природой задачи преобладаніе апріорной дедукціи и построенія часто увлекало его теорію на ложный путь.

Уже сама цѣль, преслѣдуемая Платономъ, говоритъ намъ, что теорія еще въ пеленкахъ, всецѣло подъ вліяніемъ фальшиво конструирующей метафизики.

Конечной цѣлью своего государственнаго идеала Платонъ считаетъ осуществленіе идеи справедливости. Но чѣмъ же обусловлено содержаніе этой справедливости? Единственно тѣмъ, что платоновское государство имѣетъ притязаніе быть го-

сударствомъ, «соотвѣтствующимъ природѣ» (κατὰ οἵσιν οἰκισθεῖσα πόλις) [27]). Поэтому и право, которое онъ хочетъ создать, является также «сообразнымъ природѣ». Оно—право не потому, что дѣйствуетъ на какой-нибудь части земного шара,—это совершенно безразлично [28]),—а потому, что оно соотвѣтствуетъ дѣйствительной природѣ, какъ таковой, и вообще вѣчному естественному строю, а тѣмъ самымъ и управляющему природой разуму [29]). Для того, кто хочетъ видѣть, «государство, лежащее въ царствѣ идей» (πόλις ἐν λόγοις κειμένη) [30]), служащее священнымъ образцомъ для земли, всегда имѣется на небѣ [31]). Поэтому право, осуществляемое въ идеальномъ государствѣ, остается «правомъ» не только для опредѣленнаго числа людей и при опредѣленныхъ конкретныхъ отношеніяхъ, но, въ противоположность перемѣнчивому временному позитивному праву, оно всюду одинаково, вѣчно и неизмѣнно. Какъ абсолютно разумное и совершенное, оно не имѣетъ развитія, потому что, то, что разумно сегодня, останется разумнымъ на всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ [32]). Тамъ, гдѣ удастся возстановить это право, извращенное и фальсифицированное ходомъ развитія во всей его первоначальной чистотѣ; тамъ, гдѣ удастся устранить вызванныя эгоизмомъ и непониманіемъ уродства и извращенія его,—тамъ можно считать упроченнымъ царство разумнаго счастья на землѣ!

Вся эта теорія, какъ уже было указано, является продуктомъ ложной метафизики. Понятіе права самого въ себѣ есть призракъ и притомъ чрезвычайно роковой: онъ ставитъ соціальную теорію передъ проблемой настолько же неразрѣшимой, какъ проблема квадратуры круга.

Ничто не доказываетъ яснѣе безплодность формулированной здѣсь задачи, какъ тотъ фактъ, что требованія «естественнаго права» были въ разныя времена въ высшей степени различны. Какъ отличается естественное право Платона отъ естественнаго права философіи просвѣщенія тогдашней эпохи или отъ естественнаго права современной метафизики права! Это лучшее доказательство того, что естественное право развивается не изъ человѣческой природы in abstracto, а изъ воззрѣній и потребностей индивидуумовъ или группъ послѣднихъ и является результатомъ совершенно опредѣленныхъ историческихъ предпосылокъ, совершенно опредѣленной точки зрѣнія этической культуры [33]).

Πρῶτον ψεῦδος естественно-правовой метафизики есть полное непониманіе того факта, что за ея требованіями можетъ быть признана только относительная справедливость. Изъ этого непониманія вытекаетъ и наивный оптимизмъ въ вопросѣ объ исполнимости этихъ требованій. То, чего, какъ права, требуетъ развитое нравственное сознаніе, съ этой точки зрѣнія, кажется и безусловно возможнымъ. Вопросъ, могутъ ли реальныя силы жизни выполнить эти требованія, заранѣе рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ. Одна иллюзія порождаетъ другую! Лежащій въ основѣ всякой законодательной политики вопросъ, могутъ ли вообще въ какое-нибудь опредѣленное время существовать условія для реализаціи данныхъ требованій, съ этой точки зрѣнія не заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. Для того, чтобы добиться признанія права, которое оказывается «правомъ» съ самаго начала всякой исторіи, и которое коренится въ самой природѣ вещей, достаточно, повидимому, силъ одного лица, если только оно обладаетъ необходимой для того властью. Платонъ до извѣстной степени не сознаетъ того, что превращеніе соціально-этическихъ идей въ нормы или институты позитивнаго права стоитъ въ чрезвычайной зависимости отъ состоянія общей культуры и въ особенности этической культуры, достигнутой въ данное время гражданскимъ обществомъ. Отсюда и основное заблужденіе Платона, думающаго, что разъ выставленъ идеалъ государства, то можно уже говорить и о непосредственномъ практическомъ осуществленіи проекта.

Въ характерномъ противорѣчіи съ этимъ притязаніемъ на непосредственное осуществленіе идеала государства стоятъ попытки—правда, сообразно природѣ самой проблемы—систематически обработать матеріалъ; все вниманіе обращается при этомъ на логическую правильность добытыхъ дедукціей положеній, на формулировку аксіомъ, изъ которыхъ должно съ логической необходимостью вытекать все дальнѣйшее; рядомъ съ этимъ сопротивленія тренія дѣйствительной жизни вовсе не принимаются въ разсчетъ.

Въ стремленіи къ систематизаціи слишкомъ часто забываютъ, что ни одно человѣческое учрежденіе не развивается до своихъ крайнихъ выводовъ, что при практическомъ проведеніи общаго принципа, вслѣдствіе противодѣйствія другихъ одинаково справедливыхъ идей и потребностей, всегда неизбѣжны болѣе или менѣе значительныя ограниченія. Біографъ одного изъ современныхъ послѣдователей Платона считаетъ «вполнѣ современной» ошибку [34]) нагроможденія могучихъ конституцій безъ предварительнаго заботливаго изслѣдованія, можетъ ли ее выдержать фундаментъ. Эта ошибка нагроможденія особенно ярко характеризуетъ государство Платона.

Указанное нагроможденіе мы констатируемъ немедленно при разборѣ основного принципа устройства идеальнаго государства. Какъ ни справедливо въ своей основѣ требованіе самостоятельнаго представительства государственной мысли путемъ возможно сильной концентраціи власти въ рукахъ призванныхъ къ правленію людей, разрѣшеніе этой трудной задачи, найденное Платономъ, весьма односторонне. Онъ хочетъ не только сильнаго, но и всемогущаго правительства; онъ думаетъ дать государству путемъ своей системы воспитанія правителей, которые глубиною и универсальностью своихъ знаній и опыта и идеальностью образа мыслей даютъ столь прочную гарантію самаго успѣшнаго осуществленія государственныхъ задачъ, направленныхъ къ благосостоянію цѣлаго, что всякое ограниченіе ихъ воли было бы только ослабленіемъ энергіи и продуктивности самого государства.

Правда, мы тутъ встрѣчаемся съ мыслью, которая со времени Платона повторно зажигала умы и въ новое время не менѣе, чѣмъ въ старое. Философы отъ Фихте и Сенъ Симона до Ницше, эти «самодержавные воспитатели и насильники культуры, говорящіе: такъ должно быть, опредѣляющіе куда? и зачѣмъ? человѣчества и творческой рукой направляющіе будущее; тѣ, чье знаніе есть творчество, творчество—законодательство» [35]). Подъ давленіемъ опыта современной французской демократіи, такая величина, какъ Ренанъ, приходитъ къ убѣжденію, что развитіе человѣческаго благополучія, прогрессъ въ осуществленіи истины и справедливости, можетъ совершиться не при участіи «всѣхъ», не при участіи демократіи, а лишь при посредствѣ того, что онъ, совершенно въ духѣ Платона, опредѣляетъ, какъ «правленіе науки», при участіи аристократіи, которая «будетъ головой человѣчества, и которую масса будетъ считать житницей своего разума». Эти избранные умы, обладая величайшими тайнами бытія, будутъ властвовать надъ міромъ, имѣя въ своемъ распоряженіи могучія средства дѣйствія [36]). Идея духовной, основанной на умственномъ превосходствѣ, власти могла бы стать дѣйствительностью и не повлечь за собою ненависти людей къ подобному неограниченному господству надъ ними части своихъ собратій. Аристократія, о которой мечтаетъ Ренанъ, не руководилась бы личнымъ или классовымъ эгоизмомъ, но олицетворяла бы въ себѣ разумъ.—Жаль только, что самъ Ренанъ принужденъ назвать г р е з о й эту идею вѣка, въ которой «сила оснуетъ господство разума»! И, дѣйствительно, она останется грезой, а сонъ Платона будетъ еще сниться многимъ!

Уже самое предположеніе, изъ котораго исходитъ Платонъ,—вѣра въ возмож-

ность и прочность такого класса общества, который можетъ непрерывно производить самые высшіе и идеальные продукты въ чисто-духовной и военно-политической области, не выдерживаетъ трезвой и реальной критики. Средства, служащія Платону для охраненія прочности такого класса общества, всѣ призрачны, въ большей или меньшей степени. Какъ бы ни была высоко развита сила раціональнаго воспитанія и вліяніе научнаго образованія,—надежды, возлагаемыя Платономъ на систему воспитанія, никогда не осуществятся. Менѣе всего способно вѣрить въ осуществимость этихъ надеждъ наше время: оно имѣетъ возможность оглянуться назадъ на опытъ той эпохи, когда общій интересъ сосредоточивался на успѣхахъ, сдѣланныхъ педагогической проблемой, когда отъ «естественнаго и согласнаго съ разумомъ» воспитанія юношества ожидали спасенія міра; такая вѣра уже давно оказалась обманчивой. Если соціалистическіе воспитатели-оптимисты новаго времени еще убѣждены въ томъ, что геній [можно воспитать, что каждаго человѣка можно развить значительно выше простой способности тѣла или рукъ, все-таки идеальная аристократія духа платоновскаго государства остается только призракомъ такъ же, какъ и масса Микеланджело или Леонарди, которую имѣетъ въ виду Бебель для своего соціальнаго государства.

Въ особенности Платонъ переоцѣнилъ—и въ этомъ опять-таки онъ оказывается сыномъ эпохи просвѣщенія—этическое значеніе знанія. Правильное знаніе вовсе не гарантируетъ въ такой мѣрѣ правильнаго образа мыслей и поступковъ; умственная интеллигентность и нравственность не настолько коррелаты, какъ это принимаетъ моральная философія Платона. Послѣдняя не признаетъ двойственности человѣческой природы, въ которой воля и интеллектъ являются противоположными полюсами; на почвѣ этой двойственности постоянно возникаетъ печальный разладъ, мѣшающій индивидууму жить въ дѣйствительности той жизнью, которую онъ считаетъ лучшей, и цѣнность которой онъ чувствуетъ глубоко и искренно; самое ясное сознаніе извращенности его воли не можетъ ничего измѣнить въ его природѣ.

На такой же ложной оцѣнкѣ основаны и разсчеты Платона на психологическое дѣйствіе институтовъ, въ которыхъ онъ ищетъ дальнѣйшихъ гарантій нравственнаго совершенства высшихъ классовъ. Его надежда, связаннал съ введеніемъ коллективизма, въ высшей степени утопична; онъ думаетъ, что съ исчезновеніемъ частной собственности и семьи изсякнутъ и всѣ источники эгоизма и алчности! Этой иллюзіи, болѣе или менѣе встрѣчающейся, впрочемъ, у всѣхъ позднѣйшихъ утопистовъ, давно уже противопоставленъ опытъ [37]), показавшій, что человѣческія страсти, при всякихъ обстоятельствахъ, съ жадностью ищутъ подходящаго для себя объекта; среди людей, не знающихъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, съ еще большей необузданностью разгорается борьба за женщину, а честолюбіе и тщеславіе не разъ вставали на мѣсто, оставшееся свободнымъ съ исчезновеніемъ погони за заработкомъ. Однимъ словомъ, опытъ доказалъ, что въ человѣкѣ заложено несчетное количество страстей, съ которыми нужно считаться повсюду, гдѣ только приходится имѣть дѣло съ болѣе или менѣе обширнымъ числомъ индивидуумовъ.

Отъ такихъ опасностей не ограждаетъ и чисто-соціалистическая организація воспитанія юношества—обязательное воспитаніе въ государственныхъ учрежденіяхъ. Напротивъ! То обстоятельство, что будущіе воины и чиновники въ государствѣ Платона уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ сословно обособлены отъ всего прочаго населенія, менѣе всего благопріятствуетъ воспитанію того дружелюбнаго народу и національно настроеннаго чиновничества, накоторое Платонъ возлагаетъ такъ много надеждъ. Въ подобныхъ условіяхъ скорѣе развился бы духъ надменности, который съ психологи-

ческой необходимостью превратился бы въ классовое господство. Съ другой стороны, слишкомъ большое примѣненіе при этой системѣ государственнаго принужденія и чрезмѣрная концентрація власти въ рукахъ правящихъ также систематически благопріятствовали бы въ классѣ охранителей развитію рабской почтительности передъ высшими, создали бы въ немъ духъ лести и карьеризма въ сношеніяхъ съ начальствомъ и взростили бы, съ другой стороны, высокомѣріе по отношенію къ подчиненнымъ. Безхарактерность, всегда заглядывающая въ глаза высшимъ и, прежде чѣмъ что-либо предпринять, справляющаяся, «угодно ли это» и «хорошо ли на это взглянуть», убила бы мужество твердо отстаивать свои собственныя убѣжденія и моральную силу, умѣющую не отступать трусливо даже и передъ немилостью сильныхъ. Все это повредило бы именно тому, что руководящимъ классамъ необходимо не менѣе, чѣмъ духъ дисциплины и порядка, а именно твердости характера, самостоятельности и силѣ иниціативы. Какой опасностью грозитъ система, столь сильно благопріятствующая развитію въ человѣческой натурѣ, родственныхъ другъ другу деспотическихъ и раболѣпныхъ наклонностей,— не надо и доказывать. Впрочемъ, вся эта система далеко не такъ «согласна съ природой», какъ это думаетъ Платонъ. Основное ея положеніе—замѣна семейнаго воспитанія государственнымъ пестованіемъ—является абсурдомъ. Даже въ пчелиномъ ульѣ няньки, воспитывающія дѣтей одной пчелиной матки-королевы и въ то же время единственныя работницы въ ульѣ, оказываются безполыми существами [38]).

Въ дѣйствительности же и самъ Платонъ невольно вынужденъ признать недостаточность предложенныхъ имъ мѣръ къ организаціи класса охранителей; чтобы сколько-нибудь изгнать изъ этого класса возможность внутреннихъ раздоровъ—въ особенности при установленныхъ правительствомъ сношеніяхъ между полами,—онъ считаетъ необходимымъ, въ качествѣ «лѣкарственнаго средства», допустить систему лжи и обмановъ; эта система находится въ характерномъ противорѣчіи съ предполагаемымъ образомъ мыслей этого класса [39]). Какую гарантію прочности можетъ имѣть правительство, нуждающееся въ подобныхъ средствахъ для того, чтобы быть увѣреннымъ въ своихъ собственныхъ органахъ.

Этимъ, въ сущности говоря, доказана уже и проблематичность тѣхъ реализуемыхъ лишь при помощи лжи и обмана физіологическихъ экспериментовъ, въ которыхъ Платонъ видитъ главное средство для созданія и сохраненія класса людей, предназначенныхъ къ общественному служенію.

Впрочемъ, эту именно идею восприняла и новѣйшая эпоха. Приведу лишь одно выраженіе Шопенгауэра: «Разъ нужны утопическіе планы, то я скажу, что единственнымъ разрѣшеніемъ проблемы явился бы деспотизмъ мудрыхъ и благородныхъ, деспотизмъ настоящей аристократіи и настоящаго дворянства, *возможный при появленіи поколѣній* отъ браковъ самыхъ благородныхъ мужчинъ съ самыми умными и духовно одаренными женщинами. Это предположеніе—моя утопія и мое платоновское государство» [40]).

Мысль эта стала особенно близка настоящему времени, благодаря современнымъ естественно-научнымъ идеямъ и, въ особенности, благодаря дарвинизму. Если правда, что съ теченіемъ времени изъ низшихъ организмовъ развились высшіе и, наконецъ, человѣкъ, то почему, въ концѣ концовъ, изъ человѣка не можетъ развиться еще болѣе совершенное существо, съ духовными и моральными силами, способными удовлетворить тѣмъ требованіямъ, до которыхъ еще не доросла теперешняя человѣческая природа? Ренанъ воспринялъ и эту идею. Онъ говоритъ: «Широкое примѣненіе сдѣланныхъ въ области физіологіи открытій, а также

примѣненіе принципа естественнаго подбора могло бы привести къ образованію высшей расы людей, право которыхъ на господство основывалось бы не только на ихъ знаніяхъ, но и на самомъ превосходствѣ ихъ крови, ума и нервной системы»[41]).

У кого при этомъ невольно не явится мысль объ идеѣ «сверхъ-человѣка», развитой, правда, въ другомъ смыслѣ, чѣмъ у Платона, въ соціальной теоріи Ницше? Кому не придетъ на умъ ученіе объ облагороженіи человѣческой природы, которое Ницше называетъ «усовершенствованіемъ человѣческаго типа», и которое онъ также считаетъ дѣломъ общества, построеннаго на аристократическомъ принципѣ? И Ницше высказываетъ надежду, что на такой почвѣ могутъ вырасти избранныя существа, призванныя осуществить высокія задачи и болѣе совершенное существованіе, чѣмъ современное человѣчество. Эти избранныя существа напоминаютъ «стремящіяся къ солнцу, вьющіяся растенія съ острова Явы; они до тѣхъ поръ обвиваются вокругъ дуба, пока, наконецъ, все еще опираясь на послѣдній, высоко надъ нимъ не развернутъ на вольномъ свѣтѣ свою корону и не выставятъ на показъ свое счастье».

Но, спрашивается, какое же значеніе для соціальной доктрины могутъ имѣть подобныя спекулятивныя соображенія о «человѣкѣ будущаго»? Вмѣстѣ съ философомъ аристократизма можно опьянять себя представленіями о томъ, къ чему, путемъ воспитанія, при особенно благопріятныхъ условіяхъ, можно было бы привести человѣка, о томъ, насколько человѣкъ еще не исчерпанъ для величайшихъ возможностей; при всемъ этомъ все-таки придется признать, что соціальная теорія, обусловленная въ своемъ осуществленіи подобнымъ развитіемъ человѣческаго типа, останется утопіей еще на необозримыя времена. Этимъ рѣшается вопросъ и объ осуществленіи платоновскаго государства! Платонъ самъ, какъ мы это увидимъ, въ болѣе поздней фазѣ своего соціально-политическаго мышленія долженъ былъ допустить, что его идеалъ правителя неосуществимъ безъ того, что можно назвать именно «сверхъ-человѣкомъ». Онъ самъ подъ конецъ пришелъ къ сознанію, что предложенная имъ форма соціальной организаціи—въ особенности же идеальный коллективизмъ—предполагаетъ людей, стоящихъ на безконечно высшемъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго развитія, чѣмъ это достижимо современному человѣчеству: они должны быть, такъ сказать, богами и сынами боговъ[42]).

Самая сумма власти, предоставляемая правителямъ государства разума, подвергаетъ человѣческую природу такому испытанію, до котораго она, какъ это признаетъ позже и самъ Платонъ, въ концѣ концовъ, далеко еще не доросла. Такая безграничная власть не по силамъ человѣку. Въ его рукахъ она превратится, въ концѣ концовъ, въ орудіе эгоизма[43]). Поэтому жизненнымъ условіемъ *реальнаго* государства является требованіе, чтобы всякая власть въ немъ была обставлена учрежденіями, направленными на защиту противъ злоупотребленій ею; чтобы, говоря словами Дж. Стюарта Милля, въ государственномъ устройствѣ имѣлся центръ сопротивленія господствующей власти. Въ качествѣ противовѣса ея силѣ человѣческое несовершенство и слабость требуютъ постояннаго дополненія даже самаго лучшаго правленія; это дополненіе можетъ обезпечить лишь самостоятельное участіе гражданъ въ образованіи государственной воли, предполагая при этомъ, конечно, что состояніе общей культуры допускаетъ подобное содѣйствіе со стороны народа.

Именно въ интересахъ соціальной реформы лежитъ возможно болѣе широкое привлеченіе къ ней народа. Исторія всѣхъ аристократій, даже самыхъ лучшихъ, слишкомъ ясно показываетъ, что при существующей человѣческой природѣ безъ привлеченія народныхъ массъ едва ли мыслима на долгое время всесторонняя

политика реформъ, безпощадно побивающая классовой эгоизмъ и классовыя привилегіи, т.-е. та положительная дѣятельность на пользу «народа», которой какъ-разъ и хочетъ соціальное государство Платона.

Поэтому чистѣйшей утопіей оказывается вѣра Платона въ то, что всемогущая государственная власть допустима въ «истинно-свободномъ» государствѣ, что такое правленіе въ состояніи настолько удовлетворить самымъ идеальнымъ требованіямъ, что его господство не будетъ никѣмъ ощущаться, какъ принудительная сила, а наоборотъ—какъ лучшее представительство общихъ интересовъ—встрѣтитъ свободное признаніе со стороны всѣхъ классовъ. Насколько вѣрно понимаетъ Платонъ конечную цѣль всякой политики, усматривая идеалъ управленія въ свободномъ подчиненіи управляемыхъ и въ гармоничномъ примиреніи идеала свободы съ необходимостью государственнаго принужденія, настолько безусловно ошибочнымъ оказывается его взглядъ на средства, ведущія къ достиженію этой цѣли.

Его средства—и прежде всего воспитаніе аристократіи полубоговъ, на которыхъ вполнѣ безгласный въ политическомъ смыслѣ народъ можетъ взирать лишь съ почтительнымъ страхомъ и удивленіемъ,—его средства находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что являла намъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, исторія культурнаго человѣчества. Исторія культуры привела къ ранѣе и не снившемуся распространенію благъ цивилизаціи; кругъ элементовъ народа, пользовавшихся культурными завоеваніями, постоянно расширялся; соотвѣтственно этому, народныя массы достигали все большаго и большаго вліянія на государственную жизнь. Несмотря на несомнѣнное, постоянное увеличеніе пропасти между строемъ жизни пролетаріевъ и высшихъ сословій, указанная тенденція будетъ проявляться и въ будущемъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для того, кто представляетъ себѣ развитіе человѣчества отъ рабства восточныхъ деспотій до эпохи свободы союзовъ и всеобщаго избирательнаго права. И если историческую дѣйствительность нельзя считать за согласную въ то же время съ разумомъ, если даже допустить, что эмпирическимъ путемъ нельзя получить абсолютнаго сужденія о томъ, что должно быть въ соціальной области, то все-таки врядъ ли можно придти къ заключенію, что все культурное развитіе человѣчества есть лишь одна сплошная историческая ошибка [44]).

Поэтому основное положеніе: «ничего при посредствѣ народа, но все для народа» всегда можетъ найти только временное примѣненіе; государство можетъ быть простымъ организмомъ управленія, какъ это имѣетъ въ виду Платонъ, лишь въ переходныя эпохи. Чѣмъ болѣе прогрессъ и широкое распространеніе культуры благопріятствуютъ индивидуальному развитію отдѣльныхъ членовъ общества, и чѣмъ больше, вмѣстѣ съ тѣмъ, повышается весь умственный и нравственный уровень широкихъ слоевъ народа, тѣмъ болѣе интенсивно и обще чувствуется потребность индивидуума быть не только предметомъ начальственныхъ заботъ и попеченій, но и, путемъ свободнаго самоопредѣленія, быть участникомъ въ рѣшеніяхъ своей собственной судьбы. Только право подобнаго «соучастія», дающее отдѣльному лицу извѣстный толчокъ къ тому, чтобы подняться выше узкаго и ограничивающаго человѣка горизонта его индивидуальнаго существованія, дѣлаетъ возможнымъ полный расцвѣтъ личныхъ силъ и личнаго достоинства, желательнаго, съ точки зрѣнія государства, въ возможно большей части его гражданъ.

Если государство Платона, говоря словами Шталя [45]), въ состояніи создать свою внутреннюю гармонію, составляющую цѣль его стремленій, только при томъ условіи, что оно въ то же время оказывается и царствомъ свободы; если, далѣе,

«красота его строенія не есть лишь красота внѣшней природы, но въ каждый моментъ все вновь и вновь созидается тѣми, кто желаетъ этой красоты, кто одушевленъ стремленіемъ къ ней [46])»,—то осуществленіе подобнаго государства съ указанной выше точки зрѣнія сразу же оказывается невозможнымъ.

Непониманіе этого со стороны Платона обусловлено неправильностью его выводовъ изъ представленія о государствѣ, какъ объ организмѣ. Въ одномъ отношеніи эта параллель оказалась весьма плодотворной; однакоже, вѣра въ то, что при извѣстной культурности общества входящіе въ составъ послѣдняго индивидуумы могутъ достигнуть столь тѣснаго сліянія между собою и настолько срастутся другъ съ другомъ, что будутъ, подобно организму въ природѣ, представлять собою абсолютное единство, управляемое изъ одного центра,—такая вѣра есть только иллюзія. Платонъ не видитъ основного различія между принципами развитія соціальныхъ образованій, съ одной стороны, и физическихъ организмовъ—съ другой.

Усматривая завершеніе государства въ томъ, чтобы вся жизнь и все движеніе въ немъ исходили изъ одного центра такъ же, какъ и въ физическомъ организмѣ, Платонъ впадаетъ въ противорѣчіе съ фактомъ, показывающимъ, что то, что въ жизни природы является высшимъ пунктомъ ея развитія, въ области соціальныхъ явленій, наоборотъ, свойственно какъ-разъ самымъ грубымъ и самымъ примитивнымъ его стадіямъ. Всякое оформившееся органическое существо, въ самой низшей формѣ своего бытія представляетъ собою—чего, впрочемъ, Платонъ не могъ еще и подозрѣвать—комъ протоплазмы; этотъ комъ абсолютно не дифференцированъ еще въ своихъ частяхъ, и жизнь его зависитъ исключительно отъ жизни отдѣльныхъ его частей, а не отъ какого-нибудь общаго жизненнаго центра. Но чѣмъ развитѣе и продуктивнѣе становится физическій организмъ, чѣмъ болѣе представляется онъ совокупностью дифференцировавшихся другъ отъ друга органовъ, взаимно пополняющихъ другъ друга, благодаря отправленію разнообразныхъ функцій, тѣмъ большаго развитія достигаетъ одна какая-нибудь его часть, которая и является исключительнымъ мѣстонахожденіемъ чувствованій, центромъ жизни всего цѣлаго. Совсѣмъ инымъ оказывается этотъ процессъ въ соціальныхъ образованіяхъ.

Чѣмъ болѣе здѣсь, при все прогрессирующемъ раздѣленіи труда, дифференцируются отдѣльныя части соціальнаго организма, тѣмъ болѣе отдѣльная индивидуальность каждой изъ этихъ частей стремится выказать свою самостоятельность, и тѣмъ болѣе проявляется тенденція ослабить то вліяніе, которое оказываетъ на индивидуальную жизнь все цѣлое, благодаря своему авторитету и традиціи. Въ естественномъ организмѣ конечнымъ результатомъ его развитія является все большая и большая концентрація всей жизни въ одномъ какомъ-нибудь его органѣ, въ области же соціальныхъ образованій конечнымъ результатомъ представляется болѣе или менѣе далеко идущая самостоятельность отдѣльныхъ частей [47]). Вотъ почему на высшей ступени развитія соціальныхъ образованій вполнѣ послѣдовательнымъ является требованіе предоставить индивидууму нѣкоторую сферу свободной дѣятельности, ему одному только свойственную,—нѣкоторый кругъ умственной и духовной дѣятельности, къ которому государство не примѣняетъ своей принудительной власти, но который оно признаетъ и защищаетъ, отнюдь не опредѣляя его содержанія. Требованіе это вовсе не «естественно-правового» характера; оно есть именно продуктъ культуры и культурнаго государства.

Правда, точка зрѣнія Платона съ его призывомъ возвращенія къ природѣ и къ естественному праву относится до извѣстной степени отрицательно къ успѣ-

хамъ культуры, результатомъ которыхъ является только-что упомянутое взаимоотношеніе государства и индивидуума. Только въ «естественномъ состояніи» соціальныя образованія дѣйствительно представляютъ собою организацію, къ которой стремится Платонъ. Коммунистическій общественный союзъ древняго времени дѣйствительно имѣетъ одинъ общій, объединяющій центръ, изъ котораго исходитъ вся его жизнь, и который съ неограниченнымъ авторитетомъ господствуетъ надъ цѣлымъ. Но можно ли говорить объ образованіи «наилучшаго» государства по аналогіи съ физическимъ организмомъ, если какъ-разъ то, что въ области органической природы является прогрессомъ, въ области соціальныхъ отношеній мыслимо лишь какъ значительный шагъ назадъ?

Кромѣ того, при подобномъ возвращеніи назадъ, къ примитивнымъ формамъ общественной организаціи, сейчасъ же возникаетъ новое противорѣчіе. Общественныя образованія въ низшей стадіи развитія сходятся съ самыми низшими стадіями развитія физическихъ организмовъ въ томъ, что они нисколько не дифференцированы въ своихъ составныхъ частяхъ, и всѣ ихъ члены—если не принимать во вниманіе раздѣленія труда между мужемъ и женою—отправляютъ совершенно однородныя функціи. На такой низкой ступени экономической и общественной жизни въ отдѣльныхъ частяхъ соціальнаго цѣлаго еще не существуетъ ни экономическихъ, ни правовыхъ, ни моральныхъ отличительныхъ индивидуальностей [48]). Но именно здѣсь, гдѣ исторія развитія соціальныхъ организмовъ дѣйствительно близко соприкасается съ исторіей развитія организмовъ физическихъ, совершенно недопустима аналогія, предложенная Платономъ въ его государствѣ. Послѣднее какъ-разъ предполагаетъ возможно полное осуществленіе принципа раздѣленія труда и возможно сильную дифференціацію составляющихъ его членовъ, Правовыя, духовныя и моральныя отличительныя особенности отдѣльныхъ индивидуумовъ, какъ и цѣлыхъ классовъ, являются въ его государствѣ въ высшей степени развитыми. Такимъ образомъ, у Платона съ самой *низшей* формой организаціи соціальныхъ образованій, съ самой сильной концентраціей, какую только можно себѣ представить, соединяется *то*, что является *завершительнымъ* пунктомъ развитія какъ въ физическихъ, такъ и въ соціальныхъ организмахъ: наивозможная дифференціація частей. То обстоятельство, что подобное соединеніе начала съ концомъ содержало бы въ себѣ роковое противорѣчіе, что въ соціальномъ организмѣ какъ-разъ эта дифференціація и заключаетъ въ себѣ могучую тенденцію въ противоположномъ направленіи, такъ какъ она наполняетъ индивидуумовъ непреодолимымъ стремленіемъ къ самостоятельному движенію и самостоятельной дѣятельности, на это обстоятельство Платонъ совершенно не обращаетъ вниманія.

Правда, въ отдѣльныхъ областяхъ соціальныхъ явленій именно этотъ прогрессъ въ культурномъ развитіи привелъ къ возможности осуществленія упомянутаго соединенія самой крайней дифференціаціи съ самой сильной концентраціей. Благодаря успѣхамъ промышленной изобрѣтательности въ области народнаго хозяйства возникла такая техника сплоченія людскихъ массъ, которая превратила огромное количество людей въ простыя колеса въ строеніи организма, строго объединеннаго и управляемаго изъ одного центра. Но, съ одной стороны, успѣхи техники, по счастью, не идутъ исключительно только въ этомъ направленіи: культура, создавая постоянно новыя средства для индивидуальной дѣятельности, дѣлаетъ часто какъ-разъ отдѣльнаго человѣка способнымъ къ великимъ дѣяніямъ, прежде доступнымъ лишь цѣлой совокупности индивидуумовъ; съ другой стороны, достаточно хорошо извѣстно, какую дисгармонію внесла бы въ современную куль-

турную жизнь предлагаемая концентрація, противорѣчащая основнымъ, индивидуалистически окрашеннымъ тенденціямъ этой жизни. Эти диссонансы ясно доказываютъ, что о б о б щ е н і е централистическаго принципа организаціи встрѣтило бы непреодолимыя грапицы въ самыхъ глубокихъ духовныхъ импульсахъ, въ потребностяхъ и взглядахъ к у л ь т у р н а г о ч е л о в ѣ к а. Они доказываютъ, что подобное обобщеніе, во всякомъ случаѣ, менѣе всего способно создать соціальную гармонію и соціальный міръ.

То, чему насъ учитъ дѣйствительное развитіе культуры и народной жизни, содержитъ въ себѣ еще одно дальнѣйшее противорѣчіе тѣмъ нормамъ, по которымъ долженъ быть созданъ правовой строй государства разума. Мы видѣли, что рядомъ съ идеей могучаго представительства государственной мысли и соціальнаго принципа стоитъ идея раздѣленія труда; изъ нея-то Платонъ особенно и выводитъ необходимость безусловнаго отдѣленія политической дѣятельности отъ хозяйственной. И этотъ выводъ онъ основываетъ на преувеличеніи основной идеи, вполнѣ правильной самой по себѣ.

При поступательномъ движеніи культуры, вмѣстѣ съ увеличивающейся сложностью отношеній, центръ тяжести въ жизни государства переходитъ къ такимъ задачамъ, при которыхъ дѣло рѣшаетъ техническое знаніе, а не народное убѣжденіе; мы въ правѣ поэтому настойчиво и при всякихъ условіяхъ требовать вмѣстѣ съ Платономъ отъ политическихъ установленій гарантій въ томъ, чтобы во всѣхъ подобныхъ вопросахъ правленія и управленія рѣшающее значеніе принадлежало только спеціалистамъ. И, несмотря на это, въ моменты наивысшаго развитія культуры выступаютъ потребность и стремленіе не допускать опасныхъ для народнаго благосостоянія послѣдствій ч р е з м ѣ р н а г о раздѣленія труда. Подобное стремленіе прокладываетъ себѣ путь даже и при опасеніи уничтожить этимъ успѣхи, достигнутые благодаря принципу раздѣленія труда.

Платонъ, ради принципа раздѣленія труда, предлагаетъ организацію обороны государства исключительно изъ людей, сдѣлавшихъ это дѣло своей спеціальностью; новое время, наоборотъ, въ отношеніи раздѣленія труда сдѣлало самый рѣшительный шагъ назадъ; оно снова вернулось къ принципу всеобщей воинской повинности, признавъ его значеніе съ военной точки зрѣнія и цѣнность его для сохраненія физическаго и моральнаго здоровья народа. Платонъ въ интересахъ раздѣленія труда требуетъ исключительнаго политическаго господства спеціальныхъ знаній; новое время, рядомъ съ министрами и ихъ совѣтниками т.-е. техниками и спеціалистами своего дѣла, ставитъ парламентъ, т.-е.,—въ большей его части,—дилетантовъ. Платонъ желаетъ, чтобы сапожникъ былъ только сапожникомъ, сельскій хозяинъ только сельскимъ хозяиномъ, а не судьей въ одно и то же время, и т. д.; новое время, во всѣхъ областяхъ государственной жизни, путемъ распространенія мѣстнаго самоуправленія и суда присяжныхъ, путемъ учрежденія почетныхъ, неоплачиваемыхъ жалованьемъ должностей и введенія представительства ставитъ въ общинѣ и государствѣ рядомъ съ чиновниками и техниками дѣла — дилетантовъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ оно прегрѣшаетъ противъ принципа раздѣленія труда по той причинѣ, что такое участіе въ общественной жизни представляетъ собою противовѣсъ моральному и умственному захирѣнію отдѣльныхъ индивидуумовъ и цѣлыхъ классовъ и является въ высшей степени необходимымъ въ интересахъ всесторонняго развитія націи и бо́льшаго равновѣсія силъ [49]).

Это ясно было высказано уже величайшимъ историкомъ древности; устами своего Перикла онъ возвѣщаетъ, какъ славу тогдашнихъ Аѳинъ, то обстоятельство, что въ нихъ одни и тѣ же люди совмѣщали въ себѣ и отправленіе обще-

ственной службы и частно-хозяйственную дѣятельность, и что даже трудящіеся классы обладали здѣсь достаточнымъ пониманіемъ общественныхъ дѣлъ [50]). Безъ сомнѣнія, дѣйствительность въ данномъ случаѣ идеализирована ораторомъ демократіи; сильно переоцѣнивая способности массъ къ управленію и политическому образованію, онъ такъ же односторонне превозноситъ автономію общества, какъ философы, противники демократіи, превозносили противоположный принципъ; но подобное преувеличеніе не наноситъ никакого ущерба общей идеѣ, лежащей въ основаніи взгляда Перикла. Заключающейся въ самой природѣ человѣка потребности въ образованіи и самымъ условіямъ жизни культурнаго государства одинаково противорѣчитъ, если мысли и чувства человѣка всецѣло поглощаются односторонней дѣятельностью на поприщѣ его спеціальной жизненной профессіи; онъ перестаетъ быть воспріимчивымъ ко всему тому, что лежитъ внѣ сферы его личной жизни и собственныхъ его интересовъ. Возникающія, благодаря этому, противоположности въ образованіи представляютъ чуть ли не еще бо́льшую соціальную опасность, чѣмъ противоположности въ области имущественной жизни. Главная задача всякой соціальной реформы заключается въ стремленіи смягчить эти противорѣчія путемъ возможно сильнаго поднятія уровня интеллигентности и политическаго образованія низшихъ классовъ.

Въ характерномъ противорѣчіи съ безпощадной послѣдовательностью, съ которой Платонъ, при организаціи государственной власти, выдвигаетъ свое основное положеніе о раздѣленіи труда, стоитъ идеалъ индивидуальной жизни, устанавливаемый имъ для тѣхъ, кому онъ желаетъ ввѣрить государственную власть. Этотъ идеалъ вполнѣ гармонично развитаго, тѣлесно и духовно совершеннаго человѣка,—идеалъ, олицетворяемый платоновскимъ философомъ-политикомъ, покоится на отрицаніи тѣхъ границъ, которыми сковываетъ именно необходимость раздѣленія труда слабое, кратковременное существо человѣческое. Соединяя въ идеалѣ своего государственнаго дѣятеля въ высшей степени интенсивную силу спекулятивнаго мышленія съ полнотою спеціальныхъ знаній и практическаго опыта, Платонъ на одного человѣка возлагаетъ то, что можетъ быть достигнуто, и притомъ какъ нѣчто высшее, лишь путемъ спеціальнаго усовершенствованія силъ человѣческихъ въ весьма разнообразныхъ жизненныхъ профессіяхъ. Въ лицѣ государственнаго дѣятеля-философа невозможное должно стать возможнымъ: въ немъ должно воплотиться такое средоточіе силъ, которое осуществимо лишь въ нашихъ мысляхъ. Кромѣ того, психологически невѣроятно, чтобы въ одной и той же личности возможно было соединеніе столькихъ, чаще всего противоположныхъ способностей: талантъ мгновенно и въ то же время вполнѣ совершенно оцѣнивать настоящее, непрерывно чувствовать «пульсъ времени»—талантъ, превращающій человѣка въ государственнаго дѣятеля, и совершенно иной талантъ—способность къ чисто-абстрактной спекуляціи [51]).

Конечно, непослѣдовательность, съ которой мы встрѣчаемся здѣсь у рьянаго защитника раздѣленія труда, психологически вполнѣ понятна. Платонъ долженъ былъ допустить ее, иначе ему пришлось бы вообще отказаться отъ осуществленія своего идеальнаго государства. Разъ образованность и творческая способность правительства должны перевѣшивать все то, что могутъ привнести въ разрѣшеніе задачи знаніе и сила сужденія всѣхъ остальныхъ, то отъ представителей этого правительства—будь то одинъ человѣкъ, или небольшая группа лицъ—приходится требовать ни болѣе, ни менѣе, какъ чтобы они невозможное сдѣлали возможнымъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на абстрактныхъ высотахъ логическихъ по-

строеній, стремящихся все свести къ возможно простѣйшимъ принципамъ, даже проницательный мыслитель, отличающійся тонкой наблюдательностью въ вопросахъ человѣческой жизни и слабыхъ ея сторонъ, можетъ вполнѣ утратить чувство несовершенства всего земного. Такъ, часто проявляемая въ примѣненіи къ фактамъ дѣйствительности острота сужденія совершенно исчезаетъ въ тотъ моментъ, когда мыслитель переходитъ въ область возможностей; на ея мѣсто становится чистая фантастика. Но если платоновскій идеалъ правителей—фантомъ, если никогда не будетъ существовать правительственной системы, руководящимъ началомъ которой будетъ «всеобъемлющій разумъ» [52]), то и вся полная гармоніи картина жизни въ идеальномъ государствѣ есть только утопія. Разъ правительство никогда не будетъ въ состояніи изъ одного центра руководить всѣмъ безконечно сложнымъ общественнымъ организмомъ, руководить такъ, чтобы притомъ каждый отдѣльный членъ этого организма могъ вполнѣ пользоваться своимъ собственнымъ правомъ и, чтобы вмѣстѣ съ интересомъ цѣлаго одновременно находили удовлетвореніе и справедливыя потребности и интересы каждой отдѣльной личности, то и идеальное взаимоотношеніе между правящими и управляемыми, которое Платонъ думаетъ осуществить путемъ истинно-государственнаго искусства,—одна иллюзія. Противъ притязаній платоновскаго государства—быть царствомъ совершенной справедливости, истинной свободы и равенства—явились бы краснорѣчивыми свидѣтелями безчисленные индивидуумы, которымъ юридически всемогущее, но, въ сравненіи съ обширностью поставленныхъ ему задачъ, всегда недостаточное и способное ошибаться правительство помѣшало бы проявлять свою индивидуальность, развиваться и жить такъ, какъ они того желали бы по своимъ наклонностямъ и силамъ, т.-е. всѣ тѣ, кто при невозможности свободнаго выбора профессіи оказались бы, благодаря такой ошибкѣ, насильственно направленными по ложному пути въ своей профессіональной жизни. Въ тотъ моментъ, когда серьезно приступили бы къ осуществленію подобнаго государства, сейчасъ же начали бы дѣйствовать и силы, которыя обратили бы его лучшія намѣренія въ полную противоположность, идеалъ справедливости—въ тягостно ощущаемую несправедливость, принципъ свободы и равенства—въ принужденіе и насиліе. Вмѣсто живого организма, какимъ это государство должно было бы быть по мысли своего создателя, передъ нами появилась бы машина съ бездушной системой колесъ. Политическое образованіе, сіяющее какъ чистый образецъ въ лучахъ идеальнаго претворенія, низведенное до праха земной оболочки, въ дѣйствительности превратилось бы въ ту каррикатуру, которую сдѣлала изъ платоновскаго государства современная критика, оцѣнивая его не по идеалу, жившему въ умѣ его творца, а въ той уродливой формѣ, которую дала бы ему реальная жизнь.

Впрочемъ, продуктомъ идеологическаго догматизма является не одно только всезнающее и всевидящее правительство, но и все поведеніе, ожидаемое Платономъ по отношенію къ этому правительству со стороны управляемаго народа. Какое незнаніе человѣческой натуры обнаруживаетъ вѣра въ то, что стоитъ въ мірѣ появиться истинному владыкѣ, какъ всѣ сердца полетятъ ему навстрѣчу [53]). Мало вѣроятно, чтобы индивидуальныя представленія отдѣльнаго лица о справедливости оказались при такомъ появленіи идеальнаго правителя достаточно сильными, чтобы обратить умы на путь идеальныхъ представленій и замѣнить стародавнія установленія построеніями абстрактнаго разума, несмотря на неминуемый ущербъ, наносимый при этомъ безчисленнымъ справедливымъ интересамъ, глубоко укоренившимся взглядамъ и жизненнымъ привычкамъ, къ которымъ обыкновенно такъ страстно привязано огромное большинство людей! Какъ-будто старое

человѣчество, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни, должно съ этихъ поръ превратиться въ совсѣмъ новыхъ людей! Судить людей по тому, что самъ авторъ чувствовалъ бы и думалъ бы въ аналогичномъ положеніи,—это обычная ошибка большинства утопистовъ.

Перемѣны въ мотивахъ человѣческихъ дѣйствій Платонъ ожидаетъ также и отъ убѣждающей силы просвѣщенія, долженствующей исходить отъ философовъ-основателей новаго государства. Но и эта надежда—чистая утопія. Она основана на теоріи правильно понятаго интереса индивидуума и на переоцѣнкѣ Платономъ воспитанія и обученія,—взглядъ, принадлежащій къ пережиткамъ эпохи просвѣщенія и времени софистовъ; подобнымъ наслѣдіемъ мысль Платона богаче, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Упомянутое ученіе о правильно понятомъ интересѣ удержалось, правда, и до сихъ поръ; начиная съ возникшаго въ эпоху просвѣщенія катехизиса французской революціи, черезъ школу Бентама оно нашло себѣ полное выраженіе въ системѣ общественнаго утилитаризма Іеринга, въ его «Цѣль въ правѣ». Для Платона, какъ и для Іеринга, политическое образованіе индивидуума, главнымъ образомъ, основывается на «правильномъ пониманіи своего собственнаго интереса» и на томъ познаніи, что «собственное благополучіе обусловлено благополучіемъ цѣлаго; способствуя послѣднему, человѣкъ способствуетъ своимъ собственнымъ интересамъ», а «общественные интересы являются въ то же время и интересами отдѣльныхъ лицъ» [54]). Однако, несмотря на всю значительность подобнаго преемничества, нельзя сказать, чтобы удалось подавить возраженія противъ теоретической правильности и практической примѣнимости этого ученія. Тотъ, кто считаетъ возможнымъ довести взаимоотношеніе между индивидуумомъ и государствомъ до такой простой формулы, легко можетъ прежде всего недостаточно взвѣсить трудность завоеванія отдѣльныхъ лицъ для государства. Это мы видимъ уже и у Платона. Онъ поддается заблужденію, думая, будто простая и ясная формула, которая для него представляется разрѣшеніемъ дисгармоніи между волей индивидуума и государства, будетъ принята всѣми остальными или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ, и будто она обусловитъ собою ихъ поступки. Но развѣ такъ легко познать свое собственное благо или благо цѣлаго? Развѣ возможно вообще отыскать точку зрѣнія для объективнаго сужденія о томъ, что соотвѣтствуетъ благополучію отдѣльнаго человѣка и его «правильно понятому» интересу?

Но если не существуетъ никакого объективнаго масштаба, то можно ли ожидать, что отдѣльный человѣкъ успокоится на рѣшеніяхъ идеально-философской этики, претендующей на лучшее, чѣмъ онъ самъ, пониманіе его истинныхъ интересовъ? Какъ, напримѣръ, можетъ быть доказано передъ индивидуальнымъ сознаніемъ положеніе о совпаденіи счастья и нравственности, составляющее главную основу соціальной философіи Платона? Расчетливый эгоизмъ умнаго и сильнаго всегда найдетъ—или будетъ вѣрить, что найдетъ средства, позволяющія ему практиковать безнравственную эксплуатацію ближняго, и индивидуальное его ощущеніе счастья отъ этого не пострадаетъ и не уступитъ мѣста чувству сожалѣнія. Многіе уже дожили въ такомъ счастьѣ до глубокой старости, и до сознанія ихъ не дошло, что общій итогъ ихъ счастья въ жизни значительно повысился бы при нравственномъ и соціальномъ ихъ поведеніи. Кто докажетъ имъ, что они неправильно поняли свой интересъ? Кто можетъ съ успѣхомъ убѣдить эгоиста, совершенно не знающаго счастливаго обратнаго дѣйствія проявленнаго сочувствія, готовности на жертву, любвеобильной преданности собратьямъ или великимъ интересамъ цѣлаго? Кто убѣдитъ его, что онъ далекъ отъ обладанія воображаемой имъ

мѣры счастья? Значитъ ли для него что-нибудь требованіе будто бы лучшаго, когда онъ увѣряетъ, что онъ скромно довольствуется «самой малой» степенью счастья [55])? То, что отдѣльный человѣкъ считаетъ счастьемъ, слишкомъ разнится отъ того, что поддается регулированію путемъ какого-нибудь абстрактнаго принципа. Чрезвычайно наивна вѣра, будто люди сами могутъ убѣдиться в ъ т о м ъ, что имъ лучше было бы отказаться отъ жизни, разъ эта жизнь, вслѣдствіе неизлѣчимой болѣзни или увѣчности, стала для нихъ безполезной, и что государство, оставляя ихъ умирать и удаляя врачей, которые отважились бы продлить имъ сколько-нибудь эту безполезную жизнь, поступаетъ такъ исключительно р а д и и х ъ счастья.

Не менѣе проблематична и надежда, будто идея солидарности интересовъ индивидуума и общества когда-либо настолько обще и интенсивно обусловитъ собою поступки отдѣльной личности, какъ это должно имѣть мѣсто въ государствѣ разума. Пусть вѣрно, что личное благополучіе въ сильной степени зависитъ отъ общаго, что процвѣтаніе каждаго отдѣльнаго человѣка связано въ высокой степени съ благоденствіемъ всего народа, тѣмъ не менѣе, предустановленная гармонія между индивидуальнымъ и общимъ интересомъ, между благомъ отдѣльнаго человѣка и благомъ всего общества, та гармонія, которую предполагаетъ теорія Платона, будетъ все-таки только абстракціей, не выдерживающей критики дѣйствительной жизни. Несмотря на это, теорія эта съ тѣхъ поръ еще не разъ выдвигалась [56]). Къ области иллюзій относится и недавно высказанная Гербертомъ Спенсеромъ мысль, что общая тенденція историческаго развитія постоянно стремится къ такому состоянію, когда «оба интереса—интересъ отдѣльнаго гражданина и интересъ цѣлаго общества—сливаются воедино, и соотвѣтствующія имъ чувства приходятъ въ полное согласіе» [57]).

За приносимую обществу жертву Платонъ обѣщаетъ отдѣльной личности индивидуальное преуспѣяніе при посредствѣ государства; преуспѣяніе, болѣе или менѣе возмѣщающее обусловленную индивидуальной преданностью цѣлому жертву; но онъ забываетъ, что такое уравновѣшеніе имѣетъ значеніе лишь для абстрактнаго индивидуума, конкретная же личность можетъ легко и не найти этой компенсаціи и стать одной лишь жертвой. О тождественности интересовъ общества и отдѣльнаго человѣка рѣчь можетъ быть лишь постольку, поскольку имѣется въ виду человѣкъ въ среднемъ, а не тотъ или другой опредѣленный индивидуумъ. Между отдѣльнымъ конкретнымъ человѣкомъ и обществомъ можетъ возникнуть рѣзкая противоположность интересовъ; этотъ фактъ невольно признаетъ и самъ Платонъ, усваивая извѣстное выраженіе, что интересъ отдѣльнаго лица долженъ п о д ч и н я т ь с я цѣлому; что истинное государственное искусство должно имѣть въ виду не одностороннюю пользу отдѣльныхъ людей, а общее благо, и что послѣднее должно идти впереди перваго. Но въ этихъ словахъ кроется еще большій смыслъ: они ясно доказываютъ, что разсчетъ на гармонію интересовъ оказывается не безошибочнымъ!

Впрочемъ, вѣра Платона въ убѣдительную силу своего ученія настолько мало безусловна, что для поддержанія его и для того, чтобы «заставить гражданъ заботиться о государствѣ и другъ о другѣ» [58]), онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ еще одному, правда, весьма сомнительному средству: къ «цѣлесообразнымъ обманамъ», предоставляемымъ ему религіей и миѳами [59]).

Апелляція Платона для убѣжденія въ истинности своего идеала къ религіи сама по себѣ является вполнѣ послѣдовательной. Высшіе принципы соціальной философіи, какъ и а к с і о м ы всякой философіи, не допускаютъ точнаго науч-

наго доказательства; они допускаютъ лишь гипотезы субъективнаго характера. Всякое пониманіе цѣлей государства, цѣлей его членовъ и отношенія послѣднихъ къ государственному цѣлому является болѣе или менѣе дѣломъ вѣры; относительно этого менѣе всего можетъ заблуждаться современная наука о государствѣ [60]). И если Платонъ лично и былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ достаточно о б о с н о в а л ъ свое понятіе государства, то онъ все-таки инстинктивно находился на вѣрномъ пути, признавая необходимость представить это понятіе, какъ понятіе, основанное на вѣрѣ, не только для массы, но, по возможности, и для лицъ болѣе высокаго развитія.

Но, при всей плодотворности этой попытки, именно обращеніе къ религіозной санкціи яснѣе всего доказываетъ внутреннюю слабость основоположеній, на которыхъ строится картина гармоничной жизни въ идеальномъ государствѣ; между тѣмъ, эту санкцію самъ авторъ долженъ былъ считать «ложью», и оправдать ее онъ могъ лишь путемъ чисто-софистической аргументаціи [61]). Выходитъ такъ, будто самъ Платонъ сознавалъ, какъ мало чувство «братства», которымъ граждане его государства должны быть одушевлены по отношенію другъ къ другу, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ инстинктамъ народа, какъ низшихъ, такъ и высшихъ слоевъ, разъ онъ считалъ необходимымъ вызвать къ жизни это чувство при помощи легенды.

Опытъ новаго времени въ достаточной мѣрѣ показалъ, что изъ трехъ основныхъ требованій доктринальнаго демократизма—свободы, равенства и братства, въ инстинктивныхъ потребностяхъ народа меньше всего коренится идея «братства». При соревнованіи изъ-за удовлетворенія жизненныхъ потребностей, безпрестанно порождаемомъ скудостью природы и въ то же время необходимомъ для усовершенствованія человѣческаго рода, среди ужасной борьбы за существованіе, въ которой нищета, голодъ и болѣзни постоянно уносятъ слабыхъ, идея всеобщаго братства можетъ быть только призракомъ. Жизненныя условія эти даются с а м о й природой; она вѣчно создаетъ эту борьбу и всегда творитъ побѣдителя и побѣжденнаго.

Осуществленіемъ своего плана радикальныхъ реформъ въ области права собственности и браковъ и «устраненіемъ богатства и бѣдности» Платонъ думаетъ если не совсѣмъ изгнать борьбу за существованіе, то, по крайней мѣрѣ, освободить міръ отъ опасныхъ ея воздѣйствій.

Но при всемъ восхищеніи энергіей моральнаго идеализма, съ которой эта соціальная философія пытается внести миръ въ борьбу общества, чувство общности и гармонію въ его эгоистическую разрозненность, намъ все-таки очевидно, что практическія предложенія Платона для достиженія этой цѣли такъ же утопичны и преувеличены, какъ и сама цѣль; уничтоженіе собственности, брака и т. д. никогда не произведутъ въ нравственныхъ чувствахъ и поступкахъ людей перемѣнъ, ожидаемыхъ отъ этихъ мѣръ Платономъ.

Чистѣйшей иллюзіей является и вѣра въ то, что тѣмъ или инымъ путемъ возможно будетъ на большое политическое общество перенести чувства, объединяющія семью и, такимъ образомъ, достигнуть максимума общественнаго единенія и силы. Самые, обширные союзы не всегда бываютъ самыми крѣпкими [62]). Постоянное соприкосновеніе съ какимъ-нибудь большимъ общественнымъ организмомъ, правда, м о ж е т ъ заставить отдѣльное лицо подняться выше разсчетовъ сухого эгоизма. Однако, за исключеніемъ высшихъ областей дѣятельности, гдѣ энергія въ работѣ коренится въ идеальныхъ стремленіяхъ, соціальное сознаніе обыкновенно тѣмъ слабѣе, и равнодушіе тѣмъ больше, чѣмъ шире соціальный кругъ, въ которомъ и въ

интересахъ котораго долженъ дѣйствовать отдѣльный человѣкъ. Человѣческая природа и человѣческія взаимоотношенія устроены такъ, что индивидуумъ, разъ кругъ его сношеній расширяется за извѣстный предѣлъ, легко сосредоточивается лишь на самомъ себѣ [63]). Уже Аристотель возражалъ противъ платоновскаго идеальнаго государства, говоря, что оно ослабляетъ себя, замѣняя болѣе сильный интересъ къ собственному и частному, несравненно болѣе слабымъ интересомъ къ общественному. Чѣмъ шире кругъ людей, считающій что-либо общимъ, тѣмъ меньше заботится объ этомъ отдѣльный человѣкъ. Платоновскій гражданинъ, который имѣлъ бы сразу тысячу сыновей, заботился бы о нихъ всѣхъ не одинаково много, но одинаково мало [64]). Лучше быть на самомъ дѣлѣ только чьимъ-нибудь родственникомъ, чѣмъ сыномъ по-платоновски! Дружба и любовь, благодаря подобной общности, были бы разбавлены водой,—маленькая доза сахара, разведенная въ большомъ количествѣ воды, становится незамѣтной [65]).

Поэтому какого бы прогресса ни достигло въ будущемъ соціальное воспитаніе народа,—а развѣ кто-нибудь сталъ бы сомнѣваться въ возможности такого прогресса!—полная и широкая общность чувствъ радости и горя и сліяніе всего индивидуальнаго въ одну соціальную жизнь все-таки представляется психологической невозможностью. И все-таки этотъ сонъ будетъ сниться многимъ и многимъ еще не разъ [66])!

Изъ всего этого съ достаточной ясностью вытекаетъ, что обѣщанное идеальнымъ государствомъ совпаденіе индивидуальнаго и соціальнаго принциповъ, совпаденіе индивидуализма и соціализма оказывается пустой абстракціей и въ дѣйствительности никогда не осуществится.

До тѣхъ поръ, пока безпощадный механизмъ природы будетъ создавать безчисленныя органическія жизни, какъ бы предназначенныя для того, чтобы быть использованными другими и затѣмъ снова исчезнуть, до тѣхъ поръ и механизмъ общества, являющійся до извѣстной степени также закономъ природы, будетъ пользоваться несчетными человѣческими жизнями, которымъ жестокая сила необходимости мѣшаетъ довести до полнаго расцвѣта то, что лежитъ въ нихъ, какъ зародышъ къ болѣе высокому развитію. Пока существованіе многочисленной массы людей, предназначенныхъ служить и болѣе или менѣе тяжело трудиться, представляется естественной необходимостью,—а Платонъ признаетъ подобную необходимость уже тѣмъ, что допускаетъ существованіе рабства,—до тѣхъ поръ значительная часть народа—а, можетъ-быть, даже и большинство—будетъ лишена возможности высшаго развитія своихъ человѣческихъ способностей и склонностей. Ей придется, главнымъ образомъ, довольствоваться тѣмъ, что она будетъ служить помощью меньшинству въ развитіи *его* дарованій [67]). Усовершенствованіе общественной организаціи, обобщеніе и углубленіе чувства соціальнаго долга, признающаго всякаго человѣка, какъ такового, за самоцѣль, уменьшатъ качественно и количественно эту жертву. Въ то же время въ цѣломъ оно значительно увеличитъ способность массъ къ развитію и возможность отдѣльныхъ лицъ къ возвышенію; но все это имѣетъ извѣстныя, лежащія въ самой природѣ вещей, границы, устранить которыя не могутъ силы человѣческія. Желать найти такую организацію трудовой жизни людей, которая была бы въ состояніи обезпечить *каждому отдѣльному человѣку* развитіе его способностей и *соотвѣтствующее* этимъ послѣднимъ мѣсто въ государственномъ и общественномъ организмѣ, въ высшей степени утопично. Даже заботливое наблюденіе надъ юношествомъ въ платоновскомъ государствѣ не могло бы помѣшать, чтобы въ мастерской и за плугомъ многочисленные таланты оказались неузнанными или неразвитыми благодаря недостаточной примѣнимости.

Платонъ не разрѣшаетъ этой задачи, а обходитъ ее, устанавливая теорію о наслѣдственности способностей и талантовъ; будь эта теорія вѣрна, она, конечно, значительно упростила бы всю проблему. Платонъ предполагаетъ, что во всѣхъ классахъ общества профессіональныя склонности дѣтей будутъ большей частью соотвѣтствовать склонностямъ отцовъ; что, какъ сынъ чиновника или солдата, такъ и сынъ крестьянина, ремесленника или рабочаго въ большинствѣ случаевъ, въ силу унаслѣдованныхъ способностей, уже вполнѣ предназначенъ къ профессіи своего отца, т.-е., что уже отъ рожденія, благодаря односторонности своего дарованія, онъ принужденъ къ отказу отъ всякаго другого положенія, чѣмъ то, въ которомъ онъ родился [68]). Не общество принижаетъ личность до степени несовершеннаго человѣка; человѣкъ уже р о д и л с я такимъ.

Этотъ естественный фактъ остается лишь представить общему сознанію народа, облекая его въ форму миѳа—въ легенду о различіи человѣческихъ душъ; къ однимъ изъ нихъ примѣшано золото, къ другимъ серебро, къ инымъ бронза, а къ инымъ желѣзо [69]),—и вотъ уже общественное мнѣніе завоевано вѣрой, что положеніе человѣка въ обществѣ обусловлено его естественнымъ правомъ, и даже, что оно является дѣломъ самого персонифицированнаго отечества, которое, создавая сыновъ своихъ изъ своей земли, такъ разнообразно надѣлило ихъ своими дарами.

Этимъ путемъ, конечно, легко построить картину общества, гдѣ все находится въ гармоніи и равновѣсіи! Но вспомнимъ! Развѣ менѣе велико заблужденіе современнаго либерализма, съ его надеждой получить тотъ же идеальный результатъ отъ системы свободной конкуренціи? И отъ этой системы ожидали ни болѣе, ни менѣе, какъ того, что каждый отдѣльный человѣкъ найдетъ на соціальной лѣстницѣ ту высокую или низкую ступень, которая по справедливости подобаетъ ему—по заслугамъ или по винѣ его индивидуальности.

Итакъ, каждая попытка провести идею абсолютно хорошаго государства въ конкретномъ видѣ приводила всегда къ одному и тому же результату. Идеальное государство оказывается,—говоря словами Канта,—трансцендентальной идеей, т.-е. понятіемъ, къ которому въ мірѣ чувственныхъ явленій не можетъ быть дано совпадающей дѣйствительности. Да и что такое было бы государство, разрѣшившее всѣ свои задачи! Оно уничтожило бы самое себя, такъ какъ для человѣческихъ стремленій въ немъ не оставалось бы больше ни содержанія, ни проблемъ. Всякое человѣческое стремленіе предполагаетъ возможность дальнѣйшаго успѣха, а успѣхъ—вѣчное измѣненіе и способность къ преобразованію всего человѣческаго. Совершенное государство, мыслимое лишь какъ неподвижное Non plus ultra, отрицаетъ все это, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свою собственную осуществимость.

Впрочемъ, у насъ нѣтъ основаній взирать на идеалистическую соціальную философію Платона сверху внизъ за то, что она не замѣтила этихъ простыхъ истинъ. Очарованіе заключающейся въ ней мысли такъ могуче, что оно еще и до нашихъ дней все снова и снова заполоняетъ умы. Даже нашъ «историческій» вѣкъ былъ свидѣтелемъ того какъ люди, стоявшіе въ центрѣ современнаго соціально-экономическаго изслѣдованія, впадали снова въ заблужденіе Платона.

«Я заглянулъ въ будущее,—сказалъ Стюартъ Милль,—въ грядущій вѣкъ, когда взгляды и установленія людскіе будутъ такъ прочно обоснованы на разумѣ и истинныхъ требованіяхъ жизни, что никогда, подобно прежнимъ и теперешнимъ религіознымъ, этическимъ и политическимъ мнѣніямъ, они не будутъ отвергнуты и замѣнены другими» [70]). Въ томъ же духѣ выражался и Лавелэ; въ пророческомъ провидѣніи, въ заключеніи своей книги о «Первобытной собственности»

онъ говоритъ: «Существуетъ лучшій строй человѣческихъ установленій... Онъ извѣстенъ Богу, и Богъ его хочетъ. Человѣкъ долженъ его отыскать и ввести».

Возможность возвращенія къ платоновскимъ взглядамъ находится въ характерномъ контрастѣ съ тѣми измѣненіями, которыя именно въ этой области произошли въ мысляхъ Платона. Перемѣна въ образѣ мыслей, привела, какъ извѣстно, Платона если и не преднамѣренно, то фактически къ отказу отъ осуществленія абсолютно хорошаго государства и заставила его удовольствоваться идеаломъ лишь относительно хорошаго, т.-е. совмѣстимаго съ тогдашними условіями, человѣческаго существованія, строя государства и общества.

Отдѣлъ III.—„Второе по совершенству“ государство Платона.

I. Историческія и психологическія предпосылки.

Итакъ, по мнѣнію Платона, коренныхъ преобразованій государства и общества можно было ожидать только отъ абсолютизма. Несмотря на жестокую критику, которой онъ подвергъ тираннію въ своей «Политіи», онъ все же, подобно большинству теоретиковъ—стоитъ только вспомнить Руссо и Сенъ-Симона, Лассаля и Родбертуса—въ извѣстной степени приверженецъ цезаризма, конечно, только при условіи, чтобы послѣдній сталъ носителемъ его идеаловъ [1]). «Дайте мнѣ государство,—говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи,—которое управляется абсолютнымъ государемъ. Пусть только этотъ государь будетъ молодъ, съ хорошей памятью, одаренъ способностью все усваивать, безстрашенъ и благороденъ; къ этому прибавьте, что въ силу счастливой случайности въ числѣ его современниковъ онъ найдетъ себѣ совѣтника, который призванъ быть законодателемъ. Только въ такомъ случаѣ можно сказать: Богъ сдѣлалъ приблизительно все, что было возможно, чтобы уготовать какому-либо государству необычайно счастливое будущее [2]). Во всякомъ случаѣ, нельзя себѣ представить болѣе быстраго и лучшаго пути, на которомъ государство получило бы конституцію, обезпечивающую ему продолжительное счастье» [3]).

Нельзя считать случайнымъ совпаденіемъ, что въ то время, какъ въ соціально-политической теоріи монархія выдвигается на первый планъ, и въ эллинскомъ мірѣ именно монархія пріобрѣтаетъ все растущее значеніе. Въ то время, какъ на сѣверѣ возвышается македонское царство, а въ самой Элладѣ тиранніи начинаютъ опять поднимать голову, большая часть эллинскаго запада могучей рукой перваго Діонисія соединена въ одно государство, существованіе котораго не было поколеблено даже при переходѣ власти къ молодому, неопытному наслѣднику. Какая будущность ожидала бы эту сильную монархію, если бы она разумно пошла навстрѣчу стремленіямъ лучшихъ умовъ къ могущественному выраженію государственной идеи, если бы она поняла свою задачу въ смыслѣ того соціальнаго государства, которое государственная наука четвертаго столѣтія провозгласила однимъ изъ своихъ политическихъ идеаловъ [4])! Будущность, на осуществленіе которой тѣмъ больше можно было надѣяться, что, со вступленіемъ на престолъ младшаго Діонисія, наступила политическая констелляція, которая, казалось, удивительнымъ образомъ совмѣщала въ себѣ всѣ тѣ условія, отъ которыхъ самъ Платонъ ожидалъ болѣе или менѣе широкаго осуществленія своихъ идей.

На престолѣ могущественнѣйшаго эллинскаго государства находился юноша-государь съ живымъ и воспріимчивымъ умомъ, который могъ, руководимый надлежащимъ образомъ, пріобрѣсть вѣрное представленіе о своей высокой миссіи,— рядомъ съ нимъ стоялъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей эпохи, проникнутый духомъ Академіи и большой поклонникъ ея учителя, Діонъ, который долженъ былъ казаться Платону прирожденнымъ законодателемъ, оба они—какъ государь, такъ и его министръ—были воодушевлены однимъ желаніемъ: приблизить къ себѣ прославленнаго мыслителя для того, чтобы—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось—изъ царственнаго юноши, подъ его вліяніемъ, выработался государственный человѣкъ.

Надо ли удивляться, что Платонъ тотчасъ же откликнулся на призывъ изъ Сиракузъ? Съ своей точки зрѣнія онъ могъ увидѣть въ этомъ приглашеніи лишь одинъ изъ тѣхъ «счастливыхъ случаевъ», о которыхъ онъ говоритъ въ «Государствѣ», что они накладываютъ на философа, независимо отъ его воли, обязательство служить государству [5]).

Какъ далеко шли надежды Платона, когда онъ отправился въ Сиракузы, этого, въ виду апокрифическаго характера нашихъ свѣдѣній, опредѣлить на основаніи нашихъ источниковъ съ точностью невозможно. Разсказываютъ какъ нѣчто достовѣрное, что онъ просилъ Діонисія дать ему территорію и людей, чтобы самому съ ними сдѣлать попытку осуществленія идеальнаго государства, и что исполненіе этой просьбы было ему даже обѣщано [6]). Если даже при этомъ исходили изъ вѣрной предпосылки, что въ тогдашней Сициліи, гдѣ множество греческихъ общинъ было опустошено и разорено, для новыхъ поселеній открывалось немало возможностей, то все же свѣдѣніе само по себѣ является слишкомъ мало удостовѣреннымъ. Изъ всего этого можно принять съ достовѣрностью лишь одно: Платонъ пріѣхалъ въ Сиракузы съ большими надеждами и съ широкими планами. Въ противномъ случаѣ развѣ онъ рѣшился бы промѣнять свою счастливую жизнь въ рощѣ Академіи, въ уютной тишинѣ школы среди преклоняющихся передъ нимъ послѣдователей изъ всѣхъ частей эллинскаго міра на шумную жизнь и скользкую почву при дворѣ тирана?

Такая большая личная жертва съ его стороны станетъ понятной лишь при условіи, что онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ встрѣтить въ молодомъ государѣ полное пониманіе его идеаловъ. А что должно было означать такое убѣжденіе у человѣка, подобнаго Платону, намъ станетъ ясно, если мы представимъ себѣ упорный оптимизмъ, съ которымъ онъ до конца сохранилъ вѣру въ дѣйствительно-чудодѣйственное вліяніе сильныхъ личностей.

Еще въ «Законахъ» онъ высказываетъ мысль, что нравственное возрожденіе народа, отъ котораго зависитъ участь всѣхъ великихъ соціальныхъ и политическихъ переворотовъ, для неограниченнаго монарха не представитъ особенныхъ трудностей и даже не займетъ много времени [7]). Нужно только, чтобы онъ самъ первый вступилъ на путь, по которому онъ собирается вести гражданъ, и своимъ собственнымъ поведеніемъ во всѣхъ случаяхъ жизни подавалъ бы примѣръ; при этомъ, однако, онъ долженъ озаботиться о томъ, чтобы всѣ слѣдующіе его примѣру, были окружены хвалой и почетомъ, и, наоборотъ, за всякимъ запрещеннымъ поступкомъ немедленно слѣдовали порицаніе и позоръ [8]). Человѣкъ, располагающій такими средствами убѣжденія и такой властью, очень скоро заставитъ слѣдовать за собой и всѣхъ остальныхъ гражданъ [9]). Счастливо государство, обладающее подобнымъ образцомъ въ лицѣ своего государя; такой правитель долженъ стать источникомъ многообразныхъ, даже больше—всѣхъ мыслимыхъ благъ [10]) для своего государства;

онъ откроетъ ему путь къ «наилучшему государственному устройству и къ наилучшимъ законамъ» [11]).

Эта точка зрѣнія проливаетъ свѣтъ на цѣль, о которой мечталъ Платонъ, вступая на почву Сициліи. Платонъ, несомнѣнно, надѣялся, что желанное соединеніе въ единое цѣлое политическаго могущества и философіи осуществится на сиракузскомъ тронѣ; воспитанный творческимъ духомъ мыслителя, философъ-государь долженъ былъ взять въ свои руки перевоспитаніе общества въ смыслѣ большей нравственной чистоты, распространеніе въ немъ соціально-этическихъ принциповъ, провозглашенныхъ доктриной, объединеніе народа, раздираемаго внутренними рѣзкими противорѣчіями, подъ знаменемъ нравственной реформы; этимъ должны были быть созданы условія, необходимыя для установленія новаго, лучшаго порядка въ государствѣ и обществѣ [12]).

Чѣмъ выше была миссія, которая здѣсь возлагалась на монархію, тѣмъ болѣзненнѣе должно было быть разочарованіе, когда носитель той самой власти, съ помощью которой реформаторскому генію Платона казалось достижимымъ все великое, свелъ на нѣтъ всѣ его надежды.

Извѣстно, насколько полно было разочарованіе, испытанное Платономъ при дворѣ Діонисія. При всемъ его внѣшнемъ, показномъ почитаніи Платона, трудно себѣ представить болѣе рѣзкое противорѣчіе между идеалами Академіи, съ одной стороны, и міросозерцаніемъ и дѣятельностью тирана—съ другой, чѣмъ то, которое сказалось, когда Діонисій нашелъ, что наступилъ моментъ показать себя въ настоящемъ свѣтѣ. Здѣсь при дворѣ тирана, съ ужасающей ясностью стало очевиднымъ то, на что Платонъ недостаточно обратилъ вниманія при созданіи своего идеальнаго государства, а именно—страшное искушеніе, заключающееся при слабости человѣческаго духа въ обладаніи неограниченной властью. Если раньше мысль, что только съ помощью такой власти можно осуществить желанный идеалъ, побѣдоносно отвергала всякое другое соображеніе, то теперь, подъ впечатлѣніемъ непосредственнаго личнаго опыта, само собой навязывалось заключеніе, что т а с а м а я власть, которая можетъ создать этотъ идеалъ, въ то же время, въ силу своего положенія, должна неминуемо убивать въ своемъ носителѣ тѣ качества, въ которыхъ онъ больше всего нуждается для своихъ идеальныхъ цѣлей.

Элегически звучатъ слова «Законовъ», навѣянныя извѣстной судьбою Діонисія второго и его отношеніями къ Діону: «Не существуетъ смертной души, которая, будучи молодой и вооруженной безотвѣтственною властью, была бы достаточно сильной, чтобы вынести высшую власть надъ людьми. Она неминуемо перейдетъ за предѣлы благоразумія и станетъ ненавистной даже ближайшимъ своимъ друзьямъ, что въ короткое время приведетъ къ гибели самого властителя и уничтоженію всей его власти» [13]).

По мнѣнію убѣленнаго сѣдинами Платона, обладаніе абсолютной властью прежде всего нарушаетъ то, что онъ считаетъ самой основной добродѣтелью гражданина, а именно способность выработать въ себѣ вѣрное отношеніе къ интересамъ цѣлаго. Если даже отдѣльному человѣку очень трудно познать, что искусство управлять государствомъ должно имѣть своей цѣлью не одностороннюю пользу индивидуума, а благо цѣлаго, и что осуществленіе этого принципа, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучше всего отвѣчаетъ и его личнымъ интересамъ, то неограниченный и неотвѣтственный государь менѣе всего окажется настолько сильнымъ, чтобы слѣдовать въ теченіе всей своей жизни этому убѣжденію и имѣть непрестанно въ виду всеобщее благо, подчиняя ему при всѣхъ обстоятельствахъ свои собственные частные интересы. Слабость человѣческой природы его скорѣе соблазнитъ слѣдовать велѣніямъ себя-

любія и корыстолюбія, а не требованіямъ справедливости; его душу будетъ постепенно окутывать все большій мракъ, и, въ концѣ концовъ, его самого и все его государство постигнутъ величайшія бѣдствія.

Соблазны абсолютизма кажутся теперь Платону настолько сильными, что онъ даже начинаетъ нѣсколько колебаться въ основномъ принципѣ своей этики—именно, въ вѣрѣ въ нравственное значеніе знанія и въ независимость грѣха отъ человѣческой воли. Онъ признаетъ теперь, что даже человѣкъ, который при посредствѣ «искусства», то-есть философской этики и государственной науки, постигъ естественное соотношеніе между индивидуумомъ и государствомъ, врядъ ли долго сможетъ вести себя сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, если на его долю выпадетъ власть, не знающая границъ. Идеалы, которыми онъ проникся (καλοὶ ἐν ψυχῇ λόγοι ἐνόντες), не помѣшаютъ ему во всемъ дѣйствовать въ противорѣчіи съ ними [14])! Осуществленіе же идеала предполагало бы нравственную высоту, которая является крайне рѣдкой или, можетъ-быть, даже совсѣмъ не встрѣчается [15]). Во всякомъ случаѣ, появленіе человѣка съ такой сильной душою должно было бы разсматриваться какъ особая милость божья [16]).

Такимъ образомъ, теорія въ своихъ построеніяхъ должна считаться въ такой же мѣрѣ со слабостью воли человѣческой природы [17]), какъ и съ его невѣжествомъ, и Платонъ, не колеблясь, и здѣсь прямо идетъ къ логическому выводу изъ своихъ построеній. Если лучшее государство возможно осуществить только при условіи, чтобы высшая власть соединилась съ (высшей) мудростью и благоразуміемъ въ одномъ и томъ же лицѣ [18]), то теперь, при констатированіи дѣйствительнаго положенія вещей, Платону ясно, что такая возможность почти невѣроятна. Онъ допускаетъ, что ни одинъ законодатель не смѣетъ довѣрить правительству какого-либо государства такую дискреціонную власть, какую онъ требовалъ для владычества разума въ своемъ идеальномъ государствѣ [19]).

И въ вопросахъ, въ которыхъ не идетъ рѣчи объ ужасныхъ соблазнахъ чувства всемогущества, Платонъ разсуждаетъ теперь несравненно болѣе трезво и спокойно. Вѣра его въ человѣческую природу, надежда на ея способности сильно понижены. Какъ глубоко старый мыслитель долженъ былъ испытать демоническую силу эгоизма «этого величайшаго зла, прирожденнаго большинству людей», показываетъ его убѣжденіе, что человѣческому уму трудно усвоить даже ту простую истину, что государство существуетъ для блага цѣлаго, а не для односторонняго удовлетворенія индивидуальныхъ интересовъ. Какой трудной ему теперь кажется попытка заставить отдѣльныхъ лицъ усвоить гораздо менѣе очевидную мысль, что между правильно понятымъ частнымъ интересомъ и интересомъ цѣлаго существуетъ предустановленная гармонія, и что поэтому индивидуумъ лучше всего заботится о себѣ, когда онъ печется о всеобщемъ благѣ [20])! Это убѣжденіе, между тѣмъ, обязательно должно одушевлять большинство гражданъ, если только общность и гармонія интересовъ въ смыслѣ идеальнаго государства не является пустой фантазіей.

Но даже допуская, что удастся путемъ убѣжденія выяснить отдѣльнымъ лицамъ правильное представленіе о томъ, что служитъ къ ихъ личной пользѣ и къ пользѣ государства, Платонъ не можетъ совладать съ тяжелымъ раздумьемъ и сомнѣньемъ.. Онъ не вѣритъ, что человѣкъ, постигшій истину, постоянно будетъ имѣть силу и волю для проведенія въ жизнь своихъ правильныхъ убѣжденій. И въ этомъ вопросѣ Платонъ эпохи «Законовъ» гораздо болѣе скептически настроенъ, чѣмъ Платонъ «Политіи» [21]).

Не удивительно, что его вѣра въ возможность полнаго сліянія индивидуальнаго и соціальнаго принципа, какъ это должно осуществиться въ идеальномъ госу-

дарствѣ, сильнѣйшимъ образомъ поколеблена. Государство, въ которомъ вѣра въ гармонію всѣхъ истинныхъ интересовъ приводитъ къ возможно болѣе тѣсной общности жизни, доходящей до общности въ бракѣ и собственности, такое государство теперь для Платона стало дѣйствительно утопіей, объ осуществленіи которой, по крайней мѣрѣ, въ т о г д а ш н е м ъ мірѣ, нельзя было и думать. Одни лишь боги и «сыновья боговъ», говоритъ онъ въ «Законахъ», могли бы выдержать общность имущества, женъ и дѣтей идеальнаго государства [22]).

Отказываясь отъ коммунизма, Платонъ тѣмъ самымъ отказывается отъ надеждъ, которыя онъ возлагалъ на нравственное и соціально-политическое вліяніе коммунистическихъ учрежденій. Признавъ индивидуальную собственность и индивидуальное хозяйство неизбѣжной основой общественнаго порядка для современнаго ему человѣчества, Платонъ тѣмъ самымъ признавалъ невозможность сдѣлать цѣлый общественный классъ совершенно независимымъ отъ вліянія экономическихъ интересовъ и создать для государственной идеи такое идеальное, стоящее надъ общественной борьбой интересовъ представительство, какимъ является классъ «стражей» идеальнаго государства. Это отреченіе должно было естественно привести затѣмъ Платона къ дальнѣйшимъ, болѣе глубокимъ, измѣненіямъ выводовъ относительно всего строенія государственной жизни.

Въ результатѣ оказалось, въ силу существующаго положенія вещей, неминуемо необходимымъ передать управленіе государствомъ и законодательство въ немъ въ руки людей, которые своими имущественными интересами, все равно—земельными ли, или капиталистическими, связаны съ экономическимъ ходомъ жизни; вслѣдствіе этого, политической теоріи предстояло разрѣшить новую, сложную задачу, если она не хотѣла отказаться вообще отъ хотя бы относительно удовлетворяющаго осуществленія своихъ цѣлей.

Итакъ, политической теоріи надо было отвѣтить на вопросъ, являющійся логическимъ выводомъ изъ ея общей точки зрѣнія: какимъ образомъ возможно сократить до минимума поле дѣятельности экономическаго интереса въ жизни тѣхъ элементовъ народа, которые призваны нести политическія функціи, и какъ тѣмъ самымъ уменьшить опасность, угрожающую со стороны экономическаго эгоизма нравственнымъ цѣлямъ государства?

Отвѣтъ на это гласитъ такъ же просто, какъ и радикально: политическія права въ государствѣ должны всецѣло принадлежать лицамъ, занимающимся той профессіей, которая, по мнѣнію [23]) Платона, менѣе всего мѣшаетъ человѣку гармонически развиваться тѣломъ и душою, т.-е. сельскимъ хозяйствомъ. Гражданское общество въ относительно совершенномъ государствѣ должно состоять только лишь изъ земледѣльцевъ. Разъ признано было неизбѣжнымъ, что в с ѣ граждане будутъ одновременно и «домохозяевами и сельскими хозяевами [24])», надо было, по крайней мѣрѣ, по возможности, ослабить, вліяніе хозяйственныхъ интересовъ на государство; добиться этого возможно было только путемъ отнятія всякаго значенія у торговли и промышленности тѣхъ областей дѣятельности, въ которыхъ экономическая борьба находитъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе интенсивно и экстенсивно; весь торгово-промышленный классъ приходилось поставить внѣ гражданской общины.

Идеальное государство могло признать права гражданства и за представителями этого класса. Идеальное государство, благодаря блестящему примѣру въ лицѣ философовъ-правителей, благодаря своему коммунистическому строю, способно было, по мнѣнію Платона, благотворнѣйшимъ образомъ вліять на умы всѣхъ классовъ; это давало право идеальному государству вѣрить, что оно можетъ вызвать во в с ѣ х ъ общественныхъ классахъ тотъ образъ мыслей, который казался необхо-

димымъ для созданія гармоничной, совмѣстной жизни и дѣйствительно удовлетворяющихъ отношеній между сословіями. У него не было, такимъ образомъ, основанія исключать изъ состава гражданства лицъ какой бы то ни было профессіи. Теперь, когда надежда на воспитательную силу идеальнаго правленія разума и развитыхъ коммунистическихъ институтовъ не сбылась, дѣло обстояло иначе. Можно ли было надѣяться безъ этого воспитательнаго вліянія встрѣтить у наиболѣе подверженныхъ нравственнымъ соблазнамъ элементовъ общества ту степень благоразумія и сдержанности, безъ которой необходимое и для менѣе совершеннаго государства гармоническое согласіе гражданъ въ опредѣленіи высшихъ цѣлей государственной жизни принципіально невозможно?

Платонъ въ «Законахъ» даетъ на этотъ вопросъ безусловно отрицательный отвѣтъ и, въ силу этого, со свойственной ему безпощадной логикой приходитъ къ заключенію, что названные элементы должны быть исключены изъ политическаго общенія съ остальными частями общества. Осуществленіе чудной мечты общей счастливой совмѣстной жизни, охватывающей всѣ части населенія, отошло въ туманную даль. Въ суровыхъ условіяхъ современной Платону дѣйствительности осуществленіе счастья въ государствѣ кажется ему возможнымъ лишь для элементовъ населенія, обладающихъ совершенно особенными данными. Ремесленникъ и наемный рабочій, которыхъ въ идеальномъ государствѣ даже наиболѣе высокопоставленные элементы любятъ какъ брата и уважаютъ какъ своего кормильца, не обладаютъ, по мнѣнію автора «Законовъ», требуемыми качествами и должны поэтому стать въ подчиненное положеніе по отношенію къ цѣлямъ остальныхъ привилегированныхъ общественныхъ круговъ. Въ государствѣ «Законовъ» свободнаго человѣка отъ свободнаго же отдѣляетъ непроходимая граница, незнакомая — если отвлечься отъ института рабства—идеальному государству. То, что въ «Политіи» строго о с у ж д а л о с ь и даже считалось симптомомъ у п а д к а идеальнаго государства, т.-е. низведеніе хозяйственныхъ классовъ до роли гражданъ второго разряда и подданныхъ [25]), здѣсь выставляется, въ государствѣ «Законовъ», по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной части населенія, какъ необходимое требованіе.

Такъ, изъ гордо высившагося зданія идеальнаго государства вынимается одинъ камень за другимъ, пока, наконецъ, все сооруженіе не оказывается лежащимъ въ развалинахъ на землѣ, разрушенное рукою самого мастера.

Намъ понятно, что старца, обреченнаго на такую разрушительную работу, мучаютъ мысли о ничтожествѣ и тщетности человѣческой дѣятельности; не разъ задаетъ онъ себѣ вопросъ, стоятъ ли вообще мірскія дѣла великихъ и серьезныхъ усилій [26])? Намъ понятно, что онъ называетъ при этомъ людей мимолетными существами и «маріонетками», и сомнѣвается въ томъ, созданы ли они богами съ серьезной цѣлью или просто для забавы [27]).

Но все же Платонъ не принадлежитъ къ той категоріи людей, у которыхъ подавленное настроеніе ослабляетъ могучія побужденія мысли къ реформаторской дѣятельности. Говоря, что мірскія дѣла не стоятъ того, чтобы ими энергично заниматься, что такое занятіе не даетъ людямъ счастья, онъ тутъ же признаетъ, что оно все-таки является необходимостью, отъ которой мы не имѣемъ права отказаться [28]). Кромѣ того, Платонъ не идетъ даже въ своемъ разочарованіи такъ далеко, чтобы совершенно отбросить свой идеалъ государства какъ вполнѣ непригодную для жизни игру его фантазіи. Наоборотъ, его реформаторское рвеніе далеко еще не потухло; онъ все еще съ воодушевленіемъ описываетъ счастливое состояніе душъ въ государствѣ, въ которомъ человѣкъ ничѣмъ больше не владѣетъ лично, гдѣ даже то, что ему даровано природой въ непосредственную соб-

ственность, становится общимъ достояніемъ черезъ сліяніе желаній и поступковъ всѣхъ во-едино, гдѣ всѣ глаза, уши и руки видятъ, слышатъ и дѣйствуютъ только сообща; гдѣ всѣ сердца радуются и страдаютъ по одной и той же причинѣ, одобряютъ и порицаютъ одно и то же [29]).

Платонъ и теперь еще вѣритъ въ возможность дѣйствительно чудодѣйственной преобразовательной дѣятельности въ этомъ направленіи при условіи появленія могущественнаго генія-реформатора. И хотя надежды его на пришествіе такого спасителя значительно ослабѣли, онъ все же еще не считаетъ его абсолютно невозможнымъ. Необычайная «божья милость» можетъ все-таки даровать міру настоящаго государя-философа [30]).

Какъ-то раньше онъ назвалъ идеальный коммунизмъ государства разума и самое это государство учрежденіемъ, созданнымъ «для боговъ и сыновей боговъ»; но это не значитъ, что онъ считаетъ его недостижимымъ идеаломъ, который абсолютно недоступенъ стремленіямъ и усиліямъ человѣка. Иначе какъ могъ онъ все еще говорить о возможности его осуществленія? Выраженіе «богъ и сыновья боговъ» заимствовано было имъ, очевидно, изъ поговорки и должно было обозначать идеалъ личнаго совершенства; на осуществленіе этого идеала при современномъ ему состояніи человѣчества Платонъ, правда, не надѣется, но все же онъ не считаетъ его навсегда и при всѣхъ условіяхъ недостижимымъ [31]). Даже о своемъ идеальномъ коммунизмѣ говоритъ онъ лишь то, что онъ предъявляетъ слишкомъ высокія требованія [32]) «современному» поколѣнію и достигнутому «въ данное время» уровню нравственнаго и умственнаго развитія; этимъ самымъ, однако, не исключается [33]) возможность усовершенствованія типа человѣка и повышенія его способности удовлетворить предъявляемымъ ему Платономъ требованіямъ. И, дѣйствительно, мы находимъ въ одной фразѣ Платона, стоящей въ связи съ вышеприведенными, указаніе на то, что онъ разсматриваетъ осуществленіе коммунизма въ будущемъ, какъ нѣчто вполнѣ возможное и мыслимое [34]).

Какъ бы то ни было, достовѣрнымъ является одно: Платонъ до конца оставался вѣренъ, принципіально, по крайней мѣрѣ, государственному идеалу «Политіи». Правда, онъ убѣдился, что при данныхъ условіяхъ человѣческаго существованія возведеніе такого смѣлаго зданія еще на неизмѣримо долгія времена было бы равносильно постройкѣ на зыбкомъ пескѣ. Тѣмъ не менѣе, идеальный образъ государства разума навсегда остался для него путеводной звѣздой, которая одна лишь можетъ указать вѣрный путь въ лабиринтѣ великихъ задачъ государства и общества. И впредь идеальное государство остается регулирующей нормой, дѣйствительно идеальнымъ образцомъ для всей политики. Этотъ образецъ долженъ быть твердо запечатлѣнъ въ умѣ каждаго практическаго государственнаго дѣятеля, чтобы сообразовать съ нимъ дѣйствительность настолько, насколько это позволяетъ несовершенство человѣческой жизни [35]).

Въ этомъ смыслѣ Платонъ и набросалъ въ «Законахъ», подъ конецъ своей жизни, картину «второго по совершенству» государства, которое, хотя и болѣе отвѣчаетъ требованіямъ реальной жизни, все же старается, насколько это возможно, согласовать эти требованія съ основными мыслями «Политіи».

2. Соціально-экономическія основы государства «Законовъ».

Хотя на склонѣ лѣтъ Платонъ еще твердо придерживается идеаловъ своего зрѣлаго возраста, однако, вѣра его въ способность существующихъ порядковъ измѣ-

няться значительно уменьшилась; лучше всего характеризуетъ его новую точку зрѣнія разборъ его въ «Законахъ» способовъ практическаго проведенія въ жизнь преобразованія существующихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ въ духѣ его идеальныхъ требованій.

Мы видѣли, съ какимъ наивнымъ оптимизмомъ проектъ идеальнаго государства Платона не останавливался на мысли о возможности колоссальной соціально-экономической революціи, которая на развалинахъ стараго общества должна была создать мѣсто для вполнѣ новаго зданія. Какимъ относительно легкимъ и простымъ дѣломъ представлялось тогда Платону пересадить населеніе цѣлаго государства, хотя бы только малаго города-государства, въ совершенно новыя жизненныя и хозяйственныя условія и этимъ самымъ создать изъ нихъ совершенно новыхъ людей [1]). Въ «Законахъ» онъ судитъ гораздо трезвѣе о возможности подобнаго переворота. Онъ знаетъ теперь, что въ жизни народовъ существуетъ законъ исторической преемственности, который не позволяетъ бороться съ историческими силами, дѣйствовавшими до тѣхъ поръ. Онъ живо представляетъ себѣ трудности, съ которыми придется встрѣтиться законодателю, когда онъ принужденъ будетъ, въ интересахъ желательнаго уравненія имущественныхъ отношеній, приступить къ коренному измѣненію существующаго строя собственности. Человѣку, осмѣлившемуся «только коснуться этихъ вопросовъ», тотчасъ же бросятъ въ лицо обвиненіе въ посягательствѣ на неприкосновенныя установленія. Захоти онъ затѣмъ перейти къ необходимому, новому урегулированію земельной собственности и къ кассированію долговыхъ обязательствъ, то положеніе его, подъ давленіемъ всеобщихъ проклятій, сразу станетъ весьма сомнительнымъ [2]).

Въ виду неминуемаго жестокаго сопротивленія Платонъ идетъ такъ далеко, что вообще отказывается отъ быстраго и коренного разрѣшенія соціальнаго вопроса. Хотя онъ и говоритъ, что всякое, хотя бы только сравнительно полное, преобразованіе общества невозможно безъ борьбы за передѣлъ земли и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, все же ни одно государство не должно допустить этой «ужасной и опасной борьбы» [3]). И эмансипація женщинъ, безъ которой Платонъ не можетъ себѣ представить радикальнаго преобразованія общества, натолкнется на непреодолимыя препятствія. Женщины, привыкшія жить «скрыто и во тьмѣ», сами окажутъ упорнѣйшее сопротивленіе тому, кто захотѣлъ бы «силой вывести ихъ къ свѣту», и, конечно, оказались бы въ этой борьбѣ побѣдительницами [4]).

Поэтому государство, которое считается съ реальными условіями, должно удовольствоваться если не одними добрыми намѣреніями, то очень осторожнымъ и постепеннымъ поступательнымъ движеніемъ, при которомъ въ долгій промежутокъ времени будетъ достигнуто очень немногое. Но и при такомъ медленномъ движеніи впередъ успѣхъ зависитъ отъ особо благопріятныхъ обстоятельствъ. Прежде всего надо привлечь къ дѣлу соціальнаго прогресса тотъ общественный классъ, на счетъ котораго только и возможно произвести соціальную реформу: классъ имущихъ долженъ стать на сторону соціальнаго прогресса. Только тогда—говоритъ Платонъ—преобразованія будутъ имѣть успѣхъ, когда носителемъ ихъ явятся крупные земельные собственники или крупные кредиторы, готовые великодушно подѣлиться съ бѣдняками, т.-е. простить имъ ихъ долги и уступить пахотныя земли [5]). Такое великодушіе и отсутствіе эгоизма, однако, опять-таки недостижимы безъ перелома въ нравственномъ міросозерцаніи по вопросу о томъ, что правильно, «что справедливо» по отношенію къ различнымъ соціальнымъ классамъ. Каждый крупный шагъ впередъ на пути преобразованія экономической жизни всегда необходимо будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣдой нравственной идеи и слѣдствіемъ просвѣтлѣнія

чувства нравственности и справедливости, посредствомъ котораго единственно возможно сломить сопротивленіе прирожденнаго врага всякихъ реформъ, именно экономическій эгоизмъ [6]). На мѣсто не знающаго границъ любостяжанія должно стать добровольное ограниченіе въ удовлетвореніи своихъ потребностей среднимъ количествомъ благъ, убѣжденіе, что не всякое сокращеніе собственности обозначаетъ обѣднѣніе, между тѣмъ какъ всякое увеличеніе корыстолюбія непремѣнно будетъ равносильно таковому [7]). Только тогда, когда этотъ взглядъ привьется, можно будетъ сказать, что доброе начало къ спасенію государства дѣйствительно сдѣлано, что прочный и твердый фундаментъ для возведенія новаго зданія государства и общества уже заложенъ [8]). Отсутствіе же прогресса въ области нравственности дѣлаетъ болѣе или менѣе безполезной и всякую соціально-политическую преобразовательную работу [9]).

Можно ли болѣе опредѣленно признать безсиліе законодательства, чуждаго народу или эпохѣ, которымъ оно навязывается? Можно ли рѣшительнѣе подчеркнуть необходимость считаться съ положеніемъ вещей въ данный моментъ и исходить изъ него въ преобразовательной работѣ, постепенно, шагъ за шагомъ двигаясь къ намѣченнымъ реформамъ и улучшеніямъ?

О насильственномъ революціонномъ переворотѣ, о «драматической развязкѣ», какъ ее предлагала «Политія», для осуществленія идеальнаго государства при такихъ обстоятельствахъ больше не можетъ быть и рѣчи. И хотя Платонъ не можетъ отказать себѣ въ удовлетвореніи дать міру во второй разъ образецъ государства, все же мысль о возможности осуществить при наличныхъ условіяхъ хотя бы это второе по совершенству идеальное государство ему уже совершенно не приходитъ въ голову.

Конечно, Платонъ все еще слишкомъ большой идеалистъ и теоретикъ, чтобы удовлетвориться вполнѣ перспективой слишкомъ медленнаго, съ точки зрѣнія его реформаторскаго рвенія, эволюціоннаго развитія націи до идеальныхъ формъ государственной жизни. Онъ недаромъ дѣлаетъ уступки суровой дѣйствительности; ему хочется найти способъ сравнительно быстраго и легкаго осуществленія, по крайней мѣрѣ, для относительно совершенныхъ условій существованія, кажущихся ему достижимыми въ несовершенной современной ему дѣйствительности.

Это выводитъ его на путь, который съ тѣхъ поръ постоянно избирается соціализмомъ въ теоріи и на практикѣ. Когда картины будущей, болѣе счастливой общественной жизни не встрѣчаютъ достаточно сильнаго отклика въ обществѣ, когда общество не поддается превращенію въ такое общежитіе посредствомъ внезапнаго переворота, тогда реформаторы желаютъ показать міру, чего можетъ достигнуть на практикѣ, путемъ добровольнаго эксперимента, вдали отъ матеріальнаго и нравственнаго убожества существующаго общества, группа людей, увлеченныхъ великой идеей соціальнаго освобожденія и готовыхъ принести ей все въ жертву. Какъ въ наше время Cabet стремится осуществить свою Икарію вдали отъ испорченной, устарѣвшей европейской культуры, какъ Герцка выбираетъ для своей «Свободной страны» мѣсто въ глубинѣ темной части свѣта, такъ же поступаетъ и Платонъ, стремясь осуществить свое второе по совершенству государство въ видѣ колоніи, которая должна быть основана вдали отъ большого торговаго движенія эллинскаго міра, въ особо пригодномъ для цѣлей его государства уголкѣ.

Этотъ выходъ сразу освобождаетъ Платона отъ всѣхъ препятствій, которыя мѣшали его идеаламъ въ рамкахъ существующей дѣйствительности. Законодатель, находящійся внѣ этихъ рамокъ, избѣгаетъ, благодаря этому, «самаго жестокаго изъ упрековъ и страшной опасности той борьбы, которую неминуемо должно было возбудить посягательство на глубоко вкоренившійся экономическій строй. Онъ стоитъ

на новой почвѣ, гдѣ ему не мѣшаютъ унаслѣдованныя права и законы. Это напоминаетъ то счастливое положеніе, въ которомъ якобы находились основатели и законодатели пелопоннесскихъ дорическихъ государствъ «колоній Гераклидовъ», когда они построили свое общежитіе на основахъ широкаго равенства собственности [10]).

Правда, тутъ возникаетъ новое затрудненіе, не наблюдающееся, по мнѣнію Платона, въ такой степени въ существующемъ государствѣ; возникаетъ вопросъ, какъ оградить общину колонистовъ отъ тѣхъ элементовъ, которые не обладаютъ необходимыми для новаго общества нравственными и духовными качествами. Законодатель существующаго государства имѣетъ достаточно данныхъ для «очистки» общества. Онъ знаетъ худшіе элементы, оказавшіеся неизлѣчимыми, и потому можетъ ихъ устранить посредствомъ изгнанія или смертной казни. Особенно хорошо знаетъ онъ чернь, которая во всѣ времена всегда была готова слѣдовать за своими вожаками на борьбу съ собственниками, и можетъ ее удалять, какъ «появившуюся въ государствѣ эпидемію», самымъ нечувствительнымъ образомъ, организуя систематическую эмиграцію [11]). Эта очистка будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительна, чѣмъ больше власти у законодателя; наиболѣе радикальной будетъ она въ рукахъ абсолютнаго государя.

Положеніе руководителя новой колоніи, которое имѣетъ въ виду Платонъ, совсѣмъ иное. Онъ не является всемогущимъ деспотомъ и, съ другой стороны, имѣетъ дѣло съ элементами, которые трудно изучить, такъ какъ они собраны изъ различныхъ частей эллинскаго міра. Молодая колонія сравнивается съ озеромъ, въ которое стекаются ручейки и источники со всѣхъ сторонъ. Необходимо напречь всѣ силы, чтобы «сохранить стекающуюся воду въ возможной чистотѣ» [12]). Но a priori невозможно дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, какимъ способомъ лучше всего произвести эту очистку.

И, тѣмъ не менѣе, Платонъ не сомнѣвается въ томъ, что затрудненія и опасности, которыя лежатъ въ самомъ составѣ человѣческаго матеріала, находящагося въ его распоряженіи для опыта, будутъ устранены съ теченіемъ времени самой жизнью, и въ этомъ опять-таки сказывается оптимистъ и теоретикъ. Платонъ отбрасываетъ отъ себя всякія возраженія однимъ властнымъ словомъ, заявляя, что его дѣло — литературное изображеніе опыта новаго государства, а не его осуществленіе на практикѣ. Онъ при этомъ приглашаетъ читателя пока предположить вмѣстѣ съ нимъ, что граждане новой колоніи уже собраны, и очистка ее отъ всѣхъ нежелательныхъ элементовъ уже произведена съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ порочныя личности изъ желающихъ войти въ составъ колоніи должны быть отвергнуты послѣ достаточно долгаго и строгаго испытанія; добродѣтельные же люди будутъ, насколько это возможно, привлекаться къ участію въ ней при посредствѣ благожелательной предупредительности [13]).

Какъ представляетъ себѣ Платонъ это испытаніе, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, одно требованіе Платона, чтобы каждому подобному предпріятію предшествовалъ строгій моральный подборъ колонистовъ, заставляетъ отдать его проектамъ нѣкоторое предпочтеніе передъ проектами многихъ другихъ соціалистовъ. Возьмемъ, напримѣръ, автора «Свободной страны»; какъ легкомысленно проходитъ онъ мимо этой проблемы! Въ одинъ прекрасный день пресса обоихъ полушарій объявитъ всему міру, что извѣстное число людей изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ земного шара соединилось, чтобы попытаться на практикѣ разрѣшить соціальный вопросъ. Это интернаціональное общество видитъ въ вѣрѣ своихъ членовъ въ благодѣтельное дѣйствіе будущаго общежитія и въ ихъ одушевленной готовности къ добровольнымъ жертвамъ достаточную гарантію ихъ нравственныхъ качествъ. Члены

этого общества живутъ, одушевленные чисто-платоновской идеей—основать государство, которое «уничтожило бы въ корнѣ нищету и страданіе и вмѣстѣ съ ними всѣ тѣ горести и пороки, которые должны разсматриваться, какъ слѣдствіе бѣдности». И всѣ они доказали твердость своихъ убѣжденій не только на словахъ, но и на дѣлѣ тѣмъ, что каждый по своимъ силамъ работалъ надъ осуществленіемъ общей цѣли. «Эти обезпеченные и богатые люди,—говоритъ, особенно подчеркивая это, основатель общества,—часть которыхъ вложила въ нашу кассу капиталы во много тысячъ фунтовъ, за немногими исключеніями, желали не только оказать намъ помощь, но сами явились къ намъ за поддержкой; они стремятся основать новое общежитіе не только для своихъ страждущихъ братьевъ, но и для себя лично. Изъ этого, больше чѣмъ изъ всего остального, черпаемъ мы твердое, какъ скала, убѣжденіе въ успѣхѣ нашего дѣла» [14]).

Платонъ не раздѣляетъ этихъ надеждъ. Онъ требуетъ отъ членовъ своей идеальной коловіи болѣе основательныхъ гарантій, чѣмъ вѣра въ обѣтованное счастье и матеріальныя жертвы, которыя они добровольно приносятъ во имя этого счастья. Въ то время какъ осуществленіе свободной страны Герцка обезпечивается достаточнымъ числомъ взносовъ со стороны ея интернаціональныхъ членовъ, Платонова колонія зависитъ отъ достаточнаго фонда нравственныхъ силъ, которыя вносятся ея членами, и наличность которыхъ абсолютна доказана. Кромѣ того, Платонъ ищетъ еще дальнѣйшихъ гарантій въ томъ, чтобы правовые, нравственные и религіозные взгляды его колонистовъ съ самаго начала были до нѣкоторой степени однородны; онъ хочетъ, чтобы родиной ихъ были преимущественно страны, населенныя дорическимъ племенемъ, Критъ и Пелопоннесъ [15]), гдѣ онъ нашелъ въ государственномъ и общественномъ строѣ уже осуществленнымъ многое, совпадающее съ его собственными идеалами.

Но не одни только народные элементы, призываемые быть носителями идеаловъ Платона, должны отвѣчать опредѣленнымъ требованіямъ, и внѣшнія физическія условія, въ которыхъ новое государство будетъ развиваться, должны быть особенно благопріятными. Платонъ очень внимательно взвѣшиваетъ вліяніе, которое оказываетъ на народную душу и умъ окружающая ихъ природа. Въ наше время вновь раздалось требованіе, чтобы политическая наука опиралась на естественную исторію народа въ связи съ природой его страны; Платонъ является однимъ изъ первыхъ, которые пытались учесть это вліяніе. Его разсужденіе о взаимодѣйствіи физическаго и нравственнаго міра, о причинной связи между природой страны и народа, непосредственно соприкасается съ положеніями тогдашней науки о природѣ, какъ они были изложены въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ Гиппократа о психологическомъ и физіологическомъ вліяніи почвы, климата и т. д.

Платонъ вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ великаго врача съ острова Коса о связи между природой страны и бо́льшимъ или меньшимъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ народа. Онъ выдвигаетъ отдѣльныя физическія условія, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ благопріятное или вредное вліяніе не только на физическую, но и на духовную жизнь; таковы: система воздушныхъ теченій, температура атмосферы, качество воды и пищи [16]); поэтому онъ требуетъ отъ государственнаго человѣка и законодателя внимательной оцѣнки всѣхъ природныхъ факторовъ и географическихъ условій, которыя могутъ какъ облегчить, такъ и усложнить его заботы о нравственномъ и умственномъ развитіи народовъ [17]).

Съ этой точки зрѣнія однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, который нужно разрѣшить съ самаго начала, является правильный выборъ мѣста для основанія государства. Платонъ предполагаетъ, что и этотъ вопросъ разрѣшенъ удовлетвори-

тельно. Онъ указываетъ на никому не принадлежащую полосу земли внутри острова Крита [18]), гдѣ всѣ географическія условія, необходимыя для преуспѣянія проектированной общины, якобы имѣются на лицо.

Мѣсто, выбранное для основанія города, отстоитъ отъ берега моря на 80 стадій (двѣ географическія мили). Это очень благопріятное мѣстоположеніе, по мнѣнію Платона. Вѣдь государство, отвѣчающее желаніямъ его сердца, можетъ быть только лишь аграрнымъ; роль торговли и промышленности въ немъ должна быть сведена до минимума [19]). Поэтому его государство избѣгаетъ сосѣдства моря, такъ какъ море внушаетъ гражданамъ торговый духъ и меркантильную жажду наживы; характеръ народа становится лживымъ и ненадежнымъ, благодаря чему отношенія гражданъ между собою и съ посторонними лишаются честности и благожелательности [20]). Въ новомъ государствѣ, впрочемъ, не наблюдается особой необходимости въ морскомъ сообщеніи и морской торговлѣ. Страна сама производитъ почти всѣ нужные продукты и не нуждается въ значительномъ ввозѣ; съ другой стороны, благодаря ея горному характеру, производительность ея не настолько высока, чтобы вызывать живую вывозную торговлю. Вообще морское и коммерческое развитіе этого государства необычайно затрудняется полнымъ отсутствіемъ необходимаго для постройки судовъ матеріала. Лѣсу, нужнаго для судостроенія, какъ-то: сосна, ель, кипарисъ, платанъ, частью мало, частью онъ недостаточно крупенъ. Въ виду этихъ «счастливыхъ» природныхъ условій о широкомъ развитіи денежнаго хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Вмѣстѣ съ внѣшней торговлей отпадаетъ сама собой и величайшая для народной нравственности опасность—наводненіе страны золотыми и серебряными деньгами [21]).

При такихъ условіяхъ можно приступить къ устройству новаго государства съ полной надеждой на успѣхъ. Акрополь со святилищемъ боговъ-покровителей государства—Гестіи, Зевса и Аѳины, окруженный круглой стѣной, возвышается, по возможности, въ центрѣ всей территоріи. Радіусы, исходящіе изъ этого центра, дѣлятъ всю прилегающую городскую территорію на двѣнадцать кварталовъ и, соотвѣтственно съ этимъ, всю пахотную землю на двѣнадцать пахотныхъ округовъ; послѣдніе по площади неодинаковы: они то уже, то шире, въ зависимости отъ качества почвы, причемъ округа съ лучшей почвой занимаютъ меньшую площадь, а съ менѣе производительной—большую. Дальнѣйшее подраздѣленіе, соотвѣтствующее числу гражданъ, дѣлитъ всю территорію страны по тому же принципу, строго принимая во вниманіе свойства почвы, на 5040 неодинаковыхъ по размѣрамъ, но равно производительныхъ участковъ; изъ нихъ каждый опять-таки дѣлится на двѣ части [22]). Каждые два полученныхъ, такимъ образомъ, участка соединяются въ одинъ жребій и комбинируются такъ, чтобы одинъ изъ нихъ лежалъ вблизи города, другой вдали отъ него; это и представляетъ надѣлъ каждаго гражданина. Распредѣленіе этихъ двойныхъ надѣловъ между гражданами происходитъ посредствомъ жребія, чѣмъ достигается наибольшее равенство въ землевладѣніи. И движимое имущество, которое приносятъ съ собой граждане, должно до нѣкоторой степени быть приведено въ соотвѣтствіе съ принципомъ равенства. Все оно должно быть оффиціально переписано и затѣмъ возможно равномѣрно раздѣлено на двѣнадцать частей, соотвѣтственно двѣнадцати округамъ страны, по которымъ распредѣляются и всѣ граждане [23]). Каждый гражданинъ, наконецъ, получитъ по два дома, изъ которыхъ одинъ расположенъ въ городѣ, а другой въ полѣ [24]).

Какъ городъ является центромъ всего государства, такъ центрами двѣнадцати округовъ являются небольшіе посады съ рынками, которые по своему плану будутъ сколками города въ миніатюрѣ. Каждый посадъ имѣетъ рыночную площадь со свя-

тилищемъ городскихъ боговъ и спеціальныхъ боговъ—покровителей округа, на празднества которыхъ обыкновенно собираются всѣ жители послѣдняго. Этотъ посадъ играетъ роль опорнаго пункта для защиты отъ враговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйственнаго центра, такъ какъ въ немъ живутъ, въ качествѣ гражданъ второго разряда и чужестранцевъ, ремесленники, въ которыхъ имѣютъ нужду сельскіе хозяева окрестностей [25]). Что касается остального ремесленнаго населенія государства, то оно живетъ вблизи городской черты главнаго города въ особыхъ предмѣстьяхъ, тянущихся вокругъ города; предмѣстій этихъ двѣнадцать, по одному на каждый городской кварталъ; такимъ образомъ, граждане, живущіе въ городѣ, совершенно отдѣлены отъ ремесленнаго населенія.

Это разобщеніе является одновременно и хозяственнымъ и классовымъ. Полномѣрный гражданинъ не имѣетъ другихъ обязанностей, кромѣ воспитанія въ себѣ политической добродѣтели. «Созданіе и поддержаніе всеобщаго порядка въ государствѣ является искусствомъ, которое всецѣло поглощаетъ гражданина, требуетъ много опыта и разнообразныхъ знаній и не можетъ разсматриваться какъ побочное занятіе [26]). Кто ставитъ себѣ главной цѣлью жизни развитіе своихъ физическихъ и душевныхъ силъ до совершенства, долженъ потратить на это вдвое и даже значительно больше чѣмъ вдвое труда, чѣмъ тотъ, которому стремленіе къ пиѳійской или олимпійской побѣдѣ не оставляетъ времени для другихъ занятій [27]). Поэтому-то всѣмъ гражданамъ строжайше запрещено заниматься торговлею или ремесломъ. Земельная собственность, обрабатываемая несвободными сельскими рабочими, является единственной экономической основой ихъ жизни; доходовъ съ нея хватаетъ для умѣреннаго существованія одной семьи. Но и земельная собственность получаетъ соціальную организацію, безпощадно устраняющую все то, что способствуетъ проникновенію меркантильныхъ спекуляцій и односторонне-капиталистическихъ тенденцій, и что могло бы какимъ-либо способомъ нарушить разъ установленный порядокъ.

Хотя Платонъ не отказался отъ коммунистической эксплуатаціи земли всею общиною, какъ отъ недостижимаго идеала, все же онъ придерживается положенія, что вся земля должна разсматриваться какъ собственность всего государства; поэтому владѣніе ею, выпавшее на долю отдѣльныхъ гражданъ посредствомъ жребія, является лишь временнымъ правомъ пользованія [28]). Почва, которую гражданинъ обрабатываетъ, принадлежитъ отечеству, и онъ долженъ обращаться съ нею еще болѣе бережно, чѣмъ дѣти со своею матерью [29]). Эта точка зрѣнія нашла себѣ правовое выраженіе въ безусловномъ запрещеніи отчужденія земли [30]). Земельный надѣлъ каждаго гражданина занесенъ разъ навсегда на священныя кипарисовыя таблицы [31]) въ кадастрѣ при храмѣ; онъ можетъ переходить, не подвергаясь отчужденію и всегда, какъ единое цѣлое, отъ отца только къ одному сыну, хотя бы и пріемному, который и является наслѣдникомъ правъ отца какъ въ обязательствахъ по отношенію къ дому и государству, такъ и по отношенію къ богамъ и людямъ [32]). Этимъ способомъ число 5040 надѣловъ, какъ и владѣльцевъ ихъ, навсегда должно сохраниться неизмѣненнымъ.

Платонъ не скрываетъ отъ себя, что такое положеніе создастъ много затрудненій, и онъ ищетъ средство, чтобы ихъ избѣжать. Сыновья, которые не найдутъ обезпеченія на отцовскомъ участкѣ, должны быть усыновляемы другими гражданами, не имѣющими мужского потомства; при этомъ надо отдавать преимущество тѣмъ, «которымъ отецъ съ наибольшимъ удовольствіемъ отдастъ сына, и которые сами, въ свою очередь, ихъ возьмутъ съ радостью» [33]). Если это добровольнымъ путемъ недостижимо, или если одинъ гражданинъ будетъ имѣть слишкомъ большое число сыновей или дочерей, которыхъ ему не удастся выдать замужъ,

въ этихъ случаяхъ обязана принять необходимыя мѣры государственная власть. Вообще ея обязанностью является всѣми средствами мѣшать образованію избытка населенія, а также дѣлать все, зависящее отъ нея, въ случаѣ уменьшенія прироста населенія, для поддержанія въ должномъ числѣ количества гражданъ. Въ числѣ «многочисленныхъ» мѣръ, которыя должны сокращать слишкомъ большую рождаемость, или же, напротивъ, въ случаѣ необходимости поощрять взращеніе дѣтей, Платонъ рекомендуетъ оффиціальныя награды или наказанія, порочащія честь, затѣмъ—наставленія и вразумленія молодымъ людямъ со стороны старшихъ [34]). Если же всѣ эти мѣры не достигнутъ цѣли, въ случаѣ продолжительнаго перевѣса смертности надъ рождаемостью, необходимо прибѣгнуть къ пріему новыхъ гражданъ для возстановленія нормальнаго числа ихъ. Въ случаѣ же избытка населенія рекомендуется эмиграція подъ руководствомъ государства, причемъ Платонъ убѣжденъ, что граждане, которые покажутся правительству наиболѣе пригодными для участія въ созданіи новой колоніи, добровольно и безъ принужденія отрекутся отъ отечества [35]). Гораздо большій гнетъ принужденія тяготѣетъ на женской половинѣ населенія въ соотвѣтствіи, впрочемъ, съ тогдашними правовыми понятіями. По этимъ понятіямъ, родственникъ имѣетъ право на руку наслѣдницы, судьбой которой отецъ не распорядился въ своемъ завѣщаніи; это право признается и въ платоновомъ государствѣ, причемъ, однако, изъ соціально-политическихъ соображеній оно нѣсколько измѣнено въ томъ отношеніи, что преимущественное право на этотъ бракъ получаетъ тотъ родственникъ, который еще не владѣетъ земельнымъ надѣломъ [36]).

Благодаря этой аграрной и народонаселительной политикѣ, въ числѣ гражданъ нѣтъ ни безземельныхъ пролетаріевъ, ни крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Одна возможность созданія соціальнаго и экономическаго неравенства все же еще остается: это движимый капиталъ. Устранить ее окончательно при частно-хозяйственной аграрной реорганизаціи и при наличности института частной собственности немыслимо. Появленію, однако, слишкомъ большихъ противоположностей должно препятствовать установленіе минимума и максимума владѣнія: стоимость минимума движимаго имущества, принадлежащаго одному человѣку,—минимума, который не долженъ уменьшаться, должна равняться стоимости одного надѣла; максимумомъ является въ четыре раза бо́льшая сумма [37]). Если кто-либо пріобрѣтаетъ капиталъ, превышающій эту сумму, тотъ подвергается тяжелому наказанію и долженъ отдать излишекъ государству и его богамъ. Къ проведенію въ жизнь этого закона призвано одно изъ высшихъ учрежденій государства, которое обязано аккуратно вести запись всего движимаго имущества гражданъ и также строго контролировать его, какъ и земельную собственность [38]).

Движимый капиталъ поставленъ приблизительно въ тѣ же юридическія условія, какъ и земельная собственность, и здѣсь отдѣльное лицо не можетъ неограниченно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ. Достойны вниманія принципы, которыми Платонъ старается объяснить законы, введенные для регулировки духовныхъ завѣщаній.

«Друзья,—говоритъ его законодатель умирающимъ,—трудно вамъ познать всѣ ваши обстоятельства и еще труднѣе вамъ, говоря словами Пиѳіи, познать самихъ себя. Поэтому я, вашъ законодатель, объявляю вамъ, что вы не принадлежите сами себѣ, и еще менѣе принадлежитъ вамъ ваше имущество; оно является собственностью всего вашего рода, какъ тѣхъ, которые были до васъ, такъ и тѣхъ, которые послѣдуютъ за вами; скажу вамъ больше: весь вашъ родъ со всѣмъ его имуществомъ принадлежитъ государству [39]). Если положеніе вещей таково, то я не допущу добровольно, чтобы кто-либо

обошелъ васъ лестью въ то время, когда вашъ умъ ослабѣлъ отъ болѣзней и старости, и уговорилъ бы васъ сдѣлать распоряженія, противорѣчащія общему благу. Нѣтъ, имѣя въ виду это общее благо, благо вашего поколѣнія, а также благо всего государства, я скорѣе ограничу васъ законами и съ полнымъ правомъ поставлю интересы отдѣльнаго лица ниже интересовъ всего цѣлаго [40]). Идите же съ миромъ и съ благожелапіемъ къ намъ по пути, на который вы теперь вступаете, въ соотвѣтствіи съ законами человѣческой природы, и положитесь на насъ; обо всемъ, что вамъ принадлежитъ, мы будемъ заботиться всѣми силами».

Послѣ такого «ласково-увѣщевательнаго» вступленія законъ гласитъ: завѣщатель имѣетъ право назначить наслѣдникомъ своего участка и всего принадлежащаго ему инвентаря того изъ своихъ сыновей, котораго онъ считаетъ достойнѣйшимъ. Если у него есть еще другіе сыновья, которые по закону могутъ быть посланы въ новую колонію, то онъ имѣетъ право раздѣлить между ними остальное свое имущество по усмотрѣнію. То же примѣнимо и къ незамужнимъ дочерямъ. Зато сыновья, которые уже владѣютъ домомъ (въ качествѣ ли наслѣдниковъ отцовскаго надѣла, или будучи усыновленными владѣтелями такихъ надѣловъ), и замужнія дочери не имѣютъ никакого права на это имущество. Послѣднее соотвѣтствуетъ закону, который гласитъ, что въ этомъ государствѣ никто не долженъ ни получать, ни давать приданаго [41]), «дабы не развилось у женщины тщеславіе, а у мужчины—рабское низкопоклонство ихъ деньгамъ» [42]). Точно такъ же тѣ сыновья или дочери, которые получили обезпеченіе, посредствомъ ли усыновленія, или брака, уже послѣ составленія завѣщанія, уступаютъ завѣщанный имъ движимый капиталъ главному наслѣднику. Если семья завѣщателя состоитъ изъ однѣхъ дочерей, то онъ, по собственному выбору, назначаетъ одной изъ нихъ мужа, который, очевидно, не долженъ имѣть собственнаго надѣла, и завѣщаетъ ему, какъ бы въ качествѣ сына, свою долю. Если онъ не успѣлъ сдѣлать такого распоряженія, а налицо имѣются незамужнія дочери, то государственная опека назначаетъ наслѣдницѣ мужа, выбирая его, по возможности, изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, которому и передается надѣлъ послѣдняго. Наконецъ, если завѣщаніе дѣлаетъ бездѣтный человѣкъ, то онъ можетъ свободно распоряжаться лишь одной десятой частью благопріобрѣтеннаго состоянія, прибавленнаго имъ къ отцовскому земельному участку; все остальное онъ обязанъ завѣщать тому, кого онъ долженъ по закону усыновить и назначить наслѣдникомъ своего надѣла для того, чтобы сохранить въ лицѣ его благодарнаго сына [43]).

Но и въ этомъ всестороннемъ регулированіи имущественныхъ правъ, подчиняющемъ индивидуальную волю цѣлямъ общины, Платонъ не видитъ достаточной гарантіи для полнаго осуществленія своихъ цѣлей. Онъ связываетъ съ нимъ несравненно еще болѣе глубоко захватывающую систему государственной экономической политики, которая въ зародышѣ уничтожаетъ всякое капиталистическое развитіе народнаго хозяйства; мы уже ознакомились съ нею въ основныхъ чертахъ при изученіи общихъ анти-капиталистическихъ воззрѣній Платона [44]). Государство не допускаетъ скопленія и пребыванія въ немъ серебра или золота [45]); поэтому во внутреннемъ обращеніи оно разрѣшаетъ только мѣстную монету изъ неблагороднаго металла, которая не имѣетъ цѣны внѣ его границъ. Одно лишь правительство можетъ имѣть эллинскую размѣнную золотую и серебряную монету, необходимую для поддержанія все же неизбѣжныхъ сношеній съ другими государствами. Частный человѣкъ, отправляющійся за границу, что, впрочемъ, онъ можетъ сдѣлать лишь съ разрѣшенія правительства, долженъ обмѣнять свои деньги на эллинскія въ государственной кассѣ. Точно также по возвращеніи онъ обязанъ всѣ привезенныя

имъ деньги обмѣнять въ той же кассѣ на мѣстную монету [46]). Что касается обращенія послѣдней, то оно очень ограниченно. Мѣстная монета служитъ почти исключительно какъ средство обмѣна и мѣрило цѣнности. Настоящія денежныя и кредитныя операціи абсолютно невозможны, благодаря уже упомянутому запрещенію давать ссуды подъ проценты и взимать послѣдніе.

Впрочемъ, операціи такого рода все равно не имѣли бы значенія для гражданъ. Послѣдніе должны довольствоваться доходомъ со своей земли. Вотъ почему, подъ угрозой тяжелаго наказанія, имъ запрещено какое бы то ни было участіе въ торговыхъ дѣлахъ, въ промышленной и ремесленной дѣятельности, хотя бы черезъ посредство своихъ рабовъ [47]).

Даже въ использованіи дохода со своего имѣнія гражданинъ поставленъ въ извѣстныя рамки. Пропитаніе почти всего гражданскаго населенія является прежде всего обязанностью государства. Ежедневно въ общественныхъ столовыхъ собираются граждане, а также—въ силу принципіальнаго женскаго равноправія—и гражданки со своими дѣтьми къ совмѣстной трапезѣ, для которой, по образцу критскаго института сисситій, всѣ граждане должны жертвовать часть продуктовъ изъ своихъ имѣній [48]). Но и въ распоряженіи оставшимися продуктами гражданинъ еще стѣсненъ государствомъ.

Въ данномъ вопросѣ дѣло касалось области народнаго хозяйства, которую и существующее современное Платону государство сдѣлало предметомъ своей опеки и своего руководства. Весь укладъ хозяйства города-государства съ его ограниченной территоріей и необычайно крупныя опасности, грозившія государству въ случаѣ возникновенія затрудненій въ дѣлѣ обезпеченія государства необходимыми для его существованія средствами пропитанія привели даже самыя передовыя общины къ системѣ государственной регулировки, которая стремилась упорядочить обмѣнъ продуктовъ въ интересахъ цѣлаго различными искусственными мѣрами, въ видѣ законовъ противъ скупки и перепродажи хлѣба, запрещенія вывоза его и установленія стапельнаго права [49]).

Идеальное государство Платона, воспринимающее всѣ экономическія основы хозяйства города-государства и даже усугубляющее трудности этого хозяйства благодаря изолированности его государства отъ всего внѣшняго міра, естественно принуждено еще больше распространить на всѣ области и подчеркнуть эту систему государственной опеки.

Основой ея аграрной политики является безусловное запрещеніе вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а также абсолютная гласность результатовъ урожая и количества запасовъ; цѣлью же ея—сохраненіе послѣднихъ въ должномъ количествѣ для употребленія ихъ въ будущемъ во всякое время, въ случаѣ надобности. На рынкѣ никогда не должно быть ни недостатка въ продуктахъ, ни вздорожанія ихъ. Для этой цѣли всѣ граждане обязаны дѣлить весь свой годовой урожай на двѣнадцать частей и затѣмъ каждую двѣнадцатую часть еще на три части по масштабу, который опредѣляется численнымъ соотношеніемъ между гражданами, несвободными и посадскими [50]). Послѣдняя часть является строго опредѣленнымъ пожертвованіемъ за опредѣленное вознагражденіе со стороны сельскихъ хозяевъ промышленному населенію. Никто не имѣетъ права сохранять дольше положеннаго срока у себя припасы со спекулятивными цѣлями, продавать ихъ до срока или въ недозволенномъ закономъ количествѣ, или же въ недозволенныя руки, напримѣръ, скупщикамъ. Каждый гражданинъ долженъ ежемѣсячно доставлять на «рынокъ иностранцевъ» черезъ особыхъ посредниковъ изъ не-гражданъ одну двѣнадцатую часть продуктовъ, предназначенныхъ къ продажѣ

посадскимъ съ тѣмъ, чтобы привычное предложеніе товара никогда не нарушалось произвольно, а количество и цѣна выставляемыхъ на рынкѣ продуктовъ, по возможности, не подвергались бы колебаніямъ [51]). Что касается продуктовъ, оставленныхъ для собственнаго потребленія городского и сельскаго населенія, то здѣсь воспрещается всякое посредничество въ видѣ перепродажи, какъ это было допущено для посадскихъ и чужеземцевъ. Сельскій хозяинъ можетъ продавать эту часть своихъ продуктовъ только сельскому же хозяину, т.-е. гражданинъ—гражданину же [52]).

Естественно, что компетенція этого законодательства распространяется далеко за предѣлы тѣснаго круга собственно гражданъ. Спекулятивныя и капиталистическія тэнденціи не должны находить себѣ благопріятной почвы и въ торгово-промышленномъ классѣ. Правила, запрещающія денежныя и кредитныя операціи какъ гражданину, такъ и посадскому, одновременно ставятъ въ самыя тѣсныя рамки и промышленную дѣятельность этого класса.

Впрочемъ, послѣдній и безъ этого не имѣетъ будущаго въ государствѣ, которое, въ качествѣ чисто-аграрной страны, гордится тѣмъ, что оно, благодаря своему мало развитому народному хозяйству, нуждается въ «на половину меньшемъ числѣ законовъ», чѣмъ бо́льшая часть остальныхъ государствъ; особенно мало нуждается оно «въ законахъ о мореходствѣ, оптовой и розничной торговлѣ, гостиницахъ [53]), таможняхъ, рудникахъ, ссудахъ и процентахъ», все это оно можетъ «отстранить отъ себя, такъ какъ имѣетъ дѣло лишь съ земледѣльцами, пастухами, пчеловодами и тѣми, которые обязаны доставлять имъ всѣ необходимыя вспомогательныя средства и инструменты» [54]).

Вся дѣятельность торговли и промышленности сводится къ доставкѣ сельско-хозяйственному населенію страны всѣхъ необходимыхъ ему предметовъ промышленности. Это является тѣмъ большимъ ограниченіемъ, что государство всѣми силами старается низвести потребности господствующаго класса до самаго скромнаго уровня, а потому разрѣшаетъ лишь тѣ производства, которыя удовлетворяютъ дѣйствительно «неизбѣжныя» потребности [55]).

И безъ того очень небольшой ввозъ и вывозъ подвергаются самому строгому государственному контролю, который впускаетъ въ страну только безусловно необходимое и, съ другой стороны, абсолютно запрещаетъ вывозъ тѣхъ продуктовъ, которые могли бы найти какое-либо примѣненіе внутри страны [56]).

Несмотря на то, что кругъ объектовъ, къ которымъ духъ дѣловой предпріимчивости могъ бы найти себѣ примѣненіе, крайне ограниченъ; государство значительно стѣсняетъ промышленность и торговлю и въ фактически разрѣшенной имъ сферѣ.

Невзирая на тяжесть нормъ, въ которыя поставлено денежное и кредитное дѣло, все оно еще подчинено системѣ государственнаго контроля, который на каждомъ шагу напоминаетъ купцу и промышленнику, что онъ долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только служебнымъ хозяйственнымъ органомъ страны [57]), и поэтому не смѣетъ извлекать личную пользу изъ своей профессіи и долженъ отбросить всякую мысль объ «обогащеніи»; онъ долженъ удовлетворяться лишь «умѣреннымъ», допускаемымъ закономъ доходомъ за свой трудъ [58]).

Правительственныя учрежденія устанавливаютъ, по совѣту свѣдущихъ людей, цѣны на всѣ товары, во избѣжаніе повышенія цѣнъ и обмана [59]). Они же должны внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы капитализмъ и капиталистическія спекуляціи, изгнанные изъ главнаго источника жизни страны—сельскаго хозяйства, не развились въ другихъ областяхъ народной экономики. Какъ не должно быть крупной земельной собственности, такъ не должны существовать и крупныя

капиталистическія предпріятія, могущія повести къ концентраціи значительныхъ капиталовъ въ торговлѣ и промышленности. Сохраняется лишь мелкое производство: весь обмѣнъ низведенъ къ мелочной торговлѣ, вся промышленность—къ ремеслу. Торговое посредничество, по возможности, исключается; въ интересахъ государства систематически сокращается число лицъ, занятыхъ посредническимъ обмѣномъ и промышленностью [60]). Что касается спеціально ремесла, то здѣсь совершенно устранена часто использовываемая капиталистической спекуляціей эпохи возможность концентраціи въ рукахъ одного предпринимателя одновременно нѣсколькихъ ремесленныхъ производствъ при помощи многочисленныхъ рабовъ, обученныхъ техникѣ различныхъ производствъ. Каждое лицо имѣетъ право заниматься только тѣмъ ремесломъ, которое оно само изучило [61]), а не извлекать болѣе значительные доходы изъ трудовъ многочисленныхъ рабовъ, которыхъ оно заставляетъ работать въ различныхъ ремеслахъ. Это правило, необходимое при строго проводимомъ Платономъ принципѣ раздѣленія труда, безусловно является, какъ и самый этотъ принципъ, средствомъ борьбы противъ капитала и капиталистическихъ производствъ.

Если же, несмотря на всѣ эти мѣры, какому-либо посадскому, занимающемуся торговлей или промышленностью, удалось бы увеличить свое состояніе сверхъ нормы, установленной для землевладѣльца, то дальнѣйшее его пребываніе въ странѣ недопустимо. Въ то время, какъ для гражданина максимумомъ его состоянія является учетверенная цѣнность его доли, посадскому разрѣшено имѣть удвоенную цѣнность ея, то-есть половину капитала, который можетъ имѣть гражданинъ [62]). Всѣ посадскіе, состояніе которыхъ превзойдетъ оцѣнку третьяго изъ четырехъ цензовыхъ классовъ гражданства, должны въ теченіе мѣсяца со дня наступленія этого переворота покинуть страну со всѣмъ своимъ имуществомъ; государственныя учрежденія при этомъ не имѣютъ права давать имъ разрѣшенія на дальнѣйшее пребываніе. Тотъ, кто будетъ стараться обойти этотъ законъ, подвергается смертной казни, а имущество его конфискуется въ пользу государственнаго казначейства [63]). Впрочемъ, увеличенію состоянія посадскихъ уже тѣмъ поставленъ абсолютный предѣлъ, что имъ вообще запрещено постоянное пребываніе въ государствѣ и занятіе своимъ ремесломъ. Никто изъ нихъ не имѣетъ права оставаться въ странѣ дольше 20 лѣтъ, считая со дня ихъ записи; по прошествіи этого срока, онъ обязанъ выселиться со всѣмъ своимъ добромъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, за особо выдающіяся заслуги странѣ, совѣтъ или народное собраніе даетъ имъ отсрочку или даже разрѣшеніе на пребываніе до конца жизни. То же самое относится и до сыновей посадскихъ, начиная съ 15-тилѣтняго возраста, и до вольноотпущенниковъ [64]).

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ анти-капиталистической торгово-промышленной политики государства законовъ является обязательная **гласность хозяйственной жизни**. Если государство считаетъ необходимымъ систематически контролировать даже гораздо болѣе ясныя, имущественныя отношенія землевладѣльческаго класса, не удивительно, что оно такъ настаиваетъ на постоянномъ гласномъ контролѣ промышленной жизни, доходъ съ которой, внѣ освѣщенія гласности, совершенно не поддается оцѣнкѣ. Вѣдь безъ гласности въ торговлѣ и промышленности ничто не могло-бы помѣшать дѣльцу такъ ловко скрыть свою прибыль, хотя бы она удвоилась, утроилась или даже удесятерилась, что всѣ предписанія относительно допускаемаго максимума промышленнаго капитала стали бы пустымъ звукомъ. Поэтому государство, подобно тому, какъ оно, благодаря земельному кадастру и постояннымъ записямъ, освѣдомлено объ общемъ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ гражданъ, не отступаетъ и передъ болѣе трудной, но съ его точки зрѣнія неизбѣжной задачей—всегда быть вполнѣ точно освѣдомленнымъ съ по-

мощью аналогичныхъ записей, о состояніи и доходахъ посадскихъ, о ихъ прибыляхъ съ торговли и промышленности, о суммѣ заработка каждаго отдѣльнаго лица и объ увеличеніи или уменьшеніи его состоянія [65]).

Правительственная статистика доведена здѣсь до такого совершенства, что никто не можетъ скрыть, какъ онъ примѣняетъ свои рабочія силы и капиталъ. Всѣ дѣловыя предпріятія и доходы, получаемые съ нихъ, извѣстны государственнымъ властямъ до малѣйшихъ подробностей. Все предусмотрѣно, дабы никто не могъ уклониться отъ порядка, вытекающаго изъ великихъ всеобщихъ принциповъ, на которыхъ покоится государство.

Такое государство должно употреблять чрезвычайныя мѣры, чтобы поддерживать честность и солидность въ товарообмѣнѣ, и, дѣйствительно, мы знаемъ цѣлый рядъ узаконеній изъ области полицейскаго права, касающихся, въ особенности, рыночнаго порядка [66]) государства законовъ, которые вполнѣ отвѣчаютъ духу изложенной выше системы. Въ нихъ предписывается, чтобы всякая купля и продажа производились на рынкѣ въ назначенныхъ спеціально для разныхъ сортовъ товаровъ мѣстахъ, причемъ покупатель тутъ же принимаетъ купленный товаръ и платитъ за него наличными [67]). Кто продаетъ внѣ рынка и въ кредитъ, дѣлаетъ это на свой личный страхъ, такъ какъ законъ не даетъ ему права жалобы на покупателя [68]). Далѣе, такъ какъ правительственныя таксы на товары устанавливаютъ лишь максимальныя цѣны, въ предѣлахъ которыхъ купцу оставлена нѣкоторая иниціатива, то зло, вытекающее отсюда, подавляется тѣмъ, что всѣ цѣны должны быть безъ запроса. Никто не имѣетъ права устанавливать двѣ цѣны. Поэтому если кто-либо не можетъ получить за свой товаръ цѣну, которую онъ назначилъ, то онъ принужденъ увезти его домой, но никакъ не мѣнять цѣны въ тотъ же день [69]). Точно такъ же возбраняются всѣ способы рекламы: купецъ не долженъ ни восхвалять свои товары, ни подтверждать клятвами ихъ доброкачественность [70]).

Кто осмѣлится нарушить это правило, тотъ можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію всякимъ гражданиномъ, достигшимъ 30-тилѣтняго возраста и лично услышавшимъ это восхваленіе. Это даже вмѣняется въ обязанность гражданину, въ случаѣ неисполненія которой онъ наказуется публичнымъ выговоромъ за «измѣну законамъ» [71]). Если же кто-либо при торговлѣ обманываетъ, продавая, напримѣръ, фальсифицированные товары, то онъ не только лишается всѣхъ ихъ, но еще и за каждую драхму требуемой цѣны получаетъ на рынкѣ по удару кнута отъ глашатая, который предварительно громко заявляетъ о причинѣ наказанія [72]).

Суровой карѣ подвергаются нарушившіе контрактъ. Поденный ремесленникъ или рабочій, не выполнившіе условленной работы, промышленникъ, не сдавшій умышленно во-время заказа, должны не только выплатить заказчику полную стоимость своей работы или товара, но и доставить его безвозмездно въ первоначально установленный срокъ [73]). Съ другой стороны, заказчикъ, не заплатившій въ назначенный срокъ за сдѣланную работу, долженъ внести двойную сумму; если же онъ запоздаетъ больше чѣмъ на годъ, то, кромѣ того, обязанъ ежемѣсячно вносить за каждую драхму одинъ оболъ ($^1/_6$), то-есть 200% въ годъ, несмотря на основной законъ, запрещающій взимать проценты съ ссужаемыхъ капиталовъ [74]).

Религія также должна служить опорою этому законодательству. Особенно подчеркивается, что промышленность находится подъ защитою боговъ, именно Гермеса и Аѳины, которые, главнымъ образомъ, почитаются какъ патроны металлическаго и ткацкаго производствъ. Они являются какъ бы основателями всѣхъ производствъ; естественно поэтому, что отдѣльные члены цеховъ стараются не оскорблять ихъ противозаконными поступками [75]).

3. Распорядокъ жизни гражданъ.

Подобно тому, какъ Платонъ въ области матеріальныхъ интересовъ и экономической жизни указываетъ путь и цѣль индивидуальной жизни, такъ и въ другихъ жизненныхъ областяхъ, играющихъ какую-либо роль въ осуществленіи государственныхъ задачъ, отдѣльный гражданинъ подчиненъ постоянному контролю и руководству государства. Въ противоположность индивидуалистическому принципу демократіи съ его одностороннимъ подчеркиваніемъ «свободы индивидуальной мысли и поступковъ» [1]) здѣсь такъ же односторонне развивается до самыхъ крайнихъ его выводовъ принципъ порядка. То, что Периклъ въ своей похвальной рѣчи демократіи восхвалялъ какъ одно изъ ея главныхъ преимуществъ, а именно: способность обойтись абсолютно безъ «тягостнаго» государственнаго вмѣшательства въ частную жизнь и отношенія [2]), не нанося ущерба законности и нравственности гражданъ, все это здѣсь безъ обиняковъ называется иллюзіей. Мнѣніе, что законы должны регулировать поведеніе отдѣльнаго лица лишь настолько, насколько это касается публичнаго права и совмѣстной соціальной жизни,—зато въ частной жизни нѣтъ нужды «даже въ самыхъ настоятельныхъ законахъ»,—заключаетъ въ себѣ глубокую ошибку. Законъ никогда не можетъ разсчитывать на то, чтобы отдѣльныя лица своимъ политическимъ и соціальнымъ поведеніемъ отвѣчали всѣмъ его требованіямъ, если онъ одновременно съ тѣмъ не подчинитъ и частную жизнь индивидуума систематическому контролю, не позволяющему никому «проводить время по своему усмотрѣнію» [3]).

Въ этомъ, по мнѣнію Платона, нѣтъ неосновательнаго принужденія; вѣдь и государство законовъ должно быть истинно-*свободнымъ* государствомъ [4]); скорѣе этимъ достигается, съ помощью государства, удовлетвореніе общаго притязанія на осуществленіе возможнаго счастья [5]). Если люди хотятъ быть счастливы при посредствѣ государства, то они должны дать ему власть воспитывать себя, такъ какъ добродѣтель — основное условіе всякаго счастья [6]). Этимъ оправдывается надежда на то, что отдѣльное лицо, правильно понимая необходимость и благо такого регулированія индивидуальной жизни, охотно будетъ повиноваться закону и чувствовать себя *счастливымъ какъ въ качествѣ частнаго человѣка, такъ и въ качествѣ гражданина* [7]). Законъ, съ своей стороны, всѣми силами старается внушить это правильное пониманіе дѣла; онъ говоритъ съ гражданами ласковымъ и вразумительнымъ языкомъ отца или матери, а не тономъ деспота, который издаетъ грозныя приказанія и расклеиваетъ ихъ просто по стѣнамъ, не принимая никакихъ мѣръ, чтобы обезпечить имъ хорошій пріемъ [8]). Въ Платоновомъ государствѣ самое законодательство дѣйствуетъ просвѣтительно и воспитательно; для этой цѣли законамъ предпосылается введеніе, которое, разъясняя мотивы запрещеній и приказаній, готовитъ умы и сердца къ воспріятію ихъ [9]).

Вообще законодательство по замыслу Платона носитъ характеръ «скорѣе поученія и увѣщеванія, чѣмъ настоящихъ законовъ». Въ частной и домашней жизни много такихъ незначительныхъ вещей, которыя не могутъ быть предусмотрѣны закономъ, при полной же свободѣ въ нравахъ гражданъ легко могутъ создавать отклоненія отъ общаго духа законодательства. Гдѣ нѣтъ мѣста принужденію, и «недопустимо полное молчаніе», законодатель обязанъ, по крайней мѣрѣ, стремиться

придать народнымъ правамъ, черезъ поученія и увѣщеванія, направленіе, отвѣчающее его намѣреніямъ [10]).

Вмѣшательство государства въ жизнь отдѣльнаго человѣка начинается задолго до его рожденія. Въ интересахъ государства, а также и самихъ будущихъ гражданъ правительство дѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы допускать заключеніе лишь такихъ браковъ, которые гарантируютъ появленіе крѣпкаго, въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, потомства. Такъ какъ эта цѣль брака легко можетъ быть не достигнута, потому что, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства, одинъ изъ супруговъ находится въ заблужденіи относительно качествъ другого, то подрастающая молодежь прежде всего должна имѣть возможность встрѣчаться, «чтобы самому посмотрѣть и себя показать». Многочисленныя религіозныя празднества, служащія, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе близкому знакомству и заключенію дружбы между гражданами [11]), публичныя игры, во время которыхъ юноши и дѣвушки выступаютъ въ хороводахъ,—все это облегчаетъ молодому гражданину найти «дѣвушку по своему вкусу, отъ которой онъ ожидаетъ всего хорошаго для рожденія и совмѣстнаго воспитанія дѣтей» [12]).

Но еще до выбора государственная заботливость опять-таки приходитъ ему на помощь, посвящая его въ брачное право и тѣмъ систематически его обучая, чѣмъ надо руководствоваться при выборѣ подруги. «Сынъ мой,—говоритъ законъ,—ты долженъ заключить бракъ, который можетъ разсчитывать на одобреніе разумныхъ людей; послѣдніе всегда посовѣтуютъ тебѣ не избѣгать брака въ болѣе бѣдной семьѣ, а, напротивъ, предпочитать такой бракъ, если другія условія одинаковы родству съ богатствомъ. Это послужитъ на пользу какъ государству, такъ и заинтересованнымъ семействамъ. Такой выборъ отвѣчаетъ требованіямъ равенства, умѣренности и добродѣтели». Дальше, въ интересахъ гармоничнаго физическаго развитія дѣтей, надо обращать вниманіе на правильное сочетаніе темпераментовъ вступающихъ въ бракъ, для чего заключать союзъ съ, по возможности, противоположнымъ характеромъ. Вообще руководящей идеей при заключеніи брака должна быть наивысшая польза государству, а не удовлетвореніе собственныхъ желаній [13]).

Конечно, отъ каждаго отдѣльнаго лица вполнѣ зависитъ, насколько оно пожелаетъ слѣдовать этимъ предписаніямъ. Иначе «было бы не только смѣшно, но даже во многихъ вызывало бы раздраженіе, если бы законъ безусловно предписывалъ, чтобы болѣе состоятельные юноши не смѣли жениться на дѣвушкахъ изъ равныхъ имъ семействъ, или же чтобы мужчины страстнаго темперамента искали лишь женщинъ спокойнаго характера, а спокойные мужчины, въ свою очередь,—болѣе живыхъ женщинъ» [14]).

Въ тѣхъ же вопросахъ, гдѣ государственная регулировка, повидимому, не встрѣтитъ препятствій, тамъ она и выступаетъ на сцену. Такимъ вопросомъ является, напримѣръ, возрастъ для вступленія въ бракъ. Съ одной стороны, женихъ и невѣста должны достигнуть извѣстной зрѣлости, съ другой стороны, не превышать извѣстнаго возраста. Государство не разрѣшаетъ гражданамъ вступать въ бракъ до достиженія 25 лѣтъ и позже 35 лѣтъ [15]).

Что касается самой брачной жизни, то государство отказывается отъ непосредственнаго вмѣшательства въ нее, пока ничѣмъ не нарушается средній уровень нравственности; оно «молча предоставляетъ супруговъ самимъ себѣ и не издаетъ для этого случая никакихъ законовъ». На долю молодыхъ супруговъ выпадаетъ только поученіе, «какъ они должны производить дѣтей». Если, несмотря на поученія, вслѣдствіе этой свободы получаются дурные результаты, то государство не останавливается передъ самой широкой опекою. Бракъ тогда ставится подъ

строгій гласный контроль, который прежде всего долженъ позаботиться о томъ, чтобы цѣль брака была дѣйствительно достигнута. Контроль этотъ находится въ рукахъ матронъ, которыя назначаются правительствомъ на мѣста «надзирательницъ за браками» (χορίαι τῶν γάμων) [16]). Эти матроны ежедневно собираются въ святилище богини рожденія Эйлейтіи (Juno Lucina) и сообщаютъ другъ другу о случаяхъ, когда онѣ замѣтили «супруга или супругу, обращающихъ свое вниманіе въ періодъ лѣтъ, назначенныхъ для производства дѣтей, совсѣмъ не на то, что имъ было предписано во время свадебныхъ жертвоприношеній и молитвъ». Во избѣжаніе «ошибочныхъ шаговъ и для помощи неопытности молодыхъ супруговъ», надзирательницы эти имѣютъ право и даже обязанность посѣщать ихъ жилища и ласковыми убѣжденіями и угрозами вернуть ихъ на правильный путь. Если это имъ не удается, то онѣ должны обратиться къ высшему правительственному учрежденію — къ такъ называемымъ охранителямъ законовъ; если и эти послѣдніе не смогутъ ничего сдѣлать, то подается жалоба въ народный судъ; въ случаѣ осужденія, виновный лишается нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ [17]). Наказаніе это можетъ выразиться и полнымъ лишеніемъ чести, тамъ, гдѣ доказано открытое, оскорбляющее общественную нравственность, незаконное сожительство или противоестественные пороки [18]).

Этотъ надзоръ за бракомъ длится въ теченіе 10 лѣтъ, послѣ чего супруги, оставшіеся бездѣтными, разводятся [19]). Но и этимъ право вмѣшательства государства еще не исчерпывается. Напримѣръ, вдовцу, имѣющему сыновей или дочерей, законъ хотя и не запрещаетъ, но все же убѣдительно рекомендуетъ не давать дѣтямъ мачехи. Если же онъ бездѣтенъ, то его положительно принуждаютъ вновь вступить въ бракъ «для того, чтобы для своего дома и государства произвести достаточное число дѣтей», то-есть, по крайней мѣрѣ, одного мальчика и одну дѣвочку. Въ случаѣ смерти мужа, оставившаго это число дѣтей, мать обязана оставаться вдовою для ихъ воспитанія. Только когда она слишкомъ молода, чтобы жить внѣ брака, не подвергая опасности свою добродѣтель, ея родственники, въ совмѣстномъ совѣщаніи съ надзирательницами за браками, «должны рѣшить, какъ поступить съ нею наилучшимъ образомъ». Такъ же надлежитъ поступать «для производства требуемыхъ дѣтей», если бракъ былъ бездѣтнымъ [20]).

Естественно, что государственная опека, заботящаяся въ такой мѣрѣ о не появившемся еще поколѣніи, выступаетъ съ еще большимъ рвеніемъ послѣ рожденія дѣтей. Хотя законодатель, чтобы «не стать посмѣшищемъ», отказывается отъ вмѣшательства въ семейную жизнь со своими предписаніями относительно поведенія матерей, ухода за новорожденными и т. д. и не хочетъ все время дѣйствовать угрозою наказаніями [21]), однако, все же систематическими публичными поученіями и разъясненіями о раціональномъ тѣлесномъ, физическомъ уходѣ за дѣтьми онъ заботится о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи вырабатывались разумныя, добровольно воспринятыя привычки [22]).

Рядомъ съ домашнимъ воспитаніемъ, какъ только это дѣлается возможнымъ, становится воспитаніе общественное; это воспитаніе съ первыхъ же шаговъ усиливается тѣмъ, что, подобно Спартѣ, всѣ граждане привлекаются къ совмѣстному воспитанію юношества; каждый гражданинъ не только имѣетъ право, но даже, подъ личной тяжелой отвѣтственностью, обязанъ на мѣстѣ тѣлесно наказывать проступки дѣтей.

Первой стадіей государственной системы воспитанія является дѣтскій садъ. Ежедневно, начиная съ исполнившагося трехлѣтняго возраста и до шести лѣтъ, дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, каждаго участка обязаны собираться

въ сопровожденіи своихъ нянь возлѣ храмовъ боговъ на площадяхъ для игръ, находящихся подъ присмотромъ общественныхъ надзирательницъ [23]). Съ шестилѣтняго возраста начинается систематическое обученіе въ двухъ главныхъ отрасляхъ образованія: гимнастикѣ и музыкѣ. Оба пола при этомъ отдѣлены, хотя Платонъ и считаетъ, что женщины, по возможности, должны участвовать въ мужскомъ образованіи и занятіяхъ [24]); поэтому и дѣвочки, которыя окажутся способными къ этому, должны обучаться верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука и пращи, метанію копья, различнымъ военнымъ пляскамъ и играмъ [25]), дабы силы государства были удвоены. Школы всѣ государственныя; учителя получаютъ вознагражденіе отъ государства; обученіе для всѣхъ обязательно. Такъ какъ «дѣти принадлежатъ въ большей степени государству, чѣмъ своимъ родителямъ», то правительство можетъ ихъ заставлять, по возможности, получать то образованіе, которое оно считаетъ необходимымъ; нельзя предоставить отцу посылать или не посылать своихъ дѣтей въ школу и позволять дѣтямъ расти внѣ получаемаго въ нихъ образованія [26]).

Что касается содержанія этого образованія, то игры и курсы гимнастики, шутя, знакомятъ дѣтей съ первоначальными свѣдѣніями объ элементахъ чиселъ и пространственныхъ отношеніяхъ. Систематическое обученіе чтенію и письму (такъ называемое γράμματα), а также заучиваніе на память подходящихъ отрывковъ изъ прозы и поэзіи начинается только съ десяти лѣтъ [27]). Затѣмъ, съ 13-го по 16-ый годъ слѣдуетъ музическое образованіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т.-е. игра на цитрѣ и пѣніе и, вѣроятно, въ то же время оркестика, которая, благодаря соединенію поэзіи съ музыкой въ хорической лирикѣ, даетъ одновременно цѣнное нравственное средство воспитанія [28]). Дальнѣйшими предметами обученія являются: ариѳметика, геометрія и астрономія. Въ эти дисциплины, впрочемъ, посвящаются во всѣхъ тонкостяхъ лишь наиболѣе способные юноши въ спеціальныхъ курсахъ, въ то время какъ большинство довольствуется знакомствомъ съ необходимыми для практической жизни элементами [29]).

Главнымъ же матеріаломъ для обученія служатъ произведенія самого законодателя, которыя созданы «не безъ божественнаго вдохновенія» [30]) и являются самымъ вѣрнымъ критеріемъ для оцѣнки всѣхъ вопросовъ жизни [31]). Вѣдь эти произведенія содержатъ не только законы въ собственномъ смыслѣ слова, но и настоящую этику, такъ какъ законодатель «вплетаетъ въ свои законы, правда, не въ формѣ законодательныхъ постановленій—все, что онъ считаетъ достойнымъ поощренія или порицанія, съ тѣмъ, чтобы добрый гражданинъ слѣдовалъ всему этому такъ же строго, какъ и велѣніямъ закона, угрожающаго наказаніями» [32]). Здѣсь подрастающему мальчику и юношѣ подробно разъясняется, «какъ надо себя вести по отношенію къ родственникамъ, друзьямъ, согражданамъ и иностранцамъ для того, чтобы по указаніямъ закона сдѣлать свою собственную жизнь возможно болѣе радостной и прекрасной [33]). Изложенныя въ поэтической прозѣ [34]) нравственныя введенія въ законы содержатъ эти правила, и поэтому ученикъ, обучаясь законовѣдѣнію, прежде всего долженъ стараться запечатлѣть ихъ въ своей памяти.

Основной нормой этой созданной для государства системы этики является, какъ и въ «Политіи», ученіе объ отождествленіи добродѣтели со счастьемъ, въ истинности чего законодатель «обязанъ убѣждать всѣми силами при посредствѣ навыка, поощреній и вразумленій». Поэтому опять-таки, какъ въ «Политіи», добавляется, что даже въ случаѣ, если бы это нравственное положеніе оказалось несостоятельнымъ, законодатель все же долженъ его придерживаться и даже имѣетъ право «въ защиту добродѣтели рѣшиться произнести ложь. Трудно было бы придумать ложь, болѣе полезную и способную вызвать правильные поступки не по принужденію, а по

доброй волѣ» [35]). Платонъ напоминаетъ преданіе о Кадмѣ, которое, несмотря на всю его неправдоподобность, заслужило вѣру. «Это лучшее доказательство того, что законодателю удастся убѣдить умы юношей во всемъ, что ему угодно» [36]).

Какъ долго продолжается это обученіе, не указано. Но можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что музическое образованіе гражданина, какъ и вообще воспитаніе его, никогда окончательно не прекращается [37]). Законодатель «долженъ стараться использовать всякое средство, которое какимъ-нибудь образомъ можетъ способствовать тому, чтобы вся гражданская община постоянно говорила, въ пѣснѣ ли, въ сказкѣ ли, въ рѣчи ли, однимъ языкомъ о слышанномъ отъ законодателя». Пѣсни, которыя во всѣ времена поются съ удовольствіемъ, особенно способствуютъ тому, чтобы и «старъ и младъ, свободный гражданинъ и рабъ, мужчина и женщина,— однимъ словомъ, весь народъ безпрестанно, такъ сказать, впѣвалъ всему народу выше разобранные принципы въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ, подобно волшебнымъ формуламъ» [38]).

Всѣ граждане, отъ мала до велика, раздѣляются на хоры, пѣсни которыхъ съ самаго ранняго дѣтства должны внушать, такъ сказать, впѣвать и вколдовывать всѣ нравственные принципы и особенно «главное ученіе», говорящее, что по опредѣленію боговъ все самое пріятное и нравственная жизнь являются однимъ и тѣмъ же [39]). Хоръ мальчиковъ, который долженъ «съ полнымъ рвеніемъ пѣть эти ученія передъ всѣми гражданами», посвященъ музамъ; за нимъ идетъ хоръ юношей, которые призываютъ Аполлона въ свидѣтели истинности того, что они воспѣваютъ, и молятъ его, чтобы онъ имъ великодушно даровалъ твердую вѣру въ эту истину; эту систему завершаетъ хоръ Діонисія, состоящій изъ зрѣлыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 30 до 60 лѣтъ и предназначенный для болѣе тѣснаго круга зрѣлыхъ людей, а не для всего народа.

Что касается старцевъ, которые не могутъ принимать участія въ пѣніи, то они должны работать на поприщѣ обученія и увѣщеванія въ качествѣ «разсказчиковъ преданій». Они являются органомъ, призваннымъ для той части педагогики, которая сообщаетъ этическіе принципы подъ покровомъ легенды, преданія изъ сѣдой старины, которое въ качествѣ такового можетъ опираться на свое божественное происхожденіе [40]).

Рука-объ-руку съ выработкой ума и души идетъ и физическое развитіе, обученіе гимнастикѣ въ широкомъ смыслѣ, которое съ 17—18 лѣтъ принимаетъ болѣе военный характеръ. Съ двадцати лѣтъ начинается настоящая военная служба, которая длится для гражданина до 60 лѣтъ. По крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ происходятъ большія военныя упражненія и полевые маневры, къ которымъ граждане призываются либо всѣ одновременно, либо по отдѣленіямъ. Хотя государство Платона и носитъ абсолютно мирный характеръ, все же оно, именно для сохраненія этого драгоцѣннаго блага, принуждено напрягать до крайности свою обороноспособность и развить ее до возможнаго совершенства [41]).

Поэтому-то женщины въ извѣстной мѣрѣ участвуютъ въ этихъ упражненіяхъ и подготовляются къ войнѣ. Было бы позоромъ, если бы женщины при приближеніи врага спасались къ алтарямъ и храмамъ болѣе трусливо, чѣмъ всякое слабое животное, которое всегда готово бороться и умереть за своихъ дѣтенышей [42]).

Интересно, какъ Платонъ мотивируетъ это сближеніе женскаго воспитанія съ мужскимъ. Женщина не должна быть рабой мужчины, какъ, напримѣръ, у ёракійцевъ и другихъ некультурныхъ народовъ, у которыхъ вся тяжесть земледѣльческихъ работъ и скотоводства лежитъ на женщинѣ. Сфера ея дѣятельности не должна быть ограничена домашнимъ хозяйствомъ, ткацкимъ станкомъ и обра-

боткою шерсти, какъ у аѳинянъ. Даже болѣе свободный обычай спартанцевъ не отвѣчаетъ высшимъ требованіямъ, хотя они и достойны похвалы за то, что у нихъ дѣвочки участвуютъ въ музическихъ и гимнастическихъ упражненіяхъ, и женщины освобождены отъ обработки шерсти и являются въ достойной уваженія дѣятельности товарищемъ мужчины, принимая участіе въ службѣ богамъ, управленіи домомъ и воспитаніи дѣтей, «можно сказать, на половинныхъ началахъ». Даже въ Спартѣ женщинѣ не хватаетъ еще многаго: она не училась сражаться вмѣстѣ съ мужчинами за отечество и дѣтей, когда государство въ опасности; подобно амазонкамъ, ловко владѣть лукомъ и пращей или держать щитъ и копье по примѣру своей богини. Савроматскія женщины, по сравненію со спартанками, въ часъ опасности показались бы мужчинами. Такъ какъ государство, заботясь о мужскомъ поколѣніи, совершенно не интересуется законодательной регулировкою жизни женщинъ, то послѣднія и пріобрѣтаютъ любовь къ роскоши и распущенности. Государство же этимъ теряетъ половину счастья, которое оно получило бы, если бы образованіе и дѣятельность женщинъ возможно больше походили на мужское [43]).

Этотъ взглядъ на государственную регулировку образа жизни женщинъ приводитъ насъ, послѣ воспитанія и образованія, къ разсмотрѣнію жизни взрослаго гражданина, которая, какъ мы это видѣли на примѣрѣ брачнаго права, также подчинена систематическому надзору государства и общества [44]).

Освобождая гражданина отъ экономическихъ заботъ и постоянныхъ хозяйственныхъ работъ, государство требуетъ отъ него значительной дѣятельности въ упражненіи тѣла и безостановочнаго прогрессированія въ «добродѣтели» и знаніяхъ. Онъ долженъ всегда помнить, что онъ «рожденъ для труда» [45]). По мнѣнію Платона, не хватило бы всего дня и ночи для выполненія этой жизненной задачи и для достиженія вполнѣ удовлетворяющей цѣли [46]).

Поэтому вся жизнь гражданина должна быть подчинена строгому порядку, указывающему ему, какъ онъ долженъ «употреблять свое время, почти отъ одного восхода солнца до слѣдующаго, день за днемъ» [47]). Законодатель не долженъ вмѣшиваться въ детали, напримѣръ, указывать, «насколько часовъ долженъ сокращать время ночного покоя гражданинъ, который обязанъ со всѣмъ вниманіемъ безпрестанно заботиться о благѣ государства» [48]). Но все же онъ считаетъ позоромъ, если гражданинъ проводитъ въ снѣ цѣлую ночь и не поднимается первымъ въ домѣ или если хозяйка дома допускаетъ, чтобы ее будили служанки вмѣсто того, чтобы самой будить всѣхъ другихъ [49]). Вѣдь въ этомъ государствѣ слово «позоръ» имѣетъ почти такую же побудительную силу, какъ если бы на мѣстѣ освященнаго законодателемъ обычая стоялъ законъ. «Весь домъ», дѣти, даже рабы и рабыни становятся судьями провинившихся. Самая ближайшая среда гражданина должна помогать общинѣ создавать дисциплину образа мыслей, которая безусловно подчиняетъ своей волѣ отдѣльныя личности [50]).

Полная общественность жизни, какою она должна стать черезъ распространеніе совмѣстныхъ трапезъ и на дѣтей и женщинъ, достигается авторитетомъ позитивнаго закона. Ежедневное совмѣстное пребываніе является для всѣхъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, безпрерывной соціальной школою для выработки общественнаго духа, для преодолѣнія эгоизма и вообще всѣхъ антиобщественныхъ и противныхъ равенству инстинктовъ, какъ неумѣренность, любовь къ роскоши и расточительность.

Это стремленіе къ институту сисситій поддерживается строгими законами противъ роскоши. Хотя государство и не запрещаетъ радости и веселья, однако, оно и въ этихъ областяхъ сохраняетъ за собою право ставить извѣстныя гра-

ницы индивидуальнымъ желаніямъ. Такъ, напримѣръ, законъ регулируетъ потребленіе вина. Послѣднее запрещено солдату въ походѣ, магистрату въ теченіе годового срока его службы, судьѣ при исполненіи обязанностей, а также всякому гражданину, который принимаетъ участіе въ совѣщательномъ собраніи по какому-либо важному дѣлу. Вообще, днемъ всѣ должны воздерживаться отъ вина, если только оно ему не предписано для подкрѣпленія при заболѣваніи или во время тѣлесныхъ упражненій. Для того, чтобы достигнуть этого ограниченія потребленія вина, государство ставитъ опредѣленныя рамки культурѣ винограда, какъ и производству другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Оно разрѣшаетъ разводить виноградники лишь на незначительной части обрабатываемой земли [51]).

Сюда же относятся законодательныя постановленія, касающіяся свадебъ и погребеній. На свадьбахъ допускается присутствіе только пяти друзей жениха, пяти подругъ невѣсты и столько же родственниковъ со стороны того и другой. Расходы, которые при этомъ разрѣшается дѣлать, не должны превышать одной мины въ первомъ цензовомъ классѣ, полумины во второмъ и т. д. соотвѣтственно классу, къ которому принадлежатъ женихъ и невѣста. Ослушавшіеся этого постановленія наказуются за незнаніе «законовъ свадебныхъ музъ» [52]). При похоронахъ всѣмъ завѣдуетъ представитель государства, избираемый родственниками усопшаго изъ рядовъ такъ называемыхъ охранителей законовъ; онъ отвѣчаетъ за то, чтобы весь похоронный обрядъ носилъ «благопристойный и скромный» характеръ. При этомъ расходы на погребеніе составляютъ не больше пяти, трехъ, двухъ и одной мины, въ зависимости отъ цензоваго класса. Могильный холмъ не долженъ быть выше, чѣмъ холмъ, набросанный пятью человѣками въ пять сутокъ, а надгробный камень не больше, чѣмъ это нужно для начертанія короткой эпиграммы умершему, которая не можетъ содержать больше четырехъ гекзаметровъ [53]).

Какъ видно изъ этого постановленія, «заботливый надзоръ государства надъ всѣми возрастами» [54]) простирается не только на внѣшнія матеріальныя стороны жизни. Всему, что можетъ вліять на душу, всѣмъ изящнымъ искусствамъ государство предписываетъ направленіе, которое лучше всего отвѣчаетъ его цѣлямъ.

При самомъ основаніи государства создается комиссія изъ мужчинъ свыше пятидесяти лѣтъ, которые подвергаютъ строгой критикѣ всю существующую поэтическую и музыкальную литературу и затѣмъ безповоротно исключаютъ изъ нея все, не отвѣчающее принципамъ новой общины. Если допущенныхъ поэтическихъ и музыкальныхъ произведеній недостаточно для удовлетворенія требованій музическаго и хорическаго воспитанія, а также и культа, то комиссія должна привлечь хорошихъ музыкантовъ и поэтовъ для созданія необходимыхъ текстовъ и мелодій въ строгомъ соотвѣтствіи съ намѣреніями законодателя, по возможности, отказавшись отъ собственныхъ вкусовъ. Все, что вызываетъ одобреніе толпы и льститъ чувственности, безусловно изгоняется изъ допускаемыхъ искусствъ; гражданинъ можетъ имѣть общеніе только «съ уравновѣшенной и дисциплинированной» музою, хотя она казалась бы необразованному человѣку холодной и скучной [55]).

Послѣ установленія «опредѣленныхъ типовъ» для поэзіи и другихъ искусствъ экстраординарную комиссію замѣнитъ постоянная цензура, которая обязана заботиться, чтобы и въ дальнѣйшемъ все поэтическое и художественное творчество не выходило изъ установленныхъ границъ. Законодатель не можетъ даровать свободы поэту, такъ какъ послѣдній не сумѣетъ въ достаточной мѣрѣ понять, какой вредъ онъ наноситъ государству. Когда поэтъ охваченъ вдохновеніемъ, онъ не отдаетъ себѣ отчета въ окружающей дѣйствительности, и слова его текутъ свободно, подобно ручью [56]).

Вниманіе цензуры направлено, главнымъ образомъ, на то, чтобы никто не уклонялся на словахъ или въ своихъ произведеніяхъ отъ нравственныхъ принциповъ, на которыхъ зиждется существованіе государства. Поэтъ обязанъ удалять изъ своихъ твореній все, что не признается государствомъ закономѣрнымъ и справедливымъ или прекраснымъ и хорошимъ. Догматъ совпаденія добродѣтели со счастьемъ, справедливаго съ полезнымъ обязателенъ, какъ направляющая нить, и для чисто-поэтическихъ произведеній. «Тотъ, кто осмѣлится высказать мнѣніе, что люди могутъ вести безнравственную, но все же пріятную, жизнь, или что справедливое не является одновременно полезнымъ и наивыгоднѣйшимъ, подвергается строжайшему наказанію» [57]). Для того, чтобы въ самомъ зародышѣ душить подобныя нравственныя заблужденія, всѣ поэтическія произведенія еще до опубликованія должны сначала получать одобреніе цензуры. До этого ихъ нельзя никому сообщать даже частнымъ образомъ [58]).

Очень любопытна мотивировка этой цензуры; Платонъ ее вкладываетъ въ рѣчь законодателя драматическому автору. «Мы сами,—говоритъ онъ чужестранцу, просящему разрѣшенія на исполненіе своихъ драмъ,—мы сами—творцы драмы, которая должна быть, насколько это въ нашихъ силахъ, самой лучшей и прекраснѣйшей. Весь нашъ государственный строй состоитъ изъ подражанія лучшей и прекрасной жизни; такимъ же подражаніемъ, по нашимъ понятіямъ, должна быть истинная драма. Поэтому оба мы являемся поэтами въ одной области; вы должны на насъ смотрѣть какъ на соперниковъ по искусству и конкурентовъ на призъ за лучшую драму, для созданія которой, какъ мы надѣемся, годится въ соотвѣтствіи съ ея природою только правильное законодательство. Не надѣйтесь же, что вамъ когда-либо разрѣшатъ поставить ваши подмостки на нашемъ рынкѣ, а вашихъ актеровъ, которые своими чудными голосами покрыли бы нашъ голосъ, допустятъ говорить передъ юношами и женщинами и передъ всѣмъ народомъ и высказывать о тѣхъ же институтахъ не тѣ же взгляды, что и мы, а даже большей частью какъ-разъ противоположные намъ. Вѣдь и мы и все государство должны были бы быть совершенно безумными, если бы мы вамъ это разрѣшили, не подвергая предварительно цензурѣ правительства вашу драму, чтобы опредѣлить, допустимы ли ваши мысли, и возможно ли ихъ публично проповѣдывать. Вотъ почему, о сыны льстивыхъ музъ, мы сначала представимъ на испытаніе главамъ нашего государства ваши пѣсни на ряду съ нашими [59]), и только въ случаѣ, если они рѣшатъ, что ваши содержатъ тѣ же принцины или даже лучшіе, чѣмъ наши, мы вамъ разрѣшимъ имѣть хоръ (для исполненія ихъ); въ противномъ же случаѣ вы ни подъ какимъ видомъ этого разрѣшенія не получите» [60]).

То, что здѣсь говорится о цензурѣ трагедіи, конечно, еще въ большей степени относится къ комедіи, которая подвергается особому ограниченію тѣмъ, что законъ запрещаетъ поэтамъ и художникамъ въ словахъ или въ изображеніи поднимать на смѣхъ гражданъ [61]).

Такія же строгія нормы существуютъ для музыкальнаго творчества [62]), для живописи и скульптуры. Какъ первому вмѣнено въ обязанность избѣгать всего, что льститъ чувственности, точно такъ же изъ скульптуры и живописи изгоняется все, что служитъ роскоши или требуетъ слишкомъ большой траты силъ и средствъ. Золото и серебро абсолютно запрещены въ пластикѣ, какъ и всѣ произведенія ткацкаго искусства, надъ которыми женщинѣ пришлось бы работать дольше одного мѣсяца. За исключеніемъ боевого наряда, всѣ ткани должны оставаться некрашенными, просто бѣлаго цвѣта, который наиболѣе пріятенъ богамъ. Въ отношеніи живописи говорится, что лучшими дарами богамъ являются тѣ картины, которыя

художникъ закончилъ въ одинъ день (!). Къ этому присоединяются запрещенія, въ основѣ которыхъ лежатъ самые разнообразные мотивы. Такъ, слоновая кость не должна употребляться въ пластикѣ, такъ какъ она берется съ мертваго тѣла и поэтому не можетъ считаться за чистый жертвенный даръ. Желѣзо и мѣдь исключаются потому, что служатъ нуждамъ войны. Такимъ образомъ, скульпторъ можетъ работать только въ деревѣ и камнѣ [63]).

Разумѣется, большинство этихъ постановленій относится къ произведеніямъ искусства, которыя жертвуются въ храмы. Однако, въ концѣ прямо сказано, что «по образцу этихъ жертвенныхъ приношеній должно создаваться и все остальное» [64]).

Что касается музыки, то одна инструментальная музыка, мелодія безъ словъ запрещаются какъ «фиглярство и отступленіе отъ музъ». Игра на флейтѣ и цитрѣ должна служить только аккомпанементомъ къ пѣнію и танцамъ; послѣдніе же допускаются только въ соединеніи съ первыми [65]). Этическое содержаніе, которое должна выражать музыка, безъ соединенія со словами не будетъ доступно слушателямъ.

Платонъ нимало не заботится о томъ, что «опредѣленные типы», которыми связаны всѣ произведенія искусства, неминуемо должны привести къ полному застою всего художественнаго творчества! Вѣдь по самой своей природѣ идеальное государство исключаетъ всякую эволюцію; поэтому Платонъ только послѣдователенъ [66]), когда въ своемъ теоретическомъ пылу заходитъ такъ далеко, что восхваляетъ Египетъ, какъ образцовый примѣръ необычайной государственной мудрости за то, что онъ не разрѣшаетъ ни живописцамъ, ни ваятелямъ, ни музыкантамъ «вводить какія-либо новшества и придумывать что-либо отклоняющееся отъ древнихъ отечественныхъ нравовъ», такъ что современныя картины и статуи совершенно похожи на тѣ, которыя были созданы за десять тысячелѣтій до того [67]).

Но что все это въ сравненіи съ насиліемъ надъ духовной свободою, которое является послѣднимъ и крайнимъ выводомъ этого соціализма?

Какъ мы видѣли, Платонъ очень хорошо сознавалъ, что, говоря словами Шопенгауэра, мораль проповѣдывать легко, мораль проводить въ жизнь трудно. Онъ совершенно ясно сознавалъ, что при наличности природныхъ человѣческихъ ощущеній особенно трудно провести въ жизнь тѣ принципы соціальной этики, на которыхъ строится его государственный и общественный идеалъ. Онъ предлагаетъ всѣ средства, поученія и убѣжденія для привлеченія разума и сердца гражданъ къ этимъ принципамъ, и, тѣмъ не менѣе, они ему кажутся недостаточными для полнаго достиженія цѣли. Здѣсь, какъ и въ «Политіи», онъ видитъ себя принужденнымъ самой логикой вещей призывать къ себѣ на помощь представленія, привлеченіе которыхъ, въ сущности, означаетъ отреченіе отъ возможности успѣшнаго обоснованія внутренняго совершенства его идеаловъ. Эти представленія взяты изъ области религіи, которая, постольку тѣсно связана съ соціальной философіей Платона, поскольку и ея идеалы, неизмѣнны и выдаются за вѣчныя истины. Законодатель пользуется именно религіозной санкціей, чтобы вполнѣ обезпечить выполненіе гражданами своихъ нравственныхъ и политическихъ предписаній. Онъ ищетъ «подтвержденія своего принципа въ гармоніи его съ наивысшимъ, что человѣкъ способенъ познавать или чаять. Отъ системы человѣческаго общества онъ обращается къ божеству» [68]).

Законодатель сознаетъ въ себѣ особое божественное руководительство и вдохновеніе [69]). Онъ могъ бы сказать съ Сенъ-Симономъ: «это Богъ говорилъ со мной». Если онъ встрѣчаетъ сочувствіе общества, то это, главнымъ образомъ, дѣло божіе [70]). Всѣ узаконенія и учрежденія его государства превращаются въ

божественныя распоряженія, и этимъ самымъ каждый поступокъ противъ нихъ—въ прегрѣшеніе противъ самихъ боговъ [71]). Но эта божественная санкція законовъ государства была бы иллюзіей, если бы граждане не раздѣляли вѣры въ нее, то-есть если бы они духовно стояли далеко отъ государственной религіи. Поэтому государство совершенно опредѣленно требуетъ вѣры въ религіозныя представленія, которыя имъ признаются «за настоящія». Его граждане должны быть постоянны возобновляющимся поколѣніемъ «слугъ божества» [72]). Жертвенныя празднества и священные хоры въ теченіе всей жизни являются главной ихъ обязанностью [73]). Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, какъ соціализмъ, слѣдуя самой интимной своей сущности, превращается въ религію. Подобныя же тенденціи замѣчаются какъ въ теократіи Фихте, такъ и въ «Nouveau Christianisme» Сенъ-Симона и въ комбинаціи мірского «утилитарнаго» принципа съ религіознымъ, въ призывѣ Родбертуса «къ волѣ мірового духа». То, что современный апостолъ идеи единства провозглашаетъ какъ необходимое слѣдствіе изъ соціальнаго принципа, а именно: государственную церковь рядомъ съ государственной школою, уже требовалось платоновой соціальной философіей какъ неопровержимый выводъ изъ ея соціализма.

Правда, и здѣсь рѣзкое государственное принужденіе не сразу выступаетъ на сцену; сначала испытывается болѣе мягкій путь ласковаго поученія, по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о юношахъ, возрастъ которыхъ позволяетъ ожидать измѣненія ихъ убѣжденій. Молодого скептика надо поучать, «подавляя гнѣвъ, съ полной кротостью» приблизительно въ слѣдующемъ духѣ: «сынъ мой, ты еще молодъ; время научитъ тебя думать о многихъ вещахъ совершенно иначе и даже совершенно обратно, чѣмъ въ данный моментъ. Поэтому подожди обсуждать самое важное въ жизни человѣка. Самымъ же важнымъ является отношеніе человѣка къ богамъ. Одного я отъ тебя не скрою, и ты увидишь, что въ этомъ я тебѣ не лгу: не ты первый и не ты послѣдній сомнѣваешься въ существованіи боговъ; людей, одержимыхъ этой болѣзнью, всегда достаточно. Но никто изъ сомнѣвавшихся въ молодости не сохранилъ этого заблужденія до старости (!). Поэтому, если ты хочешь слѣдовать за мною, подожди, пока ты не составишь себѣ прочныхъ убѣжденій въ этихъ вопросахъ, обдумай все хорошенько и посовѣтуйся съ другими людьми, а прежде всего съ законодателемъ. Пока же не осмѣливайся кощунствовать противъ боговъ» [74]).

Итакъ, законодатель долженъ приложить всѣ старанія, чтобы подыскать доказательства, годныя хотя бы до извѣстной степени, для убѣжденія отдѣльныхъ лицъ; онъ обязанъ, такъ сказать, «затронуть всѣ струны», чтобы обосновать вѣру въ существованіе боговъ и въ истинность всего, что онъ о нихъ говоритъ [75]). Въ произведеніяхъ законодателя, особенно въ его введеніяхъ къ законамъ противъ «безбожія», гражданинъ находитъ обстоятельныя религіозно-философскія и теологическія разсужденія, внимательное чтеніе которыхъ даетъ ему «случай для спокойнаго самоанализа» [76]). Изъ нихъ онъ узнаетъ, что атеизмъ коренится въ матеріализмѣ, неосновательность котораго легко доказать [77]). Далѣе онъ встрѣтитъ опроверженіе опаснаго для государства лже-ученія, которое хотя и признаетъ существованіе боговъ, однако, утверждаетъ, что имъ нѣтъ дѣла до человѣчества [78]), а также не менѣе опаснаго лжеученія, что боги не абсолютно осуждаютъ зло и позволяютъ подкупать себя жертвами и приношеніями по обѣту [79]). Наконецъ, вниманіе его особенно обращается на то, что, въ виду безсмертія души, человѣка ждетъ въ другомъ мірѣ судъ боговъ, который приготовляетъ праведному дивную награду въ райскомъ жилищѣ, грѣшному же угрожаетъ низверженіемъ въ тотъ подземный садъ, который «подъ именемъ Гадеса и другими родственными

обозначеніями является великимъ ужасомъ души наяву и во снѣ, какъ при жизни, такъ и послѣ отдѣленія ея отъ тѣла». «Ты никогда не избѣжишь—говоритъ ему законодатель—власти боговъ; будь ты самымъ маленькимъ существомъ, и спрячься ты въ въ глубинѣ земли или поднимись въ высь, взлети на небо, и все же ты долженъ будешь понести заслуженное наказаніе» [80]).

Но какъ же быть, если теологическая аргументація законодателя не проявитъ той силы убѣжденія, которой онъ довольно оптимистически ждетъ отъ нея? Какъ быть, если выступятъ новые Анаксагоры, Эмпедоклы или Демокриты и начнутъ проповѣдывать свои ученія о природѣ небесныхъ тѣлъ, о строгой механической закономѣрности процессовъ въ природѣ, о сущности дѣйствующихъ въ ней силъ,—ученія, которыя отняли бы у его аргументаціи главныя ея доказательства, а потому рѣшительно отклоняются законодателемъ [81])? Какъ быть, если Протагоръ объявитъ его доказательства существованія боговъ недостаточно убѣдительными; если появится Аристотель и будетъ утверждать, что съ понятіемъ совершенной жизни несовмѣстимо положеніе, что богъ — чистый интеллектъ — простираетъ свою дѣятельность внѣ себя на весь міръ; если бы онъ долженъ былъ защитить свое собственное ученіе о томъ, что всякое явленіе совершается по лежащимъ внутри его законамъ, и что поэтому не можетъ быть и рѣчи о планомѣрномъ нравственномъ міровомъ порядкѣ и о промыслѣ божіемъ? Или же еще, если выступитъ проповѣдникъ новой религіи и противопоставитъ государственному догмату о непримиримомъ «примѣненіи законовъ» богами ученіе, что и грѣшникъ можетъ умолить божество? Или же, если провозвѣстникъ чисто-человѣческой этики нанесъ бы ущербъ дѣйствительности религіозныхъ дисциплинарныхъ мѣръ, необходимыхъ для обузданія опасныхъ врожденныхъ инстинктовъ тѣмъ, что онъ понятіе рая и ада объявилъ бы порожденіемъ религіозной фантазіи?

Для всѣхъ ихъ, даже для величайшаго ученика Платона, въ этомъ государствѣ не нашлось бы мѣста! Если кто-либо добромъ не даетъ убѣдить себя въ существованіи боговъ и, несмотря на всѣ вразумленія, не хочетъ научиться «думать о нихъ и представлять ихъ себѣ именно такъ, какъ того требуетъ законъ» [82]), то онъ подвергаетъ себя всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ, которыми въ государствѣ законовъ суровое правосудіе угрожаетъ за сопротивленіе законамъ. Свобода совѣсти, которой грозили опасности въ законодательствѣ существующихъ государствъ въ видѣ преслѣдованія за «асебію»—стоитъ только вспомнить Анаксагора, Протагора, Сократа, Аристотеля и др. [83]),—въ еще гораздо болѣе сильной степени нарушилась бы въ этомъ идеальномъ государствѣ. Не только легкомысленный скептикъ, презрительно относящійся къ религіи, но и серьезный мыслитель, который высказываетъ и распространяетъ взгляды, противоположные догматамъ государственной религіи, преслѣдуется какъ преступникъ [84]). Всѣ, кто слышитъ такія мнѣнія, обязаны по закону доносить на нихъ; такіе доносы приводятъ къ оффиціальному обвиненію въ святотатствѣ предъ судомъ [85]). Въ случаѣ обвинительнаго приговора, обвиняемаго, если даже онъ провинился, по выраженію Платона—«по неразумію, а не по закоренѣлости сердца и характера», запираютъ ни болѣе, ни менѣе какъ на пять лѣтъ въ «исправительный домъ (σωφρονιστήριον)». Въ теченіе этого времени никто не можетъ имѣть съ нимъ общенія, за исключеніемъ людей, стоящихъ на высотѣ философскаго образованія, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются членами высшаго государственнаго учрежденія, такъ называемаго ночного совѣта, и, въ силу знанія и авторитета, наиболѣе способны «обратить заблуждающагося на путь истины и спасти его душу» [86]). По истеченіи срока заключенія, «если онъ подаетъ надежду на возвращеніе къ разумному образу мыслей, ему опять разрѣшаютъ жить съ разумными людьми».

Если же попытка возвращенія на путь истины не удалась, то его опять предаютъ суду и выносятъ ему смертный приговоръ (!!).

Но не одно только невѣріе, а также и то, что государственная религія считаетъ суевѣріемъ, преслѣдуется закономъ,—напримѣръ, волшебство, всякаго рода вызовы мертвыхъ, такъ называемая магія молитвъ и жертвоприношеній и т. д. Въ этихъ случаяхъ, если доказано существованіе обмана, исправительное заведеніе замѣняется тюрьмою или рабочимъ домомъ [87]), расположеннымъ въ самомъ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ и «однимъ своимъ названіемъ порочащимъ честь и внушающимъ священный ужасъ» [88]).

Наконецъ, дабы съ самаго начала избѣжать подобныхъ заблужденій въ религіозной жизни и не допустить возникновенія частныхъ религій рядомъ съ государственной, всѣ культы, кромѣ оффиціальныхъ, запрещены. Никто не имѣетъ права имѣть въ своемъ домѣ особыя святыни и частныя молельни; всѣ обязаны совершать торжественныя жертвоприношенія и молитвы не иначе, какъ публично и въ присутствіи жрецовъ [89]). Если религіозная потребность побуждаетъ отдѣльныхъ лицъ создавать новые культы или святыни, то они обязаны дѣлать это въ публичныхъ храмахъ, причемъ ихъ созданія возводятся въ рангъ оффиціальныхъ святынь, если только допущеніе ихъ не возбуждаетъ сомнѣнія [90]).

Разумѣется, государство даетъ эту монополію признанной имъ религіи только подъ условіемъ абсолютнаго подчиненія ея себѣ и своимъ цѣлямъ. Однако, государство не для того подчиняетъ правовѣрность полицейскому контролю, чтобы стать самому подъ ярмо жрецовъ. Хотя весь строй этого соціализма строго іерархическій, однако, онъ все же не допускаетъ мысли о господствѣ жрецовъ. Послѣдніе не находятъ здѣсь почвы для своего «высокомѣрнаго поведенія», которое Платонъ такъ сурово въ нихъ осуждаетъ [91]); они должны быть только простыми слугами государства и призываются съ этой цѣлью на свой постъ по жребію, изъ числа всѣхъ гражданъ, и покидаютъ его, по крайней мѣрѣ по закону, по истеченіи одного года [92]).

Очевидно, государству, которое подчиняетъ всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь народа подобной опекѣ, и въ которомъ, говоря словами Платона, «по возможности ничего не должно оставаться безъ надзора» [93]), очень важно не допускать безконтрольныхъ вліяній извнѣ на результаты его собственной системы воспитанія и опеки. Отсюда логическое завершеніе всей системы—строгій контроль путешествій за границу и въѣзда иностранцевъ, которымъ при посредствѣ очень сильнаго ограниченія свободы передвиженія государство старается уберечь себя отъ «измѣненія въ нравахъ и проникновенія нежелательныхъ новшествъ извнѣ» [94]).

Вообще ни одинъ гражданинъ до сорокалѣтняго возраста не долженъ переступать границы своего государства; но и послѣ того это допускается только съ оффиціальнымъ порученіемъ или въ общественныхъ интересахъ. За границу ѣдутъ или въ качествѣ герольда, посла или делегата на торжества четырехъ великихъ національныхъ игръ, или же для изученія положенія дѣлъ въ другихъ государствахъ и для личнаго знакомства съ выдающимися мыслителями чужихъ странъ для того, чтобы увеличить свои познанія и опытъ и затѣмъ еще болѣе плодотворно работать надъ усовершенствованіемъ собственнаго государства: этимъ путемъ создается, съ одной стороны, возможность примѣнить къ себѣ отдѣльныя хорошія черты, которыя могутъ имѣть другія государства, а съ другой—пріобрѣсть постоянный контингентъ людей, способныхъ по собственному убѣжденію поучать юношество въ томъ духѣ, что во всей совокупности учрежденія другихъ государствъ ниже отечественныхъ.

Делегаты на игры выбираются правительствомъ изъ людей, наиболѣе выдающихся физически и интеллектуально. Желающій ѣхать какъ «наблюдатель» странъ

и народовъ (θεωρός) долженъ испросить на это правительственное разрѣшеніе, которое дается ему только въ томъ случаѣ, если ему не меньше 50-ти и не больше 60-ти лѣтъ, и онъ своими исключительными гражданскими и военными добродѣтелями даетъ достаточныя гарантіи въ томъ, что, съ одной стороны, онъ за границей будетъ являться достойнымъ представителемъ своихъ согражданъ, съ другой—не поддастся тлетворнымъ чужимъ вліяніямъ.

По возвращеніи на родину, такой наблюдатель обязанъ немедленно явиться въ собраніе совѣта, «существующаго для высшаго надзора за законами», въ такъ назыв. ночной совѣтъ, съ которымъ мы еще познакомимся [95]). Здѣсь онъ обязанъ дать полный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и въ пріобрѣтенныхъ новыхъ познаніяхъ въ области законодательства, воспитанія и образованія юношества. Если собраніе вынесетъ благопріятное впечатлѣніе отъ его доклада и убѣдится, что докладчикъ нравственно развился и умножилъ свои познанія, то ему оказываются публичныя почести. Если же окажется, что онъ за границей «испортился», то онъ лишается права участія въ общественной жизни. Онъ долженъ жить крайне уединенно и тщательно остерегаться выраженія своихъ мыслей и совершенія какихъ-бы то ни было поступковъ, которые заставили бы подозрѣвать, что онъ мечтаетъ о нововведеніяхъ въ законодательствѣ и въ воспитаніи. Въ случаѣ неподчиненія онъ наказывается смертной казнью (!).

Что касается чужестранцевъ, то они допускаются въ государство въ четырехъ случаяхъ. Во-первыхъ, торговые люди, которые каждое лѣто регулярно возвращаются и, «подобно перелетнымъ птицамъ, прилетаютъ изъ-за моря» и по окончаніи дѣлъ опять покидаютъ страну. Полиція помѣщаетъ ихъ въ общественныхъ зданіяхъ, расположенныхъ внѣ города, гдѣ они подвергаются строгому надзору. Затѣмъ слѣдуютъ пріѣзжающіе для участія въ играхъ и музическихъ представленіяхъ. Они находятъ себѣ гостепріимный пріемъ на время игръ въ гостиницахъ, принадлежащихъ храмамъ, гдѣ жрецы и служителя при храмахъ должны заботиться объ ихъ пропитаніи. Далѣе идутъ послы чужихъ державъ, которые являются гостями государства. Послѣдніе не должны останавливаться у простыхъ гражданъ, а жить у стратеговъ, начальниковъ всадниковъ и военачальниковъ, которые, въ силу своей должности, имѣютъ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ иностранцами [96]). И, наконецъ, самые рѣдкіе чужестранцы, которые путешествуютъ, подобно «наблюдателямъ» государства законовъ, для обогащенія своихъ знаній, и которые уже своимъ высокимъ возрастомъ гарантируютъ серьезность цѣлей ихъ путешествій. Они безъ приглашенія встрѣчаютъ радушный пріемъ у руководителей воспитательнаго дѣла или у тѣхъ всесторонне испытанныхъ гражданъ, занимающихъ одну изъ высшихъ государственныхъ должностей въ государствѣ [97]), которымъ въ свое время была присуждена всѣми гражданами высшая награда за добродѣтель—вѣнчаніе лавровымъ вѣнкомъ [98]). Этой регулировкою сношеній государство законовъ надѣется найти золотую середину между свободою передвиженія въ государствахъ, какъ Аѳины, и строгой замкнутостью, какъ ее примѣняли египтяне и спартанцы. Оно не желаетъ за «изгнаніе иностранцевъ отъ своихъ столовъ и алтарей» или за ненавистный обычай массоваго изгнанія негражданъ прослыть грубымъ и негостепріимнымъ народомъ въ глазахъ современнаго человѣчества, уваженіе котораго оно цѣнитъ очень высоко [99]).

4. Государственное устройство.

Какъ мы уже видѣли, отказъ Платона отъ господства разума, выраженнаго въ лицѣ философа-государя, содержалъ въ то же время и отреченіе отъ абсолютно самостоятельной по отношенію къ обществу правительственной власти. Эта идеальная самостоятельность заключала бы въ себѣ полноту власти, которая, въ рукахъ недостаточно высокихъ умовъ, представляла бы слишкомъ большой соблазнъ для злоупотребленій. Съ другой стороны, неизбѣжное при этихъ условіяхъ усиленіе вліянія общества на государственную власть или, вѣрнѣе, вліянія господствующаго въ обществѣ класса казалось менѣе опаснымъ для государства, въ которомъ, какъ въ государствѣ законовъ, этотъ классъ, по возможности, устраненъ отъ борьбы интересовъ промышленной жизни, гдѣ государственная школа и дисциплина, проникающія во всѣ стороны жизни, воспитываютъ гражданъ исключительно для служенія государству и дѣлаютъ единственной жизненной задачею ихъ общую работу на осуществленіе государственной идеи.

Благодаря этой систематической подготовкѣ всѣхъ гражданъ къ специфически-политической дѣятельности, которая, въ сущности, каждаго превращала въ государственнаго чиновника, Платонъ считалъ себя въ правѣ настолько приблизиться къ дѣйствительному положенію вещей, чтобы безъ особаго опасенія дать народу извѣстное участіе въ законодательной и судебной власти и возможность вліять, посредствомъ права избранія должностныхъ лицъ, и на исполнительную власть. Измѣнившееся представленіе о людяхъ и жизни и вниманіе, которое онъ теперь удѣляетъ условіямъ существованія города-государства, заставляютъ его признать неизбѣжными въ интересахъ «свободы» эти уступки народу.

Одновременно, конечно, для поддержанія порядка и внутренняго мира [1]) Платонъ создаетъ строгіе охранительные законы противъ злоупотребленія этой свободою. Такъ, населеніе раздѣляетъ свою законодательную власть со всѣми другими властями, существующими въ государствѣ. Ни одинъ существующій законъ не можетъ быть отмѣненъ, если на ряду съ народомъ и всѣ остальныя оффиціальныя корпораціи, всѣ столь многочисленныя въ этомъ государствѣ вѣдомства, также и религіозныя, т.-е. «всѣ оракулы», не дадутъ на это своего согласія [2]). Во всѣхъ же случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь о восполненіи лакунъ въ законодательствѣ и о такихъ нововведеніяхъ, которыя не вносятъ измѣненій въ существующее право, законодательная власть всецѣло находится въ рукахъ магистратуры [3]).

Что касается судебной власти, то надъ чисто-демократическими, выборными по жребію окружными судами стоитъ, въ качествѣ высшей апелляціонной инстанціи въ области гражданскаго процесса, судебная палата (κοινὸν δικαστήριον), которая ежегодно избирается членами всѣхъ вѣдомствъ изъ своей среды на основаніи чрезвычайно сложнаго выборнаго пріема [4]). Хотя въ государственномъ и уголовномъ процессѣ въ цѣломъ рядѣ случаевъ и допускаются народные суды, однако, для самыхъ сложныхъ и важныхъ дѣлъ существуютъ магистратскіе суды, какъ, напримѣръ, высшая государственная судебная палата, которая образуется изъ «избраннѣйшихъ» судей вышеназванной судебной палаты съ привлеченіемъ членовъ изъ такъ называемыхъ охранителей законовъ [5]). Апелляціи на приговоръ суда къ народу не существуетъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ право санкціонировать смертную казнь и даже приводить ее въ исполненіе. Вообще Платонъ даетъ народу лишь такія су-

дебныя полномочія, которыя поддерживали бы въ немъ сознаніе, что онъ не лишенъ «права судить», такъ какъ иначе онъ могъ бы заподозрѣть, что его совсѣмъ исключаютъ изъ государства [6]).

Несмотря на то, что выборщиками являются только лучшіе элементы, дающіе своей интеллигентностью и нравственными качествами достаточно гарантій въ правильности выборовъ, и избирательному праву, этому важнѣйшему праву гражданина, придается форма, которая значительно модифицируетъ демократическій его характеръ. Выборы оффиціальныхъ корпорацій и учрежденій происходятъ по различнымъ правиламъ. Значеніе всеобщаго избирательнаго права умаляется либо искусственными комбинаціями съ системою косвенныхъ выборовъ и тому подобными усложненіями выборнаго закона, либо всеобщее избирательное право связывается съ системою классовыхъ выборовъ, пассивное право голоса и активная обязанность голосовать особымъ образомъ ограничиваются сообразно четыремъ цензовымъ классамъ, либо, наконецъ, назначеніе на многочисленныя должности вообще передается на усмотрѣніе правительственныхъ учрежденій. Избранный гражданинъ подвергается, сверхъ того, испытанію, докимасіи, которая не ограничивается только разсмотрѣніемъ внѣшнихъ его обстоятельствъ, но интересуется и его личными качествами; такимъ образомъ, есть возможность во всякое время кассировать выборы [7]).

Даже члены «совѣта», который, подобно совѣту пятисотъ въ Аѳинахъ, является представителемъ всей общины и, по всей вѣроятности, подобно ему, играетъ роль высшаго финансоваго учрежденія, избираются по правиламъ, сильно нарушающимъ принципъ равенства голосовъ. Такъ, не всѣ граждане имѣютъ равное право на одно изъ 360 мѣстъ въ совѣтѣ. Распредѣленіе этихъ мѣстъ происходитъ по классамъ, причемъ каждый изъ четырехъ цензовыхъ классовъ имѣетъ равное число мѣстъ (90), несмотря на значительно меньшую численность высшихъ классовъ. Самые выборы происходятъ по слѣдующему способу. Предварительно для каждаго класса составляется списокъ кандидатовъ. Списокъ составляется при посредствѣ народнаго голосованія; при этомъ, однако, только члены двухъ первыхъ классовъ обязаны, подъ страхомъ наказанія, участвовать въ выборахъ, тогда какъ третій классъ можетъ выбирать кандидатовъ только первыхъ трехъ классовъ, а четвертый классъ—двухъ первыхъ. Затѣмъ изъ этого списка кандидатовъ, путемъ всеобщаго голосованія всѣхъ безъ различія гражданъ, избираютъ для каждаго класса по 180 человѣкъ, одна половина которыхъ исключается по жребію [8]), а другая — послѣ испытанія получаетъ право вступленія въ совѣтъ [9]).

Всюду выдержанный принципъ, что голосованіе есть общественная функція, и поэтому право голоса, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ въ себѣ и обязанность, измѣненъ, однако, и еще въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о выборахъ лицъ на должности, требующія спеціальныхъ знаній. Такъ, въ выборахъ устроителей музическихъ состязаній обязаны участвовать лишь люди, понимающіе искусство [10]).

Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности установить подраздѣленія между выборщиками, является на помощь повторная фильтрація выбираемыхъ. Такъ, напримѣръ, процедура выборовъ такъ называемыхъ охранителей законовъ, членовъ одного изъ самыхъ главныхъ и вліятельныхъ государственныхъ учрежденій, крайне сложна. Они, какъ и всѣ выборы должностныхъ лицъ, сопровождаются особыми религіозными обрядами; мѣстомъ выборовъ является храмъ высшаго божества. Дощечки для голосованія берутся съ алтаря и туда же кладутся обратно; выборщикъ особой присягою клянется подавать свой голосъ по лучшему своему разумѣнію и совѣсти [11]). Самое голосованіе—открытое; каждый голосующій пишетъ на дощечкѣ рядомъ съ именемъ кандидата и свое собственное; кромѣ того, каждый выборщикъ имѣетъ право просто

снять тѣ дощечки, съ содержаніемъ которыхъ онъ не согласенъ, и выставлять ихъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе тридцати дней на рынкѣ. Это является чѣмъ-то въ родѣ вотума недовѣрія противъ кандидата и его выборщика, которымъ желаютъ вызвать новое испытаніе выбираемаго. Затѣмъ власти выставляютъ предъ всѣмъ населеніемъ дощечки съ именами тѣхъ трехсотъ гражданъ, которые получили большинство голосовъ, и приглашаютъ его сдѣлать изъ нихъ новый выборъ. Имена тѣхъ ста гражданъ, которые выйдутъ побѣдителями изъ этого вторичнаго голосованія, публикуются тѣмъ же способомъ, послѣ чего третьимъ голосованіемъ изъ этихъ ста окончательно выбираются 37 членовъ названнаго учрежденія [12]).

Нѣчто подобное происходитъ при выборахъ такъ называемыхъ эвтиновъ, которымъ всѣ должностныя лица обязаны отдавать отчетъ по истеченіи срока ихъ службы; поэтому-то эвтины должны быть людьми, особенно выдающимися по своимъ нравственнымъ качествамъ [13]).

Ежегодно послѣ лѣтняго солнцестоянія всѣ граждане собираются въ рощѣ Геліоса и Аполлона; каждый «называетъ здѣсь богу» трехъ человѣкъ не моложе пятидесяти лѣтъ, которыхъ онъ считаетъ достойнѣйшими во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ предложенныхъ, такимъ образомъ, именъ тѣ, которыя получаютъ большинство голосовъ, подвергаются перебаллотировкѣ до половины ихъ первоначальнаго числа, и, въ концѣ концовъ, изъ нихъ выходятъ три окончательно выбранныхъ имени [14]). Естественно, что и эти выборы носятъ тотъ же опредѣленно религіозный отпечатокъ, какъ и вышеописанные, на что указываютъ и мѣсто выборовъ и характерное ихъ названіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательное рѣшеніе предоставляется самому божеству. Такъ, хотя «эксегеты каноническихъ узаконеній» и избираются, однако, затѣмъ окончательный выборъ, по крайней мѣрѣ части ихъ, предоставляется дельфійскому оракулу [15]).

Для другихъ должностей, напримѣръ, военныхъ, право выбора ограничено правомъ правительства предлагать своихъ кандидатовъ. При избраніи высшихъ офицеровъ и другихъ военныхъ властей, корпусъ охранителей законовъ, который пользуется самой широкой исполнительной властью, имѣетъ право предложенія кандидатовъ, тогда какъ по отношенію къ младшимъ офицерамъ ихъ начальники сами пользуются какъ этимъ правомъ, такъ отчасти и правомъ назначенія [16]). Вообще какъ общее правило, младшія должностныя лица назначаются высшими учрежденіями; такъ, помощники агрономовъ, облеченныхъ полицейской властью въ деревнѣ, назначаются послѣдними [17]); женщины, надзирающія за бракомъ, назначаются охранителями законовъ, и т. д. [18]).

Но существуютъ и очень высокія должности, въ назначеніи на которыя народъ совсѣмъ не принимаетъ участія. Самый отвѣтственный, по мнѣнію Платона, изъ всѣхъ государственныхъ должностей—постъ министра народнаго просвѣщенія, «предсѣдателя вѣдомства воспитанія», а также мѣста судей высшей государственной судебной палаты—«избраннѣйшихъ судей» занимаются по назначенію особыхъ совѣтовъ избирателей, состоящихъ только изъ должностныхъ лицъ [19]).

Такимъ образомъ, изобрѣтательность Платона въ нахожденіи все новыхъ охранительныхъ мѣропріятій противъ демократизма всеобщаго избирательнаго права неизсякаема. Онъ, правда, принужденъ сдѣлать значительныя уступки этому демократизму въ своемъ «Государствѣ Законовъ», которое считается съ существующей дѣйствительностью; вотъ почему онъ особенно старается указать на средства и пути для подбора на государственную службу органовъ, представляющихъ аристократію ума и добродѣтели. Для этого онъ еще болѣе ограничиваетъ вліяніе

выборщиковъ тѣмъ, что для высшихъ должностей требуетъ и высшее, какъ общее, такъ и спеціальное, образованіе. Подобно тому, какъ для основы берется одна шерсть, а для утка совершенно иная, такъ и между людьми, привлекаемыми нести въ государствѣ высокія правительственныя функціи и тѣми, которымъ лишь въ незначительной мѣрѣ приходится выдерживать испытаніе совершенства изъ воспитанія, должна быть установлена существенная разница [20]).

И здѣсь главную гарантію хорошаго управленія государствомъ Платонъ видитъ въ возможномъ подъемѣ авторитета магистратуры, въ возможно болѣе сильной власти правительства. Съ этой цѣлью для занятія извѣстныхъ должностей предписывается болѣе зрѣлый возрастъ,—напримѣръ, для охранителей законовъ и начальника воспитательнаго вѣдомства—не менѣе сорока лѣтъ [21]). Вообще, Платонъ, повидимому, поощряетъ продолжительное занятіе одной и той же должности; такъ, въ только-что упомянутыхъ должностяхъ срокъ въ десять, двадцать лѣтъ пребыванія въ должности не представляется необычайнымъ. Въ другихъ случаяхъ самъ законъ предписываетъ болѣе долгій срокъ службы,—напримѣръ, для предсѣдателя вѣдомства просвѣщенія—пять лѣтъ [22]); членамъ высшей судебной палаты эвтиновъ дается даже пожизненная власть [23]). Той же цѣли служитъ полнота власти, которая сосредоточивается въ рукахъ магистратовъ. Судебную власть, которую онъ даетъ магистратурѣ, Платонъ даже прямо сравниваетъ съ царскими полномочіями [24]).

Представимъ себѣ импонирующее положеніе, которое занимаютъ охранители законовъ, по замыслу Платона—собственно правители государства. Вліяніе ихъ распространяется почти на всѣ области жизни. Они имѣютъ законодательную власть во всѣхъ вышеназванныхъ случаяхъ; они вмѣстѣ съ «избраннѣйшими» судьями образуютъ высшую государственную судебную палату для государственныхъ преступленій, а также несутъ и другія отвѣтственныя судебныя функціи, напримѣръ, въ отношеніи преступленій религіознаго характера [25]); они же пользуются важнымъ правомъ юрисдикціи надъ частью должностныхъ лицъ, особенно же надъ высшими судебными чинами [26]). Благодаря праву предложенія кандидатовъ при выборахъ стратеговъ, они имѣютъ сильное вліяніе даже и на военную власть и черезъ право всеобщаго высшаго надзора [27]) и на все чиновничество. Наконецъ, въ силу ихъ широкой полицейской власти, они вмѣшиваются во всѣ дѣла администраціи. Въ ихъ рукахъ находится правительственная статистика имущественнаго положенія всѣхъ гражданъ и посадскихъ [28]) и въ связи съ этимъ забота о поддержаніи законовъ о неизмѣняемости числа земельныхъ надѣловъ и гражданъ [29]). Къ этому относятся и право высшаго надзора за брачной жизнью гражданъ, право замѣщенія должностей надзирательницъ за бракомъ, забота о дочеряхъ-наслѣдницахъ и вообще высшая опека [30]) и остальныя полномочія въ области семейнаго права [31]). То же учрежденіе вѣдаетъ законами о роскоши и надзоромъ за выполненіемъ законовъ о ввозѣ и вывозѣ [32]). Одновременно оно является цензурою для литературно-музическихъ произведеній и вообще вѣдаетъ всѣми законами, касающимися музическихъ искусствъ [33]); наконецъ, отъ него зависитъ разрѣшеніе поѣздокъ за границу [34]).

Такимъ образомъ, законодательныя, судебныя, исполнительныя функціи часто въ безпорядкѣ нагромождаются на одно и то же правительственное учрежденіе. Всемогущество государства, которое подчиняетъ своей опекѣ всѣ стороны человѣческой жизни и всѣ стремленія, должно отражаться въ магистратурѣ, поскольку это возможно внѣ опасности абсолютизма. Выросшая на демократической основѣ,

магистратура все же обязана выражать единство, крѣпость и авторитетъ монархическаго режима [35]).

Магистратура, кромѣ того, не должна быть лишена и внѣшняго блеска и почета. Должность, назначеніе на которую предполагаетъ признаніе высшей награды за гражданскія добродѣтели, званіе эвтина, члена высшаго совѣта по провѣркѣ дѣятельности должностныхъ лицъ, даетъ, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти право на истинно-царскія почести, которыя особенно выдѣляютъ покойнаго передъ другими смертными. Облаченный въ бѣлыя жреческія одежды, умершій эвтинъ всенародно выставляется въ гробу. Вокругъ него стоятъ хоры мальчиковъ и дѣвочекъ, цѣлый день по очереди прославляя жизнь покойнаго. На зарѣ слѣдующаго дня происходитъ торжественное похоронное шествіе: впереди всѣ граждане, способные носить оружіе, въ полномъ вооруженіи идутъ пѣшкомъ или ѣдутъ верхомъ; сто юношей затѣмъ несутъ гробъ, въ сопровожденіи мальчиковъ, которые поютъ національную пѣснь (τὸ πάτριον μέλος); далѣе слѣдуютъ дѣвушки и матроны и, наконецъ, всѣ жрецы и жрицы. Погребеніе совершается въ рощѣ въ каменныхъ саркофагахъ и въ каменныхъ же склепахъ, воздвигнутыхъ какъ бы для вѣчности; надъ ними насыпаютъ холмъ, напоминающій старыя царскія могилы. Наконецъ, память погребеннаго, подобно героямъ, ежегодно чествуется музическими и гимнастическими состязаніями [36]).

Но Платонъ идетъ еще дальше. Несмотря на идейное значеніе, которое имѣетъ его магистратура, и матеріальныя условія, въ которыя онъ ее поставилъ, онъ старается создать для нее еще особую поддержку въ лицѣ института, роль котораго онъ считаетъ скорѣе идеальной, чѣмъ реальной, но въ которомъ онъ видитъ самую надежную гарантію всесторонняго и долгосрочнаго осуществленія своей государственной идеи.

Таковымъ является государственный совѣтъ,—совершенно самостоятельное, благодаря праву самопополненія, учрежденіе, члены котораго черпаются изъ умственной аристократіи всего гражданства. Онъ призванъ представлять государственную идею и тамъ, гдѣ это нужно, вліять просвѣтительно на общественное мнѣніе посредствомъ олицетвореннаго въ немъ взгляда на сущность и цѣли государства и поддерживать своимъ вліяніемъ на правильномъ пути къ «всеобщей единой цѣли всѣхъ законовъ» всѣ органы государства, какъ подчиненные, такъ и правящіе [37]). Только этотъ охранительный совѣтъ—ночное собраніе, какъ онъ называется по времени его засѣданій, достаточно обезпечиваетъ существованіе государства, такъ какъ государство при всѣхъ обстоятельствахъ находитъ въ немъ органъ, который живо проникся цѣлью государства (σκόπος πολιτικός) и олицетворяетъ присущій послѣднему разумъ [38]). «Ночное собраніе» состоитъ изъ постояннаго ядра пожизненныхъ членовъ; они набираются изъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые получили награду за добродѣтель, то-есть изъ членовъ совѣта для провѣрки дѣятельности должностныхъ лицъ, всѣхъ тѣхъ, которые управляли вѣдомствомъ просвѣщенія и воспитанія, а также изъ гражданъ, которые съ успѣхомъ изучили политическія теоріи за границей и послѣ строгаго испытанія признаны собраніемъ достойными войти пожизненно въ его составъ. Къ этимъ липамъ присоединяются для поддержанія связи съ главными правящими учрежденіями десять старшихъ охранителей законовъ и лицо, стоящее въ данный моментъ во главѣ народнаго просвѣщенія [39]). Общимъ необходимымъ условіемъ для принятія въ совѣтъ являются: высокое научное, особенно философское, образованіе [40]); отбытіе длиннаго, строго опредѣленнаго стажа [41]) научныхъ занятій, который долженъ дать «истинное знаніе всѣхъ важныхъ вещей» [42]).

Собранія этихъ избранныхъ людей происходятъ каждую ночь на Акрополѣ отъ захода до восхода солнца; они могутъ обсуждать и разрѣшать всѣ вопросы государственнаго законодательства и администраціи и, такимъ образомъ, создавать, по крайней мѣрѣ, цѣнное теоретическое разрѣшеніе вопроса для практическаго выполненія его наличными оффиціальными властями [43]). Далѣе, полнота знаній, которыя сконцентрированы въ этомъ собраніи, должна быть использована для привлеченія болѣе молодыхъ государственныхъ людей; этимъ ночное собраніе превращается въ высшую школу, которая распространяетъ только-что упомянутое высшее образованіе [44]). Для этой цѣли каждый членъ его имѣетъ право вводить въ собраніе особенно одаренныхъ, достойныхъ болѣе молодыхъ гражданъ, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ. Послѣдніе получаютъ здѣсь возможность не только учиться, но и выдерживать испытанія въ своихъ знаніяхъ, дающія имъ, въ случаѣ, если собраніе признаетъ ихъ удовлетворительными, цѣнное преимущество на полученіе высшей должности въ будущемъ. Это одобреніе высшимъ авторитетомъ имѣетъ цѣлью обратить вниманіе [45]) всѣхъ гражданъ на эти лица, рекомендовать ихъ какъ наболѣе подходящихъ кандидатовъ для всѣхъ высшихъ назначеній. Врядъ ли общество сумѣетъ избѣгнуть принудительнаго давленія такого рода рекомендаціи. Вѣдь въ данномъ случаѣ высшій авторитетъ въ странѣ указываетъ ему на тѣхъ, которые могли бы съ успѣхомъ обсуждать дѣла государства, такъ какъ они, въ силу пріобрѣтенныхъ знаній, «ясно себѣ представляютъ все, касающееся законовъ» [46]), тогда какъ люди, не прошедшіе черезъ эту школу или же не получившіе названнаго одобренія ея, очевидно, не обладаютъ этой ясностью представленія [47]) въ достаточной мѣрѣ и поэтому не могутъ помогать государству своими совѣтами. Возможно ли гражданину, который *присягою* обязывается избирать только «лучшихъ людей», въ *открытой* баллотировкѣ голосовать противъ тѣхъ, которые неприкосновеннымъ авторитетомъ признаны именно за лучшихъ людей? Впрочемъ, когда дѣло идетъ о важнѣйшихъ должностяхъ, это и юридически невозможно. Охранителемъ законовъ, напримѣръ, или членомъ высшей палаты для контроля дѣйствій должностныхъ лицъ можетъ быть избранъ лишь тотъ, который пріобрѣлъ высшее знаніе, то-есть, иначе, прошелъ черезъ школу ночного собранія и заслужилъ ея одобреніе [48]).

Но этимъ значеніе ночного совѣта далеко еще не исчерпывается. Платонъ предполагаетъ снабдить его совершенно особыми полномочіями, когда онъ на практикѣ выльется въ желательныя для него формы [49]). Въ чемъ будетъ состоять увеличеніе его власти, онъ, правда, не говоритъ. Впрочемъ, ихъ общая тенденція не оставляетъ сомнѣній. Утвержденіе Аристотеля, когда онъ говоритъ, что государство законовъ опять возвращается къ проекту государственнаго устройства государства разума [50]), особенно правильно въ примѣненіи къ данному положенію государства законовъ. Абсолютный философскій режимъ для него недостижимъ,— вотъ почему Платонъ старается замѣнить его возможно болѣе близкимъ къ этому идеалу созданіемъ.

Ночной совѣтъ долженъ играть въ государственномъ организмѣ, по крайней мѣрѣ, приблизительно ту роль, которую выполняетъ мыслящая голова въ человѣческомъ тѣлѣ. Онъ долженъ дать возможность господствовать въ центрѣ государственнаго тѣла, какъ въ индивидуальномъ организмѣ, одной волѣ [51]), то-есть общей волѣ, направленной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ къ одной высшей цѣли, которая въ состояніи вліять хотя и не абсолютно, какъ въ государствѣ разума, но все же извѣстнымъ рѣшающимъ образомъ на всю политическую и соціальную жизнь.

Въ противовѣсъ численности индивидуальныхъ волей, которыя черезъ допущеніе всеобщаго избирательнаго права и участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ признаны за могущественный факторъ въ государственной жизни, ночной совѣтъ долженъ представлять единство государства. Онъ обязанъ заставить магистратуру постоянно стоять на государственной почвѣ; онъ долженъ внушить ей, что она въ своихъ оффиціальныхъ функціяхъ является лишь органомъ всего цѣлаго. Кромѣ того, онъ обезпечиваетъ возможно совершенное техническое проведеніе магистратурой въ жизнь государственныхъ задачъ тѣмъ, что назначаетъ соотвѣтствующее мѣсто провѣренной и спеціализированной работѣ въ администраціи и правительствѣ; этимъ же онъ долженъ, наконецъ, обезпечить широкое осуществленіе принципа справедливости и равенства, который за умственно и нравственно выше стоящимъ человѣкомъ признаетъ и право на высшій почетъ [52]). Короче говоря, ночной совѣтъ предназначенъ стать идеальнымъ центромъ всего государственнаго организма, неизбѣжнымъ для соціализма центральнымъ органомъ [53]); поэтому полномочія, которыми Платонъ предполагаетъ его снабдить въ будущемъ, могутъ быть лишь дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго режима въ централистическомъ смыслѣ.

Платонъ самъ на это указываетъ въ картинѣ, въ которой онъ сравниваетъ весь совѣтъ въ совокупности съ человѣческой головою, старцевъ—членовъ собранія—съ разумомъ (νοῦς), а болѣе молодыхъ—съ чувствомъ зрѣнія. Выдающіеся своей энергіей и проницательностью, болѣе молодые товарищи ихъ должны «какъ бы наверху головы (подобно глазамъ государства) наблюдать за всѣмъ въ государствѣ, все, что они замѣтятъ, запечатлѣвать въ памяти и, такимъ образомъ, сообщать обо всемъ происходящемъ въ государствѣ старшимъ членамъ». Эти, въ качествѣ νοῦς, оцѣниваютъ то, что видѣли глаза, и затѣмъ, «посовѣтовавшись съ младшими и найдя разрѣшеніе вопроса, черезъ посредство послѣднихъ приводятъ свои рѣшенія въ исполненіе и, такимъ образомъ, охраняютъ все государство». Слѣдовательно, за собраніемъ признается право вмѣшательства въ исполнительную власть, благодаря чему оно стоитъ выше всѣхъ учрежденій [54]).

«Богоподобное собраніе» (ὁ θεῖος σύλλογος), благодаря этимъ условіямъ, становится какъ бы «якоремъ государства» [55]). «Государство можно спокойно передать его охранѣ, и тогда завершится наяву то, что до сихъ поръ казалось сномъ» [56]). Этимъ обѣщаніемъ заканчивается проектъ второго по совершенству государства [27]).

5. Къ оцѣнкѣ государства законовъ.

Мы видѣли, какъ, по правильному замѣчанію Аристотеля, планъ второго по совершенству государства невольно склоняется къ формамъ «Политіи». Это перестанетъ насъ удивлять, если мы представимъ себѣ общее міросозерцаніе, изъ котораго вытекъ, какъ нѣчто цѣлое, этотъ государственный идеалъ.

Мы и здѣсь снова встрѣчаемъ естественно-правовую метафизику изъ «Политіи». Здѣсь, какъ и тамъ, въ основу положенъ одинъ и тотъ же масштабъ—разумное познаніе; цѣль же послѣдняго—возможно «естественный», то-есть отвѣчающій разуму, порядокъ человѣческой совмѣстной жизни [1]). Отсюда и тожественная въ обоихъ случаяхъ абсолютность въ разрѣшеніи вопроса. Даже опасеніе обвиненія въ томъ, что онъ «разсказываетъ сны или желаетъ вылѣпить государство и его гражданъ изъ воска» [2]), не мѣшаетъ Платону при созданіи идеальной

образцовой картины заботиться единственно о достиженіи возможной «красоты и истины» [3]). Здѣсь, какъ и тамъ, его главная цѣль—внутренняя правда, то-есть, согласованіе съ идеями, лежащими въ основѣ образца, логическая послѣдовательность всего отвлеченнаго построенія, составляющая «во всѣхъ частяхъ гармонично сочетающееся» и поэтому прекрасное цѣлое [4]). Когда идеалъ выльется въ форму законченнаго произведенія искусства, «когда законодатель спокойно доведетъ до конца свой проектъ», только тогда вопросъ объ осуществленіи его можетъ и долженъ быть поднятъ [5]).

Тѣсное родство между государствомъ разума и государствомъ законовъ замѣтно и въ другомъ. Хотя второе по совершенству государство и отрекается отъ крайнихъ выводовъ Платонова соціализма, однако, оно все же твердо держится хотя части его основныхъ положеній. Идея великаго человѣка въ индивидуальной формѣ народа опять здѣсь повторяется. Государство строится подобно соціальному организму, въ который индивидуумы должны войти какъ исключительно зависимые органы, какъ вполнѣ подчиненные работники и орудія общей цѣли, сознавая, что они больше принадлежатъ государству, чѣмъ самимъ себѣ. И здѣсь обязанность является элементарнымъ соціальнымъ понятіемъ, а не право индивидуума, воспитаніе же нравственности—главной и высшей задачею, которую истинно-хорошее государство обязано разрѣшить.

Поэтому-то, съ другой стороны, то же государство обѣщаетъ удовлетворять истинные и постоянные интересы отдѣльныхъ лицъ, дѣлая ихъ счастливыми и довольными. И оно выказываетъ притязаніе указать путь ко всеобщему счастью [6]) посредствомъ воспитанія гражданъ въ добродѣтели [7]). И оно обѣщаетъ гражданину: «не мѣшай закону направлять тебя къ добру, и ты будешь вести пріятнѣйшую и счастливѣйшую жизнь» [8]). Ученіе о совпаденіи добродѣтели со счастьемъ, изъ котораго вырастаютъ многія иллюзіи «Политіи», и здѣсь положено въ основу и возведено въ государственный догматъ [9]). На немъ, главнымъ образомъ, покоится надежда «законодателя» привлечь отдѣльныя личности къ его государственной идеѣ и привести ихъ къ желанному соціально-этическому образу жизни [10]). И здѣсь мы встрѣчаемъ ту гармонію между вѣрно понятой личной выгодою и интересами цѣлаго, которая одновременно со счастьемъ цѣлаго гарантируетъ и счастье отдѣльныхъ личностей [11]). Хотя тутъ законченное единство государства разума и не достигается, однако, отдѣльныя личности всѣмъ своимъ существованіемъ тѣсно связаны съ жизненнымъ процессомъ соціальнаго цѣлаго. Онѣ оказываются въ силахъ вжиться въ такую форму соціализма, о которой Платонъ самъ сказалъ, что она въ смыслѣ осуществленія идеи единства занимаетъ ближайшее мѣсто непосредственно за государствомъ разума [12]). Этотъ результатъ предполагаетъ, съ другой стороны, такое идеальное осуществленіе распредѣленія справедливости [13]), которое превышается только въ государствѣ разума. Такимъ путемъ создается положеніе вещей, при которомъ «вся община постоянно будетъ жить, наслаждаясь однѣми и тѣми же радостями, и всѣ граждане будутъ вести, по возможности въ равныхъ условіяхъ, хорошую и счастливую жизнь» [14]). Вотъ почему государство законовъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать про себя, что оно, въ случаѣ своего проведенія въ жизнь, въ результатѣ тѣсно приблизится къ блаженному существованію въ государствѣ «безсмертія» [15]).

Мы видимъ, что и здѣсь идеалъ еще безконечно далекъ отъ дѣйствительности, мысль осуществить этотъ государственный идеалъ почти настолько же утопична, какъ и мечта о государствѣ разума. Чтобы повѣрить въ осуществимость идеала,

необходимо, дѣйствительно, то «божественное вдохновеніе», которымъ идеальное значеніе задачи наполняетъ душу Платона и при менѣе высокихъ цѣляхъ [16]).

Правда, онъ самъ долженъ согласиться, что подъ могущественнымъ вліяніемъ этого божественнаго вдохновенія весь его проектъ сталъ походить на поэтическую фантазію [17]). Онъ даже называетъ себя творцомъ драмы [18]). И если онъ не хочетъ отказаться отъ надежды, что эта фантазія когда-либо превратится въ дѣйствительность, и даже часто это подчеркиваетъ [19]),—основное настроеніе, въ которомъ коренится отреченіе отъ государства разума и идея хотя бы относительно совершеннаго государства, все-таки не разъ прорывается наружу и не позволяетъ заглушать всѣ колебанія и сомнѣнія.

Такъ, Платонъ допускаетъ мысль, что отдѣльныя его идеи, по крайней мѣрѣ, не выдержатъ испытанія и окажутся неосуществимыми. Представляя себѣ, какія требованія онъ и теперь еще долженъ предъявлять гражданамъ идеальной общины, охватывая въ концѣ своего изложенія основныхъ институтовъ второго по совершенству государства еще разъ свои положенія во всей ихъ совокупности, то-есть, вспоминая о необходимости соціалистической общности жизни, отъ колыбели до гроба подавляющей и регулирующей индивидуальную жизнь, объ ограниченіи доходовъ, объ отреченіи отъ золота, объ искусственномъ распредѣленіи земли, о принудительной политикѣ въ отношеніи брачной жизни и о многомъ другомъ, что, какъ уже было сказано, привлекаетъ его самого, подобно мечтѣ, онъ оказывается вынужденъ сознаться, что совпаденіе такихъ благопріятныхъ условій, какъ того предполагало бы полное осуществленіе его плана, врядъ ли когда-либо встрѣтится въ жизни [20]). Онъ знаетъ, что при выполненіи придется отказаться отъ той или другой части проекта [21]), и что, такимъ образомъ, конечнымъ результатомъ, весьма возможно, будетъ идеальное государство только лишь третьяго разряда [22]). Весь проектъ кажется ему отчаяннымъ предпріятіемъ [23]), успѣхъ котораго является точно такимъ же дѣломъ случая, какъ и удачный ходъ въ игрѣ въ кости [24]). Даже весь планъ нѣсколько разъ выставляется имъ какъ игра—правда, игра «разумная»—какъ благородное препровожденіе времени, которое помогаетъ переживать печальную старость [25]).

Если мы себѣ представимъ обѣ основныя мысли, которыя красной нитью проходятъ черезъ весь проектъ, а именно: съ одной стороны, святой пылъ «божественнаго воодушевленія», который совершенно растворяется въ идеѣ радикальнаго усовершенствованія міра и, во что бы то ни стало, хотѣлъ бы видѣть осуществленными желанные идеалы, а съ другой—обостренное чувство старости, указывающее ему на трудности осуществленія его проекта, лежащія въ слабости человѣческой природы и въ противорѣчіяхъ жизни, то намъ станетъ понятной одна изъ дальнѣйшихъ особенностей государства законовъ, которую оно, правда, раздѣляетъ со многими другими соціалистическими системами; рѣчь идетъ о противорѣчіи между провозглашенной идеей свободы и подчиненіемъ всего индивидуальнаго существованія государственной опекѣ, доведенной до крайнихъ деталей.

Гражданинъ государства законовъ долженъ чувствовать себя свободнымъ человѣкомъ; педагого-дидактическая тенденція всего законодательства разсчитана на то, что идеальный нравственный порядокъ, который въ немъ долженъ быть осуществленъ, будетъ исходить, по возможности, изъ самой сущности вещей, изъ гармоніи отдѣльныхъ желаній, изъ внутренняго единства образа мыслей гражданъ, что свободное самоопредѣленіе фактически сдѣлаетъ излишнимъ внѣшнее принужденіе закона. И, тѣмъ не менѣе, несмотря на наивную увѣренность въ непреодолимой силѣ убѣжденія закона, настоящей вѣры въ возможность такой сво-

боды нѣтъ. Хотя каждый отдѣльный гражданинъ знаетъ, что онъ живетъ въ государствѣ, которое ему, какъ никто другой, гарантируетъ индивидуальное счастье, духовное и матеріальное благосостояніе, однако, это государство все же нуждается въ колоссальномъ войскѣ чиновниковъ, въ контролѣ, вмѣшивающемся во всѣ личныя отношенія, чтобы быть увѣреннымъ въ согласномъ закону поведеніи гражданъ. Индивидуумъ подчиняется строгой централистической дисциплинѣ, которая ставитъ свободѣ личныхъ рѣшеній самыя узкія границы. На помощь словамъ законодателя, идеализмъ котораго, несмотря на всю показную его «кротость», заключаетъ въ себѣ нѣчто сухое, черствое и властолюбивое, приходитъ рафинированная система механическаго принужденія, которая съ непреодолимой силой сковываетъ индивидуумы и старается опредѣлить содержаніе ихъ личной и семейной жизни, ихъ образъ мыслей и стремленія, художественныя и религіозныя воспріятія, однимъ словомъ—ихъ общую внѣшнюю и внутреннюю жизнь и придать ей насильно направленіе, желательное законодателю. Рѣзко выраженный іерархическій характеръ мышленія, отъ котораго крайній соціализмъ съ тѣхъ поръ никогда не могъ избавиться, предстаетъ здѣсь предъ нами въ особенно характерной формѣ. И подобная жизнь должна представлять нѣчто цѣнное для культурнаго человѣка и даже стать для него источникомъ высшаго личнаго счастья!

Человѣкъ, самъ ощущающій все достаточно индивидуалистично, чтобы открыто допустить, что «если все въ жизни должно было бы совершаться по предписаніямъ, то жизнь, и безъ того достаточно тяжелая, стала бы совершенно невыносимою»,—этотъ самый человѣкъ вдругъ охваченъ непреодолимымъ недовѣріемъ къ освобожденію индивидуума отъ принудительной власти внѣшнихъ нормъ. «Все, что совершается въ государствѣ по установленному порядку и узаконеніямъ, приноситъ счастье; все же неупорядоченное большей частью опять приводитъ въ разстройство даже то, что уже было упорядочено закономъ» [26]). Какъ-будто бы идеальная цѣль всего законодательства не нарушается именно внѣшнимъ регулированіемъ закономъ сторонъ жизни, которыя, въ сущности, зависятъ только отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ! Въ узкой сферѣ, оставленной соціальнымъ государствомъ Платона свободною отъ подобной регулировки, духовная упругость и подвижность индивидуума, въ которыхъ именно это государство такъ нуждается для своего существованія, систематически будутъ обезсиливаться и уничтожаться. Подъ давленіемъ контроля, который сопровождаетъ человѣка шагъ за шагомъ, онъ врядъ ли достигнетъ той самостоятельности характера и ума, безъ которыхъ вообще невозможно требуемое самимъ Платономъ дѣйствительно свободное самоопредѣленіе.

Роковой ошибкой,—повторяющейся, впрочемъ, изо дня въ день и теперь,—надо считать вѣру въ то, что при разрѣшеніи соціальныхъ задачъ частная инициатива должна быть, по возможности, исключена и замѣщена правовыми нормами и законодательной техникой. Этотъ принципъ при полномъ, послѣдовательномъ его проведеніи въ жизнь превратилъ бы общественные институты въ бездушный механизмъ, который постоянно нуждался бы въ руководствѣ своего создателя.

Правильнымъ, однако, оказывается, какъ-разъ противоположное вышеуказанному положенію Платона. Идеальнѣйшей организаціей государства является *не та*, которую выработала самая искусная система опеки, а та, въ которой принужденіе, по возможности, удалено изъ людскихъ отношеній, не нарушая интересовъ цѣлаго. Чѣмъ больше свободная дѣятельность отдѣльнаго лица или же маленькихъ кружковъ позволяетъ ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія государственныхъ и общественныхъ задачъ, тѣмъ лучше. «Каждое уменьшеніе спонтанной дѣятельности

отдѣльнаго лица равняется потерѣ силы, съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго, и потерѣ радости и самобытнаго развитія для единицы» [27]).

Правда, именно это индивидуальное развитіе и многообразіе индивидуальной мысли и ощущеній являются объектомъ недовѣрія для соціалистическаго теоретика, такъ какъ они въ высшей степени затрудняютъ подчиненіе умовъ его узаконеніямъ, имѣющимъ притязанія на монополію провозглашенія истины; они должны стать источникомъ конфликтовъ между сухимъ авторитетомъ этихъ абсолютныхъ нормъ и сознаніемъ отдѣльнаго индивида. Чтобы въ самомъ зародышѣ избѣгнуть подобныхъ конфликтовъ и достигнуть необходимаго для сохраненія этой системы «единства» образа мыслей, этотъ соціализмъ долженъ неминуемо придти къ роковому выводу, который заставляетъ его вмѣшиваться именно въ тѣ области человѣческой жизни, которыя носятъ абсолютно индивидуальный, личный характеръ, и значеніе которыхъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ ихъ индивидуализаціи здѣсь; именно поэтому надзоръ и вліяніе закона и полиціи особенно неумѣстны; таковыми являются области умственнаго творчества, нравственное и религіозное чувство, нравы и обычаи домашней жизни и т. д.

Платонъ, въ пылу увлеченія радикальнымъ усовершенствованіемъ міра, совершенно не признаетъ, что излишнее примѣненіе государственнаго принужденія можетъ вліять поистинѣ пагубно и разрушительно, что односторонній принципъ порядка, изъ котораго онъ исходитъ, всего менѣе годится для созданія желанной гармоніи между государствомъ и индивидуумомъ. А что сказать о глубокомъ заблужденіи, стремящемся отдать въ вѣдѣніе государства метафизику, вѣру, научныя изысканія? Ничто другое не могло бы болѣе рѣзко освѣтить противорѣчіе между теоретическимъ соціализмомъ и культурою, чѣмъ эта сторона государственнаго идеала Платона. Подавленіе свободы духа, дѣйствительно, является крайнимъ выводомъ, къ которому необходимо должно придти одностороннее соціалистическое государство. Отрицаніе этого современнымъ соціализмомъ—лишь признакъ его неясности или неискренности. Неумолимая логика и неподкупная правдивость древняго мыслителя не допускаютъ и здѣсь появленія иллюзіи.

Тѣмъ больше иллюзія, въ которой онъ самъ находится. Онъ не видитъ, что въ этомъ вопросѣ крайній соціализмъ вращается въ заколдованномъ кругу. Одностороннее соціалистическое государство никакъ *не можетъ* допустить свободу мысли и совѣсти, не нанося ущерба своему собственному существованію. Сама внутренняя природа его заставляетъ регулировать духовную личную жизнь и господствовать надъ нею посредствомъ всемогущей государственной власти. И, тѣмъ не менѣе, исторія на тысячахъ страницъ доказываетъ, что всѣ подобнаго рода старанія безнадежны, такъ какъ они находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ жизненными потребностями культурнаго человѣка.

Болѣе благопріятно обстоитъ дѣло съ воззрѣніями Платона на *народное хозяйство*. Въ экономическихъ сношеніяхъ и хозяйственной производительности индивидуальная и личная дѣятельность проявляются далеко не въ такой степени, какъ въ духовно-этической области; здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, имѣешь дѣло съ однообразной, безличной работой. Благодаря этому, хозяйственныя операціи поддаются контролю гораздо легче, чѣмъ мнѣнія, убѣжденія и жизненныя привычки, и въ связи съ этимъ здѣсь государственная регулировка вызываетъ значительно меньше опасеній.

Надо, впрочемъ, сознаться, что именно здѣсь особенно велико искушеніе *безмѣрнаго* расширенія сферы государственнаго вмѣшательства и опеки. И Платонъ поддался этому искушенію. Его принципъ порядка, который, «по возможности,

ничего не желаетъ оставлять безъ надзора», является даже въ примѣненіи къ народной хозяйственной жизни глубокой ошибкою. Насколько онъ правъ въ своемъ требованіи, что разумъ долженъ господствовать и надъ этими областями, а не предоставлять ихъ слѣпому случаю, настолько ошибается, когда возводитъ въ п р а в и л о принужденіе и контроль, которые безъ ущерба индивидуальной энергіи могутъ примѣняться лишь какъ исключеніе и вспомогательное средство; вмѣсто живого организма, у него получается машина, механизмъ, управляемый изъ центра.

Способы, которыми въ государствѣ законовъ разрѣшаются свыше государствомъ всѣ соціально-экономическія проблемы, планомѣрное централизованное регулированіе государствомъ производительности, потребленія и обмѣна, господствующее надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ какъ надъ большимъ домашнимъ; безпощадное подчиненіе всѣхъ частныхъ хозяйствъ системѣ обязательныхъ нормъ, вытекающихъ не изъ потребностей живой дѣйствительности, а изъ абстракціи абсолютной доктрины; устрашающія полицейскія мѣры, съ помощью которыхъ вся политика централизаціи и нивелированія приводится въ дѣйствіе,—все это, конечно, не можетъ казаться желательной цѣлью, не говоря уже о томъ, что даже самая возможность осуществленія ея еще не доказана.

Недостаточно, чтобы законодатель на бумагѣ опредѣлилъ участіе, которое, по его теоретическимъ убѣжденіямъ, должны принимать въ народномъ возстаніи и доходахъ землевладѣльцы, купцы, ремесленники и т. д. Онъ обязанъ показать, какъ надо устроить и какъ долженъ функціонировать аппаратъ, необходимый для осуществленія систематической регулировки всѣхъ имущественныхъ отношеній.

Напрасно ждать на это удовлетворительнаго отвѣта. Платонъ довольствуется тѣмъ, что обставляетъ извѣстными затрудненіями выборы въ различныя учрежденія и снабжаетъ послѣднія широкими полномочіями. Какъ-будто это обезпечиваетъ удовлетворительное проведеніе въ жизнь поставленной имъ безконечно трудной задачи! Онъ даже не даетъ указаній, какъ будетъ возможно сохранить на должной высотѣ дальнѣйшее развитіе и необходимую интенсивность процесса производства и обмѣна при экономической системѣ, въ которой главному рычагу всякой хозяйственной дѣятельности—индивидуальной выгодѣ—оставлена такая узкая сфера. Подобные вопросы не должны оставаться безъ отвѣта, какъ это дѣлается Платономъ, особенно когда хочешь давать совѣты для практической жизни. Платонъ же никоимъ образомъ отъ этого не отказывается, хотя и считаетъ второстепеннымъ вопросъ о возможности осуществленія его проекта.

Разсмотрѣнное здѣсь законодательство рисковало бы остаться мертвой буквой или стать въ неразрѣшимое противорѣчіе съ дѣйствительностью по одному тому, что оно до крайности все схематизируетъ и обобщаетъ. Запутавшись въ идеальной схемѣ своей системы, Платонъ не хочетъ видѣть того, насколько законодатель обязанъ считаться съ многосторонностью условій экономической жизни человѣчества и съ многообразностью отношеній между хозяйственными интересами. Онъ не видитъ, что чѣмъ больше экономическая политика индивидуализирована, тѣмъ она будетъ богаче результатами, и, наоборотъ, чѣмъ больше въ ней все подведено подъ общую мѣрку, тѣмъ менѣе она будетъ плодотворна.

Представимъ себѣ аграрное право, на которомъ покоится соціальное строеніе всего государственнаго организма! Ясно, что оно является результатомъ реакціи противъ положенія вещей, которое создалось въ эпоху Платона въ связи съ мобилизаціей земельной собственности, измельчаніемъ надѣловъ и поглощеніемъ земельной собственности денежнымъ капиталомъ. Взглядъ на требованія раціональной аграрной политики, который Платонъ выработалъ себѣ на основаніи

этихъ наблюденій, онъ, какъ настоящій теоретикъ, провозглашаетъ неоспоримой, всюду примѣнимой истиной. Съ этой точки зрѣнія показателемъ здороваго аграрнаго строя можетъ быть только полное подавленіе личной иниціативы; абсолютная недѣлимость и неотчуждаемость земельной собственности, а также принудительное наслѣдственное право, обезпечивающее недѣлимое наслѣдованіе. Этимъ онъ надѣется найти панацею для исцѣленія или защиты отъ худшихъ соціальныхъ болѣзненныхъ явленій. Платонъ не сознаетъ, что установленіе извѣстной площади земельныхъ надѣловъ можетъ быть правильнымъ лишь при условіи опредѣленнаго, строго и однообразно выдержаннаго способа культуры; что законодательство при схематической выработкѣ величины этой площади никогда не сумѣетъ учесть разницу въ качествѣ почвы, климата и другихъ условій обработки; что не законодатель, а только самъ сельскій хозяинъ лучше всѣхъ знаетъ, насколько велико должно быть его имѣніе, чтобы имѣть возможность быть полезнымъ для общаго народнаго хозяйства,—словомъ, что весь вопросъ свободы или связанности земельной собственности можетъ быть вообще разрѣшенъ только у с л о в н о, то-есть, для опредѣленной мѣстности, въ зависимости отъ наличныхъ условій хозяйства и культуры [28]).

Несмотря на то, что народное хозяйство государства, которое въ своей изолированности должно «само себя удовлетворять», охватываетъ всѣ формы сельскохозяйственной производительности—скотоводство, земледѣліе и садоводство, и что поэтому, въ интересахъ производства, индивидуализація аграрнаго права является необходимой, вся аграрная политика государства законовъ все же построена на теоретическихъ соображеніяхъ и готовыхъ лозунгахъ. Сообразно съ этимъ, аграрныя хозяйство и сношенія, невзирая на многообразность условій существованія, регулируются по строго однообразнымъ нормамъ, чѣмъ достигается полная неподвижность разъ установленныхъ имущественныхъ отношеній. Такъ же мало обращается вниманія и на имѣющіе большое значеніе соціально-политическіе, частно- и народно-экономическіе моменты, которые въ области пріобрѣтательнаго права не поддаются теоретической уравнительной политикѣ. Препятствія, которыя неминуемо явились бы слѣдствіемъ всеобщаго и исключительнаго проведенія въ жизнь индивидуальнаго наслѣдованія, какъ бы не существуютъ для соціальнаго государства Платона. Такъ съ трудностями, которыя создаются въ наслѣдственномъ правѣ формами согласительныхъ нормъ, онъ справляется съ помощью совершенно шаблоннаго урегулированія вопроса. Лежащее въ самой природѣ этого юридическаго института противорѣчіе интересовъ главнаго наслѣдника и остальныхъ дѣтей настолько здѣсь игнорируется, общее пониманіе и убѣжденіе въ необходимости этого института настолько глубоки, что наслѣдственныя доли остальныхъ братьевъ и сестеръ могутъ сокращаться до жалкихъ размѣровъ въ пользу главнаго наслѣдника, не нарушая семейнаго мира и соціальной гармоніи. Легкомысленный оптимизмъ, съ которымъ законодатель смотритъ здѣсь на развитіе отношеній, переходитъ даже въ наивную надежду, что требуемое замкнутостью земельной собственности изгнаніе части подрастающаго поколѣнія будетъ происходить безъ принужденія, и что обездоленные добровольно будутъ удаляться изъ родной земли на чужбину. Безъ словъ ясно, какое значеніе будутъ имѣть юридическія нормы, которыя осуществимы лишь подъ условіемъ такихъ утопій. Дѣйствительно, получается впечатлѣніе, что рѣчь идетъ объ игрѣ съ восковыми фигурами, а не о людяхъ, движимыхъ страстями и интересами.

То, что сказано объ аграрной жизни, примѣнимо и ко всѣмъ другимъ областямъ экономической политики; всюду тотъ же духъ шаблона и схематизаціи, которые

все время производятъ насильственное давленіе на настоящихъ, реальныхъ людей и ихъ отношенія, шаблонъ и схема, которыя на практикѣ разбились бы о непреодолимыя техническія и психологическія трудности. Идеальная республика Магнезія, вѣроятно, пріуготовила бы своему «законодателю» судьбу Кабэ, творца, законодателя и патріарха Икаріи, который, послѣ безконечныхъ ссоръ и общаго разочарованія, умеръ изгнанный своими икарійцами, оставленный своими друзьями, въ бѣдности и одиночествѣ.

Такимъ образомъ, этотъ первый планъ односторонней соціалистической организаціи народнаго хозяйства доказываетъ несостоятельность крайняго соціализма справиться съ соціальными проблемами съ помощью исключительно логическихъ формулъ. Эта неудача, впрочемъ, не должна намъ мѣшать признать великія и полезныя идеи, въ которыхъ и здѣсь нѣтъ недостатка.

Про «замкнутое торговое государство» Фихте говорили, что оно первое ввело въ національную экономію нравственность [29]). Въ дѣйствительности же это заслуга Платонова государства, которое съ неменьшей энергіей, чѣмъ соціальное государство Фихте, преслѣдуетъ высокую цѣль замѣны и въ экономическихъ отношеніяхъ обмана и плутней честностью, справедливостью, довѣріемъ и откровенностью.

Платонъ является предшественникомъ Фихте и въ томъ, что онъ въ основныхъ чертахъ своей экономической системы намѣчаетъ задачи, которыя дѣйствительно должны быть признаны за истинный идеалъ правильной экономики хозяйственной жизни. Нельзя не согласиться съ правильностью той его точки зрѣнія на основныя условія здороваго народнаго хозяйства, которая требуетъ отъ экономической политики прежде всего заботы о равномѣрномъ распредѣленіи населенія по родамъ занятій и о сохраненіи равновѣсія между численностью народонаселенія и возможностью экономическаго существованія. Точно такъ же вполнѣ справедливо само по себѣ стремленіе Платона избѣжать слишкомъ большого неравенства земельной собственности. Хотя взаимныя отношенія сословій въ государствѣ законовъ далеко не отвѣчаютъ идеальнымъ требованіямъ, и положеніе, напримѣръ, ремесленнаго класса совершенно невыносимо, однако, въ основѣ своей правильна мысль, что въ здоровомъ государствѣ должны быть на лицо условія для существованія и процвѣтанія многочисленнаго, удовлетвореннаго, нравственно и политически сильнаго средняго сословія, какъ лучшей защиты отъ господства крайнихъ сословій, отъ мамонизма и пауперизма, олигархіи и охлократіи и отъ тираніи. Это та идея, которая, благодаря классическому изложенію «Политики Аристотеля», стала общимъ достояніемъ политическихъ наукъ [30]). Далѣе совершенно справедливо придается въ государствѣ законовъ большое значеніе тому, чтобы ходъ экономическаго развитія былъ, по возможности, опредѣленный, чтобы товарообмѣнъ совершался регулярно и равномѣрно, и колебанія въ оцѣнкѣ и цѣнѣ и тому подобныя препятствія, нарушающія имущественные интересы отдѣльныхъ лицъ, становились бы все болѣе рѣдкими, и чтобы, наконецъ, всѣмъ этимъ достигалась высшая степень безопасности собственности и существованія отдѣльнаго гражданина. Все это, дѣйствительно, является истинной задачей экономической дѣятельности каждаго народа и государства.

Ошибка Платона, подобно Фихте, заключается въ выборѣ средствъ для осуществленія его идей. Часто даже все его заблужденіе состоитъ лишь въ томъ, что онъ, подъ вліяніемъ своего односторонняго принципа порядка, ставитъ задачей государства то, что послѣднее не можетъ разрѣшить единолично, гдѣ должно дѣйствовать общество, исходя изъ интересовъ идивидуума; государство и право могутъ здѣсь оказать много-много косвенную помощь обществу.

Даже нѣкоторыя средства, рекомендуемыя Платономъ для созданія здоровыхъ соціально-экономическихъ отношеній, будутъ претендовать не болѣе какъ на относительное значеніе, при условіи, что они въ высшей степени достойны вниманія. Точно также заслуживаютъ вниманія общіе принципы, которыми Платонъ поддерживаетъ свои предложенія.

Аграрное право, напримѣръ, обезпечивающее недѣлимость отцовскаго надѣла при наслѣдованіи, въ извѣстныхъ условіяхъ легко можетъ стать необходимымъ для нуждъ производства и въ интересахъ общаго благосостоянія народа. А что въ этомъ случаѣ государство обязано вмѣшиваться со своей принудительной властью, что было бы иллюзіей разсчитывать на добровольное справедливое распоряженіе своей собственностью,—это исторія доказала въ достаточной степени.

Провозглашеніе законодательствомъ государства законовъ земли самымъ цѣннымъ, что народъ можетъ назвать своей собственностью; признаніе тѣсной связи между земельной собственностью и сельскимъ хозяйствомъ, съ одной стороны, и важнѣйшими жизненными интересами народа съ другой; неослабная энергія, съ которой оно подчеркиваетъ право государства вліять на то, чтобы земельная собственность была использована и обработана въ соотвѣтствіи съ потребностями всего цѣлаго,—все это, дѣйствительно, достойно подражанія и въ наше время. Насколько несимпатичны монополія полноправныхъ гражданъ на земельную ренту и судьба, выпадающая на долю землепашца, настолько, наоборотъ, заслуживаетъ симпатіи то, что общественное правовое самосознаніе государства законовъ признаетъ право на эту ренту только подъ условіемъ, чтобы послѣдняя использовалась ея владѣльцами какъ основа для развитія неутомимой дѣятельности, посвященной общественному благу, какъ необходимое условіе для возможности несенія тяжести отвѣтственныхъ общественныхъ функцій; граждане должны являться людьми напряженнаго труда, строго исполняющими свои обязанности, а не праздными трутнями.

Не менѣе заслуживаетъ подражанія взглядъ, по которому, исходя изъ этихъ основныхъ воззрѣній, вся частная собственность разсматривается одновременно и съ о б щ е с т в е н н о-правовой точки зрѣнія, и земельная собственность считается не частно-правовымъ, а о б щ е с т в е н н о-правовымъ институтомъ. Въ то время, какъ чисто-индивидуалистическія системы частнаго права позволяютъ опредѣлять содержаніе и объемъ частной собственности индивидуальной волѣ собственника, но рядомъ съ этимъ допускаютъ и исключенія въ видѣ вмѣшательства государства въ частную себственность «въ общественныхъ интересахъ», чѣмъ создается нѣчто въ родѣ войны между публичнымъ и частнымъ правомъ, Платонъ въ основу частновладѣльческаго порядка положилъ юридическій принципъ, который сразу ограничиваетъ права частной собственности такъ, какъ это наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ всего ц ѣ л а г о.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ и въ этомъ вопросѣ наше время тамъ, гдѣ оно серьезно желаетъ ввести соціально-правовую организацію частной собственности, совершенно невольно вступаетъ на путь, предначертанный Платономъ. Если въ платоновомъ соціальномъ государствѣ гражданинъ постоянно обязанъ помнить, что онъ на своемъ надѣлѣ обрабатываетъ «общую собственность всего государства», то и Юстусъ Мезеръ мотивируетъ право государства вмѣшиваться въ распредѣленіе земли чисто-платоновскими словами: «Земля принадлежитъ государству». А современныя стремленія поставить на мѣсто абсолютнаго права частной собственности и вообще всего римскаго юридическаго опредѣленія этого понятія—истинно-соціальное право привели къ созданію понятія собствен-

ности, по которому (высшее) владѣніе землею принадлежитъ цѣлому (государству, общинѣ и т. д.), индивидууму же лишь уступается право пользованія (правда, наслѣдственно и съ правомъ отчужденія). По такому представленію о собственности отдѣльное лицо имѣетъ не больше правъ, чѣмъ ихъ дарovано. Такое право, надѣются его создатели, создастъ твердую основу для болѣе дѣйствительной борьбы съ земельнымъ ростовщичествомъ и задолженностью земельной собственности, тогда какъ тамъ, гдѣ придерживаются римскаго юридическаго принципа въ его примѣненіи къ землѣ, это невозможно безъ произвола и внутренняго противорѣчія.

Въ задачу историка не входитъ оцѣнка осуществимости этой организаціи земельной собственности въ видѣ наслѣдственнаго лена. Справедливость же лежащей въ основѣ ея общей идеи онъ долженъ полностью признать, такъ какъ она явилась неоспоримымъ требованіемъ исторической жизни: мы дѣйствительно нуждаемся въ понятіи собственности, которое заключало бы въ себѣ и эвентуальность законодательнаго ограниченія права собственника распоряжаться ею по своему усмотрѣнію и даже обязательство опредѣленной дѣятельности въ отношеніи эксплуатаціи его собственности, которое можетъ быть на него возложено [31]). Истинно-національное и народное право, никогда не сумѣетъ надолго избѣжать этого требованія, какъ бы односторонній индивидуализмъ и формализмъ ни противились ему. Если бы кодификація usus modernus Pandectarum, которую предполагаютъ навязать германскому народу, какъ сводъ гражданскихъ законовъ, стала настоящимъ правомъ, это равнялось бы роковому шагу назадъ къ пережитому еще эллинствомъ представленію о правѣ!

Другая идея, имѣющая огромное значеніе,—это принципъ гласной экономической жизни, являющейся однимъ изъ главнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ экономической политики государства законовъ. Хотя о проведеніи этого принципа въ жизнь въ смыслѣ Платона не можетъ быть и рѣчи, однако, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что философъ здѣсь съ геніальной интуиціей высказалъ мысль, которой еще предстоитъ великое будущее. Многое даже уже сдѣлано въ этомъ направленіи. Современное государство требуетъ безусловной гласности банковыхъ операцій и акціонерныхъ обществъ, а также общественнаго контроля закладныхъ книгъ и торговыхъ регистровъ, дающихъ понятіе о кредитоспособности купца. Вексельный курсъ, отчеты дивидендовъ пролили такой неожиданный свѣтъ не только на предпріятія, имѣющія форму акціонерной компаніи, но и на всѣ родственныя имъ предпріятія и вообще на прибыли съ торговли и промышленности, что потребность общества быть точно освѣдомленнымъ о всѣхъ дѣйствіяхъ его отдѣльныхъ членовъ сильно возросла. Мы знаемъ теперь, что возможность привлечь имущіе, особенно торгово-промышленные классы къ добровольнымъ, вполнѣ отвѣчающимъ ихъ средствамъ, жертвамъ для проведенія соціальныхъ реформъ, и къ несенію государственныхъ и общественныхъ функцій, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ степени гласности въ экономической жизни. Современное государство работаетъ надъ усовершенствованіемъ правительственной статистики, которая все больше и глубже знакомитъ насъ съ условіями производства, распредѣленія собственности и доходовъ и тѣмъ становится все болѣе необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ государственной экономической политики.

Все это мы должны себѣ представить, если хотимъ вполнѣ оцѣнить историческое значеніе разсмотрѣннаго здѣсь государственнаго идеала. Несмотря на то, что пути, на которые указываетъ Платонъ, часто ведутъ къ заблужденіямъ и въ пропасти, по нимъ все же часто поднимаешься на свѣтлыя высоты и получаешь впечатлѣнія, которыя «полны будущаго».

Отдѣлъ IV.—Фрагментъ Аристотелевскаго идеала государства.

Соціальная философія Платона, какъ мы видѣли, почти отказавшись отъ вовможности осуществленія послѣднихъ и самыхъ крайнихъ выводовъ органически-соціалистической теоріи государства и общества, все-таки продолжала придерживаться этой теоріи, какъ своего идеала, съ логической необходимостью вытекавшаго изъ идеи общности. У Аристотеля отреченіе на дѣлѣ переходитъ въ отреченіе принципіальное.

Вполнѣ соглашаясь съ теоріей государственныхъ построеній по аналогіи съ физическими организмами [1]), Аристотель, однако, не имѣетъ намѣренія доводить, вмѣстѣ съ Платономъ, это сравненіе до того заключенія, согласно которому, достигнутое концентраціей всей жизни въ одномъ органѣ единство физическаго организма должно разсматриваться какъ прототипъ самой идеальной формы государственнаго общества. Мнѣніе Платона относительно достижимости или даже только желательности подобнаго объединенія Аристотелю сразу кажется неестественнымъ преувеличеніемъ общественнаго принципа.

Аристотель указываетъ, что государство множественно по самой своей природѣ [2]), и эта множественность, слагаясь изъ элементовъ, другъ отъ друга различныхъ, только въ *извѣстныхъ* отношеніяхъ можетъ и должна стать единствомъ [3]), такъ какъ разнородность элементовъ дѣлаетъ невозможнымъ то единство чувства, мысли и воли, о которомъ мечталъ Платонъ.

Соціальную гармонію (συμφωνία) своего идеальнаго государства Платонъ сравниваетъ съ созвучіемъ тоновъ; Аристотель полагаетъ, что платоновское единство превратило бы многоголосіе въ одноголосіе и ритмическую композицію свело бы къ одному такту [4]); т.-е. вмѣсто гармоничнаго взаимодѣйствія индивидуально-различныхъ и, именно благодаря этой различности, стремящихся ко взаимному пополненію живыхъ силъ возникло бы чисто-механическое однообразіе, безжизненная монотонность. А между тѣмъ гармонія вовсе не заключается въ постоянномъ повтореніи одного и того же тона, но въ созвучіи *многихъ* тоновъ.

Этотъ взглядъ Аристотеля прекрасно формулировалъ Монтескье. «То, что называютъ единствомъ государственнаго тѣла,—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи о причинахъ величія и паденія римлянъ [5]),—имѣетъ двоякій смыслъ. Истинный видъ единства—единство гармоническое, въ силу котораго всѣ части, какъ бы противоположны онѣ намъ ни казались,—подобно тому, какъ въ музыкѣ диссонансъ разрѣшается въ гармонію основного аккорда,—дѣйствуютъ сообща на благо всего общества. Онѣ, какъ элементы міра, вѣчно связаны другъ съ другомъ дѣйствіемъ однѣхъ и противодѣйствіемъ другихъ».

Если индивидуальныя различія входящихъ въ составъ общества отдѣльныхъ лицъ не допускаютъ такого единства, въ которомъ, говоря словами Родбертуса [6]), «всякая индивидуальная жизнь сливается съ жизнью соціальной, и общество претворяется въ одну волю, въ одно стремленіе и одну силу—по аналогіи съ человѣкомъ»—то, по мнѣнію Аристотеля, эта же разнородность составныхъ единицъ общества мѣшаетъ и механическому нивелированію, которое платоновскій соціализмъ, въ

цѣляхъ доведенія единства до высшей ступени совершенства, старается провести въ жизнь путемъ уничтоженія частной собственности и единобрачія. Потребности и удовлетворяющія ихъ орудія пользованія у отдѣльныхъ индивидуумовъ чрезвычайно различны; столь же различны производительность и притязанія, которыя, именно въ силу неравной продуктивности индивидуумовъ, отдѣльный человѣкъ считаетъ себя въ правѣ предъявлять.

Затрудненіе это отнюдь не можетъ быть разрѣшено на почвѣ имущественной общности, уже не говоря о томъ, что самая общность тутъ легко можетъ стать источникомъ раздвоенія, которому нѣтъ мѣста при индивидуальномъ хозяйствѣ и индивидуальной собственности.

Нераздѣльность имущества не можетъ удовлетворить индивидуума еще и въ другомъ отношеніи: «самой природой вложенная въ человѣка», а, слѣдовательно, и законная любовь его къ самому себѣ, естественно, заключаетъ въ себѣ стремленіе къ пріобрѣтенію и къ обладанію личной собственностью. Упраздненіе частной собственности отняло бы у человѣка «невыразимое наслажденіе»—право что-либо называть своимъ [7])—и лишило бы его столько великихъ благъ, что жизнь въ подобныхъ условіяхъ стала бы казаться ему нестерпимой [8]).

Съ такой же рѣшительностью, какъ въ оспариваніи крайностей соціалистическаго мышленія съ точки зрѣнія индивидуума въ области соціально-экономической, индивидуалистическій моментъ выступаетъ у Аристотеля и при разрѣшеніи главнаго и основного вопроса всякой государственной организаціи,—вопроса о носителѣ и выразителѣ верховной власти.

Съ точки зрѣнія цѣлаго, въ интересахъ государственнаго единства и, по возможности, совершенной въ техническомъ отношеніи дѣятельности государства, конечно, лучше, когда «постоянно управляютъ одни и тѣ же лица», чѣмъ когда представители верховной власти постоянно мѣняются. Аристотель съ этимъ опредѣленно соглашается [9]). И, тѣмъ не менѣе, въ своемъ «лучшемъ государствѣ» къ управленію и должностямъ онъ допускаетъ, въ регулярной смѣнѣ, всѣхъ гражданъ. По какимъ же соображеніямъ? Соображенія его носятъ чисто-индивидуалистическій характеръ!

Полноправные граждане аристотелевскаго идеальнаго государства какъ въ соціально-экономическомъ, такъ и въ нравственно-интеллектуальномъ отношеніяхъ обладаютъ сильной степенью равенства. Въ этомъ пунктѣ государство Аристотеля близко соприкасается съ государствомъ законовъ Платона. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ гражданиномъ можетъ быть только тотъ, кто обладаетъ полной способностью къ стройному развитію всѣхъ своихъ задатковъ и можетъ со всей преданностью отдаться политической дѣятельности. Земледѣльцы же принадлежатъ къ разряду крѣпостныхъ людей или туземцевъ не-греческаго происхожденія [10]) и, вмѣстѣ съ торговыми и промышленными классами, лишены правъ гражданства [11]). Всѣ граждане одинаково и достаточно обезпечены въ экономическомъ отношеніи; каждый изъ нихъ владѣетъ равнымъ надѣломъ земли на территоріи государства [12]). У всѣхъ одна цѣль и одно призваніе: совершенствоваться для высшаго духовнаго и нравственнаго развитія, а государство своей для всѣхъ одинаковой системой воспитанія и обученія гарантируетъ всѣмъ одинаковую возможность достиженія этой цѣли [13]).

Одинаковая цѣнность всѣхъ индивидуумовъ, какъ людей и гражданъ,—цѣнность, которую указаннымъ путемъ надѣется установить лучшее государство,—служитъ Аристотелю исходной точкой при обсужденіи проблемы государственнаго устройства. Выводы свои при разработкѣ конституціи лучшаго государства онъ не извлекаетъ

изъ односторонних правъ и интересовъ цѣлаго; онъ исходитъ скорѣе изъ упомянутой выше одинаковой средней цѣнности индивидуумовъ и обусловленныхъ ею притязаній на одинаковое участіе всѣхъ гражданъ въ господствѣ.

Тамъ, гдѣ въ главныхъ чертахъ всѣ граждане обладаютъ одними и тѣми же качествами, какъ это имѣетъ мѣсто въ лучшемъ государствѣ, въ смыслѣ гражданскихъ добродѣтелей,—и въ силу того, что равнымъ должно причитаться равное [14]),—справедливость требуетъ, чтобы могли стоять у власти всѣ безъ различія, независимо отъ того, будетъ ли это ущербомъ или преимуществомъ для самаго выраженія верховной власти [15]).

Для индивидуалистической тенденціи подобной организаціи не менѣе характерно и указаніе, будто такая идея равенства соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію [16]). Въ послѣднемъ отношеніи между принципомъ государственнаго устройства лучшаго государства и принципами олигархіи или демократіи нѣтъ никакой разницы. Аристотель опредѣленно признаетъ, что и эти формы государственнаго устройства, именно благодаря своему принципу равенства, «приближаются къ истинной справедливости». И если такое приближеніе удается имъ лишь до извѣстной степени, и онѣ не могутъ осуществить полной и совершенной справедливости [17]), то въ этомъ виновато только то заблужденіе, которому предаются представители какъ олигархіи, такъ и демократіи: они не понимаютъ, что̀ дѣлаетъ отдѣльныхъ лицъ равными или неравными между собою. Олигархи думаютъ, что имущественное неравенство влечетъ за собою неравенство и въ другихъ отношеніяхъ; демократы, напротивъ, полагаютъ, что равные въ смыслѣ личной свободы люди, равны и во всемъ остальномъ. Лучшее же государство нашло вѣрный масштабъ для опредѣленія равенства или неравенства людей и обращается къ этому масштабу при распредѣленіи правъ и имуществъ въ государствѣ [18]). Отъ несовершеннаго строя государствъ дѣйствительности лучшее государство отличается не исходной точкой своихъ отправленій, а правильнымъ опредѣленіемъ содержанія принципа равенства.

Согласно цѣлямъ лучшаго государства, государственныя должности и, вообще, общественныя функціи доступны, однако, не всѣмъ безъ различія, а только людямъ, находящимся въ зрѣломъ возрастѣ; послѣдній служитъ государству большей гарантіей знаній и опытности [19]); но именно въ этомъ опять-таки и заключается осуществленіе принципа равенства, надѣляющаго каждое лицо тѣмъ, что ему полагается, а потому и принимающаго въ разсчетъ обусловленное возрастомъ различіе въ продуктивности индивидуумовъ. Кромѣ того, такое разграниченіе вызвано и естественнымъ правомъ. Оно соотвѣтствуетъ самой природою созданной противоположности двухъ поколѣній, изъ которыхъ старшему подобаетъ повелѣвать, а младшему—слушаться. Необходимость повиноваться въ молодыхъ годахъ никто не считаетъ нарушеніемъ своего права; всякій знаетъ, что съ достиженіемъ извѣстнаго возраста и онъ получитъ почетное преимущество—повелѣвать [20]). Таковъ порядокъ лучшаго государства. Принципъ равенства здѣсь проведенъ настолько строго, что лица, обладающія, благодаря своему возрасту, правомъ занять должность и постольку между собою равныя, постоянно уступаютъ другъ другу дорогу; ни одна должность на долгое время не остается въ однѣхъ рукахъ; каждая замѣщается то тѣмъ, то другимъ изъ гражданъ. «Всѣ одинаково участвуютъ въ смѣняющемся господствѣ и подчиненіи» [21]).

Съ признаніемъ принципа равенства удовлетворяется, впрочемъ, лишь часть претензій, предъявляемыхъ государству съ личной точки зрѣнія индивидуума. Въ томъ мѣстѣ своего труда, гдѣ Аристотель подчеркиваетъ естественную силу, за-

ставляющую людей инстинктивно сливаться въ государственное сообщество, онъ прибавляетъ многозначительныя и до сихъ поръ недостаточно еще взвѣшенныя слова: «однакоже, пусть не думаютъ, что людей не соединяетъ, кромѣ того, и сознаніе общей п о л ь з ы, поскольку на каждаго отдѣльнаго человѣка имѣетъ свою часть въ усовершенствованномъ и болѣе счастливомъ существованіи (достижимомъ только въ государствѣ). Скорѣе это-то и оказывается н а с т о я щ е й ц ѣ л ь ю,—цѣлью, которую они преслѣдуютъ всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, объединяясь въ государствѣ» [22]). Стремленіе къ счастью, къ удовольствію, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, Аристотель считаетъ всепроникающимъ инстинктомъ. «Природа явственно избѣгаетъ болѣзненнаго и жаждетъ пріятнаго» [23]). Средствомъ къ самому идеальному удовлетворенію этого стремленія къ «εὖζῆν» (хорошей жизни) и является конституція лучшаго государства [24]).

Можно ли найти болѣе ясное выраженіе индивидуальнаго интереса? Удовлетвореніе со стороны государства стремленія индивидуума къ самосохраненію и благополучію выставляется цѣлью самой природы. Побужденія, породившія низшія формы человѣческаго общежитія—семью и общину, приводятъ людей къ обширному государственному союзу, такъ какъ только государство гарантируетъ возможно совершенное достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей [25]). Поэтому справедливыми государственными установленіями являются тѣ, которыя удовлетворяютъ цѣли благополучія, несправедливыми—тѣ, которыя ей противорѣчатъ.

Требованіе благополучія, «составляющаго высшее благо», настолько сильно доминируетъ въ жизни и стремленіяхъ всѣхъ людей въ государствѣ, что можно даже сказать: въ немъ одномъ нужно искать конечную причину существованія различныхъ формъ государства и государственнаго устройства. «Преслѣдуя различными способами и средствами эту цѣль, люди вызываютъ тѣмъ самымъ разнообразіе жизненныхъ направленій и государственныхъ формъ» [26]). Поэтому критеріемъ лучшаго государства является сознаніе, что своихъ гражданъ оно ведетъ по в ѣ р н о м у пути къ счастью и тѣмъ достигаетъ того, къ чему другіе стремятся болѣе или менѣе напрасно. Вмѣстѣ съ истиннымъ равенствомъ оно осуществляетъ также и истинное счастье. «Каждое отдѣльное лицо здѣсь обставлено наилучшимъ образомъ», а потому, дѣйствительно, каждый человѣкъ въ немъ «ведетъ счастливую жизнь» [27]).

Этому индивидуалистическому ходу идей Аристотель слѣдуетъ настолько, что тамъ, гдѣ между отдѣльными гражданами существуетъ широкое равенство, какъ между полноправными гражданами лучшаго государства, онъ признаетъ и право, насколько то возможно, на р а в н о м ѣ р н о е удовлетвореніе ихъ стремленія къ счастью. Внѣшній, матеріальный субстратъ счастливаго существованія—собственность—распредѣленъ между ними равномѣрно не только въ интересахъ поддержанія государства [28]), но и потому, что этого требуютъ равенство и справедливость [29]). «Члены государственнаго сообщества либо вовсе не заслуживаютъ названія гражданъ государства, либо всѣ должны пользоваться п р е м у щ е с т в а м и государственнаго общежитія» [30]),

Не заключается ли въ этомъ взглядѣ, въ и з в ѣ с т н о м ъ смыслѣ, какъ-разъ то, что недавно было провозглашено специфическимъ признакомъ индивидуалистическаго коммунизма [31])? Не требуетъ ли Аристотель такъ же, какъ и этотъ коммунизмъ, чтобы государство являлось для индивидуумовъ причиной опредѣленнаго жизненнаго содержанія, общимъ достояніемъ, въ реальномъ пользованіи которымъ всѣ индивидуумы должны имѣть одинаковое право участія? Не должно ли государство служить одинаковымъ средствомъ для всѣхъ къ возможно равному удовлетворенію интересовъ каждаго? Развѣ и здѣсь, изъ одинаковой цѣнности индиви-

дуумовъ, прямо не вытекаютъ притязанія на общее счастье (bonheur commun). Кругъ индивидуумовъ, для которыхъ имѣетъ значеніе послѣдній выводъ, ограниченъ,—вѣдь благоденствіе, составляющее цѣль стремленій лучшаго государства, достижимо только для гражданъ послѣдняго,—но для принципіальнаго взгляда это безразлично. Въ цѣломъ весь выводъ отъ этого не теряетъ своего индивидуалистическаго характера. Не измѣняетъ его и то обстоятельство, что цѣль счастья здѣсь понимается въ иномъ, болѣе высокомъ и идеальномъ смыслѣ, чѣмъ тотъ пошлый гедонизмъ, который имѣетъ въ виду указанный выше индивидуалистическій коммунизмъ.

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ именно пунктѣ между тѣмъ и другимъ взглядомъ существуетъ значительное различіе. Аристотель, конечно, очень далекъ отъ односторонней и исключительной дедукціи изъ индивидуальнаго интереса,—дедукціи, которою отличается основанное на индивидуализмѣ воззрѣніе современнаго коммунизма. У Аристотеля рука-объ-руку съ дедукціей изъ индивидуальнаго интереса идетъ дедукція изъ интереса соціальнаго.

Если государство признаетъ притязанія индивидуума на удовлетвореніе его стремленія къ равенству и счастью, то оно дѣлаетъ это не только ради справедливости по отношенію къ отдѣльному человѣку, но и ради интересовъ цѣлаго, такъ какъ эта справедливость въ то же время есть «благо для государства и содѣйствуетъ общественному благосостоянію» [32]). Само государство «желаетъ, по возможности, состоять изъ одинаковыхъ или подобныхъ другъ другу членовъ» [33]); оно желаетъ властвовать надъ свободными и приблизительно равными [34]). Вѣдь только среди равныхъ возможно «дружелюбіе», составляющее основу всякаго истиннаго сообщества и, въ особенности, «самаго совершеннаго и высшаго» сообщества государственнаго [35]).

Гарантируя, далѣе, всѣмъ гражданамъ равное право совмѣстнаго рѣшенія, государство возлагаетъ на нихъ въ то же время и обязанности. Оно знаетъ, что всякій въ немъ «будетъ хорошо выполнять поставленную ему задачу», такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ въ лучшемъ государствѣ съ индувидуальными качествами соединяетъ качества хорошаго гражданина, обладающаго умѣньемъ и волею подчиняться верховной власти или управлять, съ цѣлью создать жизнь на основѣ духовнаго и нравственнаго совершенства. Отдѣльныя лица въ этомъ государствѣ не чувствуютъ себя въ противорѣчіи съ цѣлымъ; они считаютъ себя живыми членами сообщества. Все воспитаніе направлено на развитіе чувства общности, для того, чтобы государство, несмотря на свою естественную многообразность, было единымъ въ самомъ себѣ [36]). И если для установленія такой общности и единства оно не требуетъ коммунизма, то все-таки въ гражданахъ лучшаго государства предполагается такое близкое къ совершенству «уравненіе желаній» [37]), такая интенсивность соціальнаго образа мыслей, что никто изъ нихъ не захочетъ быть больше или имѣть больше чѣмъ другой [38]), и что всякое владѣніе—даже и частная собственность—«правомъ пользованія превращается въ общее достояніе» [39]). Самый принципъ соціальной этики Платона, согласно которому гражданинъ «принадлежитъ не себѣ, а государству», дословно, какъ мы видѣли, повторяется Аристотелемъ [40]). И такъ же, какъ у Платона, изъ взгляда на отношеніе человѣка къ государству, какъ члена къ организму, выводится заключеніе, что «правильнымъ попеченіемъ объ отдѣльномъ человѣкѣ (какъ членѣ государства) является только то, которое одновременно имѣетъ въ виду и цѣлое» [41]).

Конечно, Аристотель такъ же, какъ и Платонъ, вовсе не понимаетъ это въ томъ смыслѣ, что индивидуумъ долженъ считать себя исключительно лишь органомъ государственныхъ интересовъ и совершенно перестаетъ быть цѣлью для са-

мого себя. Для теоріи государства, настолько сильно признающей индивидуальный интересъ, какъ теорія Аристотеля, отдѣльная личность не можетъ существовать только ради цѣлаго, стремящагося исключительно къ своему собственному совершенству, нисколько не считаясь съ благомъ или неблагополучіемъ индивидуума. Государство пользуется отдѣльнымъ лицомъ въ качествѣ служебнаго органа не потому, что цѣлью для себя оно считаетъ одно только общество, а на индивидуума смотритъ лишь какъ на средство, и что соціальное цѣлое есть все, а индивидуумъ—ничто; каждый гражданинъ лучшаго государства долженъ быть, напротивъ, убѣжденъ въ томъ, что, служа цѣлямъ государства, онъ въ то же время лучше всего содѣйствуетъ и своимъ собственнымъ жизненнымъ цѣлямъ.

Противорѣчіе индивидуализма и соціализма лучшее государство Аристотеля разрѣшаетъ совершенно такъ же, какъ и государство Платона; это противорѣчіе переходитъ въ высшее единство, въ совпаденіе индивидуальнаго и соціальнаго интереса. Конечная цѣль государственнаго сообщества—благополучіе, состоящее въ полномъ проявленіи духовныхъ и нравственныхъ качествъ,—совпадаетъ въ представленіи Аристотеля въ полной мѣрѣ съ цѣлью индивидуальнаго существованія [42]).

Лучшее для государства оказывается тутъ лучшимъ и для отдѣльнаго человѣка, и наоборотъ [43]). И если законодателю удается, какъ это должно случиться въ совершенномъ государствѣ, привить это убѣжденіе людямъ [44]), то отдѣльный человѣкъ не можетъ уже имѣть никакой другой цѣли, кромѣ цѣлаго. «Интересъ всѣхъ (intérêt de tous, πάντες ὡς ἕκαστος!) находитъ себѣ здѣсь такое же удовлетвореніе, какъ и интересъ общества, какъ такового (intérêt général, πάντες ὁμοίως!)». «Немыслимо, чтобы цѣлое было счастливо, если того же нельзя сказать обо всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, о большей или опредѣленной части его [45]). Со счастьемъ дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ съ четнымъ числомъ: цѣлое можетъ быть само по себѣ четнымъ въ то время, какъ ни одно изъ составныхъ чиселъ не является таковымъ; со счастьемъ же этого не бываетъ» [46]). Поэтому «если лучшей конституціей нужно считать ту, которая дѣлаетъ наиболѣе счастливымъ [47]) все государство», то это счастье должно распространяться и на всѣхъ гражданъ [48]).

Отсюда ясно, что, какъ рѣшительно ни выдвигаетъ Аристотель права цѣлаго и обязанности по отношенію къ нему индивидуумовъ, все-таки соціализмъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ современный изобрѣтатель термина, т.-е. соціализмъ, приносящій индивидуума —и притомъ принципіально—въ жертву цѣлому [49]), не входитъ въ намѣренія аристотелевскаго государства. Правда, и оно подчиняетъ своихъ гражданъ болѣе или менѣе сложному строю, до крайности ограничивающему свободу отдѣльнаго лица и налагающему на послѣднее самыя обширныя обязанности. Но это дѣлается не только ради развитія и совершенствованія соціальнаго цѣлаго, а столько же и потому, что этотъ строй въ гораздо большей, чѣмъ существующій свободный строй общества, оказывается лучшимъ, вѣрнѣе дѣйствующимъ средствомъ, помогающимъ обоснованному естественнымъ правомъ интересу индивидуума достигнуть болѣе усовершенствованнаго и счастливаго личнаго существованія. Принужденіе, налагаемое на отдѣльную личность, передъ индивидуальнымъ сознаніемъ оправдывается тѣмъ, что оно является путемъ къ счастью, къ «самой желанной жизни» [50]).

Относительно возможности политическаго сообщества, въ которомъ интересы отдѣльнаго лица правильно сочетались бы съ интересами цѣлаго, въ соціальной философіи Аристотеля мы находимъ такъ же мало доказательствъ, какъ и у Платона. Мы видимъ тѣ же недоказанныя и бездоказательныя аксіомы, на которыхъ какъ

тамъ, такъ и тутъ покоится апріористическое настроеніе абстрактнаго общества. Аристотелевскіе выводы только подтверждаютъ уже сдѣланныя при разборѣ платоновскаго идеала государства наблюденія, что въ рамкахъ указаннаго ученія всякій значительный въ теоретическомъ отношеніи шагъ впередъ оказывается невозможнымъ.

Какъ тѣсно аристотелевская теорія государства по своимъ основнымъ соціальнымъ принципамъ примыкаетъ къ Платону, ясно указываетъ та форма, въ которой Аристотель представляетъ себѣ осуществимымъ свое государство.

Государственное сообщество, κοινωνία πολιτική, имѣетъ у него организацію, въ которой личная свобода отдѣльнаго человѣка поглощается цѣлымъ настолько же сильно, какъ и въ государствѣ Платона. И у него государство является высшимъ причиннымъ агентомъ въ созданіи жизненнаго содержанія индивидуумовъ; своей всесильной властью оно направляетъ общую жизнь ихъ по опредѣленнымъ, свыше предначертаннымъ путямъ. Покоящаяся на основѣ индивидуалистическаго принципа равенства правящая сила трактуется въ чрезвычайно соціалистическомъ смыслѣ, и духъ полицейскаго государства въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выступаетъ здѣсь передъ нами еще болѣе отталкивающимъ, чѣмъ у Платона.

Въ аристотелевскомъ государствѣ общее народное хозяйство также подчинено централизованному государственному руководству; путемъ систематическаго регулированія оборота и распредѣленія благъ оно должно стать, по возможности, однороднымъ, т.-е. хозяйствомъ, руководимымъ одной волею.

О томъ, какъ представлялъ себѣ Аристотель эту организацію народнаго хозяйства, какъ онъ думалъ на практикѣ осуществить свою уже выше обстоятельно разобранную нами антикапиталистическую теорію хозяйства [51]), мы, правда, знаемъ очень мало; потому ли, что Аристотелю не удалось изложить хозяйственную систему своего лучшаго государства, потому-ли, что соотвѣтственная часть «Политики» до насъ не дошла. Но и то немногое, что намъ извѣстно, достаточно, чтобы ясно установить указанное тѣсное родство аристотелевскаго и платоновскаго соціализма.

Совершенно въ духѣ Платона оказываются предложенія, клонящіяся къ ограниченію внѣшнихъ торговыхъ сношеній [52]); требованіе строгой иностранной полиціи, т.-е. законовъ, стѣсняющихъ свободу переселеній и «опредѣляющихъ, кто съ кѣмъ можетъ вступать въ сношенія, кто—нѣтъ» [53]); наконецъ, предложенія, направленныя къ установленію имущественнаго равенства среди гражданъ [54]) и общаго хозяйства для трапезныхъ товариществъ; въ этихъ послѣднихъ общехозяйственный принципъ Аристотель хочетъ провести еще строже, чѣмъ Платонъ. Въ основу сисситій онъ кладетъ не приношенія отдѣльныхъ гражданъ; значительную часть территоріи онъ сразу объявляетъ общей собственностью и доходами съ нея покрываетъ расходы на сисситіи [55]). Менѣе радикальнымъ, чѣмъ Платонъ, онъ является лишь въ томъ, что отказывается отъ привлеченія въ сисситіямъ женщинъ.

Что же касается движимаго капитала, то въ дошедшемъ до насъ изложеніи идеальнаго государства о немъ не говорится ничего, кромѣ уже извѣстнаго требованія: всякой собственностью нужно дѣлиться, какъ подобаетъ друзьямъ, и тѣмъ превращать ее до извѣстной степени въ общее достояніе. Насколько, однако, и въ этой области Аристотель считалъ необходимымъ систематическое вмѣшательство государственной власти, ясно показываетъ его критика предшественниковъ, которую онъ предпосылаетъ изложенію своего собственнаго идеала государства.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ имущественномъ равенствѣ въ идеальномъ государствѣ Фалея, онъ ставитъ послѣднему въ упрекъ то, что онъ ограничивается уравненіемъ земельной собственности и при своей реформѣ оставляетъ

безъ вниманія весь движимый капиталъ, владѣніе рабами, скотомъ, деньгами, домашней утварью и т. д. Аристотель полагаетъ, что либо все нужно предоставить собственному теченію, либо—если дѣйствительно хотятъ достигнуть основательнаго результата—нужно и въ отношеніи движимаго капитала стремиться къ равному его распредѣленію или, по крайней мѣрѣ, къ установленію опредѣленной средней нормы [56]). Этимъ отчетливо признается соціалистическое урегулированіе вопроса движимой собственности, которое имѣлъ въ виду Платонъ для своего государства законовъ, но все-таки мы не знаемъ, какія выводы изъ этого принципіальнаго признанія сдѣлалъ Аристотель для соціальнаго построенія своего идеальнаго государства.

Что его не пугали крайніе и послѣдніе выводы разъ принятой точки зрѣнія, мы видимъ уже изъ тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ онъ хочетъ поддержать равенство и устойчивость имущественныхъ отношеній въ своемъ государствѣ. Какъ и Платонъ, онъ исходитъ изъ той мысли, что эта неизмѣнность владѣльческихъ отношеній необходимо требуетъ, какъ своего коррелата, и постоянства въ численности народонаселенія. Стоитъ только количеству гражданъ когда-либо превысить зафиксированное на всѣ времена количество семейныхъ земельныхъ участковъ, и, при недѣлимости послѣднихъ, сверхкомплектные граждане непремѣнно впадутъ въ бѣдственное положеніе, и возникнетъ безземельный пролетаріатъ [57]); между тѣмъ, въ лучшемъ государствѣ ни одинъ гражданинъ не долженъ быть лишенъ необходимаго жизненнаго пропитанія и каждый долженъ имѣть право на существованіе [58]). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго положенія были бы мятежи и преступленія [59]). Во всякомъ случаѣ, поддержать всю систему урегулированнаго государствомъ и неизмѣнно установленнаго строя земельной собственности стало бы невозможно, и необходимо наступило бы разложеніе [60]).

Но какими же средствами можно предотвратить возникновеніе подобнаго несоотвѣтствія между созданными экономическимъ правомъ жизненными условіями государства и количествомъ населенія? Платонъ, путемъ моральнаго воздѣйствія на отдѣльныхъ лицъ и систематическаго урегулированія переселенческаго вопроса, разсчитывалъ въ достаточной мѣрѣ удержать въ границахъ приростъ населенія государства законовъ. Однакоже, при этомъ онъ, конечно, долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что радикальное предотвращеніе всякаго, даже и временнаго превышенія нормальнаго количества населенія на этомъ пути невозможно, и что нужно довольствоваться, разъ это превышеніе уже наступило, возможностью парализовать его вѣрно дѣйствующимъ средствомъ. Послѣднимъ онъ считалъ свою колонизаціонную политику. Его великому ученику такая точка зрѣнія кажется уже недостаточной,—недостаточной настолько, что онъ не можетъ подыскать достаточно рѣзкихъ выраженій, чтобы осудить платоновское разрѣшеніе всего этого вопроса; въ пылу противорѣчія доходитъ онъ даже до несправедливости и невѣрно утверждаетъ, будто Платонъ довольствовался тутъ принципомъ абсолютнаго laisser aller и питалъ иллюзію, что «все дѣло достаточно уладится само собою» [61]).

Платоновскія предложенія, разумѣется, сильно отстаютъ отъ требованій Аристотеля! Аристотель прямо говоритъ, что урегулированное государствомъ распредѣленіе собственности и доходовъ, какое имѣли въ виду и онъ и Платонъ, осуществимо лишь при томъ предположеніи, что государство прекратитъ также и свободное размноженіе народа, т.-е. «каждому гражданину предпишетъ не имѣть дѣтей болѣе опредѣленнаго количества» [62]).—«Тотъ, кто хочетъ закрѣпить частное владѣніе въ опредѣленныхъ нормахъ, долженъ закономъ положить предѣлъ и допустимому количеству дѣтей» [63]).—И Аристотель безъ колебаній принимаетъ

неизбѣжныя, ужасныя слѣдствія этого логически неопровержимаго положенія. Онъ признаетъ, какъ нѣчто законное и даже само собою разумѣющееся, возмутительное по своей жестокости и безчеловѣчности вмѣшательство въ частную жизнь,—вмѣшательство, правда, находившее себѣ прототипъ въ дѣйствительно существовавшихъ жизненныхъ привычкахъ античнаго міра и уже отчасти допущенное Платономъ въ его государствѣ разума. Если происходитъ зачатіе, угрожающее превысить допускаемое для отдѣльной личности нормальное число дѣтей,—законъ предписываетъ вытравить плодъ [64]). Уничтоженіе уже родившихся тоже не вполнѣ возбраняется. Не законъ, а только «обычай и нравы» запрещаютъ умерщвлять новорожденныхъ для того, чтобы ограничить количество дѣтей. Въ случаяхъ же физической хилости младенцевъ, уничтоженіе ихъ даже прямо требуется [65]).

О томъ, какъ это въ частностяхъ проводимо на практикѣ, какъ можно осуществить систему надзора, гарантирующую выполненіе этого требованія—мы не знаемъ ровно ничего. Одно могучее слово—въ этомъ ученикъ такъ же доктриналенъ, какъ и учитель,—и самыя трудныя проблемы разрѣшаются однимъ взмахомъ.

Слегка затронутъ лишь одинъ вопросъ—вопросъ, откуда взять масштабъ для установленія нормальнаго состава населенія, Аристотель предлагаетъ прибѣгнуть къ статистическимъ вычисленіямъ соотношенія между случаями рожденія и смерти, соотношенія между семьями бездѣтными и обремененными большимъ количествомъ дѣтей, и среднимъ выводомъ опредѣлять норму допустимыхъ дѣторожденій [66]). Но, какъ бы плодотворна ни была сама по себѣ мысль—систематическимъ наблюденіемъ надъ массой обусловить соціально-политическія мѣропріятія,—въ т о й формѣ, какъ она является намъ здѣсь, она такъ же мало пригодна, какъ и другія предложенія. Авторъ ея, очевидно, не составилъ себѣ яснаго представленія о техническихъ деталяхъ статистической проблемы, въ высшей степени сомнительной пригодности лишь съ извѣстнымъ приближеніемъ найденныхъ математическихъ формулъ и о трудностяхъ ихъ примѣненія къ практической жизни. Во всякомъ случаѣ, государство, которое пожелало бы на дѣлѣ по этому рецепту урегулировать вопросъ объ измѣненіи въ количествѣ своего населенія, очень скоро пришло бы къ заключенію, что напередъ невозможно установить отношеній, зависящихъ отъ столь многихъ и столь измѣнчивыхъ факторовъ, заключить въ простую математическую формулу и математически опредѣлить тенденцію и способность къ росту населенія и, сообразно съ этимъ, установить и степень допустимаго его размноженія.

Тѣмъ болѣе, съ другой стороны, должны мы признать безпристрастіе, съ которымъ Аристотель признаетъ, что хозяйственная система его соціальнаго государства полемъ своей дѣятельности имѣла бы болѣе тѣсный кругъ населенія, чѣмъ строй собственности существующаго общества. Боязнь чрезмѣрнаго увеличенія населенія въ немъ не исчезнетъ,—какъ ждетъ этого современный соціализмъ отъ с в о е г о распредѣленія собственности, а, напротивъ, будетъ сильно чувствоваться. Аристотель смотритъ на дѣло гораздо трезвѣе современнаго соціализма и отъ своего новаго общества отнюдь не ожидаетъ настолько полной перемѣны физически-чувственной и духовно-нравственной природы человѣка, чтобы во всемъ положиться на его моральное самоограниченіе. Систему хозяйства и распредѣленія благъ въ его идеальномъ государствѣ дѣйствительно нельзя было бы поддержать, не прибѣгая къ средству административнаго вліянія противъ размноженія населенія, къ репрессіямъ и принужденію. Заслуга аристотелевскаго соціализма въ томъ, что онъ открыто это признаетъ, не прячется предъ опасностью и безпощадно дѣлаетъ крайніе выводы изъ своей точки зрѣнія. Правда, какъ-разъ выводы изъ политики

паселенія аристотелевскаго идеала общества и показываютъ, насколько непроченъ самый этотъ идеалъ.

Можно было бы заранѣе ожидать, что при такомъ контролѣ надъ рожденіемъ дѣтей и свобода заключенія браковъ въ лучшемъ государствѣ должна подвергаться сильнымъ ограниченіямъ, даже если бы объ этомъ и ничего опредѣленно не говорилось въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Аристотель признаетъ справедливымъ основной принципъ дѣйствующаго въ платоновскомъ государствѣ законовъ брачнаго права и главные выводы этого права принимаетъ безъ всякихъ колебаній. Государство должно заботиться о томъ, «чтобы съ физической стороны молодые граждане удовлетворяли его желаніямъ» [67]), и потому (оплодотворенныя) сношенія между полами ограничиваетъ той порою жизни, которая лучше всего гарантируетъ рожденіе способнаго въ физическомъ и духовномъ отношеніи потомства. Женщинамъ запрещается вступать въ бракъ раньше восемнадцати, мужчинамъ—раньше тридцатисеми лѣтъ [68]). Съ другой стороны, воспрещается имѣть дѣтей позже того возраста, когда «духъ достигаетъ высшей ступени своего развитія». Люди, перешедшіе за пятьдесятъ четыре, пятьдесятъ пять лѣтъ, «должны отказаться имѣть дѣтей, которымъ суждено увидѣть свѣтъ міра» [69]). Другими словами, тутъ также вступаетъ въ силу принужденіе уничтожать жизнь въ зачаткѣ. Наконецъ, супругамъ даже и въ продолженіе разрѣшеннаго для произведенія на свѣтъ потомства времени, подъ угрозою тяжелаго наказанія, запрещается всякое внѣсупружеское сожитіе [70]).

Законодатель вмѣшивается даже въ самыя индивидуальныя привычки жизни, разъ дѣло идетъ о достиженіи поставленной цѣли. Такъ, напримѣръ, чтобы воспрепятствовать женщинамъ, «на долю которыхъ выпала честь беременности», предаваться вредному для ихъ будущаго ребенка покою, законъ прямо предписываетъ имъ совершать ежедневныя паломничества въ храмы и совершать поклоненіе богамъ [71]). Государственное принужденіе здѣсь захватываетъ, такимъ образомъ, новыя области и превышаетъ даже и желаемые Платономъ размѣры.

Трудно сказать, какъ такое въ высшей степени анти-индивидуалистическое законодательство, въ послѣдней своей инстанціи обоснованное только интересами цѣлаго, должно вмѣститься въ рамкахъ теоріи, желающей считаться также съ стремленіями и потребностями индивидуума. То, что приводитъ Аристотель, съ цѣлью доказать преимущество своихъ предложеній для отдѣльнаго человѣка [72]) и тѣмъ спасти ученіе о совпаденіи общаго интереса съ правильно понятымъ интересомъ индивидуумовъ, оказывается весьма неудовлетворительнымъ и далеко недостаточнымъ для внутренняго примиренія послѣднихъ съ системою подобнаго принужденія. Но все-таки мы видимъ тутъ попытку оправдать соціальное право лучшаго государства и передъ индивидуальнымъ сознаніемъ. Попытка эта отсутствуетъ въ томъ единственномъ вопросѣ, который разобранъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Политики».

Этотъ вопросъ касается в о с п и т а н і я гражданъ лучшаго государства—важнѣйшей, по мнѣнію Аристотеля, задачи, какая только можетъ вообще быть у государства. Разрѣшеніе ея, съ точки зрѣнія государства, онъ пытается обосновать потребностями соціальнаго цѣлаго. Форма и принципъ организаціи соціальнаго цѣлаго, «конституція государства» [73]), непремѣнно требуютъ и вполнѣ отвѣчающей имъ формы воспитанія [74]). Только когда характеръ гражданъ соотвѣтствуетъ своеобразному духу конституціи, государство носитъ въ себѣ гарантію своей прочности. Лучшіе законы ни къ чему, если юношество воспитывается не въ согласіи съ духомъ и смысломъ конституціи. Воспитывать молодое поколѣніе въ этомъ духѣ является поэтому са-

мымъ важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для поддержанія всего государственнаго порядка [75]).

Воспитаніе должно быть одинаковымъ для всѣхъ гражданъ. Самая цѣль государственнаго союза—одна для всѣхъ (всѣмъ общая). Поэтому и воспитаніе должно быть общимъ и является дѣломъ государства. А общее дѣло должно и вестись сообща. Невозможно предоставить, какъ это дѣлается въ большей части государствъ, каждому отдѣльному лицу самому заботиться о своихъ дѣтяхъ и воспитывать ихъ у себя, какъ ему вздумается [76]). Право государства на урегулированіе всего дѣла воспитанія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оно опирается на тотъ взглядъ, что каждый является членомъ государства; что поэтому никто изъ гражданъ не принадлежитъ только себѣ; всѣ принадлежатъ государству, и положеніе, въ силу котораго правильнымъ попеченіемъ объ отдѣльномъ членѣ можетъ быть только попеченіе, имѣющее въ виду и пользу цѣлаго, относится къ каждому человѣку [77]).

Какимъ образомъ, при этой всеобъемлющей и все регулирующей системѣ воспитанія, индивидуумъ можетъ осуществить свое право—Аристотель отвѣта не даетъ. Правда, что для гражданина лучшаго государства отвѣтъ уже заранѣе готовъ, или, вѣрнѣе, вопросъ для него, въ сущности, и вовсе не возникаетъ. Гражданинъ лучшаго государства знаетъ, что то, что служитъ на благо цѣлому, является лучшимъ въ то же время и для него самого, и что проведеніе общиннаго принципа въ дѣло воспитанія оказывается именно естественнымъ выраженіемъ этой идентичности интересовъ и цѣлей. Такимъ образомъ, разъ только онъ правильно понимаетъ свой собственный интересъ, сознаніе придавленности личности и индивидуальныхъ желаній въ немъ вовсе и не возникаетъ.

Что же касается частностей этой государственной системы воспитанія, то онѣ даютъ себя чувствовать гражданамъ уже въ ихъ раннемъ дѣтствѣ. Если общественное воспитаніе и не начинается, какъ въ дѣтскихъ садахъ у Платона, уже съ третьяго года жизни, и, какъ въ Спартѣ, только съ седьмого, то все-таки домашнее воспитаніе подчинено строгому государственному надзору. Послѣдній зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣти этого возраста имѣли только цѣлесообразныя развлеченія, и чтобы имъ оставалось чуждо все, что можетъ быть вреднымъ въ моральномъ отношеніи [78]). Съ седьмого до двадцать перваго года государство беретъ юношей въ свою школу. Оно назначаетъ предметы обученія (гимнастика, грамматика, музыка, рисованіе) и устраняетъ все, идущее въ разрѣзъ съ цѣлями государственной школы, все то, что должно быть принципіально изгнано изъ воспитанія совершеннаго гражданина. Оно точно предписываетъ, въ какомъ направленіи должны вестись отдѣльныя штудіи, чтобы оказывать желаемое этическое воздѣйствіе [79]).

Но на этомъ не оканчивается воспитательная дѣятельность государства. Оно такъ же, какъ и государство Платона, хочетъ не только поставить гражданина на вѣрный путь, но и удержать его на немъ. Каждому возрасту, не исключая и зрѣлыхъ годовъ, оно, совершенно въ духѣ Платона, предписываетъ опредѣленныя нормы въ образѣ жизни [80]). Воспитаніе отдѣльной личности государствомъ продолжается всю жизнь, и особое учрежденіе установлено для надзора за тѣмъ, чтобы «никто не велъ вреднаго для государственнаго порядка образа жизни» [81]). Впрочемъ, и этотъ вопросъ, какъ и цѣлый рядъ другихъ, недостаточно разработанъ въ дошедшемъ до насъ отрывочномъ изложеніи [82]).

Объ этомъ отрывочномъ характерѣ передачи приходится тѣмъ болѣе сожалѣть, что безъ отвѣта остаются какъ-разъ самые важные пункты—напримѣръ, вопросъ

объ о с у щ е с т в и м о с т и идеала государства, вопросъ объ урегулированіи производства и сношеній, вопросъ о правовыхъ нормахъ для промышленныхъ сословій.

Въ виду ранѣе описанныхъ взглядовъ Аристотеля на торговлю и денежное обращеніе [83]), въ виду особенно рѣшительно выдвинутаго въ проектѣ идеальнаго государства мнѣнія, что, въ интересахъ простой и умѣренной нравственности, производство и народное богатство не должны переходить за извѣстныя границы [84]), не можетъ вообще оставаться сомнѣній въ томъ, что положеніе пріобрѣтательныхъ классовъ въ идеальномъ государствѣ Аристотеля сильно напоминало бы ихъ положеніе въ платоновскомъ государствѣ законовъ. Но было бы чрезвычайно интересно имѣть изслѣдованіе, которое самъ Аристотель неоднократно обѣщалъ дать объ этомъ предметѣ [85]). Вѣроятно, въ немъ мы нашли бы многія черты, отсутствующія у его предшественника.

Такъ, напр., въ ссылкѣ на болѣе позднюю и обстоятельную работу по этому вопросу Аристотель совершенно мимоходомъ замѣтилъ, что лучшее государство всѣмъ крѣпостнымъ рабамъ въ награду за хорошее поведеніе обѣщаетъ свободу [86]). Уже по одной этой, какъ уже сказано, совершенно вскользь брошенной реформаторской идеѣ, по идеѣ—разъ только она была бы продумана до конца,—долженствовавшей привести къ очень широкимъ выводамъ, мы можемъ заключить, что въ соціально-реформаторскомъ отношеніи государство Аристотеля не должно было обойти и пріобрѣтательные классы, несмотря на отводимое имъ подчиненное положеніе. Къ этому же выводу приводитъ насъ и другое соображеніе.

Среди средствъ, лучше всего способныхъ поддержать прогрессивную демократію, Аристотель указываетъ на установленіе прочнаго благосостоянія широкихъ народныхъ массъ [87]), и для достиженія этой цѣли онъ предлагаетъ чрезвычайно широкія, рѣшительныя и даже прямо утопическія мѣры. По Лассалю, государство, силою своего капитала, должно приходить на помощь неимущимъ въ ихъ стремленіи къ экономической самостоятельности; по Луи Блану, государство должно быть банкиромъ для бѣдныхъ; того же самаго, и даже въ извѣстномъ смыслѣ еще болѣе радикальнаго Аристотель требуетъ отъ государственнаго дѣятеля—демократа, а именно: избытокъ государственнаго дохода долженъ идти на то, чтобы гарантировать, по возможности большему числу, неимущимъ средства для пріобрѣтенія маленькаго имѣньица, помочь имъ обзавестись мелочной торговлей или арендовать маленькій клочокъ земли [88]). Въ поддержку этой политики онъ приглашаетъ, далѣе, людей состоятельныхъ «раздѣлить между собою» остальную массу бѣдняковъ и, предоставляя каждому изъ нихъ маленькій оборотный капиталъ, дать ей охоту и возможность придти къ самостоятельной экономической дѣятельности [89]). Наконецъ, онъ указываетъ на примѣръ состоятельныхъ классовъ Тарента, которые, разрѣшая бѣднякамъ пользоваться доходами со своихъ имѣній, дѣлали послѣднія до извѣстной степени общимъ достояніемъ [90]).

Но эти предложенія Аристотель, какъ уже было сказано, дѣлаетъ въ т о й части своего труда, которая говоритъ о жизненныхъ условіяхъ радикальной демократіи, и было бы въ высшей степени несправедливо на основаніи принятой имъ в д ѣ с ь точки зрѣнія безъ колебаній рѣшать, въ какое бы отношеніе къ указанному вопросу онъ сталъ въ своемъ лучшемъ государствѣ: послѣднее глубокой пропастью отдѣлено отъ государства народнаго и для своего поддержанія вообще не вуждается въ подобныхъ мѣропріятіяхъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые намеки мы можемъ почерпнуть изъ аристотелевскаго текста. А именно вышеназванныя требованія вовсе не исключительно выставляются какъ требованія, къ которымъ состоятельные классы демократическаго государства должны примкнуть только въ видахъ

политической мудрости и правильно понятаго своего интереса для защиты себя отъ все возрастающихъ вожделѣній владычествующей черни. Требуемыя отъ нихъ жертвы не являются только неизбѣжнымъ на почвѣ демократическаго устройства зломъ; Аристотель скорѣе выставляетъ ихъ какъ слѣдствіе благороднаго «любвеобильнаго» образа мыслей, какъ нѣчто прекрасное и достойное подражанія [91]). А мы уже видѣли, что настолько консервативно настроенный въ соціальномъ отношеніи человѣкъ, какъ Исократъ, выдвигалъ совершенно такія же идеи [92]).

Могъ ли Аристотель, при подобномъ взглядѣ, ограничить соціально-реформаторскіе интересы лучшаго государства исключительно господствующимъ классомъ? Конечно, нѣтъ! Мы должны признать, что и въ этомъ отношеніи онъ пойдетъ по пути Платона. Будетъ ли онъ, однако, менѣе утопиченъ? Въ этомъ приходится усомниться въ виду того оптимистическаго доктринерства, которое проявляется имъ въ разобранныхъ выше совѣтахъ демократіи.

ГЛАВА IV.

Міровое соціальное государство основателя школы стоиковъ.

Изъ цѣлаго ряда идеаловъ государства, о которыхъ до насъ дошли лишь одни заглавія или лишь отдѣльныя, совершенно недостаточныя, замѣтки [1]), выдвигается «вызывавшее много удивленія» [2]) соціальное государство основателя стоической школы; объ этомъ государствѣ мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, настолько свѣдѣній, что можемъ внести его, въ качествѣ новаго и значительнаго звена, въ цѣпь соціально-философскихъ системъ.

Правда, и здѣсь, въ смыслѣ принципіальнаго ядра теоріи, мы не находимъ значительнаго шага впередъ, сравнительно съ соціальной философіей Платона и Аристотеля. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію Плутарха, государство Зенона въ основномъ своемъ принципѣ непосредственно примыкаетъ къ соціализму ликурговой Спарты и къ идеальному государству Платона. Зенонъ, исходя изъ совпаденія добродѣтели и счастья, также, повидимому, выставлялъ нравственность цѣлью государства и тѣмъ такъ же, какъ и Платонъ, связывалъ принципъ единства съ принципомъ общности. Πολιτείας ὑπόθεσις какъ тамъ, такъ и тутъ одинаковы [3]).

Можетъ-быть, слѣдовало бы задать вопросъ, имѣемъ ли мы право по этому свидѣтельству Плутарха опредѣлять догматико-историческое мѣсто государственной и соціальной теоріи Зенона. Плутархъ, конечно, не былъ человѣкомъ, способнымъ методически изслѣдовать соціально-философскія теоріи по лежащимъ въ ихъ основѣ идеямъ и съ критической остротой распознавать ихъ этическую сущность. И еще не извѣстно, что̀ при своемъ сопоставленіи Платона и Зенона онъ имѣлъ болѣе въ виду: руководящія и двигательныя идеи системы или практическія цѣли, въ которыхъ Зенонъ, дѣйствительно, близко соприкасается съ Платономъ, не страшась такихъ требованій, какъ устраненіе денегъ или общность женъ и дѣтей [4]).

Однако, то, что намъ извѣстно о соціальной философіи стоиковъ, въ сущности говоритъ въ пользу взгляда Плутарха. Стоическая философія съ особенной рѣшительностью выдвигаетъ идею общности. Законъ природы, являющійся въ то же время и закономъ разума, а потому и одинаковый для всѣхъ одаренныхъ разумомъ существъ, связываетъ этихъ послѣднихъ идеальнымъ единодушіемъ и ставитъ

имъ всѣмъ одинаковыя нравственныя цѣли. Поэтому каждый отдѣльный человѣкъ долженъ чувствовать себя частью великаго, внутренно объединеннаго цѣлаго—членомъ сообщества. Стремленіе къ общественности прирождено всѣмъ разумнымъ существамъ; оно составляетъ велѣніе самой природы.

Анти-индивидуалистическая тенденція этого взгляда вполнѣ очевидна. Уже абсолютный «канонъ» закона природы и разума, лежащаго въ основѣ этой общественности, требуетъ безусловнаго подчиненія всякой индивидуальной воли и мысли. По опредѣленію Хрисиппа, этотъ законъ является «царемъ надъ божескимъ и человѣческимъ; онъ—господинъ и повелитель всего добраго и предосудительнаго, руководитель справедливаго и несправедливаго, вершитель всѣхъ дѣлъ существъ человѣческихъ, созданныхъ природою для государственнаго общежитія» [5]). Такое опредѣленіе понятія, въ полномъ его объемѣ, охотно признавалъ римскій государственный абсолютизмъ, примѣнявшій его къ своей кодификаціи права. Но, конечно, перенесеніе безъ всякихъ колебаній стоическаго понятія «закона» на позитивное право отдѣльныхъ историческихъ государствъ и примѣненіе къ послѣднимъ того же всемогущества его являются тенденціознымъ злоупотребленіемъ. Вѣдь именно этотъ «вѣчный законъ» стоиковъ уполномочиваетъ индивидуума въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ возставать противъ закона существующаго государства. Впрочемъ, для принципіальнаго взгляда это не имѣетъ значенія. Въ «лучшемъ» государствѣ, гдѣ право разума стало дѣйствительно признаннымъ правомъ, этотъ законъ, въ самомъ дѣлѣ, оказывается абсолютнымъ владыкой всякой индивидуальной жизни и индивидуальнаго стремленія. Тутъ нигдѣ не возникаетъ противоположенія воли отдѣльнаго лица и воли общества.

Разумѣется, и само общество получаетъ, съ этой точки зрѣнія, совершенно особое значеніе для жизни отдѣльнаго человѣка. Права общества и обязанности по отношенію къ нему индвидуума чрезвычайно опредѣленно ставятся впереди личныхъ интересовъ и притязаній послѣдняго. Отдѣльный человѣкъ и здѣсь существуетъ, главнымъ образомъ, ради другихъ людей и ради цѣлаго [6]) и разсматривается какъ служебный органъ [7]) соціальнаго организма. Онъ не можетъ жить для себя, не живя для другихъ [8]), и «мудрецъ», по взгляду стоика, «никогда не долженъ быть частнымъ человѣкомъ» [9]). Онъ настолько сильно чувствуетъ себя органическимъ членомъ направленнаго къ возможному усовершенствованію жизненнаго процесса человѣчества, что признаетъ своимъ неуклоннымъ долгомъ «заботиться и о грядущихъ поколѣніяхъ»; это требованіе само собою вытекаетъ изъ органической теоріи государства и общества [10]). Справедливость—тоже совершенно въ духѣ этой теоріи, и почти буквально совпадая съ соціальной этикой Аристотеля, опредѣляется, главнымъ образомъ, какъ общественная добродѣтель и, вмѣстѣ съ любовью къ людямъ, выставляется основной соціальной добродѣтелью, «объединяющею человѣческое общество» [11]).

Весьма вѣроятно, что эти доминирующія во всей школѣ стоиковъ возврѣнія уже лежали въ основѣ государственнаго идеала ея основателя. Правда, въ эпоху зарожденія своей «Политіи» Зенонъ еще, вѣроятно, на половину принадлежалъ къ лагерю киниковъ [12]), и на первый взглядъ легко можно бы предположить въ его ученіи болѣе индивидуалистическую окраску. Но положеніе Зенона, въ силу котораго граждане его идеальнаго государства ведутъ въ высшей степени «единообразную» жизнь, представляя собою космосъ, подобно мирно пасущемуся вмѣстѣ стаду, и въ силу котораго Эросомъ соединяетъ общество въ одно цѣлое,—это положеніе вполнѣ отвѣчаетъ указанному ходу идей соціальной философіи стоиковъ [13]).

Ясно, что все вышеуказанное врядъ ли въ принципіальномъ отношеніи выводитъ насъ за предѣлы прежнихъ рамокъ соціальной философіи. Какъ тамъ, такъ и тутъ мы встрѣчаемъ одно и то же преувеличеніе принципа общественности. И если все-таки идеальное государство Зенона мы назвали явленіемъ новымъ и значительнымъ, то это потому, что соціализмъ у него получаетъ совершенно другое историческое положеніе.

Платоновско-аристотелевское государство держится всецѣло въ рамкахъ національной обособленности. Оно желаетъ жить въ болѣе или менѣе строгой замкнутости своего собственнаго совершенства. Пусть по ту сторону его границъ лозунгомъ человѣческаго существованія будетъ «борьба всѣхъ противъ всѣхъ», лишь бы само оно внутри себя перешло отъ борьбы къ миру и обрѣло силу въ выпадающихъ и на его долю войнахъ съ враждебнымъ внѣшнимъ міромъ побѣдоносно утвердить свое существованіе.

Это не могло остаться конечнымъ идеаломъ и цѣлью той эпохи, когда совершался мощный объединительный процессъ тогдашняго культурнаго человѣчества. Процессъ этотъ, начавшійся съ сліянія Востока и Запада, во времена Зенона заканчивался въ міровомъ государствѣ римлянъ. Зенонъ, колыбель котораго стояла на той почвѣ, гдѣ тѣснѣйшимъ образомъ соприкасались эллинская и восточная народности, — Зенонъ, обязанный, можетъ-быть, своимъ происхожденіемъ обѣимъ расамъ, былъ какъ разъ призванъ разрушить преграды, поставленныя себѣ соціальной философіей античной эпохи благодаря принципу единства и общности [14]). Правда, самую мысль о космополитизмѣ Зенонъ заимствовалъ у киниковъ, но главный интересъ послѣднихъ совершенно односторонне сосредоточенъ на индивидуализмѣ, на стремленіи философа устранить оковы существующаго строя государства и общества и создать индивидууму бо́льшую свободу дѣйствій, возможность безграничнаго проявленія своихъ личныхъ особенностей. Эта тенденція отнюдь не чужда и стоицизму; но хотя его стремленіе къ совершенству отдѣльной личности, какъ къ идеалу мудреца, и носитъ рѣзко индивидуалистическій характеръ, тѣмъ не менѣе оно сочетается здѣсь съ самаго начала съ идеею общности, съ идеею соціальнаго космоса, сущностью котораго являются порядокъ и связанность.

Обозначая общественный организмъ своего идеальнаго государства понятіемъ космоса, Зенонъ сообщаетъ отрицательному и индивидуалистическому идеалу кинической школы положительное и въ то же время рѣзко соціалистическое содержаніе. Устранить обособленность, являющуюся слѣдствіемъ коммунальныхъ, политическихъ и соціальныхъ границъ, стереть различія въ правѣ и государственномъ устройствѣ и всѣхъ людей сдѣлать гражданами одного государства онъ хочетъ не только потому, что уничтоженіе болѣе мелкихъ союзовъ благопріятствовало бы полному развитію личности въ смыслѣ идеала стоической школы, но также и для того, чтобы подчинить всѣхъ (людей) одному высшему и объективному жизненному порядку путемъ вытекающей изъ подчиненія «одному закону» общности в о л и, создать общность соціальной ж и з н и и все индивидуальное растворить въ соціальномъ. Принципъ общности находитъ въ единомъ государствѣ всего человѣчества свое высшее выраженіе. Κοινωνία болѣе раннихъ идеаловъ государства должна разрастись здѣсь во всестороннюю общность всего человѣческаго рода, и единое государство всѣхъ людей—стать соціальнымъ государствомъ будущаго. И въ рамкахъ этой общности должно опять-таки осуществиться абсолютное единство всякой соціальной жизни, благодаря всепокоряющему и всеохватывающему закону разума, не допускающему, чтобы развитію соціальнаго цѣлаго мѣшалъ индивидуальный произволъ.

Все вышесказанное приводитъ намъ на память идеи современнаго соціализма, идеи Царства Бога Фихте, association universelle Сенъ-Симона и мірового соціальнаго государства Родбертуса, гдѣ человѣчество, все совершенствуясь на пути болѣе тѣснаго сліянія индивидуумовъ съ жизненнымъ процессомъ рода, должно достигнуть вершины своего существованія, конечно, съ той разницей, что «единое общество» новѣйшаго соціализма является строго организованнымъ товариществомъ, тогда какъ идеалъ будущаго стоической школы возвращается назадъ, къ эпохѣ внѣгосударственныхъ состояній, и совершенно сливается съ представленіемъ объ идеальномъ естественномъ состояніи людей, когда было совершенно достаточно одного естественнаго права. Послѣднее согласуется съ закономъ природы и съ закономъ разума, правящимъ міровымъ цѣлымъ и обусловливающимъ ходъ его жизни. Господство естественнаго права совпадаетъ съ этическимъ закономъ и съ закономъ разума, лежащимъ именно въ самой природѣ вещей. Поэтому въ такомъ состояніи гармоническаго согласія жизни общества съ общимъ міровымъ порядкомъ нѣтъ противорѣчія нравственному закону, нѣтъ преступности. Въ лучшемъ государствѣ—говоритъ Зенонъ—не будетъ судебныхъ учрежденій. Законъ разума, царящій въ мысляхъ людей въ качествѣ признаннаго закона природы, дѣйствуетъ какъ всесильный организаціонный принципъ, подъ властью котораго всякая индивидуальная жизнь гармонично смыкается въ регулирующій себя космосъ, а противорѣчащимъ тенденціямъ не можетъ быть мѣста.

Это чистѣйшая фантасмагорія. Весь идеалъ государства онъ концентрируетъ на внутреннемъ и отвлеченномъ. Дальнѣйшимъ выраженіемъ этихъ положеній будетъ, что какъ право въ томъ государствѣ существуетъ безъ судовъ, такъ и почитаніе боговъ можетъ обходиться безъ храмовъ, обученіе—безъ гимназій, сношенія—безъ средствъ обмѣна [15]). Все здѣсь расплывается въ неопредѣленность и туманность. Спекулятивный, доктринальный духъ крайняго соціализма въ идеѣ соціальнаго государства всего человѣчества достигаетъ высшей своей точки, на которой отъ его взора совершенно ускользаютъ дѣйствительность и условія реальнаго претворенія идей. Утопическій же элементъ соціализма, его непреодолимое стремленіе къ безпредѣльнымъ перспективамъ находятъ себѣ тутъ наиболѣе полное выраженіе.

II.

Исторія античнаго коммунизма и соціализма.

Часть II.

Р. Пёльмана

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ томъ, въ которомъ заканчивается изложеніе соціальныхъ идей и движеній, возникшихъ исключительно на почвѣ греко-римской культуры, въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ собою окончаніе исторіи соціализма въ древнемъ мірѣ. Такимъ образомъ, первый и второй томы составляютъ самостоятельное цѣлое. Уже въ силу этого, а также и для того, чтобы второй томъ не вышелъ слишкомъ объемистымъ, здѣсь можно было отказаться отъ изложенія исторіи религіознаго соціализма, зародившагося въ иной культурной сферѣ.

Итакъ, благодаря обилію поразительныхъ перспективъ и результатовъ, получившихся въ этой новой области разслѣдованія древняго міра, объемъ этого труда превзошелъ мои ожиданія. Въ особенности много мѣста пришлось отнести впервые подробно здѣсь излагаемой исторіи развитія соціальной демократіи. Вѣдь дѣло идетъ о проблемѣ, въ республиканскую эпоху античной культуры въ теченіе болѣе чѣмъ половины тысячелѣтія непрерывно занимавшей фантазію людей и составлявшей объектъ практической политики! Это ясно доказываетъ несостоятельность точки зрѣнія, съ которой столь многозначительное явленіе, какъ соціальная демократія, представляется, даже и при культурныхъ условіяхъ новаго времени, лишь чѣмъ-то „преходящимъ“, какимъ-то эпизодомъ. Вообще и въ данномъ случаѣ оправдывается замѣчаніе Дальмана о тѣхъ „избранныхъ“ эпохахъ исторіи, въ которыхъ таится обильный запасъ указаній, предостереженій и уроковъ для всѣхъ грядущихъ поколѣній!

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить живѣйшую признательность одному изъ моихъ молодыхъ друзей, господину учителю Бамбергской гимназіи, доктору Вильгельму Шотту, за его труды при держаніи корректуры и за рядъ указаній.

Робертъ Пёльманъ.

ГЛАВА V.

Соціальная утопія въ поэтической формѣ.

Отдѣлъ I.—Обѣтованная земля въ баснѣ и въ комедіи.

Соціальная философія грековъ, идеалистически отвлекшись отъ исторически сложившагося быта, совершенно утратила подъ собой почву исторически возможнаго. Она противопоставила животрепещущей дѣйствительности созданный ею на основѣ принципіальнаго отрѣшенія отъ дѣйствительнаго міра идеальный міръ, воображая, что она нашла такимъ образомъ магическую формулу для устраненія изъ человѣческаго существованія всякой дисгармоніи. Въ этомъ она лишь оставалась вѣрна тенденціи, съ непреодолимой силой искони проявлявшейся въ душевной и духовной жизни человѣчества. Съ тѣхъ поръ какъ въ человѣческомъ духѣ пробудилась рефлексія, онъ не переставалъ ощущать потребность, среди всевозможныхъ житейскихъ загадокъ, противорѣчій и невзгодъ, создавать въ себѣ такую гармоническую картину міра, въ которой всѣ эти загадки и затрудненія представлялись разрѣшенными. Вѣчное алканіе человѣческаго сердца требуетъ пополненія суровой и противорѣчащей требованіямъ разума дѣйствительности свободно созданнымъ идеальнымъ міромъ; томимый безпокойствомъ разумъ не перестаетъ задаваться вопросомъ «почему?», пока не измыслитъ руководящихъ принциповъ гармоническаго уклада человѣческаго существованія и самого этого уклада, т.-е. соціальнаго идеала. По выраженію Шиллера, онъ стремится избавиться отъ эмпиризма съ помощью воображенія, отважно возносясь на крыльяхъ фантазіи за предѣлы всего конечнаго въ міръ совершенства.

Психологически столь же понятно, что для наивныхъ, скорѣе пылкихъ, чѣмъ проницательныхъ душъ при этомъ совершенно исчезаютъ границы между мечтой, дѣйствительностью и возможностью. Неужели удѣломъ человѣчества былъ остается лишь всегда одинъ и тотъ же безотрадный круговоротъ данной жизни со всѣми ея тягостями, изнурительнымъ трудомъ, тѣлесными и душевными страданіями? Поставить этотъ вопросъ значило дать на него отрицательный отвѣтъ! Вѣдь идеалъ вытекалъ именно изъ глубочайшей антипатіи къ фактическому укладу человѣческаго существованія. Казалось, что на самомъ дѣлѣ онъ-то и долженъ осуществиться, что его осуществленія требуютъ разумъ и справедливость, тогда какъ данный строй въ сущности не имѣлъ права на существованіе.

Разъ зародились подобныя мысли, наивное мышленіе само собой пришло къ представленію о томъ, что человѣческая жизнь не могла всегда страдать отъ такихъ противорѣчій, что не существуетъ непреодолимой преграды, которая отдѣляла бы человѣческія страданія отъ блаженства боговъ. Хотѣлось, чтобы преграда исчезла, и фантазія устраняла ее. Правда, теперь такъ гласилъ отвѣтъ на выше-

указанный вопросъ: «высшее блаженство не выпадаетъ на долю смертныхъ; но вѣдь то, чего не бываетъ теперь, все же могло осуществляться прежде! И въ самомъ дѣлѣ, такъ оно и было когда-то .» [1]). При послѣдовательномъ проведеніи этой точки зрѣнія кажется, что существующее положеніе дѣлъ вызвано лишь особыми роковыми обстоятельствами. Это положеніе дѣлъ является результатомъ постепеннаго ухудшенія природы и человѣчества, паденія съ первоначально высокаго уровня нравственной чистоты и внѣшняго благополучія. Итакъ,—умозаключаетъ неустанно работающая фантазія,—это состояніе можетъ измѣниться. Золотое, блаженное время можетъ вернуться, миръ и гармонія замѣнятъ борьбу и страданія. Эта точка зрѣнія выражается въ различныхъ формахъ: въ индійскомъ ученіи о міровыхъ эпохахъ, въ иранскомъ миѳѣ о Джимѣ въ «Зендъ-Авестѣ», въ потерянномъ раѣ семитовъ, въ златомъ вѣкѣ грековъ, въ златомъ вѣкѣ боговъ въ «Эддѣ» и въ аналогичныхъ представленіяхъ другихъ народовъ [2]); но всюду она возникла подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же побудительныхъ мотивовъ [3]).

Конечно, въ романѣ, изображающемъ всеобщее благополучіе, условія жизни въ блаженныя первобытныя времена рисуются въ такомъ свѣтѣ, что прежде всего устраняются причины бѣдствій. Особенно ощутительно сказываются результаты скудости природы. Борьба за пропитаніе и за земныя блага, которыхъ всегда оказывается лишь ограниченное количество, отравляетъ мирное соперничество, благопріятствующее культурѣ. На ряду съ «милосердой къ людямъ Эридой» [4]) господствуетъ другая, ненавистная смертнымъ Эрида «злотворно разжигающая гибельную войну и усобицы» [5]). Она навлекаетъ позоръ и несчастье на слабаго, осмѣливающагося тягаться съ сильнымъ [6]). Ея не знала вышеупомянутая блаженная эпоха, такъ какъ тогда для всякаго оказывалось мѣсто на грандіозномъ пиршествѣ природы [7]). Волшебный ростъ производительныхъ силъ природы и техники, о которомъ мечтаютъ въ своихъ фантазіяхъ о будущемъ соціалисты новаго времени,—ничто въ сравненіи съ греческими народными сказаніями о золотомъ поколѣніи, которое нѣкогда вело подъ властью Кроноса беззаботную [8]) жизнь, подобно богамъ, при обиліи всякихъ благъ, не вѣдая ни горя, ни болѣзней, ни старости. Тогда каждый занимался своимъ дѣломъ по благоусмотрѣнію, и ничто не нарушало его спокойствія и удовлетворенности, пока онъ не опочивалъ безболѣзненно въ полномъ расцвѣтѣ силъ. «Невспаханная и незасѣянная» [9]) земля добровольно дарила своимъ дѣтямъ неизсякаемо-обильныя богатства. Поэтому тогда не существовало и поводовъ къ столкновенію интересовъ и страстей, изъ-за котораго «гончаръ враждебно взираетъ на гончара, кузнецъ на кузнеца, нищій завидуетъ нищему, а пѣвецъ—пѣвцу» [10]). Это былъ вѣкъ всеобщаго братолюбія и равенства, не знавшій ни господъ, ни слугъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ [11]). Поэтому праздникъ Кроноса, на которомъ оживаетъ воспоминаніе объ этомъ добромъ властелинѣ, пробуждаетъ въ человѣкѣ всѣ благородныя чувства. Во время этого праздника должно господствовать всеобщее благоволеніе, всякій долженъ стараться не причинять ущерба ближнему [12]). При всеобщемъ веселіи даже и рабамъ не возбраняется чувствовать себя людьми [13]).

Не случайно, конечно, это прекрасное народное сказаніе о златомъ вѣкѣ нашло себѣ повидимому художественнаго выраженія въ древнѣйшую эпоху развитія эпической поэзіи [14]). Гомеровскій эпосъ представляетъ собой продуктъ аристократическаго міра греческихъ среднихъ вѣковъ. Гомеровскій пѣвецъ поетъ для князей и знати, жизнь и образъ мышленія которыхъ доставляли пищу для героической пѣсни. Въ упоминаніяхъ этихъ пѣвцовъ о народной массѣ слышатся отголоски чувствъ и отзывовъ господъ. Дѣйствія и страданія массъ, «съ которыми не слѣдуетъ считаться ни на войнѣ, ни въ совѣтѣ», слѣдовательно, и тотъ идеалъ, въ

которомъ нашли свое выраженіе именно народныя стремленія, отступаютъ на задній планъ. Безучастное отношеніе къ себѣ вызывала не та сторона этого идеала, которая относилась къ наслажденію, а его соціально-этическая и соціально-демократическая тенденція. Конечно, общественный идеалъ землевладѣльческой знати, пользовавшейся благодаря своимъ богатымъ имѣніямъ привольнѣйшимъ рыцарскимъ досугомъ и жизнерадостно предававшейся наслажденіямъ, имѣлъ аристократическій характеръ. Этотъ идеалъ нашелъ свое поэтическое выраженіе въ образцовомъ государствѣ знати на островѣ Схеріи, въ городѣ феаковъ, въ которомъ пышно и раздольно жила любившая наслажденія аристократія. Толпы рабынь, работающихъ на мельницѣ, и несвободныхъ прядильщицъ наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ идеальномъ государствѣ отражаются именно представленія господствующаго класса.

Наоборотъ, въ томъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ впервые излагается миѳъ о златомъ вѣкѣ, въ «Трудахъ и дняхъ» Гесіода, высказывается именно та масса рабочаго люда, которая была до такой степени оттѣснена на задній планъ въ мірѣ, изображаемомъ въ эпосѣ. Священная вѣсть о блаженной эпохѣ юности человѣческаго рода возвѣщается въ пѣснѣ о трудѣ труженникомъ, поэтомъ-крестьяниномъ изъ убогой деревни Аскры [15]). Она возвѣщается не господствующему классу, къ которому поэтъ, потерпѣвшій отъ несправедливыхъ и подкупныхъ «властителей» (т.-е. отъ правящей знати), относится съ рѣзкой враждебностью, а всему народу, который, подобно поэту, страдалъ подъ гнетомъ господствовавшей знати. Въ данномъ случаѣ наглядно подтверждается, что всякій соціализмъ коренится въ освободительной критикѣ. Вѣдь, формулируя свой идеалъ, Гесіодъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергаетъ господствующіе порядки безпощадной критикѣ. Его пѣснь оказывается «обличительною пѣснью, направленною не только противъ его брата, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ эксплуататорскаго классоваго господства, въ которомъ послѣдній нашелъ поддержку.

Этимъ объясняется популярность произведенія Гесіода въ послѣдующіе вѣка, когда именно тѣ классы народа, къ которымъ обращается Гесіодъ, побѣдоносно свергли иго классоваго господства и на долю хозяйственнаго труда выпали неожиданное могущество и почетъ. Тамъ, гдѣ продолжала, какъ, напримѣръ, въ Спартѣ, существовать рыцарская аристократія, и крестьянинъ оставался убогимъ крѣпостнымъ, Гесіода не признавали. Наоборотъ, его пѣснь получила очень широкое распространеніе среди добивавшихся лучшей доли крестьянъ и горожанъ передовыхъ округовъ греческаго міра. Вѣдь мечты о счастьѣ, справедливости и братствѣ, въ которыхъ поэтъ нѣкогда искалъ утѣшенія отъ стародавняго общественнаго зла, въ самомъ дѣлѣ стали идеаломъ этой болѣе поздней эпохи.

Въ проникнутыхъ энтузіазмомъ стихахъ Эмпедоклъ, вождь и пророкъ побѣдоносной акрагантской демократіи, рисовалъ духовному взору людей, тысячами стекавшихся, чтобы внимать его чарующимъ рѣчамъ, картину той блаженной первобытной эпохи, когда властвовали не богъ брани Аресъ и его сподвижникъ, а божественная мать Эрота, Киприда, объединявшая узами любви даже и міры людей и животныхъ [16]). Миѳъ доставляетъ мудрецу и демократу форму, въ которой онъ старается сдѣлать свои идеалы доступными для массы. Почти въ то же самое время этотъ граціозный вымыселъ начинаетъ воспроизводиться и тамъ, гдѣ наиболѣе блестящая демократія старалась развлечься и возвыситься надъ заботами обыденной жизни, на общественныхъ празднествахъ въ честь Діониса, на сценѣ аѳинскаго театра!

Драматическая поэзія Аѳинъ въ эпоху Перикла,—комедія, а подчасъ и тра-

гедія—обнаруживала неистощимую изобрѣтательность, стараясь изобразить восторгавшимся зрителямъ прелести райской идеальной страны. Вѣдь въ царствѣ Кроноса были вполнѣ осуществлены свобода и равенство, которыми бредила юная демократія, всеобщее пользованіе мірскими благами и наслажденіями, къ которому все настойчивѣе стремнлись при новыхъ свободныхъ порядкахъ и массы,—словомъ все то, что могло представляться поколѣнію, проникнутому идеей безпредѣльнаго прогресса, завѣтною золотою цѣлью. Что могло быть популярнѣе воплощавшаго излюбленные идеалы эпохи поэтическаго нагляднаго воспроизведенія этого исчезнувшаго міра?

Къ тому же въ старинныхъ мечтахъ о счастливомъ идеальномъ строѣ имѣлась еще одна черта, которую можно было превосходно использовать для усиленія драматическаго эффекта. Вѣдь вышеупомянутая сентиментальная идиллія искони принимала двоякую форму: представленія о потерянномъ первобытномъ раѣ и вѣрованія въ возможность столь же совершеннаго счастья въ будущемъ. Уже у Гесіода къ идеѣ о златомъ вѣкѣ присоединяется представленіе о расположенной далеко, на краю свѣта странѣ, въ которой господствуетъ вѣчное, невозмутимое счастье, о гомеровыхъ «елисейскихъ поляхъ», которыя Гесіодъ называетъ островами блаженныхъ. Это было «послѣднее убѣжище людскихъ упованій [17]), гдѣ старый властитель боговъ, подъ властью котораго на землѣ нѣкогда протекалъ златой вѣкъ мира и счастья, царитъ надъ блаженными, какъ бы въ новомъ златомъ вѣкѣ, внѣ всякаго общенія съ міромъ, отнятымъ у него Зевсомъ» [18]). Подобно этому и комедія изображала золотое царство радости не только какъ нѣчто, существовавшее въ незапамятномъ прошломъ; и она, такъ сказать, переносила его въ будущее, помѣщая, напр., рай въ подземномъ царствѣ [19]), или даже приписывая ему реальное существованіе на землѣ, хотя бы и въ дальнихъ, сказочныхъ странахъ [20]). Конечно, подобное представленіе должно было сдѣлать изображеніе утопическаго общественнаго строя еще болѣе привлекательнымъ.

Правда, отъ всѣхъ этихъ поэтическихъ произведеній уцѣлѣли всего лишь скудные отрывки, на основаніи которыхъ можно составить себѣ лишь весьма несовершенное представленіе о томъ, какую форму принялъ древній миѳъ у Кратина и его товарищей по искусству, не говоря уже о древнихъ трагикахъ. Напр., нигдѣ нельзя найти указаній относительно того, какъ именно изображалось пресловутое «общежитіе въ царствѣ Кроноса» [21]). Имѣется всего лишь неопредѣленное упоминаніе относительно того, что въ комедіи страна блаженства въ самомъ дѣлѣ представлялась царствомъ абсолютнаго соціальнаго мира. Напр., въ одной комедіи Телеклида на сценѣ появляется вернувшійся, подобно императору Фридриху (Барбароссѣ) изъ Киффейзера, на землю стародавній царь Амфиктіонъ. Онъ рисуетъ картину блаженнаго царства мира, начиная свой разсказъ слѣдующими словами:

> Итакъ, я хочу изобразить вамъ счастье и удовольствіе, которыя я доставлялъ людямъ.
> Прежде всего миръ былъ тогда настолько же общераспространеннымъ явленіемъ въ странѣ, какъ воздухъ и вода.
> На землѣ не возникало ни страха ни страданія. Она доставляла изобиліе всякихъ благъ [22]).

Но мы можемъ, конечно, предположить, что существеннѣйшіе изъ тѣхъ выводовъ, которые юное соціологическое умозрѣніе пятаго вѣка дѣлало изъ общиннаго принципа и изъ идеи братства, также находили свое выраженіе въ поэзіи, отличавшейся такою отзывчивостью на злободневные вопросы. Напр., идея общности женщинъ, которую мы уже тогда встрѣчаемъ (напр., у Геродота) въ идеа-

лизированныхъ представленіяхъ о дикихъ племенахъ [23]), и которую Эврипидъ формулировалъ какъ проблему [24]), врядъ ли совершенно отсутствовала и въ драматическихъ изображеніяхъ златого вѣка. На это довольно ясно указываютъ цвѣтущія, прелестныя дѣвы, прислуживающія кутиламъ въ раю, изображаемомъ Ферекратомъ [25]). Планы осчастливить міръ, возвѣщаемые въ комедіи Аристофана, въ которой выводятся коммунисты [26]), конечно, также имѣютъ нѣкоторыя общія черты съ изображеніемъ блаженной страны въ болѣе древней комедіи. Навѣрно, не въ первый разъ говорилось, что, какъ возвѣщается въ этой комедіи, въ государствѣ будущаго невозможны противообщественные поступки, лжесвидѣтели и сикофанты.

Не будутъ больше красть и завидовать счастью ближняго,
Не будетъ ни нагихъ, ни бѣдныхъ, ни несчастныхъ, ни борьбы партій заключенія за не плаченный долгъ [27]).

Это въ самомъ дѣлѣ былъ воплощенный златой вѣкъ!

Во всякомъ случаѣ, ожиданія коммунистическихъ мечтателей, выводимыхъ Аристофаномъ, весьма напоминаютъ характеристику златого вѣка у другихъ авторовъ комедій въ томъ отношеніи, что поэтическая фантазія оказывается неистощимою при изображеніи тѣхъ чувственныхъ наслажденій, которыя сулитъ идеальный строй. Вѣдь это затрагивало одну изъ чувствительнѣйшихъ струнъ народной души, причемъ реалистическое изображеніе этихъ прелестей такъ гармонировало съ настроеніемъ, господствовавшимъ подъ вліяніемъ комической музы на празднествѣ Діониса. Вѣдь даръ Вакха позволяетъ смертнымъ возвышаться надъ заботами и скорбью, уравниваетъ бѣдныхъ и богатыхъ и въ морѣ золотого изобилія увлекаетъ въ очаровательный міръ грезъ [28]). Соотвѣтственно этому и комедія имѣетъ въ виду «привести чувствующихъ бога въ состояніе упоенія жизнерадостнымъ оптимизмомъ и безудержными фантазіями» [29]). Этотъ результатъ лучше всего достигался изображеніемъ золотого царства Кроноса, такъ напоминавшаго тотъ волшебный міръ, въ который переносились адепты Діониса. Такимъ образомъ, изъ причудливѣйшихъ представленій съ прихотливымъ дерзновеніемъ сооружалось фантастически-забавное построеніе. Самыя смѣлыя мечты, порождаемыя необузданной фантазіей, облекались плотью.

Все болѣе и болѣе свѣтлыми красками изображалось, какъ природа надѣляла въ ту блаженную эпоху рѣшительно всякаго всѣмъ, въ чемъ онъ нуждался, и чего онъ хотѣлъ, безъ какихъ бы то ни было усилій съ его стороны. Хлѣбъ выросталъ уже испеченнымъ изъ земли, или висѣлъ, подобно плодамъ, на деревьяхъ [30]). Рѣки текли виномъ, или, какъ гласила другая версія, млекомъ и медомъ; каналы были наполнены пикантными соусами. Пшеничныя и ячныя булки перебивали другъ у друга честь попасть въ человѣческіе рты, зажаренныя птицы и всевозможное печенье сами летѣли въ ротъ, рыбы являлись въ дома, сами жарились и сами подавали себя на столъ. На волнахъ потоковъ супа плавали теплые куски говядины. Даже дѣтскія игрушки состояли изъ изысканнѣйшихъ лакомствъ [31]) и т. д. Въ дальнихъ волшебныхъ странахъ, въ которыхъ все еще длится это золотое время, вмѣсто снѣга падаетъ мука, сыплются булки, а вмѣсто дождя падаетъ каша [32]). При такомъ положеніи дѣлъ отчасти достигалось и разрѣшеніе трудной экономической проблемы, которую любила затрагивать комедія: какъ могло общество существовать безъ класса слугъ, причемъ, однако, отдѣльныя лица не должны были сами все дѣлать [33])? Но еще радикальнѣе разрѣшался этотъ вопросъ въ другомъ изображеніи идеальнаго строя: предполагалось, что предметы потребленія, будучи одушевленными, сами все будутъ дѣлать! Автоматы замѣняютъ рабочія

руки [34]). Стоитъ только позвать ихъ—и они готовы къ услугамъ! Обращаясь къ столу, говорятъ: «приди и накройся!»,—къ квашнѣ: «мѣси тѣсто»,—къ кувшину: «налейся»,—къ кубку: «поди помойся» и т. д.

Итакъ, старинный миѳъ превратился въ сказку о волшебной странѣ блаженства. И притомъ фантастическое разукрашиваніе этой сказочной волшебной страны, несомнѣнно, было, главнымъ образомъ, дѣломъ комедіи. Но веселая муза всюду идетъ по слѣдамъ дѣйствительной жизни народа и его ощущеній, слабыя стороны которыхъ она непринужденно осмѣиваетъ. И въ данномъ случаѣ она, конечно, лишь разрисовывала узоры на канвѣ, уже сотканной народной фантазіей. Волшебная страна блаженства, изображаемая въ комедіи, представляетъ собой лишь фантастическое воспроизведеніе вульгарной соціальной философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и остроумнѣйшую сатиру на нее. Народъ, конечно, всегда ощущалъ потребность путемъ реалистическаго разукрашиванія придать общему представленію о царствѣ Кроноса бо́льшую наглядность [35]). Это стремленіе, понятно, очень легко могло вырождаться въ фарсъ. Психологически очень понятно и то, что, при такомъ чувственномъ разукрашиваніи идеала, идеальная сторона миѳа все болѣе и болѣе отступала на задній планъ. Себялюбивые помыслы коренятся несравненно глубже идеи общественности и мечтаній о братствѣ! Поэтому въ коммунизмѣ массъ всегда преобладаетъ индивидуалистическій интересъ, мысль о свободѣ отъ подневольнаго услуженія у принудительной работы и о наивозможно болѣе неограниченномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей и желаній. Основнымъ мотивомъ этого плебейскаго утопизма оказывается наибольшее счастье наибольшаго числа людей, и притомъ счастье въ грубо чувственной формѣ, какъ его понимаетъ огромное большинство людей.

Во множествѣ греческихъ поговорокъ въ наивнѣйшей формѣ прославляются радости чувственно-привольной жизни, или, какъ выражаются древніе комментаторы, «полнота счастья», изобиліе «благъ» и «общедоступность» этихъ благъ (πλῆθος εὐδαιμονίας ἕτοιμα ἀγαθά—πλῆθος ἀγαθῶν) [36]). Это—жизнь, въ которой не приходится уже «ни молоть на печь» (βίος ἀληλεσμένος καὶ μεμαγμένος), пресловутый βίος Ἄβρωνος, т.-е. именно праздная жизнь, характеризующаяся тѣмъ, что полевые плоды отмалываются и пекутся сами собой, безъ затраты человѣческаго труда (αὐτομάτως) и тѣмъ, что, опять-таки согласно поговоркѣ, μᾶζα μεμαγμένη лежитъ на улицѣ, струятся потоки вина, меда и другихъ пріятныхъ жидкостей, причемъ все это стекается въ «море благъ» (θάλασσα ἀγαθῶν). Тамъ деньги сыплются градомъ (δραχμὴ χαλαξῶσα), золото падаетъ на человѣка какъ дождь или пыль (χρυσῷ καταπάττειν), до неба подымаются золотыя горы (χρυσᾶ ὄρη) и бьютъ серебряные ключи. Животныя и утварь повинуются мановенію человѣческой руки. Такъ какъ никому не приходится работать, то въ этого рода поговоркахъ нигдѣ и не упоминается о трудѣ [37]).

Самосатскій сатирикъ-философъ превосходно охарактеризовалъ образъ мыслей, явившійся результатомъ этого рода соціальнаго утопизма, и возбуждаемыя имъ коммунистическія вожделѣнія, беря при этомъ за исходный пунктъ именно легенду о златомъ вѣкѣ. Въ своихъ «Письмахъ къ Кроносу» онъ выдаетъ себя за бѣднаго поклонника этого божества. Само собой разумѣется, этотъ поклонникъ съ особой настойчивостью проситъ Кроноса уничтожить ненавистную привилегію богачей, благодаря которой они имѣютъ предпочтительное право на пользованіе всѣми благами, и сдѣлать послѣднія доступными для всѣхъ, такъ какъ иначе его чествованіе, собственно говоря, не имѣетъ смысла [38]). «Болѣе всего меня огорчаетъ, любезный Кроносъ, и мы находимъ совершенно невыносимымъ, что нѣкоторые

только и дѣлаютъ, что, возлежа на пурпурныхъ ложахъ, м е д л е н н о перевариваютъ черезчуръ обильныя явства, внимаютъ прославленію своего счастья и круглый годъ не знаютъ будней, между тѣмъ какъ насъ даже и во снѣ тревожитъ вопросъ о томъ, гдѣ достать четыре обола, чтобы на слѣдующій день снова лечь спать, наполнивъ желудокъ черствымъ хлѣбомъ или ячменной кашей, пучкомъ салата или парой луковицъ, въ качествѣ закуски. Лишь тогда, о Кроносъ, когда ты измѣнишь это, произведя соотвѣтственную реформу, можно будетъ сказать, что, благодаря тебѣ, жизнь опять стала настоящей жизнью и твой праздникъ—истиннымъ праздникомъ».

Поэтому и въ характерныхъ преніяхъ, происходившихъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ комедій, изображавшихъ привольную жизнь, между защитниками богатства и чувственныхъ наслажденій и сторонниками бѣдности, воздержанія и труда, побѣдителями обыкновенно оставались, конечно, первые. «Къ чему»—заявляетъ въ «Персахъ» Ферекрата заступникъ богатства, обращаясь къ бѣдности или ея представителю,—

Къ чему намъ вся твоя наука
о запряжкѣ воловъ и о паханіи,
Объ изготовленіи серповъ и о кузнечномъ ремеслѣ,
о посѣвѣ, кошеніи и огораживаніи?
Вѣдь ты уже слышалъ, что сами собой
по улицамъ будутъ струиться бурные потоки
Испускающей пары похлебки и доставлять намъ
сало и ахилловскія клецки
Изъ тѣхъ дальнихъ мѣстъ, гдѣ расположены источники богатства;
кто хочетъ, можетъ наполнять свое блюдо.
И Зевсъ ниспошлетъ намъ искрометное, ароматное вино,
которое, какъ дождь, будетъ падать на крыши,
И рыльца кровельныхъ карнизовъ
будутъ источать сочный виноградъ,
Медовые пряники и чечевичную размазню,
рожки, кренделя и булочки.
И на всѣхъ деревьяхъ въ горахъ
будутъ расти не листья,
А лоснящіяся колбасы, треска
и нѣжные жареные дрозды [39]).

И съ какимъ торжествомъ возвѣщаетъ въ комедіи звѣрей Кратеса, возражающій защитнику бѣдности и воздержанія, сторонникъ богатства и наслажденія:

Теперь послушай меня. Я, какъ-разъ наоборотъ,
Проведу въ теплыя ванны для собравшихся здѣсь моихъ друзей
Воду изъ моря черезъ покоющійся на колоннахъ водопроводъ,
Какъ это сдѣлано въ пзановомъ залѣ.
Вода будетъ течь въ ванну к а ж д а г о, а когда она наполнится,
Раздается «довольно»! Затѣмъ тотчасъ же
Сами собой являются губка, бутылочка и сандаліи [40]).

Подобныя перспективы вызываютъ въ «Златомъ вѣкѣ» Эвполида у одного изъ вѣрующихъ торжественное восклицаніе:

О городъ, прекраснѣйшій изъ всѣхъ, подвластныхъ Клеону,
Сколь блаженъ ты былъ въ минувшіе вѣка, какое блаженство
Ждетъ тебя въ будущемъ!
* * *
Развѣ можно не любить нашихъ Аѳинъ и не наслаждаться въ Аѳинахъ,
Гдѣ даже всякому уроду, какъ бы ни былъ онъ безобразенъ... [41]).

Выясненію этой перспективы способствуетъ изображаемая Аристофаномъ утопія, относящаяся къ сферѣ половыхъ отношеній [42]).

На почвѣ этого міровоззрѣнія, усматривающаго верховный принципъ въ физическомъ благополучіи и интересующагося соціальнымъ вопросомъ лишь какъ вопросомъ желудка, соціальная утопія неминуемо должна была безпрестанно обращаться въ фарсъ, въ шуточную комедію. Таковою она и представляется въ единственномъ цѣликомъ дошедшемъ до насъ изъ длиннаго ряда комическихъ изображеній идеальнаго государства поэтическомъ произведеніи: въ великолѣпной поэтической сатирѣ «Женское народное собраніе» [43]).

Съ безпощаднымъ шекспировскимъ юморомъ и съ неподражаемой мольеровской ироніей Аристофанъ воспроизводитъ пролетарскій утопизмъ, съ геніальной смѣлостью усиливая эффектъ перенесеніемъ блаженной страны изъ чужедальняго края на почву аттической дѣйствительности.

Конечно, это — карикатура, рѣзко преувеличивающая внѣшнія черты для осмѣянія плебейскаго коммунизма. Поэтъ достигаетъ своей цѣли, нигдѣ не останавливаясь передъ самыми крайними выводами, по мѣрѣ возможности стараясь перещеголять самыя смѣлыя фантазіи пролетаріевъ [44]). Однако, сквозь причудливую маску просвѣчиваютъ многія подлинныя черты. Получается поразительно вѣрное изображеніе сущности и подлинныхъ мотивовъ этого вульгарнаго утопизма.

Конечно, господство женщинъ, съ водворенія котораго начинается пьеса, но о которомъ очень мало говорится въ ея дальнѣйшемъ ходѣ,—невинная шутка [45]). Оно служитъ лишь для усиленія комическаго эффекта. Кромѣ того, оно играетъ роль въ самомъ дѣлѣ геніально придуманнаго средства, при помощи котораго переходъ отъ стараго общественнаго строя къ государству будущаго представляется совершившимся въ чрезвычайно забавной формѣ и безъ всякаго кровопролитія [46]). «Благодаря хитрости женщинъ, смѣло и тонко обдумавшихъ свою затѣю во мракѣ ночи», въ народномъ собраніи проходитъ постановленіе, «передающее городъ и народъ во власть женщинъ» и устанавливающее общность женщинъ и имущества. На этомъ и сосредоточиваются интересъ пьесы и сатира поэта. Въ земномъ раю, наступленіе котораго «мудро и свободомысленно» [47]) возвѣщаетъ избранная президентшей коммунистической республики стремящаяся къ эмансипаціи дама, гражданка Праксагора, всѣ помыслы направлены на коммунизмъ наслажденія, который долженъ стать возможнымъ благодаря новому общественному строю. Онъ долженъ обезпечить всему народу будущее, полное «невиданнаго блеска и неисчислимыхъ, улучшающихъ жизнь выгодъ» [48]), сдѣлать государство навсегда счастливымъ!

Въ соблазнительныхъ картинахъ, въ которыхъ президентша развертываетъ предъ своимъ супругомъ, типичнымъ аѳинскимъ пролетаріемъ—мелкимъ буржуа, прелести новаго общественнаго строя, проектируется огосударствленіе всѣхъ средствъ производства и потребленія, дабы «все стало общимъ, всякій пользовался всѣмъ и жилъ на счетъ общественнаго достоянія» [49]).

Прежде всего я сдѣлаю общими землю,
Деньги и всевозможныя имущества.
Мы, женщины, будемъ кормить и одѣвать васъ, мужчинъ, изъ общаго достоянія [50]),
Завѣдуя имъ тщательно и экономно и отдавая отчетъ во всемъ.
Бѣдность никого не будетъ принуждать къ работѣ,—
Вѣдь все станетъ общимъ достояніемъ:
Хлѣбъ, пироги, овощи, мясо, рыба, одежда, вино, вѣнки, изюмъ и миндаль [51]).

Гражданину государства будущаго нечего смущаться мыслью о томъ, какимъ образомъ все это можетъ постоянно оказываться на лицо, коль скоро никто не

захочетъ вести трудовую жизнь. Правда, въ его распоряженіи нѣтъ одушевленныхъ автоматовъ волшебной сказочной страны; но не обладало ли уже существовавшее общество одаренными разумомъ орудіями, которыя до извѣстной степени могли выполнять для него нѣчто аналогичное? Несмотря на радикальный разрывъ съ существующимъ порядкомъ въ другихъ отношеніяхъ, онъ охотно удерживаетъ и въ обновленномъ общественномъ строѣ р а б о в ъ, на которыхъ можно свалить ненавистную работу. Требуя свободы и равенства д л я с е б я, онъ отказываетъ въ нихъ цѣлому несчастному классу людей, на который уже и существовавшее тогда общество возлагало чрезмѣрное бремя труда, и который о т н ы н ѣ, послѣ того какъ и самый жалкій свободный пролетарій избавится отъ работы, одинъ долженъ будетъ нести на своихъ плечахъ всѣ тягости. Въ этомъ отношеніи гражданинъ будущаго государства, какъ ни велико его стремленіе къ прогрессу, оказывается такимъ же консерваторомъ и индивидуалистомъ, какъ и закоренѣлый плутократъ.

«Поле—говоритъ Праксагора свободному аѳинскому гражданину — обрабатываютъ рабы! Тебѣ остается лишь одно занятіе: когда тѣнь циферблата покажетъ десять футовъ, разубравшись, шествовать на пиршество» [52]). Эти пролетарскіе сторонники принципа свободы и равенства «не думаютъ о томъ, что рабы нѣкоторымъ образомъ тоже люди, но комфортабельно кормятся на нивѣ, удобренной трудомъ другихъ» [53]).

Выходитъ, будто все назначеніе государства сводится къ наивозможно болѣе блестящему разрѣшенію желудочнаго вопроса.

> Всѣ суды сначала, затѣмъ портики и публичные залы я обращу въ столовыя [54]).

На трибунѣ появляются кружки, кувшины и бочка вина. А на площади выставляется урна, но отнюдь не для распредѣленія должностей и судейскихъ мѣстъ, въ которомъ вѣдь уже не представляется надобности, а для разыгрыванія въ лотерею приборовъ для грандіознаго пиршества, ежедневно устраиваемаго государствомъ для всѣхъ гражданъ [55]).

> Всякій весело устремится въ ту судебную палату, гдѣ жребій указываетъ ему
> мѣсто для обѣда;
> Глашатай будетъ возвѣщать тѣмъ, которымъ выпала буква Βῆτα,
> Чтобы они шли въ казначейство, тѣмъ, которымъ выпала буква Θῆτα,
> Чтобы они шли въ сосѣдній съ казначействомъ портикъ;
> Тѣмъ, кому выпала буква Κᾶππα,—чтобы они шли обѣдать
> въ тотъ портикъ, гдѣ теперь находится мучной рынокъ.

И они находятъ тамъ не «обѣдъ», а «роскошную трапезу», соблазнительно описываемую возвѣщающею пиршество гражданкою-вѣстницею [56]):

> Сыны гражданокъ—ибо вы такъ зоветесь отнынѣ, —
> Отыщите скорѣй нашу повелительницу, чтобы она
> Указала каждому изъ васъ мѣсто, назначенное ему жребіемъ для обѣда.
> Всѣ столы готовы и ломятся подъ тяжестью изысканныхъ кушаній,
> Ложа убраны одѣялами и коврами,
> Наливаютъ чаши. Прислужницы съ благовоніями
> Рядами стоятъ у столовъ.
> Жарятъ рыбу, надѣваютъ на вертелъ зайцевъ,
> Мѣсятъ пироги, плетутъ вѣнки,
> Готовятъ сласти, молоденькія дѣвушки варятъ горохъ...
> Идите же, столъ накрытъ, начинайте работать челюстями.

Словомъ, дѣло обстоитъ почти такъ же, какъ въ сказочной волшебной странѣ, да и кулинарныя наслажденія, уготованныя гражданамъ уже на грандіозномъ

торжественномъ пирѣ въ первый день, конечно, могутъ помѣряться съ кулинарными наслажденіями, наперерывъ расхваливаемыми въ поэтическихъ изображеніяхъ царства Кроноса. Напр., готовится фрикассэ изъ салакушекъ, муренъ, миногъ, трюфелей, бекасовъ, фазановъ, жаворонковъ, голубей, зайцевъ и т. д.— объ этомъ возвѣщаетъ заключительная «пѣснь въ ожиданіи обѣда» хора (μέλος μελλοδειπνικόν) [57]).

Но впереди ждутъ еще болѣе отрадныя наслажденія! Полное осуществленіе принципа свободы и равенства требуетъ устраненія всѣхъ препонъ, существовавшихъ при старомъ общественномъ строѣ для любовныхъ утѣхъ. Уже не существуетъ ни индивидуальнаго домашняго хозяйства, ни брака, ни семьи. Городъ обратится въ одинъ большой домъ, всѣ замки будутъ взломаны, чтобы каждый во всякое время имѣлъ свободный доступъ къ каждому, или—какъ мы можемъ добавить—къ каждой [58]). Вѣдь на ряду съ общностью благъ устанавливается общность женщинъ.

Въ отвѣтъ на возраженіе, что вѣдь послѣ отмѣны частной собственности уже не будетъ денегъ для уплаты женщинамъ легкаго поведенія, Праксагора побѣдоносно заявляетъ:

> Но можно будетъ лежать съ ними даромъ.
> Я предлагаю сдѣлать общими и всѣхъ женщинъ,
> Такъ что онѣ станутъ производить дѣтей со всякимъ, кто пожелаетъ [59]).

Отнынѣ городъ становится не только пышнымъ отелемъ, но и безплатнымъ публичнымъ домомъ [60]):

> —«Каждый получитъ все въ изобиліи
> И пойдетъ домой, подвыпивши, съ факеломъ и въ вѣнкѣ;
> А навстрѣчу выбѣгутъ женщины
> И будутъ зазывать къ себѣ каждаго:
> «Зайди ко мнѣ; у меня есть хорошенькая дѣвушка»:
> «Иди ко мнѣ»—закричитъ на весь дворъ другая женщина:
> «У меня есть нѣжная дѣвушка, надо только сначала полежать со мною».
> Ну, что же, скажи, нравится тебѣ все это?»

«Но—возражаетъ супругъ Блепиръ—развѣ можно при подобномъ образѣ жизни узнавать своихъ дѣтей»?—«Этого и не нужно,—отвѣчаетъ Праксагора;— дѣти признаютъ всѣхъ старшихъ своими отцами». На это супругъ замѣчаетъ: «но если они уже и теперь колотятъ своихъ отцовъ, зная ихъ, то что же помѣшаетъ имъ надругаться надъ невѣдомыми имъ отцами»?—«Не слѣдуетъ опасаться ничего подобнаго»,—возражаетъ супруга:

> Всякій, кто увидитъ, воспротивится этому. Прежде нисколько не интересовались, когда били чужого отца;
> Теперь же, разъ начнутъ бить старика, каждый, опасаясь,
> Чтобы не побили его собственнаго отца, воспрепятствуетъ этому [61]).

Къ участію во всеобщей любовной конкуренціи не допускается лишь рабыня. «Ремесло публичныхъ женщинъ должно быть упразднено»—возвѣщаетъ Праксагора:

> Дабы г р а ж д а н к а наслаждалась свѣжей силой юноши.
> Неприлично, чтобы разряженныя рабыни
> Перебивали у свободныхъ женщинъ любовныя наслажденія,
> Имъ позволительно спать только съ рабами. Таково мое повелѣніе [62]).

Правда, и граждане и гражданки также н е могутъ в п о л нѣ свободно предаваться любви. Вѣдь, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ природа оказывается

аристократкой! Она распредѣлила физическую силу и красоту слишкомъ неравномѣрно, такъ что нельзя надѣяться, что и въ этой сферѣ отдѣльныя лица при свободной любви согласятся фактически руководиться принципомъ равенства. Всѣ «устремятся, конечно, къ прекраснѣйшей женщинѣ страны и пожелаютъ обладать ею» [63]). И всѣ женщины, съ своей стороны, будутъ жаждать объятій красивѣйшаго изъ мужчинъ. Итакъ, и въ данномъ случаѣ для осуществленія идеи равенства приходится ограничить свободу. Устанавливается такой порядокъ, при которомъ къ любовнымъ наслажденіямъ допускаютъ по очереди, такъ что и уроды не остаются обойденными. Правда, этотъ камень преткновенія грозитъ опасностью всѣмъ прелестямъ государства будущаго.

Возникающій благодаря этому конфликтъ между liberté и égalité даетъ поэту матеріалъ для неподражаемо комичныхъ сценъ, для чуднаго, хотя и чрезвычайно грубо-натуралистическаго финала пьесы, изображающаго состязаніе между двумя женщинами—старой и еще болѣе старой—изъ-за пригожаго парня, котораго его возлюбленная рада была бы удержать для одной себя, не имѣя, однако, возможности сдѣлать этого, такъ какъ это противорѣчило бы принципу равенства. Справедливо указывали, что утопіи нѣкоторыхъ коммунистовъ относительно половыхъ отношеній нигдѣ не подвергались такой рѣзкой, уничтожающей критикѣ. «Жаль, что болѣе развитое среди насъ чувство благопристойности или, точнѣе говоря, наша педантическая жеманность уже не позволяетъ намъ этого побѣднаго, освободительнаго смѣха надъ всѣмъ этимъ «человѣческимъ» [64]).

Конечно, подобныхъ противорѣчій и конфликтовъ не существуетъ для глашатаевъ государства будущаго. По ихъ мнѣнію, осуществленіе коммунизма, несомнѣнно повлечетъ за собою ничѣмъ невозмутимую гармонію и полное согласіе. Съ самоувѣреннымъ оптимизмомъ [65]) Праксагора утверждаетъ: у насъ невозможны зависть и недоброжелательство, раздоры и вражда, злые помыслы и дурные поступки. Вѣдь причина всего этого—нужда и бѣдность—разъ навсегда устранена. Тамъ, гдѣ «общая доля всѣхъ одинакова» [66]), и гдѣ всѣ до отвалу насыщаются явствами, виномъ и любовью, прекращаются и кражи, разбои, обманы и т. д.

Этими аргументами Праксагора опровергаетъ всѣ возраженія лукаваго простофили, своего мужа Блепира, который, будучи не прочь принять участіе въ наслажденіяхъ, обѣщаемыхъ коммунистическимъ раемъ, не особенно склоненъ увѣровать въ его реальность. Его опасеніе относительно того, не утаятъ ли чего-либо милые сограждане при сдачѣ своего имущества въ государственную казну [67]), не смущаетъ Праксагору. Она утверждаетъ, что теперь, «когда всѣ обладаютъ всѣмъ», утаивающій не извлечетъ никакой выгоды отъ своего обмана. Зачѣмъ ему золото, разъ нужда никого не побуждаетъ что-либо дѣлать ради денегъ [68])? И къ чему красть, когда все принадлежитъ всѣмъ [69]); къ чему грабить, когда у всѣхъ есть все, что имъ нужно [70])?:

«Если кто-нибудь пожелаетъ плащъ другого, то послѣдній
Добровольно отдастъ ему, ибо для чего ему сопротивляться?
Онъ получитъ лучшій изъ центральнаго магазина [71]).

Итакъ, госпожа Праксагора разсуждаетъ точно такъ же, какъ и господинъ Бебель, столь же рѣшительно, какъ и президентша комическаго «женскаго государства», пророчащій въ своей «Женщинѣ», что «воры исчезнутъ, такъ какъ исчезнетъ частная собственность» [72]). Аналогично аргументаціи утопизма новаго времени, Праксагора отвѣчаетъ на дальнѣйшее возраженіе, что вѣдь нынѣ какъ-

разъ утопающіе въ изобиліи благъ земныхъ оказываются величайшими негодяями [73]):

«Да, прежде, при старыхъ нашихъ законахъ, это было такъ,
Но теперь, когда мы зажили на общинныхъ началахъ, что выиграетъ не внесшій своей доли?

То-есть, въ переводѣ на современный языкъ: «да, прежде, пока мы жили при старомъ гниломъ буржуазномъ режимѣ и были развращены средой! Но теперь всѣ честны, такъ какъ всѣ сыты» [74]). Или, какъ Беллами объясняетъ, почему все измѣнилось и обновилось въ 2000 году: «измѣнились условія человѣческаго существованія, а съ ними и мотивы человѣческихъ поступковъ».

Но Блепиру не такъ легко отрѣшиться отъ стараго міра. Онъ продолжаетъ спрашивать: «а что если кто-нибудь долженъ заплатить штрафъ? Откуда у него возьмутся нужныя для этого деньги? Вѣдь не подобаетъ же тратить на это общественное достояніе»! На это Праксагора отвѣчаетъ, что такой случай вообще не можетъ представиться, такъ какъ уже не будетъ никакихъ процессовъ.—Но если никто не будетъ въ состояніи возбудить процессъ, такъ какъ уничтожится всякая отвѣтственность за долги, то не явится ли—спрашиваетъ Блепиръ—результатомъ этого масса злостныхъ банкротствъ?—Нѣтъ,—поучаетъ его супруга,—и это немыслимо въ нашемъ государствѣ; вѣдь у насъ нѣтъ частнаго капитала, слѣдовательно, не можетъ существовать ни кредиторовъ, ни должниковъ [75]).

Однако, упрямый мужъ все еще не убѣждается. Онъ добивается выясненія слѣдующаго пункта:

Если пьяный, возвращаясь съ пирушки, побьетъ меня,
Чѣмъ поплатится онъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе?
Думаю, что этимъ вопросомъ я ставлю женщинъ втупикъ [76]).

Праксагора не отваживается отрицать, что подобныя проявленія слабости человѣческой возможны и въ будущемъ обществѣ. Но это не смущаетъ ее; она предлагаетъ очень простое средство справиться съ такими неудобными товарищами:

«Онъ поплатится своей обѣденной порціей. Зачинщикъ драки,
Порцію котораго мы урѣжемъ, утратитъ послѣ этого охоту драться.

По утвержденію Праксагоры, подъ вліяніемъ желудочнаго мотива, станутъ осуществимы еще и не такія чудеса! Этотъ мотивъ не только сдѣлаетъ всѣхъ гражданъ благонравными, но и будетъ способствовать сохраненію всѣхъ тѣхъ болѣе благородныхъ стремленій человѣческой души, на существованіе которыхъ у своихъ гражданъ приходится разсчитывать государству, желающему уцѣлѣть. Для того, чтобы при всеобщемъ чревоугодіи и культѣ фаллуса товарищи не утратили окончательно способности защищаться и мужества, трусамъ открывается перспектива, что ихъ — чисто-аристофановская черта! — насмѣшками прогонятъ съ table d'hôte [77]):

Мальчики будутъ пѣть застольныя пѣсни,
Прославляя обнаружившихъ храбрость въ бояхъ
И осмѣивая бѣжавшихъ съ поля битвы трусовъ,
Чтобы пристыдить ихъ и тѣмъ прогнать съ пира [78]).

Конечно, отъ такихъ людей, какъ тѣ, которые изображаются въ качествѣ гражданъ будущаго, благодаря воздѣйствію вышеуказаннаго мотива, можно добиться рѣшительно всего. Чего стоитъ хотя бы, напримѣръ, послѣдняя сцена! Вѣстница

видитъ Блепира, опоздавшаго попасть на общій пиръ. Она восклицаетъ, обращаясь къ нему: «о трижды блаженный избранникъ счастья»!—«Я?! Какимъ это образомъ»?—спрашиваетъ Блепиръ. Вѣстница отвѣчаетъ:

«Воистину, клянусь богами, ты наисчастливѣйшій человѣкъ!
Можно ли быть счастливѣе тебя? Вѣдь изъ тридцати съ лишнимъ тысячъ
Аѳинскихъ гражданъ ты одинъ только до сихъ поръ еще не обѣдалъ [79]).

Невольно припоминается фантастическая сатира Рабле, изображающая всемогущество сударя Гастера. Вѣдь и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сатирой.

Но если мы отвлечемся отъ внѣшнихъ деталей и сосредоточимъ вниманіе на основной мысли, то не позволяетъ ли карикатура поэта, какъ и всякая въ самомъ дѣлѣ удавшаяся карикатура, ясно распознать нѣкоторыя черты, характерныя для оригинала? Вѣдь если бы до насъ дошла какая-нибудь утопія, которая въ самомъ дѣлѣ представляла бы собою плодъ разгоряченнаго воображенія тогдашней голодной, неимущей и алчной черни, болѣе всего жаждавшей все новыхъ и новыхъ наслажденій, то развѣ не оказалась бы эта утопія въ существенныхъ чертахъ чрезвычайно сходною съ картиной будущаго строя, изображаемаго въ комедіи Аристофана? Способенъ ли крайній матеріализмъ и индивидуализмъ, не признающій иной святыни, кромѣ «индивидуума» и его удовольствія, выработать иной идеалъ, кромѣ коммунистическаго рая черни, «канальскихъ сатурналій» [80])?

Но и помимо этихъ крайностей Аристофанъ съ геніальной мѣткостью схватилъ центральный пунктъ проблемы въ той формулировкѣ, которую она неизбѣжно получаетъ у всѣхъ представителей чисто-демократическаго соціализма. Вѣдь и Лассаль, съ одной стороны, крайне идеализировавшій миссію массы, съ другой поставилъ на первый планъ, въ качествѣ исходнаго пункта и главнаго вопроса, матеріальные интересы рабочаго сословія и въ своей практической пропагандѣ очень искусно возбуждалъ алчность человѣческой природы, совершенно какъ Праксагора! И, съ другой стороны, не оказываются ли чувственныя вожделѣнія, жажда наслажденій послѣ долгаго воздержанія психологически вполнѣ понятными и совершенно естественными?

На этой почвѣ невозможенъ былъ прогрессъ въ пониманіи проблемы. Для этого необходима была совершенно иная духовная атмосфера, принципіально отличающееся отъ охарактеризованнаго выше міровоззрѣніе, такое пониманіе жизни, которое не сводило бы проблемы о счастьѣ къ вопросу о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Этотъ прогрессъ въ поэтической обработкѣ данной проблемы совершился благодаря могучему соціально-реформаторскому теченію въ философіи, соціализмъ котораго былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ матеріалистическаго и чисто-индивидуалистическаго коммунизма [81]).

Это возвращаетъ насъ къ исходному пункту нашего изложенія. Вѣдь и для философіи исходнымъ пунктомъ служила гармоническая картина міра, изображаемая въ сказаніи о Кроносѣ, тѣмъ болѣе, что эта картина обнаруживала значительное сходство съ ея собственными представленіями объ идеальномъ первобытномъ состояніи [82]), такъ что ею можно было съ большимъ удобствомъ воспользоваться для аллегорическаго нагляднаго выраженія философскихъ идеаловъ. При этомъ для совершенно иной точки зрѣнія, съ которою въ данномъ случаѣ разрабатывается миѳъ, характерно, что на ряду съ матеріальнымъ моментомъ, со свободой отъ экономической нужды, на первый планъ съ особой настойчивостью выдвигаются этическіе и соціальные элементы миѳа. Соціальная философія прежде всего подчеркиваетъ, что вѣдь царство Кроноса представляло собою именно царство

Божіе, причемъ уже у Платона изображаются божественные пастыри, подъ руководствомъ которыхъ человѣчество вело мирное стадное существованіе [83]). Согласно тому варіанту миѳа, который излагается Платономъ, благами, осчастливливавшими тогда поколѣнія людей, были миръ и согласіе, духъ нравственнаго самообузданія и порядка [84]). Къ этому у Платона присоединяется еще и впослѣдствіи развитое имъ пессимистическое воззрѣніе, согласно которому, будучи самовластны, люди неминуемо становятся надменными и несправедливыми. Сознавая эту человѣческую слабость, Кронось и не установилъ тогда какихъ-либо человѣческихъ властей, а довѣрилъ руководство человѣчествомъ болѣе благороднымъ, богоподобнымъ существамъ, которыхъ Платонъ называетъ «демонами». Они соотвѣтствуютъ высшей степени развитія того сверхъ-человѣческаго типа «сыновъ божіихъ», которыхъ Платонъ впослѣдствіи считалъ необходимыми для управленія идеальнымъ обществомъ.

Стоическая школа была особенно склонна усматривать воплощеніе своихъ идеаловъ въ царствѣ Кроноса. Вѣдь «свобода при Кроносѣ» [85]), не знающая никакихъ внѣшнихъ правовыхъ и государственныхъ нормъ и авторитетовъ, но признающая лишь чуждый принужденія нравственный порядокъ, всеобщее добровольное сотрудничество, обусловливаемое свободной моралью и братствомъ, вполнѣ тожественна съ ультра-идеалистическимъ коллективизмомъ и анархизмомъ стоическаго общественнаго идеала [86]). Въ легендѣ о златомъ вѣкѣ усматривали и прославленіе стоическаго идеала самодовлѣющей жизни, простого натуральнаго быта, не знавшаго торговли и денежнаго хозяйства. Такъ, напр., одинъ изъ адептовъ стоицизма, Аратъ Солійскій, принадлежавшій къ числу тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ пользовались наибольшей популярностью въ эпоху эллинизма, воспѣлъ въ своей прославленной дидактической поэмѣ «Феномены» (между 274 и 276 гг.) величіе царства Кроноса. Тогда «Дике, безсмертная богиня, собирая старѣйшихъ гражданъ то на площади, то на большой дорогѣ, звучно возвѣщала гражданскіе законы, увѣщевая, пагубныя усобицы и бранныя схватки были невѣдомы, корабли не привозили продуктовъ изъ дальнихъ заморскихъ странъ [87]), но все нужное въ достаточномъ количествѣ доставляли волы, плуги и сама правосудная Дике». Это изображеніе характерно еще и въ томъ отношеніи, что на ряду съ соціально-этическимъ моментомъ въ немъ проводится выраженная уже Платономъ и затѣмъ настойчиво подчеркиваемая киниками мысль о томъ, что люди рождены для труда. По мнѣнію Арата, земля не дарила самопроизвольно своихъ плодовъ людямъ даже и въ блаженную первобытную эпоху, но люди должны были добывать ихъ изъ нея трудомъ, съ помощью плуговъ и воловъ.

Это пониманіе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и результатомъ раціоналистическаго истолкованія сказанія, устраненія изъ него «слишкомъ сказочныхъ элементовъ», требуемаго развившимся критическимъ сознаніемъ. И, въ концѣ концовъ, миѳическія черты совершенно исчезаютъ благодаря раціоналистическому истолкованію сказанія, которое мы находимъ у другого стоика, а именно у Посидонія. Онъ усматриваетъ въ сказаніи о златомъ вѣкѣ лишь непонятое преданіе о той первобытной эпохѣ, когда еще не испортившееся человѣчество, слѣдуя природному влеченію, охотно подчинялось руководству лучшихъ людей и «мудрецовъ», причемъ ихъ благоразуміе доставляло ей все то счастье, изъ-за котораго прославляютъ златой вѣкъ: безопасность отъ своеволія и насилія и свободу отъ экономической нужды [88]).

Отдѣлъ II.—Государственный романъ.

1. Платонова «Атлантида».

Однако, съ теченіемъ времени измѣнился не только самый миѳъ. Потребность воплотить общественные идеалы эпохи въ поэтическихъ образахъ неизбѣжно привела къ тому, что, подобно комедіи, и соціальная философія вышла изъ рамокъ народнаго сказанія и перенесла идеалъ въ совершенно новую сферу, въ которой открывался полный просторъ для индивидуальной фантазіи. И въ данномъ случаѣ инціатива принадлежала опять-таки Платону.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь среди мыслителей Платонъ является художникомъ, поэтомъ. Это не было, впрочемъ, единичнымъ явленіемъ въ ту эпоху умозрительнаго мышленія, когда умозрѣніе и поэзія на каждомъ шагу переходили другъ въ друга. Какъ ни великъ былъ умъ Платона, его все же нерѣдко опережало его воображеніе, неутомимо создававшее все новыя и новыя комбинаціи. Стремленіе къ какъ можно болѣе полному жизни выраженію чрезвычайно богатаго идейнаго міра не могло удовлетвориться систематическимъ изслѣдованіемъ и теоретическими построеніями; духъ Платона нуждался еще и въ иной формѣ, которою и явилось поэтическое творчество. Коль скоро діалектика оказывалась безсильной, онъ прибѣгалъ къ поэтически-символическому языку миѳовъ, къ образной рѣчи, стремясь, такимъ образомъ, вполнѣ наглядно выразить излагаемыя истины. Но и тогда, когда ему удавалось достигнуть полной ясности посредствомъ отвлеченнаго изложенія, имъ иной разъ овладѣвало стремленіе къ созерцанію того, что стало логически яснымъ и въ художественныхъ образахъ. Пылъ преобразовательнаго воодушевленія, побуждавшій его духъ парить высоко надъ испорченной дѣйствительностью, естественно, безпрестанно заставлялъ его страстно стремиться къ тому, «чтобы отъ тщетныхъ желаній и безнадежныхъ грезъ возвыситься хотя бы до поэтической иллюзіи дѣйствительности, отличающей поэзію отъ отвлеченнаго мышленія» [1]). Даже и не прибѣгая къ повѣствовательной формѣ изложенія, Платонъ, изображая свое «государство», говоритъ о «поэтическомъ произведеніи фантазіи» [2]). Сочиненія законодателя его государства второго сорта, для которыхъ вѣдь онъ даетъ образецъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ, не чужды божественнаго воодушевленія [3]). Наглядно изображаемая въ нихъ идеальная картина государства сравнивается съ драматическимъ произведеніемъ [4]). Къ этому присоединяется мощь пропаганды, которую соціализмъ искони почерпалъ въ поэзіи. Подобно соціализму новаго времени, уже и въ древности соціализмъ утилизировалъ въ своихъ цѣляхъ лирику, эпическую и драматическую поэзію. Въ проектируемомъ Платономъ воспитаніи весьма значительную роль должны играть лирика, уже съ дѣтскихъ лѣтъ запечатлѣвающая въ сердцахъ желательное настроеніе [5]), и легенда или миѳъ, образно воспроизводящій ученіе въ наглядной формѣ и усиливающій его дѣйствіе авторитетомъ традиціи [6]). Къ этому, по крайней мѣрѣ въ государствѣ второго сорта, присоединяется еще и драма, долженствующая изображать всю человѣческую жизнь вполнѣ въ духѣ платонова соціализма [7]). Вѣдь нужно, какъ выражается самъ Платонъ, «затронуть всѣ струны» [8]), чтобы покорить сердца и умы людей.

Едва лишь Платонъ создалъ грандіозное построеніе «наилучшаго государства», какъ въ немъ уже пробудилась потребность выразить этотъ идеалъ еще и въ иной формѣ: онъ стремится, чтобы этотъ идеалъ въ поэтическомъ изображеніи предсталъ предъ его взоромъ, какъ бы облекшись плотью. Онъ самъ высказался относительно этого въ «Тимеѣ», представляющемъ собою первую часть той философской трилогіи, въ которой идеи, развитыя въ государствѣ, должны были получить дальнѣйшее развитіе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и художественное выраженіе. Съ нимъ случилось,—говоритъ онъ—«то же самое, что бываетъ съ человѣкомъ, увидавшимъ какихъ-нибудь красивыхъ животныхъ, изображенныхъ живописцемъ или живыхъ, но въ состояніи покоя, и пожелавшимъ увидать ихъ въ движеніи, въ томъ видѣ, который они принимаютъ при свойственной ихъ породѣ борьбѣ. Онъ ощутилъ потребность въ повѣствованіи, наглядно изображающемъ, какъ образцовый городъ, о которомъ идетъ рѣчь въ діалогѣ о государствѣ, оправдалъ бы преимущество своихъ учрежденій, ставъ факторомъ дѣйствительной жизни [9]). Какъ онъ обнаружилъ бы свое духовное и матеріальное превосходство въ соперничествѣ съ другими государствами и въ борьбѣ съ ними [10]). При этомъ жизненность идеала должна была подвергнуться испытанію, и, благодаря этому, можемъ мы прибавить, должно было оправдаться выраженное въ «государствѣ» убѣжденіе въ томъ, что этотъ идеалъ вовсе не представлялъ собой всего лишь прекрасной мечты, объ осуществленіи которой не слѣдовало и помышлять [11]).

Конечно, Платонъ точно такъ же, какъ и Беллами въ своей утопіи, утверждаетъ, что излагаемая имъ исторія—«истина», хотя и «чудесна» [12]). Въ діалогѣ Платона эту исторію излагаетъ его дядя, извѣстный государственный дѣятель и публицистъ Критій [13]), увѣряющій, что эта «истинная» исторія дошла до него при посредствѣ его одноименнаго съ нимъ дѣда, не отъ кого иного, какъ отъ родственника этого Критія старшаго, великаго Солона. Послѣдній слышалъ ее, во время своего путешествія по Египту, отъ одного престарѣлаго жреца въ городѣ Саисѣ, обитатели котораго считали себя единоплеменниками аѳинянъ и обожали подъ именемъ Нейтъ ту же самую богиню, которую аѳиняне чтили подъ именемъ Аѳины [14]). Вѣдь въ Египтѣ, въ странѣ, не подвергавшейся катастрофамъ, вслѣдствіе которыхъ въ другихъ мѣстностяхъ народы неоднократно чуть ли не безслѣдно исчезали съ лица земли, причемъ вмѣсто культуры наступало одичаніе, въ храмахъ уцѣлѣли стародавнія традиціи, относящіяся къ той эпохѣ, о которой у грековъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Изъ этихъ-то стародавнихъ преданій и почерпнуто содержаніе того, что престарѣлый жрецъ повѣдалъ аѳинскому законодателю.

Его повѣствованіе переноситъ насъ въ эпоху, когда, будто бы за 9000 лѣтъ до разсказчика [15]), боги, раздѣливъ міръ между собою и населивъ его, еще сами на свой ладъ воспитывали юное человѣчество и руководили имъ. На долю тѣсно связанныхъ любовью къ мудрости и къ искусству брата и сестры, Аѳины и Гефеста, выпала страна, казавшаяся особенно пригодною для развитія благоразумнаго и мужественнаго населенія, Аттика. Тогда это была еще «нетронутая» почва, такъ какъ еще не успѣло проявиться разрушительное дѣйствіе воды и другихъ стихій. На горахъ еще существовалъ исчезнувшій впослѣдствіи плотный слой чернозема, и онѣ были повсюду покрыты роскошными лѣсами. Поэтому и орошеніе страны было весьма обильнымъ, и почва отличалась чрезвычайнымъ плодородіемъ. Здѣсь въ полной мѣрѣ оказалось на лицо основное условіе здоровой общественной жизни: возможность содержать на ряду съ населеніемъ, занятымъ экономической дѣятельностью, многочисленный классъ, всецѣло посвящающій себя военной службѣ и высшимъ интересамъ [16]). Съ другой стороны, роскошный климатъ, «пріятное смѣшеніе»

временъ года въ высшей степени способствовали полному расцвѣту благороднѣйшихъ проявленій человѣческаго духа [17]).

И здѣсь возникла красивая и великолѣпная порода людей, равной которой не было на землѣ. Эти люди отличались чистотою нравовъ и высокимъ даромъ творчества въ области государственной жизни, на которую сами боги преимущественно направляли ихъ мысль [18]). Они были обязаны дарованной богами мудрости своихъ первыхъ законодателей государственными и общественными учрежденіями, своимъ совершенствомъ напоминавшими «наилучшее государство» [19]).

И здѣсь, въ первобытныхъ Аѳинахъ, надъ массою населенія, занимавшагося земледѣліемъ и промыслами, возвышался общественный классъ, организованный точно такъ же, какъ классъ стражей въ наилучшемъ государствѣ. Это сословіе, называвшееся по профессіи большинства своихъ членовъ воинскимъ, обитало въ тѣсномъ единеніи на возвышенности, включавшей въ себѣ позднѣйшій аѳинскій Акрополь, — возвышенности, которая тогда, когда грозные землетрясенія и потоки еще не обратили ея скалистаго массива въ группу отдѣльныхъ холмовъ, простиралась, въ видѣ почти ровной кровлеобразной пологости, отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возвышался Пниксъ, до Ликабетта [20]). Обширное пространство, въ предѣлахъ котораго, вокругъ центральнаго святилища страны, храма Аѳины и Гефеста, были расположены жилища всѣхъ воиновъ, было огорожено стѣною. Зданія и убранство жилищъ отличались величавостью; они были столь же далеки отъ пышнаго блеска, какъ и отъ убожества. Но нигдѣ не было видно ни золота, ни серебра, такъ какъ ихъ употребленіе было безусловно воспрещено. Тамъ же были расположены и сады, и общественные гимнастическіе залы, и столовыя. Вѣдь обитатели кремля жили на вполнѣ общинныхъ началахъ. Даже женщины не только воспитывались вмѣстѣ съ мужчинами, но и допускались къ участію въ военномъ дѣлѣ. Объ этомъ и понынѣ свидѣтельствуетъ статуя богини, покровительницы города, изображающая ее въ полномъ вооруженіи. Въ такомъ видѣ стали изображать богиню именно въ то время, когда равенство между мужчиной и женщиной осуществлялось даже и поскольку дѣло шло о военной службѣ [21]). Конечно, члены столь сплоченной общины не знали института частной собственности. Они жили при полной общности всѣхъ благъ, довольствуясь тѣмъ, что удѣляло на ихъ содержаніе рабочее населеніе.

Впрочемъ, о первенствующемъ сословіи болѣе ничего не упоминается. Еще сжатѣе говорится въ повѣствованіи о другихъ общественныхъ классахъ. Сообщается только, что населеніе, занимавшееся ремеслами и промыслами, жило по склонамъ вышеупомянутой возвышенности. Тамъ же были расположены и жилища тѣхъ землевладѣльцевъ, поля которыхъ находились вблизи. И здѣсь былъ строго проведенъ принципъ раздѣленія труда [22]). Крестьянинъ былъ только крестьяниномъ и никѣмъ больше [23]). Впрочемъ, какъ должно быть и въ наилучшемъ государствѣ, и члены крестьянскаго сословія отличались стройнымъ тѣлосложеніемъ и «любовью къ прекрасному» [24]). Вѣдь, какъ спеціально отмѣчаетъ разсказчикъ, граждане первобытныхъ Аѳинъ ни въ чемъ не отличались отъ гражданъ наилучшаго государства [25]). Поэтому и отношенія между различными общественными классами въ первобытныхъ Аѳинахъ характеризовались внутренней гармоніей [26]), имѣвшей столь важное значеніе для внѣшняго могущества страны.

Разсказъ собственно и задается цѣлью изобразить проявленія этой государственной мощи; показать, какую массу идеальныхъ и матеріальныхъ силъ способно обнаружить такое государство, когда ему приходится бороться за свое существованіе. Идеальнымъ Аѳинамъ противополагается государство, на первый взглядъ

представляющееся несравненно болѣе могущественнымъ. По ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ, на островѣ Атлантидѣ, превосходившемъ своимъ объемомъ Азію и Африку, но впослѣдствіи совершенно погрузившемся въ море, находилась враждебная держава, властвовавшая надъ островами Атлантическаго океана и по эту сторону Геркулесовыхъ столбовъ—надъ Африкой вплоть до предѣловъ Египта и надъ Европой до Этруріи, между тѣмъ какъ Аѳины располагали лишь союзными войсками небольшой Эллады, а, въ концѣ концовъ, когда, въ разгаръ борьбы, и эти силы измѣнили, могли разсчитывать лишь на самихъ себя.

Однако, уже эти чудовищные размѣры владѣній Атланиды, по мнѣнію Платона, безконечно превышавшіе допустимый для здороваго государства объемъ [27]), свидѣтельствуютъ о томъ, что, въ сущности, въ данномъ случаѣ дѣло шло о колоссѣ на глиняныхъ ногахъ. Вообще Атлантида изображается какъ полная противоположность «здороваго государства» [28]). Почва страны обильно производила не только необходимое для удовлетворенія элементарныхъ житейскихъ потребностей, но и драгоцѣнные металлы, всевозможныя пряности, вкусные плоды и вина, дичь и всякія лакомства, какихъ только могъ требовать избалованнѣйшій вкусъ [29]). Кромѣ того, и подвластныя страны доставляли всевозможныя блага! Здѣсь не могли сохраниться довольствующаяся малымъ простота и осмысленное самообузданіе, поддерживающія здоровье націй [30]). А такъ какъ потреблялись въ значительной степени предметы роскоши, то дѣятельность людей, естественно, все болѣе и болѣе направлялась на производство подобныхъ предметовъ. Вмѣсто симпатичной величавости древнихъ аѳинскихъ зданій, господствовало пышное великолѣпіе, расточительное примѣненіе драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ и варварское пристрастіе ко всему экстравагантному и колоссальному. Центральное святилище страны, огромный храмъ Посейдона былъ цѣликомъ покрытъ серебромъ, а его акротеріи—чистымъ золотомъ. Внутри потолокъ былъ обложенъ слоновой костью, разукрашенной золотомъ и латунью; стѣны, колонны и полъ были обложены латунью. Всюду виднѣлись золотыя статуи, въ томъ числѣ колоссальная статуя бога на колесницѣ, запряженной шестеркою крылатыхъ лошадей. Голова этой статуи касалась фронтона; ее окружала группа, изображавшая сто нереидъ на дельфинахъ, и т. д. Такою же блистательною пышностью отличался и царскій замокъ, при украшеніи котораго одинъ властитель старался превзойти другого, «прибавляя къ и безъ того уже разукрашенному» все новые и новые орнаменты. Наоборотъ, обитатели древняго аѳинскаго кремля «передавали свои жилища своимъ единомышленникамъ всегда въ одномъ и томъ же состояніи» [31]). Вѣдь династія, властвовавшая въ Атлантидѣ, обладала, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несмѣтными богатствами, тогда какъ въ Аттикѣ власть принадлежала представителямъ «истиннаго» богатства, т.-е. не денегъ, а идеальныхъ житейскихъ благъ [32]). Кромѣ того, въ Атлантидѣ существовали дивныя произведенія высокоразвитой техники, грандіозные каналы, мосты, укрѣпленія, корабельныя верфи и гавани—однимъ словомъ, по выраженію Платона, противополагавшаго всему этому идеальныя блага, «всякая мишура» [33]). Наконецъ, между тѣмъ какъ, съ вышеупомянутой точки зрѣнія Платона, здоровое государство непремѣнно должно быть государствомъ земледѣльческимъ и стремиться какъ можно болѣе ограничить промышленность и торговлю, въ особенности морскую, въ Атлантидѣ гавани были переполнены кораблями, стекавшимися въ нихъ со всѣхъ концовъ земли; въ нихъ толпились чужестранцы—торговцы и моряки, суетливый шумъ которыхъ не прекращался ни днемъ, ни ночью. На первомъ планѣ стояли интересы торговли и промышленности, какъ можно болѣе блестящее развитіе матеріальной культуры, наслажденіе комфортабельной жизнью. Вѣдь при раздѣлѣ

земли эта страна выпала на долю Посейдона, иниціатора мореплаванія и коневодства, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ властвовали божества, въ которыхъ воплощались идеалы мудрости и изобразительнаго искусства.

Итакъ, въ данномъ случаѣ изображается среда, въ которой, въ силу естественной необходимости, должно было развиться то, что Платонъ называетъ «государствомъ въ лихорадочномъ состояніи» [34]). Правда, и среди націи, населявшей Атлантиду, первоначально существовали здоровыя нравственныя и соціальныя отношенія. Болѣе всякихъ матеріальныхъ богатствъ и наслажденій она цѣнила добродѣтель и соціальный миръ, духъ справедливости и простиравшееся на всѣхъ единоплеменниковъ братолюбіе [35]), безъ которыхъ, по ея мнѣнію, нельзя было нажить и вышеупомянутыя матеріальныя блага. Однако, даже и она не могла долго устоять противъ охарактеризованнаго выше положенія дѣлъ. Въ концѣ концовъ, и въ Атлантидѣ богатство становится властителемъ думъ. Мѣрило цѣнности измѣняется въ его пользу. Всѣ болѣе всего жаждутъ богатства; обогащеніе становится господствующимъ принципомъ. Вмѣстѣ съ любостяжаніемъ развивается и жажда власти, являющейся обильнѣйшимъ источникомъ золота и наслажденій. Миръ уступаетъ мѣсто духу насилія и несправедливости, который уже нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія. Поворотъ можетъ быть вызванъ лишь Божьей карой, которая и возвѣщается въ заключительныхъ словахъ разсказа.

На этомъ мѣстѣ разсказъ обрывается. Онъ остался незаконченнымъ, такъ что борьба обитателей Атлантиды съ аѳинянами, въ которой обнаруживаются накопившіеся элементы внутренняго броженія и эгоизмъ, не излагается. Мы не узнаемъ ничего ни относительно того, какъ въ болѣзненномъ, охваченномъ судорогой организмѣ плутократическаго государства, при столкновеніи съ морально гораздо болѣе сильнымъ противникомъ, изъ «давно уже воспламенившихся зловѣщихъ искръ» возгорается зарево [36]), ни относительно того, какъ въ здоровомъ въ соціальномъ отношеніи государствѣ всѣ его члены дѣйствуютъ единомышленно и единодушно, всѣ функціи государственнаго организма выполняются безукоризненно и борьба за существованіе оканчивается побѣдой.

По всей вѣроятности, рѣзкое измѣненіе въ настроеніи Платона, въ связи съ которымъ онъ утратилъ вѣру въ осуществимость своихъ идеаловъ [37]), воспрепятствовало ему окончить смѣлое произведеніе, которое вѣдь было обязано своимъ возникновеніемъ именно этой вѣрѣ. Желаніе продолжать широко задуманное произведеніе могло исчезнуть уже среди суеты при дворѣ тирана. Еще менѣе того могъ онъ взяться за продолженіе разсказа, поддавшись тому разочарованію, которое впослѣдствіи во многихъ отношеніяхъ придало соціально-теоретическому мышленію Платона иное направленіе. Разъ государство, соотвѣтствующее требованіямъ разума, стало казаться идеаломъ, неосуществимымъ для людей, какими они оказываются въ дѣйствительности, для выработавшаго этотъ идеалъ Платона утратило всякій смыслъ и выведеніе его, хотя бы только въ поэтическомъ изображеніи, въ шумѣ житейской борьбы.

2. Меропія Ѳеопомпа и киммерійскій городъ Гекатея.

Конечно, это вовсе не предрѣшало судьбы новаго рода поэтическаго творчества. Наоборотъ! Тогдашній эллинскій міръ, насыщенный соціальными идеями, представлялъ собою почву, какъ нельзя болѣе благопріятствовавшую развитію го-

сударственнаго романа. Теоретическія разсужденія относительно условій соціальнаго благополучія, которыя, вѣдь, велись не только въ школьныхъ залахъ, должны были въ высшей степени возбуждать фантазію остроумнаго народа. Великій вопросъ о возможности общественнаго строя, покоящагося на совершенно иныхъ основахъ, чѣмъ существующій, былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Наиболѣе выдающіеся мыслители націи вообразили, что они въ состояніи указать путь, ведущій къ радикальному исцѣленію отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Понятно, что въ народѣ, отличавшемся такою даровитостью въ художественномъ отношеніи, неоднократно обнаруживалось стремленіе облечь эти представленія плотью, выразить свой интересъ къ вышеупомянутымъ грандіознымъ проблемамъ въ такой формѣ, которая болѣе чѣмъ отвлеченныя изслѣдованія и теоретическія построенія удовлетворяла бы воображенію и чувству. Такою формою оказывалась именно повѣствовательная, облекавшая выработанныя представленія иллюзіей дѣйствительности. Весьма развитыя у грековъ влеченіе къ беллетристикѣ и склонность къ баснословію, характернымъ проявленіемъ которыхъ является, какъ-разъ начиная съ четвертаго вѣка, непрерывно возраставшая масса баснословныхъ разсказовъ на географически-этнографическія темы [1]), врядъ ли могли найти болѣе привлекательный сюжетъ, чѣмъ новые и интересные наброски наилучшихъ условій соціальной жизни людей. Авторъ такого повѣствованія, которое, давая конкретныя иллюстраціи къ этимъ идеямъ, былъ въ состояніи вызвать предъ духовнымъ взоромъ читателя живой, осязательный образъ болѣе счастливаго, небывалаго міра, могъ разсчитывать на всеобщій интересъ.

Къ тому же пути творческой фантазіи въ этой области были въ значительной степени заранѣе преднамѣчены со всѣхъ сторонъ. Въ этнографической романтикѣ, идеализировавшей дальнія варварскія племена [2]), въ сказочномъ райскомъ царствѣ, изображавшемся въ комедіяхъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ изображались острова блаженныхъ или Елисейскія поля [3]), въ частью детально разработанныхъ характеристикахъ идеальныхъ общественныхъ порядковъ въ публицистикѣ [4]), и въ грандіозныхъ соціально-реформаторскихъ концепціяхъ Платона, которыя зачастую сами представляютъ собою скорѣе поэзію и выдающую себя за исторію романтику, чѣмъ теорію, содержались разнообразнѣйшіе мотивы и матеріалъ для идеальныхъ изображеній въ формѣ государственныхъ романовъ.

Кромѣ того, послѣ Платона наступила одна изъ тѣхъ эпохъ кипучаго броженія, въ которыя съ психологической необходимостью пробуждается желаніе и потребность, совершенно отрѣшаясь отъ исторически сложившагося строя, санкціонируемаго правомъ, созидать идеальныя картины государственной жизни. Точно такая же тенденція обнаружилась и въ эпоху возникновенія государственныхъ романовъ новаго времени, утопій Мора и Кампанеллы. Эта эпоха напоминаетъ періодъ эллинизма еще и въ томъ отношеніи, что для государственнаго романа нашлось, такъ сказать, какъ бы «геометрическое мѣсто» [5]), такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаяхъ открытіе новыхъ странъ влекло за собою значительное расширеніе кругозора. Благодаря этому воображенію, открывался еще большій просторъ, чѣмъ прежде. Описанія Колумба, Петра Мартира, Веспуччи, Вальдзеемюллера, внезапно ознакомившія западъ съ коммунистическимъ и соціалистическимъ бытомъ народовъ, обитавшихъ на Антильскихъ островахъ и въ другихъ прибрежныхъ странахъ Америки, въ значительной степени способствовали возникновенію вышеупомянутыхъ утопій. Точно такъ же и разсказы Неарха, адмирала Александра Великаго, и другихъ путешественниковъ, повѣствовавшихъ о соціалистическомъ и коммунистическомъ бытѣ индійскихъ и аравійскихъ племенъ, несомнѣнно не въ

меньшей степени способствовали развитію государственнаго романа у грековъ. Вѣдь греки той эпохи относились къ подобнымъ разсказамъ съ совершенно такимъ же,— а именно съ космополитическимъ чувствомъ, какъ и европейцы въ эпоху возрожденія. Греческій государственный романъ настолько же свободенъ отъ національнаго самомнѣнія, не допускающаго, что у «варваровъ» можно найти нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ дома, какъ и государственный романъ новаго времени. И о греческомъ государственномъ романѣ можно сказать, что «любое соціальное явленіе, хотя бы оно имѣло мѣсто за моремъ, представляется ему одинаково важнымъ въ качествѣ темы для поученій и предмета критики» [6]). Онъ сопоставляетъ старый міръ съ новымъ, въ которомъ его идеалы облекаются плотью, совершенно безпристрастно.

Такимъ образомъ возникла цѣлая литература, о содержательности и значеніи который мы можемъ судить лишь по небольшимъ, случайно дошедшимъ до насъ отрывкамъ, въ которыхъ нерѣдко умалчивается какъ-разъ о наиболѣе важномъ.

Первымъ изъ извѣстныхъ намъ авторовъ, послѣ Платона пользовавшихся формою романа для изображенія идеальнаго государственнаго и общественнаго устройства, былъ историкъ Θеопомпъ Хіосскій, ученикъ Исократа. Правда, его сочиненія проникнуты совершенно инымъ духомъ, чѣмъ произведенія его великаго предшественника. Несмотря на его пристрастіе къ морализующему тону, весьма сомнительно, существовалъ ли у него вообще болѣе или менѣе глубокій интересъ къ соціальной реформѣ. Тѣмъ достовѣрнѣе тотъ фактъ, что онъ, главнымъ образомъ, дорожилъ внѣшнимъ эффектомъ, гнался за сенсаціями. Чтобы поддерживать у своихъ читателей напряженный интересъ, онъ, какъ замѣтилъ уже одинъ древній критикъ, «повѣствуя о какой бы то ни было странѣ или о какомъ-нибудь морѣ, всякій разъ непремѣнно упоминалъ что-либо диковинное или неожиданное». Въ особенности въ восьмой книгѣ «филипповскихъ исторій», содержащей въ себѣ, между прочимъ, и романтическую повѣсть о Меропіи, шла рѣчь о множествѣ диковинныхъ и чудесныхъ вещей, такъ что Θеопомпъ не безъ основанія хвалился своимъ умѣньемъ излагать придуманныя исторіи еще искуснѣе, чѣмъ это дѣлали Геродотъ, Ктесій и разсказчики о чудесахъ Индіи.

До какой степени несерьезно трактовались имъ соціальныя и этическія проблемы, видно уже изъ того характернаго факта, что онъ изображаетъ не только общежитіе идеальныхъ людей, но и государство злодѣевъ (Πονηρόπολις), будто бы основанное царемъ Филиппомъ, собравшимъ въ немъ наихудшіе отбросы, всевозможныхъ преступниковъ, сикофантовъ, лжесвидѣтелей, адвокатовъ, въ количествѣ 2000 человѣкъ [7]). Точно такъ же и въ первоначальную эпоху государственныхъ романовъ новаго времени, въ семнадцатомъ вѣкѣ, на ряду съ солнечнымъ государствомъ Кампанеллы или съ новой Атлантидой Бэкона изображались Моронія (страна глупцовъ) или Лавернія (страна воровъ и разбойниковъ). И Памфагонія (страна обжоръ) и Ивронія (страна пьяницъ), изображеніями которыхъ тѣшились читатели вышеупомянутой эпохи, также встрѣчаются уже у Θеопомпа, если не по имени, то по существу дѣла.

Стоитъ, напр., прочесть хотя бы его описаніе общественнаго быта этрусковъ! Правда, оно беретъ за исходный пунктъ историческія данныя, но выхватываетъ лишь черты, дающія поводъ къ изображенію пикантныхъ сценъ, которыми тѣшилась масса читателей. Какъ мы и теперь еще можемъ судить по этрусскимъ гробницамъ, этотъ народъ, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло шло объ его господствующемъ классѣ, наслаждался жизнью, ни въ чемъ себя не стѣсняя [8]). Наше чувство прямо-таки возмущается тѣмъ, какъ они любили скрывать отъ взоровъ даже стро-

гость смерти, окружая ее символами житейскихъ наслажденій. Стоитъ вспомнить хотя бы картины на стѣнахъ этрусскихъ усыпальницъ, на которыхъ изображались пирушки, и изваянія, представлявшія умершихъ, въ парадныхъ костюмахъ бражничающими, съ кубками въ рукахъ. Молва объ этой раздольной жизни этрусской знати дошла и до Ѳеопомпа. Но что же онъ сдѣлалъ изъ этого? Фантастическую исторію совершенно въ стилѣ баснословныхъ разсказовъ, циркулировавшихъ со временъ сказанія о феакахъ относительно народовъ Запада, присоединивъ къ ней представленія, напоминающія общественный идеалъ крайнихъ киниковъ.

Онъ утверждаетъ, будто бы у этрусковъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ половыхъ отношеній [9]), существовалъ грубѣйшій коммунизмъ потребленія [10]). То, что этнологи новаго времени—и притомъ отнюдь не единогласно—предложили для извѣстныхъ примитивныхъ ступеней развитія человѣческихъ обществъ, а именно совершенно безпорядочныя половыя отношенія, нисколько не урегулированныя относительно времени и не ограниченныя ни индивидуальными узами, ни кровнымъ родствомъ, будто бы представляло собою среди этрусковъ общераспространенное явленіе. Женщины будто бы были совершенно эмансипированы и своей распущенностью нисколько не уступали мужчинамъ, въ наслажденіяхъ которыхъ онѣ принимали участіе. Лица обоего пола по произволу соединялись для совмѣстнаго разгула. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ анархіи въ половыхъ отношеніяхъ являлось общественное воспитаніе дѣтей, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было установить, кто именно былъ отцомъ того или иного ребенка. Столь же естественно было и участіе молодежи женскаго пола въ тѣлесныхъ упражненіяхъ мальчиковъ и юношей. Въ Этруріи невѣдомо чувство стыдливости; какъ мужчины, такъ и женщины, нисколько не стѣсняясь, показываются совершенно обнаженными. Въ заведеніяхъ разныхъ искусниковъ по части вытравливанія волосъ, несмотря на обнаженность посѣтителей, господствуетъ такое же оживленіе, какъ и въ аѳинскихъ цырюльняхъ. Не считается постыднымъ даже и удовлетворять половую потребность публично, на виду у всѣхъ. По принципу: naturalia non sunt turpia, въ данномъ случаѣ въ исторической дѣйствительности дѣло будто бы обстоитъ точно такъ же, какъ въ утопическомъ романѣ автора «Свода законовъ природы», въ Базиліадѣ Морелли. Согласно этому описанію, пиршества этрусковъ обыкновенно вырождались въ оргіи, подробности которыхъ, несмотря на всю ихъ возмутительность, Ѳеопомпъ разукрашиваетъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Эта соціальная картина нравовъ (въ серьезномъ историческомъ трудѣ), конечно, въ достаточной степени доказываетъ, что авторъ болѣе всего имѣлъ въ виду позабавить широкую публику. Уже въ данномъ случаѣ обнаруживаются черты, свидѣтельствующія о разложеніи художественной исторіографіи [11]), въ результатѣ котораго и возникаетъ романъ. Поэтому Ѳеопомпъ нисколько не заботился о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя черты изображаемой имъ картины не противорѣчили другъ другу. Онъ на каждомъ шагу, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, оперируетъ съ понятіями, заимствованными изъ жизни дѣйствительнаго общества, но совершенно не соотвѣтствующими тѣмъ соціальнымъ условіямъ, которыя онъ изображаетъ. Такъ, напр., онъ отличаетъ среди разгульныхъ женщинъ, участвующихъ въ вышеупомянутыхъ оргіяхъ, «блудницъ» (ἑταῖραι) отъ «женъ», какъ-будто въ такомъ обществѣ, гдѣ господствуютъ свободная любовь, безпорядочныя половыя отношенія, вообще можетъ идти рѣчь о подобномъ различеніи! Въ другомъ мѣстѣ говорится: «жены раздѣляютъ трапезу не со своими мужьями, а съ первымъ встрѣчнымъ». Итакъ, привычныя автору представленія, соотвѣтствующія моногаміи, въ высшей степени наивно перемѣшиваются съ представленіями, съ которыми

они по существу дѣла совершенно несовмѣстимы. Съ такой же наивной непослѣдовательностью предполагаются родственныя отношенія, возможныя лишь при семейной жизни существующаго общества. Упоминается объ общихъ пиршествахъ, на которыя сходятся родственники. Какъ-будто въ такомъ обществѣ, среди котораго господствуютъ совершенно свободныя половыя отношенія, въ которомъ ни одинъ ребенокъ не знаетъ своего отца, вообще могутъ существовать «родственники» въ этомъ смыслѣ!

Писатель, компрометирующій себя до такой степени [12]), очевидно, не былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ приступить къ разрѣшенію проблемы государственнаго романа и нарисовать совершенно цѣльную, чуждую противорѣчій картину государственнаго строя, экономическая и общественная организація котораго принципіально отличалась бы отъ дѣйствительности, что, по собственному его заявленію, имѣлъ въ виду сдѣлать авторъ въ повѣсти о Меропіи [13]). Въ виду этого, исторія соціальныхъ теорій врядъ ли много потеряла отъ того, что авторъ «пестрыхъ исторій», сообщающій намъ нѣкоторые отрывки изъ этого государственнаго романа, интересовался лишь беллетристической оправою, а не соціально-политическимъ содержаніемъ. Онъ обходитъ молчаніемъ именно государственныя и общественныя учрежденія, изображавшіяся въ излагаемой имъ утопіи. Во всякомъ случаѣ, то, что мы узнаемъ изъ этого романа при посредствѣ Эліана, сплошь производитъ такое впечатлѣніе, что и въ данномъ случаѣ Ѳеопомпъ не старался излагать выводовъ серьезнаго мышленія, а, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду разсказать «диковинную исторію», увлечь читателя побасенкой и возбудить въ немъ удовольствіе манерой изложенія [14]). Правда, до него уже самъ Платонъ любилъ морочить, такимъ образомъ, фантазію, но у Платона за потѣхою всегда скрывался глубокій смыслъ. Наоборотъ, у Ѳеопомпа диковинное является самоцѣлью, хотя на ряду съ этимъ и у него обнаруживается опредѣленная побочная тенденція.

Уже вступленіе совершенно фантастично. Его исходнымъ пунктомъ служитъ старинное сказаніе о лѣсномъ божкѣ, котораго напоили пьянымъ и связали, такъ что для того, чтобы освободиться, ему пришлось обнаружить предъ царемъ Мидасомъ свою премудрость. Онъ повѣствуетъ царю о диковинной странѣ, расположенной за великимъ моремъ, окружающимъ извѣстныя въ данное время людямъ страны, и населенной блаженнымъ племенемъ. Тамъ люди въ два раза выше, чѣмъ у насъ, ихъ жизнь вдвое продолжительнѣе нашей; міръ животныхъ, равнымъ образомъ, превосходитъ здѣшній. Сама страна необъятно велика, и въ ней имѣется масса большихъ городовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны два: Эвсебъ и Махимъ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ обитаютъ благочестивые праведники, которыхъ сами боги удостаиваютъ общенія съ собою за ихъ добродѣтель. Они живутъ, наслаждаясь вѣчнымъ миромъ, среди изобилія всякихъ благъ; земля даритъ имъ свои произведенія безъ помощи плуга и рабочаго скота, безъ посѣвовъ; ихъ жизнь проходитъ безболѣзненно; они умираютъ съ радостной улыбкою. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ городѣ воителей! Ихъ жизнь протекаетъ въ ратномъ полѣ; они думаютъ лишь о битвахъ и завоеваніяхъ. И при ихъ многочисленности—ихъ два милліона—имъ удалось покорить многія племена. Они настолько богаты, что золото и серебро далеко не такъ цѣнятся у нихъ, какъ у насъ желѣзо. Безмятежное физическое благополучіе, которымъ наслаждаются обитатели благочестиваго города, не составляетъ удѣла обитателей города воителей; тѣмъ не менѣе, и они чувствуютъ себя до такой степени счастливыми, что, переплывъ однажды, во время морской экспедиціи, море, они повернули назадъ, попавъ къ гиперборейцамъ, такъ какъ и эти счастливѣйшіе изъ людей, живущихъ по сю сторону моря, показались имъ слишкомъ несчастными!

Наконецъ, въ странѣ чудесъ обитаетъ еще одно могучее племя—меропы, живущіе во «многихъ и большихъ» городахъ. Правда, о нихъ передается лишь фантастическій разсказъ относительно расположеннаго въ ихъ странѣ мѣста, «откуда нѣтъ возврата» (Ἄνοστος), и относительно протекающихъ тамъ чудесныхъ рѣкъ отрады и печали [15]).

Нельзя сказать, чтобы эти (правда, скудныя) данныя, которыми ограничиваются наши свѣдѣнія о романѣ, свидѣтельствовали объ особой оригинальности. Ѳеопомпъ просто заимствовалъ или воспроизвелъ то, что ему представлялось подходящимъ для его цѣлей въ поэзіи, въ легендахъ, въ географическихъ и этнографическихъ вымыслахъ и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ [16]). Такъ, напр., городъ благочестивыхъ представляетъ собой нѣчто вполнѣ аналогичное народному представленію о баснословной странѣ златого вѣка, изображаемой Гесіодомъ. Городъ воителей непосредственно напоминаетъ платонову Атлантиду, да и самая мысль о подобномъ противопоставленіи другъ другу двухъ національныхъ и общественныхъ типовъ заимствована Ѳеопомпомъ изъ платонова романа [17]). Можно ли предположить, что онъ проявилъ большую оригинальность при изображеніи экономическихъ и соціальныхъ формъ жизни своихъ баснословныхъ народовъ? Ново, какъ бы то ни было, то, что, очевидно, желая превзойти Платона, онъ выводитъ еще и народъ третьяго типа, мероповъ, которые должны были играть главную роль въ романѣ, такъ какъ стало общепринятымъ называть этотъ послѣдній просто по ихъ имени [18]). Быть-можетъ, говоря о нихъ, Ѳеопомпъ въ самомъ дѣлѣ выразилъ свой собственный общественный идеалъ. Возможно, что онъ вступилъ на новый путь, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи. Какъ уже указано выше, онъ упоминаетъ о томъ, что меропы жили во «многихъ и большихъ» городахъ. Имѣлъ ли онъ при этомъ въ виду союзъ самостоятельныхъ государствъ городского типа, или единое большое государство? Пожалуй, у автора, столь сроднившагося съ новой эпохой, для которой былъ характеренъ именно подъемъ эллинизма, и въ которую старинное государство городского типа являлось чѣмъ-то вполнѣ отжившимъ свой вѣкъ, можно было бы допустить послѣднее. Въ такомъ случаѣ представленіе объ идеальномъ общественномъ строѣ получило бы, благодаря этому, новую, болѣе широкую основу въ духѣ идей той эпохи; утопію государства городского типа смѣнила бы утопія территоріальнаго государства. Но не увеличилась ли бы—въ томъ случаѣ, если Ѳеопомпъ въ самомъ дѣлѣ произвелъ это измѣненіе—вмѣстѣ съ тѣмъ, и трудность изображенія дѣйствительно полной жизни, наглядной картины общественнаго быта? Эта трудность неминуемо должна была оказаться непосильною для писателя, придерживавшагося такихъ литературныхъ пріемовъ, какъ Ѳеопомпъ [19]).

Несомнѣнно большее соціально-политическое значеніе намъ пришлось бы признать за другимъ представителемъ соціальнаго романа этой эпохи, а именно за Гекатеемъ теосскимъ, если бы до насъ дошли болѣе точныя свѣдѣнія относительно его повѣсти о «киммерійскомъ городѣ», въ которой изображалась блаженная жизнь сказочнаго сѣвернаго племени гиперборейцевъ. Заимствованное изъ его произведеній описаніе еврейской жизни у Діодора и навѣрно ему же принадлежащее [20]) идеальное изображеніе древняго царства фараоновъ въ томъ же произведеніи свидѣтельствуютъ о наличности живого соціально-политическаго интереса. Напр., у евреевъ его особенно интересуетъ равномѣрное распредѣленіе завоеванной земли и неотчуждаемость родовыхъ участковъ. Онъ усматриваетъ въ этомъ предохранительное средство противъ корыстолюбія, противъ «плеонексіи», предотвращающее обращеніе экономически слабыхъ въ пролетаріевъ и обезлюденіе страны [21]). Въ характеристикѣ блаженнаго царствованія фараоновъ [22]), несомнѣнно, отражается вообще

играющее столь важную роль [23]) въ государственной теоріи этой эпохи соціальное пониманіе царской власти какъ «общественнаго блага», какъ «достославнаго служенія обществу», обезпечивающаго всѣмъ его членамъ то, на что они имѣютъ право. При описаніи соціально-экономическихъ отношеній, господствовавшихъ въ странѣ, съ похвалою отмѣчаются: небольшіе размѣры арендной платы, взимавшейся царемъ, жрецами и кастой воиновъ съ земельныхъ участковъ, сдаваемыхъ крестьянамъ; продуктивность различныхъ отраслей хозяйства, обусловливаемая унаслѣдованною отъ предковъ техническою сноровкою и трудолюбіемъ населенія; послѣдовательно проведенное раздѣленіе труда [24]); требовавшееся отъ всѣхъ подданныхъ удостовѣреніе наличности средствъ пропитанія; направленное противъ любостяжанія воспрещеніе сочетать съ промышленной дѣятельностью занятіе земледѣліемъ или торговыя предпріятія [25]); вообще строгое проведеніе принципа, гласившаго, что «изъ-за жадности частныхъ лицъ никогда не должно подвергаться риску всеобщее благополучіе». Въ виду этихъ и многихъ другихъ чертъ государственный и общественный строй древняго царства фараоновъ представляется автору прямотаки идеальнымъ. Въ концѣ концовъ, онъ формулируетъ свой выводъ въ положеніи, гласящемъ, что наилучшими законами слѣдуетъ признать не тѣ, которые имѣютъ въ виду наибольшее накопленіе богатства, а тѣ, которые имѣютъ въ виду воспитаніе, вырабатывающее гуманный и соціальный образъ мыслей [26]).

Въ виду всего этого не можетъ подлежать сомнѣнію, какимъ духомъ была проникнута характеристика наилучшаго государства, данная Гекатеемъ въ его изображеніи киммерійскаго города. По свидѣтельству одного античнаго читателя, онъ высказалъ на эту тему много прекраснаго и «возвышеннаго» [27]). Къ сожалѣнію, отъ всего этого, очевидно, весьма объемистаго [28]) описанія сохранилось всего лишь нѣсколько чертъ, относящихся къ беллетристической формѣ изложенія [29]). Сообщеніе относительно плодородія страны, дававшей ежегодно двѣ жатвы, интересно какъ доказательство того, что изображаемому Гекатеемъ идеальному племени приходилось обрабатывать землю, и, слѣдовательно, хозяйственный трудъ имѣлъ для нихъ совершенно иное значеніе, чѣмъ хотя бы, напримѣръ, въ городѣ благочестивыхъ, изображаемомъ Ѳеопомпомъ.

Традиція [30]) сопоставляла съ романомъ Гекатея повѣсть о баснословномъ племени аттакоровъ, сочиненную также еще въ третьемъ вѣкѣ нѣкіимъ Амометомъ, подражавшимъ индійскимъ сказаніямъ о расположенной къ сѣверу отъ Гималайскихъ горъ райской странѣ племени уттара-куру, индійскія представленія о которомъ соотвѣтствовали греческимъ представленіямъ о гиперборейцахъ. Повидимому, къ той же эпохѣ относится и фантастическій романъ Тимокла. Этотъ авторъ, о которомъ не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, изобразилъ подъ причудливымъ псевдонимомъ блаженство выдуманнаго имъ самимъ племени «змѣеубійцъ» [31]). Объ этихъ произведеніяхъ мы не можемъ составить себѣ никакого представленія.

3. Священная хроника Евгемера.

Всю эту литературу превосходитъ своей славой другой романъ, относящійся къ той же эпохѣ, а именно «Священная хроника», въ которой Эвгемеръ мессанскій изложилъ свои революціонныя идеи относительно міра боговъ и гражданскаго общества. Это произведеніе имѣетъ особое значеніе и для насъ, такъ

какъ это первый государственный романъ, изъ котораго традиція сохранила описаніе изображеннаго въ немъ экономическаго и соціальнаго правового порядка [1]).

Эвгемеръ разсказываетъ, что во время одного изъ большихъ путешествій, предпринятыхъ имъ по порученію его друга, македонскаго царя Кассандра, онъ, отплывъ изъ «счастливой» [2]) Аравіи, былъ занесенъ въ Южный океанъ. Послѣ плаванія, продолжавшагося нѣсколько дней, онъ, наконецъ, достигъ группы острововъ, самый восточный изъ которыхъ—Панхея—былъ расположенъ настолько близко къ Индіи, что съ него видны были берега послѣдней. Здѣсь, среди пышной природы, обиталъ счастливый народъ, надъ которымъ властвовала жреческая аристократія, жившая на общинныхъ началахъ въ священномъ округѣ, въ которомъ возвышался великолѣпный храмъ Зевса, на разстояніи шестидесяти стадій отъ главнаго города—Патары [3]). Этимъ жрецамъ принадлежалъ рѣшающій голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ общественной и частной жизни, хотя на ряду съ ними назначались и свѣтскіе чиновники и даже цари [4]). Что касается соціальной организаціи, то народъ расчленялся по различнымъ профессіямъ на особые (корпоративно организованные) отдѣлы. Кромѣ жреческаго класса, существовало еще два самостоятельныхъ класса, а именно классъ земледѣльцевъ и классъ воиновъ. Это расчлененіе представляетъ лишь чисто-внѣшнее сходство съ восточнымъ сословнымъ общественнымъ строемъ; въ дѣйствительности же въ немъ обнаруживается совершенно иная тенденція, о которой свидѣтельствуетъ хотя бы уже то, что при немъ положеніе трудящагося сословія оказывается нисколько не ниже положенія воинскаго сословія. И въ другихъ отношеніяхъ въ Панхеѣ труду воздается почетъ. Представители искусствъ и ремеслъ образуютъ особый отдѣлъ, входящій въ составъ перваго класса, т.-е. стоятъ въ извѣстномъ отношеніи непосредственно на ряду со жрецами. Характерно также, что въ составъ того же самаго отдѣла, къ которому принадлежатъ воины, входитъ, кромѣ того, еще и одинъ экономическій классъ, а именно классъ пастуховъ, равнымъ образомъ занимающій весьма почетное положеніе [5]).

Мы не узнаемъ ничего болѣе опредѣленнаго объ организаціи этихъ различныхъ отдѣловъ, на которые расчленялся народъ, и о взаимныхъ отношеніяхъ между ними. Вѣдь намъ приходится довольствоваться краткимъ и неумѣлымъ извлеченіемъ изъ романа, вставленнымъ Діодоромъ въ его историческое произведеніе. Однако, уже и это немногое позволяетъ судить о томъ, какимъ духомъ былъ проникнутъ строй эвгемерова идеальнаго государства. Авторъ приписываетъ государству, переносимому имъ на индійскій Востокъ, учрежденія, напоминающія брахманство и кастовое устройство, исключительно въ интересахъ поэтической иллюзіи [6]). Именно это придавало всей картинѣ надлежащій мѣстный колоритъ. Однако, уже расчлененіе панхейцевъ по сословіямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что смыслъ и тенденціи этихъ учрежденій существенно отличались отъ ихъ восточныхъ образцовъ. Притомъ атеистъ въ родѣ Эвгемера никоимъ образомъ не желалъ и не могъ построить теократическаго или іерократическаго идеала. Для этого онъ былъ слишкомъ сыномъ своего времени, на которое наложилъ свою печать просвѣщенный деспотизмъ, и которое прежде всего было преисполнено стремленіемъ сбросить узы, стѣснявшія свободную дѣятельность интеллигенціи и талантовъ. Это была эпоха, провозгласившая естественное право таланта и знанія на руководство народами [7]). Именно это характерное для данной эпохи настроеніе выражается и въ томъ, что Эвгемеръ въ значительной степени сводитъ происхожденіе божествъ къ обожествленію генія; съ его точки зрѣнія многіе боги первоначально были не что иное, какъ выдающіеся въ духовномъ отношеніи люди, общеполезными изобрѣтеніями стяжавшіе себѣ столь почетное мѣсто въ вѣрованіяхъ народовъ. И столь

характерное для этой эпохи преклоненіе предъ мудростью египетскихъ жрецовъ и индійскихъ брахмановъ въ значительной степени также объясняется тѣмъ, что въ нихъ усматривали именно воплощеніе знанія и житейской мудрости старинной культуры. Они являются типичными представителями идеала этой эпохи: господства интеллигенціи [8]). Именно это господство интеллигенціи и имѣетъ въ виду Эвгемеръ, дѣлая правителями своего идеальнаго государства жрецовъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ въ лицѣ жрецовъ на Востокѣ достигъ рѣшающаго вліянія на ходъ государственной жизни родъ «философовъ».

Именно въ виду того, что въ данномъ случаѣ господство жрецовъ означало лишь господство культурной аристократіи, іерархію способностей, къ нему причастны и художники, техники и промышленники, словомъ тѣ классы греческой интеллигенціи, которые, благодаря Александру и его преемникамъ, благодаря основанію безчисленныхъ городовъ, благодаря грандіозному расцвѣту промышленности, торговли и международныхъ сношеній, стали однимъ изъ важнѣйшихъ возбудителей новой міровой культуры. Ихъ нельзя было исключить изъ класса, представлявшаго прежде всего интеллигенцію.

Вѣдь и отъ жрецовъ, правившихъ Панхеей, требовалось немало спеціальныхъ экономическихъ свѣдѣній и хозяйственнаго опыта! Правда, панхейцы не раздѣляютъ точки зрѣнія современной марксистской соціалъ-демократіи, по мнѣнію которой, разъ государство, въ качествѣ «представителя всего общества», овладѣетъ во имя общества средствами производства, «политическій аппаратъ» станетъ излишнимъ, и «управленіе людьми всецѣло замѣнится управленіемъ вещами, руководствомъ производственными процессами» [9]). Наоборотъ, панхейцы вполнѣ сознаютъ, что даже и у нихъ, гдѣ все, за исключеніемъ жилищъ и садовъ,—общее достояніе [10]), управленіе лицами столь же необходимо, какъ и управленіе вещами. Однако, ихъ правительственныя учрежденія соотвѣтствуютъ идеалу новѣйшаго соціализма въ томъ отношеніи, что они являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, специфически экономическими; это—«управляющія коллегіи», на которыя «возлагается попеченіе о наилучшей постановкѣ производства, распредѣленія, приведенія въ извѣстность необходимыхъ запасовъ и т. д.» [11]). Та же задача, выполненіе которой настойчиво рекомендуется получившимъ какъ теоретическую, такъ и практическую подготовку государственнымъ людямъ платонова государства, въ качествѣ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей, именно регулированіе экономической жизни [12]), возлагается и на жрецовъ—государственныхъ людей Панхеи. И поскольку дѣло идетъ о самомъ коммунистически-соціалистическомъ экономическомъ строѣ, изображаемомъ въ романѣ, нельзя не замѣтить сходства между этимъ строемъ и дѣйствительными или допускаемыми традиціей фактами восточной народной жизни. Уже тогда, по извѣстному разсказу Неарха объ его путешествіи, было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи господствовалъ аграрный коммунизмъ, что группы семействъ сообща обрабатывали землю и распредѣляли между собою продукты [13]). Въ разсказахъ о «счастливой» Аравіи также шла рѣчь объ аналогичной общности имуществъ патріархальныхъ родовыхъ союзовъ [14]). Это была, такимъ образомъ, вполнѣ подходящая среда для обитавшаго возлѣ Индіи коммунистическаго племени панхейцевъ.

Съ другой стороны, Эвгемеръ, конечно, никоимъ образомъ не ограничивается простымъ воспроизведеніемъ въ своемъ идеальномъ государствѣ этихъ примитивныхъ формъ общиннаго владѣнія и производства. Онъ очень хорошо знаетъ, что эти примитивныя формы оказались бы непреодолимымъ препятствіемъ для сколько-

нибудь интенсивнаго роста производительныхъ силъ. Хотя его панхейскій соціализмъ и представляетъ въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ сходство съ вышеупомянутыми древнѣйшими формами коллективистическаго хозяйства, однако, онъ придаетъ этому соціализму форму, вполнѣ соотвѣтствующую точкѣ зрѣнія соціализма новаго времени. Съ этой точки зрѣнія форма экономической организаціи, которая должна представлять собою нѣчто болѣе высокое и болѣе совершенное по сравненію съ уже достигшимъ извѣстнаго развитія народнымъ хозяйствомъ, должна брать за исходный пунктъ не примитивный коммунизмъ, а непосредственно примыкать къ современному производству. Поэтому хотя въ Панхеѣ вся пахотная земля и всѣ пастбища и составляютъ общественное достояніе, однако, земледѣльческое производство организовано не на коммунистическихъ началахъ. Сохраняется самостоятельность мелкихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя вѣдь долженъ допустить въ своемъ государствѣ будущаго даже и нынѣшній соціализмъ, хотя бы лишь въ качествѣ переходной стадіи, пока не осуществится окончательное слiяніе всѣхъ хозяйствъ. Съ другой стороны, хотя отдѣльныя лица и обрабатываютъ предоставленыые имъ участки земли въ качествѣ довѣренныхъ лицъ всего общества, однако, это высшее единство составляютъ не частныя, самодовлѣющія и обособленныя группы. Этимъ высшимъ единствомъ является цѣлостное національное хозяйство всего народа, вообще совершенно отсутствовавшее при господствѣ вышеупомянутыхъ древнѣйшихъ формъ [15]).

На этой болѣе широкой основѣ и развертывается авторомъ широко его коллективистическая система [16]). Органъ національнаго единства, государство, является въ данномъ случаѣ общественнымъ экономическимъ учрежденіемъ, завѣдующимъ обмѣномъ и распредѣленіемъ въ интересахъ наибольшей продуктивности всего производства, наилучшаго снабженія благами и ихъ наилучшаго распредѣленія, связующимъ различныя отрасли хозяйства въ единое цѣлое на основѣ коллективнаго государственнаго владѣнія землею. Точно такъ же, какъ во взглядахъ представителей нынѣшняго коллективизма на государство будущаго, безпрестанно обнаруживалась склонность къ централистической, чисто-политической организаціи, и въ данномъ случаѣ мы уже можемъ констатировать, что государство непосредственно беретъ на себя завѣдываніе народнымъ хозяйствомъ. Послѣднее, подобно юстиціи и т. д., является государственной функціей. И даже получается такое впечатлѣніе, что, повидимому, государство мыслится прежде всего какъ народное хозяйство. Передъ нами централистическій государственный коллективизмъ со строго авторитарными вѣдомствами и регламентами для производства, обращенія, выдачи и таксированія хозяйственныхъ благъ и выполняемыхъ работъ.

Такъ какъ государство является собственникомъ сельскохозяйственныхъ орудій производства, и лица, занятыя земледѣльческимъ трудомъ, служатъ непосредственно народу и, слѣдовательно, производятъ не для себя, а для общества, то и предметы потребленія принадлежатъ всему обществу. Земледѣльцы должны сдавать всѣ полевые продукты въ общественные магазины [17]). Скотоводы также должны доставлять государству весь необходимый убойный скотъ, соотвѣтственно тщательной оцѣнкѣ по числу экземпляровъ или по вѣсу [18]). Государство же производитъ при посредствѣ своихъ органовъ-жрецовъ и распредѣленіе изготовленныхъ продуктовъ между отдѣльными гражданами. Итакъ, въ данномъ случаѣ распредѣленіе регулируется не законами свободнаго рыночнаго обращенія, предоставленнаго самому себѣ, а тѣми строго авторитарно-проведенными принципами, которыми

и понынѣ руководится соціализмъ, коль скоро онъ вообще серьезно занимается проблемой распредѣленія.

Въ изложеніи Діодора принятая въ Панхеѣ система распредѣленія благъ характеризуется тѣмъ, что жрецы справедливо удѣляютъ каждому то, что ему подобаетъ. Эти слова допускаютъ различное истолкованіе. Означаютъ-ли они: «каждому достается одна и та же доля», и заключается-ли, слѣдовательно, та справедливость, которая въ данномъ случаѣ имѣется въ виду, въ томъ, что распредѣляющее должностное учрежденіе просто соблюдаетъ это «поголовное равенство» (ἰσότης κατ' ἀριθμόν), или же въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о соціалистической формулѣ, которой до усвоенія марксистской точки зрѣнія придерживалась соціалъ-демократія: «каждому по заслугамъ» (ἰσότης κατ' ἀξίαν), т.-е., о выдачѣ отдѣльнымъ лицамъ благъ соразмѣрно количеству и цѣнности выполненнаго ими труда? Къ счастью, у Діодора имѣется еще одно указаніе, нѣсколько выясняющее дѣло. А именно въ Панхеѣ лица, оказавшіяся наилучшими земледѣльцами, заранѣе получаютъ при распредѣленіи продуктовъ почетные призы, которыхъ всего въ извѣстномъ порядкѣ выдается десять, «дабы это служило поощреніемъ для другихъ». Итакъ, въ Панхеѣ сознаютъ, что вполнѣ равномѣрное распредѣленіе произведенныхъ продуктовъ, совершенно игнорирующее различія въ томъ, что было сдѣлано участниками производственнаго процесса, уничтожило бы могущественнѣйшій стимулъ, побуждающій отдѣльныхъ лицъ участвовать въ этомъ процессѣ въ самомъ дѣлѣ соотвѣтственно работоспособности каждаго изъ нихъ. На ряду съ идеальными мотивами играетъ роль и возбуждающая матеріальный личный интересъ система премій, хотя до нѣкоторой степени осуществляющая постулатъ «заработка по заслугамъ». Но, съ другой стороны, именно эта система премій свидѣтельствуетъ о томъ, что для массъ производителей предполагается равенство заработка, а, слѣдовательно, и вообще одинаковость условій жизни. Это вытекаетъ уже изъ упоминанія о томъ, что жрецы получаютъ при распредѣленіи продуктовъ вдвое больше, чѣмъ прочіе граждане, что необходимо предполагаетъ для этихъ послѣднихъ однообразный нормальный масштабъ [19]). Итакъ, въ общемъ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, спеціально-квалифицированныхъ элементовъ, государство признаетъ идею равноцѣнности индивидуумовъ, желая соотвѣтственно этому и доставлять всѣмъ имъ одинаковое счастье.

Дальнѣйшіе выводы можно сдѣлать на основаніи замѣчанія Діодора относительно того, что, за исключеніемъ домовъ и садовъ, въ Панхеѣ не существуетъ частной собственности, причемъ всѣ «продукты и доходы» должны быть сдаваемы жрецамъ. Изъ этого несомнѣнно вытекаетъ, что въ Панхеѣ не только орудія производства и продукты земледѣлія, но равнымъ образомъ и промышленный капиталъ—какъ орудія производства, такъ и продукты промышленности—составляетъ государственную собственность [20]). И ремесленникъ обязанъ доставлять продукты своего труда въ должностное учрежденіе, производящее затѣмъ, приблизительно такимъ же образомъ, какъ въ «Утопіи» Мора, распредѣленіе ихъ между отдѣльными гражданами для личнаго и семейнаго потребленія. Но, разъ переходъ товаровъ отъ производителей къ потребителямъ былъ въ Панхеѣ государственной функціей, въ ней не было надобности ни въ какомъ-либо орудіи обращенія, ни въ экспедиціонной торговлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ въ «Утопіи», такъ и въ Панхеѣ не было ни купцовъ, ни денегъ.

Относительно другихъ пунктовъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, составить себѣ нѣкоторыя предположенія. Полное молчаніе Діодора относительно основныхъ соціальныхъ учрежденій: брака, семьи и т. д., вызываетъ вопросъ: провелъ ли Эв-

гемеръ коммунистическую идею, поскольку дѣло шло объ этихъ учрежденіяхъ и входила ли въ его общественный идеалъ идея общности женщинъ и дѣтей, уже задолго до него усвоенная коммунистической теоріей, а вскорѣ послѣ него нашедшая выраженіе и въ государственномъ романѣ? Повидимому, на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. При всемъ своемъ экономическомъ радикализмѣ Эвгемеръ проявляетъ нѣкоторую умѣренность и трезвость мышленія. Онъ предоставляетъ каждому гражданину самостоятельный кругъ дѣйствій, обособленное жилище и собственное домашнее хозяйство, среди котораго можетъ упрочиться и принять опредѣленную форму его индивидуальная жизнь [21]). Въ виду этого онъ врядъ ли могъ совершенно уничтожить основное условіе подобной частной жизни— индивидуальную семью. Въ такомъ случаѣ молчаніе Діодора представлялось бы, какъ бы то ни было, страннымъ. Правда, отъ его жалкой и поверхностной передачи можно ожидать рѣшительно всего; но авторъ, подобно Діодору старающійся развлекать широкую публику, удовлетворяя ея интересъ къ сенсаціоннымъ сообщеніямъ, врядъ ли обошелъ бы молчаніемъ именно эту черту, которую онъ, вѣдь, не забываетъ отмѣтить въ другихъ случаяхъ, напр., при изложеніи теорій Ямбула.

При незначительности уцѣлѣвшаго отрывка романа не такъ легко составить себѣ сужденіе относительно его общаго характера и тенденціи. Однако, бросается въ глаза, что въ панхейскомъ коммунизмѣ выражается тотъ же раціоналистическій духъ, какъ и въ воззрѣніяхъ Эвгемера на исторію религіи. Расчлененіе общества совершенно искусственно и крайне шаблонно; оно поразительно напоминаетъ общественный идеалъ строителя городовъ, Гипподама милетскаго, предлагавшаго такое же чисто-раціоналистическое трехчленное раздѣленіе населенія [22]). И къ Эвгемеру, такимъ образомъ, примѣнима нижеслѣдующая характеристика этого мыслителя, формулировавшаго свою теорію государства «на рубежѣ греческой эпохи просвѣщенія» «весь планъ отличается кажущеюся простотой и можетъ представляться непосредственно яснымъ здравому смыслу; на самомъ же дѣлѣ этотъ планъ неестественъ и нисколько не считается съ различіемъ мѣстныхъ условій и потребностей» [23]). Можно признать, что и предлагаемое Эвгемеромъ рѣшеніе проблемы производства и распредѣленія, которое онъ считаетъ удовлетворяющимъ какъ требованіямъ равенства и справедливости, такъ и соотвѣтствующимъ интересамъ производства, отличается своей простотой и удобопонятностью. Однако, лишь съ анти-исторической точки зрѣнія чисто-доктринерскаго раціонализма можно думать, что подобное механическое рѣшеніе въ самомъ дѣлѣ въ состояніи надлежащимъ образомъ отнестись къ требованіямъ вещей и къ запросамъ людей. Впрочемъ, и новѣйшій соціализмъ, прогрессировавшій «отъ утопіи къ наукѣ», раздѣляетъ эту доктринерскую точку зрѣнія со своимъ античнымъ предшественникомъ.

Спрашивается, однако, относился ли Эвгемеръ вообще серьезно къ своей общественной утопіи? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду критиковать существовавшія соціальныя и экономическія отношенія и формулировать какой-нибудь идеалъ? Не было ли это коммунистическое государство лишь «мимолетнымъ фантастическимъ развлеченіемъ», игрой остроумія автора, лишь отдавшаго этимъ дань тогдашней модѣ?

Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы до насъ дошелъ или весь романъ, или достаточная характеристика нашедшей въ немъ свое выраженіе соціальной философіи. Однако, тотъ авторъ, пересказъ котораго служитъ для насъ въ данномъ случаѣ единственнымъ источникомъ, не былъ способенъ сдѣлать подобную характеристику. Вѣдь Діодоръ принимаетъ Панхею за *историческую* страну, такъ что, по его мнѣ-

нію, Эвгемеръ излагаетъ не результаты своего соціально-теоретическаго мышленія, а ф а к т ы. Итакъ, уже и программа, противопоставляемая въ данномъ случаѣ дѣйствительности въ качествѣ идеала, передается неадэкватно, т.-е. не будучи признаваема за таковую. Еще менѣе выясняются тѣ этическія нормы, воплощеніе которыхъ имѣлось въ виду. Намъ сообщается нѣчто относительно того, ч е г о хотѣлъ основатель Панхеи, но мы не узнаемъ ничего о томъ, п о ч е м у онъ этого хотѣлъ, къ какой ц ѣ л и онъ при этомъ стремился. Что же можно сказать въ виду этого о подлинной тенденціи романа? Во всякомъ случаѣ, врядъ ли можно сомнѣваться относительно того, что онъ не можетъ представлять собой л и ш ь игры фантазіи. Уже давно было замѣчено, что для Эвгемера фабулистика не являлась самоцѣлью, но лишь должна была «содѣйствовать серьезному поученію» [24]). Въ его разсказѣ нѣтъ и слѣда чисто-сказочныхъ элементовъ, въ немъ не встрѣчается ничего сверхъестественнаго, диковиннаго, чѣмъ греческая фантазія вообще любила разукрашивать востокъ. Изображаемые имъ люди не отличаются отъ остального человѣчества какими-либо неземными и таинственными силами и свойствами. Его соціализмъ далеко не требуетъ отъ нихъ такого беззавѣтнаго самоотверженія, какъ хотя бы, напримѣръ, соціализмъ Платона. Между тѣмъ какъ возможно большее сокращеніе всѣхъ потребностей составляетъ одну изъ основныхъ предпосылокъ платонова соціальнаго государства, причемъ для достиженія этой цѣли ставятся искусственныя преграды развитію цѣлыхъ отраслей производства, напр., винодѣлія, художественныхъ промысловъ и т. д., Эвгемеръ прославляетъ Панхею именно за изобиліе въ ней продуктовъ винодѣлія и другихъ предметовъ роскоши, за богатство ея рудниковъ золотомъ, серебромъ, оловомъ и мѣдью, накопленію и технической обработкѣ которыхъ къ тому же способствуетъ абсолютное воспрещеніе вывоза; за огромные размѣры и великолѣпіе техническихъ и архитектурныхъ сооруженій, весьма напоминающихъ то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи государями и городами въ эпоху эллинизма. И относительно панхейскихъ учрежденій нельзя сказать, чтобы они должны были представляться обыденному здравому смыслу по существу дѣла невыполнимыми. Итакъ, нельзя отрицать, что Эвгемеръ настолько же могъ считать, по крайней мѣрѣ, о с н о в н ы е принципы своего соціальнаго государства Панхеи осуществимыми, какъ впослѣдствіи «родоначальникъ соціализма новаго времени»—основныя мысли своей утопіи.

Мы не должны упускать изъ виду, что другъ Кассандра жилъ въ такую эпоху, для которой было характерно убѣжденіе въ томъ, что для господствующей политической власти, для вполнѣ проникнутой духомъ цезаризма монархіи врядъ ли существовало что-либо невозможное. Какъ часто случалось, что абсолютизмъ, съ четвертаго вѣка всюду торжествовавшій въ греческомъ мірѣ, вызывалъ соціальные перевороты, рѣшительно порывавшіе со всѣмъ существовавшимъ и приводившіе къ возникновенію совершенно новаго гражданскаго общества на развалинахъ стараго [25]). Какъ много разрушила и создала монархія Александра и его преемниковъ. Человѣкъ, склонившій въ такое время на свою сторону какого-нибудь государя, могъ считать себя въ самомъ дѣлѣ призваннымъ къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ даже и осуществленіе, повидимому, утопическихъ плановъ. Къ тому же представлялось весьма мыслимымъ, что новая монархическая власть окажется способной воспринять великія реформаторскія идеи, такъ какъ сама она, будучи революціонной по своему происхожденію и существу, не была связана традиціей и въ самомъ дѣлѣ по мѣрѣ возможности организовала государство какъ «произведеніе искусства», исходя при этомъ изъ чисто-раціоналистическихъ принциповъ. При томъ этотъ просвѣщенный деспотизмъ, по крайней мѣрѣ оффиціально,

выставлялъ, какъ руководящее правило управленія, заботу о матеріальномъ благополучіи всѣхъ подданныхъ, даже и ничтожнѣйшихъ, «оказываніе благодѣяній» [26]). Съ другой стороны, этотъ просвѣщенный деспотизмъ дорожилъ тѣмъ, чтобы его власть, не имѣвшая сильнѣйшей опоры, доставляемой законнымъ происхожденіемъ, узаконяла себя предъ высшимъ моральнымъ авторитетомъ, предъ современнымъ просвѣщеніемъ. Философія и ея представители занимаютъ почетное положеніе при дворахъ государей эпохи эллинизма; по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, цезаризмъ отказывается предъ этимъ форумомъ отъ односторонняго подчеркиванія своихъ правъ и возвышается до признанія своихъ обязанностей, и даже до взгляда на государя, какъ на перваго служителя государства [27]). Не мудрено, что въ эту эпоху поученія государямъ стали обычнымъ литературнымъ явленіемъ, причемъ, какъ о томъ и понынѣ свидѣтельствуетъ заглавіе многочисленныхъ философскихъ произведеній на тему «о царской власти», различныя школы: академики, перипатетики, мегарцы, циники, стоики, соперничали другъ съ другомъ, стремясь утилизировать новую государственную власть въ интересахъ осуществленія своихъ идей [28]).

Не случайно, конечно, эта эпоха поученій, обращенныхъ къ государямъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и эпохой государственныхъ романовъ. Вѣдь какъ-разъ то же самое повторяется и въ эпоху, продуктомъ которой явился государственный романъ новаго времени. Основательно указывалось на то, что одновременно съ «Утопіей» Томаса Мора были написаны «Государь» Маккіавелли и Эразмовы «Наставленія христіанскимъ государямъ», и что въ данную эпоху вообще существовала цѣлая литература этого рода. Это совпаденіе вызвало гипотезу, что оба эти литературныхъ жанра, какъ государственный романъ, такъ и поученіе государямъ, преслѣдовали одну и ту же цѣль: и въ основѣ государственнаго романа лежало стремленіе показать государю, какъ собственно слѣдуетъ управлять [29]).

Весьма возможно, что соціальная утопія Эвгемера имѣла аналогичную тенденцію, что она не можетъ быть просто причислена къ разряду обычныхъ изысканныхъ романовъ на тему о путешествіяхъ [30]). Подобно тому какъ идеалъ Мора возникаетъ въ умѣ государя — героя-эпонима его блаженнаго острова, панхейскія учрежденія такъ же восходятъ къ царю, которому впослѣдствіи, подъ именемъ Зевса трифилійскаго, воздавались божескія почести, какъ и государямъ эпохи эллинизма. Ему панхейцы обязаны созданіемъ жреческой интеллигентной аристократіи, представляющей собой душу всего ихъ замысловатаго общественнаго организма. Онъ перенесъ ее изъ Крита въ Панхею и тѣмъ самымъ сталъ творцомъ ихъ соціальнаго государства. Конечно, это монархическое происхожденіе панхейскаго соціализма не лишено значенія. Въ немъ выражается убѣжденіе, что если бы только какой-либо государь пожелалъ этого, осуществленіе соціальнаго государства стало бы возможнымъ. При этомъ вовсе не нужно предполагать, что Эвгемеръ, подобно, напр., Кампанеллѣ, представившему свой проектъ солнечнаго государства испанскому королю, полагалъ, будто кто-либо изъ жившихъ въ его эпоху властителей могъ оказаться склоннымъ къ усвоенію подобныхъ идей. Онъ былъ слишкомъ трезвымъ мыслителемъ, чтобы до такой степени поддаться соблазнительному увлеченію, которое могло вызвать у фантастически настроеннаго человѣка усиленіе новыхъ державъ, какъ это случилось съ поэтомъ-философомъ эпохи возрожденія. Къ тому же другу Кассандра навѣрное не разъ представлялся случай наблюдать, до какой степени дѣйствія властей фактически шли въ разрѣзъ со взглядами, оффиціально провозглашаемыми представителями монархіи въ эпоху эллинизма. Несмотря на это, онъ все-таки могъ до нѣкоторой степени серьезно относиться

къ формулируемому имъ идеалу. Вѣдь и Моръ признаетъ, что въ общественномъ бытѣ Утопіи имѣются нѣкоторыя черты, осуществленія которыхъ нельзя ожидать «въ нашихъ государствахъ». Тѣмъ не менѣе, онъ все же выражаетъ желаніе, чтобы все это было когда-либо осуществлено. Во всякомъ случаѣ, утверждаетъ онъ, многое такъ хорошо устроено въ Утопіи, что можетъ способствовать исправленію господствующихъ въ нашемъ обществѣ ошибочныхъ воззрѣній [31]). И притомъ Моръ, вообще не признающій въ своей Утопіи никакой частной собственности, гораздо радикальнѣе автора Панхеи, гдѣ индивидуумъ можетъ называть своимъ имуществомъ, по крайней мѣрѣ, домъ и садъ.

Насколько умѣреннымъ представляется общественный идеалъ Эвгемера по сравненію со смѣлымъ радикализмомъ, который мы констатируемъ въ другомъ государственномъ романѣ, возникновеніе котораго врядъ ли относится къ значительно болѣе поздней эпохѣ, въ солнечномъ государствѣ Ямбула, далеко превзошедшаго ни предъ чѣмъ не останавливающимся проведеніемъ коммунистической идеи не только Эвгемера, но и Мора!

4. Солнечное государство Ямбула.

Автора этого послѣдняго извѣстнаго намъ [1]) государственнаго романа, вообще представляющаго собой кульминаціонный пунктъ развитія поэтическаго утопизма грековъ, можно назвать соціально-экономическимъ Жюлемъ Верномъ. У него мы находимъ описаніе путешествія въ стилѣ приключеній Симбада-мореплавателя [2]). Онъ переноситъ насъ въ замысловато разукрашиваемую имъ сказочную чудесную страну, напоминающую волшебный островъ Просперо. Тамъ обитаетъ блаженное племя людей, которымъ невѣдомы физическія, моральныя и соціальныя бѣдствія остального міра. Эта беллетристическая форма, которую одобрялъ даже Лукіанъ, очевидно, почти настолько же способствовала популярности романа, какъ и соціалистическая сущность, чуть ли не отступающая на задній планъ по сравненію съ фантастической фабулой. И Діодоръ, краткому извлеченію [3]) котораго мы обязаны нашими свѣдѣніями относительно Ямбула, особенно выдвигаетъ именно эту сторону романа. Онъ подробно передаетъ разсказъ о томъ, какъ былъ открытъ солнечный островъ, въ реальномъ существованіи котораго онъ притомъ столь же убѣжденъ, какъ и въ реальномъ существованіи Панхеи. Съ такою же обстоятельностью онъ воспроизводитъ и вымыслы относительно встрѣчающихся на островѣ чудесъ природы, между тѣмъ какъ его изложеніе соціально-экономическихъ порядковъ отличается гораздо большею сжатостью. Во всякомъ случаѣ, беллетристическая форма до такой степени обусловливаетъ собой весь характеръ романа, что и мы не можемъ вполнѣ обойти ее молчаніемъ.

Авторъ повѣствуетъ: съ юныхъ лѣтъ стремясь къ образованію, онъ по торговымъ дѣламъ предпринялъ послѣ смерти своего отца, бывшаго купцомъ, путешествіе въ Аравію и въ страну пряностей (Сомаль). Тамъ онъ сперва попалъ въ руки разбойниковъ, а затѣмъ, послуживъ въ теченіе нѣкотораго времени пастухомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ спутниковъ былъ взятъ въ плѣнъ эѳіопами, которымъ какъ-разъ тогда нужна была очистительная жертва, приносимая ими по старинному обычаю черезъ каждыя шестьсотъ лѣтъ океану. Автору и его спутнику было приказано отплыть на небольшомъ суднѣ на югъ, гдѣ они должны были пристать къ счастливому острову, населенному доброжелательными людьми. Послѣ

путешествія, продолжавшагося четыре мѣсяца, они приплыли къ острову, имѣвшему круглую форму, величина котораго равнялась 5000 стадій. Его обитатели дружелюбно встрѣтили чужестранцевъ. Этотъ островъ принадлежалъ къ группѣ, состоявшей изъ семи острововъ приблизительно одинаковой величины, находившихся на равномъ разстояніи другъ отъ друга и населенныхъ людьми, образъ жизни и нравы которыхъ были совершенно тождественны. Эти острова находились у самаго экватора. День и ночь были тамъ всегда одинаково продолжительны, и въ полдень ни отъ одного предмета не падало тѣни. Солнце, всегда находившееся въ зенитѣ, проявляло въ этой чудесной странѣ всю полноту своей благотворной силы, и это отразилось и на культѣ островитянъ. Они поклонялись солнцу какъ высшему божеству, которому были посвящены острова и ихъ обитатели [4]).

Кромѣ того, они обожали небо и всѣ свѣтила небесныя, причемъ то обстоятельство, что число острововъ равнялось семи, а равно и ихъ круглая форма, очевидно, находились въ связи съ культомъ планетъ и съ тѣмъ, что островитяне усердно занимались астрономіей. И въ соціальныхъ романахъ новаго времени, напр., въ «Солнечномъ государствѣ» Кампанеллы и въ исторіи северамбовъ Верасса, мы находимъ эту связь съ солнцемъ. У нихъ солнечный культъ мотивируется тѣмъ, что онъ будто бы представлялъ собой исконнѣйшую и наиболѣе распространенную изъ всѣхъ религій. Быть-можетъ, уже и Ямбулъ также отчасти руководствовался этимъ соображеніемъ, причемъ солнечный культъ представлялся ему въ качествѣ наиболѣе «естественной» изъ всѣхъ религій, самымъ подходящимъ для его общественнаго идеала, который вѣдь долженствовалъ по мѣрѣ возможности явиться воплощеніемъ всего естественнаго. Прежде всего эта связь устанавливалась, конечно, благодаря положенію этихъ и другихъ счастливыхъ острововъ (ср. упоминаніе о солнечной рѣкѣ въ Панхеѣ у Діодора V, 44) среди «крайняго моря», расположеннаго, по мнѣнію грековъ, ближе всего къ солнцу. Сюда же относится и встрѣчающееся уже у Геродота (III, 17) представленіе о волшебной странѣ и о блаженной жизни въ ней въ разсказѣ о «солнечномъ столѣ» и о чудесномъ лугѣ, на которомъ росло всевозможное жареное мясо, въ странѣ эѳіоповъ, этого κατ' ἐξοχήν солнечнаго племени. Характеръ этого греческаго народнаго вѣрованія бросается въ глаза, несмотря на раціоналистическую переработку [5]).

На эту связь—вѣдь солнечный столъ есть не что иное, какъ готовый къ услугамъ приборъ волшебной страны, ея «скатерть-самобранка»—указываетъ и неистощимая производительность природы въ этомъ солнечномъ мірѣ. Въ немъ деревья давали вѣчно-спѣлые плоды, какъ въ гомеровской странѣ феаковъ. Земля безъ всякой обработки доставляла чрезвычайное изобиліе съѣстныхъ припасовъ, масла и вина. Кромѣ того, тамъ росли нѣкоторыя достопримѣчательныя растенія, изъ которыхъ спеціально упоминается особая порода тростника съ чечевицеобразными плодами, разбухавшими въ водѣ и служившими для изготовленія сладкихъ булокъ.

Ведя и среди столь пышной природы умѣренный и регулярный образъ жизни, обитатели этого края, отличавшіеся первобытной силой и красотой, преуспѣвали. Они значительно превосходили заурядныхъ смертныхъ ростомъ и продолжительностью жизни [6]). Въ большинствѣ случаевъ, не вѣдая болѣзней, они и не терпѣли у себя ничего нездороваго, уродливаго, вырождающагося. Согласно строгому закону, лица, страдавшія неизлѣчимымъ недугомъ или физическими недостатками, должны были сами убивать себя. Кромѣ того, существовалъ обычай, въ силу котораго всѣ, достигшіе извѣстнаго предѣльнаго возраста, добровольно кончали съ собой, ложась возлѣ растенія, усыпляющій запахъ котораго вызывалъ пріятную смерть.

Мы можемъ не перечислять другихъ вымысловъ Ямбула относительно чудесныхъ физическихъ свойствъ и обычаевъ тамошнихъ людей и животныхъ. Достаточно будетъ упомянуть только еще о чудесныхъ дрессированныхъ птицахъ, которыми островитяне пользуются для испытанія мужества и силы своихъ дѣтей. А именно вскорѣ послѣ рожденія ребенка они сажаютъ его на одну изъ этихъ птицъ и пускаютъ ее летать. Дѣти, выдержавшіе подобный полетъ, воспитываются и, такимъ образомъ, раса всегда остается крѣпкой.

Уже эти особенности, бросающіяся въ глаза при описаніи обычаевъ страны, проливаютъ яркій свѣтъ на тѣ основныя начала, на которыхъ зиждется весь общественный строй солнечнаго государства. Соціальный принципъ, общественный интересъ является здѣсь непреложной основной нормой общественной и частной жизни, причемъ индивидуумъ безпрекословно подчиняется ему подъ давленіемъ закона или свободно.

Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, осуществлено наиболѣе широкое проведеніе коммунистической идеи, въ которомъ уже Платонъ усматривалъ высшій идеалъ наилучшаго государства. Все солнечное государство представляетъ собой одно большое коммунистическое товарищество или, скорѣе, соединеніе подобныхъ товариществъ (συστήματα), цѣлью котораго является не что иное, какъ регулированіе всей экономической и соціальной жизни на совершенно коммунистическихъ началахъ. Итакъ, каждый изъ этихъ союзовъ прежде всего представляетъ соціалистическую организацію труда, систему общественнаго труда, объединяющую сотни людей—каждая группа состоитъ изъ четырехсотъ человѣкъ—для планомѣрнаго сотрудничества. Согласно принципу: одинаковая для всѣхъ обязанность трудиться, одинаковое участіе каждаго во всякаго рода работѣ, отдѣльные члены товариществъ смѣняютъ другъ друга при выполненіи всякаго дѣла, такъ что, какъ говорится въ нашемъ недостаточно обстоятельномъ отчетѣ, каждый «поочередно прислуживаетъ другимъ, ловитъ рыбу, занимается ремеслами или искусствами, завѣдуетъ общественными дѣлами и т. д.» [7]). Лишь старость избавляетъ отъ этихъ общеобязательныхъ работъ. Съ другой стороны, подобная экономическая организація, конечно, предполагаетъ коллективное владѣніе всѣми орудіями производства, какъ землею, такъ и капиталомъ, т.-е. мастерскими и складами, инструментами и утварью, рабочимъ скотомъ, всѣмъ нужнымъ для производства матеріаломъ и т. д. И предметы потребленія также составляютъ общее достояніе. Вѣдь безъ обращенія предметовъ нотребленія въ государственную собственность вышеуказанная форма коллективнаго потребленія благъ была бы совершенно не осуществима. Еще менѣе возможно было бы безъ этого соединявшееся съ этой организаціей труда систематическое регулированіе потребленія. Вѣдь «относительно всего, касающагося пропитанія, здѣсь также установленъ опредѣленный порядокъ». Подобно тому, какъ всѣ поочередно одинаковымъ образомъ производятъ, всѣ должны одинаковымъ образомъ и пользоваться благами. Для принятія пищи закономъ установлено опредѣленное время; для каждаго дня законъ дозволяетъ лишь опредѣленнаго рода кушанья, такъ что, очевидно, въ интересахъ какъ можно болѣе естественнаго питанія, происходитъ регулярная смѣна растительной пищи и мясныхъ блюдъ.

Получается такое впечатлѣніе, какъ-будто граждане солнечнаго государства организовали свой общественный бытъ согласно программѣ, принятой нѣмецкой соціалистической рабочей партіей въ 1875 году. У нихъ давно уже осуществлено то, чего эта программа требуетъ для будущаго. «Обществу, т.-е. всѣмъ его членамъ, принадлежитъ совокупность продуктовъ труда, причемъ всѣ

обязаны трудиться, пользуясь одинаковыми правами, и каждый получаетъ соотвѣтственно своимъ раціонально опредѣляемымъ потребностямъ». Освобожденіе труда требуетъ обобществленія орудій труда и общественнаго регулированія всякаго труда, причемъ его продукты должны общеполезно утилизироваться и справедливо распредѣляться» (Готская программа, § 1). Даже и по вопросу о регулированіи потребленія не замѣчается принципіальнаго различія между порядками солнечнаго государства и новѣйшими представленіями о государствѣ будущаго. Вѣдь и въ этомъ послѣднемъ общественное учрежденіе устанавливаетъ размѣры потребностей каждаго, долженствующіе считаться «раціональными».

И притомъ Ямбулъ даже идетъ еще дальше, чѣмъ безсознательно копирующіе его авторы готской программы, по пути къ послѣдовательному осуществленію коммунизма. Онъ распространяетъ коммунизмъ и на такую сферу, на которую еще не посягаетъ ихъ «проникнутая духомъ компромисса» программа. Вѣдь въ солнечномъ государствѣ не существуетъ обособленныхъ хозяйствъ и отсутствуетъ соотвѣтствующая имъ форма соціально-экономической организаціи, индивидуальное домохозяйство, составляющая экономическую единицу семья. Въ предѣлахъ великой, всеобъемлющей общины солнечное государство не допускаетъ рѣшительно ничего такого, что могло бы породить какой-либо частный интересъ, поэтому оно принципіально отвергаетъ институтъ индивидуальнаго брака и всѣ вытекающія изъ этого института послѣдствія. «Женщины общи для всѣхъ», лаконически сообщаетъ Діодоръ, не прибавляя ни единаго слова для болѣе точной характеристики положенія дѣлъ [8]). Но мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ, о смыслѣ и тенденціи этой общности женщинъ по тому, что она обязана своимъ происхожденіемъ не стремленію отдѣльныхъ лицъ къ наслажденіямъ, а общественному интересу. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о народѣ, отличающемся мудрымъ самообузданіемъ, воздержностью и нравственной чистотой и представляющемъ собой полную противоположность нашему нравственно испорченному культурному міру, а потому и не желающемъ терпѣть въ своей средѣ двухъ явившихся изъ этого порочнаго міра чужеземцевъ, дабы они не смогли занести зародыши зла. По прошествіи семи лѣтъ Ямбулъ и его спутникъ были вынуждены покинуть страну, такъ какъ ихъ сочли безнадежно испорченными и уже неспособными отрѣшиться отъ нравовъ стараго міра [9]). У подобнаго народа общность женщинъ не можетъ принять такой формы, чтобы при ней имѣлось въ виду какъ можно большее удовлетвореніе индивидуальныхъ чувственныхъ вожделѣній, т.-е. не можетъ быть рѣчи о признаніи принципа, гласящаго, что каждый мужчина долженъ пользоваться всѣми женщинами а каждая женщина—всѣми мужчинами. Дѣло можетъ идти лишь о томъ, чтобы ни одинъ мужчина не называлъ какой-либо женщины своею и ни одна женщина—какого-либо мужчину своимъ для того, чтобы не подвергался опасности жизненный принципъ цѣлаго, духъ согласія и братства. Ради торжества этого принципа и дѣти, воспитываются совмѣстно въ качествѣ «дѣтей общества». Для достиженія всеобщей одинаковой доброжелательности, даже и матери не знаютъ своихъ дѣтей; для этого няньки неоднократно подмѣниваютъ новорожденныхъ.

Такимъ образомъ, какъ выражается Діодоръ въ концѣ своихъ краткихъ замѣчаній на эту тему, у этихъ людей на самомъ дѣлѣ не извѣстны какія бы то ни было честолюбивыя стремленія или эгоистическіе помыслы. Согласіе признается всѣми высшимъ благомъ, такъ что ихъ существованіе протекаетъ среди безмятежной гармоніи [10]). Здѣсь сталъ дѣйствительностью идеалъ истинно-соціальной жизни:

общество, въ которомъ цѣли всѣхъ преслѣдуются всѣми, равномѣрно, при братскомъ единодушіи.

Поэтому всѣ строго подчиняются сильной руководящей власти, безъ которой вся организація вообще не могла бы осуществиться [11]). Коллективизмъ солнечнаго государства строго авторитетенъ. Для руководства соціальнымъ хозяйствомъ его коммунистическихъ товариществъ имѣется центральный органъ, «гегемонъ», полномочія котораго пожизненны, вслѣдствіе чего Діодоръ сравниваетъ его съ монархическою властью [12]). Очевидно, онъ является организаторомъ всего товарищества. И притомъ лицо, занимающее эту должность, не избирается членами даннаго товарищества, что могло бы повлечь за собой соперничество и возникновеніе партій, но старшій изъ членовъ товарищества является и его руководителемъ [13]).

Благодаря этой преданности общественной идеѣ на долю гражданъ выпадаетъ великое счастье: они свободны отъ избытка вынужденнаго труда, тяготѣющаго на остальномъ человѣчествѣ. Ограниченіе рабочаго дня необходимой работой, котораго Томасъ Моръ, Кампанелла и Марксъ ждутъ отъ устраненія капиталистической формы производства, идеально уже осуществлено въ солнечномъ государствѣ Ямбула. Нельзя радикальнѣе провести того равномѣрнаго распредѣленія работы между всѣми трудоспособными членами общества, отъ котораго марксизмъ ждетъ столь значительнаго сокращенія рабочаго времени. Здѣсь по существу дѣла недопустимо было, чтобы «какой-нибудь общественный слой могъ освободить себя отъ естественной необходимости работы и цѣликомъ возложить эту необходимость на другой общественный слой». Поэтому здѣсь и не получалось, какъ это, по мнѣнію Маркса, имѣетъ мѣсто въ капиталистическомъ обществѣ, «свободнаго времени для одного класса путемъ обращенія всей жизни массы въ рабочее время» [14]). Въ солнечномъ государствѣ всѣ заняты полезной работой, такъ что ни одна рабочая сила не остается неиспользованной. Съ другой стороны, производительная сила пышной природы страны уменьшаетъ потребность въ трудѣ. Поэтому здѣсь «доля общественнаго рабочаго дня, необходимая для матеріальнаго производства», въ самомъ дѣлѣ оказывается гораздо менѣе значительною, а соотвѣтственно этому возрастаетъ «часть времени, отвоеванная для свободной духовной и общественной дѣятельности индивидуумовъ». Возможность духовнаго усовершенствованія, свободнаго развитія разума, которая здѣсь, точно такъ же, какъ въ Утопіи, въ высшей степени цѣнится [15]), предоставлена каждому, имѣющему къ тому способности и охоту. Всѣ равнымъ образомъ пользуются достаточнымъ досугомъ для того, чтобы имѣть возможность предаваться благородной общительности и идиллически наслаждаться красотами природы, такъ что ихъ жизнь напоминаетъ блаженство въ елисейскихъ поляхъ.

Итакъ, солнечное государство давно уже предвосхитило тѣ идеи, которыя Марксъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ превозноситъ какъ итогъ соціально-теоретическаго познанія: «достигнувъ господства надъ всѣми орудіями производства, съ тѣмъ, чтобы общественно и планомѣрно утилизировать ихъ, общество уничтожаетъ существовавшую до тѣхъ поръ рабскую зависимость людей отъ ихъ собственныхъ орудій производства. Общество не можетъ освободиться безъ освобожденія каждаго индивидуума. Итакъ, старый способъ производства долженъ быть кореннымъ образомъ измѣненъ, а главное должно исчезнуть прежнее раздѣленіе труда. Его должна замѣнить такая организація производства, при которой производительный трудъ изъ орудія порабощенія людей обращается въ орудіе ихъ освобожденія, доставляя всякому возможность всесторонняго развитія и проявленія всѣхъ его способностей,

какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, и становясь такимъ образомъ уже не бременемъ, а удовольствіемъ» [16]).

Мысль о подобномъ освобожденіи индивидуума весьма естественно зародилась именно въ эпоху эллинизма. Гармоническое сочетаніе общественной и частно-хозяйственной дѣятельности, участіе всѣхъ гражданъ въ политической жизни, въ демократическомъ городѣ-государствѣ безпрестанно возвышавшее отдѣльныхъ лицъ надъ тѣснымъ кругомъ ихъ частной жизни, перестало быть возможнымъ въ этой формѣ въ рамкахъ новыхъ монархій. Въ крупномъ государствѣ эпохи эллинизма порваны эти связи между индивидуумомъ и государствомъ. Индивидуумъ уже не можетъ чувствовать себя гражданиномъ общины, въ управленіи которой онъ лично участвуетъ; онъ все болѣе и болѣе оказывается предоставленнымъ самому себѣ. Вообще все развитіе эллинизма, какъ въ политикѣ и управленіи, такъ и въ соціально-экономической и духовной жизни, вело къ усиленію этой индивидуалистической тенденціи. На ряду съ техническимъ образованіемъ администраціи и съ техническимъ прогрессомъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства раздѣленіе труда значительно двинулось впередъ. Человѣкъ, желавшій пробиться и отстоять себя въ этомъ обществѣ, во многихъ отношеніяхъ весьма напоминавшемъ современное, долженъ былъ заботиться о какъ можно болѣе индивидуальномъ развитіи. Обособленіе профессій, индивидуальностей, становится гораздо болѣе интенсивнымъ, чѣмъ до сихъ поръ. «Человѣкъ являлся уже не прежде всего человѣкомъ и гражданиномъ, а сперва солдатомъ, чиновникомъ, ученымъ и т. д.» [17]).

Однако, это не устранило глубоко коренившагося въ греческой духовной жизни стремленія къ гармоническому развитію личности. Наоборотъ, это стремленіе становилось тѣмъ живѣе, чѣмъ болѣе трудностей создавали для него измѣнившіяся условія. «Этимъ объясняется сказывающійся и въ искусствѣ данной эпохи интересъ, съ которымъ теперь стали относиться къ другимъ профессіямъ, къ рѣзко выраженнымъ индивидуальностямъ». Это стремленіе дополнить чужимъ свое собственное я [18]). Глубокое чувство односторонности вполнѣ естественно ведетъ къ возникновенію общественнаго идеала, провозглашающаго развитіе цѣльнаго человѣка и притомъ въ смыслѣ какъ можно болѣе всесторонняго проявленія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ.

Вѣдь и во взглядахъ культурныхъ людей эпохи эллинизма на эту послѣднюю сторону человѣческой жизнедѣятельности можно констатировать замѣчательное измѣненіе. Это была эпоха большихъ міровыхъ городовъ. Политическая централизація, всемірная торговля и промышленность вызвали высшій расцвѣтъ городской культуры, причемъ, однако, вскорѣ обнаружились и тѣ неудобства, которыя всегда влечетъ за собой скопленіе людей въ большихъ городахъ и утонченность специфически-городской культуры. Возникла новая односторонность, которая и ощущалась, какъ таковая, и вызвала то, напоминающее сентиментальное направленіе новаго времени влеченіе къ природѣ и къ естественной «невинности», которымъ отличался новый, чрезвычайно характерный именно для данной эпохи родъ литературы, а именно буколическая идиллія. Такія занятія, при которыхъ человѣкъ остается въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой, жизнь поселянъ, пастуховъ, охотниковъ, рыбаковъ, съ ея довольствующеюся малымъ простотой, безмятежностью и «естественностью» пріобрѣтаютъ въ глазахъ пресыщеннаго культурой горожанина особую прелесть. Идиллія заимствуетъ свои сюжеты, главнымъ образомъ, изъ этой сферы; художники также усваиваютъ эту тенденцію, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя изображенія пастуховъ и рыболововъ, относящіяся къ этому періоду [19]).

Такимъ образомъ, Ямбулъ лишь дѣлаетъ крайній выводъ изъ этого широко распространеннаго въ его время настроенія, въ самомъ дѣлѣ весьма радикально возстановляя въ своемъ солнечномъ государствѣ утраченную обитателями большихъ городовъ въ эпоху эллинизма связь съ природой такимъ образомъ, что и ученый поперемѣнно становится простымъ работникомъ, земледѣльцемъ, рыбакомъ и т. д. Благодаря этому устраняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противоположность между культурой и природой или городомъ и деревней. Вѣдь «жизнь на лугахъ», которой, какъ намекаетъ Діодоръ, наслаждаются граждане солнечнаго государства [20]), немыслима безъ полнаго устраненія этой разницы. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи солнечное государство до нѣкоторой степени сходится съ соціализмомъ новаго времени, который вѣдь тоже стремится по мѣрѣ возможности устранить противоположность между городомъ и деревней путемъ сочетанія промышленной дѣятельности съ земледѣльческой.

Считалъ ли самъ Ямбулъ возможнымъ, что учрежденія этого блаженнаго солнечнаго государства, относительно чисто-утопическаго характера которыхъ не можетъ возникать никакихъ сомнѣній для трезваго соціально-экономическаго мышленія, допускаютъ перенесеніе ихъ въ дѣйствительность? Не оказываются ли сказочная природа, среди которой онъ помѣщаетъ своихъ солнечныхъ гражданъ, и тотъ совершенный типъ людей, представителями котораго они являются, необходимыми предпосылками ихъ идеальнаго экономическаго и общественнаго строя? Не представляется-ли ему поэтому и самый этотъ строй лишь чисто-сказочнымъ вымысломъ, какъ и все то повѣствованіе, въ которое включено его изображеніе?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ своихъ разсказахъ о чудесныхъ диковинкахъ на волшебномъ островѣ, Ямбулъ оказывается сочинителемъ небылицъ, стремящимся, во что бы то ни стало, удовлетворить жаждущую сенсацій публику. Но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что романы на тему о путешествіяхъ получили такой характеръ, что всякое новое произведеніе этого рода могло произвести сильное впечатлѣніе, лишь по мѣрѣ возможности еще перещеголявъ прежніе романы нагроможденіемъ сенсаціоннаго. Уже относительно извѣстныхъ романовъ объ Александрѣ въ формѣ писемъ, сочиненныхъ еще до Ямбула, было основательно замѣчено, что въ особенности сравнительно менѣе образованный читатель желалъ именно такого болѣе грубаго товара. «Разъ Александръ попалъ въ Индію, онъ долженъ былъ, конечно, увидать тамъ подлинныя чудеса [21]). Вѣдь обиходныя представленія объ Индіи сложились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ «безалаберной, полной чудесныхъ вымысловъ» [22]) книги Ктесія. Развѣ могъ авторъ, изображающій рай, расположенный какъ-разъ среди сказочныхъ индійскихъ странъ, отказаться отъ подобныхъ возбудительныхъ средствъ тогдашней техники писанія романовъ, если только это не былъ Эвгемеръ, въ качествѣ завзятаго раціоналиста, конечно, неспособный трактовать о подобныхъ заправскихъ чудесахъ? Вѣдь и Гекатей, серьезная тенденція котораго не подлежитъ сомнѣнію, сдѣлалъ въ своемъ романѣ на тему о гиперборейцахъ значительныя уступки этой модѣ и сочинилъ крайне фантастическую книгу, полную небылицъ. Въ виду этого на томъ только основаніи, что книга Ямбула полна подобныхъ небылицъ, нѣтъ надобности допускать, что соціальная его утопія представляетъ собой не что иное, какъ только игру воображенія. Весьма возможно, что въ основѣ ея лежала опредѣленная тенденція. И въ самомъ дѣлѣ, даже и на основаніи изложенія Діодора врядъ ли можно не вынести впечатлѣнія, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить именно то, что самому ему представлялось идеаломъ естественнаго и раціональнаго уклада жизни [23]), хотя бы даже этотъ идеалъ и былъ для него не болѣе, какъ прекрасной мечтой.

Кромѣ того, этотъ идеалъ вовсе не является продуктомъ чисто-индивидуальной мысли. Наоборотъ, онъ находится въ явной связи съ фактически существовавшими настроеніями и идеями. Какъ могъ иначе Ямбулъ разсчитывать на то, что книга произведетъ впечатлѣніе на читателя? Относительно множества деталей его беллетристической формы изложенія мы и теперь еще можемъ констатировать, что онѣ заимствованы изъ той сказочной этнографической литературы, которою онъ располагалъ. Точно такъ же и въ его общественномъ идеалѣ, кромѣ вышеуказанныхъ чертъ, нельзя не отмѣтить еще и другихъ отголосковъ фактически существовавшихъ идейныхъ теченій, напр., платоновыхъ, кинических ихъ, стоическихъ идей [24]). Не подлежитъ сомнѣнію, что общественный идеалъ Ямбула еще въ гораздо большей степени представлялся бы намъ отраженіемъ такого рода направленій, если бы эти послѣднія были болѣе извѣстны намъ. Вѣдь и разсужденія Ктесія о праведности описываемыхъ имъ индусовъ, не вытекаютъ изъ его личныхъ соціально-этическихъ умозрѣній: для него и эти праведные индусы, конечно, представляютъ собой всего лишь одну изъ многихъ сенсаціонныхъ диковинокъ [25]); но самый идеалъ праведности былъ результатомъ фактически существовавшаго и весьма распространеннаго соціально-философскаго теченія. Въ виду этого мы можемъ разсматривать и солнечное государство какъ важный памятникъ, относящійся къ исторіи развитія соціалистической идеи въ греческомъ мірѣ. На основаніи его мы можемъ заключить, что и въ древней Греціи развитіе соціализма, по крайней мѣрѣ отчасти, шло въ томъ же направленіи, какъ и въ новое время въ Европѣ [26]).

Современные изслѣдователи любятъ противопоставлять Томасу Мору, основателю соціализма нового времени, Платона въ качествѣ представителя соціализма древняго міра [27]). Утверждается, будто все то, что въ «Утопіи» противоположно теоріямъ Платона, «вполнѣ соотвѣтствуетъ духу новаго времени», т.-е. чуждо древнему міру. Какъ-будто платоново государство представляло собой послѣднее слово античнаго соціализма, и все дальнѣйшее развитіе, о которомъ мы можемъ судить по соціальной поэзіи грековъ, вовсе не имѣло мѣста! Такъ съ этой точки зрѣнія представляется чѣмъ-то небывалымъ, «по существу дѣла новымъ», что въ Утопіи ручной трудъ не считается занятіемъ нелиберальнымъ, но всѣ обязаны выполнять ту обыденную работу, отъ которой у Платона освобождаются оба коммунистическія сословія. Оставляя въ сторонѣ ошибочный шаблонный взглядъ, согласно которому «почетъ труду» вполнѣ является пріобрѣтеніемъ новаго времени, мы только спрашиваемъ: не оказывается ли контрастъ между платоновымъ государствомъ и солнечнымъ государствомъ Ямбула, по крайней мѣрѣ, настолько же значительнымъ, какъ и разница между платоновымъ государствомъ и Утопіей? Не могла ли бы соціалъ-демократія съ такимъ же правомъ сказать и о Ямбулѣ то же, что одинъ изъ ея представителей говоритъ о Морѣ: «великій принципъ одинаковой обязательности труда для всѣхъ (т.-е., въ переводѣ на «буржуазный» языкъ, чудовищный регрессъ, состоящій въ установленіи равномѣрно принудительной работы) обусловливаетъ тѣснѣйшую связь между нимъ и современнымъ соціализмомъ, проводя рѣзкую грань между нимъ и платоновымъ коммунизмомъ, представляющимъ собой коммунизмъ *не* трудящихся» [28]). Мало того, мы утверждаемъ, что, съ точки зрѣнія нынѣшняго пролетарскаго соціализма, Моръ даже оказывается нѣсколько менѣе «современнымъ», чѣмъ его античный предшественникъ. Между тѣмъ какъ онъ обязываетъ гражданъ своей Утопіи заниматься однимъ опредѣленнымъ, хотя въ большинствѣ случаевъ свободно избраннымъ ремесломъ, отъ котораго освобождаетъ лишь предписанное въ опредѣленные періоды выполненіе земледѣльческихъ работъ,

въ солнечномъ государствѣ Ямбула уже происходитъ такой же безпрестанный переходъ отъ одного вида труда къ другому, какъ и въ соціалъ-демократическомъ государствѣ будущаго. У Мора все-таки хватаетъ здоровой буржуазной сообразительности, чтобы понять, что при совершенно равномѣрномъ участіи всѣхъ въ механическомъ и умственномъ трудѣ атрофировались бы таланты, и лучшимъ элементамъ не удавалось бы обнаруживать своихъ силъ. Поэтому онъ и допускаетъ въ своей Утопіи особый классъ ученыхъ, освобождаемый отъ ручного труда. Наоборотъ, механическій коммунизмъ, въ родѣ того, который господствуетъ въ Утопіи, точно такъ же, какъ и нынѣшняя соціалъ-демократія, не признаетъ этого исключенія! Ямбулъ могъ бы сказать вмѣстѣ съ Бебелемъ: «профессіональные типы, встрѣчающіеся въ нашемъ нынѣшнемъ обществѣ, исчезли въ моемъ государствѣ», или вмѣстѣ съ Энгельсомъ: «занятіе возящаго на тачкѣ и профессія архитектора не увѣковѣчатся, но будутъ сочетаться въ одномъ и томъ же лицѣ».

Какое глубокое различіе существуетъ между послѣднею греческою утопіей и платоновой, поскольку дѣло идетъ объ этомъ основномъ вопросѣ. Между тѣмъ какъ Платонъ доводитъ принципъ раздѣленія труда до крайнихъ предѣловъ, а потому и принимаетъ какъ нѣчто неизбѣжное результатъ этого раздѣленія труда— «подавленность» или «надрывъ» психики цѣлыхъ профессій и общественныхъ классовъ, соціализмъ въ той формѣ, которую онъ принимаетъ въ романѣ Ямбула, отважно переступаетъ чрезъ эти преграды. Онъ не желаетъ, чтобы, выражаясь языкомъ марксистовъ, развитію одного лишь рода дѣятельности приносились въ жертву всѣ остальныя тѣлесныя и духовныя способности. Онъ не желаетъ «порабощающаго подчиненія индивидуумовъ раздѣленію труда» [29]), но стремится къ тому, чтобы «человѣкъ вполнѣ могъ сообразоваться съ измѣняющимися требованіями работы» [30]). Подобно Марксу, онъ желаетъ замѣны «частичнаго индивидуума, простого носителя одной общественной детальной функціи цѣлостно развитымъ индивидуумомъ, для котораго различныя общественныя функціи служатъ смѣняющими другъ друга проявленіями жизнедѣятельности» [31]). Не смущаясь тѣмъ, что фактически это означаетъ чудовищный регрессъ, Ямбулъ замѣняетъ раздѣленіе труда прямо противоположнымъ принципомъ организаціи. Онъ желаетъ, чтобы, благодаря поочередному упражненію различныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, работа стала для всѣхъ безпрестанно освѣжающимъ и возбуждающимъ занятіемъ; чтобы она, будучи сопряжена для трудящагося съ рядомъ разнообразныхъ занятій, развивала всѣ таящіяся въ немъ способности. Онъ желаетъ сдѣлать для рабочаго возможнымъ участіе въ тѣхъ высшихъ стремленіяхъ, которыя, по мнѣнію Платона, должны оставаться недоступными для лицъ, занимающихся хозяйственнымъ трудомъ.

Если Платонъ оцѣнивалъ вещи такъ, какъ онѣ представляются наблюдателю, смотрящему на нихъ сверху внизъ, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ оцѣнкой снизу. Съ этой точки зрѣнія умственный трудъ представляется вытѣсненнымъ изъ того высокаго положенія, которое было отведено ему Платономъ, ручной трудъ вполнѣ приравнивается къ нему въ соціальномъ отношеніи. При этомъ упускается изъ виду, что такимъ образомъ понизился бы и уровень умственнаго труда, способность къ научной дѣятельности, которою такъ дорожитъ платоново государство. Вѣдь въ основѣ этого разсмотрѣнія снизу очевидно лежитъ, какъ у нашихъ нынѣшнихъ соціалистовъ, точка зрѣнія, признающая трудомъ прежде всего лишь ручной трудъ, причемъ умственный трудъ представляется скорѣе развлеченіемъ и удовольствіемъ.

Что же касается организаціи экономической рабочей жизни, то мы

должны вспомнить, что Платонъ вообще не пришелъ относительно этого пункта къ ясному окончательному выводу, между тѣмъ какъ Ямбулъ, смѣло намѣчая строго единое и планомѣрно руководимое рабочее товарищество, опять-таки, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, сдѣлалъ послѣдніе выводы въ духѣ современнаго марксизма.

Еще относительно одного вопроса, издавна живо занимавшаго утопистовъ, солнечное государство сходится съ соціализмомъ новаго времени; дѣло идетъ о трудной проблемѣ: кто же согласится принять на себя выполненіе низшихъ и непривлекательнѣйшихъ работъ въ идеальномъ общежитіи? Этотъ вопросъ еще не существовалъ для платонова государства, такъ какъ въ немъ сохраняется рабство. Но и Моръ еще оказывается настолько «отсталымъ» въ этомъ отношеніи, что онъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ работы несвободныхъ и наемныхъ батраковъ. Наоборотъ, въ солнечномъ государствѣ Ямбула очевидно такъ же не существовало несвободныхъ людей, какъ и въ царствѣ Кроноса. По крайней мѣрѣ, въ изложеніи Діодора нѣтъ и слѣда чего бы то ни было подобнаго; скорѣе на основаніи его получается такое впечатлѣніе, что «взаимное прислуживаніе другъ другу» и общеобязательный трудъ обнимали собой у гражданъ солнечнаго государства всякаго рода полезную и необходимую работу, такъ что, слѣдовательно, и менѣе пріятныя работы поочередно выполнялись всѣми работоспособными лицами, и не существовало спеціальнаго принужденія для класса рабочихъ, который оказывался бы въ особенно неблагопріятномъ положеніи, точно такъ же, какъ объ этомъ мечтаетъ и нынѣшняя соціалъ-демократія для своего государства будущаго. Очевидно, предполагается, что тотъ духъ равенства и братства, которымъ проникнуты всѣ граждане солнечнаго государства, породитъ преданность и готовность къ служенію, чего Моръ ждетъ лишь отъ особенно религіозно настроенныхъ элементовъ своей Утопіи, число которыхъ совершенно недостаточно. Во всякомъ случаѣ, нельзя безъ дальнихъ околичностей называть рѣшеніе этого вопроса у Мора «античнымъ», такъ какъ при этомъ всему античному соціализму приписывается воззрѣніе, согласно которому идеальный общественный строй возможенъ лишь на основѣ рабства. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ было бы странно, если бы соціально-теоретическое мышленіе грековъ уже, по крайней мѣрѣ, въ четвертомъ вѣкѣ дошедшее до принципіальнаго отрицанія рабства [32]), сплошь удерживало его именно при построеніи идеала соціалистическаго государства [33]).

Конечно, рѣшеніе одного не менѣе важнаго вопроса, котораго намъ уже пришлось коснуться по поводу эвгемерова соціальнаго государства, остается проблематичнымъ. Мы уже видѣли, что та сторона платонова общественнаго идеала, изъза которой онъ представляется особенно «отсталымъ» и несовременнымъ съ точки зрѣнія нынѣшняго соціализма, а именно требованіе какъ можно большаго сокращенія потребностей, уже не встрѣчается у вышеупомянутаго предшественника Ямбула. Что же касается этого послѣдняго, то сбивчивое изложеніе Діодора, наоборотъ, оставляетъ совершенно невыясненнымъ, рѣшался ли у него этотъ вопросъ скорѣе въ духѣ платонова соціализма, или же въ духѣ соціализма новаго времени? Правда, граждане солнечнаго государства отличаются именно умѣренностью въ пищѣ и питьѣ, но отсюда еще вовсе не вытекаетъ, чтобы ихъ питаніе было примитивнымъ или аскетическимъ, да вѣдь и нынѣшній соціализмъ гарантируетъ каждому лишь «потребленіе соотвѣтственно его раціональнымъ потребностямъ», характернѣе—и притомъ въ смыслѣ уклоненія отъ точки зрѣнія Платона—то обстоятельство, что солнечное государство производитъ обильные запасы вина и оливковаго масла. Наоборотъ, совершенно недостаточно упоминаніе Діодора объ изготовленіи роскош-

ныхъ пурпурныхъ одеждъ, такъ какъ остается невыясненнымъ, не идетъ ли въ данномъ случаѣ рѣчь лишь о праздничномъ одѣяніи, которое вѣдь и Платонъ допускаетъ для своихъ Магнетовъ, а Моръ—для гражданъ своей Утопіи, въ иныхъ случаяхъ довольствующихся одноцвѣтнымъ шерстянымъ платьемъ или мѣхами. Относительно же остального промышленнаго производства мы не узнаемъ рѣшительно ничего, такъ что мы не можемъ судить о томъ, до какой степени значительное различіе, по словамъ Діодора существующее между образомъ жизни гражданъ солнечнаго государства и образомъ жизни прочихъ людей [34]), распространяется и на эту сферу: имѣется ли въ данномъ случаѣ въ виду лишь устраненіе чрезмѣрной роскоши, или же возвращеніе къ болѣе древней стадіи ремесленнаго производства и искусствъ, которое проектировалъ Платонъ. Но, во всякомъ случаѣ какъ бы ни приближалось въ этомъ отношеніи солнечное государство къ соціализму новаго времени, или какъ бы оно ни отклонялось отъ послѣдняго, какъ бы ни было оно далеко отъ новѣйшаго соціализма во многихъ другихъ пунктахъ, относительно которыхъ намъ ничего не извѣстно,—общественный идеалъ Ямбула, да уже и общественный идеалъ Эвгемера ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что утопизмъ новаго времени въ послѣднемъ анализѣ коренится не въ утопіи Мора, но *прообразы его оказываются на лицо уже въ соціальной поэзіи грековъ* [35]). Уже относительно греческаго государственнаго романа можно сказать то, что было сказано по поводу Мора: «Онъ формулировалъ программу, нынѣ въ существенныхъ чертахъ ставшую программой великой и могучей партіи и въ настоящее время занимающую всѣхъ насъ, какъ друзей, такъ и враговъ» [36]). При этомъ въ высшей степени интересно наблюдать, какъ смѣлый полетъ мысли греческихъ мыслителей, предвосхищая, повидимомому, «совершенно новыя» идеи, преодолѣваетъ даже тѣ преграды, которыя, съ точки зрѣнія нынѣшней соціалистической доктрины, должны были бы оказаться непреодолимыми для соціально-теоретическаго умозрѣнія до временъ новаго «крупнаго производства» и научной техники.

Согласно этой доктринѣ, гармоническое регулированіе индивидуальной дѣятельности, т.-е. возможность раціональнаго перехода трудящагося отъ одной работы къ другой, могло явиться лишь результатомъ того упрощенія отдѣльныхъ актовъ труда и манипуляцій, которое было вызвано машиннымъ производствомъ новаго времени. Наоборотъ, при ремесленномъ производствѣ пріуроченность работника къ опредѣленному ремеслу съ юныхъ лѣтъ является техническою необходимостью въ силу разнообразія свойственныхъ ему пріемовъ. Даже и при капиталистической мануфактурѣ, которая вѣдь уже разлагаетъ производственный процессъ на различныя частичныя операціи, постоянно предоставляемыя всякій разъ одному рабочему и поэтому быстро усвояемыя, рабочій вынужденъ долго заниматься исключительно своей частичной работой, чтобы пріобрѣсть необходимый навыкъ и для того, чтобы его работа была какъ можно болѣе продуктивной. Изъ всего этого дѣлается тотъ выводъ, что всякая разновидность прежняго соціализма неминуемо должна была удерживать «несовременную» организацію труда въ томъ видѣ, какъ она предполагается въ Утопіи, т.-е. увѣковѣчивать пріуроченность каждаго къ одному опредѣленному ремеслу. Утверждается, что это неизбѣжно вытекало изъ того способа производства, который служилъ и долженъ былъ служить исходнымъ пунктомъ для этого соціализма прежнихъ временъ [37]).

Въ самомъ дѣлѣ, если бы то, что въ данномъ случаѣ допускается лежащимъ въ основѣ этого умозаключенія историческимъ воззрѣніемъ, а именно марксистскою теоріей эволюціи, соотвѣтствовало истинѣ, т.-е. если бы всѣ формы общественнаго

сознанія и вообще вся идейная жизнь представляли собой всего лишь рефлексы экономической структуры общества, въ такомъ случаѣ античная соціальная теорія подобно теоріи «отца утопическаго соціализма новаго времени» не была бы въ состояніи возвыситься до идеала гармоническаго перехода отъ одного рода труда къ другому. Но такъ какъ античные мыслители, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, дошли въ своемъ развитіи соціалистической идеи до постулированія этого именно идеала, они тѣмъ самымъ доказали, что тѣ рамки, въ которыя механическое историческое воззрѣніе экономическаго матеріализма стремится заключить человѣческій духъ, вообще не существуютъ.

Далѣе съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи соціализмъ прежнихъ временъ, исходя изъ той базы, на которой онъ стоялъ, вообще не могъ отказаться отъ услугъ униженнаго класса, такъ какъ лишь техника нынѣшней крупной промышленности въ состояніи до такой степени уравнять привлекательныя и непривлекательныя стороны различныхъ видовъ труда, и до такой степени упростить возможный остатокъ непріятной работы, что ее могутъ поочередно выполнять всѣ работоспособныя лица. Но мы уже констатировали, что и этой «невозможности» не существовало для соціальнаго утопизма грековъ, по крайней мѣрѣ, по достиженіи имъ кульминаціоннаго пункта его развитія, представляемаго солнечнымъ государствомъ.

Еще несостоятельнѣе оказывается матеріалистическое пониманіе исторіи при выясненіи того, какъ въ греческомъ государственномъ романѣ разрѣшался женскій вопросъ. Согласно этой теоріи соціализмъ прежнихъ временъ, въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ, напр., въ Утопіи, не могъ даже и помышлять объ освобожденіи женщины отъ индивидуальнаго домашняго хозяйства. Вѣдь онъ долженъ былъ сохранять прочную основу послѣдняго, крестьянскій и ремесленный способъ производства, при которомъ всякому обособленному хозяйству естественно соотвѣтствовало обособленное домохозяйство, семья. Въ виду этого соціализмъ прежнихъ временъ неизбѣжно долженъ былъ переносить и въ свой утопическій общественный строй «патріархальную» семью. Эта черта, идущая въ разрѣзъ съ тенденціями новаго времени, представляется однимъ изъ проявленій ограниченности, вызываемой отсталостью данной эпохи. Однако, экономическая отсталость той эпохи, къ которой относится развитіе древнегреческаго соціализма, не мѣшало ему какъ нельзя болѣе радикально порвать съ «формами половыхъ отношеній, свойственными патріархальной семьѣ», отъ которыхъ Моръ не могъ «отрѣшиться» всего четыре вѣка тому назадъ, и которыя вѣдь и нынѣ еще прочно коренятся въ народномъ сознаніи. Между тѣмъ какъ согласно вышеупомянутой исторической теоріи соціализму прежнихъ временъ оставалось лишь предлагать смягченія въ строгихъ законахъ о бракѣ, уже соціальная утопія грековъ дошла до принципіальнаго отрицанія брака и до радикальнѣйшей эмансипаціи женщины.

Изъ всего этого ясно вытекаетъ, что идеи, нашедшія свое выраженіе въ соціальной поэзіи грековъ, далеко не укладываются въ тѣ рамки, въ которыя, согласно шаблонному воззрѣнію на древній міръ и не менѣе шаблонному пониманію исторіи вообще, былъ замкнутъ умственный кругозоръ древняго міра въ сферѣ соціальнаго мышленія. Въ виду раскрывшагося предъ нами міра идей не можетъ не казаться чрезвычайно страннымъ, что современная соціалъ-демократія, желая отстоять догматъ абсолютной чистоты своихъ ученій, все еще считаетъ возможнымъ говорить лишь о «такъ называемомъ античномъ соціализмѣ» [38]).

Къ тому же авторы, высказывающіе подобныя сужденія, совершенно упускаютъ изъ виду, что богатство идей, до которыхъ дошелъ древній міръ и въ этомъ отно-

шеніи, выяснилось бы намъ еще гораздо рельефнѣе, если бы вмѣсто жалкихъ обломковъ, ничего не говорящихъ именъ и заглавій книгъ, сохранилась вся относящаяся къ данному предмету литература. Насколько богаче, многостороннѣе и содержательнѣе была бы та картина, которая въ такомъ случаѣ развернулась бы предъ нашими взорами, чѣмъ теперь, когда пробѣлы въ уцѣлѣвшихъ источникахъ на каждомъ шагу вызываютъ у историка чувство прискорбной необходимости воздерживаться отъ многихъ выводовъ!

Изъ исторіи соціальной поэзіи у грековъ вытекаетъ и еще одинъ важный результатъ. Эта поэзія предназначалась для широкой публики и такимъ образомъ наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени несостоятеленъ все еще раздѣляемый нѣкоторыми непривычными къ политическому мышленію авторами взглядъ, согласно которому не можетъ быть и рѣчи о коммунистическихъ и соціалистическихъ идеяхъ у грековъ внѣ круга софистовъ и философскихъ школъ. По мнѣнію сторонниковъ этого взгляда, и люди образованные и необразованныя массы всегда относились къ этимъ идеямъ лишь какъ къ чему-то такому, «надъ чѣмъ можно было посмѣяться, когда эти сюжеты изображались на сценѣ» [39]). Прежде, когда пониманіе подобныхъ проблемъ еще было мало развито, можно было, пожалуй, удовлетворяться мнѣніемъ Дройзена, согласно которому пролетарская утопія, изображаемая Аристофаномъ, относилась къ невиннымъ преніямъ въ «аудиторіяхъ и высшихъ кругахъ», и что въ данномъ случаѣ дѣло шло всего лишь о «модной темѣ среди тогдашнихъ образованныхъ, литературныхъ круговъ» [40]). Изученіе всей исторической эволюціи соціальной поэзіи грековъ какъ связнаго цѣлаго приводитъ къ совершенно иному выводу. При немъ обнаруживается, что неразрѣшенныя загадки соціальнаго сфинкса должны были занимать мысль и фантазію тысячъ людей, что широкіе слои жаждали соціальныхъ реформъ. Вѣдь, примѣняя къ данному случаю слова Ранке, «эти стремленія, это творчество, эти желанія не оставались достояніемъ литературныхъ избранныхъ круговъ, но въ извѣстной формѣ оказывались на лицо и у народа», неужели же можно предполагать, что чрезвычайная популярность и широкая распространенность государственныхъ романовъ, въ особенности же Ямбулова, объясняются исключительно беллетристическою формою изложенія, и что эта популярность не была въ весьма значительной степени вызвана и интересомъ къ изображеннымъ въ нихъ идеальнымъ типамъ общественнаго строя?

ГЛАВА VI.

Соціальная демократія.

Отдѣлъ I.—Государство-городъ какъ родина соціализма.

Искать источникъ соціалистическихъ идей греческаго міра лишь подъ сѣнью школы, въ умозрѣніяхъ «отрѣшившихся отъ міра» мыслителей, полагать, что этого рода идеи «не распространялись за предѣлы аудиторій»—значитъ упускать изъ виду, что именно живая дѣйствительность, такъ сказать, соціальная атмосфера, окружавшая грека, заключала въ себѣ разнообразные зачатки вышеуказаннаго направленія.

Городъ-государство, πόλις, является тою почвою, въ которой коренится экономическое, соціальное и политическое существованіе грековъ. Эта «автономная» городская община ревниво замыкается отъ внѣшнихъ воздѣйствій, господствующій принципъ ея политики представляетъ собой чуть ли не карикатуру индивидуализма. Но, съ другой стороны, именно благодаря этому изолированію, сказывается противоположный принципъ. Оно влечетъ за собою тѣмъ болѣе тѣсное внутреннее сплоченіе общины. Дополненіемъ къ бездушнѣйшему городскому эгоизму является чрезвычайно сильный городской патріотизмъ, одушевляющее всѣхъ гражданъ общины сознаніе мѣстныхъ общихъ интересовъ, какъ въ политической, такъ и въ экономической сферѣ. Замкнутый государственный микрокосмъ автономной общины можетъ отстоять свою самостоятельность, лишь будучи какъ можно болѣе независимымъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій даже въ организаціи матеріальныхъ основъ своего существованія. Онъ всегда долженъ въ случаѣ надобности оказаться въ состояніи быть «самодовлѣющимъ». Конечно, и въ экономической сферѣ его высшимъ идеаломъ является «самодовлѣніе» [1]). Поэтому онъ не можетъ до такой степени, какъ городъ новаго времени, поглощаться національнымъ или народнымъ хозяйствомъ, обращающимъ каждый отдѣльный пунктъ, въ которомъ происходитъ производство и потребленіе, въ совершенно лишенный самостоятельности членъ организма, слагающагося изъ совокупности всѣхъ хозяйствъ, причемъ условія мѣстнаго производства и потребленія въ общемъ всюду опредѣляются условіями, характерными для цѣлаго. Правда, оживленіе сношеній, развитіе торговли и промышленности, притягательная сила капитала всюду устраняли преграды, существовавшія между отдѣльными областями производства, и территоріальное раздѣленіе труда значительно подвигалось впередъ. Тѣмъ не менѣе, каждый греческій городъ старался и въ экономическомъ отношеніи какъ можно болѣе отстоять свою самостоятельность какъ цѣлое, самопроизвольно регулировавшее, сообразуясь со своими спеціальными потребностями, производство, потребленіе и распредѣленіе благъ, установленіе цѣнъ и условія сбыта. Вѣдь столь небольшая государственная организація, какъ греческій городъ, могла вести лишь чрезвычайно искусственную экономическую политику, въ особенности коль скоро экономическое развитіе и ростъ населенія становились все болѣе и болѣе интенсивными. Вѣдь уже въ древности сказывалось дѣйствіе закона, гласящаго, что увеличеніе количества людей въ тѣсномъ пространствѣ дѣлаетъ человѣка менѣе свободнымъ [2]).

Объ этомъ свидѣтельствуютъ случаи вмѣшательства въ экономическую дѣятельность, стремившагося къ охранѣ мѣстной культуры, политика относительно хлѣбной торговли и мѣропріятія, направленныя противъ дороговизны, таксы и строгія запретительныя мѣры, направленныя противъ скупщиковъ средствъ пропитанія, воспрещенія вывозить земледѣльческіе продукты и сырье, служившее матеріаломъ для промышленности, покровительство, оказываемое мѣстному рынку запрещеніями привоза и вывоза товаровъ, ограниченіями свободы перевозки товаровъ и штапельными правами, вмѣшательствомъ въ денежное обращеніе и въ кредитныя сдѣлки, предпочтительное право государства пріобрѣтать извѣстныя необходимыя для него блага, часто встрѣчавшіяся государственныя монополіи и т. п.

«При сравнительно изолированномъ положеніи городовъ всевозможныя цѣнности въ значительной степени зависѣли отъ ихъ принудительныхъ мѣропріятій» [3]). Даже демократія не считала подобнаго энергическаго государственнаго вмѣшательства въ экономическія дѣла несовмѣстимымъ со своимъ принципомъ индивидуальной свободы, съ высоко развитой свободой собственности и сношеній—по крайней мѣрѣ, въ такихъ государствахъ, какъ Аѳины. Именно въ центрахъ эконо-

мическаго прогресса, въ которыхъ существованіе многочисленнаго населенія покоилось на торговлѣ и промышленности, причемъ продуктовъ мѣстнаго земледѣлія не хватало для удовлетворенія потребностей населенія, должно было особенно часто ощущительно сказываться, на какомъ узкомъ и колеблющемся основаніи покоилась экономическая жизнь города, какія опасности для населенія могли повлечь за собой всякій экономическій кризисъ, всякій перерывъ сношеній, всякая задержка въ снабженіи благами, вызываемая корыстнымъ барышничествомъ отдѣльныхъ лицъ. При такомъ положеніи дѣлъ надзоръ за производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ благъ [4]) и рѣшительное вмѣшательство въ нихъ въ случаѣ надобности представлялись не только правомъ, но и прямо-таки обязанностью городскихъ властей.

Это право и эта обязанность вытекали уже изъ національныхъ воззрѣній на отношеніе общества къ его отдѣльнымъ членамъ, равнымъ образомъ обусловливаемыхъ природой города-государства. Самостоятельность и замкнутость городской общины придавали ей характеръ тѣсно сплоченной, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло шло объ отношеніяхъ ко внѣшнему міру, общины [5]), члены которой хорошо сознавали, до какой степени здѣсь благополучіе и даже существованіе индивидуума зависѣли отъ благополучія и существованія цѣлаго [6]), а съ другой стороны, благополучіе и продуктивность цѣлаго зависѣли отъ благополучія и продуктивности отдѣльныхъ лицъ. И чѣмъ явственнѣе бросалась въ глаза эта зависимость даже и наиболѣе близорукимъ эгоистамъ, тѣмъ болѣе укоренялась привычка цѣнить въ городской общинѣ то, что она была въ состояніи выполнять, заботясь о культурѣ и о всеобщемъ благѣ [7]). Энергическое подчеркиваніе стремленія къ благосостоянію какъ цѣли, осуществленіе которой имѣлось въ виду въ греческой государственной жизни, не заглушаемое даже и своекорыстнѣйшимъ классовымъ эгоизмомъ убѣжденіе въ томъ, что общество обязано заботиться о матеріальномъ и нравственномъ благоденствіи своихъ членовъ и въ томъ, что сфера свободы индивидуума находитъ свою естественную границу въ этой обязанности общества [8]), коренилось въ условіяхъ существованія города-государства [9]), а не въ какомъ-то природномъ расположеніи греческаго народа или въ мнимой «античной» государственной идеѣ. Тамъ, гдѣ граждане были столь живо проникнуты мыслью о томъ, что человѣкъ и человѣческая жизнь пріобрѣтаютъ цѣнность лишь благодаря государству, умѣли удѣлять широкій просторъ требованіямъ, предъявляемымъ государственнымъ общежитіемъ къ его членамъ. Какъ характерно, что понятіе полиціи, государственнаго упорядоченья всего народнаго благополучія стоитъ въ связи съ понятіемъ πόλις.

Кромѣ вышеупомянутой экономической политики города-государства, многочисленныя соціально-политическія мѣры свидѣтельствуютъ о томъ, какъ далеко простиралось, съ одной стороны, подобное вмѣшательство власти въ сферу индивидуальной свободы, а съ другой стороны, вышеупомянутое попеченіе о благѣ гражданъ. Сюдаотносятся, напримѣръ, нѣкоторыя ограниченія относительно пріобрѣтенія земельныхъ имуществъ (установленный Солономъ максимумъ земельной собственности), законы противъ роскоши и другія заботы о «гражданской благопристойности», исторія законодательства о бѣдныхъ, начиная съ солонова закона, противъ праздности и кончая распространявшимся на всѣхъ ставшихъ неработоспособными государственнымъ призрѣніемъ немощныхъ въ позднѣйшій періодъ въ Аѳинахъ [10]), государственное регулированіе колонизаціи, раздѣлы земли и кассированіе долговъ и т. п. И не развился ли государственный соціализмъ Спарты и

Крита—правда, подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій—также именно на почвѣ хозяйства и политики города-государства?

Вышеуказанная эволюція естественно должна была съ самаго начала придать сужденіямъ о соціально-экономическихъ процессахъ опредѣленное направленіе. Даже и на высшей, достигнутой демократіей ступени экономической свободы никогда не исчезала вполнѣ привычка къ регулирующему и охраняющему вмѣшательству общественныхъ властей въ ходъ экономической частной дѣятельности, которое безпрестанно энергически выражало и безъ того столь явную въ данномъ случаѣ связь между единичнымъ хозяйствомъ и всею жизнью общественнаго организма. Благодаря этому сознаніе греческаго гражданина усваивало именно основную предпосылку возникновенія соціалистическихъ идей: ему выяснялась о б щ е с т в е н н а я обусловленность индивидуальнаго хозяйства, въ особенности же его обусловленность п р а в о в ы м ъ порядкомъ. Здѣсь никакая организація собственности и пользованія ею не могла постоянно считаться «естественной», т.-е. по народному воззрѣнію божественной и, слѣдовательно, незыблемой. Благодаря развитію практической жизни она рано стала п р о б л е м о й. Настоятельная необходимость обезпечить основы существованія народнаго хозяйства и зависящаго отъ него гражданскаго общества безпрестанно (напр., по поводу политики, направленной противъ дороговизны) вызывала вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ опредѣлить содержаніе правъ, сопряженныхъ съ частною собственностью, чтобы собственность или извѣстные ея виды играли благодѣтельную роль въ процессѣ изготовленія и распредѣленія благъ, причемъ исключалась бы возможность какого-либо вреднаго пользованія собственностью?

Уже необходимость жить на одной и той же и притомъ столь тѣсной территоріи и поддерживать свое существованіе ея продуктами, должна была колебать вѣру въ то, что соціальное разслоеніе и распредѣленіе благъ представляютъ собой нѣчто установленное самой природой и неизмѣнное [11]). Грандіозное колонизаторское и переселенческое движеніе, происходившее въ греческомъ мірѣ, начиная съ восьмого вѣка до Р. Хр., доказываетъ, что соціальныя и экономическія вредныя послѣдствія, связанныя съ наличностью избытка людей въ тѣсномъ пространствѣ, стали ощущаться въ раннюю эпоху и весьма интенсивно. Общественный и государственный интересъ сосредоточился на выдвинувшемся на первый планъ соотношеніи между пространствомъ и численностью населенія, стало-быть, на земельномъ, т.-е. пространственномъ вопросѣ. Психологически необходимымъ результатомъ этой эволюціи явилась борьба противъ неблагопріятнаго или «несправедливаго» распредѣленія пространства, возникновеніе стремленій, клонившихся къ реформѣ землевладѣнія, появленіе аграрно-соціалистическихъ тенденцій.

А разъ регулированіе той сферы, въ которой господствовала частная собственность, законодательствомъ и администраціей, въ силу соображеній, вытекавшихъ изъ экономической и общественной цѣлесообразности, стало обычнымъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, то и рѣшеніе вопроса о томъ, какъ далеко должны были идти теорія или практика въ дѣлѣ ограниченія частно-хозяйственной сферы, всецѣло обусловливалось господствовавшимъ въ данный моментъ воззрѣніемъ на общественно-полезное, справедливое или выполнимое. Вѣдь не существовало общепризнаннаго принципіальнаго предѣла расширенію сферы воздѣйствія государственной власти.

Объ этомъ чрезвычайно наглядно свидѣтельствуетъ одно весьма интересное для экономической исторіи сочиненіе, относящееся къ эпохѣ эллинизма, а именно вторая книга такъ называемой аристотелевой экономики. Въ немъ приводится

масса поразительныхъ примѣровъ, показывающихъ, до какой степени экономическая политика города-государства («οἰκονομία πολιτική»,—характерно, что авторъ называетъ ее «многообразнѣйшею и легчайшею») по благоусмотрѣнію господствовала надъ всею экономической жизнью и регулировала ее. Для упоминаемыхъ въ этой книгѣ принудительныхъ мѣропріятій въ области экономической политики—Дройзенъ называлъ ихъ чудовищными въ политико-экономическомъ отношеніи [12])—вообще не существуетъ иныхъ преградъ, кромѣ физической невозможности. Общественная власть сознавала, что «не только вся политическая, но и экономическая жизнедѣятельность гражданина, не только его достояніе, но и всевозможныя цѣнности находятся въ полной зависимости отъ города»,—и, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, она дѣлала всѣ выводы изъ этого положенія дѣлъ. Вся эта политика была не безъ основанія охарактеризована какъ «экономическая тираннія» [13]).

Конечно, живой интересъ къ возможно большей свободѣ обращенія частной собственности и частно-хозяйственныхъ оборотовъ, вызванный капиталистическимъ развитіемъ экономической жизни, торговлей, индустріей и денежнымъ хозяйствомъ, служилъ сильнымъ противовѣсомъ этимъ централистическимъ тенденціямъ, коренившимся въ природѣ хозяйства города-государства. Но, съ другой стороны, именно подобныя уступки политикѣ laissez faire, соотвѣтствующей капиталистическимъ потребностямъ, должны были содѣйствовать тому, чтобы въ народномъ сознаніи не умирала вѣра въ призваніе государства къ регулирующему и охраняющему вмѣшательству. Неразрывно связанныя со свободой эгоистическія злоупотребленія частною собственностью, вслѣдствіе которыхъ эта послѣдняя становится орудіемъ эксплуатаціи другихъ, конфликты, и безъ подобныхъ злоупотребленій вызываемые уже самымъ преобладаніемъ имущихъ, неминуемо должны были безпрестанно обусловливать въ соціальной атмосферѣ греческихъ общинъ реакцію въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Граждане этихъ общинъ никоимъ образомъ не могли постоянно переносить въ тупой апатіи какъ нѣчто вполнѣ естественное, чтобы существовавшій экономическій строй препятствовалъ ихъ преуспѣянію или даже стѣснялъ и подрывалъ все ихъ существованіе. Вѣдь они всегда имѣли предъ собою ту вездѣсущую силу, вмѣшательство которой могло въ данномъ случаѣ охранять и поддерживать. Государство не было для нихъ какимъ-то абстрактнымъ, таинственнымъ существомъ, которому противостоялъ внутренно чуждый ему индивидуумъ. Ихъ городъ съ его общимъ для всѣхъ гражданъ центральнымъ пунктомъ, «въ планъ котораго», по мѣткому замѣчанію Курціуса, «входило, чтобы онъ былъ обозримымъ цѣлымъ, чтобы всѣ граждане собирались въ театрахъ, на рынкѣ, на народномъ собраніи, и чтобы зовъ герольда и голосъ оратора доносился до всякаго гражданина» [14]),—этотъ городъ былъ для нихъ чѣмъ-то весьма конкретнымъ, жизненнымъ, какъ бы единымъ великимъ индивидуумомъ [15]), воздѣйствовать на волю котораго могъ надѣяться и простолюдинъ. Граждане ежедневно наблюдали, до какой степени многообразны были возможныя проявленія этой воли, какъ велика была мощь ихъ общины именно въ экономической сферѣ. Развѣ могъ и бѣднякъ, нуждающійся, изнемогающій въ борьбѣ за существованіе, не обращаться къ государству, тѣмъ болѣе, что онъ соображалъ, чего только не удалось уже добиться съ помощью этой силы могущественнымъ элементамъ общества для нихъ и въ ихъ интересахъ? Почему же нельзя было бы осуществить чего-либо грандіознаго съ помощью столь могучаго орудія соціальной поддержки и соціальной охраны и для слабыхъ?

Въ самомъ дѣлѣ, внимательно прослѣживая эту связь между своеобразнымъ историческимъ характеромъ города-государства и психическою жизнью народа, мы

непосредственно констатируемъ одинъ въ высшей степени характерный соціально-психологическій фактъ, а именно наивное вѣрованіе во всемогущество закона, взглядъ, согласно которому все сложившееся представляетъ собой лишь результатъ сознательно стремящейся къ достиженію извѣстныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности. Правовыя, государственныя и общественныя учрежденія возводятся къ волѣ «основателя» или законодателя. Лицо, располагающее законодательной властью и не страдающее недостаткомъ надлежащей рѣшимости и послѣдовательности, способно, согласно этому воззрѣнію, совершить истинныя чудеса. Таково въ самомъ дѣлѣ національное воззрѣніе. Чрезмѣрное возвеличеніе способности государства руководить силами, дѣйствующими въ соціальной жизни, убѣжденіе въ томъ, что простыми предписаніями и воспрещеніями государственной власти можно упразднить могучую историческую эволюцію, заставить всю народную жизнь пойти новыми путями, не составляютъ специфической особенности греческой соціальной теоріи. Точно такой же оптимизмъ можно констатировать и внѣ аудиторій «философовъ».

Чего только не считали возможнымъ для людей, впервые принявшихся за систематическое повышеніе уровня подавленныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ народа, въ извѣстномъ смыслѣ за «борьбу противъ бѣдности и богатства» во имя государства! Періандру приписывалось радикальное запрещеніе несвободной работы, дабы всѣ граждане были обязаны или вынуждены сами трудиться [16]). И это считалось возможнымъ въ такомъ городѣ, какъ Коринѳъ, блестящее промышленное и торговое процвѣтаніе котораго основывалось на весьма развитомъ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ, и притомъ въ такую эпоху, когда весь окружающій міръ продолжалъ сохранять существовавшую организацію труда и даже развивалъ ее еще далѣе въ томъ же направленіи. Затѣмъ Періандръ искореняетъ невоздержность, приказавъ утопить—въ городѣ Афродиты!—всѣхъ публичныхъ женщинъ и установивъ вѣдомство соціальнаго контроля, тщательно заботящееся о томъ, чтобы никто не расходовалъ больше, чѣмъ онъ зарабатывалъ [17]). О «филантропѣ» на аѳинскомъ тронѣ, Писистратѣ, утверждали, будто онъ до такой степени идеально радѣлъ о простолюдинахъ, что о немъ еще и въ гораздо болѣе позднюю эпоху говорили, что при немъ аѳинскому народу жилось почти такъ же хорошо, какъ въ царствѣ Кроноса [18])! И еще большее считалось возможнымъ для великихъ законодателей. Изъ въ самомъ дѣлѣ достаточно глубоко захватившей всѣ имущественныя отношенія солоновой «сисахѳіи», и безъ того сопряженной съ огромными жертвами для собственниковъ, сдѣлали радикальное кассированіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ, связанныхъ съ торговыми сдѣлками и денежными оборотами, не подозрѣвая, какое ужасное разстройство во всемъ денежномъ хозяйствѣ повлекъ бы за собой подобный шагъ [19]). Но не блѣднѣетъ ли даже и этотъ приписываемый Солону радикализмъ по сравненію съ тѣмъ, что повѣствовалась о соціальномъ спасителѣ Спарты! Ликургъ будто бы не только объявилъ общимъ достояніемъ всю землю въ странѣ, и распредѣлилъ ее на совершенно равные участки между всѣми гражданами,—мѣра, которую впослѣдствіи въ самомъ дѣлѣ, будто бы по его образцу, осуществили въ Спартѣ,—но и экспропріировалъ, кромѣ того, значительную долю движимой собственности, конфисковавъ безъ дальнихъ околичностей всѣ деньги изъ благородныхъ металловъ и замѣнивъ ихъ чрезвычайно примитивнымъ орудіемъ обмѣна. Благодаря этому, онъ сразу достигъ того, къ чему впослѣдствіи тщетно стремились благороднѣйшіе умы; бѣдность и богатство исчезли изъ его общины. Далѣе повѣствовалось, будто это государство—правда, лишь временно—установило форменную общность женщинъ [20])!

Если подобныя вещи считались возможными въ образованныхъ кругахъ, то какъ далеко должны были заходить мечтанія голодныхъ пролетаріевъ, страстныя вожделѣнія демагогически подзадориваемыхъ массъ! Мы можемъ сказать, что идеи о преобразованіи, возникавшія въ головахъ пролетаріевъ, зачастую должны были принимать коммунистическій или соціалистическій оттѣнокъ по той простой причинѣ, что къ этому результату вполнѣ естественно приводили тенденціи развитія греческаго города-государства, коль скоро изъ нихъ дѣлались—въ направленіи, соотвѣтствовавшемъ настроенію массы—конечные выводы.

Городъ являлся общиной, члены которой чувствовали себя связанными общимъ мѣстнымъ интересомъ противъ внѣшняго міра. Изъ этой общности интересовъ и общей для всѣхъ обязанности во всякое время отстаивать послѣдніе, жертвуя своимъ достояніемъ и своею кровью, среди членовъ общины развивалось сильное чувство равенства, въ концѣ концовъ, нашедшее свое выраженіе въ требованіи равноправности членовъ общины. Городъ-государство становится родиной демократіи! Но равноправіе въ государствѣ означаетъ и равное право на пользованіе государствомъ. Забота государства о благосостояніи, попеченіе объ «общей пользѣ и выгодѣ», въ которомъ, какъ мы видѣли, заключалось подлинное призваніе города-государства, должно было приносить пользу одинаково всѣмъ, безъ всякаго различія [21]). И у наиболѣе униженнаго пробуждается убѣжденіе въ томъ, что, коль скоро самопомощь и частная поддержка оказываются недостаточными, его должно поддержать общество. Государство представляетъ собой для него организацію о б щ а г о наибольшаго блага, лишь поскольку онъ сознаетъ, что послѣднее обнимаетъ собой и его личное благо. Подобно тому, какъ для средневѣковыхъ городскихъ властей попеченіе о «наибольшемъ общемъ благѣ» и «благополучіе бѣдныхъ» [22])—понятія сопряженныя, уже античный городъ-государство не могъ избѣжать этого вывода, вытекающаго изъ его подлиннѣйшей сущности [23]). Вѣдь какія только услуги не оказывалъ городъ-государство именно бѣдняку, охраняя его законодательными мѣрами противъ дороговизны хлѣба, государственнымъ попеченіемъ о немощныхъ и т. д. И почему бы государству не сдѣлать для него и еще больше?

Разъ государственная община служила средствомъ для удовлетворенія интересовъ в с ѣ х ъ, и демократическій радикализмъ требовалъ, чтобы всякій былъ р а в н о п р а в е н ъ въ государствѣ, то изъ этой точки зрѣнія само собой вытекало и дальнѣйшее требованіе, чтобы государство было о д и н а к о в о п о л е з н ы м ъ д л я в с ѣ х ъ о р у д і е м ъ. Но развѣ могло оно вполнѣ свободно выполнять эту функцію при наличности тѣхъ отношеній, которыя сложились на почвѣ с у щ е с т в о в а в ш а г о правового строя? Право собственности и договорное право, на которомъ основывался весь экономическій и общественный строй, несомнѣнно оказывалось выгоднымъ для нѣкоторыхъ индивидуумовъ и классовъ и невыгоднымъ для другихъ. Оно неоднократно оказывалось причиной несправедливости: то незаслуженнаго богатства, то незаслуженной бѣдности. Итакъ, санкціонируя этотъ строй и охраняя его, государство вовсе не играло роль равноцѣннаго и одинаково полезнаго для всѣхъ средства, способствующаго всеобщему благополучію. Вдумайтесь теперь въ психику въ высшей степени отзывчиваго народа, среди котораго такъ рано пробудилось размышленіе о соціальномъ долженствованіи. Какую горечь должно было вызывать подъ гнетомъ неблагопріятныхъ соціальныхъ условій это противорѣчіе между требованіями, предъявляемыми къ государственной общинѣ, и тѣмъ, что она фактически дѣлала, въ народѣ, отличавшемся столь сангвиническимъ представленіемъ о томъ, чего можно было бы достигнуть съ помощью

государственной власти при ея добромъ желаніи. Не должно ли было вѣрованіе во всемогущество закона въ связи съ неспособностью недисциплинированнаго мышленія понять вышеупомянутыя «несправедливости» какъ нѣчто вытекающее изъ самой природы вещей, изъ техническихъ, экономическихъ, этическихъ факторовъ, играющихъ роль на ряду съ правомъ, не должно ли было оно вызывать въ настроенныхъ такимъ образомъ умахъ представленіе о томъ, что, если правовой порядокъ можетъ стать источникомъ счастья для многихъ, то почему же ему не стать источникомъ счастья для всѣхъ. Не мыслима ли и иная организація права собственности, гарантирующая всѣмъ равномѣрно обезпеченное и счатливое существованіе, въ самомъ дѣлѣ осуществляющая наибольшее общее благо, какъ того требовалъ принципъ равенства и братства?

Такимъ образомъ, вполнѣ послѣдовательно являлась мысль о замѣнѣ традиціоннаго способа обращенія благъ, основывавшагося, главнымъ образомъ, на договорахъ, принудительнымъ общественнымъ регулированіемъ распредѣленія благъ въ смыслѣ вышеуказанныхъ принциповъ. Въ греческомъ городѣ-государствѣ демократизмъ порождаетъ, какъ свое логически необходимое дополненіе, соціализмъ.

Вѣдь вышеупомянутая мысль даже не кажется особенно утопической, если принять въ соображеніе, что она представляетъ собой лишь конечный выводъ изъ характеризованной выше системы государственной регламентаціи, а съ другой стороны, что ея осуществимость предполагается лишь для такихъ отношеній, при которыхъ нельзя по существу дѣла отрицать возможности единообразнаго и планомѣрнаго регулированія обращенія благъ. Въ тѣсныхъ рамкахъ города-государства, гдѣ не было препятствій, создаваемыхъ значительными размѣрами территорій, гдѣ было легко осуществимо дѣйствительное регулированіе всей жизни народа изъ единаго центра [24]), въ самомъ дѣлѣ можно было вѣрить въ успѣхъ соціалистическихъ экспериментовъ. И, дѣйствительно, въ проектахъ и экспериментахъ этого рода недостатка не было.

И дѣло не ограничилось одними только проектами. То обстоятельство, что съ небольшимъ пространствомъ легче совладать, побуждаетъ къ дѣйствію. Тамъ, гдѣ люди, общественные классы, группы интересовъ оказываются въ такой близости другъ отъ друга, гдѣ конфликты разражаются въ столь тѣсномъ пространствѣ, политическое, соціальное, экономическое треніе ощущается особенно интенсивно. Поэтому вызываемое этимъ треніемъ сопротивленіе стремительно влечетъ къ насильственной развязкѣ. Поэтому городъ-государство искони является классической ареной гражданскихъ усобицъ. И притомъ характернѣйшею чертою политическаго движенія на тѣсномъ пространствѣ является именно тенденція къ сглаживанію различій. Естественнымъ дополненіемъ къ постоянному пространственному ограниченію является революціонное стремленіе «принизить все выдающееся и по мѣрѣ возможности устранить его» [25]). У грековъ это влеченіе до такой степени вошло въ плоть и въ кровь, что, анализируя жизнедѣятельность греческихъ партій, Ѳукидидъ прямо-таки характеризуетъ его какъ влеченіе, свойственное человѣческой природѣ, какъ таковой («человѣческая природа... враждебная выдающемуся»! 3, 84), между тѣмъ какъ оно по существу дѣла объясняется соціальной географіей.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности прослѣдить развитіе намѣченныхъ выше мыслей въ интимныхъ проявленіяхъ самой народной жизни. Отъ источниковъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣли лишь обломки, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ проливающіе нѣкоторый свѣтъ на то, что думали въ пролетарскихъ хижинахъ о борьбѣ противъ богатства и бѣдности, которая вѣдь велась съ такой значительной затратой

духовной энергіи въ аудиторіяхъ и въ литературѣ. Въ данномъ случаѣ особѣнно ощутительно горькое значеніе замѣчанія Грота о томъ, что мы обладаемъ изъ античной литературы лишь выброшенными на берегъ обломками потерпѣвшаго крушеніе корабля. Развѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до тѣхъ поръ, пока не была найдена аристотелева исторія аѳинской конституціи, имѣлись сколько-нибудь удовлетворительныя представленія объ идеяхъ аграрнаго соціализма, зародившихся въ шестомъ вѣкѣ среди деревенскаго пролетаріата Аттики? Да къ чему сводятся даже и наши нынѣшнія свѣдѣнія относительно этого?

Тѣмъ тщательнѣе надлежитъ прослѣживать подобные непосредственные слѣды. А въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ не оказывается, мы должны будемъ, по крайней мѣрѣ, косвенно стараться найти нѣкоторое возмѣщеніе, анализируя соціально-экономическіе и политическіе порядки. Исторія развитія города-государства показываетъ, что эти порядки всегда порождаютъ извѣстныя сосуществующія имъ формы общественнаго сознанія. Въ виду этого можно будетъ отчасти установить, до какой степени имѣлись предпосылки для наличности коммунистическихъ и соціалистическихъ идей, которыя вѣдь всегда представляютъ собой лишь идеальный рефлексъ извѣстныхъ измѣненій, совершающихся въ структурѣ общества [26]). Лишь составивъ себѣ точное представленіе о той эволюціи, какъ необходимый результатъ которой надлежитъ понимать возникновеніе подобныхъ идей, мы можемъ судить о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ случайно дошедшія до насъ извѣстія относятся къ случайнымъ явленіямъ, или же имъ слѣдуетъ придавать болѣе общее значеніе.

Конечно, и такимъ образомъ можно составить себѣ лишь весьма неудовлетворительное представленіе о дѣйствительномъ историческомъ значеніи этихъ идей, о той роли, которую онѣ играли въ греческой народной жизни. Случайный характеръ традиціи, отъ которой мы вѣдь всегда зависимъ, неизбѣжно обусловливаетъ неравномѣрность изложенія, искажаетъ «истинныя пропорціи» объекта [27]). Необходимо только всегда отдавать себѣ отчетъ въ этомъ разстояніи, отдѣляющемъ изложеніе отъ дѣйствительности.

Отдѣлъ II.—Аристократическое государство и зачатки капитализма и соціализма.

1. Плутократическія тенденціи въ эпоху господства знати.

Несмотря на недостаточность традиціи, мы все же можемъ признать несомнѣннымъ, что соціализмъ какъ критика капитала [1]) является созданіемъ уже очень ранней эпохи греческой исторіи. Уже въ седьмомъ вѣкѣ капиталистическое хозяйство [2]) до такой степени и въ такихъ размѣрахъ распространилось въ греческомъ мірѣ, что широкіе круги народа ощущали его какъ тяжкій гнетъ. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ соціальный классъ, являющійся продуктомъ капиталистической хозяйственной системы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носителемъ соціалистическаго отрицанія этой послѣдней.

Но разъ исторія возникновенія соціализма совпадаетъ съ исторіей капитализма, то прежде всего возникаетъ вопросъ: насколько древнимъ слѣдуетъ, соб-

ственно говоря, признать то, что мы называемъ капиталистической системой хозяйства? Можетъ явиться склонность восходить довольно далеко въ прошлое. Вѣдь одну, прежде всего бросающуюся въ глаза сторону капиталистическаго хозяйства, а именно крупное производство, мы можемъ констатировать уже въ мірѣ, изображаемомъ въ эпосѣ. Гомеровскія усадьбы знати съ ихъ массами рабочихъ силъ, съ ихъ большими стадами и обширными угодьями ясно свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени здѣсь на ряду съ крестьянскимъ хозяйствомъ и надъ нимъ развилось крупное помѣщичье хозяйство, и какая бездна уже отдѣляла знать отъ крестьянъ и въ экономическомъ отношеніи [3]). Однако, этому помѣщичьему хозяйству вовсе не была съ самаго начала свойственна та черта, которая специфически характерна для капиталистическаго хозяйства. Въ теченіе долгаго времени оно было чисто-натуральнымъ. Производимые помѣщикомъ хлѣба и вино и разводимый имъ скотъ обыкновенно не доставлялись на рынокъ для продажи, но предназначались для домашняго потребленія въ предѣлахъ господской усадьбы. Это было производство, при которомъ имѣлось въ виду не полученія барыша, а потребленіе. Помѣщичье хозяйство приближается къ капиталистическому лишь съ тѣхъ поръ, какъ оно начинаетъ производить для продажи на рынкѣ. Этотъ переходъ совершился именно въ восьмомъ и въ седьмомъ вѣкахъ, когда на ряду со значительнымъ приростомъ населенія наблюдался могучій расцвѣтъ городской жизни, промышленной дѣятельности, коммерческихъ и колоніальныхъ сношеній. Въ эту эпоху денежное хозяйство широко распространялось въ Греціи изъ безчисленныхъ, быстро развивавшихся городскихъ центровъ [4]).

Отнынѣ цѣлью хозяйства становится изготовленіе такого количества продуктовъ, чтобы продажа ихъ доставляла какъ можно большій доходъ. Совершается изображаемое въ политикѣ Аристотеля превращеніе «домашняго достатка» въ спекулятивный капиталъ, изготовленія благъ для личныхъ потребностей—въ спекуляцію, разсчитанную на полученіе барыша, образующагося въ качествѣ излишка по сравненію съ издержками производства» [5]). Вмѣсто «экономики» на первый планъ все болѣе и болѣе выдвигается «хрематистика», представляющая собой отличительную черту капиталистическаго хозяйства. Съ этимъ соединяется и еще одно обстоятельство. Доходъ, образующійся изъ барыша, доставляемаго хозяйствомъ, долженъ какъ можно болѣе превышать необходимое для удовлетворенія насущныхъ потребностей. Онъ долженъ служить для образованія значительнаго состоянія, создавать «богатство, о которомъ уже Солонъ сказалъ, что для стремящихся къ нему людей вовсе не существуетъ опредѣленныхъ предѣловъ [6]).

Первые слѣды этой эволюціи восходятъ ко временамъ эпической пѣсни. Воспѣваемые іонійскимъ пѣвцомъ властители, изъ жизни которыхъ онъ заимствуетъ характерныя черты, занимаются уже не только военнымъ дѣломъ. У нихъ имѣются рѣзко выраженные экономическіе интересы. И многочисленныя, отразившіяся уже въ эпосѣ, усовершенствованія, достигнутыя ими въ организаціи труда, въ интенсивности обработки почвы, вообще въ земледѣльческомъ производствѣ, свидѣтельствуютъ объ успѣшности ихъ стремленій оказаться на высотѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляло къ помѣщику веденіе крупнаго хозяйства [7]). Изображеніе помѣщика въ картинѣ жатвы на щитѣ Ахилла напоминаетъ сельскаго хозяина новаго времени. Онъ стоитъ среди своихъ полевыхъ рабочихъ «съ ликующимъ сердцемъ» (γηθόσυνος κήρ). Это наслажденіе достаткомъ и наживой всюду чрезвычайно ярко выражается въ эпосѣ. Представленіе о томъ, что знатность сочетается съ богатствомъ, до такой степени само собой разумѣется въ эпосѣ, что понятія

«богатый и благородный» употребляются прямо-таки въ качествѣ формулы для характеристики знатныхъ людей. Прославляя героевъ, въ особенности павшихъ въ бою, поэтъ обыкновенно съ особой любовью указываетъ на это преимущество. И фигурирующіе въ эпосѣ знатные люди какъ при первой встрѣчѣ, такъ и тогда, когда требовалось выставить на видъ свои личныя достоинства, любятъ рекомендовать себя, подчеркивая не только свою знатность, но и въ особенности свое богатство, причемъ иной разъ они наивнѣйшимъ образомъ перечисляютъ отдѣльныя составныя части богатства: большія стада овецъ, множество засѣянныхъ полей, насаженныхъ деревьевъ и т. д. [8]). Даже правдивость и воинская слава, составляющія подлинное почетное премущество знати, упоминаются въ такихъ случаяхъ лишь послѣ достатка. Уже возвѣщается эпоха, когда богатство успѣшно борется съ другими привилегіями за первенствующее положеніе въ обществѣ.

Одиссей предпочитаетъ еще дольше блуждать по свѣту, лишь бы только явиться домой съ большей наживой. Не мудрено, что знать утилизировала въ своихъ интересахъ и новые источники дохода, открывавшіеся для хозяйственной спекуляціи благодаря расцвѣту промышленной жизнедѣятельности. Она была вынуждена дѣлать это, чтобы не отстать отъ сильно подвигавшихся впередъ горожанъ. Она уже въ раннюю эпоху начинаетъ принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. Это само собой вытекало изъ становившагося все болѣе и болѣе важнымъ для вывоза разведенія растеній, продукты которыхъ служили предметомъ торговли (вино и оливковое масло), изъ обладанія глиняными залежами и рудниками, изъ овцеводства. Уже у Гомера знатные люди сами предпринимаютъ морскія плаванія, чтобы обмѣнять мѣдь на желѣзо [9]). Братъ высокородной Сафо везетъ грузъ лесбійскаго вина въ Египетъ [10]). Упоминается также и о личномъ участіи аѳинской знати въ морской торговлѣ въ эту эпоху [11]). Даже Ѳеогнидъ, въ другихъ отношеніяхъ въ высшей степени рѣзко выражавшій аристократическое сословное чувство, отдалъ дань духу новаго времени. Онъ потерпѣлъ убытокъ благодаря неудачному исходу одного заморскаго торговаго предпріятія и впослѣдствіи усиленно старался вознаградить себя за потери торговлей «какъ на сушѣ, такъ и на морскомъ просторѣ» [12]). И даже вопреки нѣкоторымъ его этическимъ принципамъ—у него вырывается желаніе: «если бы я былъ богатъ и взысканъ милостью безсмертныхъ, то я не помышлялъ бы объ иной добродѣтели» [13]).

Такимъ образомъ, знать внутренно сближается съ тѣмъ классомъ, для котораго промышленная и торговая спекуляціи стали профессіей, и который благодаря этому скоро сравнялся со знатью въ экономическомъ отношеніи и даже довольно часто превосходилъ ее. Это сближеніе нашло свое выраженіе въ томъ «смѣшеніи благороднаго съ простонароднымъ», которое такъ оплакивалъ знатный поэтъ. «Знатные не стыдятся брать въ жены дочерей простыхъ людей, лишь бы только у нихъ имѣлось большое приданое. И знатныя женщины не стыдятся становиться супругами богатыхъ людей; онѣ жаждутъ богатства, а не знатности. У нихъ въ чести деньги, поэтому знатный женится на дочери богача, а дочь знатнаго человѣка выходитъ замужъ за богача. Деньги перемѣшиваютъ сословія» [14]).— «Не напрасно люди болѣе всего почитаютъ тебя, о Плутосъ; вѣдь съ тобой совмѣстимъ и вульгарный образъ мыслей; съ тобою, о наиболѣе желанный изъ всѣхъ боговъ, и простолюдинъ становится благороднымъ» [15]).

Въ эпоху, до такой степени проникнувшуюся сознаніемъ того, что «богатство есть сила» [16]), и дѣятельность мѣщанъ, сопровождаемая матеріальнымъ успѣхомъ, не могла, въ концѣ концовъ, не влечь за собою перехода въ высшій классъ. Этотъ послѣдній все болѣе и болѣе принимаетъ плутократическій харак-

теръ. Вѣдь уже на рубежѣ восьмого и седьмого вѣковъ было сказано: «честь слѣдуетъ за богатствомъ» [17]). «Имущество—душа несчастнаго смертнаго» [18]), а въ слѣдующемъ вѣкѣ эта мысль была выражена еще рѣзче въ пресловутомъ девизѣ морали состоятельныхъ людей, гласившемъ, что «деньги дѣлаютъ человѣка, и ни у одного бѣдняка нѣтъ чести» [19]). Въ народной полемикѣ Солона [20]) противъ класса, господствовавшаго въ тогдашнихъ Аѳинахъ, моментъ происхожденія совершенно отступаетъ на задній планъ по сравненію съ рѣзкимъ подчеркиваніемъ того факта, что эти «сильные», вмѣстѣ съ тѣмъ, и «блистаютъ въ богатствѣ» [21]), и, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, отстаиваютъ денежные интересы [22]). Точно такъ же обстояло дѣло, напр., и въ Милетѣ, гдѣ въ шестомъ вѣкѣ аристократическая партія представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и партіей богачей κατ' ἐξοχήν [23]) и въ другихъ городахъ, гдѣ аристократовъ называли «дородными» или «тучными» (οἱ παχεῖς), имѣющими «состояніе», деньги. На ряду съ противоположностью между знатными и простолюдинами, въ качествѣ признака классоваго различія, все болѣе и болѣе получаетъ значеніе противоположность между богатыми и бѣдными [24]).

Однако, капиталистическая точка зрѣнія не могла проникать въ крупное землевладѣльческое хозяйство, и старинная аристократія не могла принимать плутократическаго характера безъ соотвѣтственнаго измѣненія цивилизаціи и міровоззрѣнія господствующихъ классовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Благодаря торговлѣ и промышленности открывались совершенно новыя возможности для житейскихъ наслажденій. Въ прежнее время роскошь характеризовалась, главнымъ образомъ, массой потребляемыхъ продуктовъ, причемъ способность индивидуума къ наслажденію все же оставалась ограниченной, вслѣдствіе чего эта роскошь и не могла оказывать рѣшающаго вліянія на весь его образъ жизни. Теперь на первый планъ выдвигаются болѣе утонченныя потребности, соотвѣтствующія развитой культурѣ: великолѣпіе и блескъ жилища, одежды и т. д., и все возраставшее стремленіе къ пріобрѣтенію чужеземныхъ товаровъ. Этого рода роскошь все болѣе проникаетъ во всю жизнь. Какъ замѣтилъ уже Аристотель [25]), она въ силу этого какъ-разъ соотвѣтствовала потребности общественнаго класса, въ которомъ соціальная цѣнность индивидуума опредѣляется, главнымъ образомъ, на основаніи матеріальнаго критерія.

Общеизвѣстны описанія и изображенія жизни іонійскихъ и аттическихъ аристократовъ: блеска ихъ выступленій, пышности похоронъ и т. д. [26]). Они выступаютъ въ высокой обуви, въ пурпурныхъ платьяхъ, распространяя вокругъ себя ароматъ изысканныхъ мазей, съ золотыми браслетами и золотыми украшеніями на лбу и даже съ волосами «въ золотыхъ цѣпяхъ». Послѣднее особенно характерно! Знатные господа желаютъ быть не только «приличными», но и «элегантными». Локоны и замысловато заплетенныя косы, которыми лица, принадлежавшія къ изысканному обществу, наружно рѣзко подчеркивали далекое разстояніе, отдѣлявшее богача отъ бѣдняка, переносятъ насъ въ эпоху роскоши и ancien régime'a. Именно поэтому элегантность доходитъ до жеманства, духъ этикета и условность вообще все усиливаются въ этомъ обществѣ [27]). Такъ какъ общественныя отличія являются признакомъ привилегированнаго соціальнаго положенія, а богатство его главной основой, то выставленію его на показъ придается величайшее значеніе.

Конечно, внѣшняя матеріальная тенденція въ жизни господствующаго общественнаго слоя могла лишь содѣйствовать тому, что хозяйственныя стремленія еще болѣе выступили на первый планъ въ помыслахъ и исканіяхъ. Вѣдь этого рода роскошь и наслажденіе жизнью, какъ мѣтко замѣтилъ Аристотель въ своей психологической мотивировкѣ хрематистики, подобно послѣдней, имѣютъ тенденцію ста-

новиться безпредѣльной [28]). Во всякомъ случаѣ, новое денежное хозяйство дозволяло усиленіе роскоши, переходившей въ такую расточительность, которая, особенно поскольку дѣло идетъ о ея разорительности, была невозможна при старинныхъ натурально-хозяйственныхъ формахъ жизни [29]).

Не мудрено, что все болѣе и болѣе общераспространенной становилась и другая, по существу дѣла родственная вышеупомянутой, тенденція капиталистическаго хозяйства: безпредѣльность его стремленій. И аристократъ, производившій для сбыта на рынкѣ и снаряжавшій свои корабли для морскихъ путешествій, подчинялся закону стремленія къ возможно большей прибыли, ставшему жизненнымъ принципомъ новаго общества. И у него это новое стремленіе къ полученію дохода довольно часто могло вырождаться въ корысть. И его охватывала жажда богатства, всюду возникающая вмѣстѣ съ меркантильной спекуляціей. Слова: «невозможно когда-либо насытить свое сердце богатствомъ» принадлежатъ одному изъ представителей знати этой эпохи [30]).

Конечно, порицаніе словоохотливѣе похвалы именно въ данномъ случаѣ слѣдуетъ воздерживаться отъ ошибочныхъ обобщеній. Все же то обстоятельство, что именно въ томъ родѣ литературы, въ которомъ наиболѣе непосредственно и живо находитъ свое выраженіе настроеніе эпохи, въ лирикѣ именно неугомонная погоня за наживой и наслажденіемъ изображается какъ болѣзнь даннаго времени, наводитъ на размышленія.

Однако, и тѣ представители знати, которые еще не отдались всецѣло стремленіямъ новаго времени, не могли совершенно чуждаться спекулятивной тенденціи. Для того, чтобы аристократическое землевладѣніе могло отстоять свое соціальное положеніе и при новыхъ условіяхъ, созданныхъ денежнымъ хозяйствомъ, ему безпрестанно нужны были деньги. Вѣдь чѣмъ болѣе распространялось денежное хозяйство, тѣмъ ощутительнѣе становилась для всякаго сила денегъ какъ товара, который сталъ для всѣхъ необходимъ, и въ обмѣнъ на который можно было пріобрѣсть все, а въ частности безчисленныя новыя средства для удовлетворенія потребностей, соотвѣтствовавшихъ повысившемуся уровню жизни. Эти средства не могли быть произведены въ собственномъ хозяйствѣ, но безъ нихъ уже нельзя было обойтись [31]). Сложившіяся обстоятельства сами побуждали сельскихъ хозяевъ обращать принадлежавшіе имъ земельные участки въ какъ можно болѣе продуктивный источникъ пріобрѣтенія денегъ.

Необходимо имѣть въ виду все это, чтобы понять жажду къ пріобрѣтенію земли, охватившую въ это время земледѣльческую аристократію. Разъ долженъ былъ подняться денежный доходъ, требовалось повышеніе земельной ренты, размѣры помѣщичьяго хозяйства или, по крайней мѣрѣ, помѣщичьяго землевладѣнія должны были какъ можно болѣе расшириться. Поэтъ шестого вѣка указываетъ на «тучную ниву» тому, сердце котораго жаждетъ богатства; вѣдь нива представляетъ собой «рогъ Амалтеи» [32]). Больше земли и больше дохода—стало лозунгомъ помѣщиковъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ для достиженія этой цѣли.

Такіе случаи могли представляться уже благодаря стариннымъ отношеніямъ кліентской и крѣпостной зависимости и арендным договорамъ, издавна удерживавшимъ часть деревенскаго населенія въ подчиненіи у знати. Эти отношенія, конечно, зачастую доставляли послѣдней возможность обращать крестьянскую землю въ помѣщичью или увеличивать поступавшую въ пользу помѣщика долю дохода насчетъ зависѣвшихъ отъ него людей. Подъ вліяніемъ капиталистическаго индивидуализма эти отношенія теряли свойственный имъ патріархальный характеръ и становились орудіемъ эксплуатаціи ближнихъ. Условія, на которыхъ хозяйничали

однодворцы и арендаторы, снимавшіе землю у помѣщика, измѣнялись по мѣрѣ возможности къ выгодѣ послѣдняго. Если же они не были въ состояніи выполнять свои, ставшія болѣе тяжелыми, обязательства [33]), то помѣщикъ все болѣе и болѣе безпощадно прибѣгалъ къ принудительнымъ мѣрамъ, допускаемымъ суровыми законами о долгахъ по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ ихъ семьями становились его крѣпостными холопами, которыми онъ пользовался, какъ своими рабами, для сельскохозяйственныхъ работъ въ своемъ имѣніи въ качествѣ находящихся въ полной зависимости отъ него рабочихъ, получавшихъ лишь минимумъ, безусловно необходимый для существованія, или, продавая ихъ за границу, онъ такимъ образомъ непосредственно утилизировалъ ихъ для увеличенія своего денежнаго дохода.

Другимъ путемъ, приводившимъ къ желанной цѣли, являлась скупка крестьянскихъ дворовъ, которой чрезвычайно благопріятствовали сложившіяся въ ту эпоху обстоятельства. Вѣдь именно тогда способность среднихъ мелкихъ крестьянъ сопротивляться вожделѣніямъ крупныхъ собственниковъ была въ значительной мѣрѣ ослаблена. Въ такія эпохи крупныхъ экономическихъ переворотовъ слабые всегда оказываются въ невыгодномъ положеніи по сравненію съ болѣе сильными. Крестьянамъ не хватало эластичности, которая позволила бы имъ такъ быстро приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Денежное хозяйство, быстро распространившееся и на мелкія сдѣлки, все болѣе и болѣе вовлекало крестьянина въ общій ходъ экономическихъ оборотовъ. Благодаря этому крестьянинъ попадалъ въ такія условія, съ которыми ему при его некомпетентности въ веденіи дѣлъ и гораздо меньшихъ капиталѣ и кредитоспособности было несравненно труднѣе справиться, чѣмъ помѣщику, обладавшему навыкомъ въ дѣлахъ, и значительнымъ капиталомъ, а, кромѣ того, еще и находившемъ могучую поддержку въ корпоративной солидарности своего класса. При этихъ новыхъ условіяхъ и при подобной конкуренціи для крестьянина зачастую могло оказываться чрезвычайно затруднительнымъ удержаться на своемъ участкѣ и отстоять его отъ стремленій знатныхъ сосѣдей-помѣщиковъ къ расширенію имѣній. Уже трудность добывать деньги, въ которыхъ и онъ теперь все болѣе и болѣе нуждался, должна была часто ставить его въ затруднительное положеніе. Эта трудность являлась одною изъ существеннѣйшихъ причинъ всеобщей и значительной задолженности, которая, какъ мы можемъ констатировать, напримѣръ, для Аттики и Мегары, составляла одно изъ наиболѣе тяжелыхъ экономическихъ и соціальныхъ золъ данной эпохи, хотя, конечно, какъ тамъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ игралъ роль еще и цѣлый рядъ другихъ факторовъ: бѣдствія войны, экономическіе кризисы, слишкомъ значительное увеличеніе населенія и т. д.

Но разъ въ свободной собственности крестьянъ была пробита брешь, въ формѣ долговыхъ обязательствъ, разъ на крестьянской землѣ появились каменные столбы, составлявшіе знакъ отдачи земли въ залогъ [34]), процессъ экспропріаціи крестьянъ неудержимо подвигался впередъ. Сама по себѣ чрезмѣрная высота процента въ эту эпоху и ростовщическая эксплуатація нужды влекли за собой то, что задолженность зачастую кончалась полною неспособностью къ платежу. Въ такомъ случаѣ тотъ, кого кредиторъ оставлялъ на земельномъ участкѣ его отцовъ въ качествѣ жалкаго половника, еще могъ считать себя счастливымъ по сравненію съ тѣмъ, у кого отбиралась земля, присоединяемая къ имѣнію, причемъ ея бывшій владѣлецъ становился пролетаріемъ, работавшимъ на помѣщика или даже несвободнымъ холономъ, чѣмъ-то среднимъ между рабочимъ скотомъ и человѣкомъ.

Такимъ образомъ, процессъ, благодаря которому сельское хозяйство прини-

мало капиталистическій характеръ, все болѣе и болѣе подвигался впередъ. Среди землевладѣльцевъ все осязательнѣе обнаруживалась тенденція къ распаденію на два обособленныхъ другъ отъ друга въ соціальномъ отношеніи класса, изъ которыхъ одинъ обладалъ орудіями производства, землей, сырьемъ и инструментами, а другой только—или почти только—своей рабочей силой, не имѣя притомъ часто возможности даже и ею свободно располагать. Вѣдь часть свободныхъ людей утратила даже и право самостоятельно работать и зарабатывать. Долговая кабала давала кредитору, ставшему господиномъ должника, право собственности на трудъ и заработокъ холопа. Онъ могъ располагать личностью послѣдняго, поскольку это было сопряжено съ пользованіемъ вышеупомянутымъ правомъ собственности. Такимъ образомъ, это послѣднее превратилось въ право собственности на личность самого должника. Въ данномъ случаѣ вполнѣ оправдались роковыя слова: «предоставивъ землю спекулятивной эксплуатаціи и отдачѣ въ залогъ, тѣмъ самымъ закабалили ея обитателей» [35]).

«Земля была порабощена»,—говоритъ Солонъ объ Аттикѣ въ современную ему эпоху. «Благодаря произволу или суровымъ законамъ... не одинъ попалъ въ неволю. Не одинъ въ отчаяніи бѣжалъ отъ долговой кабалы, скитаясь вдали по чужимъ странамъ, забывая звуки родного языка, безъ пріюта» [36]).

Къ тому же въ этой экономической борьбѣ знати противъ крестьянъ на сторонѣ первой было не только превосходство въ хозяйственномъ отношеніи, но и всѣ тѣ преимущества, которыя вытекали изъ обладанія властью. Вѣдь изъ рядовъ правящихъ господъ назначались судьи и органы администраціи, выполнявшіе судебныя функціи и налагавшіе пени и штрафы. Аристократами были жрецы, которые одни только были въ состояніи истолковывать, что благоугодно богамъ. Это были страшныя орудія въ рукахъ класса, готоваго безцеремонно утилизировать занимаемую имъ сильную позицію въ своихъ интересахъ. Къ тому же не только жалобы угнетенныхъ, но и сообщенія самихъ членовъ господствующаго класса устанавливаютъ тотъ фактъ, что переживаемая аристократіей капиталистическая и плутократическая эволюція зачастую сопровождалась вырожденіемъ въ эксплуататорское классовое господство. Вѣдь соединеніе богатства и чрезмѣрной политической власти въ рукахъ какого-либо общественнаго класса естественно должны, какъ замѣтилъ уже Аристотель, сдѣлать этотъ классъ высокомѣрнымъ и алчнымъ [37]).

Озлобленіе, вызванное этимъ общественнымъ деспотизмомъ, нашло трогательное выраженіе въ словахъ басни, съ которою пѣвецъ-крестьянинъ изъ бѣдной деревни на Геликонѣ обращается къ властителямъ, «которые пусть хорошенько вдумаются въ нее»:

«Такъ говорилъ, обращаясь къ сладкозвучному соловью ястребъ,
Схвативъ его цѣпкими когтями и унося высоко подъ облака;
А соловей жалобно стоналъ, будучи терзаемъ кривыми когтями,
И вотъ ястребъ, сознавая свою силу, сказалъ ему:
Что ты стонешь, глупецъ! Вѣдь ты въ плѣну у болѣе сильнаго,
Какъ ни звучно твое пѣніе, ты очутишься тамъ, гдѣ я захочу.
Я сдѣлаю съ тобой, что вздумается: или съѣмъ тебя, или выпущу» [38]).

Предъ господами слабый чувствуетъ себя **безправнымъ**, будучи **безсильнымъ**. Онъ чувствуетъ, что по отношенію къ нему просто примѣняется грубое право сильнѣйшаго, господствующее въ неразумной природѣ, гдѣ «рыбы и лѣсные звѣри и быстрыя пернатыя птицы пожираютъ другъ друга, не вѣдая права» [39]), признаваемаго въ болѣе возвышенномъ нравственномъ мірѣ. Это чув-

ство продиктовало неизвѣстному поэту нессимистическое нравоученіе, относящееся къ вышеприведенной баснѣ:

Безумецъ тотъ, кто осмѣливается тягаться съ сильными;
Онъ никогда не выиграетъ дѣла, и, кромѣ несчастья, его постигнетъ еще и позоръ» [40]).

Возвышенная богиня права, «Дике, сѣтуя, обходитъ городъ и людскія жилища, ее отталкиваетъ продажность властителей, гнусно искажающихъ право, постановляющихъ неправильныя рѣшенія, готовящихъ бѣды другимъ» [41]). Конечно, и къ нимъ относятся жалобы поэта на «ненавистныхъ богамъ и людямъ» лѣнивыхъ трутней, «пожирающихъ плоды труда старательныхъ пчелъ» [42]).

Нельзя, конечно, обобщать эти выраженія человѣка, озлобленнаго постигшими его тяжелыми личными испытаніями. Однако, то крайне рѣзкое сужденіе, которое столь безпристрастный свидѣтель, какъ Солонъ, высказалъ о членахъ своего сословія, показываетъ, до какой степени недостатки, вызывавшіе жалобы Гесіода на его родинѣ, стали распространеннымъ явленіемъ къ концу этого періода. Въ своемъ предостереженіи противъ «любостяжанія богачей», какъ выражается Аристотель [43]), Солонъ называетъ алчное сребролюбіе и высокомѣріе богачей источникомъ всѣхъ соціальныхъ конфликтовъ своего времени. Онъ говоритъ о надменности и о неумѣренныхъ желаніяхъ этихъ богачей, которые, пользуясь на лонѣ блаженства обильными благами, тѣмъ не менѣе, не хотятъ обуздать свою алчность и, пресыщаясь, безвольно впадаютъ въ пороки [44]). «Тѣ изъ насъ, которые больше всѣхъ имѣютъ»,—жалуется онъ, превосходно изображая соціальныя отношенія и говоря о характерномъ для различныхъ профессій стремленіи къ наживѣ,—«напрягаются вдвое. Кто могъ бы всѣхъ ихъ удовлетворить» [45])? Въ другомъ стихотвореніи говорится: «Вслѣдствіе своего неразумія они сами содѣйствуютъ гибели государства, будучи увлекаемы корыстью на ложный путь». «Вожди народа несправедливы; имъ скоро придется тяжело поплатиться за тяжкіе проступки. Они не умѣютъ сдерживать своей жадности къ деньгамъ и къ сокровищамъ; имъ недостаточно мирно наслаждаться своимъ достаткомъ [46]). Прибѣгая къ недобросовѣстнымъ поступкамъ и къ насилію, они увеличиваютъ свое богатство, безстыдно расхищаютъ достояніе храмовъ и государства; они грабятъ одинъ тамъ, а другой здѣсь. Они не обращаютъ вниманія на священныя постановленія Дики, молчаливо допускающей то, что уже совершилось, и все еще продолжаетъ совершаться. Но со временемъ она явится, и тогда послѣдуетъ возмездіе. Государству уже нанесены неизлѣчимыя раны; оно быстрыми шагами устремляется къ гнусному рабству, или же вспыхнетъ возстаніе, и подымется дремлющая гражданская война, которая погубитъ многихъ жизнерадостныхъ юношей».—«Такое бѣдствіе подготовляется въ народѣ; многихъ бѣдняковъ, скованныхъ позорными цѣпями, продаютъ на чужбину, и они должны, подчиняясь насилію, выносить жалкую долю рабовъ». Нѣкоторые попали въ неволю на чужбину не въ силу суровыхъ законовъ, но благодаря произволу, вслѣдствіе котораго «не одинъ въ отчаяніи бѣжалъ отъ долговой кабалы, скитаясь изъ одной страны въ другую, забывая звуки родного языка, безъ пріюта». Что же касается порабощенныхъ на родинѣ, то на нихъ тяготѣетъ не только позоръ неволи, но имъ приходится еще и трепетать предъ жестокосердымъ господиномъ» [47]).

Вѣдь одинъ изъ господъ, и притомъ не изъ худшихъ, далъ господской морали такую формулировку, которая дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ страхъ угнетенныхъ. Правда, «рыцарское зерцало нравовъ знати», какъ называютъ поэтическія произведенія Ѳеогнида мегарскаго, написаны подъ вліяніемъ настроенія, объясняемаго

крайнею озлобленностью, вызванною уже возгорѣвшеюся классовою борьбою. Поэтому нельзя безъ дальнихъ околичностей возлагать на господствующій классъ, какъ таковой, отвѣтственность за предъявляемое Ѳеогнидомъ къ членамъ своего класса грубое требованіе: «попирай пятой неразумный народъ, бей его острымъ орудіемъ и прочно наложи иго на его упрямую выю. Ты не найдешь среди народовъ, которымъ свѣтитъ солнце, народа, до такой степени любящаго деспотовъ» [48]). Но не соотвѣтствуетъ ли фактически тяжкое иго, уже наложенное мегарской знатью на зависимый классъ, «на низкихъ, на трусовъ, на подлыхъ», какъ ихъ называетъ Ѳеогнидъ, провозглашаемому имъ принципу управленія и высокомѣрному пренебреженію, съ которымъ этотъ мегарскій юнкеръ смотритъ на «неразумный народъ» [49])? Съ глубокимъ сожалѣніемъ онъ вспоминаетъ о томъ времени, когда простолюдины «не вѣдали права и закона», когда люди съ козьими шкурами на плечахъ, которые теперь до такой степени въ чести, еще паслись за городскими воротами, подобно оленямъ» [50]). Во всякомъ случаѣ, наивное желаніе знатнаго поэта: «хорошо было бы, если бы всѣ благородные обладали богатствомъ, простолюдину же подобаетъ трудиться въ нуждѣ» вполнѣ выражало помыслы властителей [51]). Было справедливо замѣчено, что при чтеніи этихъ и проникнутыхъ совершенно такимъ же партійнымъ духомъ стихотвореній принадлежавшаго къ тому же самому классу Алкея [52]) не можетъ не броситься въ глаза прямо-таки феодально-высокомѣрный тонъ по отношенію къ низкимъ классамъ, проходящій красной нитью чрезъ всѣ эти заявленія политическихъ принциповъ.

До какой степени характерно сравненіе деревни и ея крестьянскаго населенія съ паркомъ, полнымъ дичи,—сравненіе, такъ рельефно выражающее одушевляющій мегарскаго юнкера паѳосъ знатности и разстоянія [53])! Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній выводъ изъ этой господской морали, таковъ: все, что принадлежитъ къ массѣ, представляется полезнымъ стаднымъ животнымъ, существующимъ въ конечномъ счетѣ лишь для того, чтобы служить интересамъ привилегированнаго класса. Мысль о тѣхъ обязанностяхъ, которыя болѣе высокое положеніе налагало на господствующее сословіе, о тѣхъ общественныхъ функціяхъ, на которыхъ всецѣло основывалось нравственное оправданіе господства, все болѣе и болѣе вытѣсняется такимъ воззрѣніемъ на жизнь, при которомъ обладаніе властью представлялось лишь средствомъ для удовлетворенія классоваго эгоизма.

2. Пробужденіе массы и революціонизированіе общества.

Такимъ образомъ, въ общественной жизни обнаружилось рѣзкое противорѣчіе. Патріархальное отношеніе покровительства и охраны, согласно добрымъ традиціямъ аристократіи долженствовавшее соединять знать и народъ, уступило мѣсто по существу дѣла иному отношенію всюду, гдѣ проявились вышеуказанныя тенденціи. Теперь низшій видѣлъ, что высшій, долженствовавшій служить для него «оградой и твердыней» [1]), третируетъ его, руководясь исключительно чисто-экономическимъ разсчетомъ, причемъ принципъ noblesse oblige, болѣе возвышенныя нравственныя соображенія, совершенно отступили на задній планъ. Онъ зналъ, что сила, призваніе которой заключалось въ томъ, чтобы охранять его, теперь угрожала его экономическому и соціальному существованію и во многихъ отношеніяхъ прямо-таки губила его. Онъ видѣлъ, что даже и государственная власть, которая, казалось бы, должна была отстаивать права каждаго, была вынуждена

служить классовымъ интересамъ, все болѣе и болѣе оказывавшимся враждебными ему.

Но въ жилахъ грековъ текла горячая южная кровь, и среди угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ неизбѣжно должно было возникнуть глубокое озлобленіе. Къ этому озлобленію у столь живого народа вскорѣ естественно присоединилось размышленіе относительно того, имѣетъ ли въ самомъ дѣлѣ внутренее оправданіе правовой порядокъ, существованіе котораго означаетъ для столь многихъ безнадежную нищету? Разъ люди чувствуютъ, что они—жертвы соціальной несправедливости, у нихъ пробуждается критика, приводящая къ отрицанію существующаго.

Для насъ первымъ симптомомъ этого пробужденія массы являются поэтическія произведенія Гесіода. Та рѣзкая и прямодушная критика, которой онъ подвергаетъ классовое господство знати, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, хотя онъ еще и не возстаетъ противъ аристократическаго общественнаго строя, какъ такового. Господствующія власти и тотъ правовой порядокъ, на которомъ основывалось ихъ могущество, укоренились во всѣхъ его представленіяхъ о вещахъ слишкомъ прочно для того, чтобы у него могла возникнуть мысль о соціальномъ переворотѣ. Вообще для него имѣли рѣшающее значеніе не внѣшніе моменты, а нравственно-религіозныя точки зрѣнія. Онъ усматриваетъ источникъ какъ соціальнаго счастья, такъ и всѣхъ соціальныхъ бѣдствій не въ учрежденіяхъ, а въ образѣ мысли людей. Его пѣсня о трудѣ живо напоминаетъ въ этомъ отношеніи образующія столь важную стадію въ исторіи соціализма новаго времени литературныя произведенія, въ которыхъ мысль о соціальной реформѣ сочеталась съ христіанскимъ и этическимъ идеализмомъ [2]). Эта точка зрѣнія еще признаетъ основы существующаго порядка. Но представляется желательнымъ, чтобы произошло измѣненіе въ мышленіи и чувствахъ людей. Лозунгомъ, осуществленіе котораго одно только въ состояніи излѣчить всѣ бѣдствія эпохи, является измѣненіе образа мыслей.

Гесіодъ также ждетъ истинныхъ чудесъ общественнаго возрожденія отъ того, что мы могли бы, пользуясь нынѣшней фразеологіей, назвать новымъ соціальнымъ духомъ. Въ душѣ боговдохновеннаго пѣвца живетъ дѣтская вѣра въ то, что для освобожденія міра отъ всѣхъ соціальныхъ и экономическихъ золъ требуется лишь нравственно-религіозное обновленіе общества, вѣра, которую мы находимъ и у псалмопѣвца, у пророковъ, а равнымъ образомъ и у христіанскихъ соціалистовъ.

Тамъ, гдѣ каждому—какъ аборигену, такъ и чужестранцу—воздаютъ должное (suum cuique!) и никогда не покидаютъ стези добродѣтели, городъ, по мнѣнію Гесіода, долженъ процвѣтать, а его обитатели преуспѣваютъ. Въ странѣ господствуетъ вѣчный миръ. Они предаются лишь веселымъ занятіямъ, и голодъ никогда не угрожаетъ имъ [3]). Вѣдь земля доставляетъ имъ обильные плоды, и шерстистая овца чуть ли не изнемогаетъ подъ тяжестью своей ноши. Женщины рождаютъ тамъ только дѣтей, подобныхъ отцамъ. Словомъ, всѣ наслаждаются постояннымъ счастьемъ. Имъ никогда не приходится садиться на корабли: они довольствуются плодами доставляющей пищу земли. Такимъ образомъ, благодаря добродѣтели и справедливости, расцвѣлъ бы земной рай, напоминающій ту блаженную волшебную страну, которая вѣдь нѣкогда дѣйствительно существовала.

Но развѣ можно надѣяться на то, что когда-либо произойдетъ нравственное обновленіе общества, безъ котораго это блаженство и вообще какой бы то ни былъ прогрессъ представляются поэту недостижимыми? Рядъ опытовъ, относившійся къ суровой дѣйствительности, окружавшей Гесіода, и вызванное ими его душевное настроеніе были слишкомъ печальны для того, чтобы онъ могъ дать на этотъ

вопросъ утвердительный отвѣтъ; нигдѣ поэтому онъ не видитъ пути, ведущаго къ избавленію. Оборотной стороной его этическаго идеализма—и этимъ онъ отличается отъ вышеупомянутаго новѣйшаго реформаторскаго утопизма—является безпредѣльный пессимизмъ по отношенію къ существующему. Онъ убѣжденъ въ томъ, что, вслѣдствіе безсмысленнаго господства грубыхъ силъ, общество обречено на непрерывное ухудшеніе всѣхъ отношеній. Въ концѣ концовъ, наступитъ соціальное разложеніе, борьба всѣхъ противъ всѣхъ!

> Сынъ никогда не сойдется съ отцомъ, ни отецъ съ сыномъ,
> Ни гость съ хозяиномъ, ни товарищъ съ товарищемъ,
> Братъ не будетъ милъ брату, какъ это бывало прежде [4]).

Воцарится кулачное право [5]). Справедливый и добропорядочный не будетъ ни во что считаться; всесильны будутъ зачинщикъ бѣдъ и злодѣй. Скромность и стыдъ удалятся на небо; у смертныхъ останутся нужда и печаль, и ничто не отвратитъ бѣды, пока Зевсъ не истребитъ всего человѣческаго рода [6]). Лишь совершенно новое твореніе, новое человѣчество могло бы осуществить иной и лучшій порядокъ вещей [7]).

Само по себѣ это настроеніе въ духѣ fin de siècle было, конечно, безплодно въ соціально-политическомъ отношеніи. Но какая революціонизирующая сила заключалась, тѣмъ не менѣе, въ этомъ поэтическомъ произведеніи Гесіода. Тысячи людей находили въ немъ увлекательное и страстное выраженіе того, что кипѣло въ ихъ сердцахъ и стремилось такъ или иначе проявиться. Какъ зажигательны хотя бы разсказъ о ястребѣ и трогательная жалоба соловья, терзаемаго когтями хищной птицы! Какъ трогательно воспроизводятся въ ней душевныя трагедіи безчисленныхъ неизвѣстныхъ, не воспѣтыхъ ни чьей лирою. Что должны были ощущать бѣднякъ, которому грозила гибель подъ непосильнымъ гнетомъ, порабощенный, бѣжавшій отъ долговой кабалы и лишившійся, такимъ образомъ, родины, когда странствующій рапсодъ затрагивалъ эти струны! Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ, по выраженію, приписываемому Александру Великому и Клеомену спартанскому, поэтъ представителей ручного труда, пастуховъ, крестьянъ и батраковъ. Да вѣдь и самъ Гесіодъ обращается со своею пѣснью къ массѣ, е й излагаетъ онъ свое дѣло, голосъ *народа* долженъ помочь ему въ борьбѣ за право. Итакъ, его стихи являются какъ бы поэтическими буревѣстниками, ясно предвѣщающими собирающуюся разразиться надъ власть имущими грозу, приближеніе революціи [8]).

Вѣдь борьба, за которую въ данномъ случаѣ взялось *отдѣльное лицо*, вскорѣ должна была, въ силу внутренней необходимости, перейти въ *классовую* борьбу. Вѣдь въ индивидуальной несправедливости, отъ которой страдало отдѣльное лицо, лишь выразилась въ особенно рельефной формѣ *соціальная* несправедливость, отъ которой страдалъ весь низшій классъ. Стремленіе власть имущихъ укрѣпить классовое господство, ставшее соціальною несправедливостью, и какъ можно болѣе интенсивно пользоваться своими привилегіями, влекло за собой невыгодныя послѣдствія не только для индивидуумовъ, но и для всего низшаго класса. Чѣмъ явственнѣе обнаруживалось, что господство высшаго класса, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, все усиливалось за счетъ достатка, труда и даже свободы низшаго класса, чѣмъ яснѣе становилось, что увеличившійся, благодаря общему экономическому подъему продукта, трудъ низшаго все болѣе и болѣе односторонне доставался одному высшему, тѣмъ отчетливѣе выяснялось, что въ данномъ случаѣ страдало и подавлялось развитіе не только отдѣльныхъ лицъ, но массы, какъ таковой, причемъ этому развитію былъ враждебенъ не тотъ или дру-

гой индивидуумъ, принадлежавшій къ господствующему классу, но этотъ классъ, какъ таковой.

Изъ ощущеній, вызываемыхъ въ умахъ индивидуумовъ гнетомъ классоваго господства, слагалось единое массовое сознаніе. И въ массѣ пробудилось сознаніе особаго классоваго интереса. Она начала чувствовать себя самостоятельной группой, объединенной одинаковостью экономическихъ и соціальныхъ интересовъ. Вскорѣ это чувство стало тѣмъ болѣе враждебнымъ по отношенію къ господствующему классу, чѣмъ болѣе именно этотъ послѣдній представлялся истиннымъ виновникомъ нищеты массы, и чѣмъ ощутительнѣе становился контрастъ между этой нищетой и тѣмъ блескомъ, который такъ любило выставлять на показъ высшее общество. И не нищета сама по себѣ, а, главнымъ образомъ, этотъ контрастъ порождалъ въ массахъ ненависть [9]), непримиримость которой объясняется тѣмъ, что къ ней примѣшивалось чувство зависти. Если интенсивность современной классовой ненависти объяснялась тѣмъ, что лицами, окруженными такимъ блескомъ, оказываются уже не властители, а тѣ, отъ которыхъ массы чувствуютъ себя зависимыми, въ чьей экономической власти они находятся непосредственно, въ которыхъ онѣ усматриваютъ своихъ такъ называемыхъ эксплуататоровъ, то это примѣнимо и къ эпохѣ возникновенія античной соціалъ-демократіи. Это вовсе не «контрастъ, специфически свойственный новому времени» [10]), но явленіе столь же старое, какъ и исторія соціализма вообще.

Но разъ въ массѣ пробудилось общественное сознаніе, дальнѣйшее развитіе могущественно толкало идти далѣе той точки зрѣнія, съ которой относился къ существующему еще Гесіодъ. Изолированный и слабый индивидуумъ могъ, особенно въ такую эпоху, когда могущество господствовавшихъ соціальныхъ силъ еще оставалось совершенно непоколебленнымъ, инертно относиться къ неизбѣжной для него лично, быть-можетъ, гибели; наоборотъ, у массы сознаніе безысходной соціальной нищеты скоро должно было уступить мѣсто другому настроенію—надеждѣ на лучшее будущее. Къ тому же, подъ вліяніемъ общаго подъема народнаго хозяйства, наступила эпоха, характеризовавшаяся усиленіемъ классоваго движенія.

Вѣдь тотъ слой народа, на которомъ болѣе всего тяготѣлъ гнетъ классоваго господства, а именно сельскіе рабочіе и колоны, работавшіе на крупныхъ помѣщиковъ, и мелкіе крестьяне, часть которыхъ едва удерживала въ своихъ рукахъ принадлежавшіе имъ клочки земли, отнюдь не оставались одинокими въ борьбѣ противъ существующаго, возгорѣвшейся, начиная съ седьмого вѣка, въ передовыхъ мѣстностяхъ греческаго міра [11]). Къ нимъ присоединились сплоченныя массы наемныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и людей, занимавшихся разными промыслами, все болѣе и болѣе сосредоточивавшіяся въ городахъ благодаря грандіозному расцвѣту промышленности, торговли и судоходства. Они оказывались могучимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ плутократически-аристократическаго классоваго господства, гнетъ котораго, конечно, зачастую ощущался и въ промышленной жизнедѣятельности этихъ общественныхъ классовъ. Партія «кулаковъ», которая, какъ мы видѣли, боролась въ Милетѣ въ шестомъ вѣкѣ противъ партіи «богачей» [12]), состояла, надо полагать, главнымъ образомъ, изъ элементовъ, принадлежавшихъ къ этой массѣ городского населенія. Еще важнѣе, что, повидимому, съ самаго начала въ движеніи принимали участіе и имущее среднее сословіе и входившая въ его составъ интеллигенція. Вѣдь и среднее сословіе находило, что господствующій классъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, угрожалъ его экономической и соціальной самостоятельности. Несомнѣнно, многимъ сравнительно крупнымъ владѣльцамъ рано или поздно угрожала такая же экспропріація, какъ и менѣе спо-

собнымъ къ сопротивленію мелкимъ крестьянамъ. Что же касается высшаго слоя средняго сословія, быстро преуспѣвавшаго въ экономическомъ отношеніи, въ особенности въ городахъ, то ему-то именно и принадлежала руководящая роль въ борьбѣ противъ господствующаго класса, такъ какъ онъ все болѣе и болѣе приближался къ этому послѣднему въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ и все болѣе и болѣе усматривалъ нестерпимую несправедливость въ томъ, что для него были недоступны выпадавшія на долю господствовавшаго класса почести и права.

Всѣ общественные классы, кромѣ привилегированнаго, были охвачены, такимъ образомъ, однимъ грандіознымъ революціоннымъ движеніемъ. Съ политическими требованіями имущихъ и образованныхъ элементовъ народа соединяется стремленіе обездоленныхъ классовъ къ улучшенію своего экономическаго и общественнаго положенія. Вѣсъ большого числа усиливалъ первыхъ въ ихъ борьбѣ за равноправіе, а, съ другой стороны, именно благодаря этому масса начала сознавать свою силу. Ея экономическія требованія находили могучее поощреніе, тѣмъ болѣе, что господствовавшій классъ, лишившійся теперь поддержки со стороны средняго сословія, въ большинствѣ случаевъ оказывался изолированнымъ въ борьбѣ противъ движенія. Это соединеніе партійной политической злобы и соціальной ненависти вполнѣ придаетъ внутренней усобицѣ, начавшейся уже въ седьмомъ и продолжавшейся еще съ большей силой въ шестомъ вѣкѣ, характеръ классовой борьбы. Благодаря ей разгораются всѣ тѣ ужасныя страсти и преступные инстинкты, которые только можетъ пробуждать въ груди людей борьба за обладаніе, за матеріальное существованіе.

Изгнаніе, конфискація имуществъ, казни стали обычнымъ явленіемъ. Послѣ кровавыхъ революцій нерѣдко наступала жестокая реакція, которая, со своей стороны должна была дѣлать немыслимой всякую надежду на мирное соглашеніе. Мегарскій юнкеръ жаждетъ напиться «темной крови противниковъ» столь же необузданно и страстно, какъ герои гомеровскаго эпоса жаждали «съѣсть сырымъ» мясо своихъ враговъ. Съ другой стороны, въ Милетѣ побѣдившій народъ разъ притащилъ дѣтей изгнанныхъ аристократовъ на тока, чтобы они были растоптаны дикими быками. Впослѣдствіи, въ отместку за это, аристократы, вымазавъ дѣтей демократовъ смолою, сожгли ихъ. Общество было потрясено въ своихъ устояхъ. Всѣмъ, высшимъ и низшимъ, приходилось страдать. «Общественное бѣдствіе—сѣтуетъ аѳинянинъ Солонъ—проникаетъ въ жилище каждаго; ворота уже не преграждаютъ ему доступа; оно перескакиваетъ черезъ высокія стѣны и настигаетъ даже и тѣхъ, которые укрываются на брачномъ ложѣ и въ самыхъ дальнихъ углахъ. Вслѣдствіе неизбѣжнаго недуга каждый городъ порабощается, до такой степени одолѣваютъ его гражданскіе раздоры и усобицы, отъ которыхъ гибнетъ цвѣтущая молодежь. Ибо враги (т.-е. внутренніе враги государства и порядка) скоро разрушатъ его пагубнымъ скопищемъ» [13]). «Съ убавленными парусами—читаемъ мы у другого, неизвѣстнаго поэта [14])—плывемъ мы въ темную ночь изъ малійскаго моря. Волны заливаютъ судно черезъ оба борта. И все-таки они не хотятъ вычерпать воды! Трудно будетъ кому-либо спастись при ихъ образѣ дѣйствій! Они удалили благоразумнаго рулевого. Они силой грабятъ деньги, порядка нѣтъ, прекратилось справедливое распредѣленіе [15]). Носильщики распоряжаются, сбродъ (οἱ κακοὶ) оказывается сильнѣе добропорядочныхъ людей. Такъ—я опасаюсь—волны поглотятъ судно».

«Я боюсь—восклицаетъ знатный мегарскій поэтъ, обращаясь къ другу,—что надменность, вызвавшая нѣкогда гибель дикихъ кентавровъ, погубитъ и нашъ

городъ. И нашъ священный городъ полонъ кичливости, и въ немъ совершаются такіе же поступки, какъ нѣкогда въ Магнезіи. Не надѣйся на то, чтобы въ городѣ сохранилось спокойствіе; онъ уже чреватъ, и я опасаюсь, что онъ породитъ дерзкаго зачинщика мятежа, мстителя за нашу пагубную кичливость» [16]). И послѣ катастрофы: «правда, городъ еще остается городомъ; но народъ сталъ инымъ. Тѣ, которые прежде не вѣдали закона и права, которые—съ козьими шкурами на плечахъ—паслись подобно оленямъ за городскими воротами, теперь стали благородными. Простолюдины добились должностей и почестей; то—что принадлежитъ знати, стало достояніемъ простолюдиновъ [17]). Бывшіе благородные стали простолюдинами. Кто можетъ вынести подобное зрѣлище? Теперь они весело обманываютъ другъ друга и не знаютъ, ни что хорошо, ни что дурно [18]). Они издали невыносимые законы. Стыдъ исчезъ, безстыдство и кичливость побѣдили и воцарились во всей странѣ [19]). Теперь она погибла и досталась воронамъ. Но во всемъ этомъ виновенъ не кто-либо изъ блаженныхъ боговъ, а насиліе, гнусная алчность и кичливость людей лишили насъ великаго счастья и ввергнули въ бѣду. Насъ постигло великое бѣдствіе; о, если бы мы теперь же умерли [20])»!

Нужно знать эти изображенія тогдашняго настроенія, чтобы выяснить себѣ, до какой степени все существующее было въ данномъ случаѣ поколеблено въ своихъ устояхъ, и какія въ высшей степени неумѣренныя надежды не только на политическій, но и на соціальный переворотъ могъ порождать стремительный радикализмъ среди этой насильственной ломки стараго у страстныхъ людей, ни предъ чѣмъ не останавливавшихся въ своихъ крайнихъ выводахъ. До какой степени должно было быть поколеблено и сбито съ толку при этой быстрой смѣнѣ революцій и контръ-революцій общественное правовое сознаніе, въ особенности же правовое сознаніе грубой массы, все болѣе и болѣе сознававшей, что при большинствѣ переворотовъ рѣшающую роль играли ея кулаки! Если даже и буржуазныя партіи старались снискать благорасположеніе черни, безъ содѣйствія которой онѣ не могли обойтись, если онѣ зачастую оказывались вынужденными давать волю ея инстинктамъ, то благодаря этому должны были возникать притязанія, далеко выходившія за предѣлы стремленія къ умѣренно-буржуазнымъ реформамъ. Къ тому же извѣстенъ психологическій фактъ, что въ эпохи сильнаго возбужденія именно наиболѣе крайнія направленія обыкновенно получаютъ значеніе, далеко превышающее ихъ численную силу.

Однако, помимо этихъ спеціальныхъ причинъ возникновенія коммунистическисоціалистическихъ идей имѣетъ значеніе еще и рядъ общихъ моментовъ: вся духовная атмосфера эпохи, своеобразный характеръ которой долженъ быть принятъ въ соображеніе для надлежащаго пониманія соціальнаго движенія, т.-е. для пониманія его въ его исторической обусловленности и въ его причинной связи.

Для того, чтобы въ общемъ охарактеризовать данную эпоху, можно указать, какъ на главный ея признакъ, на необычайную живость и подвижность, представлявшія собой нѣчто небывалое по сравненію съ предшествовавшими эпохами. Благодаря распространенію греческаго народа по всему средиземному міру, развитію сношеній, денежному хозяйству, все прогрессировавшей политической и соціалистической эмансипаціи, всѣ слои народа стали текучими; сдѣлались возможными небывалая до тѣхъ поръ свобода передвиженія индивидуумовъ и быстрота соприкосновенія между отдѣльными элементами общества. Наступила эпоха массовыхъ движеній и массовыхъ дѣйствій. Близкіе другъ къ другу въ силу однородности профессіи, труда и интересовъ элементы организуются въ сплоченныя массы. И эти соціальныя группы, объединенныя общностью представленій, чувствованій и волевыхъ

импульсовъ, энергически вмѣшиваются въ конфликты этой эпохи, какъ въ народныя собранія и въ рукопашный бой. Сплоченная организація становится главнымъ оружіемъ политической и соціальной эмансипаціи. Даже и наиболѣе неподвижный изъ общественныхъ элементовъ, крестьяне, не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ болѣе подвижныхъ городскихъ классовъ. Сорганизовавшись профессіонально, они выступаютъ, напр., въ Аттикѣ, въ качествѣ особой сплоченной партіи на ряду съ партіей «деміурговъ» [21]). Это были древнѣйшія, исторически извѣстныя организаціи труда на европейской почвѣ.

Въ связи съ этой большею подвижностью жизни находится и повышеніе интенсивности мышленія и ощущеній. Экономическая конкуренція, погоня за наживой и наслажденіемъ, полная превратностей борьба за общественную и политическую власть, повлекли за собой въ жизни какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ классовъ, безпокойство, суетливость, неувѣренность, весьма интенсивно отражающіяся въ эмоціональной жизни данной эпохи. Полнота внутреннихъ и внѣшнихъ переживаній, нахлынувшихъ на индивидуума въ подобную эпоху, стремилась къ страстному обнаруженію. Возникла потребность передавать другимъ то, что открывалось ставшему болѣе свободнымъ взору, явилось желаніе воздѣйствовать на другихъ. Вскорѣ это влеченіе и стремленіе, это глубокое возбужденіе всей эмоціональной жизни, нашли себѣ и совершенно новыя формы выраженія. Это была эпоха лирики. Великіе государственные дѣятели и законодатели обращаются въ стихахъ ко всему народу; на ряду съ ними, на ряду съ тиранами и демагогами, возвышаютъ свой голосъ и пѣвцы и поэты и мечутъ свои крылатые стихи въ страстно возбужденныя массы. Борются не только мечомъ, но и лирой и словомъ [22]). «И конечно, зачастую это оказывало не меньшее дѣйствіе, чѣмъ памфлеты и пресса въ новое время. Какъ характерны, напр., выраженія о сокрушительной силѣ сатиры такого поэта, какъ Архилохъ. Въ нихъ выражается, какъ на это было очень мѣтко указано, не только пробуждающееся аггрессивное чувство собственнаго достоинства, свойственное проникнутой субъективизмомъ эпохѣ, но и уже вполнѣ соотвѣтствующее духу новаго времени сознаніе силы пера [23]), или, какъ тогда выражались сторонники стараго, «исчезновеніе стыда!» [24]).

Могучее теченіе, характеризующееся новыми субъективными чувствами и новымъ суъективнымъ мышленіемъ, наполняетъ эту эпоху и пробивается сквозь господствовавшій до того времени идейный кругозоръ. На первый планъ выступаютъ новыя воззрѣнія и новыя понятія, новые интересы, и они придаютъ внѣшней и внутренней жизни данной эпохи существенно иной отпечатокъ. Пользуясь недавно введеннымъ въ употребленіе въ исторіи соціализма выраженіемъ [25]), его можно охарактеризовать какъ «революціонаризмъ» данной эпохи. Все стало текучимъ: государство и право, хозяйство и общество, наука и искусство, обычай и религія [26])!

Старое государство разрушается, сословныя привилегіи уничтожаются, вмѣсто нихъ возникаетъ общее гражданское право. И «худые» могутъ пріобрѣсть это право и стать «добропорядочными» [27]). Равнымъ образомъ, и въ другихъ сферахъ права происходитъ преобразованіе, смѣло отступающее отъ традиціи, отъ историческаго права, коль скоро того требуютъ соображенія, относящіяся къ цѣлесообразности, къ раціональности, къ новымъ потребностямъ данной эпохи. И до какой степени характерна для этой эпохи вѣра въ то, что въ состояніи совершить высшая духовная сила, приступивъ къ разрѣшенію великихъ реформаторскихъ задачъ! Часто отдѣльное лицо, облаченное всеобщимъ довѣріемъ и абсолютными полномочіями, по личному благоусмотрѣнію устанавливаетъ новый порядокъ вещей.

И притомъ до какой степени революціонизируются нравы и воззрѣнія на жизнь! Новый демократическій духъ начинаетъ мало-по-малу возставать противъ того, чтобы знать продолжала попрежнему выражать внѣшнимъ образомъ разстояніе, отдѣляющее ее отъ народа. Начинается эпоха, характеризующаяся изданіемъ строгихъ законовъ противъ роскоши, упрощеніемъ уклада внѣшней жизни, все болѣе и болѣе устраняющей оскорбительный блескъ, свойственный прежней эпохѣ. Въ мѣстностяхъ, охваченныхъ вышеуказаннымъ движеніемъ [28]), исчезаетъ почтеніе къ идеаламъ стараго времени. Поэтическіе образцы, являвшіеся воплощеніемъ тѣхъ воспоминаній, которыми наиболѣе гордилось господствующее сословіе, низводились на уровень массы, будучи выставляемы въ смѣшномъ видѣ. Можно констатировать характерную противоположность между паѳосомъ гомеровской героической пѣсни и стихотворными пародіями. Общій процессъ броженія затрагиваетъ даже и религію. Пробудившееся критическое сознаніе проявляетъ себя относительно олимпійскихъ боговъ точно такъ же, какъ и относительно земныхъ властителей. Начинаютъ прилагать нравственный критерій и къ дѣйствіямъ боговъ и въ особенности къ ихъ отношеніямъ къ людямъ. Легкомысленная игра человѣческой судьбой, которой предаются гомеровскіе боги, стала столь же нестерпима для достигшаго болѣе высокой стадіи развитія этическаго и соціальнаго міровоззрѣнія эпохи, какъ и надменность господствующихъ аристократовъ. Подобно тому, какъ земное право утрачиваетъ характеръ произвольности, и къ богамъ предъявляется требованіе, чтобы они не руководились исключительно своими причудами. И отъ нихъ требуютъ справедливости. А къ концу этой эпохи эмансипація мышленія дошла до такой стадіи, на которой миѳическія представленія вообще уже перестали удовлетворять людей. На старые вопросы о смыслѣ и значеніи міра теперь стараются найти отвѣты совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, которые на нихъ давала вѣра. И въ данномъ случаѣ свободная мысль торжествуетъ въ борьбѣ съ авторитетомъ традиціи. Не стѣсняясь ничьимъ авторитетомъ, она стремится свободно, самочинно построить картину міра! Старинная духовная косность, принятіе традиціонныхъ воззрѣній, какъ чего-то само собою разумѣющагося, невозвратно исчезли [29]).

Не удивительно, что тамъ, гдѣ такимъ образомъ представлялись текучими важнѣйшія идеи и формы существованія, въ концѣ концовъ, возникло мнѣніе, будто вообще уже не существуетъ ничего прочнаго. Разъ столь многое оказалось преходящей стадіей развитія, то какъ же можно было успокоиться на какомъ бы то ни было вызывающемъ противорѣчіе порядкѣ вещей, какъ на окончательномъ? «Какъ могла продолжать существовать склонность преклоняться предъ какимъ-либо единичнымъ продуктомъ непрерывнаго процесса измѣненія, какъ предъ чѣмъ-то вѣчнымъ и неприкосновеннымъ» [30])? Формулированный Гераклитомъ принципъ «πάντα ῥεῖ» лишь подводитъ итоги всей этой эпохѣ. И если Лассаль замѣчаетъ объ этомъ, столь родственномъ ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мыслителѣ, что онъ «изгналъ изъ представлявшагося ему лишь абсолютнымъ движеніемъ міра всякое спокойствіе и всякую тишину»..., «въ этой натурѣ кипѣла буря»... [31]), то въ извѣстномъ смыслѣ это вообще характеризуетъ данную эпоху, въ которой въ послѣднемъ анализѣ коренится своеобразіе духовнаго облика Гераклита. Тѣ фигурирующія въ философіи Гераклита огненныя души, характеризуя которыя, Лассаль охарактеризовалъ самого себя, въ самомъ дѣлѣ представляютъ собой продуктъ эпохи грандіознаго броженія, кореннымъ образомъ преобразовавшей соціальную, политическую и духовную физіономію греческаго міра.

Такой характеръ имѣла и, можно сказать, такой характеръ д о л ж н а была

имѣть та эпоха, къ которой относится возникновеніе соціализма въ Европѣ. Атмосферой данной эпохи объясняется, какимъ образомъ тогда возможна стала въ это время, съ одной стороны, разлагающая критика, не останавливавшаяся уже даже и предъ принципіальнымъ отрицаніемъ существующаго, а, съ другой, какъ могла возникнуть фанатическая вѣра въ осуществимость будущаго строя соціальной жизни, который долженъ былъ установиться именно на принципіально отличной отъ существующаго основѣ. Разъ столь многое измѣнилось съ теченіемъ времени, разъ, какъ подчеркнулъ однажды Солонъ [32]), осуществились вещи, о которыхъ прежде врядъ ли и грезили, то отчего же не могли бы произойти и еще болѣе значительныя измѣненія? «Такимъ образомъ революціонное населеніе становится почвой, питавшей соціальную утопію будущаго» [33]).

Къ тому же этой вѣрѣ въ осуществимость общественнаго идеала весьма способствовало еще и то обстоятельство, что именно тогда усилилось значеніе для всей жизни народа того фактора, о которомъ прежде всего шло дѣло въ данномъ случаѣ, а именно государства. Борьба противъ эксплуататорскаго классоваго господства и анархія классовой борьбы вызвали въ данную эпоху мысль о томъ, чтобы путемъ сосредоточенія государственнаго могущества въ однѣхъ рукахъ сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе задачъ, съ которыми старое государство оказалось не въ состояніи справиться. Этой тенденціи и стремленію къ возникновенію истинной государственной власти обязаны своимъ происхожденіемъ не только соціальныя монархіи Питтака и другихъ установителей государственнаго порядка, но зачастую и тираннія, чрезвычайно часто являвшаяся въ эту эпоху конечнымъ результатомъ революціоннаго процесса разложенія и нерѣдко торжествовавшая именно при помощи радикальнѣйшихъ элементовъ народа. Это была эпоха великихъ дипломатовъ, въ рукахъ которыхъ государство представлялось произведеніемъ искусства, продуктомъ сознательной рефлексіи, на который оказывалъ вліяніе точный разсчетъ, причемъ ихъ абсолютная власть, стоявшая гораздо выше всякихъ расходившихся интересовъ, дѣлала возможнымъ совершенно объективную, т.-е. руководившуюся исключительно соображеніями, относящимися къ цѣлесообразности, политику. И притомъ это цѣльное и сознательное выраженіе государственной идеи усиливалось тенденціями, вытекавшими, какъ мы видѣли, уже изъ самой природы города-государства. Что только не должно было оказаться осуществимымъ для этого централизованнаго города-государства и въ области соціальнаго вспомоществованія и соціальной реформы, въ которыхъ вѣдь, собственно говоря, и заключалось идеальное правовое оправданіе диктаторской власти.

Въ самомъ дѣлѣ, принимая въ соображеніе, съ какой безпощадной энергіей государственная власть вмѣшивалась тогда въ экономическую жизнь, регулируя ее, приходится сказать, что тогдашнее государство оказалось въ высшей степени творческою силой въ области соціальнаго преобразованія. Если когда-либо, то именно въ такую эпоху, въ которую возможны были подобныя вещи, должна была возникнуть мысль о томъ, что можно создать какъ государственный, такъ и общественный строй, сызнова установить его путемъ систематическаго регулированія всѣхъ тѣхъ отношеній, о которыхъ шло дѣло, должна была родиться вѣра въ то, что государство въ состояніи сдѣлать все, что ему угодно. Къ чувству нужды, угнетенности присоединилось теперь еще и то, что впервые дѣлаетъ соціальное движеніе въ самомъ дѣлѣ опаснымъ: общія воззрѣнія, соблазнительно рисовавшія взорамъ труждающихся и обремененныхъ блестящія фантазіи относительно всеобщаго улучшенія и вселявшія въ ихъ души мечту, будто требуется лишь энергическое вмѣшательство, отважная рѣшимость для того, чтобы этотъ новый и лучшій міръ сталъ дѣйствительностью.

3. Аграрный соціализмъ и аграрная реформа въ шестомъ столѣтіи.

На основаніи общаго впечатлѣнія, производимаго всей атмосферой той эпохи, можно съ увѣренностью предположить, что вышеуказанное настроеніе было гораздо болѣе распространено среди массъ, чѣмъ можно судить по сохранившейся скудной традиціи. Вѣдь что знаемъ мы въ сущности относительно всей этой эпохи? И кто же могъ бы пожелать составить опредѣленное сужденіе на основаніи случайныхъ отдѣльныхъ проблесковъ свѣта, слабо озаряющихъ небольшія пространства, между тѣмъ какъ кругомъ царитъ глубокій мракъ?

Вѣдь традиція почти всюду оставляетъ невыясненнымъ даже и основной вопросъ о томъ, о какихъ именно изъ разнородныхъ революціонныхъ движеній, наполнявшихъ собою данную эпоху, шло дѣло въ отдѣльныхъ случаяхъ? Понятно также, что для нея на первомъ планѣ стоитъ именно то движеніе, которое въ общемъ восторжествовало: чисто-буржуазное движеніе, борьба имущихъ горожанъ и крестьянъ за устраненіе привилегій господствующаго сословія и за признаніе равенства предъ закономъ. Наоборотъ, менѣе отчетливо выясняется представленное мелкими буржуа и мелкими крестьянами болѣе демократическое побочное теченіе, которое придавало требованію свободы и равенства по существу дѣла болѣе радикальное истолкованіе, чѣмъ то, которые давали ему высшіе слои буржуазіи, желавшіе сохраненія привилегій собственниковъ. Это теченіе, однако, достигло болѣе общихъ успѣховъ лишь въ слѣдующую эпоху. А менѣе всего слѣдовъ оставило, конечно, еще болѣе радикальное движеніе, стремившееся къ тому, чтобы за политическимъ освобожденіемъ безъ дальнихъ околичностей послѣдовало и соціальное, но еще менѣе, чѣмъ политическій радикализмъ, оказавшееся въ состояніи достигнуть этой своей утопической цѣли.

Къ тому же, на первыхъ порахъ пролетарское движеніе руководилось скорѣе неясными инстинктами, такъ что мы лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ можемъ распознать отчетливую цѣль, опредѣленно формулированную программу. И въ данномъ случаѣ оказывается справедливымъ замѣчаніе Карлейля, сравнивающаго первоначальныя проявленія активности вышеупомянутой глубоко погребенной массы, съ движеніями Энкелада, который долженъ вызывать землетрясенія, чтобы выразить свои страданія. «Это—совершенно инстинктивныя движенія, направленныя на ближайшіе объекты, и борющіяся противъ того, что кажется непосредственно осязательнымъ препятствіемъ. Это—дѣйствія, въ большинствѣ случаевъ принимающія форму разбоя и грабежа» [1]). Непосредственная цѣль заключается въ томъ, чтобы какъ-нибудь нанести имущественный ущербъ врагу, какъ это сдѣлали, напр., мятежныя массы въ Мегарѣ (около 640 г.), удовлетворившія свою «ненависть къ богачамъ» тѣмъ, что напали на стада крупныхъ землевладѣльцевъ и перерѣзали ихъ [2]).

Это происшествіе, съ котораго для насъ начинается исторія пролетарскаго движенія въ греческомъ мірѣ, прямо-таки типично для первоначальныхъ формъ пролетарскихъ движеній вообще. Это—борьба противъ вещей, доступныхъ внѣшнему воспріятію, въ которыхъ какъ бы воплощается противникъ. Промышленный пролетарій новаго времени разрушалъ фабрики и машины, такъ какъ онъ видѣлъ при ихъ появленіи, что онѣ конкурировали съ ручнымъ трудомъ. Онъ устремлялся противъ жилищъ предпринимателей, представлявшихся твердынями новыхъ деспо-

товъ [3]). Подобно этому злоба вышеупомянутыхъ пролетаріевъ древней Мегары обратилась противъ овцеводства богатыхъ землевладѣльцевъ, которое, конечно, уже тогда настолько же содѣйствовало пролетаризированію крестьянскаго сословія, обезземеленію крестьянъ и превращенію пахотной земли въ пастбища, какъ и во время Томаса Мора, называющаго овецъ хищными звѣрями, пожирающими людей и опустошающими страну [4]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ другихъ мѣстностяхъ соціальная революція вызывала такія же явленія, какъ въ Мегарѣ. Вѣдь въ такія эпохи интенсивнаго внутренняго броженія для преступныхъ инстинктовъ открывается просторъ еще и потому, что выдвигаются общественные отбросы, и эти стоящіе на самомъ низкомъ уровнѣ элементы, которые должны искать гдѣ-либо точки опоры, естественно примыкаютъ къ той партіи или группѣ, которая непримиримѣе всего относится къ общественному порядку. Такъ, напр., въ той же Мегарѣ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго революціоннаго движенія, коммунистическая алчность массы выразилась въ ужаснѣйшихъ неистовствахъ. Бѣдные врывались въ жилища имущихъ [5]), требовали, чтобы ихъ хорошо угощали, а если ихъ требованія не выполнялись, то они прибѣгали къ самому наглому насилію [6]).

Въ данномъ случаѣ приходится впервые въ греческой исторіи констатировать выступленіе того элемента соціальнаго разложенія, который мы называемъ чернью. Ея характерной чертой является инстинктивная враждебность къ цивилизаціи. Это—масса, напоминающая выродившееся, случайно утратившее дисциплину государство животныхъ, рой пчелъ или шершней, лишившійся королевы и, губя другихъ и самихъ себя, устремляющійся на первый попавшійся, виновный или невинный объектъ. Это была вѣчно слѣпая, изступленная масса, «рабы, разбивающіе свои оковы».

Приходится отмѣтить и еще одну черту: въ данномъ случаѣ иронія исторіи караетъ имущихъ именно за то, въ чемъ заключалась ихъ нравственная вина, за преувеличеніе ими значенія земныхъ благъ, за чрезмѣрное стремленіе къ улучшенію матеріальнаго существованія. Вѣдь въ сущности толпа лишь руководилась моралью, нашедшею свое выраженіе въ характерныхъ словахъ одного поэта данной эпохи: «сперва ищи пропитанія, добродѣтели же—когда у тебя уже есть, на что жить» [7]). При этомъ находитъ удовлетвореніе и зависть, болѣе всего вызываемая матеріалистическою роскошью. Вѣдь это чувство въ значительной степени опредѣляется степенью пониманія наслажденій другихъ. Поэтому зависть и классовая ненависть болѣе всего возбуждаются именно наиболѣе доступными разумѣнію массы и цѣнимыми ею грубо чувственными наслажденіями. Побѣдное торжество усматривается прежде всего въ и х ъ присвоеніи, въ коммунизмѣ потребленія.

Конечно, въ этихъ выходкахъ революціонной массы находитъ свое выраженіе еще и другой, имѣющій большее внутреннее оправданіе, элементъ. Онѣ являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и симптомомъ совершавшагося среди низшихъ слоевъ народа психологическаго измѣненія, совершенно аналогичнаго тому измѣненію, которое капиталистическія тенденціи данной эпохи вызвали среди высшихъ слоевъ. Между тѣмъ, какъ въ прежнее время, когда преобладало натуральное хозяйство, уровень жизни индивидуума, такъ сказать, разъ навсегда опредѣлялся его происхожденіемъ, его потребности были авторитарно установлены, отнынѣ и массой овладѣло то же стремленіе, которое стало движущимъ стимуломъ новаго времени. Подобно тому, какъ духъ предпріимчивости высшихъ классовъ началъ охватывать міръ, и въ народѣ естественно стали пробуждаться болѣе широкія экономическія стремленія. Его потребности, до тѣхъ поръ не выходившія изъ привычныхъ границъ, начали

возрастать. И въ немъ пробудилось стремленіе къ улучшенію уровня жизни, и этого стремленія уже нельзя было подавить.

Столь же понятно и то, что, разъ грубая и одичавшая масса не могла достигнуть удовлетворенія своихъ притязаній на почвѣ существующаго строя, это психологическое измѣненіе породило коммунистическія вожделѣнія. Въ данномъ случаѣ съ жаждой, какъ можно большей наживы вполнѣ естественно соединилось стремленіе къ раздѣлу и уравненію. Другой вопросъ, конечно,—получили ли дальнѣйшее развитіе коммунистическіе зачатки, несомнѣнно оказывавшіеся на лицо уже и при этихъ первыхъ соціально-революціонныхъ взрывахъ. Мы не узнаемъ, дошло-ли уже здѣсь—и если да, то въ какой степени—дѣло до борьбы, направленной не противъ непосредственно бросающихся въ глаза вещей, а противъ скрывавшихся за ними правовыхъ установленій, на которыхъ основывалось существовавшее распредѣленіе благъ.

Тѣмъ важнѣе то обстоятельство, что мы можемъ констатировать почти въ то же самое время наличность подобной программы общественнаго обновленія въ аграрно-революціонномъ движеніи сосѣдней Аттики. Тамъ въ эту эпоху среди сельскихъ рабочихъ, среди обремененныхъ долгами владѣльцевъ мелкихъ земельныхъ участковъ, арендаторовъ, половниковъ, поденщиковъ, батраковъ и т. д. выражались разрушительныя мысли, представлявшіяся неумѣренными и нелѣпыми, продуктомъ хищническихъ вожделѣній даже столь радикальному соціальному реформатору, какъ Солонъ [8]). Эти угнетенные и обездоленные общественные элементы желали бороться не только за дѣло буржуазіи и мелкобуржуазной демократіи. Вѣдь то равенство и та свобода, которыя имѣли въ виду эти послѣднія, не могли устранить ихъ матеріальной нужды. И они уже сознавали то, что высказали своимъ уполномоченнымъ избиратели 1789 г.: что голосъ свободы ничего не возвѣщаетъ сердцу несчастнаго, умирающаго отъ голода. Они желали, чтобы новыя идеи гражданской свободы и равенства нашли примѣненіе и въ сферѣ пользованія благами, чтобы формальныя свобода и равенство предъ закономъ перешли въ матеріальное равенство и въ соціальную независимость. И, какъ сообщаетъ Солонъ, они требовали равномѣрнаго участія всѣхъ въ обладаніи отечественной территоріей [9]). Въ данномъ случаѣ мы впервые встрѣчаемся съ требованіемъ «земля—массѣ», какъ съ лозунгомъ обездоленныхъ.

Это былъ чрезвычайно важный принципъ. Онъ означалъ полный переворотъ въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ,—поскольку капиталъ сочетался съ землевладѣніемъ, къ выгодѣ труда! Разъ каждый получаетъ одинаковую долю важнѣйшаго орудія производства, доля всего продукта народнаго хозяйства, причитающаяся труду, которой при прежнихъ отношеніяхъ угрожала опасность непрерывнаго уменьшенія, сразу должна была чрезвычайно увеличиться. Если до тѣхъ поръ эволюція зачастую приводила къ утратѣ земледѣльческимъ классомъ экономической самостоятельности, причемъ крестьянинъ лишался принадлежащихъ ему орудій производства и превращался въ неимущаго пролетарія, то отнынѣ орудія производства, поскольку они стали монопольной собственностью крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, снова должны были сдѣлаться достояніемъ рабочаго народа. Трудъ долженъ былъ свергнуть иго капитализма, и земельная собственность должна была перестать служить орудіемъ соціальнаго перевѣса и экономической эксплуатаціи. И революціонный сельскій рабочій не хочетъ уже того, къ чему поэтъ, представитель знати, относится какъ къ глупости [10]), онъ не желаетъ продолжать трудиться на чужой землѣ для другихъ. Продукты труда должны цѣликомъ доставаться человѣку, живущему на собственной землѣ

Можно сказать, что личный трудъ становится прямо-таки рѣшающимъ факторомъ въ производствѣ и при распредѣленіи произведеннаго продукта, равно какъ и необходимымъ условіемъ потребленія. Такъ какъ при раздѣлѣ на долю каждаго, понятно, достался бы небольшой участокъ земли, не превышающій размѣровъ крестьянскаго хозяйства, то никто уже не былъ бы въ состояніи уклониться отъ выполненія того требованія, съ которымъ уже Гесіодъ обращается къ своему брату: «трудись, неразумный Персъ!» (ἐργάζεο, νήπιε Πέρση). Классовыя различія исчезаютъ. И дворянинъ долженъ обратиться въ мужика и самъ пахать [11]). Такимъ образомъ, какъ выражаются въ новое время, богатство отдѣльныхъ лицъ и зажиточность немногихъ превратятся въ обезпеченность всѣхъ.

Какой переворотъ по сравненію съ той эпохой, когда пѣвцы выражались объ аристократѣ, что «его чтятъ въ народѣ, какъ бога» [12])! Эти требованія напоминаютъ радикальнѣйшія мысли, формулированныя въ крестьянской войнѣ или скорѣе въ аграрно-соціалистическихъ движеніяхъ новаго времени [13]). Въ лозунгахъ, выставленныхъ, напр., въ движеніи Fasci среди несчастныхъ половниковъ Сициліи: «мы желаемъ, чтобы всѣ работали, какъ м ы, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы у каждаго былъ хлѣбъ для него и для его дѣтей. Всѣ мы должны быть равны», выражаются чувства, пережитыя и совершенно такимъ же образомъ формулированныя уже бѣдными половниками и сельскими рабочими въ шестомъ вѣкѣ до Р. Хр. И они хотѣли, чтобы всѣ были во всѣхъ отношеніяхъ равны» [14]). И если на соціалъ-демократическомъ партейтагѣ въ 1894 году было формулировано положеніе, гласящее, что «аграрный вопросъ, въ качествѣ необходимаго элемента соціальнаго вопроса, будетъ окончательно разрѣшенъ лишь тогда, когда земля и орудія труда будутъ возвращены производителямъ, которые нынѣ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ или мелкихъ крестьянъ обрабатываютъ землю, служа капиталу», то и это не что иное, какъ переспектива, открывающаяся въ соціалистической формулѣ, дошедшей до насъ въ элегіи Солона [15]).

Правда, к о н е ч н а я экономическая цѣль всего движенія, собственно говоря, не оказывается соціалистическою. Вѣдь движеніе не клонилось къ замѣнѣ капиталистической организаціи соціалистическою, общиннымъ хозяйствомъ. Наоборотъ, уже выработавшіяся формы крупнаго хозяйства, съ одной—стороны, капиталистическое самостоятельное хозяйство, съ другой капиталистическое же хозяйство съ половниками, находившимися въ зависимости отъ единаго экономическаго центра, должны были подвергнуться регрессивному процессу въ мелкобуржуазномъ или, скорѣе, въ мелкокрестьянскомъ смыслѣ. Крупныя имѣнія должны было раздробиться на крестьянскія хозяйства, и половники должны были стать независимыми собственниками. Итакъ, въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду цѣль, аналогичная той, которая рисовалась воображенію дѣятелей въ родѣ Бабефа и Сенъ-Жюста [16]): экономическій строй, основанный хотя и на принципѣ экономическаго равенства, но не на обращеніи орудій производства и земли въ общественную собственность. П о с т о л ь к у эта цѣль оказывалась, слѣдовательно, не соціалистическою, а мелкобуржуазной или мелкокрестьянской и индивидуалистической. Идеаломъ всего движенія представляется экономическое равенство на основѣ частной собственности.

Вѣдь экономическое положеніе земледѣльческаго класса было вовсе не таково, чтобы изъ него непремѣнно вытекало стремленіе къ соціалистическимъ цѣлямъ, къ идеалу общности имуществъ, основывающейся на крупномъ производствѣ. Наоборотъ! Если оставить въ сторонѣ овцеводство, развитію котораго благопріятствовалъ расцвѣтъ ткацкой индустріи, то оказывается, что въ аграрной эволюціи самой

по себѣ отнюдь не существовало болѣе сильной тенденціи къ крупному производству, чѣмъ къ мелкому. Уже и тогда весьма развитыя огородничество и грядковая культура и вообще преобладаніе «индивидуальныхъ» культуръ, при которыхъ качество и количество продукта по существу дѣла зависятъ отъ доброкачественности труда, и поэтому главную роль играетъ рабочая сила человѣка, чрезвычайно благопріятствовали мелкому производству. Вѣдь, поскольку дѣло шло о подобныхъ культурахъ, даже и крупныя имѣнія, очевидно, весьма часто раздѣлялись на рядъ мелкихъ хозяйственныхъ единицъ и обрабатывались мелкими хозяевами, арендовавшими землю подъ условіемъ отдачи извѣстной доли урожая [17]). Но если обобществленіе производства не вело непремѣнно къ болѣе высокой, т.-е. къ болѣе производительной системѣ хозяйства, а, наоборотъ, въ иныхъ случаяхъ мелкое производство имѣло большее значеніе, будучи продуктивнѣе крупнаго, и если даже и теперь мы не въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: какова тенденція развитія въ земледѣліи, какая форма производства предпочтительнѣе въ немъ, и вообще существуетъ ли въ немъ опредѣленная форма производства, которую пришлось бы признать безусловно предпочтительною [18]), то что же, спрашивается, должно было бы побуждать и безъ того по природѣ своей «анти-коллективистически» настроеннаго крестьянина къ отказу отъ индивидуалистическаго способа производства, который одинъ только соотвѣтствовалъ его глубочайшимъ склонностямъ?

Вѣдь даже и въ соціалъ-демократическомъ движеніи новаго времени отнюдь не замѣчается единодушія, поскольку дѣло идетъ объ отказѣ отъ точки зрѣнія его предшественниковъ въ шестомъ вѣкѣ до Р. Хр. въ этомъ отношеніи [19])! Еще въ 1893 году мы встрѣчаемъ въ газетѣ «Vorwärts» заявленіе въ томъ смыслѣ, что преимущества крупнаго производства въ земледѣліи проблематичны, что кооперація рабочихъ не увеличиваетъ продукта труда отдѣльныхъ лицъ, и, слѣдовательно, коллективное производство не вытекаетъ изъ сущности земледѣлія. Въ виду этого и газетѣ «Vorwärts» представляется само собой понятнымъ, что сельскій рабочій нисколько не стремится къ соціалистическому производству, но желаетъ имѣть клочокъ земли для индивидуальнаго производства. «Соціализму промышленнаго рабочаго соотвѣтствуетъ жажда земли, испытываемая сельскимъ рабочимъ. Если бы послѣдній овладѣлъ властью, онъ не ввелъ бы соціалистическаго способа производства, а произвелъ бы раздѣлъ имѣній крупныхъ землевладѣльцевъ» [20]),—къ чему именно и стремится уже сельскій пролетаріатъ древней Эллады.

Но, если даже и въ нынѣшней соціалъ-демократіи оказывается на лицо «мелкобуржуазное теченіе» [21]), не настаивающее, несмотря на свой соціализмъ, на обобществленіи земледѣльческаго производства, и если, какъ признаютъ даже Энгельсъ и другіе представители того же направленія, еще не существуетъ увѣренности въ готовности теперешняго рабочаго класса порвать съ «мелкобуржуазно-соціалистическими» воззрѣніями этихъ элементовъ, стремящихся къ «увѣковѣченью крестьянъ», то съ какой же стати отрицать всякую коммунистическую и соціалистическую тенденцію въ движеніи античныхъ сельскихъ рабочихъ въ виду ихъ мелкобуржуазныхъ цѣлей?

Не придаютъ ли въ извѣстномъ смыслѣ коммунистическаго оттѣнка этому движенію уже и требованіе равенства условій жизни, идея равноцѣнности всѣхъ и вытекающее отсюда притязаніе на bonheur commun? И не напоминаетъ ли это аттическое государство будущаго, въ которомъ каждый долженъ получить жилище и важнѣйшія орудія производства для удовлетворенія необходимыхъ потребностей большую гостиницу, въ которой для всякаго готовъ столовый приборъ? Не отличается ли, наконецъ, рѣзко соціалистическимъ характеромъ тотъ

путь, который долженъ былъ привести къ вышеуказанной цѣли, а именно обращеніе земли въ общественную собственность, хотя оно и представлялось всего лишь однократнымъ актомъ, и хотя масса не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что, для сохраненія равенства, безпрестанно приходилось бы прибѣгать къ общественному регулированію имущественныхъ отношеній и доходовъ [22])?.

Если—исходя именно изъ этихъ соображеній—мы должны были признать соціалистическою уже и программу спартанскихъ земельныхъ реформаторовъ, то подобная характеристика тѣмъ болѣе примѣнима къ программѣ аттическихъ сельскихъ рабочихъ! Въ Спартѣ даже и самые крайніе соціалъ-революціонеры изъ гражданъ не посягали на капиталистическую экономическую систему, поскольку дѣло шло объ отношеніи между капиталомъ и трудомъ. Вѣдь именно согласно программѣ сторонниковъ ликурговскаго идеала экономическое существованіе господствующаго класса должно было обезпечиваться доходами, получаемыми ими отъ рабочаго класса въ видѣ ренты, причемъ сами они не работали бы. Они желали лишь общественнаго регулированія этого дохода, имѣвшаго характеръ ренты. Въ Аттикѣ дѣло шло, наоборотъ, именно о борьбѣ противъ капиталистической системы, какъ таковой, и противъ полученія ренты безъ работы, о болѣе справедливомъ распредѣленіи продукта труда, объ основаніи царства свободы, равенства и братства [23]), обнимающаго и рабочій людъ [24]). И не достаточно ли уже вѣры аттическихъ революціонеровъ въ возможность столь радикальнаго сглаженія соціальныхъ противоположностей для того, чтобы ихъ можно было назвать соціалистами?

Врученіе диктаторской власти человѣку, чувствовавшему себя призваннымъ, «сочетая силу съ правомъ» [25]), разрѣшить соціальный кризисъ и тѣ огромныя жертвы, которыхъ произведенныя Солономъ реформы, такъ называемое «освобожденіе отъ ига», потребовали отъ имущаго класса, свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени это аграрно-революціонное движеніе угрожало всѣмъ устоямъ общества [26]). Это «освобожденіе отъ ига» означало: уничтоженіе всякой крѣпостной зависимости, выкупъ проданныхъ на чужбину должниковъ на счетъ казны, радикальное кассированіе всѣхъ гипотечныхъ и связанныхъ съ закабаленіемъ должника долговыхъ обязательствъ [27]). По мнѣнію Аристотеля, эта реформа зачастую влекла за собой прямо-таки обѣднѣніе кредиторовъ [28]). Не безъ основанія ее называли перераспредѣленіемъ собственности въ извѣстномъ смыслѣ [29]).

И этимъ даже еще не исчерпывается все то, что было сдѣлано Солономъ для низшихъ классовъ! Мы знаемъ, напр., что и положеніе бѣдныхъ половниковъ явилось объектомъ его законодательной дѣятельности [30]), причемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что реформа Солона доставила имъ нѣкоторыя спеціальныя облегченія [31]). Какое значеніе имѣла, наконецъ, принципіальная уступка, сдѣланная законодателемъ анти-капиталистическому теченію: установленіе максимума пріобрѣтаемой земли! [32]).

Правда, по выраженію самого Солона, онъ, въ силу вѣскихъ причинъ не исполнилъ всего того, чего отъ него желалъ народъ въ своей горькой нуждѣ [33]); правда, коммунистически-соціалистическій боевой кличъ, направленный противъ неравенства имуществъ, не нашелъ у него сочувствія, а соціалъ-демократическая точка зрѣнія, согласно которой аристократически-плутократическій способъ распредѣленія долженъ былъ уступить мѣсто способу чисто-демократическому, была рѣшительно отвергнута имъ. Несмотря на все это, вышеуказанное ограниченіе «права накопленія» воочію свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени Солонъ сумѣлъ оцѣнить здравую основную мысль движенія, заключавшуюся въ томъ, что государственная власть должна была принять мѣры, клонящіяся къ большей демокра-

тизаціи народнаго хозяйства, къ соціальной реформѣ въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія народнаго дохода. «Народное хозяйство или хозяйство предпринимателей»? Такъ былъ въ данномъ случаѣ поставленъ вопросъ! И Солонъ не уклонился отъ этого вопроса. Его реформа установила для наиболѣе характерной для разнузданнаго частнаго капитализма, какъ экономической системы, тенденціи къ какъ можно болѣе интенсивному накопленію состояній, при которомъ не обращалось никакого вниманія на общіе интересы народнаго хозяйства и общества, принципіальныя ограниченія, соотвѣтствовавшія общегосударственнымъ интересамъ, весовмѣстямымъ съ безпредѣльнымъ возрастаніемъ доходовъ и состояній въ рукахъ немногихъ лицъ. Это было торжество соціальнаго образа мыслей и сознанія государственныхъ обязанностей, сочувствія къ бѣднымъ и слабымъ [34]), надъ односторонне капиталистическимъ, по самому существу анти-государственнымъ индивидуализмомъ. Это былъ весьма важный шагъ впередъ по пути, ведущему къ соціальной организаціи гражданскаго права, и въ этомъ отношеніи κτῆμα ἐς ἀεί какъ бы ни расходились мнѣнія относительно вышеуказанной мѣры самой по себѣ и относительно ея успѣшности [35]).

Та энергія, съ которой государственная власть приступила въ данномъ случаѣ къ проблемѣ распредѣленія въ интересахъ соціальнаго мира и, съ своей стороны, начала борьбу противъ ига враждебнаго государству капитализма, яснѣе всего обнаруживаетъ, до какой степени сильно и опасно было тогдашнее революціонное движеніе. Далѣе, то обстоятельство, что, какъ добавляетъ нашъ источникъ [36]), не только въ Аттикѣ, но и въ другихъ государствахъ пришлось прибѣгнуть къ аналогичнымъ мѣропріятіямъ въ духѣ государственнаго соціализма и также позаботиться объ ограниченія накопленіи состояній путемъ запретительныхъ законовъ [37]), доказываетъ распространеніе вышеуказаннаго движенія.

Какъ многозначительно, наконецъ, что даже и эти глубоко захватывавшія реформы не были въ состояніи вполнѣ прекратить соціальное броженіе. Несмотря на солонову сисахѳію, часть населенія Аттики не избавилась отъ пролетарской доли [38]) и ожидала улучшенія своей участи лишь отъ насильственнаго переворота, отъ диктатуры. Это опять-таки показываетъ, до какой степени уже здѣсь давала себя чувствовать изнанка плутократіи, нищета, какъ соціальное классовое состояніе, пауперизмъ, и какую существенную роль игралъ въ соціальномъ движеніи данной эпохи, несмотря на его мелкобуржуазныя цѣли, пролетарскій элементъ [39]). Широкое распространеніе деспотической власти или тиранніи, постоянно оказывавшейся конечнымъ результатомъ классовой борьбы и, по мнѣнію Аристотеля, обыкновенно возникавшей благодаря дѣйствію мотива, свойственнаго психологіи массъ, а именно «ненависти къ богатымъ [40]), доказываетъ, что это справедливо не только относительно Аттики. Съ другой стороны, приходится, конечно, предположить, что переходъ отъ новой гражданской свободы къ цезаризму не совершался бы такъ часто, если бы страхъ предъ призракомъ соціальной революціи не примирялъ зачастую съ тиранніей и имущихъ.

Но если тиранніи и удалось предотвратить побѣду соціальной революціи, отклонить самыя крайнія аграрно-соціалистическія требованія, то это, конечно, оказалось возможнымъ не безъ значительныхъ уступокъ радикальнымъ элементамъ, которымъ сама тираннія обыкновенно бывала обязана своимъ торжествомъ.

Правда, и новая монархія врядъ ли могла бы помышлять объ обращеніи всей земли въ государственную собственность и объ ея систематическомъ раздѣлѣ. Обращеніе ея въ органъ односторонне мелко-крестьянскихъ и пролетарскихъ идеаловъ плохо вязалось бы съ ея политикой, разсчитанной на удовлетвореніе зна-

чительнаго большинства населенія. Еще менѣе того можно было бы согласить подобный крестьянскій радикализмъ съ матеріальными и идеальными культурными стремленіями тиранніи, съ ея многообъемлющимъ попеченіемъ о промышленномъ и коммерческомъ развитіи, съ ея грандіознымъ поощреніемъ искусства, въ особенности архитектуры. Для всего этого врядъ ли нашлось бы мѣсто въ государственномъ строѣ, проектируемомъ крайнею аграрно-демократическою партіей.

Но все же тираннія зачастую располагала средствами, дозволявшими осуществленіе, по крайней мѣрѣ, части радикальной программы. Какъ бы низко мы ни оцѣнивали способность государства къ руководству силами, дѣйствующими въ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что могущество государства велико именно въ аграрной сферѣ. И къ тому же это могущество было какъ-разъ тогда значительно усилено торжествомъ новой монархіи. Нѣкоторые изъ ея противниковъ—представителей аристократическаго землевладѣнія—погибли въ борьбѣ, другіе бѣжали изъ страны или были изгнаны. Государственная власть располагала обширными земельными участками, подвергнувшимися конфискаціи. Она могла обратить многихъ половниковъ въ свободныхъ собственниковъ или создать новыя крестьянскія хозяйства путемъ раздѣла крупныхъ имѣній. Нельзя предположить, чтобы тираннія, о которой извѣстно, что она вообще усердно покровительствовала крестьянскому сословію, не воспользовалась этой возможностью доставить странѣ соціальный миръ [41]) тѣмъ болѣе, что подобное измѣненіе въ распредѣленіи земельной собственности должно было въ то же время въ значительной степени ослабить основы соціальнаго могущества наиболѣе враждебнаго тиранніи сословія. Поэтому разсказъ о томъ, что Писистратъ выдавалъ бѣднымъ ссуды, чтобы доставить имъ возможность самостоятельно вести крестьянское хозяйство [42]), вполнѣ правдоподобенъ. Это былъ первый извѣстный примѣръ осуществленія той мысли, что государственная власть должна способствовать стремленію неимущей массы пріобрѣсть путемъ труда нѣкоторую собственность, и что она должна, пользуясь своею экономическою силою, противодѣйствовать явленію, породившему аграрный соціализмъ данной эпохи: безнадежному обособленію труда отъ собственности.

Въ виду этого мы можемъ предположить, что великимъ законодательнымъ мѣрамъ и монархической политикѣ реформъ этой эпохи удалось не только внѣшнимъ образомъ, но и внутренне преодолѣть вышеупомянутое соціалистическое движеніе, причемъ процессъ соціальнаго дифференцированія, до тѣхъ поръ столь неудержимо подвигавшійся впередъ въ сферѣ аграрныхъ отношеній, опять уступилъ мѣсто большему уравненію. При этомъ неравенство имуществъ и доходовъ, вызванное несправедливостью и насиліемъ, было по мѣрѣ возможности устранено, и улучшеніе соціальныхъ учрежденій повлекло за собой справедливое распредѣленіе доходовъ [43]). Развѣ возможны были бы въ противномъ случаѣ въ слѣдующемъ вѣкѣ демократія, по существу дѣла опиравшаяся на силу цвѣтущаго деревенскаго средняго сословія, неудержимый политическій подъемъ низшихъ классовъ народа и побѣдоносное отраженіе Востока, при которомъ главную роль сыграла мощь войскъ, состоявшихъ изъ крестьянъ-гоплитовъ?

Отдѣлъ III.—Гражданское общество и полное развитіе капитализма.

1. Капиталъ и трудъ.

Продолжительный періодъ революціи и диктатуры закончился въ наиболѣе передовыхъ морскихъ и торговыхъ греческихъ государствахъ шестого вѣка двумя результатами: новымъ политическимъ и соціальнымъ правовымъ строемъ, который мы можемъ, въ противоположность старому, сословному строю, назвать гражданскимъ, и измѣненіемъ, совершившимся въ экономическихъ основахъ общества.

Основа стараго общества, землевладѣніе, часто подвергалась перераспредѣленію въ эпоху тѣхъ грандіозныхъ движеній, которыми ознаменовалась вышеуказанная переходная эпоха. Кромѣ того, оно уже утратило то надъ всѣмъ господствующее положеніе, которое оно занимало въ прежнее время, и которое осталось за нимъ лишь въ государствахъ, болѣе сохранившихъ аграрный характеръ. На ряду съ нимъ достигли полнаго развитія новыя формы экономической жизнедѣятельности: промышленность, денежная и товарная торговля. Ими все болѣе и болѣе опредѣлялась экономическая національная физіономія морскихъ державъ у Эгейскаго моря. Поэтому гражданскій общественный строй этой эпохи можетъ быть охарактеризованъ и какъ промышленный. И экономическая жизнедѣятельность, понятно, принимаетъ новый видъ въ этомъ промышленномъ обществѣ. Возникаютъ новыя формы отношеній между капиталомъ и трудомъ, новые экономическіе и соціальные антагонизмы и конфликты, а съ ними и новыя попытки ихъ разрѣшенія, новыя цѣли низшихъ классовъ народа.

Именно становящійся все болѣе и болѣе интенсивнымъ процессъ экономическаго дифференцированія обнаруживается въ промышленномъ обществѣ въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Будучи необходимымъ спутникомъ прогрессирующей экономической культуры, онъ наблюдается въ особенно рѣзко выраженной формѣ именно тамъ, гдѣ можно констатировать наиболѣе быстрые и блестящіе успѣхи этой культуры. Въ этихъ мѣстностяхъ онѣ повлекли за собой до тѣхъ поръ не встрѣчавшееся въ такой формѣ господство владѣнія капиталомъ надъ всею экономическою жизнью.

Вѣдь и въ торговлѣ грековъ возникновеніе капиталистическихъ предпріятій относится къ довольно ранней эпохѣ. Большая область, открывшаяся для греческой торговли и колонизаціи уже въ седьмомъ вѣкѣ, предполагаетъ успѣхи товарнаго производства. Конечно, эти успѣхи сопровождались развитіемъ капиталистическаго судоходства, предполагающаго обладаніе сравнительно крупнымъ оборотнымъ капиталомъ, и купечества, экономическое значеніе котораго блестяще обнаруживается въ могучемъ расцвѣтѣ многочисленныхъ торговыхъ центровъ. Но капиталистическое торговое предпріятіе, поскольку оно относится къ продуктамъ ремесленнаго труда, предполагаетъ отношеніе зависимости между мелкимъ производствомъ ремесленнаго типа и купеческимъ капиталомъ. Такимъ образомъ, важныя отрасли труда подчинились капиталистическому способу хозяйства, и число ихъ все возрастало по мѣрѣ того, какъ непрерывно подвигавшееся впередъ вмѣстѣ съ грандіознымъ развитіемъ греческой культуры промышленное раздѣленіе занятій создавало спеціализировавшіяся отрасли промышленности [1]), разсчитанныя на сравнительно обширный

рынокъ и, слѣдовательно, предполагавшія посредничество купца [2]). Еще далѣе повело стремленіе какъ можно болѣе повысить производительность труда, все усиливавшееся по мѣрѣ расширенія рынка. Вѣдь экономическимъ результатомъ этого стремленія оказалось развитое раздѣленіе труда, комбинація многочисленныхъ и различныхъ рабочихъ силъ и концентрація орудій труда въ крупныхъ соединенныхъ производствахъ. Капиталистическая форма производства охватила даже и часть промышленности. Развившись сперва, конечно, въ побочныхъ промыслахъ, въ крупныхъ имѣніяхъ, располагавшихъ множествомъ рабочихъ силъ, она начала затѣмъ все болѣе и болѣе распространяться и въ сферѣ городской экономической жизни [3]).

И она оказалась новымъ, въ высшей степени активнымъ ферментомъ экономическаго и соціальнаго дифференцированія! Какъ надъ мелкимъ торговцемъ и лавочникомъ стоялъ крупный негоціантъ, такъ надъ мастеромъ-ремесленникомъ возвышается промышленный предприниматель, причемъ одновременно съ этимъ развиваются и новыя формы господства капитала надъ трудомъ. Въ ремесленномъ производствѣ рабочій и орудія производства, трудъ и собственность, а стало быть и трудовой доходъ и доходъ, приносимый собственностью, представляются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Собственность сама нѣкоторымъ образомъ подчинена труду; она является продуктомъ труда. Поэтому при ремесленномъ производствѣ даже и лицо, на первыхъ порахъ располагавшее лишь своими рабочими силами, обыкновенно имѣло возможность стать собственникомъ орудій производства, а благодаря этому и вообще достигнуть обладанія нѣкоторою собственностью. Но это соотношеніе приняло другой характеръ въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ восторжествовала капиталистическая организація. Въ нихъ мы встрѣчаемъ точно такое же обособленіе рабочаго отъ орудій производства, труда отъ собственности, какъ и въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ. На ряду съ сельскимъ рабочимъ сталъ промышленный наемный рабочій, имѣвшій мало шансовъ достигнуть самостоятельности и благодаря этому перейти въ классъ предпринимателей. Ему приходилось серьезно считаться съ вѣроятностью того, что онъ будетъ всю жизнь располагать лишь своею рабочею силой. Разъ производство достигало гдѣ-либо такихъ размѣровъ, съ которыхъ начиналось подлинное капиталистическое производство, тамъ и орудія производства обращались въ самостоятельный по отношенію къ труду факторъ, въ капиталъ въ рукахъ предпринимателя, которому неимущій былъ вынужденъ продавать свою рабочую силу, и господству котораго онъ долженъ былъ подчиняться.

Это господство капитала надъ трудомъ не замедлило обнаружить тенденцію принять такую форму, при которой трудъ становился прямо-таки собственностью капиталиста, частью самого капитала. Чѣмъ болѣе рабочія силы обращались въ безвольныя орудія въ рукахъ предпринимателя, въ «руки» согласно выраженію, установившемуся въ капиталистическомъ жаргонѣ въ новѣйшее время, въ «служебныя тѣла» (σώματα οἰκετικά), какъ выражался греческій работодатель, тѣмъ безпощаднѣе можно было добиваться регулярности и дисциплины, требуемой фабричной работой и обусловливаемымъ уже все возраставшей конкуренціей принципомъ экономичности, производства съ наименьшими затратами.

Далеко подвинувшееся впередъ раздѣленіе труда [4]) въ значительной степени содѣйствовало этому стремленію. Вѣдь многіе изъ ремесленниковъ и рабочихъ, всю жизнь выполнявшихъ лишь одну техническую детальную функцію, могли утилизировать свой спеціализировавшійся трудъ лишь при наличности связи, устанавливаемой между различными детальными работами именно предпринимателемъ-ка-

питалистомъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ изготовленіе полу-фабрикатовъ настолько распространялось, какъ это засвидѣтельствовано, напр., относительно изготовленія обуви и одежды, непосредственныя сдѣлки между производителями и потребителями неизбѣжно должны были стать болѣе рѣдкимъ явленіемъ, сфера дѣятельности самостоятельнаго ремесленника должна была нѣсколько сузиться. Тѣ ремесленники, которые не могли открыть своихъ лавокъ, т.-е. сами обратиться въ капиталистовъ, должны были въ такихъ отрасляхъ труда или примыкать къ крупному производству, или же попадать въ зависимость отъ торговли, т.-е. становиться рабочими, работающими на дому. Но эта зависимость отъ предпринимателей все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ этого рода спеціализировавшіеся рабочіе утрачивали умѣніе заниматься какимъ-либо ремесломъ во всемъ его объемѣ. Слѣдуетъ лишь вдуматься въ изображаемое Ксенофонтомъ [5]) положеніе людей, всю жизнь занятыхъ лишь кройкой, или столь же исключительно занимавшихся шитьемъ платья или обуви!

Но коль скоро раздробленіе дѣятельности ремесленника на рядъ детальныхъ простыхъ операцій, часто обращавшихся въ исключительныя функціи особыхъ рабочихъ, шло далѣе извѣстныхъ предѣловъ, оно понижало цѣнность единичной рабочей силы и даже дѣлало возможнымъ столь широкое примѣненіе необученныхъ или—по сравненіи съ ремесленниками—менѣе обученныхъ рабочихъ, что во многихъ отрасляхъ производства даже менѣе доброкачественный рабскій трудъ могъ успѣшно конкурировать съ вольнымъ трудомъ [6]). Тогда въ самомъ дѣлѣ наступало то, что нынѣшняя соціалистическая критика, преувеличивая, утверждаетъ относительно всякаго промышленнаго рабочаго: рабочій, въ качествѣ раба обращавшійся въ живую машину, въ «ὄργανον ἔμψυχον» [7]), уже не принадлежалъ самому себѣ. Онъ «входилъ въ составъ» капитала, или, какъ выражается Аристотель, становился какъ бы «частью самого хозяина» [8]). Онъ, въ самомъ дѣлѣ, оказывался всего лишь орудіемъ работодателя, органомъ, которымъ послѣдній пользовался для полученія прибыли, и который существовалъ исключительно для производства. Въ качествѣ безвольнаго члена организма, въ которомъ его руки замѣняли наши веретена и колеса, самъ онъ представлялъ собою лишь особую форму капитала; развиваемая имъ производительная сила являлась производительною силою капитала [9]).

Не мудрено, что капиталъ при всякой возможности предпочиталъ замѣнять вольный трудъ несвободнымъ. Пользованіе трудомъ рабовъ, и безъ того облегчаемое дешевымъ ввозомъ ихъ изъ варварскихъ странъ, до такой степени распространялось въ различнѣйшихъ областяхъ національнаго производства [10]), что мысль о томъ, чтобы всѣ промышленныя и ремесленныя работы выполнялись несвободными подъ общимъ руководствомъ [11]), отнюдь не представлялась чудовищною нѣкоторымъ соціальнымъ теоретикамъ. Вѣдь благодаря рабству отдѣльные предприниматели нерѣдко соединяли въ своихъ рукахъ нѣсколько различныхъ промышленныхъ предпріятій, коммерчески или технически комбинируя ихъ другъ съ другомъ, причемъ они въ одно и то же время пользовались трудомъ множества обученныхъ тому или иному изъ различныхъ производствъ несвободныхъ рабочихъ. Это было весьма дѣйствительное средство, облегчавшее концентрацію капиталовъ, противъ котораго часто и возставала тогдашняя анти-капиталистическая соціальная критика [12]).

Даже и мелкіе мастера и промышленники часто пользовались трудомъ несвободныхъ людей [13]). Правда, это преимущество отчасти опять-таки устранялось, поскольку дѣло шло о ремеслѣ, такъ какъ институтъ рабства давалъ капиталу

возможность успѣшно конкурировать съ ремесленнымъ мелкимъ производствомъ даже и въ тѣхъ областяхъ, которыя были обезпечены отъ конкуренціи со стороны болѣе крупныхъ предпріятій, ибо фабричное производство не могло замѣнить ихъ,—въ изготовленіи продуктовъ лучшаго качества и въ занятіяхъ, сопряженныхъ съ оказаніемъ личныхъ услугъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ индивидуальномъ приспособленіи и объ удовлетвореніи индивидуальныхъ требованій.

Подобно тому какъ въ земледѣліи потребность въ болѣе тонкихъ культурахъ удовлетворялась путемъ передачи земельныхъ участковъ несвободнымъ колонамъ, которые должны были отдавать владѣльцу извѣстную долю урожая [14]), искуснымъ рабамъ доставлялась возможность устраиваться въ качествѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, причемъ имъ дозволялось свободнѣе распоряжаться своей рабочей силой подъ условіемъ уплаты оброка господину [15]). Это отношеніе заключало въ себѣ такое же поощреніе къ наиболѣе интенсивной работѣ, какъ и свободный трудъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло даже, подобно тому какъ это бываетъ при значительномъ обложеніи, вызывать еще болѣе интенсивную работу, чѣмъ при свободномъ трудѣ. Такимъ образомъ, капиталъ овладѣвалъ еще и частью дохода, выпадавшаго на долю мелкаго ремесла.

Вообще вся эта эволюція означала сильное измѣненіе въ распредѣленіи народнаго дохода, при которомъ выигрывалъ капиталъ. Пользуясь трудомъ рабовъ, расходы на существованіе которыхъ сводились къ минимуму, онъ располагалъ несоразмѣрно большою долею продуктовъ труда. Даже и въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ при свободномъ трудѣ весь доходъ отъ него достается производителю, онъ—пользуясь трудомъ обложенныхъ оброкомъ несвободныхъ людей—превратилъ часть этого дохода въ предпринимательскую прибыль. Поэтому повышеніе производительности труда, вызываемое коммерческимъ и индустріальнымъ прогрессомъ, сопровождалось увеличеніемъ той доли продукта производства, народнаго дохода и народнаго богатства, которая доставалась имущему классу. По мѣрѣ, того какъ повышалась производительность труда, распредѣленіе приносимаго имъ дохода становилось все болѣе и болѣе выгоднымъ для этого класса и—по крайней мѣрѣ, относительно—все менѣе и менѣе выгоднымъ для несостоятельной или совершенно неимущей массы. При такомъ положеніи дѣлъ соціальный вопросъ, который вѣдь по существу дѣла является вопросомъ о взаимоотношеніи между долями всего дохода отъ національнаго производства, достающимися различнымъ классамъ народа, неминуемо долженъ былъ рано или поздно начать безпрестанно привлекать къ себѣ общественное сознаніе.

Вѣдь въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ зачастую обнаруживалась тенденція къ умаленію доли свободнаго труда! Наемный рабочій, ремесленникъ, деревенскій поденщикъ и мелкій крестьянинъ видѣли, что пользованіе рабскимъ трудомъ уменьшаетъ спросъ на ихъ трудъ [16]), ограничиваетъ ихъ шансы на обезпеченіе себѣ пропитанія. И хотя бы, напр., озлобленіе фокійскаго населенія противъ богатаго предпринимателя Мнасона, на котораго работало не менѣе тысячи несвободныхъ рабочихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что они чувствовали давленіе, оказываемое этой конкуренціей, и очень хорошо сознавали экономическую связь между обѣднѣніемъ массы и хозяйствомъ, въ основѣ котораго лежалъ рабскій трудъ. Мнасона упрекали именно въ томъ, что онъ лишаетъ столько согражданъ хлѣба насущнаго [17]).

Однако, къ этому непосредственному матеріальному ущербу, наносимому свободному труду, присоединялся еще и косвенный вредъ, причиняемый тѣмъ моральнымъ давленіемъ, которое хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, оказывало

на положеніе рабочаго класса вообще. Тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ свободный трудъ, прогрессъ культуры всегда обнаруживаетъ извѣстную тенденцію къ повышенію житейскаго уровня даже и низшаго класса. Его потребности, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени возрастаютъ при повышеніи уровня цивилизаціи. Пусть вознагражденіе за неквалифицированный трудъ необученнаго работника обыкновенно едва превышаетъ необходимое для существованія, все же взглядъ на размѣры этого «необходимаго» всегда представляетъ собой лишь нѣчто относительное, поскольку дѣло идетъ о свободныхъ людяхъ. Онъ зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, которое, съ своей стороны, опредѣляется уровнемъ цивилизаціи вообще. Извѣстно вѣдь, какъ сильна тенденція житейскаго уровня оставаться на разъ достигнутой высотѣ, до какой степени заработная плата сопротивляется паденію, какъ выразился Мальтусъ. Но какъ обстоитъ дѣло въ томъ случаѣ, когда свободные рабочіе составляютъ лишь часть рабочаго класса, остальная же его часть, если даже не большинство, вынуждена примиряться съ неблагопріятными въ высшей степени условіями существованія, когда принужденіе столь многочисленной массы рабочихъ къ интенсивнѣйшей затратѣ труда за наименьшую степень удовлетворенія человѣческихъ потребностей стало обычнымъ явленіемъ? Развѣ могъ, при существованіи такихъ условій, наличность которыхъ мы можемъ констатировать, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, разсчитывать на то, что къ нему станутъ прилагать гораздо болѣе высокій масштабъ?

Правда, свободный трудъ далеко не всегда пассивно выносилъ тяготѣвшее на немъ давленіе. Конечно, дѣло не вездѣ ограничивалось одними лишь протестами противъ конкуренціи со стороны рабовъ, въ родѣ тѣхъ, которые дошли до насъ изъ Фокиды четвертаго вѣка. По крайней мѣрѣ, относительно болѣе поздней эпохи мы узнаемъ, что разногласія съ работодателями относительно заработной платы приводили къ форменнымъ забастовкамъ. Въ честь одного чиновника, оказавшаго услуги при улаженіи такого рода разногласій, на островѣ Паросѣ былъ изданъ декретъ, увѣковѣченный на мраморѣ! Въ этомъ декретѣ ему воздается хвала за то, что въ качествѣ «агоранома» онъ заботился о томъ, чтобы рабочіе не терпѣли несправедливости отъ работодателей и обратно, такъ какъ онъ «побудилъ рабочихъ согласно закону не устраивать стачки, а работодателей—платить имъ подобающую плату» [18]). Итакъ, дѣло идетъ о забастовкѣ въ качествѣ оружія въ борьбѣ изъ-за заработной платы. Однако, нельзя придавать преувеличенное значеніе тѣмъ результатамъ, которыхъ можно было достигнуть, пользуясь этимъ оружіемъ. Развѣ могъ классъ свободныхъ рабочихъ, даже и при наилучшей организаціи своихъ членовъ, надѣяться на то, что ему удалось бы въ общемъ и постоянно оказывать вліяніе на установленіе высоты заработной платы, разъ значительная часть оказывавшихся на лицо рабочихъ силъ, будучи несвободна, была совершенно изъята отъ его воздѣйствія, и разъ успѣхъ солидарнѣйшей совмѣстной борьбы по существу дѣла зависѣлъ отъ того, могли ли вызванные забастовкой пробѣлы быть заполнены рабочей силой несвободныхъ людей, или же нѣтъ?

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что все отношеніе труда къ капиталу, въ особенности же несвобода рабочаго рынка, должны были свинцовою тяжестью давить на всѣ стремленія обезпечить свободному труду возрастающую долю благъ, производимыхъ въ народномъ хозяйствѣ. Благодаря наличности многочисленной резервной арміи, которою античный капиталъ располагалъ еще въ большей степени, чѣмъ капиталъ новаго времени, товаръ-трудъ не могъ слишкомъ подоро-

жать. Вѣдь къ античному народному хозяйству примѣнимо замѣчаніе Маркса относительно Сѣверной Америки. Тамъ «всякое рабочее движеніе было стѣснено, пока рабство уродовало часть республики. Эмансипація труда бѣлыхъ невозможна тамъ, гдѣ заклейменъ трудъ черныхъ» [19]). Еще менѣе возможна была эта эмансипація тамъ, гдѣ подобное клейменіе было возможно даже и по отношенію къ единоплеменникамъ. Въ особенности же при такомъ положеніи дѣлъ невозможна была мысль о томъ, что заработная плата представляетъ собой въ лучшемъ смыслѣ этого слова самостоятельный элементъ образованія дохода. Тамъ, гдѣ до такой степени привыкли усматривать въ рабочемъ именно всего лишь необходимый инструментъ, и въ заработной платѣ могли видѣть не что иное, какъ только вычетъ изъ барыша капиталиста или изъ предпринимательской прибыли.

Уже и то обстоятельство, что даже въ демократическихъ Аѳинахъ простолюдинъ одѣвался не лучше раба, и вообще его нельзя было по внѣшнему виду отличить отъ послѣдняго, даетъ возможность умозаключить, что жизнь массы находилась на весьма низкомъ уровнѣ [20]). Это впечатлѣніе подтверждается и тѣмъ, что мы знаемъ относительно размѣровъ заработной платы. Поденная плата, равнявшаяся тремъ оболамъ, которую мы можемъ констатировать для необученныхъ рабочихъ въ Аѳинахъ во вторую половину пятаго вѣка [21]), не была достаточна для прокормленія семьи даже и при нетребовательности южанъ [22]). Тѣмъ не менѣе, во время пелопоннесской войны находились тысячи людей, готовыхъ за скудное вознагражденіе взять на себя тяжелую и опасную службу гребцовъ на галерахъ [23]). И съ какой жадностью стремились въ Аѳинахъ простолюдины къ оплачиваемому двумя-тремя оболами выполненію обязанностей присяжныхъ! Поэтому и среднее вознагражденіе за квалифицированный трудъ врядъ ли значительно превышало одну драхму [24]), о чемъ и сохранилось свидѣтельство, относящееся къ той же эпохѣ [25]). Но развѣ даже и это вознагражденіе можетъ быть признано значительнымъ для отца семейства? Что значило вознагражденіе, дававшее возможность лишь кое-какъ удовлетворять необходимѣйшія потребности, причемъ участіе въ пользованіи культурными благами или оказывалось почти совершенно недостижимымъ, или становилось доступнымъ лишь при ихъ безплатности, а о сбереженіяхъ и тѣмъ болѣе о накопленіи состоянія въ большинствѣ случаевъ не могло быть и рѣчи? Поэтому и считалось чѣмъ-то само собой разумѣющимся, что ремесленный работникъ долженъ былъ впадать въ нищету, достигнувъ такого возраста, когда онъ переставалъ быть физически работоспособнымъ, разъ онъ не могъ разсчитывать на чью-либо поддержку [26]).

Правда, лѣтъ черезъ 80 послѣ этого мы встрѣчаемъ заработную плату, равнявшуюся $1^1/_2$ драхмамъ для необученныхъ и $2—2^1/_2$ драхмамъ для обученныхъ рабочихъ и для ремесленниковъ [27]). Однако, за этотъ долгій промежутокъ времени весьма увеличилось число орудій обращенія, покупательная сила денегъ значительно понизилась, цѣны именно наиболѣе необходимыхъ для удовлетворенія житейскихъ потребностей предметовъ поднялись [28]), такъ что это повышеніе заработной платы врядъ ли можетъ быть признано симптомомъ существеннаго подъема доходовъ низшихъ классовъ народа. Абсолютно заработная плата могла представляться значительно повысившеюся; однако, при пониженіи цѣнности денегъ, повышеніе денежной заработной платы могло означать неизмѣнность или пониженіе реальной платы. Если занятые одновременно съ вышеупомянутыми рабочими рабы получали на одно только прокормленіе по полудрахмѣ на каждаго [29]), то и въ эту эпоху средняя [30]) заработная плата давала возможность развѣ что весьма примитивнаго удовлетворенія необходимѣйшихъ матеріальныхъ потребностей,

причемъ врядъ ли оставалось что-либо въ качествѣ дѣйствительно свободнаго дохода [31]).

Такимъ образомъ, какъ ни скуденъ статистическій матеріалъ, относящійся къ высотѣ заработной платы, онъ все же подтверждаетъ высказанный нами выше взглядъ, согласно которому повышеніе благосостоянія, которое вѣдь было значительно именно въ Аттикѣ въ теченіе четвертаго вѣка, лишь въ недостаточной степени распространилось и на рабочій классъ. А если дѣло обстояло такимъ образомъ даже и въ богатѣйшемъ городѣ тогдашней Эллады, то матеріальное положеніе свободнаго труда врядъ ли могло сложиться значительно благопріятнѣе и въ другихъ мѣстностяхъ [32]).

Но мы можемъ констатировать, что не только въ сферѣ промышленнаго труда отъ увеличенія производительности труда часто односторонне выигрывали имущіе. Вышеуказанная капиталистическая эволюція индустріальнаго общества вскорѣ естественно сказалась и въ сельскомъ хозяйствѣ. И здѣсь она вызвала такіе же результаты въ сферѣ отношеній между капиталомъ и трудомъ, между имущими и неимущими, какъ тѣ, которые намъ пришлось констатировать въ городскихъ стѣнахъ.

Въ древности всегда обнаруживалась чрезвычайно сильная тенденція ко вложенію капиталовъ, пріобрѣтенныхъ въ промышленныхъ, торговыхъ и денежныхъ предпріятіяхъ, въ земельную собственность [33]). Большая обезпеченность, большее значеніе въ обществѣ, предпочтеніе, оказываемое наслажденію дачною жизнью, необходимость вкладывать деньги въ землю, вытекавшая изъ слабаго развитія кредита,—все это способствовало тому, что горожане обнаруживали чрезвычайную склонность къ обладанію земельными участками или, по крайней мѣрѣ, къ финансовому ихъ эксплуатированію. При этомъ особенно важно, что античнымъ капиталистамъ нельзя было, подобно нынѣшнимъ, обмѣнивать движимое имущество на цѣнныя бумаги. Эту функцію выполняли въ извѣстномъ смыслѣ рабы, которые вѣдь представляли собой во всякое время переводимые, приносившіе опредѣленную ренту имущественные объекты. Но, кромѣ промышленности, рабовъ можно было въ сравнительно обширныхъ размѣрахъ утилизировать для извлеченія изъ нихъ дохода, лишь примѣняя ихъ трудъ въ земледѣліи или иного рода эксплуатаціи земли (въ горномъ промыслѣ). Это обстоятельство въ значительной степени усиливало спросъ капитала на землю и тенденцію къ концентраціи земельной собственности.

Не только богатые граждане окружали городъ пышными дачами [34]), но и мелкій промышленный капиталъ искалъ и находилъ сравнительно надежное примѣненіе въ деревенской земельной собственности, причемъ граждане вели хозяйство при посредствѣ своихъ рабовъ, отпущенниковъ или арендаторовъ [35]). Мы можемъ констатировать, какъ капиталъ повсемѣстно проникалъ въ деревни, такъ что, напр., въ Аттикѣ, очевидно, было заурядnымъ явленіемъ, что земельные участки, принадлежавшіе зажиточнымъ гражданамъ, были разбросаны по разнымъ общинамъ [36]). И въ этомъ отношеніи сельское хозяйство принимало все болѣе и болѣе индустріальный характеръ. Для многихъ гражданъ оно являлось лишь такою же сферой спекуляціи, какъ и промышленность и торговля. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ та легкость, съ которою аттическій гражданинъ четвертаго вѣка становится купцомъ, ростовщикомъ, лавочникомъ или трактирщикомъ, коль скоро сельское хозяйство не представляло достаточныхъ выгодъ вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на вино или на хлѣба [37]). Этотъ переходъ отъ одного занятія къ другому воочію обнаруживаетъ, до какой степени подобные земледѣльцы уже не были подлинными крестьянами.

Данныя, имѣющіяся у насъ относительно имущественнаго положенія одного изъ крупныхъ аѳинскихъ банкировъ четвертаго вѣка, проливаютъ яркій свѣтъ на проникновеніе городского капитала въ землевладѣніе. Кромѣ фабрики, онъ обладалъ земельными участками, цѣнность которыхъ равнялась 20 талантамъ, причемъ значительная часть этой земли была, конечно, расположена за городомъ. И въ составъ тѣхъ 50 талантовъ, которые онъ выдалъ въ долгъ, конечно, входило много суммъ, ссуженныхъ имъ подъ залогъ земель. Прямо говорится, что сумма въ 11 талантовъ была ссужена имъ подъ залогъ земельныхъ участковъ и домовъ. Оставшійся послѣ него земельный участокъ приносилъ приблизительно одинъ талантъ дохода [38]). Однажды Демосѳенъ выразилъ предъ однимъ изъ состоявшихъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ аѳинскихъ судовъ присяжныхъ прискорбіе по поводу тревожнаго симптома соціальной эволюціи, усматриваемаго имъ въ томъ, что всѣ члены суда, вмѣстѣ взятые, не владѣли такимъ количествомъ земли, какое скупили себѣ нѣкоторые богатые выскочки [39]), о которомъ, прибавляетъ одинъ изъ подражателей оратора, они не смѣли и мечтать [40]). Также упоминаемое въ одной судебной рѣчи имѣніе, простиравшееся на 40 стадій и приносившее своему владѣльцу болѣе тысячи медимновъ ячменя и 800 метретовъ вина цѣною отъ 7 до 27600 драхмъ, а, кромѣ того, еще и около 40 минъ лѣсной ренты [41]), доказываетъ, что въ самомъ дѣлѣ не было недостатка въ большихъ имѣніяхъ. И притомъ этотъ землевладѣлецъ даже не принадлежалъ къ числу трехсотъ лицъ, обложенныхъ наибольшимъ налогомъ. Не было, наконецъ, недостатка въ симптомахъ столь характернаго для процесса накопленія земельной собственности стремленія къ округленію участковъ, libido agros continuandi [42]). Не мудрено, что политики, усматривавшіе спасеніе общества въ здоровомъ крестьянскомъ сословіи, съ тоской вспоминали о прежнихъ ограниченіяхъ права накопленія, отчужденія и заклада земельной собственности и отстаивали ихъ возобновленіе [43]).

Благодаря этому проникновенію движимаго капитала въ сферу сельскаго хозяйства и послѣднему передалась нѣкоторая доля подвижности въ оборотахъ, свойственной промышленной жизнедѣятельности. Эта подвижность еще усиливалась вслѣдствіе того, что вѣдь сельское хозяйство и само уже издавна переживало внутренній переворотъ въ этомъ направленіи. Вѣдь съ прогрессомъ городской культуры и денежнаго хозяйства и земледѣліе національзировалось, причемъ даже и крестьянскія хозяйства принимали все болѣе и болѣе индустріальный характеръ, и сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ устанавливался на коммерческихъ началахъ.

Конечно, сама по себѣ эта эволюція отнюдь не была невыгодна для землевладѣльцевъ средней руки и для мелкихъ собственниковъ! Вѣдь чѣмъ большее значеніе пріобрѣталъ для деревни въ качествѣ рынка городъ, и чѣмъ болѣе возрастали благодаря этому доходы сельскаго населенія, а также чѣмъ большее значеніе получалъ элементъ личнаго труда благодаря тому, что земледѣліе становилось болѣе интенсивнымъ, и распространялось огородничество, тѣмъ легче становилась для сравнительно мелкихъ хозяйствъ конкуренція съ болѣе крупными. Такимъ образомъ, интенсивное развитіе разведенія овощей и садовыхъ растеній, разведенія оливковыхъ деревьевъ, винограда и фиговыхъ деревьевъ несомнѣнно сопровождалось подъемомъ многочисленнаго и сильнаго сословія среднихъ и мелкихъ собственниковъ. Однако, это разведеніе растеній для торговли было съ своей стороны сопряжено съ нѣкоторыми опасностями для мелкихъ винодѣловъ, огородниковъ и садоводовъ. Производство для продажи ставило ихъ въ зависимость отъ всякихъ колебаній рынка, противъ которыхъ крестьянинъ зачастую оказывался безномощнымъ, какъ доказываетъ, напр., вышеупомянутый переходъ отъ одного занятія къ

другому, между тѣмъ какъ болѣе искусный въ веденіи дѣлъ спекулянтъ и крупный собственникъ умѣли совершенно иначе считаться съ задержками въ сбытѣ и съ кризисами, да и совершенно иначе справлялись съ ними, обладая болѣе значительными капиталами. А до какой степени отъ этого обладанія болѣе значительными средствами, отъ способности выносить болѣе значительный рискъ, зависѣли улучшенія въ производствѣ, на которыя часто не могъ вслѣдствіе связаннаго съ ними риска рѣшаться даже и собственникъ средней руки, не говоря уже о мелкомъ крестьянинѣ! Насколько легче, наконецъ, переносилъ крупный землевладѣлецъ зависимость отъ колебаній урожая, подверженнаго въ разведеніи оливковыхъ деревьевъ и еще болѣе въ винодѣліи столькимъ случайностямъ, которыя могли влечь за собой тѣмъ болѣе роковыя послѣдствія для мелкаго хозяина, чѣмъ болѣе значительной затраты капитала требуетъ, напр., винодѣліе по сравненію съ хлѣбопашествомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что для такого сословія, какъ крестьянское, для котораго по всему его существу непрерывный и прочный заработокъ составляетъ условіе существованія, шансы экономическаго упадка увеличивались по мѣрѣ того, какъ его дѣятельность принимала меркантильный и спекулятивный характеръ, и ему приходилось считаться съ быстрыми измѣненіями конъюнктуры. Какъ часто мелкій винодѣлъ и производитель оливковаго масла попадали въ такое положеніе, которое едва отличалось отъ пролетарскаго, и сколь многимъ приходилось отказываться отъ кажущейся экономической самостоятельности, чтобы поступить на службу къ какому-нибудь крупному производителю въ качествѣ колоновъ или ѳетовъ.

Это примѣнимо какъ къ сельскому хозяйству, такъ и къ землевладѣнію. Какъ крестьянинъ существенно измѣнился, благодаря общей экономической эволюціи, такъ и юридическій характеръ земли, на которой онъ хозяйничалъ, сталъ инымъ. Все болѣе и болѣе распространявшееся право свободной дѣлимости и отчуждаемости причинило нѣкоторый ущербъ первоначальному своеобразному характеру земельной собственности. Земельный участокъ признавался уже не основою выполненія самостоятельной экономической функціи, связанной съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, какъ при прежнихъ правовыхъ нормахъ, а товаромъ. И эта мобилизація земли зачастую доходила до того, что земельная собственность, будучи вовлечена въ круговоротъ капиталистическаго движенія, утрачивала свои специфическія особенности и характеръ устойчиваго элемента въ общественномъ организмѣ. Нерѣдко она становилась прямо-таки объектомъ чисто-спекулятивной смѣны собственниковъ, ходкимъ предметомъ торговли. Этимъ объясняются жалобы благонамѣренныхъ патріотовъ на то, что «земля разсматривается уже не какъ мать людей, какъ очагъ боговъ и могила отцовъ, но лишь какъ орудіе обогащенія». Конечно, эта жалоба была не основательна въ томъ отношеніи, что мобилизація земли необходима для развитія производительныхъ силъ сельскаго хозяйства, а, съ другой стороны, и тогда значительная часть крестьянскаго населенія навѣрно еще считала свою землю не объектомъ барышническихъ спекуляцій, а мѣстомъ трудовой дѣятельности, которое желательно было передать потомкамъ въ наилучшемъ состояніи. Но поскольку вышеупомянутый капиталистическій духъ проникалъ въ земледѣліе, онъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ соціальную опасность. Вѣдь обращеніе съ землею, какъ съ объектомъ торговли и спекуляціи, очень облегчало процессъ чрезмѣрнаго обремененія ея долгами, такъ какъ оно всегда имѣетъ тенденцію къ тому, чтобы цѣна земельныхъ участковъ превышала сумму капитализированной земельной ренты и процентовъ на соотвѣтственные необходимые производительные капиталы [44]). А чрезмѣрная за-

долженность означаетъ уменьшеніе способности къ сопротивленію захватамъ со стороны движимаго капитала.

Къ тому же стремленію капиталистовъ къ поглощенію и скупкѣ земельныхъ участковъ благопріятствовала вынужденная задолженность землевладѣльцевъ, вызываемая равнымъ правомъ наслѣдованія, неограниченною дѣлимостью и т. д. Чѣмъ болѣе увеличивалось населеніе,—а тотъ избытокъ населенія, который европейская Эллада оказалась въ состояніи направить на Востокъ въ эпоху эллинизма, доказываетъ, что оно въ общемъ увеличивалось, несмотря на всѣ войны [45]),—тѣмъ болѣе должно было возрастать обремененіе земельной собственности денежными обязательствами по отношенію къ наслѣдникамъ, выдачей приданаго, недоплаченной покупной цѣной и т. д.

Не мудрено, что ненавистные закладные камни, исчезновеніе которыхъ когда-то въ восторженныхъ стихахъ прославлялъ Солонъ, снова встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ какъ-разъ съ четвертаго вѣка [46]). Это означало серьезную опасность въ виду обычной—опять-таки обусловливаемой капиталистической эволюціей—формой задолженности [47]), при которой земельная собственность—недвижимый фондъ—закладывалась какъ движимость, какъ «капиталъ», цѣнность котораго совершенно иначе воспроизводится и сохраняется въ видѣ свободной наличности, чѣмъ земельная собственность, которую гораздо труднѣе перенести въ другую форму, и которая получаетъ свою цѣнность лишь благодаря рентѣ. А если давленіе, оказываемое этими подлежащими востребованію долгами, еще усиливалось высокимъ процентомъ, который, какъ извѣстно, равнялся въ четвертомъ вѣкѣ въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, 12%, или экономическими кризисами и затрудненіями, то, конечно, часто оказывались неизбѣжными обращеніе крестьянина въ пролетарія—мелкаго арендатора или сельскаго рабочаго и превращеніе свободной крестьянской собственности въ землю, сдаваемую въ аренду или обрабатываемую колонами (ἐπίμορτος γῆ). Такое превращеніе особенно часто совершалось тамъ, гдѣ восходящее къ пятому вѣку раздѣленіе земельныхъ участковъ на очень мелкіе клочки довело къ чрезмѣрному дробленію имѣній, и вызванныя этимъ вредныя соціальныя послѣдствія подорвали способность части крестьянскаго населенія къ сопротивленію. Какое сопротивленіе могли оказать въ затруднительныхъ случаяхъ мизерныя хозяйства, на которыхъ и при нормальныхъ условіяхъ часто лишь кое-какъ перебивались пролетаріи! [48]).

Но именно къ этому-то и клонилось, въ концѣ концовъ, дѣло при проникновеніи капитала въ сферу землевладѣнія: за городскими стѣнами капиталъ точно такъ же, какъ и въ промышленной жизни, стремился овладѣть личными и вещественными производственными силами. Для того, чтобы пользованіе земельной рентой вполнѣ досталось капиталу, необходимо было скупить у крестьянъ ихъ участки или же разорить ихъ ростовщичествомъ, причемъ они должны были стать работниками капиталистовъ. Вѣдь, имѣя дѣло съ бѣдными фермерами, временно арендовавшими участки, легко было добиться, чтобы увеличеніе дохода отъ производства шло, главнымъ образомъ, въ пользу капиталиста, такъ какъ, чтобы не быть прогнанными съ арендуемыхъ ими участковъ [49]), они, конечно, довольно часто удовлетворялись минимальной долей дохода [50]).

Въ данномъ случаѣ повторилось явленіе, совершенно аналогичное тому, которое мы уже отмѣтили въ городахъ. Рента капиталистовъ возрастала на счетъ той доли дохода отъ производства, которую теряли трудящіеся, и которая доставалась ссбственникамъ. И доля, достававшаяся трудящимся, поскольку трудъ зависѣлъ отъ капитала, скорѣе оказывалась даже еще менѣе значительною, такъ какъ

вознагражденіе, получаемое деревенскими рабочими и поденщиками, вѣроятно, было еще меньше вознагражденія, получаемаго промышленными рабочими. Къ тому же, чтобы сдѣлать распредѣленіе какъ можно болѣе выгоднымъ для себя, капиталъ и въ деревнѣ зачастую прибѣгалъ къ тому же средству, при помощи котораго ему удалось до такой степени усилить свое преобладаніе въ торговлѣ и промышленности. Навѣрное онъ замѣнялъ, поскольку это оказывалось экономически выгоднымъ, свободныхъ сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ несвободными рабочими. Это доказываетъ не только фактическая распространенность рабскаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ [51]), но и соціальная теорія четвертаго вѣка, согласно которой свободный трудъ вовсе не представляетъ собою необходимаго экономическаго условія преуспѣянія сельскаго хозяйства [52]).

Такимъ образомъ, и въ сферѣ аграрныхъ отношеній зачастую усиливалось соціальное и экономическое давленіе, оказываемое капиталомъ съ его несвободными орудіями труда на свободный трудъ вообще.

Вѣдь къ вышеуказаннымъ, чисто-экономическимъ тенденціямъ развитія присоединялся и еще одинъ моментъ, по существу дѣла еще болѣе усиливавшій ихъ дѣйствіе. И именно неблагопріятное общее историческое положеніе націи иногда особенно сильно тяготѣло надъ деревней, гдѣ оно и способствовало обостренію соціально-экономическихъ противоположностей. Какъ сильно способствовало усиленію бѣдности въ особенности веденіе войнъ въ эту эпоху, въ которой на 85 лѣтъ (отъ начала пелопоннесской войны до вступленія царя Филиппа въ Дельфы) приходится не менѣе 55 лѣтъ великой греческой войны! Вѣдь при веденіи этихъ войнъ очень часто имѣлось въ виду безпощадное нанесеніе противнику экономическаго ущерба. Благодаря уничтоженію оросительной системы и насаженныхъ деревьевъ, нерѣдко, при развитости садоводства и огородничества и въ силу почвенныхъ условій, оказывавшихъ прямо-таки разрушительное дѣйствіе на обработку земли [53]), сельскіе хозяева должны были попадать въ затруднительное положеніе, отъ послѣдствій котораго средніе и мелкіе собственники или арендаторы, конечно, довольно часто не были въ состояніи оправиться. «Они неистовствуютъ противъ собственной кормилицы и матери»,—жалуется Платонъ въ «Государствѣ» [54]), и—могъ бы онъ прибавить—противъ сердцевины націи, противъ крѣпчайшаго общественнаго устоя, каковымъ, по мнѣнію Еврипида, для націи былъ именно жившій собственнымъ трудомъ земледѣлецъ [55]). Конечно, и капиталъ очень страдалъ отъ подобныхъ кризисовъ. Однако, онъ былъ въ состояніи несравненно быстрѣе и легче преодолѣвать ихъ, такъ что Аристотель констатируетъ какъ общеизвѣстный фактъ, что въ военное время одна часть населенія чрезмѣрно богатѣетъ, а другая чрезмѣрно бѣднѣетъ [56]). Насколько блестящъ былъ промышленный и коммерческій подъемъ въ Аѳинахъ въ теченіе столѣтія, послѣдовавшаго за тяжелой эпохой пелопонесской войны [57]), между тѣмъ какъ то крѣпкое и славное крестьянство, образчикъ котораго мы встрѣчаемъ въ роскошныхъ образахъ, созданныхъ драмою и древнѣйшей комедіей, «крѣпкое какъ дубовое дерево, упорное какъ кленъ», рѣшительно падало въ это время, да и вообще деревня такъ и не оправилась вполнѣ отъ послѣдствій опустошительной войны! [58]). А, съ другой стороны, подобные кризисы, переживаемые сельскимъ хозяйствомъ, опять-таки отчасти оказывались выгодными именно городскому капиталу. Лишь владѣлецъ капитала былъ въ состояніи найти средства для необходимыхъ послѣ подобныхъ кризисовъ улучшеній, могъ производить затраты, окупавшіяся лишь чрезъ нѣсколько, лѣтъ напр., снова насадить виноградникъ и оливковыя деревья. Поэтому, между тѣмъ какъ въ подобныя эпохи многіе средніе и мелкіе хозяева оказывались вынужденными про-

давать свои земельные участки, пріобрѣтеніе послѣднихъ по дешевымъ цѣнамъ, приведеніе ихъ въ такое состояніе, въ которомъ они снова могли приносить доходъ, и перепродажа ихъ по болѣе дорогимъ цѣнамъ, повидимому, являлись излюбленной спекуляціей капитала [59]). Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянину удавалось удержать землю въ своихъ рукахъ, онъ зачастую попадалъ въ зависимость отъ городского капитала, принимавшую форму задолженности [60]). А въ другихъ случаяхъ крестьянинъ вообще исчезалъ въ опустошенной войною территоріи, и вмѣсто крестьянскихъ хозяйствъ возникали плантаціи или пастбища, принадлежавшія капиталистамъ. Повидимому, подобный исходъ становился все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ въ послѣдніе вѣка греческой исторіи.

2. Полновластіе денегъ и возрастаніе общественной дифференціаціи [1]).

Присущее торговому капиталу стремленіе обращать въ товаръ все, что приноситъ прибыль, оказалось настолько успѣшнымъ даже и въ сферѣ аграрныхъ отношеній, что земля разсматривалась уже не только какъ источникъ ренты, но и какъ источникъ спекулятивной наживы. Это явленіе опредѣленно свидѣтельствуетъ о непрерывномъ усиленіи капитализма, господствѣ денегъ и спекуляціи во всей экономической и соціальной жизни. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ торговлѣ, въ индустріи и въ сельскомъ хозяйствѣ во главѣ экономическаго движенія стоялъ классъ предпринимателей и капиталистовъ, которымъ то обстоятельство, что они обладали большимъ количествомъ движимыхъ и недвижимыхъ орудій производства, доставляло возможность получать въ формѣ прибыли, процента и арендной платы часто несоразмѣрно большую долю дохода, приносимаго народнымъ хозяйствомъ. Организуя, господствуя, «трудясь» [2]), капиталъ занимаетъ центральное положеніе въ процессѣ производства и обращенія. Объ этомъ властномъ положеніи наглядно свидѣтельствуетъ существованіе очевидно весьма многочисленнаго класса людей, пользовавшихся рентою, для которыхъ идеаломъ жизни былъ «досугъ», и которые, если они не принимали участія въ общественной жизни, жили, не занимаясь какимъ-либо профессіональнымъ трудомъ, на счетъ труда другихъ.

Интенсивнѣе всего полновластіе денегъ надъ всей соціальной жизнью развилось, понятно, тамъ, гдѣ классъ капиталистовъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и привилегированнымъ классомъ, пользовавшимся особыми правами, гдѣ съ матеріальнымъ господствомъ капитала соединялось и его политическое господство. Въ такомъ случаѣ, въ «плутократіи» или «олигархіи», гдѣ трудящаяся и неимущая масса даже и юридически не была равноправна съ собственниками, эксплуатація труда, естественно, достигала наибольшихъ размѣровъ [3]). Конечно, Платонъ сильно преувеличивалъ, полагая, что въ олигархически управляемыхъ государствахъ, кромѣ господствующаго класса, можно встрѣтить почти исключительно однихъ нищихъ [4]). Вѣдь въ данномъ случаѣ сказывается соціалистическій доктринеръ, для котораго накопленіе богатства на одномъ полюсѣ всегда означаетъ—какъ выражается Марксъ—вмѣстѣ съ тѣмъ, и накопленіе нищеты, эксплуатаціи и нравственнаго вырожденія на другомъ полюсѣ. Но все-таки подобное выраженіе врядъ ли было бы возможно, если бы экономическая классовая противоположность не чувствовалась въ плутократическомъ государствѣ особенно рѣзко. И, въ самомъ дѣлѣ, Аристотель также опредѣленно указываетъ на то обстоятельство, что для олигархіи характерна слабость средняго сословія [5]). Вѣдь эта противоположность достаточно рѣзко бросается въ глаза даже и въ достигшей наибольшаго развитія демократіи!

Правда, распространено мнѣніе, что путемъ многочисленныхъ «анти-капиталистическихъ предохранительныхъ мѣръ» демократія оказалась въ состояніи успѣшно предотвратить захваты капитализма, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ *своей* власти. Полагаютъ, что въ данномъ случаѣ политика «смягчила экономическую эволюцію». Демократическое законодательство и демократическая администрація будто бы «лишили крупныхъ собственниковъ возможности получать слишкомъ большіе барыши»[6]), безпрестанно задѣвая капиталъ посредствомъ литургій и вообще облагая его, путемъ государственнаго регулированія обращенія благъ, напр., политики, направленной противъ дороговизны, и т. д.

Однако, сторонники этого мнѣнія упускаютъ изъ виду, что даже и въ демократіи капиталистическое меньшинство вовсе не оказывалось до такой степени беззащитнымъ противъ большинства, какъ это кажется при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Вѣдь вышеуказанная экономическая зависимость городской массы [7]) значительно ограничивала возможность постояннаго торжества чисто-пролетарскихъ интересовъ при посредствѣ численнаго перевѣса голосовъ пролетаріевъ надъ голосами имущихъ въ народномъ собраніи. Какъ извѣстно, именно тамъ, гдѣ низшій слой народа обращается въ чернь, и верховенство переходитъ въ руки этой черни, богатые очень часто могутъ вліять на ходъ государственныхъ дѣлъ путемъ подкупа [8]). Что же касается, съ другой стороны, неимущихъ элементовъ внѣ города, то, спрашивается, сколь многіе изъ нихъ вообще были въ состояніи регулярно пользоваться своимъ правомъ голоса? Намъ извѣстны надписи, въ которыхъ упоминается количество голосовъ, поданныхъ въ народномъ собраніи. Эти цифры ничтожны по сравненію съ общимъ числомъ лицъ, имѣвшихъ право голосовать [9]), и хотя слѣдуетъ воздерживаться отъ обобщеній на основаніи случайно извѣстныхъ данныхъ относительно числа поданныхъ голосовъ, однако, эти данныя все же позволяютъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать тотъ выводъ, что, несмотря на всеобщее голосованіе, меньшинству должно было довольно часто удаваться вліять на голосованіе въ своемъ смыслѣ. Какъ ни убыточно бывало для имущаго меньшинства—въ особенности въ безпокойное время—господство массы, при *нормальныхъ* условіяхъ одолѣваемые экономическими заботами мелкая буржуазія и пролетаріатъ, у которыхъ совершенно отсутствовали личныя и соціальныя предпосылки для занятія высшихъ должностей, все же должны были предоставлять дѣйствительное руководство государствомъ имущимъ. А что сказать по поводу необузданной спекуляціи, которую мы можемъ порой констатировать даже и въ демократическихъ Аѳинахъ въ видѣ ужаснаго ростовщичества, отъ котораго страдали мелкіе торговцы на рынкѣ [10])? Сохранилась рѣчь, относящаяся именно къ эпохѣ развитой демократіи и изображающая усиленіе капитализма въ Аѳинахъ, причемъ авторъ элегически вспоминаетъ о томъ добромъ старомъ времени, когда между гражданами въ гораздо большей степени существовало соціальное равенство, и поэтому демосъ еще «властвовалъ надъ всѣмъ» [11]), между тѣмъ какъ теперь все это совершенно измѣнилось. Теперь всѣмъ заправляютъ люди, *живущіе въ домахъ, напоминающихъ дворцы, и скупившіе большія имѣнія*. На ряду съ ними демосъ производитъ впечатлѣніе какой-то прицѣпки и осужденъ на роль какого-то прислужника, долженствующаго довольствоваться крохами, падающими со стола вышеупомянутыхъ богачей [12]).

Это несомнѣнно тенденціозное преувеличеніе, которое, однако, все-таки свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что давленіе экономической и соціальной силы могло въ иныхъ случаяхъ оказываться весьма сильнымъ и при демократическомъ режимѣ. Какъ бы то ни было, извѣстныя намъ соціальныя явленія аѳинской

экономической жизни неопровержимо доказываютъ, что хотя при всеобщемъ правѣ голоса и народовластіи иногда и принимались мѣры, оказывавшіяся разорительными для богачей [13]), однако, онѣ не могли воспрепятствовать скопленію большихъ богатствъ въ рукахъ немногихъ лицъ и обращенію части массы въ пролетаріатъ. Поэтому, говоря о нарушеніяхъ того, что онъ называлъ «симметріей» въ общественномъ организмѣ, Аристотель могъ привести въ качествѣ примѣра подобныхъ нарушеній симметріи и демократію, гдѣ масса бѣдныхъ часто несоразмѣрно возрастаетъ, а, съ другой стороны, и число богачей, а равно и размѣры ихъ богатства могутъ до такой степени увеличиться, что въ иныхъ случаяхъ нельзя уже воспрепятствовать переходу къ олигархіи и даже къ ея наихудшей формѣ, къ династическому правленію [14]).

Но это усиленіе капитализма въ государствѣ съ развитыми индустріей и торговлей находитъ свое выраженіе еще и въ рядѣ другихъ симптомовъ.

Конкуренція изъ-за наибольшаго барыша и дохода, представляющая собой побудительный стимулъ и движущую силу капиталистическаго народнаго хозяйства, стала опредѣлять собой всю экономическую структуру эпохи, сильно содѣйствуя, съ другой стороны, дальнѣйшему развитію капиталистической формы народнаго хозяйства.

На кораблѣ—говорится у Еврипида—плывутъ они,
Разсѣкая морскія волны, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ,
Увлекаясь любящимъ богатство соперничествомъ,
Чтобы увеличить собранныя у себя въ домѣ богатства.
Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наживѣ,
Сладкая надежда превращается въ ненасытную страсть,
Которая и овладѣваетъ тѣми смертными, кто, ради пріобрѣтенія богатства,
Носится по морямъ и, потворствуя своей глупой страсти,
Посѣщаетъ чужіе города [15]).

Конечно, это односторонній взглядъ, упускающій изъ виду необходимость этого соперничества. Вѣдь разъ индивидуумъ желалъ отстоять себя въ этой борьбѣ, остаться способнымъ выдержать конкуренцію и не быть превзойденнымъ, онъ долженъ былъ стремиться къ накопленію все большаго и большаго капитала. «Любостяжаніе» является неизбѣжнымъ спутникомъ капиталистическаго народнаго хозяйства, въ которомъ оно вѣдь и необходимо въ качествѣ главнаго рычага экономическаго прогресса. Какъ таковой, оно, прямо-таки прославляется Ѳукидидомъ въ его классическомъ изображеніи безпокойнаго стремленія аѳинянъ къ пріобрѣтенію [16]). Неизбѣжнымъ отраженіемъ экономическихъ условій является и то обстоятельство, что вырожденіе стремленія къ пріобрѣтенію въ алчность, въ безудержную спекуляцію и барышничество (αἰσχροκέρδεια), которое вѣдь мы можемъ констатировать не только въ эпоху такъ называемаго «нравственнаго упадка», а уже и у современниковъ Солона и Ѳеогнида, еще болѣе усилилось тогда, когда капиталистическая эволюція достигла своего кульминаціоннаго пункта.

Важнымъ симптомомъ этого является тотъ фактъ, что въ данную эпоху соціально-теоретическое мышленіе доходитъ до такой критики капитализма и недостатковъ капиталистическаго общества, которая по своей рѣзкости нисколько не уступаетъ аналогичной ей критикѣ такихъ писателей, какъ Сенъ-Симонъ и Фурье, Прудонъ и Родбертусъ, Лассаль и Марксъ. Съ какой непревзойденной точностью Платонъ изображаетъ тотъ проникнутый духомъ наживы (money-making) слой капиталистическаго общества, у представителей котораго «умъ занятъ лишь размышленіемъ о томъ, какимъ образомъ пріумножается состояніе, и которые прекло-

няются лишь предъ богатствомъ и богачемъ». До какой степени образцова платонова характеристика грязныхъ душъ, алчущихъ наживы, и барышниковъ, выражающихъ циничное пренебреженіе ко всему, не допускающему денежной оцѣнки и не приносящему какой-нибудь прибыли! [17]). И не примѣнимъ ли аристотелевъ анализъ хрематистики непосредственно къ явленіямъ, которыя мы ежедневно можемъ констатировать въ качествѣ результата развитія нынѣшняго капитализма? [18]).

Несмотря на преувеличенія, эта критика тогдашняго общества наглядно обнаруживаетъ, что присущія капитализму тенденціи совершенно въ духѣ новаго времени проявлялись въ жизни и въ настроеніи данной эпохи. И притомъ въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не только о размышленіяхъ соціалистическихъ профессоровъ академіи и лицея. Такой писатель, какъ Исократъ, вообще настроенный какъ добрый буржуа и отнюдь не относившійся враждебно къ существовавшему общественному строю, не иначе судилъ о тѣхъ соціально-психологическихъ явленіяхъ, которыя въ данномъ случаѣ имѣются въ виду. Онъ находитъ, что «относительно того, что сулитъ барышъ, мы до такой степени ненасытны, что даже люди, обладающіе огромными богатствами, не довольствуются ими, но, стремясь нажить все больше и больше, рискуютъ тѣмъ, что они уже имѣютъ» [19]). И замѣчаніе Демосѳена относительно нѣкоторыхъ аѳинскихъ банкировъ, стремящихся только къ наживѣ и не считающихся ни съ какими соображеніями иного порядка [20]), лишь подтверждаетъ, до какой степени изображаемые Платономъ типы людей, думающихъ лишь о деньгахъ, соотвѣтствовали истинѣ. Во всякомъ случаѣ, къ инымъ представителямъ этого типа примѣнимо то, въ чемъ поэтъ, пессимистически обобщая, усматривалъ болѣзнь данной эпохи вообще, замѣчая по адресу богатства:

Но тобою никто и никогда не насыщается;
Нѣтъ, если кто-нибудь имѣетъ тринадцать талантовъ,
Онъ жаждетъ пріобрѣсти шестнадцать;
Получивъ шестнадцать, онъ хочетъ нажить сорокъ,
А иначе—говоритъ онъ—ему жизнь не въ жизнь [21]).

Результатомъ этого пробужденія духа спекуляціи и капиталистической эволюціи вообще былъ весьма интенсивный прогрессъ образованія капиталовъ, все увеличивавшееся накопленіе состояній въ рукахъ имущихъ классовъ. При этомъ мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ случайно сохранившіяся, слишкомъ проблематическія свидѣтельства относительно богатства отдѣльныхъ лицъ [22]). Несомнѣннымъ доказательствомъ являются повышеніе житейскаго уровня высшихъ классовъ, большая утонченность ихъ потребностей.

Конечно, эта сторона капиталистическаго общества представляетъ много отраднаго, какъ симптомъ увеличенія благосостоянія гражданъ, показатель того, насколько отъ этого благосостоянія выиграли высшіе культурные интересы. Да и вообще капитализмъ, какъ экономическая и общественная форма, въ качествѣ необходимой предпосылки высшей культуры, самъ по себѣ всегда представляетъ моментъ прогресса. Мы можемъ констатировать, какъ, благодаря высоко развитому въ образованныхъ кругахъ чувству красоты, искусство все болѣе и болѣе стало служить удовлетворенію потребностей частныхъ лицъ. Жилища богачей разукрашиваются стѣнными картинами и другими произведеніями искусства. Въ ваяніи и живописи благодаря повысившемуся спросу у богачей, портретное искусство развивается до небывалыхъ размѣровъ. Мы узнаемъ, напр., что художники, пользовавшіеся значительной извѣстностью, выполняли для одной только семьи цѣлый рядъ—отъ пяти до шести—пластическихъ произведеній. А кромѣ того, какой подъемъ художественныхъ ремеслъ, о которомъ еще и теперь свидѣтельствуетъ міръ аттическихъ гробницъ!

Однако, при соціально-исторической оцѣнкѣ этой художественной дѣятельности нельзя упускать изъ виду, что она служила прежде всего именно прославленію индивидуумовъ, и притомъ индивидуумовъ, привадлежащихъ къ классу собственниковъ. Въ ней сильно сказывается индивидуалистическій духъ капиталистическаго общества, и поэтому Демосѳенъ не безъ основанія отмѣчаетъ, какъ печальное съ точки зрѣнія общества явленіе, что эти расходы частныхъ лицъ значительно превышали затраты, производимыя ради общественныхъ цѣлей. Онъ указываетъ на простоту жилищъ Мильтіада, Ѳемистокла и другихъ великихъ людей прежняго времени, когда городъ украшался пропилеями, храмами, арсеналами, общественными залами и т. д., между тѣмъ какъ теперь государственная строительная дѣятельность производитъ жалкое впечатлѣніе по сравненію со строительной дѣятельностью богатыхъ выскочекъ, дома которыхъ затмеваютъ блескомъ и пышностью многія общественныя зданія [23]).

Конечно, всегда можно будетъ вмѣстѣ съ однимъ тонкимъ знатокомъ греческаго міра радоваться тому, что «прекрасное было для грековъ жизненной потребностью, безпрестанно побуждавшею ихъ ко всестороннему выраженію идеи красоты. Искусство было до такой степени существеннымъ элементомъ ихъ жизни и стремленій, что, озирая арену, на которой разыгрывалась ихъ исторія, можно вынести такое впечатлѣніе, что они только и дѣлали, что строили и ваяли». Но, какъ ни правомѣрно чувство удовлетворенія, вызываемое въ насъ использованіемъ богатства въ цѣляхъ претворенія матеріальныхъ цѣнностей въ идеальныя блага, это удовлетвореніе не можетъ быть совершенно чистымъ и неомраченнымъ для историка. Усматривая въ изученіи древняго міра еще и нѣчто иное, чѣмъ романтическій «переходъ отъ тихаго храма великой древней эпохи и ея великихъ людей къ ярмаркѣ позднѣйшей жизни» (Жанъ Поль), находя житейскую ярмарку и на почвѣ самаго древняго міра, приходится, въ концѣ концовъ, поставить вопросъ: какое дѣйствіе оказывалъ капиталъ, покрывавшій здѣсь моря и земли своими чудесными произведеніями, на благосостояніе народа въ цѣломъ? Вѣдь при такой постановкѣ вопроса блескъ этой единственной въ своемъ родѣ культуры не скроетъ отъ взгляда ея темныхъ сторонъ и серьезныхъ недостатковъ, злокачественныхъ плевелъ, столь обильно произраставшихъ на ряду съ великолѣпными плодами на почвѣ той же культуры! И приходится подчеркнуть, что такое развитіе художественной культуры было возможно именно лишь на основѣ въ высшей степени неравномѣрнаго распредѣленія благъ.

Если бы увеличившійся благодаря экономическому прогрессу доходъ отъ производства въ большей степени поступалъ въ пользу низшихъ классовъ народа, если бы, соотвѣтственно этому, повысились уровень ихъ жизни и ихъ способность къ потребленію, то производство не могло бы до такой степени односторонне служить удовлетворенію потребностей состоятельныхъ и образованныхъ людей. Какъ ни богатъ былъ кругъ наслажденій послѣднихъ, мы никогда не должны забывать, что вѣдь эта болѣе высокая культурная жизнь покупалась цѣною соціальной и экономической приниженности трудящейся массы, доходившей у значительной части населенія до полнаго ея порабощенія. Будучи симптомомъ значительнаго экономическаго дифференцированія, развитіе греческаго искусства и художественной индустріи, съ своей стороны, способствовало усиленію существовавшаго неравенства. Вѣдь зачастую отсутствовала столь важная для общаго благосостоянія народа равномѣрность производства, т.-е. послѣднее односторонне служило удовлетворенію высшихъ и утонченныхъ потребностей. Это вызывало такое общее положеніе промышленности, которое еще болѣе увеличивало и безъ

того уже въ значительной степени существовавшую для низшаго класса опасность опуститься до положенія пролетаріевъ. Вѣдь тѣ отрасли промышленности, которыя служатъ для удовлетворенія болѣе тонкихъ потребностей, и въ которыхъ производятся предметы роскоши, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда болѣе всего страдаютъ отъ колебаній потребленія, болѣе всего подвержены застою сбыта и кризисамъ, такъ какъ въ плохое время ограничиваютъ прежде всего именно потребленіе предметовъ роскоши. И, конечно, не слѣдуетъ уменьшать значенія этого фактора въ развитіи капитализма и пауперизма.

Съ другой стороны, на ряду со всѣми прекрасными и великолѣпными произведеніями искусства и художественнаго мастерства, обязанными своимъ возникновеніемъ роскоши, въ роскошной жизни этой эпохи приходится констатировать еще и рядъ менѣе отрадныхъ явленій, въ которыхъ отражаются именно темныя стороны капиталистическаго развитія. Въ такомъ обществѣ, въ которомъ была столь интенсивно развита борьба за матеріальную выгоду, и поэтому, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить при обзорѣ начальныхъ стадій капитализма, выраженіе цѣнности соперничавшихъ было преимущественно матеріальнымъ [24]), и наслажденія состоятельныхъ людей должны были все болѣе и болѣе проникаться матеріалистическимъ духомъ. Въ жизни буржуазіи повторились тѣ же явленія, которыя мы уже констатировали выше въ жизни ставшей плутократической аристократіи. Платонъ превосходно изобразилъ, какъ на ряду «съ влеченіями, направленными къ пріобрѣтевію денегъ», въ капиталистическомъ обществѣ развиваются такія влеченія, при которыхъ имѣются въ виду «потѣха и важничаніе» [25]). Неравномѣрно накоплявшіеся, благодаря соперничеству, барыши вызывали усиленіе матеріальныхъ наслажденій, и въ данномъ случаѣ за соперничествомъ изъ-за наживы слѣдовало—какъ выражается Родбертусъ—соперничество изъ-за наслажденія.

Многочисленная прислуга, роскошь выѣздовъ, усиленіе роскоши за столомъ и въ одеждѣ, являются несомнѣнными симптомами умноженія частныхъ богатствъ и вреднаго въ нравственномъ отношеніи распредѣленія доходовъ [26]). Пусть читатель припомнитъ хотя бы пространныя описанія кулинарныхъ наслажденій въ позднѣйшей аттической комедіи, ту роль, которую пирушки и проституція играли въ соціальной жизни тогдашнихъ Аѳинъ; наконецъ, тѣхъ презрѣнныхъ и непроизводительныхъ блюдолизовъ, которые внѣдрялись къ богатымъ, и которыхъ греки мѣтко называли паразитами. И здѣсь мы наблюдаемъ обычное при развитіи капитализма ухудшеніе нравственности имущей буржуазіи. Чѣмъ болѣе доходъ высшихъ слоевъ общества превышаетъ дѣйствительныя потребности, тѣмъ чаще онъ становится причиною неразумной и безнравственной потребности въ предметахъ роскоши [27]).

Характерны въ этомъ отношеніи—конечно, отчасти значительно преувеличенныя—суммы, упоминаемыя въ качествѣ цѣнъ гетеръ и платы за пользованіе ими. Нэера обходилась содержавшему ее лицу въ 3000 драхмъ; говорятъ, что Фрина требовала за одну только ночь 100 драхмъ, Гнатэна—1000 драхмъ, а о Лаисѣ разсказывали, что она требовала за одну ночь 10000 драхмъ [28]). И кто не знаетъ изъ исторіи Сократа о гетерѣ Ѳеодотѣ, у которой были блестяще обставленный домъ и множество прислуги [29])? Что представляло собою по сравненію съ доходами этого «хорошо оплачиваемаго» полусвѣта (μεγαλόμισθοι ἑταῖραι), хотя бы приводимыя цифры и основывались отчасти на сплетняхъ, вознагражденіе за честный трудъ?

О томъ, какъ великъ былъ спросъ имущихъ въ этой сферѣ, и какъ глубоко укоренилась этого рода роскошь во всей общественной системѣ, свидѣтельствуютъ

слова Демосѳена, безъ всякаго стѣсненія сказанныя имъ въ одной судебной рѣчи. Онъ сказалъ: «гетеры служатъ намъ для наслажденія, наложницы—для повседневнаго ухода за тѣломъ, супруги—для рожденія законныхъ дѣтей и для веденія домашняго хозяйства». Эта житейская философія была наиболѣе подходящей для класса собственниковъ [30]). Какъ характерно для духа этого общества, что Фрина смогла поставить свою позолоченную статую—трофей похоти, какъ выразился Кратесъ—въ Дельфахъ, гдѣ находилась національная святыня [31]), а другая ея статуя стояла въ Ѳеспіяхъ въ храмѣ Эрота непосредственно возлѣ статуи Афродиты. Далѣе, о той же Фринѣ разсказывали, что она предложила на свой счетъ возстановить стѣны разрушенныхъ Александромъ Ѳивъ за честь увѣковѣченія ея имени въ соотвѣтственной надписи [32]).

Не повредило ли, съ другой стороны, это вырожденіе роскошной жизни даже и тому, въ чемъ мы должны усматривать идеальнѣйшій моментъ въ развитіи капиталистическаго общества? Какъ часто встрѣчаются въ позднѣйшую эпоху развитія греческаго искусства явленія, напоминающія искусство эпохи нѣмецкаго грюндерства! Вкусъ господствующаго общественнаго класса все болѣе и болѣе требовалъ и отъ искусства чувственныхъ раздраженій и внѣшнихъ эффектовъ. Стремленіе къ напыщенности [33]) и даже къ вычурности [34]) въ архитектурѣ, шумная музыка, гнавшаяся за эффектами, любовь къ какъ можно болѣе блестящей, пышной постановкѣ въ области драматическаго искусства—вѣдь разсказывали, что постановка одной еврипидовской трагедіи стоила дороже, чѣмъ когда-то постройка Пропилеевъ [35])—чувственный характеръ позднѣйшей пластики,—все это были типичные симптомы капиталистической стадіи развитія общества. Въ особенности рельефно обнаруживается эта соціально-психологическая связь въ пластикѣ. Новое искусство особенно склонно возвеличивать мощь чувственности, радости упоенія, о чемъ свидѣтельствуютъ безчисленныя изображенія Афродиты и Діониса. Этимъ объясняется и та роль, которую въ этомъ искусствѣ игралъ полусвѣтъ. Вѣдь вышеупомянутыя статуи Фрины были изваяны не кѣмъ инымъ, какъ самимъ Праксителемъ. И подобно тому, какъ эта гетера посмѣла выйти изъ воды въ видѣ Афродиты Анадіомены, такъ и вышеупомянутый художникъ придалъ богинѣ черты своей собственной любовницы Кратины. Но рельефнѣе всего настроеніе нѣкоторой части господствующаго общественнаго класса выразилось въ статуяхъ «плачущей матроны» и «смѣющейся блудницы», которыя противопоставлялись другъ другу если уже не въ праксителевой группѣ, прославлявшей торжество проституціи, то, по крайней мѣрѣ, въ эпиграммахъ, а, быть-можетъ, и въ копіяхъ обоихъ произведеній художника, какъ типы двухъ характерныхъ соціальныхъ противоположностей [36]). Вѣдь уже съ четвертаго вѣка проституція налагаетъ свой отпечатокъ на цѣлое литературное направленіе, на порнографію! И съ этимъ изображеніемъ женщинъ легкаго поведенія соперничаетъ драматическое искусство, съ неистощимымъ удовольствіемъ выводившее въ средней и позднѣйшей комедіи безпутное и легкомысленное времяпрепровожденіе полусвѣта и аѳинской золотой молодежи. Вѣдь въ эту же эпоху и взглядъ на жизнь, распространенный въ тѣхъ кругахъ, для которыхъ цѣль жизни совпадала съ наслажденіемъ жизнью, утонченный гедонизмъ, былъ возведенъ въ философскую систему!

Вообще мы видимъ, что полное развитіе капиталистическаго общества сопровождалось разрушеніемъ нравственныхъ основъ соціальной жизни. Соперничество изъ-за наживы—соперничество изъ-за наслажденія—испорченность,—такова была роковая градація, наложившая свой отпечатокъ на позднѣйшіе вѣка греческой исторіи. Разнузданное соперничество изъ-за наживы, борьба за матеріальное су-

ществованіе и за сохраненіе способности къ соперничеству повлекли за собой все усиливавшееся безразличіе въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ наживѣ. Конечно, обманъ и мошенничество, ростовщическія спекуляціи случались всегда, но въ данную эпоху они повторялись въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ [37]). А если лица, стремившіяся нажить деньги, не могли достигнуть своей цѣли коммерческимъ соперничествомъ, они старались добиться этого всевозможными иными путями [38]). Если одинъ новѣйшій французскій писатель жалуется на то, что меркантилизмъ приводитъ къ униженію врачей, адвокатовъ, писателей, художниковъ, то какъ-разъ то же самое изобразилъ Аристотель въ своей критикѣ хрематистики какъ сигнатуру своего времени. Онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что и идеальнѣйшія профессіи, политическая партійная жизнь, законодательство и управленіе государствомъ стали источникомъ ренты, тучнымъ лугомъ для спекуляціи. Даже и наивысшая святыня—о чемъ свидѣтельствуетъ весьма распространенное убѣжденіе въ подкупности оракуловъ—не способна устоять противъ этой тенденціи [39]). Вѣдь стремленіе къ наживѣ, являющееся движущей пружиною въ частнохозяйственномъ механизмѣ, всегда играло роль и въ политической жизни грековъ. Но лишь при полномъ развитіи капитализма подчиненіе всѣхъ сферъ жизни экономической спекуляціи достигло экстенсивно и интенсивно наивысшей степени.

«Теперь—жалуется Демосѳенъ въ словахъ, которыя могъ бы написать Карлейль—вводится все то, что служитъ источникомъ недуга и гибели Эллады. Что же это такое? Зависть въ томъ случаѣ, если кто-нибудь что-нибудь получилъ; смѣхъ, если онъ въ этомъ сознается; снисходительность къ уличеннымъ, ненависть, если кто-нибудь это порицаетъ, и все, что только вытекаетъ изъ гнусной подкупности». Онъ говоритъ о форменной «продажѣ интересовъ государства» [40]). Правда, въ данномъ случаѣ можно основательно предположить тенденціозное преувеличеніе [41]), но прочтите рядомъ съ этими словами рѣчь Эсхина противъ Тимарха, содержащую въ себѣ ужасныя разоблаченія, направленныя противъ нравственной испорченности аѳинскаго общества!

Въ самомъ дѣлѣ, если анонимный авторъ злостнаго памфлета противъ демократіи въ свое время находилъ, что въ Аѳинахъ многаго добиваются съ помощью денегъ, и что за деньги дѣлалось бы и еще большее, если бы только нашлось бо́льшее количество платящихъ [42]), то эти слова болѣе чѣмъ оправдались впослѣдствіи. Провозглашалось ли когда-либо всемогущество капитала съ бо́льшимъ цинизмомъ, чѣмъ въ четвертомъ вѣкѣ на сценѣ аѳинскаго театра? «По мнѣнію Эпихарма—говорится въ одной комедіи Менандра—боги суть воздухъ и вода, земля и огонь, солнце и свѣтила. А я нахожу, что единственно полезными для насъ богами оказываются серебро и золото. Если ты вводишь ихъ въ свой домъ, ты можешь пожелать, чего тебѣ только ни заблагоразсудится, и все достанется тебѣ; имѣнія, дома, слуги, серебряная посуда, друзья, угодливые судьи и свидѣтели. Стоитъ тебѣ только дать, и твоими служителями станутъ сами боги» [43]).

Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ именно о соціально-психическихъ явленіяхъ, представляющихъ собой лишь естественное выраженіе духовнаго состоянія общества, неизбѣжно порождаемаго господствомъ денегъ. Тамъ, гдѣ деньги стали высшею общественною силой, наслажденіе ими для столь многихъ стало высшимъ наслажденіемъ, гдѣ, благодаря преувеличенію значенія матеріальныхъ благъ, стремленіе къ наживѣ неизбѣжно должно было выродиться въ продажность,—тамъ въ самомъ дѣлѣ не могли не появиться симптомы общественнаго недуга, описанные—правда, не безъ преувеличенія и нѣкоторыхъ недопустимыхъ обобщеній—историками [44]) и философами, поэтами и ораторами.

Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что какъ-разъ въ эту эпоху высказывались жалобы на недостатокъ соціальнаго сознанія обязанностей по отношенію къ государству и къ народу, обнаружившійся, напр., въ извѣстныхъ кругахъ аѳинскаго промышленнаго общества, вполнѣ соотвѣтствуетъ основной тенденціи господства денегъ. И это демократическое промышленное и торговое государство не избавилось отъ возникновенія выроженнаго капитализмомъ типа буржуа, не желающаго допустить, чтобы государство въ какомъ бы то ни было отношеніи стѣсняло его стремленіе къ наживѣ, усматривающаго въ требованіяхъ государственной жизни лишь принужденіе и непріятную обузу и старающагося по мѣрѣ возможности уклоняться отъ этихъ требованій. Эти люди, умы и сердца которыхъ были полны ненасытной жажды золота, давно уже отрѣшились отъ привязанности къ государству и къ отечеству, какъ отъ теоретически опровергнутой ограниченности. «Лишь по рожденію—жалуется Лисій [45])—эти люди—граждане; мысленно же они разсматриваютъ какъ отечество всякую страну, въ которой они находятъ свою экономическую выгоду, такъ какъ они видятъ свое отечество не въ государствѣ, а въ имуществѣ». Это была интернаціональность капитала!

Если эти соціально-психическія явленія, сопровождающія развитіе капитализма, до такой степени бросаются въ глаза даже и въ демократіи, то, конечно, нельзя обвинить въ тенденціозности Аристотеля, когда онъ говоритъ о капиталистической буржуазіи этой эпохи вообще, что она, овладѣвъ государственною властью, тотчасъ становится надменной и проявляетъ необузданную алчность [46]), что она не менѣе дорожитъ возможностью матеріально эксплуатировать власть, чѣмъ связаннымъ съ властью почетомъ [47]). Онъ утверждаетъ, что вообще установленъ тотъ фактъ, что любостяжаніе богатыхъ обыкновенно оказывается еще опаснѣе для здороваго въ иныхъ отношеніяхъ государства, чѣмъ алчность массы [48]).

Вѣдь это поведеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ той соціальной программѣ, въ которой плутократическое направленіе само увѣковѣчило себя еще задолго до Аристотеля! Классовое высокомѣріе и классовый эгоизмъ части плутократической буржуазіи никогда не выражались до такой степени рельефно, какъ въ вышедшемъ именно изъ этихъ круговъ анонимномъ памфлетѣ противъ аѳинской демократіи. Согласно усвоенному въ этомъ памфлетѣ плутократическому жаргону, существеннѣйшимъ признакомъ понятія «порядочнаго» человѣка является наполненность его кошелька. Съ грубой откровенностью высказывается, что человѣкъ *является* чѣмъ-нибудь, лишь поскольку онъ что-нибудь *имѣетъ*. Бѣдный оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и «подлымъ». Онъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ рабства! Проповѣдываемая въ данномъ случаѣ господская мораль просто клонится къ принесенію блага большинства въ жертву благополучія немногихъ. Съ ея точки зрѣнія масса существуетъ лишь для служенія тому общественному классу, которому пользованіе досугомъ, обусловливаемымъ достаткомъ, даетъ возможность жить широко [49]).

Эти признанія аѳинскаго олигарха характерны для развитія капитализма еще и въ другомъ отношеніи. Они показываютъ, какъ высоко могли парить плутократическія мысли даже и при существованіи чистой демократіи.

Получается впечатлѣніе горькой сатиры на Периклово прославленіе идеала равенства, когда этотъ историкъ излагаетъ съ циническою откровенностью проповѣдуемую Алкивіадомъ плутократическую соціальную философію. Надменный любимецъ счастья безъ обиняковъ заявляетъ тѣмъ, которые недолюбливали его изъ-за его колесницъ и лошадей и за его пышныя выступленія, что естественное право выдающагося человѣка именно въ томъ и заключается, чтобы не чувствовать себя равнымъ среди равныхъ. Пока тотъ, кому плохо живется, не находитъ никого,

кто раздѣлилъ бы изъ любви къ равенству съ нимъ его нищету, ему приходится спокойно сносить бросаемые на него свысока взоры болѣе счастливыхъ людей. Сперва надлежало бы уравнять себя съ несчастными или низшими, прежде чѣмъ требовать этого отъ счастливыхъ [50]).

Соціально-психологическія характеристики нѣкоторыхъ представителей богатства у Аристотеля и «олигарха» у Θеофраста также проливаютъ интересный свѣтъ на капиталистическую среду этой эпохи. «Всякому бросается въ глаза,—говоритъ Аристотель [51]),—какія особенности характера создаетъ богатство. Коль скоро люди даютъ богатству повліять на свои души, они впадаютъ въ высокомѣріе и кичливость. Имъ кажется тогда, будто они обладаютъ всевозможными преимуществами. Вѣдь богатство является какъ бы мѣриломъ цѣнности всѣхъ другихъ вещей [52]), такъ что кажется, будто бы за деньги можно рѣшительно все купить» [53]). Къ этому присоединяются и пышность, хвастливое выставленіе богатства на показъ и увѣренность, что то, что подобные люди считаютъ высшимъ благомъ, должно составлять единственную цѣль стремленій и для всѣхъ другихъ. Послѣдній взглядъ не лишенъ вѣдь основательности, такъ какъ число людей, нуждающихся въ богачахъ, велико. Вспомните Симонида, рѣшившаго вопросъ о томъ, что предпочтительнѣе—богатство или образованіе, въ пользу богатства! Ибо онъ видитъ мудрецовъ въ переднихъ богачей! Далѣе, богатство порождаетъ притязаніе на политическую власть, такъ какъ богачъ увѣренъ, что онъ обладаетъ именно тѣмъ, что даетъ право на господство. Къ этому присоединяются всевозможныя заблужденія, вытекающія изъ недостатка выдержки и обнаруживающіяся въ особенно оскорбительной формѣ у быстро разбогатѣвшихъ выскочекъ (новоиспеченныхъ милліонеровъ! τοῖς νεωστὶ κεκτημένοις νεοπλούτοις [54]).

Типъ «олигарха» находится въ близкомъ родствѣ съ типомъ денежнаго человѣка. По мнѣнію Θеофраста, олигархическій образъ мыслей заключается въ «любви къ власти, весьма дорожащей, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выгодой» [55]). Далѣе Θеофрастъ говоритъ въ своей характеристикѣ представителя этого типа, что изъ поэмъ Гомера онъ усвоилъ себѣ лишь одно: «не ведетъ многовластье къ добру-единый да будетъ властитель! А, кромѣ того, онъ ничего не знаетъ! (Необразованность денежнаго человѣка!). Онъ выходитъ лишь въ обѣденное время, закутавшись въ складки своего плаща, съ остриженными по модѣ волосами и выхоленными ногтями. При этомъ онъ роняетъ изреченія въ родѣ слѣдующихъ: «положеніе дѣлъ въ городѣ невыносимо! Чего только намъ не приходится терпѣть отъ сикофантовъ и въ судахъ! Желалъ бы я только знать, чего хотятъ люди, (нынѣ) посвящающіе себя государству! Неблагодарна толпа; она принадлежитъ раздающему полными руками»! И ему стыдно присутствовать въ народномъ собраніи, когда рядомъ съ нимъ сидитъ какой-нибудь голодный оборванецъ.—«Одно изъ двухъ: или мы, или они должны удалиться»!.

Итакъ, въ развитіи греческаго капитализма можно констатировать существеннѣйшія соціально-экономическія и соціально-психическія явленія, типичныя для капиталистическаго общества. Не мудрено, что мы встрѣчаемъ въ типически чистой формѣ и изнанку мамонизма и капиталистическаго господства, пауперизмъ.

Уже контрастъ между угнетеннымъ и зависимымъ положеніемъ наемнаго труда и демократическимъ чувствомъ свободы способствовалъ пролетаризаціи, такъ какъ многіе, конечно, старались по мѣрѣ возможности уклоняться отъ «рабскаго» ручного труда. Какъ легко могъ, далѣе, даже и честный рабочій и ремесленникъ, въ иныхъ случаяхъ едва перебивавшійся, при непрочности политическихъ и эко-

номическихъ отношеній въ городѣ-государствѣ и вызываемыхъ этою непрочностью кризисахъ, впасть въ такую бѣдность, что его дохода не хватало уже и для скуднаго пропитанія, такъ что безъ посторонней поддержки его ждали голодъ и нищета!

Конечно, подобные кризисы были преходящимъ явленіемъ. Другая причина обѣднѣнія, недостатокъ желанія работать, имѣла, какъ бы то ни было, индивидуальный характеръ, причемъ отдѣльное лицо могло отъ нея отдѣлаться. Несравненно хуже была другого рода бѣдность, обусловливаемая дѣйствіемъ общей причины, т.-е. порождаемая самимъ экономическимъ общественнымъ строемъ. Положеніе неимущей массы при вышеупомянутыхъ условіяхъ неизбѣжно должно было безпрестанно вызывать именно такъ называемый пауперизмъ, к л а с с о в у ю нищету.

Слова «Бѣдности», произносимыя ею въ похвалу себѣ въ извѣстной Аристофановой комедіи:

> «Положеніе бѣднаго таково, что онъ долженъ быть экономнымъ и неослабно трудиться;
> Правда, при этомъ у него ничего не остается, но у него никогда не бываетъ и недостатка» [56]),

свидѣтельствуютъ о сильномъ оптимизмѣ.

«Бѣдность» упускаетъ изъ виду, что рабочій и ремесленникъ, которые не были въ состояніи что-либо сберечь, и которыхъ предохраняла отъ обѣднѣнія лишь ихъ рабочая сила, должны были впадать въ нищету, коль скоро ихъ работоспособность пропадала вслѣдствіе безработицы, болѣзни и старости. Вѣдь поскольку трудъ оплачивался такъ, что заработной платы едва хватало на удовлетвореніе насущныхъ потребностей в ъ д а н н ы й м о м е н т ъ, въ самой системѣ труда и его оплаты заключалась вѣчная опасность обѣднѣнія, отъ которой не могъ избавиться даже и «неослабно трудящійся». Такой рабочій имѣлъ бы право съ горечью дать тотъ же самый отвѣтъ, который у поэта приходится выслушать «Бѣдности».

> «Клянусь дочерью Деметры, какъ счастливъ по твоему описанію бѣдный,
> Если, послѣ всей этой экономіи и всѣхъ этихъ трудовъ, нечѣмъ заплатить за похороны».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ отвѣтъ подчеркиваетъ неизбѣжно порождаемую классовымъ положеніемъ неимущихъ рабочихъ н а с л ѣ д с т в е н н о с т ь бѣдности.

Какую глубокую истину содержитъ въ себѣ съ этой точки зрѣнія аттическая поговорка, гласившая, что «бѣдность и нищенство—родныя сестры» [57]). И становится понятнымъ, какъ Продикъ могъ говорить о «рабочихъ и ремесленникахъ, которые мучатся отъ одной ночи до другой и при этомъ едва оказываются въ состояніи поддерживать свое существованіе, горюя о своей долѣ и проводя безсонныя ночи въ жалобахъ и въ слезахъ» [58])! Пусть это изображеніе риторически преувеличено, но оно не было бы возможно въ этой формѣ, если бы въ нѣкоторыхъ слояхъ рабочаго населенія не существовало дѣйствительной нищеты [59]).

Не мудрено, что простолюдины стремились выполнять оплачиваемыя общественныя функціи, ставшія, благодаря демократіи, постояннымъ, учрежденіемъ. Вѣдь это является симптомомъ не только нежеланія работать, но въ значительной степени, конечно, и экономическаго положенія, прямо-таки заставлявшаго многихъ пополнять, такимъ образомъ, свой недостаточный доходъ, симптомомъ того, что нищета оказывалась не исключительнымъ явленіемъ, а с о ц і а л ь н ы м ъ положеніемъ, пауперизмомъ. У Аристофана вполнѣ правильно упоминается, что скудное вознагражденіе, выплачиваемое судьямъ, служитъ для облегченія повседневной нужды

бѣдняка [60]), что участіе въ общественной жизни стало для многихъ наживой, «поденщиной» [61]). Вѣдь уже Периклу приписывается намѣреніе облегчить бѣдственное положеніе демоса и уменьшить количество безработныхъ пролетаріевъ посредствомъ выработанной имъ системы выдачъ изъ казны и вознагражденій, широкой колоніальной политики и грандіозной строительной дѣятельности [62]). Далѣе уже Еврипидъ противополагаетъ въ своемъ извѣстномъ изображеніи различныхъ общественныхъ классовъ богатымъ и среднему сословію, «подлинному сословію гражданъ» въ качествѣ особой соціальной группы проникнутую завистью чернь, «ничего не имѣющую и лишенную средствъ къ жизни» [63]). Конечно, эта характеристика относится къ живущему со дня на день классу вообще, но все же она безспорно свидѣтельствуетъ о частичномъ обращеніи этого класса въ пролетаріатъ. Еще явственнѣе выражается оно у Платона въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ противополагаетъ чрезмѣрному богатству чрезмѣрную нищету тѣхъ, которые вслѣдствіе своего экономическаго увяданія вообще перестали быть созидающимъ и пріобрѣтающимъ элементомъ общества «вполнѣ бѣдныхъ и нуждающихся», пролетаріевъ κατ' ἐξοχήν [64]). Въ той массѣ, которой приходится довольствоваться небольшимъ доходомъ, и которая, какъ утверждаетъ Платонъ, составляетъ бо́льшую часть населенія въ демократіяхъ, онъ различаетъ два главныхъ элемента: людей, живущихъ трудомъ рукъ своихъ, и людей, не имѣющихъ занятія [65]). Аристотель также указываетъ, какъ на характерный отличительный признакъ большихъ городовъ своего времени, на недостаточно занятую чернь, противополагаемую имъ крестьянскому демосу прежней эпохи, у котораго было довольно работы [66]). И, наконецъ, развѣ могла бы соціальная теорія грековъ, политическія разсужденія и борьба партій съ такой ужасной исключительностью сосредоточиться на противоположности богатыхъ и бѣдныхъ [67]), если бы разграниченіе видовъ дохода не проявлялось все болѣе и болѣе отчетливо и въ обособленіи группъ населенія?

Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что соціальное равновѣсіе было нарушено не только въ стѣнахъ городовъ, но и въ сельскомъ хозяйствѣ. Уже тотъ чрезвычайно важный въ соціально-историческомъ отношеніи фактъ, что именно въ это время вновь ожили и сыграли главную роль въ соціальныхъ конфликтахъ всей послѣдующей эпохи старыя требованія аграрнаго радикализма; кассированіе долговъ и раздѣлъ земель доказываетъ усиленіе задолженности землевладѣльцевъ, обращеніе части крестьянъ въ пролетаріевъ и вообще ростъ капиталистическаго гнета.

Въ какомъ неблагопріятномъ свѣтѣ представляется соціально-экономическое развитіе деревни хотя бы уже въ силу одного того факта, что и нѣкоторая часть деревенскаго населенія, повидимому, была охвачена такой же жадностью къ полученію подачекъ и вознагражденій изъ казны, какъ и городской пролетаріатъ! «Вы, славные старички, гласитъ—обращеніе къ хору старыхъ хлѣбопашцевъ въ Аристофановой комедіи о «Богатствѣ»,—какъ часто вы тѣснились и толкались на празднествахъ въ честь Θесея изъ-за куска хлѣба» [68])! Несомнѣнно, эта сцена была также выхвачена изъ дѣйствительной жизни, какъ и образы самихъ «сосѣдей-хлѣбопашцевъ», которые «работали на полѣ въ потѣ лица своего» [69]) и «все-таки должны были жить бѣдно и жалко» [70]), «при всей своей честности часто не имѣли хлѣба насущнаго» [71]). Вѣдь въ данномъ случаѣ съ поэтомъ сходится и публицистъ Исократъ, съ горькимъ сожалѣніемъ вспоминающій о томъ старомъ времени, когда крестьяне еще не стекались на праздники въ городъ, но предпочитали оставаться на своихъ земельныхъ участкахъ вмѣсто того, чтобы получать подачки изъ казны [72]). Изображаемый Аристофаномъ присяжный, который долженъ купить на судебную плату пищу и приправу для своей семьи и топливо, и ко-

торый не знаетъ, какимъ образомъ раздобыть денегъ на обѣдъ, когда архонтъ не судитъ [73]), такъ же, конечно, не только выдумка комедіи. Крестьянинъ, который долженъ быть поставщикомъ хлѣба для народа, самъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, сталъ нахлѣбникомъ государства! Это былъ симптомъ, несомнѣнно, свидѣтельствующій о томъ, что процессъ обращенія въ пролетаріевъ усиливался и среди деревенскаго населенія.

Этотъ упадокъ экономической самостоятельности крестьянскаго землевладѣнія вредно отражается на соціальномъ равновѣсіи не только въ деревнѣ, но и во всемъ обществѣ. Онъ не могъ не оказать вліянія и на условія жизни промышленныхъ рабочихъ. Мелкіе крестьяне, арендаторы, сельскіе рабочіе, видя, что ихъ шансы на пропитаніе въ сельскомъ хозяйствѣ понижаются, уходили въ города, чтобы найти себѣ тамъ лучшій заработокъ. Эта надежда слишкомъ часто не оправдывалась. Вѣдь этотъ приливъ изъ деревень увеличивалъ предложеніе рабочихъ рукъ и оказывалъ давленіе на заработную плату, такъ что и въ городахъ вѣсы еще болѣе наклонялись въ сторону капитала. Благодаря этому приливу, увеличивалась работоспособная бѣднота въ городахъ, масса незанятаго пролетаріата, столь сильно способствовавшаго обостренію соціальныхъ и политическихъ противоположностей.

Все это слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы понять проникнутыя пессимизмомъ изображенія неимущей массы въ Аѳинахъ и въ остальной Греціи, нарисованныя однимъ изъ наиболѣе выдающихся публицистовъ этой эпохи—Исократомъ. Пусть эти изображенія слишкомъ обобщаютъ и, благодаря этому, черезчуръ подчеркиваютъ темныя стороны; пусть они въ частности слишкомъ тенденціозно преувеличиваютъ противоположность между положеніемъ дѣлъ въ данный моментъ и мнимымъ добрымъ старымъ временемъ, все же можно безъ колебанія сослаться на свидѣтельство Исократа въ доказательство того, что масса пролетаріата увеличивалась.

Между тѣмъ какъ въ старину—въ эпоху господства ареопага—ни одинъ гражданинъ не былъ лишенъ необходимаго, и никто не позорилъ государства, прося милостыни у прохожихъ, теперь число нуждающихся превышаетъ количество лицъ, имѣющихъ какой-либо достатокъ [74]). И этимъ бѣднякамъ можно простить, что они нисколько не радѣютъ о государствѣ, но думаютъ исключительно о томъ, какъ бы раздобыть себѣ дневное пропитаніе [75])! «Кому не станетъ грустно при видѣ столь многихъ гражданъ, толпящихся у судовъ и вынимающихъ жребій, рѣшающій вопросъ о томъ, будутъ ли они, ради хлѣба насущнаго, участвовать въ нихъ, или нѣтъ [76]), участвующихъ за вознагражденіе въ хорахъ, въ разукрашенныхъ золотомъ одеждахъ, а зиму проводящихъ въ такихъ одеждахъ, которыхъ я не стану описывать» [77]). Эти люди—говоритъ Исократъ въ рѣчи о мирѣ—должны прямо-таки жить на выдачи за участіе въ судахъ и народныхъ собраніяхъ. Нужда же обращаетъ ихъ и въ слѣпыхъ приверженцевъ агитаторовъ и сикофантовъ, которые всегда опираются при своемъ преслѣдованіи богатыхъ на интересы этой пролетарской массы и потому желали бы, чтобы ея удѣлъ—отсутствіе собственности, въ которомъ коренится ихъ могущество, сталъ какъ можно болѣе распространеннымъ явленіемъ [78])! Исократъ называетъ эти внутреннія «противорѣчія въ государственной жизни» демократіи прямо-таки позоромъ для государства [79]).

Еще болѣе мрачными красками рисуетъ Исократъ положеніе дѣлъ въ остальной Элладѣ. Онъ жалуется на общее увеличеніе неимущаго и безпріютнаго пролетаріата, на ростъ массоваго, все болѣе и болѣе угрожавшаго общественной безопасности бродяжничества и поступленія наемниками въ чужія войска, куда массами устремлялся пролетаріатъ. Онъ усматриваетъ во всемъ этомъ прямо-таки національ-

ную опасность, которая, по его мнѣнію, могла бы быть предотвращена лишь широкими соціально-политическими мѣрами, колонизаціей Малой Азіи отъ Киликіи до Синопа [80])! «Положевіе Греціи таково, что легче набрать многочисленное и хорошее войско изъ бездомныхъ бродягъ, чѣмъ изъ имѣющихъ опредѣленное мѣсто жительства гражданъ» [81]).

Конечно, въ данномъ случаѣ на ряду съ экономическими условіями играли роль еще и спеціальныя политическія условія, неистовая борьба партій съ ея изгнаніями и конфискаціями, доводившими столь многихъ до нищеты. Но, еще разъ представивъ себѣ совокупность тѣхъ экономическихъ явленій, на основаніи которыхъ мы должны, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, судить о распредѣленіи собственности и доходовъ въ наиболѣе передовыхъ мѣстностяхъ Эллады, мы опять-таки должны будемъ придти къ такому заключенію, что, начиная съ четвертаго вѣка, проявлялась сильная тенденція историческаго процесса къ усиленію общественнаго дифференцированія.

Прежде всего, въ виду вышеизложеннаго, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что, поскольку сказывались вышеупомянутыя тенденціи, и поскольку онѣ не смягчались другими, противоположными имъ [82]), большіе доходы и крупныя состоянія должны были возрастать быстрѣе, чѣмъ общее благосостояніе. Зачастую богатые должны были еще болѣе обогащаться. Это предположеніе подтверждается однимъ экономическимъ фактомъ, значительно усиливавшимъ дѣйствіе факторовъ, клонившихся къ сильному дифференцированію. Мы имѣемъ въ виду высоту наемной и арендной платы, а также и обычнаго процента, приносимаго ссужаемымъ капиталомъ (послѣдній въ четвертомъ вѣкѣ въ среднемъ равнялся 12%). Именно этотъ высокій процентъ, затруднявшій пользованіе чужимъ капиталомъ и поэтому уменьшавшій конкуренцію предпринимателей какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ размѣрамъ вкладываемыхъ ими въ предпріятія капиталовъ, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что болѣе крупные собственники и промышленники имѣли несравненно болѣе шансовъ получать значительный избытокъ дохода и такимъ путемъ накоплять капиталъ, чѣмъ мелкіе и средніе собственники. Несомнѣнно также, что первые въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣдніе, пользовались крупными предпринимательскими барышами, бывшими результатами высокаго процента.

Но разъ обнаруживалась тенденція, въ силу которой процессъ накопленія капиталовъ экстенсивно и интенсивно наиболѣе подвигался впередъ въ высшихъ промышленныхъ слояхъ, въ кругахъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ, спекулянтовъ и лицъ, получавшихъ ренту, то разстояніе, отдѣлявшее высшее общество отъ мелкаго люда, неминуемо должно было все увеличиваться и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ меньше оказывалась та доля приносимаго производствомъ дохода, которая, какъ мы видѣли, доставалась трудящейся массѣ. Тамъ, гдѣ при увеличеніи народнаго дохода и богатства положеніе неимущей массы не могло соотвѣтственно улучшаться, эта послѣдняя по сравненію съ верхнимъ слоемъ относительно бѣднѣла.

Не подлежитъ сомнѣнію и то, что при наличности вышеуказанныхъ условій неимущій классъ населенія, перебивавшійся со дня на день, во многихъ городахъ увеличился численно, въ нѣкоторыхъ относительно, а въ нѣкоторыхъ даже и абсолютно [83]). Съ другой стороны, хотя бы даже и лишь относительное возрастаніе пауперизма и увеличеніе пролетаріата въ связи съ усиленіемъ капитализма означало, по крайней мѣрѣ относительное оттѣсненіе средняго сословія, уменьшеніе преобладанія средняго благосостоянія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда среднее

сословіе пока еще и не уменьшалось количественно. Однако, помимо другихъ доказательствъ, замѣчаніе Аристотеля относительно того, что въ его время въ греческихъ государствахъ среднее сословіе часто оказывалось малочисленнымъ и вслѣдствіе этого неспособнымъ воспрепятствовать возникновенію плутократіи или господства массы [84]), свидѣтельствуетъ о томъ, что, начиная съ четвертаго вѣка, среднее сословіе зачастую уменьшалось и численно; что, мостъ между бѣдными и богатыми становился все уже. Справедливость этого замѣчанія не подлежитъ сомнѣніямъ, вызываемымъ другими аналогичными замѣчаніями Платона и самого Аристотеля, легко приходящихъ въ своей критикѣ «рѣзкаго имущественнаго неравенства» (ἀνωμαλία κτήσεως), къ опрометчивымъ обобщеніямъ [85]) и всегда склонныхъ—совершенно въ духѣ новѣйшей соціалистической теоріи обнищанія—предполагать черезчуръ сильное суженіе круга «богатыхъ» и черезчуръ интенсивное и всеобщее разореніе массы. Конечно, и эта склонность, въ качествѣ отраженія фактически существовавшихъ соціальныхъ дисгармоній, съ своей стороны, опять-таки не лишена значенія для нашего вопроса.

Отдѣлъ IV.—Противорѣчіе между соціальною и политическою эволюціею въ свободномъ демократическомъ государствѣ.

Приходится констатировать своеобразный контрастъ между все возраставшимъ дифференцированіемъ капиталистическаго общества въ греческихъ промышленныхъ и торговыхъ государствахъ и тѣми принципами, на которыхъ въ государствахъ, достигшихъ наибольшаго развитія, прежде всего въ Аѳинахъ, покоилась государственная и правовая жизнь. Между тѣмъ какъ экономическая и соціальная эволюція клонилась къ обостренію противоположности между бѣдными и богатыми, къ усиленію неравенства и несвободы, въ политической эволюціи господствовали идеи свободы и равенства. Притомъ эти идеи были осуществлены гораздо радикальнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было государствѣ новаго времени. Даже и «свободная» Америка до сихъ поръ все еще не дошла до такой демократизаціи, которая была достигнута въ Аѳинахъ уже въ пятомъ вѣкѣ.

Благодаря этому обнаруживается такое глубокое, рѣзкое противорѣчіе, какого до тѣхъ поръ еще не встрѣчалось въ исторіи человѣчества.

Пусть читатель припомнитъ, какъ широковѣщателенъ былъ тотъ идеалъ, въ осуществленіи котораго демократія усматривала свое достославнѣйшее дѣяніе. На первомъ планѣ въ той программѣ, въ которой принципы демократіи нашли свое наиболѣе блестящее выраженіе, въ надгробной рѣчи Перикла у Ѳукидида [1]), стоитъ равноправность всѣхъ гражданъ государства предъ закономъ, исключающая всякія привилегіи, дѣлающая всякое полномочіе выраженіемъ свободнаго волевого акта [2]). Притомъ эта равноправность непосредственно заключаетъ въ себѣ идеалъ одинаковости соціальныхъ шансовъ, т.-е. всякая сила, всякій талантъ, можетъ принимать участіе въ соперничествѣ на одинаковыхъ съ другими условіяхъ. Ничье соціальное положеніе, какъ бы ни было оно низко, не служитъ при этомъ препятствіемъ въ глазахъ гражданъ [3]). Поэтому-то при демократическомъ строѣ никому не стыдно сознаться въ своей бѣдности. Скорѣе считается позорнымъ не выбиться изъ бѣдности [4]). Вѣдь благодаря принципу равенства прежде всего осу-

ществляется то, что составляетъ основу всякой высшей соціальной и духовной культуры, индивидуальная свобода, полное самоопредѣленіе всякаго индивидуума. Въ демократическомъ государствѣ индивидуальная свобода есть высшее благо [5]). И чѣмъ бо́льшимъ просторомъ пользуется индивидуумъ для своей свободной дѣятельности, тѣмъ благопріятнѣе сказываются условія для полнаго развитія его личности. Согласно вышеуказанной программной рѣчи, тотъ успѣхъ, съ которымъ свободный аѳинянинъ сочетаетъ экономическую дѣятельность съ политической, то пониманіе, съ которымъ здѣсь ремесленники, крестьяне и рабочіе относятся къ общественнымъ дѣламъ [6]), вообще та счастливая, гармоническая культура, благодаря которой здѣсь даже и заурядный гражданинъ оказывается въ состояніи справляться съ многообразнѣйшими требованіями жизни [7]), показываютъ, какіе результаты могутъ быть достигнуты въ этомъ отношеніи благодаря принципу свободы и равенства.

При сопоставленіи этой блестящей картины свободнаго гражданскаго общества и его пріобрѣтеній съ тѣми явленіями, которыя намъ пришлось констатировать въ томъ же самомъ обществѣ въ экономической сферѣ, тотчасъ же обнаруживается, что мы имѣемъ передъ собой въ данномъ случаѣ не что иное, какъ идеализацію, отъ которой дѣйствительность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень далеко отставала.

Это обнаруживается уже и относительно понятія «свободы», которымъ кичилась демократія. Свобода есть самоопредѣленіе. Но развѣ это самоопредѣленіе могло стать удѣломъ гражданина благодаря одному только устраненію юридическиполитическихъ несвободы и неравенства? Вѣдь оно предполагаетъ не только нѣчто отрицательное: освобожденіе отъ стѣсняющихъ узъ, но прежде всего и нѣчто положительное, а именно матеріальныя и моральныя блага, дѣлающія юридически свободныхъ и равныхъ людей и общественно свободными личностями, впервые обращающія формальную свободу въ дѣйствительную. Полное самоопредѣленіе, а слѣдовательно и полное развитіе личности существенно обусловливается экономическимъ моментомъ, достаткомъ. Чѣмъ больше достатокъ, тѣмъ больше— при одинаковыхъ личныхъ данныхъ—и достижимое для индивидуума развитіе. Но не только гармоническое развитіе человѣка въ гражданинѣ, а и развитіе человѣка, какъ гражданина, въ значительной степени зависитъ отъ этого экономическаго момента. И притомъ эта зависимость оказывалась тѣмъ болѣе значительною въ греческомъ демократическомъ государствѣ, чѣмъ выше были тѣ требованія, которыя предъявляло въ немъ къ индивидууму осуществленіе правъ и обязанностей гражданина. Быть гражданиномъ этого государства въ полномъ смыслѣ слова значило самому жить государственной жизнью, т.-е. лично участвовать въ обсужденіи дѣлъ, отправленіи правосудія, администраціи и управленіи. Подобное участіе могло быть вполнѣ безпрепятственнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная зажиточность доставляла необходимый «досугъ». Что значилъ въ виду этой соціальной необходимости принципъ абстрактной свободы и равенства?

Но если существеннымъ условіемъ полнаго развитія человѣка и гражданина оказывался достатокъ, то неимѣніе такового означало не только недоступность матеріальныхъ благъ, но и отсутствіе основного условія высшаго личнаго развитія и полной гражданской свободы. Человѣкъ, не обладавшій ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы, и оказывавшійся вынужденнымъ отдавать ее въ распоряженіе другихъ, чтобы имѣть возможность жить, фактически, несмотря на юридическую свободу, всегда оставался несвободенъ. Уже неимѣніе собственности создавало соціальныя отношенія господства и зависимости, дѣлающія невозможнымъ осуществленіе

свободы и равенства въ о б щ е с т в ѣ, такъ какъ эти отношенія зависимости въ значительной степени вытекаютъ изъ природы вещей и изъ неравенства самихъ людей.

Противоположность между политическимъ принципомъ свободы и равенства и соціально-экономическимъ положеніемъ низшихъ слоевъ демоса выясняется во всей своей остротѣ, коль скоро мы представимъ себѣ послѣдствія, неизбѣжно вытекавшія изъ отношеній зависимости, устанавливавшихся благодаря наемному труду, въ особенности-же при общественномъ строѣ, въ основѣ котораго лежала эксплуатація рабскаго труда.

Не подвергаетъ ли работа по найму уже сама по себѣ неимущаго опасности быть вынужденнымъ отказаться отъ полнаго признанія своей человѣческой личности, отъ тѣхъ высшихъ соціальныхъ правъ и притязаній, которые вытекали именно изъ демократическаго принципа свободы и равенства? Было основательно замѣчено, что, поскольку рабочіе выступаютъ изолированно, и поскольку они не имѣютъ возможности оказать при посредствѣ своей организаціи вліяніе на условія труда въ своихъ интересахъ—а какъ трудно было это при наличности вышеуказанныхъ отношеній!—степень культуры, къ которой становится причастнымъ рабочій, опредѣляется работодателемъ [8]). Такъ какъ пользованіе рабочей силой есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пользованіе с а м и м ъ человѣкомъ, то, продавая свою рабочую силу [9]), рабочій предоставляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и господство надъ своею л и ч н о с т ь ю другому лицу, по отношенію къ которому онъ политически свободенъ и равенъ! Его образъ жизни въ физическомъ, моральномъ, духовномъ, а стало-быть, и въ соціальномъ отношеніяхъ становится зависящимъ отъ предпринимателя. А съ ч а с т н о-хозяйственной точки зрѣнія этого послѣдняго, т. е. поскольку онъ руководится именно этой частно-хозяйственной точкой зрѣнія, а не иными соображеніями, вознагражденіе рабочаго составляетъ лишь часть издержекъ производства, а слѣдовательно, и самый трудъ представляется не активнымъ факторомъ, но всего лишь о р у д і е м ъ производства, подобно всякому другому вещественному орудію производства оцѣниваемымъ на основаніи чисто-хозяйственныхъ разсчетовъ, пріобрѣтаемымъ и отбрасываемымъ. Поэтому предприниматель вообще зачастую не особенно склоненъ относиться къ личности носителя рабочей силы съ тою бережностью, которой требуютъ высшіе соціальные и общечеловѣческіе интересы. Вѣдь даже и христіанство не смогло устранить этого послѣдствія наемнаго труда и воспрепятствовать часто свойственному вульгарной предпринимательской логикѣ взгляду на рабочаго какъ на простое орудіе производства, а не какъ на свободную и равную договаривающуюся сторону, которая, подобно всякому другому члену общества, должна быть разсматриваема какъ с а м о ц ѣ л ь.

Если такая соціальная приниженность рабочаго возможна уже и при исключительно свободномъ трудѣ, то, несмотря на политическую свободу, она не могла быть чуждой такому экономическому строю, при которомъ большинство рабочаго населенія было лишено элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ. Развѣ можно было ждать распространенности гуманнаго отношенія къ труду тамъ, гдѣ владѣющій классъ могъ по п р а в у и въ полномъ соотвѣтствіи съ общественною моралью обращаться съ большинствомъ рабочихъ какъ съ простымъ орудіемъ труда, какъ съ «вещью»?

Въ глазахъ предпринимателей, въ одно и то же время или попеременно заставлявшихъ и рабовъ работать вмѣстѣ со свободными, различіе между тѣми и другими невольно должно было до извѣстной степени сглаживаться, въ особенности въ рабочей мастерской [10]), надсмотрщикомъ которой довольно часто былъ рабъ или вольноотпущенникъ. Вѣдь положеніе наемнаго рабочаго было совершенно

аналогично положенію несвободнаго рабочаго, поскольку дѣло шло о той дѣятельности, въ которой онъ принималъ участіе. Работодатель или же уполномоченный этого послѣдняго точно такъ же руководилъ его работой и регулировалъ ея родъ и направленіе, какъ и при рабскомъ трудѣ. Подобно рабу и свободный рабочій долженъ былъ приводить свои мускулы въ движеніе, точно сообразуясь съ распоряженіями другого лица. Благодаря вышеуказанной капиталистической эволюціи народнаго хозяйства у него зачастую было столь же мало шансовъ получить возможность когда-либо сознать себя однимъ изъ элементовъ руководящей и господствующей человѣческой силы, какъ и у раба. Далѣе, подобно тому какъ рабъ получалъ лишь необходимое для поддержанія существованія, и весь избытокъ, создаваемый его трудомъ, доставался его господину, свободный рабочій такъ же нерѣдко получалъ вознагражденіе, не превышавшее минимума, необходимаго для существованія.

Слѣдовательно, въ дѣйствительности, дѣло обстояло вовсе не т а к ъ, какъ его изображалъ поэтъ, утверждавшій, что каждый изъ свободныхъ людей служитъ только одному, а именно закону, между тѣмъ какъ рабъ служитъ двумъ: закону и господину [11]). Въ дѣйствительности предприниматель и по отношенію къ свободному человѣку, вынужденному работать за плату, могъ чувствовать себя господиномъ, которому послѣдній естественно долженъ былъ до извѣстной степени такъ же повиноваться, какъ и несвободный рабочій.

Не оказывалось-ли, съ другой стороны, при такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжнымъ, что у работодателя порой обнаруживалась наклонность къ игнорированію этого различія и въ обращеніи съ рабочимъ [12])? Это лишь соотвѣтствовало исконной наивно-эгоистической тенденціи работодателя осуществлять г о с п о д с т в о надъ рабочимъ, вытекающее изъ природы наемнаго труда аналогично господству надъ рабомъ. Вѣдь уже и столь часто встрѣчающееся безразличіе работодателя ко всему тому, что не относится непосредственно къ работѣ, само по себѣ, даже и при отношеніяхъ, сложившихся въ новое время, безпрестанно влечетъ за собою своего рода рабство рабочаго, которое, по замѣчанію Л. фонъ-Штейна, сугубо вредно, такъ какъ оно становится рабствомъ подъ именемъ свободы [13]). «Если—говоритъ авторъ соціальной исторіи Англіи—рабочій постоянно долженъ продавать свой трудъ за средства пропитанія; если предпринимателю не приходится смотрѣть на рабочаго какъ на лицо, которое впослѣдствіи станетъ равноправно ему, то получается такое состояніе, для котораго названіе рабство бѣлыхъ не представляется слишкомъ рѣзкимъ и преувеличеннымъ» [14]). Конечно, въ подобной формулировкѣ этого взгляда содержится сильное преувеличеніе, но все же въ его защиту можно сослаться на то обстоятельство, что даже такой соціально-консервативный писатель, какъ Трейчке, полагалъ, что отношеніе личной подчиненности между рабочимъ и работодателемъ должно уничтожать соотвѣтствующую конституціи личную свободу гражданина, если обѣ стороны не станутъ проявлять нравственной преданности, вѣрности и доброжелательности. Но развѣ могла эта взаимная доброжелательность развиваться въ обществѣ, до такой степени унижавшемъ въ рабочемъ человѣка?

Къ тому же для неимущаго было тѣмъ труднѣе избавиться отъ этихъ послѣдствій, вытекавшихъ изъ условій труда, что при всей свободѣ, которою онъ пользовался въ демократіи, степень господства работодателя надъ его личностью зависѣла не отъ его собственной воли, но отъ давленія экономическаго положенія. Вѣдь слова поэта: «служи какъ свободный человѣкъ, въ такомъ случаѣ ты не будешь несвободнымъ» [15]) примѣнимы къ нему лишь съ значительными огра-

ниченіями. Скорѣе его рѣшенія и все его положеніе опредѣлялись словами «Бѣдности» въ Аристофановой комедіи:

«Я пребываю возлѣ рабочаго, и какъ хозяйка, побуждаю его къ труду.
Заставляя его добывать средства къ жизни подъ давленіемъ нужды» [16]).

Бѣдность лишаетъ его сна. Если онъ не хочетъ голодать, приходится «вставать на работу» [17]). Или, какъ выражается Родбертусъ: «договоръ между рабочимъ и работодателемъ, являющійся при свободномъ трудѣ на смѣну приказанію рабовладѣльца, свободенъ лишь формально, а не матеріально, такъ какъ голодъ почти вполнѣ замѣняетъ бичъ» [18]). Если подъ этимъ давленіемъ рабочій—ради хлѣба—довольно часто неизбѣжно оказывался вынужденнымъ соглашаться работать на такихъ условіяхъ, которыя экономически врядъ ли были значительно благопріятнѣе тѣхъ условій, въ которыя были поставлены рабы, если, какъ выражается Менандръ, часто лучше было быть рабомъ какого-нибудь добраго господина, чѣмъ жить въ нищетѣ на свободѣ [19]), то какимъ же образомъ соціальная оцѣнка свободнаго рабочаго могла значительно превышать соціальную оцѣнку раба?

Ясно, что извѣстное мнѣніе Аристотеля, согласно которому и въ положеніи свободнаго труда заключается въ извѣстномъ смыслѣ нѣчто рабское [20]), могло опираться на совершенно реальныя соображенія и на положительные соціальные факты. Можно даже понять, какимъ образомъ Аристотель смогъ дойти до того, чтобы разсматривать господство рабовладѣльца надъ рабомъ (ἀρχὴ δεσποτική) какъ нѣчто однородное съ господствомъ работодателя надъ рабочимъ и усматривать главное различіе между ними лишь въ томъ, что несвободный рабочій служитъ лишь одному опредѣленному господину, а свободный—любому [21]). Этотъ взглядъ Аристотеля представляетъ собой лишь—правда, рѣзкое и преувеличенное, но въ извѣстномъ смыслѣ не вполнѣ неподходящее—выраженіе того факта, что будучи юридически свободны, неимущій рабочій и наемный ремесленникъ фактически несвободны. Онъ рѣзко подчеркиваетъ дѣйствительную матеріальную несвободу неимущаго по отношенію къ работодателю, отъ котораго зависитъ дневное пропитаніе его и его семьи. Какъ часто могъ простолюдинъ на самомъ себѣ ощущать правильность Аристотелевой оцѣнки, гласившей, что все не самодовлѣющее не свободно [22]). Впрочемъ, опредѣленіе понятія «наемный рабочій», дошедшее до насъ въ одномъ античномъ словарѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Аристотель лишь выразилъ широко распространенную точку зрѣнія. По этому опредѣленію, наемные рабочіе «суть свободные люди, вслѣдствіе бѣдности, за деньги выполняющіе рабскія услуги» [23]). Поэтому и демократъ Демосѳенъ, политическая и соціальная точка зрѣнія котораго весьма отличалась отъ точки зрѣнія Аристотеля, выразился въ совершенно аналогичномъ смыслѣ. И, по его мнѣнію, свободные люди оказываются вынужденными вслѣдствіе бѣдности браться за очень многія низкія занятія, собственно говоря, подобающія рабамъ, такъ что слѣдовало бы пожалѣть этихъ свободныхъ людей [24]).

Симптомомъ, правда, усиливаемаго хозяйствомъ, въ основѣ котораго лежалъ рабскій трудъ, но и вообще соотвѣтствовавшаго односторонне капиталистическому воззрѣнію низведенія рабочаго на уровень орудія труда является также и то, что и юридически свободный рабочій разсматривался съ такой точки зрѣнія, которая въ извѣстномъ отношеніи также ставила его на одинъ уровень съ рабомъ. Греческое право точно такъ же признавало наемнаго рабочаго рабочимъ товаромъ какъ и человѣческій товаръ, т.-е. раба, подводя договоръ относительно работы

подъ понятіе найма. Поденщика, рабочаго, слугу и т. д. нанимали точно такъ же, какъ лошадь, осла, раба [25]).

Изъ природы того отношенія зависимости, въ которомъ лицо, располагающее лишь рабочей силой, находится отъ собственника, вытекаютъ еще и дальнѣйшія слѣдствія. А именно, благодаря этому отношенію зависимости, и физическій трудъ вообще представляется какъ тогда, такъ и теперь собственникамъ занятіемъ зависимыхъ людей, а классъ людей, занятыхъ физическимъ трудомъ,— зависимымъ и подчиненнымъ классомъ. Но, конечно, это всегда проявляющееся при развитой культурѣ у высшихъ классовъ пренебреженіе къ физическому труду еще усиливалось тогда вслѣдствіе того, что этимъ трудомъ занималась масса безправныхъ людей. Чувство сословной чести, сознаніе почета, воздаваемаго труду какъ таковому, возвышающее сознаніе наилучшаго выполненія соціальнаго призванія, врядъ-ли могли надлежащимъ образомъ развиться не только у наемнаго рабочаго, но и у мелкаго ремесленника тамъ, гдѣ свободному рабочему такъ часто приходилось встрѣчать возлѣ себя раба, хотя бы даже какой-нибудь Клеонъ и всходилъ на ораторскую трибуну въ кожаномъ передникѣ. Къ тому же значительная часть ремесленниковъ должна была сознавать, что зависимость, если и не отъ единичныхъ работодателей, то отъ заработка препятствовала ей вполнѣ отдаваться политической и духовной дѣятельности [26]), такъ что и для нея принципъ свободы и равенства подвергался ощутительному ограниченію.

Въ виду всего этого приходится признать, что точка зрѣнія, отраженіемъ которой является вышеуказанное прославленіе демократіи, не вполнѣ свободна отъ иллюзіи. Государственная теорія, исходившая изъ соціальнаго разсмотрѣнія вещей, не замедлила вполнѣ разсѣять эти иллюзіи, свойственныя одностороннему политическому доктринерству. Нельзя было выразить противоположность между государствомъ и обществомъ, между политическимъ принципомъ свободы и равенства, съ одной стороны, и господствовавшими въ соціальномъ организмѣ несвободой и неравенствомъ, съ другой, яснѣе и рѣзче, чѣмъ это было сдѣлано Аристотелемъ въ «Политикѣ». Если—говоритъ Аристотель—въ государствѣ должны существовать какъ можно большія равенство и братство, то тамъ, гдѣ встрѣчаются сильные контрасты между богатыми и бѣдными, осуществленіе этихъ принциповъ невозможно. Вѣдь неимѣніе средствъ принуждаетъ бѣдныхъ къ униженной покорности [27]). Зависимость отъ богатыхъ ставитъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они бываютъ вынуждены подчиняться послѣднимъ, какъ рабы своимъ господамъ, тѣмъ болѣе, что многіе богачи привыкли господствовать именно лишь такъ, какъ господа властвуютъ надъ рабами. Такимъ образомъ, въ государствѣ возникаетъ другое государство (мы выразились бы «общество»), «состоящее не изъ свободныхъ людей, а изъ господъ и рабовъ, причемъ послѣдніе взираютъ на первыхъ съ недоброжелательствомъ, а первые относятся къ послѣднимъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ». Аристотель дѣлаетъ и выводъ изъ этого противорѣчія. Онъ полагаетъ, что лица, не располагающія извѣстнымъ достаткомъ, благодаря которому они могутъ чувствовать себя дѣйствительно свободными и равными среди равныхъ, въ особенности же лица, вынужденныя занимать экономически зависимое и служебное положеніе [28]), неспособны осуществлять права и выполнять обязанности, возлагаемыя греческимъ государствомъ на своихъ полноправныхъ гражданъ. Вѣдь какъ можно быть «то господиномъ, то слугою» [29])?

Что можно было возразить противъ этой логики съ точки зрѣнія доктринерскаго либерализма политической демократіи? Она могла настойчиво твердить не-

имущимъ, что трудъ и бѣдность не постыдны; демократическое законодательство могло защищать простолюдина отъ издѣвательствъ надъ его профессіональнымъ трудомъ, непосредственно угрожая за это наказаніемъ; но могло ли оно устранить вліяніе грубыхъ экономическихъ фактовъ? Какой смыслъ имѣло провозглашеніе принципа уваженія къ труду, разъ сами сторонники этого демократическаго законодательства жалѣли бѣдняка, вынужденнаго выполнять черную работу, какъ человѣка, заслуживающаго с о с т р а д а н і я [30])?

Неимущій могъ упиваться ходячими фразами о свободѣ и равенствѣ, которыя расточались демагогами на Пниксѣ; но ему приходилось выслушивать совсѣмъ иное въ театрѣ, воспроизводившемъ ж и з н ь! Тамъ онъ могъ слышать о томъ, что ему самому неоднократно приходилось сознавать въ борьбѣ и среди житейскихъ невзгодъ, о тѣхъ цѣпяхъ и оковахъ, которыми общественная несвобода и фактъ природнаго неравенства людей подавляли его гордое сознаніе свободы и его упорное чувство равенства, о пренебреженіи къ его бѣдности и униженности, во все новыхъ и новыхъ варіантахъ: «мы живемъ не такъ, какъ мы ж е л а е м ъ, а такъ, какъ мы м о ж е м ъ» [31]); деньги—«кровь и душа смертныхъ; тотъ, у кого ихъ нѣтъ, блуждаетъ какъ мертвый среди живыхъ» [32]); «и разбогатѣвшій рабъ пользуется почетомъ, а свободный бѣднякъ ни во что не ставится» [33]).—«Быть бѣднымъ—значитъ быть презираемымъ и лишеннымъ чести» [34]). Да и самъ бѣдный слишкомъ часто чувствуетъ, что «всѣ смотрятъ на него свысока» [35]).—«Бѣдный одинокъ» [36]).—«Многихъ заставляетъ бѣдность, вопреки природѣ, заниматься вещами, ихъ недостойными» [37]). И такъ далѣе.

Фактическая матеріальная несвобода неимущаго, тотъ фактъ, что для человѣка недостаточно сознавать себя гражданиномъ «свободнаго» государства, что человѣкъ долженъ также имѣть возможность жить, врядъ ли можетъ найти болѣе рѣзкое выраженіе.

«Но—гласила доктрина, обращаясь къ бѣдняку,—вѣдь наше свободное государство открываетъ тебѣ свободный путь для того, чтобы подняться. Стыдно если ты этого не дѣлаешь». Вѣдь лѣнивцу Богъ не помогаетъ [38]). Это былъ странный оптимизмъ въ такомъ обществѣ, гдѣ рабочій въ большинствѣ случаевъ былъ именно всего лишь орудіемъ, пользуясь которымъ собственникъ быстрѣе подвигался впередъ по пути, ведущему къ обогащенію, между тѣмъ какъ неимущій часто получалъ такое вознагражденіе, при которомъ ему почти или совсѣмъ нельзя было улучшить свое положеніе энергіей и стараніемъ. Какъ-будто при жестокой скупости природы вообще достижима всеобщая удовлетворенность. Какъ часто рабочая энергія экономически слабыхъ, всѣ ихъ стремленія къ свободѣ и самоопредѣленію оказывались безсильными въ борьбѣ съ этимъ естественнымъ фактомъ, съ перевѣсомъ силы исторически сложившихся имущественныхъ отношеній надъ трудомъ неимущихъ, крупнаго капитала надъ мелкимъ! Сколь многимъ приходилось на личномъ опытѣ ощущать, что рѣшающее значеніе для свободы и самостоятельности гражданина имѣютъ не тѣ законы, которые они сами для себя установили, а тѣ гораздо болѣе могущественные законы, которыми опредѣлялись величина продукта труда и его распредѣленіе. Вѣдь въ данномъ случаѣ какъ-разъ оправдывалось замѣчаніе Рошера относительно этого противорѣчія въ демократіи: «равенство предъ закономъ, активное участіе въ государственной жизни являются для массы пустой и даже раздражающей фразой, если заработная плата невысока» [39]).

Въ самомъ дѣлѣ, слабые общественные элементы, подавленные гнетомъ экономическихъ соотношеній силъ и неизмѣнныхъ фактовъ природы, могли бы очень

мѣтко возразить на вышеуказанный оптимистическій призывъ къ бодрому, радостному соперничеству словами національныхъ поэтовъ и мудрецовъ: «Какъ можно перебраться черезъ гребень волнъ? Въ нашей работѣ нѣтъ проку» [40]).—«Наша бѣдность—нашъ главный врагъ» [41]).—«Мелкимъ людямъ боги всегда немного и даютъ» [42]). «Челнокъ бѣдняка скромно держится вдоль берега; наоборотъ, жизнь богачей походитъ на плаванье по открытому морю. Имъ легко спускать канаты, причаливать и подплывать къ спасительному берегу; но для бѣдныхъ это не легко» [43]).

Къ тому же, развѣ наибо́льшіе успѣхи въ свободной экономической борьбѣ въ самомъ дѣлѣ выпадали на долю интеллектуально и нравственно достойныхъ? Не оказывались ли часто сильнѣйшими тѣ, которые стремились къ достиженію своихъ цѣлей съ наибольшей безцеремонностью, фактически наиболѣе издѣваясь надъ духомъ равенства, братства и справедливости? И не слишкомъ ли часто удѣломъ слабыхъ были угнетеніе и эксплуатація со стороны этихъ сильныхъ [44])? И не были ли уже тогда сказаны слова, по смыслу тождественныя со злымъ, чрезмѣрно преувеличивающимъ замѣчаніемъ относительно «милліона, котораго не пріобрѣтешь, не рискнувъ попасть на каторгу». «Именно величайшихъ мерзавцевъ,—говорится у Еврипида—богатство выводитъ въ первые ряды» [45]). И у Менандра: «Ни одинъ честный человѣкъ не разбогатѣлъ скоро» [46]).—«Я—жалуется бѣдный крестьянинъ у Аристофана—богобоязненный и справедливый человѣкъ, былъ бѣденъ и жилъ въ нуждѣ. Богатыми я видѣлъ другихъ: грабителей храмовъ, болтуновъ, обманщиковъ, сикофантовъ, подлецовъ» [47]). Ему вовсе не приходила въ голову мысль Перикла о томъ, что позорно не избавиться отъ бѣдности. Это замѣчаніе показалось бы ему издѣвательствомъ. Вмѣсто этого онъ задается вопросомъ, не лучше ли бѣдному «измѣнить свой образъ дѣйствій» и «стать подлецомъ, безбожникомъ, совершенно безсовѣстнымъ человѣкомъ, какъ это, повидимому, теперь нужно для того, чтобы пробиться въ жизни» [48]). Слѣдуетъ представить себѣ изображаемое Платономъ положеніе бѣднаго ремесленника, который не былъ въ состояніи раздобыть нужный для производства капиталъ и поэтому, несмотря на все свое умѣніе, не могъ улучшить свое положеніе [49])! Что давали этому человѣку свобода и равенство? Конечно, они иной разъ могли доставить ему удовлетвореніе, заключавшееся въ томъ, что богачъ «съ ульемъ золота» [50]) трепеталъ предъ нимъ, или же въ томъ, что онъ разыгрывалъ изъ себя въ народномъ собраніи предъ богачами господина, котораго имъ приходилось умилостивлять и поддерживать въ хорошемъ настроеніи общественными раздачами [51]). Однако, «все это величіе и прекрасный случай обнаруживать презрѣніе къ богатству» [52]) превращались внѣ суда и народнаго собранія въ нѣчто совершенно противоположное, такъ какъ они не могли устранить ни послѣдствій его несостоятельности, ни высоты процента. Какъ часто навязывалъ внѣ суда, въ жизни, этотъ экономическій гнетъ нуждающемуся въ кредитѣ простолюдину ту же жалкую роль смиреннаго просителя [53]), до которой богачъ унижался предъ нимъ на судѣ.

Развѣ существовала вообще такая сфера жизнедѣятельности, въ которой не обнаруживалось бы это противорѣчіе между политическимъ и экономическимъ обществомъ? Такого общества, въ которомъ на ряду съ владѣльцами блестящихъ господскихъ усадьбъ и многихъ десятинъ земли встрѣчались жившіе въ жалкихъ хижинахъ поденщики и обладатели мельчайшихъ земельныхъ участковъ, крупные негоціанты на ряду съ бѣдными лавочниками, фабриканты и предприниматели, располагавшіе рабочей силой нѣсколькихъ сотъ людей, на ряду съ занимавшимися тяжелымъ трудомъ мелкими мастерами и наемными рабочими, никакъ нельзя было назвать демократическимъ. Да и вообще при высокомъ уровнѣ

культуры общество никогда не можетъ быть демократическимъ въ экономическомъ смыслѣ.

Правда, юридически всѣ эти элементы были равноправны [54]): мелкій землевладѣлецъ и ремесленникъ пользовались при утилизаціи своихъ экономическихъ силъ такой же свободой, какъ и обладатель крупнаго капитала. Но эта свобода не уравнивала экономически. Вѣдь она не представляла такой же цѣнности для экономически слабаго, какъ и для сильнаго. Такъ какъ производительная сила капитала возрастаетъ прогрессивно вмѣстѣ съ его размѣрами, то при конкуренціи между крупными и мелкими собственниками на сторонѣ перваго оказываются значительныя преимущества, причемъ онъ можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ воспользоваться этимъ превосходствомъ именно при равноправіи и одинаковой свободѣ для всѣхъ. Мы уже видѣли, до какой степени это ему удалось тогда. Такимъ образомъ, демократическій принципъ свободы и равенства оказывался факторомъ, способствовавшимъ усиленію несвободы и неравенства въ народномъ хозяйствѣ. Чѣмъ болѣе широкій просторъ открывало свободное демократическое государство развитію всѣхъ индивидуальныхъ задатковъ, проявленію всѣхъ человѣческихъ силъ, тѣмъ быстрѣе и рѣзче должны были развиваться и противорѣчія и притомъ именно въ сферѣ имущественныхъ отношеній [55]). Поэтому конечный результатъ въ развитой демократіи былъ таковъ, что граждане одного и того же государства благодаря все прогрессировавшей демократизаціи всѣхъ политическихъ учрежденій достигавшіе все большей и большей свободы и равенства, вмѣстѣ съ тѣмъ, становились во многихъ отношеніяхъ все менѣе и менѣе свободными и неравными между собой.

Итакъ, мы уже въ данномъ случаѣ можемъ констатировать то же самое противорѣчіе между экономической эволюціей и политическимъ принципомъ развитія свободы и равенства, въ которомъ привыкли усматривать специфическую особенность новаго времени [56]).

Отдѣлъ V.—Превращеніе политической демократіи въ соціальную.

Спрашивается, однако, сознавалось ли въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе греками до такой степени, чтобы оно стало проблемой для мышленія, соціальнымъ вопросомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію, разъ мы припомнимъ тотъ выводъ, къ которому мы пришли уже при изображеніи болѣе древней эпохи относительно неизбѣжнаго результата воздѣйствія всей соціальной и политической атмосферы греческаго города-государства на психологію массъ. Если въ этой атмосферѣ уже аттическіе сельскіе рабочіе шестого вѣка, дѣлая выводы изъ зарождавшейся тогда впервые демократической идеи, дошли до скептическаго отношенія ко всему существовавшему экономическому и общественному строю, то развѣ могла масса не ощущать вышеуказанныхъ колоссальныхъ противорѣчій, которыми была полна вся соціальная жизнь, черезъ нѣсколько столѣтій, когда демократія достигла своего кульминаціоннаго пункта, и при наличности условій, во всѣхъ отношеніяхъ способствовавшихъ усиленію общественныхъ конфликтовъ? Вѣдь эти противорѣчія до нѣкоторой степени сознавались какъ таковыя даже и вдумывавшимися въ положеніе дѣлъ представителями имущихъ классовъ [1])!

При томъ высокомъ уровнѣ демократическаго сознанія, которымъ было проникнуто населеніе промышленныхъ и торговыхъ республикъ четвертаго вѣка, впечатлительность ко всему тому, что могло задѣть это сознаніе, была, конечно, несравненно болѣе развита у него, чѣмъ у подавленныхъ и разсѣянныхъ по странѣ сельскихъ рабочихъ въ эпоху Солона. Вѣдь у свободнаго народа впечатлительность вообще возрастаетъ съ культурою. Съ его чувствомъ свободы и личности связана и возможность чаще и интенсивнѣе испытывать безпокойство и несчастье, повышенная способность къ страданію, благодаря которой все сильнѣе и сильнѣе ощущается раздраженіе, вызываемое противорѣчіемъ между желаніемъ и дѣйствительностью. «Любовь къ свободѣ—говоритъ Платонъ—дѣлаетъ душу гражданъ настолько раздражительною, что, если кто-нибудь ждетъ отъ нея чего-либо, намекающаго на рабство, она негодуетъ и не переноситъ этого; въ концѣ концовъ, они не обращаютъ вниманія на писанные и неписанные законы, заботясь лишь о томъ, чтобы имъ не приходилось чему-либо подчиняться» [2]).

При этой характеристикѣ невольно припоминается замѣчаніе Ламартина относительно Марата: «равенство было его страстью, потому что превосходство было его мученіемъ».—Къ тому же эта нервность чувства свободы подвергалась тяжелому испытанію, когда пролетарій или рабочій въ центрахъ городской цивилизаціи сравнивалъ свое положеніе съ положеніемъ того счастливаго меньшинства, которое съ блескомъ выставляло на показъ пользованіе своимъ избыткомъ какъ разъ возлѣ его бѣдности и нищеты.

Тотъ поэтъ, о которомъ сказано было, что сомнительно, онъ ли подражалъ жизни, или жизнь подражала ему, нашелъ и подходящее выраженіе для того, что происходило въ полной зависти и ненависти душѣ пролетарія при подобныхъ сравненіяхъ. «Кто бѣденъ—говорится у Менандра—и хочетъ жить въ городѣ, тотъ самъ стремится къ тому, чтобы испытывать прискорбное чувство. Вѣдь когда онъ смотритъ на такихъ людей, которые могутъ утопать въ наслажденіяхъ и вести праздную жизнь, онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, до какой степени жалко и безотрадно его существованіе» [3]).

При этой раздражительности народнаго чувства становится понятно, какъ одинъ народный ораторъ смогъ упрекнуть Демосѳена въ томъ, что онъ заставилъ перенести себя въ Пирей на носилкахъ и, такимъ образомъ, надругался надъ нищетой бѣдныхъ [4])! Вѣдь провелъ же другой ораторъ (Ликургъ) законъ, воспрещавшій женщинамъ ѣздить въ экипажахъ въ Элевсинъ, чтобы смотрѣть на священную процессію, дабы богатыя дамы не затмевали простолюдинокъ на праздникѣ! [5]).

Въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, хорошо придуманъ, въ качествѣ воспроизведенія настроенія, разсказъ о томъ, какъ была принята одна пьеса Еврипида, въ которой встрѣчается восторженное прославленіе золота. Народъ будто бы поднялся какъ одинъ человѣкъ и бурно требовалъ удаленія актера и прекращенія представленія, пока не показался самъ авторъ, попросившій, чтобы зрители подождали, пока не выяснится, какая судьба постигнетъ поклонника золота [6])!

Конечно, вошедшая въ плоть и кровь народа демократическая идея живѣе всего реагировала противъ зависимости и несвободы, которыя мы констатировали въ сферѣ трудовой жизнедѣятельности. Свободный гражданинъ, считавшій себя, какъ выражается Аристотель, безусловно равнымъ всякому другому на томъ основаніи, что онъ былъ равенъ ему въ одномъ отношеніи (предъ закономъ) [7]), лишь неохотно выносилъ зависимость и подчиненіе, которыя, какъ бы то ни было, не-

избѣжно влекло за собою положеніе рабочаго. Вѣдь демократъ, сознательно дѣлавшій выводы изъ своихъ принциповъ, не могъ чувствовать себя дѣйствительно свободнымъ человѣкомъ въ такомъ положеніи, въ которомъ отъ него ждали столь многаго, «намекавшаго на рабство».

Съ одной стороны, капитализмъ все болѣе и болѣе способствовалъ развитію матеріальнаго эгоизма, усматривавшаго въ рабочемъ лишь орудіе для достиженія вещественныхъ цѣлей, средство для производства какъ можно большаго количества товаровъ. Все яснѣе и яснѣе обнаруживалось, что при подобной эволюціи индустріальнаго общества во многихъ отношеніяхъ имѣла мѣсто несовмѣстимая съ назначеніемъ человѣческой личности эксплуатація людей и притомъ эксплуатація рабочихъ изъ-за выгоды капиталиста. Въ виду всего этого въ свободномъ государствѣ человѣкъ въ рабочемъ долженъ былъ тѣмъ живѣе возстать противъ подобнаго результата положенія труда. Какъ бы энергически ни подчеркивалъ Сократъ, что, вѣдь, рабочій выполняетъ соціальную функцію, производя нѣчто полезное [8]), пока физическій трудъ представлялъ собой съ точки зрѣнія собственниковъ и образованныхъ людей не такого рода соціальную дѣятельность, а по существу дѣла объектъ спекуляціи, преслѣдовавшей экономическіе частные интересы, до тѣхъ поръ и свободолюбивый гражданинъ не могъ отрѣшиться отъ ощущенія, что, становясь наемнымъ рабочимъ или поступая въ услуженіе, онъ всегда подвергался опасности, что и на него будутъ въ извѣстномъ смыслѣ смотрѣть какъ на «вещь», какъ на одушевленное орудіе, или что съ нимъ фактически будутъ обращаться какъ съ несвободнымъ. Поэтому неимущій гражданинъ греческаго демократическаго государства, располагавшій лишь своей рабочей силой, достигнувъ высокаго уровня демократическаго сознанія, подобно нынѣшнему демократическому рабочему, ощущалъ экономическую зависимость труда отъ капитала какъ орудіе «рабства», какъ «порабощеніе рабочаго класса классу собственниковъ». Если состоятельные и образованные люди сами безъ всякаго стѣсненія высказывали и даже прямо-таки выставляли какъ основное положеніе соціальной теоріи, что свободный рабочій есть человѣкъ, вслѣдствіе бѣдности берущійся изъ-за денегъ за выполненіе рабскихъ услугъ, то они въ самомъ дѣлѣ не могли удивляться, если согражданинъ, чувствовавшій какъ свободный человѣкъ и долженствовавшій выполнять для нихъ подобныя услуги, смотрѣлъ на свое положеніе точно такъ же, какъ и они.

Небольшой разсказъ, излагаемый у Ксенофонта въ его сократовскихъ бесѣдахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что демократическому сознанію противорѣчитъ не столько физическій трудъ, какъ таковой, сколько то, что называлось рабскимъ услуженіемъ: связанность свободной личности въ рабочемъ договорѣ. Эвѳеръ, старый другъ Сократа, лишился, вслѣдствіе катастрофы, постигшей аѳинскую державу, принадлежавшихъ ему внѣ Аттики имѣній и былъ вынужденъ зарабатывать себѣ пропитаніе физическимъ трудомъ, такъ какъ его отецъ ничего не оставилъ ему въ Аттикѣ. Сократъ обращаетъ его вниманіе на то обстоятельство, что, вѣдь, это не обезпечиваетъ его въ старости, такъ какъ тогда исчезаетъ способность къ физическому труду, и никто не захочетъ платить ему вознагражденія. Онъ сдѣлалъ бы лучше, если бы поискалъ себѣ у какого-нибудь состоятельнаго человѣка такого мѣста, которое онъ могъ бы занимать и состарившись, хотя бы, напр., мѣста управителя или надсмотрщика за рабочими. На это гордый пролетарій далъ изумительный отвѣтъ, что ему тяжело было бы выносить такое рабство [9]). Онъ предпочитаетъ простой физическій трудъ и долю наемнаго рабочаго болѣе высокому положенію, полагая, что при постоянномъ и поэтому болѣе отвѣтственномъ зависимомъ отношеніи этого рода онъ будетъ

въ большей степени подвергаться оскорбляющей его чувство собственнаго достоинства критикѣ, чѣмъ занимая положеніе рабочаго, менѣе дающее поводъ къ порицанію и скорѣе позволяющее уклониться отъ послѣдняго путемъ перехода отъ одного работодателя къ другому [10]).

Еще одинъ поучительный примѣръ демократической впечатлительности свободныхъ людей, занятыхъ трудомъ, упоминается въ разсказѣ другого знакомаго Сократа, Аристарха. Въ тяжелую эпоху «тридцати тирановъ» онъ принялъ въ свой домъ нѣсколько родственницъ, родные которыхъ бѣжали въ занятый демократами Пирей. Но вскорѣ оказалось, что онъ не въ состояніи кормить у себя четырнадцать ничѣмъ не занятыхъ свободныхъ лицъ. Въ виду этого онъ, хотя и послѣ долгихъ возраженій, послѣдовалъ совѣту Сократа и засадилъ ихъ за прялку, чтобы онѣ были въ состояніи сами зарабатывать на свое прокормленіе. Это привело къ превосходнымъ результатамъ. Заработанный хлѣбъ оказывается вдвое пріятнѣе для всѣхъ. Веселость и радость смѣняютъ прежде господствовавшее въ домѣ мрачное настроеніе. Только съ тѣмъ не могли примириться работавшія женщины, что всѣ онѣ должны были трудиться за исключеніемъ одного лишь домохозяина, хотя и онъ также пользовался доходомъ, приносимымъ ихъ общей работою. По ихъ мнѣнію, «кто не трудится, тотъ не долженъ ѣсть» [11]). Получается такое впечатлѣніе, какъ-будто онѣ читали филиппику Прудона противъ собственника, который «собираетъ въ житницу, хотя и не сѣетъ, потребляетъ, хотя и не производитъ, пользуется благами, хотя и не работаетъ»— или же нападки сенъ-симонистовъ на «привилегіи жить насчетъ труда другихъ», на «безбожную привилегію тунеядства».

Аристархъ находится въ затрудненіи, какъ ему оправдать свою предприни мательскую прибыль. Онъ обращается къ Сократу, излагающему ему въ качествѣ аргумента противъ оппозиціонной теоріи его работницъ слѣдующую притчу: овцы жалуются человѣку на то, что онѣ, производящія столь много полезныхъ вещей, шерсть, ягнятъ, сыръ, должны сами искать себѣ пищу, между тѣмъ какъ собака, не выполняющая никакихъ подобныхъ функцій, получаетъ пищу отъ господина. Собака возражаетъ: «выполняемая мною функція заключается въ той охранѣ, которую я вамъ доставляю, присматривая за вами. Безъ меня вы не могли бы даже безъ опасности пастись, стало-быть вообще существовать». Овцы не могутъ ничего возразить противъ этого и заявляютъ, что онѣ добровольно соглашаются на то, чтобы собакѣ было предоставлено привилегированное положеніе [12]). Изъ этого Сократъ выводитъ нравоученіе, заключающееся въ томъ, что его пріятелю слѣдуетъ сказать своимъ работницамъ, что онъ играетъ по отношенію къ нимъ роль охранителя и управителя, аналогичную роли собаки, и что поэтому лишь ему, своему хозяину, онѣ обязаны тѣмъ, что, не испытывая никакой помощи съ чьей бы то ни было стороны, могутъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ.

Мы не узнаемъ, какой успѣхъ имѣла эта сократическая аргументація Аристарха у его женскаго персонала. Но, во всякомъ случаѣ, она представляетъ значительный интересъ въ соціально-историческомъ отношеніи. Вѣдь, благодаря ей, великій новаторъ въ области этики принципіально становится на ту же самую точку зрѣнія, въ которой коренилось возмущеніе работницъ противъ работодателя! Онъ оправдываетъ предпринимательскій доходъ тѣмъ, что послѣдній такъ же заработанъ выполненіемъ положительныхъ функцій, какъ и доходъ, получаемый рабочими. Итакъ, онъ безъ дальнихъ околичностей соглашается съ рабочими въ томъ, что соотношеніе между господствующими и служащими можетъ быть оправдано лишь постольку и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основывается на раз-

дѣленіи труда, такъ что, слѣдовательно, оно перестаетъ быть нравственно-правомѣрнымъ, разъ господство означаетъ уже не трудъ, а одно лишь пользованіе благами [13]).

Какъ не вспомнить здѣсь излагаемаго ксенофонтовскимъ Сократомъ разсказа Продика о Геркулесѣ на распутьѣ, которому порокъ обѣщаетъ, что «другіе будутъ вынуждены работать на тебя, а ты можешь пользоваться плодами ихъ усердія» [14])!

И такой точки зрѣнія держался не одинъ Сократъ. Вѣдь душевное состояніе вышеупомянутыхъ работницъ являлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, отраженіемъ широко распространеннаго народнаго воззрѣнія. Въ томъ произведеніи, въ которомъ Аристотель часто принимаетъ въ соображеніе именно подобныя воззрѣнія, въ риторикѣ, онъ отмѣчаетъ въ качествѣ взгляда, распространеннаго въ данную эпоху, что человѣкъ, живущій лишь трудомъ другихъ, совершаетъ несправедливость, что въ самомъ дѣлѣ справедливыми могутъ быть признаны лишь такіе люди, которые сами работаютъ, а между ними опять-таки прежде всего тѣ, которые живутъ трудомъ своихъ рукъ [15]). Очевидно, этотъ послѣдній взглядъ мотивировался тѣмъ, что, именно занимаясь этого рода трудомъ, человѣкъ всецѣло «самъ себя» содержитъ, а не живетъ благодаря другимъ, т.-е., эксплуатируя чужой трудъ, на счетъ чужихъ жизней.

Великая противоположность между притязаніемъ свободнаго гражданина на признаніе его личнаго существованія, т.-е. на признаніе поддержанія и поощренія послѣдняго самоцѣлью [16]), съ одной стороны, и суровымъ давленіемъ экономическаго положенія, обращающаго неимущаго въ орудіе производства и подчинявшаго его человѣческую личность чисто-экономическимъ интересамъ, стало-быть, безличному, вещному моменту, съ другой, этотъ вѣчный конфликтъ интересовъ между людьми въ данномъ случаѣ впервые въ исторіи человѣчества получаетъ ясную формулировку, хотя, конечно, онъ сознавался уже задолго до этого. Въ этомъ отношеніи возмущеніе работницъ Аристарха противъ нетрудового дохода ихъ работодателя и констатируемая Аристотелемъ оппозиція представителей физическаго труда вообще противъ чисто-капиталистическаго присвоенія продукта труда представляютъ собою фактъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе въ соціально-психологическомъ отношеніи. Въ данномъ случаѣ мы видимъ на классическомъ примѣрѣ, что «исторія соціализма является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторіей человѣческаго самосознанія».

Въ противоположность той, формулированной въ перикловой государственной программѣ, либеральной экономической и соціальной философіи, которая, при всей ея демократичности все же на практикѣ болѣе благопріятствовала интересамъ образованнаго средняго сословія, въ данномъ случаѣ изъ глубинъ общества доносится новое ученіе, въ которомъ выражается точка зрѣнія массы простолюдиновъ, рабочихъ, неимущихъ. Въ этомъ ученіи формулируется новое требованіе, требованіе справедливости въ распредѣленіи благъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ всего этого въ достаточной степени выясняется, что противорѣчіе между тенденціями развитія капиталистическаго общества и восторжествовавшими въ свободномъ демократическомъ государствѣ идеями въ самомъ дѣлѣ настолько сознавалось гражданами этого государства, что оно стало проблемой, вопросомъ и для народнаго мышленія. Слѣдовательно, опредѣленіе соціальнаго вопроса нынѣшняго времени какъ «сознаннаго противорѣчія между экономическимъ развитіемъ съ одной стороны и представляющимся идеаломъ и осуществляющимся въ политической жизни принципомъ развитія свободы и равенства, съ другой» [17]),

примѣнимо и къ тому соціальному вопросу, который столь же неизбѣжно долженъ былъ возникнуть, въ качествѣ результата внутренняго развитія, въ греческомъ демократическомъ государствѣ, какъ и въ государствѣ новаго времени.

И какъ нынѣ, такъ и тогда соціальный вопросъ не замедлилъ стать классовымъ вопросомъ. Вызвавшій его возникновеніе экономическій строй былъ настолько же благопріятенъ интересамъ одной части общества, насколько онъ былъ враждебенъ интересамъ другой его части. Меньшинство было обязано ему тѣмъ, что оно и безъ труда пользовалось обезпеченнымъ существованіемъ и почетнымъ соціальнымъ положеніемъ. Ему оно обязано было досугомъ и соціальной независимостью, доставлявшими ему полную, неограниченную возможность личнаго развитія, дѣлавшими его «свободнымъ» въ подлиннѣйшемъ смыслѣ слова. Поэтому-то собственники и были въ высшей степени заинтересованы въ сохраненіи вышеуказаннаго распредѣленія благъ, причемъ ихъ стремленія, естественно, клонились къ тому, чтобы какъ можно болѣе усилить то господство капитала надъ экономической жизнью, на которомъ основывалось ихъ личное соціальное положеніе. Въ данномъ случаѣ зависимость неимущихъ рабочихъ отъ капитала, соціальное и экономическое неравенство, стало-быть, увѣковѣченіе противорѣчія между принципами соціальной и политической жизни въ самомъ дѣлѣ оказывались классовымъ интересомъ.

На противоположной сторонѣ были всѣ тѣ, которые видѣли, что существующій экономическій и общественный строй лишаетъ ихъ всего того, что дѣлало индивидуумъ общественно-свободной личностью, обладанія капиталомъ или возможности пріобрѣсть таковой. Чѣмъ горче эти элементы чувствовали, что у нихъ нѣтъ реальной основы, на которой зиждилось независимое гражданство, на которой покоилось полное пользованіе всѣми правами, принадлежащими свободному гражданину, чѣмъ менѣе они могли чувствовать себя свободными и равными въ обществѣ, тѣмъ живѣе должно было въ нихъ пробуждаться желаніе, чтобы это противорѣчіе было, по возможности, устранено.

Но противоположность интересовъ между богатыми и бѣдными, естественно, всего интенсивнѣе сказывалась именно тамъ, гдѣ развитіе всего одностороннѣе совершалось въ капиталистическомъ смыслѣ, такъ какъ, благодаря этому, неизбѣжно умалялось значеніе умѣряющаго и уравнивающаго элемента, воплощеннаго въ среднемъ сословіи, класса, состоявшаго изъ тѣхъ людей, которые могли надѣяться благодаря своему труду постепенно подвигаться вверхъ по ступенямъ соціальной лѣстницы. Именно благодаря этому возникла противоположность между крупной буржуазіей и даже и этимъ слоемъ народа, заинтересованнымъ въ сохраненіи существующаго. Вѣдь, одностороннее преобладаніе капиталистическихъ тенденцій не благопріятствовало и подъему, по крайней мѣрѣ, низшаго средняго сословія; въ виду этого въ данномъ вопросѣ общій интересъ объединялъ его и неимущую массу противъ богачей.

Къ тому же этой общности интересовъ способствовало еще и то обстоятельство, что зачастую капиталистическое меньшинство явно или тайно стремилось къ тому, чтобы, путемъ измѣненія государственнаго устройства въ плутократическомъ смыслѣ, подчинить интересамъ крупнаго капитала и государственную власть и такимъ образомъ доставить имъ абсолютное преобладаніе надъ всѣми другими интересами. Между тѣмъ какъ низшіе общественные слои должны были желать распространенія принциповъ, осуществлявшихся въ политической жизни, и на соціально-экономическую сферу въ смыслѣ какъ можно большей демократизаціи и народнаго хозяйства, сила, господствовавшая въ соціальной сферѣ, наоборотъ, стремилась

въ данномъ случаѣ ассимилировать себѣ и политическую область, отказывая именно вышеуказаннымъ принципамъ въ правѣ на существованіе и утверждая, что принципъ соціальной эволюціи, принципъ неравенства и несвободы, долженъ имѣть силу и въ политической сферѣ.

Это противорѣчіе оказывалось непримиримымъ и неразрѣшимымъ. Вѣдь въ его основѣ лежалъ не только матеріальный интересъ, но, отчасти, по крайней мѣрѣ, и вѣчный, неустранимый элементъ человѣческаго существа. Въ данномъ случаѣ дѣло шло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о борьбѣ между двумя различнаго рода оцѣнками: аристократической, подчеркивавшей значеніе разстоянія, и демократической, стремившейся къ нивелированію. И эта борьба будетъ длиться, пока будутъ существовать различія въ человѣческой природѣ; по мѣткому замѣчанію одного соціальнаго философа новаго времени, она никогда не можетъ получить ни практически окончательнаго, ни теоретически объективнаго разрѣшенія. Именно это искони обостряло борьбу, такъ часто придавало ей характеръ борьбы изъ-за вѣрованій. Инстинктивное чувство невозможности искренняго примиренія и компромисса между сталкивавшимися въ данномъ случаѣ противоположностями порождаетъ настроеніе, достаточно объясняющее, съ одной стороны, становившуюся все болѣе и болѣе ожесточенной оппозицію массы и, съ другой стороны, ужасный, принципіально враждебный народу лозунгъ олигархическихъ тайныхъ клубовъ [18]).

Къ тому же мелкая буржуазія, которой приходилось работать для того, чтобы жить, находилась, благодаря этому, въ извѣстномъ антагонизмѣ не только съ богатствомъ, но и со всѣмъ высшимъ слоемъ, пользовавшимся такимъ достаткомъ, который доставлялъ ему доходъ безъ личнаго труда, а благодаря этому, и полную гражданскую независимость. Тотъ, кто усматривалъ критерій для оцѣнки соціальнаго положенія индивидуумовъ въ идеалѣ гражданской жизнедѣятельности, рисовавшемся взору гражданина греческаго города-государства [19]), въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ находить положеніе этого многочисленнаго слоя неудовлетворительнымъ въ политическомъ отношеніи [20]).

Этимъ объясняется столь характерное для соціальной физіономіи греческаго міра расширеніе понятія «бѣдность». Сколь многозначительнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, приводимый у Ксенофонта отвѣтъ, данный Сократу при обсужденіи понятія «народовластіе», на вопросъ: что же, собственно, надлежитъ разумѣть подъ «народомъ», подъ владычествующимъ въ Аѳинахъ «демосомъ»? Отвѣтъ гласилъ: это—«тѣ изъ гражданъ, которые бѣдны» [21]), причемъ въ отвѣтъ на дальнѣйшій вопросъ о существѣ этой бѣдности послѣдовалъ отвѣтъ, что «бѣдны» всѣ тѣ, средства которыхъ не достаточны для того, чтобы они могли жить на нихъ. Съ этой точки зрѣнія не только пролетаріатъ, но и вся мелкая буржуазія представляются въ политическомъ антагонизмѣ по отношенію къ богатству и къ доходу, сплошь состоящему изъ ренты.

Слѣдуетъ имѣть въ виду всю эту глубокую соціальную рознь среди греческой націи, чтобы понять, напр., замѣчаніе Платона о томъ, что государство не только какъ бы распалось вслѣдствіе противоположности между бѣдными и богатыми на два враждебныхъ лагеря, но и обѣ эти стороны опять-таки раздѣлились, благодаря борьбѣ изъ-за обладанія собственностью, на множество враждебныхъ другъ другу группъ [22]). Экономическіе моменты, противоположность между собственниками и неимущими, между крупнымъ и мелкимъ капиталомъ, между капиталомъ и трудомъ, оказывали сильное вліяніе какъ на всю народную жизнь, такъ и на дѣленіе на политическія партіи и на борьбу на политической аренѣ. Въ данномъ случаѣ дѣло давно уже шло не только о вопросахъ формальнаго права, о распре-

дѣленіи чисто-политическихъ правъ и власти, но о конфликтахъ экономическихъ интересовъ, о великихъ противорѣчіяхъ соціальной жизни.

Но, чѣмъ болѣе выяснялось, что никакія политическія реформы не въ состояніи устранить этихъ противорѣчій, чѣмъ болѣе соціальная точка зрѣнія оттѣсняла на задній планъ формально политическую, тѣмъ энергичнѣе переходило греческое мышленіе отъ политическихъ проблемъ къ анализу и критикѣ экономическаго и общественнаго строя. Это духовное движеніе нашло свое наиболѣе рельефное выраженіе въ положеніи эвдемовой этики, гласившемъ, что «человѣкъ есть не только политическое, но и экономическое существо» [23]).

Прямо-таки типично въ этомъ отношеніи выясненіе органической связи между капитализмомъ и пауперизмомъ и взаимной обусловленности политическихъ и экономическихъ формъ организаціи у Платона въ его глубокой критикѣ капиталистическаго общества [24]). Нельзя представить себѣ болѣе основательнаго разрушенія иллюзій буржуазнаго либерализма, выразившихся въ программѣ буржуазной демократіи! Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ весьма многозначительный образецъ, какъ въ данной стадіи общественнаго развитія представители высшаго образованія и возвышающейся надъ классовымъ духомъ интеллигенціи отреклись отъ солидарности съ партіями, отстаивающими интересы собственниковъ. Сюда же относятся и анализы, посвященные патологіи и терапіи греческихъ политическихъ порядковъ въ «Политикѣ» Аристотеля, въ которыхъ всегда обращается вниманіе и на соціальный организмъ, на общественную жизнь въ ея цѣломъ. Въ нихъ, на основаніи массы фактовъ, выясняется, какое громадное значеніе имѣлъ соціально-экономическій факторъ, въ особенности же имущественное неравенство, для внутреннихъ перемѣнъ и переворотовъ, совершавшихся въ греческихъ государствахъ. По мнѣнію великаго наблюдателя, именно имущественное неравенство болѣе всего побуждаетъ массу къ борьбѣ противъ существующаго строя и вовлекаетъ ее въ соціальную революцію [25]).

Не мудрено, что эта эпоха соціальнаго движенія до такой степени выдвигаетъ на первый планъ соціальную экономику, что государственная и общественная проблема усматриваетъ въ какъ можно болѣе удовлетворительномъ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ важнѣйшую и основную проблему мудрой политики [26]). Къ послѣднимъ вѣкамъ исторіи греческихъ государствъ вполнѣ примѣнимы слова, высказанныя относительно нынѣшняго времени, что «соціальное, т.-е. подчиняющее государство матеріальнымъ общественнымъ цѣлямъ воззрѣніе на жизнь сознательно и безсознательно, въ различнѣйшихъ оттѣнкахъ хотѣнія и желанія, красною нитью проходитъ чрезъ всю политику» [27]). Вѣдь это направленіе даже переходило въ односторонній экономизмъ въ родѣ того, который мы можемъ констатировать въ такъ называемомъ матеріалистическомъ пониманіи исторіи, свойственномъ марксизму, въ качествѣ отраженія соціальнаго движенія новаго времени!

Если политическіе конфликты данной эпохи обусловливались частными интересами различныхъ общественныхъ классовъ, и если причиной, непосредственно порождавшей классовую противоположность, являлось имущественное неравенство, то вѣдь съ точки зрѣнія, не восходившей къ послѣднимъ основаніямъ, легко было придти къ мысли о томъ, что подлинная причина всѣхъ гражданскихъ усобицъ коренится именно въ собственности, въ имущественныхъ отношеніяхъ. И, по словамъ Аристотеля, эта мысль была безъ обиняковъ формулирована различными теоретиками. При этомъ центръ тяжести политическаго движенія всецѣло переносился изъ политической сферы въ экономическую. И лишь дальнѣйшимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого односторонняго экономизма было то, что соціаль-

пая теорія, въ концѣ концовъ, вообще возложила отвѣтственность за патологическія общественныя и нравственныя явленія эпохи на экономическую дифференціацію общества, на противоположность между бѣдными и богатыми, и стала ждать отъ переворота въ экономической жизни, отъ разрѣшенія проблемы распредѣленія не болѣе, не менѣе какъ радикальнаго устраненія всѣхъ этихъ золъ. Эта надежда выражалась какъ въ выведенномъ въ комедіи Аристофана [28]) пролетарскомъ коммунизмѣ, такъ и въ идеалистическомъ соціализмѣ Платона [29]).

Дѣло обстояло такимъ образомъ какъ въ теоріи, такъ и въ практической политикѣ! Въ позднѣйшій періодъ греческой исторіи соціальный вопросъ въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе грозно выступаетъ на первый планъ. Все происходившее въ эту эпоху на политической аренѣ, борьба руководящихъ государствъ изъ-за первенствующаго положенія, постановка національнаго вопроса противъ сѣверной монархіи, колоссальная затрата духовной энергіи, проявленной Демосѳеномъ въ интересахъ этого національнаго дѣла, бывшаго для него, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣломъ свободы, все это затмѣвалось по внутреннему значенію соціальнымъ движеніемъ данной эпохи.

Понятно, что въ такую эпоху, когда соціальныя проблемы съ такой силой привлекали къ себѣ общее вниманіе, снова должны были интенсивнѣе обнаружиться вышеуказанныя государственно-соціалистическія тенденціи греческаго города-государства. Въ такомъ государствѣ, которое никогда не желало быть всего лишь организаціей для достиженія политическихъ цѣлей, но принципіально распространяло свое верховенство на всю сферу экономической жизни, у такого народа, какъ греческій, у котораго столь сильна была вѣра въ чудотворную силу государственнаго законодательнаго аппарата, всѣ элементы, искавшіе избавленія отъ соціальныхъ бѣдствій и конфликтовъ данной эпохи, естественно апеллировали во имя народнаго блага къ государству. Этотъ призывъ къ широкой соціально-политической дѣятельности государственной власти, къ возможно наибольшему усиленію и расширенію ея общественныхъ функцій, раздавался все громче и чаще. И въ данномъ случаѣ опять-таки подтверждается логическая необходимость уже установленнаго нами выше результата эволюціи всей соціальной физіономіи демократическаго города-государства. Какъ въ начальныхъ стадіяхъ демократіи, такъ и по достиженіи ею кульминаціоннаго пункта ея развитія, идеи соціальной реформы принимаютъ соціалистическую окраску.

Объ интенсивности этой тенденціи къ усиленному вмѣшательству государственной власти въ экономическую сферу свидѣтельствуетъ уже то характерное обстоятельство, что она охватила даже и такихъ людей, которые мыслили въ высшей степени консервативно въ соціальномъ отношеніи и были весьма далеки отъ того, чтобы сколько-нибудь скептически относиться къ основамъ существующаго экономическаго и общественнаго строя.

Типическимъ представителемъ этого консервативнаго государственнаго соціализма является авторъ памфлета [30]) объ источникахъ благосостоянія Аттики [31]). Указанное литературное произведеніе въ высшей степени интересно въ соціально-историческомъ отношеніи, и это его значеніе еще недостаточно признано и оцѣнено.

Уже основная мысль, изъ которой исходитъ авторъ, положеніе: «каковы правители, таково и государство» [32]), чрезвычайно характерны для его точки зрѣнія. Въ исторіи соціализма во всѣ времена повторяется извѣстная иллюзія, будто бы если бы только у правителей были честныя желанія, и если бы они отличались надлежащимъ разумѣніемъ, то было бы устранено главное препятствіе для удовлетворительнаго устройства. Но чего же должны, по мнѣнію автора, желать прави-

тели, т.-е., въ данномъ случаѣ, прежде всего правители Аѳинъ? Они должны усвоить себѣ односторонній экономизмъ, представлявшій собой, какъ уже выяснилось намъ, характернѣйшій симптомъ занимавшаго насъ духовнаго движенія. Слѣдовательно, они должны были отказаться отъ всякихъ проявленій могущества во внѣшней политикѣ, отъ всего того, что могло бы какимъ бы то ни было образомъ угрожать миру. Военные расходы должны были по возможности прекратиться, дабы освободились средства для осуществленія многообъемлющей программы соціально-политической дѣятельности, отъ которой авторъ ждетъ не болѣе, не менѣе какъ радикальнаго устраненія пауперизма, считая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрнѣйшимъ путемъ, ведущимъ къ новой мирной эрѣ. Вѣдь бѣдность массы, неоднократно вовлекавшая аѳинскихъ государственныхъ людей въ соблазнъ, причемъ они злоупотребляли могуществомъ своего государства для финансовой эксплуатаціи болѣе слабыхъ государствъ въ интересахъ этой народной массы [33]), является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безпрестанною опасностью для сохраненія мира [34]). Этотъ источникъ вѣчнаго недовѣрія, несправедливости и гражданской войны былъ бы разъ навсегда обезвреженъ, и Аѳины пользовались бы всѣми благодѣяніями мира, если бы удалось до такой степени развить и организовать производительныя силы Аттики и такимъ образомъ распредѣлить доходъ, чтобы всѣ граждане находили достаточное пропитаніе въ самой странѣ [35]).

Для достиженія этой цѣли авторъ требуетъ, кромѣ «гуманныхъ» законовъ, долженствовавшихъ привлечь чужеземныхъ торговцевъ и промышленниковъ, еще и грандіознаго расширенія государственнаго хозяйства въ сферѣ коммерческихъ оборотовъ и производства. Онъ полагаетъ, что, такъ какъ процвѣтаніе народнаго хозяйства Аттики основано на судоходствѣ и торговлѣ, то государство могло бы доставить себѣ значительный источникъ дохода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благопріятствовать этимъ интересамъ, если бы оно завело въ гаваняхъ и въ городѣ государственные подворья и магазины для оптовой торговли, жилища и лавки для мелочныхъ торговцевъ, и затѣмъ сдавало бы ихъ въ аренду. Далѣе, государство должно было бы, скупая торговые корабли и строя ихъ, превратить часть важнѣйшихъ орудій торговли,—а сдавая ихъ въ аренду, даже и часть купеческаго барыша—въ общественное достояніе. Но въ еще болѣе значительной степени государство должно, вмѣсто частнаго капитала или скорѣе на ряду съ нимъ, выступать въ качествѣ предпринимателя въ сферѣ индустріи.

Авторъ указываетъ на то, до какой степени представители частнаго капитала обогащаются въ горной промышленности, причемъ отдѣльные крупные капиталисты скупаютъ сотнями несвободныхъ рабочихъ и ссужаютъ ихъ для работы въ серебряныхъ рудникахъ. Государство должно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подражать этому примѣру, благодаря чему доходы, извлекаемые изъ серебряныхъ рудниковъ, которые авторъ считаетъ неисчерпаемыми, чрезвычайно повысились бы, и можно было бы совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, утилизировать въ интересахъ народнаго блага эти и безъ того принадлежащія обществу источники дохода.

Согласно проекту автора, этотъ переходъ къ коллективистической организаціи, это сосредоточеніе въ рукахъ государства важнѣйшаго орудія труда совершается хотя и постепенно, но такимъ образомъ, что успѣшность его представляется вполнѣ обезпеченною. Онъ предлагаетъ купить сперва всего лишь 1200 рабовъ, т.-е. количество, не особенно превышающее число, уже сосредоточивавшееся иногда во владѣніи отдѣльныхъ капиталистовъ [36]), и отдавать ихъ въ наемъ предпринимателямъ въ горные рудники. Дохода—по одному оболу въ день за человѣка—хватило бы для того, чтобы въ теченіе пяти-шести лѣтъ увеличить это число до

6000, которые приносили бы ежегодно 60 талантовъ дохода. Затѣмъ количество рабовъ должно быть постепенно увеличено до такой степени, чтобы, въ концѣ концовъ, на каждаго аѳинскаго гражданина приходилось по три раба; итакъ, имѣлось въ виду завести рабочую армію, по крайней мѣрѣ, въ 60000 человѣкъ!

По сосредоточеніи этого огромнаго числа производственныхъ силъ въ рукахъ государства, у послѣдняго окажется источникъ дохода, доставляющій ему возможность обезпечить каждому взрослому гражданину, по крайней мѣрѣ, необходимый для существованія минимумъ. Всѣ граждане станутъ получать ренту отъ государства, а именно каждый по три обола въ день изъ общественнаго достоянія (ежедневный доходъ, приносимый тремя отдаваемыми въ наемъ государственными рабами), которые будутъ избавлять его отъ голода. Къ тому же государство сдѣлаетъ тогда доступными для многихъ состарившихся ремесленниковъ, рабочихъ и другихъ людей, не склонныхъ или неспособныхъ къ физическому труду, но желающихъ зарабатывать себѣ пропитаніе занятіемъ, требующимъ лишь умственнаго труда, необходимыя имъ средства производства [37]). Имъ слѣдуетъ лишь пользоваться представляющеюся возможностью нанимать государственныхъ рабовъ и утилизировать ихъ въ серебряныхъ рудникахъ для полученія дохода. Такимъ образомъ, и они могутъ достигнуть выгоднаго положенія, ставъ предпринимателями. Далѣе, благодаря всеобщему народно-хозяйственному подъему, котораго непоколебимый въ своемъ оптимизмѣ авторъ ждетъ отъ принятія своего проекта, трудовой заработокъ ремесленниковъ и наемныхъ рабочихъ также значительно повысится, такъ что можно сказать, что матеріальная нужда и экономическія затрудненія почти совершенно исчезнутъ изъ государства. Виновникъ этого блаженства, очевидно, полагаетъ, что онъ вообще разрѣшилъ соціальный вопросъ. По его мнѣнію, коль скоро будетъ осуществлена вся эта организація, возможно будетъ доставлять всѣмъ аѳинянамъ пропитаніе изъ общественнаго достоянія [38]).

Но какъ достать тѣ огромныя средства, которыхъ требовало это колоссальное расширеніе размѣровъ общественнаго достоянія и общественнаго хозяйства? Это возраженіе не смущаетъ автора. «Вѣдь въ странѣ имѣется достаточно капиталовъ» [39])! И, не останавливаясь въ своемъ коллективистическомъ радикализмѣ предъ значительнымъ ограниченіемъ сферы дѣятельности и спекуляцій частнаго капитала, благодаря непосильной для него конкуренціи со стороны государства, онъ, безъ всякихъ колебаній, рѣшается пользоваться *самимъ* частнымъ капиталомъ для осуществленія своего соціально-экономическаго идеала.

Въ данномъ случаѣ демократическій государственный соціализмъ уже дошелъ до проявленій деспотическаго вмѣшательства въ частную собственность, аналогичныхъ тѣмъ, которыхъ требуетъ боевая программа нынѣшней соціалъ-демократіи, коммунистическій манифестъ, въ качествѣ средства для революціонизированія производственныхъ отношеній. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ имѣется въ виду значительное прогрессивное обложеніе класса собственниковъ. На *него* должны быть возложены всѣ расходы, требуемые дѣломъ реформы.

Конечно, нашъ авторъ далеко не столь недоброжелателенъ къ этому классу, какъ коммунистическій манифестъ. Вѣдь онъ консервативный, а не революціонный соціалистъ. Онъ надѣется сдѣлать реформу симпатичною и для собственниковъ съ точки зрѣнія *ихъ* интересовъ. То, чѣмъ имъ придется пожертвовать, должно быть съ избыткомъ возмѣщено имъ. Вѣдь налогъ вовсе не означаетъ постепенной *экспропріаціи* собственниковъ; въ сущности онъ скорѣе представляетъ собою лишь заемъ, дающій собственникамъ возможность превосходно помѣстить свои капиталы. Такъ какъ максимальный размѣръ налога не долженъ превышать 10 минъ, т.-е.

6000 оболовъ, а, съ другой стороны, каждому гражданину, въ томъ числѣ и самому богатому, достается ежедневная рента въ три обола, стало-быть, ежегодный доходъ въ 1080 оболовъ, то и лица, въ наибольшей степени подвергнутыя обложенію, ежегодно получаютъ обратно почти пятую долю пожертвованныхъ государству капиталовъ; они пользуются ежегодной рентой въ 18%. Для менѣе богатыхъ это отношеніе становится еще болѣе выгоднымъ. Тотъ, кто внесетъ 5 минъ (3000 оболовъ), будетъ получать уже болѣе третьей доли капитала, а именно 36% въ формѣ государственной ренты какъ годовой процентъ. А большинство гражданъ будетъ ежегодно получать обратно сумму, превышающую вложенный ими капиталъ. Напр., тотъ, кто дастъ одну мину, будетъ получать приблизительно вдвое бо́льшую сумму (приблизительно 200%) [40]). Итакъ, имѣлось въ виду повышеніе доходности среднихъ и мелкихъ состояній, которое означало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительное экономическое усиленіе средняго сословія.

Авторъ полагаетъ, что, если принять въ соображеніе, какія суммы до сихъ поръ часто вносили граждане, безъ малѣйшей надежды на возмѣщеніе приносимыхъ ими жертвъ, для отдѣльныхъ походовъ и морскихъ экспедицій, то есть основаніе надѣяться на то, что теперь собственники, будучи освобождены отъ налоговъ для военныхъ цѣлей и въ виду столь вѣрнаго большого барыша, чрезвычайно охотно внесутъ свои вклады! Вѣдь успѣхъ этого плана и въ томъ отношеніи соотвѣтствуетъ интересамъ собственниковъ, что благодаря ему лучше всего обезпечивался бы миръ. Вѣдь всѣ граждане стали бы получать государственную ренту, и, слѣдовательно, всѣ они одинаково заинтересованы были бы въ сохраненіи мира, который одинъ только дѣлаетъ для нихъ возможнымъ невозмутимое пользованіе ихъ рентой [41]). Къ тому же вѣдь имъ уже и не приходилось снискивать себѣ, какъ прежде, доходъ эксплуататорской и завоевательной политикой.

Впрочемъ, и нашъ авторъ вовсе не желаетъ отказаться отъ того, чтобы наполнять карманы аѳинскихъ гражданъ на счетъ иностранцевъ. Онъ лишь избираетъ иной путь, чѣмъ сторонники властной политики, и притомъ путь, конечно, опять-таки чрезвычайно наглядно свидѣтельствующій о томъ, до какой степени односторонній экономизмъ способенъ оттѣснить на задній планъ всѣ другія соображенія и даже чувство національной чести и достоинства государства. А именно авторъ разсчитываетъ при осуществленіи своего широкаго проекта не только на—въ случаѣ надобности, вынужденное—содѣйствіе отечественнаго капитала, но и на добровольную матеріальную поддержку со стороны иностранцевъ! По его мнѣнію, перспектива увѣковѣченія ихъ именъ, какъ «благодѣтелей» аѳинскаго народа, въ надписяхъ побудитъ ко внесенію вкладовъ не только многихъ частныхъ лицъ за границею, но и нѣкоторыя городскія общины и даже чужеземныхъ царей, тирановъ и сатраповъ [42]). Можно ли представить себѣ болѣе удобное и болѣе дешевое разрѣшеніе желудочнаго вопроса, чѣмъ это попрошайничество въ широкихъ размѣрахъ?

Правда, возникаетъ одно спасеніе. Вѣдь осуществленіе плана предполагаетъ разработку многихъ новыхъ рудниковъ, и можно опасаться, что не найдется достаточнаго числа частныхъ лицъ, которыя были бы склонны взять на себя этотъ рискъ. Однако, авторъ считаетъ возможнымъ уладить это затрудненіе. Его панацеей и въ данномъ случаѣ оказываются ассоціація и общественное хозяйство. На мѣсто отдѣльнаго предпринимателя становится прямо общество. Каждый изъ десяти горнопромышленныхъ союзовъ (филъ), на которые раздѣляется государство, конституируется какъ крупное промышленное и хозяйственное товарищество, разрабатывающее новые, отведенные ему государствомъ участки, пользуясь при этомъ

отведенными ему государствомъ несвободными рабочими. А для того, чтобы отдѣльнымъ участковымъ товариществамъ не приходилось брать на себя весь рискъ, отвѣтственность за веденіе предпріятія возлагается на всѣхъ. Доходъ распредѣляется равномѣрно между всѣми филами для того, чтобы «добытое одною шло на пользу всѣмъ» [43]). Затѣмъ и частныя лица могутъ слѣдовать этому примѣру, составлять товарищества и, такимъ образомъ, «рисковать на общее счастье съ большею увѣренностью» [44]). Какъ въ союзѣ, чѣмъ больше число союзниковъ, тѣмъ онъ сильнѣе, такъ будетъ обстоять дѣло и въ данномъ экономическомъ предпріятіи. Чѣмъ большее число участниковъ сразу возьмется за дѣло, тѣмъ больше получится прибыли.

Авторъ до такой степени полонъ вѣры въ блестящія, открывающіяся предъ нимъ при этомъ перспективы, что предается надеждѣ на то, что стоитъ лишь тотчасъ же взяться за дѣло, и уже его поколѣніе увидитъ блаженство народа и государства! Онъ призываетъ самихъ боговъ на помощь своему предпріятію. Дельфы и Додона должны засвидѣтельствовать ему, что все болѣе и болѣе счастливое будущее станетъ удѣломъ общества, организованнаго согласно его идеямъ [45]). Невольно вспоминается то пророчество, которое Аристофанъ вкладываетъ въ уста провозвѣстницы своего государства будущаго [46]).

Въ самомъ дѣлѣ нетрудно понять, что весь этотъ проектъ представляетъ собой утопію, хотя авторъ и ссылается на опытъ и исторію. Его исходныя предпосылки, ошибочное основное меркантилистское воззрѣніе, будто народное богатство основывается лишь на количествѣ наличныхъ денегъ; вѣрованіе въ то, что серебряные рудники представляютъ собою неисчерпаемое достояніе бѣдноты,—совершенно доктринерскій взглядъ, согласно которому цѣнность серебра нисколько не понизится даже и при интенсивнѣйшемъ производствѣ; тотъ наивный оптимизмъ, съ которымъ авторъ разсчитываетъ на участіе всѣхъ круговъ; наконецъ, всевозможныя трудности выполненія, на которыхъ авторъ не останавливается серьезно,—все это не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ идеологической мечтой, нѣкоторыя черты которой родственны соціальнымъ картинамъ будущаго, столь часто изображавшимся, начиная съ четвертаго вѣка [47]). Но это не уменьшаетъ интереса, внушаемаго намъ этимъ достопримѣчательнымъ произведеніемъ. Вѣдь оно даетъ намъ возможность гораздо отчетливѣе вникнуть въ генезисъ и ростъ міра соціалистическихъ идей!

Въ данномъ случаѣ мы видимъ, какъ на почвѣ демократіи изъ самого капиталистическаго строя съ извѣстной психологической необходимостью выросъ соціализмъ.

Авторъ нашего проекта правильно указываетъ на то, что его вовсе нетрудно было придумать, такъ какъ онъ лишь беретъ за исходный пунктъ отношенія, ежедневно наблюдаемыя каждымъ [48]). Въ самомъ дѣлѣ, существовавшій экономическій строй самъ чрезвычайно легко наводилъ на пониманіе соціальнаго вопроса, какъ вопроса о крупной общественной организаціи, съ которымъ мы и имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ. Вѣдь въ тѣхъ промышленныхъ мастерскихъ, въ которыхъ трудилось по 100 и болѣе рабочихъ силъ [49]), а въ особенности въ горномъ промыслѣ съ его тысячами рабочихъ, достигалось уже весьма значительное для тѣсныхъ рамокъ городского хозяйства обобществленіе хозяйства. Такъ какъ при капиталистическомъ производствѣ большое количество рабочихъ одновременно занималось однимъ и тѣмъ же процессомъ труда, то этотъ процессъ самъ становился общественнымъ. Соціальное комбинированіе многихъ рабочихъ подъ руководствомъ одного хозяина предпріятія, ихъ планомѣрное

и централистически организованное сотрудничество въ крупныхъ предпріятіяхъ, словомъ, коллективный характеръ труда, стали виднымъ факторомъ въ экономической жизни данной эпохи. Къ этому присоединяется еще и другая форма обобществленнаго хозяйства, которую мы встрѣчаемъ въ видѣ безчисленныхъ обществъ и товариществъ, опять-таки представляющихъ собою весьма характерный продуктъ высоко-развитой экономической жизнедѣятельности. Мы можемъ констатировать, какъ сами капиталы комбинируются для достиженія экономическаго утилитарнаго эффекта, котораго не могли бы достигать отдѣльныя лица сами по себѣ; какъ промышленники и другіе предприниматели организуютъ настоящіе трэсты, чтобы повысить цѣны какого-нибудь товара или же вызвать повышеніе цѣнъ въ цѣлой отрасли промышленности; какъ, наконецъ, различнѣйшія профессіи организуются въ союзы, создававшіе длительную общность интересовъ между своими членами. И мало ли еще что имѣлось въ виду и достигалось путемъ товарищеской ассоціаціи (κοινωνία) [50]).

Тамъ, гдѣ столь значительная доля производства стала общественною, и столь значительная доля собственности принадлежала товариществамъ, мысль объ еще болѣе значительномъ обобществленіи хозяйства въ самомъ дѣлѣ, такъ сказать, носилась въ воздухѣ. Если столь успѣшная концентрація рабочихъ силъ и средствъ производства оказалась возможной уже для отдѣльныхъ лицъ и для частныхъ союзовъ, то что только не должно было представляться достижимымъ для крупнѣйшаго предпринимателя и могущественнѣйшаго союза, для государства, разъ оно взялось бы съ цѣлесознательной энергіей за присвоеніе и за организацію производственныхъ силъ? Идея поставить городскую республику во главѣ рабочей арміи и предоставить ей руководство этой арміей, численность которой въ три раза превышала количество гражданъ, можетъ показаться поразительной, но вспомнимъ, какъ неоднократно ставитъ на видъ самъ авторъ, что для выполненія ея не требовалось никакихъ другихъ формъ экономическихъ организацій и предпріятій, кромѣ тѣхъ, которыя давно уже существовали въ меньшемъ масштабѣ. Чрезъ все разсматриваемое нами произведеніе красной нитью проходитъ мысль: государство можетъ осуществить то, что смогли осуществить частныя лица и частный капиталъ, и еще болѣе того: ему слѣдуетъ лишь продолжать идти все въ томъ же направленіи, уже преднамѣченномъ первыми. Такъ, напр., крупныя горнопромышленныя общества, разрабатывающія рудники, комбинируя капиталы и дѣля барыши, являются непосредственнымъ прототипомъ тѣхъ крупныхъ ассоціацій, въ которыя авторъ желалъ бы обратить чисто-государственные союзы, филы. Въ данномъ случаѣ частное предпріятіе, общественное предпріятіе, государственное производство вытекаютъ одно изъ другого.

И почему же не должно было осуществиться еще и нѣчто болѣе грандіозное, чѣмъ то, что представлялось цѣлесообразнымъ именно нашему буржуазному реформатору? Разъ общество съ такой энергіей и съ такимъ успѣхомъ взяло въ свои руки руководство экономической силой, то, спрашивается, что же должно было удерживать его отъ того, чтобы пойти еще дальше по пути, ведущему къ захвату производительныхъ силъ народнаго хозяйства?

Вѣдь разъ производство и распредѣленіе его продукта между всѣми членами общества урегулировано государствомъ въ одной крупной отрасли, и государство разъ сорганизовалось какъ крупный хозяйственный союзъ, отсюда неизбѣжно вытекало включеніе въ этотъ союзъ и другихъ отраслей промышленной жизни въ томъ случаѣ, если бы залежей серебра не хватило, если бы обобществленіе одной хозяйственной сферы оказалось недостаточнымъ для достиженія цѣли всей органи-

заціи—устраненія бѣдности. Самъ авторъ считаетъ необходимымъ предупредить опасеніе относительно того, какъ бы разъ начавшееся движеніе не оказалось неудержимымъ, какъ бы роль отдѣльныхъ капиталистовъ не оказалась окончательно сыгранной тамъ, гдѣ государство выступило въ качествѣ крупнаго предпринимателя въ смыслѣ автора.

Но не подготовилъ ли уже самъ капиталъ этого дальнѣйшаго расширенія коллективистическаго народнаго хозяйства? Вѣдь мы видѣли, до какой степени то обстоятельство, что капитализмъ уже дошелъ до коммерческаго объединенія и техническаго комбинированія различныхъ промышленныхъ производствъ, способствовало концентраціи капитала. Стоило только представить себѣ дальнѣйшее послѣдовательное развитіе этого процесса и отсюда уже не далеко было до мысли о томъ, что могущественнѣйшій предприниматель, государство, идя тѣмъ же путемъ, могло бы, въ концѣ концовъ, консолидировать весь промышленный капиталъ, причемъ совокупность всѣхъ промышленныхъ предпріятій могла бы стать единымъ общественно-хозяйственнымъ предпріятіемъ совокупности гражданъ, каждый изъ которыхъ получалъ бы долю прибыли и сбереженій. Переходъ отъ веденія промышленныхъ предпріятій частными лицами и частными союзами по ихъ собственному благоусмотрѣнію и въ виду ихъ личныхъ выгодъ къ регулированію промышленности центральною экономическою инстанціей, являющеюся представительницею народа, въ интересахъ и ради выгоды всѣхъ,—таковъ былъ тотъ конечный логическій выводъ, къ которому, въ силу внутренней необходимости, долженъ былъ придти радикально-соціальный демократизмъ въ атмосферѣ города-государства, при ни предъ чѣмъ не останавливающемся проведеніи провозглашеннаго имъ принципа организаціи соціально-экономическихъ процессовъ путемъ ихъ централизаціи. Государственный идеалъ Фалеаса халкедонскаго, который вѣдь имѣлъ въ виду переходъ всей индустріи въ руки государства [51]), свидѣтельствуетъ о томъ, что соціальная теорія въ самомъ дѣлѣ не остановилась предъ этимъ выводомъ. Что же касается демократіи, то можно указать еще и на проектъ,—детали котораго, правда, не извѣстны—аѳинскаго государственнаго дѣятеля Діофанта [52]), который имѣлъ въ виду, по крайней мѣрѣ, государственную организацію несвободнаго труда, если не болѣе того [53]), для удовлетворенія всѣхъ общественныхъ потребностей.

Но какъ могло остановиться именно на этомъ пунктѣ направленіе мысли, считавшее превращеніе капиталистическаго хозяйства въ соціалистическое и общественное руководство процессомъ производства и обращенія осуществимыми въ такихъ размѣрахъ?

Правда, въ промыслахъ и въ индустріи развитіе крупныхъ предпріятій и собственности, принадлежавшей товариществамъ, въ значительной степени подготовило почву для идеи коллективистическаго народнаго хозяйства, однако, и въ сферѣ производства первичныхъ продуктовъ отнюдь не было недостатка въ зачаткахъ, которые могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для соціалистической идеи и ея комбинацій. Вѣдь въ аграрномъ устройствѣ Спарты и критскихъ государствъ уже дана была картина такого народнаго хозяйства, въ которомъ важнѣйшее орудіе производства, рабочая сила сельскихъ рабочихъ составляла общественную собственность, причемъ значительная часть урожая регулярно подлежала обращенію въ общественную собственность. Тамъ и въ Аттикѣ давно уже была высказана мысль объ обобществленіи самой земли для радикальнаго измѣненія всей соціальной структуры общества, и эта мысль стала лозунгомъ соціальной революціи. Развѣ не должна была, въ виду этого соціалъ-демократическая доктрина четвертаго

вѣка стремиться для своего государства будущаго и къ болѣе значительному обобществленію земледѣлія?

Поэтому, если изображаемая Аристофаномъ въ его комедіи, въ которой выводятся коммунисты, великая ликвидація существующаго общества начинается съ того, что земля объявляется общимъ достояніемъ [54]), то это вполнѣ соотвѣтствуетъ направленію, усвоенному соціалистическою мыслью въ его время и въ послѣдующую эпоху. Равнымъ образомъ, и провозглашаемое въ комедіи освобожденіе гражданъ отъ землевладѣльческихъ работъ и возложеніе ихъ на несвободныхъ рабочихъ, составляющихъ общественную собственность, также не является выдумкой поэта. Разъ возможность подобной организаціи была доказана массою примѣровъ, причемъ множество капиталистовъ и промышленниковъ участвовало въ земледѣліи, ведя хозяйство, въ основѣ котораго лежалъ рабскій трудъ, то чрезвычайно легко было придти къ мысли о томъ, чтобы заставить несвободныхъ сельскихъ рабочихъ и колоновъ трудиться не для отдѣльныхъ гражданъ, а для своего общества.

Такое общество, какъ тогдашнее, которое обладало въ одушевленныхъ рабочихъ инструментахъ, въ рабахъ, соотвѣтственнымъ количествомъ орудій собственнаго соціальнаго освобожденія, безвольнымъ матеріаломъ для планомѣрной организаціи обобществленнаго народнаго хозяйства, въ самомъ дѣлѣ могло считать эту послѣднюю способной къ безпредѣльному расширенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что фантастическіе умы, доходившіе до крайнихъ выводовъ въ этомъ направленіи, въ концѣ концовъ, въ самомъ дѣлѣ, должны были придти къ мысли объ обращеніи всѣхъ средствъ производства и потребленія въ государственную собственность въ томъ видѣ, какъ оно возвѣщается у Аристофана провозвѣстницею коммунистическаго государства будущаго.

Вспомнимъ, наконецъ, съ какою энергіей нашъ государственно-соціалистическій памфлетъ приступаетъ къ разрѣшенію не только проблемы производства, но и проблемы распредѣленія цѣнностей! За демократическимъ, т.-е. корпоративнымъ регулированіемъ части промышленной жизни обществомъ должно, по плану автора, послѣдовать и столь же демократическое распредѣленіе продуктовъ производства. Производительное товарищество, обнимающее собой весь народъ, должно въ одинаковой степени служить благу всѣхъ. Его благодѣяніями долженъ пользоваться всякій индивидуумъ, уже въ силу своей принадлежности къ обществу, соотвѣтственно одному, для всѣхъ абсолютно одинаковому масштабу, причемъ не обращается рѣшительно никакого вниманія на его потребности, заслуженность и труды.

Если даже представитель буржуазной демократіи, желавшій осуществлять реформы лишь на основѣ существовавшаго экономическаго правового порядка, не останавливался предъ такого рода распространеніемъ абстрактнаго принципа равенства на экономическую область, то въ какомъ же свѣтѣ могло рисоваться будущее для болѣе радикально настроенныхъ умовъ! Разъ, какъ это было въ данномъ случаѣ, идея политическаго равенства нашла чисто-экономическое содержаніе; разъ, хотя бы и въ весьма скромной формѣ ренты въ три обола, формальное равенство превратилось въ равенство матеріальное, то отсюда недалеко было уже и до мысли о томъ, чтобы довести отчасти осуществленное матеріальное равенство до полнаго экономическаго уравненія.

Послѣ того, какъ въ такихъ государствахъ, какъ Аѳины, политическій вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ самаго передового демократизма, только наивно оптимистической можетъ показаться мысль отдѣлаться отъ соціальнаго вопроса путемъ

небезпеченія каждому ренты, слишкомъ незначительной для того, чтобы на нее можно было существовать, и слишкомъ большой для того, чтобы умереть съ голоду, не задѣвая при этомъ сколько-нибудь серьезно соціальнаго преобладанія собственниковъ.

Думать о разрѣшеніи вопроса указаннымъ путемъ было тѣмъ менѣе возможно, что, при данномъ положеніи дѣлъ, мышленіе и чувствованія массъ очень скоро прониклісь соціальнымъ демократизмомъ.

Отдѣлъ VI.—Демократическій государственный соціализмъ и поворотъ къ радикальному революціонному соціализму.

1. Борьба противъ «богатыхъ» въ демократическомъ государствѣ.

Враждебность между бѣдными и богатыми столь же стара въ Греціи, какъ и демократія. Противоположность эта нигдѣ въ извѣстной намъ исторіи человѣчества не сказывалась съ такой ясностью и рѣзкостью, можно сказать, съ такой сознательностью, какъ въ Элладѣ и притомъ съ тѣхъ поръ, какъ идеи свободы и равенства побѣдоносно проникли въ ея государственную жизнь, вслѣдствіе чего угнетенная и страдающая часть гражданскаго общества также получила возможность высказываться при обсужденіи и при рѣшеніи общихъ судебъ народа.

Чуть только масса вступила въ міръ историческаго дѣйствія, у самой колыбели демократіи, мы встрѣчаемся уже въ рѣзко выраженной формѣ съ упомянутымъ разладомъ въ жизни народа. Великій государственный дѣятель, подготовившій торжество аѳинскаго народа, указываетъ въ той элегіи, въ которой онъ резюмируетъ результатъ своей дѣятельности, какъ на два враждебныхъ лагеря, между которыми ему приходилось быть посредникомъ, съ одной стороны, на демосъ и, съ другой—на сильныхъ, «блиставшихъ» въ богатствѣ [1]). Онъ долженъ «держать крѣпкій щитъ надъ обоими», такъ какъ побѣда одной партіи надъ другой повлекла бы за собою лишь безправіе и насиліе [2]).

И съ тѣхъ поръ эта противоположность играетъ главную роль во всей политической жизни націи. То политическое направленіе, которое не въ состояніи примириться съ демократическимъ принципомъ равенства, всегда является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и представителемъ интересовъ богатыхъ (πλούσιοι, εὔποροι), имущихъ (κτηματικοί), тѣхъ, у кого есть деньги или состояніе (οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες или κεκτημένοι τὰς οὐσίας), «немногихъ» (ὀλίγοι), въ противоположность «массѣ» (τὸ πλῆθος) или «многимъ» (οἱ πολλοί) [3]). Богатство выставляется прямо-таки цѣлью и «принципомъ» олигархической формы правленія. Тамъ, гдѣ господствуетъ богатый, съ бѣднякомъ не считаются [4]). Вѣдь съ точки зрѣнія анонимнаго олигарха, въ памфлетѣ котораго противъ аѳинской демократіи такъ рѣзко выражается чувство принципіальной враждебности между бѣдными, т.-е. демосомъ, съ одной стороны, и «благородными и богатыми» съ другой, бѣднякъ предназначенъ природой къ служенію [5]). Съ другой стороны, демократія представляется формой правленія, существующей для выгоды бѣдняковъ [6]). Достославная черта демократіи, торжественно возвѣщаемая у Еврипида уже ея миѳическимъ героемъ Ѳесеемъ [7]), заключается въ томъ, что она охраняетъ бѣдняковъ и слабыхъ и предоставляетъ имъ такія же права, какъ о богатымъ.

Эта противоположность до такой степени играетъ главную роль въ представленіяхъ данной эпохи, что тотъ же представитель государственной теоріи, въ иныхъ случаяхъ столь рѣшительно подчеркивающій значеніе средняго сословія [8]), высказываетъ однажды слѣдующее положеніе: «государства состоятъ изъ двухъ элементовъ: изъ бѣдныхъ людей и изъ зажиточныхъ» [9]). И даже въ такихъ описаніяхъ, въ которыхъ имѣется въ виду изобразить расчлененіе народа, въ полномъ видѣ, на первомъ планѣ фигурируетъ указаніе на роковую бездну, раздѣляющую богатыхъ, «которые стремятся лишь еще болѣе разбогатѣть», и бѣдныхъ, которые завистливо «мечутъ въ состоятельныхъ людей стрѣлы зависти, пропитанныя ядомъ зажигательныхъ рѣчей соблазнителей» [10]). Не мудрено, что черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Солона Аристотель усматриваетъ призваніе царской власти именно въ томъ, въ чемъ Солонъ въ началѣ демократической эпохи усматривалъ задачу диктатуры, а именно въ обезпеченіи «тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится собственность», и народа отъ взаимныхъ насилій [11]).

Подобно тому, какъ со стороны плутократовъ антагонизмъ обостряется до ужасной клятвы олигархическихъ тайныхъ клубовъ быть принципіальной враждебнымъ народу [12]), и въ массѣ давно уже распространилась мысль о томъ, что богатство является естественнымъ врагомъ свободы и равенства. И, въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія вышеупомянутаго олигархическаго памфлетиста преуспѣяніе богачей дѣйствительно означаетъ прямо-таки усиленіе враждебнаго народу элемента [13])! Поэтому иногда достаточно одного факта обладанія деньгами, чтобы быть заподозрѣннымъ во враждебности къ народу [14]). Бѣднота именно потому и обнаруживала столь страстную привязанность къ демократическому государству, что она усматривала въ немъ надежнѣйшую защиту отъ властолюбія богачей. Тяжелый опытъ и собственныя вождѣленія слишкомъ ясно показывали простолюдину, чего ему надо было ждать отъ высшихъ слоевъ, если бы онъ не имѣлъ права участвовать въ голосованіяхъ и въ судахъ.

Къ тому же въ демократіи никогда не было недостатка въ подстрекателяхъ, старавшихся, чтобы эта рана государственнаго организма никогда не залѣчивалась [15]). Уже для того, чтобы сдѣлать себя необходимыми, демагоги и сикофанты, «народные псы», тщательно поддерживали недовѣріе къ богачамъ и боязнь предъ дѣйствительными или мнимыми опасностями, грозившими народнымъ интересамъ со стороны этой враждебной силы. Ѳукидидъ далъ намъ образцовую характеристику подобнаго агитатора въ лицѣ сиракузца Аѳенагора. «Я—говоритъ демагогъ, обращаясь къ собравшейся толпѣ—уже позабочусь о томъ, чтобы теперь васъ внезапно не постигло что-либо подобное, вразумляя васъ и карая тѣхъ, кто замышляетъ это (т.-е. бѣдствіе для народа); для этого я не буду ждать того они будутъ уличены на мѣстѣ преступленія (ибо трудно настичь ихъ), но и за то, что они хотѣли бы сдѣлать, но не могутъ [16]). Вѣдь когда дѣло идетъ о врагахъ, слѣдуетъ заранѣе предохранять себя не только отъ ихъ поступковъ, но и отъ ихъ плановъ. Тотъ, кто первый не приметъ мѣръ предосторожности, первый пострадаетъ. При всякомъ господствѣ меньшинства на долю массы, конечно, выпадаютъ опасности государственной жизни (обязанность проливать свою кровь); что же касается выгодъ, то меньшинство не только пользуется большею частью ихъ, но и всецѣло монополизируетъ ихъ по мѣрѣ возможности въ свою пользу. Къ этому клонятся ваши желанія, высокомощные господа» [17])!

Напоминаетъ политическое парализованіе имущаго меньшинства, наблюдаемое въ настоящее время въ большихъ городахъ въ качествѣ результата всеобщаго равнаго избирательнаго права, когда народный вожакъ, въ виду стоящихъ

за нимъ массъ, иронически замѣчаетъ богачамъ, что, къ счастью, имъ нѣтъ возможности осуществить свои черные планы въ большомъ городѣ. А какъ трактовали эту благодарную и неисчерпаемую тему уличные агитаторы, пріемы которыхъ изображаетъ Θеоерастъ [18]), «подстрекатели, собирающіе чернь кучками вокругъ себя, и ораторствующіе предъ нею визгливымъ голосомъ», «несносная порода людей, всегда готовыхъ ругаться и затѣвать ссоры и оглашающихъ своими криками площадь и лавки»!

Еще болѣе благодарной сферой, чѣмъ раздуваніе демократической недовѣрчивости, было для демагогіи безпрестанное возбужденіе демократической зависти [19]) и алчности массы. Сдѣланное относительно настоящаго времени замѣчаніе, что народная нищета, нѣкогда скрывавшаяся въ уголку, теперь, такъ сказать, возлежитъ на парадномъ ложѣ, вполнѣ примѣнимо и къ греческому демократическому государству. Изображенію «бѣдныхъ людей» въ юмористическомъ видѣ, на аеинской народной сценѣ несомнѣнно соотвѣтствовало нѣчто весьма серьезное въ зажигательныхъ рѣчахъ уличныхъ демагоговъ, для которыхъ врядъ ли могло существовать болѣе дѣйствительное агитаціонное средство, чѣмъ сравненіе между нищетою пролетаріевъ и сытостью богачей. Если мы припомнимъ тѣ ужасныя обвиненія, которыми осыпали капиталистическое общество представители соціализма ученыхъ, зародившагося среди самихъ имущихъ классовъ, то можно представить себѣ, какія формы приняла соціальная критика въ устахъ подстрекателей-агитаторовъ. У нихъ злоба и возмущеніе, конечно, выражались въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ у простолюдиновъ и пролетаріевъ, выводимыхъ въ комедіи.

Аристофанъ изображаетъ въ своей комедіи о богатствѣ типъ надутаго спесивца, важничающаго и самодовольно возвѣщающаго публикѣ:

«Когда я сдѣлаюсь богатымъ, клянусь,
Я буду сладко пиршествовать съ женою и дѣтьми
И, вымывшись въ банѣ, возвращаясь спокойно чистенькимъ и гладкимъ домой,
Буду высокомилостиво плевать на ремесленниковъ
И на бѣдноту» [20]).

Аналогичныя, только, конечно, не столь незлобивыя картины, навѣрное, изображались бѣднякамъ не только на сценѣ.

Даже такой дѣятель, какъ Демосѳенъ, по своему имущественному положенію и по своему образу мыслей вполнѣ принадлежавшій къ буржуазіи [21]), нисколько не стѣснялся льстить предъ массовымъ судомъ народнымъ антипатіямъ противъ капитализма. При случаѣ онъ говоритъ о людяхъ, которые «желаютъ представлять собою нѣчто лучшее, чѣмъ масса» [22]), которые «воображаютъ, что они нѣчто п р е д с т а в л я ю т ъ с о б о ю, такъ какъ они б о г а т ы» [23]). Разъ онъ даже прямо-таки доноситъ судьямъ на одного обвиняемаго, какъ на спесивца, чванящагося своими деньгами, и совершенно серьезно выражаетъ ту мысль, что «по отношенію къ этому послѣднему не было бы несправедливо, если бы онъ (подвергнувшись конфискаціи имущества) очутился въ точно такомъ же положеніи, какъ и масса присяжныхъ, которую онъ теперь дерзко ругаетъ нищими, и если бы судъ отнялъ у него и з л и ш н е е б о г а т с т в о, побуждающее его къ такому высокомѣрію» [24])! «Я не знаю,—говоритъ тотъ же Демосѳенъ въ другомъ мѣстѣ,—какимъ образомъ то, что обвиняемый въ избыткѣ накопилъ ради собственнаго бражничества, могло бы принести пользу большинству изъ вашей среды!» [25]). «И вамъ должно импонировать не то, что кто-либо строитъ себѣ роскошный домъ или содержитъ многочисленный штатъ женской прислуги и заводитъ пышную домашнюю обстановку, а то,

что кто-нибудь отличается и ищетъ удовлетворенія для своего честолюбія въ томъ, что у него есть общаго съ большинствомъ изъ васъ».

Для оратора достаточно того, что у даннаго лица богатство вызвало классовое высокомѣріе, чтобы признать правомѣрною экспропріацію. Онъ находитъ, что если присяжные не отнимутъ у этого человѣка его богатства, то они оставятъ въ его рукахъ оружіе противъ самихъ себя [26]). При помощи подобной логики можно было бы непосредственно оправдать экспропріацію капиталистовъ вообще. Въ другой разъ, говоря о своихъ противникахъ, онъ заявляетъ, что народу слѣдовало бы тщательнѣе разсмотрѣть, какъ они изъ нищихъ стали богатыми людьми и настроили себѣ домовъ, превосходящихъ своей пышностью общественныя зданія, какъ ихъ богатства все возрастали по мѣрѣ обѣднѣнія государства [27]). Иногда онъ элегически вспоминаетъ о томъ времени, когда никто еще не отличался во внѣшнихъ чертахъ своей частной жизни отъ массы, когда жилища людей, пользовавшихся наибольшимъ почетомъ, не отличались отъ жилищъ остальныхъ гражданъ [28]), между тѣмъ какъ теперь лица, занимающія общественныя должности, до такой степени утопаютъ въ роскоши, что нѣкоторыя построили себѣ дома, затмившіе своей пышностью государственныя зданія, а другія скупили больше земли, чѣмъ ея было у всѣхъ присяжныхъ, вмѣстѣ взятыхъ!

Если человѣкъ, занимавшій такое общественное и политическое положеніе, какъ Демосѳенъ, возбуждалъ подобнымъ образомъ инстинкты неимущей массы, то какимъ же образомъ выражались другіе. Вѣдь самому ему пришлось изъ-за пользованія носилками выслушать обвиненіе въ «издѣвательствѣ надъ бѣдностью» [29])! Интересный примѣръ дальнѣйшаго, понятнаго въ данномъ случаѣ повышенія тона представляетъ сравненіе рѣчей Демосѳена съ нѣсколькими рѣчами, принадлежащими неизвѣстнымъ подражателямъ Демосѳена и вошедшими въ собраніе его сочиненій. Въ первой изъ этихъ рѣчей еще разъ затрагивается вопросъ о постройкѣ домовъ, въ чемъ съ наибольшей наглядностью обнаруживалась противоположность между бѣдными и богатыми. Однако, теперь эта тема служитъ уже не только средствомъ личнаго заподазриванія, но получаетъ и принципіальную мотивировку, причемъ состояніе равенства, свойственное тому доброму, старому времени, когда еще ни одинъ гражданинъ не желалъ строить себѣ лучшее и болѣе богатое жилище, чѣмъ другіе, характеризуется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ единственно соотвѣтствующее смыслу и духу демократіи. Не демократично скупать крупные земельные участки и строить себѣ въ городѣ дома, не только «на подобіе дворцовъ» возвышающіеся надъ домами большинства гражданъ, но превосходящіе даже и общественныя зданія. Не демократично то, что народъ занимаетъ до такой степени подчиненное положеніе относительно владѣльцевъ (матеріальныхъ) благъ, что ему приходится довольствоваться крохами, милостиво предоставляемыми ему этими послѣдними [30]). Во второй изъ указанныхъ рѣчей, очевидно, составленной человѣкомъ, не имѣвшимъ ни кола, ни двора, содержится доносъ городской черни, представителей которой было такъ много въ городскомъ судѣ, на весь землевладѣльческій классъ, какъ таковой. «Вы, землевладѣльцы,—восклицаетъ ораторъ, обращаясь къ своимъ противникамъ,—гораздо богаче, чѣмъ слѣдовало бы» [31]), т.-е. вы эксплуататоры народа.

Таковы были выраженія, употреблявшіяся въ то время, когда классовая борьба совершалась въ легальныхъ формахъ! Къ такимъ же средствамъ могла прибѣгать полемика въ моменты бурныхъ взрывовъ классовой ненависти, когда, какъ выражается Ѳукидидъ, «природа человѣка, не будучи въ состояніи совладать со страстью, перестаетъ считаться съ правомъ и справедливостью и, враждуя противъ всего выдающагося, попираетъ законы» [32])! Жаль, что военно-политическая точка

зрѣнія, которою руководился Θукидидъ, какъ историкъ, не дала ему изобразить намъ въ рѣчахъ и возраженіяхъ и эту арену человѣческихъ эгоизма и страсти такъ, какъ это былъ бы въ состояніи сдѣлать одинъ лишь о н ъ!

Впрочемъ, косвеннымъ путемъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о тонѣ и тенденціи соціальной критики на основаніи проникнутыхъ ненавистью и озлобленіемъ выраженій представителей затронутаго въ своихъ жизненныхъ интересахъ меньшинства, съ своей стороны обзывавшихъ нападающихъ негодями или безумцами [33]), наглыми лицемѣрами, въ личныхъ интересахъ ораторски эксплуатировавшими затруднительное экономическое положеніе согражданъ и помышлявшими отнюдь не о дѣйствительномъ искорененіи пауперизма, а лишь о томъ, какъ бы довести тѣхъ, которые считаются состоятельными, до такого же положенія, какъ то, въ которомъ находились бѣдняки, т.-е. о низведеніи первыхъ до уровня послѣднихъ [34]).

Вѣдь «разрывающая государство на двѣ враждебныя части борьба демагоговъ противъ богачей», какъ мѣтко назвалъ этого рода политику Аристотель [35]), не исчерпывалась злостной к р и т и к о й капиталистическаго меньшинства; скорѣе эта политика была такъ популярна именно потому, что она доставляла массѣ весьма осязательныя выгоды. Масса очень хорошо знала, что «въ демократіи классъ рабочихъ и пролетаріевъ оказывается наиболѣе многочисленнымъ, а когда дѣло доходило до массоваго дѣйствія, то и сильнѣйшимъ» [36]). Она очень скоро научилась утилизировать перевѣсъ большинства голосовъ для того, чтобы путемъ обложенія посредствомъ судебныхъ злоупотребленій и т. д. переводить деньги богачей въ карманы демоса, дабы, какъ выражается аѳинскій публицистъ, «демосъ имѣлъ что-нибудь, а богачи стали бѣднѣе» [37]).

Пусть читатель вспомнитъ платонову характеристику вожаковъ этого алчнаго массоваго большинства, которые при всякой возможности «отнимаютъ у собственниковъ ихъ достояніе и распредѣляютъ его между народомъ» [38]), «вооруженныхъ жалами трутней», какъ ихъ называетъ Платонъ, которые «возбуждаютъ въ народной массѣ вожделѣніе къ отнимаемому у собственниковъ меду», такъ что эти послѣдніе всегда подвергались опасности стать «пищей трутней» [39]).

Конечно, неизбѣжнымъ психологическимъ результатомъ этой травли капиталистовъ явились распатанность правового сознанія, все возраставшее неуваженіе къ собственности, своеобразный контрастъ которому составляла та чрезвычайно повысившаяся впечатлительность, которую проявлялъ демосъ, коль скоро ему казалось, что онъ терпѣлъ ущербъ относительно того, что должно было е м у принадлежать. Все менѣе и менѣе стѣсняясь, опустошать карманы зажиточныхъ людей, для всевозможныхъ цѣлей, по праву или злоупотребляя правомъ, онъ такъ сурово каралъ тѣхъ, чьи услуги казались ему недостаточными, какъ-будто «они у н е г о украли его достояніе» [40]).

Относительно этого вопроса у насъ имѣются чрезвычайно характерныя для данныхъ отношеній соображенія неизвѣстнаго автора [41]), обращающагося къ двумъ типичнымъ группамъ имущихъ (εὔποροι, τὰς οὐσίας ἔχοντες) и бѣдняковъ (οἱ ἐν ἐνδείᾳ) и поучающаго ихъ, что слѣдовало бы дѣлать какъ тѣмъ, такъ и другимъ, чтобы положить конецъ вѣчному обоюдному недовѣрію, озлобленію и разладу [42]). Авторъ въ высшей степени настойчиво внушаетъ бѣднякамъ, что «участіе гражданъ въ пользованіи государственною общиною заключается именно въ одинаковомъ правѣ всѣхъ на справедливость, что существованіе имущихъ должно быть обезпечено, такъ что у нихъ не должно быть поводовъ къ тревогѣ, что остальные граждане должны считать общимъ достояніемъ л и ш ь т о, ч т о в ъ с а м о м ъ д ѣ л ѣ п р е д-

ставляетъ таковое, чѣмъ и они пользуются, между тѣмъ какъ личное достояніе отдѣльныхъ индивидуумовъ должно быть уважаемо въ качествѣ частной собственности». Это составляетъ прямо-таки вопросъ жизни для каждаго государства [43]). Эти выраженія доказываютъ, что слишкомъ часто наблюдалось противоположное тому, чего авторъ желалъ въ интересахъ государства и соціальнаго мира.

Аналогичные совѣты относительно обращенія съ собственниками встрѣчаемъ мы и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ на политическія темы. Такъ, напр., Аристотель рекомендуетъ не распредѣлять доходовъ отъ конфискацій и взысканія штрафовъ между народомъ, но совершенно изъять ихъ изъ той сферы, въ которой сталкивались политическіе интересы, въ качествѣ средствъ, посвященныхъ религіознымъ цѣлямъ, такъ какъ, не имѣя никакой выгоды отъ осужденія, масса оказывалась бы менѣе склонной выносить обвинительные приговоры [44]). «Демократія—говоритъ онъ—должна обращаться съ зажиточными людьми бережно; она должна не только не конфисковать ихъ имуществъ, но и не отнимать у нихъ приносимыхъ этими послѣдними доходовъ, какъ это непримѣтно дѣлается въ нѣкоторыхъ государствахъ» [45]). Въ составленномъ современникомъ Аристотеля Анаксименомъ лампсакскимъ наставленіи для профессіональнаго политика, въ такъ называемой риторикѣ ad Alexandrum, также говорится, что въ демократическомъ государствѣ законы должны быть таковы, чтобы массѣ было невозможно посягать на собственниковъ, и чтобы она искала себѣ пропитанія трудомъ, а не сикофантствомъ. Въ особенности же слѣдуетъ путемъ строгихъ запрещеній и подъ страхомъ суровыхъ наказаній препятствовать осуществленію государственнаго перераспредѣленія земельной собственности и присвоенія народомъ имущества умершихъ [46]).

Ксенофонтъ упоминаетъ въ своихъ меморабиліяхъ объ одномъ бѣднякѣ, который когда-то былъ богатымъ человѣкомъ, и не безъ юмора изображаетъ преимущества своей теперешней бѣдности надъ прежнимъ богатствомъ. Теперь онъ беззаботенъ, свободенъ, счастливъ и можетъ спать спокойно. Между тѣмъ какъ прежде онъ возбуждалъ недовѣріе согражданъ [47]) и былъ вынужденъ льстить сикофантамъ, теперь онъ пользуется довѣріемъ гражданъ; никто не угрожаетъ ему, но самъ онъ угрожаетъ другимъ (!). Теперь богачи стоятъ предъ нимъ и пропускаютъ его впередъ на улицѣ! Тогда онъ былъ въ дѣйствительности рабомъ, а теперь онъ подобенъ царю; между тѣмъ какъ прежде онъ платилъ оброкъ демосу, теперь городъ платитъ оброкъ ему и кормитъ его. Теперь ему уже нечего терять, но у него всегда есть надежда что-либо получить.

Конечно, эти выходки «свободнаго и счастливаго пролетарія» насчетъ «бѣдныхъ» богачей столь же мало можно принимать за чистую монету, какъ и соотвѣтственныя жалобы послѣднихъ по поводу ихъ эксплуатаціи въ демократическомъ государствѣ. Ясно, однако, что въ этихъ жалобахъ заключалась значительная доля горькой истины [48]). Поэтому мы можемъ привести здѣсь и ту эффектную картину, въ которой великій насмѣшникъ Лукіанъ выражаетъ совершенно аналогичныя мысли, имѣя въ виду именно жизнь свободнаго демократическаго государства,—извѣстную басню о башмачникѣ и объ его пѣтухѣ. Пѣтухъ, завистливая тварь, разбудилъ дремавшаго мастера, сладко грезившаго о блескѣ и богатствѣ, такъ что, какъ онъ жалуется, онъ даже и во снѣ не можетъ отдѣлаться отъ ненавистной бѣдности. Въ завязывающемся по этому поводу разговорѣ умное животное старается успокоить хозяина, доказывая ему, что онъ въ своей бѣдности счастливѣе богача. «Ты—говоритъ, между прочимъ, пѣтухъ—входишь въ народное собраніе и тиранизируешь тамъ богачей. Они же, наоборотъ, трепещутъ передъ тобой и

стараются удержать твое благорасположеніе подарками изъ казны («раздачами»). Ты предоставляешь имъ заботиться о томъ, чтобы ты имѣлъ возможность въ достаточной степени пользоваться банями, играми, театромъ и т. д. А ты всегда сидишь у нихъ на шеѣ и сурово укоряешь ихъ, словомъ ты играешь по отношенію къ нимъ роль господина, не удостаиваешь ихъ часто добраго слова, или даже, когда тебѣ заблагоразсудится, осыпаешь ихъ градомъ камней или отбираешь у нихъ деньги. А, кромѣ того, тебѣ не приходится бояться сикофантовъ и воровъ» [49]).

Это—сатира, представляющая собой карикатуру дѣйствительности, но именно поэтому въ значительной степени иво спроизводящая дѣйствительность. Напримѣръ, въ судахъ индивидууму приходилось выдерживать тяжелую борьбу съ коммунистическими инстинктами массы за свое имущество. Вѣдь слишкомъ часто дѣло шло тамъ не о вопросахъ права, а лишь о томъ, насколько обвинителю удавалось возбудить алчность массы или обвиняемому побороть ее.

Этимъ объясняется тотъ часто прямо таки возмущающій наше чувство тонъ, которымъ говорили стороны предъ народнымъ судомъ. Обвиняемые, во что бы то ни стало, перечисляли присяжнымъ до мельчайшихъ подробностей все то, что они или ихъ родственники уже сдѣлали для народа [50]). Совершенно наивно они ставили вопросъ, выгоднѣе ли будетъ для демоса оправдать ихъ и оставить ихъ имущество въ ихъ рукахъ или же конфисковать послѣднее! Они безъ всякаго стѣсненія указываютъ на легкомысленные и несправедливые приговоры, произносимые народнымъ судомъ, увлекавшимся своею алчностью, значительно преувеличивавшимъ размѣры имущества богачей и поэтому часто надѣявшимся получить гораздо бо́льшую добычу, чѣмъ оказывалось въ дѣйствительности [51]). Съ цинической откровенностью, проливающею яркій свѣтъ на народную психику, такой обвиняемый разъ говоритъ своимъ судьямъ буквально слѣдующее: «если вы теперь дадите обвинителямъ одурачить себя и конфискуете наше имущество, то вы не получите и двухъ талантовъ. Поэтому вы лучше соблюдете не только вашу честь, но и вашу собственную матеріальную выгоду, если вы меня оправдаете [52]). Вы болѣе выиграете, если мы сохранимъ наше имущество. Вѣдь въ дѣйствительности это имущество и такъ уже давно принадлежитъ вамъ. Если оно будетъ отнято у меня, то, собственно говоря, по моему мнѣнію, потерпите убытокъ вы, а не я» [53]). И какъ будто всего этого было недостаточно, рѣчь завершается энергическимъ призывомъ къ матеріальнымъ интересамъ демоса. «Если вы это сдѣлаете, вы не только произнесете справедливый вердиктъ, но и соблюдете вашу выгоду» [54]). По всей вѣроятности тотъ профессіональный составитель рѣчей, которому принадлежитъ вышеприведенная рѣчь, считалъ этотъ оборотъ особенно убѣдительнымъ, такъ какъ онъ почти дословно повторяетъ его и въ другой рѣчи [55]).

Далѣе тамъ же развивается мысль, что если бы судьи были умны, то они должны были бы радѣть объ имуществѣ обвиняемаго не менѣе чѣмъ о своемъ собственномъ, такъ какъ вѣдь народъ и безъ того можетъ располагать всѣмъ, что принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ. Обвиняемый гораздо лучше завѣдуетъ своимъ имуществомъ въ интересахъ народа, чѣмъ органы послѣдняго, которые вѣдь захватили бы себѣ львиную долю въ случаѣ конфискаціи. Итакъ, если народный судъ сдѣлаетъ его бѣднымъ, онъ причинитъ этимъ ущербъ самому народу. Разъ ораторъ даже ясно намекаетъ на то, что на рѣшеніе присяжныхъ, пожалуй, могла бы оказать вліяніе зависть къ его богатству [56]).

Это опасеніе представляется вполнѣ основательнымъ въ виду всего образа дѣйствій народнаго суда. И въ данномъ случаѣ комедія нисколько не преувеличиваетъ, изображая, съ какой отрадой представители этой классовой юстиціи взираютъ

па трепещущихъ у ихъ ногъ богачей, и какую гордость вызываетъ въ нихъ сознаніе того, что имъ дана власть унижать богачей, рѣшать вопросъ о томъ, существовать или не существовать богатому человѣку [57]). Не мудрено, что, «когда въ народномъ судѣ разражается буря, и онъ мечетъ молніи, ужасается и надменнѣйшій плутократъ» [58]); что бѣдный человѣкъ прямо-таки ссылается предъ судомъ на общность интересовъ, существующую между нимъ и присяжными [59]); что многіе стараются изобразить себя какъ можно болѣе ничтожными, чтобы добиться благопріятнаго вердикта. «Тамъ одинъ доказываетъ мнѣ,—говоритъ геліастъ у Аристофана,—что онъ крайне бѣденъ, и прибавляетъ къ дѣйствительной бѣдности еще вымышленную, пока не уподобитъ свою бѣдность моей» [60]).

А какимъ языкомъ говорили, обращаясь къ народу, люди, по выраженію геліаста, усвоившіе себѣ лозунгъ: «всегда готовъ бороться за массу» [61]). Съ неподражаемымъ цинизмомъ они нерѣдко убѣждали присяжныхъ осуждать богатыхъ обвиняемыхъ, такъ какъ иначе въ государственной казнѣ не окажется средствъ для уплаты жалованья (за выполненіе судебныхъ функцій и за посѣщеніе народнаго собранія) [62]). И хотя, какъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ констатируетъ одинъ обвиняемый, этотъ разсчетъ иногда оказывался обманчивымъ, все же, по свидѣтельству Аристотеля, тамъ, гдѣ существовало господство массъ, въ самомъ дѣлѣ было излюбленнымъ пріемомъ доставать суммы, требовавшіяся для уплаты вознагражденія гражданъ за выполненіе ими общественныхъ функцій, путемъ конфискацій и актовъ судебнаго произвола [63]). Онъ прямо говоритъ: «нынѣшніе демагоги любятъ въ угоду народу часто производить конфискаціи судебнымъ порядкомъ» [64]). Лисій даже считаетъ чѣмъ-то само собой понятнымъ, что, пока имѣется достаточное количество денегъ, совѣтъ ни въ чемъ не погрѣшаетъ, но коль скоро касса пустѣетъ, ему приходится принимать доносы, прибѣгать къ конфискаціямъ и подчиняться худшимъ ораторамъ [65]). Подобная практика пользовалась тѣмъ большею популярностью, что вѣдь этотъ источникъ дохода, какъ бы то ни было, имѣлъ значеніе для домохозяйства пролетарія и вообще простолюдина. Ко многимъ изъ этихъ «судей» было буквально примѣнимо то, что говоритъ у Аристофана, обращаясь къ присяжнымъ, одинъ адвокатъ:

> «Судьи, у васъ не будетъ хлѣба,
> Если вы не вынесете обвинительнаго вердикта въ этомъ процессѣ» [66]).

Въ виду подобныхъ злоупотребленій становится понятна—правда, внушенная личнымъ озлобленіемъ и сильно преувеличенная—жалоба стараго Исократа на то, что (предъ судомъ) гораздо опаснѣе слыть богатымъ, чѣмъ быть очевидно виновнымъ [67]), и что число людей, лишаемыхъ имущества, превышаетъ количество лицъ, наказываемыхъ за ихъ преступленія. Но какъ характерно, что тотъ же самый Исократъ, разъ дѣло идетъ не о собственномъ кошелькѣ, а объ адвокатскихъ услугахъ, оказываемыхъ имъ другому лицу, точно также систематически эксплуатируетъ то обстоятельство, что народный судъ былъ враждебно настроенъ по отношенію къ богатымъ людямъ! Онъ заставляетъ того истца, для котораго онъ составляетъ рѣчь, неоднократно увѣрять, что онъ бѣденъ и принадлежитъ къ массѣ [68]); что судъ не долженъ цѣнить бѣдняковъ ниже богатыхъ, такъ какъ онъ самъ унизилъ бы себя, если бы такъ думалъ о массѣ, если бы въ демократическомъ государствѣ не ко всѣмъ относились одинаково, и если бы при голосованіяхъ оказывалось предпочтеніе людямъ, обладающимъ деньгами. Масса гражданъ не должна вызывать пренебреженія [69]). Поэтому судьи должны принять въ соображеніе, что въ данномъ случаѣ они разбираютъ дѣло, касающееся ихъ самихъ, а благоразум-

ный судья всегда постановляетъ рѣшеніе, соотвѣтствующее не только праву, но и его личной выгодѣ [70]).

Можно ли удивляться тому, что, при этомъ систематическомъ внесеніи классоваго антагонизма въ отправленіе правосудія чернь, которой такъ часто принадлежало рѣшающее слово въ этой борьбѣ изъ-за имущества, «предавалась совершенно превратной и похотливой фантазіи подобно тому, какъ тунеядецъ всегда думаетъ объ ѣдѣ, и, сообразно своей алчности, разукрашивала себѣ, достатокъ жертвъ, возможную добычу» [71]). Вѣдь эта алчность иногда доходила до того, что державный народъ непосредственно распредѣлялъ между отдѣльными лицами конфискованное имъ на судѣ имущество гражданина! Такъ, напр., въ Аѳинахъ разъ было раздѣлено между гражданами состояніе одного богатаго владѣльца рудниковъ, равнявшееся не менѣе чѣмъ 180 талантамъ, причемъ на долю каждаго досталось по 50 драхмъ [72]). Имѣются достаточно вѣскія свидѣтельства относительно того, что эта, конечно, чрезвычайно эксплуатируемая демагогами страсть къ дѣлежу отнюдь не была единичнымъ фактомъ, но оказывалась соціально-психическимъ явленіемъ, сопровождавшимъ успѣхи крайней демократіи [73]).

2. Экономическое дополненіе къ политическому принципу демократіи.

Вѣдь дѣлежъ сталъ прямо-таки постояннымъ учрежденіемъ въ образцовомъ демократическомъ государствѣ въ Аѳинахъ. Съ половины четвертаго вѣка тамъ существовала особая касса, въ которую поступали остатки государственныхъ доходовъ для раздѣла ихъ между гражданами въ видѣ денежныхъ раздачъ и подарковъ натурою (σιτοδοσίαι, διανομαί, διαδόσεις). На многочисленныхъ праздникахъ демосъ регулярно «пиршествовалъ и распредѣлялъ между собою по жребію остатки жертвы» [1]) на общественный счетъ, а когда ему угодно было, дѣло доходило и до непосредственныхъ раздачъ денегъ, причемъ каждый гражданинъ поодиночкѣ получалъ свою долю. Какъ хвастается демагогъ Демадъ тѣмъ, что онъ можетъ сообщить народу радостную вѣсть о томъ, что, благодаря его управленію финансами, каждому изъ гражданъ предстоитъ получить на ближайшемъ праздникѣ кружекъ подарокъ въ размѣрѣ 50 драхмъ! И какъ характеренъ для него и для его публики тотъ цинизмъ, съ которымъ онъ апеллируетъ къ вульгарной алчности массы, чтобы воспрепятствовать израсходованію этихъ денегъ на непріятное ему политическое назначеніе [2])!

Имѣя въ виду эти раздачи общественнаго достоянія, Эсхинъ однажды мѣтко замѣтилъ, что аѳиняне выходятъ изъ народнаго собранія не какъ изъ политическаго собранія, но какъ изъ засѣданія промышленнаго товарищества, на которомъ состоялось распредѣленіе чистаго дохода [3]). Въ данномъ случаѣ гражданинъ является членомъ большого товарищества (societas), торгово-промышленной компаніи, завѣдующей общимъ капиталомъ въ общихъ интересахъ всѣхъ членовъ.

Бернштейнъ говоритъ въ своей книгѣ «Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи», что демократическое избирательное право потенціально обращаетъ пользующагося имъ въ пайщика общины, и что съ теченіемъ времени это потенціальное участіе должно обратиться въ фактическое. Онъ могъ бы прибавить, что это участіе очень скоро истолковывается какъ экономическое. И съ какой ревностью слѣдилъ державный народъ за тѣмъ, чтобы его доля не была уменьшена или даже отнята у него! Предназначавшіяся для раздѣла средства являлись для него чѣмъ-то неприкосновеннымъ, своего рода святыней, посягать на которую было опасно даже и тогда, когда честный патріотизмъ требовалъ отказа ради

высшихъ государственныхъ цѣлей. Вѣдь граждане привыкли «усматривать въ общемъ состояніи вспомогательный источникъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей» [4]).

Поэтому вышеупомянутый простодушный авторъ, подающій совѣты бѣднякамъ и богачамъ, не находитъ словъ для выраженія своего негодованія по поводу «богохульствъ извѣстныхъ людей противъ театральныхъ денегъ». Онъ понимаетъ въ серьезномъ смыслѣ то, что для Эсхина было горькой ироніей. Онъ въ самомъ дѣлѣ разсматриваетъ распредѣленіе этихъ суммъ какъ функцію товарищества, какъ такую уплату со стороны общества, на которую граждане имѣютъ право «согласно закону и естественному праву», причемъ онъ только пользуется въ данномъ случаѣ не злостнымъ сравненіемъ съ коммерческимъ товариществомъ, а болѣе благодушнымъ, а именно сравненіемъ съ семейнымъ союзомъ, члены котораго обязаны содержать родителей [5]). Совокупность гражданъ представляетъ собой для города то, что этотъ послѣдній для индивидуума. Поэтому не только не подобаетъ лишать отдѣльныхъ лицъ чего бы то ни было изъ того, что имъ выдаетъ общество, но даже слѣдовало бы въ томъ случаѣ, если бы эти раздачи не имѣли мѣста, принять иныя мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы они ни въ какомъ отношеніи не терпѣли нужды, и чтобы ими не пренебрегали [6]). Въ своихъ собственныхъ интересахъ зажиточные люди сдѣлали бы хорошо, усвоивъ себѣ это. Вѣдь если бы у нѣкотораго числа людей было отнято необходимое, то это создало бы массу недовольныхъ, враждебно относящихся къ государству. «Но—прибавляетъ ораторъ—развѣ можетъ какой-либо аѳинянинъ оказаться настолько жалкимъ и жестокосердымъ, чтобы не желать, чтобы бѣдные люди, нуждающіеся въ необходимомъ, получили это подаяніе» [7]). Какъ-будто бы при выдачѣ театральныхъ денегъ дѣло шло всего лишь о призрѣніи бѣдныхъ.

Малодушно потворствуя коммунистическимъ инстинктамъ массы и софистически оправдывая ея алчность, авторъ безъ дальнихъ околичностей считаетъ возможнымъ игнорировать опасенія тѣхъ людей, которые осуждали все это учрежденіе какъ нѣчто пагубное [8]). Этому оптимизму рѣзко противорѣчитъ многозначительное допущеніе, что это учрежденіе, конечно, способствуетъ возбужденію коммунистической алчности массы; что встрѣчаются люди, «переносящіе вышеуказанную практику съ общественнаго достоянія и на частную собственность», т.-е. слишкомъ склонные проявить свою страсть къ дѣлежу и по отношенію къ этому послѣднему [9]).

Понятно, что эта сторона общественной жизни, въ которой обнаруживалось столько человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, давала поводъ къ самой рѣзкой критикѣ. И въ самомъ дѣлѣ она доставила политической комедіи, объектомъ которой въ сущности является самъ демосъ со всѣми своими слабостями и страстями, неисчерпаемый матеріалъ для сатиры. Сперва мы должны разсмотрѣть эту сатиру какъ таковую, не предрѣшая вопроса объ ея отношеніи къ дѣйствительности.

Какъ прелестна сцена во «Всадникахъ» Аристофана, въ которой пафлагонецъ и колбасникъ наперерывъ выражаютъ свою заботу о прокормленіи господина Демоса (воплощеніе народа на сценѣ), чтобы снискать его благорасположеніе. Господину Демосу уже не придется заботиться о хлѣбѣ насущномъ [10]). Его служители достанутъ свѣже-испеченныхъ булокъ, прекрасныхъ теплыхъ лепешекъ, жареной баранины и другихъ отборныхъ лакомствъ. Вѣдь «теперь предстоитъ только ѣсть» [11]). Немала и награда, ожидающая усерднѣйшаго въ этомъ служеніи. Госпо

динъ Демосъ вручитъ тому, кто «больше угодитъ ему» [12]), или, какъ говорится дальше, «кто лучше угодитъ его желудку» [13]), бразды правленія на Пниксѣ. Эти сцены производятъ такое впечатлѣніе, какъ-будто именно ихъ имѣлъ въ виду Аристиппъ, когда онъ—у Ксенофонта—констатируетъ, какъ общеустановленный фактъ, что «гражданамъ угодно третировать свои правительства такъ, какъ я третирую своихъ рабовъ. Отъ этихъ послѣднихъ я требую, чтобы они обильно снабжали меня всѣмъ тѣмъ, что мнѣ нужно, не посягая ни на какую изъ этихъ вещей. Именно такъ должны, по мнѣнію гражданъ, поступать власти. Эти послѣднія должны доставлять и м ъ всевозможныя блага для пользованія, но сами не прикасаться къ этимъ благамъ» [14]).

Какая неподражаемая иронія заключается въ похвалѣ господина Демоса въ вышеупомянутой сценѣ по адресу совершенно пустой корзинки колбасника: «эта корзинка свидѣтельствуетъ о любви къ народу» [15]), и въ томъ негодованіи, съ которымъ онъ осматриваетъ полную корзинку вороватаго пафлагонца:

«Она наполнена лакомствами!
Какую огромную лепешку онъ припряталъ для себя!
А м н ѣ онъ даетъ иногда лишь крошечные кусочки» [16]).

Это—ударъ по адресу политиковъ и сикофантовъ, всегда старающихся присвоить себѣ какъ можно бо́льшую долю добычи. Поэтому колбасникъ добавляетъ

«Вѣдь онъ, какъ мнѣ кажется, и прежде продѣлывалъ съ тобою то же самое.
Онъ давалъ тебѣ лишь небольшую часть достававшагося ему».

А какова та мораль, которую выводитъ господинъ Демосъ изъ этого поведенія своихъ служителей?

«Мнѣ самому нравится бражничать
Такъ изо дня въ день
И держать правителемъ вора;
Когда же онъ порядкомъ разжирѣетъ,
Я съ нимъ расправлюсь» [17]).

Немудрено, что даже и юстиція является для него дойной коровой; что въ народномъ судѣ «съ вожделѣніемъ взираютъ на казначея» [18]). Вѣдь дома съ жадностью ждутъ той пары оболовъ, которую подобный бѣднякъ приноситъ съ собой изъ суда!

«Но я едва не забылъ упомянуть самое лучшее:
Когда я возвращаюсь домой, получивъ вознагражденіе,
Деньги вызываютъ ко мнѣ тысячу ласокъ;
Сначала меня умываетъ дочь; она умащаетъ мнѣ ноги,
Нагибается, чтобы поцѣловать меня,
И, называя «папочкой», старается вынуть языкомъ тріоболъ изъ моего рта;
Потомъ жена, желая угодить мнѣ, подаетъ пирогъ,
Садится около меня и уговариваетъ: «съѣшь это,
Попробуй то». Все это меня радуетъ» [19]).

При наличности подобныхъ мотивовъ эти простаки могутъ стать весьма опасными для всего, раздражающаго ихъ инстинкты. Поэтъ нашелъ чрезвычайно подходящій образъ для этой опасности:

«Посмотрите на насъ внимательнѣе, и вы найдете,
Что мы вполнѣ похожи на о с ъ по характеру и по образу жизни.
Прежде всего, нѣтъ животнаго болѣе гнѣвнаго и болѣе страшнаго,
Чѣмъ мы, когда насъ раздражатъ;
Далѣе всѣ наши дѣйствія напоминаютъ дѣйствія осъ.
Мы, какъ и онѣ, образуемъ отдѣльные рои, разсѣянные по разнымъ у ьмъ:

Часть судитъ съ архонтомъ, часть съ одиннадцатью,
Часть въ Одеонѣ, а нѣкоторые у стѣны».
«И у насъ имѣются обильныя средства для нашего прокормленія:
Намъ стоитъ только жалить, и мы достаемъ, такимъ образомъ, все нужное для жизни».

Правда, удовольствію нѣсколько мѣшаетъ то обстоятельство, что

«Между нами есть и трутни, число которыхъ все увеличивается.
Будучи лишены жала, они, безъ труда и заботъ,
Пожираютъ плоды нашего усердія» [20]).

Однако, по крайней мѣрѣ, въ картинѣ, изображаемой поэтомъ, все же остается достаточно для того, чтобы оправдать слова колбасника:

«О народъ, очевидно, тебя охраняетъ и поддерживаетъ богиня;
Она простираетъ надъ тобою горшокъ съ похлебкой» [21]).

Провозвѣстница соціалъ-демократическаго государства будущаго у Аристофана, знающая, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, напрямикъ говоритъ имъ:

«Вы нуждаетесь въ казенныхъ деньгахъ для полученія жалованья,
Всегда помышляя о томъ, что принесетъ вамъ личную выгоду» [22]).

Трудно руководить помыслами народа, усвоившаго себѣ столь дурную привычку, послѣ того какъ народное собраніе обратилось въ поденщину, въ источникъ наживы [23]). «Вѣдь—какъ говорится дальше въ прелестной пролетарской сценѣ—каждый хочетъ какимъ бы то ни было образомъ попользоваться на счетъ общей стряпни» [24]). Онъ тотчасъ оказывается тамъ, гдѣ предстоитъ дѣлежъ чего-либо. Вѣдь «каждый благонамѣренный гражданинъ обязанъ по мѣрѣ силъ принимать участіе въ отечествѣ», какъ съ легкомысленной ироніей заявляетъ товарищу плебейскій тартюфъ [25]).

Но—можно было бы поставить вопросъ—развѣ мы въ правѣ утилизировать эти поэтическіе образы для характеристики психическихъ навыковъ демократіи? Вѣдь Аристофанъ писалъ комедіи, а не исторію. Рисуемая имъ столь грубыми мазками кисти картина жизни въ демократическомъ государствѣ отличается, правда, мнимо осязательною реальностью и представляется, благодаря этой животрепещущей наглядности непосредственно убѣдительною; однако, въ дѣйствительности это великолѣпная карикатура, ничего другого и не имѣющая въ виду. «Тотъ міръ, который изображаетъ намъ поэтъ, съ его плотью и кровью, оказывается фантастическимъ, намѣренно искаженнымъ имъ міромъ, въ которомъ смыслъ и безсмысліе, разсудокъ и неразуміе, дѣйствительность и невозможность мирно уживаются другъ съ другомъ при безумномъ задорѣ и карнавальной необузданности» [26]).

Это возраженіе основательно; никто не перенесетъ непосредственно поступковъ народа и судей на комической сценѣ на дѣйствительную демократію и народный судъ. Другой вопросъ, однако, въ самомъ ли дѣлѣ демосъ, «узнавшій себя въ своемъ комически идеализированномъ изображеніи на сценѣ, смѣявшійся, потѣшавшійся и тѣшившійся надъ самимъ собой», имѣлъ основаніе, «сознавая свое достоинство», чувствовать себя до такой степени выше своего комическаго двойника на сценѣ, какъ это утверждали представители ошибочнаго политическаго доктринерства [27]).

Историческая концепція, находящаяся подъ вліяніемъ Грота и придерживающаяся относительно политической комедіи вышеуказанной, чисто-отрицательной точки зрѣнія, руководится при этомъ ошибочной аналогіей. Она всегда имѣетъ въ виду при оцѣнкѣ греческой демократіи англійскую демократію. Безусловнымъ мѣ-

риломъ и руководящимъ критеріемъ для нея служатъ тѣ «практическіе опыты», которые были сдѣланы относительно результатовъ «свободныхъ» учрежденій, т.-е. «безусловной публичности, безпрепятственнаго выраженія мнѣнія и свободнаго отъ опеки самоуправленія» на англійской почвѣ [28]). А такъ какъ тамъ общественная жизнь совершается въ такихъ формахъ, къ которыхъ нельзя, конечно, непосредственно примѣнить аристофановой сатиры [29]), то утверждается, будто и всякое другое «свободное государство», а въ частности прославленная аѳинская демократія выше этой сатиры. Спрашивается, однако, въ самомъ ли дѣлѣ «воспитательное дѣйствіе свободныхъ учрежденій» одинаковымъ образомъ сказалось въ томъ и въ другомъ случаѣ? И настолько ли тожественны по своему существу носители этихъ учрежденій въ томъ и въ другомъ случаѣ, чтобы можно было безъ всякихъ околичностей допускать такое тожество ихъ роли?

Безпрестанно проводя параллель между англійскою и древне-греческою жизнью, сторонники исторической концепціи Грота упускаютъ изъ виду, что древній грекъ и англичанинъ новаго времени являются представителями двухъ различныхъ народныхъ типовъ. Невольно припоминается замѣчаніе Виктора Гена относительно противоположности между нынѣшнимъ англичаниномъ и итальянцемъ. «Первому совершенно чуждъ и непонятенъ темпераментъ лишенныхъ фантазіи и благонамѣренныхъ сыновъ рутины, обладающихъ всѣми обыденными добродѣтелями, почетныхъ въ силу умѣренности своихъ притязаній, медленно усваивающихъ..., съ трогательнымъ терпѣніемъ всю жизнь влачащихъ унаслѣдованное отъ предковъ иго буржуазныхъ предразсудковъ». Эта характеристика односторонняя и лишь отчасти справедлива; но все же не подлежитъ сомнѣнію, что древне-греческій народный духъ настолько же, какъ и романскій, далекъ отъ англійскаго. Стоитъ только сравнить трезвую разсудочность британца, въ особенности же его сдержанный, холодный скептицизмъ во всемъ, касающемся отношенія между государствомъ и индивидуумомъ, съ импульсивнымъ характеромъ грека. Привыкнувъ далеко витать мыслью и фантазіей и будучи проникнутъ суевѣрнымъ убѣжденіемъ во всемогуществѣ политической силы, этотъ послѣдній часто съ ужасающею легкостью поддавался соблазну вступать на путь принужденія и насильственныхъ мѣръ и для достиженія своихъ цѣлей въ сферѣ внутренней политики. Какая разница между страной, въ которой—по мнѣнію одной радикальной рабочей газеты—«революціонность перестала быть чѣмъ-либо, кромѣ напыщенной фразы» [30]), и Элладой, начиная съ Пелопоннесской войны, истощавшей свои силы въ безчисленныхъ революціяхъ.

Но развѣ и самыя у ч р е ж д е н і я однородны и эквивалентны въ томъ и въ другомъ случаяхъ? Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ серьезно ставить на о д н у доску англійскій парламентъ и англійскіе органы самоуправленія съ засѣдавшимъ въ народномъ собраніи тысячеголовымъ демосомъ, англійскихъ присяжныхъ съ аѳинскимъ массовымъ судомъ, съ его сотнями участниковъ, организацію общественнаго служенія въ Англіи съ получавшимъ мѣста по жребію чиновничествомъ радикальной аѳинской демократіи? Несмотря на демократическое избирательное право, парламентъ и самоуправленіе находятся въ нынѣшней Англіи преимущественно въ рукахъ имущихъ и образованныхъ классовъ, принадлежащія къ которымъ лица, благодаря занимаемому ими соціальному положенію, болѣе другихъ способны подготовлять себя къ общественной жизни и заниматься неоплачиваемою дѣятельностью для общаго блага. Наоборотъ, автократическое народовластіе грековъ, при которомъ функціи верховной власти непосредственно осуществлялись совокупностью гражданъ государства, сдѣлало многіе общественные органы въ высшей степени доступными и для такихъ слоевъ народа, которые въ психическомъ и экономическомъ отно

шеніяхъ были менѣе всего способны выполнять общественныя функціи, получали за это плату и, становясь нахлѣбниками государства, обращали общественную дѣятельность гражданина въ источникъ заработка. Итакъ, въ англійской демократіи, несмотря на политическую свободу, государственная жизнь отличается рѣзко выраженнымъ аристократическимъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ и вообще въ греческихъ демократическихъ государствахъ чрезвычайно сильное, непосредственное участіе демократическихъ элементовъ придавало народнымъ и судебнымъ собраніямъ того времени, и безъ того, въ качествѣ большихъ массовыхъ собраній, имѣвшихъ общественно иной характеръ, соціальный отпечатокъ, существенно отличавшійся отъ того, который свойственъ парламенту и суду присяжныхъ. На этой почвѣ, на которой могли непосредственно проявляться грубость и необузданность элементарной народной воли, въ народномъ собраніи и въ судахъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ часто разыгрывались подлинныя пролетарскія комедіи, хотя, конечно, и въ другой формѣ, чѣмъ на сценѣ, но не лишенныя сходства съ ними по существу дѣла.

Вѣдь односторонне-формально-политическій способъ разсмотрѣнія Гротовской школы, столь гордящейся своимъ «политическимъ чутьемъ» [31]), упускаетъ изъ виду какъ-разъ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ дѣло вообще идетъ не только о чисто-политической, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, о соціально-психологической проблемѣ [32]). Она не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какое значеніе имѣлъ для всего гражданскаго общества фактъ зависимости права и закона въ греческомъ демократическомъ государствѣ отъ массовыхъ дѣйствій, а, стало-быть, отъ влеченій и инстинктовъ, которымъ подчиняется коллективная психическая жизнь большихъ массъ, призванныхъ къ совмѣстнымъ властнымъ рѣшеніямъ.

Въ этихъ демократическихъ массовыхъ дѣйствіяхъ заключается нѣчто свойственное явленіямъ природы. Въ нихъ слишкомъ часто роковымъ образомъ сказывается элементарная природа человѣка [33]), «большое животное» (μέγα θρέμμα), по мѣткому выраженію Платона [34]). И въ этомъ отношеніи въ геніальномъ аристофановскомъ сравненіи съ роемъ осъ заключается глубокая внутренняя истина. Оно выражаетъ именно тѣ черты массовой психики и демократическихъ дѣйствій, представляющихъ собой продуктъ процессовъ, свойственныхъ психологіи массъ, которыя отличаются стихійнымъ характеромъ. Но вѣдь массовое большинство болѣе всего дорожитъ чисто-естественными, чувственными интересами. Тамъ, гдѣ оно имѣетъ рѣшающее значеніе, могутъ оказывать вліяніе, благодаря ихъ многочисленности, какъ-разъ тѣ элементы, которые, какъ выражался «презиравшій чернь» Гераклитъ [35]), не знаютъ ничего лучшаго, чѣмъ наполнять свое чрево. Притомъ въ данномъ случаѣ одинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и другой! Рѣшаетъ число головъ, т.-е., въ данномъ случаѣ, часто не что иное, какъ число желудковъ! Здѣсь, въ силу психологической необходимости, долженъ былъ быть поставленъ желудочный вопросъ, вокругъ котораго вѣдь, уже благодаря экономическимъ причинамъ, сосредоточиваются интересы средняго человѣка.

И въ этомъ отношеніи аѳинская политическая комедія вполнѣ права. Ея точка зрѣнія на данный вопросъ обусловлена правильнымъ взглядомъ на природу массы и на общее положеніе послѣдней. Безграничный демократизмъ на самомъ дѣлѣ означаетъ безпредѣльный матеріальный индивидуализмъ, такъ какъ склонность индивидуума всецѣло и исключительно отдаваться влеченіемъ чувственнаго эгоизма и классовому духу, естественно, сильнѣе всего развита среди широкихъ массъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собой нѣчто вполнѣ аналогичное крайнему

атомистическому капитализму. Плутократическому верховенству соотвѣтствуетъ охлократическое верховенство матеріальныхъ интересовъ. Поэтому, доктринерская наивность, вѣрующая въ «добродѣтель» и въ «цѣнность» этой еще коснѣющей въ чувственныхъ представленіяхъ массы, на самомъ дѣлѣ удаляется отъ дѣйствительности еще болѣе, чѣмъ сатира комедіи, которая, во всякомъ случаѣ, права въ томъ отношеніи, что тамъ, гдѣ открывается просторъ для массовыхъ аффектовъ, всюду проявляется la bête humaine.

Однако, не только потому, что демократія способствовала пробужденію массовыхъ инстинктовъ, въ ней съ такою рѣзкою отчетливостью обнаруживалось, что человѣкъ есть существо не только политическое, но и прежде всего экономическое, т.-е. имѣющее экономическія потребности и вождѣленія [36]). Въ этомъ демократіи пришлось убѣдиться уже въ силу собственнаго принципа.

Она старалась осуществить для всего народа идею, которой самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило фактическое соціальное положеніе многихъ гражданъ. Въ силу внутренней необходимости это должно было вызвать тенденцію къ экономическому дополненію политическаго принципа демократіи для устраненія этого противорѣчія. Идея жизни для государства требовала отъ гражданина служенія государству какъ его личными, такъ и его экономическими силами. Ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этихъ послѣднихъ не было на лицо, ихъ необходимо было возмѣщать изъ общественныхъ средствъ [37]). Граждане получали субсидіи отъ государства для того, чтобы имѣть возможность, согласно конституціи, выполнять свои права и осуществлять свои обязанности въ народномъ судѣ и въ народномъ собраніи [38]). Затѣмъ, это соціально-политическое примѣненіе демократическаго принципа вполнѣ естественно повело къ той системѣ раздачъ общественныхъ средствъ, о которой можно сказать, что она имѣла рѣзко выраженный государственно-соціалистическій характеръ.

Соціально-политическая тенденція рѣзко выступаетъ на первый планъ въ системѣ управленія того великаго народнаго вождя, который далъ въ Аѳинахъ главный толчокъ къ эволюціи въ духѣ государственнаго соціализма и въ другихъ отношеніяхъ. Политика аѳинской державы въ эпоху Перикла по существу дѣла опредѣлялась стремленіемъ къ благополучію демоса. Территорія державы утилизировалась въ интересахъ колоніальной политики (клерухіи!), способствовавшей пріобрѣтенію земельныхъ участковъ тысячами гражданъ; государственные финансы утилизировались для политики строительства и украшенія города, обезпечивавшей другимъ тысячамъ гражданъ возможность найти выгодный заработокъ.

«Периклъ—говоритъ Плутархъ—поставилъ народу на видъ, что избытокъ средствъ долженъ быть употребляемъ на такія дѣла, отъ которыхъ можно было бы ждать вѣчной славы, а въ настоящемъ—общаго благосостоянія. Поощряя всякое искусство, давая занятіе каждому, порождая всякаго рода потребности, эти начинанія могли бы быть обращены въ источники дохода для всего города, который, такимъ образомъ, украшалъ бы себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кормилъ бы своихъ гражданъ. Разъ военная служба доставляла способнымъ къ ней лицамъ пропитаніе изъ государственныхъ средствъ [39]), Периклъ въ соотвѣтствіи съ этимъ добивался того, чтобы и не служившая въ войскѣ масса, жившая физическимъ трудомъ, за выполненіе соотвѣтственныхъ работъ пользовалась аналогичнымъ военному содержаніемъ. Итакъ, онъ поощрялъ грандіозныя строительныя работы, для завершенія которыхъ требовалось не только значительное искусство, но и много времени; цѣль его была, чтобы лица, остававшіяся дома, не менѣе находившихся въ отсутствіи на корабляхъ, въ гарнизонахъ и въ походахъ имѣли воз-

можность извлекать выгоду изъ государственной казны и также получать свою долю(!). Матеріалами служили камень, бронза, слоновая кость, золото, эбеновое и кипарисовое дерева; для обработки этого матеріала требовались архитекторы и плотники, ваятели, мѣдники, каменотесы, красильщики, золотыхъ дѣлъ мастера, токари слоновой кости, живописцы, швецы, токари. Для доставки этихъ матеріаловъ нужны были на морѣ капитаны купеческихъ кораблей, матросы, рулевые, а на сушѣ— каретники, извозчики, погонщики муловъ, канатные мастера, сѣдельники, рабочіе, занятые проведеніемъ и починкою дорогъ, и рудокопы. Кромѣ того, подобно тому, какъ въ распоряженіи полководца имѣется войско, такъ и въ каждомъ мастерствѣ имѣлась масса необученныхъ наемныхъ рабочихъ, занимавшихъ подчиненное положеніе. Такимъ образомъ, выполненіе этихъ многообразныхъ задачъ могло служить обильнымъ источникомъ дохода для людей всѣхъ возрастовъ, занятыхъ разнообразнѣйшими видами труда».

При наличности такого пониманія политики государства, нельзя назвать тенденціознымъ преувеличеніемъ взглядъ Аристотеля, усматривающаго въ своей исторіи аѳинскаго государственнаго строя руководящій мотивъ этой политики въ намѣреніи доставить массѣ народа достаточное пропитаніе. Приводимый имъ для выясненія этой системы призрѣнія статистическій обзоръ доказываетъ, что изъ взносовъ, налоговъ и иныхъ суммъ, уплачиваемыхъ союзниками, «получало средства къ жизни болѣе 20000 аѳинскихъ гражданъ». «Къ числу ихъ принадлежало 6000 членовъ народнаго суда, 1600 стрѣлковъ, 1200 конныхъ солдатъ, 500 членовъ Совѣта, 500 гарнизонныхъ солдатъ въ верфяхъ и 50 городскихъ стражниковъ; далѣе, около 700 чиновниковъ въ Аттикѣ и приблизительно столько же за предѣлами страны. Кромѣ того, нормальный комплектъ въ 2000 тяжеловооруженныхъ и 2000 матросовъ; наконецъ, пританей съ лицами, получавшими въ немъ содержаніе, воспитываемые государствомъ сироты и тюремщики. Государству приходилось содержать всѣхъ этихъ людей, отъ него получающихъ средства къ жизни» [40]).

Но что же должно было произойти послѣ того, какъ этотъ рогъ изобилія изсякнулъ, когда уже не имѣлось на лицо подлежащихъ обложенію подданныхъ для прокормленія демоса? Не должна ли была въ такомъ случаѣ привычка усматривать въ государствѣ домъ призрѣнія повлечь за собой наихудшіе результаты?

Имѣя въ виду эти неизбѣжные результаты вышеуказанной системы, односторонне индивидуалистическая концепція, неспособная понять исторію демократіи, какъ процессъ развитія массоваго явленія, приписала иниціатору этой системы, Периклу, чисто-личныя побужденія. Она указываетъ на соперничество между Периклом и Кимономъ, который прямо-таки обратилъ свое богатство въ общее достояніе, устраивая ежедневныя трапезы для бѣдныхъ, одѣвая стариковъ и приказавъ разрушить стѣны, отгораживавшія его земельные участки для того, чтобы всякій могъ срывать плоды. Периклъ не могъ сравняться въ этомъ со своимъ соперникомъ и поэтому чисто-демагогически перещеголялъ послѣдняго, введя раздачи изъ государственныхъ средствъ въ качествѣ постояннаго учрежденія [41]). Эта концепція несправедлива по отношенію къ великому демократическому лидеру; онъ упускаетъ изъ виду, что Периклъ лишь сдѣлалъ логически неизбѣжный выводъ изъ принципа непосредственнаго народовластія, и что, вслѣдствіе этого, вышеуказанная система встрѣчается не только въ Аѳинахъ, но и въ другихъ, достигшихъ извѣстнаго развитія демократіяхъ.

Но столь же несомнѣнно, конечно, и то, что, благодаря этому, демократіи пришлось считаться съ проблемой, въ самомъ дѣлѣ представляющей слишкомъ

много удобныхъ случаевъ для демагогическаго использованія массовыхъ инстинктовъ и въ высшей степени усиливавшей и безъ того вытекавшую изъ демократической коллективной жизни тенденцію разсматривать политику какъ желудочный вопросъ.

Разъ гражданинъ привыкъ получать за свою общественную дѣятельность, и притомъ все чаще и чаще даже и безъ всякаго эквивалента со своей стороны, кормъ изъ государственныхъ средствъ, стало психологически неизбѣжнымъ, что онъ все болѣе и болѣе пріучится цѣнить въ своихъ гражданскихъ правахъ именно эту сторону. Многіе стали, по выраженію Исократа, усматривать въ осуществленіи этихъ правъ не служеніе, а занятіе [42]), дававшее возможность «улучшать свое положеніе на общественный счетъ» [43]), т.-е. лучше ѣсть и пить и поменьше работать. Все болѣе и болѣе возраставшая, по мѣрѣ обостренія экономическихъ противоположностей, масса лицъ, питавшихъ подобныя чувства и одинаково голосовавшихъ, коль скоро дѣло шло о томъ, чтобы «попользоваться на счетъ общественной стряпни, въ самомъ дѣлѣ представляетъ сходство съ промышленнымъ товариществомъ, рѣшившимся, по мѣрѣ возможности, экономически использовать политически выгодную для нея конъюнктуру. По своимъ внутреннимъ свойствамъ эта масса, несомнѣнно, не особенно отличалась отъ аристофановскаго господина Демоса, хотя поэтъ и преувеличиваетъ, безъ дальнихъ околичностей отождествляя ее съ народомъ вообще. Во всякомъ случаѣ, Платонъ и Плутархъ были совершенно правы, утверждая, что система государственныхъ раздачъ натурой и деньгами и оплата общественныхъ функцій способствовали возникновенію лѣниваго, резонировавшаго, жаднаго къ (чужимъ) деньгамъ сброда [44]). По словамъ Аристотеля, этотъ сбродъ считалъ чѣмъ-то само собой разумѣющимся, чтобы всякій, не получавшій извѣстнаго дохода, кормился насчетъ государства [45]).

При этомъ все болѣе и болѣе безцеремонно должно было проявляться то, что называли хищническою природою человѣка. Вѣдь чувственное вожделѣніе, въ особенности тамъ, гдѣ бѣдность ставитъ ему тѣсныя границы, можно сравнить съ распространяющимся паромъ. Оно устремляется вдаль и тамъ, гдѣ не встрѣчаетъ достаточнаго сопротивленія, становится все болѣе и болѣе безстыднымъ и неосмысленнымъ [46]). Отличительный признакъ алчности въ томъ и заключается, что она ненасытна. Чѣмъ больше люди имѣютъ, тѣмъ большаго они хотятъ! «Гнусность людей—говоритъ Аристотель—ненасытна»: сперва имъ достаточно двухъ оболовъ [47]); но разъ они привыкли къ этой суммѣ, они требуютъ все большаго и, такимъ образомъ, *повышаютъ свои притязанія до безконечности*. Вѣдь природа вожделѣнія такова, что оно не знаетъ предѣловъ, и огромная масса людей живетъ для его удовлетворенія» [48]).

Къ тому же вышеуказанная практика, которую Демадъ называетъ клейстеромъ демократіи, въ концѣ концовъ, все-таки не достигала своей цѣли. Достававшійся при ней пролетарію безъ труда съ его стороны выигрышъ могъ оказывать лишь деморализирующее вліяніе. Онъ и самъ по себѣ былъ недостаточенъ для прочнаго экономическаго улучшенія его положенія, обыкновенно расходовался на мимолетныя наслажденія и лишь раздражалъ вожделѣнія черни, не будучи въ состояніи ихъ удовлетворить. По чрезвычайно мѣткому замѣчанію Аристотеля, «подобнаго рода помощь оказывается для получающихъ ее людей чѣмъ-то въ родѣ бездонной бочки. Едва лишь получивъ что-либо, они уже снова предъявляютъ требованія» [49])! Вскорѣ ихъ перестаетъ удовлетворять простое *прихлѣбательство*. Они хотятъ въ самомъ дѣлѣ *досыта* наѣсться изъ общаго блюда.

Несоразмѣрность между притязаніями массы и тѣмъ, что государство дѣлало для ихъ удовлетворенія, а равно и подзадориваніе, утилизировавшее эту несоразмѣрность въ агитаціонныхъ видахъ, превосходно осмѣяны Аристофаномъ въ одной сценѣ въ «Осахъ».

Сынъ стараго геліаста высчитываетъ ему, какъ мало даетъ ему, собственно говоря, то положеніе, которымъ онъ такъ чванился. Сынъ предлагаетъ старику подсчитать, какъ велики круглымъ числомъ доходы аѳинскаго государства. Въ результатѣ этого подсчета получается сумма, приблизительно равная 2000 талантовъ. Затѣмъ онъ вычисляетъ, какая доля этой суммы достается присяжнымъ въ качествѣ жалованья за выполненіе судебныхъ функцій. Выходитъ, что эта сумма равняется 150 талантамъ. «Какъ,—восклицаетъ старикъ,—«намъ не достается даже и десятой доли»?—«А куда же—возражаетъ сынъ—дѣваются всѣ остальныя деньги? Конечно, онѣ попадаютъ въ карманы лицъ, занимающихъ высшія должности и обманомъ лишающихъ демосъ его достоянія. Между тѣмъ какъ демосъ могъ бы быть богатымъ, отъ него отдѣлываются выдачей трехъ оболовъ!

«Ты, который властвуешь надъ городами отъ береговъ Понта до Сарда,
Не получаешь ничего, кромѣ ничтожнаго вознагражденія за выполненіе судебныхъ функцій,
Которое тебѣ выдается весьма гомеопатическими дозами, лишь для смягченія злободневной нужды, словно выжимаютъ масло изъ шерсти.
Вѣдь они хотятъ, чтобы ты былъ бѣденъ, и я скажу тебѣ, почему:
Они хотятъ, чтобы ты зналъ господина, который тебя кормитъ и укрощаетъ,
И чтобы по мановенію ихъ руки ты яростно бросался на врага, котораго они тебѣ укажутъ.
Вѣдь если бы они серьезно захотѣли обезпечить народу средства къ жизни, то это было бы очень легко.
Тысяча городовъ платятъ вамъ подать:
Если приказать каждому изъ нихъ кормить двадцать аѳинянъ,
То двадцать тысячъ гражданъ будутъ благоденствовать; у нихъ будетъ пропасть зайчатины,
Роскошныхъ вѣнковъ, обиліе молока и меда,
И они будутъ наслаждаться жизнью, какъ подобаетъ побѣдителямъ при Мараѳонѣ;
А вмѣсто этого, вы бѣжите за тѣмъ, кто выплачиваетъ жалованіе, словно поденщики осенью» [50]).

Но почему же слѣдовало разъ навсегда примириться съ этимъ? А главное почему тѣ, для которыхъ не оказывалось приборовъ за столомъ природы, должны были упустить возможность принять участіе въ пирѣ?

Вѣдь въ демократическомъ государствѣ демосъ, «властвовалъ надъ всѣмъ», даже и надъ закономъ [51]). Державному народу—источнику всякаго права—«принадлежала верховная власть надъ всѣмъ въ государствѣ, и онъ имѣлъ право дѣлать все, что ему угодно» [52]); онъ могъ разсматривать государство какъ свою собственность [53]). «Развѣ мое могущество—восклицаетъ въ «Осахъ» съ чувствомъ удовлетворенности геліастъ—не настолько же велико, какъ и власть любого царя [54]) и даже самого Зевса»?

При такомъ положеніи дѣлъ съ психологической необходимостью должна была возникнуть мысль о томъ, чтобы, пользуясь этимъ могуществомъ, утилизировать имѣвшееся на лицо равенство для пріобрѣтенія отсутствовавшаго равенства, и о томъ, что обладаніе правомъ голоса, конечно, можетъ доставить и обладаніе благами [55]). И это чувство силы должно было подзадоривать уже вслѣдствіе того, что люди, которымъ безпрестанно льстили какъ державному народу, и удовольствіе которыхъ провозглашалось высшимъ государственнымъ инте-

ресомъ, естественно, съ особою горечью чувствовали разстояніе между своей бѣдностью и чужимъ «достаткомъ», стимулъ противорѣчія между желаніемъ и дѣйствительностью.

Мы уже имѣли случай констатировать весьма характерное проявленіе этого настроенія въ сердитомъ злорадствѣ пролетаріевъ и мелкихъ буржуа по поводу униженія богачей въ народномъ судѣ. Какъ тонко подмѣчено, и какъ вѣрно срисовано съ натуры, что первая мысль, приходящая въ комедіи члену народнаго суда, самодовольно размышляющему о своемъ могуществѣ, т а к о в а: теперь я могу какъ мнѣ заблагоразсудится, дать знатнымъ и богатымъ людямъ почувствовать, что я такое, и что я могу сдѣлать! Это чувство силы и использованіе послѣдней въ интересахъ матеріальныхъ вожделѣній сволочи фактически привели къ тому, что величайшее цивилизующее завоеваніе демократіи, теоретическое обоснованіе и практическое установленіе правового государства обратились въ нѣчто призрачное. Ставшей, благодаря «свободѣ», необузданною алчности толпы удалось, извращая юстицію, нарушить нормы правового государства, основанныя на разумѣ и идеѣ личности, и преодолѣть преграды, устанавливаемыя этими нормами для воли отдѣльныхъ лицъ. Спрашивается, существовала ли вообще какая бы то ни было правовая или нравственная преграда для алчности массы?

Началась борьба противъ собственности, была объявлена война противъ счастья богачей, лозунгомъ которой былъ кличъ: «залѣзайте въ карманы, въ которыхъ что-либо имѣется» [56]). Демократическое равенство стало могучимъ средствомъ борьбы обладавшаго правомъ голоса большинства противъ меньшинства, соціалъ-демократическимъ оружіемъ противъ соціально-аристократическаго уклада экономической жизни. Развѣ могла эта экономическая сторона правового порядка, требовавшая отъ инстинктовъ и вожделѣній массы наиболѣе тягостнаго для нея воздержанія, продолжать считаться чѣмъ-то неприкосновеннымъ?

Разъ у массы выработалась привычка путемъ противозаконныхъ конфискацій и дѣлежей ставить себя на мѣсто о т д ѣ л ь н ы х ъ собственниковъ, можно было подумать и о томъ, чтобы вообще раздѣлаться съ «богачами», лишь бы только оказалось на лицо нужное для этого количество кулаковъ. «Если мой произволъ оказывается принципомъ правового порядка, то и мое наслажденіе можетъ быть принципомъ распредѣленія имуществъ» [57]). А послѣ того какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ использованіе политической власти въ ущербъ собственникамъ дошло до того что Аристотель говоритъ прямо-таки о непримѣтномъ раздѣлѣ доходовъ, приносимыхъ собственностью, то почему же эта алчность должна была не посягать и на самое собственность [58])?

Привычка безпрестанно подчеркивать притязанія отдѣльныхъ лицъ, предъявляемыя ими къ цѣлому, а не ихъ обязанности относительно послѣдняго, должна была повлечь за собою въ силу внутренней необходимости разлагающую критику, которая просто прилагала къ существующему общественному строю мѣрило индивидуальныхъ потребностей и вожделеній. Эта критика была тѣмъ смѣлѣе и безцеремоннѣе, чѣмъ сильнѣе демократія развила и распространила критическую мысль враждебную авторитету.

3. Соціально-революціонный демократизмъ.

Благодаря демократіи, въ Эладѣ наступилъ вѣкъ преній, «обсужденія», пріучавшаго къ изслѣдованію причинъ, къ уясненію внутренняго оправданія всего суще-

ствующаго. Эта привычка неизбѣжно должна была вызвать уменьшеніе значенія обычая какъ такового, всего того, что существовало въ силу традиціи. Въ извѣстномъ смыслѣ и къ свободѣ обсужденія, которой требовала демократія, примѣнимо сдѣланное относительно демократіи вообще замѣчаніе, что она подобна могилѣ, такъ какъ она только беретъ, но не даетъ. «Предметъ, разъ подвергнутый этому суду Божію, уже никогда не можетъ снова стать отъ него изъятымъ. Онъ уже никогда не можетъ облечься покровомъ тайны или сдѣлаться неприкосновенной святыней; онъ всегда остается подверженнымъ свободному выбору и обсужденію, не признающему святынь» [1]).

«Вы рабски преклоняетесь предъ необычайнымъ и презираете обыденное,— говоритъ какъ-то Клеонъ объ аѳинянахъ у Ѳукидида [2]),—вы, такъ сказать, всегда ищете чего-либо иного, отличающагося отъ того, что дано въ нашей теперешней жизни». Всегда «стремящимися къ новшествамъ» называетъ ихъ тотъ же представитель Коринѳа [3]). Въ Аѳинахъ уже столько вещей перепробовано,—замѣчаетъ Аристофанъ,—что только радикальнѣйшій переворотъ могъ бы принести что-либо новое [4])! Вѣдь въ Аѳинахъ господствуютъ «прогрессъ и нововведенія и презрѣніе къ традиціонному какъ истинная и единственная мудрость» [5]). Конечно, это характеристика сильно преувеличиваетъ, но она соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ томъ отношеніи, что въ самомъ дѣлѣ въ эпоху свободнаго обсужденія стремленіе къ раціональному регулированію всѣхъ отношеній, склонность къ «резонерству, словомъ, извѣстная духовная неугомонность, должны были охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги народа.

И мы можемъ констатировать, что именно тамъ, гдѣ соціальные конфликты наиболѣе обострились, въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, это настроеніе развилось съ наибольшей интенсивностью, такъ какъ именно въ атмосферѣ такихъ городовъ премущественно расцвѣтаетъ раціоналистическое, критическое, разрушительное направленіе [6]).

Это особенно рельефно обнаруживается въ пьесахъ, ставившихся на аѳинской сценѣ въ пятомъ и въ четвертомъ вѣкахъ, когда она имѣла большее значеніе, чѣмъ въ какую бы то ни было эпоху всемірной исторіи. И въ театрѣ акклиматизируется духъ обсужденія, которымъ была проникнута культура этой эпохи. Драматическая поэзія, какъ трагедія, такъ и комедія, становится органомъ рефлексіи, и притомъ рефлексіи, находящейся въ непосредственной связи съ великимъ философскимъ движеніемъ даннаго времени. Образъ мышленія, выражающійся въ этихъ созданіяхъ духа, усматриваетъ въ цѣломъ мірѣ какъ бы единую великую проблему, какъ отраженіе той проблемы, въ которую все болѣе и болѣе обращалась для вполнѣ развитого высоко-культурнаго человѣка его собственная жизнь [7]). Потребность высоко-развитой культуры во все большемъ и большемъ подчиненіи всего въ мірѣ человѣческому произволу и въ преобразованіи всего въ соотвѣтствіи съ идеальными требованіями находитъ здѣсь свое типичное выраженіе. Вѣдь объ Еврипидѣ говорили, что ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему писателей не ставилъ такъ часто относительно человѣческихъ дѣлъ требованія, чтобы того, что есть, не было, и то, чего нѣтъ, осуществилось!

Такимъ образомъ, сцена стала главнымъ органомъ распространенія просвѣщенія данной эпохи и волновавшихъ ее идей въ самыхъ широкихъ кругахъ народа. Въ присутствіи всего народа на этой сценѣ традиціонныя представленія о мірѣ боговъ и людей подвергаются суду разума и безпощадному анализу относительно ихъ права на существованіе. Съ безудержной смѣлостью право «естественное» противополагается праву «узаконенному»; право индивидуальности и

свободной мысли противопоставляется не только авторитету обычая и традиціи, но и авторитету религіозныхъ вѣрованій. На аѳинской сценѣ принципъ безграничной субъективности отпраздновалъ тріумфы, вызвавшіе у Гегеля замѣчаніе, что поэзія въ этотъ моментъ достигла «абсолютной свободы духа» [8]); ни передъ какой областью теоретической и практической жизни эта свобода не останавливалась, ни одна не была изъята изъ ея обсужденія.

Выводимый въ комедіи Еврипидъ, геніальный передовой боецъ за просвѣщеніе данной эпохи, «философъ сцены», гордится тѣмъ, что онъ:

«Я привилъ имъ
Такую мудрость,
Введя въ искусство
Мысли и понятія,
Что теперь здѣсь
Всякій философствуетъ
И такъ мудро занимается
Домашнимъ хозяйствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ,
Какъ этого никогда не было прежде,
Всегда предаваясь изслѣдованіямъ и размышленіямъ:
Почему? Зачѣмъ? Кто? Гдѣ? Какъ? Что?
Откуда это взялось? Кто взялъ у меня вотъ это?» [9]).

Въ этой насмѣшкѣ вѣрно то, что идеи, выражавшіяся въ публицистическихъ и иныхъ литературныхъ произведеніяхъ, получали, благодаря популяризаціи на сценѣ, огромное распространеніе.

И каковъ былъ размахъ этихъ идей! Какъ сильно должно было способствовать развитію соціальной критики хотя бы міровоззрѣніе, ставившее на мѣсто традиціонныхъ силъ, охранявшихъ существующее, въ качествѣ верховной нормы сужденія, индивидуальный разумъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подрывавшее основы этого существующаго строя противоположеніемъ природы и условности, природы и установленія!

«Какъ сладко—иронизируетъ аристофановская комедія по адресу всего этого направленія духовной жизни,—какъ сладко свободомысленно отрѣшаться отъ существующаго права и предубѣжденія» [10])! Что такое представляетъ собой съ этой точки зрѣнія старое право? «Тѣ, которые его установили, были люди, подобно намъ; они должны были приводить въ его пользу доводы» [11]). Почему же ему не уступить теперь мѣсто новому, лучше обоснованному праву [12])?

Вѣдь то, что существуетъ лишь въ силу соглашенія и узаконеній, по существу дѣла измѣнчиво. Оно обратилось въ историческую категорію, которая, какъ таковая, всегда можетъ заявлять притязанія лишь на относительное значеніе. Что такое оно по сравненію съ вѣчной неизмѣнностью «природы», которая, какъ выражается Еврипидъ: «не знаетъ никакихъ узаконеній» [13])? И почему же общественное состояніе, оказавшееся продуктомъ произвольныхъ человѣческихъ воздѣйствій, не должно подлежать свободному преобразованію разумомъ? Это образованіе будетъ тѣмъ лучше и совершеннѣе, чѣмъ болѣе разумъ будетъ склоненъ руководиться именно тѣмъ, что имѣетъ свое обоснованіе въ природѣ, что, стало-быть, представляетъ собою законъ природы и поэтому по природѣ правильно или же представляется «естественно-справедливымъ»?

Въ самомъ дѣлѣ, противъ существующаго врядъ ли имѣлось болѣе острое оружіе, чѣмъ то заявленіе, въ которомъ формулировалъ эту точку зрѣнія Гиппій: «узаконеніе, этотъ тиранъ людей, зачастую насилуетъ насъ противъ природы» [14]).

И чего только нельзя было выдавать за естественную справедливость, за требованіе природы при многозначности понятія «природа»!

Подъ эту формулу можно было подвести рѣшительно все, не соотвѣтствовавшее въ существующемъ строѣ пламеннымъ стремленіямъ и желаніямъ человѣческаго сердца! Какъ аристократизмъ сильныхъ, такъ и устраняющее всякія различія, обусловливаемыя рожденіемъ, состояніемъ, образованіемъ, стремленіе пролетарія къ равенству находили свое обоснованіе въ естественномъ правѣ, въ абсолютномъ правѣ, состоявшемъ выше всего, исторически сложившагося. Если возвѣщалось, что естественное право сильныхъ въ обществѣ заключается въ томъ, что, собственно говоря, стояніе болѣе слабыхъ и мелкаго люда принадлежитъ имъ, и что слабые должны довольствоваться тѣмъ, что имъ оставляютъ сильные [15]), то вѣдь и наоборотъ, бѣдные и обездоленные могли вполнѣ послѣдовательно сказать: разъ мы создаемъ, объединяясь, силу, которою мы не обладаемъ въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, то почему бы намъ не принудить къ такому же отказу экономически сильнѣйшихъ, но численно гораздо слабѣйшихъ?

Мы можемъ еще отчетливѣе прослѣдить, какъ для становившейся все болѣе и болѣе революціонною соціальной теоріи въ этомъ духовномъ процессѣ разложенія послѣдовательно улетучивались одинъ за другимъ элементы существующаго общественнаго строя. Прежде всего критическое сознаніе возвышается надъ всѣми «искусственными» соціальными различеніями, вызывающими возникновеніе непреодолимой преграды между людьми, независимо отъ ихъ личной цѣнности. «Его позоритъ наименованіе—говорится у Еврипида о незаконнорожденномъ,—природа одинакова».—«Раба позоритъ лишь наименованіе; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ благородный служитель ничѣмъ не уступаетъ свободному человѣку» [16]). «Земля произвела всѣхъ своихъ дѣтей, надѣливъ ихъ одинаковымъ обликомъ. Лишь съ теченіемъ времени, благодаря узаконеніямъ, возникло различіе между высокимъ и низкимъ» [17]). Затѣмъ естественнымъ выводомъ изъ этой точки зрѣнія является требованіе упраздненія этихъ различій вообще и возвращенія къ равенству, котораго требуютъ природа и естественное право.

Такъ, извѣстный уже намъ въ качествѣ сторонника теоріи договора софистъ Ликофронъ отрицалъ правомѣрность существованія знати [18]), и Алкидамантъ и другіе представители философіи, постулировавшей естественное состояніе, требовали уничтоженія рабства. «Божество—говоритъ послѣдній—сдѣлало всѣхъ свободными. Природа никого не создала невольникомъ» [19]).—«Осуществленіе подобнаго господскаго права противорѣчитъ природѣ. Вѣдь лишь благодаря узаконеніямъ, одинъ человѣкъ не свободенъ, а другой свободенъ. Природнаго различія не существуетъ. Итакъ, все это отношеніе основано не на справедливости, а на силѣ» [20]). Даже и святость семейнаго очага не можетъ устоять противъ всесильной критики. На сценѣ, понятно, и въ данномъ случаѣ отражавшей уже существовавшія теченія, безъ всякаго стѣсненія подвергается критикѣ основа домашняго порядка, бракъ, и обсуждается вопросъ о допустимости многоженства и даже общности женщинъ [21]).

Развѣ могло понятіе «священнаго» (ὅσιον) вообще импонировать этой критикѣ, коль скоро его охранители, сами боги, не могли отстоять свое существованіе предъ критическимъ сознаніемъ [22])? Выражалось мнѣніе, что боги придумачы умными людьми для того, чтобы побудить массы къ нравственнымъ поступкамъ и, такимъ образомъ, оградить общественный порядокъ отъ анархіи [23]). Но что значила эта оборона при разнузданныхъ страстяхъ алчной черни, хваставшейся силой кулаковъ?

Стоитъ лишь припомнить циническое замѣчаніе, вкладываемое величайшимъ

сердцевѣдомъ своего народа, Θукидидомъ, въ уста представителямъ аѳинскаго демоса! Всякая ссылка на будто бы высшее божественное право, въ противоположность естественному праву, отвергается какъ старомодная ограниченность. Рѣшающее значеніе имѣетъ здравый смыслъ (ὁ ἀνθρώπειος λόγος), который никогда не признавалъ и не будетъ признавать такого рода объективныхъ стѣсненій стремленія къ выгодѣ и къ наслажденію! Если кто-нибудь не признаетъ раціонально «пользы» критеріемъ всѣхъ поступковъ, то это свидѣтельствуетъ о «сентиментальномъ неразуміи» [24]).

Но кто же рѣшаетъ, въ чемъ заключается общественная польза? Всеобщее, равное голосованіе, имѣющее полное право во всякій моментъ опредѣлить ее такъ или иначе. Благодаря этому, все общество и его достояніе стали чѣмъ-то проблематическимъ. «Теперь индивидууму, смотря по занимаемому имъ положенію, предстояло рѣшать въ своей душѣ, желаетъ ли онъ еще признавать для своего города существующій порядокъ или нѣтъ» [25]).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ этотъ вопросъ рѣшался въ полныхъ ненависти и зависти сердцахъ пролетаріевъ. Вышеуказанное міровоззрѣніе и жизнепониманіе буржуазнаго просвѣщенія обращались, при приспособленіи ихъ къ пролетарскимъ интересамъ, въ орудіе противъ самой буржуазіи. Вѣдь, содержавшійся въ нихъ революціонный элементъ слишкомъ благопріятствовалъ вытѣсненію существующихъ авторитетовъ изъ всѣхъ сферъ ихъ господства. А если религія должна была служить опорою порядка, то революція неизбѣжно должна была зачастую принимать антирелигіозный оттѣнокъ.

Поэтому кощунственныя насмѣшки выводимыхъ Аристофаномъ коммунистическихъ пролетаріевъ надъ богами, несомнѣнно подлинны и представляютъ собой отголосокъ дѣйствительности. «Думаешь ты,—говоритъ въ комедіи, въ которой изображаются коммунисты, одинъ изъ гражданъ, выступающихъ въ тотъ моментъ, когда надлежало приступить къ дѣлежу,—«думаешь ты, что кто-нибудь захочетъ выдать свое имущество»?

«... Нѣтъ, нашъ обычай не таковъ!
Только брать нужно; вѣдь это всегда дѣлаютъ и боги!
Ты можешь убѣдиться въ этомъ по положенію рукъ у ихъ статуй.
Коль скоро мы просимъ, чтобы они дали намъ что-нибудь хорошее,
Они стоятъ и простираютъ отверстыя руки,
Какъ-будто они хотятъ не дать, а получить что-нибудь» [26])!

Развѣ могло устоять уже издревле поколебленное въ Элладѣ вѣрованіе въ правомѣрность существовавшаго экономическаго строя противъ этой воли, направленной на то, чтобы «брать» и ея «соотвѣтствовавшихъ естественному праву» притязаній? Что значило для пролетарія все остальное, по сравненію съ этой силой, безпрестанно порождающей неравенство и зависимость и обрекавшей его на муки Тантала, предъ которымъ изсякаетъ вода и отклоняется назадъ плодовое дерево? И почему пролетаріатъ демократическихъ торговыхъ республикъ не долженъ былъ продумать до конца ту проникавшую во всѣ общественныя сферы мысль объ уравненіи и нивелированіи, которую фактически продумали до конца столѣтія до него при гораздо менѣе развитыхъ отношеніяхъ соціалистическіе сельскіе рабочіе Аттики? Если уже въ этой начальной стадіи соціальнаго движенія сельскій рабочій увлекался мыслью о томъ, что землевладѣльцу придется, подобно ему, приняться за паханіе, то, навѣрное, при высокомъ развитіи демократіи, пролетаріи, наемные рабочіе, мелкіе ремесленники и арендаторы довольно часто были не менѣе радикально настроены относительно капиталистовъ и работодателей! Какое раздражаю-

щее дѣйствіе должно было оказывать уже убѣжденіе въ томъ, что бѣднякъ нуждается не вслѣдствіе дѣйствія данной въ природѣ причины, т.-е. вслѣдствіе недостаточности количества вообще имѣвшихся средствъ для удовлетворенія потребностей, но потому, что произвольныя человѣческія учрежденія препятствуютъ ему завладѣть ими!

Если даже умозрѣніе представителей имущихъ и образованныхъ классовъ пришло къ тому выводу, что лишь недостатки въ общественномъ строѣ причиняютъ всякія экономическія и моральныя бѣдствія, и что требуется лишь исправленіе этихъ недостатковъ для водворенія всеобщаго блаженства, то развѣ могли бѣдные и несчастные не проникнуться этой вѣрой и этой надеждой?

Это настроеніе было тѣмъ опаснѣе, что, вѣдь, въ данномъ случаѣ дѣло шло о возмущеніи не только чувственнаго вожделѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нравственной мысли! Въ эпоху, пріученную къ критикѣ, порядокъ вещей, порождавшій въ однихъ случаяхъ расточительное излишество, а въ другихъ—голодную нищету, долженъ былъ въ высшей степени глубоко волновать какъ народное чувство, такъ и разсудочное мышленіе. Въ этомъ заключается одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ періодъ вполнѣ развитаго капитализма сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и эпохой соціализма въ греческой исторіи.

И въ самомъ дѣлѣ, разъ къ дѣйствительности прилагать критерій «раціональности» и «справедливости», нельзя было дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, какимъ образомъ можно было бы оправдать вышеуказанную несоразмѣрность.

И развѣ можно было въ странѣ абстрактнаго мышленія, въ которой именно соціальная теорія проявляла несравненную смѣлость въ дѣлѣ устраненія границъ, отдѣляющихъ идею отъ дѣйствительности, успокоиться на признаніи того, что именно критерій раціональности неприложимъ къ дѣйствительности, что ирраціональный элементъ въ природѣ и въ человѣческой жизни слишкомъ часто оказывается силою, непреодолимою даже и для отважнѣйшаго паренія мысли, что онъ играетъ роль трагическаго рока въ человѣческомъ существованіи, и что его дѣйствіе можетъ быть смягчено и ослаблено, но отнюдь не совершенно устранено какими бы то ни было разсужденіями!

Тотъ же Аристофанъ нашелъ подходящее выраженіе и для той формы, которую принимала критика существующаго съ точки зрѣнія «естественной справедливости». Слова провозвѣстницы государства будущаго въ комедіи, изображающей коммунистовъ:

«..... не слѣдуетъ, чтобы одинъ былъ богачомъ, а другой нищимъ,
Чтобы одинъ владѣлъ множествомъ полей, между тѣмъ какъ у другого нѣтъ даже мѣста для погребенія,
Чтобы одному служила армія рабовъ, между тѣмъ какъ у другого нѣтъ ни одного слуги» [27])

вылились изъ глубины пролетарской души.

И въ основѣ комедіи о богатствѣ (Плутосъ) лежитъ именно та мысль, что господствующей при распредѣленіи благъ слѣпой игрѣ случая долженъ быть положенъ конецъ. Слѣпой богъ, Плутосъ, долженъ сдѣлаться зрячимъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ получить возможность взять на себя роль распредѣлительной справедливости.

«Вѣдь—такъ разсуждаетъ въ пьесѣ бѣднякъ въ спорѣ съ «Бѣдностью»—
Кому не должно, въ концѣ концовъ, показаться безсмысленнымъ и безумнымъ
То, какъ теперь складывается человѣческая жизнь для всѣхъ насъ?
Вѣдь многіе, будучи въ дѣйствительности негодями, богаты и наслаждаются достаткомъ.

Который они скопили неправымъ путемъ, а хорошіе и лучшіе люди
Терпятъ нужду, питаются скудно и почти всегда пребываютъ съ т о[б о ю («Бѣдностью»).
Итакъ, я утверждаю, что, разъ твоя пѣсня будетъ спѣта, разъ Богатство прозритъ,
Тотъ, кто нашелъ путь, ведущій къ этому,—приноситъ людямъ драгоцѣннѣйшій даръ» [28]).

Особенно неподдѣльно въ этой точкѣ зрѣнія противоположеніе сердечной доброты бѣдняковъ и гнусности богачей, вслѣдствіе свойственной имъ злонамѣренности, конечно, не желающихъ признать неразумности этого положенія вещей и—въ этомъ заключается молчаливо подразумѣваемая предпосылка—препятствующихъ осуществленію принципа справедливости, которое обезпечило бы наступленіе эры всеобщаго счастья.

Какъ характерно въ этомъ отношеніи заявленіе прозрѣвшаго бога:

«Я же стыжусь моего злосчастья;
Среди какихъ людей я вращался!
А тѣхъ, которые были достойны о б щ е н і я со мной,
Я избѣгалъ, не отдавая себѣ отчета—о я несчастный!—
Въ томъ, что я въ обоихъ случаяхъ поступалъ неправильно.
Н о, с о в е р ш е н н о и з м ѣ н я я в с е э т о,
Я отнынѣ намѣренъ доказать всѣмъ смертнымъ,
Что я отдавался плохимъ людямъ противъ желанія» [29]).

Въ комедіи объ излѣченномъ отъ слѣпоты богѣ богатства отражается еще и другое народное воззрѣніе. Это—извѣстный самообманъ наивно жаднаго человѣка, тотчасъ полагающаго при видѣ массы денегъ или запасовъ, что богатство должно быть раздѣлено, и что этотъ дѣлежъ обогатитъ всѣхъ. При этомъ данное лицо думаетъ только о себѣ, не принимая въ соображеніе, что всегда оказывается на лицо безконечно большее количество жадныхъ рукъ, чѣмъ доступныхъ цѣнностей. Этимъ объясняется и безпрестанно повторяющаяся въ исторіи соціализма иллюзія, будто власть, которая стала бы сознательно дѣйствовать въ смыслѣ распредѣлительной справедливости, смогла бы безконечно увеличить благосостояніе людей; безумная мечта, будто въ этомъ мірѣ имѣется какъ бы неисчерпаемая масса богатствъ, которыя лишь несправедливо и неравномѣрно распредѣлялись до сихъ поръ, и что поэтому требуется лишь устранить эту несправедливость и это неравенство, чтобы искоренить нужду и нищету, чтобы «с о в е р ш е н н о у н и ч т о ж и т ь б ѣ д н о с т ь» [30]).

«Вы будете пріятно проводить время,
Избавившись отъ тяжелой жизни, полной лишеній» [31]).

Это мечта, предаваться которой никогда не перестанутъ бѣдняки и алчущіе!

И притомъ уже тогда подобное настроеніе вовсе не представлялось чѣмъ-то спорадическимъ и безобиднымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, страстность той полемики, которая ведется противъ нихъ въ пьесѣ, и обстоятельныя разсужденія относительно преимуществъ бѣдности и богатства и опасностей соціально-экономическаго уравненія. Недовольные существующимъ характеризуются какъ легковѣрные мечтатели и болтуны, какъ безумцы и сумасшедшіе. Противъ ихъ рѣчей приводится слѣдующее возраженіе [32]):

«Если случится то, чего вы оба требуете, это не будетъ вамъ въ пользу.
Вѣдь если Богатство снова прозритъ и раздѣлитъ себя п о р о в н у н а в с ѣ х ъ,
Никто изъ людей не захочетъ заниматься ни искусствами, ни наукою,
А разъ то и другое исчезнетъ, благодаря вамъ, изъ жизни людей, то кто же захочетъ
Ковать желѣзо, строить корабли, изготовлять экипажи, шить башмаки и платья,
Дубить кожу, красить, тесать каменья, плотничать и стирать,
Или, разсѣкая плугомъ землю, добывать полевые плоды.
Тогда вѣдь всякій можетъ жить праздно и не думать обо всемъ этомъ».

То-есть, если исчезнетъ стимулъ нужды, пострадаютъ интересы производства. Конечно, для древняго пролетарія этотъ аргументъ не былъ непреодолимъ! Вѣдь и въ данномъ случаѣ повторяется то же возраженіе, которое мы уже встрѣчали въ комедіи, изображающей государство будущаго [33]).

«Пусть все это дѣлаютъ рабы».

Но развѣ результатомъ всеобщаго уравненія окажется всеобщій достатокъ, а не всеобщая бѣдность? И если да, то какимъ образомъ сложилось бы тогда положеніе общества?

И этотъ вопросъ обсуждался на сценѣ, не сохранившейся, къ сожалѣнію, въ драмѣ [34]), въ которой, очевидно, было отведено много мѣста обсужденію вопроса о бѣдности и богатствѣ, Еврипидъ возражалъ людямъ, грезившимъ о равенствѣ: если бы исчезли имущественныя различія, то общество лишилось бы того благодѣтельнаго «смѣшенія», которое столь важно для общаго благополучія. Если бы не существовало никакихъ различій, то не могло бы быть и рѣчи ни о разграниченіи между благороднымъ и низкимъ, ни объ отношеніи взаимнаго благотворнаго дополненія другъ къ другу, существующемъ въ нынѣшнемъ обществѣ между высшимъ и низшимъ классами.

Эта аргументація затрогиваетъ центральный пунктъ даннаго вопроса въ его цѣломъ. Культура, въ самомъ дѣлѣ, нуждается въ благородномъ элементѣ, т.-е. въ такихъ индивидуумахъ, внутреннее развитіе которыхъ тоньше, сложнѣе, выше развитія массы, и которые поэтому имѣютъ и вполнѣ обоснованное право на иную форму образа жизни, на иного рода наслажденія и трудъ, чѣмъ тѣ, которые свойственны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ достаточны для болѣе простыхъ и грубыхъ, менѣе дифференцированныхъ натуръ. Вѣдь безъ возможности возвышенія надъ среднимъ уровнемъ житейскаго положенія массы, безъ средствъ для утонченнаго образа жизни, по существу дѣла, немыслимы были бы одухотвореніе, обогащеніе и выработка индивидуальностей, а, стало-быть, и требуемое общими интересами полное развитіе цѣнностей, таящихся въ человѣческомъ существѣ.

Этого и не упускала изъ виду демократія въ лучшую пору своего развитія и въ лицѣ своихъ благороднѣйшихъ представителей. Она устранила искусственныя преграды сословнаго и плутократическаго государства не для того, чтобы вызвать всеобщее уравненіе, но для того, чтобы основать правовой порядокъ, долженствовавшій именно доставить при свободномъ соперничествѣ изъ-за благъ жизни возможность достигнуть высшаго развитія выдающимся силамъ. Периклова надгробная рѣчь усматриваетъ достославную заслугу демократіи именно въ томъ, что при ней личная энергія, интеллигентность и талантливость въ состояніи «избѣжать бѣдности», и неиспользованіе этой возможности считается чѣмъ-то позорнымъ [35])!

Итакъ, основной принципъ либерализма буржуазной демократіи заключается прямо-таки въ томъ, что различіе выполняемыхъ индивидуумами функцій должно опредѣлять собою степень пользованія житейскими благами. Демократическая свобода должна именно доставить духовнымъ дарованіямъ и энергіи возможность успѣшно вліять на распредѣленіе благъ. Итакъ, въ данномъ случаѣ соціальное и экономическое неравенство, по крайней мѣрѣ, поскольку оно оказывается результатомъ различія духовныхъ и моральныхъ задатковъ разныхъ индивидуумовъ, является необходимымъ дополненіемъ къ гражданской свободѣ [36]).

Однако, и тогда, какъ въ настоящее время, для либерализма было фатально то обстоятельство, что, отстаивая дифференцированіе общества путемъ наивозможно болѣе интенсивнаго развитія, оживленія и повышенія индивидуальности и, слѣдо-

вательно, являясь выразителемъ идеальныхъ культурныхъ интересовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ способствовать такому экстенсивному и интенсивному усиленію массовой жизни и массовыхъ дѣйствій, что и относительно этого основного вопроса очень скоро возникъ [37]) оживленный конфликтъ мнѣній и чувствъ среди самой демократіи. Вѣдь вышеуказанное освобожденіе личности буржуазнымъ либерализмомъ представляло собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, и культурное дѣло, симптомъ развитія духовнаго элемента въ культурѣ и, слѣдовательно, прежде всего въ смыслѣ тѣхъ, въ комъ оказывался активнымъ именно этотъ элементъ. Но соотвѣтствуетъ ли оно въ той же степени и тѣмъ воззрѣніямъ и чувствамъ, которыя коренятся въ болѣе глубокихъ слояхъ человѣческаго сознанія и поэтому, по существу дѣла, оказываются массовыми воззрѣніями и массовыми чувствами?

Вѣдь жизнь массы, призванной демократіей на историческую арену, всего менѣе приспособлена къ энергическому и оригинальному развитію и отстаиванію индивидуальной личности. Это—жизнь по существу дѣла коллективная, всѣ тенденціи которой клонятся къ подчиненію индивидуума ея соціализирующимъ и нивелирующимъ вліяніямъ, къ наивящшему обращенію индивидуума въ экземпляръ рода. «Индивидуумъ исчезаетъ, возникаетъ товарищъ». Эти слова всегда оказываются вѣрными тамъ, гдѣ скопляется масса, и гдѣ, благодаря общимъ экономическимъ и политическимъ условіямъ, усиливается ея способность къ дѣйствіямъ, къ тѣсному сплоченію и къ крупнымъ массовымъ движеніямъ. И какой непримиримый контрастъ возникалъ между кульминаціоннымъ пунктомъ индивидуальной жизни на одухотворенной высотѣ развитой культуры и той безхарактерной толпой, которая все увеличивалась по мѣрѣ скопленія населенія въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, той чернью, которая, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собой «складъ матеріаловъ для массоваго движенія»!

Поэтому въ демократіи масса еще болѣе руководится идеей равенства, чѣмъ идеей свободы, причемъ она, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, проводитъ эту идею до крайнихъ выводовъ изъ нея со всею грубостью, свойственною массовымъ инстинктамъ. Вѣдь примиреніе между гражданскимъ принципомъ свободы и идеей равенства массы принципіально невозможно, такъ какъ свободное развитіе индивидуумовъ необходимо порождаетъ неравенство [38]).

Чѣмъ большее значеніе для общественной жизни получали массовые инстинкты и приводящій къ огрубѣнію массовый духъ, тѣмъ въ большей степени въ демократіи выступали на первый планъ элементы, отличавшіеся инстинктивной антипатіей ко всему тому, что не принадлежало къ тому же самому слою, что выдѣлялось интеллигентностью и характеромъ надъ уровнемъ посредственности. Аристотелю именно въ демократическомъ государствѣ пришлось констатировать, что «благовоспитанность и образованіе вызываютъ недоброжелательность» [39]). И уже Ѳукидидъ классически выразилъ это въ рѣчи, вкладываемой имъ въ уста Клеону, типичному представителю массы. Въ этой рѣчи прямо-таки провозглашается въ качествѣ принципіальнаго постулата, что государственное благо должно быть ввѣряемо людямъ необразованнымъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ оно вѣрнѣе обезпечено, чѣмъ въ рукахъ людей образованныхъ [40])! Эту точку зрѣнія осмѣялъ, какъ извѣстно, со свойственною ему рѣзкостью Аристофанъ во «Всадникахъ».

Вожаками народа—говорится тамъ—отнынѣ не должны быть люди образованные, съ твердымъ характеромъ. Слѣдуетъ быть невѣжественнымъ и подлымъ [41]). На сторонѣ колбасника оказываются столь значительные шансы на то, чтобы составить себѣ политическую карьеру именно потому, что онъ не принадлежитъ къ числу джентльменовъ [42]). Знанія лишь вредятъ [43])! «Ты именно потому ста-

нешь великимъ человѣкомъ, что ты подлъ, наглъ и площаденъ» [44]). Несмотря на каррикатурное преувеличеніе, котораго мы, конечно, не упускаемъ изъ виду, и въ данномъ случаѣ все-таки въ насмѣшкѣ кроется глубокій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ вѣрно, что аристократіи развитія и культурности приходится все болѣе и болѣе стушевываться предъ нивелирующей тенденціей массовой демократіи. «Низкое приподымается, возвышенное понижается». Периклъ—Клеонъ! Эти имена навѣки символизируютъ роковой поворотъ.

«Образованные люди, — говорится въ одной характеристикѣ настроенія, относящейся къ Сиракузамъ, — которые были бы въ состояніи своею дѣльностью служить общественнымъ интересамъ, держались въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ и удалялись въ сферу чисто-личной жизни, между тѣмъ какъ государство обратилось въ арену, на которой выступали наихудшіе и наиболѣе наглые элементы» [45]). Къ этой стадіи развитія греческой демократіи примѣнимы слова Гете, имѣвшаго въ виду демократическія уравнительныя тенденціи XIX вѣка, объ ужасныхъ знаменіяхъ времени, когда «смутныя желанія найдутъ удовлетвореніе, лишь коль скоро исчезнутъ всякія различія, и всѣ мы, смѣшавшись въ единомъ потокѣ, непримѣтно затеряемся въ океанѣ».

«Будучи равны въ одномъ отношеніи, а именно, поскольку дѣло идетъ о свободѣ, они полагаютъ, что, благодаря этому, они равны во всѣхъ отношеніяхъ» [46]). Ясно, что эта аргументація крайней демократіи устанавливаетъ для человѣческихъ дѣлъ новое мѣрило цѣнности, принципіально противоположное вышеуказанной основной мысли либерализма [47]). Качество теряетъ значеніе; оно не должно оказывать вліянія ни на тѣ требованія, которыя можетъ предъявлять тотъ или иной индивидуумъ, ни на оцѣнку его личности. Достоинство индивидуума должно основываться всецѣло и исключительно на его принадлежности къ числу гражданъ; ни болѣе высокія дарованія, ни болѣе высокое качество сдѣланнаго кѣмъ-либо не должны обусловливать существеннаго различія. Это—какъ было правильно констатировано — новая форма борьбы рода противъ возвышающагося надъ общимъ уровнемъ индивидуума.

Но если родовые признаки, или скорѣе поскольку эта мысль ограничивалась кругомъ гражданъ даннаго государства, видовой признакъ, принадлежность къ числу гражданъ, должны обусловливать положеніе индивидуума въ гражданскомъ обществѣ, если индивидуумъ долженъ имѣть какое-либо значеніе по отношенію къ обществу лишь въ качествѣ экземпляра рода, то и порядки, существенно ограничивающіе сферу примѣненія этого принципа въ пользу выдающихся силъ, теряютъ свое внутреннее оправданіе. Если, съ другой стороны, чувство равенства порождаетъ притязанія, осуществленіе которыхъ оказываться невозможнымъ благодаря существующему праву собственности, то, въ силу психической необходимости возникаетъ требованіе: право собственности должно сообразоваться съ этими притязаніями, условія жизни отдѣльныхъ гражданъ должны также стать однородными для того, чтобы никто уже не представлялъ собою чего-либо благодаря своему имуществу, и всѣ граждане могли въ самомъ дѣлѣ чувствовать себя равными. Съ этой точки зрѣнія ни аристократія богатства, ни аристократія образованія не имѣютъ права на привилегированное положеніе; за гражданскимъ равенствомъ должно послѣдовать равенство соціальное и экономическое, или, какъ формулируетъ эту мысль Аристофанъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и программа, уже выставленная древне-аттическимъ аграрнымъ соціализмомъ [48]), «на долю всѣхъ долженъ выпадать одинъ и тотъ же удѣлъ» [49]).—«Каждый долженъ получить одина-

ковую долю богатства міра»[50]). Это тотъ же принципъ, который возвѣщается, напр., въ извѣстномъ заявленіи противъ собственниковъ въ «Другѣ народа» Марата: «равенство правъ ведетъ къ равенству житейскихъ наслажденій, и мысль можетъ успокоиться лишь на этой основѣ». Неравенство должно быть поражено въ своей послѣдней точкѣ опоры: въ имущественномъ неравенствѣ.

Относительно этой эволюціи соціалъ-демократической мысли, какъ массоваго явленія, конечно, можно сказать, что она является выводомъ изъ извѣстныхъ заблужденій если и не либерализма, какъ такового, то того крайняго либерализма, носителемъ котораго былъ демосъ въ «чистомъ» демократическомъ государствѣ. Можно сказать, что въ извѣстномъ отношеніи это государство представляетъ собой классическое воплощеніе тѣхъ идей, въ качествѣ представителя которыхъ въ новое время можно назвать хотя бы, напр., Бентама. Государственный строй былъ таковъ, что власть правящихъ была какъ нельзя болѣе мала, а ихъ зависимость отъ массы какъ нельзя болѣе велика. Общество и государство представляютъ собой лишь сумму правящихъ и управляемыхъ. Управлять, согласно разуму и праву, должно было большинство; меньшее число должно было уступать большему. Движущимъ стимуломъ и конечной цѣлью всей системы является наивозможно большее счастье наивозможно большаго числа людей. А для индивидуума это счастье слагается совершенно въ духѣ ученія Бентама—главнымъ образомъ, изъ его наслажденій, допускающихъ денежную оцѣнку. Въ самомъ ли дѣлѣ былъ такъ значителенъ переходъ отъ всего этого къ частичному дальнѣйшему проведенію этихъ идей, причемъ античная демократія, какъ и новѣйшая, въ концѣ концовъ, дошла до идеи объ осуществленіи равномѣрнаго счастья всѣхъ путемъ установленія иного соціальнаго строя, такъ какъ при наличности существующаго строя оно оказывалось неосуществимымъ?

Культурный интересъ свободнаго прогрессивнаго развитія поглощается массовой идеей равенства и охлократическимъ естественнымъ правомъ; свойственная политической демократіи идея свободы поглощается радикальнымъ экономизмомъ соціальной демократіи. Въ данномъ случаѣ съ неограниченнымъ произволомъ рѣшаетъ логика алчной воли, которая—какъ показываетъ на сценѣ глубокій знатокъ народной психики—принципіально не соглашается съ аргументами представителей противоположныхъ интересовъ, хотя бы они и были тысячу разъ правы[51]). Ея неисправимый догматизмъ не можетъ и не хочетъ признать, что вообще возможенъ иной взглядъ на вещи.

Къ тому же вѣдь и въ данномъ случаѣ у многихъ опять-таки игралъ роль этическій моментъ: негодованіе честнаго труженика противъ плутократическаго важничанія тунеядцевъ, «трутней», доходившее, какъ мы уже видѣли, до убѣжденія, что вообще несправедливо, если одинъ гражданинъ живетъ «на счетъ другого», себѣ подобнаго, и что естественной справедливости соотвѣтствуетъ лишь такой порядокъ, при которомъ каждый живетъ «самостоятельно», т.-е. трудами рукъ своихъ»[52]). Конечно, изъ этого убѣжденія должно было вытекать отрицательное отношеніе къ капиталистической организаціи общества, какъ къ грубому нарушенію свободы и равенства.

Эта эволюція не покажется изумительной, если мы припомнимъ, какъ далеко заходилъ, непомѣрно расширяя примѣненіе принципа равенства и справедливости въ экономической сферѣ, уже и буржуазный соціализмъ, типичное выраженіе котораго мы нашли въ памфлетѣ о государственно-соціалистической реорганизаціи завѣдыванія аѳинскими финансами[53]).

Въ самомъ дѣлѣ, требовалось лишь послѣдовательно проводить далѣе уже полу-

чившіе здѣсь признаніе принципы, чтобы, въ концѣ концовъ, дойти до такого пункта, гдѣ конфликтъ съ существующимъ общественнымъ строемъ становился неизбѣжнымъ.

Вышеупомянутый доктринерскій государственный соціализмъ, а до извѣстной степени и государственно-соціалистическая практика демократіи клонились къ обращенію государства и въ экономическомъ отношеніи въ общее достояніе, въ одинаково полезное для всѣхъ гражданъ государства орудіе поддержанія жизни. Развѣ могло—въ соціальной атмосферѣ города-государства —мышленіе, увлекавшееся призракомъ радикальнаго улучшенія міра, не выставить и дальнѣйшаго требованія: «государство должно устранить и несовмѣстимое съ нашимъ идеаломъ свободы и равенства неравенство содержанія жизни. Вѣдь та цѣль, къ достиженію которой всѣ мы стремимся въ государственномъ общежитіи, заключается не въ одномъ только поддержаніи, а и въ наивозможно большемъ усовершенствованіи и украшеніи жизни [54]). Государство же, признающее всѣхъ своихъ гражданъ равноцѣнными, должно способствовать всѣмъ имъ въ дѣлѣ достиженія этой цѣли, должно сдѣлать въ одинаковой степени доступными всѣмъ имъ внѣшнія матеріальныя вспомогательныя средства, составляющія основное условіе такого личнаго счастья и преуспѣянія». Въ самомъ дѣлѣ, разъ наступилъ переходъ отъ политической демократіи къ соціальной, неизбѣжна была эта эволюція, приводившая къ радикализму со все болѣе и болѣе сильнымъ коммунистическимъ или коллективистическимъ оттѣнкомъ. Провозглашеніе всеобщаго счастья, гармоническое удовлетвореніе «правомѣрныхъ интересовъ всѣхъ», переходъ отъ юридическаго равенства къ фактическому— все это съ психологической необходимостью вытекало одно изъ другого. Если вообще можно было разрѣшить противорѣчіе между радикальнымъ принципомъ равенства демократіи и несовмѣстимой съ равенствомъ эволюціей общества, то для этого не существовало иного пути.

Это ясно созналъ и высказалъ уже Аристотель. По его мнѣнію, радикальная демократія (ἡ τελευταία δημοκρατία) и всякій государственный дѣятель, желающій въ самомъ дѣлѣ осуществить ее (ὁ ἀληθινῶς δημοτικός), должны быть соціальными. Они должны, пользуясь общественными средствами, сдѣлать неимущихъ рабочихъ экономически самостоятельными, доставить массѣ народа прочное благосостояніе [55]). Въ теоріи Аристотель идетъ даже еще дальше и полагаетъ, что если граждане государства въ самомъ дѣлѣ равны, какъ утверждаетъ демократія, то справедливость требуетъ наивозможно болѣе равномѣрнаго удовлетворенія государствомъ ихъ стремленія къ счастью. Государство должно равномѣрно распредѣлить между всѣми внѣшній матеріальный субстратъ человѣческаго счастья, богатство, и, такимъ образомъ, разъ навсегда положить конецъ всѣмъ классовымъ противоположностямъ, всякому имущественному неравенству и неравномѣрному распредѣленію дохода [56]). Поэтому въ той идеальной демократіи, которую Аристотель изображаетъ въ своемъ «наилучшемъ» государствѣ, граждане которой въ самомъ дѣлѣ равноцѣнны, вполнѣ осуществлены всѣ эти крайніе соціально-экономическіе выводы изъ демократическаго принципа равенства и свободы.

Правда, Аристотель вынужденъ отрицать моральное право существующей демократіи на подобное радикальное уравненіе, такъ какъ она, какъ онъ основательно замѣчаетъ, не выполняетъ какъ-разъ вышеуказанной предпосылки, потому что утверждаемое ею равенство всѣхъ ея членовъ оказывается иллюзіей. Но кто же могъ бы хотя на минуту усомниться въ томъ, что и соціалъ-демократическое направленіе мысли, стоявшее на почвѣ исторической демократіи, несмотря на протестъ, исходившій изъ Ликея, сдѣлало для собственнаго обихода тѣ же самые

выводы изъ принципа равенства, разъ оно исходило какъ-разъ изъ той же самой—а именно идеологической—предпосылки, изъ абстрактной идеи равенства? Если чистая демократія предполагала равенство, котораго въ дѣйствительности вовсе не существовало, то въ этомъ заключалось противорѣчіе, съ психологической необходимостью требовавшее разрѣшенія и неизбѣжно вызывавшее борьбу противъ общественнаго неравенства.

Итакъ, изображая свободное демократическое государство будущаго, въ которомъ каждому обезпечивается идеалъ одинаковой доли, равенства содержанія жизни, Аристофанъ лишь формулировалъ выводъ, къ которому, въ концѣ концовъ, неизбѣжно должно было придти фактически существовавшее направленіе мысли. Разъ демократія въ самомъ дѣлѣ и взаправду должна была стать царствомъ свободы и равенства, братства и справедливости, за которое она себя выдавала, она должна была и оказаться въ состояніи расковать цѣпи, которыми гнетъ матеріальной экономической жизни задерживаетъ стремящіеся выбиться изъ своего положенія элементы. Она должна была оказаться въ состояніи преодолѣть ограниченія, которыми этотъ гнетъ стѣснялъ жизнь гражданина, дабы всѣ ея чада могли обрѣсть путь къ свѣту, воздуху и свободѣ!

4. Позитивныя идеи соціальнаго переустройства.

Конечно, при полной неудовлетворительности нашей традиціи, не имѣется достаточныхъ свидѣтельствъ относительно того, какіе положительные планы возникали въ результатѣ всѣхъ этихъ мыслей и вожделѣній среди потрясеннаго въ своихъ основахъ общества, въ какихъ утопическихъ картинахъ будущаго рисовалось отрѣшившимся отъ существующаго строя кругамъ осуществленіе пролетарской идеи свободы и равенства среди людей. Впрочемъ, вѣдь даже и соціалъ-демократія новаго времени еще не была въ состояніи формулировать и въ деталяхъ ясно и отчетливо намѣченную цѣль своихъ стремленій. И весьма проблематично, выяснили ли себѣ древніе фанатики равенства по существу дѣла отчетливѣй отдѣльные экономическіе элементы своего идеала, хотя въ тѣсномъ и обозримомъ кругу города-государства было несравненно легче выработать этотъ идеалъ, чѣмъ при наличности условій, данныхъ въ большихъ государствахъ и въ міровомъ хозяйствѣ новаго времени.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что спекулятивное стремленіе греческаго духа къ совершенству и окрылявшіе въ данномъ случаѣ фантазію стимулы, коренившіеся въ глубинѣ народной психики, жадное вожделѣніе ненасытнаго эгоизма, а, съ другой стороны, честное озлобленіе эксплуатируемыхъ и несчастныхъ, вызываемое дѣйствительными или мнимыми соціальными несправедливостями, должны были порождать, по крайней мѣрѣ, столь же высокопарныя идеи относительно общественнаго переворота и улучшенія міра, какъ и тѣ, которыя мы констатировали при разсмотрѣніи соціализма ученыхъ и литераторовъ. Вѣдь прожектерство чрезвычайно характерно для вышеуказаннаго основного настроенія радикальной демократіи. Поэтому великій сатирикъ изобразилъ на комической сценѣ и эту черту народной психики, положивъ ее въ основу одного изъ своихъ геніальнѣйшихъ произведеній: комедіи объ основаніи птичьяго государства, нефелококкигіи.

«Каждый—говорится въ классической характеристикѣ того настроенія, которое нашло свое поэтическое выраженіе въ этой прелестной фантазіи,—каждый,

которому не нравится дома, рисуетъ себѣ утопію на свой ладъ. Всякій оказывается реформаторомъ міра, героемъ, открывающимъ новую эру, дурачащимся на свой манеръ»! Конечно, при данныхъ свойствахъ греческаго народнаго характера, представители этого настроенія были многочисленны не только въ Аѳинахъ. Если относительно нѣмецкой духовной жизни было замѣчено, что внѣшнія препятствія для роста національнаго организма вызвали чрезмѣрное развитіе интимнаго міра мыслей и идеологіи, что отвлеченное созерцаніе дѣйствительности, склонность къ построенію міра, какимъ онъ долженъ былъ бы быть, и вѣрованіе въ то, что энергическое рѣшеніе достаточно для осуществленія этихъ мыслей, оказали нездоровое вліяніе на представленія всѣхъ слоевъ нѣмецкаго народа, то нѣчто аналогичное примѣнимо и къ греческому народу.

Герои аристофановской комедіи, эмигрирующіе, чтобы поискать лучшей доли, и при этомъ попадающіе въ царство птицъ, на высоты, вообще недосягаемыя для человѣка съ его горестями [1]), ненавистникъ аристократовъ «исполненный добрыхъ надеждъ» [2]) и его товарищъ «увлекающій друга своими совѣтами» [3]), «полный проектовъ и спекуляцій», представляютъ собой типичныя характерныя фигуры, въ которыхъ, хотя и въ карикатурно преувеличенномъ видѣ, отражаются подлинныя черты народнаго духа.

Сколь многіе задавались тогда тѣмъ же самымъ вопросомъ, съ которымъ товарищи обращаются къ удоду?

«Не можешь ли ты указать намъ благодатный городъ,
Гдѣ мы могли бы жить въ нѣгѣ, какъ подъ мягкимъ одѣяломъ» [4])?

И сколь многіе могли бы въ отвѣтъ на встрѣчный вопросъ:

«Въ какомъ же городѣ вы больше всего хотѣли бы жить»?» [5])—

сказать о своихъ мечтахъ то же, что Эвелпидъ замѣчаетъ о своемъ странствованіи въ поискахъ «блаженнаго города» [6]):

«Мы ищемъ безмятежнаго мѣстечка,
Гдѣ мы могли бы поселиться и мирно окончить наши дни»;

страны, гдѣ «человѣку можно жить безъ кошелька» [7]), гдѣ съ деньгами изъ жизни исчезла и «масса обмана и лживости» [8]), словамъ, гдѣ товарищамъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ житься лучше, чѣмъ въ дѣйствительно существовавшемъ государствѣ [9]).

Правда, общественный строй нефелококкигіи не изображается въ деталяхъ [10]). Но впослѣдствіи поэтъ пополняетъ этотъ пробѣлъ сатирою, посвященною соціально-политическому прожектерству въ комедіи, изображающей коммунистовъ. Онъ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду проекты «дѣлежа», распространяемые демагогами среди массы, и самъ приводитъ нѣсколько образчиковъ, которые, въ той ф о р м ѣ, въ которой онъ ихъ излагаетъ, конечно, принадлежатъ самому поэту, т.-е. должны быть разсматриваемы какъ юмористическая пародія. Можно, однако, констатировать, что они имѣютъ ту общую черту съ фактически происходившей травлей капиталистовъ, что и при этой послѣдней, въ качествѣ «простого и сильно дѣйствующаго средства, къ которому надлежало прибѣгнуть для избавленія отъ соціальныхъ недуговъ, рекомендовалось произвести раздѣлъ имуществъ, подвергнуть богачей кровопусканію, перелить принадлежавшій выскочкамъ и богатымъ спесивцамъ излишекъ въ малокровные организмы бѣдноты [11]).

Перенесемся мысленно въ народное собраніе, изображаемое въ комедіи

Аристофана [12])! Сперва выступаетъ ораторъ, которому криками не даютъ говорить:

«Послѣ его на трибуну взошелъ Эвайонъ, геніальная голова,
Совершенно раздѣтый, какъ показалось большинству;
По крайней мѣрѣ, онъ самъ говорилъ, что плаща у него нѣтъ.
Онъ произнесъ нижеслѣдующую, въ высшей степени демократическую рѣчь:
Вы видите, что я самъ нуждаюсь въ спасеніи,
И что все дѣло въ четырехъ статерахъ. Тѣмъ не менѣе, я скажу вамъ,
Какимъ образомъ вы можете спасти и государство и гражданъ.
Если вы, съ наступленіемъ зимы, заставите суконщиковъ
Дать по плащу каждому, у кого его нѣтъ,
Тогда отнынѣ никто изъ насъ не будетъ простужаться.
Пусть тѣ, у кого нѣтъ постели, одѣяла и шубы,
Идутъ ночевать къ скорнякамъ послѣ бани.
Если же кто-нибудь изъ скорняковъ откажется впустить ихъ къ себѣ зимою,
Пусть приговорятъ такого къ уплатѣ трехъ мѣховъ».

Въ отвѣтъ на это хорошо знакомый намъ Блепиръ замѣчаетъ:

«Клянусь Діонисомъ, это великолѣпно! И навѣрное никто
Не голосовалъ бы противъ него, если бы онъ прибавилъ еще,
Что мучные торговцы должны выдавать бѣднымъ
По три порціи хлѣба въ день, или имъ придется плохо.
Такимъ образомъ мы получили бы что-нибудь даже отъ Навсикида» [13]).

Было правильно замѣчено, что, если въ данномъ случаѣ по имени названъ опредѣленный крупный капиталистъ, на котораго имѣютъ въ виду возложить новаго рода литургію, то это до нѣкоторой степени напоминаетъ извѣстный анекдотъ, относящійся къ 1848 году, о томъ, какъ двое бродягъ явились къ Ротшильду для дѣлежа [14]). Подобнаго рода пролетарскій коммунизмъ, алчныя вожделѣнія котораго устремляются прямо на то, что ему нужнѣе всего въ данный моментъ, и противъ тѣхъ, кто владѣетъ этимъ, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствуетъ чисто народному чувству. Въ лежащей въ основѣ его иллюзіи также выражается фактически широко распространенная точка зрѣнія. Стоитъ вспомнить оптимистическіе проекты раздѣла, предлагаемые лидерамъ демократіи Аристотелемъ, и его предложеніе, чтобы собственники «распредѣлили между собой недостаточно удовлетворяемыхъ раздачей общественныхъ средствъ», чтобы сдѣлать ихъ экономически самостоятельными! Эта мысль несомнѣнно внушена убѣжденіемъ въ томъ, что такимъ путемъ въ самомъ дѣлѣ можно было бы искоренить бѣдность, и что немыслимо, чтобы пролетарій съ насмѣшкой отвергъ предлагаемое ему благополучіе, основанное на трудѣ!

Вѣдь это вѣрованіе встрѣчается въ совершенно аналогичной формѣ и въ христіанскомъ соціализмѣ! Укажу, напр., на утвержденіе Луки, что, благодаря самоотверженію собственниковъ, въ первоначальной, христіанской общинѣ совсѣмъ не было нуждающихся [15]), и на заявленіе великаго соціалиста проповѣдника Іоанна Златоуста, что пауперизмъ могъ бы быть искорененъ въ каждый моментъ, если бы только всѣ, имѣющіе больше необходимаго, распредѣляли между собою нуждающихся и взяли бы на себя группами призрѣніе отдѣльныхъ лицъ [16]).

Словомъ, все свидѣтельствуетъ о томъ, что аристофанова сатира на подобнаго рода проекты имѣла подъ собой весьма реальную подкладку. Столь же несомнѣнно и то, что расширеніе этихъ проектовъ, производимое у него провозвѣстницею государства будущаго, имѣло мѣсто не только въ душѣ поэта. Вѣдь переходъ отъ этого частичнаго коммунизма ко всеобъемлющему коммунизму, организующему всѣ

блага и всѣхъ индивидуумовъ въ единую великую общину, до такой степени вполнѣ естественень, что онъ, конечно, былъ совершаемъ послѣдовательными людьми уже и тогда подобно тому, какъ впослѣдствіи его совершилъ вышеупомянутый послѣдній великій греческій соціалистъ [17]).

Къ тому же самому выводу должны были приходить и люди, дѣлавшіе конечные выводы изъ притязаній, фактически предъявлявшихся соціальной демократіей. Это были старыя, встрѣчающіяся уже въ шестомъ вѣкѣ, но все чаще и со все большею страстностью формулируемыя въ пятомъ и въ четвертомъ вѣкахъ требованія кассированія долговъ (χρεῶν ἀποκοπή) и раздѣла земель (γῆς ἀναδασμός).

Конечно, въ основѣ этихъ требованій не всегда лежитъ коммунистическая или соціалистическая тенденція. При тяжкихъ кризисахъ, вытекавшихъ изъ природы хозяйства города-государства, и при часто несоразмѣрно высокомъ уровнѣ процента, конечно, могло случаться, что радикальное вмѣшательство въ кредитныя отношенія оказывалось необходимымъ подъ давленіемъ затруднительнаго экономическаго положенія. Въ этомъ случаѣ и требованіе должниковъ о томъ, чтобы съ нихъ не взыскивались долги, не имѣло непремѣнно анти-капиталистическаго характера [18]). Что же касается раздѣла земель, то часто онъ является лишь результатомъ конфискацій, представлявшихъ собою заурядное явленіе въ партійной борьбѣ грековъ, согласно принципу, гласившему, что имущество побѣжденныхъ принадлежитъ побѣдителю: иногда дѣло шло о вознагражденіи возвращавшихся изъ изгнанія гражданъ или о надѣленіи землей новыхъ гражданъ на счетъ стараго населенія и т. п. [19]).

Но не менѣе несомнѣнно и то, что оба эти требованія все болѣе и болѣе становились общераспространеннымъ пролетарски-антикапиталистическимъ лозунгомъ въ борьбѣ противъ бѣдности и богатства [20]). При этомъ имѣлось въ виду отдѣлаться уже не только отъ гнета, представлявшагося отяготительнымъ въ данный моментъ, но и отъ экономической зависимости, отъ капитала вообще. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о принципіальной борьбѣ противъ богатства, какъ врага свободы и равенства, установленіе которыхъ представлялось желательнымъ и въ экономической жизни, въ особенности же въ распредѣленіи земли, отъ обработки и утилизаціи которой вѣдь болѣе всего зависитъ благосостояніе народа. Особенно отчетливо обнаруживается эта тенденція въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ земель не ограничивается надѣленіемъ бѣдняковъ землею на счетъ собственниковъ или политическихъ противниковъ, но выставляется и осуществляется требованіе передѣла всей земельной собственности вообще. Въ такихъ случаяхъ мѣняются устои общества.

Это соціалъ-демократическое пониманіе раздѣла земель рѣзко и отчетливо формулируется въ заявленіи сиракузскаго демагога Гиппона, призвавшаго народъ къ передѣлу земель въ виду того, что «равенство (имущественное) означаетъ начало свободы, а бѣдность для неимущихъ означаетъ начало рабства» [21]).

Итакъ, замѣчаніе автора «теоретической соціальной экономики» [22]) относительно сенъ-симонизма и Л. Ф. Штейна, что у нихъ «значеніе, придаваемое соціальнымъ отношеніямъ зависимости, обусловливаемымъ имущественнымъ неравенствомъ, составляетъ основной пунктъ системы», примѣнимо уже и къ этой античной соціальной программѣ. Согласно вышеупомянутой соціальной экономикѣ, «лишь по осуществленіи принциповъ гражданской свободы и равенства въ новое время могло вполнѣ выясниться и найти научную формулировку все значеніе того факта, что «несвобода и неравенство будутъ существовать въ жизни общества до тѣхъ

поръ, пока будутъ существовать богатые и бѣдные» [23]). Аргументація вышеупомянутаго демагога свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ свободной гражданской атмосферѣ античнаго государства весьма живо чувствовался этотъ фактъ.

Эта аргументація принципіально не удовлетворяется политическимъ принципомъ свободы и равенства, формулированнымъ буржуазной демократіей и не затрогивающимъ вопроса о собственности. Она ставитъ вопросъ: какъ обстоитъ дѣло съ фактическимъ осуществленіемъ свободы и равенства при господствѣ собственности и при существующемъ экономическомъ строѣ? Сознаніе несовмѣстимости этого экономическаго строя съ желанными соціальными свободою и равенствомъ ведетъ къ принципіальному его отрицанію, къ требованію экономической эмансипаціи путемъ соціальнаго переворота и передѣла собственности, выражавшимся вѣдь не только въ раздѣлѣ земель, но и въ кассированіи долговъ.

«Часто—говоритъ Платонъ—пытаются установить извѣстное имущественное равенство, колебля земельную собственность, кассируя долги и сознавая, что безъ этихъ мѣръ нельзя въ достаточной степени осуществить равенство» [24]). Идеаломъ соціальнаго спасителя и освободителя представляется лицо, способное добиться того, «чтобы граждане совершенно заново передѣлили землю, дабы у всѣхъ были одинаковая доля и одинаковое положеніе въ жизни» [25]).

Не мудрено, что въ глазахъ собственниковъ не могло быть ничего ужаснѣе предъявленія этихъ двухъ требованій. Они характеризуются какъ наихудшее изъ того, въ чемъ можно упрекнуть какого-либо изъ государственныхъ дѣятелей, какъ «пагубнѣйшія бѣдствія» [26]), какъ «два наихудшихъ акта политическаго насилія изъ всѣхъ тѣхъ, которые только могутъ совершаться въ мірѣ» [27]). И въ иныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ Аѳинахъ, гражданъ обязывали клятвой никогда не голосовать за эти мѣры [28]) или старались въ зародышѣ подавить всякую попытку ихъ осуществленія торжественнымъ проклятіемъ и угрозой самыми тяжкими наказаніями [29]). Мысль о томъ, чтобы, благодаря перераспредѣленію земельной собственности, «люди, до сихъ поръ бывшіе собственниками, были уравнены съ тѣми, у кого ничего не было», признается нестерпимою [30]).

Но что же было дѣлать въ томъ случаѣ, если даже и это радикальное вмѣшательство въ имущественныя отношенія не доставляло бѣдному тѣхъ прелестей соціальнаго рая, на которыя онъ разсчитывалъ въ его результатѣ [31])? Если—какъ довольно часто случалось—результатомъ оказывалось не всеобщее благополучіе, а всеобщее обѣднѣніе [32]), или если выяснялось, что этимъ путемъ нельзя было достигнуть полнаго устраненія классовыхъ различій, такого строя, при которомъ въ самомъ дѣлѣ «всѣ были бы во всемъ равны» [33]); что, пользуясь выраженіемъ вышеупомянутаго сиракузскаго демагога [34]), имущественное равенство означало развѣ лишь начало свободы, но еще далеко не полную и прочную свободу?

Конечно, можно было вѣдь идти еще дальше и довести частичную экспропріацію капитала путемъ кассированія долговъ до полной конфискаціи и перераспредѣленія движимой собственности. Эта мысль въ самомъ дѣлѣ выражается, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ [35]) и осуществляется коммунистическими пролетаріями, изображаемыми въ комедіи Аристофана [36]). Но развѣ могло бы даже и осуществленіе этой мысли радикально искоренить неравенство, какъ тогда, конечно, предполагали нѣкоторые? Вѣдь и послѣ него все еще продолжалъ бы существовать элементъ, который тотчасъ же неизбѣжно возобновилъ бы свое разлагающее дѣйствіе на достигнутое равенство, а именно институтъ индивидуальной собственности.

Вѣдь гдѣ существуетъ собственность, тамъ существуетъ и конкуренція, и общество сохраняетъ свой «боевой характеръ», а гдѣ существуетъ конкуренція, тамъ оказывается на лицо и неравенство.

Итакъ, экономическое равенство, достижимое путемъ «раздѣла», было подвержено непрерывнымъ колебаніямъ. Будучи предоставлено самому себѣ, оно, въ силу присущей экономическимъ отношеніямъ логики, неизбѣжно должно было безпрестанно подвергаться процессу саморазложенія. Поэтому желающіе сохранить институтъ частной собственности должны были отказаться отъ прочнаго осуществленія равенства.

Итакъ, поставленный въ данную эпоху съ такой энергіей вопросъ объ отношеніи собственности къ идеѣ равенства и всѣ попытки разрѣшить этотъ вопросъ путемъ раздѣла безпрестанно должны были вызывать сознаніе того, что собственность и равенство исключаютъ другъ друга, что непреодолимымъ врагомъ абсолютнаго равенства и чистой демократіи оказывается именно частная собственность. Естественно поэтому при такомъ положеніи дѣла сама собою возникала мысль о томъ, что и собственность должна исчезнуть для того, чтобы создалось общество равныхъ и, благодаря этому, устранено было все, что только можетъ угрожать равенству. Общественный строй, основанный на упраздненіи собственности, представляетъ собою конечный логическій выводъ изъ принципа уравненія, одинаковаго права всѣхъ на всѣ житейскія блага. Въ частности въ подобномъ обществѣ не существуетъ индивидуальной земельной собственности, но земля и пользованіе ея плодами составляютъ общее достояніе, все хозяйство централизовано въ рукахъ общины, такъ какъ отсутствіе конкуренціи, а, стало-быть, и всеобщее равенство достижимы лишь на основѣ общности имуществъ.

Итакъ, коммунистическое равенство представляется естественнымъ завершеніемъ соціальнаго движенія, руководящимъ принципомъ котораго была идея равенства; принципіальное отрицаніе частной собственности, общность имуществъ оказывается неизбѣжнымъ выводомъ изъ этой идеи. Такимъ образомъ, снова подтверждаются, что республикѣ равныхъ въ томъ видѣ, какъ ее изобразилъ аѳинянамъ Аристофанъ въ своей комедіи, въ которой выводятся коммунисты, должно было соотвѣтствовать нѣчто аналогичное въ идейной жизни пролетаріевъ данной эпохи. Государство будущаго, представляющееся какъ бы единымъ большимъ, гостепріимнымъ, для всѣхъ безъ различій открытымъ домомъ; соблазнительный призывъ: придите всѣ и сядьте за столъ, накрытый для всѣхъ васъ!—таковы были мечты, бывшія въ послѣдніе вѣка греческой исторіи, конечно, достояніемъ не одного только міра сцены.

Конечно, можно было весьма различно представлять себѣ способъ осуществленія и цѣли этого общаго коммунизма.

Мы уже достаточно выяснили, что направленіе, усматривавшее соціальную эмансипацію массы въ наивозможно большемъ увеличеніи наслажденій и въ наивозможно большемъ освобожденіи отъ труда и желавшее свалить послѣдній на обращенныя въ общее достояніе одушевленныя орудія труда, подобно госпожѣ Праксагорѣ и товарищамъ Эвелпиду и Писѳетеру, должно было придти къ мечтѣ о блаженной праздной жизни. Но вѣдь кромѣ этого направленія существовало еще и другое воззрѣніе, усматривавшее, какъ мы видѣли, основное требованіе соціальной справедливости не столько въ одинаковомъ правѣ на наслажденіе, сколько въ одинаковой обязанности всѣхъ трудиться. При проведеніи этой идеи и связаннаго съ нею переоцѣниванія физическаго труда до крайнихъ выводовъ изъ нея получается картина, въ свою очередь, открывающая совершенно иныя перспективы

Нашимъ взорамъ рисуется соціалистически организованное рабочее товарищество, въ основѣ котораго лежитъ принципъ какъ одинаковой для всѣхъ обязанности трудиться, такъ и одинаковаго участія каждаго во всякаго рода трудѣ.

Конечно, мы не знаемъ, укоренилась ли и эта утопія въ подлинномъ народномъ сознаніи, и если да, то въ какой степени. Но при разсмотрѣніи романа о солнечномъ государствѣ, представляющемъ собою выраженіе этого кульминаціоннаго пункта коммунистически-эгалитарнаго направленія въ типически-чистомъ видѣ, мы уже констатировали, что она отнюдь не была чужда соціалистическому мышленію греческой націи вообще. Въ этомъ романѣ—въ формѣ идеала—ясно и отчетливо формулируется та конечная цѣль, которою могло задаться движеніе, клонившееся къ осуществленію равенства.

Этой конечной цѣлью оказывается демократическій коллективизмъ, т.-е. обобществленіе средствъ производства и потребленія на демократической основѣ, радикальное устраненіе всякой капиталистической организаціи хозяйства и замѣна ея соціалистическою, обращающею всякаго гражданина въ общественнаго рабочаго, въ участника въ общественномъ производствѣ.

Отдѣлъ VII.—Соціальная революція.

1. Общій ходъ движенія.

Чѣмъ болѣе общественный интересъ сосредоточивался на экономическомъ процессѣ распредѣленія, и чѣмъ яснѣе обнаруживалась несовмѣстимость соціальнаго неравенства съ принципомъ равенства, свойственнымъ чистой демократіи, тѣмъ рѣшительнѣе соціальная классовая борьба клонилась къ революціонной развязкѣ. Вѣдь борьба, предстоявшая на этой стадіи развитія, направлялась уже не противъ отдѣльныхъ конкретныхъ политическихъ или имущественныхъ отношеній, но зачастую уже противъ самого общественнаго строя. Въ данномъ случаѣ къ цѣли могли привести лишь соціальный переворотъ, экспропріація богачей и диктатура пролетаріата или — какъ выражались греки — «господство кулаковъ» (χειροκρατία).

Къ тому же, въ данную эпоху, благодаря безчисленнымъ революціямъ и контръ-революціямъ, вѣрованіе въ дѣйствительность быстрыхъ, внезапныхъ дѣйствій, въ чудотворную силу революціи вошло въ плоть и кровь греческаго народа. При пылкомъ народномъ характерѣ, способномъ быстро воодушевляться, это вѣрованіе нерѣдко проявляется въ настоящемъ революціонномъ энтузіазмѣ. Не мудрено, что соціальное движеніе все болѣе и болѣе характеризуется конвульсивной раздражительностью и ужасной насильственностью. Пролетарій этихъ позднѣйшихъ вѣковъ греческой исторіи—прирожденный революціонеръ. Такъ какъ въ рамкахъ существующаго государственнаго и общественнаго строя нельзя было и помышлять о выполненіи желаній, занимавшихъ его фантазію, то для него и для его вожаковъ само собою разумѣлось, что нужно овладѣть государственною властью для преобразованія силой государства общественнаго строя, согласно желаніямъ бѣдныхъ и нуждающихся. Замѣчаніе, сдѣланное о соціализмѣ романскихъ народовъ новаго времени, примѣнимо, при родственности народнаго типа, и къ древнегреческимъ соціальнымъ революціонерамъ: «это какъ бы скрытый внутренній огонь, непрерывно тлѣющій въ массѣ и въ ея вожакахъ и, чуть только откуда-нибудь доносится горючій матеріалъ, вспыхивающій опустошительнымъ пламенемъ». Они

были всегда готовы разрушить міръ, какъ казалось, таившій въ себѣ фантастическое богатство и счастье, но преграждавшій бѣдняку доступъ ко всему этому блаженству.

Какой грозный комментарій представляетъ исторія соціальной борьбы и страданій въ эту эпоху къ краткому замѣчанію Аристотеля: «бѣдность порождаетъ гражданскую войну и злодѣянія» [1]. Это та «язва», та «поразившая государство болѣзнь», по поводу которой столь глубоко сокрушается Платонъ, говоря о черни, всегда готовой по призыву своихъ вожаковъ устремляться на борьбу противъ тѣхъ, у кого что-нибудь имѣется, или о «множествѣ союзниковъ», которыхъ находитъ тотъ, кто придаетъ борьбѣ между «государствомъ богатыхъ» и государствомъ бѣдныхъ такой оборотъ, при которомъ имущества первыхъ достаются послѣднимъ [2]. «Имущественное неравенство» становится побудительнымъ мотивомъ, вызывающимъ безпрестанно возобновляющіяся революціи [3]), переворотъ въ имущественныхъ отношеніяхъ въ смыслѣ болѣе или менѣе радикальнаго уравненія становится все чаще и чаще раздающимся боевымъ кличемъ партіи кулаковъ [4]).

Принимаются мѣры—говоритъ Полибій—противъ лицъ, препятствующихъ демагогамъ добиться «раздѣла имущества однихъ гражданъ между другими» [5]). «Если народный вожакъ внушаетъ людямъ надежду на то, что они смогутъ достигнуть улучшенія своего экономическаго положенія на счетъ своихъ согражданъ, то они бросаются на эту приманку», хотя они могли бы знать по опыту, что подобная политика можетъ повести лишь къ гибели государства [6]). Въ особенности тамъ, гдѣ «масса пріучена демагогами пользоваться чужимъ добромъ, и гдѣ она возлагаетъ всѣ свои упованія на жизнь на чужой счетъ, при демократическомъ строѣ дѣло легко доходитъ до убійствъ, изгнаній и раздѣла земель, коль скоро масса находитъ такого вожака, которому его бѣдность преграждаетъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и который оказывается достаточно смѣлымъ и рѣшительнымъ для того, чтобы сдѣлать попытку достигнуть своей цѣли путемъ господства кулаковъ» [7]). Собственность утратила всякій ореолъ, люди все болѣе и болѣе пріучаются измѣрять свое право своею такъ назыв. потребностью, т.-е. своимъ вожделѣніемъ. Если собственники отказывались «добровольно облегчить бѣдность нуждающихся», то могло случиться, что—какъ повѣствуетъ Эліанъ, очевидно, пользуясь источникомъ, восходящимъ къ четвертому вѣку, о Коринѳѣ и о Митиленѣ—тѣ, чьи долги не прощались, нападали на своихъ кредиторовъ и убивали ихъ, «вооружившись орудіями гнѣва и добиваясь осуществленія уважительнаго требованія, вытекающаго изъ непреодолимой необходимости удовлетворенія потребностей» [8]).

Впрочемъ, въ этой мотивировкѣ содержался моментъ, имѣющій принципіальное значеніе. Вѣдь существенною чертою существующаго общественнаго строя является именно то, что въ немъ нужда, настоятельность и интенсивность потребности не даютъ никакого права на пользованіе экономическими благами, такъ какъ регулированіе этого пользованія происходитъ лишь путемъ сдѣлокъ и пріобрѣтенія, и всегда предполагается, что лицо, желающее пріобрѣсть что-либо, въ состояніи предложить что-нибудь въ обмѣнъ. Поэтому движеніе, возставшее противъ правового порядка и страстно указывавшее на интенсивность и настоятельность потребности, въ иныхъ случаяхъ, безспорно, заключало въ себѣ извѣстный протестъ противъ самого общественнаго строя.

Но это принципіальное обостреніе классовой борьбы съ психологическою

необходимостью влекло за собою въ другомъ лагерѣ болѣе тѣсное сплоченіе тѣхъ, чьимъ интересамъ угрожала соціальная революція. «Общій страхъ сблизилъ злѣйшихъ враговъ» [9]). Далѣе, это обостреніе классовой борьбы усиливало неохоту собственниковъ приносить жертвы въ интересахъ соціальныхъ реформъ и даже побуждало ихъ присоединяться къ прямо реакціонному теченію, враждебному народу. Это настроеніе особенно рѣзко сказалось въ замѣчаніи Исократа, что собственники предпочли бы бросить свое имущество въ море, чѣмъ отдать его бѣднымъ [10]). Въ цѣломъ рядѣ государствъ самъ демократическій строй палъ жертвой этого консервативнаго регрессивнаго движенія. А затѣмъ все это, конечно, лишь способствовало наивящшему усиленію революціоннаго духа среди низшихъ слоевъ народа. Въ концѣ концовъ, въ этой средѣ сложился взглядъ, что нѣтъ ничего выше мысли объ экспропріаціи собственниковъ [11]), и что высшее наслажденіе заключается въ утоленіи классовой ненависти въ крови богачей [12]). Такимъ образомъ, на противоположныхъ полюсахъ накоплялось все возраставшее напряженіе, во многихъ мѣстахъ разражавшееся грозными катастрофами [13]).

Не мудрено, что, мало-по-малу, соціальная проблема стала дѣйствовать на данную эпоху какъ голова Медузы. Безнадежныя слова, бывшія «на устахъ у всѣхъ» во второмъ вѣкѣ: «мы погибли, если мы скоро не погибнемъ»,—конечно, въ значительной степени вызваны соціальнымъ разладомъ, благодаря которому духъ недовѣрія и сомнѣнія въ прочности существующаго охватывалъ все болѣе и болѣе широкіе круги [14]). Во всякомъ случаѣ, страхъ, внушаемый собственникамъ напоромъ массы, болѣе всего подготовилъ иноземное владычество въ Греціи. Этотъ страхъ былъ настолько значителенъ, что онъ оказывался сильнѣе любви къ политической свободѣ и геніальнѣйшаго краснорѣчія борцовъ за нее.

Подобно тому, какъ все возраставшая часть массы во всякое время была готова, ради соціальнаго переворота, пожертвовать для какого-нибудь отдѣльнаго лица политической свободой, и собственники, интересамъ которыхъ угрожали соціально-революціонныя тенденціи данной эпохи, искали у монархіи [15]) защиты отъ все учащавшихся при классовой борьбѣ насильственныхъ актовъ конфискаціи имуществъ, передѣла земель, кассированія долговъ и освобожденія множества несвободныхъ рабочихъ, которые охотно поддерживали переворотъ [16]). Многозначительный политическій документъ, въ которомъ обсуждаются всѣ эти ужасы классовой борьбы: постановленіе союза, принятое въ Коринѳѣ въ 338 году, обѣщаетъ предупреждать и бороться противъ нихъ всѣми силами новаго союза [17]). И какое горькое разочарованіе наступило даже и послѣ этихъ, повидимому, столь основательныхъ надеждъ [18])!

Чрезвычайно наглядное представленіе объ этомъ разладѣ между плутократами и пролетаріями и о давленіи, оказываемомъ имъ на все общественное и политическое положеніе, мы получаемъ изъ интересныхъ разсужденій тактика Энея (въ срединѣ четвертаго вѣка), о защитѣ городовъ. Авторъ удѣляетъ защитѣ интересовъ собственниковъ, которымъ угрожаютъ соціально-революціонныя козни внутри города, не меньше вниманія, чѣмъ оборонѣ отъ внѣшняго врага. Эти разсужденія представляютъ собой краснорѣчивую иллюстрацію къ изображаемой Платономъ картинѣ распаденія государства на два государства: на государство богатыхъ и на государство бѣдныхъ, которыя, пребывая въ одномъ и томъ же пространствѣ, постоянно находятся въ состояніи открытой или скрытой войны [19]).

Собственникамъ часто приходилось менѣе бояться внѣшняго врага, чѣмъ призванной къ оружію массы [20]), а наемныя войска, служившія для подкрѣпленія, въ сущности также состояли лишь изъ вооруженнаго пролетаріата. Въ виду этого

авторъ заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы придать военному дѣлу такую организацію, при которой завѣдываніе имъ, по мѣрѣ возможности, оставалось бы въ рукахъ класса собственниковъ, заинтересованнаго въ сохраненіи существующаго строя. Наемные солдаты должны вербоваться частнымъ образомъ наиболѣе богатыми людьми такъ, чтобы одинъ богачъ нанималъ трехъ, другой—двухъ или одного. Затѣмъ, нанятые солдаты должны не жить въ казармахъ, а быть расквартированы по домамъ отдѣльныхъ богачей, которымъ надлежитъ и выдавать имъ жалованье и содержаніе [21]). Благодаря этому, съ одной стороны, создаются затрудненія для заговоровъ наемныхъ солдатъ, а, съ другой стороны, богатые имѣютъ въ своемъ распоряженіи постоянныхъ тѣлохранителей. Кромѣ того, число гражданъ всегда должно превышать число ихъ наемныхъ солдатъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, грозятъ господство арміи и тираннія [22]).

Что касается вооруженныхъ гражданъ, то Эней обращаетъ главное вниманіе на то, чтобы они составляли надежную охрану противъ мятежныхъ поползновеній недовольныхъ элементовъ. Поэтому они должны быть благонамѣренны и довольны существующимъ строемъ [23]). Начальниками надлежитъ назначать, главнымъ образомъ, тѣхъ, которымъ пришлось бы больше всего потерять при переворотѣ. И посты караульныхъ у воротъ должны быть довѣряемы лишь людямъ з а ж и т о ч н ы м ъ и связаннымъ съ городомъ семейными интересами, между тѣмъ какъ всѣ лица, вслѣдствіе своей бѣдности или задолженности или иныхъ слабостей, доступныя соблазну или способныя соблазнять другихъ, побуждая ихъ къ попыткамъ произвести переворотъ, должны быть тщательно исключаемы [24]). Наиболѣе же отвѣтственные посты должны быть довѣряемы самымъ зажиточнымъ и именитѣйшимъ гражданамъ [25]). Вообще вся система автора внушена глубокимъ недовѣріемъ къ массѣ, о которомъ свидѣтельствуютъ, напр., и тщательныя мѣры предосторожности, рекомендуемыя имъ относительно деталей организаціи карауловъ [26]).

При этомъ бережность по отношенію къ простолюдинамъ доходитъ до того, что полководцу дается совѣтъ не только не бранить и не наказывать въ гнѣвѣ воина, но и—въ случаѣ неизбѣжности дисциплинарныхъ взысканій—сперва наказывать лишь наиболѣе зажиточныхъ и именитыхъ гражданъ, что послужитъ примѣромъ для другихъ [27])!

Эней не колеблется и прямо приступить къ разрѣшенію соціальной проблемы. Для сохраненія соціальнаго мира онъ готовъ на чрезвычайно значительныя уступки: кромѣ другихъ льготъ для массы, на которыхъ онъ не останавливается подробнѣе, онъ рекомендуетъ частичное или полное сложеніе процентовъ, причитающихся на одолженныя суммы государствомъ; въ случаѣ же, если положеніе дѣлъ слишкомъ натянуто, и стремящійся къ перевороту классъ грозитъ стать слишкомъ опаснымъ, то эта мѣра можетъ быть доведена до частичнаго, а въ случаѣ надобности и до полнаго сложенія одолженныхъ к а п и т а л о в ъ. Положеніе тѣхъ, у кого нѣтъ необходимыхъ средствъ къ жизни, должно быть улучшено такъ, чтобы они получили возможность жить безъ нужды [28]). И притомъ все это должно быть осуществлено въ духѣ справедливости и при наивозможно болѣе бережномъ отношеніи къ интересамъ собственниковъ. Относительно того, какъ можно достигнуть всего этого, и какія денежныя средства должны пойти на это, авторъ ссылается на обстоятельное разсмотрѣніе данной проблемы въ своемъ другомъ (къ сожалѣнію, утраченномъ) произведеніи—«О финансахъ».

Не менѣе поучительна и вышеупомянутая картина настроенія, господствовавшаго въ эту революціонную эпоху,—картина, переданная намъ тѣмъ же Эліаномъ. «Въ Коринѳѣ—повѣствуетъ онъ—Ѳеоклъ и Ѳрасонидъ, а въ Митиленѣ—Праксисъ

отличались тѣмъ, что, сами будучи богаты, они, въ виду бѣдности согражданъ, пренебрегли своимъ имуществомъ и, проявивъ милосердіе, и другимъ совѣтовали облегчить бѣдность нуждающихся. Правда, они не смогли убѣдить другихъ, но сами они отказались отъ взысканія отданныхъ ими въ долгъ суммъ и, такимъ образомъ, спасли, если и не свои деньги, то свою жизнь. Ибо тѣ, чьи долги не были прощены, напали на своихъ кредиторовъ и умертвили ихъ» [29]). Въ виду этого событія, добровольность «благородства» вышеупомянутыхъ лицъ представляется въ довольно сомнительномъ свѣтѣ. Сколь много подобныхъ пожертвованій вообще могло вырывать у собственниковъ чувство страха! И это чувство, отказъ отъ взысканія долговъ, вызываемый желаніемъ избавиться отъ чего-либо худшаго, становится слишкомъ понятнымъ, разъ мы представимъ себѣ, какъ легко въ такихъ небольшихъ, безпокойныхъ городскихъ республикахъ, въ которыхъ власть не располагала какой-либо самостоятельной силой, и судьба государства рѣшалась на площади, могъ разгорѣться яркимъ пламенемъ, угрожавшимъ гибелью всему государству, издавна накопившійся горючій матеріалъ классовой ненависти.

Вѣдь мы узнаемъ изъ изложенія Ѳукидида, что уже въ ту самую эпоху, когда демократія какъ-разъ достигла своего кульминаціоннаго пункта, въ тѣхъ мѣстностяхъ греческаго міра, гдѣ развитіе наиболѣе подвинулось впередъ, вся внутренняя и внѣшняя эволюція влекла не только мысль, но и дѣйствія въ соціальную сферу и вызывала взрывы озлобленія, ненависти и отчаянія, характерные именно для соціальной борьбы.

Въ своемъ ужасающе-монументальномъ изображеніи революціоннаго патологическаго состоянія греческаго общества во второй половинѣ пятаго вѣка Ѳукидидъ выразительно подчеркиваетъ, что уже тогда борьба велась не только изъ-за политическихъ идей, или, скорѣе, что эти послѣднія служили лишь вывѣской, скрывавшей подлинные мотивы. А этими подлинными мотивами оказывались прежде всего: месть за несправедливости надменнаго классоваго господства, пламенное желаніе отдѣлаться отъ бѣдности, которую долго приходилось терпѣть, страстная жадность къ чужому имуществу, или, наконецъ, та игнорирующая право и справедливость заносчивость человѣческой природы, которая, «будучи враждебна всему выдающемуся» [30]), ищетъ своего удовлетворенія въ низведеніи всего высшаго до общаго уровня. Въ этомъ замѣчаніи ясно и отчетливо выражается та принципіальная сторона, которую уже тогда представляла борьба для значительной части борющихся: принципіальная враждебность противъ всего аристократическаго въ гражданскомъ обществѣ.

Соціальный моментъ играетъ весьма значительную роль и въ анализѣ тѣхъ психологическихъ факторовъ, благодаря дѣйствію которыхъ—согласно знаменитому разсужденію о смертной казни—безпрестанно возникаетъ духъ насилія и противозаконности. На первомъ планѣ стоитъ бѣдность: именно она «порождаетъ отвагу, обусловливаемую нуждой, и побуждаетъ къ риску». Затѣмъ слѣдуетъ богатство [31]), «порождающее при высокомѣріи и надменности корыстолюбіе». При этомъ всюду играютъ роль, въ качествѣ непреодолимо влекущихъ силъ, надежда и вожделѣніе. «Послѣднее руководитъ, а первая сопутствуетъ. Послѣднее замышляетъ посягательство, а первая соблазняетъ разсчетомъ на то, что счастье будетъ благопріятствовать его выполненію, и, такимъ образомъ, вожделѣніе и надежда причиняютъ величайшій вредъ. Будучи невидимы, вожделѣніе и надежда, тѣмъ не менѣе, могущественнѣе видимыхъ мученій. Къ нимъ присоединяется еще и счастье, оказывающее не менѣе поощряющее дѣйствіе. Вѣдь оно иной разъ неожиданно выпадаетъ на долю менѣе значительной силы и соблазняетъ къ риску отдѣльныхъ

лицъ и, въ еще большей степени, цѣлыя группы гражданъ, такъ какъ дѣло идетъ о величайшемъ—о свободѣ и о господствѣ,—и такъ какъ всякій индивидуумъ слѣпо преувеличиваетъ свои силы, разъ онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ многочисленной толпой». Конечно, эти послѣднія замѣчанія имѣютъ совершенно общій характеръ и относятся также къ чисто-политическимъ дѣйствіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно они выясняютъ генезисъ массовыхъ движеній.

То событіе, къ которому пріурочиваются соображенія, развиваемыя великимъ аѳинскимъ историкомъ относительно общаго революціоннаго броженія въ данную эпоху, а именно революція на Керкирѣ въ 427 году, представляетъ типичную картину соціальной классовой борьбы [32]). Центральнымъ пунктомъ дѣйствія служитъ рынокъ съ прилегающими гаванями, тотъ кварталъ, гдѣ находились наполненные товарами магазины, въ которыхъ, очевидно, совершался переходъ привезенныхъ товаровъ отъ крупныхъ негоціантовъ къ мелкимъ торговцамъ, гдѣ вообще сосредоточивались дѣловые обороты богатаго приморскаго и торговаго города. Тамъ жили богатые люди, тамъ находились ихъ дворцы и дома, приносившіе доходъ,—на этотъ центральный пунктъ, въ самое сердце ненавистнаго могущественнаго капитала было направлено нападеніе массы. Эта масса со дня на день усиливалась, благодаря приливу элементовъ изъ рядовъ низшихъ и бѣднѣйшихъ гражданъ и благодаря присоединенію рабовъ, которые, по провозглашеніи ихъ свободы, большею частью примкнули къ народу. На сторонѣ народа даже женщины вовлекались въ борьбу подъ вліяніемъ вспыхнувшей соціальной страсти. Онѣ храбро принимали участіе въ битвѣ, бросая изъ домовъ кирпичи и «вопреки женской природѣ сохраняя мужество среди ужасовъ». А заключительный актъ составляетъ отвратительное умерщвленіе побѣжденныхъ «олигарховъ» восторжествовавшимъ народомъ, причемъ иные—характерная черта!—были убиты собственными должниками!

Правда, мы не узнаемъ въ данномъ контекстѣ, какимъ образомъ масса экономически использовала свою побѣду. Но, вѣроятно, конечный результатъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, что Ѳукидидъ повѣствуетъ о событіяхъ, разыгравшихся въ 412 году въ Самосѣ [33]), гдѣ въ результатѣ народнаго возстанія 200 человѣкъ, принадлежавшихъ къ высшему классу, было убито, а 600—изгнано, причемъ ихъ земли и дома были раздѣлены между народомъ. Подобный же раздѣлъ долженъ былъ состояться въ Керкирѣ уже потому, что, по сообщенію Ѳукидида, въ катастрофу было замѣшано 1000, а, по сообщенію Діодора [34]), даже 1500 олигарховъ; число же оставшихся въ живыхъ изгнанниковъ было до такой степени значительно, что побѣдившій народъ опасался ихъ еще и по прошествіи четырнадцати лѣтъ и старался усилить себя, отпуская на волю рабовъ и включая въ число гражданъ иностранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ фактъ весьма важенъ соціально-исторически въ томъ отношеніи, что онъ доказываетъ, что классъ олигарховъ отнюдь не состоялъ всегда лишь изъ «немногихъ», что выраженіе οἱ ὀλίγοι означаетъ не «немногіе», но меньшинство, часто насчитывавшее тысячи людей, и нерѣдко тожественное со всѣмъ классомъ собственниковъ вообще [35]).

Другой аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ ужасномъ 370 году при господствѣ террора въ Аргосѣ [36]). И притомъ эти крайнія неистовства отнюдь не были рѣдкимъ и необычайнымъ проявленіемъ классовой борьбы. Прибѣгая къ массовымъ изгнаніямъ и убійствамъ, демосъ имѣлъ въ виду произвести раздѣлъ имущества, принадлежавшаго зажиточнымъ людямъ, а эти послѣдніе стремились обезпечить свое существованіе отъ переворота.

«Тамъ, гдѣ одно занимаетъ мѣсто, другое должно стушевываться;
Кто не хочетъ быть изгнаннымъ, долженъ изгонять другихъ.
Тамъ господствуетъ вражда, и лишь сильный побѣждаетъ».

Все чаще и чаще «приходится констатировать лишь смѣну революцій и контръ-революцій, лишь смѣну партій у кормила правленія. Всякая уступчивость оказывается только вынужденною и полною заднихъ мыслей о переворотѣ» [37]). При такомъ положеніи дѣлъ все еще самодовольно повторяемыя сторонниками доктринерскаго либерализма разглагольствованія на тему о свободѣ, которая, молъ, одна только обусловливаетъ то, что собственность въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ зарабатывающимъ [38]), производятъ впечатлѣніе чистѣйшаго издѣвательства. Гораздо ближе къ истинѣ замѣчаніе Аристотеля о томъ, что положеніе тогдашнихъ государствъ греческаго міра представляется плачевнымъ [39]).

Нерѣдко дѣло обстояло такъ, что демагоги—какъ сообщаетъ Аристотель относительно Мегары и Киме—принуждали все большее и большее количество гражданъ становиться эмигрантами, чтобы имѣть возможность конфисковать ихъ имущества въ пользу народа, пока, наконецъ, число ихъ не возрастало до такой степени, что они оказывались въ состояніи возвратиться съ оружіемъ въ рукахъ, низвергнуть народовластіе и произвести плутократическую реставрацію [40]).

Такая насильственная реакція сверху имѣла мѣсто, напр., въ городѣ Леонтинахъ въ 422 году. А именно, тамошній демосъ, только-что усилившій себя принятіемъ новыхъ гражданъ, помышлялъ о передѣлѣ всей земельной собственности [41]). Итакъ, проектировался γῆς ἀναδασμὸς въ радикальнѣйшемъ смыслѣ слова [42])! Однако, состоятельные элементы предупредили грозившую имъ опасность, призвавъ сиракузцевъ и съ помощью чужихъ войскъ изгнавъ массу простонародья. Вѣдь хозяйство, основанное на рабствѣ, дозволяло собственникамъ обходиться и безъ «неудобнѣйшихъ сосѣдей». А для того, чтобы вполнѣ обезопасить себя, они, въ концѣ концовъ, даже дошли до того, что совершенно покинули вошедшій въ составъ территоріи Сиракузъ городъ и переселились въ Сиракузы! Въ самомъ дѣлѣ, подобное рѣшеніе, продиктованное отчаяніемъ, всего болѣе свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи дѣлъ, сложившемся благодаря соціальному разладу и ужасамъ соціальныхъ революцій въ данную эпоху. Что только должно было предшествовать этому рѣшенію, и чего приходилось опасаться, пока дѣло не дошло до того, что жители добровольно покинули свои дома и городъ предковъ, предоставивъ его полному запустѣнію!

Стоитъ только представить себѣ, какіе элементы составляли тогда заговоры противъ существующаго порядка. Все чаще и чаще къ черни, полной ненависти и зависти, примыкали рабы, расковывавшіе свои цѣпи, и военщина, готовая на всякія гнусности. Если всѣ эти элементы находили руководителей въ лицѣ безсовѣстныхъ демагоговъ или зачастую выходившихъ изъ подонковъ народа честолюбивыхъ кондотьеровъ, умѣвшихъ пріурочивать къ своему личному торжеству интересы и надежды этихъ массъ [43]) и планомѣрно организовать ниспроверженіе существовавшаго строя, то, благодаря этому, устранялись препятствія для осуществленія радикальнѣйшаго переворота во всѣхъ отношеніяхъ и для проявленій вандализма, ни предъ чѣмъ не останавливавшагося въ своемъ зачастую прямотаки демоническомъ неистовствѣ. Тогда надъ испуганнымъ и потрясеннымъ гражданскимъ обществомъ разражались катастрофы, при которыхъ, казалось, исчезали всѣ традиціонныя понятія и учрежденія: собственность, семья, религія, порядокъ [44]).

При этомъ убійства совершаются даже уже и не подъ вліяніемъ аффекта, а по холодному, трезвому разсчету. Вѣдь для того, чтобы достиженіе конечной цѣли переворота, перераспредѣленія собственности, было прочно обезпечено и на буду-

щее время, нужно было устранить прежнихъ собственниковъ и вообще всѣхъ лицъ, полагавшихъ, что они имѣютъ или будутъ имѣть права на подвергнутые раздѣлу земельные участки. Лишь безпощадное истребленіе прежнихъ владѣльцевъ могло вызвать у отдѣльныхъ лицъ увѣренность въ томъ, что, въ случаѣ новаго переворота, эти прежніе владѣльцы не потребуютъ у нихъ возвращенія своего присвоеннаго ими достоянія [45]). Не мудрено, что соціальная революція постоянно сопровождается терроризмомъ!

Такъ, напр., при торжествѣ Діонисія I рушится весь государственный и общественный строй. На развалинахъ стараго общества съ безграничнымъ произволомъ воздвигается новое соціальное построеніе, создается совершенно новое гражданское общество, для котораго личность его творца должна была служить единственной точкой опоры и средоточіемъ. Собственники, не бѣжавшіе вовремя, были массами перебиты, ихъ имущество было конфисковано въ пользу государства, а затѣмъ имущественныя отношенія, въ особенности аграрныя, были заново урегулированы. Значительную и отборную долю получили приближенные диктатора, а остальная земля была раздѣлена на равные участки, доставшіеся революціонной массѣ, которая была въ то же время значительно усилена элементами, принадлежавшими къ низшему слою народа, благодаря освобожденію множества рабовъ [46]). И притомъ, повидимому, судя по тексту единственнаго дошедшаго до насъ, довольно неяснаго источника, дѣло шло не только о раздѣлѣ земельныхъ участковъ, отобранныхъ у состоятельныхъ противниковъ, но о систематическомъ перераспредѣленіи всей земельной собственности [47]). Аналогичнымъ образомъ былъ произведенъ и раздѣлъ домовъ. При распространеніи же этихъ революціонныхъ мѣръ на другіе города Сициліи дѣло дошло даже до того, что жены и дочери прежнихъ собственниковъ также были распредѣлены между участниками переворота и принуждены ко вступленію въ бракъ съ освобожденными рабами [48]). Этотъ образъ дѣйствій нашелъ подражателей, его приписываютъ, напр., пелленскому тирану Хэрону, который могъ бы, если онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ученикомъ Платона, наглядно демонстрировать своему учителю, какую форму принимаетъ соціальный переворотъ въ духѣ тираніи [49]). Но даже и этой тираніи далеко не удавалось надолго удовлетворить массу! Уже черезъ полвѣка положеніе дѣлъ въ Сиракузахъ было таково, что оно снова доставляло демагогамъ матеріалъ для нападокъ на существующій строй. Тотчасъ же послѣ паденія Діонисія II соціалъ-демократическое большинство народнаго собранія постановило, несмотря на возраженія великаго Діона, произвести передѣлъ земельной собственности [50])! Это постановленіе было отмѣнено лишь послѣ того, какъ Діону удалось силою оружія овладѣть властью въ городѣ [51]). Правда, и его планъ положить конецъ безнадежнымъ конфликтамъ путемъ радикальнаго устраненія неограниченной демократіи и введенія аристократическаго государственнаго строя, который отчасти соотвѣтствовалъ бы идеаламъ академіи, а отчасти — лаконо-критскому образцу, не увѣнчался успѣхомъ [52]). Доктринерскими конституціонными проектами нельзя было устранить страстной борьбы непримиримыхъ интересовъ на этой расшатанной почвѣ. Безпрестанно повторяется безнадежный кругооборотъ смѣнявшихъ другъ друга народовластія, диктатуры, плутократіи, сопровождаемый сценами грабежа и уничтоженія, въ концѣ IV вѣка достигшихъ при государственномъ переворотѣ, произведенномъ Агаѳокломъ (317), кульминаціоннаго пункта, который врядъ ли могъ быть превзойденъ.

Именно тогда Сиракузы снова представляли самую мрачную картину безнадежнаго внутренняго разлада. Раздоры между собственниками, органомъ которыхъ

былъ правящій совѣтъ шестисотъ, и пролетаріатомъ, только-что усилившимся благодаря возвращенію множества изгнанниковъ, все обострялись. Эту враждебность раздувалъ тотъ самый дѣятель (утверждали, что онъ прежде былъ гончаромъ), «которому послѣ того, какъ онъ возвысился благодаря расположенію народа, были въ качествѣ полководца и «охранителя мира» предоставлены чрезвычайныя полномочія до тѣхъ поръ, пока не возстановится согласіе между гражданами. Онъ понялъ свою примирительную дѣятельность такимъ образомъ, что, принявъ въ свои войска, кромѣ враждебныхъ иностранныхъ элементовъ, еще тѣхъ изъ гражданъ, которымъ «бѣдность и зависть дѣлали невыносимыми блескъ знатныхъ» [53]), натравилъ эту вооруженную чернь [54]) на несчастный городъ. Въ данномъ случаѣ выяснилось, какой ужасный смыслъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ «массовое выступленіе» пролетарскихъ батальоновъ! Правда, первоначально имѣлось въ виду уничтожить лишь знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ изъ сторонниковъ правительственной партіи; но, разъ начались грабежи и убійства, они очень быстро перешли въ безпощадную борьбу кровожадной и алчной черни противъ собственниковъ вообще, причемъ, какъ говорится въ нашемъ источникѣ, тѣ, которые надѣялись избавиться отъ бѣдности, умертвивъ зажиточныхъ людей, изыскивали всѣ способы, чтобы только погубить ихъ [55]). Это была одна изъ тѣхъ сценъ, когда всякій неимущій разитъ направо и налѣво, усматривая въ каждомъ собственникѣ, имущество котораго возбуждаетъ его алчность, врага. Послѣ того, какъ городъ подвергался, такимъ образомъ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней всѣмъ ужасамъ кровавой анархіи, причемъ погибли тысячи людей [56]), которыхъ можно было обвинить лишь въ томъ, что они занимали сравнительно болѣе высокое положеніе [57]), зачинщикъ злодѣяній созвалъ «народъ» въ собраніе. Тамъ онъ возвѣстилъ, что городъ «очищенъ», что обезпечена «истинная и подлинная свобода» [58]), и завершилъ свое дѣло обѣщаніемъ кассировать всѣ долги и надѣлить бѣдныхъ земельными участками [59]). На томъ же самомъ засѣданіи собранія онъ—послѣ притворнаго отказа—былъ провозглашенъ полководцемъ съ неограниченною властью (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ) при радостныхъ крикахъ убійцъ, грабителей и лицъ, обремененныхъ долгами. Итакъ, и въ данномъ случаѣ конечнымъ результатомъ классовой борьбы оказалась военная диктатура [60]).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что это типическія происшествія, такъ что одинъ греческій авторъ позднѣйшей эпохи, обозрѣвая всю эту эволюцію, называетъ прямо-таки «прологомъ ко всякой тираніи, возбужденіе стремящимся къ ней лицомъ алчности «грязнаго сброда» къ чужому имуществу посредствомъ возвѣщенія раздѣла земли и кассированія долговъ!

Въ нашу задачу не можетъ входить изложеніе исторіи этихъ государственныхъ переворотовъ, которыхъ можно насчитать не одну сотню и вообще различныхъ фазисовъ соціальной борьбы во всѣхъ частяхъ греческаго міра. При однородности дѣйствовавшихъ силъ это повело бы къ утомительнымъ повтореніямъ, а, съ другой стороны, этому препятствуетъ неимовѣрная скудость традиціи, лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ позволяющей отчетливѣе распознать интересующій насъ принципіальный моментъ, идею соціальнаго уравненія, даже тамъ, гдѣ классовая борьба, какъ таковая, достаточно ясно охарактеризована. Благодаря своеобразной ироніи исторіи, въ такой сферѣ, въ которой по существу дѣла идетъ рѣчь объ «эволюціи массъ», традиція становится сообщительнѣе лишь, коль скоро на исторической аренѣ появляются выдающіеся индивидуумы, выступающіе носителями и руководителями борьбы и приковывающіе къ себѣ интересъ повѣствователя. Эта неравномѣрность и отрывочность традиціи дѣлаетъ ее по

существу дѣла непригодною для болѣе глубокаго, эволюціонно-историческаго трактованія классовой борьбы.

Вѣдь съ четвертаго вѣка даже соціальная исторія Аѳинъ, и притомъ въ особенности она, остается совершенно невыясненною! Лишь упоминаемое по поводу подчиненія Аѳинъ Антипатру (322) обезвреженіе «безпокойной» массы путемъ ограниченія состава гражданъ лицами, обладавшими цензомъ въ размѣрѣ 2000 драхмъ, и массовое выселеніе аѳинскихъ пролетаріевъ во Ѳракію,—сильное кровопусканіе, произведенное надъ демократіей, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, косвенно, о томъ, до какой степени рѣзокъ былъ и въ Аѳинахъ соціальный антагонизмъ [61]).

Какъ бы то ни было, благодаря одностороннему интересу традиціи къ личностямъ, мы еще можемъ до нѣкоторой степени прослѣдить соціальное движеніе данной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ такомъ государствѣ, какъ Спарта, представляющемъ столь значительный интересъ въ соціально-историческомъ отношеніи.

2. Соціальная революція въ Спартѣ.

Спартанское государство представляетъ классическій примѣръ того, какъ на почвѣ города-государства, разъ только оказались на лицо соотвѣтственныя предпосылки, вырастаетъ соціализмъ.—Въ Спартѣ достигли полнаго развитія зачатки, въ другихъ мѣстностяхъ въ значительной степени сдерживаемые противоположными индивидуалистическими теченіями. Строго проведенная въ государственной жизни централизація проявляется и въ организаціи и въ правовыхъ нормахъ народнаго хозяйства. Соціальный принципъ, которымъ опредѣлялась и которому подчинялась вся гражданская жизнь до мельчайшихъ деталей, вызвалъ и тѣсное экономическое общеніе между гражданами. «Соціализація потребленія», его частичное равенство, были въ значительной степени осуществлены благодаря своего рода общему хозяйству [1]). Важнѣйшее изъ средствъ производства данной экономической системы, рабочая сила крѣпостныхъ сельскихъ рабочихъ, гелотовъ, представляла собой коллективное достояніе совокупности гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, получавшей, благодаря этому, и возможность государственнаго регулированія въ интересахъ общества условій труда, распредѣленія его продуктовъ и вообще всѣхъ отношеній между рабочими и хозяевами въ важнѣйшей для нея отрасли производства. Поскольку существовала частная собственность, она, по крайней мѣрѣ, подлежала извѣстному соціальному регулированію, осуществлявшемуся или въ формѣ юридическаго ограниченія предѣловъ власти землевладѣльцевъ, или же въ видѣ обычая, обращавшаго предметы потребленія, благодаря участію въ правѣ пользованія чужою собственностью, въ извѣстномъ смыслѣ въ общее достояніе [2]). Въ Спартѣ граждане могли чувствовать себя членами единаго, тѣсно сплоченнаго товарищества не только относительно другихъ государствъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ.

Поэтому въ Спартѣ въ особенно рельефной формѣ проявляется и дополненіе къ принципу общности: идея равенства. Здѣсь долго сохранилась во всей силѣ старая боевая община свободныхъ и равныхъ. Хотя соціалистическій оттѣнокъ общественности не могъ воспрепятствовать все возраставшему экономическому дифференцированію гражданъ, все-таки и болѣе крупнымъ собственникамъ приходилось подчиняться господствовавшей тенденціи равенства. Такъ, напр., демократическая реформа гражданскаго костюма началась въ Спартѣ. По словамъ Ѳукидида, спартанцы впервые, въ противоположность роскоши въ одеждѣ, свой-

ственной старому времени, усвоили ношеніе ставшаго впослѣдствіи общераспространеннымъ простого гражданскаго костюма, да и въ другихъ отношеніяхъ состоятельные люди вели такой же образъ жизни, какъ масса [3]). Изъ уваженія къ равенству, они воздерживались отъ использованія заключающейся въ богатствѣ силы для увеличенія своего матеріальнаго благополучія [4]).

Но не противорѣчило ли возраставшее имущественное неравенство уже само по себѣ тѣмъ принципамъ, на которыхъ покоилась вся общественность? Если существующій экономическій строй не могъ воспрепятствовать тому, что крупнымъ землевладѣльцамъ противостояли лица, участки которыхъ оказывались недостаточными для поддержанія ихъ гражданской жизни во всей ея полнотѣ, или совершенно обезземеленныя, то какое же значеніе могли имѣть для этихъ обездоленныхъ вышеуказанные принципы? И, въ самомъ дѣлѣ, спартанское государство также подчинилось необходимости, вытекавшей изъ фактическаго развитія частной собственности. Оно исключало всѣхъ, оказывавшихся не въ состояніи вносить вклады, шедшіе на общее кормленіе гражданъ, изъ числа пользовавшихся полнотой гражданскихъ правъ «равныхъ» (ὅμοιοι).

Не мудрено, что жившее въ сердцахъ чувство равенства и общности сильно возмущалось этимъ, и что лица, протестовавшія противъ результатовъ экономическаго развитія, апеллировали къ основнымъ принципамъ государственнаго устройства [5]). До насъ дошли еще нѣкоторыя извѣстія о томъ опасномъ броженіи, которое послѣдовало въ началѣ четвертаго вѣка среди элементовъ, исключенныхъ изъ круга «равныхъ». О руководителѣ движенія, Кинадонѣ, сообщается, что на допросѣ онъ въ отвѣтъ на вопросъ о мотивѣ заговора заявилъ, что онъ не желаетъ быть ниже кого бы то ни было въ Лакедемонѣ [6])! Впрочемъ, этотъ отвѣтъ, вѣроятно, искаженъ сторонниками существовавшихъ порядковъ и въ дѣйствительности былъ данъ въ совершенно общей формулировкѣ: «чтобы никто въ Спартѣ не былъ ниже другихъ». Во всякомъ случаѣ, таковъ былъ лозунгъ, еще задолго до него усвоенный всѣми его товарищами по несчастью.

Столь же неизбѣжно при данномъ положеніи дѣлъ было и то, что съ того момента, когда сознаніе равенства вызвало критическое отношеніе къ существующему, требованія равенства приняли экономическій оттѣнокъ, и что на почвѣ политической демократіи выросла демократія соціальная.

Если гражданское равенство уничтожилось благодаря неравномѣрному распредѣленію собственности и доходовъ, то въ государствѣ, столь рѣшительно вмѣшивавшемся въ экономическую жизнь своими принудительными мѣрами, естественно, возникала мысль о томъ, что государственная власть призвана путемъ принудительнаго регулированія организовать это распредѣленіе такимъ образомъ, чтобы, благодаря этому, можно было признать разъ навсегда устраненною ту опасность, которая грозила равенству. А простѣйшая формула, представлявшаяся для разрѣшенія указанной задачи, гласила: «фактическое осуществленіе равенства всѣхъ и въ матеріальномъ отношеніи», или, конкретно выражаясь, «одинаковое право всѣхъ на землю», служившую матеріальнымъ субстратомъ всего ихъ существованія. Къ этому—по его тенденціи къ равенству условій жизни—безспорно коммунистическому теченію среди гражданъ, а не къ фактически признанному правовому строю Спарты, примѣнимы встрѣчающіяся въ литературѣ замѣчанія относительно принципіальнаго имущественнаго равенства спартанцевъ [7]).

Правда, этотъ аграрный соціализмъ въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствовалъ тому направленію, въ которомъ до тѣхъ поръ совершалась историческая эволюція. Если главный факторъ производства, рабочая сила гелотовъ, составлялъ обще-

ственную собственность, если значительная часть земледѣльческихъ продуктовъ также регулярно подлежала обращенію въ общественную собственность, то распространеніе процесса обобществленія на саму землю означало лишь дальнѣйшій шагъ по давно уже намѣченному пути. Къ тому же оно явилось лишь возвращеніемъ къ исходному пункту, въ которомъ вѣдь въ послѣднемъ анализѣ коренилось все существовавшее распредѣленіе земли. Вся земельная собственность гражданъ въ Спартѣ первоначально возникла путемъ надѣла гражданъ со стороны общины, и названіе «жребій» (κλῆρος)), которымъ обозначались отдѣльные участки земли, а равно и позднѣйшіе надѣлы землей въ завоеванной территоріи безпрестанно напоминали объ этомъ происхожденіи частной земельной собственности. Еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у другихъ народовъ, въ народномъ сознаніи спартанцевъ долженъ былъ сохраниться взглядъ, согласно которому земля, несмотря на всякіе раздѣлы, никогда вполнѣ не переставала быть общимъ достояніемъ, такъ что, слѣдовательно, всякое право частной собственности на землю можетъ существовать лишь въ предѣлахъ, указываемыхъ волѣ индивидуумовъ остающимся въ силѣ правомъ общества. А право общества выразилось въ моментъ первоначальнаго надѣленія гражданъ землей въ томъ, что каждому способному къ военной службѣ члену общины былъ предоставленъ земельный участокъ, обезпечивавшій существованіе ему и его семьѣ и дававшій ему возможность выполнять свои обязанности по отношенію къ общинѣ. Итакъ, желаніе партіи спартанскихъ реформаторовъ аграрныхъ отношеній осуществить этотъ принципъ путемъ передѣла всей земли γῆς ἀναδασμὸς означало лишь возвращеніе къ правовому состоянію, дѣйствительно существовавшему на опредѣленной стадіи развитія государственнаго и общественнаго строя.

Къ тому же это требованіе далеко не было столь утопическимъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Вѣдь оно отнюдь не клонилось къ разрыву со всѣмъ, до тѣхъ поръ существовавшимъ правовымъ порядкомъ. Цѣль была аналогична той, которую намѣчаетъ Прудонъ: имѣлось въ виду не отмѣнить, а лишь сдѣлать общераспространеннымъ институтъ частной собственности, лежавшій въ основѣ исторически сложившагося правового порядка; должны были исчезнуть препятствія, не дозволявшія части гражданъ стать собственниками. Поэтому передѣлъ земель не вноситъ никакого измѣненія въ принципъ частно-хозяйственной организаціи сельскаго хозяйства. Обращеніе его въ соціалистическое производство, которое велось бы обществомъ и для общества, не имѣлось въ виду. Иной характеръ приняли бы лишь полученіе и распредѣленіе аграрнаго дохода, земельной ренты.

Конечно, соціалистическими или коммунистическими элементами программы реформъ являются обращеніе земли въ коллективную собственность, безъ котораго невозможно было заново радикально урегулировать имущественныя отношенія, а равно и принципъ равнаго надѣленія всѣхъ. Вѣдь нельзя было надолго осуществить этотъ принципъ безъ такихъ ограниченій сферы господства частной собственности при новомъ порядкѣ, при которыхъ уже не могло быть рѣчи о подлинной собственности. Вытекающія изъ вышеуказаннаго принципа послѣдствія сдѣлали бы необходимымъ непрерывное регулирующее вмѣшательство въ распредѣленіе и возникновеніе доходовъ, безпрестанно клонились бы къ «соціалистической» системѣ распредѣленія.

Было бы въ высшей степени интересно установить, къ какой эпохѣ относится возникновеніе движенія, стремившагося къ реформѣ аграрныхъ отношеній въ Спартѣ, какія формы оно принимало въ дальнѣйшемъ развитіи, и какъ къ нему относились

государственныя и общественныя власти. Къ сожалѣнію, традиція оставляетъ это почти совершенно невыясненнымъ. Вѣдь легенда о Ликургѣ, переносящая программу аграрныхъ реформаторовъ въ далекое прошлое, оказывается лишь легендой. Въ достовѣрной исторіи мы впервые можемъ констатировать требованіе передѣла земель лишь въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Хр. Но и въ данномъ случаѣ мы не узнаемъ ничего, кромѣ непосредственной причины движенія, заключавшейся въ затруднительномъ экономическомъ положеніи части гражданъ, вслѣдствіе тяжелаго военнаго времени, настолько обострившаго противоположность между бѣдными и богатыми, что недовольные элементы требовали именно вышеуказанной радикальной мѣры [8]). Не извѣстно, какимъ образомъ удалось справиться съ этимъ революціоннымъ движеніемъ, или каковы были вызванныя имъ реформы. Вѣдь ссылка на «серьезную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восторженную силу поэзіи» Тиртея, боровшагося въ элегіи «Соблюденіе законовъ» (εὐνομία) противъ соціальной революціи, конечно, ничего не объясняетъ. А, главное, остается невыясненнымъ, что было подлиннымъ основнымъ мотивомъ всего движенія: вышеуказанное ненормальное затруднительное положеніе гражданъ, лишившихся своей земельной собственности, вслѣдствіе возстанія мессенскихъ гелотовъ, или же оппозиція противъ вѣдь и тогда уже довольно далеко подвинувшагося впередъ неравенства въ распредѣленіи земли [9]), стало-быть, специфически анти-капиталистическая тенденція?

Что же касается послѣдующей эпохи, въ теченіе которой въ Спартѣ вѣдь все же произошли нѣкоторыя внутреннія измѣненія, то мы рѣшительно ничего не узнаемъ о томъ, какъ обстояло дѣло относительно занимающаго насъ вопроса въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Правда, сообщается объ имѣвшемъ мѣсто въ четвертомъ вѣкѣ опасномъ революціонномъ движеніи, о вышеупомянутомъ заговорѣ Кинадона; но традиція оставляетъ совершенно невыясненными его соціально-политическія цѣли. Лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда соціальная революція разразилась, подобно стремительному горному потоку въ долинѣ Эврота, и разрушила весь общественный строй, она оставила въ памяти послѣдующихъ поколѣній болѣе глубокіе слѣды.

Конечно, и въ данномъ случаѣ мы не можемъ ожидать въ самомъ дѣлѣ удовлетворительнаго изображенія дѣятелей и положенія вещей. Въ томъ, что повѣствуется о соціальныхъ революціонерахъ на спартанскомъ тронѣ въ плутарховскихъ жизнеописаніяхъ и въ лежащемъ въ основѣ ихъ историческомъ произведеніи Филарха, обнаруживается такой недостатокъ экономической, политической и соціально-психологической проницательности и до такой степени одностороннее подчеркиваніе личнаго момента, что, по существу дѣла, невозможно отчетливо выяснить все экономическое положеніе дѣлъ, равно какъ теченія и силы, стремившіяся къ реформѣ и боровшіяся противъ нея. Поэтому въ нашемъ распоряженіи не оказывается дѣйствительно, удовлетворительнаго историческаго критерія для сужденія о соціально-политическихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ героевъ разсказа. Къ тому же историческое сужденіе затрудняется еще и тѣмъ, что историческая тенденція этого рода исторіографіи, при всемъ ея интересѣ къ личности, все же не допускаетъ болѣе отчетливаго изображенія индивидуальности. Тотъ литературный портретъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, оказывается стилизированнымъ. Не въ мѣру разыгравшаяся свободная фантазія создаетъ въ данномъ случаѣ типы, придающіе изображаемымъ характерамъ оттѣнокъ чего-то условнаго и затемняющіе дѣйствительность. Эта тенденція еще усиливается тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ повѣствователь относится къ своимъ героямъ, и которое онъ желаетъ передать читателю при посредствѣ наивозможно болѣе патетическаго изложенія, пользующагося всевозможными трагическими пріемами [10]). Благодаря этому получается

идеализированная картина, причемъ полная зависимость Плутарха отъ его оригинала и совершенное отсутствіе какихъ бы то ни было иныхъ источниковъ исключаютъ возможность поправокъ и дополненій на основаніи традиціи.

Несмотря на это, мы не можемъ отказаться отъ обстоятельнаго анализа и отъ критики той редакціи, въ которой сохранилась исторія Агида и Клеомена. Вѣдь именно въ этой формѣ она имѣетъ воистину типическое значеніе для исторіи соціализма, и съ этой соціально-исторической стороны она еще нигдѣ не оцѣнена.

Царственный юноша Агидъ изображается у Плутарха совершенною противоположностью тиранна въ моральномъ и въ соціально-политическомъ отношеніи. Между тѣмъ какъ тираннъ объявляетъ богачамъ войну потому, что его побуждаютъ къ этому его собственная жажда могущества и наслажденій, а равно и коммунистическая алчность и соціалъ-демократическое стремленіе къ равенству той массы, страстямъ и инстинктамъ которой онъ вынужденъ угождать для того, чтобы оставаться властелиномъ [11]), царь Агидъ свободенъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій, отъ всякихъ соображеній, диктуемыхъ классовыми или же индивидуальными частными интересами. Ему знакомы лишь одинъ мотивъ и одна путеводная звѣзда: интересы государства, о политическомъ и нравственномъ упадкѣ котораго онъ глубоко скорбитъ, и ради возрожденія котораго онъ съ безграничнымъ самоотверженіемъ жертвуетъ своею жизнью и своимъ достояніемъ. Онъ является мученикомъ нравственной идеи, для котораго невыносимо то, что древній благодѣтельный строй государственной жизни обратился въ фарсъ и въ обманъ, и которому его правдивость и добродѣтель даютъ чудесную силу и возможность вступить въ борьбу съ могущественными лживыми и эгоистическими элементами. Согласно этому воззрѣнію, со времени великаго Агесилая въ Спартѣ не было царя, который могъ бы сравняться съ Агидомъ благородствомъ и возвышеннымъ характеромъ. Выросши въ богатствѣ и будучи воспитанъ въ роскоши и изнѣженъ матерью и бабушкою, «богатѣйшими женщинами въ странѣ», едва достигшій двадцатилѣтняго возраста, царственный юноша внезапно отрекается отъ всякихъ житейскихъ удовольствій, отказывается отъ всякихъ внѣшнихъ украшеній и показывается лишь въ грубомъ плащѣ древнихъ спартіатовъ, суровый и полный лишеній образъ жизни которыхъ онъ вполнѣ усваиваетъ. Корона сама по себѣ ему безразлична. Лишь тогда, заявляетъ онъ, она получила бы цѣну въ его глазахъ, если бы, благодаря ей, онъ получилъ возможность воскресить законы и нравы предковъ [12]). Онъ готовъ пожертвовать даже жизнью во имя своего идеала. И онъ собирается осуществить это великое дѣло возстановленія ликурговскаго государственнаго строя, въ которомъ онъ усматриваетъ единственное спасеніе отъ безнадежнаго упадка для Спарты, безъ кровавыхъ насильственныхъ мѣръ. Вѣдь его сердце преисполнено благочестія, кротости, любви къ людямъ [13])! Тѣмъ болѣе темными красками изображенъ тотъ безобразный фонъ, на которомъ выдѣляется въ лучезарной красотѣ этотъ возвышенный, свѣтлый образъ. Изображеніе существующихъ порядковъ и ихъ сторонниковъ сплошь проникнуто тѣмъ резонерскимъ пессимизмомъ философіи нищеты, который мы постоянно встрѣчаемъ въ соціалистической критикѣ общества.

Для того, чтобы можно было изобразить перипетію, переломъ, котораго требуетъ теорія не какъ актъ революціоннаго произвола, а какъ естественный результатъ самого соціальнаго развитія, соотвѣтствующій имманентной логикѣ вещей и справедливости, существующее общество должно быть представлено въ такомъ освѣщеніи, при которомъ получается впечатлѣніе, что политически, экономически и морально оно вполнѣ созрѣло для краха. Такъ какъ идеалъ всѣхъ реформаторскихъ стремленій усматривается въ коллективизмѣ (κοινωνία), то отвергаемое теоріей

общество должно, благодаря чрезмѣрному развитію индивидуализма, какъ въ этическомъ, такъ и въ соціально-экономическомъ отношеніяхъ оказываться въ до такой степени безнадежномъ состояніи, что этому обществу предстоитъ лишь выборъ между отреченіемъ отъ своихъ основныхъ принциповъ или гибелью.

Поэтому распаденіе общества на плутократовъ и пролетаріевъ настолько преувеличивается въ этой традиціи, что получается такое впечатлѣніе, будто въ тогдашней Спартѣ вообще существовали только чрезмѣрно богатые капиталисты и совершенно опустившіеся, жалкіе пролетаріи. Безспорно имѣвшая мѣсто въ высшей степени нездоровая концентрація земельной собственности въ рукахъ меньшинства и возраставшее обращеніе массы въ пролетаріатъ изображаются такимъ образомъ, какъ-будто все достояніе мелкихъ и среднихъ владѣльцевъ перешло въ собственность немногихъ лицъ. Утверждается, что обезземеленіе огромнаго большинства и экспропріація средствъ жизни и орудій труда, которой оно подверглось, были настолько доведены до конца, что всего лишь около сотни спартіатовъ владѣло землей, а всѣ остальные граждане (будто бы еще въ числѣ 600 человѣкъ) сплошь были голодною и лѣнивою чернью [14]).

Въ извѣстномъ отношеніи это аналогично тому «обращенію индивидуальныхъ и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно-сконцентрированныя», которое марксизмъ выдаетъ за конечный результатъ естественной эволюціи капиталистическаго общества. Въ данномъ случаѣ, выражаясь языкомъ марксистовъ, «этотъ процессъ оказался настолько глубокимъ и вызвалъ такое разложеніе стараго общества», что на долю дальнѣйшаго «обобществленія» осталось уже очень немногое. Чѣмъ далѣе подвинулась впередъ концентрація капиталовъ, чѣмъ цѣлостнѣе становится непреодолимая соціальная сила, господствующая надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе близкою представляется возможность произвести еще большее обобществленіе. Стоитъ лишь поступить съ небольшой кучкой капиталистическихъ магнатовъ такъ же, какъ они и ихъ предшественники поступали съ огромной массой гражданъ, и всѣ блага окажутся сосредоточенными въ однѣхъ рукахъ, и станетъ возможнымъ всеобъемлющее планомѣрное распредѣленіе, совершенно измѣняющее экономическую структуру общества, т.-е. экспропріаторы экспропріируются, и капиталистическое классовое государство рушится!

Нѣтъ нужды доказывать, что положеніе вещей не было до такой степени просто, и что это спартанское государство, состоящее изъ 100 капиталистовъ и 600 нищихъ, представляетъ собой конструкцію [15]). Вѣдь теорія обнищанія уже и тогда входила въ составъ соціалистической критики общества. Уже Платону представляется самоочевиднымъ, что въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствуетъ олигархія, т.-е. плутократія, «почти всѣ, не принадлежащіе къ господствующему классу, — нищіе» [16]). И согласно этому общему основному воззрѣнію фраза: «земельная собственность (или собственность вообще) въ данной странѣ сосредоточена въ рукахъ немногихъ лицъ» играетъ для соціалистическаго трактованія исторіи роль стереотипной формулы, служащей для наивозможно болѣе выразительной характеристики плутократическаго вырожденія общества. Аристотель, напр., примѣняетъ эту формулу къ распредѣленію земельной собственности какъ въ Спартѣ четвертаго вѣка, такъ и въ Аттикѣ шестого вѣка [17]). Въ послѣднемъ случаѣ подобная характеристика, какъ это можно доказать, неправильна, и въ ней заключается сильное преувеличеніе. Какъ же можетъ она, спрашивается, претендовать на то безусловное довѣріе, которое ей до сихъ поръ всѣми оказывалось въ первомъ случаѣ? Неужели эта формула становится болѣе цѣнною въ устахъ Филарха или

Плутарха, которые одинаково шаблонно примѣняютъ ее какъ къ Спартѣ во времена Ликурга, такъ и къ Спартѣ въ эпоху Агида?

Этическая характеристика господствующаго общества столь же тенденціозна, какъ и экономическая. Утверждается, будто все плутократическое вырожденіе послѣдняго вызвано тѣмъ, что «вліятельныя» лица, подъ вліяніемъ корыстолюбія, согласились на измѣненіе въ гражданскомъ правѣ, благодаря которому собственникамъ было предоставлено неограниченное право свободно располагать своимъ земельнымъ участкомъ, и дана возможность съ грубою безцеремонностью лишать законныхъ наслѣдниковъ наслѣдства, массами «отстранять» ихъ [18]). Итакъ, это была экспропріація въ худшемъ смыслѣ слова, виновники которой представляются хищниками, ограбившими общество, а ея жертвы—въ подлинномъ смыслѣ обездоленными.

Формула, примѣняемая въ данномъ случаѣ для объясненія исторически сложившагося распредѣленія собственности, оказывается чрезчуръ простою и механическою для того, чтобы она могла удовлетворить историческое мышленіе. И мотивъ, конечно, безсознательно вызвавшій подобнаго рода причинное объясненіе, настолько прозраченъ, что это, какъ бы то ни было, значительно уменьшаетъ его убѣдительность. Вѣдь, разъ соціализмъ заявлялъ притязаніе на то, что онъ въ состояніи свободно придать дѣйствительной жизни извѣстную форму, то, если бы соціалистическому діагнозу удалось представить все данное состояніе общества, какъ нѣчто, обусловленное произвольнымъ воздѣйствіемъ и, слѣдовательно, допускающее раціонально воздѣйствіе, то это могло бы лишь благопріятствовать подобному притязанію. Конечно, этого нельзя было доказать, не прибѣгая къ искусственнымъ построеніямъ и къ преувеличеніямъ.

Не менѣе бросается въ глаза преувеличеніе и въ историческомъ сужденіи, высказываемомъ по поводу поведенія собственниковъ, относительно дальнѣйшаго хода событій. Подобно тому, какъ безсмысленность и неразуміе существующаго строя вещей объясняются исключительно злою волею богачей, и сопротивленіе ихъ царственнымъ соціальнымъ революціонерамъ мотивируется исключительною ихъ развращенностью и матеріалистическимъ образомъ мыслей. Они «дрожатъ при мысли о Ликургѣ, подобно бѣглымъ рабамъ, которыхъ ведутъ обратно къ ихъ господину» [19]).

Особенно презрѣннымъ представляется поведеніе соціально-консервативной партіи, благодаря тому, что душой сопротивленія выставляются враждебныя Агиду ж е н щ и н ы, а именно тѣ богатыя наслѣдницы, въ рукахъ которыхъ находилась значительная часть спартанскихъ земель и капиталовъ [20]), и которыя, благодаря ихъ «неумѣнію цѣнить прекрасное» [21]), не желаютъ отказаться отъ роскоши, вліянія и почета. Онѣ обращаются къ другому царю, старику Леониду, который, не рѣшаясь на первыхъ порахъ открыто выступить противъ Агида, тѣмъ энергичнѣе борется противъ него отравленнымъ оружіемъ клеветы. Этотъ царь играетъ въ данномъ случаѣ точно такую же гнусную роль, какъ его миѳическій двойникъ Леонидъ, фигурирующій въ романѣ о Ликургѣ и своими инсинуаціями заставляющій великаго законодателя покинуть родину [22]). Эта выдумка, очевидно, разсчитана на то, чтобы навѣки заклеймить историческаго Леонида, придавъ гнусному противнику соціальнаго спасителя Спарты, конечно, наивозможно болѣе искаженныя черты врага Агида и его имя.

Подобно тому, какъ его миѳическій предшественникъ взвелъ на Ликурга обвиненіе въ томъ, что планы послѣдняго клонятся къ тому, чтобы противозаконно добиться царской власти, Леонидъ клевещетъ на Агида, что послѣдній желаетъ

передачи имущества богатыхъ бѣднымъ, раздѣла земель и кассированія долговъ, чтобы снискать этимъ поддержку массы для осуществленія плана, клонящагося ни болѣе, ни менѣе какъ къ тиранніи [23]). Затѣмъ, для болѣе подробной характеристики Леонида, прибавляется еще, что рвеніе, проявленное имъ при отстаиваніи существующаго строя, было внушено ему, главнымъ образомъ, опасеніемъ, что грандіозное самопожертвованіе Агида и его дома навсегда затмитъ его. А именно Агидъ заявилъ предъ всѣмъ народомъ, что онъ первый готовъ предоставить въ распоряженіе государства все свое имущество, обширные участки пахотной земли и луговъ и не менѣе 600 талантовъ наличными деньгами. При этомъ онъ добавилъ, что его мать, бабушка и его друзья и знакомые также готовы пожертвовать свои богатства въ новую соціальную общину [24]). Народъ привѣтствуетъ это заявленіе радостнымъ восклицаніемъ: «наконецъ-то, по прошествіи трехсотъ лѣтъ явился царь, достойный Спарты». Этого не можетъ вынести старый царь, развращенный въ придворной атмосферѣ эллинистическаго Востока. Онъ соображаетъ: «если все это осуществится, то и я буду вынужденъ принести такую же жертву, не будучи, однако, въ состояніи разсчитывать на такую же благодарность со стороны гражданъ». Вѣдь, если всѣ одинаково отдадутъ свои имущества, то все-таки вся честь выпадетъ на долю того, кто подалъ примѣръ своей иниціативой! И это мелочное соображеніе, обусловленное задѣтымъ тщеславіемъ, имѣетъ рѣшающее значеніе!

Никто не станетъ, конечно, отрицать, что противники реформъ въ значительной степени были проникнуты нераздѣльно связаннымъ съ плутократическимъ духомъ матеріальнымъ эгоизмомъ, антигосударственными помыслами и страстною ненавистью. Но не менѣе достовѣрно и то, что все это лишь въ высшей степени односторонне и недостаточно мотивируетъ сопротивленіе, которое долженъ былъ встрѣтить монархически демократическій соціализмъ Агида. И въ данномъ случаѣ мы опять-таки имѣемъ дѣло съ шаблоннымъ истолкованіемъ, безпрестанно встрѣчающимся въ литературѣ доктринерскаго соціализма и—какъ доказываетъ уже его вліяніе на тогдашнюю исторіографію—вообще имѣвшее извѣстное типическое значеніе для классовыхъ конфликтовъ греческаго міра. Обвиненія, высказываемыя сторонниками царя Агида противъ анти-соціалистической партіи, чрезвычайно напоминаютъ, напр., выраженія негодованія, вкладываемыя въ уста аѳинскихъ пролетаріевъ по адресу богачей соціальной комедіей и вообще обвиненія, неоднократно встрѣчающіяся въ полемической литературѣ противъ богатства [25]). Не подлежитъ сомнѣнію, что это негодованіе было во многихъ отношеніяхъ основательно. Но столь же несомнѣнно и то, что въ данномъ случаѣ слѣпое рвеніе доктринеровъ противъ иначе мыслящихъ значительно перехватываетъ черезъ край всюду, исключая объективную оцѣнку.

Біографъ Агида всецѣло проникнутъ той точкой зрѣнія, которую мы констатировали у принадлежащихъ именно данной эпохѣ предшественниковъ Руссо [26]). Вмѣстѣ съ Платономъ, Дикеархомъ и стоиками онъ придерживается того взгляда, что любостяжаніе (плеонексія) и гнусное скряжничество суть пороки, специфически свойственные капиталистическому экономическому строю. Лишь послѣ того, какъ развилась страсть къ пріобрѣтенію золота и серебра, и стало возможнымъ накопленіе богатствъ, эти пороки внѣдрились въ обществѣ въ качествѣ спутниковъ пріобрѣтенія богатствъ [27])! Вполнѣ послѣдовательнымъ выводомъ изъ этой точки зрѣнія, переоцѣнивавшей «естественную», т.-е. еще не испорченную капитализмомъ благость человѣческой природы, явился взглядъ, согласно которому лишь капитализмъ препятствуетъ всякому нравственному и соціальному возрожденію. Этимъ объясняется столь характерное для нашихъ біографовъ наивное вѣрованіе, не

признающее никакихъ трудностей, кромѣ злой воли собственниковъ, и въ виду этого безъ дальнихъ околичностей старающееся представить въ глазахъ современниковъ и потомства естественное сопротивленіе послѣднихъ требуемому программой разрушенію общества проявленіемъ вульгарной алчности и низменныхъ помысловъ. Точно такъ же въ легендахъ о Ликургѣ все устраивается чрезвычайно легко, и лишь злонамѣренные богачи нарушаютъ вызванную чарами убѣдительной рѣчи великаго реформатора всеобщую гармонію своими криками и дикими выходками противъ него!

Безстрастное сужденіе исторіи будетъ гласить иначе. Оно, прежде всего, отмѣтитъ, что всеобщее уравненіе, задуманное царемъ Агидомъ, грозило обращеніемъ въ общественную собственность не только чрезмѣрнымъ богатствамъ, но и существовавшей частной собственности вообще, стало-быть, тому, что человѣкъ считаетъ столь же неприкосновеннымъ и ненарушимымъ, какъ и свою личность, тому, что составляетъ для него въ подлинномъ смыслѣ «noli me tangere»! Развѣ можно прямо-таки отожествлять это непосредственное и глубокое чувство, связанное съ естественнымъ и свободнымъ отъ нездороваго такъ называемаго идеализма сознаніемъ значенія «имущества», и коренящееся въ этомъ чувствѣ влеченіе человѣка удерживать «свое» съ противообщественными скаредными интересами, какъ дѣлаетъ это доктринерская псевдоисторія?

Конечно, бездушная плутократія тогдашней Спарты врядъ ли проявила бы готовность даже и къ тѣмъ жертвамъ, которыхъ при упадкѣ государства и общества отъ нея безусловно требовали общественные интересы. Однако, и это не оправдываетъ декламацій относительно необычайной нравственной испорченности. Гдѣ и когда бывало, чтобы цѣлый соціальный классъ, какъ таковой, какъ классъ, изъ чистаго доброжелательства къ остальнымъ членамъ общества, изъ интереса къ общему благу, словомъ, въ силу чисто-альтруистическихъ мотивовъ, добровольно пожертвовалъ такой долей своихъ правъ и настолько отказался бы отъ всего своего соціальнаго положенія, чтобы можно было говорить о принципіально важной уступкѣ? Такого класса никогда не существовало, даже и въ царствѣ легенды, какъ тогда открыто признавали и сами проповѣдники Ликургова евангелія. И что же, наконецъ, сказать о политикѣ всеобщаго грабежа! Развѣ не должны были возстать противъ нея всѣ элементы, сколько-нибудь возвышавшіеся въ культурномъ или экономическомъ отношеніи надъ пролетарскимъ уровнемъ и трезво и непредубѣжденно судившіе о положеніи дѣлъ?

Легенда о Ликургѣ прославляетъ словами Пиндара ту мудрую разсудительность, которою отличались старцы древней Спарты. Если въ позднѣйшую эпоху у спартанцевъ осталась хоть какая-нибудь доля этой практической житейской мудрости, то они врядъ ли могли сомнѣваться въ томъ, что попытка—къ тому же совершенно не подготовленная — превратить романъ о Ликургѣ въ дѣйствительность и увѣренность въ томъ, что путемъ радикальнаго устраненія всѣхъ имущественныхъ и культурныхъ различій можно будетъ осуществить соціальное совершенство, не представляли собой ничего, кромѣ неразумной идеологіи. Юношески незрѣлому увлеченію этимъ безудержнымъ радикализмомъ можно было бы противопоставить просто указаніе на то, что даже идеальнѣйшій изъ сторонниковъ соціализма, самъ Платонъ, отличавшійся богатѣйшей фантазіей, усвоивъ себѣ въ старости болѣе зрѣлый взглядъ, категорически отказался отъ подобнаго драматическаго разрѣшенія соціальнаго вопроса [28]). Далѣе, если тотъ же самый Платонъ былъ вынужденъ признать, что въ дѣйствительномъ мірѣ вообще невозможно разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ экономической и соціальной справедливости, равенства и истиннаго счастья, то развѣ можно было ждать отъ людей,

проникнутыхъ антисоціалистическимъ буржуазнымъ скептицизмомъ, чтобы они вернулись къ вѣрованію, отъ котораго отказался даже и величайшій изъ сторонниковъ соціализма?

Не доказывала ли вся исторія самой Спарты, что имущественное неравенство вытекаетъ уже изъ института собственности, съ которымъ не рѣшился вполнѣ порвать даже и легендарный Ликургъ, такъ что, стало-быть, даже точнѣйшее возстановленіе ликургова общественнаго строя [29]) еще не могло бы надлежащимъ образомъ обезпечить вполнѣ ведущаго къ цѣли и прочнаго осуществленія идеала равенства, къ которому стремилась партія реформаторовъ?

Къ тому же, какъ противоестественно было, среди общества, воспринявшаго пріобрѣтенія высоко-развитой культуры, на такой стадіи развитія, которая характеризовалась вѣдь не только матеріалистическимъ вырожденіемъ, но и множествомъ дѣйствительныхъ культурныхъ потребностей и культурныхъ наслажденій, желать водворенія полнаго и не допускающаго никакихъ изъятій равенства, которое должно было производить на дифференцировавшагося культурнаго человѣка данной эпохи впечатлѣніе чего-то фактически фальшиваго, невозможнаго, впечатлѣніе вопіющей несправедливости.

Кто же, наконецъ, ручался за то, что столь громадныя жертвы не будутъ принесены безъ всякой пользы, что на основѣ проектируемаго равенства въ самомъ дѣлѣ расцвѣтутъ то нравственное возрожденіе и та идеальная гармонія, наступленіе которыхъ возвѣщали своимъ адептамъ пророки соціализма? Революціонное движеніе, естественно, очень скоро приняло характеръ демократическаго массоваго движенія. Естественнымъ союзникомъ царя, важнѣйшимъ реальнымъ факторомъ въ борьбѣ противъ существующаго общества была давно уже чаявшая переворота пролетарская масса [30]). Въ союзѣ съ нею должна была быть произведена революція, она должна была воспользоваться ея плодами, съ ея желаніями и склонностями должны были считаться вожди движенія. Поэтому они и усвоили чисто-демагогическій тонъ, ведя пропаганду среди массы. Сторонники переворота, въ числѣ которыхъ называютъ Лисандра, Мандроклида и дядю царя, Агесилая, распространяли среди собиравшейся на площади толпы зажигательные лозунги классовой борьбы: народъ не долженъ терпѣть, чтобы немногія личности издѣвались надъ нимъ и унижали Спарту [31]). Это, несомнѣнно, подлинная черта движенія. Итакъ, партія, стремившаяся къ перевороту, принципіально шла и должна была идти тѣмъ путемъ, который Лассаль охарактеризовалъ слѣдующими словами: дѣло идетъ о томъ, чтобы «на арену явился самъ народъ, и чтобы были установлены его права».

«Народъ», т.-е. въ данномъ случаѣ пролетарскіе кулаки на политической аренѣ! Въ Греціи было достаточно извѣстно, что это означало! Вѣдь уже въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ противъ собственниковъ велась борьба, девизомъ которой были равенство, справедливость и братство, и какъ часто рѣшающая роль доставалась массѣ и ея вожакамъ! Обнаруживались ли до тѣхъ поръ въ ея образѣ дѣйствій хотя бы слѣды того идеальнаго сознанія права и солидарности, которое считали возможнымъ внушить массѣ чарами своего наскоро задуманнаго плана спасенія апостолы ликурговой государственной идеи? Неистовые взрывы ненависти и мстительности, кровавыя насилія, убійства, грабежъ и разбои, дикая разнузданность—таковы были явленія, которыми всегда сопровождалась классовая борьба, съ тѣхъ поръ какъ начались попытки практическаго осуществленія экономическаго и соціальнаго уравненія. Въ достаточной степени обнаружилось, что коллективистическія чувства массы, идея «братства» (κοινωνία), по крайней мѣрѣ, настолько же обусловли-

вались эгоистическими интересами, какъ и капиталистическій индивидуализмъ, что элементарное влеченіе индивидуальнаго себялюбія не менѣе сильно сказывалось въ политикѣ обездоленныхъ, чѣмъ среди партій, отстаивавшихъ интересы собственниковъ. Не обнаруживалась ли безпрестанно на ряду съ правомѣрнымъ озлобленіемъ, вызываемымъ нищетою и эксплуатаціей, еще и—въ большинствѣ случаевъ удовлетворяемая съ грубой жестокостью и циничесой наглостью—алчность къ имуществу ближняго, котораго изгоняли для того, чтобы самому—и притомъ только самому—занять его мѣсто. Можно ли такъ сильно негодовать на противниковъ Агида за то, что они не пожелали принять участія въ романтической игрѣ съ накопившимися горючими матеріалами, усматривали въ провозглашеніи равенства и братства лишь лицемѣрно скрываемый эгоизмъ и подозрѣвали, что въ проектируемомъ демократическомъ переворотѣ кроется намѣреніе вытѣснить меньшинство большинствомъ? Но какой участи могло ждать это меньшинство отъ большинства, непримиримую ненависть котораго къ господствующему классу уже болѣе вѣка до того мѣтко выразилъ мятежникъ Кинадонъ, сказавъ, что неполноправные спартанскіе граждане (ὑπομείονες) точно такъ же, какъ и крѣпостные и подданные, «охотнѣе всего пожрали бы этотъ классъ съ кожей и волосами» [32]).

Въ виду неоднократно производившихся въ національной исторіи опытовъ, вѣрованіе представителей спартанской государственной романтики въ то, что стоитъ только устранить путемъ всеобщей конфискаціи богатство и бѣдность, чтобы искоренить недоброжелательство, надменность и другія слабости [33]), въ самомъ дѣлѣ представляется ребяческимъ легковѣріемъ, чудовищнымъ самообманомъ. Проектировалось уничтоженіе классового государства при помощи общественнаго слоя, до тѣхъ поръ въ своей борьбѣ противъ существующаго классового господства, преимущественно имѣвшаго въ виду лишь торжество своихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ и инстинктовъ, и стремившагося къ такой организаціи новаго порядка вещей, въ основѣ которой лежало бы допущеніе, что лишь эта часть общества должна приниматься въ разсчетъ, и что лишь этотъ классъ долженъ опредѣлять волю государства [34])!

И въ то же время надѣялись, что эта коснѣвшая въ чувственныхъ вожделѣніяхъ масса сразу проявитъ такое самоотверженіе и самоотреченіе, такое безкорыстіе, чувство долга и такую субординацію, которыхъ требовало отъ каждаго гражданина проектируемое возвращеніе къ суровой дисциплинѣ древне-спартанскаго государства воиновъ! Этотъ классъ, побѣда котораго до тѣхъ поръ всегда означала лишь новую форму господства общества надъ государствомъ, долженъ былъ оказаться носителемъ политики, преслѣдовавшей діаметрально противоположную этому цѣль, а именно: безусловное подчиненіе всѣхъ индивидуальныхъ воль чистой государственной идеѣ, полное верховенство государства надъ обществомъ! Конечно, оплакиваемое повѣствователемъ отсутствіе патріотизма у спартанскаго пролетаріата въ данную эпоху [35]), могло быть психологически неизбѣжнымъ результатомъ его соціальной приниженности, и въ немъ могъ быть отчасти виновенъ господствующій классъ. Но развѣ простое измѣненіе экономическаго положенія могло устранить вызванную этою приниженностью деморализацію?

Въ сущности это былъ тотъ же самый оптимизмъ, который намъ уже пришлось констатировать въ убѣжденіи Платона, что масса обратилась бы въ стадо кроткихъ агнцевъ, увидавъ дѣятельность философовъ—государственныхъ дѣятелей. Эта все та же идеализація человѣческой природы, которая и понынѣ составляетъ πρῶτον ψεῦδος доктринерскаго соціализма. Бросается въ глаза противорѣчіе между этой способностью идеализировать воображаемое новое общество и нессимизмомъ,

проявляемымъ по отношенію къ старому обществу. Для того, чтобы оказалось возможнымъ построить новое общество на основѣ всеобщей добродѣтели, приходилось устранить влеченія и инстинкты, которые, какъ бы то ни было, сильны въ дѣйствительно существующихъ людяхъ, изъ числа дѣйствующихъ силъ! Словомъ, считались не съ человѣческою природою, какова она *есть*, а съ такою, какою она *должна была бы* быть.

Вѣдь уже основная мысль ликурговской государственной романтики, согласно которой соціальное уравненіе повлекло бы за собой значительное ослабленіе или даже устраненіе извѣстныхъ соціальныхъ инстинктовъ, психологически несостоятельна. Такъ какъ не абсолютная сила какого-нибудь впечатлѣнія или величина какого-нибудь объекта, а его отличіе отъ иныхъ впечатлѣній опредѣляетъ собой вызываемую имъ въ насъ реакцію, то и при значительномъ равенствѣ уже весьма мелкія различія относительно внѣшняго положенія, должности, почета и т. д. могутъ вызывать зависть и домогательства (плеонексію) съ одной стороны, высокомѣріе—съ другой, словомъ порождать результаты дифференцированія, аналогичные результатамъ, вызываемымъ различіями, существующими между очень далекими другъ отъ друга въ соціальномъ отношеніи общественными слоями [36]). Легенда о Ликургѣ и лежащая въ ея основѣ философія данной эпохи совершенно игнорируютъ этотъ фактъ.

Въ виду сильно развитой способности предаваться иллюзіямъ, которой требовала для своихъ наскоро составленныхъ плановъ спасенія эта оптимистическая соціальная философія, попытка руководящейся этимъ воззрѣніемъ традиціи доказать не только моральное, но и интеллектуальное банкротство ея противниковъ представляется прямо-таки ребяческой [37]). По словамъ Плутарха, при публичномъ обсужденіи вопроса въ народномъ собраніи царь Леонидъ ухватывается за извѣстную черту традиціи, относящейся къ Ликургу, согласно которой Ликургъ воздержался, по крайней мѣрѣ, отъ непосредственной экспропріаціи *движимой* собственности, слѣдовательно, и отъ кассированія долговъ, предложеннаго тогда сторонниками реформы [38]). Въ отвѣтъ на это царь Агидъ иронически возражаетъ, что не мудрено, если человѣкъ, выросшій на чужбинѣ и имѣющій дѣтей отъ дочери сатрапа, ничего не знаетъ о томъ, что Ликургъ, устранивъ чеканенную монету, положилъ конецъ долгамъ и займамъ вообще. На это замѣчаніе Леонидъ ничего не можетъ возразить. И къ этому сводится все обсужденіе великой проблемы соціальнаго обновленія, причемъ противники не приводятъ ни одного аргумента, относящагося къ существу дѣла [39]). Не выясняетъ ли это лучше всего жалкой скудости и тенденціозной предвзятости сохранившагося повѣствованія, не умѣющаго объяснить сопротивленія, оказаннаго Агиду, ничѣмъ, кромѣ нравственной испорченности, которая якобы охватила неисправимое старшее поколѣніе [40])?

Понятно, при послѣдовательномъ примѣненіи шаблона, въ противоположность закоренѣлой буржуазности «стариковъ», поведеніе неиспорченныхъ «молодыхъ людей» представляется въ тѣмъ болѣе блестящемъ свѣтѣ. «Молодежь» (οἱ νέοι) слѣдуетъ увѣщанію царя и «тотчасъ же устремляется къ добродѣтели и отказывается отъ прежняго образа жизни какъ отъ старой одежды, съ цѣлью достичь истинной свободы». Она безвольно поддается обаянію юноши-пророка. Словомъ, получается впечатлѣніе воистину идеальной способности къ воодушевленію, для которой врядъ-ли нужны были божественныя указанія, въ этотъ именно моментъ полученныя, какъ утверждали, изъ храма Пасифаи и требовавшія отъ спартіатовъ, чтобы они «снова стали равными на основаніи законовъ, искони установленныхъ Ликургомъ» [41]).

Такое же увлеченіе идеаломъ обнаруживается и у принадлежащихъ къ царской семьѣ женщинъ, содѣйствіе которыхъ было чрезвычайно важно въ виду ихъ богатства и множества ихъ друзей, слугъ и должниковъ. Царь и его друзья также легко убѣждаютъ ихъ. Правда, у царицы-матери снерва преобладаетъ чувство ужаса и безпокойства. Она чувствуетъ, что ея сынъ замышляетъ нѣчто невозможное и пагубное. Однако, ея братъ Агесилай выясняетъ ей, насколько прекрасно и общеполезно замышляемое дѣло, и самъ царь увѣщеваетъ ее пожертвовать своими богатствами ради чести сына. Онъ говоритъ ей, что матеріальными богатствами ему нельзя сравняться съ другими государями, но если онъ, служа идеалу, превзойдетъ этихъ утопающихъ въ роскоши самозванцевъ, если онъ сможетъ возстановить равенство и братство между гражданами, онъ пріобрѣтетъ славное имя истинно великаго царя. Эта мотивировка устраняетъ всѣ опасенія царицы. Она, ея мать и, повидимому, еще и другія ея родныя и пріятельницы, увлекаются энтузіазмомъ юноши [42]). И, «проникнувшись божественнымъ воодушевленіемъ, зажженнымъ въ ихъ сердцахъ нравственною красотою великой мысли», онѣ съ величайшимъ усердіемъ начинаютъ пропагандировать идеи царя и торопить его поскорѣе приступить къ дѣлу [43]).

Полное измѣненіе образа мыслей, нравственное возрожденіе, переживаемое частью господствующаго общества, весьма напоминаютъ какъ-разъ тогда разработанную въ деталяхъ исторію великаго образца Агида, которому также удалось, какъ утверждали, одною лишь силою пророческаго слова, вызвать среди гражданъ такой нравственный нереворотъ, что установленіе совершенно новаго общественнаго строя на основѣ братства и добродѣтели совершилось съ изумительною легкостью [44]). Правда, въ эноху Агида нравственное возрожденіе охватываетъ не столь широкіе круги, какъ въ эпоху Ликурга. Тѣмъ не менѣе, оно производитъ довольно странное впечатлѣніе въ виду той общественной и духовной атмосферы, въ которой оно совершается. Оно происходитъ среди будто бы совершенно выродившейся плутократіи, которая, согласно тому же самому описанію, до тѣхъ поръ равнодушно взирала па нищету огромнаго большинства народа, между тѣмъ какъ среди нея все болѣе и болѣе распространялись роскошь, расточительность и нестерпимое классовое высокомѣріе.

Неужели можно въ самомъ дѣлѣ новѣрить разсказу о томъ, что вся «золотая молодежь», все молодое поколѣніе общества, предававшагося культу Маммона и грубому классовому эгоизму, еще питала столь идеальныя чувства, чтобы сразу отрѣшиться отъ всѣхъ противоположныхъ побужденій, вытекающихъ изъ естественнаго эгоизма: отъ жажды наслажденій, до-нельзя развитой у нея всѣмъ ея воспитаніемъ, отъ стремленія къ господству и отъ необузданныхъ личныхъ желаній? Вѣдь подобный, воистину чудесный, актъ нравственнаго возрожденія, такое усвоеніе аскетическаго идеала самоотреченія требовали отъ нихъ почти такой же готовности къ самоножертвованію, какъ и совѣтъ Іисуса богатому юношѣ раздать все свое имущество бѣднымъ. Въ Евангеліи говорится, что юноша «отошелъ опечалившись; вѣдь онъ былъ очень богатъ». А другой юноша, упоминаемый въ легендѣ о Ликургѣ, Алкандръ, даже оскорбилъ непокладливаго апостола равенства и воздержанія дѣйствіемъ [45])! Между тѣмъ всѣ сверстники Агида, выросшіе среди роскоши и комфорта, или хотя бы только значительное большинство ихъ [46]), оказались сразу готовыми послѣдовать за своимъ царемъ въ его отважномъ икаровскомъ полетѣ? Можно высоко цѣнить способность молодежи къ воодушевленію и допустить, что не мало юношей энтузіастовъ, принадлежащихъ къ знатной молодежи, устремилось подъ его вліяніемъ въ революціонный лагерь. Можно указывать на нримѣръ философовъ кинической школы въ

родѣ Кратета, который, во имя доктрины, раздалъ своимъ согражданамъ все свое состояніе—будто бы 200 талантовъ [47]),—но, во всякомъ случаѣ, сообщеніе Плутарха нельзя не признать преувеличеннымъ. А сколько въ этомъ воодушевленіи объясняется минутнымъ увлеченіемъ и юношеской опрометчивостью! Многіе ли въ самомъ дѣлѣ серьезно имѣли въ виду раздѣлить свое имущество съ бѣдными?

Впрочемъ, то обстоятельство, что Агидъ, какъ бы то ни было, нашелъ сторонниковъ среди части господствующаго общественнаго класса, доказываетъ, что этотъ послѣдній все-таки не до такой степени сплошь и безъ исключеній погрязъ въ матеріализмѣ, какъ утверждается въ мрачной характеристикѣ дошедшей до насъ тенденціозной традиціи. Вѣдь мы не должны упускать изъ виду, что вмѣстѣ съ развитіемъ денежнаго и капиталистическаго хозяйства въ Спартѣ значительно возросла и способность къ усвоенію элементовъ болѣе высокой культуры. И эта болѣе высокая культурная жизнь націи все же была настолько сильна, что на ряду съ матеріальными тенденціями экономической жизни признавалось и значеніе идеальныхъ благъ.

Этому способствовало распространявшееся при посредствѣ безчисленныхъ каналовъ по всему греческому міру вліяніе философіи. Она играетъ главную роль въ высшемъ образованіи не только въ центрахъ греческой культуры, но ея учителя и адепты встрѣчаются и въ глухихъ захолустьяхъ. Мы уже неоднократно имѣли случай констатировать ея слѣды въ литературѣ, въ особенности же въ публицистикѣ, въ дидактической поэзіи и въ романѣ. Какъ сильно способствовала распространенію этого вліянія хотя бы уже одна, чрезвычайно усилившаяся въ данную эпоху, потребность устраивать все какъ можно болѣе раціонально, согласно съ разумомъ! Достаточно указать на тотъ факторъ, вокругъ котораго тогда сосредоточивалось историческое движеніе, на монархію и на ея отношеніе къ духовной жизни данной эпохи! Государи эпохи эллинизма зачастую сами интересовались философіей и поддерживали личныя связи съ ея представителями. Они заботились о томъ, чтобы узаконить свою власть предъ этимъ духовнымъ форумомъ [48]). Соотвѣтственно этому философія данной эпохи отнюдь не изолируется отъ жизни въ горделивомъ уединеніи. Она не довольствуется монологами и абстрактными разсужденіями въ книгахъ и въ аудиторіяхъ. Уже въ раннюю эпоху, сдѣлавши политическіе и соціально-экономическіе злободневные конфликты одной изъ темъ своихъ размышленій, она требуетъ для теоріи права указывать съ высоты познанія заблуждающемуся и борющемуся народу наилучшіе пути и оказывать непосредственно воздѣйствіе на урегулированіе функцій политическаго и соціальнаго организма [49]). И благодаря вліянію, оказываемому ею на юношество, на партіи и на правительства, ей зачастую удается осуществлять эти притязанія. Нерѣдко философы непосредственно вмѣшиваются въ событія, разыгрывающіяся на политической аренѣ. Они засѣдаютъ въ царскихъ совѣтахъ, освобождаютъ города отъ ихъ тирановъ или призываются освободившимися общинами для реорганизаціи государственнаго строя.

И Спарта не избѣжала вліянія этого идейнаго движенія. Описаніе спартанскаго государственнаго устройства, составленное хорошо извѣстнымъ намъ перипатетикомъ Дикеархомъ [50]), было признано въ Спартѣ каноническимъ. По закону оно ежегодно прочитывалось у дома, гдѣ происходили засѣданія эфоровъ, предъ спартанскою молодежью. Утверждаютъ, что этотъ обычай соблюдался очень долго [51]). Далѣе мы можемъ констатировать, что, какъ-разъ въ эпоху царей-реформаторовъ, въ Спартѣ акклиматизируется имѣющая столь много точекъ соприкосновенія съ суровымъ древне-спартанскимъ духомъ стоическая философія, вліяніе которой Плу-

тархъ прямо-таки сравниваетъ съ дѣйствіемъ поэзіи Тиртея [52]). Одинъ изъ первыхъ учениковъ Зенона [53]), Сѳэръ борисѳенскій, съ большимъ успѣхомъ училъ тамъ — даже въ эпоху плутократической реакціи — и оказалъ сильное вліяніе напр., на наслѣдника Агида, царя Клеомена въ его юности. Изъ этого факта былъ сдѣланъ тотъ правильный выводъ, что онъ долженъ былъ пользоваться почетомъ и вліяніемъ уже и въ царствованіе Агида. И не подлежитъ сомнѣнію, что его произведенія, въ числѣ которыхъ упоминаются, напр., книги о Ликургѣ и о Сократѣ, о царской власти, о государственномъ строѣ Спарты, сыграли въ высшей степени значительную роль въ дѣлѣ именно тогда совершавшейся выработки ликурговскаго идеала государственнаго и общественнаго строя. Да и вообще выработка этого идеала уже сама по себѣ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о глубокомъ вліяніи, оказанномъ философіей данной эпохи на часть спартанскаго общества. Чрезвычайно характерно, наконецъ, въ этомъ отношеніи и то, что, по словамъ повѣствователя, царь Агидъ съ чувствомъ удовлетворенія ссылается предъ собравшимся народомъ на иностранцевъ, которые давно уже «философствовали вполнѣ въ духѣ Ликурга» и поэтому пользовались глубокимъ уваженіемъ въ Спартѣ [54]).

Это соприкосновеніе между теоріей и жизнью болѣе всего сказывается въ томъ, что соціальная проблема получила чрезвычайно важное значеніе и для философіи. Мы ясно видимъ, до какой степени сердца были потрясены трагизмомъ разыгрывавшейся на глазахъ у всѣхъ классовой борьбы, какъ сильно именно у лучшихъ элементовъ и среди имущаго класса умъ и фантазія работали надъ разрѣшеніемъ этихъ противорѣчій. Въ этомъ идейномъ движеніи отражается чрезвычайно повысившаяся отзывчивость психики на соціальную сторону жизни. Благороднѣйшіе умы націи прониклись мыслью о томъ, что необходимо приняться за исцѣленіе соціальныхъ недуговъ данной эпохи, о томъ, что дѣло идетъ объ устраненіи явленій, позорныхъ для культуры. Результатомъ этихъ размышленій явилась «борьба противъ бѣдности и богатства», формулировка общественныхъ идеаловъ, рѣзко выраженную соціалистическую тенденцію которыхъ мы достаточно выяснили. Даже такой сравнительно умѣренный соціалъ-политикъ, какъ Аристотель, не посягающій на институтъ частной собственности, какъ таковой, въ состояніи представить себѣ исцѣленіе отъ такихъ соціальныхъ недуговъ какъ тѣ, наличность которыхъ онъ вынужденъ констатировать какъ-разъ въ тогдашней Спартѣ, лишь *путемъ принудительнаго уравненія имущественныхъ отношеній государственною властью* [55]). Съ другой стороны, благодаря публицистикѣ и соціальному роману, эти идеи о новомъ царствѣ справедливости и соціальнаго мира распространились далеко за предѣлы школъ и были приспособлены къ уровню пониманія самыхъ широкихъ круговъ. Изъ научнаго соціализма руководящихъ умовъ и на ряду съ нимъ развивается соціализмъ образованныхъ людей. И хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ община вѣрующихъ ограничивалась тѣснымъ кругомъ, она все же имѣетъ большое значеніе въ качествѣ симптома того, что сомнѣнія въ правомѣрности существующаго проникли даже и въ среду части имущаго класса.

И въ тѣхъ лозунгахъ, которые выставлялись стремившимися къ реформѣ юнымъ спартанскимъ царемъ и его друзьями: добродѣтель, свобода, справедливость, естественность, явственно сказывается вліяніе, оказанное философскимъ соціализмомъ на образованныхъ людей данной эпохи. Эти лозунги вполнѣ соотвѣтствуютъ духу и соціальной этикѣ стоической школы, которая какъ мы уже констатировали, акклиматизировалась и въ Спартѣ. Основная мысль задуманной Агидомъ соціальной реформы—искорененіе неравенства путемъ созданія одинаковыхъ

для всѣхъ условій жизни и введенія одинаковаго и естественнаго воспитанія, очевидно, внушена философіей, постулировавшей естественное состояніе. Надежда на то, что такое естественное воспитаніе будетъ впредь удерживать всѣхъ гражданъ въ естественномъ состояніи, и что одинаковость воспитанія сдѣлаетъ всѣхъ равными и свободными, находила свое теоретическое обоснованіе именно въ той доктринѣ, согласно которой неравенство не вытекаетъ ни изъ природы человѣка, ни изъ необходимыхъ требованій общества.

Для чрезвычайной скудости дошедшей до насъ традиціи характерно, что эта духовная связь, которая, по крайней мѣрѣ, намѣчена въ біографіи Клеомена, совершенно игнорируется въ біографіи Агида. На него и на спартанскую молодежь снисходитъ какъ бы внезапное наитіе [56]). Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что царственный юноша, до такой степени вполнѣ проникнувшійся ликурговскимъ государственнымъ идеаломъ, получилъ сильнѣйшіе импульсы именно отъ вышеуказаннаго идейнаго движенія. Въ данномъ случаѣ въ извѣстномъ смыслѣ осуществилась мечта Платона: юный, неустрашимый и проникнутый благородными намѣреніями государь былъ готовъ воспользоваться политическою властью для служенія идеѣ, готовъ былъ способствовать торжеству разума. Въ его лицѣ совершается переходъ соціализма утопій и государственныхъ романовъ, философовъ и литераторовъ въ дѣйственный соціализмъ.

Конечно, государственная мудрость требовала отъ реформаторовъ, чтобы они опирались на соціальную философію данной эпохи. Она пріобщала къ дѣлу реформы массу идеальныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтствовала лучшимъ традиціямъ Спарты и традиціонному складу мышленія ея населенія. Нельзя было найти болѣе дѣйствительнаго агитаціоннаго средства, болѣе сильнаго духовнаго и моральнаго оружія противъ существующаго, какъ заявленіе, что задуманное преобразованіе общества отнюдь не представляетъ собой какого-нибудь новшества, но имѣетъ въ виду исключительно возстановленіе стариннаго права, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стариннаго процвѣтанія народа и государства, что дѣло идетъ не о революціи, а о возвращеніи отъ неестественныхъ и искусственныхъ порядковъ, существующихъ въ выродившемся настоящемъ, къ согласному съ требованіями природы и гармоничному прошлому [57]).

Поэтому и тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ совершилась перемѣна, конечно, не были чужды побочныхъ намѣреній. Демонстративное возвращеніе къ «естественной» простотѣ и строгости жизни явилось, несомнѣнно, не только результатомъ нравственнаго возрожденія, внезапнаго пробужденія «добродѣтели» (ἀρετή), какъ это представляется восторженному Филарху. Подобно тому какъ въ вѣкъ Руссо, и въ этой спартанской оппозиціи противъ житейскихъ формъ, принятыхъ въ высшемъ обществѣ, сознательно или безсознательно, играла роль потребность найти дѣйствительное оружіе для борьбы противъ этого общества. Вѣдь царь въ плащѣ изъ грубой матеріи, въ одеждѣ враждебнаго богатству философа являлся живымъ обвиненіемъ противъ предававшейся наслажденіямъ аристократіи!

И Агидъ вовсе не былъ только жрецомъ идеи. При всей идеальности его побужденій, и въ его душѣ все же дѣйствовали мотивы, въ которыхъ сказывается личный интересъ [58]). Вѣдь даже и традиція подчеркиваетъ въ качествѣ существеннаго мотива, которымъ также обусловливались его дѣйствія, наряду съ «филантропіей» и «честолюбіе»: пламенное стремленіе совершить нѣчто великое, достопримѣчательное и способное прославить и обезсмертить его имя. Та наивная откровенность, съ которою его современникъ Филархъ принимаетъ этотъ мотивъ за нѣчто вполнѣ само собою разумѣющееся, уже сама по себѣ была бы достаточна

для того, чтобы признать его за подлинную черту характера царя. Мысль о славѣ среди современниковъ и потомства является однимъ изъ сильнѣйшихъ импульсовъ въ жизни греческаго народа [59]). У тѣхъ, кому внѣшнія или внутреннія преимущества дозволяли подобное честолюбіе, легко возникало гомеровское стремленіе «всегда быть первымъ и служить примѣромъ для другихъ». Въ такую эпоху какъ періодъ эллинизма, отличавшійся грандіознымъ возбужденіемъ силъ и страстей, и стремленіе къ славѣ усиливалось до того, что обращалось въ воистину демоническую страсть. То абсолютное безразличіе при выборѣ средствъ, съ которымъ въ данномъ случаѣ царственный индивидуумъ утверждаетъ величіе своего «я» на развалинахъ государства и общества, вполнѣ родственно по духу поступку Герострата въ эфесскомъ храмѣ. На ряду съ желаніемъ могущества эта жажда величія оказывается сильнѣйшимъ факторомъ въ цезаристскомъ теченіи данной эпохи, выражающемся въ неоднократномъ торжествѣ тиранніи.

Конечно, у Агида это стремленіе одухотворено и облагорожено, но, при свойственной ему пылкости характера, его политика все же пріобрѣтаетъ благодаря этому болѣе личный оттѣнокъ, чѣмъ это угодно традиціи. Его честолюбивое желаніе быть «въ самомъ дѣлѣ великимъ царемъ» не могло осуществиться безъ ниспроверженія государственнаго строя, подчинявшаго царей олигархической правительственной коллегіи эфоровъ и, такимъ образомъ, повсюду связывавшаго имъ руки въ предѣлахъ спартанской территоріи. Правда, эфоры избирались народомъ; благодаря этому въ ихъ коллегію часто попадали очень бѣдные люди; и все же эфоратъ всегда служилъ плутократическимъ интересамъ. Бѣдные эфоры слишкомъ часто оказывались прямо-таки продажными. Подобное положеніе дѣлъ должно было вызывать негодованіе и озлобленіе въ душѣ проникнутаго столь высокопарными помыслами Агида, и онъ долженъ былъ стремиться, во что бы то ни стало, положить ему конецъ. Вѣдь уже за сто лѣтъ до него Аристотель писалъ, что чрезмѣрное могущество эфоровъ принуждаетъ спартанскихъ царей становиться демагогами [60]). Не подлежитъ сомнѣнію, что восторженное увлеченіе Агида ликургомскимъ государствомъ въ значительной степени обусловливалось тѣмъ, что въ этомъ государствѣ царская власть еще не была парализована олигархическимъ могуществомъ эфората. Въ виду этого политика, клонившаяся къ реставраціи въ смыслѣ ликургомскаго идеала, обѣщала, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическое возрожденіе царской власти.

Даже соціалъ-демократическая тенденція монархической политики, стремившейся къ реформамъ, вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ стремившейся усилиться царской власти. Вѣдь безсиліе послѣдней было вызвано именно тѣмъ, что государственная власть была почти всецѣло захвачена плутократіей. А господство этого класса надъ государствомъ основывалось на томъ вліятельномъ соціальномъ положеніи, которое онъ занималъ благодаря своимъ *богатствамъ*. Слѣдовательно, это политическое господство капитала могло быть радикальнѣе всего уничтожено лишь путемъ отнятія у капитала его значенія для общества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для государства. Достиженіе этой цѣли, уничтоженіе соціальнаго могущества господствующаго класса путемъ радикальнаго экономическаго уравненія положило бы конецъ и зависимости царской власти отъ плутократіи. Вѣдь тираннія вела такъ часто и такъ долго безпощадную борьбу противъ капиталистической буржуазіи именно потому, что создаваемая большею состоятельностью буржуазіи способность къ веденію общественныхъ дѣлъ естественно вызывала и у нея сильное стремленіе въ самомъ дѣлѣ участвовать въ веденіи ихъ, самочинно вмѣшиваться въ рѣшеніе судебъ общества. Цезаристская политика данной эпохи, желавшая сосредоточить

все право и всю силу въ однѣхъ рукахъ, преслѣдовала въ лицѣ собственниковъ своихъ опаснѣйшихъ и непримиримѣйшихъ враговъ. Такимъ образомъ, извѣстный совѣтъ, данный Θрасибуломъ Періандру въ аллегорической формѣ сбиванія болѣе высокихъ колосьевъ, получилъ въ нашу эпоху трагическое значеніе для состоятельныхъ людей [61]).

Уже для того, чтобы получить возможность возвышаться одинаково надъ всѣми слоями общества, тираннія должна была какъ можно болѣе нивелировать ихъ. Нивелированіе же возможно лишь тѣмъ путемъ, что стоящіе выше принижаются въ большей степени, чѣмъ повышаются низшіе [62]). Въ этомъ отношеніи безспорно существуетъ извѣстная аналогія между тенденціями клонившейся къ соціальному перевороту политики спартанскихъ царей и тенденціями тираніи. Во всякомъ случаѣ, у нихъ была одна общая цѣль: монархическое сосредоточеніе политической власти при подавленіи всѣхъ сопротивляющихся ей элементовъ. Такая политика неизбѣжно должна была заставить и носителей этой старинной царской власти стремиться къ военной диктатурѣ. Можно ли до такой степени претендовать на противниковъ Агида за то, что они высказывали противъ него подозрѣніе, что онъ имѣетъ въ виду отдать имущество богачей бѣднякамъ лишь для того, чтобы купить себѣ этой цѣной единовластіе [63])? И не становится ли, такимъ образомъ, весьма понятнымъ и сопротивленіе со стороны другого царя? Парализовавшее царскую власть существованіе двухъ царей было несовмѣстимо съ политикой, имѣвшей въ виду монархическую концентрацію. Второй царь долженъ былъ лишиться реальнаго значенія, разъ носительницей высшей власти въ самомъ дѣлѣ должна была стать единая личная воля.

Но, во всякомъ случаѣ, хотя царь Агидъ и не былъ тѣмъ «чистымъ безумцемъ», котораго изъ него сдѣлала романтическая тенденціозная исторія, его достопамятное возмущеніе противъ капиталистическаго общественнаго строя все-таки преслѣдовало несравненно болѣе высокую цѣль, чѣмъ удовлетвореніе славолюбія и стремленія къ усиленію царской власти. Хотя въ образѣ его дѣйствій, конечно, игралъ роль и сознательный политическій разсчетъ, все же врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что царь лично глубоко проникся содержащимися въ легендѣ о Ликургѣ соціально-философскими воззрѣніями. Вспомнимъ, до какой степени очаровывали эти воззрѣнія образованныхъ людей данной эпохи; вспомнимъ, что даже такой трезво-разсудочный человѣкъ, какъ Полибій, соціальный консерваторъ чистѣйшей воды и рѣшительный врагъ спартанскихъ царей-реформаторовъ, поддался обаянію краткаго сна въ лѣтнюю ночь спартанской государственной романтики и прославляетъ ликурговское государство съ его равенствомъ имуществъ и общностью жизни какъ божественное откровеніе [64]). При такихъ условіяхъ можно повѣрить современной традиціи, гласящей, что это евангеліе соціальнаго и политическаго обновленія нашло убѣжденнаго апостола въ лицѣ пламеннаго юноши Агида. Съ этой точки зрѣнія о соціалъ-демократической программѣ дѣйствій спартанскаго царя, конечно, слѣдуетъ, согласно съ традиціей, судить существенно иначе, чѣмъ о клонившихся къ соціальному перевороту движеніяхъ, носительницею которыхъ была тираннія. Для тиранна массовый соціализмъ представляетъ собой не что иное, какъ средство и орудіе, которымъ онъ пользуется для личнаго возвышенія. Онъ дѣйствуетъ лишь какъ реальный политикъ, считающійся только съ соображеніями, относящимися къ конкретной цѣлесообразности. Наоборотъ, на образъ мышленія и дѣйствій Агида оказывали вліяніе общіе абстрактные принципы. Онъ поддался тому, что теперь назвали бы внушеніемъ при посредствѣ книгъ. А такъ какъ та духовная сила, которой онъ отдался, въ значительной степени пользовалась при

построеніи своего міра фикціями, то и онъ не устоялъ противъ опасностей односторонних построеній, мечтательности и чрезмѣрно развитаго воображенія, вслѣдствіе чего и сдѣлалъ роковую ошибку, не разсчитавъ надлежащимъ образомъ могучей силы сопротивленія реальной жизни. Вѣра въ то, что требуется лишь честное рѣшеніе, чтобы сразу обратить государство изъ опирающейся на силу принудительной организаціи въ нравственный организмъ; иллюзія, будто одинъ опредѣленный принципъ можетъ вполнѣ восторжествовать надъ всѣми противодѣйствующими факторами, чрезвычайно характерны для него какъ доктринера. Это — романтикъ на престолѣ, желающій преобразовать общество согласно рисующемуся его духовному взору идеалу и полагающій, что онъ можетъ осуществить такимъ образомъ то, что можно было бы назвать «равновѣсіемъ въ совершенномъ обществѣ» въ смыслѣ «соціальной статики» Конта. Этотъ идеализмъ съ юношескимъ пыломъ взялся съ совершенно недостаточными средствами за огромную организаторскую задачу и поэтому неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть неудачу, столкнувшись съ суровыми преградами, полагаемыми дѣйствительностью. Характеристика царя Агида у Грота, конечно, не лишена мѣткости. Гротъ говоритъ о фантастическомъ видѣніи, которымъ «злотворная греза» прельщаетъ воображеніе патріотическаго Агида, внушая ему обманчивую вѣсть о томъ, что боги обѣщали ему успѣхъ при подобной (Ликурговой) попыткѣ. Это видѣніе увлекаетъ его на роковой революціонный путь, на которомъ его ждутъ темница и веревка палача [65]).

Но, съ другой стороны, суть этой идеологіи была глубоко правомѣрна. Въ данномъ случаѣ, опять-таки въ противоположность тиранніи, государь не только стоялъ выше интересовъ и противоположностей общества, но и отдалъ свои личные интересы на служеніе идеѣ, почерпнувъ отсюда нравственное право на устраненіе правового строя, ставшаго несовмѣстимымъ съ государственнымъ благомъ.

Вѣдь не подлежало сомнѣнію, что этотъ строй долженъ былъ рушиться для того, чтобы государство и общество могли оправиться отъ тяжкихъ потрясеній. Какъ мы видѣли, уже почти за сто лѣтъ до Агида это признавалъ Аристотель. Если сила и процвѣтаніе государства зависятъ отъ степени достижимаго для значительнаго большинства его гражданъ матеріальнаго и нравственнаго благополучія, то такая форма государственнаго устройства, которая отдавала власть, долженствовавшую служить общему благу, въ руки меньшинства и дозволяла послѣднему дѣлать невозможнымъ какое бы то ни было улучшеніе участи обѣднѣвшаго и подавленнаго большинства, стала несовмѣстимой съ интересами государства. И кто же, какъ не царская власть, былъ болѣе всего призванъ осуществить неизбѣжное преобразованіе существовавшаго правового строя?

Такъ какъ низшій классъ не обладалъ ни въ обществѣ, ни въ государствѣ органомъ для улучшенія своего положенія — народное собраніе было обречено господствовавшими плутократическими властями на безсиліе,—то всѣ надежды на лучшее будущее для государства и для народа естественно пріурочивались къ тому властному политическому фактору, который, по крайней мѣрѣ, идеально, былъ способенъ стать такимъ органомъ всеобщаго народнаго благоденствія, выражать государственную волю на ряду съ общественной. И развѣ столь радикальная соціализація общества, представлявшаяся въ данную эпоху идеаломъ государственной теоріи, могла быть осуществлена иначе, чѣмъ при посредствѣ соціальной царской власти? Царская власть въ рукахъ монарха, проникнутаго истинно-государственными помыслами, оказывалась единственнымъ нейтральнымъ элементомъ въ борьбѣ классовъ. Стоя выше общественныхъ интересовъ, лишь она была призвана къ тому, чтобы снова посвятить подчинившуюся одному классу полити-

ческую власть служенію общему благу, ставъ во имя его во главѣ политическаго и общественнаго преобразовательнаго движенія. То, что у царя Агида оказалось высокое нравственное мужество пожертвовать короной и жизнью ради осуществленія государственной идеи вопреки господствующему общественному классу, даетъ ему право на вѣчную славу, придавая его личности совершенно исключительное, единственное въ своемъ родѣ значеніе среди властителей данной эпохи.

Впрочемъ, и то, что идея соціальной царской власти вела къ конфликту съ существовавшимъ государственно-правовымъ строемъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу той соціальной философіи, въ которой она находила свое оправданіе. Для этой теоріи все дѣло было въ томъ, какимъ духомъ было проникнуто управленіе. Для нея идеальное право на господство принадлежитъ именно тому, у кого имѣются талантъ и помыслы истиннаго государственнаго дѣятеля, и кто, слѣдовательно, способенъ и склоненъ пользоваться властью для служенія общему благу. Вопросъ о соотвѣтствіи происхожденія и характера его положенія государственному строю стушевывается предъ этими интересами общественнаго спасенія. Властитель становится тираннomъ уже не въ томъ случаѣ, если онъ достигъ власти путемъ насилія, какъ гласилъ традиціонный взглядъ, но лишь въ томъ случаѣ, если онъ пользуется этой властью эгоистически и ко вреду общества. Разъ «тираннъ» (въ традиціонномъ демократическомъ смыслѣ слова) дѣйствуетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ соціальномъ духѣ, и онъ сказывается «истиннымъ» царемъ [66]).

Ясно, что это измѣненіе смысла, придаваемаго понятію «тираннъ», совершившееся въ кругахъ, стремившихся къ соціальнымъ реформамъ, весьма благопріятствовало грандіозной монархической реформаторской политикѣ.

Что же касается внѣшняго хода движенія, то сторонники реформы прежде всего успѣшно воспользовались выборами, чтобы провести въ эфоры своихъ единомышленниковъ, среди которыхъ спеціально упоминается Лисандръ, потомокъ побѣдителя Аѳинъ и одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ тогдашней Спартѣ. Затѣмъ этотъ послѣдній, по соглашенію съ царемъ, внесъ въ герусію «ретру», имѣвшую въ виду немедленное и радикальнѣйшее осуществленіе реформы въ ея цѣломъ. Всѣ долги должны были быть кассированы, вся земля должна была быть экспропріирована и заново раздѣлена. Территорія, составлявшая старинное достояніе гражданъ [67]) между Пелленскимъ ущельемъ и Тайгетомъ, Малеей и Селласіей, должна была быть раздѣлена на четыре съ половиной тысячи равныхъ участковъ между спартіатами, а территорія, принадлежавшая подданнымъ, — на пятнадцать тысячъ участковъ для способныхъ носить оружіе періэковъ [68]), причемъ, для пополненія числа гражданъ, соотвѣтственное число отборныхъ періэковъ и иностранцевъ должно было получить право гражданства. Наконецъ, граждане должны были на старинный ладъ организоваться по-товарищески, т.-е. для общей службы и жизни на общинныхъ началахъ въ такъ назыв. фидитіяхъ.

Случилось то, что можно было предвидѣть. Въ герусіи, въ которой были въ значительной степени представлены именно интересы собственниковъ, это экономическое нивелированіе общества вызвало сильное сопротивленіе. Плутократія рѣшительно отказывалась подписать свой смертный приговоръ. Тогда эфоръ обратился къ собранію всѣхъ гражданъ, чтобы, мобилизировавъ массу, оказать давленіе на сопротивлявшуюся герусію. При этомъ юный царь торжественно отказался предъ всѣмъ народомъ отъ своего имущества и вызвалъ восторгъ толпы. Недвусмысленное изъявленіе народной воли въ пользу реформы не преминуло оказать вліяніе на сравнительно робкіе элементы оппозиціи. При окончательномъ голосо-

ваніи въ герусіи сторонники существующаго, если можно вѣрить традиціи, оказались въ большинствѣ всего лишь одного голоса.

Такъ какъ въ герусіи засѣдали и цари, то при такомъ соотношеніи между голосами Агидъ могъ надѣяться на лучшій результатъ при новомъ голосованіи, въ томъ случаѣ, если бы удалось сдѣлать безвреднымъ враждебнаго реформѣ царя Леонида, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство. И за это взялся Лисандръ. Онъ выдвинулъ противъ Леонида священный аппаратъ, которымъ пользовались эфоры противъ строптивыхъ царей, и возбудилъ противъ него судебное преслѣдованіе предъ судомъ эфоровъ [69]), побудивъ въ то же время зятя царя, Клеомброта, предъявить свои притязанія на престолъ. Такъ какъ Леонидъ бѣжалъ въ храмъ Аѳины-Халкіэки и отказался явиться въ судъ, то онъ былъ объявленъ лишеннымъ престола, а царемъ былъ провозглашенъ Клеомбротъ.

Но тутъ-то и обнаружилось, насколько прочно укоренился старый общественный строй. Какъ-разъ въ это время окончился срокъ должности правящихъ эфоровъ, и результаты новыхъ выборовъ оказались рѣшительно благопріятными для плутократіи. Эта послѣдняя, съ своей стороны, немедленно перешла къ нападенію. Леонидъ смогъ покинуть свое убѣжище и получилъ удовлетвореніе, такъ какъ противъ Лисандра и другого лидера партіи, стремившейся къ реформамъ, Мандроклида, было возбуждено обвиненіе. Они были привлечены къ суду эфоровъ въ виду противозаконности внесеннаго ими предложенія о кассированіи долговъ и раздѣлѣ земель [70]).

Такимъ образомъ, конфликтъ обострился, перейдя въ вопросъ о томъ, кто сильнѣе: эфоратъ или же стремившаяся къ реформѣ царская власть, для которой уже не было иного спасенія, кромѣ насильственныхъ дѣйствій. Опираясь на истолкованіе государственнаго устройства, утверждавшее, что у эфоронъ не имѣется никакой самостоятельной компетенціи, которая давала бы имъ право противодѣйствовать единогласному рѣшенію царей, эти послѣдніе открыто выступили противъ враждебнаго имъ учрежденія. Цари явились на площадь вмѣстѣ со своими приверженцами, прогнали эфоровъ съ ихъ креселъ и назначили вмѣсто нихъ новыхъ, въ томъ числѣ Агесилая. Въ то же время сторонники реформъ — масса молодежи, какъ говоритъ повѣствователь—были вооружены и усилены освобожденіемъ заключенныхъ изъ (долговыхъ?) тюремъ. Испуганные противники не посмѣли сопротивляться, а Леонидъ даже покинулъ отечество, причемъ, какъ утверждаютъ, самъ Агидъ сохранилъ ему жизнь, которой угрожала опасность, и, подъ надежнымъ конвоемъ, препроводилъ его въ Тегею.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ государственнаго переворота было то, что, какъ мы должны предположить, ретра царя Агида была принята въ герусіи и въ народномъ собраніи. Затѣмъ была осуществлена первая и простѣйшая часть реформы. Кредиторы должны были выдать всѣ долговыя обязательства, которыя затѣмъ были снесены на площадь, сложены въ одну груду и сожжены. «Богачи и ростовщики— добавляетъ повѣствователь—пришли въ уныніе, но Агесилай издѣвался надъ ними и замѣтилъ, что никогда не видѣлъ болѣе яркаго свѣта и болѣе чистаго огня». Итакъ, оставался лишь раздѣлъ земель. Цари не замедлили приступить и къ нему съ такою же рѣшительностью, но тутъ возникли совершенно неожиданныя затрудненія.

Теперь, когда дѣло шло о реорганизаціи устоевъ всей экономической жизни, и все возростало число тѣхъ, кому приходилось приносить жертвы, обнаружилось, что партія реформы отнюдь не состояла изъ одвихъ только честныхъ энтузіастовъ, готовыхъ въ духѣ братской общности отрѣшиться отъ всякихъ частныхъ стремленій. Оказалось, что, наоборотъ, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, нашлись и ложные друзья движенія, которые, замышляя грабежъ и измѣну, под-

держивали движеніе лишь постольку, поскольку того требовала ихъ выгода, но всегда были готовы отстать, чуть только дѣло шло уже не о выигрышѣ, а только о потеряхъ. Эгоистическіе интересы, скрывавшіеся за показнымъ коллективистическимъ образомъ мыслей, начали теперь свою разрушительную работу, клонившуюся къ тому, чтобы придать движенію соотвѣтствующее имъ направленіе.

Для неудовлетворительности дошедшей до насъ традиціи характерно, что въ качествѣ представителя этой типичной для хода подобныхъ соціальныхъ конфликтовъ тенденціи она называетъ лишь одну личность, Агесилая, котораго она изображаетъ злымъ геніемъ тогдашней Спарты. Утверждается, что одинъ онъ виновенъ въ жалкомъ исходѣ прекраснаго дѣла, которое будто бы уже не встрѣчало никакого сопротивленія и шло какъ нельзя лучше [71]). У Агесилая, говоритъ повѣствователь, была масса земли, но онъ былъ обремененъ долгами и поэтому былъ лично заинтересованъ въ реформѣ, поскольку онъ ожидалъ отъ нея освобожденія отъ своихъ долговъ, не имѣя при этомъ ни малѣйшаго желанія отказаться отъ своихъ земель. Онъ сумѣлъ поэтому убѣдить руководителей реформы, чтобы они сперва осуществили лишь кассированіе долговъ, такъ какъ, молъ, слишкомъ опансо одновременно съ этимъ приступить и къ раздѣлу земель, и землевладѣльцы легче согласятся на послѣдній, если сначала снискать ихъ расположеніе кассированіемъ долговъ. Когда масса потребовала непосредственно вслѣдъ за тѣмъ раздѣла земель, и цари были готовы исполнить это требованіе, онъ выдумывалъ все новые и новые предлоги и препятствія и оттягивалъ дѣло, пока царю Агиду и войску, состоявшему, главнымъ образомъ, изъ бѣдныхъ молодыхъ людей и сторонниковъ реформы, не пришлось вслѣдствіе общаго политическаго положенія дѣлъ выступить въ походъ. [72]) Войско и царь стали, такимъ образомъ, временно безопасными для него. Затѣмъ онъ началъ все безцеремоннѣе пользоваться своимъ авторитетомъ въ качествѣ тогдашняго эфора для удовлетворенія своей алчности, все болѣе и болѣе усваивалъ образъ дѣйствій тиранна и навлекъ на себя этимъ такую всеобщую ненависть, что не рѣшался показываться публично безъ конвоя. И возвращеніе Агида не смогло измѣнить этого. Ему приходилось выносить намѣренное пренебреженіе къ царской власти со стороны эфора, наконецъ, до такой степени скомпрометировавшаго дѣло реформы, что обманутая въ своихъ надеждахъ масса соединилась съ плутократическими противниками. Вызванный послѣдними изъ изгнанія царь Леонидъ смогъ не только безпрепятственно вернуться въ Спарту, но и снова занять царскій тронъ при одобреніи «народа»!

Въ этомъ повѣствованіи, во всякомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ исторической истинѣ то, что дѣло реформы было скомпрометировано самими ея сторонниками. Но мы не въ состояніи опредѣлить, до какой степени отвѣтственность за это падаетъ на отдѣльныхъ лицъ, и въ частности правильно ли переданы мотивы и поступки Агесилая, такъ какъ дошедшее до насъ повѣствованіе содержитъ въ себѣ больше загадокъ и противорѣчій, чѣмъ дѣйствительныхъ разъясненій.

Что слѣдуетъ сказать, напр., о приписываемомъ Агесилаю утвержденіи, что, благодаря кассированію долговъ, можно до такой степени примирить землевладѣльцевъ съ аграрной реформой, что они безропотно согласятся на конфискацію своихъ земель! Эта аргументація была бы понятна, если бы дѣло шло объ обремененныхъ долгами мелкихъ крестьянахъ, положеніе которыхъ не могло бы значительно ухудшиться при передѣлѣ земель, но могло бы улучшиться, благодаря кассированію долговъ. Но развѣ пригодна эта мотивировка для сотни владѣльцевъ большихъ имѣній, въ рукахъ которыхъ по утвержденію того же самаго повѣствователя, сосредоточивалась вся земельная собственность? Въ данномъ случаѣ повѣствованіе

до такой степени явно противорѣчитъ своимъ собственнымъ историческимъ предпосылкамъ, что никакъ нельзя допустить, будто Агесилай прибѣгалъ къ подобной аргументаціи, имѣя дѣло съ царемъ Агидомъ и Лисандромъ. Какъ могъ далѣе одинъ человѣкъ, въ особенности послѣ того, какъ эфоратъ принципіально подчинился царской власти, причинить серьезныя затрудненія для реформы, если въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ повѣствователь, смолкли всѣ возраженія противъ нея?

Столь же не понятно и то, какимъ образомъ эфоръ могъ играть роль тиранна вопреки царю, вернувшемуся во главѣ войска, состоявшаго, по словамъ того же повѣствователя, главнымъ образомъ, изъ восторженныхъ сторонниковъ его идей и преисполненнаго «изумительной преданностью» по отношенію къ нему. И какъ могло, наконецъ, поведеніе *отдѣльнаго лица* вызвать общую перемѣну настроенія, къ тому же связанную для этой массы съ отказомъ отъ всѣхъ ея надеждъ?

Традиція не даетъ никакого отвѣта на эти вопросы и недоумѣнія. Намъ приходится поэтому довольствоваться вышеуказанною вѣроятностью того, что конфликты интересовъ и вызванные ими недовѣріе и ненависть въ рядахъ самой партіи, стремившейся къ реформѣ, привели къ ея разложенію и ослабленію, которыми сумѣли съ успѣхомъ воспользоваться ея противники. Повидимому, и у Агида не хватило необходимой рѣшимости для безпощаднаго укрощенія сопротивлявшихся элементовъ, безъ котораго, при данномъ положеніи дѣлъ, была неминуема катастрофа.

Что касается самого рѣшительнаго кризиса, то, повидимому, первою жертвою его былъ Агесилай. Утверждаютъ, что лишь популярности своего сына Гиппомедонта онъ былъ обязанъ тѣмъ, что его жизнь была пощажена, и его изгнали. Та же судьба постигла и царя Клеомброта, бѣжавшаго въ храмъ Посейдона. Онъ едва избѣжалъ послѣдствій гнѣва царя Леонида, подошедшаго къ храму съ отрядомъ солдатъ, чтобы отомстить зятю за свое низложеніе. Если въ основѣ романтическаго и трогательнаго разсказа Филарха лежитъ историческая подкладка, то бѣжавшій царь былъ обязанъ своимъ спасеніемъ исключительно своей супругѣ Хилонидѣ, благородной дочери Леонида, съ такою же вѣрностью отстаивавшей мужа, какъ до того—отца, и своими мольбами убѣдившей отца и его друзей отпустить Клеомброта невредимымъ въ изгнаніе. Между тѣмъ и Агидъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія, бѣжалъ во храмъ Аѳины-Халкіэки, а его сторонники были, очевидно, вполнѣ дезорганизованы, такъ что ничто не препятствовало побѣдившей реакціи завершить свое дѣло.

Эфоры—сторонники реформы—были безъ дальнихъ околичностей смѣщены и замѣнены другими, готовыми содѣйствовать гибели Агида. Съ ихъ помощью скоро удалось схватить царя, имѣвшаго неосторожность выходить изъ служившаго ему убѣжищемъ храма, и бросить его въ тюрьму. Тамъ онъ послѣ шумнаго суда, во время котораго царь Леонидъ съ наемными солдатами окружилъ зданіе тюрьмы, былъ приговоренъ эфорами и нѣсколькими призванными для этого геронтами къ смерти и тотчасъ же переданъ веревкѣ палача. Даже и женщины, принадлежавшія къ царской семьѣ, не были пощажены. Мать и бабка царя, впущенныя по ихъ просьбѣ въ тюрьму, были схвачены и повѣшены! Плутократія одержала полную побѣду, причемъ, повидимому, не воспослѣдовало никакихъ серьезныхъ попытокъ сопротивленія.

Чрезвычайно характеренъ для духа плутократической реакціи и тотъ фактъ, что царь Леонидъ насильно увелъ изъ дома юную и прекрасную вдову несчастнаго Агида, Агіатиду, съ ея ребенкомъ, чтобы пріобрѣсть ея богатства для своей семьи, и принудилъ ее вступить въ бракъ со своимъ, едва вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста, сыномъ Клеоменомъ.

При отсутствіи какого бы то ни было параллельнаго повѣствованія, нельзя выяснить, до какой степени Плутархово описаніе побѣдоносной реакціи соотвѣтствуетъ фактамъ въ дальнѣйшемъ изложеніи событій, какая доля его разсказа должна быть отнесена на счетъ шаблоннаго измышленія. По этому описанію, царь, ставшій теперь единственнымъ носителемъ монархической власти, держался относительно тѣхъ тенденцій, противъ которыхъ боролась революція, политики безусловнаго невмѣшательства [73]). Разъ никто не мѣшалъ ему жить въ роскоши, онъ не препятствовалъ и другимъ проводить время въ праздности и удовольствіяхъ, не думая о государственномъ благѣ, причемъ каждый, обнаруживая безпредѣльное корыстолюбіе, старался лишь при всякомъ удобномъ случаѣ извлечь для себя какъ можно бо́льшую выгоду! [74]). Наоборотъ, было прямо-таки небезопасно говорить о старинной дисциплинѣ, общности упражненій и мужскихъ трапезъ и о равенствѣ гражданъ.

Конечно, психологически правдоподобно, что послѣ того, какъ была подавлена революція, усилилась жажда наслажденій, а вслѣдъ за нею и любостяжаніе. Вѣдь пока приходилось считаться съ требованіемъ равенства и съ моралью воздержанія и самоотверженія, капиталистическое общество не могло спокойно пользоваться своимъ богатствомъ. Зато послѣ того, какъ основанное на добродѣтели и равенствѣ государство потерпѣло полное крушеніе, люди, въ силу естественной реакціи, торопились вознаградить себя за упущенное, тѣмъ болѣе, что роскошная обстановка наглядно свидѣтельствовала о могуществѣ богатства, являясь издѣвательствомъ надъ революціонной идеей равенства.

Конечно, эта идея не была *искоренена* благодаря этому. Она жила въ сердцахъ у многихъ, и царю Леониду не удалось даже помѣшать ей проникнуть въ свою семью. На его глазахъ выросъ герой, рѣшившійся возвеличить Спарту тѣмъ же путемъ, которымъ тщетно пытался сдѣлать это царь Агидъ.

Разные мотивы влекли юнаго наслѣдника престола, Клеомена, въ демократическій лагерь: философія стоиковъ, какъ-разъ тогда имѣвшая въ Спартѣ чрезвычайно популярнаго среди молодежи и дѣятельнаго представителя, въ лицѣ Сфэра, вліяніе благородной Агіатиды, тщательно лелѣявшей въ душѣ юнаго мужа память о своемъ умерщвленномъ первомъ супругѣ, и—не менѣе другихъ побужденій—его собственный гордый характеръ. Онъ чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы ниспровергнуть весь государственный и общественный строй и установить его на новыхъ основаніяхъ.

Къ тому же этотъ царственный соціальный революціонеръ, вступившій на спартанскій престолъ въ 235 году послѣ смерти Леонида, былъ гораздо опаснѣе царя Агида для олигархіи. Будучи, благодаря прекращенію династіи Проклидовъ, единственнымъ царемъ, онъ съ самаго начала былъ избавленъ отъ необходимости считаться съ соперничествомъ враждебнаго монарха. Съ другой стороны, его личныя свойства, хладнокровная обдуманность и трезвое самообладаніе, съ которыми онъ умѣлъ откладывать выполненіе своихъ плановъ до подходящаго момента, представляли совсѣмъ иныя гарантіи успѣха, чѣмъ страстная стремительность Агида.

Клеоменъ былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы разыгрывать роль соціалистическаго пророка, считающаго, что для побѣды политики бѣдныхъ и обездоленныхъ почти достаточно благихъ желаній этой массы. Для него не прошелъ безслѣдно опытъ, обнаружившій, что интересы шедшихъ на проломъ коммунистовъ слишкомъ легко расходились, и что ихъ толпы слишкомъ легко разсѣивались до достиженія намѣченной цѣли, коль скоро угрожала серьезная опасность. Онъ понималъ, что для осуществленія своихъ плановъ ему необходимо опираться на

болѣе сплоченную и организованную силу, чѣмъ эта атомистическая масса, которой уже ея зависимость отъ собственниковъ во многихъ отношеніяхъ мѣшала единодушно дѣйствовать, масса, среди которой было не мало элементовъ, которые, какъ можно было опасаться, не желая жертвовать собою для другихъ, склонны были немедленно отстать отъ движенія, урвавъ что-нибудь для себя. Силою, свободною отъ подобныхъ разлагающихъ тенденцій, могла оказаться лишь армія, такая военная организація, въ которой дисциплина и товарищеская солидарность обращали всякое отдѣльное лицо въ органъ единой общей воли, и въ которой для отдѣльныхъ лицъ не было иного авторитета и иныхъ надеждъ, кромѣ авторитета полководца и надеждъ, возлагаемыхъ на него.

Итакъ, его ближайшею цѣлью было созданіе арміи наемныхъ солдатъ, которая въ этотъ вѣкъ военной тиранніи такъ часто оказывалась орудіемъ соціальнаго переворота. При этомъ ему весьма благопріятствовали условія даннаго времени. Они вызвали какъ-разъ тогда упорныя войны съ пелопоннесскими государствами, объединенными въ ахейскомъ союзѣ, причемъ Спарта могла вести эти войны, лишь выставляя сильную армію, состоявшую изъ наемныхъ солдатъ. Дѣля съ этимъ войскомъ боевую жизнь, пріобрѣтя во главѣ его рядъ военныхъ успѣховъ, онъ сумѣлъ до такой степени привязать къ себѣ это войско, набранное изъ бездомныхъ иностранцевъ и изъ спартанскихъ пролетаріевъ, что въ 227 году счелъ возможнымъ рискнуть осуществить великое предпріятіе.

Все войско, какъ гражданское ополченіе, такъ и отряды наемниковъ, находилось тогда въ Аркадіи. Царь руководилъ операціями такимъ образомъ, что эти два корпуса отдѣлились другъ отъ друга. Тогда онъ внезапно двинулся съ наемниками по направленію къ Спартѣ, между тѣмъ какъ гражданское ополченіе спокойно осталось на прежнихъ позиціяхъ. По пути онъ открылъ надежнѣйшимъ изъ своихъ воиновъ свое намѣреніе. Имѣлось въ виду застигнуть эфоровъ врасплохъ еще вечеромъ за столомъ и сдѣлать ихъ безвредными.

Подойдя близко къ городу, Клеоменъ отправилъ впередъ нѣкоего Эвриклида, который долженъ былъ немедленно явиться къ эфорамъ въ сисситію, подъ предлогомъ сообщенія имъ извѣстія изъ арміи. Другіе довѣренные царя съ небольшимъ отрядомъ солдатъ слѣдовали за нимъ и, пока онъ еще разговаривалъ съ эфорами, кинулись на нихъ съ обнаженными мечами и перебили ихъ. Лишь одному раненому удалось спастись въ храмъ, посвященный Страху. Впослѣдствіи его пощадили. Немногіе, поспѣшившіе на помощь къ эфорамъ, раздѣлили ихъ участь. Кромѣ этого, не было никакого кровопролитія. Лицъ, остававшихся спокойными, не трогали; не мѣшали и уходить изъ города людямъ, не желавшимъ оставаться въ немъ.

На слѣдующій день Клеоменъ тотчасъ же принялся за государственную и соціальную реорганизацію. Прежде всего 80 гражданъ — очевидно, главная опора плутократіи—подверглись опалѣ. Они должны были удалиться въ изгнаніе, между тѣмъ какъ ихъ имущества были конфискованы въ пользу государства. Эта экспропріація значительно облегчила задуманный переворотъ въ имущественныхъ отношеніяхъ. Въ политическомъ отношеніи перемѣна нашла свое выраженіе въ томъ, что были вынесены кресла эфоровъ, кромѣ одного, которое съ тѣхъ поръ занималъ царь, т.-е. вся власть, сосредоточившаяся въ эфоратѣ, должна была отнынѣ принадлежать царю. Этотъ шагъ означалъ полный разрывъ съ существовавшимъ до тѣхъ поръ государственнымъ строемъ и давалъ царю такую власть, которую не безъ основанія называли тираническою [75]). Дѣйствительно, хотя впослѣдствіи Клеоменъ, чтобы смягчить непріятное чувство, вызываемое единовластіемъ, и для соблюденія «ликурговской» традиціи, номинально назначилъ своимъ соправителемъ своего

брата Эвклида, все же онъ фактически былъ монархомъ, самодержавно рѣшавшимъ судьбы государства.

Было бы весьма интересно, если бы сохранился подлинный текстъ той рѣчи, въ которой Клеоменъ оправдывалъ предъ народомъ произведенный имъ государственный переворотъ и развивалъ программу соціальнаго и политическаго возрожденія. Характерна, однако, и та рѣчь, которую вкладываетъ въ его уста Плутархъ, и которая, конечно, въ основныхъ чертахъ принадлежитъ Филарху: она превосходно передаетъ настроеніе соціально-революціонно мыслившихъ современниковъ Клеомена и поэтому навѣрное содержитъ въ себѣ нѣкоторыя мѣста, смыслъ которыхъ соотвѣтствовалъ заявленіямъ самого царя.

Ораторъ начинаетъ съ обвиненія эфората, на который падаетъ отвѣтственность за гибель ликурговскихъ учрежденій, и который безпощадно преслѣдовалъ всѣхъ, стремившихся къ возстановленію этого «прекраснѣйшаго и божественнѣйшаго» строя. Затѣмъ онъ оправдываетъ примѣненіе насилія. Безъ кровопролитія нельзя было вылѣчить Спарту отъ тяжкихъ, занесенныхъ извнѣ, соціальныхъ недуговъ, отъ погони за наслажденіями, роскоши, долговъ и ростовщичества и еще болѣе старыхъ общественныхъ болѣзней, чѣмъ эти—отъ противоположности между бѣдностью и богатствомъ. Это не удалось и самому Ликургу. Въ заключеніе онъ провозглашаетъ проектируемыя радикальныя средства: передѣлъ всей земли, кассированіе всѣхъ долговъ, принятіе отборныхъ элементовъ, не пользовавшихся гражданскими правами, въ число полноправныхъ гражданъ для усиленія боевой силы государства.

За словами послѣдовали дѣйствія. По примѣру Агида царь прежде всѣхъ предоставилъ свое имущество въ распоряженіе государства. То же самое сдѣлали за нимъ его родственники и друзья, а затѣмъ и всѣ остальные граждане, такъ что можно было тотчасъ же приступить къ передѣлу земельной собственности. Каждому гражданину былъ отведенъ участокъ земли, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые были изгнаны. Они могли вернуться по упроченіи новыхъ отношеній. Затѣмъ число способныхъ носить оружіе гражданъ было пополнено до числа четырехъ тысячъ пригодными для этого періэками, которые, конечно, также были надѣлены землею, и основнымъ принципомъ жизни обновленнаго, вполнѣ однороднаго сословія гражданъ стала идея общности, свойственная древне-спартанскому государственному строю съ его общимъ воспитаніемъ, общими упражненіями и сисситіями, причемъ царь нашелъ цѣннаго помощника въ лицѣ вышеупомянутаго стоика Сфэра [76]).

Историкъ Клеомена восторженно прославляетъ дѣянія вызывающаго въ немъ благоговѣніе царя. Онъ сравниваетъ существовавшее до тѣхъ поръ государственное устройство Спарты съ игрой на разстроенномъ инструментѣ. Теперь же гармонія возстановилась, благодаря возвращенію къ «прежнимъ мудрымъ дорійскимъ тонамъ, къ ликурговому укладу жизни».

Намъ не такъ легко судить объ этомъ! Вѣдь мы не знаемъ, какое сопротивленіе вызвало и съ какими трудностями было связано осуществленіе сложнаго дѣла соціальной реорганизаціи въ деталяхъ [77]). Мы не знаемъ, какъ основная мысль революціи, уничтоженіе классовыхъ различій, выдержала испытаніе въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Вѣдь и самъ Клеоменъ не далъ времени спокойно упрочиться новой системѣ равенства и братства! Для него соціальная реформа не была конечною и высшею цѣлью. Онъ имѣлъ въ виду еще и нѣчто иное, а именно возстановленіе стариннаго могущества и величія спартанскаго государства. Въ качествѣ соціальнаго революціонера онъ намѣревался выковать оружіе

для осуществленія своихъ плановъ какъ государственнаго дѣятеля и полководца, такъ что прочность созданнаго имъ зависѣла отъ превратностей въ политикѣ и на полѣ брани. Эта необезпеченность по существу дѣла препятствовала упроченію новаго экономическаго и соціальнаго строя.

Конечно, реформа значительно увеличила военныя и моральныя силы государства, и успѣхи, достигнутые Клеоменомъ въ борьбѣ съ ахейскимъ союзомъ, повидимому, оправдывали самыя блестящія надежды. Однако, въ концѣ концовъ, сопротивленіе, вызванное именно его реформой, все-таки оказалось сильнѣе его находчивости и рѣшимости и всего «ликурговскаго» уклада.

Наша скудная традиція едва даетъ возможность представить себѣ, какое броженіе вызвало во всемъ Пелопоннесѣ разрушеніе капиталистическаго общественнаго строя носителемъ старинной царской власти Гераклидовъ [78]). Повсюду волновались массы, и раздавались лозунги соціальной революціи: кассированіе долговъ и раздѣлъ земель. Гдѣ бы ни появлялся царственный соціальный революціонеръ при своемъ побѣдномъ шествіи, ему симпатизировали сердца бѣдныхъ и угнетенныхъ, которые были увѣрены въ томъ, что дѣло соціальнаго освобожденія не могло остановиться на берегахъ Эврота [79]). Но какъ ни благопріятствовали эти народныя симпатіи великодержавной политикѣ царя, ему скоро пришлось считаться, благодаря имъ, съ противорѣчіемъ, какъ бы то ни было, стѣснительнымъ для всей занятой имъ позиціи.

Долженъ ли онъ былъ, могъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ исполнить эти ожиданія и взять на себя роль соціальнаго спасителя для всего полуострова? Уже одна попытка въ этомъ направленіи вызвала бы такую путаницу и такой разладъ во всѣхъ отношеніяхъ, что достиженіе его подлинной цѣли, политическаго объединенія Пелопоннеса, отодвинулось бы въ недосягаемую даль. Такимъ образомъ, неизбѣжны были разочарованія, и если онъ утратилъ, напр., столь важный городъ, какъ Аргосъ, то это прямо объясняется тѣмъ, что онъ не даровалъ тамошнему населенію кассированія долговъ, на которое оно надѣялось [80]).

Но, съ другой стороны, одного страха, внушаемаго соціальнымъ переворотомъ, достаточно было для того, чтобы возбудить среди наибольшей части имущихъ и господствующихъ классовъ непримиримую вражду къ «тиранну». Антагонизмъ былъ настолько силенъ, что эти республиканцы не остановились даже предъ тѣмъ, чтобы броситься въ объятія царской власти и призвать въ страну войска македонскаго царя! Возбужденіе этихъ дней слышится еще въ замѣчаніи вполнѣ антикапиталистически настроеннаго историка Клеомена относительно государственнаго дѣятеля, руководившаго ахейскимъ союзомъ, Арата: «ему не нравились ни черный хлѣбъ, ни плащъ изъ грубой матеріи, а, главное, уничтоженіе богатства и улучшеніе доли бѣдности—въ его глазахъ самое тяжкое изъ тѣхъ преступленій, которыя только могъ совершить Клеоменъ [81]), и онъ бросился вмѣстѣ съ Ахайей подъ стопы македонянъ, съ ихъ діадемами и порфирами, и согласился исполнять приказанія македонскихъ сатраповъ».

Съ этой коалиціей Клеоменъ не могъ справиться, и повѣствователь, восторженно прославляющій антикапиталистическую политику царя, своеобразно иронизируетъ надъ самимъ собой, предаваясь, въ виду значительнаго превосходства матеріальныхъ вспомогательныхъ средствъ соединенныхъ враговъ, грустнымъ размышленіямъ относительно могущества денегъ въ качествѣ «nervus rerum» вообще и въ особенности на войнѣ [82]). Въ эпоху, когда, благодаря развитію наемничества, война стала крупнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ, то обстоятельство, что спартанскому царю съ чрезвычайнымъ напряженіемъ едва удавалось выплачи-

вать жалованіе своимъ наемнымъ солдатамъ, оказалось прямо-таки роковымъ для него. Вѣдь Филархъ объясняетъ даже то, что Клеоменъ былъ вынужденъ слишкомъ рано вступить въ сраженіе при Селласіи (222), окончившееся его полнымъ пораженіемъ и уничтоженіемъ его арміи, недостаткомъ въ деньгахъ, не дозволявшимъ ему долѣе уклоняться отъ рѣшительной битвы [83]). Дѣятель, ведшій безпощадную борьбу противъ капитализма, погибаетъ жертвой недостатка въ капиталѣ!

Ужасная катастрофа заставила Клеомена покинуть на произволъ судьбы отечество, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло всей своей жизни. Между тѣмъ какъ онъ навсегда удалялся изъ Спарты, македонскій царь Антигонъ приказалъ возстановить «прежній правовой порядокъ и прежній строй», [84]), что, очевидно, означало не только возстановленіе прежнихъ политическихъ учрежденій съ эфоратомъ и герусіей, но и какъ можно болѣе полное возстановленіе экономическаго правового порядка, возвращеніе прежнихъ правъ и собственности лицамъ, изгнаннымъ или же экспропріированнымъ Клеоменомъ. Разрѣшеніе этой задачи было значительно облегчено вызванными кровопролитными войнами пробѣлами въ рядахъ лицъ, надѣленныхъ имъ земельными участками. Во всякомъ случаѣ, ожившая олигархія имѣла полное основаніе прославлять царь Антигона какъ «благодѣтеля, спасителя и освободителя» [85]).

Конечно, этой односторонней политикой, имѣвшей въ виду лишь реставрацію, нельзя было достигнуть дѣйствительнаго успокоенія умовъ. Съ тѣхъ поръ страна была охвачена непрерывнымъ броженіемъ, и возбужденный классовой борьбой духъ кровавыхъ насилій безпрестанно требовалъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Въ конфликтахъ, возгорѣвшихся изъ за ставшаго вакантнымъ царскаго престола, вскорѣ снова было водружено знамя соціальной революціи. Уже въ 219—218 г. упоминается попытка произвести государственный переворотъ, сдѣланная однимъ изъ претендентовъ на престолъ, по имени Хилономъ, который старался снискать расположеніе массы тѣмъ, что «пошелъ тѣмъ же путемъ, какъ и Клеоменъ, и сулилъ ей земельные участки и раздѣлъ земель» [86]). Правда, эта попытка не удалась, но уже въ 206 г. она была, и на этотъ разъ съ успѣхомъ, повторена другимъ претендентомъ, по имени Набидомъ [87]).

Соціальный переворотъ, разразившійся надъ несчастной страной по иниціативѣ этого тиранна, принадлежитъ къ числу ужаснѣйшихъ въ исторіи греческой тиранніи. Всѣ, выдѣлявшіеся изъ массы богатствомъ и репутаціей, умерщвлялись или изгонялись, храмы подвергались разграбленію, дома и поля, жены и дѣти убитыхъ отдавались пролетаріату, освобождаемымъ имъ гелотамъ и тому сброду, изъ котораго онъ составлялъ свои шайки наемниковъ [88]). Вскорѣ все это повторилось и въ захваченномъ Набидомъ Аргосѣ, гдѣ онъ систематически отбиралъ у собственниковъ все ихъ движимое имущество, побудивъ призванную имъ въ народное собраніе чернь постановить кассированіе долговъ и передѣлъ земель [89]).

При этомъ уже не было и рѣчи о какой-либо высшей соціальной или политической идеѣ. Уравненіе «имуществъ и почета», какъ Набидъ характеризуетъ свое дѣло во вкладываемой въ его уста Ливіемъ рѣчи [90]), имѣло въ виду лишь удовлетвореніе преступныхъ вожделѣній тиранна и его приверженцевъ. Съ его стороны было чистымъ фарсомъ и наглымъ издѣвательствомъ, когда и онъ тоже разыгрывалъ изъ себя «подражателя Ликурга» [91]).

Конечно, это государство рабовъ и бѣдняковъ, босяковъ и проходимцевъ еще менѣе, чѣмъ соціальное государство Клеомена, могло прочно удержаться. Уже въ 192 г. оно было уничтожено Филопэменомъ, «послѣднимъ изъ грековъ», хотя и это не дало потрясенной странѣ желаннаго покоя. Вскорѣ послѣ гибели Набида

нѣкій Харонъ двинулся по его стопамъ. Онъ конфискуетъ земельную собственность и по своему усмотрѣнію раздаетъ ее черни. Въ дошедшей до насъ традиціи заключаются неясные намеки на такіе разрушительные планы, «какихъ никто еще не смѣлъ замышлять», и которые, слѣдовательно, повидимому, шли еще далѣе того, что до тѣхъ поръ совершалось въ этомъ отношеніи. Но эти планы остались невыполненными, благодаря вмѣшательству ахейцевъ [92]).

3. Результаты.

Если даже въ патріархальной Спартѣ, представлявшей собой до тѣхъ поръ незыблемый оплотъ и средоточіе всѣхъ консервативныхъ интересовъ, оказалась возможной столь радикальная побѣда соціальной революціи, то можно представить себѣ, какая сильная пропаганда должна была исходить именно изъ соціально-революціонной Спарты. «Всюду проявлявшееся стремленіе къ нововведеніямъ» произвело на современниковъ Клеомена такое впечатлѣніе, какъ-будто колеблются «устои на всемъ полуостровѣ» [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, матеріальные и моральные устои существующаго строя должны были все болѣе и болѣе расшатываться. Безнадежный политическій разладъ и его результаты, безчисленныя усобицы и ожесточенные партійные конфликты, влекли за собой все возраставшее экономическое разстройство, еще болѣе усилившееся вслѣдствіе того, что въ эту эпоху эллинизма Греція утрачивала свое прежнее положеніе въ сферѣ политики и международныхъ сношеній и начала опускаться въ коммерческомъ отношеніи до уровня второстепенной страны. Этотъ экономическій упадокъ въ связи съ массовымъ отливомъ населенія на востокъ означалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и упадокъ жизненныхъ силъ націи, а равно и ослабленіе энергіи и средствъ для борьбы съ упорнымъ соціальнымъ недугомъ, съ своей стороны фатально обострившимся, вслѣдствіе экономическаго застоя. Хотя населеніе быстро уменьшалось и въ особенности деревни пустѣли, все же оказывалось на лицо не мало рабочихъ рукъ, не находившихъ занятія и выгоднаго заработка. Обѣднѣніе и задолженность массъ возростали въ той же степени, какъ, съ другой стороны, концентрація земельной собственности и капитала въ рукахъ меньшинства. Вліяніе этого на всю народную жизнь сказывается въ охлократическомъ и плутократическомъ одичаніи, повидимому, достигшемъ крайнихъ предѣловъ. Данная эпоха характеризуется неэкономной растратой и безъ того ненадежнаго богатства на праздную и распущенную жизнь, узкимъ классовымъ эгоизмомъ и безстыдными кровавыми насиліями въ борьбѣ изъ-за частныхъ интересовъ.

Сохранился рядъ картинъ нравовъ, господствовавшихъ въ соціальной жизни третьяго и второго вѣковъ. Эти картины интересны въ томъ отношеніи, что они проливаютъ свѣтъ на процессъ соціальнаго разложенія и, несмотря на нѣкоторыя тенденціозныя преувеличенія, даютъ поучительное представленіе печальной дѣйствительности.

Такъ, напр., въ описаніи тогдашней Эллады, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранился всего лишь отрывокъ [2]), относительно Ѳивъ говорится: «ихъ обитатели любятъ величаво выступать и отличаются изумительною гибкостью во всевозможныхъ житейскихъ положеніяхъ, но при этомъ они наглы, высокомѣрны и склонны къ насилію, всегда готовы къ схваткамъ—какъ съ иностранцами, такъ и съ согражданами—и совершенно презираютъ право. Процессы длятся у нихъ, по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ. Вѣдь если кто-либо говоритъ относительно этого предъ народомъ и не удаляется какъ

можно скорѣе изъ Бэотіи, но остается въ городѣ хотя бы только на короткое время, его непремѣнно убиваютъ ночью лица, не желающія окончанія процесса. Убійства совершаются по всевозможнымъ поводамъ. Однако, есть нѣсколько приличныхъ и почтенныхъ людей, съ которыми можно поддерживать дружескія отношенія» [3]) (!). И другой очевидецъ, Полибій, изображаетъ положеніе дѣлъ въ Бэотіи во второмъ вѣкѣ какъ полную анархію [4]). Онъ подтверждаетъ, что въ теченіе долгаго періода, тянувшагося четверть вѣка, не было рѣчи о правосудіи въ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ [5]). Сама государственная власть неоднократно въ значительной степени потворствовала коммунистической алчности пролетаріата, производя раздачу общественныхъ средствъ. Единственнымъ результатомъ этого было, конечно, то, что масса назначала на должности преимущественно такихъ лицъ, отъ которыхъ она могла ждать, что они будутъ препятствовать возбужденію уголовныхъ процессовъ и взысканію долговъ судебнымъ порядкомъ, и надѣяться на все новыя и новыя раздачи государственныхъ имуществъ [6]). Въ качествѣ особенно успѣшнаго участника этого охлократическаго разрушительнаго дѣла упоминается нѣкто Офельтъ, по словамъ Полибія, «всегда умѣвшій придумать что-либо новое, казавшееся благопріятствующимъ интересамъ массы въ данный моментъ, но впослѣдствіи тѣмъ вѣрнѣе оказывавшееся пагубнымъ», причемъ Полибій приводитъ характерные примѣры.

Но и классъ собственниковъ глубоко палъ. «Бездѣтные люди—говоритъ Полибій—имѣютъ обыкновеніе не оставлять своего состоянія ближайшимъ наслѣдникамъ, а назначать его для пиршествъ и попоекъ своихъ друзей. Многія лица, имѣющія дѣтей, также оставляютъ главную часть своего состоянія своимъ собутыльникамъ, такъ что для многихъ бэотійцевъ на мѣсяцъ приходится больше попоекъ, чѣмъ въ немъ содержится дней» [7]).

Въ другой картинѣ нравовъ, рисуемой тѣмъ же авторомъ, о греческомъ мірѣ вообще говорится: «въ наше время бездѣтность и недостатокъ въ людяхъ стали общераспространеннымъ явленіемъ во всей Греціи. Благодаря этому, опустѣли города и понизились доходы, приносимые народнымъ хозяйствомъ, хотя намъ (съ начала второго вѣка) не приходилось страдать ни отъ продолжительныхъ войнъ, ни отъ эпидемій» [8]). Но въ этомъ нельзя винить боговъ. «Исключительно люди виновны въ этомъ, такъ какъ они по легкомыслію и изъ алчности не женятся, а если и женятся, то не хотятъ выращивать дѣтей, но обыкновенно выращиваютъ одного ребенка или двухъ, чтобы это могло происходить среди пышнаго изобилія, и чтобы, когда они умрутъ, ихъ дѣти были богатыми людьми». При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, живутъ не по средствамъ, такъ какъ всякій, нисколько не сообразуясь со своими средствами, старается перещеголять другихъ блескомъ и мишурою внѣшней житейской обстановки [9]).

Въ такую эпоху производитъ впечатлѣніе чистѣйшаго издѣвательства, когда сытая буржуазія рекомендовала жаждавшимъ завладѣть ея имуществами пролетаріямъ трудиться и зарабатывать. Эта точка зрѣнія съ особенно характерною наивностью находитъ свое выраженіе въ правилѣ, которое Полибій съ явнымъ удовольствіемъ упоминаетъ, въ качествѣ принципа Филопэмена: «чтобы не посягать на чужое добро, нужно пріобрѣсть собственность» [10]). Какъ-будто всякій могъ найти заработокъ, да еще въ эпоху упадка народнаго хозяйства и подъ гнетомъ маммонизма, пауперизма и конкуренціи рабовъ, и какъ-будто этотъ дешевый совѣтъ разрѣшалъ всю соціальную проблему!

На самомъ дѣлѣ, пролетарій данной эпохи менѣе, чѣмъ когда-либо, обнаруживалъ склонность слѣдовать этому совѣту [11]). Онъ давно уже привыкъ къ болѣе

скорому насильственному пути, и мысль объ экономическомъ уравненіи посредствомъ простой экспропріаціи ренты и земельной собственности прямо-таки вошла ему въ плоть и кровь. Уже Фламининъ вынесъ изъ Греціи впечатлѣніе, что тамъ масса повсюду съ нетерпѣніемъ ждетъ гибели существующаго строя [12]). То, что Полибій сообщаетъ объ одномъ аркадскомъ городѣ: безпрестанныя гражданскія усобицы, обоюдныя массовыя казни и изгнанія, ограбленіе имуществъ и, въ концѣ концовъ, передѣлъ земель [13]) (послѣ котораго, конечно, рано или поздно, наступала реакція), таковъ безнадежный круговоротъ, которымъ исчерпывается исторія множества общинъ.

Такъ, въ сосѣдней Мессеніи результатомъ побѣды демократіи было то, что земельныя имущества изгнанныхъ противниковъ были по жребію раздѣлены между массой [14]). Еще ожесточеннѣе была классовая борьба у этолійцевъ, у которыхъ экономическое разореніе, еще усиливаемое необузданною погонею за наслажденіями, и общая гнетущая задолженность, повидимому, достигли наибольшихъ размѣровъ. Антагонизмъ между бѣдными и богатыми, между должниками и кредиторами повергъ здѣсь, въ связи съ политическимъ партійнымъ разладомъ, всю страну въ хаосъ кровавыхъ ужасовъ и безумныхъ безпощадныхъ конфликтовъ, вызвавъ, наконецъ, революціонную попытку соціальнаго переустройства, приведшую, однако, вслѣдствіе ея радикализма и недобросовѣстности вожаковъ, къ реакціи и къ паденію назначенныхъ массою «законодателей» Доримаха и Скопа [15]). О цѣляхъ этого соціальнаго переворота не сообщается подробностей, кромѣ того, что имѣлось въ виду кассированіе долговъ. Главный его противникъ, Александръ, «богатѣйшій изъ грековъ» [16]), называетъ его, по словамъ Полибія, «поступкомъ, котораго нельзя исправить, не нанеся предварительно его виновникамъ тяжкаго ущерба» [17]). Упоминается, что «заразительный моръ», какъ Ливій называетъ соціальные затрудненія и конфликты данной эпохи [18]), распространился и въ Θессаліи, причемъ въ этой странѣ крупныхъ помѣстій аристократовъ и многочисленныхъ зависимыхъ мелкихъ крестьянъ движеніе, повидимому, отличалось существенно аграрнымъ характеромъ.

Даже и въ послѣднемъ великомъ политическомъ кризисѣ націи (147/6) сильную роль играетъ соціалъ-демократическое движеніе. Всеобщая правила богачей, искавшихъ опоры противъ этого натиска травля у плутократическаго Рима, отмѣна законовъ о долговыхъ обязательствахъ и проповѣдь переворота, таковы были тѣ средства, пользуясь которыми разорившіеся демагоги вовлекли бѣдный и задолженный людъ въ войну, въ которой нація навсегда утратила свободу и независимость [19]).

Но даже и страхъ, внушаемый принципіально солидарной съ капитализмомъ и съ интересами собственниковъ міровой силой Рима, не могъ вполнѣ уничтожить живучесть разрушительныхъ элементовъ, таившихся въ общественныхъ низахъ. Чуть только прекращаются извѣстія объ оргіяхъ свободнаго пролетаріата, какъ изъ разныхъ частей греческаго міра доносятся вѣсти о возстаніяхъ несвободныхъ рабочихъ, этихъ несчастнѣйшихъ, на которыхъ всего ужаснѣе тяготѣлъ гнетъ существовавшаго общественнаго строя. Въ тридцатыхъ годахъ второго вѣка одни за другими возстали рабы въ Делосѣ, этомъ крупномъ международномъ рынкѣ рабовъ, рабочіе въ серебряныхъ рудникахъ Аттики и несвободное населеніе Пергамскаго царства [20]).

Конечно, изъ неимовѣрно скудныхъ и односторонихъ замѣтокъ, посвященныхъ этому движенію въ сохранившейся литературѣ, нельзя извлечь никакихъ опредѣленныхъ данныхъ относительно того, въ какой степени въ этихъ рабочихъ

революціяхъ проявились коммунистическія и соціалистическія тенденціи. Однако, врядъ ли можно сомнѣваться въ наличности этого рода тенденцій. Когда рабъ объявляетъ войну господствующему обществу, факторъ производства, являвшійся до тѣхъ поръ всего лишь особой формой существованія капитала, одушевленнымъ орудіемъ, сразу пріобрѣтаетъ принципіально иное значеніе [21]): онъ подымается, въ качествѣ общественнаго элемента, пробудившагося къ самостоятельной жизни и представляющаго самостоятельную, сознательную силу, выступающую противъ общества съ опредѣленными намѣреніями. Рабъ, порвавшій оковы, желаетъ перестать быть всего лишь вещью и органомъ пріобрѣтенія въ рукахъ господина. Это—борьба безправнаго и неимущаго рабочаго противъ собственника; и развѣ могъ рабъ полнѣе достичь своей цѣли, чѣмъ когда онъ старался какъ можно болѣе сравняться съ господиномъ въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, какъ можно болѣе вытѣснить его изъ занимаемаго имъ положенія. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы до сихъ поръ встрѣчали раба въ качествѣ участника соціальной революціи, дѣло всегда шло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о безпощадной борьбѣ противъ высшихъ классовъ, о захватѣ рабами имущества собственниковъ, а часто и женъ и дѣтей послѣднихъ. Въ виду этого, и при этихъ послѣднихъ массовыхъ возстаніяхъ несвободнаго пролетаріата точно такъ же, какъ и при возстаніяхъ свободныхъ пролетаріевъ, конечною цѣлью является, понятно, иное экономическое устройство общества, отличающееся отъ до тѣхъ поръ существовавшаго распредѣленія житейскихъ благъ въ духѣ равенства и братства, которое должно было быть осуществлено насильственнымъ путемъ захваченною массами государственною властью [22]).

Поэтому-то мы и можемъ констатировать, что, напр., въ Пергамѣ (133/2) свободный пролетаріатъ дѣйствовалъ сообща съ рабами, причемъ, по всей вѣроятности, въ томъ, что вождь пергамскаго движенія, Аристоникъ [23]), называлъ толпы своихъ приверженцевъ геліополитами, т.-е. «гражданами солнечнаго государства» [24]), сказывалась именно эта тенденція, направленная къ установленію новаго, болѣе счастливаго общественнаго строя.

Моммзенъ объясняетъ наименованіе этихъ «странныхъ геліополитовъ» тѣмъ, что вольноотпущенные рабы конституировались въ качествѣ гражданъ не упоминаемаго или, быть-можетъ, пока еще только проектируемаго города Геліополиса, получившаго свое имя отъ весьма почитаемаго въ Сиріи солнечнаго бога [25]).

Но если призывъ Аристоника былъ обращенъ къ угнетеннымъ и обездоленнымъ всей страны и притомъ не только къ рабамъ, но и къ свободнымъ, то развѣ могла возникнуть среди этихъ массъ мысль о томъ, что имъ придется ограничиться территоріей одного только города? Ихъ предводитель выступалъ въ качествѣ законнаго наслѣдника мѣстныхъ царей, его цѣлью было господство надъ всѣмъ пергамскимъ царствомъ, богатства котораго должны были достаться всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ во всей странѣ. Весь Пергамъ долженъ былъ обратиться въ царство свободы, равенства и братства, и наименованіе, избранное для участниковъ этой великой революціи, характеризуетъ ихъ какъ гражданъ новаго, принципіально отличающагося отъ стараго, царства, въ которомъ должно было господствовать соціальное блаженство. Значеніе слова Геліополисъ нисколько не противорѣчитъ этому предположенію, такъ какъ съ тогдашней точки зрѣнія понятія государство и городъ все еще легко переходили другъ въ друга, да вѣдь и до тѣхъ поръ названіе столицы страны обозначало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлое государство. И, конечно, согласно намѣреніямъ Аристоника, центральнымъ пунктомъ этого новаго царства долженъ былъ стать замокъ его предковъ, пергамскій акрополь. На-

родный царь долженъ былъ имѣть возможность смотрѣть съ высоты экседры Аттала въ замкѣ на страну, населенную собратьями.

То обстоятельство, что государство будущаго геліополитовъ должно было получить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и религіозное средоточіе въ культѣ солнечнаго бога, такъ же не лишено значенія въ соціально-политическомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ мы можемъ констатировать наличность этихъ натуральныхъ культовъ — мы встрѣчаемъ ихъ даже въ самой Элладѣ уже за цѣлыя столѣтія до того,—они служили элементомъ соціальнаго уравненія и братства. Въ многочисленныхъ союзахъ и религіозныхъ братствахъ, являвшихся носителями этого культа, въ виду цѣли товарищества исчезали различія между эллиномъ и варваромъ, свободнымъ и несвободнымъ, мужчиной и женщиной, бѣднымъ и богатымъ. Для повысившейся и возбужденной эмоціональной жизни, вызванной этими стародавними натуральными культами, перегородки, отдѣлявшія человѣка отъ человѣка, утратили значеніе. Ихъ адепты сами нѣкоторымъ образомъ возвращались къ утраченному естественному состоянію и свойственному ему равенству.

Перенесеніе этой уравнительной тенденціи на сферу экономическихъ отношеній, мысль о выраженіи такого братскаго равенства людей и въ имущественномъ равенствѣ, если и не въ общности имуществъ, представлялась въ данномъ случаѣ чрезвычайно естественною [26]). Припомнимъ, какъ многозначительна связь съ солнцемъ и съ солнечнымъ культомъ, обнаруживающаяся именно въ соціальномъ утопизмѣ въ эпоху эллинизма! Соціальное государство Эвгемера, страна Панхея, орошается волнами солнечнаго потока, а блаженная волшебная страна Ямбула—чистѣйшее воплощеніе соціалистической идеи въ мірѣ эллинизма, вѣдь прямо-таки посвящена солнцу, въ качествѣ высшаго божества составляющему предметъ культа ея обитателей. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ Геліополисъ и геліополитовъ въ конкретномъ видѣ въ одномъ изъ распространеннѣйшихъ романовъ данной эпохи. Не стоятъ ли эти явленія въ утопической литературѣ въ какой-либо связи съ тѣмъ идеаломъ солнечнаго государства, который проповѣдывалъ массамъ потомокъ пергамскихъ царей? Вѣдь, во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что попытка установить общественный строй на новыхъ основаніяхъ вызвала живой интересъ въ извѣстныхъ симпатизировавшихъ соціальной реформѣ литературныхъ кругахъ. Стоикъ Блоссій изъ Кимъ, принимавшій немаловажное участіе въ соціально-политическихъ стремленіяхъ Тиберія Гракха, отправился послѣ его гибели къ Аристонику. Очевидно, онъ сдѣлалъ это не только для того, чтобы найти вѣрное убѣжище отъ своихъ плутократическихъ враговъ въ Римѣ, но и въ силу внутреннихъ мотивовъ, интересуясь идеей общественной реформы, къ которой стремился царь бѣдныхъ!

Конечно, солнечное государство Аристоника такъ же, какъ и солнечное государство Ямбула, не было осуществлено. Его провозвѣстникъ былъ задушенъ въ римской тюрьмѣ, и повсюду, по обѣимъ сторонамъ Эгейскаго моря, буржуазное общество восторжествовало надъ толпами рабовъ и пролетаріевъ, у которыхъ вѣдь совершенно отсутствовали внѣшнія и внутреннія предпосылки соціальной эмансипаціи.

Судьба солнечныхъ гражданъ въ извѣстномъ отношеніи типична для конечнаго результата соціально-революціоннаго движенія въ Элладѣ вообще. Этимъ конечнымъ результатомъ является не возрастаніе свободы въ обществѣ, а, наоборотъ, увеличеніе несвободы и неравенства, политической и соціально-экономической зависимости.

Даже и тамъ, гдѣ соціальная демократія одерживаетъ болѣе или менѣе продолжительную побѣду, обнаруживается призрачность ея претензіи на то, что она въ состояніи доставить массамъ окончательную политическую и личную свободу. Насильственное и мгновенное общественное переустройство, эмансипація путемъ политической и экономической экспропріаціи, являющіяся лозунгомъ этого революціоннаго соціализма, могли быть осуществлены лишь благодаря крѣпкой централизаціи революціонной силы въ рукахъ вождей. А затѣмъ дѣло шло о томъ, чтобы отстоять достигнутое путемъ ожесточенной борьбы соціально-экономическое уравненіе! Вѣдь прочности новаго распредѣленія имуществъ безпрестанно угрожали зачастую насчитывавшіеся тысячами, всегда подстерегавшіе удобный для возвращенія моментъ, эмигранты за предѣлами страны, и многочисленныя, противодѣйствовавшія равенству, силы внутри ея, которыхъ вѣдь нельзя было сплошь искоренить. Свободный государственный строй, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставилъ бы полную свободу дѣйствій всѣмъ враждебнымъ новому распредѣленію имуществъ элементамъ, могъ бы, пожалуй, повлечь за собой уничтоженіе послѣдняго. Въ виду этого гражданинъ новаго общества, заботившійся прежде всего о безпрепятственномъ пользованіи своимъ только-что пріобрѣтеннымъ достояніемъ и объ его эксплуатаціи, не колеблясь, дѣлалъ выводы изъ этого положенія дѣлъ. Вліяніе массы на государственную власть уже доставило ему то, что оно должно было доставить. Поэтому онъ становился индифферентнымъ къ тому, что теперь уже не могло принести ему дальнѣйшихъ выгодъ—впрочемъ, мы уже имѣли случай констатировать, что этотъ индифферентизмъ является характернымъ симптомомъ данной эпохи,—и охотно мирился съ необходимостью сильной правительственной власти. Чтобы имѣть возможность спокойно хозяйничать или наслаждаться, онъ предоставлялъ государственную власть повелителямъ. Поразительно, до какой степени понизился въ эту эпоху курсъ излюбленныхъ идей доктринерскаго демократизма: элементарной формы народовластія, краткосрочнаго и по существу дѣла ограниченнаго мандата, зависимаго и слабаго чиновничества и безсилія правительства.

Относительно соціалъ-демократіи новаго времени высказывалось утвержденіе, что «вездѣ, гдѣ только осуществленіе какого-либо экономическаго требованія соціалистической программы возможно было лишь такимъ образомъ или при такихъ обстоятельствахъ, что оно представлялось сопряженнымъ съ серьезными опасностями для развитія свободы, соціальная демократія никогда не колебалась выступать противъ него. Обезпеченіе политической свободы всегда было для нея важнѣе осуществленія какого бы то ни было экономическаго постулата. Выработка и обезпеченіе свободной личности является цѣлью всѣхъ соціалистическихъ мѣропріятій, даже и тѣхъ, которыя кажутся принудительными мѣрами. Болѣе точное изслѣдованіе всегда обнаружитъ, что при этомъ дѣло идетъ о принужденіи, долженствующемъ увеличить сумму свободы въ обществѣ, дать больше свободы и притомъ болѣе широкому кругу, чѣмъ та свобода, которая ограничивается въ данномъ случаѣ» [27]). Къ сожалѣнію, однако, въ виду соціалъ-демократическаго принужденія къ участію въ союзахъ и столькихъ другихъ проявленій массоваго терроризма не требуется даже и болѣе точнаго изслѣдованія для выясненія того, что этотъ взглядъ, противорѣчащій всѣмъ даннымъ массовой психологіи, слишкомъ оптимистиченъ.

Вѣдь представитель этого взгляда самъ долженъ признать, что онъ, во всякомъ случаѣ, не примѣнимъ къ прежнимъ, характеризовавшимся меньшею «зрѣлостью» эпохамъ соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, античная соціалъ-демократія обнаруживала мало склонности жертвовать своими экономическими требованіями ради политической свободы гражданъ. Наоборотъ! Въ концѣ концовъ, для нея была хороша всякая

форма правленія, сулившая ей наибольшія выгоды; а, по крайней мѣрѣ, для даннаго момента такою формою являлся ни предъ чѣмъ не останавливавшійся деспотизмъ. Какъ часто, ради кассированія долговъ и раздѣла земель, масса привѣтствовала того, кто, опираясь на силу кулаковъ и меча, становился властителемъ государства и просто ставилъ свою волю на мѣсто воли народа! Въ сотняхъ случаевъ попытка экономическаго уравненія оканчивается не завершеніемъ чистой демократіи, а абсолютизмомъ одного лица; она оказывается не началомъ «соціальнаго освобожденія», какъ мечталъ вышеупомянутый сиракузскій демагогъ, а началомъ соціальной диктатуры [28]). И тотъ же самый народъ, который прежде столь ревниво оберегалъ свое самовластіе, съ легкимъ сердцемъ отдавалъ всѣ свои права и свободу тиранну, сулившему удовлетвореніе его вожделѣній!

Впрочемъ, эта свободоубійственная тенденція тогдашней соціалъ-демократіи объясняется не только тѣмъ, что она—совершенно въ духѣ коммунистическаго манифеста—односторонне старалась добиться осуществленія своихъ цѣлей «политическимъ дѣйствіемъ», безъ подготовительныхъ учрежденій, и не располагала для этого иными средствами, кромѣ терроризма революціонныхъ гетерій и революціонной диктаторской власти. Это обусловливалось, кромѣ того, еще и принципіальною несовмѣстимостью принципа экономическаго равенства съ гражданскою и индивидуальною свободою. И греческая мысль, нигдѣ не останавливавшаяся предъ крайними выводами, не уклонилась и отъ признанія этого. Въ соціальной теоріи явственно отражается враждебная свободѣ тенденція доктринерскаго соціализма. Вѣдь не случайно, конечно, въ кульминаціонномъ пунктѣ греческаго соціализма, въ солнечномъ государствѣ Ямбула, мы констатировали строго-авторитарный коллективизмъ: руководство соціалистическихъ рабочихъ группъ центральнымъ органомъ, гегемономъ, которому товарищи подчиняются какъ монарху. Это изгнаніе республики изъ мастерской всего нагляднѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣль соціалъ-демократическаго похода противъ богатства, установленіе истинной демократіи, представляла собой чистую иллюзію!

Не достигалось ли, хотя бы только временно, въ сколько-нибудь значительной степени то повышеніе общаго соціальнаго и экономическаго уровня, благополучія и счастья огромнаго большинства, ради котораго жертвовали свободой?

Никакое народное хозяйство не можетъ переносить частаго повторенія столь насильственныхъ экспериментовъ, какъ кассированіе долговыхъ обязательствъ и удаленіе изъ сферы хозяйственной и торговой дѣятельности множества элементовъ, принимавшихъ активное участіе въ производствѣ и въ обмѣнѣ, безъ тяжкой утраты производительныхъ силъ. А какое разрушительное дѣйствіе должны были оказывать эти совершенно игнорировавшія потребности экономической жизни насильственныя дѣйствія на хозяйство античнаго города-государства, равновѣсіе котораго и безъ того всегда было неустойчиво, въ особенности же, когда они повторялись такъ часто, какъ это бывало тогда во многихъ городахъ! Такая необезпеченность права, такой переворотъ въ экономическихъ и имущественныхъ отношеніяхъ зачастую должны были почти совершенно уничтожать частный кредитъ и временно парализовать торговлю и обороты.

И развѣ пролетарій, сразу становившійся благодаря экспропріаціи прежнихъ собственниковъ и предпринимателей владѣльцемъ капитала и недвижимыхъ имуществъ, въ самомъ дѣлѣ всегда оказывался болѣе умѣлымъ или хотя бы такимъ же хозяиномъ, какъ прежній собственникъ? То, чѣмъ онъ теперь владѣлъ, досталось ему безъ труда, въ качествѣ дара счастья, или скорѣе въ качествѣ награбленной добычи. Онъ съ самаго начала былъ лишенъ благословенія, почивающаго на

имуществѣ, пріобрѣтенномъ личнымъ трудомъ, и слишкомъ часто въ подобныхъ случаяхъ оправдывалась пословица: какъ нажито, такъ и прожито! Новый владѣлецъ, замѣнившій опытныхъ дѣльцовъ, или въ качествѣ новичка со всѣми слабостями, свойственными дилетантизму, плохо хозяйничалъ, не будучи достаточно компетентенъ въ дѣлѣ примѣненія капитала къ обработкѣ земли, или же онъ, инстинктивно сознавая свою неспособность сдѣлать что-либо путное съ доставшимся ему имуществомъ, или просто въ силу привычнаго нежеланія работать, проматывалъ его, предаваясь мимолетнымъ наслажденіямъ. При характерѣ того пролетаріата, которому въ такихъ случаяхъ доставалась побѣда, въ самомъ дѣлѣ не мудрено, что послѣ торжества революціи положеніе государства часто оказывалось какъ-разъ такимъ же, какъ въ извѣстномъ платоновомъ сравненіи—положеніе корабля, экипажъ котораго, «бражничая и пируя, проѣдаетъ запасы и продолжаетъ путь такъ, какъ этого можно ожидать отъ подобныхъ людей» [29]). Какъ часто, наконецъ, ненадежность новаго владѣнія, которое вѣдь ежеминутно могло стать жертвой реакціи со стороны экспропріированныхъ, да и въ самомъ дѣлѣ часто становилось ея жертвою, удерживала отъ значительныхъ затратъ труда и капитала. Все это неизбѣжно должно было влечь за собой упадокъ производства и, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшало возможность доставить всѣмъ прочное повышеніе уровня жизни.

Поэтому жалоба противниковъ соціальной революціи на то, что она приводила къ обѣднѣнію и къ гибели [30]), конечно, была во многихъ случаяхъ основательна. И безнадежный застой, и упадокъ греческаго народнаго хозяйства въ періодъ, непосредственно предшествовавшій утратѣ націей самостоятельности, конечно, по крайней мѣрѣ отчасти, объясняются этими результатами соціальной войны [31]).

Въ виду этого отъ соціальной революціи нельзя было ожидать прочнаго повышенія соціальнаго счастья. Она не могла осуществить и прочнаго переустройства въ смыслѣ установленія соціальнаго равенства. То, что сдѣлалъ Клеоменъ, не могло бы устоять въ силу имманентныхъ необходимыхъ требованій народнаго хозяйства, оно было бы обречено на погибель и безъ македонскихъ копій. Мало того, мы можемъ сказать, что само требованіе равенства заключало въ себѣ моментъ, дѣлавшій невозможнымъ его полное осуществленіе.

Вѣдь въ послѣднемъ анализѣ эту идею у массы порождаетъ отнюдь не абстрактная теорія о равенствѣ людей или гражданъ, которой его теоретически обосновывали его сторонники, а скорѣе психическое влеченіе, неискоренимое въ душѣ человѣка, все равно бѣденъ онъ или богатъ. Это—влеченіе къ повышенію счастья [32]), желаніе обладать и пользоваться большимъ, чѣмъ то, что оказывается возможнымъ въ данный моментъ,—то вѣчное стремленіе человѣческаго сердца, не позволяющее индивидууму удовлетвориться положеніемъ, занимаемымъ имъ относительно другихъ людей, и безпрестанно побуждающее его стремиться занять другое, въ какомъ-либо смыслѣ болѣе выгодное положеніе. У массы это требованіе повышенія житейскаго уровня проявляется именно въ томъ, что она прежде всего желаетъ имѣть то и стать тѣмъ, что имѣетъ и чѣмъ является выше ея стоящій классъ. Равенство съ высшимъ есть прежде всего представляющаяся цѣль, въ достиженіи которой стремится найти удовлетвореніе это требованіе повышенія житейскаго уровня. Низшій желаетъ прежде всего стать равнымъ высшему, но что же будетъ, когда онъ станетъ равнымъ ему? Удовлетворится ли онъ тѣмъ, чтобы остаться на той ступенькѣ лѣстницы, ведущей къ счастью, на которую онъ взобрался? Этому совершенно противорѣчатъ всегдашніе опыты относительно безпредѣльности чело-

вѣческихъ вожделѣній, характерныя проявленія которой намъ уже пришлось отмѣтить какъ-разъ въ данную эпоху.

Эти опыты показываютъ, что то, чѣмъ прежде для низшаго исчерпывались всѣ его стремленія, теперь тотчасъ же становится исходнымъ пунктомъ новыхъ вожделѣній. Этотъ психологическій фактъ чрезвычайно наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что интересъ низшаго къ установленію равенства въ сущности тожественъ съ интересомъ высшаго къ сохраненію неравенства. Мелко-буржуазное или мелко-крестьянское существованіе никакъ не можетъ быть окончательнымъ для всѣхъ, достигнувшихъ подобнаго существованія благодаря перевороту. Ставъ равными съ другими, люди желали бы уже и стать господами. «Желаютъ—какъ мѣтко замѣчаетъ Платонъ—овладѣть не только имуществомъ другихъ, но и ими самими» [33]). Это замѣчаніе живо напоминаетъ слова, сказанныя въ 1848 г. носильщицей угля знатной барынѣ: «да, сударыня, теперь всѣ будутъ равны: *я* буду ходить въ шелку, а *вы* будете носить уголь». Была ли въ самомъ дѣлѣ сказана эта фраза, или нѣтъ, въ ней, во всякомъ случаѣ, заключается глубокая психологическая истина, и встрѣчается множество аналогичныхъ ей выраженій.

Поэтому не случайно, конечно, въ послѣдніе вѣка греческой исторіи почти всегда, когда равенство было лозунгомъ въ кончавшейся побѣдой борьбѣ низшаго противъ высшаго, стремленіе индивидуума стоять выше другихъ принимало грубѣйшія формы, соціальное уравненіе такъ часто шло рука-объ-руку съ торжествомъ тиранніи. Въ этой послѣдней характерно воплощалась алчность массы, на плечахъ которой возвышался тираннъ, часто выходившій изъ подонковъ общества.

Но и другія лица, выигрывавшія благодаря революціи, не обнаруживали того духа солидарности и справедливости, на который претендовала соціальная демократія. Нигдѣ не оказывалось ни слѣда тѣхъ грандіозныхъ силъ, дѣйствующихъ въ духѣ равенства и братства, которыя должны были, какъ утверждалось, возникнуть благодаря революціи, ни слѣда энергичной и единодушной работы, клонящейся къ установленію новаго и лучшаго экономическаго и общественнаго строя, къ устраненію боевого характера народнаго хозяйства или хотя бы лишь къ ограниченію его принципомъ солидарности [34]). Все это осталось сѣрой теоріей. Не только потому, что это было не осуществимо, но и, по крайней мѣрѣ, настолько же и потому, что этому противорѣчили естественный эгоизмъ бывшихъ энтузіастовъ равенства и ихъ интересы.

Если бы въ самомъ дѣлѣ имѣлось въ виду установить какъ можно большее индивидуальное равенство въ обществѣ такъ, чтобы одинъ какъ можно болѣе пользовался и былъ тѣмъ же, чѣмъ пользовался и былъ другой, то соціалъ-демократическое движеніе должно было бы продолжаться въ духѣ прогрессирующаго обобществленія, замѣнять частное хозяйство коллективнымъ, чтобы все болѣе и болѣе лишать отдѣльныхъ лицъ возможности индивидуально дифференцироваться и выдѣляться. Но какъ рѣшительно ни признавалось все это въ соціалистической теоріи, въ дѣйствительности нечего было и помышлять о томъ, чтобы соціалъ-демократическое движеніе практически приняло это направленіе.

Чуть только достигалась ближайшая цѣль соціальной революціи, т.-е. болѣе или менѣе значительное число ея участниковъ овладѣвало капиталомъ или земельными участками, вскорѣ обнаруживалось, что побудительный мотивъ ихъ дѣйствій имѣлъ совершенно индивидуалистическій характеръ, что не самоотверженная преданность идеѣ общности, а личные интересы влекли отдѣльныхъ лицъ къ борьбѣ. А эти интересы требовали, чтобы отдѣльное лицо удерживало то, что было пріоб-

рѣтено имъ при общемъ грабежѣ, и чтобы это пріобрѣтенное имъ достояніе точно такъ же, какъ и для прежняго собственника, становилось для него средствомъ и переходнымъ пунктомъ для повышенія уровня существованія. Теперь эти люди скорѣе имѣли основаніе бояться сатурналій революціонной фразы. Такъ какъ отъ новаго переворота они могли уже не выиграть, а лишь потерять, то имъ нечего было уже драпироваться въ пролетарски-революціонное облаченіе. Они обыкновенно становились съ соціалъ-демократической точки зрѣнія одинаково реакціонными какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Beati possidentes! Этотъ девизъ удерживается и послѣ экспропріаціи прежнихъ собственниковъ. Измѣнился лишь личный составъ собственниковъ [35]). И новые собственники, очевидно, мало смущались тѣмъ, что, напр., какъ это было неизбѣжно, столь многіе ничего не получали и уходили съ пустыми руками, или тѣмъ, что возлѣ нихъ снова возникали неравенство и бѣдность. О томъ, что, для предупрежденія этого, собственно говоря, слѣдовало бы безпрестанно возобновлять разъ произведенный передѣлъ они, конечно, не желали и слышать, разъ только сами они оставались собственниками.

Поэтому братство, κοινωνία, врядъ ли длилось значительно дольше, чѣмъ пока не была побѣждена враждебная партія, и не былъ законченъ грабежъ, если только уже во время ликвидаціи прежняго общества не возгоралась борьба изъ-за размѣровъ барыша или изъ-за доли отдѣльныхъ лицъ въ общемъ барышѣ. Тогда интересы борцовъ за коммунизмъ, конечно, вскорѣ расходились. И естественные инстинкты, направленные на самосохраненіе, господство и наслажденіе, корыстная и подавляющая эгоистическая воля, словомъ все то, что Лассаль какъ-то называетъ наростомъ обособленности, отъ котораго мы все еще никакъ не можемъ отдѣлаться, искало и вскорѣ находило для себя такую же сферу дѣйствія, какъ и въ рамкахъ прежняго общества. Поэтому нигдѣ не было рѣчи о систематическомъ и послѣдовательномъ проведеніи соціальной демократіи, о дѣйствительной соціализаціи общества и объ окончательномъ устраненіи имущественнаго неравенства. И какъ часто дѣло уравненія не удавалось благодаря внутренней слабости и несостоятельности новаго общества! Какъ часто оно, едва подвигалось дальше первыхъ начинаній, уже гибло подъ ударами побѣдоносной реакціи!

Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ творческую силу революціи, теорія безпредѣльной творческой продуктивности революціонной политической власти врядъ-ли могла бы быть нагляднѣе доведена ad absurdum, чѣмъ путемъ выясненія печальной безрезультатности классовой борьбы въ этой классической странѣ соціальной революціи, кончающей полнымъ банкротствомъ принциповъ свободы, равенства и братства.

До рѣшительной битвы между пролетаріатомъ и буржуазіей, до побѣды, которая доставила бы дѣйствительный миръ, дѣло нигдѣ не доходило и никогда не могло дойти. Это была борьба безъ конца и истинно-демократическое государство, въ которомъ уже не существовало бы никакихъ классовыхъ противорѣчій, никакихъ различій между бѣдными и богатыми, оставалось вѣчно откладываемой надеждой. Даже тамъ, гдѣ крахъ существующаго общества оказывался полнымъ, и радикальное уравненіе, повидимому, удавалось въ данный моментъ, эта надежда вскорѣ оказывалась иллюзіей, обманчивымъ призракомъ революціонной идеологіи, неизбѣжно исчезавшимъ при столкновеніи съ прочностью исторически сложившагося общества.

И какъ дорого обошлось всей націи это сознаніе того, что не можетъ существовать радикальнаго рѣшенія соціальнаго вопроса въ смыслѣ экономической и соціальной справедливости, равенства и братства! Ужасное вырожденіе партійной

борьбы не только способствовало экономическому упадку, но и отравило народную жизнь, опустошило народную душу, потрясло и разрушило всѣ жизненные устои народа.

Чѣмъ болѣе матеріальная алчность, любостяжаніе, по выраженію Θукидида, обостряло и озлобляло старинную политическую противоположность между олигархіей и демократіей, тѣмъ болѣе разлагающее вліяніе оказывала борьба партій на всѣ соціальныя чувства, связующія гражданина съ гражданиномъ, человѣка съ человѣкомъ. Тамъ, гдѣ согражданинъ такъ часто оказывался врагомъ, богатствомъ котораго желательно было завладѣть, или возмущенія котораго приходилось опасаться [36]), тамъ духъ недовѣрія, столь рѣзкія проявленія котораго намъ уже приходилось отмѣчать, долженъ былъ все болѣе и болѣе внѣдряться во всѣ отношенія [37]). Это недовѣріе слишкомъ поддерживалось безчисленными проявленіями нравственнаго вырожденія, всюду «сказывавшагося въ коварствѣ нападенія и въ неслыханномъ мщеніи» [38]).

«Отъ враговъ—говоритъ Θукидидъ въ своемъ анализѣ этого патологическаго соціально-психологическаго процесса—принимали примирительныя предложенія лишь тогда, когда это оказывалось неизбѣжнымъ въ силу перевѣса враговъ въ данный моментъ, причемъ считали себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно защищенными отъ нихъ, но никогда не изъ довѣрія и великодушія. Отомстить заднимъ числомъ считалось предпочтительнымъ, чѣмъ заранѣе обезопасить себя отъ ущерба. Клятвы примиренія, когда таковыя произносились, имѣли лишь совершенно эфемерное значеніе. Съ обѣихъ сторонъ онѣ произносились лишь подъ давленіемъ нужды и соблюдались лишь до тѣхъ поръ, пока не увеличивалась сила» [39]).

«Такимъ образомъ не существовало такихъ гнусностей, которыя не порождались бы борьбой партій. Добросердечіе и благородные помыслы осмѣивались и исчезали. Не было ни внушавшихъ довѣріе словъ, ни достаточно ужасныхъ клятвъ, чтобы вызвать примирительное настроеніе. Всѣ мысленно отрѣшились отъ подобныхъ вещей, такъ что вообще уже не рѣшались вѣрить въ существованіе вѣрности и надежности» [40]). Дальнѣйшимъ симптомомъ этого нравственнаго вырожденія, конечно, обнаруживавшагося не только въ эпоху пелопоннесской войны, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда классовая борьба достигала наивысшаго напряженія, можно признать то, что называли переоцѣнкой морали: софистическое перетолковываніе, которому, смотря по обстоятельствамъ, подвергались понятія права и нравственности [41]). «Неистовая опрометчивость принималась за самоотверженную храбрость; въ обдуманной осмотрительности усматривалось прикрашиваніе трусости и въ разумной умѣренности—предлогъ къ отсутствію мужества. Репутацію составляли, прикрывая гнусныя вещи красивыми фразами. Тотъ, кто всегда бранилъ и ничѣмъ не былъ доволенъ, всегда пользовался репутаціей и находилъ вѣрующихъ. Противорѣчившіе ему становились подозрительными. Если кто-нибудь хитро подсиживалъ враждебную партію, онъ считался умнымъ, но еще болѣе дѣльнымъ считался тотъ, кто во-время чуялъ бѣду» [42]).

Словомъ, «они всевозможными способами старались подчинить другъ друга, не останавливаясь при этомъ предъ крайними средствами и карая другъ друга все болѣе и болѣе чувствительными наказаніями, опредѣлявшимися не соотвѣтственно справедливости и пользѣ государства, а по злорадному произволу партій. Итакъ, они всегда были готовыми или, злоупотребляя судомъ, произносить неправильные приговоры, или, пользуясь перевѣсомъ кулаковъ, добиться побѣды и такимъ образомъ доставить себѣ удовлетвореніе въ данный моментъ. Лица же, не

примыкавшія ни къ одной партіи, были смертельно преслѣдуемы обѣими, или потому, что они не поддерживали ихъ въ борьбѣ, или потому, что не допускали, чтобы они одни оставались невредимыми» [43]). Словомъ, извращаются всѣ общественныя связи, отравляется вся общественная и частная жизнь. Подрастаютъ поколѣнія людей, живущихъ лишь для того, чтобы ненавидѣть другъ друга и враждовать другъ съ другомъ. При такихъ условіяхъ гражданскій разладъ становится, такъ сказать, нормальнымъ явленіемъ. «Среди него рождаются, живутъ и умираютъ» [44]).

Но чѣмъ болѣе это общее душевное настроеніе вызывало отчужденіе гражданъ другъ отъ друга, тѣмъ болѣе оно сплачивало тѣхъ, которыхъ общность интересовъ объединила для совмѣстныхъ политическихъ дѣйствій. «Присяги, приносимыя гетеріи, соблюдались не столько изъ уваженія къ божественному закону, сколько скорѣе въ силу сознанія сообща совершенныхъ преступленій»; «принадлежность къ одной и той же партіи сплачивала тѣснѣе чѣмъ родство, такъ какъ партія была болѣе готова на безудержный рискъ» [45]). Подобно узамъ крови, дружба, религія, отечество не считались ни во что по сравненію съ интересами партіи. Въ концѣ концовъ, интересъ индивидуума къ государству не простирался далѣе вліянія или господства его партіи; или скорѣе объ отечествѣ забывали, такъ какъ всѣ помыслы, всѣ желанія, всѣ силы посвящались партіи. «Въ жизни индивидуума и государства врядъ ли встрѣчалось такое честолюбіе, такая мысль, такой поступокъ, которые не были бы связаны съ этой борьбой партій» [46]). Чувство того, что существуетъ и обязанность по отношенію къ отечеству, какъ къ таковому, и что законъ и юрисдикція государства связываютъ индивидуумъ, все болѣе и болѣе утрачивается. Революція все болѣе и болѣе представляется законнымъ правомъ. Вѣдь благодаря вѣчнымъ проскрипціямъ и ихъ частымъ послѣдствіямъ, возвращенію съ оружіемъ въ рукахъ, сложилась привычка не только обходиться безъ отечества, но и бороться противъ него, какъ противъ вражеской страны. А конечнымъ результатомъ является полный индифферентизмъ, отсутствіе патріотизма.

Эпилогомъ ко всей этой эволюціи могутъ служить слова одного грека позднѣйшей эпохи: «Это (а именно борьба противъ чужой собственности) [47]) порождаетъ вѣчный разладъ, взаимное истребленіе и всевозможныя иныя бѣдствія. Счастливы тѣ государства, которыя потеряли изъ-за этого только свою независимость, а не совершенно погибли, какъ другія».

Не мудрено, что для партій собственниковъ достаточно было общности ихъ интересовъ съ интересами капиталистическаго Рима, чтобы повергнуть къ его стопамъ Элладу. Вѣдь даже и одному изъ лучшихъ ея сыновъ осталось лишь безнадежно признать, что истощенной и разстроенной странѣ можетъ помочь лишь принудительная сила чужеземнаго владычества. И Полибій даже взираетъ на это съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ! Онъ воздвигаетъ чужеземному владычеству литературный памятникъ, ясно выраженная цѣль котораго заключается въ историческомъ оправданіи и даже прямо таки въ прославленіи этого чужеземнаго владычества!

Этотъ актъ отказа отъ политической роли въ своемъ родѣ настолько же характеренъ для національнаго паденія, какъ и отказъ отъ общественной и экономической дѣятельности, носителемъ котораго сдѣлалось давно уже ставшее распространеннымъ теченіе мысли. Если Полибій отказывался ради внѣшняго спокойствія отъ всѣхъ политическихъ благъ націи, то онъ совершалъ въ сферѣ государственныхъ отношеній тотъ же актъ отреченія, который былъ задолго до него совершенъ въ сферѣ общественныхъ отношеній Антисѳеномъ, прославлявшимъ независимость отъ всѣхъ внѣшнихъ благъ какъ единственный путь къ душевному

миру. Вѣдь то, что вышеуказанное политическое отреченіе оставляло греку какъ ζῷον πολιτικόν, въ самомъ дѣлѣ имѣло не больше цѣны, чѣмъ приглашеніе Діогена синопскаго довольствоваться водой, хлѣбомъ и нѣкоторымъ количествомъ солнечнаго свѣта!

И какъ характеренъ, въ качествѣ продукта соціальнаго разложенія, самъ этотъ философъ, проповѣдующій евангеліе бѣдности, отреченія отъ міра и презрѣнія къ міру,—эта послѣдняя характерная фигура, порожденная гражданскою жизнью грековъ! Что означаетъ его претензія доставить людямъ истинныя свободу и равенство, кромѣ признанія банкротства самой идеи соціальныхъ и экономическихъ свободы и равенства? Въ данномъ случаѣ мысль, страстно воодушевлявшая несчетныя тысячи людей, стоившая націи моря крови и слезъ, обращается въ фарсъ благодаря гордому юмору нищаго, дѣлающаго изъ нужды добродѣтель и съ достоинствомъ драпирующагося въ свои жалкіе лохмотья.

Какъ характерно, что стихи, въ которыхъ поэтъ кинизма, ѳиванецъ Кратетъ, прославляетъ символъ киническаго нищенскаго существованія, суму (по-гречески п е р а), сами представляютъ собой пародію! [48]).

«Пера, такъ называется страна, расположенная среди мрачнаго безумія;
Она прекрасна, крѣпка и свободна отъ всякой заразы;
Вѣдь ни одинъ тунеядецъ не направляетъ своего судна въ ея гавань,
И въ ней нѣтъ ни одного порочнаго созданья, щеголяющаго продажными прелестями;
Но лукъ содержитъ она и чеснокъ и фиги и хлѣбъ.
Люди никогда не вступаютъ изъ-за нея въ ожесточенную борьбу,
И въ ней не возгорается яростныхъ схватокъ изъ-за почета и и м у щ е с т в а» [49]).

Переоцѣнка цѣнностей [50]), играющая столь важную роль въ борьбѣ за внѣшнія блага, за власть и за обладанія собственностью, коснулась оцѣнки этихъ благъ. Высказывается требованіе, чтобы люди перестали дорожить ими. Конечно, это было безсильное начинаніе, какъ бы часто ни повторялось оно съ тѣхъ поръ въ исторіи человѣчества!

КНИГА ВТОРАЯ.

РИМЪ.

ГЛАВА I.

Первоначальный періодъ государственной жизни и аграрный коммунизмъ.

Къ числу наиболѣе рѣзко бросающихся въ глаза чертъ общественнаго строя стараго Рима принадлежитъ раздѣленіе гражданъ на родовые союзы, на такъ назыв. gentes. Этотъ родовой строй, въ основѣ котораго лежатъ семейный принципъ и идея частнаго правового братства, первоначально несомнѣнно имѣлъ чрезвычайно важное значеніе для жизни индивидуума, но, конечно, въ ту эпоху, относительно которой у насъ имѣются болѣе точныя извѣстія, онъ уже вполнѣ разлагался и почти совершенно утратилъ свою прежнюю роль. Вслѣдствіе этого и традиція относительно способа осуществленія родового принципа въ деталяхъ, относительно первоначальнаго отношенія индивидуума и его имущества къ общинѣ рано стала неясной.

Благодаря этому соціальная теорія могла чрезвычайно свободно пріурочивать свои построенія къ этой столь важной исторически и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь мало извѣстной, поскольку дѣло идетъ объ ея первоначальной сущности, соціальной формѣ. И притомъ это замѣчаніе особенно примѣнимо къ уже охарактеризованному нами направленію, представители котораго пытаются конструировать исторію развитія общиннаго и индивидуальнаго принципа въ соціальномъ правѣ и полагаютъ, что они установили закономѣрный ходъ этого развитія. Для нихъ необходимой переходной стадіей на томъ пути, по которому, согласно ихъ воззрѣнію, совершался переходъ отъ коммунизма къ индивидуалистической собственности, является примитивная организація родовыхъ союзовъ, отличавшаяся, по ихъ утвержденію, выраженнымъ коммунистическимъ характеромъ. На этой стадіи народной жизни главную роль въ ней будто бы играло товарищество, владѣвшее землей на общинныхъ началахъ, да сообща и обрабатывавшее ее, а, стало-быть, еще не знавшее частной земельной собственности.

Въ этой формулировкѣ понятіе «gens» получило извѣстное прототипическое значеніе для соціализма новаго времени. Онъ усматриваетъ въ немъ предвосхищеніе части своихъ идеаловъ, хотя и въ несовершенномъ видѣ. Поэтому сочиненіе, положившее основы этого пониманія примитивной родовой организаціи—«Первобытное общество» Моргана,—вошло въ число источниковъ соціально-демократическаго образованія, а одинъ изъ главныхъ осново-положниковъ соціализма, Фр. Энгельсъ, кончаетъ свою книгу о «Происхожденіи семьи, частной собственности и государства», заимствованнымъ у Моргана предсказаніемъ: «демократія въ управленіи, братство въ обществѣ, равенство правъ, всеобщее воспитаніе ознаменуютъ собой ближайшую, болѣе высокую стадію общественнаго развитія, непрерывно подготовляемую

опытомъ, разумомъ и наукою. На этой стадіи оживутъ—но въ болѣе высокой формѣ—свобода, равенство и братство старинныхъ gentes».

Уже при разсмотрѣніи древне-греческаго аграрнаго строя мы отвергнули какъ результатъ слишкомъ поспѣшнаго обобщенія лежащее въ основѣ этой теоріи воззрѣніе, согласно которому у ставшихъ осѣдлыми народовъ коллективное владѣніе землею должно быть признано необходимой и обще-распространенной стадіей общественнаго развитія [1]). Историческая наука новаго времени научилась осторожности при устанавливаніи «законовъ». И, во всякомъ случаѣ, вѣрность мнимаго «закона непрерывной дезинтеграціи собственности», «развитія, ведущаго отъ аграрнаго коммунизма идиллическаго родового общественнаго быта къ аграрному индивидуализму» [2]) и до сихъ поръ еще не доказана для трезво-взвѣшивающаго ф а к т ы изслѣдованія.

Новѣйшіе результаты современной этнографіи даже прямо-таки противорѣчатъ этому «закону». «Если—говоритъ Ратцель въ своей политической географіи [3])—мы разсмотримъ тѣ случаи, въ которыхъ общинное владѣніе землею встрѣчается въ настоящее время, то мы прежде всего констатируемъ, что оно можетъ сочетаться со в с ѣ м и вообще извѣстными намъ культурными стадіями, что, напр., въ Меланезіи оно встрѣчается на томъ же тѣсномъ пространствѣ и среди той же группы племенъ, какъ и другія формы владѣнія, и что оно менѣе всего встрѣчается тамъ, гдѣ порядки болѣе всего производятъ впечатлѣніе первобытности» [4]). Далѣе тотъ же этнографъ замѣчаетъ, что даже будто бы общераспространенная потребность человѣка въ ассоціаціи не дѣлала въ «первобытную эпоху» необходимой «первобытную собственность», «подобно тому какъ вѣдь и наибольшія и сильнѣйшія земледѣльческія колоніи новаго времени развились на основѣ индивидуальнаго владѣнія и превосходно удовлетворяли этой потребности въ поддержкѣ при посредствѣ своихъ простыхъ государственныхъ учрежденій». Поэтому современная антропогеографія принципіально отвергаетъ соціально-историческія построенія въ духѣ Лавелэ и Моргана. Она выяснила, что Морганъ никогда не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, въ какое глубокое прошлое восходитъ нынѣшнее человѣчество, и что поэтому его основная предпосылка, согласно которой среди современнаго человѣчества будто бы представлены всѣ вообще когда бы то ни было существовавшія ступени развитія, рѣшительно ни на чемъ не основана. Такъ же обстоитъ дѣло и съ его гипотезой, гласящей, что человѣчество «повсюду развивалось приблизительно однимъ и тѣмъ же путемъ». Великія проблемы исторіи развитія человѣчества вовсе не такъ просты, чтобы достаточно было, какъ это дѣлаетъ Морганъ, построить одинъ только рядъ стадій развитія, который оказывался бы затѣмъ безъ дальнихъ околичностей примѣнимымъ ко всѣмъ народамъ земли [5]). Не оказалась ли неисторическою старинная, повидимому абсолютно установленная схема послѣдовательныхъ культурныхъ стадій охоты, кочевой жизни и земледѣлія? И можетъ ли судьба аналогичной схемы, относящейся къ формамъ собственности, быть иною [6])? Подобная схема развитія можетъ импонировать своею простотою столь распространенному въ соціалистической наукѣ шаблонному мышленію или представляться соблазнительною односторонне-спекулятивнымъ умамъ [7]), но вся эта концепція непригодна для трезваго историческаго изслѣдованія, не привыкшаго укладывать безконечное богатство человѣческой исторіи на прокрустово ложе схематическихъ классификацій.

Итакъ, мы и теперь еще должны принципіально держаться той точки зрѣнія, что коль скоро дѣло идетъ о какомъ-либо ставшемъ осѣдлымъ народѣ, то можно съ нѣкоторою увѣренностью допускать, что первоначальной стадіей его экономическаго

развитія былъ аграрный коммунизмъ лишь тогда, когда слѣды послѣдняго оказываются на лицо въ подлинной традиціи или въ правѣ и хозяйствѣ исторической эпохи. Общія политико-экономическія соображенія и умозаключенія по аналогіи, на основаніи которыхъ, по мнѣнію одного выдающагося экономиста [8]), коммунистическій характеръ древнѣйшаго аграрнаго строя представляется вѣроятнымъ именно въ Римѣ, могутъ, конечно, служить подтвержденіемъ выводовъ изъ подобныхъ слѣдовъ, но сами по себѣ они не отличаются надлежащею убѣдительностью [9]).

Правда, не кто иной, какъ Моммзенъ, пытался представить это историческое доказательство для Рима. По его мнѣнію, италійская сельская община «еще и въ сравнительно позднюю эпоху вела хозяйство какъ родовая община, т.-е. на началахъ общиннаго землевладѣнія» [10]), которому онъ, по крайней мѣрѣ, въ своей римской исторіи, приписываетъ, поскольку дѣло идетъ о древнѣйшемъ періодѣ, чисто-коммунистическій характеръ [11]). И онъ полагаетъ, что слѣды этой эпохи «коллективной собственности» можно распознать какъ въ традиціи, такъ и въ учрежденіяхъ болѣе позднихъ эпохъ.

По мнѣнію Моммзена, «даже и въ римской юридической традиціи еще отмѣчается, что первоначально имущество состояло въ скотѣ и землепользованіи и лишь впослѣдствіи земля была раздѣлена между гражданами въ частную собственность». Онъ утверждаетъ, что эта традиція сказывается въ цицероновой книгѣ о государствѣ, гдѣ объ эпохѣ Ромула сказано: «tum erat res in pecore et locorum possessionibus, ex quo pecuniosi et locupletes vocabantur» [12]). Но кто же станетъ усматривать въ этой характеристикѣ, очевидно, представляющей собой выводъ изъ этимологическаго истолкованія понятій pecuniosi et locupletes, «традицію», которою можно было бы пользоваться какъ «свидѣтельствомъ»! И вообще утверждаетъ ли Цицеронъ то, что ему приписываетъ Моммзенъ? Вѣдь у него дѣло идетъ о противопоставленіи не эпохъ общинной и индивидуальной собственности, а эпохъ натуральнаго и денежнаго хозяйства. Тогда—полагаетъ онъ, противопоставляя эту эпоху своему времени, характеризующемуся развитымъ народнымъ хозяйствомъ и наличностью движимыхъ капиталовъ—собственность заключалась лишь въ скотѣ и въ землевладѣніи, причемъ не проводится никакого различія между этими двумя видами вещныхъ имуществъ. Оба они, какъ земля, такъ и скотъ, одинаково являются объектомъ права собственности. Кромѣ того, понятіе собственности отнюдь не исключалось бы и въ томъ случаѣ, если бы землевладѣніе мыслилось здѣсь лишь какъ *землепользованіе*. Возможно вѣдь и право собственности на послѣднее. Но это толкованіе выраженія locorum possessio даже не обосновано, такъ какъ Цицеронъ употребляетъ слово possessio отнюдь не только въ смыслѣ юридическаго термина, но и вообще для обозначенія собственности [13]).

Къ тому же рисуемая имъ въ непосредственно предшествующемъ предложеніи (Romulus habuit plebem inclientelas principum discriptam) картина общественнаго строя этой древнѣйшей эпохи доказываетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду земельную *собственность*. Онъ представляетъ себѣ, что уже тогда экономическое и соціальное дифференцированіе римскаго народа настолько подвинулось впередъ, что ему приписывать можно прямо-таки *сословный* характеръ. Съ одной стороны—господствующая аристократія, съ другой—подчиненная масса, plebs, находившаяся, по его мнѣнію, по отношенію къ знатнымъ господамъ въ положеніи кліентовъ! Неужели же, спрашивается, Цицеронъ могъ считать эту развитую сословную организацію общества возможной безъ существованія частной земельной собственности [14])?

Столь же не основательна и ссылка на Цицерона для доказательства суще-

ствованія мнимой юридической традиціи, согласно которой раздѣлъ земли въ частную собственность будто бы былъ все-таки произведенъ «лишь впослѣдствіи». Вѣдь въ цитируемомъ Моммзеномъ мѣстѣ Цицеронъ говоритъ вовсе не о переходѣ отъ аграрнаго коммунизма къ индивидуализму, а о раздѣлѣ завоеванной на войнѣ, отнятой у врага земли (ager publicus) [15])! То же самое примѣнимой и къ многочисленнымъ другимъ упоминаніямъ о надѣленіи общинной землей, также истолковываемымъ Моммзеномъ въ томъ совершенно общемъ смыслѣ, что они будто бы относятся къ «выведенію частной собственности изъ общественной», между тѣмъ какъ дѣло идетъ всего лишь о возникновеніи опредѣленныхъ имущественныхъ отношеній на особаго рода общественной землѣ, а не о возникновеніи частной собственности вообще. Впрочемъ, у Цицерона не можетъ быть и рѣчи о навязываемомъ ему Моммзеномъ воззрѣніи уже потому, что для него именно частная собственность является примитивнымъ учрежденіемъ, болѣе древнимъ, чѣмъ даже царская власть! Вѣдь возникновеніе самой царской власти объясняется у него исключительно тѣми злоупотребленіями, которыя, по его мнѣнію, были вызваны развитіемъ имущественныхъ отношеній вслѣдствіе отсутствія сильной государственной власти! Такъ какъ богатые противозаконно притѣсняли бѣдныхъ, то, по его словамъ, пришлось прибѣгнуть къ установленію царской власти, создавшей одинакое право для тѣхъ и для другихъ [16]). До такой степени не извѣстна Цицерону мнимая юридическая традиція о происхожденіи частной собственности изъ общественной!

Но кромѣ этихъ неправильно понимаемыхъ «свидѣтельствъ» [17]) моммзеновская теорія не можетъ опираться ни на какую «традицію», кромѣ псевдо-историческихъ построеній относительно установленія порубежныхъ камней и учрежденія праздника въ честь бога границъ Нумой!

Это свидѣтельство, пожалуй, еще менѣе вѣско, чѣмъ другія! Вѣдь если легенда изображаетъ царя Нуму основателемъ этихъ учрежденій, то это обусловливается не традиціей, относящейся къ исторіи развитія собственности, а той общей идеей, которой вообще обязана своимъ происхожденіемъ фигура Нумы. Согласно этой общей идеѣ, онъ, въ противоположность основателю государства, царю-воителю и завоевателю Ромулу, является идеальнымъ государемъ-миротворцемъ, основателемъ религіи, нравоучителемъ, соціальнымъ и экономическимъ реформаторомъ [18]). Онъ покровительствуетъ земледѣлію, такъ какъ послѣднее «болѣе всякаго другого занятія благопріятствуетъ миролюбію». Пріучая свой суровый народъ воиновъ къ земледѣлію, «онъ какъ бы посредствомъ любовнаго напитка внушаетъ послѣднему миролюбіе», подавляя склонность къ насилію и чрезмѣрное стремленіе обогащаться на счетъ другихъ [19]). Внося такимъ образомъ благодаря смягчающему нравы вліянію земледѣлія и введенныхъ имъ учрежденій въ народную жизнь сильныя «побужденія къ воздержности» и «побуждая къ справедливости», онъ преобразуетъ грубое государство воиновъ въ соціальное государство, съ которымъ не могла сравняться по идеальной гармоніи даже и совершеннѣйшая семья [20]). Соціализированіе народа удалось до такой степени, что души гражданъ гармонировали, подобно благозвучнѣйшимъ музыкальнымъ аккордамъ [21]). Словомъ, Нума является этическимъ соціалистомъ на римскомъ царскомъ престолѣ.

Развѣ могъ кто-либо менѣе его усматривать свое призваніе въ томъ, чтобы уничтожить оказывавшуюся на лицо общинную экономическую организацію и замѣнить ее частною собственностью, стало-быть, разрушить какъ-разъ то, съ чѣмъ историческая романтика римлянъ связывала представленіе объ идеально мирномъ общественномъ состояніи [22])? На самомъ дѣлѣ легендарный Нума нахо-

дить въ качествѣ существующаго правового порядка отнюдь не коммунизмъ, а, наоборотъ, рѣзко индивидуалистическій общественный строй, что вполнѣ соотвѣтствуетъ тому духу насилія, которымъ общество представляется проникнутымъ до его царствованія. Онъ находитъ не общность, а зачастую принимавшую грубыя формы борьбу изъ-за собственности, не сочетающееся съ общностью равенство, а рѣзкое имущественное неравенство, противоположность между бѣдными и богатыми и, вслѣдствіе этого, сильное соціальное движеніе [23])! Именно поэтому онъ и выступаетъ въ качествѣ соціальнаго реформатора. Онъ является миѳическимъ предшественникомъ Гракховъ. Вѣдь онъ роздалъ завоеванную его предшественникомъ территорію и часть общественныхъ полей бѣднымъ, которыхъ неимѣніе у нихъ собственности дѣлало естественными врагами богачей, вызывая у нихъ революціонное настроеніе [24]). Онъ борется противъ бѣдности и устраняетъ ее, а вмѣстѣ съ нею и «принужденіе къ беззаконію» [25]). И его законы относительно размежеванія собственности отличаются тою же соціально-этическою тенденціей, и они клонятся къ обузданію чрезмѣрно развитыхъ индивидуалистическихъ и эгоистическихъ тенденцій. Разъ институтъ частной собственности былъ узаконенъ правомъ, то для Нумы, какимъ его рисуетъ наше преданіе, дѣло могло идти лишь о томъ, чтобы придать борьбѣ изъ-за собственности мирный характеръ, по мѣрѣ возможности устранить изъ нея безправіе и насиліе. Точное фиксированіе границъ полей размежеваніемъ и установленіемъ межевыхъ знаковъ вѣдь уже само по себѣ предотвращаетъ множество споровъ и захватовъ [26]). Добросовѣстное уваженіе къ сосѣдской собственности еще болѣе гарантируется тѣмъ, что межи и пограничные знаки ввѣряются божественной охранѣ. Законъ Нумы объявляетъ того, кто, нарушая уваженіе къ богу Термину, выкапываетъ межевой знакъ, проклятымъ вмѣстѣ съ его скотомъ и обреченнымъ въ жертву подземнымъ богамъ, такъ что всякій можетъ безнаказанно убить его. Этимъ онъ воспитываетъ народъ къ самодовлѣнію и къ обузданію стремленія захватывать сосѣдское имущество [27]). И, предоставляя богу Термину въ качествѣ «охранителя мира и блюстителя справедливости» попеченіе о полевыхъ межахъ, онъ настаиваетъ и на строгомъ разграниченіи между народнымъ достояніемъ и собственностью частныхъ лицъ. Нума впервые точно устанавливаетъ границы общественныхъ полей, ставя межевые знаки, и этимъ охраняетъ пользующагося общественнымъ пастбищемъ простолюдина отъ захватовъ сосѣднихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, манера которыхъ присваивать себѣ одинъ участокъ общинной земли за другимъ, передвигая межевые знаки, слишкомъ хорошо извѣстна изъ исторіи болѣе поздней эпохи [28]). Наконецъ, онъ освящаетъ и границы между народами. Вѣдь до тѣхъ поръ предѣлы римской территоріи опредѣлялись лишь волей народа и римскимъ оружіемъ! Этому положилъ конецъ «справедливый» Нума, «государственный дѣятель и философъ», установивъ отмежеваніемъ народной земли и освященіемъ границъ страны и во внѣшнихъ сношеніяхъ эру мира, въ теченіе его долгаго правленія ни разу не нарушавшагося войной и кровопролитіемъ [29]). Сосѣдніе народы преисполняются такимъ уваженіемъ къ народу, посвятившему себя—совершенно какъ въ идеальномъ платоновомъ государствѣ—служенію богамъ, что они сочли бы святотатствомъ нанесеніе ему вреда [30])!

Таковъ тотъ кругъ идей, изъ котораго не выходитъ данная легенда. Она относится къ исторіи соціальной этики, а не къ исторіи аграрнаго коммунизма. Этотъ кругъ идей коренится не въ воспоминаніяхъ о прошломъ, а въ настроеніи эпохи, въ которую libido agros continuandi «изгладило у столь многихъ людей

способность различать между своимъ и чужимъ достояніемъ и границы собственности опредѣлялись уже не закономъ, а ненасытною алчностью» [31]). Въ качествѣ идеальной противоположности этой эпохѣ соціальной порчи мыслится блаженная мирная пора, когда всякій еще «довольствовался своимъ достояніемъ и еще не помышлялъ о присвоеніи чего-либо чужого путемъ обмана или насилія» [32]). Это былъ златой вѣкъ, водворенный любимцемъ боговъ и не повторявшійся съ тѣхъ поръ. Какъ божественная покровительница царства и властителя при кончинѣ послѣдняго въ слезахъ расплывается въ источникъ, такъ и возвышенный идеалъ мира исчезаетъ уже въ воинственную ближайшую эпоху.

Итакъ, соціально-психологическіе мотивы, вызвавшіе возникновеніе пріуроченной къ Нумѣ романтики, совершенно очевидны и, собственно говоря, врядъ ли нужно указывать на то, что изъ легенды о Нумѣ нельзя дѣлать заключеній насчетъ общей юридической традиціи, относящейся къ исторіи частной собственности уже потому, что римская «традиція» относительно культа Термина отнюдь не отличается единогласіемъ. Легендѣ о Нумѣ противостоитъ другая версія, согласно которой уже въ эпоху царя Таціа, стало-быть, въ началѣ государственной жизни, воздвигается алтарь, и сооружается часовня въ честь этого бога [33]).

Впрочемъ, самъ Моммзенъ чувствовалъ недостаточность этихъ аргументовъ. Вѣдь онъ дополняетъ ихъ указаніемъ на рядъ другихъ моментовъ, служащихъ, по его мнѣнію, еще «лучшимъ свидѣтельствомъ» въ пользу его взгляда.

По мнѣнію Моммзена, специфически свойственное римскому праву обозначеніе частной собственности какъ «принадлежащаго къ дому» (familia) и количества скота (pecunia) «рѣшительно» свидѣтельствуетъ о томъ, что «именно поскольку дѣло шло о правѣ наслѣдованія, сама земля не принадлежала къ имуществу». Объ этомъ же свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Моммзена, и обозначеніе пріобрѣтенія собственности какъ схватыванія рукой (mancipatio), равнымъ образомъ примѣнимое лишь къ движимому имуществу, а не къ сдѣлкамъ относительно земельныхъ участковъ [34]).

Однако, этотъ аргументъ, на первый взглядъ представляющійся непреодолимо убѣдительнымъ, ничего не доказываетъ, поскольку дѣло идетъ о занимающемъ насъ въ данномъ случаѣ вопросѣ. Вѣдь первоначальное различіе юридическаго трактованія земли и движимаго имущества, вытекающее для стариннаго права изъ вышеупомянутыхъ обозначеній, могло бы быть въ достаточной степени объяснено и тѣмъ строгимъ стѣсненіемъ индивидуальной земельной собственности, которое, какъ мы уже видѣли, составляетъ характерную особенность стариннаго аграрнаго строя [35]). Это стѣсненіе вовсе не должно непремѣнно основываться на аграрномъ коммунизмѣ. Что же касается вышеупомянутой формы пріобрѣтенія собственности, то все же весьма проблематично, въ самомъ ли дѣлѣ недвижимое имущество было изъято отъ акта manu rem apprehendere. Было основательно замѣчено, что актъ mancipatio былъ возможенъ и по отношенію къ недвижимостямъ, причемъ, напр.,— какъ хотя бы рогъ быка—рукою схватывали дверной косякъ дома или вспаханную землю [36]). Впрочемъ, и эта форма передачи собственности изъ рукъ въ руки въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что въ эпоху строгихъ аграрныхъ стѣсненій земля, понятно, еще имѣла весьма небольшое значеніе для мѣновыхъ сдѣлокъ.

Правда, Моммзенъ находитъ подтвержденіе своего взгляда, согласно которому «земля первоначально не входила въ составъ личной собственности» въ римской «легендѣ» о возникновеніи земельной собственности, въ которой повѣствуется, что царь Ромулъ отвелъ каждому гражданину по земельному участку величиной въ два моргена, въ качествѣ «наслѣдственнаго имѣнія» (heredium) [37]). И, приводя

это въ связь съ тѣмъ фактомъ, что еще въ двѣнадцати таблицахъ слово heredium встрѣчалось въ смыслѣ hortus, онъ находитъ, что въ вышеупомянутой легендѣ «въ обычномъ иносказательномъ историческомъ изложеніи выражено, что прежде частная земельная собственность не распространялась на поле, но ограничивалась домомъ и садомъ, и лишь эти послѣдніе переходили къ наслѣднику».

На это приходится возразить, что вѣдь «легендѣ» въ качествѣ историческаго иносказательнаго изложенія простого взгляда на прошлое можно было бы приписывать значеніе подтверждающаго свидѣтельства лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было констатировать, что этотъ взглядъ выведенъ изъ фактовъ или учрежденій, въ самомъ дѣлѣ допускающихъ логически убѣдительное умозаключеніе относительно прошлаго. Но до какой степени проблематична именно въ этомъ отношеніи основа легенды! Въ ней, очевидно, нашла свое выраженіе та искусственная числовая схема, согласно которой представители антикварской псевдонауки представляли себѣ первоначальное распредѣленіе народа и земли. Они считали возможнымъ точно вычислить, что древній Римъ состоялъ изъ тридцати курій, и что каждая курія обнимала собой сто домохозяйствъ. Какъ было имъ не дать отвѣта и на столь интересовавшій дѣятелей болѣе поздняго времени вопросъ о размѣрахъ экономической сферы такого древне-римскаго домохозяйства? Вѣдь отвѣтить было не трудно! Въ Римѣ существовала мѣра поверхности, равнявшаяся 200 моргенамъ и называвшаяся centuria, т.-е. представлявшая собой комплексъ 100 единицъ мѣры или sortes [38]). Это превосходно подходило къ куріи съ ея 100 членами. Стоило только допустить, что центуріатныя поля первоначально составляли надѣлъ куріи, изъ котораго на долю каждаго ея отдѣльнаго члена приходился участокъ въ два jugera [39]), — и картина древне-римскаго аграрнаго строя была, такъ сказать, готова. Эта картина была тѣмъ болѣе симпатична дѣятелямъ болѣе поздняго времени, что она выставляла въ самомъ яркомъ свѣтѣ древне-римскую невзыскательность потребностей и простоту, представлявшія столь рѣзкій контрастъ съ нравами ихъ эпохи. «Тогда—говоритъ Плиній вполнѣ въ духѣ этой идеализирующей прошлое точки зрѣнія—римскій народъ удовлетворялся двумя югерами земли на человѣка, и никому не давалось бо́льшаго количества, между тѣмъ какъ недавно эта площадь земли казалась рабамъ Нерона недостаточной для ихъ увеселительныхъ садовъ. Теперь хотятъ, чтобы даже рыбные пруды занимали большее пространство» [40])! Наконецъ, здѣсь, очевидно, сыграло нѣкоторую роль еще и то, что устройство древняго Рима представляли себѣ согласно схемѣ, по которой основывались колоніи, при основаніи которыхъ какъ-разъ въ старину встрѣчались случаи надѣленія колонистовъ двумя jugera [41]).

Почти непонятно, какъ можно придавать позднему построенію—мотивы, вызвавшіе возникновеніе котораго столь очевидны—какое бы то ни было значеніе въ качествѣ аргумента при разсмотрѣніи занимающаго насъ въ данномъ случаѣ вопроса. Еще менѣе понятно, что подъ вліяніемъ господствующаго моммзеновскаго воззрѣнія даже такой изслѣдователь, какъ Мейценъ, принимаетъ безъ дальнихъ околичностей за фактъ, что «во всю эпоху царей и—повидимому—вплоть до 389 г. до Р. Хр. ни одному отцу семейства, все равно—патрицію или плебею, не отводилось болѣе двухъ jugera въ частную собственность» [42])!

Къ тому же мысль, по мнѣнію Моммзена, находящая свое выраженіе въ данной легендѣ, вполнѣ чужда послѣдней. Ея смыслъ даже прямо противоположенъ тому, который въ нее вкладываетъ Моммзенъ, истолковывая ромуловы jugera какъ доли полевой центуріи; она опредѣленно обозначаетъ эти послѣднія какъ поле, а не какъ землю подъ сады [43]). Итакъ, частная собственность на пахотную

землю столь же древня съ точки зрѣнія легенды, какъ и само раздѣленіе полей! «При основаніи Рима—правильно замѣчаетъ Іерингъ—Ромулъ производитъ раздѣлъ пахотной земли, отводя каждому гражданину по два моргена въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія (heredium). Такъ какъ Ромулъ служитъ олицетвореніемъ первобытной эпохи, то это означаетъ, что право частной собственности на землю есть учрежденіе, восходящее къ первобытной эпохѣ» [44]).

Итакъ, въ легендѣ ничего не говорится о томъ, что сперва возникло право собственности на домъ и садъ; наоборотъ, она прямо-таки исключаетъ это со своей точки зрѣнія. Итакъ, желать, какъ это дѣлаетъ Моммзенъ, связать съ этой версіей исторіи возникновенія земельной собственности какую-либо иную традицію, согласно которой право собственности на домъ и землю подъ садъ представлялось бы болѣе древнимъ, чѣмъ право собственности на пахотную землю, значило бы совершенно затемнять эту вполнѣ ясную сущность дѣла. Если бы существовало подобное преданіе, то намъ просто пришлось бы констатировать наличность двухъ противорѣчащихъ другъ другу традицій.

Впрочемъ, еще очень проблематично, въ самомъ ли дѣлѣ право, выраженное въ XII таблицахъ, позволяетъ сдѣлать относительно историческаго развитія права собственности на пахотную и садовую землю, тѣ выводы, которые считаютъ возможнымъ дѣлать изъ него сторонники теоріи, согласно которой въ древнемъ Римѣ существовалъ аграрный коммунизмъ. Все то, что можно извлечь изъ права, выраженнаго въ XII таблицахъ, для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, сводится къ краткому замѣчанію Плинія о томъ, что это право обозначало крестьянскій дворъ какъ hortus, а землю подъ садъ какъ наслѣдственное владѣніе (heredium) [45]). И смыслъ этихъ словъ вовсе не несомнѣненъ. Вѣдь изъ того, что для XII таблицъ hortus представлялъ собой heredium, еще не вытекаетъ съ абсолютною необходимостью, что такъ обстояло дѣло исключительно съ однимъ только hortus. Да и въ самомъ дѣлѣ, даже и словоупотребленіе XII таблицъ не препятствовало римской «юридической традиціи» приписывать уже царю Ромулу раздѣлъ heredia на пахотной землѣ.

Но если даже признать, что въ XII таблицахъ понятіе heredium принципіально ограничивается садовой землей, то изъ этого, прежде всего, несомнѣнно вытекало бы лишь то, что юридическій характеръ садовой земли первоначально отличался отъ юридическаго характера пахотной земли. Но коль скоро мы пытаемся опредѣлить сущность и мотивы этого различнаго юридическаго характера, тотчасъ же обнаруживается вся ненадежность тѣхъ свѣдѣній, которыя мы можемъ почерпнуть изъ аформистической замѣтки Плинія. Возможно, конечно, правда, сдѣлать изъ этого особаго положенія садовой земли въ правѣ тотъ выводъ, что и ager Romanus нѣкогда пережилъ эпоху общиннаго землевладѣнія, въ которую процессъ развитія собственности сперва охватилъ на ряду съ дворомъ прилегающую землю подъ садъ, между тѣмъ какъ само поле лишь гораздо позднѣе было выдѣлено изъ общиннаго владѣнія и перешло въ частную собственность. Къ сожалѣнію, это не единственно возможное истолкованіе. Допустимо еще и другое истолкованіе, опирающееся на вышеупомянутое развитіе частной собственности отъ стѣсненности къ свободѣ.

Подъ heredium римская юридическая традиція разумѣетъ имущество, по природѣ своей предназначенное къ тому, чтобы «перейти къ наслѣднику» [46]), такъ что въ виду этого его отчужденіе, во всякомъ случаѣ, въ эпоху формулированія понятія, было исключено или существенно ограничено въ интересахъ наслѣдника правомъ или обычаемъ. А когда затѣмъ потребности прогрессировавшаго народ-

наго хозяйства повлекли къ устраненію этого стѣсненія, то право свободнаго отчужденія, понятно, прежде всего развилось по отношенію къ пахотной землѣ, между тѣмъ какъ центральный пунктъ владѣнія, дворъ съ землей подъ садъ, по утратѣ котораго крестьянинъ обращался въ пролетарія [47]), еще продолжалъ въ качествѣ heredium быть обставленнымъ охранительными ограниченіями.—Врядъ ли можно оспаривать, что это объясненіе даже правдоподобнѣе вышеприведеннаго.

Что же касается, наконецъ, послѣдняго аргумента, приводимаго Моммзеномъ въ пользу первоначальнаго существованія коллективной собственности рода, а именно права лицъ, принадлежавшихъ къ данному роду, на наслѣдство, остающееся отъ умершаго безъ прямыхъ наслѣдниковъ члена этого рода, то нѣтъ никакихъ основаній допускать вмѣстѣ съ Моммзеномъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о «возвращеніи недвижимости въ распоряженіе рода, которому она, собственно говоря, принадлежитъ» [48]). Рабы и скотъ также подлежатъ этому праву наслѣдованія, которое въ достаточной степени объясняется лежащимъ въ основѣ родового строя семейнымъ принципомъ и, слѣдовательно, вовсе не предполагаетъ непремѣнно коллективной родовой собственности [49]).

Существованіе общиннаго хозяйства въ первоначальной аграрной общинѣ еще менѣе можетъ быть доказано, чѣмъ существованіе общиннаго владѣнія.

Въ пользу его Моммзенъ можетъ привести одно только «положительное указаніе», а именно слово colonia. Оно имѣетъ двоякій смыслъ: оно обозначаетъ какъ хозяйство отдѣльнаго крестьянина (colonus), земельный участокъ крестьянина, такъ и совокупность поселившихся въ какомъ-либо мѣстѣ крестьянъ. По мнѣнію Моммзена, не слѣдуетъ предполагать, что это двоякое значеніе существовало искони; наоборотъ, «противорѣчащее болѣе позднему способу хозяйничанія единственное число объясняется тѣмъ, что сначала coloni хозяйничали какъ единое цѣлое». Итакъ, первоначально colonia означала «въ древнѣйшую эпоху обрабатываемое всѣми участвовавшими въ коллективномъ хозяйствѣ поле» [50]).

Изъ этого предположенія вытекало бы, что примѣненіе слова colonia къ отдѣльному двору является лишь результатомъ перехода отъ общиннаго хозяйства къ индивидуальному. Но этотъ выводъ вызываетъ сильное сомнѣніе. Вѣдь измѣненіе смысла—сперва общинная земля, на которой ведется хозяйство, организованное на общинныхъ началахъ, а затѣмъ отдѣльное хозяйство—настолько радикально, что лишь весьма убѣдительныя основанія могли бы побудить насъ допустить подобное перенесеніе понятія съ одной системы на другую, принципіально отъ нея отличающуюся. Но въ мотивировкѣ Моммзена содержится заколдованный кругъ. Онъ полагаетъ, что древнѣйшая пахотная земля должна была называться колоніей и только такъ могла и называться, потому что вѣдь первоначальное земледѣліе основывалось на общинномъ хозяйствѣ. Итакъ, онъ уже предполагаетъ здѣсь какъ фактъ то, что еще только имѣется въ виду доказать этимологическимъ объясненіемъ слова colonia! Далѣе, почему же единственное число colonia противорѣчитъ способу хозяйства въ болѣе позднее время? Какъ будто бы вообще должно было существовать что-либо общее между словомъ и способомъ хозяйства! Colonia означаетъ просто землю колоновъ, т.-е. крестьянъ; это слово примѣнимо ко всякой формѣ поселенія, какъ къ одинокому двору, такъ и къ деревнѣ, и ко всякой формѣ хозяйничанія, а потому оно никоимъ образомъ не выясняетъ генезиса аграрнаго строя. Мы перенесли бы этимологическое миѳотворчество въ соціально-историческую область, если бы мы предположили хотя бы только съ «нѣкоторою вѣроятностью», что «первыя coloniae еще относятся къ эпохѣ общиннаго аграрнаго строя, или возникли вскорѣ послѣ нея» [51]).

Итакъ, всѣ мнимые «остатки стариннаго общиннаго владѣнія» оказались продуктами произвольныхъ комбинацій. Какъ же, спрашивается, обстоитъ дѣло относительно общаго результата этой аргументаціи: предполагаемаго соціальнаго и экономическаго строя старыхъ родовыхъ общинъ?

Прежде всего самъ Моммзенъ, первоначально полагавшій, что между общиннымъ землевладѣніемъ и родовой общиной существуетъ внутренняя связь, впослѣдствіи призналъ, что эти общины вовсе не должны быть непремѣнно разсматриваемы какъ носительницы первоначальной земельной собственности, что въ качествѣ таковыхъ мыслимы и другіе союзы, напр., государство, какъ и въ самомъ дѣлѣ часто утверждали [52]). Однако и картина предполагаемаго Моммзеномъ экономическаго строя родового союза представляетъ весьма расплывчатыя и неопредѣленныя черты.

Правда, въ одномъ мѣстѣ родовая община вполнѣ опредѣленно упоминается въ качествѣ историческаго факта и съ такою же опредѣленностью утверждается ея чисто-коммунистическая организація, т.-е. не только общинное владѣніе, но даже и общинное хозяйничаніе и общинное регулированіе распредѣленія продукта между отдѣльными домохозяйствами [53]). Впослѣдствіи этотъ взглядъ былъ еще разъ формулированъ Моммзеномъ въ римскомъ государственномъ правѣ въ томъ смыслѣ, что «первоначально въ основѣ земледѣлія лежало такъ или иначе регулируемое коллективное хозяйство» [54]). Однако, въ другомъ мѣстѣ, когда дѣло идетъ у него о «соображеніяхъ относительно практической выполнимости», это коллективное хозяйство, такъ сказать, исчезаетъ у него подъ рукой. А именно, при этомъ ему приходитъ мысль о томъ, что вѣдь одновременно съ общиннымъ землевладѣніемъ существовало индивидуальное владѣніе рабами и скотомъ, и что это существованіе того и другого рода владѣнія «немыслимо безъ предположенія какого-либо рода раздѣла земли» [55]). Но теперь онъ уже не рѣшается высказаться относительно того, какую форму принялъ этотъ раздѣлъ!

Онъ полагаетъ, что «мы никогда не отгадаемъ ея и еще менѣе того мы можемъ отгадать, до какой степени на распредѣленіе земли вліяли прочныя установленія и рѣшенія рода, въ прежнее время бывшаго, конечно, болѣе дѣеспособнѣе теоріи общинной, чѣмъ впослѣдствіи». Это означаетъ полный отказъ отъ обработки земли и регулированія распредѣленія продукта «общиннаго хозяйства», теоріи, которая вездѣ выступаетъ у него, какъ фактъ исторической дѣйствительности! Вѣдь обособленіе земельныхъ участковъ для индивидуумовъ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обособленное хозяйство. Это еще явственнѣе обнаруживается тамъ, гдѣ Моммзенъ обсуждаетъ различныя формы, которыя могъ принимать этотъ раздѣлъ земли. Онъ полагаетъ, что можно предположить поочередное пользованіе земельными участками или отведеніе отдѣльныхъ участковъ въ пожизненное или же въ постоянное пользованіе членовъ общины и ихъ потомства, «такъ что въ такомъ случаѣ по прекращеніи семьи и движимое имущество снова поступаетъ во владѣніе рода, и отсутствіе индивидуальной земельной собственности проявляется лишь въ отсутствіи права продавать землю». И онъ даже склоненъ считать этотъ послѣдній правовой порядокъ, при которомъ уже врядъ ли можетъ быть рѣчь объ общинной собственности и тѣмъ болѣе объ общинномъ хозяйствѣ, наиболѣе вѣроятнымъ!

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, коммунистическая аграрная община представляется у геніальнѣйшаго изъ ея сторонниковъ, нарисовавшаго намъ ея картину столь ясными и рѣзкими штрихами, все же совершенно туманнымъ образованіемъ, улетучивающимся при пристальномъ взглядѣ. Что же остается

въ такомъ случаѣ кромѣ признанія, что тѣ элементы общиннаго хозяйства, которые могли заключаться въ древнѣйшемъ аграрномъ строѣ—а кто же станетъ отрицать эту возможность?—безслѣдно исчезли. И это не удивительно, если мы примемъ въ соображеніе, до какой степени «во всемъ римскомъ аграрномъ строѣ коренилась тенденція уже въ раннюю эпоху становиться доступнымъ проникновенію новыхъ экономическихъ точекъ зрѣнія» [56]), какой прогрессъ—можно сказать, какой относительно новый духъ—приходится констатировать въ порядкахъ, съ которыми мы встрѣчаемся уже въ древнѣйшей записи римскаго права, въ правѣ XII таблицъ. Здѣсь—въ пятомъ вѣкѣ до Р. Хр.!—частная собственность является вполнѣ развитой, мобилизація земли уже далеко подвинулась впередъ; ясно поэтому, что, если на римской почвѣ аграрная собственность и прошла чрезъ общинно-хозяйственную стадію развитія, то это состояніе никакъ не могло существовать, какъ полагаетъ Моммзенъ, «до сравнительно поздняго времени». Объ обязанномъ хозяйствѣ можно говорнть лишь для той эпохи исторіи римскаго народа, о которой не сохранилось никакихъ традицій.

ГЛАВА II.

Развитіе капиталистическаго строя.

Уже въ пятомъ вѣкѣ право собственности представляетъ, такимъ образомъ, черты, до нѣкоторой спепени соотвѣтствующія духу новаго времени. Тѣмъ болѣе рѣзко выраженной представляется намъ вышеуказанная индивидуалистическая тенденція въ экономическомъ развитіи Рима черезъ приблизительно два столѣтія послѣ этого, т.-е. съ того времени, когда мы можемъ нѣсколько точнѣе всмотрѣться въ римское народное хозяйство.

Какъ характерно для римской экономической жизни вообще, начиная съ третьяго вѣка, что именно сфера общиннаго владѣнія, ager publicus и сфера общиннаго хозяйства, общественная администрація, становятся ареной необузданной борьбы экономическихъ интересовъ! Это въ значительной степени способствовало возникновенію наихудшаго соціальнаго неравенства.

По мѣрѣ того, какъ старое крестьянское сословіе, plebs rustica, все менѣе и менѣе имѣло значенія для государственной жизни, и старая, свойственная среднему сословію аграрная политика, создававшая на общественной землѣ путемъ отведенія участковъ и основанія колоній все новыя и новыя крестьянскія хозяйства, все болѣе и болѣе оттѣснялась капиталистическими тенденціями на задній планъ. Государство допускало произвольный захватъ огромныхъ участковъ общественной земли [1]), достигшей при развитіи Рима въ великую италійскую державу громадныхъ размѣровъ. Эти участки становились объектомъ свободной конкуренціи, при которой мелкому собственнику и тѣмъ болѣе неимущему было совершенно не по силамъ тягаться съ соискателемъ, обладавшимъ значительнымъ капиталомъ. Благодаря этому, здѣсь—на общественной землѣ!—разрослись до колоссальныхъ размѣровъ крупное землевладѣніе и крупное помѣщичье хозяйство. Этотъ «неслыханный аграрный капитализмъ» [2]) безпрестанно вызывалъ соціальную классовую борьбу, причемъ успокоеніе было невозможно до тѣхъ поръ,

пока чисто-частно-хозяйственный принципъ не одержалъ окончательной побѣды и на общественной землѣ благодаря принципіальному обращенію италійской общественной земли въ ager privatus.

Сказанное выше относительно общественной собственности государства вполнѣ примѣнимо и къ государственному хозяйству. Сдавая важнѣйшія отрасли администраціи, взиманіе податей и общественныя работы на откупъ предпринимателямъ и предоставляя ихъ, такимъ образомъ, частной спекуляціи, государство само, воистину роковымъ образомъ, ограничило сферу общественнаго хозяйства и своими собственными жизненными соками взрастило денежную олигархію, которая при распространеніи области, подлежавшей ея спекуляціямъ, на все побережье Средиземнаго моря сама сдѣлалась міровой силой въ міровой державѣ.

Благодаря этому полному отреченію отъ соціальнаго принципа всего болѣе призванное къ его отстаиванію государство оказало воистину разрушительное дѣйствіе на общественный организмъ тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ цѣлый рядъ другихъ политическихъ и соціально-экономическихъ моментовъ способствовалъ ускоренію этого разложенія [3]).

Въ нашу задачу не входитъ детальное изложеніе всего историческаго процесса, благодаря которому на основѣ свободной экономической конкуренціи и политическихъ свободы и равенства развилось въ Римѣ неограниченное господство капитала. Здѣсь въ гигантскихъ формахъ повторяется то, что мы отчасти уже наблюдали въ послѣднюю эпоху исторіи Эллады. Къ тому же имѣвшія рѣшающее значеніе черты общеизвѣстны: все возраставшее поглощеніе земельной ренты капиталомъ благодаря разоренію мелкихъ и среднихъ собственниковъ-крестьянъ ростовщичествомъ, скупка безчисленнаго множества крестьянскихъ хозяйствъ или выживаніе крестьянъ и безостановочное распространеніе чисто-капиталистическаго сельскаго хозяйства, крупныхъ пастбищъ и плантацій, систематическое вытѣсненіе свободныхъ поденщиковъ и арендаторовъ несвободными рабочими. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого было возникновеніе многочисленнаго сельскаго пролетаріата, для котораго большею частью уже не оставалось надежды ни на что, кромѣ использованія своихъ гражданскихъ правъ въ Римѣ. Его массовое переселеніе въ Римъ, конечно, лишь до-нельзя усиливало и безъ того уже ставшее и тамъ довольно ощутительнымъ нарушеніе соціальнаго и экономическаго равновѣсія.

Тамъ, въ мѣстопребываніи политической и финансовой аристократіи, въ рукахъ которой стекались богатства міра [4]), наглядно бросалось въ глаза чудовищное преобладаніе капитализма въ экономической жизни. Уже въ республиканскій періодъ среднимъ и низшимъ слоямъ народа приходилось съ горечью констатировать, что все возраставшая часть городской земли монополизировалась для постройки чертоговъ знатныхъ людей, для удовлетворенія становившихся все болѣе и болѣе ненасытными потребностей чрезмѣрно богатаго меньшинства [5]). Подобно тому, какъ въ деревняхъ обширное помѣстье поглощало крестьянское хозяйство, такъ въ міровомъ городѣ постройки богачей расширялись насчетъ стариннаго семейнаго дома. Жертвою этихъ построекъ стали многочисленныя жилища простолюдиновъ, причемъ обитателямъ этихъ жилищъ приходилось примѣняться къ ухудшенію или вздорожанію квартиръ [6]). Къ этому присоединялось развитіе капиталистическихъ спекуляцій во всей экономической жизни столицы: искусственное повышеніе цѣнъ земельныхъ участковъ и домовъ благодаря барышничеству и спекуляціямъ, объектами которыхъ служили участки земли для построекъ и дома, монопольное хозяйство и тираннія профессіональныхъ квартирохозяевъ, для которыхъ

обладаніе домами составляло одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ дохода. При нездоровомъ ростѣ населенія города и при усиливаемомъ имъ недостаткѣ въ жилищахъ, имъ было слишкомъ легко безъ всякаго труда повышать этотъ доходъ насчетъ квартиронанимателей. Наконецъ, эксплуатація монополіи къ невыгодѣ огромной массы населенія въ значительной степени облегчалась нездоровой концентраціей городскихъ земель и домовъ въ рукахъ немногихъ собственниковъ. Мы встрѣчаемъ въ Римѣ такихъ людей, которые, какъ, напр., Цицеронъ, владѣли не только нѣсколькими, отдававшимися въ наемъ домами, но и цѣлыми улицами и кварталами. И между тѣмъ, какъ объ одномъ барышникѣ, занимавшемся грандіозными спекуляціями, объектами которыхъ служили дома и земельные участки для построекъ, а именно о Крассѣ, разсказывали, что онъ мало-по-малу скупилъ половину города Рима [7]), значительная часть населенія тѣснилась въ переполненныхъ квартирахъ, причемъ дома были биткомъ набиты жильцами вплоть до чердаковъ, а иногда даже и вплоть до подваловъ. Какая бездна отдѣляла становившіеся все болѣе и болѣе пышными, снабженные всевозможными утонченно-роскошными принадлежностями чертоги богачей отъ жалкихъ чердачныхъ каморокъ, до которыхъ приходилось взбираться по 200 ступенькамъ, отъ темныхъ пролетарскихъ жилищъ, въ которыя нельзя было войти не сгибаясь [8]), не говоря уже о «тѣсныхъ кельяхъ», служившихъ жилищами несвободнаго населенія или о полной безпріютности тѣхъ несчастнѣйшихъ, которымъ приходилось довольствоваться ночлегомъ подъ общественными портиками или на ступенькахъ храмовъ!

Притомъ неимущіе квартирные жильцы такъ же, какъ и мелкіе крестьяне и сельскіе рабочіе, не находили въ правѣ достаточной защиты отъ капиталистовъ. «Юристы не помышляли о томъ, чтобы право спеціально охраняло интересы подобныхъ зависимыхъ людей» [9]). Вполнѣ соотвѣтствующее интересамъ капиталистовъ понятіе собственности, какъ наивозможно болѣе абсолютнаго права располагать вещью, съ безпощадной послѣдовательностью проведено именно въ сферѣ правовыхъ нормъ, регулирующихъ договоры о наймѣ. Право «выталкиванія» и «недопущенія обратно», expellere, repellere, eicere, играетъ здѣсь гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ право квартиронанимателя, да и вообще лицамъ, принадлежавшимъ къ числу beati possidentes, была предоставлена безконтрольная власть, еще болѣе усиливавшая перевѣсъ домовладѣльцевъ надъ бездомными жильцами [10]). Этотъ гнетъ былъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что владѣющій классъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, затруднялъ неимущимъ или бѣднымъ трудящимся элементамъ конкуренцію въ городской трудовой жизни, пользуясь услугами массы несвободныхъ и отпущенниковъ, и уменьшалъ шансы свободныхъ работниковъ на заработокъ, обезпечивающій пропитаніе.

Въ нашу задачу не входитъ детальное изображеніе этой весьма распространенной нищеты и трудности использовать рабочую силу. Достаточно будетъ указать на тѣ пресловутые контракты, которыми нерѣдко свободные люди продавали себя въ гладіаторскую школу! Какъ жалка должна была быть жизнь для того, чтобы эти несчастные бились за такую ничтожную цѣну! Это одно изъ самыхъ мрачныхъ проявленій соціальнаго бѣдствія, скрывавшагося за блескомъ мірового города.

Правда, масса не была вполнѣ безоружна по отношенію къ этой эволюціи. Право голоса служило для нея орудіемъ, дававшимъ возможность добиваться отъ плутократіи значительныхъ экономическихъ уступокъ, отчасти характеризовавшихся тою же самою государственно-соціалистическою тенденціей, которую мы уже констатировали въ греческихъ демократіяхъ. Проведенныя демагогіей регулярныя выдачи хлѣба населенію Рима ежегодно переводили часть продуктовъ провинціальной почвы, разсматриваемой нѣкоторымъ образомъ какъ общее достояніе римскаго на-

рода (praedia populi Romani), въ руки plebs urbana. Съ другой стороны, члены господствовавшаго класса сами наперерывъ старались цѣной раздачъ и увеселеній, предназначавшихся для державнаго народа, купить полномочія, дававшія возможность завѣдывать этимъ народнымъ достояніемъ и эксплуатировать его.

Но какъ ни громадна была та отчина бѣдноты, которою городъ былъ обязанъ этой государственной и частной щедрости, все же нельзя было и думать о томъ, чтобы она оказывала въ системѣ распредѣленія благъ постоянное вліяніе въ качествѣ уравнивающаго момента.

Прежде всего среди подавляющаго большинства римской денежной и земельной аристократіи врядъ ли можно искать того духа уравнивающей справедливости, можно даже прямо-таки сказать—того этическаго соціализма, который ей довольно оптимистически приписывали [11]). Убѣжденіе въ томъ, что подавляющее могущество плутократіи въ сущности представляетъ собой соціальную несправедливость, и что оно, такъ сказать, возлагаетъ на нее моральное обязательство примирить задѣтое чувство массъ съ этою несправедливостью и пользоваться частью большихъ богатствъ не только для собственныхъ эгоистическихъ наслажденій, а и для блага общества, навѣрное играло въ данномъ случаѣ весьма незначительную роль. Для большинства эта щедрость была—какъ вполнѣ откровенно признаетъ Цицеронъ въ своемъ ученіи объ обязанностяхъ [12])—именно лишь неизбѣжнымъ зломъ: той цѣной, которую они платили за то, чтобы занимать должности и получать благодаря этому возможность дальнѣйшаго обогащенія. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, эта щедрость опять-таки лишь способствовала еще большему обогащенію богачей, еще большему углубленію соціальной пропасти. Съ другой стороны, непланомѣрная и расточительная раздача милостыни, къ которой сводились эти частныя щедроты, и—въ колоссальныхъ размѣрахъ—институтъ «раздачи хлѣба» способствовали прямо-таки къ увеличенію массовой нищеты, такъ какъ благопріятствовали развитію лѣности [13]), понижали заработную плату и, такимъ образомъ, низводили до уровня пролетаріата все новые слои народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывая притягательное дѣйствіе на бѣдноту во всей Италіи, они вызывали чудовищное скопленіе массоваго пролетаріата въ столицѣ.

Такъ, Саллюстій спеціально отмѣчаетъ среди элементовъ того разрушительнаго движенія, руководителемъ котораго былъ Катилина, тѣхъ трудоспособныхъ людей, которые прежде кое-какъ добывали себѣ въ сельскомъ хозяйствѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, а теперь, будучи привлекаемы частными и государственными раздачами, пріучились предпочитать праздношатаніе въ городѣ кропотливой и скудно оплачиваемой работѣ [14]). «Отцы семействъ—сѣтуетъ Варронъ—забросили серпъ и плугъ и предпочитаютъ шевелить руками въ театрѣ и въ циркѣ, чѣмъ работать на нивахъ и въ виноградникахъ» [15]). «Раздачи хлѣба—говоритъ Аппіанъ,—производимыя бѣднымъ лишь въ Римѣ, привлекаютъ въ него лѣнивый и наглый нищенскій пролетаріатъ со всей Италіи» [16]). Не мудрено, что къ 46 г. численность городской черни, регулярно получавшей вспомоществованіе изъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, возросла до не менѣе 320.000 человѣкъ [17]), и что ежегодные расходы на этихъ тунеядцевъ-нахлѣбниковъ государства по, конечно, лишь приблизительному вычисленію поднялись отъ приблизительно 10 милліоновъ сестерціевъ въ 73 г. до 30 милліоновъ въ 62 г., до 40 милліоновъ въ 56 г. и до приблизительно 77 милліоновъ въ 46 г. [18]). Правда, эти чрезмѣрные расходы были нѣсколько сокращены Цезаремъ, но это уменьшеніе все же не могло сколько-нибудь существенно измѣнить дурныя экономическія и соціальныя послѣдствія даннаго учрежденія. Вѣдь именно въ эпоху цезаризма система подарковъ народу и увеселеній

для народа достигла такихъ размѣровъ, что, въ концѣ концовъ, городской префектъ могъ сказать императору Авреліану: не хватаетъ только, чтобы жареные голуби летали во рты черни!

Трудно составить себѣ правильное представленіе о той деморализаціи, которую этотъ чудовищный соціальный паразитизмъ вызывалъ среди широкихъ круговъ народа. Самая подходящая характеристика этой деморализаціи заключается въ лозунгѣ римской городской черни: «panem et circenses», выражающемъ, приблизительно, то же самое, что народная пѣсня, внушенная въ новое время нераціональной раздачей милостыни:

> Долой заботы и тревоги:
> Государство должно содержать насъ,—слѣдовательно, мы обезпечены.

Конечно, эта надежда никогда не могла вполнѣ осуществиться, такъ какъ на общественныя хлѣбныя раздачи нельзя было просуществовать даже и по пролетарски. Вѣдь при нихъ выдавалось лишь минимальное количество хлѣба и притомъ такія же скудныя порціи его, какъ и тѣ, которыя было принято отпускать рабамъ и арестантамъ, между тѣмъ какъ остальныя потребности оставались безъ удовлетворенія и къ тому же женщинамъ и дѣтямъ въ большинствѣ случаевъ ничего не доставалось. Итакъ, если это учрежденіе, съ одной стороны, облегчало нужду простолюдина, то, съ другой стороны, и оно безпрестанно вызывало въ немъ недовольство, раздражало его алчность [19]).

ГЛАВА III.

Соціальное движеніе съ точки зрѣнія господствующихъ партійныхъ взглядовъ.

Цѣнность традиціи, относящейся къ воздѣйствію, оказанному охарактеризованнымъ выше положеніемъ дѣлъ на исторію народа и на его идейную жизнь, обратно пропорціональна его историческому значенію.

Именно поскольку дѣло идетъ объ исторіи соціальной мысли, традиція, относящаяся къ Риму, отличается еще несравненно большею скудостью, чѣмъ традиція, относящаяся къ Элладѣ.

Какой контрастъ по сравненію съ Аѳинами обнаруживается уже въ томъ отношеніи, что у римлянъ не существовало истинно-политической комедіи! То, что аѳинская демократія терпѣла лишь въ апогеѣ своего развитія, было по существу дѣла невозможно въ аристократической республикѣ, гдѣ полиція находилась въ зависимости отъ правящей олигархической клики, а актерамъ и поэтамъ приходилось разсчитывать, главнымъ образомъ, на благорасположеніе оптиматовъ. Такой самостоятельный умъ, какъ Невій, осмѣлившійся сдѣлать сцену органомъ свободной критики, поплатился за свою смѣлость изгнаніемъ. «Бѣдою угрожаютъ Метеллы поэту Невію»—могъ сказать себѣ всякій, кто пожелалъ бы возобновить попытку Невія. На этой почвѣ былъ невозможенъ Аристофанъ! Конечно, и въ Римѣ тысячи бѣдняковъ размышляли о «безсмыслiи» и «безуміи» существовавшаго экономическаго и общественнаго строя; конечно, и римскіе пролетаріи предавались мечтамъ

о коммунистическомъ раѣ, но революціонная критика общества врядъ ли нашла свое выраженіе на сценѣ.

Вѣдь образцомъ и прототипомъ для римской комедіи съ самаго начала служила не политическая комедія Аѳинъ пятаго вѣка, а сравнительно безобидная комедія нравовъ Менандра и другихъ авторовъ того же направленія. Долгое время комедія даже оставалась экзотическимъ жанромъ: она не рѣшалась даже переносить мѣсто дѣйствіи въ Римъ. Хотя впослѣдствіи и совершился переходъ отъ fabula palliata, отъ драмы въ греческомъ облаченіи, къ созданію національной комедіи, однако, и въ этой послѣдней мѣстомъ дѣйствія въ большинствѣ случаевъ являлся не Римъ, а какой-нибудь маленькій провинціальный городокъ; отношеніе же къ злободневной политикѣ, очевидно, все еще въ общемъ продолжало быть весьма сдержаннымъ. Правда, Цицеронъ замѣчаетъ однажды, что, несмотря на большое многообразіе сентенцій, въ римской комедіи никогда не встрѣчалось мѣста, могущаго быть понятымъ какъ намекъ на современное положеніе дѣлъ, которое не было бы подхвачено народомъ или подчеркнуто самимъ актеромъ [1]). Однако, именно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что критика поэта въ большинствѣ случаевъ была скорѣе косвенной, а примѣненіе къ интересамъ данной минуты—главнымъ образомъ, дѣломъ слушателя. То, что присутствовавшее въ театрѣ лицо, занимавшее извѣстное оффиціальное положеніе, «не было пощажено даже актерами», представляется въ этомъ контекстѣ чѣмъ-то совершенно необычайнымъ и унизительнымъ.

Какъ бы то ни было, эта комедія, изображавшая преимущественно жившихъ въ скромной обстановкѣ простолюдиновъ, ремесленниковъ, мелкихъ лавочниковъ и т. д., доставила бы нѣкоторыя цѣнныя данныя, на основаніи которыхъ можно было бы судить о мысляхъ и чувствахъ народа. Но именно тамъ, гдѣ начинается интересное для насъ, традиція рѣшительно ничего не даетъ. Мы ничего не можемъ извлечь изъ скудныхъ остатковъ такъ наз. fabula togata.

Это состояніе драматической поэзіи и сохранившихся отъ нея отрывковъ обусловливаетъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе прискорбный для историка общества, что и въ другихъ отношеніяхъ традиція не даетъ ему почти никакой опоры. Та катастрофа, при которой погибли оригинальные источники, относящіеся къ исторіи эпохи до Цицерона и Цезаря, *дѣлаетъ невозможной подлинную исторію соціальнаго движенія*. Вѣдь почти все то, что могло бы пролить свѣтъ на внутреннія движущія силы и на идейное содержаніе этого движенія, погибло для насъ. Вся, очевидно, огромная литература, къ которой относились монографіи и историческія произведенія современниковъ, воспоминанія, автобіографіи и памфлеты, рѣчи въ народныхъ собраніяхъ, предъ сенатомъ и предъ судомъ, такіе публичные акты, какъ, напр., протоколы засѣданій сената, погибла, за исключеніемъ скудныхъ отрывковъ. Что же касается дошедшей до насъ позднѣйшей литературы, почерпавшей матеріалъ изъ утраченныхъ источниковъ, то она отличается неимовѣрной скудостью въ соціально-историческомъ отношеніи.

Мы имѣемъ дѣло или съ элегантными, эффектными картинами въ духѣ школьной риторики, какъ въ плутарховскихъ біографіяхъ, или съ пустопорожними декламаціями и разсужденіями школьной философіи. Представители этого взгляда на исторію и не помышляли объ историческомъ изслѣдованіи и анализѣ соціально-психическихъ факторовъ, довольствуясь безсодержательными морализирующими соображеніями относительно упадка нравовъ и т. п. для объясненія генезиса грандіозныхъ соціальныхъ конфликтовъ.

И развѣ можно было бы ожидать чего-либо иного отъ этихъ литераторовъ

императорскаго періода, отъ Плутарха, Аппіана и Кассія Діона, для которыхъ внутренняя жизнь республики уже отошла въ туманную даль! Къ тому же для всей этой исторіографіи существовали лишь біографическіе, политическіе и военные интересы, а важнѣйшій соціально-историческій фактическій матеріалъ просто игнорировался. Даже такое произведеніе, какъ трудъ Аппіана, дѣлающее революціонный періодъ отъ Гракховъ до Цезаря предметомъ монографическаго трактованія, содержитъ въ себѣ почти исключительно военную исторію. Единственное существенное экономическое и соціально-историческое разъясненіе, которое можно найти у него, а именно знаменитыя цѣнныя замѣчанія относительно ager publicus, представляющія собой введеніе въ исторію Гракховъ, не принадлежатъ ему, а заимствованы изъ списаннаго имъ въ данномъ случаѣ утраченнаго источника. Вѣдь императорскій адвокатъ пишетъ лишь какъ риторъ, которому чужды проблемы историческаго изслѣдованія. У этого историка гражданскихъ войнъ нѣтъ и слѣда соціально-историческаго пониманія и интереса. Какъ характерно хотя бы его издѣвательство надъ бѣдняками, которые, «не выходя изъ мрака частной жизни, набрасываются на философію и поносятъ богатыхъ и людей, занимающихъ должности и пользующихся почетомъ, такъ какъ имъ не остается ничего лучшаго, и, будучи бѣдны, они нуждаются въ утѣшеніи, причемъ, однако, въ этомъ выражается не ихъ мнимое пренебреженіе къ богатству и могуществу, а одна зависть» [2]). Что могъ сдѣлать авторъ для исторіи соціальныхъ идей при такой безчувственности и надменной ограниченности!

Повидимому, дѣло обстоитъ лучше по отношенію къ послѣднимъ десятилѣтіямъ республики. Относительно этой эпохи у насъ имѣются оригинальныя произведенія демократовъ Цезаря и Саллюстія и многочисленныя сочиненія и письма такого очевидца и участника событій, какъ Цицеронъ. Эта литература даетъ намъ возможность настолько вникнуть въ детали историческихъ происшествій, какъ это невозможно ни для какого другого періода древней исторіи. Но какое разочарованіе выносимъ мы и въ данномъ случаѣ, оцѣнивая традицію со стороны ея соціально-историческаго содержанія!

Записки Цезаря о гражданской войнѣ намѣренно ограничиваются политически-военной сферой. Цезарь лишь мимоходомъ касается соціальнаго вопроса, да и то лишь для того, чтобы отречься отъ солидарности съ соціально-революціонными элементами, примыкавшими къ демократической партіи, и высказаться противъ демагоговъ въ родѣ Целія Руфа, который въ 48 г.—хотя онъ еще и былъ тогда сторонникомъ Цезаря—сдѣлалъ рѣзко противорѣчившую проведенному по иниціативѣ Цезаря умѣренному закону о долгахъ—правда, неудачную—попытку добиться кассированія народомъ вообще всѣхъ долговыхъ обязательствъ, а также и сложенія квартирной платы, причитавшейся за текущій годъ [3]). Наоборотъ, мы не узнаемъ изъ этихъ, правда, оставшихся незаконченными, мемуаровъ рѣшительно ничего о томъ, что уже въ слѣдующемъ же году (47) другой цезаріанецъ, народный трибунъ Долабелла, старался добиться аналогичнаго закона о сложеніи квартирной платы и долговъ [4]) путемъ уличнаго мятежа, убійствъ и поджоговъ, причемъ это революціонное движеніе даже принудило весталокъ къ бѣгству и заставило цезаріанскій сенатъ объявить отечество въ опасности! Правда, Долабелла не отвернулся отъ цезаріанскаго дѣла, подобно Руфу, прибѣгнувшему послѣ своей неудачи въ Римѣ, къ такому отчаянному средству, какъ возмущеніе рабовъ; впослѣдствіи, несмотря на свое прошлое, онъ снова снискалъ благорасположеніе Цезаря.

Вообще отношеніе Цезаря къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ въ данномъ слу-

чаѣ идетъ дѣло, было весьма колеблющимся. Въ своихъ мемуарахъ онъ хвалится тѣмъ, что онъ сдѣлалъ своимъ закономъ о долгахъ все, что можно было сдѣлать для поддержанія кредита, и даетъ такую характеристику этого закона, что послѣдній представляется гораздо менѣе радикальнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности [5]). Между тѣмъ самъ онъ, восторжествовавъ надъ своими противниками, безъ всякихъ колебаній прибѣгнулъ къ соціалистическимъ произвольнымъ актамъ въ духѣ вышеупомянутой соціальной демагогіи и, въ интересахъ бѣдныхъ квартиронанимателей и къ ужасу домовладѣльцевъ, декретировалъ полное сложеніе на одинъ годъ квартирной платы, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она не превышала 2000 сестерціевъ (435 марокъ) [6]). Этотъ насильственный актъ извѣстенъ намъ лишь благодаря парѣ краткихъ замѣтокъ у Светонія и Кассія Діона, но мы не узнаемъ ничего болѣе точнаго о вызвавшихъ его отношеніяхъ и мотивахъ. А между тѣмъ для исторической оцѣнки подобныхъ соціально-политическихъ законодательныхъ актовъ было бы въ высшей степени важно имѣть хотя бы даже и тенденціозный отчетъ самого законодателя!

Конечно, выставляя своею цѣлью желанное успокоеніе потрясеннаго общества и въ экономическомъ отношеніи и освобожденіе его отъ парализующаго страха, внушаемаго кассированіемъ долговыхъ обязательствъ, «этого постояннаго спутника войны и гражданскихъ усобицъ», Цезарь былъ въ высшей степени заинтересованъ въ томъ, чтобы уступки, которыя ему, какъ бы то ни было, пришлось сдѣлать радикальнымъ элементамъ своей партіи, были какъ можно болѣе забыты.

Открытыя или тайныя связи съ революціонными дѣятелями, усердно эксплуатировавшіяся его противниками, представляли собой чрезвычайно непріятное воспоминаніе для спасителя общества. Вѣдь принадлежавшій къ его партіи Саллюстій несомнѣнно написалъ «Катилину», имѣя при этомъ въ виду представить подобныя нападки на политику Цезаря неосновательными. Поэтому и его произведеніе, единственный историческій трудъ, дошедшій до насъ отъ современника этого движенія, представляетъ собой тенденціозный партійный памфлетъ, отъ котораго мы не можемъ ждать объективнаго изложенія соціальной исторіи данной эпохи.

Для Саллюстія всѣ дѣятели движенія, руководителемъ котораго былъ Катилина, сплошь являются преступнымъ сбродомъ, съ разрушительными планами котораго дѣло такого патріота, какъ Цезарь, не имѣетъ ничего общаго. Исторія заговора излагается съ чисто-моральной и уголовной точки зрѣнія. Вмѣсто того, чтобы выяснить намъ генезисъ движенія, стремившагося къ перевороту, путемъ обстоятельнаго анализа соціальной и экономической структуры общества, Саллюстій преподноситъ намъ общія морализирующія разсужденія, содержащія въ себѣ нѣчто въ родѣ исторіи римскихъ нравовъ отъ Энея до Цезаря, совершенно недостаточныя для соціально-историческаго причиннаго объясненія.

Тотъ фактъ, что при нападеніяхъ на существующій строй вожаками обыкновенно являлись такія лица, которыя сами принадлежали къ господствующему классу, объясняется исключительно тѣмъ, что этотъ классъ, предававшійся чрезмѣрной роскоши, необузданной расточительности и излишествамъ, самъ направлялъ свою молодежь на путь преступленія, коль скоро она разорялась. Это—шайка знатныхъ негодяевъ, возстающихъ противъ общества, такъ какъ «разъ привыкнувъ къ распутной жизни, они уже не могутъ отказаться отъ наслажденій» [7]). Къ этимъ отщепенцамъ примыкаютъ лишь порочные люди и всевозможные преступники. «Развратники, прелюбодѣи, кутилы, промотавшіе свое состояніе благодаря игрѣ, распутству и кутежамъ, люди, обременившіе себя долгами, чтобы откупиться отъ наихудшихъ послѣдствій своихъ злодѣяній, убійцы, святотатцы и т. д.,

уже уличенные судомъ или еще ожидавшіе судебнаго преслѣдованія, далѣе всѣ тѣ, для чьихъ кулаковъ и языковъ кровопролитіе и клятвопреступленіе были обычнымъ дѣломъ,—словомъ, все люди, находившіеся подъ гнетущимъ давленіемъ совершенныхъ ими преступленій, бѣдности и угрызеній совѣсти»—такова была прирожденная свита демагога въ родѣ Катилины [8]). Самъ онъ изображается совершеннымъ чудовищемъ. Нѣтъ такого ужаснаго преступленія, на которое бы ни считалъ его способнымъ историкъ. «Его нечистые помыслы, враждебные божеству и міру, не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Такое возбуждающее, разрушительное вліяніе оказывала на его душу нечистая совѣсть».—«И вся его наружность свидѣтельствовала объ его внутреннемъ разстройствѣ».

Конечно, Саллюстій правъ въ томъ отношеніи, что преступленіе и страсть играли значительную роль въ предпріятіи Катилины, что всѣ вышеуказанные элементы участвовали въ движеніи. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что часть приписываемыхъ Катилинѣ злодѣйствъ представляетъ собой выдумку и продуктъ той непримиримой ненависти, съ которою его, понятно, преслѣдовала партія собственниковъ. Можно, конечно, также сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ его сторонники до такой степени всѣ безъ изъятія принадлежали къ міру преступниковъ и лицъ, выродившихся въ моральномъ отношеніи, какъ это утверждаетъ Саллюстій. Этой точкѣ зрѣнія противорѣчитъ уже то обстоятельство, что—какъ позднѣе признаетъ самъ Саллюстій—«тогда соціально-революціонная болѣзнь, подобно моровой язвѣ, охватила весьма значительную часть гражданъ» [9]), что весь простой народъ, весь «плебсъ» безъ исключенія желалъ переворота и симпатизировалъ предпріятію Катилины [10]). Эта симпатія сохранялась еще долго послѣ смерти Катилины, о чемъ и въ позднѣйшіе годы свидѣтельствовало разукрашиваніе его могилы цвѣтами и вѣнками.

Конечно, и поведеніе этого класса народа, численность котораго доходила до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, оцѣнивается почти исключительно съ моральныхъ точекъ зрѣнія, его возмущеніе противъ существующаго совершенно односторонне объясняется низменностью его нравственнаго уровня, завистью, недоброжелательствомъ и недовольствомъ [11]). Конечно, въ этой точкѣ зрѣнія есть нѣчто вѣрное, но вѣдь она принимаетъ въ разсчетъ именно лишь одну сторону вопроса.

При этомъ прежде всего фигурируетъ стекавшійся въ Римъ сбродъ, обратившій городъ въ «настоящую клоаку» [12]), люди, «всюду превосходившіе всѣхъ безнравственностью и наглостью, а также лица, позорно промотавшіяся, словомъ всѣ тѣ, кому позорные поступки или преступленія сдѣлали невозможнымъ пребываніе на родинѣ». Затѣмъ упоминаются соблазнительныя воспоминанія объ эпохѣ Суллы съ ея массовыми конфискаціями и отведеніемъ земель арміи. «Тогда бывали случаи, что бывшіе солдаты занимали мѣста въ сенатѣ, а другіе настолько богатѣли, что жили какъ владѣтельныя особы. И каждый разсчитывалъ использовать побѣду аналогичнымъ образомъ въ случаѣ, если бы дѣло дошло до гражданской войны. Наконецъ, склоннымъ къ перевороту является вышеупомянутый праздношатающійся пролетаріатъ, привлекаемый изъ деревень въ Римъ, благодаря притягательному дѣйствію столицы. «Имъ и всѣмъ имъ подобнымъ было на-руку государственное бѣдствіе». Словомъ, это люди, «не имѣющіе собственности, нравственно развращенные, преисполненные фантастическихъ чаяній относительно будущаго и съ такимъ же легкимъ сердцемъ ставящіе на карту какъ существованіе государства, такъ и свою собственную жизнь» [13]).

Наконецъ, тайными соучастниками и сторонниками движенія являются лица,

принадлежавшія къ самой знати, не подходившія ни подъ одну изъ вышеупомянутыхъ категорій бѣдноты, задолженности и преступности, но руководившіяся лишь недовольствомъ господствовавшимъ режимомъ и надѣявшіяся, что его устраненіе расчиститъ дорогу для ихъ энергіи и для ихъ честолюбія. Вообще, значительная часть аристократической молодежи и молодежи вообще изображается сочувствующей планамъ Катилины, причемъ Саллюстій вообще не въ состояніи указать руководившаго ею мотива! Онъ ограничивается выраженіемъ изумленія по поводу того, что люди, которые совершенно спокойно могли бы вести блестящую или, по крайней мѣрѣ, комфортабельную жизнь, предпочитали невѣрное вѣрному, войну миру [14]). Въ качествѣ единственнаго элемента, революціонныя симпатіи котораго представляются до нѣкоторой степени правомѣрными, упоминаются родственники лицъ, подвергнувшихся опалѣ при Суллѣ, надѣявшіеся получить обратно, благодаря перевороту, отобранныя отъ нихъ имущества и быть возстановленными въ своихъ гражданскихъ правахъ, а также и населеніе части Этруріи, лишившееся, вслѣдствіе отведенія земель сторонникамъ Суллы, всего имущества и вслѣдствіе своей нищеты и озлобленія, вызваннаго постигшею его несправедливостью, равнымъ образомъ, жаждавшее переворота [15]). Но что значитъ этотъ элементъ по сравненію съ совокупностью массъ, по словамъ Саллюстія, участвовавшихъ въ разрушительномъ движеніи или же сочувствовавшихъ послѣднему? Согласно этой характеристикѣ все-таки остаются еще сотни тысячъ людей, увлекаемыхъ лишь завистью и вожделѣніемъ и жаждущихъ напасть на общество, подобно одной большой шайкѣ разбойниковъ.

Само собой понятно, что въ революціонномъ броженіи среди этихъ массъ играли роль всѣ тѣ дурные инстинкты и вліянія, исходившія отъ опасныхъ элементовъ, о которыхъ упоминаетъ Саллюстій. Но столь же ясно и то, что попытка низвести это глубоко захватывавшее и общее движеніе до уровня эпизода изъ уголовной хроники, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этой тенденціозной картинѣ совершенно упускается изъ виду, что олигархически-плутократическое классовое господство, которое самъ Саллюстій называетъ «невыносимымъ» и классовое высокомѣріе, «усматривавшее въ бѣдности что-то постыдное» [16]), совершенно естественно должны были вызвать среди бѣдноты реакцію, которая сама по себѣ не была лишена извѣстной правомѣрности. Эти бѣдняки и обездоленные при полной неспособности господствующаго класса къ соціальнымъ реформамъ ничего болѣе не ожидали отъ реформъ, но возлагали всѣ свои надежды на революцію. Можно ли при такихъ условіяхъ отожествлять ихъ съ отщепенской шайкой преступниковъ, собиравшейся утилизировать въ своихъ интересахъ результаты революціи?

Для совершенно не исторической и не соціальной точки зрѣнія Саллюстія чрезвычайно характерно соображеніе, высказываемое имъ въ началѣ его психологическаго анализа того «ослѣпленія», въ которомъ находился народъ [17]). «Между тѣмъ какъ все отъ востока до заката подчинилось римскому государству, и въ самомъ Римѣ можно было пользоваться покоемъ и обильными богатствами, т.-е. благами, которыя вѣдь человѣкъ вообще выше всего цѣнитъ, нашлись граждане, съ ожесточеніемъ стремившіеся погубить себя и государство» [18]). Эта фраза очень напоминаетъ наивность того манчестерскаго политико-экономическаго направленія, представители котораго восторгаются огромнымъ возрастаніемъ богатства и блескомъ культуры и совершенно не могутъ понять, что бѣднякъ, на долю котораго достается чрезвычайно мало изъ всего этого обилія благъ, можетъ оказываться настолько «ожесточеннымъ» [19]), чтобы не находить всего этого безусловно превосходнымъ или даже нарушать тотъ «покой», въ которомъ нуждается капиталъ для своего возрастанія!

Какъ-будто тѣ бѣдняки, которыхъ нужда загоняла «подъ самую крышу», «туда, гдѣ гнѣздились голуби» [20]), достойные сожалѣнія обитатели переполненныхъ римскихъ квартиръ имѣли въ своихъ мрачныхъ тѣсныхъ жилищахъ поводъ наслаждаться лучезарнымъ блескомъ богатствъ, накоплявшихся въ дворцахъ господствовавшей надъ міромъ должностной и денежной аристократіи! Какъ-будто они просто должны были удовлетворяться случайно выпавшими на ихъ долю крохами, не задаваясь вопросомъ о гибельномъ для народа дѣйствіи этой концентраціи богатства, о возможности лучшаго распредѣленія, между тѣмъ какъ безстыдная и легкомысленная расточительность, постыдная игра, объектомъ которой въ данномъ случаѣ служило богатство, прямо-таки побуждала къ критикѣ даже и самыхъ наивныхъ людей [21])! Какъ безсмысленно, чтобы не сказать лицемѣрно, было характеризовать революціонный духъ, въ силу психологической необходимости долженствовавшій развиться, благодаря этому накопленію, съ одной стороны, богатства а съ другой—нищеты, лишь какъ ожесточенность и ослѣпленіе!

Самъ Саллюстій безсознательно критикуетъ свою точку зрѣнія въ словахъ, вкладываемыхъ имъ въ уста Катону въ его рѣчи въ сенатѣ: «въ данный моментъ дѣло идетъ не о томъ, каковы наши нравы, не о величіи и о блескѣ господства римской націи, а о томъ, останется ли то, что намъ принадлежитъ—какъ бы на это ни смотрѣть,—нашей собственностью, или вмѣстѣ съ нами достанется врагамъ» [22]).

Рѣшающее значеніе, въ самомъ дѣлѣ, имѣла борьба за собственность! При такомъ положеніи дѣлъ возникали проблемы, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться одностороннимъ морализированіемъ, и правильная оцѣнка которыхъ предполагала сознаніе еще и многаго другого, о чемъ, конечно, не думалъ ораторъ въ данномъ контекстѣ.

Историческое произведеніе, удѣляющее такъ мало вниманія специфически соціальному вопросу и его вліянію на идейную и эмоціональную жизнь народа, очевидно, можетъ дать мало цѣннаго, поскольку дѣло идетъ о занимающей насъ проблемѣ. Указанный недостатокъ еще усиливается вслѣдствіе того, что въ этомъ партійномъ памфлетѣ почти вовсе не приводятся подлинные матеріалы. Для этого историка соціальной революціи почти-что не существуетъ вся многочисленная литература: акты и письма, мемуары и рѣчи, изъ которыхъ можно было бы составить себѣ ясное представленіе о внутреннемъ ходѣ движенія [23]). Онъ утилизируетъ почти исключительно наиболѣе доступный источникъ, сочиненія Цицерона, а именно этотъ источникъ менѣе всего могъ быть положенъ въ основу болѣе глубокой и всесторонней оцѣнки.

Самъ по себѣ Цицеронъ, вводящій насъ въ своихъ рѣчахъ и письмахъ въ самую сутолоку политической жизни и часто дающій намъ возможность слѣдить за этой жизнью изо дня въ день, былъ бы болѣе всѣхъ другихъ призванъ къ тому, чтобы доставить самыя цѣнныя данныя. Но, къ сожалѣнію, именно о н ъ—и какъ теоретикъ и какъ государственный дѣятель—занималъ положеніе, по существу дѣла исключавшее для него возможность безпристрастной оцѣнки общественныхъ вопросовъ.

На примѣрѣ этого высоко одареннаго ума чрезвычайно наглядно подтверждается тотъ издавна подмѣченный фактъ, что ни одной наукѣ не угрожаетъ столько подводныхъ камней, какъ соціальной экономикѣ, что нигдѣ человѣкъ не судитъ въ качествѣ столь сильно «заинтересованной стороны», что нигдѣ не встрѣчается такихъ преувеличеній и такого лганья, какъ въ соціально-экономическихъ

дебатахъ. «При обсужденіи мѣръ, относящихся къ «моему и твоему», объективное, нейтральное сужденіе, имѣющее въ виду истину и одну лишь истину, представляетъ собой рѣдкое исключеніе» [24]). Насъ не должно удивлять, что человѣкъ, до такой степени, какъ Цицеронъ, всюду чувствовавшій себя борцомъ за интересы собственниковъ, которымъ вѣдь именно тогда угрожала серьезная опасность, не принадлежалъ да, пожалуй, и не могъ принадлежать—къ числу этихъ рѣдкихъ исключеній. Кромѣ того, мы должны принять въ соображеніе, что вѣдь ему приходилось высказываться не только въ чисто-теоретическихъ разсужденіяхъ, но и въ боевыхъ рѣчахъ, содержаніе которыхъ опредѣлялось страстнымъ возбужденіемъ данной минуты, политической и риторической тенденціей оратора.

Психологическая зависимость Цицерона отъ классовыхъ воззрѣній чрезвычайно характерно сказывается въ его «ученіи объ обязанностяхъ», содержащемъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его соціальный символъ вѣры [25]). Въ этомъ сочиненіи онъ перечисляетъ тѣхъ людей, которые, согласно признаваемому имъ въ существенныхъ чертахъ вполнѣ кодексу чести высшихъ слоевъ, должны пользоваться уваженіемъ въ обществѣ, и съ которыми надлежитъ считаться! Къ числу ихъ принадлежатъ всѣ лица, испытанныя въ «почтенныхъ» профессіяхъ и въ «великихъ дѣлахъ» [26]), «благонамѣренные» (т.-е. господствующіе классы оптиматовъ и всадниковъ) и лица, оказавшія или оказывающія услуги государству, какъ, напр., люди, занимающіе почетныя общественныя должности и мѣста, наконецъ, избираемыя должностныя лица. Что касается гражданина какъ такового, то онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, дѣлается нѣкоторое различіе между нимъ и иностранцемъ, и что по отношенію къ нему соблюдается то, чего вообще требуютъ интересы общенія между людьми [27]). По отношенію къ бѣдняку это почти-что исчерпывается обязательной благотворительностью. Мысль о томъ, что и человѣкъ не настолько взысканный судьбою, чтобы принадлежать къ этимъ сливкамъ общества, равно какъ и всякій честный трудъ какъ таковой, имѣетъ право на уваженіе въ обществѣ, совершенно чужда этой общественной морали.

Мало того, эта мораль сознательно стремится къ тому, чтобы по мѣрѣ возможности еще болѣе обострить и усилить соціальныя противоположности, и безъ того уже въ изобиліи вызываемыя экономическою трудовою и вообще дѣловою жизнью. Стоитъ только припомнить чрезвычайно характерное разграниченіе, устанавливаемое этимъ ученіемъ объ обязанностяхъ между «приличными» и «низкими» занятіями и видами заработка [28]). «Обезчещены—и притомъ, по мнѣнію автора, основательно—прежде всего тѣ роды занятій, берущіеся за которые люди, какъ, напр., сборщики податей и профессіональные ростовщики, вызываютъ къ себѣ ненависть публики. Неприлично и низко, далѣе, занятіе всѣхъ тѣхъ наемныхъ рабочихъ, которые получаютъ вознагражденіе за физическій, а не за умственный трудъ. Вѣдь они, такъ сказать, продаютъ себя въ рабство за это вознагражденіе. Низки также и мелкіе лавочники, покупающіе у купца товары для немедленнаго ихъ сбыта. Они не идутъ впередъ, если они не отличаются чрезмѣрной лживостью. И ремесленники сплошь занимаются низкимъ дѣломъ. Вѣдь въ мастерской нельзя быть джентльменомъ [29]). Менѣе же всего почтенны промыслы, служащіе удовлетворенію чувственныхъ наслажденій, какъ, напр.,—говоря словами Теренція—[30]) продавцы соленой рыбы, мясники, повара, торговцы дичью, а также продавцы благовонныхъ товаровъ, танцмейстеры и весь персоналъ балагановъ.—А такіе роды занятій, которые предполагаютъ высшее образованіе или приносятъ значительную пользу, какъ-то: медицина, архитектура, преподаваніе приличныхъ предметовъ,—приличны для тѣхъ людей, общественному положенію которыхъ они

соотвѣтствуютъ (!) [31]). Торговлю же, если это мелкая торговля, слѣдуетъ считать низкимъ занятіемъ. Лишь крупный купецъ, отовсюду доставляющій массу товаровъ и безъ барышничества дающій возможность пользоваться ими множеству людей, развѣ что не очень заслуживаетъ порицанія. Если же онъ, насытившись барышомъ или скорѣе довольствуясь имъ, подобно тому какъ прежде часто послѣ морскихъ путешествій возвращался въ гавань, такъ теперь, наконецъ, изъ самой гавани переберется на принадлежащій ему участокъ земли, то онъ, конечно, заслуживаетъ похвалы. Но изъ всѣхъ родовъ занятія всего лучше, выгоднѣе, пріятнѣе и наиболѣе достойно свѣтскаго человѣка землевладѣніе».—«Итакъ—резюмируетъ Моммзенъ выводъ изъ этого перечня—приличный человѣкъ долженъ, строго говоря, быть землевладѣльцемъ! Это вполнѣ сложившаяся аристократія плантаторовъ съ сильнымъ оттѣнкомъ купеческой спекуляціи и съ легкимъ нюансомъ общаго образованія» [32]).

Въ самомъ ли дѣлѣ былъ настолько неправъ демократъ, полагавшій, что классъ, называвшійся классомъ «оптиматовъ», чувствовалъ себя составляющимъ какъ бы особую «націю» въ противоположность остальному народу [33])? И что же можетъ отвѣтить на это борецъ за интересы этихъ оптиматовъ? Правда, онъ старается придать этому понятію болѣе возвышенный, этическій смыслъ, признавая оптиматами, согласно значенію слова, всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно оказываются «наилучшими», «благороднѣйшими» изъ народа въ этическомъ смыслѣ [34]). Но кто-же эти «наилучшіе»? Это прежде всего—«руководители государственнаго совѣта (т.-е. сената) и ихъ единомышленники въ послѣднемъ, далѣе—члены сословій, для которыхъ открытъ доступъ въ курію (т.-е. для которыхъ происхожденіе и богатство дѣлаютъ доступною должностную карьеру). Затѣмъ—таково основное условіе принадлежности къ этому классу наилучшихъ—нельзя «быть въ затруднительныхъ экономическихъ условіяхъ» (!) [35]), слѣдуетъ «находиться въ хорошемъ финансовомъ положеніи» [36]). Поэтому и «граждане изъ муниципальныхъ городовъ и изъ деревень, дѣльцы и отпущенники» могутъ быть оптиматами, лишь бы они только принадлежали къ числу beati possidentes [37]).

Не мудрено, что, держась этой точки зрѣнія, Цицеронъ въ качествѣ государственнаго дѣятеля до такой степени односторонне устремляетъ свой взоръ на часть общества, а не на цѣлое, что безъ дальнихъ околичностей отожествляетъ дѣло господствующей соціальной группы съ дѣломъ государства, какъ-будто бы эта группа была обществомъ въ его цѣломъ! Онъ утверждаетъ, что лишь политика, отстаивающая цѣли и интересы оптиматовъ, въ самомъ дѣлѣ клонится къ охраненію государства. Вѣдь «собственники составляютъ нашу армію» [38]). Въ сущности на ряду съ ними никакая другая партія не имѣетъ правъ на существованіе въ государствѣ! Вѣдь демократическая партія искони имѣла въ виду при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и планахъ лишь одобреніе толпы, между тѣмъ какъ признано, что оптиматы руководятся во всѣхъ политическихъ дѣйствіяхъ сужденіемъ «наилучшихъ» [39]). При всѣхъ столкновеніяхъ интересовъ въ государствѣ рѣшающее значеніе имѣютъ и х ъ интересы.

Въ виду той наивной откровенности, съ которою оптиматы признаютъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и партіей собственниковъ, что можно сказать по поводу утвержденія, будто бы этотъ классъ представляетъ собой въ то же время и «отборные элементы» народа [40]), нравственно почтенныхъ гражданъ по преимуществу? Въ особенности же, если сравнить съ э т о й характеристикой оптиматовъ неоднократные отзывы самого Цицерона о тѣхъ же самыхъ людяхъ въ интимномъ кругу! Такъ, напр., онъ выражаетъ (и притомъ за четыре года до этого!) мнѣніе,

что такого человѣка, въ которомъ нуждается государство, нельзя отыскать даже и во снѣ [41]). Пресловутыхъ оптиматовъ онъ называетъ «настолько глупыми, что они серьезно надѣются, что ихъ рыбные пруды сохранятся, если погибнетъ республика». «Наши корифеи полагаютъ, что все идетъ, какъ нельзя лучше, разъ у нихъ въ рыбныхъ прудахъ имѣются барвены, берущіе пищу изъ ихъ рукъ» [42]). «Для нихъ не существуетъ болѣе важныхъ заботъ—замѣчаетъ онъ какъ-то позже,—какъ заботы объ ихъ имѣніяхъ, ихъ милыхъ виллахъ, ихъ презрѣнныхъ монетахъ» [43]). «Лица, принадлежащія къ партіи благонамѣренныхъ, ограничиваются тѣмъ, что (въ моментъ серьезнаго государственнаго кризиса!) спокойно записываютъ въ счетныя книги причитающіеся имъ проценты» (въ 49 г.) [44]). «Они наслаждаются за роскошными, черезчуръ продолжительными обѣдами» [45]).

Даже въ той рѣчи, въ которой Цицеронъ отожествляетъ партію собственниковъ съ партіей высоконравственныхъ людей, проникнутыхъ чистѣйшимъ патріотизмомъ, онъ не могъ не высказать порицанія людямъ, полагающимъ, что они рождены лишь «для сна, пиршествъ и наслажденій» [46]), которыхъ, однако, было довольно много среди оптиматовъ! Но ему приходилось прибѣгнуть къ вышеупомянутому логическому salto mortale для того, чтобы придти къ выводу, гласившему, что интересы оптиматовъ тожественны съ интересами государства [47]).

Если, по опредѣленію Цицерона, къ оптиматамъ принадлежатъ всѣ тѣ, «кого не гнетутъ долги, кто не злонравенъ и не наглъ по природѣ и не одержимъ изступленіемъ», словомъ люди «нравственно неиспорченные и благоразумные», то дѣятели демократической партіи отличаются, понятно, какъ-разъ противоположными качествами. Къ демократической партіи принадлежатъ всѣ «безпокойные сторонники нововведеній, всѣ дерзкіе отщепенцы», которыхъ ничего не стоитъ взбудоражить, такъ какъ они уже и въ силу собственныхъ инстинктовъ склонны къ возмущенію противъ государственнаго порядка [48]). Далѣе, къ ней принадлежитъ огромная масса тѣхъ, которые—частью подъ вліяніемъ нечистой совѣсти изъ боязни возмездія уголовныхъ законовъ—требуютъ революціи и разрушенія, или тѣ, чья неистовая страстность находитъ удовлетвореніе лишь въ гражданскихъ междоусобіяхъ и въ мятежѣ; наконецъ, тѣ, которые въ виду своего плохого экономическаго положенія предпочитаютъ гибель при всеобщемъ пожарѣ гибели въ одиночку [49]). Конечно, эти обвиненія отчасти справедливы, но при нихъ совершенно упускается изъ виду, что рисуемое Цицерономъ изображеніе соціальной демократіи есть не что иное, какъ безобразная карикатура грѣховъ самого господствующаго класса. Далѣе, при этой точкѣ зрѣнія на государство по мѣрѣ возможности отстраняется мысль о томъ, что и «находящимся въ затруднительномъ экономическомъ положеніи» простолюдинамъ, бѣднякамъ и обездоленнымъ такъ же, какъ и «счастливымъ» приходится отстаивать правомѣрные интересы. При ней игнорируется, что государство должно не только охранять «накопленныя и пріумноженныя благодаря покровительству боговъ богатства» собственниковъ [50]) отъ посягательствъ общественныхъ низовъ, но и заботиться объ огромномъ большинствѣ народа, помогая ему въ его борьбѣ противъ аномалій и бѣдствій, вызываемыхъ этимъ накопленіемъ богатствъ, и способствуя ему при его стремленіи въ большей степени участвовать въ пользованіи благами культуры.

Съ этой точки зрѣнія «наиболѣе возвышеннымъ и желательнымъ» представляется не клонящаяся къ общему благу государственная политика, проникнутая воистину соціальнымъ духомъ и равномѣрно обнимающая в е с ь народъ, а полное достоинства спокойствіе» (!), составляющее идеалъ всѣхъ благоразумныхъ и—

понятно—зажиточныхъ людей [51]). Основами же этого спокойствія и тѣми интересами, которые правительство должно охранять, являются: государственная религія, право наблюдать примѣты, власть должностныхъ лицъ, авторитетъ сената законы, традиція, суды и юрисдикція, общественное довѣріе (кредитъ), провинціи, союзники, честь государства, войско и финансы,—таковы тѣ «многочисленныя и возвышенныя блага», охранять которыя желаетъ республика. При этомъ перечисленіи совершенно умалчивается о томъ, что для нея существовали и другія столь же высокія цѣли, въ осуществленіи которыхъ, конечно, народная масса была болѣе заинтересована, чѣмъ «счастливое» меньшинство, что, напр., содѣйствіе соціальному прогрессу, по крайней мѣрѣ, настолько же заслуживало вниманія правительства, какъ и охраненіе традиціи! Это было одностороннее политическое доктринерство, игнорировавшее какъ-разъ то, что тогда болѣе всего не только затрудняло «достиженіе этой гавани, сулившей спокойствіе, сочетающееся съ достоинствомъ» [52]), но и рыло могилу пресловутой системѣ господства оптиматовъ, а именно грозную серьезность соціальнаго вопроса! Съ этой узко-полицейской точки зрѣнія на государство то, что на самомъ дѣлѣ представляло собой предсмертный симптомъ въ господствующей системѣ, прославляется какъ ея преимущество!

Вѣдь соціальный вопросъ вообще является довольно второстепеннымъ вопросомъ для цицеронова государства. Правда, онъ подчеркиваетъ въ своемъ опредѣленіи государства, что его цѣлью является и общественное благо [53]), и восторженно прославляетъ неустанное стремленіе организованныхъ въ государствѣ людей къ «увеличенію богатства человѣческаго рода», къ «все болѣе и болѣе обезпеченной и комфортабельной жизни» [54]), но и въ данномъ случаѣ главное вниманіе обращается на ростъ производства благъ, на пріумноженіе богатства, между тѣмъ какъ вопросъ о всеобщемъ распространеніи благосостоянія, столь энергически поставленный греческою государственною наукою, отступаетъ на задній планъ. Поэтому и задача государства по отношенію къ экономической жизни разсматривается съ совершенно односторонней индивидуалистической точки зрѣнія. Производство и нажива требуютъ отъ государства свободы и безопасности. Для этой буржуазной экономіи вышеуказанное требованіе имѣетъ до такой степени превышающее все остальное значеніе, что его выполненіе признается прямо-таки цѣлью государства по преимуществу. «Государства и города—говорится въ ученіи объ обязанностяхъ—основаны, главнымъ образомъ, для того, чтобы каждый оставался обладателемъ того, что ему принадлежитъ. Вѣдь если общежитіе людей и вызывалось природнымъ влеченіемъ, то все же искать защиты городовъ ихъ побуждала надежда на обезпеченность собственности» [55]). Въ другомъ мѣстѣ та же самая мысль получаетъ еще болѣе рѣзкую формулировку, гласящую, что подлинная цѣль государства и городовъ заключается въ томъ, чтобы люди свободно владѣли своею собственностью, и чтобы она не подвергалась опасности [56]).

Соотвѣтственно этому и при характеристикѣ тѣхъ «благодѣяній», которыя государство оказываетъ или должно оказывать гражданину, разсматривается почти исключительно охрана частной собственности. «Прежде всего правительство должно заботиться о томъ, чтобы каждый гражданинъ оставался обладателемъ принадлежащаго ему имущества, и чтобы частныя лица не теряли благодаря государственнымъ распоряженіямъ части своей собственности» [57]). Эта мысль еще разъ повторяется въ заключеніи, причемъ всѣмъ государственнымъ дѣятелямъ настойчиво рекомендуется «никогда не соглашаться на такого рода раздачи, при которыхъ одни получаютъ подарки, а у другихъ отнимается то, что имъ принадлежитъ» [58]). Вѣдь лица, дорожащія государственнымъ благомъ, будутъ стремиться, главнымъ

образомъ, къ тому, чтобы собственность каждаго охранялась юридическимъ равенствомъ и справедливымъ судомъ, и чтобы, съ одной стороны, простолюдины не подвергались изъ-за ихъ низкаго состоянія противозаконнымъ насиліямъ, а, съ другой стороны, чтобы недоброжелательство не препятствовало состоятельнымъ людямъ отстаивать принадлежащія имъ имущества или добиваться возвращенія имъ послѣдняго [59]).

Никто не станетъ упускать изъ виду того, что въ этой точкѣ зрѣнія правомѣрно. Но столь же несомнѣнна и односторонность, съ которою здѣсь все время идетъ рѣчь лишь о правахъ собственности и почти не упоминается о сопряженныхъ съ нею соціальныхъ обязанностяхъ. Въ этомъ ученіи объ обязанностяхъ нѣтъ и рѣчи о томъ, что частная собственность и свобода договоровъ могутъ способствовать развитію тенденціи къ эксплуатаціи экономически слабыхъ и къ причиненію имъ ущерба, что крупные собственники могутъ достигнуть могущества, опаснаго и даже нестерпимаго для государства и для общественнаго блага, что, стало-быть, ограниченіе частной собственности и сферы частнаго хозяйства настолько же входятъ въ задачи государственной политики, стремящейся къ благополучію, какъ и охрана собственности. Нѣтъ въ немъ рѣчи и о томъ, что на-ряду съ охраной собственности и съ экономической свободой не меньшее значеніе имѣетъ давно уже поставленный греческой соціальной политикой вопросъ о томъ, какимъ образомъ сдѣлать эту собственность и эту свободу общераспространенными, какимъ образомъ въ дѣйствительности доставлять все болѣе и болѣе широкимъ кругамъ народа обезпеченное и самостоятельное экономическое существованіе?

По отношенію къ бѣднотѣ на богачей возлагается лишь одно, чисто-моральное обязательство: добровольно раздавать милостыню. При этомъ совершенно игнорируется та греческая мысль, что государство имѣетъ право принуждать къ выполненію болѣе высокой соціальной обязанности, требовать отъ собственниковъ жертвъ въ пользу обездоленныхъ и нуждающихся слоевъ народа. Вмѣсто этого правительству тѣмъ настойчивѣе рекомендуется, всевозможными способами, какъ мирными, такъ и силой оружія, стараться о томъ, чтобы сфера государственнаго имущества, территорія государства и его доходы, все болѣе и болѣе возрастали [60]). Вспомнимъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ экономическомъ отношеніи эта политика должна была быть выгодной прежде всего для плутократіи!

Конечно, даже и Цицерону, при всемъ его оптимизмѣ, не удается вполнѣ освободить государственнаго дѣятеля отъ соціально-политическихъ заботъ. Такъ, напр., и ему приходится сдѣлать опасной столичной массѣ ту уступку, что государственныя раздачи хлѣба правомѣрны въ извѣстныхъ предѣлахъ [61]). Далѣе, въ виду чудовищныхъ кредитныхъ кризисовъ революціонной эпохи и тѣхъ жертвъ, съ которыми они были сопряжены для собственниковъ, онъ не можетъ не придти къ убѣжденію, что государство должно дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы задолженность не доходила до такой степени, при которой она становится опасной для самого государства [62]). Но все это уступки, на половину недобровольныя и притомъ сдѣланныя въ интересахъ самихъ собственниковъ. Онѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о наличности болѣе глубокихъ соціально-политическихъ интересовъ. Вѣдь даже и тамъ, гдѣ задачей государства признается «охрана и увеличеніе свободы и выгодъ народа», этой задачѣ предпосылается другая, а именно «обезпеченіе блеска первенствующихъ сословій» [63]).

Замѣчаніе Цицерона относительно вопроса о задолженности проливаетъ яркій свѣтъ на эту точку зрѣнія. Онъ указываетъ на то, что никогда не обнаруживалось

столь сильной тенденціи къ уничтоженію долговыхъ обязательствъ какъ въ эпоху его консульства. Революціонное движеніе, къ которому примкнули лица изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, пыталось добиться его силой оружія. И, дѣйствительно, задолженность достигла въ то время небывалыхъ размѣровъ. Итакъ, это былъ соціальный и экономическій кризисъ, хуже котораго врядъ ли можно себѣ что-нибудь представить! Какія же, спрашивается, лѣкарства предлагаетъ Цицеронъ? Онъ находитъ, что, поскольку движеніе принимаетъ насильственный характеръ, оно должно быть подавлено кровавыми репрессіями, а людямъ, которые и послѣ этого все еще не захотятъ удовлетворить своихъ кредиторовъ, консулъ заявляетъ: «или вы заплатите, или я прикажу продать ваше имущество съ публичнаго торга» [64]). И дѣло кончено! «Вѣдь разъ у людей уже нѣтъ надежды о б м а н у т ь (!), они оказываются вынужденными заплатить» [65]). Этотъ принципъ, по мнѣнію Цицерона, вполнѣ оправдался при подавленіи движенія, во главѣ котораго стоялъ Катилина, что Цицеронъ считаетъ возможнымъ съ гордостью утверждать, что долги никогда не выплачивались такъ аккуратно и легко, какъ въ то время, когда онъ былъ консуломъ. И своимъ образомъ дѣйствій онъ «совершенно искоренилъ все зло въ государствѣ» [66]).

При помощи такого лѣченія, на манеръ доктора Эйзенбарта, Цицеронъ считаетъ возможнымъ справиться съ самыми тяжелыми соціальными и экономическими патологическими явленіями! При наличности столь интенсивной и общераспространенной задолженности, признаваемой имъ самимъ въ эту эпоху гражданскихъ войнъ, онъ просто отрицаетъ существованіе серьезной н у ж д ы. Онъ утверждаетъ, что кризисъ вызванъ лишь отказомъ должниковъ выполнить свои юридическія обязательства, а не ихъ затруднительнымъ экономическимъ положеніемъ. Утверждается, что всѣ они относятся къ категоріи злостныхъ обманщиковъ! То, что среди нихъ могли встрѣчаться и лица, очутившіяся въ затруднительномъ положеніи не по собственной винѣ, а вслѣдствіе общаго кризиса, или такіе люди, для которыхъ угроза консула означала лишеніе крова, просто игнорируется. Пусть они «гибнутъ одиноко!», лишь бы только было водворено «спокойствіе»!

Возможно ли болѣе поверхностное, чтобы не сказать болѣе циничное, трактованіе соціально-экономическихъ вопросовъ? Это — самая инертная точка зрѣнія въ области занимающихъ насъ вопросовъ,—точка зрѣнія, благодаря которой можно не давать себѣ труда глубже вдумываться въ нихъ. Она свидѣтельствуетъ о совершенной неспособности вникнуть въ сущность бѣдности въ связи съ общею жизнью народа и пріискать соотвѣтственныя средства для ея смягченія, вмѣсто того, чтобы просто прибѣгать къ отрицанію и къ разрушительнымъ мѣрамъ.

Правда, Цицерону приходилось высказываться и въ иномъ смыслѣ. Въ рѣчи противъ аграрнаго закона, предложеннаго народнымъ трибуномъ Сервиліемъ Рулломъ (64 г.), онъ заявляетъ, что ничего не имѣетъ возразить противъ соціальной политики, прибѣгающей къ lex agraria, какъ таковой [67]). Онъ прославляетъ даже— въ угоду своимъ слушателямъ — обоихъ Гракховъ, «знаменитыхъ, геніальныхъ людей», «любимцевъ римскихъ простолюдиновъ». Хотя аграрная политика Гракховъ нарушала существовавшія имущественныя отношенія, такъ какъ переданныя ими простолюдинамъ государственныя земли до тѣхъ поръ находились въ частномъ владѣніи, какъ не безъ намѣренія подчеркиваетъ Цицеронъ, однако, новый консулъ заявляетъ, что онъ не хочетъ подобно «большинству» усматривать преступленіе уже во всякой похвалѣ по адресу Гракховъ. Вѣдь республика была во многихъ отношеніяхъ упрочена благодаря мудрой политикѣ Гракховъ и ихъ законамъ [68]).

Для всякаго, знакомаго съ соціально-политической точкой зрѣнія Цицерона,

само собою понятно, что въ его устахъ это возвеличеніе Гракховъ есть не что иное, какъ политическое лицемѣріе. Это—уступка собравшейся на форумѣ толпѣ, предъ которой онъ желаетъ, во что бы то ни стало, разыграть въ этой рѣчи роль «народолюбиваго консула» [69]). Ради популярности и для достиженія цѣли рѣчи, а именно устраненія ненавистнаго аграрнаго закона, онъ не останавливается и предъ выраженіемъ симпатіи къ «возлюбленнымъ» Гракхамъ, которое, въ виду его подлиннаго образа мыслей, представляется чистѣйшимъ sacrifizio dell'intelletto. Но прямо-таки комическое впечатлѣніе производятъ комплименты, расточаемые имъ при этомъ случаѣ столичной черни. А именно онъ обличаетъ своего противника за будто бы сдѣланное имъ въ сенатѣ заявленіе, что, молъ, городское простонародье политически слишкомъ сильно, и что поэтому оно должно быть «вычерпано». По этому поводу онъ замѣчаетъ съ притворнымъ негодованіемъ, что его противникъ выразился такъ, какъ-будто дѣло шло объ очищеніи какой-то клоаки, а не о части наилучшихъ гражданъ! [70]) Въ глубинѣ души онъ, конечно, держится о «простонародьи» точно такого же мнѣнія, какъ и то лицо, которому принадлежало вышеупомянутое рѣзкое сравненіе [71]). Тѣмъ не менѣе, онъ чествуетъ эту массу, къ которой принадлежалъ самый низкій сбродъ, почетнымъ наименованіемъ, котораго онъ обыкновенно удостаиваетъ лишь «отборныхъ» гражданъ!

Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ, для лицъ, которымъ не импонируютъ громкозвучныя фразы, и которыя вникаютъ въ дѣло глубже, тотчасъ же довольно ясно обнаруживаются подлинныя намѣренія Цицерона, принимающаго видъ друга народа! Дѣло не въ томъ, что Цицеронъ высказался противъ предложеннаго трибуномъ аграрнаго закона,—это было само собой понятно и по существу дѣла вполнѣ правильно,—а въ томъ, какъ онъ обосновывалъ свой взглядъ. При всей крайности и непріемлемости того аграрнаго закона, противъ котораго боролся Цицеронъ, въ послѣднемъ все же заключалась основательная мысль объ уменьшеніи пролетаріата путемъ созданія среднихъ и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ.—Каково же отношеніе Цицерона къ этой мысли? Онъ старается представить предлагаемую колонизацію въ Италіи въ смѣшномъ видѣ, утверждая, что для нея можно было бы воспользоваться лишь безплодными пустошами или болотами, въ которыхъ свирѣпствуетъ лихорадка. И онъ противопоставляетъ ужасамъ и лишеніямъ, будто бы ждущимъ тамъ поселенцевъ, удовольствія и наслажденія, доставляемыя пролетарію столицей! «Если вы хотите послѣдовать моему совѣту, граждане, то сохраняйте то, что у васъ имѣется: подарки (т.-е. раздачи, производимыя государствомъ и аристократами), свободную жизнь (!), ваше право подавать голосъ, городъ, форумъ, зрѣлища, празднества и всѣ другія пріятности» [72]), которыя, доставляетъ лишь Римъ». Поученіе Цицерона сводится, такимъ образомъ, къ тому, что соціальное призваніе добропорядочнаго гражданина должно заключаться въ забвеніи общества! Тупоуміе или, скорѣе, безсовѣстное равнодушіе ко всякимъ соціальнымъ интересамъ, соціальное филистерство, таковы—съ точки зрѣнія этого проповѣдника соціальнаго застоя—тѣ свойства, распространеніе которыхъ среди народа представляется ему наиболѣе желательнымъ [73]). Это—призывъ къ вульгарнымъ инстинктамъ толпы, вслѣдствіе котораго искренность непосредственно предшествующаго ему одобренія аграрной политики Гракховъ представляется весьма сомнительной. Вѣдь эту аргументацію можно было точно такимъ же образомъ противопоставить и всякимъ другимъ аграрнымъ законамъ, которые ораторъ все же отчасти признаетъ не вызывающими возраженій! Слѣдовательно, разъ возвѣщается, что цѣль жизни пролетарія заключается въ томъ, чтобы въ Римѣ «озаряться блескомъ республики» [74]), то вѣдь и вообще не можетъ быть рѣчи о такой соціальной политикѣ, которая клонилась бы

къ обращенію пролетарія въ крестьянина. Это было просто признаніе плутократической республикой своего банкротства по отношенію къ соціальному вопросу, высказываемое ея же сторонникомъ!

Именно этого банкротства и желаетъ въ глубинѣ души Цицеронъ. Онъ отъ всей души ненавидитъ аграрные законы, которые все-таки сопряжены были съ извѣстною опасностью для существовавшихъ имущественныхъ отношеній [75]). Поэтому, когда Цицеронъ могъ высказываться безъ стѣсненій, онъ судилъ о Гракхахъ совершенно иначе, чѣмъ на форумѣ. Въ книгахъ объ обязанностяхъ и о государствѣ вся политика Грахковъ, т.-е. не только ихъ революціонныя мѣры, но и ихъ начинанія, проникнутыя духомъ соціальной реформы, представляются прямо-таки самоубійственной и пагубной для государства. «Погубивъ самихъ себя конфликтомъ изъ-за отведенія земель» [76]), они «всей системой политики, которой они придерживались въ качествѣ трибуновъ, вызвали *распаденіе единаго народа на двѣ части*», такъ что «въ одной республикѣ другъ другу противостояло, такъ сказать, два сената и чуть ли не два различныхъ народа» [77])! Вспомнимъ, однако, что въ другомъ случаѣ Цицеронъ не преминулъ принять въ высшей степени одностороннее партійное участіе въ этомъ конфликтѣ между двумя «народами».

Въ рѣчи, произнесенной имъ предъ судомъ, т.-е. предъ аристократически-плутократическими элементами, онъ говоритъ о надеждахъ и опасеніяхъ, вызванныхъ аграрнымъ закономъ Тиберія Гракха въ различныхъ классахъ населенія. Народъ, говоритъ онъ, привѣтствовалъ ихъ съ восторгомъ, полагая, что отнынѣ упрочится благосостояніе бѣдняковъ. Оптиматы же боролись противъ нихъ, признавъ ихъ источникомъ недовольства и полагая, что государство лишится своихъ защитниковъ въ томъ случаѣ, если у состоятельныхъ людей будутъ отобраны имущества, которыми они владѣли въ теченіе долгихъ лѣтъ [78]).—И Цицеронъ совершенно недвусмысленно заявляетъ, что самъ онъ придерживается этой изумительной логики оптиматовъ относительно соціальной реформы, при которой какъ-разъ имѣлось въ виду путемъ усиленія крестьянства увеличить число элементовъ, охранявшихъ государство, повысить способность націи къ оборонѣ, между тѣмъ какъ для надеждъ бѣдняковъ у него, очевидно, имѣется лишь холодная иронія! Несмотря на то, что у него самого какъ-то разъ невольно вырывается признаніе, что путемъ отведенія земельныхъ участковъ можно было бы предупредить переполненіе Рима и опустѣніе Италіи, онъ огульно осуждаетъ великое дѣло соціальной реформы какъ прискорбный продуктъ такой стадіи развитія общественнаго настроенія, когда, по его мнѣнію, «желанія и интересы народа во многихъ отношеніяхъ расходились съ государственнымъ благомъ» [79]). Онъ принципіально одинаково осуждаетъ какъ аграрную политику Тиберія Гракха, такъ и пагубный хлѣбный законъ его брата Гая [80])! Не признавая никакого различія между ними, онъ не видитъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ничего, кромѣ алчности массы, въ противоположность «обдуманной разсудительности» высшихъ классовъ [81]). Достославнѣйшіе государственные дѣятели отличились тѣмъ, что они пролили кровь Гракховъ [82])!

Интереснымъ, не менѣе характернымъ для всей точки зрѣнія Цицерона, образчикомъ его соціально-историческихъ взглядовъ служитъ также сопоставленіе Гракховъ со спартанскими соціальными революціонерами, съ царемъ Агидомъ и съ эфоромъ Лисандромъ, и высказываемая Цицерономъ историческая оцѣнка этихъ послѣднихъ и ихъ идей. Онъ считаетъ нужнымъ сказать о программѣ соціальныхъ реформъ, усвоенной спартанскими царями только то, что требуемая ею экспро-

пріація земли была несправедлива. Ему совершенно чужда мысль о томъ, что въ данномъ случаѣ сами соціальныя отношенія вызывали кризисъ! Еще бы! Вѣдь тогда Спарта наслаждалась господствомъ «оптиматовъ», а при н е м ъ все представлялось Цицерону, само собой разумѣется, въ наилучшемъ порядкѣ [83]). Лишь вызванная Агидомъ борьба классовъ, устраненіе оптиматовъ и тираннія повлекли за собой упадокъ этого столь благоустроеннаго государства! «И дѣло не ограничилось его гибелью. Оно вовлекло въ свою гибель и остальную Грецію, такъ какъ зло, и с х о д и в ш е е и з ъ С п а р т ы, стало заразительнымъ и распространялось все дальше и дальше»! Какъ-будто бы весь остальной греческій міръ былъ вполнѣ здоровъ, и вообще лишь заразительная иниціатива Агида и его сторонниковъ поставила соціальный вопросъ [84])!

Въ виду этой полной неспособности Цицерона надлежащимъ образомъ отнестись къ прошлому, придется заранѣе отказаться отъ надежды найти у него безпристрастное и сравнительно глубокое сужденіе о соціальныхъ явленіяхъ его собственной эпохи, тѣмъ болѣе, что сужденія его разсчитаны на непосредственный ораторскій эффектъ. При этомъ ненависть, страсть и заинтересованность играли, конечно, гораздо болѣе сильную роль, чѣмъ при оцѣнкѣ отношеній и людей, уже отошедшихъ въ исторію.

Даже и въ чисто-теоретическихъ разсужденіяхъ Цицерона обнаруживается прямо-таки фанатическая предубѣжденность, коль скоро дѣло идетъ объ интересахъ собственниковъ! Достаточно упомянуть сужденіе, высказываемое имъ въ ученіи объ обязанностяхъ о законѣ Цезаря, касавшемся долговыхъ обязательствахъ. Согласно ему, Цезарь, конечно, дошелъ до такихъ разрушительныхъ идей лишь въ качествѣ сторонника Катилины, когда онъ еще самъ былъ обремененъ долгами. Почему же, спрашивается, онъ осуществилъ эти идеи, которыя не могъ осуществить въ качествѣ «побѣжденнаго» (т.-е. единомышленника Катилины), въ качествѣ побѣдителя, когда самъ онъ уже не былъ въ этомъ лично заинтересованъ (т.-е. самъ уже не былъ обремененъ долгами)? Потому, отвѣчаетъ Цицеронъ, что «онъ былъ столь склоненъ къ грѣху, что несправедливые поступки доставляли ему удовольствіе даже и тогда, когда сами по себѣ они были безцѣльны» [85]). Мы видимъ, какъ мертваго льва лягаетъ человѣкъ, только-что прославлявшій Цезаря при его жизни какъ «личность, отличающуюся рѣдкимъ благородствомъ характера», какъ самую яркую звѣзду, когда-либо свѣтившую человѣчеству [86])!

Разъ адвокатское крючкотворство способно на это даже по отношенію къ такому дѣятелю, какъ Цезарь, то чего же, спрашивается, можно ждать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о какомъ-нибудь Катилинѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣгло просмотрѣть рѣчи противъ Катилины, чтобы убѣдиться въ томъ, что на ряду съ законнымъ негодованіемъ, вызываемымъ преступнымъ покушеніемъ, въ нихъ обнаруживаются такая односторонняя предубѣжденность и риторическая фразистость, что нечего и думать о томъ, чтобы на основаніи этого изложенія составить себѣ правильное представленіе о движеніи и объ его внутреннихъ стимулахъ [87]).

По словамъ Цицерона, консулъ и боги избавили городъ и государство отъ чего-то невыразимаго и неслыханнаго. Задуманное злодѣяніе настолько чудовищно, что сперва оно представлялось невѣроятнымъ [88]). И самъ онъ, Цицеронъ, отнюдь не допускалъ возможности столь чудовищнаго заговора, составленнаго гражданами [89])! Онъ считаетъ возможнымъ увѣрять собравшіяся на форумѣ тысячи людей въ томъ, что жизнь в с ѣ х ъ ихъ [90]), ихъ достояніе, жены и дѣти и весь пышный городъ избавлены отъ пламени, оружія, убійцъ и «чуть ли не отъ бездны поги-

бели» [91])! «Вы избѣжали, граждане, самой лютой и жалкой гибели [92]), вы и римскій народъ спасены отъ ужаснѣйшаго кровопролитія, ваши жены и дѣти и дѣвы-весталки отъ жесточайшаго насилія, храмы и святыни нашего великаго города отъ страшнѣйшаго пожара, вся Италія отъ войны и опустошенія» [93]).

Если бы предпріятіе заговорщиковъ удалось, то они зажгли бы городъ со всѣхъ концовъ и умертвили бы «безчисленное множество гражданъ» [94]). «Во всѣхъ прежнихъ партійныхъ конфликтахъ дѣло всегда шло лишь о перемѣнахъ въ государственномъ строѣ, а не о безпощадной борьбѣ противъ самого государства» [95]) «Прежде стремились къ господству въ существующемъ государствѣ, а не къ тому, чтобы государство вообще перестало существовать» [96]). Прежде желали не сжечь этотъ городъ, а счастливо жить и преуспѣвать въ немъ. Катилина же и его сторонники затѣяли противъ отечества такую борьбу, ужаснѣе и гнуснѣе которой ничего не бывало съ незапамятныхъ временъ; даже варвары никогда не вели подобной борьбы противъ своего народа. Участники этой войны рѣшили поступать какъ съ врагами со всѣми лицами, заинтересованными «въ сохраненіи государства» [97]), и «оставить въ живыхъ лишь тѣхъ гражданъ, которые не погибнутъ при безконечномъ избіеніи, причемъ изъ города могло уцѣлѣть лишь то, чего не въ состояніи истребить пожаръ». «Эти люди рѣшились лишить жизни всѣхъ насъ, разрушить государство, искоренить имя римскаго народа» [98]). «Они обрекли гибели все государство, храмы боговъ, дома города, жизнь всѣхъ гражданъ, всю Италію» [99]). Имѣлось въ виду совершать убійства повсюду и опустошить пожарами всю землю [100]). Они замышляютъ гибель всѣхъ насъ, уничтоженіе города и даже вселенной (!) [101]).

Оратору рисуется картина «внезапнаго уничтоженія города, свѣточа міра, твердыни всѣхъ народовъ въ одномъ огромномъ заревѣ». Онъ мысленно созерцаетъ жалкія груды непогребенныхъ труповъ гражданъ въ сгорѣвшемъ городѣ. Ему мерещится яростный Цетегъ (единомышленникъ Катилины), неистовствующій среди кровопролитія [102]). Онъ призываетъ къ мщенію преступникамъ, «желавшимъ умертвить насъ, нашихъ женъ и дѣтей, собиравшимся разрушить домъ каждаго изъ насъ и устои государства, намѣревавшимся водворить (кельтскихъ!) аллоброговъ (въ качествѣ участниковъ заговора) на развалинахъ этого города и на пепелищѣ преданнаго пламени государства» [103]), Лентулъ (одивъ изъ заговорщиковъ) мастерски распредѣлилъ роли при предстоявшемъ разрушеніи: «онъ приводитъ галловъ, зоветъ къ возстанію рабовъ, призываетъ Катилину, обрекаетъ насъ въ жертву Цетегу, а другихъ гражданъ—Габинію; зажечь городъ онъ предоставляетъ Кассію, а всю Италію отдаетъ на опустошеніе и на разграбленіе Катилинѣ» [104]).

Признавъ эту ужасающую картину исторически вѣрной, пришлось бы предположить, что Катилина имѣлъ въ виду не болѣе, не менѣе какъ безпощадную борьбу противъ всѣхъ тѣхъ, у кого вообще было что терять, что онъ намѣревался обратить въ tabula rasa весь существующій государственный и общественный строй и установить на совершенно новыхъ основаніяхъ не извѣстно что, новое государство или совершенно новое общество!

Конечно, какъ мы увидимъ, по существу дѣла представляется довольно вѣроятнымъ, что въ грандіозномъ соціальномъ движеніи въ эту эпоху не было недостатка въ элементахъ, увлекавшихся самыми крайними соціалистическими разрушительными идеями. Но развѣ можно извлечь какія-либо положительныя данныя

относительно этой стороны даннаго вопроса изъ высокопарныхъ и неопредѣленныхъ фразъ Цицерона?

Если, какъ это дѣлаетъ, напр., Моммзенъ, въ самомъ дѣлѣ придавать серьезное значеніе словамъ Цицерона, то пришлось бы, вмѣстѣ съ Моммзеномъ [105]), признать сторонниковъ Катилины «анархистами» и ихъ заговоръ анархическимъ. Но это опять-таки противорѣчило бы утвержденію самого Цицерона, согласно которому одинъ изъ главныхъ вожаковъ, а именно Лентулъ, отнюдь не является анархистомъ, а, наоборотъ, обвиняется въ стремленіи къ царской власти [106])! И не приходится ли самому Моммзену признать, что среди нихъ даже «удерживалась традиціонная сословная іерархія», что вѣдь отнюдь не свидѣтельствуетъ о наличности анархическихъ цѣлей?

Но развѣ можно въ самомъ дѣлѣ придавать тирадамъ Цицерона такое серьезное значеніе? Не потѣшался ли онъ самъ въ одномъ фамильярномъ сообщеніи съ безпримѣрнымъ цинизмомъ надъ своей риторикой, и не призналъ ли онъ совершенно откровенно, что самъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы то, что имъ было тогда сказано, принималось за чистую монету [107])? Въ письмѣ къ Аттику онъ высмѣиваетъ извѣстнаго обладателя нѣсколькихъ милліоновъ и будущаго тріумвира Красса по поводу того, что на одномъ засѣданіи сената послѣдній (имѣя въ виду заговоръ Катилины) «осыпалъ» похвалами консульство Цицерона, употребляя при этомъ такія выраженія: «если я еще сенаторъ, еще гражданинъ, еще живъ, то всѣмъ этимъ я обязанъ Цицерону; всякій разъ, когда я смотрю на свою жену, на свой домъ, на городъ, то я усматриваю въ этомъ подарокъ Цицерона». А послѣдній дѣлаетъ по этому поводу насмѣшливое замѣчаніе: «словомъ, онъ съ особымъ паѳосомъ высказалъ все то, что я имѣю обыкновеніе разукрашивать въ своихъ рѣчахъ на разные лады, о пламени и мечѣ (ты вѣдь знаешь эти дѣлишки)»! Сколько же поправокъ приходится сдѣлать въ виду этого признанія Цицерона въ его рѣчахъ на тему о «Катилинѣ»?

Ясно, конечно, что въ случаѣ торжества революціи дѣло не обошлось бы безъ убійствъ, грабежей и массовыхъ проскрипцій. Однако, ужасающая картина сожженія города и уничтоженія государства, страшныхъ и для бѣдняковъ, очевидно, была нарисована исключительно для того, чтобы отвлечь вниманіе слушателей отъ соціально-экономическаго идейнаго содержанія революціи, которому, несомнѣнно, слишкомъ симпатизировали собравшіяся на форумѣ массы. Это былъ ослѣпительный фейерверкъ реторическихъ фразъ, разсчитанный на то, чтобы вызвать желательное для оратора настроеніе. Болѣе глубокія причины и общія тенденціи движенія остаются при этомъ болѣе или менѣе невыясненными.

Затѣмъ тотъ же наборъ словъ служитъ и для характеристики участниковъ заговора. Эта характеристика составлена по тому же шаблону, какъ и характеристика задуманнаго преступленія. Катилина—бандитъ [108]), подстрекатель рабовъ и подонковъ общества [109]), страшилище и чудовище [110]), язва государства [111]). Вокругъ него сплачиваются враги всѣхъ благонамѣренныхъ людей, враги отечества, лица, которыя, будучи связаны другъ съ другомъ общимъ нечестіемъ и совмѣстными преступленіями и убійствами, готовы, какъ шайка разбойниковъ [112]), наброситься на достояніе спокойныхъ гражданъ во всей Италіи [113]), словомъ подонки общества, достойные осужденія при жизни и вѣчныхъ мукъ по смерти [114]). Всюду Катилина сорганизовалъ разорившихся людей [115]) и такимъ образомъ набралъ шайку преступниковъ [116]), погибшихъ и отчаянныхъ людей [117]), утратившихъ не только счастье, но и всякую надежду [118]). Эти «отбросы общества», которые слѣдуетъ «вычерпать» какъ клоаку [119]). Какое наслажденіе—восклицаетъ,

обращаясь къ нему, консулъ—будешь ты испытывать, какъ ты обрадуешься, какъ ты возликуешь, когда въ огромной толпѣ своихъ товарищей ты не увидишь и не услышишь ни одного порядочнаго человѣка [120])!

Войско Катилины составлено изъ отчаявшихся стариковъ, изъ распутныхъ и обанкротившихся землевладѣльцевъ и крестьянъ [121]). Онъ собралъ вокругъ себя изъ города и отовсюду огромную толпу разорившихся людей; «ни въ Римѣ, ни въ какомъ бы то ни было углу Италіи не найдется ни одного обремененнаго долгами человѣка, котораго онъ не вовлекъ бы въ этотъ неслыханно преступный союзъ» [122]). «Вожделѣнія этихъ мятежниковъ безпредѣльны; дерзость ихъ замысловъ нельзя назвать человѣческой, и она нестерпима. Они помышляютъ лишь объ убійствахъ, пожарахъ и грабежахъ. Они промотали свои состоянія и заложили свои имѣнія. Уже давно они лишились своего имущества, а, въ концѣ концовъ, утратили и всякій кредитъ. Только ихъ жажда наслажденій не ослабѣла по сравненію съ періодомъ изобилія. Если бы только они довольствовались виномъ, игрою въ кости и развратомъ, то это можно было бы терпѣть. Но кто же можетъ спокойно смотрѣть, какъ трусы посягаютъ на храбрыхъ, глупѣйшіе люди на благоразумнѣйшихъ, пьяницы на трезвыхъ, сонные на бодрствующихъ? Люди, на пирахъ возлежащіе въ объятіяхъ распутныхъ женщинъ, опьяненные виномъ, пресыщенные яствами, обвитые вѣнками, пахнущіе мазями, ослабленные развратомъ, грозятъ благонамѣреннымъ смертью, а городу пожаромъ» [123])!

Въ частности же это общество составлено изъ слѣдующихъ элементовъ.

Первый разрядъ состоитъ изъ тѣхъ, которые, будучи сильно обременены долгами, все еще владѣютъ сравнительно большимъ состояніемъ и не удовлетворяютъ своихъ кредиторовъ лишь потому, что не могутъ разстаться со своимъ имуществомъ и втихомолку надѣются на государственное кассированіе долговъ [124]). Ко второму разряду принадлежатъ лица, желающія, чтобы отдѣлаться отъ своихъ долговъ, захватить власть въ государствѣ и надѣющіяся добиться благодаря революціи должностей, на которыя они отнюдь не могутъ разсчитывать при сохраненіи государственнаго порядка [125]). Третій разрядъ образуютъ ветераны колоній, основанныхъ Суллой, которые—вдругъ разбогатѣвъ—благодаря своей надменности и чрезмѣрнымъ расходамъ настолько обременены долгами, что могутъ надѣяться на спасеніе лишь при новыхъ проскрипціяхъ и новой диктатурѣ. Къ нимъ примкнули и нѣкоторые несостоятельные элементы изъ сельскаго населенія, которыхъ они соблазнили, внушивъ имъ подобныя же хищническія стремленія [126]). Четвертый разрядъ отличается крайней пестротой состава. Это люди, которымъ давно уже приходится бороться съ экономическими затрудненіями, изъ которыхъ они никакъ не могутъ выбиться, люди по лѣности или вслѣдствіе плохого веденія дѣлъ или мотовства изнемогающіе подъ бременемъ старыхъ долговъ, люди, которымъ наскучили вызовы въ судъ, присужденія и распродажи ихъ имуществъ съ торговъ, и которые—какъ говорятъ, въ большомъ количествѣ—стекаются въ лагерь Катилины частью изъ города, частью изъ деревень [127]). Пятый разрядъ состоитъ изъ убійцъ, бандитовъ и всевозможныхъ преступныхъ элементовъ [128]); наконецъ, шестой и послѣдній изъ людей «вполнѣ преданныхъ» Катилинѣ, изъ его избранниковъ, ближайшихъ друзей и любимцевъ, изъ по-женски разряженныхъ франтовъ съ раздушенными кудрями и съ модными усиками, вся жизнь которыхъ проходитъ въ ночныхъ попойкахъ. Къ нимъ относятся всѣ игроки, прелюбодѣи, всѣ тѣ, чья жизнь проходитъ въ безнравственныхъ грязныхъ похожденіяхъ и въ развратѣ, «утонченные, щеголоватые парни, умѣющіе не только любить и быть любимыми, танцовать и пѣть, но и владѣть кинжаломъ и приготовлять яды» [129]).

Словомъ, это была шайка, дѣйствія которой относятся скорѣе къ уголовной хроникѣ, чѣмъ къ исторіи [130]). Та оборонительная борьба, которую обществу приходится вести противъ нихъ, сводится къ борьбѣ противъ «недобросовѣстности, негодности, разнузданности и алчности» [131]), противъ «изнѣженности безумія и преступленія» [132]), противъ «разбойниковъ и грабителей» [133]). Въ томъ затруднительномъ экономическомъ положеніи, которое побуждаетъ ихъ къ возмущенію противъ существующаго, виноваты только они сами; оно никоимъ образомъ не обусловлено самимъ общественнымъ организмомъ. Поэтому Цицеронъ не находитъ для всѣхъ этихъ лицъ, находящихся въ затруднительномъ экономическомъ положеніи, иного «лѣкарства», кромѣ совѣта «просто погибнуть», разъ они не въ состояніи уцѣлѣть, и притомъ такъ, чтобы этого не замѣтили ни гражданское общество, ни хотя бы даже ихъ ближайшіе сосѣди»! Вѣдь «непонятно, почему они желаютъ погибнуть позорно, если они не могутъ достойно жить, или почему они думаютъ, что ихъ гибель будетъ менѣе мучительна, если они погибнутъ не одиноко, а совмѣстно со многими другими» [134]).

Итакъ, виновность общества въ наличности возставшей противъ него бѣдноты безусловно отрицается. Поэтому общество имѣетъ право сказать находящемуся въ затруднительномъ положеніи человѣку: «падай, если ты не можешь устоять». При этомъ мысль о томъ, чтобы путемъ положительной соціальной политики, если и не вернуть существующему обществу порвавшихъ съ нимъ подъ вліяніемъ нужды, то хотя бы сдѣлать такъ, чтобы моральная отвѣтственность падала на нихъ, совершенно отходитъ на задній планъ. Вѣдь «исцѣленіе и примиреніе» [135]), проповѣдуемыя Цицерономъ, должны заключаться исключительно въ нравственномъ очищеніи отъ алчности и страстей, безъ которыхъ, по его мнѣнію, вообще не наступило бы разрыва съ государствомъ. Это въ высшей степени односторонняя, поверхностно морализирующая точка зрѣнія, избавляющая отъ труда вникнуть въ сущность бѣдности въ связи съ совокупностью явленій экономической и соціальной жизни и поискать средствъ, ведущихъ къ оказанію помощи.

Такимъ образомъ, ораторъ чрезвычайно облегчаетъ свою задачу, утверждая, что всѣ добропорядочные люди стоятъ на сторонѣ консерваторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ Цицерона, противъ этого «неслыханнаго союза порочныхъ элементовъ» объединились всѣ, сколько-нибудь дорожащіе нравственностью и правомъ. «На нашей сторонѣ—патетически восклицаетъ ораторъ—борется чувство стыдливости, а на ихъ сторонѣ—наглость; у насъ нравственная чистота, у нихъ распутство; у насъ вѣрность, у нихъ фальшь; у насъ богобоязненность, у нихъ нечестіе; у насъ постоянство, у нихъ дерзость; у насъ честность, у нихъ безсовѣстность; у насъ выдержка, у нихъ распущенность; словомъ порядочность, умѣренность, мужество, разсудительность, всѣ добродѣтели борются противъ несправедливости, невоздержанности, трусости, неразумія, противъ всѣхъ пороковъ. Изобиліе противостоитъ нуждѣ, добрый принципъ—злому, здравомысліе—безумію, радужныя надежды—опасному отчаянію. Не должны ли сами безсмертные боги доставить въ подобной борьбѣ побѣду столь возвышеннымъ добродѣтелямъ надъ такою порочностью, въ случаѣ, если бы изнемогли люди» [136])? «За исключеніемъ отверженной шайки твоихъ соучастниковъ»—восклицаетъ Цицеронъ, обращаясь къ Катилинѣ—«въ цѣломъ городѣ не найдется ни одного человѣка, который бы не боялся тебя, ни одного человѣка, которому ты бы не былъ ненавистенъ» [137]). «Если бы мои рабы боялись меня такъ же, какъ тебя боятся всѣ (?) твои сограждане, то я счелъ бы нужнымъ покинуть свой домъ.—Даже если бы я безъ вины навлекъ на себя столь тяжкое подозрѣніе и столь сильную ненависть со

стороны согражданъ, то я предпочелъ бы укрываться отъ ихъ взоровъ, чѣмъ выносить враждебные взгляды всѣхъ. А ты, который, сознавая свои преступленія, долженъ признать справедливость и заслуженность всеобщей ненависти, не желаешь избѣжать взглядовъ тѣхъ, всѣ мысли и чувства которыхъ возмущаются тобой? Ты, котораго ненавидитъ и боится наша общая мать—отечество, и относительно котораго она уже давно пришла къ убѣжденію, что ты замышляешь лишь ея погибель» [138])!.

Это убѣжденіе «отечества» и выражается въ «народной тревогѣ», въ «единодушіи всѣхъ благонамѣренныхъ» [139]). «Римскій народъ» и притомъ «весь народъ, люди, принадлежащіе ко всѣмъ сословіямъ» [140]), рѣшился отстоять высшую власть, выступить на защиту «общихъ» благъ. «Вѣдь въ первый разъ съ основанія города всѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же настроеніемъ (!!)—за исключеніемъ тѣхъ, которые—предвидя неминуемую гибель—предпочли погибнуть вмѣстѣ со всѣми другими, чѣмъ одиноко». Люди, отстаивающіе порядокъ, могутъ «выдвинуть противъ этой отверженной, изнемогшей шайки неудачниковъ цвѣтъ и силы всей Италіи» [141]). Это еще небывалое въ исторіи внутренней политики единодушіе «всѣхъ сословій, всѣхъ людей (!), всего римскаго народа» вызываетъ у оратора гимнъ въ честь соціально-консервативныхъ гражданъ, представлявшійся въ виду дѣйствительнаго характера римскаго общества вопіющимъ лицемѣріемъ, если даже принять въ разсчетъ неизбѣжную въ подобныхъ рѣчахъ фразеологію. Чего только не говорится въ прославленіе сословія всадниковъ, наиболѣе цѣнной, конечно, опоры партіи порядка, главнаго представителя капитала, которому грозила опасность! Эти «высокопочтенные и превосходные люди» [142])—мы выразились бы, этотъ общественный классъ, большая часть котораго является классическимъ воплощеніемъ враждебнаго государству капитализма—превозносятся какъ представители политическаго идеализма и образа мыслей, воистину проникнутаго духомъ государственности! Они соревнуютъ съ служилою знатью «въ любви къ государству» [143]). И этотъ союзъ сулитъ, по мнѣнію оратора, такое счастье, что онъ рѣшается на смѣлое пророчество: пока эти два класса будутъ идти рука-объ-руку, «никогда никакое бѣдствіе не постигнетъ какой-либо части государства» [144])!

Такъ называемые tribuni aerarii, извѣстные финансисты изъ простонародья, и всѣ государственные писаря также проникнуты, какъ утверждаетъ Цицеронъ, стремленіемъ защищать общество отъ угрожающей ему опасности, и притомъ, понятно, лишь въ силу свойственной какъ тѣмъ, такъ и другимъ чистѣйшей преданности общественному благу [145])! Мало того! Къ нимъ примыкаетъ «вся масса свободныхъ лицъ, въ томъ числѣ даже и люди низшаго званія». Вѣдь «развѣ найдется человѣкъ, которому не были бы милы, дороги и сладостны эти храмы, видъ города, обладаніе свободой и даже этотъ дневной свѣтъ и эта общая почва отечества»?—Какъ-будто бы никогда не существовало голода и нищеты, которые могутъ вполнѣ притупить впечатлительность къ большей части этихъ благъ [146]), и даже къ свободѣ, которую авторъ съ такимъ паѳосомъ называетъ «самымъ сладостнымъ» благомъ! И какъ-будто бы обо всѣхъ римлянахъ можно было утверждать, что имъ, какъ говоритъ ораторъ о консервативной партіи, на ряду съ государственными интересами и свободой приходилось отстаивать собственное достояніе! [147]). Но вѣдь тѣ многія тысячи людей, которымъ при переворотѣ нечего было бы терять, просто не существуютъ для этого прикрашиванія дѣйствительности. Зато ораторъ восхваляетъ патріотизмъ вольноотпущенниковъ и даже рабовъ! Онъ полагаетъ, что нѣтъ ни одного несво-

боднаго человѣка, живущаго въ сколько-нибудь выносимыхъ условіяхъ, который не возмущался бы дерзостью мятежныхъ гражданъ, не желалъ бы сохраненія существующаго и не былъ бы готовъ вполнѣ охотно и энергически служить спасительному дѣлу!

Правда, мимоходомъ, упоминаются попытки одного агента Катилины, обходившаго лавки и мастерскія, чтобы смущать бѣдныхъ и неблагоразумныхъ людей обѣщаніемъ денегъ. Однако, по мнѣнію Цицерона, эта агитація, а слѣдовательно, и внушаемая ею тревога, были совершенно безцѣльны. Вѣдь не нашлось ни одного человѣка, котораго несчастье сдѣлало бы настолько жалкимъ, или злая воля настолько испорченнымъ, чтобы онъ поддался этимъ соблазнамъ! Всѣ безъ различія (!) единодушно желали, чтобы тѣ мѣста, гдѣ находились ихъ мастерскія, гдѣ они трудились, занимаясь обычнымъ дѣломъ, гдѣ они почивали, оставались неприкосновенными, словомъ, чтобы спокойный ходъ ихъ жизни не былъ нарушенъ. «Вѣдь—полагаетъ Цицеронъ—всѣ эти люди, пребывающіе въ лавочкахъ и въ мастерскихъ или, точнѣе говоря, всѣ вообще, въ высшей степени любятъ спокойствіе. Сохранность ихъ орудій труда, вся ихъ трудовая дѣятельность и весь ихъ заработокъ зависятъ отъ какъ можно большаго спроса со стороны гражданъ. Они уже достаточно теряютъ, когда (въ неспокойное время) лавки и мастерскія закрываются; что же сталось бы съ ними, если бы лавки и мастерскія были сожжены» [148])!

Картина гармонически заканчивается этимъ успокоительнымъ для робкихъ людей изображеніемъ спокойнаго, консервативнаго въ соціальномъ отношеніи населенія. Рисуя эту картину [149]), Цицеронъ умалчиваетъ о томъ, что у многихъ тысячъ людей вообще не было ни мастерскихъ, ни регулярнаго труда, ни домашней жизни, вслѣдствіе чего они вовсе не были до такой степени живо заинтересованы въ сохраненіи существующаго строя. Въ виду утвержденій Цицерона нельзя не удивляться тому, что соціально-революціонная идея вообще могла найти сторонниковъ среди такого населенія. Если въ самомъ дѣлѣ существовала такая душевная гармонія между всѣми общественными классами, если весь міръ, такъ сказать, былъ увѣренъ въ томъ, что существующій строй превосходенъ или былъ въ высшей степени заинтересованъ [150]) въ сохраненіи этого строя, то не представляется ли загадочнымъ, что—какъ признаетъ въ другомъ мѣстѣ самъ Цицеронъ—«вышеуказанная язва могла до такой степени распространиться въ государствѣ [151]), что угрожавшая опасность чуть не внѣдрилась въ самую сердцевину государства и едва не подточила его жизненныхъ силъ» [152]), и что «зловредныя сѣмена оказались болѣе распространенными, чѣмъ можно было бы предполагать» [153])? Какъ понять въ виду идеальной картины буржуазнаго общества, рисующейся благодаря искусству оратора воображенію слушателей, «ужасную силу пагубнаго зла» [154]), отъ котораго, какъ онъ не нахвалится, ему «удалось избавить своихъ согражданъ»? Какъ понять возникновеніе «съ незапамятныхъ временъ наиболѣе жестокой и тяжкой междоусобной войны», которую онъ побѣдоносно велъ какъ «вождь и императоръ, облаченный въ тогу (платье мирнаго времени)» [155])?

Конечно, ораторъ говоритъ такимъ тономъ лишь въ тѣхъ случахъ, когда ему хочется изобразить какъ можно болѣе яркими красками свою заслугу въ качествѣ спасителя общества. Вообще же господствуетъ самый радужный оптимизмъ. Лагерь Катилины представляетъ собой не что иное, какъ «разбойничій притонъ», съ которымъ можно легко справиться; съ его арміей не стоитъ серьезно считаться. «Намъ не придется даже показывать ей нашего войска въ боевомъ строю; достаточно будетъ показать ему эдиктъ претора, и оно разсѣется въ прахъ» [156]). Это

было хвастовство, которому рѣзко противорѣчитъ геройство сторонниковъ Катилины въ рѣшительномъ сраженіи при Пистойѣ [157]).

А какъ же отражается въ этомъ адвокатскомъ краснорѣчіи положеніе общества уже послѣ побѣды охранителей порядка! Правда, Цицеронъ долженъ признать въ той рѣчи, въ которой онъ снова высказывается по данному вопросу, наличность «многихъ спорныхъ пунктовъ», относительно которыхъ «демагогическая алчность» безпрестанно «расходилась съ благоразумной осмотрительностью благородныхъ», да и самъ онъ какъ-разъ собирался вновь возбудить споръ изъ-за аграрнаго закона Цезаря. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заговора Катилины (въ 56 г.) онъ смѣло утверждаетъ, что теперь установилась полная гармонія между знатью и простолюдинами! Теперь уже нѣтъ ничего такого, что могло бы вызвать раздоръ между массой и отборными элементами. Народъ уже не предъявляетъ никакихъ требованій (!), онъ не стремится къ нововведеніямъ, но мирно благоденствуетъ и наслаждается тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуются всѣ благонамѣренные, и славой государства [158]). Словомъ—можно было бы прибавить,—произошло какъ бы чудесное превращеніе плебея въ оптимата!

При такомъ положеніи дѣлъ, когда требовалось вспомоществованіе изъ государственныхъ средствъ для сотенъ тысячъ людей, когда отчаявшаяся бѣднота нерѣдко продавала себя за содержаніе и плату на арену, и свободные люди, чтобы не умереть съ голоду, подписывали ужасный контрактъ, обязывавшій ихъ «безпрекословно давать сковывать, сѣчь, жечь или умерщвлять себя, если того потребуютъ законы заведенія», при такомъ положеніи дѣлъ, при наличности ужасающей столичной нищеты, адвокатъ знати и богачей считаетъ возможнымъ убѣждать себя или скорѣе другихъ въ томъ, что «теперь уже нельзя взбудоражить народъ никакими обѣщаніями матеріальныхъ выгодъ, и послѣ столь тяжкихъ внутреннихъ конфликтовъ онъ желаетъ спокойствія, во что бы то ни стало, а потому подстрекателямъ и зачинщикамъ безпорядковъ остается лишь набирать себѣ сторонниковъ, платя имъ, и наполнять народныя собранія продажными людьми» [159]). «Теперь, если я не ошибаюсь, народъ настроенъ такимъ образомъ, что, если удалить шайки наемниковъ, то по всей вѣроятности у всѣхъ окажутся одинаковые взгляды на задачи государства» [160]). Эта соціальная гармонія чрезвычайно напоминаетъ то единодушіе въ опредѣленіи государственныхъ цѣлей, до котораго Платонъ считаетъ возможнымъ довести путемъ соотвѣтственнаго воспитанія въ своемъ государствѣ различные общественные классы. Въ Римѣ, въ эпоху Цицерона, это достигается само собой! И при этомъ тотъ же самый Цицеронъ остритъ по поводу честнаго доктринера Катона, замѣчая, что послѣдній говоритъ такъ, какъ-будто дѣло шло о голосованіи въ платоновомъ идеальномъ государствѣ, а не среди отбросовъ города Рима [161]).

Сплошной обманъ! Такимъ языкомъ говорилъ борецъ за интересы консерваторовъ въ то самое время, когда гнилое зданіе аристократическаго режима уже готово было рушиться, когда дѣйствительная жизнь повсюду, въ столицѣ, въ деревняхъ и въ провинціяхъ прямо-таки вопіяла о соціальномъ, экономическомъ и политическомъ обновленіи, и уже почти-что непосредственно предстояло уничтоженіе существующаго строя цезаризмомъ и его пролетарскими войсками!

Подобное политическое лицемѣріе врядъ ли можетъ быть превзойдено. И хотя въ этихъ рѣчахъ иное можно объяснить политическою близорукостью или сильно развитою способностью впадать въ иллюзіи, которымъ такъ легко могутъ предаваться сытые общественные элементы, все же всюду явственно сказывается

сознательно старающійся пускать пыль въ глаза риторъ. Тотчасъ видно, что «на сценѣ стоитъ Росцій» [162]), да вѣдь и самъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи съ тою же циническою откровенностью, которую мы уже отмѣтили у него, острить надъ этими чисто-поверхностными риторическими прикрасами. Какъ будто бы еще нужна была иронія автора надъ самимъ собой, чтобы дать читателю понять, до какой степени этотъ блестящій слогъ не сочетается съ уваженіемъ предъ фактами [163]).

«Благіе боги—замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Аттику,—какой гордый видъ я принялъ. У меня, какъ никогда, сами собой нанизывались періоды и красивые обороты, контрасты и антитезы. Словомъ: восторженное одобреніе! Моя тема была: достойный образъ дѣйствій сословія сенаторовъ, согласіе между ними и сословіемъ всадниковъ, единодушіе Италіи, уничтоженіе послѣднихъ остатковъ заговора, дешевизна и спокойствіе. Ты знаешь, *какіе* громы я мечу, когда завариваю объ этихъ вещахъ. Они гремѣли такъ сильно, что я тѣмъ короче упоминаю объ этомъ, что, надо полагать, эти громы донеслись и до васъ» (!!) [164]). Самъ надъ собой смѣется, не отдавая себѣ въ этомъ отчета! Онъ считаетъ возможнымъ пользоваться высшими интересами государства какъ предлогомъ для расхваливанія своей особы! Даже въ (не дошедшемъ до насъ) историческомъ повѣствованіи о своемъ консульствѣ онъ имѣлъ въ виду эту чисто-личную цѣль и удовлетвореніе риторической потребности. «Въ своей книгѣ—пишетъ онъ Аттику—я использовалъ всю аптеку Исократа, всѣ баночки его учениковъ, а отчасти и аристотелевскія косметическія средства. Греческая нація остолбенѣла отъ изумленія» [165]). И при всемъ томъ онъ еще находитъ у себя особое призваніе къ исторіографіи!

Таковы тѣ свидѣтели, показаніями которыхъ намъ болѣе всего приходится пользоваться для исторіи соціальныхъ идей! И до какой степени они не выдерживаютъ критической провѣрки! Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ особенно наглядно обнаруживается, до какой степени картина исторической жизни затемнена и искажена партійными симпатіями и антипатіями.

ГЛАВА IV.

Пробужденіе соціальнаго самосознанія среди бѣдноты.

Если бы кто-нибудь пожелалъ написать исторію соціально-революціоннаго движенія въ Римѣ на основаніи охарактеризованной выше литературы, то эта исторія почти цѣликомъ имѣла бы видъ главы изъ исторіи безумія и преступленія. Дѣятели этого движенія сплошь оказывались бы представителями злого начала въ обществѣ, а такое трактованіе никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. И, не заходя такъ далеко, какъ нѣкоторые публицисты новаго времени, усматривающіе, напр., «въ столь оклеветанныхъ сторонникахъ Катилины лучшія силы Рима», «склонныя къ соціальной дѣятельности натуры изо всѣхъ лагерей» [1]), все же на основаніи анализа главныхъ источниковъ нельзя не признать, что сужденіе, выражающееся въ тенденціозной традиціи, требуетъ существенныхъ поправокъ и дополненій. Самъ собой напрашивается выводъ, что въ соціально-историческомъ отношеніи, поскольку дѣло идетъ о послѣднемъ вѣкѣ

республиканскаго періода, намъ предстоитъ задача, представляющая нѣкоторое сходство съ той, за разрѣшеніе которой взялась нибуровская критика, поскольку дѣло шло о древнѣйшемъ періодѣ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ тщательно удалена та замазка, возникшая въ данномъ случаѣ благодаря предразсудкамъ и интересамъ классовъ и партій, а также и риторическому разукрашиванію, и скрывающая отъ нашихъ взоровъ подлинное изображеніе дѣйствительности, вообще невозможно сдѣлать ни одного шага, ведущаго къ болѣе отчетливому и болѣе правильному изученію соціальнаго движенія. Сперва мы должны вполнѣ выяснить себѣ, что эта литература, оказавшая рѣшающее вліяніе на сужденія, высказываемыя въ болѣе позднюю эпоху, отнюдь не могла надлежащимъ образомъ трактовать исторію соціальныхъ идей, и мы должны отдать себѣ отчетъ въ причинахъ этой невозможности. Тогда разсѣятся и иллюзіи, содержащіяся въ господствующихъ взглядахъ на отношеніе римскаго міра къ великимъ соціальнымъ проблемамъ, и мы не сдѣлаемъ перешедшаго и въ новѣйшую исторію соціализма ложнаго вывода, безъ дальнихъ околичностей отрицающаго историческую реальность того, что не существовало для вышеупомянутой литературы.

Изслѣдователь, поддающійся впечатлѣнію, производимому достигшей господства въ сохранившейся римской литературѣ манерой изложенія, и не считающій нужнымъ искать слѣдовъ подлинной дѣйствительности, которые, вѣдь, не совсѣмъ отсутствуютъ, попадаетъ на ложный путь. Наглядньмъ примѣромъ этого могутъ служить разсужденія одного выдающагося знатока и изслѣдователя римскаго права относительно идеи свободы и равенства у римскаго народа, у котораго мы, по его мнѣнію, можемъ выучиться тому, «какъ отличающійся твердымъ характеромъ и политически зрѣлый народъ понимаетъ эти идеи, и какіе плоды онѣ у него приносятъ» [2]).

По мнѣнію Іеринга, римское равенство идетъ рука-объ-руку съ истинною свободою, а слѣдовательно, и съ историческою тенденціей къ выработкѣ неравенствъ. Оно можетъ быть даже разсматриваемо какъ эманація самой свободы. «Въ Римѣ должно свободно развиваться все, обладающее жизненной силой; римское равенство означаетъ, что одна сила не должна искусственно, благодаря закону, оказываться въ привилегированномъ положеніи въ ущербъ другимъ». Неравенство результата, представляющее собой естественное слѣдствіе различія силъ, или же обусловливаемое цѣлями государства, не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго для римлянъ. Неравенство житейской обстановки, ранга, сословія, почета, политическаго вліянія, имущественное и т. д. никогда не представлялось имъ нарушеніемъ республиканскаго принципа. «Римляне охотно оказывали почтеніе этимъ преимуществамъ; у нихъ не было ни слѣда (!) ненависти къ собственникамъ, этого темнаго пятна нынѣшняго времени». Однимъ словомъ—можемъ мы прибавить—этотъ счастливый Римъ въ самомъ дѣлѣ осуществилъ идеалъ соціальнаго мира, въ наличности котораго нѣкогда увѣрялъ своихъ согражданъ, прибѣгая при этомъ къ риторическимъ ухищреніямъ, Цицеронъ!

Въ самомъ дѣлѣ, это воззрѣніе очевидно навѣяно Цицерономъ. Исходнымъ пунктомъ всего разсужденія служатъ положенія Цицеронова ученія объ обязанностяхъ, относящіяся къ осуществленію юридическаго равенства между высшими и низшими въ римскомъ правѣ [3]). Съ чисто-цицероновскимъ оптимизмомъ Іерингъ утверждаетъ, что соціально-психологическимъ результатомъ этого равенства предъ закономъ было то, что «у римлянъ чувство политическаго равенства было чувство вполнѣ здоровое». Какъ-будто у народовъ съ развитой

культурой когда-либо было достаточно этого формальнаго равенства для того, чтобы въ зародышѣ заглушить всякое озлобленіе, вызываемое рѣзкимъ соціальнымъ неравенствомъ! И что же могло совершить это чудо въ Римѣ, несмотря на то, что именно тамъ господствующіе классы умѣли создавать всевозможныя препятствія для полнаго осуществленія этого формальнаго равенства? Отвѣтъ характеренъ. Онъ свидѣтельствуетъ о кульминаціонномъ пунктѣ оптимизма, который врядъ ли можетъ быть превзойденъ.

Именно Іерингъ усматриваетъ доказательство правильности того взгляда, согласно которому въ Римѣ невѣдома была классовая ненависть къ собственникамъ, въ томъ, что тамъ соціальныя и экономическія различія представляли собой «естественный продуктъ свободнаго развитія». Вѣдь «тамъ, гдѣ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, въ этихъ различіяхъ нѣтъ ничего вызывающаго ненависть (?!). Они могутъ представляться ненавистными лишь тамъ, гдѣ они вызываются или охраняются искусственными средствами, т.-е. привилегіями [4]), и гдѣ, слѣдовательно, преобладаніе одного достигается путемъ устанавливаемой закономъ приниженности другого». Лишь тамъ «само по себѣ вполнѣ законное чувство равенства можетъ, будучи раздражено оказываемымъ ему пренебреженіемъ, превратиться въ ненависть и озлобленіе противъ собственниковъ, и призрачная идея ложнаго и нелѣпаго равенства можетъ распространиться среди массъ» [5]).

Эта аргументація до такой степени идетъ въ разрѣзъ со всѣми фактами, что она могла бы войти въ какую-нибудь изъ политическихъ рѣчей Цицерона! Развѣ имущественныя различія хотя бы, напр., въ демократическихъ государствахъ греческаго міра и въ правовомъ государствѣ новаго времени не представляютъ собой въ такой же степени «естественный продуктъ свободнаго развитія», какъ это было въ Римѣ, и не развились ли именно въ нихъ тѣ «сумасбродное увлеченіе равенствомъ» и «фанатическое стремленіе къ уравненію», отъ которыхъ, какъ утверждаетъ Іерингъ, древній Римъ былъ до такой степени совершенно избавленъ благодаря той же самой «естественной» эволюціи? Какую же форму принялъ, по его мнѣнію, этотъ естественный процессъ въ Римѣ? Онъ былъ до-нельзя гибеленъ! Самъ Іерингъ признаетъ въ одномъ мѣстѣ вышеуказаннаго сочиненія «неудовлетворительность системы распредѣленія благъ и концентрацію имуществъ прямо-таки смертоноснымъ зародышемъ, вызвавшимъ гибель римскаго общества». Вѣдь въ Римѣ, благодаря своеобразнымъ отношеніямъ, тенденція къ накопленію богатства необычайно усилилась, и, наоборотъ, отливъ его къ обѣднѣвшимъ элементамъ былъ въ высшей степени затрудненъ. «Нигдѣ богачъ не становился такъ легко милліонеромъ, а несостоятельный человѣкъ—нищимъ, какъ въ Римѣ. Нигдѣ не было такъ трудно удержаться на узкомъ рубежѣ между этими двумя крайностями: одинъ шагъ въ ту или другую сторону, и нужда или избытокъ росли подобно лавинѣ» [6]). И несмотря на все это, капитализмъ въ Римѣ не заключалъ въ себѣ ничего такого, что дѣлало бы его ненавистнымъ! Трудно вѣрить своимъ глазамъ, читая подобныя утвержденія и мысленно воспроизводя исторію развитія этого капитализма!

Тѣмъ не менѣе, убѣжденіе въ здоровомъ соціально-консервативномъ настроеніи римлянъ, повидимому, все еще очень распространено. Та роль, которую въ «Духѣ римскаго права» играетъ «здоровое чувство политическаго равенства», выпадаетъ въ новѣйшей исторіи соціализма на долю «трезваго практическаго смысла» римлянина, будто бы всегда внушавшаго послѣднему лишь такіе проекты государственныхъ и общественныхъ реформъ, при которыхъ «принимались въ разсчетъ существующее и человѣческая природа» [7]).—Какъ-будто бы всѣ тѣ, которые въ

римскомъ мірѣ сомнѣвались въ совершенствѣ государственнаго и общественнаго строя, и въ самомъ дѣлѣ высказались въ дошедшей до насъ литературѣ, и какъ-будто бы существовалъ полный реестръ соціальныхъ идей римскаго народа, лишь на основаніи котораго подобное утвержденіе было бы возможно! Ни одинъ изъ сотенъ тысячъ римскихъ пролетаріевъ не имѣлъ случая непосредственно сообщить потомству свои соціально-экономическія желанія и мечты. Несмотря на это, авторъ новѣйшей исторіи соціализма вполнѣ увѣренъ въ томъ, что они, въ противоположность грекамъ, были благодаря ихъ «трезвому практическому смыслу» и ихъ «рѣзко выраженному частно-хозяйственному духу стяжанія, по существу дѣла предохранены отъ какого бы то ни было увлеченія коммунистическими идеалами» [8]!

Впрочемъ, вся эта концепція оказывается небылицей не только при ознакомленіи съ традиціей, но уже и въ силу общихъ психологическихъ основаній. Вѣдь развѣ можно серьезно до такой степени не критически и шаблонно предполагать, какъ это дѣлается въ данномъ случаѣ, у цѣлаго великаго культурнаго народа столь цѣлостное, общее всѣмъ его элементамъ психическое настроеніе?

И развѣ можно представить себѣ, чтобы у такого народа и подъ давленіемъ роковыхъ историческихъ перемѣнъ, потрясшихъ весь народный организмъ и вызывавшихъ его разложеніе, этотъ цѣлостный основной характеръ до такой степени оставался неизмѣннымъ, чтобы можно было безъ дальнихъ околичностей утверждать, что то или иное направленіе мышленія и эмоцій было здѣсь невозможно [9]). Какъ-будто бы психическія побужденія и мотивы, играющіе роль въ жизни народа, представляютъ собой неизмѣнныя силы природы, и какъ-будто бы психическая жизнь народа съ развитой культурой, въ которой вѣдь всегда дѣйствуютъ, на ряду другъ съ другомъ и другъ противъ друга, весьма разнородныя тенденціи, представляетъ собой нѣчто до такой степени простое, чтобы ея развитіе можно было подвести подъ механическія формулы!

Какое бы значеніе ни придавалось тому, что обозначалось выраженіями «зависимость народной жизни отъ почвы» или «народный духъ» [10]), все же при психологическомъ трактованіи исторической жизни всегда необходимо, кромѣ этой почвенности или природнаго характера, принимать въ разсчетъ еще и тотъ фактъ, что, при смѣнѣ поколѣній и измѣненіи условій, народная психика переживаетъ процессъ непрерывнаго обновленія. При этой вѣчной смѣнѣ разложенія и регенераціи психическій типъ, духовная индивидуальность народа или его отдѣльныхъ группъ можетъ подвергаться существеннымъ измѣненіямъ, такъ что, высказывая сужденіе о народномъ типѣ, прежде всего не слѣдуетъ полагать при этомъ въ основу дальнѣйшихъ выводовъ слишкомъ короткій рядъ стадій развитія или произвольно выбранную эпоху. Эта ошибка чрезвычайно характерна для той формалистической концепціи, противъ которой направлены мои возраженія.

Именно въ области общественныхъ отношеній и въ сферѣ народнаго хозяйства вышеупомянутое психическое настроеніе находится въ зависимости отъ измѣнчивыхъ предпосылокъ. Вѣдь въ высшей степени важно, какого рода взаимоотношенія существуютъ между отдѣльными элементами и группами народа. Разъ эти отношенія перестаютъ быть устойчивыми или измѣняются, разъ въ жизненныхъ процессахъ, совершающихся въ экономическомъ и соціальномъ организмѣ, наступаетъ сильное разстройство или измѣненіе ихъ характера, то измѣняются и формы взаимной психической реакціи. Далѣе, развѣ то, что, быть-можетъ, вѣрно по отношенію къ массовой психикѣ, оказывается непосредственно примѣнимымъ и къ отдѣльному индивидууму? Не означаетъ ли исторія развитія культурныхъ народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все прогрессирующаго дифференцированія, все возрастающей индиви-

дуальной самодѣятельности и самостоятельности, чрезвычайно усиливающихъ не поддающійся учету факторъ въ психической жизни націи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по существу дѣла исключающихъ возможность психологической характеристики, претендующей на общеобязательность. На подобное притязаніе можно было бы возразить простымъ вопросомъ Апулея: когда же среди всѣхъ народовъ не являлось разнообразныхъ характеровъ [11])? Развѣ—спрашиваетъ одинъ новѣйшій соціологъ—историческій потокъ гдѣ-либо вытекаетъ изъ единаго источника?

Къ тому же даже и элементы, выработавшіе опредѣленный народный духъ, отнюдь не остаются этнологически тожественными, но, напротивъ того, въ народный организмъ приливаетъ много посторонней крови, ассимиляція которой не всегда проходитъ безслѣдно для общаго склада психики [12]). «Въ разныя время наименованіе какого-нибудь народа прилагается къ различнымъ субстратамъ» [13]). Уже вслѣдствіе этого нельзя признать вполнѣ правильнымъ мнѣніе, согласно которому «народъ творитъ свою исторію исключительно въ силу своего природнаго характера» [14]).

Но гдѣ же эти измѣненія отличались большею интенсивностью, чѣмъ въ Римѣ? Изъ древней крестьянской республики на основѣ широкихъ интернаціональныхъ сношеній развился большой и міровой городъ, который уже Цицеронъ называетъ общиной, составившейся изъ соединенія народовъ [15]), и который представлялся другимъ «сборнымъ мѣстомъ вселенной» [16]), «всемірнымъ постоялымъ дворомъ» [17]), «компендіемъ міра» [18])! Уже Луканъ находитъ—конечно, поэтически преувеличивая,—что Римъ населенъ не собственными гражданами, а отбросами вселенной [19]). А Сенека говоритъ, что массы людей, «для которыхъ едва достаточны были дома безпредѣльно-громаднаго города», состояли, главнымъ образомъ, изъ пришлыхъ элементовъ, изъ людей, «стекавшихся со всѣхъ концовъ земли» [20]). Развѣ могъ старинный римскій народный типъ сохраниться на этой почвѣ во всемъ своемъ своеобразіи? Неужели массы, «какъ рѣки въ океанъ» [21]) стекавшіяся въ Римъ со всей Италіи, чтобы добиться проведенія аграрнаго закона Тиберія Гракха,—и plebs urbana, господствовавшая на форумѣ въ послѣднемъ вѣкѣ республиканскаго періода [22]), представляютъ тотъ же самый народный типъ, какъ старинная plebs rustica, нѣкогда имѣвшая рѣшающее значеніе на форумѣ?

Эти огромныя перемѣны въ народной жизни всего нагляднѣе характеризуются описаніемъ становившихся все болѣе и болѣе необузданными римскихъ народныхъ собраній, даннымъ Цицерономъ. Они—говоритъ онъ—вполнѣ приняли характеръ, свойственный греческимъ народнымъ собраніямъ. Демагоги говорятъ «какъ греки, обращающіеся къ грекамъ» [23]).

И притомъ какая противоположность между старымъ крестьянскимъ Римомъ и духовной атмосферой мірового города, между аристократически-крестьянскимъ консерватизмомъ старинныхъ римлянъ и тѣмъ революціоннымъ настроеніемъ, которое мы констатируемъ въ проникнутой раціонализмомъ и разлагающей критикой духовной жизни большого города [24]). И какъ рано этотъ свойственный большому городу духъ началъ проявлять нивелирующую тенденцію, какъ сильно онъ—уже на рубежѣ третьяго и второго вѣковъ—способствовалъ все большему и большему растворенію специфически римскихъ чертъ «въ понятіи всеобщей цивилизаціи» благодаря усвоенію множества иноземныхъ, въ особенности же греческихъ, элементовъ культуры. Какія измѣненія наступили въ ту эпоху, въ которую радикализмъ и скептицизмъ философа аѳинской сцены, вертопрашество аѳинской комедіи, соціальный утопизмъ «священной хроники» Эвгемера и теорія

капиталистическаго плантаторскаго хозяйства, формулированная семитомъ Магономъ, стали доступны римской публикѣ въ систематическихъ переводахъ или подражаніяхъ! И чего только не дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ римскіе, такъ и все болѣе и болѣе массами стекавшіеся въ Римъ греческіе литераторы для того, чтобы «пріобщить Италію къ духовному кругозору Эллады» [25]).

Почему же этимъ путемъ въ мысли и чувства римскаго общества не могли проникнуть и нѣкоторые элементы греческой соціальной критики и греческаго соціальнаго радикализма? Вѣдь, какъ мы увидимъ, римляне, несмотря на ихъ «практическую трезвость» [26]), охотно поддавались обаянію греческой соціальной романтики. Не нашла развѣ именно въ Римѣ самаго широкаго распространенія наиболѣе грандіозная революціонная идеологія, христіанство, съ его фантастическими хиліастическими разрушительными идеями? И притомъ не стараются ли упрочиться въ Римѣ наиболѣе радикальные элементы новаго духовнаго теченія, «сектанты», и не достигаютъ ли они въ самомъ дѣлѣ значительныхъ успѣховъ? Конечно, это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о повысившейся интенсивности духовной и душевной жизни пестраго столичнаго населенія.

Характеристика духа римскаго народа въ книгѣ о духѣ римскаго права весьма напоминаетъ изображеніе умѣренности партій въ римской сословной борьбѣ у одного древняго греческаго поклонника Рима. Онъ исходитъ изъ того безспорно правильно подмѣченнаго имъ факта, что борьба сословій въ Римѣ не могла быть сравниваема съ безпощадными конфликтами между греческими олигархами и демократами, такъ какъ древніе плебеи никогда не помышляли объ экспропріаціи и умерщвленіи аристократіи, а послѣдняя не имѣла въ виду добиться спокойствія систематическимъ истребленіемъ плебеевъ [27]). Но Діонисій Галикарнасскій доходитъ до смѣлаго утвержденія, что, подобно тому какъ въ добропорядочной семьѣ братъ съ братомъ и дѣти съ родителями улаживаютъ свои разногласія относительно взаимныхъ правъ путемъ спокойныхъ объясненій, такъ поступали тогда партіи и въ Римѣ, никогда не прибѣгая къ злодѣйскимъ нечестивымъ поступкамъ по отношенію къ противникамъ [28]). Это было блистательное обнаруженіе пресловутыхъ основныхъ римскихъ добродѣтелей, свойственныхъ древней римской дисциплинѣ: древней и трезвой доблести (vetus et sobria virtus), разсудительности (sapientia), сочетавшейся съ твердостью (fortitudo), благочестія и достоинства (pietas et gravitas) [29]), входящихъ въ инвентарь патріотической риторики и безпрестанно дающихъ поводъ къ національному самовосхваленію, вплоть до сочиненія о моисеевомъ и римскомъ правѣ, еще и въ позднѣйшую эпоху прославлявшаго римскій народъ какъ образецъ соблюдающей во всемъ мѣру разсудительности и любви къ спокойствію (gens modesta et tranquilla) [30]).

Правда, въ Римѣ было нѣкогда такое время, а именно счастливая эпоха отъ прекращенія сословной борьбы до войны съ Ганнибаломъ, когда взаимное отношеніе между слоями населенія, игравшими главную роль въ политикѣ, въ общемъ было удовлетворительно, и внутренняя жизнь республики была проникнута духомъ благоразумнаго соблюденія мѣры и извѣстной практической трезвостью. Однако, это духовное настроеніе тогдашняго общества отнюдь не вытекало изъ наличности неизмѣннаго психическаго типа, будто бы свойственнаго римскому народу какъ таковому при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Наоборотъ, оно по существу дѣла находилось въ связи со своеобразными экономическими, соціальными и политическими отношеніями, характерными для старинной республики. Если въ эту эпоху существовало здоровое чувство равенства, то вѣдь это объясняется здоровымъ равновѣсіемъ, еще существовавшимъ тогда въ римскомъ обществѣ между сравни-

тельно крупными, средними и мелкими собственниками и тѣмъ вліяніемъ, которое среднее сословіе могло оказывать на ходъ общественной жизни.

Пусть данныя, сообщаемыя объ экономическомъ положеніи такихъ дѣятелей, какъ Курій Дентатъ и Атилій Регулъ, или такихъ родовъ, какъ Валеріи, Порціи, Эліи, отчасти весьма проблематичны, все же изъ нихъ явствуетъ, что тогда правящіе круги еще далеко не были до такой степени, какъ впослѣдствіи, отдѣлены отъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ глубокой пропастью. Въ рядахъ знати числились люди, носившіе прославленнѣйшія имена, которыхъ простой мужикъ-сельскій хозяинъ могъ считать своей ровней, и которые были весьма близки къ нему по своимъ мыслямъ и чувствамъ. «Когда наши предки—пишетъ Катонъ—хотѣли похвалить почтеннаго человѣка, они называли его настоящимъ сельскимъ хозяиномъ, настоящимъ земледѣльцемъ. Подобная похвала высоко цѣнилась». Такая точка зрѣнія могла лишь способствовать укрѣпленію того здороваго, основаннаго на авторитетѣ и довѣріи отношенія, которое и безъ того связывало крестьянское сословіе съ сенаторскими фамиліями, къ юридически-компетентнымъ членамъ которыхъ оно привыкло обращаться за совѣтомъ при отстаиваніи своихъ домашнихъ интересовъ, изъ которыхъ оно избирало своихъ военачальниковъ и полководцевъ, водившихъ легіоны хлѣбопашцевъ къ побѣдѣ, славѣ и пріобрѣтеніямъ. Вѣдь—и это въ значительной степени обусловливало воздѣйствіе, оказываемое подобными патріархальными и военными отношеніями на политику крестьянства—это руководство служило, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его экономическимъ интересамъ благодаря правительственной системѣ, признававшей сохраненіе и экономическое и политическое усиленіе свободнаго крестьянства соотвѣтствующими государственнымъ интересамъ. Благодаря этой правительственной системѣ для plebs rustica оказывалось возможнымъ пріобрѣтать при каждой новой войнѣ новыя поля и земли.

И слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое значеніе имѣло то обстоятельство, что это сплошь консервативное, крѣпко державшееся за землю крестьянство—при тогдашнемъ политическомъ безсиліи городского населенія—безусловно господствовало на форумѣ! Поразительно, что, поскольку дѣло идетъ о *такой* эпохѣ, не упоминается ни о какихъ рѣзкихъ классовыхъ противоположностяхъ, ни о сравнительно глубокихъ классовыхъ конфликтахъ, ни о нападкахъ на существующій общественный строй. Признанное положеніе деревенскаго простонародья въ качествѣ крупной и самостоятельной соціальной группы, оказывавшей сильное вліяніе на государственную жизнь, чувство силы и самоудовлетворенности при солидномъ и обезпеченномъ экономическомъ положеніи должны были вызывать у этого древне-римскаго крестьянства гордое сознаніе собственнаго значенія, самоувѣренность, въ самомъ дѣлѣ болѣе всего далекую отъ соціальнаго пессимизма, при наличности котораго люди стыдятся своего труда и общественнаго положенія, будучи одолѣваемы завистью и ненавистью къ лицамъ, занимающимъ болѣе высокое положеніе, и болѣе всего желаютъ занять ихъ мѣсто. Этому подлинному и неподдѣльному крестьянству еще совершенно чужда была мысль о томъ, чтобы бросить соху и жить праздно. Даже чувствуя себя обремененнымъ, оно отнюдь не обобщало своихъ жалобъ; его недовольство не было направлено противъ государства и общества какъ *таковыхъ*. Въ немъ вполнѣ сказывалась связь земледѣльца съ землей; оно крѣпко держалось за тѣ привычныя формы, въ которыя укладывалось его существованіе, сохраняя какъ свою историческую обособленность, такъ и уваженіе къ особенностямъ другихъ политическихъ и соціальныхъ факторовъ, на ряду съ нимъ господствовавшихъ въ народной жизни, къ традиціи, къ естественному историческому расчлененію народа, вполнѣ соотвѣтствовавшему его

собственнымъ сословнымъ чувствамъ. «Земледѣльческій трудъ прикрѣпляетъ человѣка къ землѣ, въ которую онъ закапываетъ свою подвижность; урождающіяся вокругъ него жатвы суживаютъ его кругозоръ» [31]). Развѣ можно безъ дальнихъ околичностей отожествлять мышленіе и чувства этихъ людей съ мышленіемъ и чувствами ихъ праздныхъ потомковъ пролетаріевъ на томъ лишь основаніи, что какъ тѣ, такъ и другіе были римлянами?

Тѣмъ не менѣе, было бы весьма ошибочно предполагать, что даже и этотъ крестьянинъ-республиканецъ добраго стараго времени вполнѣ соотвѣтствовалъ шаблонному типу римлянина. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло объ его классовыхъ интересахъ, или когда онъ поддавался искушенію воспользоваться своимъ политическимъ преобладаніемъ на форумѣ для того, чтобы отдѣлаться отъ невыгодныхъ для него тенденцій народнаго хозяйства, его консерватизмъ не мѣшалъ ему—достаточно напомнить уходъ плебеевъ въ 286 г.!—иной разъ отстаивать свои желанія посредствомъ обращенія къ революціонной силѣ. Его консерватизмъ не мѣшалъ ему добиваться отъ общества удовлетворенія такихъ требованій, въ которыхъ обнаруживается очень мало слѣдовъ «практической трезвости» римлянина, его въ «экономическомъ отношеніи столь здраваго смысла [32]), его мнимой привычки «мыслить лишь конкретно» [33]), не говоря о той чертѣ римскаго характера, благодаря которой «государство было дороже всего на свѣтѣ, и мысль о расширеніи государства оказывалась единственною не возбранявшеюся высокою идеей» [34]).

Конечно, крестьянинъ руководился совершенно правильнымъ соціальнымъ инстинктомъ, уже тогда предчувствуя опасности, угрожавшія ему со стороны росшаго на ряду съ нимъ и надъ нимъ капитализма. Но если онъ считалъ возможнымъ устранить эту опасность или давленіе временной нужды путемъ пониженія допускаемыхъ закономъ процентовъ ниже нормальнаго уровня и, когда это не помогало, путемъ полнаго воспрещенія взиманія процентовъ [35]), то онъ лишь доказывалъ этимъ, что его эгоистическій крестьянскій партикуляризмъ, ограниченность крестьянскаго кругозора и вытекавшее изъ этой ограниченности ослѣпленіе непонятыми ходячими лозунгами, были у него сильнѣе, чѣмъ вышеупомянутое римское здравое пониманіе экономически-правильнаго и возможнаго. Въ этой борьбѣ противъ капитала онъ оказывается такимъ же фантазеромъ, у котораго не сохранялось ни слѣда природной остроты ума и «здороваго реализма», какъ если бы онъ придумывалъ наиболѣе отвлеченные планы улучшить міръ. Неужели же наивная увѣренность въ томъ, что можно по произволу фиксировать цѣну денегъ, и идея дарового кредита также принадлежатъ къ кругу мыслей, «принимающихъ въ разсчетъ существующее и человѣческую природу»? Не оказывается-ли, наоборотъ,—особенно при наличности столь развитаго народнаго хозяйства, какъ тогдашнее—это порожденіе неяснаго крестьянскаго радикализма [36]), настолько же утопическимъ, какъ и идеалы коммунизма и соціализма [37])?

Если уже старинная plebs rustica была способна на такія политико-экономическія странности въ борьбѣ противъ еще только развивавшагося капитализма, то какъ же должно было повліять на народную психику достигнутое капитализмомъ въ болѣе позднюю эпоху всемогущество въ народномъ хозяйствѣ, въ государствѣ и въ обществѣ: чудовищное плутократическое вырожденіе высшихъ классовъ и безнадежный упадокъ значительной части стараго крестьянства, подтачивавшій, по мѣрѣ своего распространенія, соціальное положеніе крестьянина, прямо-таки уничтожавшій его своеобразіе въ качествѣ консервативнѣйшаго элемента въ государствѣ?

До извѣстной степени и къ этому періоду упадка римской республики при-

мѣнимо замѣчаніе, сдѣланное относительно исторіи развитія соціализма новаго времени. «Было бы странно, если бы столь грандіозный переворотъ въ экономической и соціальной сферѣ не отразился вслѣдъ за тѣмъ и въ умахъ мыслящихъ людей. Было бы изумительно, если бы за этимъ переворотомъ въ сферѣ соціальныхъ объектовъ не послѣдовало и переворота въ соціальномъ мышленіи, въ соціальныхъ знаніяхъ и вѣрованіяхъ» [38]). Даже если бы объ этомъ не сохранилось извѣстій, мы непремѣнно должны были бы предположить, что рука-объ-руку съ вышеупомянутыми переворотами въ жизни шли принципіальныя измѣненія въ сферѣ соціальнаго мышленія.

Какія чувства могъ питать ставшій жертвою экономическаго переворота крестьянинъ по отношенію къ важнымъ господамъ и къ богатымъ спекулянтамъ, выбившимъ его изъ прежней колеи и разорившимъ его! Могъ ли этотъ, оторванный отъ привычнаго круга старинныхъ сословныхъ традицій, бездомный и безпріютный человѣкъ, обратившійся изъ важнаго соціальнаго фактора въ соціальное ничтожество, сохранять то же самое здоровое чувство равенства, какъ и крестьянинъ, гражданское существованіе котораго опиралось на такіе устои, какъ прочное владѣніе и обезпеченный заработокъ? Былъ ли опустившійся крестьянинъ-пролетарій, у котораго, конечно, экономическая разоренность слишкомъ часто сопровождалась нравственнымъ паденіемъ, униженный и выродившійся крестьянинъ настолько же гарантированъ отъ духа соціальнаго отрицанія, какъ и старинная гордая plebs rustica или его болѣе счастливый собратъ, которому удалось отстоять свое экономическое положеніе?

Представители шаблонной точки зрѣнія все еще слишкомъ склонны, подъ впечатлѣніемъ внѣшней позы римскаго гражданина, римскихъ «положительности и достоинства» [39]), слишкомъ низко оцѣнивать вліяніе подобныхъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ на народную психику. Однако, этотъ народъ былъ всего менѣе склоненъ относиться къ обѣднѣнію и къ обнищанію съ апатичной покорностью судьбѣ и со смиренной подавленностью какъ къ чему-то «вполнѣ естественному». Древній италикъ врядъ ли былъ гораздо менѣе «впечатлительнымъ, раздражительнымъ, легко воспламеняющимся, страстно желающимъ и ненавидящимъ существомъ» [40]), чѣмъ итальянецъ новаго времени, вырастающій подъ тѣмъ же небомъ и на той же землѣ и, конечно, гораздо ближе стоявшій по своему психическому складу къ своимъ римско-италійскимъ предкамъ, чѣмъ неповоротливый, холодный, скорѣе сѣверный, чѣмъ южный, народный типъ, послужившій образцомъ для академической конструкціи «подлиннаго» римскаго характера. Древнее населеніе Италіи врядъ ли отличалось меньшею страстностью, чѣмъ нынѣшнее, въ особенности же живо было въ немъ чувство свободы, котораго въ немъ не могло искоренить вѣковое духовное, политическое и экономическое порабощеніе, чувство, проявлявшееся съ чрезвычайною интенсивностью въ томъ, какъ гордился римлянинъ своею свободою [41]). Въ виду этого и въ сердцахъ обѣднѣвшаго и подавленнаго сельскаго населенія древней Италіи, зачастую лишавшагося благодаря пользованію землевладѣльцами и капиталистами рабскимъ трудомъ даже и скуднаго заработка поденщиковъ или арендаторовъ, конечно, накоплялась нѣкоторая доля той глубокой ненависти къ signori и possidenti, которая «какъ бы объединяетъ» сельское населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей современной Италіи «во всеобщій молчаливый заговоръ» [42]).

Хотя шайки разбойниковъ, въ такомъ несмѣтномъ количествѣ появляющіяся въ Италіи начиная со второго вѣка, набирались, главнымъ образомъ, изъ несвободныхъ пастуховъ и земледѣльческихъ работниковъ у владѣльцевъ пастбищъ и

крупныхъ имѣній, однако, обращеніе свободныхъ гражданъ въ пролетаріевъ, конечно, также играло при этомъ нѣкоторую роль. Если конкуренція дешеваго рабскаго труда часто исключала возможность даже и самаго незначительнаго честнаго заработка въ качествѣ поденщика; если тѣ средства, при помощи которыхъ иные свободные люди вытѣснялись изъ своихъ домовъ и земельныхъ участковъ, часто не отличались отъ воровства и грабежа, то какъ же могли иные люди устоять отъ искушенія отвѣчать на войну вліятельныхъ лицъ противъ собственности простолюдиновъ войной простолюдиновъ противъ собственности вліятельныхъ лицъ [43]), вмѣсто того, чтобы голодать съ женой и дѣтьми или просить милостыни! Или слѣдовало такому человѣку ждать, пока кому-либо изъ знатныхъ господъ не заблагоразсудится схватить его и включить въ составъ толпы рабовъ, занятыхъ въ большомъ имѣніи [44]), гдѣ ему, чего добраго, пришлось бы въ цѣпяхъ и подъ ударами обрабатывать ту самую землю, свободнымъ собственникомъ которой онъ прежде былъ?

Разъ мы можемъ констатировать, что въ эпоху Гракховъ свободный пролетаріатъ массами принималъ участіе въ ужасныхъ революціонныхъ движеніяхъ рабовъ—полевыхъ работниковъ и пастуховъ Сициліи, грабя и уничтожая чужое имущество [45]), то не можетъ подлежать сомнѣнію, что и въ самой Италіи при многочисленныхъ возстаніяхъ тамошнихъ рабовъ свободные пролетаріи зачастую боролись рука-объ-руку съ ними противъ исторически сложившагося общества [46]). «Война дворцамъ, миръ хижинамъ»—гласилъ лозунгъ, выставивъ который, эннскій царь рабовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ побѣдоносно водилъ свои отряды противъ существующаго общества, чтобы основать на его развалинахъ царство справедливости и прежнихъ рабовъ и обездоленныхъ [47]). Таковъ же долженъ былъ, конечно, быть и лозунгъ массъ, во главѣ которыхъ стояли Спартакъ и другіе вожди рабовъ въ Италіи [48]). Что могло быть для людей, для которыхъ уже не было мѣста въ свободномъ обществѣ, естественнѣе мысли о томъ, чтобы улучшить свое положеніе насчетъ своихъ притѣснителей?

Вѣдь соціальные и политическіе конфликты заглушили даже чувство солидарности римскихъ гражданъ въ противоположность массамъ рабовъ, наибольшую часть которыхъ составляли иноплеменники. Въ революціонную эпоху послѣдняго вѣка республики у партій настолько притупилось здоровое соціальное и политическое чувство, что попытки возмущенія противъ существующаго порядка обыкновенно—какъ-разъ какъ въ Элладѣ [49])—оканчивались призывомъ къ оружію, обращеннымъ къ рабамъ противъ ихъ господъ [50])! Если даже обанкрутившіяся лица, принадлежавшія къ высшимъ классамъ, соединялись противъ гражданскаго общества съ этою ужаснѣйшею изъ всѣхъ разновидностей пролетаріата, какъ, напр., римскій всадникъ Титъ Веттій, не нашедшій иного способа отдѣлаться отъ своихъ долговъ, какъ объявить своихъ рабовъ свободными и провозгласить себя ихъ царемъ (въ 104 г.), то какъ же могъ пролетаріатъ болѣе церемониться, чѣмъ тѣ элементы изъ высшихъ слоевъ, которые опустились или опускались до его уровня?

Вѣдь опустившійся римскій крестьянинъ былъ менѣе всего склоненъ послѣдовать совѣту Цицерона и забиться со своимъ бѣдствіемъ въ какой-нибудь уголокъ, чтобы тамъ умереть съ голода. Онъ сохранилъ и послѣ постигшаго его крушенія *одно* чувство, а именно сознаніе того, что онъ—державный и обладающій правомъ голосовать гражданинъ республики, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и шансъ, утилизируя это право, все же добиться для себя участія въ пользованіи мірскими благами. Эта возможность имѣла чрезвычайно важное значеніе для процесса образованія четвертаго сословія [51]) и для развитія пролетарской психики въ томъ

отношеніи, что она выводила сельскихъ пролетаріевъ изъ ихъ изолированности и массами привлекала ихъ въ Римъ [52]), гдѣ они сближались съ тысячами себѣ подобныхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ опустившимися элементами изъ всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ.

И до какихъ огромныхъ размѣровъ разрослась въ столицѣ эта армія нищеты! Прежде всего къ ней примыкали многочисленные элементы, выброшенные процессомъ соціальнаго разложенія изъ высшихъ слоевъ общества, люди, принадлежавшіе къ достойной и денежной знати, вслѣдствіе чудовищныхъ политическихъ превратностей судьбы и экономическихъ кризисовъ этого времени, вслѣдствіе чрезвычайно повысившихся расходовъ, сопряженныхъ съ принадлежностью къ извѣстному общественному классу [53]), и расточительнаго злоупотребленія богатствомъ, утратившіе тѣ внѣшнія данныя, наличности которыхъ требовалъ уровень жизни, принятый въ ихъ классѣ. Ставши отщепенцами или будучи выброшены изъ своего соціальнаго круга и, тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ не будучи способны отказаться отъ предъявляемыхъ ими къ жизни требованій, эти опустившіеся и въ большинствѣ случаевъ нравственно развращенные нобили и бывшіе капиталисты [54]) являлись прирожденными кандидатами четвертаго сословія, а зачастую и его вожаками въ борьбѣ противъ общественнаго строя. До какой степени способствовалъ обращенію этихъ элементовъ въ пролетаріевъ хотя бы уже достаточно извѣстный намъ изъ цицеронова ученія объ обязанностяхъ классовый предразсудокъ, въ силу котораго они считали себя слишкомъ благородными для того, чтобы воспользоваться многими изъ шансовъ найти работу и заработокъ, что чрезвычайно затрудняло отщепенцамъ снова стать на ноги.

Этимъ объясняется и огромное распространеніе того слоя четвертаго сословія, который можно назвать интеллигентнымъ пролетаріатомъ. И притомъ къ нему принадлежатъ не только такіе люди, какъ тѣ мелкіе адвокаты, не бывшіе въ состояніи найти хотя бы заработокъ, дающій возможность платить за квартиру [55]), или старый школьный учитель, который, ютясь въ тѣсной коморкѣ [56]), обиталъ «подъ самой крышей» [57]), и всевозможные литераторы, печальное положеніе которыхъ такъ краснорѣчиво изображаетъ Ювеналъ [58]), и которые часто должны были браться за всевозможныя занятія, чтобы не голодать [59]), но и литературныя величины перваго ранга. Такіе писатели, какъ Марціалъ, который, пока онъ еще жилъ въ четвертомъ этажѣ въ домѣ «подъ грушею», могъ существовать [60]), лишь постоянно попрошайничая и оказывая низкія кліентскія услуги [61]), какъ Ювеналъ, который тщетно натиралъ себѣ мозоли, обѣгая пороги вліятельныхъ людей, чтобы пробиться [62]), являются типичными представителями четвертаго сословія, хотя они отнюдь не были совершенно людьми неимущими. Вѣдь именно у нихъ находитъ страстное выраженіе вся соціальная неудовлетворенность этого класса, жгучее недовольство несоотвѣтствіемъ между занимаемымъ въ жизни положеніемъ и предъявляемыми къ жизни требованіями, нежеланіе быть тѣмъ, чѣмъ приходится быть, а, кромѣ того, горькое чувство принадлежности къ лишнимъ людямъ [63]).

Такъ, у Марціала встрѣчается крайне пессимистическое замѣчаніе, что въ Римѣ честный человѣкъ вообще не можетъ разсчитывать на обезпеченное существованіе [64]). «Чего ты ищешь въ городѣ—восклицаетъ онъ, обращаясь къ другу, заразившемуся общимъ стремленіемъ въ столицу—съ твоею бѣдностью и честностью? Если ты не способенъ быть сводникомъ, собутыльникомъ или доносчикомъ, если ты не въ состояніи соблазнять жену одного изъ друзей или поступить на содержаніе къ старымъ женщинамъ, пускать пыль въ глаза въ императорскомъ дворцѣ или протѣсниться въ клаку виртуозовъ, то на что же ты собираешься

жить» [65])? «Откуда возьмутся у тебя—спрашиваетъ онъ въ другой разъ—деньги на покупку плаща, на плату за темную каморку» [66])?

«Вереницей»—сѣтуетъ Ювеналъ—
«давно уже должны были выселиться изъ Рима бѣдные граждане.
Не легко пробиваются тѣ, кому мѣшаетъ несостоятельность дома;
но еще гораздо труднѣе пробиться
Такимъ людямъ въ Римѣ» [67]).

Вѣдь тамъ:

«дорога убогая квартира,
Дорого пропитаніе, получаемое рабами, и дорогъ не насыщающій обѣдъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ то же самое настроеніе отъ лица собрата по несчастію:

«Такъ какъ для честныхъ занятій (artibus honestis!)
Нѣтъ мѣста въ городѣ и всѣ усилія безплодны,
Сегодня я бѣднѣе, чѣмъ былъ вчера, а завтра
Стану еще бѣднѣе, то я рѣшился
Убраться туда, гдѣ у усталаго Дедала упали крылья» [68]).

Злобное отчаяніе, таковъ былъ—по крайней мѣрѣ, при прочно установившихся отношеніяхъ въ государствѣ цезарей—жизненный итогъ для этихъ обездоленныхъ, если ихъ не выручала какая-нибудь счастливая случайность. Наоборотъ, въ безпокойныя времена въ родѣ послѣдняго революціоннаго вѣка республиканскаго періода, этотъ, очевидно, распространенный среди весьма многочисленнаго слоя духъ недовольства, конечно, весьма способствовалъ обострѣнію революціонныхъ настроеній среди столичной массы.

Къ интеллигентному пролетарію примыкаетъ пролетарій-ремесленникъ и пролетарій-наемный рабочій. Сколь многіе впали въ пауперизмъ потому только, что они не желали «унизиться до рабства», взявшись за работу по найму или же за иное «недостойное» занятіе, или же потому, что у нихъ не было капитала, величина котораго, а не талантъ и не рабочая сила, служила, согласно господствовавшему предразсудку, мѣриломъ при оцѣнкѣ какой-либо профессіи. Сколь многіе разорились въ безпадежной борьбѣ противъ силы крупнаго капитала и конкуренціи со стороны рабовъ и вольноотпущенниковъ, или вообще не могли подняться надъ уровнемъ пролетарскаго существованія. Развѣ, при дороговизнѣ жизни въ Римѣ, рабочій, зарабатывавшій около трехъ сестерціевъ въ день, не былъ жалкимъ пролетаріемъ?

Не мудрено, что въ Римѣ скопилась такая огромная масса того элемента, который можно назвать низшимъ осадкомъ пауперизма, нищихъ и бродягъ, голодной, безработной и уклонявшейся отъ труда черни всякаго рода, преступниковъ, мошенниковъ и бандитовъ, словомъ босяцкаго пролетаріата, что объ его населеніи отзывались какъ о клоакѣ или какъ о болотѣ, безпрестанно требовавшемъ очищенія и отводныхъ канавъ [69])!

И не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, на ряду съ этой массой пролетарской бѣдноты въ большомъ городѣ, наблюдались чудовищная концентрація богатствъ на общественныхъ верхахъ, наглое господство барышниковъ, проникнутыхъ грубымъ матеріализмомъ и не признававшихъ болѣе высокихъ цѣлей, чѣмъ ни предъ чѣмъ не останавливавшееся увеличеніе богатства, въ значительной степени добытаго мошенничествомъ и грабежомъ, культъ маммона, обращеніе наслажденій въ цѣль жизни и надменность плутократовъ, считавшихъ бездѣлье чѣмъ-то благород-

нымъ и съ безпредѣльнымъ презрѣніемъ относившихся къ бѣдноте [70])! Какія ощущенія все это должно было вызывать въ душѣ пролетарія, изо-дня-въ-день созерцавшаго ослѣпительный блескъ и праздныя наслажденія этихъ обожавшихъ самихъ себя богачей возлѣ своей нищеты! Если уже бѣдный аѳинянинъ въ эпоху Менандра до такой степени сознавалъ, насколько жалко и мизерно его существованіе [71]), то вѣдь ужасный антагонизмъ между плутократами и пролетаріями въ міровомъ городѣ Римѣ еще болѣе долженъ былъ пробуждать среди бѣдноты полное сознаніе ея положенія! [72]). Нашли ли когда-либо зависть пролетарія къ богачамъ, зоркая наблюдательность бѣдноты по отношенію къ эгоизму и нравственной пустотѣ извѣстныхъ круговъ высшаго общества, озлобленіе, вызываемое у нищихъ оскорбленіемъ ихъ чувства свободы классовымъ высокомѣріемъ высшихъ [73]), болѣе рѣзкое выраженіе, чѣмъ въ мрачномъ изображеніи психологіи богатства, въ эпиграммахъ и сатирахъ римскихъ литераторовъ [74])?

Конечно, нигдѣ законодательство, администрація и щедрость частныхъ лицъ не отличались до такой степени, какъ въ Римѣ, стремленіемъ заглушить посредствомъ «хлѣба и зрѣлищъ» въ массахъ чувство ихъ бѣдственнаго положенія, поддержать среди черни, окружая эту ея бѣдность обманчивымъ блескомъ, такое настроеніе, при которомъ она безъ особыхъ размышленій принимала бы свое общественное положеніе за нѣчто само собой разумѣющееся. Не подлежитъ сомнѣнію, что этого удавалось достигнуть, поскольку дѣло шло о значительной долѣ лѣнивой и блюдолизничающей черни [75]). Но вѣдь, съ другой стороны, именно эта политика нераціональной раздачи милостыни чрезвычайно способствовала развитію алчности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духа недовольства, который и безъ того систематически возбуждался въ борьбѣ партій беззастѣнчивой демагогіей [76]).

И что могло служить болѣе возбуждающимъ матеріаломъ для агитаціи или уже само по себѣ оказывать болѣе возбуждающее дѣйствіе, чѣмъ рѣзкое противорѣчіе, обнаруживавшееся въ жизни римскаго пролетарія и мелкаго буржуа, когда онъ сравнивалъ положеніе, занимаемое имъ въ народномъ хозяйствѣ и въ обществѣ, съ правами и притязаніями, вытекавшими изъ его принадлежности къ числу римскихъ гражданъ! Подобно богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ людямъ онъ былъ носителемъ принадлежавшей римскому народу верховной власти, онъ назначалъ на высшія государственныя должности, а благодаря этому и въ члены управлявшаго государствомъ учрежденія, своихъ избранниковъ и, въ силу законодательной власти комицій, былъ призванъ рѣшать судьбы міровой державы. Въ виду этого, онъ могъ, будучи преисполненъ чувства «римской свободы», съ гордостью причислять себя къ «владыкамъ міра» (terrarum domini)! И тому же самому державному гражданину приходилось во множествѣ случаевъ въ гражданской жизни съ горечью убѣждаться въ томъ, что въ обществѣ «человѣкъ представляетъ собой что-нибудь, лишь поскольку у него что-нибудь имѣется» [77]), что «бѣдный повсюду безсиленъ и въ пренебреженіи» [78]), «что лишь тому въ жизни дуетъ благопріятный вѣтеръ, у кого въ карманѣ имѣются деньги» [79]).

Не мудрено, что бѣдный римскій гражданинъ началъ серьезно задумываться надъ этимъ своимъ отношеніемъ къ обществу, что въ Римѣ пролетарій очень скоро научился философствовать относительно самого себя какъ соціальнаго явленія, и что при этомъ теоретическомъ самоанализѣ онъ, въ концѣ концовъ, испытывая страстное возмущеніе своего чувства свободы противъ чудовищнаго гнета соціальнаго и экономическаго неравенства, задавался вопросомъ: «не обманъ ли вся моя «свобода», не оказывается ли она чистѣйшимъ издѣвательствомъ, разъ она не даетъ мнѣ иного крова, кромѣ убогой низкой конуры» [80])?

Но разъ противорѣчіе между желаніемъ и дѣйствительностью пробудило въ гнѣвныхъ душахъ озлобленныхъ пролетаріевъ то сознаніе пауперизма, въ силу котораго они смотрѣли на свое экономическое и соціальное положеніе какъ на положеніе паріевъ, пролетарское мышленіе скоро задалось и вопросомъ о томъ: «почему же мы бѣдны? Какими средствами можно предотвратить бѣдность? Не является ли вообще все это состояніе соціальнаго безсилія и тотъ общественный строй, въ которомъ оно коренится несправедливостью»? И что же было естественнѣе того, что эта бѣднота, среди которой пробудилось самосознаніе, устремилась противъ богатства, представители котораго отчасти вѣдь были непосредственно виновны въ обѣднѣніи массъ и, во всякомъ случаѣ, были заинтересованы въ сохраненіи какъ-разъ тѣхъ отношеній, противъ которыхъ возставало пролетарское сознаніе?

Правда, съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась сословная борьба, противоположность между знатными и простолюдинами, между высшими и низшими уже не была результатомъ сословной привилегіи, юридически преграждавшей ниже стоявшимъ доступъ къ высокому положенію въ политической и общественной жизни. Но развѣ это сколько-нибудь существенно уменьшило недосягаемость этихъ высотъ для огромнаго большинства? Монополія, не обусловливавшаяся уже теперь исключительно знатнымъ происхожденіемъ, обезпечивалась богатствомъ, которое вѣдь было не только экономическою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическою силою [81]). А политическое могущество, сопровождавшее экономическое, въ свою очередь, служило средствомъ и орудіемъ колоссальнаго обогащенія. Этотъ процессъ до такой степени повысилъ уровень состоятельности, признававшейся соотвѣтствующей требованіямъ принадлежности, къ высшему сословію и дѣлавшей возможнымъ фактическое вліяніе, что для большинства эти новыя плутократическія преграды оказывались настолько-же непреодолимыми, какъ и прежнія сословныя. «Въ вашей странѣ—говоритъ у Ливія коммунистическій тиранъ Набидъ, обращаясь къ Фламинину,—вы хотите, чтобы властвовала горсть богачей, и чтобы простой народъ подчинялся имъ» [82]). Рѣшающее значеніе получило фактическое распредѣленіе богатства. Не должно ли было пролетарское чувство, озлобленіе всѣхъ, считавшихъ себя обойденными при этомъ распредѣленіи, возмущаться противъ него настолько же страстно—какъ нѣкогда возмущался старинный плебейскій духъ противъ распредѣленія правъ въ государствѣ патриціевъ?

Безъ сомнѣнія! Въ греческомъ мірѣ послѣ борьбы противъ знатныхъ родовъ и противъ политическихъ привилегій собственниковъ среди массъ проявилось стремленіе къ экономическому освобожденію, побудившее ихъ къ борьбѣ противъ экономической мощи капитала. Впослѣдствіи въ романскихъ и германскихъ коммунахъ благодаря значительному экономическому и соціальному дифференцированію къ старинной противоположности между патриціями и ремесленниками, родовитыми людьми и цехами присоединилась противоположность между богатыми и бѣдными; къ борьбѣ низшихъ классовъ за политическую самостоятельность присоединилось рѣзко антикапиталистическое, отчасти приводившее къ соціалистическимъ тенденціямъ, движеніе, причемъ «дѣлежъ съ богатыми», «общность имуществъ и общее равенство», «уничтоженіе классовыхъ различій» стали излюбленными лозунгами [83]). Наконецъ, въ новое время за борьбой третьяго сословія противъ сословнаго государства послѣдовало выступленіе четвертаго сословія. Подобно этому при такомъ положеніи дѣлъ, которое существовало въ Римѣ въ болѣе позднюю эпоху, послѣ борьбы между патриціями и плебеями съ психологическою

неизбѣжностью должна была возгорѣться борьба противъ капиталистически-олигархической системы, причемъ въ обществѣ, до такой степени проникнутомъ и потрясенномъ революціонными страстями, прямо-таки неизбѣжно было развитіе духа принципіальнаго соціальнаго отрицанія.

Вѣдь въ Римѣ пролетарское сознаніе выработалось не только у отдѣльныхъ лицъ, безслѣдно исчезавшихъ въ большомъ городѣ. Въ Римѣ скоплялась масса опустившихся и слабыхъ элементовъ, разорившихся крестьянъ, ремесленниковъ и торговцевъ, жалкихъ поденщиковъ, рабочихъ, литераторовъ и мелкихъ буржуа, опустившихся аристократовъ и людей, обѣднѣвшихъ вслѣдствіе конфискацій, мошенниковъ, бродягъ, воровъ и всевозможныхъ босяковъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что протекавшая внѣ дома жизнь людей древняго міра, политическія массовыя собранія, товарищеское единеніе въ многочисленныхъ уличныхъ клубахъ и союзахъ, массовыя увеселенія театра, ристалища и арены, регулярныя массовыя раздачи зерна, хлѣба и т. д. удерживали всѣ элементы четвертаго сословія въ непрерывномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ [84]). Въ виду этого ясно, что, при этомъ постоянномъ общеніи съ себѣ подобными, пролетарій, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, долженъ былъ очень скоро распознать общіе интересы, связывавшіе его съ массой остальныхъ обездоленныхъ. Благодаря этому пролетарское сознаніе индивидуума переходило въ коллективное сознаніе пролетарскихъ массъ вообще. Такія сцены, какъ тѣ, которыя Діонисій переноситъ въ эпоху сословной борьбы: когда бѣдные стекались на форумъ и выражали негодованіе по поводу своего жалкаго положенія въ страстныхъ оживленныхъ рѣчахъ [85]), конечно, довольно часто происходили въ революціонную эпоху со временъ Гракховъ.

Фактически эти массы, въ составъ которыхъ входила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совокупность опустившихся элементовъ изо всѣхъ остальныхъ сословій представляли собой въ соціальномъ отношеніи нѣчто новое по сравненію съ исторически сложившимся обществомъ. Соотвѣтственно этому болѣе или менѣе значительная часть ихъ вполнѣ естественно стала чувствовать себя особымъ классомъ, связаннымъ спеціальными интересами, спеціальными желаніями и идеями и противостоящимъ всему остальному, владѣющему собственностью, обществу. Развивается соціальное коллективное сознаніе пролетаріата какъ особаго сословія. «Сперва классовое различіе, затѣмъ классовый интересъ, затѣмъ классовая противоположность и, наконецъ, классовая борьба» [86]), таковъ былъ и въ данномъ случаѣ отчетливо распознаваемый, неизбѣжный ходъ развитія.

Объ итальянцахъ было замѣчено, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ существованія подъ южнымъ небомъ и при ограниченности ихъ потребностей у нихъ оказывается больше времени для размышленій и фантазій, чѣмъ у сѣверянъ, что даже у простого носильщика развито влеченіе къ свободнымъ разсужденіямъ и страсть къ публичнымъ выступленіямъ, что поэтому даже лишенія и нужда не ломаютъ ихъ внутренне, а лишь еще болѣе озлобляютъ ихъ [87]). Это вполнѣ примѣнимо и къ тогдашнимъ римлянамъ, среди которыхъ правительство и аристократія прямо-таки культивировали праздность, а благодаря ей и рефлексіюи резонерство. Мыслимо ли при такомъ характерѣ населенія, чтобы бѣдный человѣкъ постоянно видѣлъ возлѣ себя тысячи бѣдствующихъ или гибнущихъ людей, и чтобы у него не вспыхивала при этомъ мысль о возмущеніи противъ богатыхъ [88])? Почему же относительно этихъ римлянъ нельзя было бы сказать того, что мы констатировали какъ общераспространенное явленіе у грековъ, а именно, что у свободныхъ народовъ вмѣстѣ съ культурою возрастаетъ и впечатлительность чувства свободы

и личности, что при этомъ у нихъ увеличиваются шансы возникновенія и возрастаетъ интенсивность чувствъ безпокойства и сознанія несчастья, и что такимъ образомъ вырабатывается все увеличивающаяся способность страдать, благодаря которой противорѣчіе между желаніями и дѣйствительностью становится все болѣе и болѣе ощутительнымъ?

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можно составить себѣ надлежащее представленіе объ интенсивности пролетарскаго негодованія, накопившагося у этихъ массъ. Вѣдь та неимовѣрная анархія, до которой, въ концѣ концовъ, дошелъ Римъ республиканской эпохи, была по существу дѣла вызвана пролетаріатомъ, которому революція доставляла не только духовную, но и матеріальную пищу. Нигдѣ не было столь благопріятной почвы для искусства агитаціи, какъ въ Римѣ, гдѣ были въ высшей степени часты огромныя массовыя собранія, на которыхъ вѣдь, какъ доказываетъ опытъ, пылъ нѣсколькихъ убѣжденныхъ лицъ легче всего можетъ увлечь многія тысячи, на которыхъ къ услугамъ каждаго политическаго авантюриста, отдававшаго себѣ отчетъ въ специфическихъ особенностяхъ массы и умѣвшаго ихъ утилизировать, тотчасъ же оказывались сотни и даже тысячи кулаковъ, готовыхъ къ грабежу и убійствамъ! Вѣдь въ эту эпоху «сатурналій сволочи» нерѣдко ожиданіе какихъ-либо анти-капиталистическихъ мѣръ, напр., кассированія долговъ или освобожденія отъ платы за квартиру, тотчасъ же вызывало взрывы бѣшенства распропагандированнаго пролетаріата и даже прямо-таки приводило къ уличнымъ боямъ [89])! Это, конечно, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ данную эпоху Римъ давно уже пережилъ ту фазу общественнаго развитія, когда бѣдность разсматривалась лишь какъ вполнѣ естественный фактъ частной жизни. Вѣдь въ этихъ массовыхъ движеніяхъ бѣднота, достигшая *коллективнаго* сознанія, выступала публично, въ качествѣ фактора исторической жизни, получившаго въ высшей степени важное *соціальное* значеніе. И въ этомъ отношеніи Моммзенъ вполнѣ правъ, находя, что мятежныя движенія эпохи Цинны, Катилины, Целія, Долабеллы «были вполнѣ однородны съ тѣми конфликтами между собственниками и неимущими, которые за сто лѣтъ до того волновали греческій міръ» [90]). Бѣднота стала движущей и разрушительной силой въ политической и соціальной жизни [91]); какъ таковая она пережила республику и никогда не переставала тревожить даже и абсолютистскую правительственную систему цезарей.

Необходимо было безпрестанно «успокаивать» массы, обитавшія въ столицѣ міра, и это успокоеніе совершенно откровенно признается мотивомъ, побудившимъ цезаризмъ признать право этихъ массъ на хлѣбъ и забавы. Раздачи денегъ и хлѣба—полагаетъ Фронтонъ—успокаиваютъ только часть народа и притомъ всякаго индивидуума, отдѣльно взятаго, а зрѣлища удовлетворяютъ народъ въ его совокупности [92]). А въ запискѣ, признаваемой традиціей за посланіе Саллюстія къ Цезарю, правителю предлагается позаботиться о томъ, чтобы для развращенной подарками и государственнымъ хлѣбомъ черни нашлось занятіе, которое отвлекало бы ее *отъ причиненія ущерба общественному благу* [93]). Однако, никогда не удавалось добиться *прочнаго* успокоенія. Поэтому вплоть до послѣднихъ временъ имперіи буйныя скопища неистовыхъ народныхъ массъ и всевозможныя насилія составляютъ постоянную рубрику въ исторіи города [94]). Обыкновенно возмущенія массъ вызывались ихъ затруднительнымъ экономическимъ положеніемъ, жалобой на высокія цѣны съѣстныхъ припасовъ и озлобленіемъ противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ виновниковъ этихъ высокихъ цѣнъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на императорскую полицію, не было недостатка въ агитаторахъ, планомѣрно эксплуатировавшихъ этотъ народный интересъ для возбужденія недо-

вольства и классовой ненависти [95]). Иногда страстное возбужденіе [96]) доходило до такого ожесточенія, что неистовая чернь прямо-таки стáралась ворваться въ дома неугодныхъ ей лицъ и поджечь ихъ факелами и зажигательными стрѣлами [97])!

Яростныя толпы народа какъ-то разъ подожгли домъ префекта Симмаха только потому, что какой-то злопамѣренный яндивидуумъ изъ простонародья увѣрилъ ихъ, что онъ будто бы сказалъ: я скорѣе вылью свое вино на груды негашеной извести, чѣмъ соглашусь продавать его по той цѣнѣ, на которую они разсчитывали [98]). Это происшествіе наглядно свидѣтельствуетъ и о томъ, что революціонный духъ возбуждало не только—правда, весьма ненадежное—положеніе системы столичнаго призрѣнія, но въ значительной степени и пролетарская раздражительность [99]). Здѣсь достаточно было какого-нибудь экономическаго или политическаго кризиса, какого-нибудь разжигающаго классовую ненависть слуха, чтобы таившіяся въ массахъ страсти вспыхивали яркимъ пламенемъ.

Вся исторія города Рима представляетъ краснорѣчивый коммеитарій къ той—конечно, односторонней—соціальной характеристикѣ этого слоя народа, которую даетъ Саллюстій, говоря о симпатіяхъ «простонародья» къ революціоннымъ планамъ Катилины. Онъ замѣчаетъ: «это направленіе вообще свойственно самой природѣ всего этого класса. Вѣдь всюду неимущій относится къ собственнику съ завистью и недоброжелательствомъ; онъ увлекается зачинщиками смутъ, ненавидитъ существующее и стремится къ новымъ порядкамъ. Будучи проникутъ недовольствомъ своимъ положеніемъ, онъ жаждетъ всеобщаго переворота: мятежъ и возмущеніе питаютъ его. Ему нечего опасаться потерь при этомъ переворотѣ, такъ какъ вѣдь бѣднотѣ нечего терять» [100]).

ГЛАВА V.

Критика общества.

Ясно, что въ такомъ обществѣ, какъ охарактеризованное выше, въ которомъ уже такъ рано пробудилось сомнѣніе относительно правомѣрности существующаго, оно неизбѣжно должно было вызывать все болѣе и болѣе радикальную критику основъ этого общества.

Вѣдь это старинное поле битвы! При всемъ различіи между общественными противоположностями, свойственными древнѣйшему періоду республиканской эпохи, и тѣми противоположностями, которыя вызвали столѣтнюю гражданскую войну и привели къ гибели республики,—первые симптомы анти-капиталистическаго теченія несомнѣнно оказываются на лицо уже въ сословно-соціальныхъ движеніяхъ древнѣйшаго періода республиканской эпохи. Вѣдь, какъ мы видѣли, борьба противъ перевѣса капитала, противъ «ростовщиковъ», которые—какъ говорится въ старинной комедіи—«изводятъ людей процентами», довела плебеевъ-крестьянъ до утопической попытки разъ на всегда освободиться отъ гнета капитала [1]). Затѣмъ это анти-капиталистическое теченіе, конечно, все сильнѣе и сильнѣе обнаруживается въ эпоху крупныхъ соціальныхъ перемѣнъ, повлекшихъ за собой безнадежный упадокъ столь значительной части италійскаго крестьянства.

Мы еще можемъ, по крайней мѣрѣ, косвенно, до нѣкоторой степени распо-

знать воздѣйствія, оказанныя плутократически-пролетарскимъ разладомъ на мысли и чувства народа въ исторической литературѣ, которая вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ собой осадокъ внутреннихъ конфликтовъ послѣдняго столѣтія республиканскаго періода. Вѣдь эта литература безъ дальнихъ околичностей заимствовала для характеристики классовыхъ конфликтовъ въ древнѣйшій періодъ республиканской эпохи отдѣльныя черты изъ тѣхъ отношеній, при наличности которыхъ разыгрывались соціальные конфликты въ эпоху отъ Гракховъ до Юлія Цезаря. Демагоги и аристократы, фигурирующіе у Ливія и у Діонисія [2]), срисованы съ оригиналовъ этой революціонной эпохи, такъ что въ римской квази-исторіи [3]) пятаго и четвертаго вѣковъ до Р. Хр. мы до извѣстной степени имѣемъ предъ собой отраженіе соціальной исторіи Рима за послѣдній вѣкъ республиканскаго періода.

Та рѣчь, которую Діонисій влагаетъ въ уста «филантропу» и другу народа на римскомъ царскомъ престолѣ, Сервію Туллію, непосредственно вводитъ насъ въ проблемы, порожденныя соціальнымъ антагонизмомъ. Онъ заставляетъ народнаго царя, прославляемаго римскою традиціей въ качествѣ борца за политическое освобожденіе плебеевъ, высказывать идеи, которыя, конечно, довольно часто излагались въ эпоху Гракховъ, Сатурнина, Катилины и т. д. «Я стою за то—говоритъ Сервій,—чтобы общественная земля, добытая цѣной крови гражданъ, доставалась не безстыднѣйшимъ людямъ, а лишь тѣмъ, у кого нѣтъ собственной пахотной земли». По его мнѣнію, понятію свободы противорѣчитъ, чтобы гражданинъ служилъ другимъ и обрабатывалъ не свой, а чужой земельный участокъ [4]). Вѣдь развѣ «могутъ люди, не обладающіе даже необходимымъ для удовлетворенія повседневныхъ нуждъ, быть проникнуты чувствомъ, одушевляющимъ свободныхъ гражданъ [5])? Духу провозглашаемыхъ царственнымъ ораторомъ равенства и братства [6]) противорѣчитъ и то, что—какъ онъ съ неодобреніемъ замѣчаетъ—иные доходятъ въ своемъ классовомъ высокомѣріи до того, что считаютъ возможнымъ издѣваться надъ простолюдинами-изъ за того только, что послѣдніе бѣдны, едва признавая ихъ свободными людьми [7]).

Не менѣе поучительна приводимая у Діонисія въ изложеніи начальныхъ стадій сословной борьбы аргументація патриція Аппія Клавдія, отстаивающаго въ сенатѣ противоположную, соціально-консервативную точку зрѣнія. Это разсужденіе опять-таки весьма наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени энергически уже политическое мышленіе древнихъ занималось проблемами, къ разсмотрѣнію которыхъ приводитъ нынѣшняя классовая борьба. А именно ораторъ—совершенно въ духѣ новаго времени—обращаетъ главное вниманіе на психологическую сторону классовой борьбы и развиваетъ при этомъ точки зрѣнія, совершенно аналогичныя тѣмъ, которыя недавно отстаивались въ полемикѣ между катедеръ-соціалистами и ихъ противниками.

Въ противоположность народолюбивому Валерію, высказавшемуся за сложеніе долговъ и—подобно Шмоллеру въ «Основныхъ вопросахъ»—подкрѣпляющему свою аргументацію, между прочимъ, ссылкой на историческіе примѣры въ родѣ соціальной реформы Солона и тѣмъ общимъ соображеніемъ, что отказъ отъ соціальныхъ реформъ вызываетъ революцію, консервативный ораторъ—подобно противникамъ катедеръ-соціализма въ противоположность Вагнеру и Шмоллеру [8])—заявляетъ, что умозаключеніе отъ соціальной реформы къ соціальному миру обманчиво. Думать, что путемъ подобныхъ мѣропріятій соціально-политическаго характера можно предотвратить классовую борьбу, значило бы предаваться иллюзіи. Наоборотъ! Конфликты лишь обострились бы, ибо въ такомъ случаѣ недовольство охватило бы и собственниковъ [9]). Несомнѣнно, всѣ тѣ, у кого хотятъ отобрать принадлежащія

имъ деньги, почувствуютъ себя весьма обремененными [10]) и будутъ рѣшительно сопротивляться тому, чтобы государство обратило ихъ унаслѣдованное ими отъ предковъ или пріобрѣтенное ихъ стараніемъ и бережливостью имущество «въ общественное достояніе» въ пользу людей, которыхъ Аппій—совершенно въ духѣ вышеохарактеризованнаго цицероновскаго краснорѣчія—называетъ «наихудшими и лѣнивѣйшими» изъ гражданъ! Очень глупо прямо-таки игнорировать «лучшій классъ» и дѣлать уступки худшей части путемъ раздѣла чужого имущества между наихудшими гражданами и ограбленія тѣхъ, которые честно пріобрѣли это имущество [11]). Напротивъ, ораторъ не признаетъ страха предъ краснымъ призракомъ. Если полиція будетъ выполнять свою обязанность, то не слѣдуетъ опасаться переворота со стороны бѣдныхъ и слабыхъ общественныхъ элементовъ [12]). Но собственники прибѣгнутъ къ силѣ, если отъ нихъ потребуютъ, чтобы они допустили плохое обращеніе съ собой со стороны низшихъ классовъ.

Подобные подарки бѣднымъ насчетъ собственниковъ лишь вызвали бы классовую ненависть и оказали бы прямо-таки гибельное дѣйствіе на народное хозяйство. Уничтожились бы кредитъ и обороты вообще; государство ощущало бы недостатокъ въ самомъ необходимомъ; земледѣліе, судоходство, заморская торговля вскорѣ прекратились бы, и бѣднякъ не находилъ бы честнаго заработка. Вѣдь для всего этого требуется капиталъ, а владѣющіе таковымъ впредь воздерживались бы отъ того, чтобы довѣрять его другимъ, ссужая имъ деньги. А вслѣдствіе этого достатокъ опять-таки вызывалъ бы зависть, и духъ трудолюбія исчезъ бы, людямъ распутнымъ, безчестнымъ и присваивающимъ себѣ чужое имущество жилось бы лучше, чѣмъ отстаивающимъ свое.

Вѣдь не слѣдуетъ вводить въ государство дурную привычку тотчасъ же уступать неосмысленнымъ желаніямъ низшихъ классовъ народа. Эти неразумные не удовлетворились бы ничѣмъ. Добившись удовлетворенія одного требованія, они тотчасъ же потребовали бы еще чего-нибудь болѣе значительнаго и такъ далѣе до безконечности [13])! Если это примѣнимо уже къ индивидуумамъ, то дѣло обстоитъ еще хуже при массовыхъ требованіяхъ народа. Вѣдь отдѣльные индивидуумы, не осмѣливающіеся сдѣлать что-нибудь изъ страха предъ сильными, безъ колебаній сдѣлали бы это совмѣстными силами, такъ какъ каждый чувствуетъ себя сильнымъ благодаря наличности массы лицъ, требующихъ того же самаго [14]). Поэтому необходимо съ самаго начала, пока движеніе еще слабо, оказать рѣшительное сопротивленіе ненасытнымъ и безпредѣльнымъ желаніямъ неразумной толпы для того, чтобы не пришлось силой подавлять движенія, коль скоро оно усилится. Вѣдь человѣческая природа такова, что взятіе назадъ уже сдѣланныхъ уступокъ оказываетъ гораздо болѣе раздражающее дѣйствіе, чѣмъ невыполненіе надеждъ. Примѣръ многихъ греческихъ государствъ свидѣтельствуетъ о томъ, какія ужасныя бѣдствія навлекаютъ на общество правительства, не принимающія въ подобныхъ случаяхъ предупредительныхъ мѣръ, и о томъ, какъ они оказываются не въ состояніи справиться съ чрезмѣрно усилившимся движеніемъ. Когда правительство подчиняется народу, происходитъ какъ-разъ то же самое, что бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у индивидуума духъ теряетъ власть надъ плотскими вожделѣніями.

Можно ли представить себѣ болѣе отчетливую и болѣе рѣзкую формулировку той какъ-разъ въ нынѣшнее время столь рѣшительно выступающей на первый планъ въ соціально-политическихъ дебатахъ мысли, что предположеніе, будто «результатомъ удовлетворенія домогательствъ массы является соціальный миръ, а не наоборотъ, ободреніе тѣхъ, кому дѣлаются уступки, къ предъявленію новыхъ

требованій» [15]),—представляетъ собой «недоразумѣніе» и оказывается психологически ошибочнымъ и противорѣчащимъ исторіи? Тотъ совѣтъ, который подаетъ сенату Аппій Клавдій, совершенно соотвѣтствуетъ замѣчанію Бисмарка на засѣданіи совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ короля 24-го января 1890 г. «Слѣдуетъ избѣгать того, чтобы получилось такое впечатлѣніе, какъ-будто правительство полагаетъ, что соціальный миръ можетъ быть обезпеченъ уступками алчности рабочихъ. Напротивъ, историческій опытъ и правильная оцѣнка человѣческой природы заставляютъ предполагать, что требованія рабочихъ будутъ повышаться по мѣрѣ удовлетворенія ихъ законодательствомъ. Невозможно законодательными мѣрами удовлетворить рабочаго и отвлечь его отъ соціалъ-демократическихъ стремленій. Пока рабочій будетъ видѣть людей, которымъ живется лучше, чѣмъ ему, онъ будетъ недоволенъ» [16]).

Но при всей прозорливости выводимаго Діонисіемъ предствителя соціально-консервативнаго типа, доходящей у него до того, что онъ несправедливо, слишкомъ односторонне приписываетъ алчность, являющуюся общечеловѣческою слабостью, лишь простолюдинамъ, онъ не даетъ себѣ труда серьезно вникнуть въ значеніе соціальнаго движенія. И въ этомъ отношеніи онъ, конечно, весьма напоминаетъ Цицерона [17]). Его нисколько не трогаетъ нужда, вызывающая возмущеніе. Если бѣдные откажутся служить въ войскахъ, то государство не особенно потеряетъ отъ этого, такъ какъ и безъ того отъ нихъ мало проку, и они не имѣютъ большого значенія на военной службѣ.

Пусть они не являются! А проповѣдникамъ состраданія къ этимъ «совершенно ни къ чему не пригоднымъ людямъ» [18]), слѣдуетъ возразить, что они должны были бы заняться рѣшеніемъ вопроса: что же собственно сдѣлало этихъ людей бѣдными? Вѣдь они унаслѣдовали земельные участки, получали доли военной добычи и т. д. Куда же дѣвалось все это? Они проѣли и промотали все. Эта черта позоритъ государство, и если она удаляется на чужбину, то это слѣдуетъ признать выигрышемъ. Но если бы даже оказалось, что нѣкоторые обѣднѣли благодаря постигшему ихъ несчастью безъ собственной вины, то вѣдь общество не должно этимъ смущаться. Не безъ циничной иронiи ораторъ рекомендуетъ имъ обратиться къ вышеупомянутымъ проповѣдникамъ состраданія. Пусть послѣдніе проявляютъ свою щедрость на свой собственный, а не на чужой счетъ! Римлянамъ не свойственно насильственно отнимать у зажиточныхъ людей деньги во имя какой-нибудь хорошей цѣли, причемъ благодѣтеля даже не благодарятъ.

Итакъ, послѣднимъ словомъ защитительной рѣчи, въ которой нагляднѣйшимъ образомъ выражается духъ всего этого направленія, оказывается абсолютное laissez-faire, невмѣшательство. Но и въ другихъ отношеніяхъ фигура Аппія, какъ типичнаго представителя этого направленія, вырисовывается не менѣе рельефно. Такъ, напр., въ дебатахъ по поводу перваго ухода плебеевъ онъ высказывается противъ всякой «мягкой уступчивости» и отстаиваетъ относительно вопроса о задолженности точно такую же рѣзко отрицательную точку зрѣнія, какъ и Цицеронъ въ рѣчахъ противъ Катилины [19]). Онъ называетъ революціонную массу толпой «безумцевъ», противопоставляя ее «трезвой и здоровой» части гражданъ, и клеймитъ какъ «льстецовъ и подстрекателей народа», какъ «виновниковъ безумной дерзости бѣдняковъ» [20]), людей, склонныхъ къ уступкамъ, послѣдовавъ совѣту которыхъ, «мы неизбѣжно стали бы рабами дурныхъ и низкихъ элементовъ, имѣющихся среди гражданъ» [21]). Послѣдніе никогда не осмѣлились бы бунтовать, если бы ихъ не поощряли къ тому эти достойные патріоты [22])! Типичная фразеологія классовой борьбы! Не менѣе мѣтко охарактеризованъ въ качествѣ противоположности упрямаго индивидуалиста

проникнутый соціальными тенденціями, отстаивающій государственное вмѣшательство консулъ Сервилій, который, честно стремясь къ примиренію враждебныхъ другъ другу интересовъ, желаетъ, правда, лишить богача возможности «втаптывать въ грязь» менѣе взысканныхъ судьбой, но, съ другой стороны, готовъ и охранять богачей отъ несправедливыхъ посягательствъ со стороны бѣдняковъ на ихъ имущества [23]), дабы «важнѣйшее изъ благъ въ человѣческомъ обществѣ, обезпеченіе согласія гражданъ, добросовѣстность и довѣріе при сдѣлкахъ не исчезло навѣки изъ римскаго государства». Его единомышленникъ, Мененій Агриппа, также является представителемъ характернаго общаго типа. Онъ смотритъ на вещи какъ философъ, знающій, что при классовой борьбѣ дѣло идетъ не объ единичномъ и вызванномъ чьимъ-либо произволомъ явленіи, но о неизбѣжномъ продуктѣ самой исторической жизни. Онъ старается, въ противоположность насильственнымъ пріемамъ консерваторовъ, использовать это пониманіе въ смыслѣ мирнаго улаженія конфликта. По его мнѣнію, уже мысль о томъ, что «не только у насъ и не въ первый разъ бѣднота возстала противъ богачей, низшіе противъ высшихъ, но, можно сказать, во всѣхъ государствахъ, какъ въ мелкихъ, такъ и въ большихъ, существуетъ враждебная противоположность между большинствомъ и меньшинствомъ», должна оказывать сдерживающее вліяніе. Въ виду этого слѣдуетъ не подливать масла въ огонь, а стараться предотвратить самое худшее благоразумной кротостью [24]).

Сознаніе ужаснаго соціальнаго антагонизма еще рѣзче выражается въ словахъ другого оратора: «мы распались на два государства, причемъ въ одномъ изъ нихъ господствуютъ бѣдность и нужда, а въ другомъ избытокъ и надменность [25]). Ни въ томъ, ни въ другомъ изъ нихъ нельзя найти благоговѣнія, уваженія къ порядку и къ праву, этихъ основныхъ устоевъ всякой государственности. Теперь мы отстаиваемъ другъ отъ друга наши права силой и усматриваемъ наибольшее право въ наибольшей силѣ; подобно дикимъ звѣрямъ мы болѣе желаемъ уничтожить своихъ противниковъ, хотя бы это было связано съ ущербомъ для самихъ насъ, чѣмъ уцѣлѣть вмѣстѣ съ ними». Дошедшія до насъ характеристики тѣхъ идей и настроеній, которыми были проникнуты анти-капиталистическія массы, слишкомъ соотвѣтствуютъ этой мрачной картинѣ! Въ рѣчахъ, вкладываемыхъ въ уста вожакамъ плебеевъ, содержатся образчики крайняго радикализма и ожесточеннѣйшей классовой ненависти, въ которыхъ также чрезвычайно типично отражается духъ безпокойной и насквозь проникнутой революціоннымъ духомъ эпохи.

Масса, среди которой пробудилось классовое сознаніе, поставила вопросъ: «какую пользу приносятъ намъ тѣ люди, которые властвуютъ надъ нами? Чѣмъ способствуютъ они общему благу»? И отвѣтъ на этотъ вопросъ гласитъ: «это трутни, живущіе на нашъ счетъ». Враги массы со своей соціально-консервативной государственной и общественной точки зрѣнія символизировали эту логику въ ребяческой притчѣ о возмущеніи органовъ тѣла противъ желудка. Возстаніе массы противъ господствующей олигархіи сравнивается съ тѣмъ, какъ въ баснѣ члены отказываются служить, обвиняя желудокъ въ томъ, что имъ приходится заботиться, трудиться и служить для того, чтобы доставать для него все, между тѣмъ какъ онъ спокойно занимаетъ центральное положеніе и лишь предается доставляемымъ ему наслажденіямъ [26]).

Это сравненіе весьма цѣнно для выясненія классовой противоположности, такъ какъ оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, проливаетъ яркій свѣтъ на отсутствіе соціально-политическаго пониманія въ тѣхъ кругахъ, которые усматривали въ немъ глубокую

политическую мудрость. Ясно, конечно, что въ такой республикѣ, какъ римская, возможно было лишь аристократическое правленіе. Но производитъ впечатлѣніе чистѣйшаго издѣвательства, когда, въ качествѣ вывода изъ басни, народу преподносится слѣдующее поученіе: «Какъ въ нашемъ тѣлѣ неосновательно поносимый «многими» (т.-е. членами) желудокъ питаетъ, будучи питаемъ, сохраняетъ, будучи сохраняемъ, и какъ бы потчуетъ всѣхъ, доставляя то, что полезно для всѣхъ, и что составляетъ условіе всего обмѣна веществъ, такъ въ государствѣ сенатъ, посвящающій себя выполненію общественныхъ задачъ и заботящійся обо всемъ подобающемъ каждому, все охраняетъ, блюдетъ и все приводитъ въ надлежащій порядокъ [27])». Итакъ, римское сенатское правленіе йзображается проводящимъ принципъ suum cuique, сенатъ изображается соціальнымъ органомъ, имѣющимъ такое же значеніе для жизни общественнаго организма, какъ для человѣческаго тѣла имѣетъ органъ, «равномѣрно распредѣляющій по кровеноснымъ сосудамъ кровь, являющуюся источникомъ жизни и силы, и доставляющій ее всѣмъ частямъ тѣла [28])»!

Эта аристократически-плутократическая софистика безъ дальнихъ околичностей переноситъ на государственный строй то, что примѣнимо къ идеѣ государственнаго порядка какъ къ таковой и просто эскамотируетъ соціальный моментъ, прибѣгая для этого къ чудовищному, ложному умозаключенію, въ основѣ котораго лежитъ чисто-формалистическій и односторонне политическій взглядъ на вещи. На одинаковомъ уровнѣ съ этой софистикой стоитъ и наивное оправданіе классоваго различія между бѣдными и богатыми, также восходящее къ исторіографіи революціонной эпохи [29]) и интересное въ соціально-историческомъ отношеніи уже потому, что оно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени данный общественный строй и распредѣленіе имуществъ стали проблемой для этой эпохи!—Въ виду того успѣха, который, согласно легендѣ, выпалъ на долю Менені́я, разсказавшаго вышеизложенную политическую притчу, смѣло утверждается, что и бѣдняки, собственно говоря, получаютъ выгоду отъ богатства состоятельныхъ людей, такъ какъ даже обогащеніе послѣднихъ при помощи ссуды денегъ подъ проценты не можетъ причинять ущербъ неимущей массѣ. Вѣдь если бы не было капиталистовъ, то бѣдные не могли бы найти такихъ людей, которые ссужали бы имъ деньги въ затруднительныхъ случаяхъ, такъ что ихъ ждала бы жалкая гибель.

Конечно, эта логика оказывалась убѣдительной лишь въ мірѣ легенды. Вѣдь въ дѣйствительности соціальная проблема отнюдь не могла быть разрѣшена такъ легко. Та же исторіографія, которая такъ краснорѣчиво прославляетъ гармонію интересовъ, будто бы существующую между богатствомъ и бѣдностью, и уравнивающую справедливость господствующей системы, влагаетъ въ уста вождямъ демократіи трогательныя жалобы по поводу ненасытной алчности власть имущихъ къ пріобрѣтенію земель, по поводу ростовщической эксплуатаціи народа и враждебной народу тенденціи администраціи, пріемы которой таковы, что нѣкоторымъ индивидуумамъ достается почти въ триста разъ больше земли, чѣмъ простолюдину получающему участокъ, едва достаточный для того, чтобы его владѣлецъ могъ построить себѣ на немъ жалкое жилище и быть похороненнымъ [30]). Въ другихъ мѣстахъ упоминается какъ нѣчто недостойное, что граждане, которымъ государство обязано своимъ могуществомъ, вслѣдствіе своего затруднительнаго экономическаго положенія не въ состояніи даже отстоять своей собственной свободы. Далѣе указывается на бѣдственное положеніе обезземеленнаго, бездомнаго пролетаріата. не пользующагося даже и тѣмъ уваженіемъ, котораго могутъ требовать

къ себѣ люди, принадлежащіе къ римскому народу. Это—люди вполнѣ обездоленные, разучившіеся даже любить родную землю [31]), не допускающую ихъ къ пользованію какими бы то ни было благами [32]), такъ что бѣднякъ становится прямо-таки врагомъ государства [33]). Это отсутствіе патріотизма у пролетарія обнаруживается въ ужасной формѣ у состоявшихъ изъ пролетаріевъ войскъ умирающей республики, которыя, съ жаждой мести и добычи, идутъ вслѣдъ за своими вождями на борьбу противъ родного города, чтобы тамъ силой добиться того, чего имъ не давалъ существующій общественный строй.

Въ виду этой критики общественнаго строя, вплетенной писателями болѣе поздней эпохи въ псевдо-исторію сословной борьбы, можно понять, что строй древнѣйшаго Рима производилъ на соціалиста XIX вѣка, Родбертуса, такое впечатлѣніе, какъ-будто «знатные землевладѣльцы въ древнемъ Римѣ были гнуснѣйшими ростовщиками, равныхъ которымъ нельзя найти въ исторіи». И, дѣйствительно, въ нарисованныхъ картинахъ нѣтъ и слѣда гармоніи интересовъ въ смыслѣ Менениевой басни [34]). Наоборотъ! «Постоянный искренній миръ»—говоритъ какъ-то одинъ демагогъ—«невозможенъ между нами. Классъ, стремящійся лишь къ господству, и тѣ, чей идеалъ, свобода, могутъ уживаться другъ съ другомъ лишь противъ желанія и лишь до тѣхъ поръ, пока что-нибудь принуждаетъ ихъ къ этому. Дружба и вѣрность между ними невозможны, такъ какъ обѣ стороны лишь подстерегаютъ случай нарушить миръ. Это вызываетъ обоюдное недовѣріе и безпрестанные взаимные упреки, недоброжелательность, ненависть и всевозможныя бѣдствія. Обѣ стороны наперерывъ стремятся пораньше уничтожить враждебную партію, такъ какъ нерѣшительность можетъ оказаться пагубною» [35]). «Поймите же, наконецъ,—говоритъ одинъ демагогъ у Ливія, обращаясь къ народному собранію,—какъ васъ презираютъ. Они не хотятъ даже, чтобы вы пользовались солнечнымъ свѣтомъ и лишили бы васъ его, если бы могли. Ихъ раздражаетъ уже и то, что вы дышите, что вы издаете звуки, что у васъ есть образъ человѣческій» [36]).

Въ этой борьбѣ массу поддерживаетъ сознаніе того, что враги составляютъ меньшинство, что въ борьбѣ за власть она можетъ использовать грубый перевѣсъ числа кулаковъ. «Когда же—говоритъ одинъ, фигурирующій у Ливія, демократъ, обращаясь къ толпѣ,—сознаете вы свою силу? Вѣдь природа надѣлила этимъ сознаніемъ даже животныхъ. Сосчитайте же, сколько васъ, и какова численность вашихъ враговъ [37])! Если бы вы даже были вынуждены биться одинъ на одинъ, то вы, конечно, сражались бы съ большимъ воодушевленіемъ за свою свободу, чѣмъ они за свое господство».—«Покажите, что вы готовы прибѣгнуть къ силѣ, и они сами откажутся отъ своихъ претензій. Всѣ должны сообща проявить нѣкоторую рѣшимость, или каждому индивидууму придется все выносить».—«Не допускайте же судебныхъ приговоровъ по процессамъ изъ-за долговыхъ обязательствъ» [38]). «Диктаторская и консульская власть должна быть принижена для того, чтобы римское простонародье могло поднять голову» [39]). Съ точки зрѣнія капиталистовъ, которымъ угрожала опасность, дѣятели соціальнаго движенія являются лишь грабителями, посягающими на чужое достояніе, чтобы подарить его массѣ, разрушителями, требованія которыхъ клонятся къ расторженію всѣхъ узъ, связующихъ человѣческое общество [40]). А въ другомъ лагерѣ они прославляются какъ избавители, желающіе «вывести разоряемую и угнетаемую ростовщичествомъ часть гражданъ изъ рабства къ свободѣ, изъ ночи къ свѣту» [41]).

Такъ изображается въ литературѣ, относящейся къ болѣе поздней эпохѣ, соціальная борьба въ древнемъ Римѣ. Развѣ можно еще сомнѣваться въ томъ, что

эта литература использовала въ данномъ случаѣ лозунги классовой борьбы, довольно часто раздававшіеся во время Гракховъ, Сатурнина, Марія и Цинны, Катилины, Руфа и Долабеллы на форумѣ и въ революціонныхъ клубахъ, на улицахъ и въ кабакахъ мірового города?

Достаточно сравнить съ вышеприведенными боевыми рѣчами въ этой литературѣ пламенный протестъ Тиберія Гракха противъ плутократической системы, который и въ дошедшемъ до насъ видѣ не есть продуктъ риторики, а извлеченъ изъ исторической рѣчи. «Даже у лѣсныхъ звѣрей—говорится тамъ—имѣются логовища; граждане же, сражавшіеся за честь и славу государства, не знаютъ, гдѣ склонить голову. У нихъ не осталось ничего, кромѣ воздуха и свѣта. Они должны безъ пріюта скитаться со своими семьями. Не оказывается ли безстыднымъ лицемѣріемъ, когда консулы осмѣливаются говорить этимъ людямъ предъ битвою, что они сражаются за домашній очагъ, за алтарь и могилы предковъ? Ибо гдѣ ихъ очагъ, гдѣ алтарь и могилы ихъ предковъ? Они должны проливать свою кровь и умирать не за отечество, а для того, чтобы другіе утопали въ роскоши и богатѣли [42])! И у нихъ, которыхъ называютъ владыками вселенной, нѣтъ ни клочка собственной земли» [43])!

Это было ужасное обвиненіе противъ необузданнаго капитализма, разорявшаго многіе элементы общества и обращавшаго ихъ въ пролетаріевъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ обвиненіи содержится во-истину классическая формулировка соціальной проблемы, такъ какъ оно съ безпощадной отчетливостью выясняетъ принципіальный моментъ вышеуказанной противоположности, а именно рѣзкое проживорѣчіе между формальнымъ юридическимъ и экономическимъ положеніемъ гражданина. Въ этомъ отношеніи современная соціалистическая критика, конечно, не безъ основанія находитъ, что изъ движенія, руководителемъ котораго былъ Гракхъ, «до нынѣшняго пролетаріата доносится съ трогательною внятностью пролетарскій жалобный стонъ человѣчества» [44]). Не мудрено, что на бѣдныхъ и несчастныхъ, ожидавшихъ избавленія отъ Гракха, постигшая его катастрофа произвела сильнѣйшее впечатлѣніе: они, думали, что имъ придется прямо-таки стать рабами богачей [45]).

Если уже у Тиберія Гракха нашлись такія негодующія слова, направленныя противъ ненавистной плутократіи, то какъ же говорили Катилина, Главція, Долабелла и тому подобные уличные демагоги, обращаясь къ черни, къ тѣмъ «жалкимъ и голоднымъ пьявицамъ казны», наполнявшимъ, по мѣткому выраженію Цицерона [46]), народныя собранія въ эпоху упадка республики, изъ которыхъ набирались «батальоны анархистовъ» [47]). Ихъ зажигательныя рѣчи не дошли до насъ; лишь одинъ изъ нихъ, а именно Катилина, непосредственно выводится въ качествѣ проповѣдника соціальной революціи. Но до насъ дошло не подлинное изложеніе его намѣреній, а лишь вольное риторическое воспроизведеніе ихъ, принадлежащее такому писателю, какъ Саллюстій, по отношенію къ которому всегда представляется проблематичнымъ, до какой степени тенденціозныя прикрасы преобладаютъ надъ исторической истиной. Но вѣдь не трудно было войти въ положеніе людей, которымъ, какъ выражается Саллюстій,—«приходилось переносить всякаго рода нужду и лишенія, которымъ нельзя было ни на что надѣяться ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, которымъ всякое нарушеніе общественнаго порядка уже само по себѣ представлялось чрезвычайно выгоднымъ» [48]). Ясно поэтому, что Саллюстій вкладываетъ въ уста агитатору, желавшему натравить эти элементы на господствующій классъ и—какъ самъ онъ выразился въ одномъ письмѣ—«признавшему дѣло бѣдствующихъ своимъ дѣломъ» [49]), такую критику государ-

ственнаго и общественнаго строя, которая, конечно, вполнѣ выражала задушевные помыслы не только участвовавшихъ въ заговорѣ опустившихся элементовъ, принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ общества, но и пролетаріевъ вообще. Поэтому нельзя не привести ея здѣсь, въ качествѣ воспроизводящаго дѣйствительность изображенія соціально-политическаго настроенія въ революціонную эпоху.

«Всѣ вы—говоритъ Катилина у Саллюстія—уже не разъ слышали отъ меня о моихъ замыслахъ. Но я все болѣе и болѣе воодушевляюсь, размышляя о томъ, какая участь ждетъ насъ въ будущемъ, если мы не освободимъ себя нашими активными дѣйствіями. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ государство сдѣлалось достояніемъ немногихъ вліятельныхъ людей, цари и владѣтели стали ихъ данниками, государства и народы вынуждены уплачивать имъ подати. А всѣхъ насъ, храбрыхъ и дѣльныхъ людей, знатныхъ и простолюдиновъ, они третируютъ какъ безправную чернь, мы не пользуемся ни вліяніемъ, ни почетомъ и находимся въ зависимости отъ людей, которымъ мы внушали бы ужасъ, если бы государственный строй былъ таковъ, какимъ онъ долженъ бы былъ быть. Всякое вліяніе, всякая власть, всѣ почести и богатства сосредоточиваются въ ихъ рукахъ или зависятъ отъ нихъ.

«На нашу долю они оставили лишь опасности, униженія, судебныя преслѣдованія и бѣдность. Доколѣ, храбрые мужи, вы будете переносить это положеніе дѣлъ? Не лучше ли умереть смертью мужественныхъ борцовъ, чѣмъ служить посмѣшищемъ для надменныхъ людей и, въ концѣ концовъ, позорно окончить жалкую, недостойную жизнь»?—«Кто-же, въ чьей груди бьется неробкое сердце, можетъ выносить, что у нихъ еще остаются богатства для того, чтобы расходовать ихъ на застраиваніе моря и выравниваніе горъ, между тѣмъ какъ у насъ не хватаетъ средствъ на самое необходимое, что они сооружаютъ дворецъ за дворцомъ, между тѣмъ какъ мы не знаемъ, гдѣ укрыться [50])? Они скупаютъ картины, статуи, изящную серебряную посуду; едва достроивъ зданіе, они уже разрушаютъ его, чтобы выстроить вмѣсто него что-нибудь другое; однимъ словомъ они тратятъ и проматываютъ деньги на всевозможные лады и все-таки, несмотря на всю ихъ расточительность, они остаются богатыми [51]). Наоборотъ, у насъ дома нищета, внѣ дома—долги, печально наше нынѣшнее положеніе, еще безотраднѣе наше будущее. Словомъ, что же остается у насъ, кромѣ жалкой жизни? Пробудитесь же отъ сна! Смотрите: вотъ предъ вашими глазами свобода, къ которой вы часто стремились, а съ нею богатство, почетъ и слава! Все это достанется побѣдителямъ. Общее положеніе дѣлъ, благопріятный случай, ваши опасности, ваша бѣдность, великолѣпная добыча должны оказаться для васъ болѣе энергическимъ стимуломъ, чѣмъ мои слова.—Въ качествѣ консула я надѣюсь приступить вмѣстѣ съ вами къ осуществленію нашего дѣла, если только я не обманулся въ васъ, и вы не окажетесь болѣе склонны жить какъ рабы, чѣмъ властвовать».

Въ качествѣ отраженія настроенія интересно также посланіе, отправленное, по словамъ Саллюстія, другимъ вожакомъ движенія, во главѣ котораго стоялъ Катилина, К. Манліемъ, къ посланному противъ мятежниковъ полководцу сената. «Мы призываемъ, полководецъ, боговъ и людей въ свидѣтели того, что мы взялись за оружіе не съ враждебными намѣреніями противъ отечества и не съ тѣмъ, чтобы вредить другимъ, но для того, чтобы обезпечить нашу личную свободу отъ насилій. Будучи нуждающимися бѣдняками, многіе изъ насъ лишились благодаря насиліямъ и безсердечію ростовщиковъ родного угла, а всѣ мы—добраго имени и нашихъ имуществъ. Никто изъ насъ не могъ пользоваться, по исконному обычаю,

защитой закона, никому не удалось, по утратѣ имущества, отстоять свою личную неприкосновенность. Настолько безжалостны были ростовщики и преторъ. Наши предки часто обнаруживали состраданіе къ народу и издавали постановленія, клонившіяся къ облегченію его нужды. Еще недавно, съ согласія всей сенатской партіи, въ виду крайней всеобщей задолженности, было разрѣшено уплачивать долги не серебромъ, а мѣдью. Само простонародье часто бралось за оружіе и обособлялось отъ патриціевъ, чтобы добиться большаго политическаго вліянія, или чтобы предохранить себя отъ насилій со стороны власть имущихъ. Мы же стремимся не къ власти и не къ богатству, изъ-за которыхъ возникаютъ всѣ войны и распри между людьми, а лишь къ свободѣ, отъ которой не отказывается ни одинъ порядочный человѣкъ, пока онъ живъ» [52]).

Впрочемъ, обвиненія, высказываемыя здѣсь противъ даннаго государственнаго и общественнаго строя, нисколько не рѣзче той критики, которой и въ другихъ случаяхъ тогдашняя демократія подвергала олигархическое и плутократическое классовое господство. Это показываетъ не только сравненіе съ рѣчью Тиберія Гракха, но и особенно наглядно тотъ пикантный фактъ, что самъ Саллюстій, вообще столь далекій отъ Катилины, въ томъ же сочиненіи и еще обстоятельнѣе въ своемъ позднѣе написанномъ трудѣ отзывался о государствѣ и обществѣ данной эпохи столь же рѣзко, какъ раньше, по его словамъ, Катилина. «Въ эпоху заговора Катилины — говоритъ онъ — государственныя должности провинціи и все остальное находилось въ ихъ рукахъ. Сами они невредимо и безбоязненно занимали блестящее положеніе; остальныхъ они удерживали судебными преслѣдованіями отъ использованія ихъ должностного положенія для возбужденія народа» [53]).—«Произволъ немногихъ—говорится въ «Югуртѣ» о томъ времени, съ котораго начался революціонный періодъ—имѣлъ рѣшающее значеніе на войнѣ и въ мирное время. Они располагали казной, провинціями, должностями, военными почестями и тріумфами. На долю *народа* не осталось ничего, кромѣ тягостей военной службы и *бѣдственнаго экономическаго положенія*. Его не допускали даже къ пользованію военной добычей, которую дѣлили между собой полководцы и немногія лица. Между тѣмъ родители или дѣти солдатъ лишались домовъ и земельныхъ участковъ своими вліятельными сосѣдями. Вѣдь все осквернявшая и опустошавшая алчность, развившаяся вмѣстѣ съ могуществомъ, была безпредѣльна и необузданна, для нея не существовало ничего завѣтнаго и святого [54]). Не мудрено, что, какъ выражается Саллюстій въ «Катилинѣ», «въ тотъ моментъ, когда общее политическое положеніе стало критическимъ, и казалось, что осуществимъ переворотъ, старый споръ снова взбудоражилъ страсти» [55]).

Капитализмъ подвергался критикѣ не только въ рядахъ демократической партіи. Даже такой убѣжденный сторонникъ существующихъ порядковъ, какъ Цицеронъ, не можетъ иногда не высказываться противъ людей, «обезземеливающихъ своихъ сосѣдей, чтобы составить изъ множества земельныхъ участковъ одно большое имѣніе» [56]). И даже «ортодоксальный оптиматъ», пожалуй, еще менѣе склонный симпатизировать демократическимъ революціонерамъ и въ своемъ историческомъ эпосѣ причисляющій Гракховъ на ряду съ Катилиной и Маріемъ къ числу грѣшниковъ, караемыхъ въ подземномъ мірѣ, поэтъ Луканъ [57]) возлагаетъ значительную долю отвѣтственности за бѣдствія гражданскихъ войнъ на крайнее капиталистическое вырожденіе общества и на ужасное обостреніе соціальнаго вопроса. Онъ сѣтуетъ въ своихъ «Pharsalia» по поводу необузданнаго любостяжанія, чрезмѣрной роскоши при постройкѣ дворцовъ, распространенія громадныхъ имѣній, въ которыхъ тамъ, гдѣ нѣкогда пахали землю такіе люди, какъ Камиллъ и Дентатъ, тѣс-

нятся жалкіе колоны, имена которыхъ неизвѣстны даже ихъ господину [58]), по поводу алчнаго ростовщичества [59]). Въ виду всего этого, какъ признаетъ самъ поэтъ, гражданская война должна была представляться многимъ спасительнымъ исходомъ [60]).

Вообще поэзія, которой не чуждо ничто человѣческое, не игнорировала соціальнаго вопроса. Достаточно упомянуть трогательное описаніе обезземеленія крестьянъ у Горація. Въ извѣстномъ обличеніи важничанія ненасытныхъ богачей онъ говоритъ:

Ты безпрестанно передвигаешь
Межевые знаки полей, принадлежащихъ твоимъ сосѣдямъ,
И жадно захватываешь
Участки кліентовъ: выгоняемые мужъ и жена
Удаляются, унося на рукахъ
Домашнюю святыню и несчастныхъ дѣтей [61]).

Вліяніе соціальнаго вопроса сказывается и въ другихъ сферахъ, напр., въ юстиціи. Вѣдь конфликты между богачами и бѣдняками часто разбирались въ судахъ; бѣднотѣ и ея защитникамъ зачастую представлялись случаи касаться соціальнаго вопроса вообще и высказываться по поводу ужасныхъ проявленій общественной дисгармоніи. При этомъ они говорили безъ обиняковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя произведенія, содержащія въ себѣ наставленія для адвокатовъ. Въ нихъ встрѣчаются поразительно и безпощадно рѣзкія выраженія при трактованіи темъ, относящихся къ конфликтамъ между бѣдняками и богачами. Такова, напр., приводимая у ритора Сенеки обвинительная рѣчь бѣднаго крестьянина противъ богатаго сосѣда-помѣщика, который, разсердившись на послѣдняго за отказъ продать непріятный для него платанъ, росшій у хижины бѣднаго, сжегъ дерево, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хижину [62]). Въ этой рѣчи говорится:

«Вы, богачи, владѣете землею, застраивая въ то же время города и ихъ окрестности новыми дворцами, занимающими столь обширныя пространства, что въ ихъ оградахъ текутъ рѣки и помѣщаются цѣлыя рощи.—Ты говоришь: «дерево загораживало мнѣ видъ». Но развѣ мы можемъ пойти куда бы то ни было, не наталкиваясь на толпы вашихъ рабовъ, загораживающихъ намъ дорогу? Не лишаютъ ли насъ свѣта чудовищно-высокія стѣны вашихъ домовъ? Не лишаютъ ли насъ колоссальные размѣры вашихъ залъ и дворцовъ, представляющихъ собой города въ миніатюрѣ, почти возможности поддерживать общеніе съ міромъ?—Для того, чтобы въ вашихъ виллахъ-особнякахъ зимой было жарко какъ лѣтомъ, а лѣтомъ прохладно, и чтобы въ нихъ можно было не замѣчать смѣны временъ года, для того, чтобы вы могли разводить на кровляхъ вашихъ высочайшихъ домовъ рощи и устраивать тамъ судоходные пруды, на тѣхъ поляхъ, которыя прежде обрабатывалъ народъ, теперь виднѣются одинокіе рабочіе дома, причемъ ваши управляющіе властвуютъ надъ болѣе обширными территоріями, чѣмъ цари».

Итакъ, въ данномъ случаѣ единичное насиліе служитъ исходнымъ пунктомъ для постановки соціальной проблемы во всей ея широтѣ. Простое частное обвиненіе переходитъ въ обвинительную рѣчь противъ гибельнаго для народа господства капитализма въ данную эпоху вообще.

Совершенно аналогичный пріемъ примѣняется и въ «жалобѣ бѣдняка на богача», входящей въ составъ псевдоквинтиліанова сборника «декламацій» [63]). Истецъ, бѣдный крестьянинъ, у котораго богатый сосѣдъ-помѣщикъ отравилъ на зло ему пчелъ, лишивъ его этимъ главнаго источника его доходовъ, ставитъ вопросъ такимъ образомъ, что при этомъ наглядно обнаруживается противообщественная и враждебная народу тенденція крайняго капитализма вообще. Онъ

разсказываетъ исторію своихъ личныхъ страданій какъ часть страданій цѣлаго соціальнаго класса!

«Я не всегда былъ сосѣдомъ богатаго человѣка. Вокругъ меня жили по многочисленнымъ дворамъ одинаково зажиточные собственники, поддерживавшіе между собой дружескія сосѣдскія отношенія и хозяйничавшіе на своихъ небольшихъ участкахъ. Какъ измѣнилось все это теперь! Земля, прежде питавшая всѣхъ этихъ гражданъ, представляетъ теперь собою единую обширную плантацію, принадлежащую одному богатому владѣльцу. Его имѣніе увеличилось со всѣхъ сторонъ; отъ поглощенныхъ имъ крестьянскихъ дворовъ ничего не осталось, отеческія святыни разрушены. Прежнимъ владѣльцамъ пришлось съ домашними богами и съ женами и дѣтьми удалиться на чужбину! Все кругомъ на далекое разстояніе обратилось въ однообразную пустыню. Владѣнія богача со всѣхъ сторонъ окружаютъ меня какъ стѣна: здѣсь—садъ богача, тамъ его поля, здѣсь его виноградники, тамъ его лѣса и пастбища. И я охотно переселился бы, но я не могъ найти такого мѣста, гдѣ моимъ сосѣдомъ не былъ бы какой-нибудь богачъ. Вѣдь гдѣ же не приходится наталкиваться на частныя владѣнія богачей [64])? Они даже не довольствуются уже увеличеніемъ своихъ имѣній до того, что естественными границами этихъ имѣній, подобно территоріямъ, принадлежащимъ цѣлому племени, служатъ рѣки и горы, но захватываютъ еще и отдаленнѣйшіе горныя пустыни и лѣса. Эти захваты [65]) кончаются лишь тамъ, гдѣ одинъ богачъ наталкивается на другого [66]).—Гнусное пренебреженіе, съ которымъ богачи относятся къ намъ, проявляется между прочимъ, еще и въ томъ, что они даже не даютъ себѣ труда отрицать свои, направленныя противъ насъ, посягательства» [67]).

Ювеналъ съ горькой ироніей говоритъ о священномъ величествѣ богатства, прибавляя, что недостаетъ еще только, чтобы гибельное богатство (funesta Pecunia) водворилось въ храмахъ въ качествѣ богини, и чтобы въ честь денегъ (Nummi) были воздвигнуты алтари [68])!

ГЛАВА VI.

Демократическій соціализмъ и романтическій утопизмъ.

Сопоставляя вышеприведенные случайно дошедшіе до насъ въ сохранившейся литературѣ элементы критики общественнаго строя и принимая при этомъ въ соображеніе, что они представляютъ собой лишь безконечно малую долю того, что тогда говорилось, писалось и мыслилось противъ существовавшаго экономическаго и общественнаго строя, приходится, конечно, придти къ тому выводу, что въ этой критикѣ находило себѣ выраженіе не мало соціальныхъ страстей и мятежныхъ порывовъ. Уже тѣ немногія данныя, которыми мы располагаемъ, достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что вытекавшее изъ озлобленія, обусловливаемаго нуждою, страстное стремленіе къ «перевороту во всѣхъ отношеніяхъ», распространенность котораго среди римскаго пролетаріата констатировалъ Саллюстій [1]), заключало въ себѣ весьма радикальныя соціально-революціонныя тенденціи.

Одинъ современный итальянскій писатель замѣтилъ по поводу развитія соціализма въ нынѣшней Италіи: «народный духъ, еще не успокоившійся отъ только-что окончившейся войны, не могъ примириться съ мыслью о томъ, что развитіе, ведущее къ улучшенію экономическихъ отношеній, неизбѣжно должно быть постепеннымъ. Первые итальянскіе соціалисты, отличавшіеся кипучимъ темпераментомъ и стремительностью желаній, не могли не обнаружить стремительности и при выборѣ средствъ» [2]). Не примѣнима ли эта характеристика и къ возбужденному столь тяжкими внутренними и внѣшними кризисами народному духу тогдашнихъ римлянъ, отнюдь не отличавшемуся недостаткомъ страстной стремительности?

Мы не ошибемся, утверждая, что и въ соціальномъ движеніи въ древнемъ Римѣ обнаруживались мысли и стремленія, которыя могутъ быть резюмированы соціалистическимъ лозунгомъ «освобожденіе пролетаріата». Передаваемый Ливіемъ, несомнѣнно взятый изъ революціонной фразеологіи лозунгъ гласилъ, что существовавшія государственныя власти должны были «быть принижены» для того, чтобы «римскій народъ могъ поднять свою голову» [3]). Въ этотъ кругъ революціонныхъ идей входило и требованіе, чтобы «все стало иначе» [4]). Для послѣдовательныхъ представителей этихъ стремленій они могли означать лишь то, что масса должна была стать господиномъ положенія, что она должна была захватить политическую власть или, по крайней мѣрѣ, добиться полной независимости и свободы организоваться по своему благоусмотрѣнію. Не менѣе ясно и то, что развитое пролетарское классовое сознаніе данной эпохи могло бы удовлетвориться этимъ освобожденіемъ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и освобожденіемъ матеріальнымъ, если бы оно привело къ измѣненію тѣхъ условій, въ которыхъ это классовое сознаніе усматривало главную причину соціальной униженности. Т.-е. и въ данномъ случаѣ пролетарское освободительное движеніе стремилось къ достиженію власти прежде всего потому, что его участники разсчитывали получить благодаря этому возможность оказывать рѣшающее вліяніе на распредѣленіе благъ.

Въ кулачныхъ столкновеніяхъ и въ идейныхъ конфликтахъ, въ борьбѣ страстей и взглядовъ, вызванныхъ соціальнымъ движеніемъ, начиная съ эпохи Гракховъ, побудительнымъ мотивомъ безпрестанно оказывается вошедшее въ плоть и кровь безчисленнаго множества людей убѣжденіе въ томъ, что «бѣднякъ бѣднѣе, чѣмъ слѣдовало бы, причемъ это обусловливается лишь тѣмъ, что богачи богаче, чѣмъ слѣдовало бы»! Чрезвычайно живо было чувство, что общественныя учрежденія въ высшей степени стѣснительны для экономически слабыхъ, что коренящееся въ господствующемъ правѣ собственности и все болѣе и болѣе развивавшееся неравенство условій жизни до-нельзя затрудняетъ проявленія и свободной жизнедѣятельности личности, что оно оказывается непреодолимымъ препятствіемъ для свободнаго развитія сравнительно слабыхъ элементовъ. Не означало ли, спрашивается, это глубокое сомнѣніе въ правомѣрности и цѣнности существующаго желанія освободиться отъ этихъ стѣснительныхъ оковъ?

Вполнѣ вѣрно переданная Діонисіемъ въ рѣчи друга народа Сервія соціалъ-демократическая доктрина—совершенно въ духѣ соціалистическихъ полевыхъ рабочихъ въ древнихъ Аѳинахъ [5])—гласила: «свободенъ лишь тотъ, кто свободенъ и экономически, кто можетъ служить для себя самоцѣлью и не подчиненъ никому другому для осуществленія его частныхъ интересовъ» [6]). Если по словамъ Тиберія Гракха, тотъ, кто былъ лишенъ этого счастья, могъ сказать про себя, что у него уже нѣтъ и отечества [7]), если этотъ бѣднякъ считалъ тотъ обще-

ственный строй, изъ-за котораго онъ, въ качествѣ солдата республики, проливалъ свою кровь на поляхъ сраженій, гнуснымъ рабствомъ и чувствовалъ, что мысль о существующемъ распредѣленіи богатства для него «невыносима» [8]), то что же, кромѣ принципіальнаго разрыва съ этимъ общественнымъ строемъ, оставалось для людей, послѣдовательно дѣлавшихъ конечные выводы изъ этихъ мыслей?

Ясно и отчетливо формулированная мысль о томъ, что никто не можетъ быть самостоятельнымъ, не обладая извѣстной долей средствъ производства, что понятіе «римской свободы» представляетъ собой издѣвательство, если у гражданина нѣтъ основы экономической свободы—собственности, неизбѣжно должна была послужить исходнымъ пунктомъ для соціалистическихъ выводовъ. По существу дѣла въ этой мысли заключалась идея права на обладаніе собственностью, требованіе осуществленія права свободы, libertas Romana, и въ экономической жизни, требованіе доступности внѣшнихъ условій свободы для всѣхъ гражданъ благодаря вмѣшательству государства и требованіе освобожденія томившихся въ зависимости и стѣсненномъ положеніи отъ этой нужды и отъ этихъ стѣсненій. Вышеизложенную точку зрѣнія можно было бы назвать «системой личной полноправности», «панполизмомъ», по выраженію Марло, правильно усматривавшаго въ этой системѣ подлинную сущность соціализма [9]). Въ этомъ отношеніи Тиберій Гракхъ, хотя его аграрный законъ самъ по себѣ вовсе не былъ соціалистическимъ, правильно признается однимъ изъ великихъ пророковъ четвертаго сословія, агитація котораго «бросила въ міръ искру» [10]), и уже въ его соціально-политической фразеологіи усматриваются «лозунги соціализма новаго времени» [11]).

Было правильно замѣчено, что для того, чтобы человѣкъ, находящійся въ неудовлетворительномъ положеніи, не падалъ духомъ, онъ долженъ надѣяться, что когда-нибудь его положеніе можетъ измѣниться къ лучшему, и что, въ виду примѣнимости этого «психологическаго принципа» къ политической и общественной жизни, неудовлетворительное соціальное положеніе само собой неизбѣжно должно вызывать какія-либо соціально-политическія надежды. «Если уже при нормальныхъ условіяхъ человѣкъ не можетъ обходиться безъ иллюзій относительно своей жизни и ея отношенія къ внѣшнему міру, то еще менѣе можетъ обойтись безъ нихъ человѣкъ, не удовлетворяющійся окружающей его обстановкой! Поэтому у него, на ряду со многими другими надеждами, возникаютъ мысли о такомъ состояніи его народа и человѣчества, которое было бы діаметрально противоположно существующему до сихъ поръ, при которомъ вмѣсто любостяжанія отдѣльныхъ лицъ и эгоистической борьбы всѣхъ противъ каждаго господствовали бы солидарность и взаимная поддержка» [12]). Разъ правовое сознаніе противорѣчитъ существующему экономическому строю, разъ поставленъ вопросъ объ иномъ мѣрилѣ при распредѣленіи благъ, то для установленія этого мѣрила необходимъ идеалъ соціальной справедливости. Это было особенно неизбѣжно тамъ, гдѣ экономическій процессъ Распредѣленія былъ столь энергически выдвинутъ на первый планъ въ общественныхъ дебатахъ, какъ въ Римѣ со временъ Гракховъ.

Вѣдь римскій пролетарій, давно уже систематически пріученный къ тому, чтобы, въ виду своего обладанія гражданскими правами, считать себя членомъ, такъ сказать, акціонеромъ большой экономической корпораціи, отъ которой онъ считалъ себя въ правѣ ожидать, чтобы она принимала во вниманіе его экономическіе интересы и иныя требованія, предъявляемыя имъ къ жизни [13]), особенно легко могъ дойти до идеи экономическаго осуществленія «римской свободы» и до идеи всеобщей солидарности. Онъ усматривалъ въ существующемъ госу-

дарствѣ не только организацію, существующую для достиженія политическихъ цѣлей, но принималъ за нѣчто само собой разумѣющееся, что государство осуществляло свою верховную власть и притомъ въ широкихъ размѣрахъ—и въ экономической и въ соціальной сферѣ. Неоднократное вмѣшательство государства въ отношенія между кредиторами и должниками, въ отношенія между рабочими и предпринимателями и т. д. (достаточно упомянуть законы относительно найма свободныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ), то, какимъ образомъ государство постоянно располагало народнымъ достояніемъ—а очень часто и собственностью частныхъ лицъ—въ интересахъ массъ, все это настолько же было проникнуто духомъ демократическаго государственнаго соціализма, какъ и аналогичныя явленія въ греческомъ мірѣ. Что же могло помѣшать фантазіи римскаго пролетарія пріурочивать къ этимъ практическимъ государственнымъ мѣропріятіямъ и къ столь энергически начатой Гракхами политикѣ государства, боровшейся противъ недостатковъ въ процессѣ распредѣленія законодательными и административными мѣрами, такія же смѣлыя желанія и надежды, какъ тѣ, наличность которыхъ мы вообще можемъ констатировать среди пролетаріата древняго міра?

Принимая въ соображеніе, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ разрослись два многообъемлющихъ пролетарскихъ слоя: съ одной стороны, масса тѣхъ, которые еще ничего собою не представляли, или еще ничего не имѣли, кромѣ безмѣрнаго притязанія на полное пользованіе римской свободой, съ другой стороны—лица, уже ничего собой не представлявшія, или уже ничего не имѣвшія, отбросы норядочнаго общества, можно до нѣкоторой степени нредставить себѣ, до какой степени глубоко укоренились, насколько страстны и широко распространены были инстинкты, клонившіеся къ тому, чтобы ограбить общество, чтобы вызвать катастрофу, которая постигнула бы высокопоставленныхъ и сильныхъ. Можно ли представить себѣ болѣе рѣзкое выраженіе взаимной отчужденности общественныхъ классовъ, непримиримой ненависти къ власть имущимъ и къ людямъ, занимавшимъ высокое положеніе благодаря своему богатству, чѣмъ сравненіе съ враждебной «націей», очевидно игравшее значительную роль въ зажигательныхъ рѣчахъ агитаторовъ [14])? И въ самомъ дѣлѣ можно предположить, что зачастую лозунгъ борьбы противъ этой враждебной націи гласилъ, что она должна была продолжаться до уничтоженія послѣдней, согласно упоминаемому Цицероном требованію одного демагога [15]). Въ виду этого-то «объявленіе опалы состоятельнымъ людямъ» (proscriptio locupletium), которое, по словамъ Саллюстія, обѣщаетъ своимъ сторонникамъ Катилина [16]), а также и внушавшая такой ужасъ Цицерону «конфискація имуществъ частныхъ лицъ» (ut de bonis privatorum publice deminutio fiat) [17]), навѣрно принадлежало къ числу лозунговъ соціальнаго движенія въ Римѣ. Навѣрно въ связи съ этимъ соціальнымъ антагонизмомъ находится и вызывавшій при политическихъ конфликтахъ между оптиматами и пролетаріями оживленные дебаты вопросъ о томъ, на чьей же сторонѣ слѣдуетъ искать подлиннаго и «истиннаго» народа (verus populus), «народа» sans phrase [18]). Вѣдь антагонизмъ дошелъ уже до того, что неимущій категорически заявлялъ: «тотъ, у кого что-нибудь имѣется, не можетъ быть представителемъ нашихъ интересовъ». Вѣдь бѣдный и нуждающійся не можетъ питать никакого довѣрія къ обѣщаніямъ собственниковъ. Лишь тотъ, кто самъ нуждается, можетъ быть вѣрнымъ защитникомъ интересовъ нуждающихся, лишь онъ можетъ проявить ту отвагу, которой долженъ отличаться вождь и знаменосецъ людей, находящихся въ бѣдственномъ положеніи» [19]). Въ этомъ заявленіи разрывъ пролетарскаго мышленія и чувствованія

съ исторически сложившимся обществомъ, отрицаніе счастья высшихъ классовъ, нашли наиболѣе рѣзкое выраженіе. Въ данномъ случаѣ богачъ въ самомъ дѣлѣ могъ сказать о бѣднякѣ то, что Цицеронъ утверждалъ объ опустившемся демагогѣ Гелліи, «nutricula seditiosorum»: «онъ мой врагъ исключительно вслѣдствіе того, что у него ничего нѣтъ»[20]. И не являлась ли, спрашивается, неизбѣжнымъ конечнымъ выводомъ изъ этихъ мыслей борьба противъ права собственности лежавшаго въ основѣ исторически сложившагося расчлененія общества и противоположности между роскошью богачей и голодной бѣдностой?

Пусть законы о долгахъ и аграрные законопроекты позднѣйшей эпохи республиканскаго періода, поскольку намъ извѣстно ихъ содержаніе, не были формально направлены противъ права собственности какъ такового [21]); пусть колоссальныя экспропріаціи италійской земельной собственности, производившіяся побѣдоносными полководцами въ пользу ихъ состоявшихъ изъ пролетаріевъ легіоновъ, представляли собой съ точки зрѣнія ихъ иниціаторовъ всего лишь экзекуціи, которымъ они подвергали враждебную партію, и вознагражденіе, цѣной котораго они достигали власти и упрочивали ее. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что для пролетарскаго классоваго сознанія и для коммунистической алчности массъ [22]), удовлетворять которыя приходилось демагогамъ и власть имущимъ, весьма существенное значеніе имѣло то обстоятельство, что имущества отбирались и отдавались бѣднымъ [23]) не столько у политическихъ противниковъ, сколько у богачей и собственниковъ. Для нихъ важно было, что благодаря государственному вмѣшательству въ существовавшее распредѣленіе благъ благодаря насильственному экономическому уравненію имуществъ и надѣленію ими большаго числа людей бѣднякъ все въ большей и большей степени могъ пользоваться плодами, которыхъ именно въ данномъ случаѣ было такъ много на жизненномъ пирѣ [24]).

Мотивировка аграрнаго законопроекта, предложеннаго въ 104 г. демократическимъ народнымъ трибуномъ Л. Марціемъ Филиппомъ, недвусмысленно свидѣтельствуетъ о наличности подобныхъ настроеній и вожделѣній среди массъ. Въ своей рѣчи, прямо-таки приноровленной къ инстинктамъ и страстямъ массы, онъ дошелъ до чудовищнаго утвержденія, что во всемъ государствѣ не найдется и двухъ тысячъ состоятельныхъ людей [25]). Основная тенденція, обнаруживающаяся въ этомъ фантастическомъ преувеличеніи противоположности, фактически существовавшей между плутократами и пролетаріями, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что нападки были направлены именно противъ этой противоположности какъ таковой. Въ виду тѣхъ рискованныхъ предложеній, къ которымъ, въ концѣ концовъ, привела политика, клонившаяся къ проведенію аграрныхъ законовъ, достаточно упомянуть законопроектъ Сервилія въ 64 г.!— врядъ ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы эта демагогическая аграрная политика всегда принципіально оставалась въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ принципомъ частной собственности. И не выходила ли она фактически довольно часто изъ этихъ предѣловъ, поскольку дѣло шло о сложеніи долговъ, процентовъ и квартирной платы, и при осуществленіи аграрныхъ законовъ [26])? Вполнѣ ли были неправы землевладѣльцы, усматривавшіе въ обращеніи земельныхъ участковъ, съ незанамятныхъ временъ признававшихся частною собственностью, снова въ государственную собственность, несправедливый коммунистическій грабежъ [27]), или домовладѣльцы, возражавшіе на требованіе государства, чтобы они дозволили жильцамъ не платить за квартиры [28]): «почему же, разъ я купилъ или выстроилъ домъ и дѣлаю расходы на ремонтъ, ты будешь противъ моей воли

пользоваться моимъ достояніемъ? Что же это такое, какъ не ограбленіе однихъ и раздача другимъ подарковъ на чужой счетъ»?

Тамъ, гдѣ были возможны такія посягательства на право собственности, мысль объ экспропріаціи должна была, такъ сказать, носиться въ воздухѣ [29]), и соціальное движеніе въ силу имманентной необходимости должно было приводить къ соціалистическимъ выводамъ, которые несомнѣнно выразились бы въ еще болѣе радикальныхъ практически-законодательныхъ экспериментахъ, если бы соціально-революціонное теченіе не было насильственно стѣснено благодаря уничтоженію республиканской свободы. Если бы свободное проявленіе соціально-революціонныхъ страстей и вожделѣній продолжало быть возможнымъ, то римскому обществу, пожалуй, пришлось бы дожить до того, что уличная демагогія въ самомъ дѣлѣ «уравняла бы верхи съ низами, вызвавъ всеобщій безпорядокъ и путаницу!», какъ, по преувеличенному утвержденію Цицерона [30]), это будто бы сдѣлали народные трибуны. Вѣдь въ желаніи сдѣлать это не было недостатка!

Во всякомъ случаѣ, со стороны консерваторовъ было иллюзіей, когда они думали, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для предотвращенія всякой дальнѣйшей агитаціи былъ бы раздѣлъ всѣхъ общественныхъ земель безъ изъятія, послѣ котораго позднѣйшимъ демагогамъ оставалось бы—по выраженію народнаго трибуна Ливія Друза (въ 91 г.)—развѣ что произвести раздѣлъ неба или грязи [31])! Не располагало ли государство и по раздачѣ всѣхъ государственныхъ земель достаточными средствами для того, чтобы иными путями добыть недостающее для призрѣнія бѣдноты? Вѣдь эта мысль играетъ значительную роль въ демагогической аграрной политикѣ послѣдней эпохи республиканскаго періода съ ея прямо-таки чудовищными, проникнутыми духомъ государственнаго соціализма, претензіями на использованіе государственныхъ средствъ! [32]). Но что же оставалось дѣлать въ томъ случаѣ, если бы суммъ, предназначавшихся на покупку земельныхъ участковъ, не хватило для пріобрѣтенія достаточнаго для надѣленія ею нуждающихся количества земли, или если бы землевладѣльцы отказались продавать землю по государственной оцѣнкѣ [33]), или если бы они вообще не согласились на отчужденіе своихъ земель? Что тогда? Можно ли было ожидать, чтобы разъ пробудившаяся алчность, «грабительскія поползновенія въ государствѣ» [34]), по выраженію одного враждебнаго имъ консерватора, уважили это сопротивленіе индивидуумовъ и не посягнули на ихъ собственность [35]), въ особенности въ такую эпоху, когда безцеремонное отношеніе аграрныхъ комиссій, распоряжавшихся надѣленіемъ землей, къ благопріобрѣтеннымъ правамъ и массовая насильственная передача имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія [36]) и безъ того въ высшей степени поколебала уваженіе къ частной собственности? Законопроектъ народнаго трибуна Сервилія Рулла (въ 64 г.), правда, не ставшій закономъ, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, до чего могла доходить соціальная демагогія, даже и не выходя изъ рамокъ существующаго государственнаго и общественнаго строя. Этотъ законопроектъ, который Цицеронъ иронически называетъ «превосходнымъ и пріятнымъ народу аграрнымъ закономъ» [37]), довелъ «смутную надежду» и «слѣпое ожиданіе» [38]) народа до кульминаціоннаго пункта, дальше котораго врядъ ли можно было идти, оставаясь въ рамкахъ существующаго строя. Сервилій Руллъ требовалъ надѣленія неимущихъ землею въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что оно затмило бы всѣ до тѣхъ поръ проведенныя въ Римѣ соціально-политическія мѣропріятія! Непосредственно можно было располагать лишь сдававшеюся въ аренду общественною землею въ Кампаніи, которой хватило бы лишь на 5000 участковъ по десяти югеровъ въ каждомъ. Поэтому предлагалось на-

значить комиссію, прикомандировать къ ней 200 чиновниковъ и предоставить ей неограниченныя полномочія, въ силу которыхъ она могла бы по благоусмотрѣнію производить по всей Италіи покупку земли въ широкихъ размѣрахъ. Необходимыя для этого суммы имѣлось въ виду реализировать путемъ массовой распродажи огромнаго количества государственныхъ земель внѣ Италіи, въ Азіи, Македоніи, Сициліи, Испаніи и Африкѣ, а также путемъ отчужденія всѣхъ пріобрѣтенныхъ государствомъ съ 88 года движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, которыми еще могло располагать государство, причемъ спеціально имѣлись въ виду Египетъ и Кипръ. И какъ-будто еще мало было этой фантастической всеобщей распродажи достоянія республики, на великое дѣло соціальнаго избавленія имѣлось въ виду употребить еще и значительную часть пошлинъ, десятинныхъ сборовъ и другихъ поступленій, причитавшихся съ подданныхъ, а, кромѣ того, и еще находившійся въ распоряженіи государства остатокъ военной добычи за послѣдніе годы! [39]).

Итакъ, приписываемое Діонисіемъ одному представителю интересовъ собственниковъ предсказаніе, гласившее, что раздѣлъ государственныхъ земель причинитъ еще много зла, вполнѣ оправдалось. «Благодаря ему въ государствѣ усваиваются и прочно укореняются такія привычки, которыя окажутся чрезвычайно опасными. Вѣдь вожделѣнія не устраняются изъ человѣческой души, коль скоро имъ потворствуютъ, но, наоборотъ, они еще усиливаются и ухудшаются» [40]).—«При свойственномъ массѣ образѣ мыслей она не удовлетворится и богатствами всѣхъ царей земныхъ, а всего менѣе этими небольшими земными участками» [41]). Конечно, это сужденіе слѣдуетъ признать одностороннимъ, поскольку оно просто игнорируетъ вопросъ о правомѣрной сущности аграрной реформы. Однако, оно несомнѣнно правильно въ томъ отношеніи, что вѣдь для радикальныхъ элементовъ движенія аграрные законы представляли собой лишь минимальныя требованія, приноровленныя къ данному времени, зачетныя уплаты, которыя, согласно принципу Бебеля: «почему же намъ не брать того, что мы можемъ получить», и принимались за таковыя, причемъ это отнюдь не означало отказа отъ гораздо болѣе смѣлыхъ желаній.

Уже плутократическіе противники Тиберія Гракха обвиняли его въ томъ, что его аграрные законы клонятся къ тому, чтобы вызвать «смуту въ государствѣ», что дѣло идетъ о разстройствѣ всѣхъ отношеній [42])! По мнѣнію Цицерона [43]), «человѣкъ предлагающій, изъ стремленія къ популярности, раздѣлъ земель, благодаря которому собственники лишились бы своихъ имуществъ, или же добивающійся кассированія долговыхъ обязательствъ, потрясаетъ устои государства. Общественный миръ нарушается, коль скоро имущество отбирается у одного лица и отдается другому; право и справедливость нарушаются, коль скоро не обезпечена неприкосновенность достоянія каждаго»! Конечно, подобныя сужденія прежде всего свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что односторонніе представители интересовъ собственниковъ какъ во всѣ эпохи, такъ уже и тогда умѣли выставлять свое отрицательное отношеніе къ спасительнымъ реформамъ въ благовидномъ свѣтѣ, во чтобы то ни стало вызывая призракъ разрушительныхъ стремленій даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда о таковыхъ не было и рѣчи. Однако, тотъ фактъ, что собственники вообще могли смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, доказываетъ, что, какъ бы то ни было, эта точка зрѣнія, по крайней мѣрѣ, не была несовмѣстима съ кругозоромъ данной эпохи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важны, какъ симптомы, и нижеслѣдующія, случайно дошедшія до насъ, заявленія.

Уже одинъ изъ вожаковъ онтиматовъ, Л. Калпурній Писонъ, говорятъ, иронически замѣтилъ Тиберію Гракху: «я не хотѣлъ бы, чтобы тебѣ заблагоразсуди-

лось раздать мое имущество народу, раздѣливъ его между всѣми поодиночкѣ; но если ты это сдѣлаешь, то вѣдь и я потребую причитающейся мнѣ доли» [44]). Еще опредѣленнѣе выражается Цицеронъ. Въ своемъ ученіи объ обязанностяхъ онъ называетъ вышеприведенную фразу народнаго трибуна Филиппа «ужасно опасною» и прямо-таки обвиняетъ его въ томъ, что въ основѣ этой фразы лежитъ тенденція, клонящаяся къ идеѣ «уравненія имуществъ» [45]). Иногда къ такого рода заявленіямъ Цицерона можно относиться скептически. Но, конечно, въ данномъ случаѣ, то, что онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать этотъ выводъ изъ фразы народнаго трибуна, недвусмысленно свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что понятіе «aequatio bonorum» или—какъ выражается Цицеронъ въ другомъ мѣстѣ—«pecunias aequare» [46]) въ самомъ дѣлѣ было слишкомъ хорошо знакомо той публикѣ, къ которой онъ обращается. При этомъ Цицеронъ считаетъ нужнымъ, ссылаясь на примѣръ царя Агида, въ высшей степени настойчиво внушать своимъ читателямъ убѣжденіе въ необходимости «свободнаго владѣнія» и «обезпеченія неприкосновенности собственности» [47]). Изъ этого вытекаетъ, что ужасъ, внушаемый такою, постоянно столь рѣзко порицаемою Цицерономъ «раздачею подарковъ, при которой однимъ лицамъ даютъ, а у другихъ отнимаютъ», «и тою завистью, изъ-за которой собственникамъ не легко отстоять свое достояніе или добиться возвращенія послѣдняго» [48]), тяготѣлъ на этомъ обществѣ какъ давящій кошмаръ.

Ожесточенная полемика противъ всего этого соціальнаго теченія, рѣзко отличающаяся своимъ тономъ отъ чисто-теоретическихъ разсужденій трактата объ обязанностяхъ, страстное раздраженіе, въ которое приходитъ авторъ при одномъ упоминаніи вышеприведенной фразы, и негодующія слова объ «язвѣ», создаваемой въ государствѣ подобными лозунгами,—во всемъ этомъ сказывается настроеніе, въ самомъ дѣлѣ проникнутое тревогой за неприкосновенность имущества [49]). Эта тревога становится совершенно понятной, если дѣйствительно среди массъ существовало тогда революціонное броженіе, возставшее противъ неравенства какъ такового и уже вполнѣ усвоившее мысль о насильственной экспропріаціи «немногихъ» капиталистовъ массой обездоленныхъ и нуждающихся. Этотъ мятежный духъ, конечно, долженъ былъ весьма усиливаться благодаря распространенію столь тенденціозныхъ и преувеличивающихъ утвержденій относительно будто бы ничтожнаго числа собственниковъ и огромнаго количества обездоленныхъ [50]). Этимъ объясняется и то, что Цицеронъ считаетъ нужнымъ однажды по другому поводу настойчиво внушать читателю принципъ, согласно которому, «если, благодаря своему трудолюбію, кто-нибудь богаче другихъ, то это не должно ему вредить, а если онъ по своей винѣ бѣднѣе другихъ, то это не должно служить для него источникомъ выгоды» [51]). Правда, это сказано въ полемикѣ, направленной прежде всего противъ платонова соціализма, но, конечно, при этомъ имѣлись въ виду и соціалъ-демократическія тенденціи данной эпохи.

Въ одномъ отрывкѣ изъ Діодора упоминается, что массы, стоявшія на сторонѣ Тиберія Гракха, ждали отъ него, что онъ до конца жизни будетъ бороться за то, чтобы добыть «землю для народа» [52]). Изъ вырваннаго изъ контекста отрывка не ясно, какой смыслъ имѣютъ на самомъ дѣлѣ эти слова, относилось ли ожиданіе массы всего лишь къ той долѣ находившихся въ частномъ владѣніи общественныхъ земель, которая предназначалась Гракхомъ къ конфискаціи, или же массѣ рисовалась еще болѣе грандіозная конфискація. Конечно, пришлось бы по существу дѣла остановиться на послѣднемъ толкованіи, если бы Цицеронъ былъ правъ, утверждая, что тогда народъ надѣялся не болѣе, не менѣе какъ на «проч-

пое обезпеченіе благосостоянія бѣдняковъ» [53]). Но, во всякомъ случаѣ, для тѣхъ, кто способенъ вникнуть въ соціальную атмосферу послѣдняго вѣка республиканскаго періода, не можетъ подлежать сомнѣнію, что лозунгъ греческихъ соціальныхъ революціонеровъ: «земля должна принадлежать массѣ» или «народу» [54]) раздавался и въ соціальной борьбѣ въ тогдашнемъ Римѣ.

Вѣдь этотъ лозунгъ представлялъ собой необходимый логическій выводъ изъ вышеуказаннаго понятія экономической свободы [55]), да и въ соціальныхъ легендахъ, возникавшихъ въ революціонную эпоху, на первый планъ вполнѣ послѣдовательно выдвигалась мысль о томъ, что надѣленіе по мѣрѣ возможности каждаго гражданина участкомъ національной земли составляетъ задачу воистину народолюбивой соціальной политики.

Такъ, въ соціалъ-демократической легендѣ о древнемъ царѣ Туллѣ Гостиліи повѣствуется, что «достославнѣйшимъ» изъ его дѣяній было надѣленіе всѣхъ безземельныхъ гражданъ участками изъ государственныхъ земель [56]). Этимъ «филантропическимъ» актомъ, какъ выражается Діонисій, онъ снискалъ любовь всѣхъ наемныхъ рабочихъ и бѣдняковъ вообще [57]) и избавилъ всѣхъ неимущихъ гражданъ отъ необходимости служить другимъ на чужой землѣ [58]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ позаботился и о томъ, чтобы у каждаго изъ подвластныхъ ему римлянъ было собственное жилище. Онъ приказалъ отвести всѣмъ бездомнымъ «мѣста для постройки домовъ, и самъ поселился среди избавленныхъ имъ отъ всякихъ соціальныхъ бѣдствій людей [59]). Онъ былъ защитникомъ и покровителемъ общины, которая, подобно членамъ первоначальной іерусалимской общины въ христіанской легендѣ, могла бы сказать о себѣ: «среди насъ нѣтъ ни одного нуждающагося». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ какъ бы прообразъ полнаго осуществленія того, на что, по словамъ Цицерона, толпы сторонниковъ Гракховъ надѣялись въ будущемъ [60]), или того, за что второе изъ посланій къ «Цезарю» прославляетъ доброе старое время [61]). «И у гражданина, занимавшаго низшее положеніе, не оказывалось—какъ за сохой, такъ и на войнѣ—недостатка ни въ чемъ, нужномъ для пристойной жизни, такъ что онъ довлѣлъ себѣ и отечеству» [62]). Всѣ узы соціальнаго и экономическаго порабощенія расторгнуты, всѣ стѣсненія свободы устранены, или—какъ выразился бы Прудонъ—открывается полный просторъ для осуществленія соціальныхъ функцій свободной собственности свободнаго человѣка. Гражданинъ возвращенъ самому себѣ и сдѣланъ господиномъ своей судьбы. Онъ сталъ на ту твердую почву, на которой всякій можетъ пользоваться благодѣяніями свободы, каждому достается вознагражденіе за его усердіе, плоды его трудовъ [63]). Вѣдь подобныя мечты о соціальномъ блаженствѣ весьма многозначительны!

Соображенія, высказываемыя Цезаремъ относительно аграрныхъ отношеній у германцевъ, также интересны въ томъ отношеніи, что они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эту эпоху. Цезарь старается объяснить причины возникновенія общиннаго землевладѣнія германцевъ, разрѣшившаго, по его мнѣнію, проблему распредѣленія земли въ смыслѣ полнаго равенства. Онъ перечисляетъ рядъ мотивовъ, которые, по его словамъ, приводятся въ пользу общиннаго землевладѣнія: «для того, чтобы они не стремились къ обладанію обширными владѣніями, и чтобы болѣе сильные не отнимали земли у болѣе слабыхъ»,—«для того, чтобы не развилась страсть къ деньгамъ, вызывающая возникновеніе партій и раздоры»; наконецъ, «для того, чтобы народъ оставался спокойнымъ, видя, что самые могущественные люди не богаче его самого» [64]).

Давно уже было констатировано, что эта соціалистическая утилитарная поли-

тика, основывающаяся на послѣдовательномъ проведеніи теоріи соціальнаго уравненія и «aequatio bonorum», врядъ ли имѣла мѣсто въ лѣсахъ Германіи, и что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ въ первобытную обстановку рефлексіи возникшей на почвѣ болѣе высокой культуры [65]). Въ этой аргументаціи несомнѣнно отражается настроеніе эпохи, «чреватой соціальными вопросами» [66]). Она свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль о возможности устраненія соціальныхъ и экономическихъ противоположностей путемъ установленія общности имуществъ государствомъ отнюдь не была чужда современникамъ Цезаря.

Въ одной интересной запискѣ императора Тиберія ставится вопросъ: «Противъ чего слѣдуетъ прежде всего принять мѣры, что надлежитъ прежде всего урѣзать? Огромные размѣры имѣній? Безчисленную разноплеменную челядь? Массу серебра и золота? Драгоцѣнную бронзовую утварь и картины? Роскошь мужскихъ и женскихъ костюмовъ»? Нравда, императоръ замѣчаетъ по поводу всего этого, что, хотя часто приходится слышать жалобы на всѣ эти вещи и требованія ограничительныхъ мѣръ противъ нихъ, однако, если бы были изданы соотвѣтствующіе законы, поднялся бы крикъ, что, молъ, хотятъ перевернуть въ государствѣ все вверхъ дномъ и обречь всѣхъ людей, пользующихся наибольшимъ почетомъ, на погибель [67])! Почему же подобныхъ вопросовъ и требованій не могъ формулировать и пролетарій и притомъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ они формулировались въ кругу состоятельныхъ лицъ?

Не, лишены, наконецъ въ этомъ отношеніи интереса и приписываемые Саллюстію и адресованные къ Цезарю памфлеты на тему о «реорганизаціи государства». Отнюдь не будучи продуктомъ пролетарскаго радикализма, они, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ иллюзіямъ могли предаваться соціально-политическіе идеологи въ Римѣ въ эпоху Цезаря [68]). Въ этихъ памфлетахъ отъ человѣка, подъ предводительствомъ котораго демократическая партія, наконецъ, одолѣла твердыню плутократіи, требуютъ не болѣе, не менѣе какъ того, чтобы богъ богатства былъ, наконецъ, низринутъ съ пьедестала, чтобы господство капитала было сокрушено! Въ этихъ посланіяхъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, рельефно сказывается наклонность выставлять широковѣщательныя программы и увлекаться блестящей полемикой, не приходя къ конкретнымъ и практически осуществимымъ выводамъ [69]), часто встрѣчающаяся наклонность по вѣрному замѣчанію одного современнаго итальянскаго писателя, у латинской расы.

Для того, чтобы доставить обществу желанный миръ и навсегда искоренить бѣдствія, вызываемыя раздорами [70]), Цезарь долженъ путемъ законодательныхъ мѣръ добиться того, чего, по собственному признанію автора, нравственно испорченное общество уже не въ состояніи сдѣлать добровольно. Подобно Періандру Цезарь долженъ позаботиться о томъ, чтобы никто не жилъ роскошнѣе, чѣмъ позволяютъ его средства. Благодаря этому былъ бы устраненъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ хищнической эксплуатаціи [71]). «Отнынѣ поставщикъ долженъ исчезнуть съ лица земли, дабы каждый пріучился довольствоваться своими средствами. Таково вѣрное и простое средство, ведущее къ тому, чтобы должностныя лица служили народу, а не кредитору» [72]). У подрастающей молодежи слѣдуетъ развивать добросовѣстность и трудолюбіе; отнынѣ она не должна стремиться къ роскоши и къ богатству! [73]) А это произойдетъ въ томъ случаѣ, если деньги, являющіяся источникомъ всякой испорченности, утратятъ благодаря Цезарю вліяніе и привлекательность [74])! Онъ доставитъ отечеству, согражданамъ да и всему роду человѣческому величайшее счастье, искоренивъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе ограничивъ любостяжаніе [75]), а прежде всего уничто-

живъ могущество денегъ [76]). Пусть знатные и богатые люди приходятъ въ ярость по поводу этихъ «суровыхъ» [77]) требованій, пусть они негодуютъ и возмущаются тѣмъ, что будто бы все переворачивается вверхъ дномъ [78]),—конечный результатъ, а именно истинное обновленіе народа, его возрожденіе [79]) стоитъ этихъ усилій. Что же касается указаннаго обновленія, для котораго, правда, требуется еще и привлеченіе новыхъ элементонъ, то авторъ смотритъ на дѣло настолько оптимистически, что, по его мнѣнію, уже реформы, относящіяся къ порядку голосованія въ комиссіяхъ, напр., проведенное нѣкогда К. Гракхомъ устраненіе права высшихъ и наиболѣе состоятельныхъ классовъ подавать голосъ прежде другихъ, представляютъ собой «сильно дѣйствующія средства противъ богатства». Вѣдь, по мнѣнію автора, благодаря этому «уравненію»—совершенно какъ въ ликурговомъ государствѣ [80])—вызвано было бы соревнованіе, причемъ дѣло шло бы о превосходствѣ уже не богатства, а дѣльности [81]). Это былъ старый предразсудокъ, будто вмѣстѣ съ новыми учрежденіями появилось бы и новое, несравненно лучшее поколѣніе людей! Таково должно быть послѣдствіе реформы, при посредствѣ которой въ свое время К. Гракхъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, доставить столичному пролетаріату перевѣсъ при выборахъ! Авторъ утверждаетъ даже, что всѣ порицаемые имъ недостатки господствующаго общества: постройка дворцовъ и виллъ, роскошь изваяній, пурпурныхъ тканей и вообще домашняго убранства, равно какъ и развратъ, исчезнутъ, коль скоро деньги перестанутъ «быть въ чести» [82])! Въ этой напыщенной фразеологіи, очевидно, сказывается доктринерство, какъ небо отъ земли далекое отъ «практической трезвости». При этомъ обнаруживается своеобразный контрастъ между высокопарностью этой фразеологіи и грубымъ фактомъ опирающейся на армію тиранніи, къ которой стремилась, какъ къ своей конечной цѣли, та сила, къ которой обращается авторъ, и въ которой онъ видитъ носительницу идеи національнаго и соціальнаго возрожденія! Не наводитъ ли это само собой на мысль о томъ, что, если даже образованные классы римскаго общества могли предаваться подобнымъ иллюзіямъ впадать въ такой утопизмъ, то до какихъ же фантазій могла доходить революціонная идеологія пролетарія!

Утопизмъ образованныхъ людей, проявляющійся и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ, не лишенъ значенія для выясненія занимающаго насъ вопроса въ томъ отношеніи, что онъ, по крайней мѣрѣ, даетъ намъ нѣкоторое представленіе о томъ, какія чувства могли возникать въ глубинахъ народной души подъ вліяніемъ гнета, тяготѣвшаго надъ нею въ данную эпоху [83]). Традиція не даетъ намъ возможности проникнуть въ эти чувства. Но, во всякомъ случаѣ, вышеуказанное идейное направленіе въ образованныхъ кругахъ и народныя ощущенія имѣютъ одну общую черту, а именно чувство неудовлетворенности и недовольства существующимъ, нерѣдко возникающее въ высоко-культурныя эпохи благодаря повышенію и утонченности впечатлительности нервной системы и въ высшихъ слояхъ общества. Правда, въ этой соціальной романтикѣ образованныхъ людей, находящей свое выраженіе въ поэзіи, въ исторіографіи и въ философіи, не обнаруживается того интереса къ реформамъ и той вѣры въ нихъ, которыми былъ проникнутъ авторъ вышеупомянутыхъ посланій. Для этой романтики осуществленіе идеала имѣло мѣсто не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Да и тотъ характеръ, который принимали представленія объ идеальномъ прошедшемъ въ этихъ литературныхъ кругахъ, доказываетъ, что въ данномъ случаѣ весьма значительную роль играло намѣренное подражаніе, искусственное воспроизведеніе чувствъ, выражавшихся въ иностранныхъ образцахъ, а именно въ изображеніяхъ идеальнаго обще-

ственнаго строя въ греческой литературѣ отъ Гесіода до стоиковъ. При чтеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ римскихъ изображеній «сатурнова» вѣка блаженной невинности и вѣчнаго мира тотчасъ чувствуется ихъ шаблонный характеръ. Они отзываются школьной рутиной и зачастую представляютъ собой не что иное, какъ игру фантазіи, элегантныя эффектныя картины, въ которыхъ реальность созерцаемыхъ объектовъ вообще не существенна, да и выставляемый на показъ восторгъ, вызываемый этимъ первобытнымъ блаженствомъ, отнюдь не отличается неподдѣльностью. Развѣ можно, напр., повѣрить, что Тибуллъ въ самомъ дѣлѣ восторгается прекрасной эпохой свободной любви [84]), или Овидій, въ иныхъ случаяхъ свысока, какъ культурный, цѣнящій комфортъ, человѣкъ, смотрящій на старинный крестьянскій Римъ съ его соломенными крышами и стадами и на соломенныя подстилки, на которыхъ спало Ромулово племя [85]), искренне прославляетъ, подобно Вергилію, райскую невинность златого вѣка [86]), къ которой именно онъ всего менѣе стремился! Однако, уже то, что излюбленныя варіаціи на эту тему безпрестанно встрѣчаются въ литературѣ—и притомъ не только у поэтовъ,—наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько эта тема была популярна, и до какой степени она соотвѣтствовала весьма распространенному настроенію и направленію мысли.

Мы назвали это настроеніе романтическимъ, такъ какъ оно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ характеру эпохи, въ которую еще не сгладилось противорѣчіе между старыми и новыми вѣяніями. Это была одна изъ тѣхъ эпохъ разложенія старыхъ и возникновенія новыхъ формъ, въ которыя отзывчивыя натуры, одаренныя пылкимъ воображеніемъ, всегда чувствовали потребность чисто-романтически, по крайней мѣрѣ, мысленно, найти исходъ, отрѣшаясь отъ дѣйствительности съ ея злободневными противорѣчіями и гнетомъ, и забываясь въ чарованьи вымысловъ. Даже у такого поэта, какъ Горацій, иногда выражается стремленіе попасть въ тотъ, расположенный за океаномъ, божественный пріютъ блаженныхъ, которые свободны отъ муки и бѣдствій, составляющихъ удѣлъ историческаго общества [88]), въ тѣ счастливые острова, о которыхъ разсказывали, что одинъ изъ великихъ вождей въ борьбѣ за народное дѣло, Серторій, совершенно серьезно усматривалъ въ нихъ послѣднее прибѣжище [87]). Стремленіе вернуться отъ неугомонной погони за наживой и наслажденіемъ [88]), отъ изнѣженности утонченной культуры, отъ «рабства среди золота и мрамора» [89]) къ подлинной простой, естественной жизни, къ безмятежному спокойствію на лонѣ природы и къ общенію съ природой, при которомъ только и можно чувствовать себя «истиннымъ потомкомъ царя Сатурна» [90]), напоминаетъ то настроеніе, которымъ проникнуты Руссо и Толстой. Все это сентиментальное, неопредѣленное влеченіе среди дисгармоніи современнаго общества къ невозвратно потерянному блаженству идеализированнаго прошлаго, наконецъ, воплощеніе этихъ настроеній въ идеалѣ коммунистическаго царства божія на землѣ, рисующагося въ видѣ златого «Сатурнова» вѣка (Saturnia regna!)—все это въ самомъ дѣлѣ проникнуто романтизмомъ. Вѣдь въ основѣ романтики лежитъ разладъ съ дѣйствительностью!

Эта романтическая утопія, въ которой изображался нѣкогда царившій вокругъ Капитолія миръ, при которомъ всѣ были свободны и жили какъ братья, на всѣ лады разукрашивалась въ римской литературѣ, пока, наконецъ, служившіе при этомъ образцами идеальные типы, созданные греческой фантазіей, не усвоили вполнѣ римскаго облика.

Такъ, напр., у Вергилія говорится:

До Юпитера никто не обрабатывалъ полей,
Не было принято размежевывать земельные участки;

Все было общедоступно. Сама земля болѣе щедро
И въ большемъ обиліи доставляла все, такъ какъ никто не прибѣгалъ къ насилію [91]).

Это было выраженіе вполнѣ коллективистическаго идеала! Его выражаетъ и Тибуллъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, людямъ отлично жилось въ царствѣ Сатурна,
Пока еще не были проложены дороги,
Корабли еще не разсѣкали морскихъ волнъ,
И парусъ еще не подставлялъ груди дуновенію бури,
Въ домахъ не было воротъ, границы не обозначались межевыми знаками,
Отдѣляющими теперь другъ отъ друга земельные участки, согласно незыблемому закону [92]).

Особенно удачно формулируетъ общинный идеалъ Овидій:

Землемѣръ тщательно отмѣтилъ длинной межой
Границы полей, нѣкогда бывшихъ общимъ достояніемъ, подобно солнечному свѣту и воздуху» [93]).

Историки, со своей стороны, не считаютъ ниже своего достоинства повѣствовать о вещахъ, изображенныхъ вышеупомянутыми авторами въ поэтической формѣ, хотя они и называютъ эти разсказы преданіями. Такъ, напр., Помпей Трогъ упоминаетъ о царѣ Сатурнѣ, который былъ «до такой степени справедливъ», что при немъ ни одному человѣку не приходилось служить кому-либо другому [94]) и ни у кого не было частной собственности, но все было общимъ и нераздѣльнымъ достояніемъ, какъ-будто всѣ они владѣли единой отчиной» [95]). Память объ этомъ общественномъ идеалѣ живетъ въ той «всеобщей равноправности», которая имѣетъ мѣсто хоть разъ въ годъ при празднованіи сатурналій между господами и рабами [96]).

Особенно интересно въ этой концепціи подчеркиваніе «справедливости», какъ руководящаго принципа идеальнаго соціальнаго государства. Вѣдь оно свидѣтельствуетъ еще и о томъ, что эта концепція въ самомъ дѣлѣ имѣла въ глазахъ многихъ людей критическій и программный характеръ, что и въ Римѣ мышленіе, занятое проблемой соціальнаго долженствованія, старалось установить основную норму для оцѣнки всякой общественной жизни, теорію соціально-справедливаго. Оно доказываетъ, что и римская мысль, вполнѣ примыкавшая къ греческой, не успокаивалась, пока ей не удавалось установить въ этой сферѣ верховный, не выводимый принципъ долженствованія, исходя изъ котораго, оно создавало столь же гармоническую картину многообразныхъ соціальныхъ явленій,—человѣческихъ поступковъ и взаимоотношеній между людьми, какъ и изображеніе царства природы, соотвѣтствовавшее тогдашнему романическому воззрѣнію на природу [97]). Вѣдь въ основѣ представленія о Капитоліи въ эпоху Сатурна, какъ объ обители воплощенной справедливости, несомнѣнно лежитъ общая мысль о томъ, что частная собственность и классовыя различія, собственно говоря, суть нѣчто несправедливое, что воистину справедливый общественный строй тожественъ съ общностью имуществъ и съ совершеннымъ соціальнымъ равенствомъ.

Даже такой милліонеръ между философами, какъ Сенека, лично вовсе несклонный дѣлать практическіе выводы изъ этого фантастическаго соціализма, поддавался обаянію романтической утопіи [98]). И онъ иной разъ восторгается «тѣми блаженными временами, когда всѣ безъ изъятія могли пользоваться дарами природы», когда алчность и роскошь еще не могли оказывать своего противообществен-

наго вліянія, и всеобщая солидарность еще не была уничтожена благодаря разобщающей тенденціи хищническихъ инстинктовъ [99]). «Кто былъ счастливѣе—восклицаетъ онъ—этого поколѣнія людей? Они сообща пользовались дарами природы. А послѣдняя—какъ добрая мать—сама заботилась о прокормленіи всѣхъ. Это было надежное обладаніе общимъ достояніемъ» [100]). Итакъ, это поколѣніе было богаче всѣхъ: вѣдь среди него нельзя было найти ни одного бѣднаго! Такъ хорошо жилось людямъ, когда вдругъ появилось любостяжаніе, побудивъ людей откладывать нѣкоторыя вещи въ сторону для исключительнаго пользованія ими, оно сдѣлало изо всего чужое (достояніе), стѣснило доступность безпредѣльнаго изобилія благъ, породило бѣдность и, погнавшись за многимъ, утратило все [101]). Пусть оно усиленно старается возвратить потерянное; пусть одинъ земельный участокъ захватывается за другимъ, причемъ сосѣдъ выдворяется за деньги или насильно; пусть имѣнія расширяются до размѣровъ провинцій и называются имѣніями лишь въ томъ случаѣ, если приходится совершить длинное путешествіе для того, чтобы обойти ихъ,—никакое расширеніе предѣловъ нашихъ владѣній не вернетъ насъ къ исходному пункту. Сдѣлавъ все возможное, мы въ крайнемъ случаѣ будемъ владѣть многимъ, между тѣмъ какъ нѣкогда все было нашимъ достояніемъ». «Тогда ни у кого не могло оказываться ни излишка, ни недостатка; вѣдь все распредѣлялось по взаимному согласію [102]). Сильный еще не угнеталъ слабаго, еще не было алчныхъ людей, извлекающихъ блага изъ обращенія, чтобы они лежали втуне, вслѣдствіе чего другіе не могутъ достать даже необходимаго. Люди заботились о ближнихъ какъ о самихъ себѣ [103]), Оружіе бездѣйствовало, не обагряемыя человѣческою кровью руки подымались лишь противъ дикихъ звѣрей». «Эти люди безмятежно проводили спокойныя ночи въ своихъ лѣсахъ и подъ простыми навѣсами изъ листьевъ. А намъ гнетущія заботы не даютъ спокойно заснуть на нашихъ пурпурныхъ ложахъ. Наоборотъ, какъ спокойно спали они на жесткой землѣ!». «Надъ ними не висѣло драгоцѣнной утвари и затѣйливыхъ продуктовъ рѣзной работы,—у нихъ еще не было дворцовъ, напоминающихъ города. Они пользовались свѣжимъ воздухомъ и свободнымъ проходомъ чрезъ открытыя пространства, тѣнью подъ скалами и деревьями, водой, свободно струившейся изъ чистыхъ источниковъ и въ ручьяхъ, а не безвкусной и не загнанной въ трубы и искусственные водопроводы. Среди безыскусственно красивыхъ луговъ находилась сельская хижина, убранная незатѣйливо, на сельскій ладъ,—таково было естественное жилище» [104]).

Однимъ словомъ, это была сентиментальная идиллія въ чистѣйшемъ видѣ, въ которой соціальный утопизмъ достигъ кульминаціоннаго пункта, дальше котораго не могъ бы пойти даже и Зенонъ. Вѣдь какъ въ зеноновомъ государствѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ разума [105]), этому поколѣнію, жившему въ вѣкъ Сатурна, невѣдомо не только право частной собственности, но и вообще всякое право, осуществляемое принудительными мѣрами. Люди, бывшіе въ состояніи осуществлять коллективистическій идеалъ въ столь чистомъ видѣ, должны были быть совершенно свободны и отъ индивидуалистической морали, которой проникнуты въ настоящее время, при существованіи частной собственности, люди, насильственные инстинкты которыхъ должны быть сдерживаемы въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ законами. Вѣдь соціально-этическій духъ, господствовавшій въ этомъ погибшемъ мірѣ, по существу дѣла исключалъ всякую возможность какихъ бы то ни было конфликтовъ съ прирожденнымъ нравственнымъ закономъ, какой бы то ни было преступности. Поэтому такое общество и не нуждалось въ какихъ-либо предохранительныхъ мѣрахъ, такъ какъ въ немъ, какъ и въ соціальномъ

государствѣ Зенона, не существовало противоположности между волей отдѣльныхъ лицъ и волей общества [106]).

Притомъ не одни поэты и философы усваивали самыя смѣлыя идеи, до которыхъ дошла греческая мысль. Вѣдь даже такой историкъ, какъ Тацитъ, счелъ возможнымъ безъ дальнихъ околичностей отвести этимъ фантастическимъ построеніямъ мѣсто въ своихъ историческихъ трудахъ! Подобно Зенону, Толстому, Ибсену, и онъ мечтаетъ о возможности человѣческихъ обществъ безъ всякихъ карательныхъ и государственныхъ мѣръ! Для него исторія фактически начинается съ общинной жизни, характеризующейся отсутствіемъ государственности и основанной на идеальномъ равенствѣ и справедливости (aequalitas)! Всякій правовой порядокъ представляется ему чѣмъ-то вторичнымъ. Сперва существовалъ мирный анархизмъ «древнѣйшихъ смертныхъ», которымъ были еще совершенно невѣдомы эгоистическая конкуренція и всякое насиліе [107]).

Съ другой стороны, всѣмъ этимъ представителямъ соціальной романтики свойственна одна общая черта, низводящая насъ съ высотъ утопіи на почву грубой дѣйствительности. Они отнюдь не помышляютъ о томъ, чтобы вышеуказанное первобытное естественное состояніе могло вновь установиться на болѣе высокой стадіи развитія. Достаточно упомянуть имена мыслителей, до такой степени проникнутыхъ соціальнымъ консерватизмомъ, какъ Сенека и Тацитъ, чтобы стало ясно, до какой степени въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о постановкѣ соціалистическихъ цѣлей. Въ этихъ кругахъ—по крайней мѣрѣ, поскольку мы можемъ судить объ этомъ на основаніи сохранившихся источниковъ—коллективистическій идеалъ остается утопіей, которая не м о ж е т ъ, хотя, пожалуй, и д о л ж н а б ы л а б ы осуществиться. Единственная попытка обратить утопію въ дѣйствительность, о которой упоминается кое-что въ исторіи соціальной романтики образованныхъ людей въ Римѣ въ императорскую эпоху, представляетъ собой нелѣпый фарсъ, иниціаторомъ котораго, впрочемъ, былъ не римлянинъ, а грекъ. Это—извѣстный разсказъ о неоплатоникѣ Плотинѣ, пользовавшемся большимъ расположеніемъ у императора Галліена (261—268) и у его супруги и задумавшемъ фантастическій планъ использовать это положеніе для того, чтобы осуществить платоновъ государственный идеалъ, причемъ не сообщается, имѣлся ли въ виду идеалъ «государства», или идеалъ «законовъ». Предполагалось снова выстроить одинъ разрушенный городъ въ Кампаніи, въ которомъ будто бы прежде когда-то уже существовало государство философовъ (пиѳагорейское?), причемъ императоръ долженъ былъ надѣлить его прилегающей землей. Будущіе обитатели новаго города должны были жить согласно платоновымъ законамъ, а городъ долженъ былъ называться Платонополемъ. Въ немъ долженъ былъ поселиться самъ Плотинъ со своими друзьями и учениками.

Не извѣстно, какъ отнесся къ этому ребяческому проекту римскій императоръ. Но ученикъ и біографъ Плотина, Порфирій, относящійся къ этому эпизоду совершенно серьезно, съ довольно наивнымъ оптимизмомъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что желаніе философа могло бы очень легко быть выполнено, если бы этому не воспрепятствовало недоброжелательство придворныхъ, изъ зависти, или изъ боязни, или подъ вліяніемъ какого-нибудь иного дурного мотива помѣшавшихъ осуществленію всего этого прекраснаго проекта [108])!

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что салонный соціализмъ модной философіи не могъ быть послѣднимъ словомъ общества, среди котораго изъ поколѣнія въ поколѣніе усиливался гнетъ политической, соціальной и экономической неурядицы, причемъ въ немъ все-таки еще таилась

масса живыхъ силъ, не поддававшихся ни мрачному пессимизму, ни безмысленной погонѣ за наслажденіями, до такой степени, чтобы эти свойственныя данной эпохѣ настроенія заглушили въ нихъ вѣру въ идеалъ.

Въ затхлой атмосферѣ абсолютизма и плутократизма соціальная романтика вырождалась среди высшихъ слоевъ общества въ пустую забаву. Въ будуарахъ знатныхъ римскихъ дамъ въ платоновомъ государствѣ усматривалась проповѣдь свободной любви, причемъ «эти дамы» предполагали, что эта книга способна удовлетворять ихъ похотливую жажду сенсацій, и что въ ней можно найти благовидные предлоги, оправдывающіе развратную жизнь эмансипированныхъ женщинъ [109]). Но въ низшихъ слояхъ населенія римскаго государства давно уже началось движеніе участники котораго были проникнуты непоколебимою увѣренностью въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ путь, способный вывести человѣчество изъ сей юдоли скорбей и открыть ему лучезарные острова блаженныхъ! При этомъ вновь оживаютъ и принимаютъ своеобразную форму старинныя мечты о первобытномъ блаженствѣ человѣка по потерянномъ раѣ, который предстоитъ вновь обрѣсти. Вѣра въ то «божественное провидѣніе», которое нѣкогда предвосхищалъ Платонъ, въ возможность соціальнаго и нравственнаго возрожденія благодаря появленію могучаго генія-реформатора изъ рода «боговъ и сыновъ божіихъ» находитъ здѣсь конкретное воплощеніе въ народныхъ сердцахъ. Въ глубинахъ общества растетъ община труждающихся и обремененныхъ, на с в о й ладъ въ самомъ дѣлѣ до и з в ѣ с т н о й степени представляющая собою идеально связанную е д и н с т в о м ъ воззрѣній и чувствованій, помысловъ и настроеній, памѣреній и цѣли массу, которую, по мнѣнію Платона, предполагаетъ соціальное государство будущаго. И эта масса отчасти была не менѣе радикальна въ своемъ отрицаніи пораженнаго недугомъ общества, въ выработкѣ коллективистическаго идеала. Идейное движеніе, съ неудержимою силой стремившееся къ этому идеалу подъ вліяніемъ могучихъ религіозныхъ и соціально-этическихъ стимуловъ, доходитъ въ представленіи о «тысячелѣтнемъ царствѣ» до кульминаціоннаго пункта утопизма, непосредственно напоминающаго зеноново соціальное общечеловѣческое государство. Въ теченіе вѣковъ въ участникахъ этого движенія живетъ нетерпѣливая надежда на вмѣшательство могучей силы, которая искоренила бы зло въ корнѣ, на грандіозную катастрофу, благодаря которой, наконецъ, все же въ самомъ дѣлѣ осуществилось бы царство истинной свободы, равенства и братства!

И даже тогда, когда этотъ идеалъ, эта надежда на всеобщій крахъ всего земного при наступленіи единаго великаго вселенскаго кризиса, уже значительно поблекъ, еще въ концѣ четвертаго вѣка раздается обращенный къ тысячамъ людей, толпившимся вокругъ каѳедры краснорѣчиваго константинопольскаго патріарха, восторженный призывъ къ основанію соціальной и экономической общины, долженствующей вывести ихъ изъ тьмы капиталистическаго злополучія въ лучезарный рай соціализма, въ «небо на землѣ» [110]).

Здѣсь соціализмъ находится въ связи съ идейнымъ теченіемъ, причины возникновенія и конечныя цѣли котораго лежатъ далеко за предѣлами «классической» культуры и ея идейнаго міра. Поэтому характеристика этого теченія должна быть дана при спеціальномъ изложеніи исторіи религіозныхъ формъ проявленія соціализма въ древнемъ мірѣ.

Пёльман, Роберт.

Примечания

[Stable URL: http://elar.univar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1600]

[Публикация работы:]
Пёльман Р. 1910: Примечания // История античного коммунизма и социализма. СПб. С. 584-710.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Предисловіе.

1) Книга Cognetti de Martiis, «Socialismo antico» (Туринъ, 1889) трактуетъ только отдѣльныя части задачи и не даетъ глубокаго анализа и систематической обработки матеріала.

2) Правда, если будутъ продолжать смотрѣть на право и государство какъ на «древности» и соотвѣтственно этому трактовать ихъ—такой взглядъ находимъ мы въ только-что появившемся извѣщеніи о третьемъ изданіи «Реальной Энциклопедіи» Паула—то о живомъ пониманіи ихъ въ духѣ современной государственной и соціальной науки не можетъ быть и рѣчи.

3) Путаница, царящая въ этой области, напр., по вопросу о понятіи «соціализмъ», обозначается справедливо однимъ изъ выдающихся систематиковъ словомъ «жалкая». S. Dietzel, «Beiträge zur Gesch. des Socialismus und Kommunismus», «Ztschr. f. Lit. u. Gesch. des Staatsw.», I, 1). Ср. въ «Введеніи» въ прекрасной книгѣ того же автора то, что сказано о Родбертусѣ. Но и въ высшей степени остроумная и плодотворная попытка Дитцеля создать новую терминологію не осталась безъ возраженій; и, дѣйствительно, врядъ ли возможно проводить, какъ это онъ дѣлаетъ, рѣзкую грань между понятіями «соціализмъ» и «коммунизмъ». Такое хаотическое состояніе, царящее въ области исторіи догмы, да послужитъ оправданіемъ тому, что положенное въ основу настоящей книги пониманіе соціализма, какъ понятія субсуммирующаго стремленія, направленныя на всяческую соціализацію народнаго хозяйства и общества, не можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ.

4) Мы проникаемся въ данный моментъ нашего развитія извѣстной тоскою, вспоминая о времени, когда такой радикальный исправитель міра, какъ Лассаль, говорилъ тепло и съ полнымъ признаніемъ объ основахъ нашего высшаго образованія, высшаго образованія той эпохи, которую онъ, какъ таковую, считалъ «отходящей».

5) Въ предисловіи къ «Гракхамъ».

6) См. мою работу «Das klassische Altertum in seiner Bedeutung für die politische Erziehung des modernen Staastbürgers» (Beilage z. allg. Ztg., 1891, № 26 u. 27).

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЭЛЛАДА.

ГЛАВА I.

Отдѣлъ I.—Коммунизмъ первобытныхъ временъ.

1) Ср. особенно Schrader, «Sprachvergleichung und Urgeschichte», 2, стр. 407 и сл.

2) I, 2.

3) Ср. общую характеристику этой системы хозяйства у Middendorff'a, «Einblicke in das Ferghana-Thal». «Memoiren der Petersburger Akademie», 1881, стр. 457 и сл., также Meitzen, «Das Nomadentum der Germanen und ihrer Nachbarn in Westeuropa», Abh. des 2. deutschen Geographentages zu Halle, 1882, стр. 75 и сл.—«Die Individualwirtschaft der Germanen u. s. w.», Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1883, стр. 11 и сл.

4) Ср. о сохранявшемся въ Греціи во всѣ времена обычаѣ перехода стадъ, обусловленномъ различными поясами растительности, Neumann-Partsch, «Physikalische Geographie von Griechenland», стр. 404.

5) Schrader, указ. соч., стр. 420.

6) Ср. изслѣдованіе Much'a, «Waren die Germanen Wanderhirten» (Zeitschr. f. deutsches Altertum, 1892, стр. 97 и сл.) и Hirt'a, «Die Urheimat der Indogermanen». Indogermanische Forschungen, 1892, стр. 485.

7) Эти образующіе общины союзы могутъ быть или отдѣльными родами (что имѣло мѣсто обыкновенно), или вѣтвями одного большого рода, или же соединеніями нѣсколькихъ родовъ.

8) У иранцевъ vis не только деревня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и родъ. Ср. Geiger, «Ostiranische Kultur im Altertum», стр. 421. У народа веддъ родственники (jânman) живутъ вмѣстѣ въ одной деревнѣ (grama). Zimmer, «Altindisches Leben», стр. 159 и сл. Также и у германцевъ разселеніе происходило по родамъ (cognationes hominum, qui una coierunt. Caes. B. g. VI, 22). И если это также имѣетъ отношеніе къ еще полукочевому состоянію, то часто встрѣчающееся для деревни (vicus) болѣе позднее обозначеніе genealogia (напр., L. Alam, 87) указываетъ на обычность патронимическихъ названій мѣстностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на связь между германской сельской и племенной общиной. Ср. Gierke, «Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft», I, 60 и сл. Schröder. D. R. G., I, 12. Brunner, D. R. G., I, 84. Что касается славянъ, то входящіе въ составъ русскаго «міра» считаются, по крайней мѣрѣ, потомками одного и того же родоначальника. О родовой деревнѣ южныхъ славянъ ср. особенно Kraus, «Sitte und Brauch der Südslaven», стр. 23 и слѣд. У римлянъ affines—пограничные сосѣди, но, въ силу этого, первоначально обыкновенно и родственники. Festus, p. 11: affines in agris vicini sive consanguinitate conjuncti. Ср. Leist, «Gräco-italische R. G.», стр. 103. Schrader (ук. соч.), стр. 787 и сл.

9) Политика, I, 2, 7; 1252b. И родовое обозначеніе аттическихъ общинъ (Филаиды, Пэониды, Бутады и др.) объясняется отчасти связью между родовымъ союзомъ и поселенческою общиною. Сюда же относится древнѣйшее дѣленіе народа на фратріи (φρήτρη у Гомера), которыя первоначально, очевидно, совпадали съ южно-славянскими братствами (территоріальные союзы кровныхъ родственниковъ). См. Kraus, указ. соч., стр. 2. Töpfer, «Attische Genealogie», не имѣетъ отношенія къ данному вопросу.

10) Мы не говоримъ здѣсь о представляющемъ, конечно, исключеніе случаѣ, когда, вслѣдствіе особыхъ условій почвы или особыхъ склонностей племени, разселеніе происходило отдѣльными дворами, и когда аграрное общежитіе съ самаго начала ограничивалось общими выгонами для скота и общимъ пользованіемъ лѣсомъ.

11) Maine, «Lectures on the early history of Institutions», стр. 1.

12) Laveleye, «De la propriété et de ses formes primitives», 4, 1891, стр. 2.

13) Въ этомъ отношеніи нашъ трудъ стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ тѣмъ методомъ, которому слѣдовалъ Büchsenschütz въ своей въ иныхъ отношеніяхъ вполнѣ заслуживающей вниманія книгѣ о владѣніи и пріобрѣтеніи у древнихъ грековъ.

14) Ср. Germ., c. 20.

15) То обстоятельство, что въ германской земельной общинѣ пашни, принадлежащія къ одной гуфѣ, ежегодно или періодически могли получать иное, опредѣленное жребіемъ мѣстоположеніе, вполнѣ уживается съ институтомъ частной собственности.

16) L. v. Stein, «Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft», стр. 41.

17) Римская исторія, I^{8}, 36, 182.

18) При желаніи, пожалуй, можно было бы найти такого рода слѣды въ городскомъ правѣ Гортины. Тамъ, какъ извѣстно, членомъ племеннаго союза (филы) представляется, послѣ родственниковъ, извѣстное право на руку наслѣдницы (VIII, § 8 и сл.). Однако, это возраженіе ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что, по первоначальной идеѣ института, такое право женитьбы никоимъ образомъ не оказывается самодовлѣющимъ имущественнымъ правомъ; послѣдній характеръ оно получило уже на поздней ступени развитія права. Ср. Zitelmann, «Juristische Erläuterungen zum Stadtrecht v. Gortyn». Rhein. Mus. (1885), Ergänzgsh., стр. 150 и сл., и Simon, «Zur zweiten Hälfte der Inschrift v. Gortyn». Wiener Studien, 1887, стр. 8.

19) Это имѣетъ значеніе и для семейнаго преемственнаго права, какъ доказалъ Beseler въ своемъ «Lehre von den Erbverträgen», стр. 48 и сл.

20) Такъ особенно Viollet, «Le caractère collectif des premières propriétés immobilières» (въ Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, 1872 (XXXIII), стр. 465 и сл.) и, согласно съ нимъ, Laveleye, указ. соч., стр. 381.

21) Ср. правильное замѣчаніе, сдѣланное Heusler'омъ противъ Sohm'a («Die d. Genossenschaft»), относительно нѣмецкой общины марки. «Конечно, сородичи, если кто-либо изъ нихъ желалъ купить гуфу у лица, не принадлежащаго къ маркѣ, имѣли право отвода, иными словами, право протеста (L. Sal. tit., IV, 5). Но отсюда вовсе не возникаетъ общности имуществъ, а только связь личныхъ взаимныхъ отношеній, что повело къ передачѣ наслѣдства по жребію, помимо всякой общности имущества, въ предѣлахъ родства». Göttinger Gel. Anz., 1889, стр. 322.

22) Περὶ συμβολαίων у Stob. Serm., XLIV, 22.

Отдѣлъ II.—Семейный коммунизмъ и вопросъ объ общности земли у Гомера.

1) IV, 243 и сл.

2) Ср. также описаніе дома Нестора въ «Одиссеѣ», особ. III, 413.

3) Ср., напр., описаніе южнославянской задруги, зудрины и т. д. у Крауса, «Sitte und Brauch der Südslaven», стр. 64 и сл., о communautés de familles въ средневѣковой Франціи, о joint family въ Индіи у Laveleye, 487 и сл., стр. 365 и сл.; о домовыхъ общинахъ у кельтовъ Seebohm, «Die englische Dorfgemeinde» и т. д., стр. 126 и сл. (нѣм. переводъ Bunsen'a).

4) Полибій, XII, 6.

5) Напр., въ Римѣ ср. Plutarch Aemilius Paullus, c. 5, Crassus, c. 1. Также въ Аттикѣ, еще въ IV в., несмотря на господствовавшую свободу дѣлить земельную собственность, она встрѣчалась, повидимому, не очень рѣдко. Ср. Jevons, «Kin and Custom» («Journal of philology», XVI, 102 и сл.), представленіе котораго о распространеніи домовой общины въ Греціи въ болѣе позднюю эпоху сильно преувеличены. Jevons часто ошибочно видитъ домовую общину тамъ, гдѣ засвидѣтельствована лишь общность имущества. См., напр., Demosthenes Leochar, p. 1083, § 10 и § 18. Также ошибочно англійскіе изслѣдователи усматриваютъ домовую общину тамъ, гдѣ рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, только о семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, напр., Ridgeway, въ указ. соч.: «The Homeric landsystem» («Journal of hellenic studies», VI, 319) изъ того, что Харондъ называетъ членовъ семьи ὁμοσίπυοι (ѣдящими хлѣбъ изъ одной корзины), и Эпименидъ ὁμόκαποι (сидящими за однимъ столомъ; Аристотель, Политика, I, 1, 6; 1252b), вывелъ заключеніе, будто оба они имѣли въ виду институтъ домовой общины. Но развѣ обыкновенная семья уже не заключала въ себѣ товарищей по «ѣдѣ» и по «гуфѣ» (или по стаду?)!

6) Ср. прекрасное замѣчаніе Nasse (Göttinger gel. Anz., 1881, стр. 275) о распространеніи домовой общины въ средніе вѣка, когда она встрѣчалась, напримѣръ, гораздо чаще въ сравнительно давно культурной и густо заселенной Франціи, чѣмъ въ Германіи, съ ея излишкомъ невоздѣланныхъ и незаселенныхъ участковъ.

7) Напр., Jevons, ук. м., стр. 94.

8) Политика, I, 1, 7; 1252b: селеніе можно разсматривать, вполнѣ естественно, какъ колонію семьи.

9) Palacky, «Geschichte von Böhmen», I, стр. 168.

10) Kraus, указ. соч., стр. 114.

11) Ср. мои возраженія противъ соотвѣтствующаго взгляду Аристотеля толкованія Моммзена о возникновеніи италійской родовой деревни, «Anfänge Roms», стр. 52 и слѣд. Къ этому добавьте прекрасное разъясненіе Geiger'a о разселеніи народовъ Авесты, «Ostiranische Kultur im Altertum», стр. 407 и слѣд. Kraus—о южныхъ славянахъ, указъ соч., стр. 23.

12) Θукидидъ, I, 4, 3, и III, 94, 3. Ср. также объ общераспространенной системѣ деревень въ современной Греціи Philippson, «Ueber Besiedlung und Verkehr in Morea». Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1888, стр. 450.

13) Особенно Ridgeway, въ указанной статьѣ объ аграрномъ строѣ въ эпоху Гомера, и Esmein, «La propriété foncière dans los poëmes homériques». N. revue historique du droit français et étranger, 1890, стр. 821. Древнѣйшая греческая аграрная община представляется ему «тѣмъ же типомъ» (le même type d'institutions), что и коммунистическая сельская община русскаго «міра»!

14) Таковъ взглядъ Ridgeway (ук. соч., стр. 319 сл.), понимающаго ἐπίξυνος (т.-е. ἐπίκοινος ἄρουρα) «общественная пашня» въ этомъ смыслѣ. Passow s. v. переводитъ также это выраженіе Geweindefeld.

15) Ridgeway, стр. 323 указ. соч. Ср. совпадающее съ этимъ замѣчаніе Esmein, стр. 833: Ne voilá-t-il pas l'emage exacte de la propriété collective?

16) Ср., напр., Seebohm-Bunsen, указ. соч., стр. 12.

17) Τὸν ῥ' ἄνδρε πρότεροι θέσαν ἔμμεναι οὖρον ἀρούρης.

18) Ridgeway, указ. соч., стр. 330. Также Esmein, стр. 834, находитъ въ изображеніи щита «если не юридическія, то экономическія свидѣтельства въ пользу коллективной собственности». Nous trouvons—говоритъ онъ (стр. 833)—ce régime terrien pittoresquement représenté sur le bouclier d'Achille.

19) Ср. Seebohm-Bunsen, указ. соч., стр. 13.

20) Ср., напр., упоминаемый въ «Иліадѣ», IX, 578 сл., «прекрасный участокъ земли въ пятьдесятъ десятинъ, одна половина котораго состояла изъ виноградниковъ, а другая изъ пахотной земли».

21) «Иліада», XVIII, 550 сл.

22) См. ниже.

23) А царь стоялъ среди нихъ, молча, опираясь на скипетръ, и сердце его радовалось на сжатую полосу.

24) «Плодородный (нарѣзъ) участокъ» (τέμενος βαθυλήϊον).

25) Ср. «Иліада», IX, 578; XX, 184—о дарованіи «участка», «нарѣза» (τέμενος), за выдающіяся заслуги.

26) Ср. Brunn: Rhein. Mus. N. F., V, стр. 240, и Abh. der bayr. Ak. philos. philol. Kl., XI, 3, стр. 10 (1888).

27) Thaer, «Der Schild des Achill in seinen Beziehungen zur Landwirtschaft», Philologus 1870, стр. 590 сл.

28) Ср. также очень основательное вспахиваніе у Гесіода: «Труды и Дни», стр. 460 сл.

29) Ср. Thaer, указ. соч., стр. 606.

30) О раздѣленіи земледѣлія и скотоводства ср. особенно 21, 6—17, «пастбища для всѣхъ всегда будутъ обильны»; для парового поля, ст. 25: «на трижды... и четырежды вспахиваемыхъ новинахъ».

31) Такъ же, какъ въ древней Италіи! Ср. Weber; «Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht», стр. 106 сл.

32) Справедливо отмѣчаетъ Heusler (указ. соч., стр. 322), въ противовѣсъ воззрѣнію Sohm'a, что въ общности способа веденія хозяйства никоимъ образомъ еще не заключается матеріальное общее хозяйство, т.-е. воздѣлываніе земли на принципахъ общаго дѣленія прибыли и убытка.

33) Ср. мѣткое замѣчаніе Meitzen'a, «Die Individualwirtschaft der Germanen», стр. 9.

34) Ср. м о ю статью о земельной общинѣ у Гомера, «Ztschr. für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», I, стр. 1 исл ѣд. Тамъ находится исчерпывающее историко-экономическое разъясненіе тѣхъ моментовъ въ исторіи народнаго хозяйства, которые говорятъ противъ указаннаго взгляда.

35) Стр. 331.

36) «Иліада», XXII, 489:

Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
Ждутъ безпокровнаго, чуждый захватитъ сиротскія нивы.

37) По Esmein'y, стр. 844.

38) То же самое относительно «далеко (отъ города лежащихъ) плодоносныхъ полей» («Иліада», XXIII, 833). Впрочемъ, это выраженіе встрѣчается въ совершенно стереотипной формѣ. Ср. «Одиссея», IV, 757.

39) На богатомъ лѣсами Кипрѣ это встрѣчается еще и въ сравнительно позднее время, какъ сообщаетъ Страбонъ, XIV, 5, § 5, по Эратосѳену: « по словамъ Эратосѳена, равнины въ древности заростали густымъ лѣсомъ и покрывались цѣлыми чащами, такъ что воздѣлывать ихъ подъ пашню не было возможности; истребленію лѣсовъ содѣйствовало отчасти занятіе горнымъ промысломъ, такъ какъ производились рубки лѣса для плавленія мѣди и серебра, а отчасти также лѣсъ шелъ на постройку судовъ (по морю въ то время плавали уже смѣло и съ вооруженною силою); лѣса, остававшіеся безъ употребленія, было дозволено всѣмъ желающимъ и имѣющимъ на то средства, вырубать, а очищенною такимъ способомъ землею владѣть на правахъ частной собственности, безъ уплаты налога».

40) Ср. Inama-Sternegg, «Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland», стр. 45.

41) Esmein, стр. 838.

42) «Одиссея», XIV, 208.

43) «Одиссея», XIV, 211 сл., слова «Я женился на наслѣдницѣ, обладающей большими надѣлами» не указываютъ, что жена разсказчика является, правда, не непосредственной наслѣдницей отцовскихъ земель, но такое пониманіе ясно слѣдуетъ изъ всего контекста.

44) R. G. I, 8, 20.

45) Lavcleye, указ. соч., 369 и слѣд.

46) Вполнѣ очевидно, что въ періодъ эллинскаго народнаго хозяйства, когда скотъ служилъ мѣновой единицей, значительная часть земли должна была служить фактически общимъ пастбищемъ. Пользованіе этими «деньгами» объясняется лишь возможностью легко и безъ затратъ содержать скотъ на «свободныхъ выгонахъ». Но насколько такой періодъ хозяйства древнѣе эпохи возникновенія эпоса!

47) Hultsch, «Griech. und röm. Metrologie» (2-е изд.), 165 и сл.

48) Brandis, «Münz-, Mas- und Gewichtswesen in Vorderasien» и т. д., 202.

49) Слишкомъ часто не замѣчаютъ относительной молодости нашего «Гомера» въ сравненіи съ содержаніемъ его эпоса, а между тѣмъ, говоря словами Виламовица, изслѣдователь, за-

нимающійся исторіей народнаго хозяйства, долженъ менѣе, чѣмъ кто-либо, забывать, что древнѣйшій памятникъ европейской литературы сравнительно далеко не оказывается памятникомъ первоначальнымъ («Homeriche Untersuchungen», стр. 292).

50) Büchsenschütz, указ. соч., стр. 208.

51) По мнѣнію Бюксеншютца, тамъ же. Какъ-будто царскія долины на Итакѣ представляли собою единственное большое пастбище для овецъ, въ родѣ швейцарскихъ, и какъ-будто фигуры честныхъ Евмея и Филойтія и коварнаго Мелантія никогда не могли существовать.

52) Büchsenschütz, указ. соч.

53) «Kephallenia und Ithaka», Ergänzungsheft, 98, къ Petermanns Mitteilungen, стр. 61.

54) Изслѣдованія Partsch'a достаточно установили тотъ фактъ, что гомеровская Итака отнюдь не является туманной и произвольной фантазіей поэта, знакомаго съ берегами Малой Азіи, вопреки извѣстному радикализму Hercher'a («Homer und das Ithaka der Wirklichkeit». Hermes, I, 263 и слѣд.).

55) «Одиссея», IV, 602 и сл.

56) Изслѣдованіе Partsch'a о топографіи Итаки, особенно о равнинахъ Маратіи, совершенно выяснило, что какъ и вообще главныя мѣста дѣйствія поэмы, такъ и округа пастбищъ Евмея воспроизведены съ большой вѣрностью дѣйствительности.

57) Hercher соглашается съ тѣмъ, что слова въ «Одиссеѣ», XIII, 242: «тамъ были у него несказанные запасы хлѣба» заключаютъ поэтическую гиперболу. Но послѣ разъясненій Partsch'a о доходности частей, годныхъ для обработки на Итакѣ (стр. 96), стало также несомнѣннымъ, что Hercher на основаніи этой licentia poetica вывелъ слишкомъ поспѣшныя заключенія.

58) IV, 318. Составную часть наслѣдства составляютъ «тучныя пашни».

59) Старанія, которыя, какъ удачно замѣчаетъ поэтъ, были увѣнчаны, несмотря на ограниченную территорію, большимъ успѣхомъ, благодаря хорошему климату, ст. 244 сл.

60) Въ русскомъ текстѣ ошибочно указана ссылка на примѣчаніе *(Ред.)*.

61) IV, 605, XIII, 246: «хорошее пастбище для козъ».

62) Это опредѣленно указывается Гомеромъ, какъ первопричина распространеннаго на Итакѣ козоводства.

63) Ср. Hehn, «Kulturpflanzen und Hausthiere» и т. д. (4-е изд.), стр. 110.

64) Впрочемъ, и здѣсь развитіе шло быстрѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Lamprecht (Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I, 129) справедливо замѣчаетъ, что, несмотря на особенное подчеркиваніе скотоводства въ народномъ правѣ, скотоводство все-таки не составляло тогда центра экономической жизни, и что въ существенныхъ пунктахъ оно стояло уже въ зависимости отъ культуры страны, отъ обработки полей, отъ эксплуатаціи луговъ, пастбищъ и полей.

65) Preller, «Demeter und Persephone», стр. 283.

66) «Иліада», XXIII, 174.

67) Ср. приведенныя Neumann-Partsch'емъ (Phys. Geogr. v. Griechenland, стр. 413) мѣста «Иліады», которыя, въ связи съ открытыми въ до-историческихъ поселеніяхъ Санторины масляными прессами достаточно доказываютъ на высокую древность обработки оливковаго масла, а также и на улучшенія маслины, вопреки извѣстному взгляду Hehn'a.

68) «Одиссея», IX, 108: «они ни сажаютъ растеній, ни пашутъ».

69) «Одиссея», IX, 125:

Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе: много бъ вездѣ разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.

70) Для характеристики гомеровскаго культурнаго ландшафта ср. «Одиссея», IX, 131 сл., XVII, 297 сл., и, совершенно аналогично, такъ же уже въ «Иліадѣ», V, 87 сл.; XXI, 257 сл.

71) «Одиссея», VI, 10.

Отдѣлъ III.—Коммунистическое государство на Липарѣ.

1) Такъ, напр., Viollet, указ. соч., стр. 467, Laveleye, 371 сл.

2) Діодоръ, V, 9: «впослѣдствіи, подвергаясь нападеніямъ со стороны этрусковъ, занимавшихся морскимъ разбоемъ, они снарядили флотъ и раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна стала заниматься земледѣліемъ на островахъ, ставшихъ общими, а другая сражалась съ разбойниками; въ теченіе нѣкотораго времени они жили общею жизнью, установивъ также общность имущества и устраивая сотрапезничества (συσσίτια).

3) О земельныхъ отношеніяхъ на этихъ маленькихъ о-вахъ ср. Страбона, VI, p. 276.

4) Впослѣдствіи они подѣлили между собою Липару, съ городомъ, на ней находившимся, а землю на остальныхъ островахъ стали обрабатывать сообща. Въ концѣ концовъ, они подѣлили между собою, на двадцать лѣтъ, всѣ острова, затѣмъ снова, по истеченіи этого времени, стали владѣть землями по надѣлу.

5) Сравненіе Діодора, V, 9, съ Павсаніемъ, X, 11, 3, и Ѳукидидомъ, III, 88, говоритъ противъ прямого пользованія, какъ это принимаетъ Мюллеръ (Hist. graec. fragm. I, XLV). Ср. Wölfflin, «Antiochus v. Syrakus und Coelius Antipater», стр. 21, cf. 13. Volquardsen, «Untersuchungen über die Quellen der griech. und sicil. Geschichten bei Diodor», стр. 80. Müllenhoff, «Deutsche Altertumskunde», I, 2, 447 сл.

6) Ср. Діонисій Галикарнасскій, I, 12.

7) Ср., напр., Діодоръ, V, 34, о земельной общинѣ у ваккеевъ въ Испаніи (ежегодный дѣлежъ пашни и жатвы). Страбонъ, VII, p. 315, о далматинцахъ (новый передѣлъ земли черезъ каждыя 8 лѣтъ). Ср. также описаніе соціальной организаціи свевовъ у Цезаря, B. G.: IV, 1, которое представляетъ въ существенныхъ чертахъ параллель къ организаціи липарцевъ. «Остающіеся въ странѣ—говоритъ Цезарь—обрабатываютъ пашню для себя и для отсутствующихъ, вмѣсто которыхъ на слѣдующій годъ они, въ свою очередь, стоятъ подъ оружіемъ, а тѣ остаются дома. У нихъ вовсе не бываетъ отдѣльныхъ пашенъ и пашенъ, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ».

8) Viollet, указ. соч., стр. 468: Peut-être aussi ces tribus voyageuses qui des Cyclades s'étaient transportées dans la Carie, qui, peu après (!?), quittaient Cnide et s'unissaient à quelques Rhodiens pour faire voile vers la Sicile, peut-être ces tribus s'étant fixées plus tardivement que les autres, avaient-elles gardé plus longtemps aussi las moeurs et les usages qui conviennent aux nomades.

9) Ср. слова Страбона о Липарѣ—«она противостояла въ теченіе долгаго времени набѣгамъ этрусковъ», VI, p. 275.

10) Какъ поступилъ, напр., тотъ капитанъ изъ Фокеи, тоже въ сицилійскихъ водахъ, о которомъ у Геродота говорится, что «онъ никогда не нападалъ на грековъ, но на карѳагенянъ и этрусковъ», VI, 17. Дѣйствительно, неоднократно говорится о богатыхъ десятинахъ, которыя посвящали дельфійскому богу липарцы изъ добычи, взятой послѣ многихъ битвъ съ этрусками. Діодоръ, V, 9; Страбонъ, VI, p. 275; Павсаній, XII, 3.

11) Такъ Nissen мѣтко называетъ Липару, «Italische Landeskunde», I, стр. 122. Объ этомъ положеніи Липары сохранились прямые слѣды въ исторіи. Ср., напр., извѣстіе Ливія, V, 28, и Діодоръ, XIV, 93, о томъ, какъ было перехвачено липарскими пиратами римское посольство къ Аполлону Дельфійскому. «У липарцевъ было въ обычаѣ—замѣчаетъ по этому поводу Ливій—дѣлить добычу, полученную какъ бы отъ общаго разбоя». Такимъ образомъ, добыча, захваченная отдѣльными лицами, согласно строго-коммунистическому принципу, дѣлится между всѣми жителями Липары.—Если въ описаніи того же самаго событія у Плутарха (Камиллъ, гл. 8) дѣлается попытка представить его въ другомъ свѣтѣ, то это—позднее тенденціозное толкованіе, какъ справедливо замѣтилъ уже Reinach, «Le collectivisme des Grecs de Lipari». Revue des études grecques, 1890, стр. 93.

12) То, что говоритъ Цезарь объ аграрномъ строѣ воинственныхъ свевовъ (l. c., IV, 22), вполнѣ подходитъ и къ грекамъ Липарскихъ о-вовъ: «много причинъ приводятъ въ объясненіе этого: чтобы въ силу постоянной привычки они не перемѣняли военнаго рвенія на земледѣліе; чтобы... болѣе сильные не приняли болѣе слабыхъ изъ ихъ владѣній; чтобы... не возникало корыстолюбія, влекущаго за собою партійныя распри; чтобы у простого народа сохранялось душевное равновѣсіе, разъ каждый видитъ, что его матеріальныя средства равнялись средствамъ самыхъ могущественныхъ».

13) Laveleye, 372; Viollet, указ. соч., 468.

14) Характеристика Діодора, данная Моммзеномъ (R. Chronol. стр. 125), все еще, конечно, сохраняетъ свою силу, несмотря на новѣйшія попытки спасти Діодора, хотя эти попытки и имѣютъ извѣстное оправданіе, указывая размѣръ пользованія Діодоромъ его источниками.

15) Ср. удачныя наблюденія Müllenhof'a (Deutsche Altertumskunde, II, 180) объ одномъ такомъ мѣстѣ той же книги (V, 32), списанномъ безъ критики съ Посидонія.

16) Взятіе Липары послѣдовало въ 251 г. Ср. Полибій, I, 39.

17) Плиній, N. H., III, 9. Фактъ, совершенно игнорируемый Viollet и Laveleye.

18) Cicero in Verrem, III, 37: «въ теченіе столькихъ лѣтъ они обыкновенно выкупали свои небольшія поля у пиратовъ».

Отдѣлъ IV.—Мнимые слѣды коммунизма въ Великой Греціи.

1) См. разсказъ Никомаха у Порфирія, Pyth. vita, изд. Didot Діогена Лаэртія, стр. 91.

2) Viollet, указ. соч., 468; Laveleye, указ. соч., 372.

3) Ср. Zeller, «Philosophie der Griechen», I⁴, 290 и слѣд.

4) Zeller, «Pythagoras und die Pythagorassage. Abhandlungen», I; Sammlung, 2-е изд., стр. 33.

5) Порфирій, у Плотина, с. 12.

6) Какъ далеко шло это непониманіе, показываетъ замѣтка Фотія, s. v.: «общее у друзей: Тимей въ IX книгѣ говоритъ, что это изреченіе распространено было въ Великой Греціи въ то время, когда Пиѳагоръ сталъ убѣждать ея жителей владѣть всѣмъ нераздѣльно».

7) Ср. Zeller, указ. соч.

8) Viollet и Laveleye, указ. соч.

9) Тамъ же, II, 2, 5; 1263a: «и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ намеки на такую систему—доказательство того, что она въ основѣ своей не невозможна; особенно въ государствахъ, хорошо организованныхъ, эта система отчасти осуществлена, отчасти ее возможно было бы провести: владѣя частною собственностью, индивидъ дозволяетъ въ однихъ случаяхъ пользоваться ею своимъ друзьямъ, въ другихъ — отдаетъ ее въ общее пользованіе. Такъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ каждый пользуется рабами другого какъ своими собственными, равно какъ лошадьми и собаками, а въ случаѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и продуктами, получаемыми съ мѣстныхъ полей». Ср. Ксенофонтъ, De rep. Lac. 6, 3.

10) VII, 4, 6; 1321a: «чтобы народъ, по доброй волѣ своей, не занималъ (самыхъ отвѣтственныхъ должностей) и относился снисходительно къ тѣмъ магистратамъ, которые платятъ большія деньги за право пользованія властью».

11) Объ этомъ часто разсуждали также и въ Тарентѣ. Schäffle справедливо считаетъ это «пользованіе и дѣлежъ имуществъ богатыхъ съ бѣдными» въ Тарентѣ тѣми переходными и смѣшанными формами между такъ называемымъ (по его обозначенію) владѣльческимъ и общиннымъ капитализмомъ, къ числу которыхъ онъ, напр., относитъ и промышленное товарищество, и поденщину въ большихъ имѣніяхъ.—«Kapitalismus und Sozialismus», стр. 271.

12) Ареопапитикъ, 32, 35, cf. 12.

13) «Жизнь Кимона», гл. 10.

14) Ср., напр., Ксенофонтъ, «Экономикъ», гл. 11.

15) Это отношеніе между индивидуумомъ и обществомъ въ эллинскомъ государствѣ выдвинулъ между прочимъ Felix, «Der Einfluss der Sitten und Gebräuche auf die Entwicklung des Eigentums», стр. 71. Ср. особенно встрѣчающіяся въ судебныхъ рѣчахъ IV в. указанія на выполненіе соціальныхъ и политическихъ обязанностей, налагаемыхъ собственностью, какъ это сопоставилъ Schmidt, «Ethik der alten Griechen», II, 388. Сюда же относится Ксенофонтъ, «Киропедія», VIII, 4, 32 сл., гдѣ характерно подчеркнуто основное положеніе: не казаться ни богаче, ни бѣднѣе, чѣмъ человѣкъ есть на самомъ дѣлѣ, и это открытое признаніе имущественнаго положенія класть въ основу соціальныхъ отношеній.

Впрочемъ, Felix (указ. соч.) невѣрно считаетъ причиной свободнаго пользованія собственностью недостатокъ широкаго попеченія о бѣдныхъ со стороны государства, полагавшаго заботу о бѣдныхъ и нуждающихся дѣломъ частной иниціативы. Ср., напр., у Аристотеля въ «Аѳинской политіи», гл. 50, о призрѣніи бѣдныхъ со стороны государства въ Аѳинахъ, гдѣ каждому, имѣвшему менѣе трехъ минъ и бывшему неработоспособнымъ, давалась пенсія въ два обола въ день.

16) Финикіяне, ст. 555 сл.: «Смертные не владѣютъ своимъ имуществомъ, но, получивъ его отъ боговъ, мы печемся о немъ». Ср. аналогичное замѣчаніе Біона (Stob. flor. 105, 56): «судьба послала богатымъ деньги не въ даръ, а дала имъ ихъ въ ссуду».

Отдѣлъ V.—Государственная организація общественныхъ трапезъ въ Спартѣ и на Критѣ и соціализмъ общинъ военнаго типа.

1) Viollet, указ. соч., и слѣдующій ему Laveleye, стр. 375. Ср. также Trieber, «Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte», стр. 26, гдѣ сисситіи возводятся также къ «первоначально коммунистической собственности».

2) Trieber—какъ кажется, согласно съ сообщеннымъ устнымъ замѣчаніемъ Neumann'a—въ приведенномъ мѣстѣ Діодора видитъ «рѣшающее доказательство» въ пользу того, что происхожденіе сисситій можно объяснить только прежней общностью всякаго владѣнія.

4) Ср. перечисленіе различныхъ формъ аграрнаго общенія у Аристотеля («Политика», II, 2, 1; 1263a: «и земля и продукты земли—все общее».

5) «Иліада», IV, 344: «когда мы, ахейцы, устраиваемъ пиръ для старѣйшинъ»; ср. XVII, 250, гдѣ Менелай призываетъ къ храброй битвѣ тѣхъ военачальниковъ, которые «пьютъ у Атридовъ на счетъ народа» (δήμια πίνουσιν). Ср. Fanta («Der Staat in der Ilias und Odyssee» стр. 71 сл.), который, впрочемъ, въ оцѣнкѣ политическаго момента заходитъ слишкомъ далеко и потому приходитъ къ произвольнымъ построеніямъ.

5) Исократъ, Архид., 81, о спартанцахъ: «мы учредили государственный строй, похожій на хорошо расположенный лагерь».

6) Ср. приведенное выше мѣсто Исократа.

7) V, 66.

8) Плутархъ, «Ликургъ», 15: «Ликургъ считалъ дѣтей собственностью не ихъ родителей, но общею собственностью государства».

9) Плутархъ, «Ликургъ»: «никому не было дозволено жить такъ, какъ онъ хотѣлъ, но спартанцы жили какъ бы въ лагерѣ, должны были вести установленный образъ жизни, заниматься опредѣленными занятіями и считать все принадлежащимъ не имъ лично, а отечеству» и пр.

10) Ср. выше, стр. 29.

11) Современный политико-экономъ (Elster Hdwb. d. Staatsw. s. v. Plato) именно говоритъ о «политическомъ коммунизмѣ» въ Спартѣ.

12) Плутархъ, Apophthegm. Lac., p. 226 c: «чтобы они могли тотчасъ же исполнять всѣ приказанія».

13) Такъ, у Діонисія Галикарн. (II, 23) говорится о «наставленіи, касающемся фидитій», что Ликургъ установилъ, чтобы «во время войны каждый стыдился оставить своего товарища и заботился о немъ; вмѣстѣ съ нимъ онъ совершалъ возліянія, приносилъ жертвы и участвовалъ въ общихъ религіозныхъ церемоніяхъ».

14) И древніе понимали это такъ же. Платонъ («Зак.», I, 633a) говоритъ о Спартѣ: «мы утверждаемъ, что законодатель ввелъ сисситіи и гимнасіи ради военныхъ цѣлей», и тамъ же, I, 625e, о Критѣ: «такъ какъ (законодатель) учредилъ сисситіи, повидимому, въ томъ предположеніи, что всѣ во время походовъ, въ силу самихъ обстоятельствъ — а именно ради взаимной охраны — принуждены бываютъ столоваться вмѣстѣ». Ср. также Геродотъ, I, 65: «(Ликургъ) устроилъ военное дѣло, организовавши сплоченныя клятвою дружины, отряды по тридцати человѣкъ и сисситіи».

15) «Политика», II, 8, 2; 1272b.

16) Viollet, указ. соч., и Laveleye-Bücher, «Das Ureigentum», стр. 326 и сл.

17) Указ. соч., примѣч. 3.

18) Мало пользы можно извлечь, какъ мнѣ кажется, и изъ указанія Бюхера, на общія трапезы заслуженныхъ лицъ въ городскомъ совѣтѣ или пританеѣ, или изъ его ссылки на общественныя угощенія, которыми государство выказывало свое дружеское гостепріимство иностранцамъ, особенно посламъ. Бюхеръ въ этихъ фактахъ усматриваетъ важную черту «кочевниковъ».

19) Уже Alfried Müller (Dorer, II, 203) привелъ это въ объясненіе свидѣтельства о критскихъ сисситіяхъ, приводимомъ Аѳенеемъ, IV, 143. Взглядъ Leist'a («Gräko-Italische Rechtsgeschichte», стр. 139), будто спартанскія (а также и критскія) сисситіи «первоначально устраивались по обамъ и родамъ, такъ что родственныя семьи обѣдали вмѣстѣ», лишенъ всякаго основанія.

20) Ср. данныя у Laveleye-Bücher, стр. 276.

21) Аристотель, «Политика», II, 7, 4b; 1272a.

22) Такъ, по крайней мѣрѣ, было позже, въ Ликтѣ, по Досіаду, у Аѳенея, IV, 143a.

23) Ср. надпись, относящуюся къ общинѣ дреровъ, у Cauer, «Del. inscript. graec». 2 121, C, 38 сл.

24) Досіадъ, ук. м.

25) Дикеархъ, у Аѳинея IV, 141c. Плутархъ: Ликургъ, 12. Ср. Hultsch: Metr.², 534. Противъ утвержденія Laveleye (указ. м.), будто спартанскія сисситіи устраивались на доходы съ большихъ имѣній, ср. Fustel de Coulanges, «Étude sur la propriété à Sparte». Comptes rendus de l'Acad. des sciences morales et politiques, 1880, стр. 623.

26) Аристотель, указ. м.: «отъ всего урожая, отъ всего приплода, отъ всѣхъ доходовъ, получаемыхъ государствомъ, равно какъ и налоговъ, платимыхъ періэками, одна часть отчисляется на дѣла культа и общія государственныя повинности, а другая часть идетъ на сисситіи; такимъ образомъ (на Критѣ) всѣ, и женщины, и дѣти, и мужчины, кормятся на государственный счетъ». Ср. Эфоръ у Страбона, X, 4, 16, 480: «чтобы менѣе состоятельные, получающіе содержаніе на государственный счетъ, могли сравняться съ людьми состоятельными».

27) Т.-е., въ томъ случаѣ, если слова «и женщинъ и дѣтей и пр.» въ вышеприведенномъ мѣстѣ «Политики» дѣйствительно принадлежатъ Аристотелю, а не являются болѣе поздней прибавкой.

28) Т.-е. тѣ, которые не были еще взяты отцомъ въ ἀνδρεῖον (общій столъ), не могли быть приняты въ агелы юношей, которые, по Эфору, ib., p. 483, содержались также на государственный счетъ.

29) Кромѣ этого общаго упоминанія, у насъ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ болѣе опредѣленныхъ точекъ опоры для обсужденія вопроса, такъ какъ источники объ этомъ совершенно умалчиваютъ. А то, что въ доказательство интерполяціи мѣста приводитъ Oncken («Die Staaaslehre des Aristoteles», II, 386), къ сожалѣнію, не доказательно.

30) Tout à fait communisté. Laveleye, стр. 378.

31) Büchenschütz, указ. соч., стр. 29.

32) Trieber, указ. соч., стр. 25. По Holm'y («Griech. Gesch.», I, 230) на Критѣ господствовалъ сильно развитый коммунизмъ.

33) Какъ правильно замѣчаетъ Kleinwächter («Die Grundlagen und Ziele des sogen. wissenschftlichen Kommunismus», стр. 137), этотъ «полный» коммунизмъ, послѣдовательно проведенное исключеніе частной собственности, есть утопія. Человѣкъ не можетъ существовать, не имѣя возможности всецѣло располагать, по крайней мѣрѣ, средствами пропитанія и предметами повседневнаго обихода, т.-е., не имѣя права распоряжаться ими исключительно для самого себя и препятствовать другому ими пользоваться.

34) Trieber, тамъ же; ср. стр. 10. Онъ считаетъ спартанскія фидитіи пережитками сѣдой старины, когда земля и всякое имущество находились въ общинномъ владѣніи. Воспоминаніе объ этихъ временахъ первоначальнаго коммунизма Trieber усматриваетъ въ допустимости воровства при воспитаніи спартанскаго юношества «подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ народовъ, въ примитивномъ состояніи знавшихъ только общую собственность, еще и понынѣ воровство считается совсѣмъ невиннымъ занятіемъ». Ср., напротивъ, взглядъ Schrader'a («Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde», стр. 61), утверждающаго, что воровство гораздо строже осуждается на низшихъ ступеняхъ развитія народа, чѣмъ на высшихъ. Ясно, какъ мало пользы въ такой общей аргументаціи, которая, при безконечномъ разнообразіи явленій народной жизни, можетъ играть роль положительныхъ свидѣтельствъ для доказательства самыхъ противоположныхъ взглядовъ.

35) Schrader, указ. мѣсто.

36) «System der Volkswirtschaft», I, § 83, Anmerk. 6. Ср. также статью Рошера о соціализмѣ и коммунизмѣ въ Zeitschr. f. Geschichtswissenschaft, III, 451, гдѣ говорится объ «очень послѣдовательно проведенной общности имущества на Критѣ».

37) Ср. прекрасныя слова Ihering'a («Der Zweck im Recht», I, 521): «Ты ничѣмъ не владѣешь только для себя; повсюду около тебя стоитъ общество или, какъ представитель его интересовъ, законъ; повсюду общество—твой товарищъ; во всемъ, что у тебя есть, оно имѣетъ свою долю: право, относящееся къ тебѣ самому, къ твоей рабочей силѣ, твоему тѣлу, къ твоимъ дѣтямъ, къ твоему имуществу,—это олицетворенное товарищество личности и общества».

38) О существованіи индивидуальнаго домашняго хозяйства наряду съ ἀνδρεῖα (общими столами) ср. Платонъ, «Законы», VI, 780e: «у васъ (критяне и спартанцы)... сисситіи мужчинъ организованы прекрасно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я уже сказалъ, удивительно. Но далеко неправильно сдѣлано исключеніе изъ этого закона касательно женщинъ, и неясно мотивирована необходимость участія ихъ въ сисситіяхъ» и пр. По тому же поводу Эфоръ у Страбона, X, 4, § 19, p. 482. Этотъ фактъ игнорируетъ Salvioni, «Il Comunismo nella Grecia antica», стр. 19; о критскихъ сисситіяхъ онъ говоритъ: «come essi avessero realmente l'aspetto di un regime comunistico». Ср. также замѣчаніе Аристотеля къ «Государству» Платона (Политика, II, 7 начало): «никто не вводилъ такихъ новшествъ, какъ общность дѣтей и женъ или женскія сисситіи».

39) Платонъ, Зак., I, 626a: «разсматривая съ этой точки зрѣнія, ты найдешь, что критскій законодатель установилъ всѣ наши законы, какъ общіе, такъ и частные, только примѣнительно къ войнѣ».

40) Ср. Оукидидъ о спартанцахъ (I, 6): «(у лакедемонянъ) богатые наиболѣе приблизились къ народу по образу жизни во всѣхъ отношеніяхъ».

41) Тамъ же.

42) Политика, II, 7, 6; 1272b.

43) Ср. также Полибія, VI, 45: «во всемъ этомъ критяне представляютъ противоположность лакедемонянамъ; критскіе законы дозволяютъ каждому расширять свои земельныя владѣнія, такъ сказать, до безконечности, сколько кто можетъ».

44) Тамъ же, II, 2, 10; 1264a; cf. II, 2, 5; 1263a.

45) Тамъ же, § 5: «такимъ образомъ, очевидно, лучше, чтобы собственность была частная, эксплуатація же ея общая», и § 10: «какъ поступилъ, въ дѣлѣ установленія общности собственности, законодатель въ Лакедемонѣ и на Критѣ путемъ установленія сисситій».

Отдѣлъ VI.—Спартано-критскій аграрный строй.

1) Впрочемъ, законъ о раздѣленіи всего наслѣдства непосредственно исключаетъ только скотъ, принадлежащій деревенскому жителю, и городскіе дома, въ которыхъ живетъ деревенскій житель, хозяйничающій на мѣстѣ (IV, 31). Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ закона рѣчь идетъ только о постановленіяхъ, касающихся скота и городскихъ домовъ; они должны переходить преимущественно къ сыновьямъ (а не къ дочерямъ), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они принадлежатъ деревенскому жителю, самостоятельному владѣльцу своего участка. Называть пашню поселянина не было никакого повода, такъ какъ о немъ вообще не было рѣчи. Напротивъ, тотъ фактъ, что самый дворъ и живой инвентарь поселянина составляли часть наслѣдства, не подлежащую дѣлежу, необходимо ведетъ къ заключенію, что земля, которую онъ обрабатывалъ, раздѣлу подлежала. Правильное заключеніе объ этомъ сдѣлалъ уже Zitelmann (Juristische Erläuterungen zum Stadtrecht v. Gortyn. N. Rh. Mus. Bd. 40, Ergänzungsh., стр. 137 сл.).

2) Плутархъ, Лик., 8, Inst. Lac., 41, Миронъ Пріенскій, у Аѳенея, XIV, 657d. (Müller F. H. G. IV, 461).

3) Плутархъ, указ. м.: «Говорятъ, что Ликургъ, путешествуя, спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ путешествія, по странѣ, съ которой только-что была снята тогда жатва, и обративъ вниманіе на лежащіе рядомъ одинъ съ другимъ одинаковые снопы, сказалъ съ улыбкой присутствующимъ: повидимому, вся Лаконика только-что подѣлена между многими братьями».

4) На ряду съ многочисленными ранними изслѣдованіями объ этомъ вопросѣ, результаты которыхъ, въ данномъ случаѣ, конечно, невозможно повторять, ср. теперь особенно E. Meyer, «Lykurgos von Sparta, Forschungen zur alten Geschichte», I, стр. 211 и сл. Нужно обратить вниманіе только на тотъ фактъ, что Платонъ и Исократъ отрицаютъ въ Спартѣ раздѣлъ земли. Ср. Платонъ, Законы, 736c: «онъ избѣжалъ ужасной и гибельной вражды, которую влечетъ за собою раздѣлъ земли и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ» и согласно съ этимъ у Исократа, Панаѳ., 259: «въ Спартѣ никто не могъ бы указать ни на политическій переворотъ, ни на уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, ни на раздѣлъ земли». Мейеръ несправедливо (указ. м.) лишаетъ доказательной силы послѣднее мѣсто, потому что здѣсь рѣчь идетъ только объ историческомъ времени, а не о доисторическомъ. Это различіе также несущественно для Исократа, какъ и для Платона. Ср. Зак. 684de. Конечно, замѣчаніе Исократа не заключаетъ въ себѣ непосредственнаго доказательства противъ историчности ликурговскаго раздѣленія территоріи, но свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Исократъ такъ же, какъ и Платонъ, ничего о немъ не знали.

5) Поэтому, очевидно, не основательны тѣ заключенія, которыя извлекъ, напр., Hildebrand изъ этого «свидѣтельства» о первоначальномъ аграрномъ строѣ дорійскихъ государствъ («Die soziale Frage der Verteilung des Grundeigentums im klass. Altertum», Jahrb. f. Nationalök. u. Stat. XII, S. 8).

6) Die Hufen der Spartiaten. Abh. z. griech. Gesch.

7) Ср. изреченіе Пиѳіи о колонизаціи Кирены (Геродотъ, IV, 159):

Въ Ливію достолюбезную кто позже прибудетъ,
Послѣ раздѣла земли, тотъ, увѣряю я, скоро раскается».

8) Страбонъ, VIII, 8, 19, p. 377.

9) Ib. VIII, 1, 2, p. 333.

10) Плутархъ, Apophtegm. Lac., 285.

11) Геродотъ, I, 60.

12) Вышеприведенныя замѣчанія Діодора о древнихъ основаніяхъ колоній, очевидно, не могутъ быть приняты въ разсчетъ, такъ какъ они не свидѣтельствуютъ о практикѣ первобытнаго времени, но только о практикѣ исторической эпохи.

13) Ср., напр., Schömann, Gr. A. I, 3, 225: «Собственность оставалась за государствомъ, отъ котораго владѣльцы получили ее въ равные надѣлы»; 226: «Владѣльцы (клеровъ) на самомъ дѣлѣ только пользовались доходами. Государство не могло отмѣнить права, но могло уничтожить неравенство, явившееся слѣдствіемъ безпечности (?) или иныхъ причинъ, лишь только оно угрожало опасностью благополучію государства».

14) Полибій, VI, 45,—«всѣ граждане должны имѣть равные надѣлы въ государственной землѣ».

15) Это толкованіе фактически вполнѣ соотвѣтствуетъ обороту фразы. Ср. Госуд. Лакед., 11, 4, гдѣ «государственныя моры» спартанскаго войска ясно противопоставляются подраздѣленіямъ періэковъ.

16) Madvig, «Verfassung u. Verwaltung des röm. Staates». II, 100.

17) Гераклидъ, Пол., II, 7.

18) Плутархъ, Inst. lac., 22. Это обозначеніе напоминаетъ названія племенныхъ владѣній южно-славянскихъ домовыхъ общинъ: djedovina или starina (происходящее изъ древняго времени). Kraus, указ. м., 104.

19) Это право наслѣдованія, безъ сомнѣнія, первоначально ограничивало рано признанное, по Аристотелю (ук. м.), въ Спартѣ право «распоряжаться земельными надѣлами путемъ даренія или завѣщанія. Точно также преданіе—подлинное или ложное—о мнимомъ законѣ эфора Эпитадея относитъ лишь къ началу IV вѣка совершенное уничтоженіе этого права, ставшаго, очевидно, роковымъ орудіемъ для того, чтобы обходить неотчуждаемость земельной собственности путемъ узаконенной фикціи (Плутархъ, Агисъ, 5).

20) Опредѣленнѣе всего формулируетъ это индивидуалистическое толкованіе Schömann (указ. соч., стр. 225): «Собственниками своихъ имѣній спартіаты не были, такъ какъ у нихъ не было свободнаго права распоряжаться своими землями. Собственность оставалась за государствомъ». Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести такое толкованіе, ясно показываетъ книга Hall («The effects of civilisation on the people in European states», 1859, стр. 37), оказавшая большое вліяніе на старый англійскій соціализмъ, а черезъ него, косвенно, и на современное соціалистическое движеніе. Hall сравниваетъ спартанскую аграрную систему съ коммунизмомъ государства іезуитовъ въ Парагваѣ.—Впрочемъ, даже и такой ученый, какъ Schrader (указ. соч., стр. 420), находитъ въ спартанскомъ аграрномъ строѣ родственныя черты съ славянской сельской общиной!

21) Іерингъ, «Der Zweck im Recht», I, 495.

22) «Исторія собственности—справедливо говоритъ Treitsche—указываетъ на постоянныя перемѣны. Ибо собственность вступаетъ въ силу только путемъ признанія ея со стороны государства; а такъ какъ государство, въ силу этого признанія, даруетъ власть, то оно же налагаетъ на собственниковъ и обязанности, ставитъ границы ихъ волѣ, и эти границы измѣняются постоянно въ зависимости отъ жизненныхъ условій общества. Ни одинъ народъ никогда не смотрѣлъ на собственность, какъ на такое неограниченное право, какимъ оно является въ теоріяхъ частнаго права, отдѣленнаго отъ права государственнаго» («Der Socialismus und seine Gönner». Preuss. Jbb., 1882). Ср. прекрасныя слова Gerber'a («Zur Lehre vom deutschen Familienfideikommiss» (Jahrbb. v. Ihering, I, 60): «Земельная собственность въ Германіи никогда не считалась правомъ безграничной свободы; она всегда была связана придачей нравственныхъ или политическихъ обязанностей; она не носила характера только исключительнаго права, но гораздо болѣе—характеръ службы. Это одна изъ дѣятельнѣйшихъ основныхъ идей нѣмецкаго права; ее можно прослѣдить на всемъ протяженіи ея развитія и при построеніяхъ современнаго права ею не слѣдуетъ пренебрегать».

23) Ср. ниже. Сравнительно съ Левкадою первоначально существующая здѣсь неотчуждаемость участковъ (клеровъ) опредѣленно обозначается Аристотелемъ какъ главная опора аристократическаго строя, а уничтоженіе этой неотчуждаемости разсматривается какъ причина демократизаціи (II, 4, 4; 1266b).

24) Эсхинъ, I, 96, упрекаетъ Тимарха въ томъ, что онъ не постыдился продать владѣнія своихъ предковъ; а въ рѣчи Исея о наслѣдствѣ Аполлодора (31) такое отчужденіе также осуждается строжайшимъ образомъ. Ср. Schmidt, «Ethik der Griechen», II, 392.

25) Ср., напр., Stobbe, «Hdb. des deutschen Privatrechts», V, 53: «Унаслѣдованные отъ предковъ земельные участки считались, по древнему праву, семейною собственностью и не могли быть отчуждаемы собственниками безъ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ, особенно сыновей».

26) Солонъ, с. 21: «(Солонъ) прославился также своимъ закономъ относительно завѣщаній: ранѣе того не было дозволено (составлять ихъ), но какъ движимое, такъ и недвижимое имущество должно было оставаться въ родѣ покойнаго».

27) XX, 6, 5: «бездѣтные оставляли свое имущество не своимъ родовымъ наслѣдникамъ, какъ это у нихъ было въ обычаѣ раньше» и пр. У Аристотеля это обозначается преимущественно какъ особенность олигархическихъ государствъ: «наслѣдства должны быть не по завѣщанію, но должны оставаться въ родѣ». Указ. м., VIII, 7, 12; 1009a.

28) Ib., VII, 2, 5; 1319a: «въ древности во многихъ государствахъ существовалъ законъ, запрещавшій продавать первоначальные надѣлы».

29) Ib., II, 4, 4; 1266b.

30) Ib., VII, 2, 5; 1319a.

31) Ib, II, 4, 4; 1266b.

32) Какъ утверждаетъ Gilbert, «Gr. Staatsaltert.», I, 2, 15.

33) Если бы кто пожелалъ усыновить дитя, долженъ заявить о томъ царямъ.

34) Gilbert, «Studien z. altspart. Gesch.», 169.

35) Schömann, указ. соч., I, 225.

36) Геродотъ, указ. м.

37) Schömann, указ. м. O. Müller, «Dorer», II, 199, также считаетъ весьма вѣроятнымъ, что мужьями дочерей-наслѣдницъ брали преимущественно такихъ, которые не имѣли своего надѣла, т.-е. сначала младшихъ сыновей внутри ойкоса, затѣмъ рода и т. д.

38) На это справедливо указалъ, кромѣ Valkenaer'a, уже Grote, «Hist. of Greece» (ed. 1881), II, 415, возражая противъ взгляда Thirwalls'a, будто царь въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ какъ защитникъ бѣдныхъ («that he could interpose in opposition to the wishes of individuals to relieve poverty»).

39) «Право суда принадлежитъ только царямъ въ слѣдующихъ лишь случаяхъ: въ вопросѣ о томъ, за кого должна выйти дѣвушка-наслѣдница отцовскаго имущества, если она не обручена самимъ отцомъ, и въ дѣлахъ объ общественныхъ дорогахъ».

40) Ср., напр., родственное дорійское городское право Гортины съ замѣчаніями Zitelmann'a: Rhein. M. Bd. 40 Ergänzungsheft, стр. 149 сл., и Simon, «Zur zweiten Hälfte der Inschrift von Gortyn», Wiener Studien, 1887, стр. 4 сл.

41) Curtius, «Gr. Gesch.», I⁵, 178.

42) Это рѣшеніе отца—по крайней мѣрѣ въ IV в.—могло послѣдовать по завѣщательному распоряженію. Аристотель, «Политика», II, 6, 11; 1270a.

43) И Schömann, игнорирующій э т о, удивляется «несовершенству мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поддержаніе равенства», напр., въ томъ отношеніи, что «не было запрещено наслѣдованіе нѣсколькихъ имѣній о д н и м ъ владѣльцемъ, напр., переходъ имѣнія умершаго бездѣтнымъ брата къ брату, уже владѣвшему землею. Подобные случаи должны были часто имѣть мѣсто во время войны» (стр. 226). Но это можетъ поражать только того, кто предполагаетъ, совершенно произвольно, существованіе въ Спартѣ аграрно-политической системы—системы, очевидно, чуждой т о м у времени, о которомъ говоритъ древнѣйшій свидѣтель названныхъ выше мѣропріятій, Геродотъ.

44) Аристотель, указ. м., 11.

45) Демосѳенъ, XLVI, 1135.

46) Курціусъ, III⁵, 120.

47) Нужно представить себѣ только, какъ сильно ослабленъ былъ авторитетъ царской власти уже въ V в. вслѣдствіе не прекращающейся вражды между обѣими династіями, дѣлавшей совершенно невозможнымъ отправленіе царскихъ обязанностей изъ-за частыхъ процессовъ противъ царей и опекунскаго вмѣшательства!

48) Плутархъ, «Лисандръ», 17.

49) Ср. Niese, «Zur Verfassungsgeschichte Lacedämons». Hist. Ztschr. 1889, S. 65.

50) См. характеристику государства законовъ.

51) Соціалистическая теорія Фалеаса, повидимому, не осталась безъ вліянія на указанную современную точку зрѣнія. Фалеасъ думалъ легче всего достигнуть «уравненія» имуществъ тѣмъ, что «богатые даютъ приданое, но не получаютъ его, а бѣдные получаютъ, но не даютъ». Аристот., Пол., II, 4, 2; 1266b. Какъ можно безъ колебанія считать историческимъ показаніе, будто въ Спартѣ вообще не было приданаго? См. Плутархъ, Apophth. Lac., p. 149. Эліанъ, V. H. VI, 6. Юстинъ, III, 3.

52) Политика, VIII, 5, 12; 1307a: «въ аристократическихъ государствахъ революціи происходятъ въ томъ случаѣ, когда одни обладаютъ достаткомъ, другіе же чрезмѣрно бѣдствуютъ.

Особенно часто это имѣетъ мѣсто во время войнъ. Въ Лакедемонѣ случилась такого рода революція во время Мессенской войны. Свидѣтельствомъ этого служитъ, между прочимъ, и стихотвореніе Тиртея подъ названіемъ «Добрый порядокъ». Нѣкоторые граждане, обѣднѣвшіе вслѣдствіе войны, «требовали передѣла земли» и пр.

53) Алкей, fr. 41: «Говорятъ, нѣкогда Аристодемъ въ Спартѣ искусно выразился: достатокъ—это мужъ; никто, ни благородный, ни почтенный человѣкъ, не былъ бѣднякомъ». χρήματα на рубежѣ VII и VI вв. еще не денежный капиталъ. Безразлично, правъ ли Алкей или Пиндаръ (Истм. 2, 15), приписывающій это изреченіе одному аргосцу. Важно то, что точно такъ же можно было думать о спартанцѣ.

54) Ср. Niese, «Die Entwicklung der homerischen Poesie», стр. 213 и слѣд.

55) IV, 600 сл. Говоря о «вскармливающемъ коней Аргосѣ», Менелай (тамъ же, ст. 99) подъ этимъ многозначительнымъ понятіемъ подразумѣваетъ и собственную свою страну, Лакедемонъ; это доказываетъ также и ст. 174 и слѣд.

56) По Павзанію, VI, 2, 1: они ревностнѣе всего были почитаемы среди всѣхъ эллиновъ за ихъ коневодство.

57) См. тамъ же.

58) О великомъ богатствѣ спартанца Лихаса, который въ 420 г. одержалъ въ Олимпіи побѣду на состязаніи на колесницахъ, см. Ѳукидида, V, 20, также Ксеноф. Мем. I, 2, 61. Плутархъ, Кимонъ, 10.

59) Ѳукидидъ, I, 6; IV, 108; V, 15.

Отдѣлъ VII.—Соціальное государство легенды и соціалистическое естественное право.

1) Ср. Wachsmuth Gött. gel. Anz. (1870), стр. 1811. Его доказательство напрасно оспариваетъ Oncken («Staatslehre des Aristoteles», II, 357). Рѣшающее доказательство въ пользу зависимости отъ Эфора прекрасно выдвигаетъ E. Meyer, «Lykurgos von Sparta».—Forschungen z. alten Gesch. I, стр. 219.

2) Платонъ, Алкивіадъ, I, p. 122e: тамошніе эллины—богаче всѣхъ и золотомъ и серебромъ, ср. Гиппій Большій, p. 283d.

3) Аристотель, Политика, II, 6, 10; 1270a.

4) Совершенно согласно настроенію эпохи говоритъ Эфоръ у Діодора, XIV, 7: «лакедемоняне, управляясь законами Ликурга, изъ незначительныхъ стали самыми могущественными изъ грековъ и пр.». Послѣ того, отмѣняя постепенно каждое изъ отдѣльныхъ постановленій..., они утратили гегемонію», ср. Плутархъ, Ликургъ, 29, 30.

5) Указ. м., стр. 233 и слѣд.

6) По Страбону, VIII, 5, 5. Ср. также E. Meyer, тамъ же.

7) Ср. E. Meyer, указ. соч., стр. 236 и слѣд.

8) По Діодору, VII, 14, 5 (очевидно, тоже по Эфору).

9) Ср., впрочемъ, также въ высшей степени поучительный способъ, какимъ спартанскіе соціалъ-революціонеры III столѣтія старались обосновать свои идеи изреченіями оракула. Плут., Агисъ, 9: по ихъ словамъ, оракулъ Пасифаи повелѣваетъ всѣмъ спартанцамъ быть равными согласно закону, издревле установленному Ликургомъ.

10) Полибій, VI, 45 (очевидно, по Эфору), ср. восходящій также къ Эфору эксцерптъ у Діодора, VIII, 14, 7.

11) Плутархъ, Агисъ, 21, с. 5, который здѣсь, очевидно, передаетъ взглядъ своихъ источниковъ.

12) Ср. указ. мѣст. Полибія, VI, 45.

13) Ср. выше, прим. 9.

14) См. главу о «Государственномъ романѣ» во второмъ томѣ.

15) О совершенно сказочныхъ басняхъ Ѳеопомпа ср. Rohde, «Der griechische Roman und seine Vorläufer», стр. 205.

16) Относительно этого взгляда см. слѣдующую главу.

17) Зак., 677b.: такого рода люди, будучи неопытны въ прочихъ искусствахъ, не знали также существующихъ въ городахъ взаимныхъ ухищреній, направленныхъ на развитіе корыстолюбія и честолюбія, равно какъ не знали они и тѣхъ средствъ, которыми стараются вредить другъ другу люди культурные.

18) Зак., 679ab: сначала малолюдство внушало людямъ взаимную другъ къ другу любовь и расположеніе, а сверхъ того имъ не приходилось вести другъ съ другомъ борьбы изъ-за средствъ

къ жизни: не было недостатка въ пищѣ и пр. Вслѣдствіе этого люди тогда не были слишкомъ бѣдны, бѣдность не заставляла ихъ враждовать между собою. Съ другой стороны, если бы въ то время у людей не было золота и серебра, не было бы среди нихъ и богатыхъ.

19) Тамъ же: въ томъ гражданскомъ обществѣ, въ которомъ не было бы ни богатства, ни бѣдности, царили бы самые благородные нравы; въ такомъ обществѣ нѣтъ мѣста ни наглости, ни несправедливости, ни соревнованію, ни зависти.

20) Люди, живущіе въ первобытномъ состояніи, называются «болѣе скромными и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе справедливыми»; тамъ же 679e.

21) Полит., II, 2, 8; 1263b: такого рода законодательная система можетъ показаться привлекательной на видъ, такъ какъ она покоится на любви къ человѣчеству. Познакомившійся съ такою системою радостно ухватится за нее, думая, что при ней наступитъ своего рода достойная удивленія всеобщая любовь; въ особенности (этой системѣ станутъ отдавать предпочтеніе въ томъ случаѣ), когда кто-либо будетъ изобличать зло, существующее въ современныхъ государственныхъ устройствахъ (изъ-за отсутствія въ нихъ общности имуществъ). Я имѣю въ виду процессы по взысканію долговъ, разборы дѣлъ по обвиненію въ лжесвидѣтельствахъ, лесть предъ богатыми. Но указанное зло проистекаетъ не изъ-за отсутствія общности имущества, а вслѣдствіе нравственной испорченности людей и пр.

22) Что Дикеархъ своимъ ученіемъ объ естественномъ состояніи передаетъ уже довольно распространенную теорію, показываетъ его опредѣленное замѣчаніе: и это—утверждаемъ... не мы, а тѣ, которые изслѣдовали давнія времена. F. H. G., II, p. 233. Graf, «Ad aureae aetatis fabulam symbola» (Leipziger Studien, VIII, 45), изъ этихъ словъ заключаетъ, что Дикеархъ воздерживался отъ выраженія собственнаго мнѣнія въ данномъ вопросѣ; по моему—едва ли основательно.

23) Интересно здѣсь указать на то, что Дикеархъ прямо повліялъ на общественную теорію Руссо. Ср. опредѣленное воспоминаніе о Дикеархѣ въ извѣстныхъ Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes (Petits chefs-d'oeuvre de Rousseau, 1864, стр. 111). Впрочемъ, Руссо цитируетъ тутъ не подробный отрывокъ изъ Дикеарха Порфирія, а лишь краткій отрывокъ у Іеронима, adv. Jovin, IX, 230 (F. H. G. 234 [2], касающійся только вопроса о пропитаніи, а не о собственности; но нужно было бы удивляться, если бы онъ не зналъ и другого отрывка, съ содержаніемъ котораго такъ близко соприкасаются его собственные выводы.

24) Порфирій. De abstin., IV, 1, 2 (F. H. G., II, 233). Тотъ же самый взглядъ представляетъ у Дикеарха поселянинъ Ѳеокритъ, XII, 15: другъ друга любили, стояли тогда подъ равнымъ ярмомъ мужи снова златые—и любившему воздавалъ любовью любимый.

25) «Уже (когда?) было значительное количество имущественныхъ владѣній, одни ревностно стремились къ уменьшенію его, собираясь у себя и приглашая къ себѣ другъ друга, иные, напротивъ, заботились о сохраненіи его».

Жаль, что до насъ не дошелъ Дикеархъ въ оригиналѣ, а лишь извлеченіе Порфирія, необстоятельность и тенденціозная односторонность котораго не позволяетъ вполнѣ узнать взглядъ Дикеарха. Особенно же у Порфирія, соотвѣтственно его личнымъ цѣлямъ, выдвигается мнимо роковое въ вопросѣ о собственности значеніе перехода къ мясной пищѣ, которое едва ли имѣло мѣсто у Дикеарха. Въ этомъ пунктѣ взглядъ Grot'a (указ. соч.) былъ, очевидно, правиленъ. О методѣ эксцерпированія Порфирія см. также Bernays: Theophrasts Schrift über die Frömmigkeit, passim.

26) Можетъ-быть, у самого Дикеарха? Ср. Dümmler, «Zu den historischen Arbeiten der ältesten Peripathetiker», Rh. Mus., 1887, стр. 195.

27) Ср. къ словамъ Діогена, «о свободѣ при Кроносѣ», Веберъ: «De Dione Chrysostomo Cynicorum sectatore», Leipziger Studien, X, стр. 18.

28) О немъ см. Wellmann, «Die Philosophie des Stoikers Zenon», Jahrbb. f. kl. Phil., 1873, стр. 437 и слѣд.

29) Diog. Laert., VII, 32 сл. Ср. слова Діогена противъ употребленія металлическихъ денегъ у Аеенея, IV, 59 c. (костяныя деньги! см. Gomperz, «Eine verschollene Schrift des Stoikers Kleanthes». Ztschr. f. österr. Gymn. 1878, стр. 254).

30) Діогенъ, тамъ же, ср. 131, о Хрисиппѣ, требовавшемъ также этой общности.

31) Тамъ же, 33.

32) Здѣсь совершенно серьезно принимается платоновская картина «человѣческаго стада, пасущагося въ идеальномъ государствѣ по приказанію законодателя». (Стада людей, пасущіяся въ государствѣ поодиночкѣ, согласно предписанію законовъ. Полит., 295e).

33) Аеиней, XIII, 561c: (Зенонъ) говорилъ въ своей политіи: Эротъ—божество, содѣйствующее сохраненію государства». Ср. тамъ же толкованіе Эрота, какъ «божества, влекущаго къ дружбѣ, свободѣ и единомыслію».

34) Ср. Хризиппа «о природѣ» у Плутарха, De stoicorum rep. 20: «потеряй мудрецъ огромное имущество, и ему покажется, будто онъ выбросилъ всего одну драхму» и «о госуд. устройствѣ», тамъ же, 21: ничего не дѣлать ради удовольствій, ниже подготовлять гражданъ.

35) Насколько это направленіе вѣрило въ осуществимость своего общественнаго идеала, съ достовѣрностью сказать нельзя. Относительно болѣе древней, непосредственно примыкающей къ циникамъ, стоической школы Hirzel допускаетъ такую возможность («Die Entwicklung der stoischen Philosophie». Unters. zu Ciceros philos. Schriften, II, 271).

36) Сенека, пис. 47, 3.

37) Ibid. 95, 52. Мудрецъ никогда не бываетъ только честнымъ человѣкомъ. Cic. Tusc., IV, 23 ,51.

38) Ср. выше Посидонія-Сенеку и упомянутое Cic. Fin., III, 21 сл., требованіе стоиковъ, чтобы какъ ὠφελήματα и βλάμματα (нравственное добро и зло), такъ и εὐχρηστήματα и δυσχρηστήματα (прочія преимущества и невыгоды) были общими для всѣхъ людей.

Иначе, чѣмъ Посидоній и др., думалъ, впрочемъ, Хрисиппъ, отъ котораго до насъ—благодаря Цицерону (De fin., III, 20)—дошла попытка оправдать частную собственность; правда, эта попытка ничего не говоритъ, но отъ читателя все же не должна быть скрыта: «остальное произошло ради людей и боговъ.—Но подобно тому, какъ въ театрѣ, хотя онъ и общее достояніе, справедливо можетъ заявить всякій, занявшій свое мѣсто, что это—его мѣсто, такъ и въ государствѣ и въ цѣломъ мірѣ право не препятствуетъ тому, чтобы каждый владѣлъ ему принадлежащимъ». Не говорится ли это въ противовѣсъ Зенону, со взглядами котораго такъ часто расходился Хрисиппъ?

39) Прообразъ, на который очевидно часто ссылаются политическія и соціально-реформаторскія тенденціозныя сочиненія «О согласіи»...—Дюммлеръ, напр., справедливо предполагаетъ («Prolegomena zu Platons Staat», стр. 46), что Антифонтъ, въ своемъ сочиненіи «О согласіи» (по Гарпократіону s. vv.), «длинноголовыхъ», «тѣнистоногихъ» и «живущихъ подъ землей» упоминаетъ лишь съ той цѣлью, чтобы на нихъ доказать осуществимость своихъ политическихъ идеаловъ.

40) Ср. Schmoller, «Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft». («Jahrb. f. Gesetzgeb., Verw. u. Volkswirtsch.», 1881. S. 39).

41) На нее ссылается отчасти и Аристотель (Пол., II, 2; 1, 1263a).

42) Юстинъ, II, 2: «далѣе, что кажется удивительнымъ, природа даетъ имъ то, чему греки, съ долголѣтней мудростью ихъ мудрецовъ и наставленіями философовъ, не въ состояніи слѣдовать, а именно, чтобы преодолѣть культурные нравы свои путемъ сравненія ихъ съ далеко стоящими отъ культуры варварами. Настолько у нихъ преуспѣваетъ невѣдѣніе пороковъ, насколько у другихъ познаніе добродѣтели». Развѣ самъ Платонъ не пожелалъ бы, въ интересахъ требуемаго имъ равноправія мужчинъ и женщинъ, сослаться на примѣръ способныхъ ѣздить верхомъ и носить оружіе женъ сарматовъ, жившихъ у Чернаго моря! (Зак., 804 e).

43) Ср. Эфора у Страбона, VII, p. 463. F. H. Gr., I, 256, fr. 76.

44) Phaenom. 100 сл. Относительно мнѣнія о вытѣсненіи Дике см. также Гесіода «Труды и Дни», ст. 223.

45) Государство, V, 464 d: «не будетъ у нихъ по отношенію другъ къ другу ни судебныхъ процессовъ, ни тяжбъ, потому что нѣтъ у нихъ, такъ сказать, никакой собственности: только тѣло свое, а остальное все общее; потому-то имъ вполнѣ возможно не ссориться другъ съ другомъ и жить не такъ, какъ живутъ люди, которые ссорятся изъ-за обладанія деньгами или дѣтьми и родственниками».

46) Указ. мѣсто.

47) Государство, V, p. 465c.

48) Ср. Nic. Damasc. (fr. 123 у Müller'a F. H. Gr., III) по Эфору: у нихъ, какъ разсказывали, не было ни завидующихъ, ни ненавидящихъ, ни боящихся другъ друга, такъ какъ въ ихъ жизни царили бѣдность и справедливость.

49) Ср. Эмпедоклъ, Fragm., изд. Sturz, 305.

50) Ср. Гелланика Митиленскаго о гипербореяхъ F. H. Gr., I, p. 58, fr. 96: они научаютъ справедливости, питаясь не мясомъ, а орѣхами.

51) Этотъ взглядъ Эфора позднѣйшій географъ-поэтъ передалъ, опредѣленно указывая на него слѣдующими словами:

Такъ называемыя племена номадовъ, очень благочестивыя,
Изъ нихъ никто никогда не обидѣлъ живого существа.
Свои дома, какъ онъ сказалъ, съ собою они носятъ, а питаются
Молокомъ да скиѳскимъ кумысомъ.

Эфоръ, fr. 78, у M. F. H. G., I, 257.

52) Галактофагами скиѳы-кочевники были, конечно, не потому, что они воздерживались

отъ всякой другой и, въ особенности, отъ мясной пищи, а потому, что главную роль въ ихъ пропитаніи играли молоко и молочные продукты. Фактъ, объясняющійся простымъ экономическимъ мотивомъ, что эти скиѳы, какъ и нынѣшніе калмыки, въ высшей степени мало убивали свой скотъ, и что лишь весьма неохотно затрачивали этотъ свой единственный капиталъ. Это правильно отмѣтилъ Neumann («Die Hellenen im Skythenland», стр. 314), но онъ, конечно, заблуждается, думая, что и Эфоръ понималъ это одинаковымъ съ нимъ образомъ. Идеализирующая тенденція описанія Эфора этимъ совершенно искажается.

53) Ср. объ этихъ институтахъ Neumann, указ. соч., стр. 296.

54) Эфоръ, fr. 76 M. Они живутъ другъ съ другомъ въ отличныхъ отношеніяхъ, имѣя все общее, между прочимъ, и женъ, и дѣтей, и всѣхъ родственниковъ; fr. 78: они живутъ, считая все имущество общимъ владѣніемъ всѣхъ.

55) IV, 104: у агаѳирсовъ совокупленіе съ женщинами, общее для всѣхъ, для того, чтобы стать имъ всѣмъ братьями другъ другу, и, ставъ, такимъ образомъ, всѣ родственниками, они не питаютъ другъ къ другу ни зависти, ни вражды.

56) У Николая Дамасскаго, указ. мѣсто. Ср. Эфора, fr. 76 M. См. выше, прим. 54.

57) Ср. Госуд., V, 461d. Поэтому Страбонъ [VII, 3, 7 (p. 300)] обозначаетъ скиѳовъ, въ духѣ этого толкованія, какъ «имѣющихъ общими женъ и дѣтей по Платону». Эту связь между Платономъ и Эфоромъ далѣе прослѣдилъ Riese («Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griech. und röm. Litteratur». Frankfurt. Progr. 1875), правда, не принимая во вниманіе степени идеализаціи у Эфора и его фактическихъ исходныхъ пунктовъ въ подчеркнутыхъ въ текстѣ моментахъ. Впрочемъ, на Эфора должны были повліять также идеи циниковъ, какъ это случилось и съ его соученикомъ Феопомпомъ. Ср. Schröder: Theokrit v. Chios. Jahrb. f. Phil., 1890.

58) Resp., III, 416d: смотри,—сказалъ я,—если они хотятъ быть таковыми, не должны ли они вотъ такимъ образомъ жить и устраиваться: прежде всего никто изъ нихъ не долженъ имѣть какой бы то ни было частной собственности, кромѣ самой необходимой, и пр.

59) Изъ всей принимаемой здѣсь въ разсчетъ литературы заслуживаетъ вниманія то, что Страбонъ (III, p. 147) говоритъ о Посидоніи (ср. fr. 48 Müller, II); онъ не воздерживается отъ обычныхъ риторическихъ прикрасъ, но, напротивъ, восторгается отъ преувеличеній.

60) Ликургъ, I.

61) Δαμασίμβροτος, по Симониду; ср. Плутархъ Агезилай, глава I.

62) Ср. прекрасную формулировку этой государственной мысли у Ѳукидида, II, 2, въ рѣчи спартанскаго царя Архидама: самое лучшее и наиболѣе безопасное это то, когда, хотя ихъ и много, но они, повидимому, пользуются однимъ устройствомъ.

63) Гл. 10: (Ликургъ) побудилъ, чтобы въ Спартѣ всѣ упражнялись во всѣхъ добродѣтеляхъ публично. Подобно тому, какъ частные люди, упражняющіеся въ добродѣтели, отличаются отъ таковыхъ, пренебрегающихъ ею, такъ точно и Спарта, очевидно, отличается отъ всѣхъ государствъ добродѣтелью; одна только она публично прилагаетъ заботы о нравственномъ усовершенствованіи.

64) Гл. 7: ибо къ чему нужно стремиться къ богатству тамъ, гдѣ постановлено приносить всего поровну для житейскихъ надобностей, равно какъ также и устраивать свою жизнь; а сдѣлано это для того, чтобы ради роскоши не стремились къ деньгамъ и пр.—Тамъ же: золото и серебро преслѣдуется, и если гдѣ-либо оно обнаружится, владѣющіе имъ подвергаются штрафу. Къ чему стремиться къ обогащенію тамъ, гдѣ обладаніе богатствомъ приноситъ больше горя, чѣмъ пользованіе имъ доставляетъ радости.

65) Panathen. 178: (спартанцы) установили у себя такое равенство предъ закономъ и такую демократію, которая должна побудить всѣхъ и всегда жить въ согласіи.—Въ высшей степени характерно для историческаго смысла этой литературы мнѣніе Исократа (ibid., 153), будто Спарта временъ Ликурга была сколкомъ съ древнѣйшихъ Аѳинъ!

66) Можетъ-быть, впрочемъ, и здѣсь онъ стоитъ въ большей зависимости отъ Исократа, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Ср., напр., оборотъ Исократа (указ. мѣсто, 179): (спартанцы, сдѣлавъ народъ періэками), поступили такъ съ той цѣлью, чтобы каждый владѣлъ равною частью приходящейся на его долю земли, а сами они захватили себѣ наилучшую часть..., массѣ же народной удѣлили такую часть худшей земли, что она, надлежаще обрабатывая ее, могла едва имѣть насущное пропитаніе.

67) Это доказываетъ не только то обстоятельство, что Полибій главными защитниками упомянутаго въ текстѣ взгляда, среди родственныхъ по настроенію Эфору писателей, называетъ совершенно особенно Платона, Каллисѳена и Ксенофонта, но также и сравненіе мѣста Полибія съ Діодоромъ, VII, 14, 3; см. E. Meyer., указ. мѣсто.

68) (Эфоръ, Ксенофонтъ и пр.) вдобавокъ приводятъ длинное разсужденіе о томъ,

что Ликургъ одинъ только изъ бывшихъ ранѣе (законодателей) разсмотрѣлъ элементы, объединяющіе (государство). Такъ какъ двумя основами поддерживается всякое государственное устройство: храбростью по отношенію къ врагамъ и взаимнымъ согласіемъ, то Ликургъ уничтожилъ корыстолюбіе, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожились и всякаго рода внутреннія разногласія и неудовольствія. И, дѣйствительно, лакедемоняне, не будучи причастны къ этимъ бѣдствіямъ, прекраснѣе всѣхъ умовъ организовали свое государственное устройство и были въ постоянномъ между собою согласіи.

69) См. выше, стр. 55.—Доказательствомъ тому служитъ, кромѣ того, сочиненіе стоика Сфера «О лакедемонскомъ государственномъ устройствѣ», главной цѣлью котораго было создать для царя Клеомена III историческую основу для его соціальныхъ реформъ, съ помощью идеальной картины древней Спарты.

70) Ср. Scala, «Die Studien des Polibius», I, 201 и слѣд.

71) VI, 10.

72) VI, 48.

73) Ib., въ отношеніи къ образу жизни (Ликургъ) сдѣлалъ (спартанцевъ) самодовлѣющими и простыми.

74) Ср. с. 31. (Ликургъ) сверхъ того устроилъ и наладилъ такимъ образомъ, чтобы они, ставъ свободными и самодовлѣющими, оставались на продолжительное время скромными.

75) Ликургъ, с. 8.

76) Ibidem. (Ликургъ) убѣдилъ, чтобы всѣ жили другъ съ другомъ на равныхъ условіяхъ, чтобы всѣ имѣли одинаковые надѣлы земли, а главнѣе всего, чтобы всѣ принимали одинаковое участіе въ добродѣтели; такимъ-то образомъ, у однихъ съ другимъ не будетъ никакого иного различія или неравенства, кромѣ какъ зло для одного будетъ служить стимуломъ порицанія за постыдные поступки, а для другого—похвалою за прекрасные.

77) Ib., с. 9. Ср. то же самое утвержденіе въ «Государствѣ Лакед.», с. 7: (Ликургъ) воспрепятствовалъ тому, чтобы наживали деньги путемъ несправедливости.

78) Ib., с. 10: главное же (было) то, что богатство не внушало зависти, какъ говоритъ Ѳеофрастъ, и что человѣкъ, имѣющій богатства, имѣлъ также доступъ къ общимъ обѣдамъ и пользовался дешевизною житейскаго продовольствія. Разъ богатый шелъ наравнѣ съ бѣднымъ за одинъ и тотъ же столъ, не къ чему было прибѣгать къ пышнымъ приготовленіямъ, не къ чему было пользоваться ими, вообще смотрѣть на нихъ или указывать. Къ одной только Спартѣ изъ всѣхъ государствъ имѣла отношеніе поговорка: богачъ—все равно, что слѣпецъ, либо кукла, подобно тому какъ картина—и души не имѣетъ, да и двигаться не можетъ.

79) Ib., с. 29.

80) Діодоръ, VII, 11.

81) Опредѣленіе государственнаго романа у Rhode, стр. 197.

82) Esprit des lois, IV, 6. Это наблюденіе не мѣшаетъ ему—благодаря его довѣрію къ источникамъ—ставить Спарту, какъ «самую совершенную истинную республику», на ряду съ «самой возвышенной идеальной республикой»—платоновской, а также и съ коммунистическимъ государствомъ іезуитовъ въ Парагваѣ.

83) Ib., с. 31; онъ насадилъ не науку, не рѣчь, но на дѣлѣ показалъ неподражаемое государственное устройство, и тѣмъ, которые считаютъ не существующимъ въ дѣйствительности устройство, имѣющее дѣло съ мудрецомъ, онъ доказалъ, что (у него) все государство занимается философіей.—Ср., впрочемъ, уже Платонъ, Протагоръ 342d. Даже и по Плутарху (гл. 30), древняя Спарта не производитъ впечатлѣнія государства, а скорѣе дома одного мудраго человѣка: при господствѣ (законовъ Ликурга) Спарта представляла собою не государственную политію, но олицетворяла жизнь хорошо вышколеннаго мудраго мужа.

84) Для имѣющейся здѣсь въ виду связи идей характерно также представленіе Посидонія о владычествѣ мудрыхъ въ блаженной первобытной эпохѣ. Ср. Сенека: Epist. XIV, 2, 5: Посидоній полагаетъ, что въ такъ назыв. Золотомъ вѣкѣ царство было въ рукахъ мудрецовъ.

85) Впрочемъ, уже Платонъ далъ этотъ тонъ, признавъ Спарту, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ основоположеній всего ея устройства, историческимъ образцовымъ государствомъ. Зак. 692c.

86) Зак. IV, 731a: тѣмъ государствамъ, объ организаціи которыхъ мы разсуждали выше, говорятъ, значительно ранѣе предшествовало какое-то начало и организація при Кроносѣ, очень счастливая; ея подражаніемъ является та изъ существующихъ нынѣ организацій, которая признается наилучшею.

87) Ibid.

88) Cic. de off., 1, 2.

89) О томъ, что они точно наблюдались древними, свидѣтельствуетъ Виргилій, Georg.,

IV, 153: они одни только имѣютъ общихъ родственниковъ, общія крыши у нихъ въ городѣ и живутъ они свой вѣкъ при руководствѣ великихъ законовъ.

90) Еще одно опроверженіе этой теоріи, хотя и въ нѣсколько иномъ пониманіи, мы находимъ и въ болѣе поздней литературѣ, напр., у Дидима: Geop., XIV, 3; организація у этихъ животныхъ походила ближе всего на организацію самыхъ благоустроенныхъ государствъ.

91) «Saturni temporibus», по выраженію цитаты Колумелласа (R. r. IX, 2), изъ Никандра, греческаго автора II вѣка до Р. Хр.

92) С. 25. Ср. упомянутое выше, стр. 55, постулатъ Зенона: была бы одна жизнь и одинъ міръ, подобно тому какъ вмѣстѣ пасущееся стадо находится на общемъ пастбищѣ.

93) Плутархъ, указ. м. Въ духѣ этого взгляда уже Платонъ (Leg. II, 666) говоритъ о спартанцахъ: все равно, какъ жеребцовъ, пасущихся въ табунѣ, вы получите юношей, живущихъ вмѣстѣ. Ср. параллели съ государствомъ пчёлъ. Респ., VII, 520b и 564c.

94) Въ «Евменидѣ», 703 стр. и сл. объ ареопагѣ говорится: относясь по справедливости къ нему (т.-е. ареопагу) съ благоговѣйнымъ страхомъ, вы будете имѣть въ немъ защиту земли и охрану государства, такую, какой никто не имѣетъ ни у скиѳовъ, ни въ Пелопоннесѣ.

95) Ср. Bergk, «Comment. de reliquiis comoediae Atticae antiquae», p. 197 и слѣд. съ указаніемъ на комедію Кратина о «Богатствѣ».

96) Но въ то же время и какъ истинно-«политическіе», с. 15. Конечно, при этомъ сильно переоцѣнивается значеніе этихъ обычаевъ, разъ о законодателѣ говорится, что «онъ желалъ, чтобы граждане вербовались не изъ первыхъ встрѣчныхъ, но изъ лучшихъ», какъ въ государствѣ Платона!

97) Ср. уже «Республику» Платона, II, 372b и слѣд. Здѣсь также непосредственно соприкасаются идеи древности и новаго времени. Ср., напр., сочиненіе вегетаріанца Heller'a, «Elend und Zufriedenheit. Ueber die Ursachen und der Abhilfe d. wirtschaftlichen Noth».

98) Лик., с. 8: онъ думалъ, что имъ постольку хватитъ пищи для благоденствія здоровья, что они ни въ чемъ другомъ не будутъ нуждаться.—По с. 12: болѣе престарѣлые воздерживаются отъ мясной пищи, изъ варева у нихъ пользовалась наибольшимъ распространеніемъ черная похлебка, старики не нуждались ни въ кусочкѣ мяса, уступали его юношамъ, а сами ѣли похлебку, разливъ ее по тарелкамъ.

99) IV, 3 и 5.

100) Ср. «Государство Лакед.», с. 7: Ликургъ установилъ въ Спартѣ слѣдующія законоположенія, идущія въ разрѣзъ съ законоположеніями у прочихъ грековъ. А именно: въ остальныхъ государствахъ всѣ наживаются по мѣрѣ возможности: кто обрабатываетъ землю, кто плаваетъ на морскомъ кораблѣ, кто на торговомъ суднѣ, а кто занимается ремеслами; въ Спартѣ же Ликургъ воспретилъ свободнымъ гражданамъ имѣть какое-либо касательство къ наживѣ; онъ установилъ для нихъ только такія занятія, которыя ведутъ государство къ свободѣ.

101) Уже Аристотель, въ своей критикѣ платоновскаго коммунизма, справедливо подчеркиваетъ, что послѣднему на пути встрѣчается гораздо меньше трудностей тамъ, гдѣ собственники не являются въ то же время землепашцами. «Полит.», II, 1, 2; 1253a: разъ земледѣльцы будутъ составлять особый классъ, самый способъ (сдѣлать землю общею) станетъ инымъ и болѣе легкимъ; а если они будутъ работать сами на себя, то вопросы, связанные съ землевладѣніемъ, будутъ представлять много затрудненій.

102) Съ какой чрезвычайной легкостью въ этой области складывались легенды, тому разительный примѣръ показываетъ встрѣчающееся уже у Юстина (III, 2) показаніе, что Спарта въ эпоху Ликурга вернулась отъ денежнаго хозяйства къ чисто-натуральному обмѣну. (Ликургъ) повелѣлъ, чтобы торговыя сдѣлки совершались не на деньги, но посредствомъ товарообмѣна. Онъ изъялъ употребленіе золота и серебра, какъ предметовъ, влекущихъ за собою всякаго рода преступленія.—Авторъ этого взгляда, очевидно, исходилъ изъ той мысли, что государство, въ которомъ стремленіе къ пріобрѣтенію, со всѣми его безнравственными послѣдствіями, должно было быть радикально вытравлено, не могло допускать благопріятствующихъ накопленію богатства средствъ обмѣна и вообще никакихъ «денегъ». Это въ логическомъ смыслѣ вполнѣ правильное заключеніе оказалось достаточнымъ, чтобы вывести изъ него историческій фактъ и передать его, какъ таковой, и дальше.—Къ той же категоріи относится и замѣчаніе Юстина, III, 8: (Ликургъ) приказалъ выдавать дѣвицъ замужъ, не давая имъ приданаго; совершенно такъ же, какъ и Платонъ въ своемъ государствѣ законовъ! См. ниже главу III. Этотъ взглядъ также усвоилъ себѣ Плутархъ, Apophthegm. Lac., p. 149 Lyc., 15.

103) XLIII, 1: Какъ бы одно наслѣдство было для всѣхъ! Ср. Плутархъ, Ликургъ, 8: кажется будто вся Лаконика состоитъ изъ массы братьевъ, только-что выдѣленныхъ.

104) Ср. Steffen, «Die Landwirtschaft bei den altamerikanischen Kulturvölkern». Стр. 76 и слѣд.

105) Ликургъ, с. 16: родитель не имѣлъ власти воспитывать свое дитя; онъ относилъ его въ какое-то мѣсто, называемое лесхою, гдѣ засѣдали старѣйшины филъ; они подвергали осмотру принесеннаго имъ ребенка и, если находили его хорошо сложеннымъ и крѣпкимъ, дозволяли его воспитывать, причемъ назначали ему надѣлъ изъ числа девяти тысячъ.

106) Поэтому въ царствѣ инковъ, на ряду съ указаннымъ обычаемъ, мы въ то же время встрѣчаемъ самую строгую земельную общину. Поля принадлежали здѣсь всей деревнѣ и вновь отходили къ общинѣ; они не могли ни отчуждаться, ни наслѣдоваться. Ежегодно они снова подвергались передѣлу, причемъ отдѣльное лицо получало то больше, то меньше, смотря по тому, увеличилось, или уменьшилось число членовъ его семьи. Ср. Steffen, указ. соч., стр. 77.

107) Агисъ, с. 5. Попытки такъ перетолковывать показаніе Плутарха, чтобы устранить противорѣчіе съ фактами (напр., объясненіе Schömann'a, «Griech. Alt.», I, 3, 271 (ср. Hermann, «Ant. Lac.», p. 188 сл., 194), не только насилуютъ ясную конструкцію рѣчи, но и отрицаютъ ту связь представленій, изъ которой они только и могутъ быть поняты.

108) Панег., 79: они держали себя сообразно съ достоинствомъ государства до такой степени, что даже группировались въ политическія партіи не тѣ, которые, устранивъ другихъ, могли бы захватить власть надъ прочими, но тѣ, которые могутъ оказать государству какое-либо благо. Гетеріи они составляли не ради личной пользы, но ради пользы общественной.

109) Ареоп., 31: они были въ согласіи не только о дѣлахъ, касающихся государства, но даже въ частной жизни они оказывали по отношенію другъ къ другу такую предусмотрительность, какую надлежитъ оказывать людямъ благомысляшимъ и истиннымъ патріотамъ.

110) Ibid., 32.

111) Ibid. . считая для себя зазорнымъ бѣдственное положеніе гражданъ, они противодѣйствовали нуждѣ.

112) Ibid., 35: они одновременно приносили пользу и гражданамъ и содѣйствовали производительности своихъ личныхъ интересовъ.

113) Ibid.—Главное заключается въ томъ, чтобы жить другъ съ другомъ въ полномъ согласіи. Владѣнія, полученныя тѣми или иными по праву, оставались въ безопасности, а пользоваться владѣніями можно было сообща всѣмъ имѣющимъ въ нихъ нужду гражданамъ.

114) Ibid., 83: Самое главное вотъ въ чемъ: въ то время ни одинъ изъ гражданъ не нуждался въ предметахъ первой необходимости и своимъ клянчаньемъ не позорилъ прибывающихъ въ городъ, а теперь большинство нуждается въ средствахъ къ жизни.

115) Ibid., 44: Тѣхъ, кто былъ послабѣе, они направляли на занятіе земледѣліемъ и торговлей, зная, что отъ бездѣлья рождаются недохватки, а послѣдніе ведутъ къ преступленіямъ. Истребляя начало зла, они разсчитывали избавиться тѣмъ самымъ и отъ остальныхъ ошибокъ связанныхъ съ этимъ началомъ.

116) Для Исократа тутъ уже осуществляется «лучшее государство». Онъ совершенно серьезно спрашиваетъ: какимъ образомъ государственное устройство могло бы стать лучше, разъ оно такъ прекрасно печется обо всемъ?

117) Указ. мѣсто: такова—говоритъ Дикеархъ—была жизнь при Кроносѣ, если только должно понимать ее какъ реально существовавшую, а не напрасно измышленную и, отбросивъ въ ней то, что слишкомъ отдаетъ сказкой, низвести ее на степень разумной естественности.

118) Страбонъ, IX, 3, 12; p. 423; ср. X, 4, 8; p. 476.

119) Ср. выше, стр. 9.

120) Также Kleinwächter, «Zur Frage der ständischen Gliederung der Gesellschaft». Zeitschr. f. d. Staatswissensch., 1888, стр. 318.

121) Ср., напр., die Monatsschrift zur Förderung einer friedlichen Sozialreform. «Deutschland», томъ II, № 1, стр. 20. Engels, «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft», стр. 51, въ приложеніи «die Mark».

122) Три вопроса земельной собственности и ея будущее, стр. 29, 37 и сл.

123) Насколько сильна аналогія между античной и современной односторонностью въ этой области, ясно видно изъ упрека, который дѣлаетъ C. Delbrück («Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen», стр. 215), Lamprecht'y, «Studien zur Sozialgeschichte der deutschen Urzeit», что «шаблоны, выработанные или кажущіеся выработанными для народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи, слишкомъ охотно переносятся на другіе народы, какъ-будто мы живемъ еще въ тѣ времена, когда великія эпопеи умозрительной философіи сковывали умы».

124) Meitzen, въ сочиненіи «Объ индивидуальномъ хозяйствѣ германцевъ», указ. мѣсто, стр. 71 и слѣд.

125) Указ. мѣсто, стр. 465 и слѣд.

126) Указ. мѣсто, стр. 370.

127) Stein, «Die Entwicklung der Staatswissenschaft bei den Griechen». Sitzgb. der Wien. Akad. (phil. hist. Kl.), 1879, стр. 255.

128) См. главу о «Государственномъ романѣ» во II томѣ.

ГЛАВА II.

Отдѣлъ I.—Индивидуалистическія тенденціи.

1) Ср. характерное замѣчаніе Аристотеля: теперь, вслѣдствіе выгодъ, получаемыхъ отъ общественныхъ должностей и сопряженныхъ съ властью вообще, желаютъ властвовать непрерывно, какъ-будто вѣчно властвующіе, хотя бы они были и больны, стали бы отъ этой вѣчной власти здоровыми; вѣдь только при такомъ предположеніи можно было бы такъ энергично стремиться къ власти. Пол. III, 4, 6; 1279a.

2) II, 20: для самого демоса демократія извинительна, такъ какъ всякому извинительно благодѣтельствовать самому себѣ.

3) I, 16: если бы говорили и совѣтовали честные люди, то для нихъ, какъ для людей, подобныхъ другъ другу, это было бы благомъ, для приверженцевъ же демократіи это не было бы благомъ.

4) Пол. III, 5, 4; 1279b: олигархія стремится оказать пользу достаточнымъ классамъ, демократія—недостаточнымъ; но ни та, ни другая не имѣютъ въ виду пользы государства.

5) Ib., VI, 9, 11; 1296a: когда, въ силу происходящихъ переворотовъ и взаимныхъ распрей между демосомъ и зажиточными классами, удастся тому или другому изъ нихъ одолѣть своихъ противниковъ, побѣдители не устанавливаютъ общаго и равнаго для всѣхъ государственнаго порядка, но они, въ качествѣ награды за одержанную побѣду, берутъ преизбытокъ того или иного государственнаго порядка, и одни устанавливаютъ демократію, другіе—олигархію.

6) Зак. 715b: неправильны, по нашему утвержденію, тотъ государственный порядокъ и тѣ законы, которые установлены не ради общаго блага всего государства; законы же, установленные ради извѣстной группы лицъ, по нашему мнѣнію, ведутъ къ мятежамъ, а не къ прочному государственному строю, и напрасно называть такой порядокъ вещей—справедливымъ. Ср. 832 c.: правильнѣе всего было говорить въ данномъ случаѣ не о государственномъ порядкѣ, а о государственномъ безпорядкѣ: добровольнаго согласія къ подчиненію при этомъ не существуетъ, но всегда подчиненность недобровольная основывается на нѣкоторой принудительной силѣ; правитель, опасаясь подчиненнаго, никогда не допуститъ добровольно, чтобы подчиненный сталъ сильнымъ, храбрымъ, вообще воинственнымъ.

7) Въ соціально-политическомъ отношеніи это есть смыслъ положенія, «человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей» въ значеніи, приданномъ софистической моральной философіей, что человѣкъ, какъ единица, иными словами, всякій индивидъ, есть мѣра всѣхъ вещей.

8) Ср. формулировку этой точки зрѣнія у Платона, Горгій, 491c:—по природѣ прекрасно и справедливо то..., чтобы человѣкъ, намѣревающій вести правильную жизнь, допускалъ развитіе своихъ страстей до высшихъ предѣловъ, не ставилъ имъ препонъ... и исполнялъ все то, къ чему его всегда влечетъ страсть, ср. 492d.—Это излюбленное положеніе современнаго нравственнаго матеріализма: человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше у него потребностей, предполагая, что существуютъ и средства для ихъ удовлетворенія.

9) Это воззрѣніе у Платона вложено въ уста политику-практику въ «Горгіи» и—съ нѣсколько иной мотивировкой—софисту въ «Государствѣ». Горгій, 483d: я думаю, сама природа указываетъ, какъ на нѣчто справедливое, на то, чтобы лучшій имѣлъ больше худшаго и болѣе сильный—болѣе слабаго. Что это такъ, доказательствъ тому много; между прочимъ, какъ среди прочихъ живыхъ существъ, такъ и въ цѣлыхъ человѣческихъ государствахъ и родахъ справедливымъ признается то положеніе, чтобы болѣе сильный властвовалъ надъ болѣе слабымъ и имѣлъ бы больше, чѣмъ послѣдній. Поставленный Гротомъ вопросъ, поскольку софисты, основательно или неосновательно, являются представителями этого воззрѣнія, не входитъ здѣсь въ наше разсмотрѣніе. Намъ достаточно того факта, что взгляды эти раздѣляются «тысячами» («я слышу тысячи другихъ! сказано въ rep. II, 358c, ср., Gorg. 492d: очевидно, ты теперь говоришь то, о чемъ думаютъ и остальные, но не желаютъ только высказаться»). «Тайна всего міра», какъ

сказалъ объ этомъ воззрѣніи Гельвеція. Что при этомъ, впрочемъ, идетъ рѣчь о фактически преподававшемся ученіи, это несомнѣнно по тѣмъ слѣдамъ, которые находятся въ болѣе древней литературѣ, напр., у Еврипида (Іонъ, V, 621 сл.) и у софиста, которымъ пользовался Ямблихъ (ср. Blass, Kieler. Progr. 1889). Недавно это снова справедливо подтвердилъ Ф. Дюммлеръ, (Prolegomena zu Platons Staat und der platonischen und aristotelischen Staatslehre (Basler Prorg. 1891, стр. 30) противъ Гомперца (Apologie der Heilkunst, стр. 112).—Ср., кромѣ того, и Θукидида, V, 105; VI, 82—87.

10) Rep., I, 338c: справедливость—привилегія болѣе сильнаго, ср. ib., 338e.

11) Горгій, 484a: если человѣкъ будетъ обладать достаточными природными силами,—стряхнувъ все это, разорвавъ и истоптавъ наши письмена, ворожбу, заклятія и всѣ противоестественные законы, родъ, поднявшись (изъ приниженнаго, состоянія), оказался нашимъ господиномъ, то тогда возсіяетъ естественная справедливость, ср. Зак., X, 889e: и прекрасное—по природѣ—одно, по закону—другое. Справедливости же вообще нѣтъ и пр. Величайшая же справедливость заключается въ перевѣсѣ, одерживаемомъ силою—всѣ стремятся къ жизни естественно-правильной, а это поистинѣ состоитъ въ томъ, чтобы жить, властвуя надъ остальными, и не жить въ рабствѣ у другихъ по закону.

12) Ср. Платонъ [въ Горгіи, 484b, гдѣ Калликстъ цитируетъ стихи Пиндара о похищеніи быковъ Геракломъ (онъ дѣйствуетъ, оправдывая насиліе насиліемъ: я привожу въ свидѣтельство дѣла Геракла и пр.) и прибавляетъ: онъ говоритъ, что Гераклъ угналъ быковъ, ни купивъ ихъ, ни получивъ отъ Геріона, что это—де справедливо по природѣ, что быки и все прочее достояніе худшихъ и болѣе слабыхъ принадлежитъ лучшимъ и болѣе сильнымъ.

13) Пол., VII, 1, 14; 1318b: постигнуть истину равноправіи и справедливости, хотя очень трудно, все-таки легче, чѣмъ убѣдить тѣхъ, которые стремятся къ обогащенію. Вѣдь равноправія и справедливости всегда ищутъ болѣе слабые; болѣе же сильные объ этомъ нисколько не пекутся.

14) Исократъ, Ареопагъ, § 83.

15) III, 82.

16) Филипп., § 20.

17) Архидамъ, § 28.

18) Государство распадается до извѣстной степени на два враждебныхъ государства,—говоритъ Платонъ, Респ., 423a: всегда есть два взаимно враждебныхъ государства: одно государство бѣдныхъ, другое—богатыхъ, и въ обоихъ государствахъ, въ свою очередь, много государствъ; если ты будешь наступать на нихъ какъ на одно, ты потеряешь все; наступая же на нихъ какъ на многія и отдавая однимъ то, что принадлежитъ другимъ, какъ-то: деньги, власть, даже людей, ты будешь имѣть много союзниковъ и мало враговъ. При этомъ невольно вспоминаются слова, которыя написалъ, въ 1848 г., Дизраэли, ставшій потомъ премьеромъ, о тогдашнемъ соотношеніи между бѣдными и богатыми. «Они точно два народа, между которыми не существуетъ никакого общенія, никакого родственнаго чувства, которые такъ мало знаютъ привычки и чувства другъ друга, какъ если бы они были жителями различныхъ поясовъ или обитателями различныхъ планетъ».

Отдѣлъ II.—Борьба идеалистической соціальной философіи противъ крайняго индивидуализма.—Общіе соціально-этическіе постулаты.

1) Хен., Mem., IV, 4, 16.

2) Извѣстное подъ этимъ заглавіемъ сочиненіе Антифонта не стоитъ, конечно, особнякомъ. Ср. также отрывокъ Демокрита (Стоб. Флор., XLIII, 40): согласіе ведетъ къ великимъ дѣламъ, и государства тогда только могутъ одолѣвать враговъ.

3) Зак., X, 628c.

4) Ibid., III, 697d.

5) Респ., V, 462d.

6) Зак., X, 693c., cf. 701d. Одинаково говорится въ 743d.

7) Ср. приведенное выше, стр. 69, мѣсто. Зак., VII, 715b.

8) Респ., VII, 519e.

9) Община, въ которой

«Все движется къ цѣлому,
Одно живетъ и дѣйствуетъ въ другомъ!»

10) Ibid., I, 311e.

11) Зак., V, 731c. Платонъ называетъ (Горгій, 507e) эгоизмъ на практикѣ «разбойничьей жизнью».

12) Въ данномъ случаѣ Платонъ непосредственно соприкасается съ историко-этическимъ направленіемъ современной политической экономіи, которая, напр., въ лицѣ Шмоллера, въ противовѣсъ старинной индивидуалистической школѣ, справедливо обратила вниманіе на то, что въ обществѣ, основывающемся только на своекорыстныхъ поступкахъ людей, «грабежъ и убійство» (разбойничья жизнь) являются лучшимъ способомъ раздѣленія, потому что индивидуальные интересы въ своемъ развитіи должны были вести къ уничтоженію всякой организаціи и законности.

13) Горгій, 507e: никому, ни человѣку, ни божеству, такой человѣкъ не былъ бы любезенъ, такъ какъ онъ неспособенъ къ общенію; а гдѣ невозможно общеніе, тамъ нѣтъ мѣста и дружбѣ.

14) Ibid., 508a: мудрецы говорятъ, Калликлъ, что и небо, и земля, и боги, и люди поддерживаютъ общеніе, дружбу, благопристойность, скромность, справедливость, и все это въ совокупности зовется у нихъ по этой причинѣ, дружище, міровымъ порядкомъ, а не безпорядкомъ или своеволіемъ.

15) Ibid.: кажется, ты не обращаешь вниманія на это, хотя и мудрецъ; забылъ ты, что геометрическое равенство много значитъ и у боговъ, и у людей. А ты говоришь, что нужно заботиться о развитіи корыстолюбія, да вѣдь ты пренебрегаешь геометріей.

16) Респ., IV, 433d.

17) Ibid., VII, 519e: ты снова забылъ, пріятель, что законодатель заботится не о томъ, какъ бы сдѣлать очень счастливымъ въ государствѣ какой-нибудь одинъ родъ; онъ старается привить счастье къ государству въ его совокупности, убѣждая и понуждая гражданъ жить въ согласіи, и дѣлаетъ онъ это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы граждане приносили другъ другу пользу, какую каждые въ отдѣльности могли бы приносить государству; онъ и назначаетъ въ государство такихъ мужей, не позволяетъ имъ каждому обращаться кто куда хочетъ, но пользуется ими самъ въ цѣляхъ связать государство тѣсными узами, какъ одного человѣка.

18) Зак., VIII, 829a. Ср. Респ., 434d.

19) Ср. мѣткое замѣчаніе Menger'a: «Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der pol. Oekonomie», стр. 140 и слѣд.

20) Ср. прекрасное изслѣдованіе Gierke: «Die Grundbergriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien», Tüb. Ztschrf. f. d. ges. Staatsw. 1874, стр. 375, гдѣ также платоновское толкованіе государства находитъ правильное освѣщеніе. Напротивъ, Van Kriecken, »Ueber die sogen. organische Staatstheorie», стр. 13 и слѣд., не можетъ, исходя изъ своей точки зрѣнія, достигнуть объективной оцѣнки платоновской исходной точки, хотя его критика слабыхъ и односторонихъ пунктовъ органической теоріи государствъ содержитъ и кое-что справедливое.

21) Это игнорируетъ Dilthey, «Einleitung in die Geisteswissenschaften», 286 и слѣд.

22) Dilthey вполнѣ правъ, называя понятіе «организмъ» метафизическимъ поэтическимъ понятіемъ и указывая на роковую роль, которую неоспоримо играло это толкованіе въ исторіи политическихъ наукъ. Впрочемъ, противъ Dilthey'я можно также рѣшительно указать, что въ такомъ случаѣ, вопреки индивидуалистическому разложенію понятія государства, органическая теорія государства обозначала бы прогрессъ. Dilthey прибавляетъ также, что «вся жизнь государства до такой степени сложна, что даже современное, истинно аналитическое знаніе находится еще въ началѣ своей научной разработки».

23) Протагоръ, 323c, гдѣ «стыдъ и право» обозначается какъ «украшеніе государствъ и связующія узы дружбы».

24) «Скромность» и «справедливость» по Платону (Горгій, 507e) должны быть руководящимъ мѣриломъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій въ обществѣ и государствѣ. Мнѣ кажется, что руководящею цѣлью жизни, совмѣщающей въ себѣ все индивидуальное и все касающееся государства, является то, чтобы были на лицо справедливость и скромность для того, кто стремится стать блаженнымъ; такъ и нужно поступать, а не оставлять страстей не наказуемыми; кто стремится къ удовлетворенію страстей, тотъ дѣлаетъ нескончаемое зло и ведетъ разбойничью жизнь.

25) Горгій, 469 c.

26) Пол., V, 1, 2; 1337 a; вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ полагать, будто каждый гражданинъ—есть нѣчто индивидуальное; нѣтъ, всѣ граждане суть граждане государства, потому что каждый индивидъ есть часть государства.

27) I, 1, 11b; 1253 a.

28) «Его принадлежность къ общему не можетъ быть мыслима безъ отрицанія сущности человѣка». Gierke, указ. мѣсто, 301.

29) Тамъ же.

30) Человѣкъ—государственное существо отъ природы! Государство—произведеніе природы! ib.

31) Насколько эта аналогія справедлива, здѣсь не мѣсто разсматривать. Она отклонится къ такимъ изслѣдователямъ природы среди современныхъ философовъ, какъ Вундтъ, который относительно общаго толкованія соглашается съ Аристотелемъ. По Вундту длительныя дружныя соединенія животныхъ основываются исключительно на половыхъ отношеніяхъ и потому могутъ быть разсматриваемы какъ распространенныя семьи, а не государства. Этика, 175. Ср. статью о психологіи животныхъ въ Essays, 156. Другого взгляда держится Häckel, Ueber die Arbeitstheilung in Natur und Menschenleben, 27, и Gierke, указ. соч.

32) Eth. Nic. (Susemihl) 1, 5; 1907b. 8: совершенное благо должно удовлетворять само себя. Когда мы говоримъ о самоудовлетворенности, то мы не разумѣемъ здѣсь нѣчто такое, что удовлетворяло бы человѣка, живущаго исключительно для себя, жизнью одинокаго, а такое, что удовлетворяло бы и родителей, дѣтей, жену и вообще друзей и соотечественниковъ, такъ какъ человѣкъ, по своей природѣ, существо политическое [переводъ Э. Л. Радлова], ср. 1196b: человѣкъ существо политическое, прирожденное отъ природы къ совмѣстной жизни.

Въ такомъ же, только выходящемъ за національные предѣлы, смыслѣ выражается Контъ и позитивизмъ индивидуалистической доктрины, выставляя слѣдующій альтруистическій принципъ: «Живи для ближняго, т.-е. для семьи, отечества, человѣчества»; къ этому Schultze-Gävernitz («Zum sozialen Frieden», II, 14) справедливо замѣчаетъ, что—это три круга, черезъ которые прошелъ человѣкъ въ своемъ развитіи, и изъ которыхъ предыдущій, въ силу того, что онъ оставляетъ болѣе мѣста эгоистическимъ стремленіямъ, всегда долженъ быть разсматриваемъ, какъ воспитательный для послѣдующаго.

33) Эти нападки на «плеонексію» вообще характерны для всего разсматриваемаго направленія соціальной философіи. Ср., напр., того неизвѣстнаго автора V в., которымъ пользовался Ямблихъ (можетъ-быть, Антифонтъ? Blass fr. e., Киль, 1889, Univers. Progr.): нужно стремиться не къ корыстолюбію и не считать силу, влекущую къ корыстолюбію за добродѣтель, а силу, заставляющую повиноваться законамъ, трусостью. Такой образъ мыслей самый подлый, если усвоить его, все пойдетъ наперекоръ благу, появятся порокъ и вредъ. Разъ люди не были способны отъ природы жить поодиночкѣ, они, уступая силѣ необходимости, сошлись другъ съ другомъ, для нихъ придумана была вся жизнь, а для нея всѣ ухищренія; а такъ какъ люди, живя вмѣстѣ, не могли обойтись безъ беззаконія (это послѣднее стало для людей, однако, большимъ наказаніемъ, нежели тотъ образъ жизни поодиночкѣ), то въ силу этихъ-то причинъ и воцарились среди людей законъ и право, и они не могутъ избавиться отъ нихъ: право и законъ связали людей могучимъ своимъ естествомъ.

34) Корыстолюбіе есть несправедливость, имѣющая дѣло съ почестями или деньгами, или безопасностью и тому подобными, заключенными въ одну категорію, явленіями, и возникаетъ оно изъ наслажденія выгодою (N. Eth. V, 4, 1130a, 1) [переводъ Э. Л. Радлова]. Она состоитъ въ томъ, чтобы удѣлять себѣ бо́льшую часть безотносительныхъ благъ и меньшую часть безотносительныхъ золъ. Тамъ же, 10, 1134a, 34.

35) Тамъ же, 8, 1134a, 1: справедливость есть добродѣтель, въ силу которой справедливый называется человѣкомъ, намѣренно поступающимъ справедливо, и который, при распредѣленіи благъ между собою и другимъ или между двумя посторонними лицами, поступаетъ не такъ, что себѣ удѣляетъ слишкомъ много, а другому слишкомъ мало, а зло распредѣляетъ противоположнымъ образомъ, но удѣляетъ каждому соотвѣтственное ему по пропорціи и точно также поступаетъ при распредѣленіи благъ между двумя посторонними особами [переводъ Э. Л. Радлова]. Schmoller («Grundfragen des Rechtes und der Staatswirtschaft», стр. 61) справедливо относитъ то, что Аристотель называетъ «распредѣляющей справедливостью», также на частную экономическую ступень, не только на распредѣленіе общественныхъ правъ и повинностей, какъ Trendelenburg («Die aristotelische Begriffsbestimmung und Eintheilung der Gerechtigkeit». Hist. Beiträge zur Philos., III, 405), Zeller (Phil. d. Gr., II [2]^3, 641), Neumann («Die Steuer nach der Steuerfähigkeit». Jahrb. f. Nationalökon. u. Stat. n. F., I, 545) и др. Ср., впрочемъ, также Ahrends: «Naturrecht», I^6, 42.

36) Тамъ же, V, 14, 1137b, 1.

37) Тамъ же, V, 3, 1130a, 2.

38) Тамъ же, V, 3, 1129b, 25: справедливость—совершенная добродѣтель, хотя и не безотносительно совершенная, и по отношенію къ другимъ людямъ, и вслѣдствіе этого-то справедливость часто является величайшею изъ добродѣтелей и пр.

39) Тамъ же 1130a, 5; самый лучшій человѣкъ не тотъ, кто поступаетъ сообразно съ добродѣтелью, а тотъ, кто поступаетъ такъ по отношенію къ другимъ, а это—трудное дѣло.

40) Тамъ же, 1: въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ истинный смыслъ изреченія Біанта, что «должность показываетъ человѣка», ибо должностное лицо имѣетъ дѣло съ ближними и съ обществомъ.

41) Пол., III, 6, 7; 1282b.

42) Этика, III, 11, 1160a, 14.

43) Пол., III, 7, 7; 1283a: мы утверждаемъ, что справедливость—добродѣтель общественная и ей необходимо должны сопутствовать всѣ остальныя добродѣтели.

44) Этика, V, 3, 1129b, 38: въ справедливости заключается вообще всякая добродѣтель; ср. 1130a, 9: итакъ, сама справедливость есть не часть добродѣтели, но вся добродѣтель цѣликомъ.

45) Тамъ же, 8, 1132b, 31: общественныя отношенія, имѣющія дѣло съ обмѣномъ, поддерживаютъ именно этимъ видомъ справедливости, воздаяніемъ равнымъ, которая имѣетъ въ виду пропорціональность, но не равенство, ибо государство держится тѣмъ, что каждому воздается пропорціонально его дѣятельности. Ср. 1133a, 1: распредѣленіемъ поддерживающимъ, Пол., II, 1; 5; 1261a: воздаяніе равнымъ сохраняетъ государства.

46) Такъ обозначается «экономическій принципъ» современными политико-экономами, напр., Dietzel'емъ, «Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft. Jahrb. f. Nationaloek. u. Stat. n. F., IX, 34, ср. 39. Къ этому Dargun, «Egoismus u. Altruismus in der Nationalökonomie», 84.

47) «Въ каждомъ моментѣ хозяйственно-историческаго развитія,—справедливо говоритъ Dietzel (указ. м.),—вслѣдствіе давленія, оказываемаго населеніемъ на средства къ существованію, вслѣдствіе различныхъ размѣровъ жатвы, смѣны конъюнктуры и техники и т. д., прежде всего бываютъ затронуты въ своемъ экономическомъ состояніи извѣстные классы или круги общества; они чувствуютъ гнетъ ограниченнаго количества матеріала и реагируютъ на это возможно строгимъ сохраненіемъ «экономическаго» принципа въ своихъ хозяйственныхъ операціяхъ. Этимъ они измѣняютъ экономическое состояніе другихъ классовъ, и послѣдствіемъ является постоянное движеніе въ направленіи этого принципа». Правда, именно это-то и говоритъ за необходимость возможнаго усиленія дѣйствующей въ противоположномъ направленіи тенденціи.

48) Этотъ взглядъ раздѣляетъ, напр., Dietzel, хотя онъ и допускаетъ, что «христіанинъ, патріотъ, гуманно настроенный человѣкъ не можетъ проявлять экономическаго «я» не по-христіански и жестокосердно» (ук. м. 44), и что принятіе исключительнаго господства экономическаго принципа можетъ быть при обмѣнѣ только гипотезой въ цѣляхъ полученія абстрактныхъ законовъ.

49) Эта точка зрѣнія была высказана, напр., германскимъ имперскимъ канцлеромъ въ большой рѣчи о торговыхъ договорахъ 10 декабря 1891 года.

50) «Въ соціальной организаціи—говоритъ, впрочемъ, крайне индивидуалистичный Прудонъ—взаимность (réciprocité, τὸ ἀντιποιεῖν) формула справедливости. Она есть условіе самой любви. Взаимность выражается формулой: дѣлай другимъ, что хочешь, чтобы дѣлали тебѣ. Зло, наполняющее насъ, происходитъ оттого, что законъ взаимности не признается и нарушается». Ср. Diehl, «Proudhon», II, 41.

51) Какъ это, напр., было на рынкахъ Спарты, Олимпіи, Орхомена.

52) Этика, V, 8, 1133a, 2: поэтому,-то и храмы Харитъ ставятся въ городахъ (?), чтобы услуга была отплачиваема услугой; въ томъ и состоитъ спеціальное свойство благодарности, чтобы получившій одолженіе не только отвѣчалъ услугою, но и самъ началъ съ одолженія. Ср. опредѣленіе Хариты, Rhet., II, 7, 2.

53) Тамъ же, VIII, 1, 1155a, 29: наиболѣе высокій видъ справедливости подобенъ дружбѣ.

54) Пол., III, 5, 14; 1281a: намѣреніе жить вмѣстѣ—дружба.

55) И эти соціально-политическія построенія обозначаются какъ «дѣло дружбы», конечно, несправедливо, поскольку такое образованіе сообщества является преимущественно результатомъ индивидуальныхъ интересовъ или обусловлено соціальными инстинктами, которые не могутъ быть непремѣнно отожествлены съ альтруистическими чувствами.

56) Я заимствую это чрезвычайно удачное выраженіе изъ Шмоллера, такъ близко соприкасающагося съ точкой зрѣнія Аристотеля. «Единомысліе, дѣйствительно, не что иное, какъ «единодушіе образа мыслей» Шмоллера, общность идей и чувствъ, которую Шмоллеръ такъ прекрасно назвалъ «золотымъ кольцомъ», «объединяющимъ въ себѣ народность». Grundfragen, 122. Ср. Jahrb. f. Gesetzgeb. u. Volksw., 1890, стр. 98 и слѣд. (Сущность раздѣленія труда и образованія соціальныхъ классовъ).

57) Этика, IX, 6; 1167b, 3: такого рода единомысліе существуетъ между нравственными

людьми, ибо они находятся въ согласіи сами съ собою и съ другими людьми, такъ какъ они не мѣняютъ, такъ сказать, своихъ намѣреній. Ихъ воля остается неизмѣнною, она не убываетъ и прибываетъ, какъ вода въ Европѣ. Воля ихъ направлена на полезное и на справедливое, и къ этой цѣли они стремятся сообща.—Ср. VIII, 1, 1155a, 22: кажется также, что дружба скрѣпляетъ государства, что законодатели болѣе о ней хлопочутъ, чѣмъ о справедливости, ибо единомысліе похоже на дружбу, а вѣдь къ ней-то они и стремятся, и пр.—Ср. Полит., II, 1, 16; 1262b: мы полагаемъ, что дружба есть для государства величайшее изъ благъ (при господствѣ ея всего меньше было бы волненій), и Сократъ всего болѣе восхваляетъ тотъ принципъ, чтобы государство было едино, а Платонъ, повидимому, утверждаетъ, что это является результатомъ дружбы.

58) Этика, VIII, 1, 1155a, 16: сама природа, кажется, вселила это чувство (дружбу) родителямъ по отношенію къ дѣтямъ и дѣтямъ по отношенію къ родителямъ... Это въ особенности замѣчается у людей, почему мы и хвалимъ филантроповъ.

59) Тамъ же. Трудно понять, какъ можетъ Гильдебрандъ («Gesch. u. Syst. der Rechts und Staatsphil.», 1, 339) выставлять относительно этого мѣста, которое, правда, обыкновенно пропускается, утвержденіе, будто Аристотель «такъ же, какъ и всѣ язычники, не знаетъ понятія любви въ смыслѣ длительной способности субъекта, долженствующей проявляться по отношенію къ другимъ людямъ,—любви, которой дружба является лишь возвышеніемъ и примѣненіемъ». Пора бы уже покончить съ такими односторонними взглядами на «язычество», считающими, будто язычники должны были не знать всего, самаго возможнаго! Правда, Аристотель считаетъ невозможнымъ «любить многихъ»; однакоже, связь текста доказываетъ, что онъ будто имѣетъ въ виду только одинъ извѣстный родъ любви, высокую степень личнаго расположенія (чрезмѣрную любовь, преизбытокъ любви), а не то, что мы понимаемъ подъ общей любовью къ человѣчеству (Этика, IX, 10, 1171a, 10). Любовь, говорится тамъ же, 4, 1166b, 32, большая, чѣмъ простое доброжелательство, заключаетъ въ себѣ напряженіе чувства и живое влеченіе, которое, разумѣется, можетъ возбуждаться только однимъ лицомъ.

60) Ibid., 8, 1168b, 15: эгоистами называютъ тѣхъ, кто самому себѣ удѣляетъ большую часть средствъ и пр. Ср. 1168a.

61) Ibid., 1, 1165a, 29: что касается братьевъ и друзей, то здѣсь должна быть полная откровенность и общность во всемъ. Точно также должно стараться удѣлять родственникамъ свойственное имъ, а также филетамъ, согражданамъ и остальнымъ и стараться опредѣлить, что̀ каждому приличествуетъ въ виду его родства, достоинства или полезности. Подобное опредѣленіе легко по отношенію къ родству, труднѣе по отношенію къ чужимъ. Но это не должно насъ удерживать; мы должны стремиться, насколько возможно, къ подобнымъ опредѣленіямъ. Интересное и заслуживающее вѣры свидѣтельство гуманныхъ взглядовъ Аристотеля представляетъ разсказъ Стобея, 37, 32, по которому Аристотель, котораго упрекали за оказанное недостойному человѣку благодѣяніе, возразилъ: «Я оказалъ его не человѣку, а человѣчеству».

62) Пол., II, 2, 10a, 1263b: нужно, чтобы масса (т.-е. государство) стала общимъ и единымъ благодаря воспитанію.

63) Тамъ же, II, 4, 5; 1266b: преимущественнѣе должно уравнивать страсти, а не имущество, а это доступно только тѣмъ, кто воспитанъ законами.

64) Аристотель въ этомъ отношеніи ссылается на Критъ и Спарту. Этика, I, 13, 1102a, 10, и X, 9, 1180a, 14. Ср. аналогичный взглядъ Ксенофонта на воспитательныя задачи государства. Госуд. Лакед., X, 4—7; Киропедія, I, 2, 2—3. Воспитаніе гражданъ къ справедливости! Ibid., I, 2, 6.

65) Пол., II, 4, 5; 1267b: онъ думалъ, что существуетъ только три вида законовъ; тѣхъ, которые имѣютъ въ виду судебные процессы, дѣйствительно три: законы касательно насилія, матеріальнаго ущерба и лишенія жизни. Впрочемъ, очень характерно, что уже этотъ первый поборникъ «абстрактно правового государства» не можетъ отказаться приписать опять-таки, въ концѣ концовъ, государству дѣятельность въ цѣляхъ культуры и благоденствія; такая дѣятельность ни въ коемъ случаѣ не согласуется съ общимъ принципомъ. Ср. Арист., ibid., 1268a.

66) Тамъ же, III, 5, 11; 1281a.

67) Такъ какъ Аристотель (указ. мѣсто) въ непосредственной связи съ теоріей Ликофрона упоминаетъ и теорію договора, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта теорія соотвѣтствовала взгляду Ликофрона. Впрочемъ, это вытекаетъ уже изъ понятія поручительства, предполагающаго именно двухъ контрагентовъ.—Ученіе о возникновеніи государства изъ договора свойственно вѣдь уже и софистамъ; ср Плат., Респ., II, 358e: хотя обыкновенно говорятъ, что совершеніе несправедливости есть благо, а перенесеніе ея—зло, тѣмъ не менѣе, у терпящаго несправедливость избытокъ зла больше, чѣмъ у совершающаго ее—избытокъ добра. Поэтому-то

когда люди стали совершать несправедливости по отношенію другъ къ другу и терпѣть ихъ другъ отъ друга, однимъ словомъ, отвѣдывать то и другое, тогда они, не будучи въ силахъ избѣжать послѣдняго и предпочесть первое, сочли полезнымъ войти между собою въ соглашеніе, чтобы и не совершать несправедливости и не терпѣть ея. При этомъ-то они и начали изданать законы и договоры и предписаніе закона называть законнымъ и справедливымъ. Вотъ каково происхожденіе и сущность справедливости.

68) По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока даже такіе люди, какъ Susemihl (Anmerk. 250 zur Politik) и Oncken (Staatslehre d. Arist., I, 214), будутъ приписывать государствеенно-правовой теоріи Гипподама и Ликофрона «творческое» значеніе или—какъ это, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ Онкенъ—восхвалять ее какъ духовное пріобрѣтеніе, которымъ Гипподамъ сильно опередилъ свое время и, вмѣстѣ съ римскими юристами, явился предшественникомъ современнаго государства, «видящаго въ законѣ лишь оплотъ противъ нарушеній общественнаго порядка». Впрочемъ, Susemihl (Einl. z. Pol., 27) несправедливо утверждаетъ, что Аристотель не дѣлаетъ попытки опровергнуть этотъ принципъ «ограниченія законодательства», какъ-будто изложенное выше изслѣдованіе не заключаетъ въ себѣ такого опроверженія! Но даже допуская, что философу дѣйствительно, согласно упрекамъ Susemihl'я, «всякое мнѣніе о задачѣ государства, разъ оно опиралось на такое пониманіе закона, уже безъ дальнѣйшихъ разсужденій казалось опровергнутымъ, могли ли мы теперь поставить это ему въ упрекъ? Развѣ, дѣйствительно, именно съ современной точки зрѣнія научно-государственнаго пониманія не кажется совершенно излишнимъ опроверженіе теоріи крайняго правового государства?

69) Пол., I, 1, 8; 1252b: государство возникаетъ ради жизни, существуетъ же ради хорошей жизни; ср. III, 5, 10; 1280a.

70) Тамъ же, III, 5, 10:... ни ради союза, чтобы они ни отъ кого не терпѣли обиды, ни вслѣдствіе взаимнаго обмѣна и пользованія и пр.

71) Въ извѣстной полемикѣ противъ притязанія плутократіи (на политическое привилегированіе собственности (указ. мѣсто) говорится: если они вступили въ общеніе и соединились ради пріобрѣтенія, то они и принимаютъ участіе въ государствѣ, поскольку это касается пріобрѣтенія. При этомъ живо вспоминается полемика Gneist'a противъ новѣйшаго министерства, разсматривающаго государство какъ акціонерное общество или какъ купленную денежными взносами машину, которая должна давать какъ можно больше наслажденій частнымъ лицамъ.

72) Тамъ же, 13, 1281a: если бы они соединились ради такого общенія, и каждый, однако, смотрѣлъ бы на свой собственный домъ какъ на государство, а на себя самого такъ, какъ смотрятъ тѣ, кто, при существованіи оборонительнаго союза, защищаетъ только отъ нападающихъ, то развѣ государство, по тщательномъ разсмотрѣніи, не оказалось въ такомъ положеніи, хотя бы соединившіеся дѣйствовали и на одинаковыхъ условіяхъ.

73) Ibid.—ясно, что государство не представляетъ собою общенія, образованнаго изъ топографическихъ соображеній или ради того, чтобы не совершать несправедливости по отношенію къ своимъ, или ради оказанія имъ пособія.

74) Ibid., 1281a: государство есть общеніе, состоящее изъ совокупности родовъ и селеній и образованной (ради) совершенной и самодовлѣющей жизни. А это значитъ, по нашему утвержденію, жить блаженно и прекрасно.

75) Ibid.—должно признать, что политическое общеніе возникло [ради] прекрасныхъ дѣлъ, а не просто ради того, чтобы жить вмѣстѣ.

76) Ibid., 1338a.

77) Полит., IV, 1, 5, 1323b: итакъ, согласимся въ томъ, что на долю каждаго приходится такое же количество счастья, какое и добродѣтели, и разсудительности, и соотвѣтственныхъ имъ поступковъ; мы приводимъ въ свидѣтели божество, которое счастливо и блаженно не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, но въ силу своей совѣсти и въ силу своихъ природныхъ свойствъ, такъ какъ необходимо, чтобы и дары счастья, въ силу этихъ причинъ, были отличны отъ счастья.

78) Ibid., 4: ибо то, что стоитъ внѣ, имѣетъ свой предѣлъ, подобно какому-либо органу (полезно все то, преизбытокъ чего необходимо долженъ служить во вредъ или быть совершенно безполезнымъ для обладающаго имъ).

79) Этика, IX, 8, 1168b, 19; Полит., IV, 1, 3; 1323a.

80) Тамъ же, I, 3, 18, 1257b: всѣ, ищущіе наживы, будутъ копить деньги до безконечныхъ предѣловъ.

81) Тамъ же, 19, 1258a.

82) Ibid.—Аристотель только повторяетъ тутъ взглядъ Платона на связь между ненасытностью алчности и безграничностью потребностей. Зак., XI, 918d.

83) Аристотель, указ. мѣсто, II, 4, 12b. Мѣсто это заслуживало бы упоминанія въ исторіи

«Laissez-faire», съ которой мы здѣсь встрѣчаемся впервые. Правда, въ указанномъ мѣстѣ Аристотель не обозначаетъ принципъ «все должно позволить» опредѣленными словами, какъ основную часть индивидуалистическихъ теорій, но это было такъ же мало необходимо, какъ и при теоріи договора, ибо этотъ принципъ въ оспариваемой имъ идеѣ чисто-правового государства непремѣнно содержался.

Отдѣлъ III.—Критика историческаго строя государства и общества у Платона.

1) Fichte, «Der geschlossene Handelsstaat S. W.» III, 449, гдѣ такъ же, какъ и въ платоновскомъ государствѣ, цѣлая книга посвящена «критикѣ исторіи эпохи»; вообще эта первая попытка новѣйшей нѣмецкой философіи въ области соціализма имѣетъ много значительныхъ аналогій съ соціализмомъ Платона.

2) Зак., III, 684a: обратившись къ фактамъ прошлаго, мы, кажется, пришли къ тому же самому разсужденію; такимъ образомъ, мы въ этомъ послѣднемъ будемъ изслѣдовать не что-либо не стоящее вниманія, но именно историческую истину.

3) Респуб., VIII, 545a. Ср. 473b, 544a: прочія формы государственнаго устройства мы насколько я помню, дѣлимъ на четыре вида; о нихъ стоитъ поговорить, чтобы видѣть ихъ недостатки, равно какъ и о людяхъ, подобныхъ этимъ формамъ, и пр.

4) Если я говорю о «развитіи», то это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто описанный Платономъ процессъ разрѣшенія совершенно, въ частностяхъ и хронологически, покрывается дѣйствительнымъ ходомъ политическаго развитія въ отдѣльныхъ государствахъ эллиновъ. Платонъ, въ виду безконечнаго многообразія развитія эллинскихъ государствъ, могъ дать лишь идеальную среднюю картину, которая въ широкихъ и общихъ чертахъ показываетъ, какъ силы соціальнаго разложенія съ внутренней необходимостью должны были вести къ постепенной порчѣ государственныхъ отношеній, хотя бы кое-гдѣ историческій ходъ въ частностяхъ и отклонялся отъ выставленной Платономъ схемы.

5) 547 и слѣд.

6) 548a.

7) 550d.

8) Ibid., VIII, 551a: разъ богатство и богатые пользуются въ государствѣ почетомъ, то добродѣтель и добродѣтельные люди бываютъ въ меньшемъ почетѣ. Очевидно тоже, что всегда почитается, то и культивируется, а тѣмъ, что не почитается, пренебрегаютъ. Насколько это замѣчаніе мѣтко, показываетъ аналогичная критика современнаго капитализма у Schäffle («Bau und Leben des sozialen Körpers», III, 439), который справедливо объясняетъ выдвинутое Платономъ явленіе тѣмъ, что тамъ, гдѣ, главнымъ образомъ, развита борьба за матеріальныя преимущества, выраженіе цѣнности соперничающихъ лицъ преимущественно будетъ матеріальное. Матеріальное выраженіе соціальной цѣнности соперничающихъ партій и самодовольство оставшихся побѣдителями въ борьбѣ конкуренцій индивидуумовъ именно потому и сказываются въ большомъ примѣненіи и быстрой смѣнѣ формъ проявленія роскоши.

9) Это выраженіе, правда, въ приведенномъ мѣстѣ не употребляется, но оно уже встрѣчается у учителя Платона, Сократа, въ примѣненіи къ владычеству денегъ. Ср. Ксенофонтъ. Мем., IV, 6, 12.

10) Ibid., 551b.

11) 551d.—...такое государство, въ силу необходимости, заключало бы въ себѣ два государства—одно богатыхъ, другое бѣдныхъ, и тѣ и другіе, живя въ одномъ и томъ же государствѣ, строили бы всегда козни другъ противъ друга.

12) 551e.

13) 552a: Смотри, изъ всѣхъ этихъ золъ это первое (правленіе) не столкнется ли со зломъ самымъ великимъ?—Съ какимъ?—Съ возможностью каждому продать все, ему принадлежащее, а другому пріобрѣсть это послѣднее, и продавшій будетъ жить въ государствѣ, не принадлежа ни къ одному изъ его элементовъ; онъ ни дѣлецъ, ни мастеръ, ни всадникъ, ни гоплитъ, а просто зовутъ его бѣднякомъ и неимущимъ. Да, это первое проявленіе,—сказалъ онъ. Вѣдь ничто подобное не возбраняется въ олигархическихъ правленіяхъ, въ противномъ случаѣ въ нихъ не было бы, съ одной стороны, милліонеровъ, а съ другой—нищихъ.

14) 552d: Такъ что же? Развѣ ты не видишь въ олигархическихъ государствахъ нищихъ?—Да тамъ почти всѣ нищіе,—сказалъ онъ,—исключая правителей.

15) Порожденныхъ капитализмомъ лѣнтяевъ, совершенно въ духѣ этой платоновской картины, Schäffle («Kapitalismus und Sozialismus», стр. 33) называетъ «не только тунеядцами, но и разбойниками въ обществѣ, у котораго они отнимаютъ жизненныя силы, не возмѣщая жизни собственными силами».

16) 554 c.

17) 564 b.

18) 553 c.

19) 553 d.

20) 554 e.

21) 555 b: ненасытность того, что представляется благомъ, а именно стать, поскольку возможно, богатымъ.

22) 555 c: думаю, что правители, правящіе въ государствѣ, съ цѣлью больше пріобрѣсть, не пожелаютъ обуздывать закономъ юношей, если они будутъ вести необузданный образъ жизни, и не станутъ запрещать имъ расточать и губить ихъ состояніе; давая имъ деньги взаймы (и получая съ нихъ проценты), правители окажутся еще богаче и въ еще большемъ почетѣ.

23) Насколько близко соприкасается эта платоновская критика капитализма съ аналогичными же явленіями современной литературы, показываетъ, напр., драматическая картина нравовъ Henri Becque: «Вороны». Главнымъ мотивомъ дѣйствія тутъ, какъ и тамъ, являются «деньги». звонъ золота. Совершенно въ духѣ Платона указывается на жизнь современнаго общества; подпавшіе обаянію этого звона никогда не находитъ удовлетворенія; все вновь томимые жаждой. безъ сожалѣнія и пощады, они набрасываются на экономически слабыхъ, налетаютъ на нихъ какъ коршуны, считая ихъ тѣло и душу, честь и имущество желанной для себя добычей и умѣя подчинять своей волѣ даже право и законъ.

24) 555 e: ростовщики, погрузившись (въ свои разсчеты), повидимому, и не замѣчаютъ этого, но, нанося раны постоянными ссудами тому, кто ищетъ денегъ, и обременяя должниковъ увеличенными процентами, какъ бы порожденіемъ капитала-отца, разводятъ въ государствѣ множество трутней и нищихъ.—Живо вспоминается этотъ разсказъ Платона о зависимости между пользованіемъ капиталомъ и соціальнымъ вопросомъ, когда, напр., Прудонъ говоритъ, что это пользованіе капиталомъ, въ видѣ ренты, процентовъ, барыша, ажіотажа и т. д., необходимо должно имѣть слѣдствіемъ паразитизмъ, нищенство, бродяжничество, воровство, убійство и т. д.

25) Это отличіе выросшаго въ богатствѣ поколѣнія отъ тѣхъ, которые достигли богатства упорнымъ трудомъ, очень характерно. Оно показываетъ, какъ неправильно обыкновенно утверждаютъ,—напр., Ланге («Gesch. des Materialismus», II, 3456),—что въ капиталистическіе періоды древности обратно современному положенію вещей руководящій интересъ составляло не накопленіе капитала, а непосредственное наслажденіе.

26) 556 b. Очевидно, что въ платоновскомъ описаніи находятся всѣ существенныя черты картины, являемой современной плутократіей, о которой, напр., Lange («Die Arbeiterfrage», стр. 59) говоритъ: «Она, за сравнительно рѣдкими исключеніями, не исходитъ изъ принципа простого пріобрѣтенія. Она легко довольствуется поверхностнымъ образованіемъ, презираетъ простое и благородное, упускаетъ возможность развить въ своихъ потомкахъ прежде всего мужественную смѣлость и возвышенность духа, взамѣнъ внѣшней ловкости; и ея мнимо непобѣдимое денежное могущество остается колоссомъ на глиняныхъ ножкахъ.

27) 561 c.

28) 556 d: развѣ ты не думаешь, что у него такая мысль: подобнаго рода люди богатѣютъ своимъ порокомъ; а находясь глазъ на глазъ съ другимъ, развѣ не говоритъ онъ: ничего-то не стоютъ наши господа.

29) 562 b: тамъ предполагалось благо, и то благо, на которомъ основывалась олигархія, было чрезмѣрное богатство. Не такъ ли? Такъ. И вотъ ненасытимая жажда богатства и пренебреженіе всѣмъ прочимъ погубило, вслѣдствіе барышничества, ее (олигархію).

30) 556 e.

31) 565 a и слѣд.

32) Ibid.

33) 566 c. Ср., впрочемъ, уже стихи Еврипида въ «Молящихъ о защитѣ» 232—45.

34) μέγας μεγαλωστί, заимствованное у Гомера (напр., «Иліада», XVI, 776) выраженіе.

35) 566 d.

36) Величайшая свобода превращается въ самое гнусное рабство. Чрезмѣрная свобода, повидимому, переходитъ не во что иное, какъ въ чрезмѣрное рабство и для частнаго лица и для государства, 564 a. Интересную параллель къ этому объясненію тиранніи представляетъ изложеніе цитируемаго Ямблихомъ софиста. (Antiphon? Blass fr. f. 20): Тираннія возникаетъ..

не изъ чего иного, какъ изъ беззаконія. Нѣкоторые неправильно заключаютъ, думая, будто тиранніа возникаетъ изъ чего-либо другого, и что люди теряютъ свободу не благодаря самимъ себѣ, но отъ насилія тиранна. Не правильно такъ думать. Глупецъ тотъ, кто думаетъ, будто царь или тираннъ рождается отъ чего-либо иного, а не отъ беззаконія и корыстолюбія. Происходитъ это тогда, какъ всѣ обратятся къ пороку. Вѣдь нельзя человѣку жить безъ законовъ и права. Когда они, т.-е. законы и право, покинутъ массу, тогда уже попеченіе о нихъ и охрана ихъ переходятъ въ руки одного лица.

37) Зак., III, 701 c.

38) Ibid., I, 626 e.

39) По Марксу современное гражданское общество породило «многостороннюю борьбу человѣка противъ человѣка»; высшимъ закономъ это общество ставитъ войну всѣхъ, обособленныхъ другъ отъ друга лишь своей индивидуальностью, индивидуумовъ противъ всѣхъ, или однимъ словомъ—анархіи. Ср. Adler, «Die Grundlagen der Marxischen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft, стр. 254). Обозначеніе Прудономъ въ его системѣ экономическихъ противорѣчій, монополіи, какъ необходимаго конечнаго результата конкуренціи, какъ выраженія побѣдоносной свободы и жажды борьбы, является лишь экономической мотивировкой платоновскаго положенія о неизбѣжной побѣдѣ наиболѣе личнаго въ соціальной борьбѣ за существованіе.

40) Зак., VIII, 831 c.

41) Ibid. Одичаніе филистеровъ!

42) Ibid., 831 d: вслѣдствіе ненасытнаго стремленія къ золоту и серебру каждый человѣкъ, стремящійся стать богатымъ, желаетъ, чтобы всякія сноровки и хитрости казались и болѣе прекрасными, и болѣе безобразными, всякій поступокъ, хотя бы и вполнѣ постыдный, былъ бы дозволенъ и не дозволенъ; онъ ни на что не гнѣвается, если только имѣетъ возможность, какъ животное, съѣсть все и выпить все и позволяетъ себѣ всяческое излишество въ наслажденіяхъ.

43) Респуб., 586a и слѣд.

Отдѣлъ IV.—Нападки идеалистической соціальной философіи на основы существующаго экономическаго правопорядка.

1) (Hasse. «Entwicklung und Krisis des wirtschaftlichen Individualismus in England». Preuss Jahrb. XXX, стр. 429) неправильно полагаетъ, будто индивидуализмъ и соціализмъ, т.-е. стремленіе къ наибольшей свободѣ индивидуума въ сферѣ его, воли, съ одной стороны, и стремленіе къ подчиненію индивидуума цѣлямъ общаго и согласованіе его поведенія съ общимъ планомъ, съ другой—никогда не противополагались другъ другу такъ рѣзко, какъ въ наше время. Хассе очевидно забылъ о IV вѣкѣ до Р. Хр.

2) Выраженіе Хельда: «Sozialismus, Sozialdemokratie und Sozialpolitik», стр. 4.

3) Ср. у Плутарха Ликургъ, 8. См. выше, стр. 60.

4) Пол., II, 4, 1; 1266a: нѣкоторымъ самымъ существеннымъ представляется правильное урегулированіе всего, относящагося къ собственности, такъ какъ всякаго рода безпорядки возникаютъ именно по вопросу, касающемуся собственности. Поэтому-то Фалей Халкедонскій сдѣлалъ на этотъ счетъ такое предложеніе: вся земельная собственность гражданъ—говоритъ онъ—должна быть равною. Это уравненіе, по мнѣнію Фалея, легче всего достигается тѣмъ, что богатые даютъ приданое, но не берутъ его, а бѣдные, наоборотъ, берутъ, но не даютъ (1266b.).

5) По Аристотелю онъ разумѣлъ подъ этимъ только уравненіе земельныхъ владѣній (12b. 1267a)

6) Тамъ же, 7: люди поступаютъ несправедливо по отношенію другъ къ другу не только изъ-за неравенства въ предметахъ первой необходимости (противоядіе этому Фалей и усматриваетъ въ уравненіи собственности, такъ что людямъ не придется прибѣгать къ грабежу подъ вліяніемъ холода, либо бѣдности) и пр.

7) Тамъ же.

8) Зак., V, 742d: намѣреніе мудраго политика отлично отъ разсужденій народной массы: добрый законодатель долженъ желать, чтобы государство было какъ можно болѣе великимъ (предусматривая это, законодатель хорошо законодательствуетъ) и богатымъ, владѣющимъ золотомъ и серебромъ, господствующимъ на сушѣ и на морѣ въ наивысшей степени.

9) 742e.

10) Тамъ же, 742e: нельзя быть за-разъ и о ч е н ь б о г а т ы м и и добрыми; ср. 743a: невозможно быть чрезвычайно добрымъ и чрезвычайно богатымъ.

11) 743a.

12) 743b: тратящій средства на прекрасныя дѣла, пріобрѣтающій только на справедливо нажитое не легко можетъ стать очень богатымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не очень бѣденъ. Отсюда правильное заключеніе, что слишкомъ богатые не могутъ быть добродѣтельными; а если они не добродѣтельны, то они и не блаженны.

13) Госуд., VIII, 550e: развѣ не въ такой степени отличается добродѣтель отъ богатства, что если положить ихъ на двухъ чашкахъ вѣсовъ, то они пойдутъ въ разныя стороны?—Да,—сказалъ онъ.

14) Тамъ же, III, 422a. Зак., 555c.

15) Тамъ же.

16) Зак., XI, 919b.

17) Тамъ же, V, 729a: чрезмѣрное пріобрѣтеніе того и другого (т.-е. движимаго и недвижимаго имущества) приносило государству и частнымъ лицамъ вражду и возмущеніе, а недостатокъ ихъ чаще всего ведетъ къ рабству.

18) Госуд., 421d.

19) Зак., V, 744d.

20) Госуд., 422e.

21) 521a: если нищіе, стремясь къ своимъ личнымъ благамъ, устремятся къ общественнымъ должностямъ, разсчитывая оттуда похитить свое благо, тогда государство не можетъ быть хорошо управляемо: борьба за власть—такая домашняя и внутренняя война, которая губитъ и самихъ правителей и все государство.

22) Зак., указ. мѣсто.

23) Госуд., 421e. Зак., 919b: правильно старинное изреченіе, что трудно бороться съ двумя противниками, какъ это случается и въ томъ случаѣ, когда приходится лѣчить двѣ болѣзни; а въ данномъ случаѣ приходится вести б о р ь б у какъ-разъ противъ двухъ враговъ—бѣдности и богатства; богатство разслабляетъ испорченную душу человѣка, бѣдность же съ связанными съ нею печалями ведетъ ее къ безстыдству. Какова же можетъ быть п о м о щ ь противъ этой болѣзни въ благоразумномъ государствѣ?

24) Госуд., 564c: сужденіе это живѣйшимъ образомъ напоминаетъ требованіе Прудона, гласящее, что тунеядецъ, не несущій никакой общественной повинности, но, подобно всякому другому и зачастую даже больше другихъ, потребляющій продукты общества, долженъ быть преслѣдуемъ какъ в о р ъ и п а р а з и т ъ.

25) Пол., I, 3, 9; 1256b: д о в о л ь с т в о такого рода собственностью, которая ведетъ къ благой жизни, не безпредѣльно, какъ говоритъ Солонъ, замѣтившій: для людей не положено опредѣленной границы богатства.

26) Тамъ же, 1257a: ... искусство пріобрѣтенія, благодаря которому, кажется, нѣтъ никакой границы богатства и пріобрѣтенія.

27) Несоотвѣтственное увеличеніе: VIII, 2, 3; 7. 1302b.

28) VIII, 7; 7b. 1308b: въ особенности нужно пытаться посредствомъ законовъ установить такой порядокъ, чтобы никто не выдавался силою своихъ дружественныхъ связей, либо с в о и м и д е н ь г а м и; въ противномъ случаѣ, нужно устранять ихъ концентрацію. Ср. 1303a, о политической опасности отъ концентрированія богатства.

29) II, 4, 5; 1256b;—(имущество) или с л и ш к о м ъ б о л ь ш о е, такъ что получается роскошь, или слишкомъ незначительное, такъ что жизнь получается скудная.

30) Бѣдность ведетъ къ возмущеніямъ и злодѣйствамъ (II, 3, 7; 1265b).

31) IV, 9, 8; 1330a, см. ниже.

32) Stob. flor. 93, 35. Діогенъ говорилъ, что ни въ богатомъ государствѣ, ни въ богатомъ домѣ не можетъ обитать добродѣтель.

33) Корыстолюбіе—средоточіе всѣхъ золъ. Діог. Лаэр. VI, 50. По отношенію къ бѣдности этика циниковъ занимаетъ иное положеніе, ибо она проповѣдуетъ самодовольство, освобожденіе индивида отъ всѣхъ потребностей, превосходящихъ самую примитивную мѣру, считаетъ бѣдность вполнѣ безопасной и даже выставляетъ ее какъ преимущество. Діогенъ, какъ извѣстно, прямо называетъ ее добродѣтелью. Stob. flor. 95, 19: бѣдность—добродѣтель-самоучка.

34) Телесъ у Стоб., 93: люди созданы для добродѣтелей сами по себѣ, богатство же обращается на самого себя: отъ богатства проистекаетъ много золъ; и безчисленныхъ бѣдствій не было бы, еслибъ не было богатства.

35) С. 8: (Ликургъ) убѣдилъ изгнать наглость, зависть, злодѣйство, роскошь и г о с у д а р-

ственныя болѣзни, еще болѣе сильныя этихъ золъ и явившіяся ранѣе ихъ, богатство и бѣдность, и жить всѣмъ на одинаковыхъ условіяхъ, съ равными надѣлами.

36) С. 10: если бы возможно было, не прибѣгая къ кровопролитію, удалить въ Лакедемонѣ заразныя болѣзни: роскошь, изнѣженность, долги, закладныя и бѣдствія, явившіяся еще ранѣе ихъ—бѣдность и богатство, то Ликургъ могъ бы считать себя самымъ счастливымъ царемъ, который, подобно врачу, не причинивъ боли, уврачевалъ свое отечество.

37) Госуд., V, 464 c: развѣ они не расторгали бы государства, если бы называли своимъ не одно и то же, но одинъ—одно, другой другое; если бы одинъ все, что можетъ пріобрѣсть независимо отъ прочихъ, влекъ бы въ свой домъ, а другой—въ свой, влекъ бы и жену и дѣтей другого, которыя, какъ ему не принадлежащія, возбуждали бы въ немъ особыя удовольствія и скорби? Между тѣмъ, думая одинаково о собственности, всѣ стремятся, по мѣрѣ возможности, чувствовать вмѣстѣ и скорбь и удовольствіе.

38) Тамъ же, 464 d: не уйдутъ ли отъ нихъ тяжбы и взаимныя обвиненія? И не будутъ ли они гражданами самыми спокойными, разъ всѣ возмущенія среди людей бываютъ изъ-за пріобрѣтенія денегъ, дѣтей и родственниковъ?

39) Зак., V, 739 b.

40) См. выше, стр. 54.

41) Этотъ образъ жизни уже въ «Политикѣ» (271 e) характеризуется какъ состояніе абсолютнаго мира, «миръ, стыдливость, благозаконіе, изобиліе справедливости». Поэтому, если Платонъ выставляетъ образцомъ жизнь и нравы легендарнаго вѣка Сатурна, то это въ результатѣ то же самое, какъ если бы онъ непосредственно примыкалъ къ этой теоріи первобытнаго состоянія.

42) Зак., 713 e: намъ должно всячески стремиться подражать такъ называемому вѣку Кроноса, и, поскольку въ насъ имѣется безсмертія, слѣдовать этому вѣку и въ общественной и въ частной жизни и такъ устраивать дома и государство, чтобы закономъ можно было называть требованіе разума.

43) Тамъ же, 714 a.

44) Американецъ Джонъ Блокъ назвалъ это въ своей «философіи богатства» (1886) «non competitive economics» и «displacement of competition».

45) Ср. Stein, «Darvinismus und Sozialwissenschaft». Gesammelte Aufsätze, 34.

46) Госуд., II, 369 b. и слѣд.

47) Это совершенно упускаетъ Целлеръ, когда предполагаетъ, что Платонъ, при изображеніи «здраваго города» имѣлъ въ виду идеалъ государства киниковъ (Антисѳенъ). При такомъ взглядѣ становится неизбѣжнымъ и слѣдующее, весьма распространенное заблужденіе, будто это изображеніе носитъ характеръ иронін, Phil. d. Gr. II (d)⁴ 325 A. 5 u. 893. Я совершенно отказываюсь понимать, какимъ образомъ Дюммлеръ (Prolegomena, 62), зная о развитой уже дифференціаціи труда и сословій, о народномъ хозяйствѣ»», развившемся до винодѣлія, денежнаго хозяйства, даже до внѣшней торговли, можетъ толковать о «звѣроподобномъ состояніи», при которомъ «не можетъ даже еще быть рѣчи» о моральныхъ представленіяхъ, о «справедливости и несправедливости! Развѣ въ «Законахъ» идеальное прибѣжище справедливости, хваленое естественное состояніе не стоитъ на гораздо болѣе низкой культурной ступени?

48) Въ этомъ смыслѣ къ Платону и родственнымъ ему теоріямъ можно отнести то, что Эндеманъ сказалъ объ экономическихъ принципахъ канонистическаго ученія (Jahrb. f. Nationalök. u. Stat. I), Шмоллеръ (Ztschr. f. d. Staatsw. 1860, 470 и слѣд.) о политико-экономическихъ воззрѣніяхъ эпохи нѣмецкой реформаціи, которыя, благодаря односторонности своего религіозно-нравственнаго исходнаго пункта, представляютъ самую значительную аналогію платоновской соціальной философіи и часто даже прямо примыкаютъ къ Платону.

49) Госуд., 373 a и слѣд.

50) Горгій, 517.

51) Такъ называется благо: богатство и все тому подобное. Госуд., 495 a. Однако, чтобы быть вполнѣ справедливымъ къ Платону, здѣсь слѣдуетъ указать на жалобу Демосѳена на то, что, вслѣдствіе односторонняго пристрастія народа къ матеріальнымъ интересамъ, даже блестящая въ то время внѣшняя государственная мощь Аѳинъ была почти сведена къ нулю. Phil. III, 120, 40: Когда тріеры, масса народа и денегъ, изобиліе остальныхъ снаряженій и все, на основаніи чего государство можетъ считаться сильнымъ, теперь для всѣхъ оказывается и большимъ и меньшимъ, чѣмъ оно было тогда. Но все это продавцы дѣлаютъ безполезнымъ, недѣйствительнымъ, нелѣпымъ (вслѣдствіе подкупности). Ср. IV, 144.

52) Существующее государство—это государство въ воспаленномъ состояніи; тамъ же, 372 e.

53) Зак., 743 e.

54) Энергичная нажива, благодаря ремесленному труду. Тамъ же, 743 d.

55) Тамъ же, 919 c.

56) Соч. XXII, 329. Ср. Цвингли, который также ожидаетъ отъ преуспѣянія земледѣлія, «способствующаго миру, и добродѣтели», сокращенія «безполезнаго занятія торговлей, которое изобрѣтено для высокомѣрія». (Собр. Соч., Цюрихъ 1828—41, II, 416).

57) Ср. изображеніе Dargun'a, «Egoismus und Altruismus i. d. Nationalökonomie», 35 и слѣд., и Sax, «Grundlegung der theor. Staatswirtschaft», 24.

58) Стоитъ только сравнить, напр., экономическую жизнь болѣе древней эпохи, какъ она еще въ настоящее время проглядываетъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, старыхъ городахъ и маленькихъ мѣстечкахъ, съ современною жизнью! Стремленіе къ пріобрѣтенію, какъ мѣтко замѣтилъ Cohn («System der Nationalökonomie», I, 389), является «болѣе мелкимъ, пріятнымъ и именно болѣе честнымъ, купецъ въ торговлѣ или ремеслѣ гораздо менѣе озабоченъ расчетливостью, мелкій мастеръ, содержатель гостиницы, купецъ часто оказывается болѣе человѣкомъ, тогда какъ въ теперешней жизни больше все промышленники и спекулянты».

59) Ср. ниже.

60) Респуб., 371 c.

61) Респуб., II, 369 c. Зак. VIII, 846 d.

62) Респуб., II, 371 c: если земледѣлецъ или кто-либо другой изъ рабочихъ, везя на рынокъ свою работу, придетъ не въ одно и то же время съ тѣми, которые имѣютъ нужду вступить въ обмѣнъ съ нимъ, неужели онъ броситъ свое мастерство и будетъ сидѣть на площади? Такимъ образомъ, сказалъ онъ, есть люди, которые, видя это, сами предлагаютъ себя на эту услугу.

63) Зак., XI, 918 b: всякаго рода мелочная торговля въ государствѣ развилась, естественно, не ради убытка, а совсѣмъ наоборотъ: развѣ не является благодѣтелемъ тотъ, кто постарается несоразмѣрное и неодинаковое движеніе имуществъ сдѣлать соразмѣрнымъ и одинаковымъ? Это приложимо и къ тому, кто поступитъ такъ съ деньгами, а купецъ-то въ этомъ случаѣ и выступаетъ на сцену.

64) Ibid., 918 c: онъ можетъ помочь въ нуждѣ и уравнять имущество.

65) Ср. мѣсто, приведенное въ прим. 63-емъ.

66) Тамъ же, 919 b.

67) Тамъ же, 847 e: мелочная торговля явилась у насъ въ государствѣ и во всей странѣ не ради этого или чего-либо иного, но ради наживы.

68) Тамъ же, 921 b: и рабочему совѣтникомъ является законъ точно такъ же, какъ и продавцу; онъ совѣтуетъ послѣднему не цѣнить выше должнаго ни вещи, къ которой прицѣниваются, но, самое простое, цѣнить ее по достоинству; то же самое законъ повелѣваетъ и въ отношеніи работы: вѣдь мастеръ самъ себѣ знаетъ цѣну. Очевидно, Платонъ имѣетъ здѣсь въ виду то же, что и современный соціализмъ, напр., что Прудонъ обозначаетъ какъ «справедливую цѣну», которая, по Прудону, вѣрно познается во всякое время по точнымъ статистическимъ разсчетамъ и т. д. Ср. Diehl, «Prudhon», II, 123.

69) Тамъ же, 847 c.

70) Монета—знакъ обмѣна. Респ., II, 371 b. Деньги уже не товаръ, а только уже символъ, простой знакъ.

71) Также и этимъ, уже выше (стр. 115) констатированнымъ (у циниковъ) отвращеніемъ къ деньгамъ античный и современный соціализмъ соприкасаются между собою. «Деньги—говоритъ Прудонъ—являются деспотомъ обращенія, тираномъ торговли, главою купеческаго феодализма, символомъ собственности. Мы должны истребить деньги»! (Ср. Diehl, указ. соч. II, 53).

72) Тому, кто даетъ деньги подъ проценты, должникъ можетъ уже и не возвращать самаго капитала. Зак., V, 742 c: не слѣдуетъ занимать деньги за проценты, такъ какъ давшему взаймы можно вообще не возвращать ни процентовъ, ни капитала. Также и въ «Государствѣ» считается желательнымъ, чтобы отдача денежной ссуды подъ помѣстье производилась только на «свой страхъ». 556 b: если бы тому, кто совершалъ сдѣлки съ кѣмъ-нибудь по доброй волѣ, предписано было совершать ихъ на свой страхъ, то въ государствѣ барышничество имѣло бы менѣе постыдный характеръ, и меньше въ государствѣ было бы такихъ золъ, о которыхъ мы теперь говорили.

73) Зак., XI, 915 d: если одинъ обмѣнивается съ другимъ посредствомъ какой-либо купли или продажи, то пусть и продающій и покупающій условливаются въ цѣнѣ (обмѣниваемаго) немедленно въ установленномъ для каждаго случая мѣстѣ, на рынкѣ, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ; и никто не долженъ откладывать ни покупки, ни продажи.

74) Очень характернымъ для этой тенденціи, стремящейся куплю по возможности приблизить къ обмѣну, оказывается способъ выраженія Платона, въ только-что указанномъ мѣстѣ, когда онъ говоритъ объ «обмѣнѣ при посредствѣ купли или продажи».

75) Ср. Полит., I, 3, 13; 1257a, и слѣд.

76) Тамъ же, I, 3, 23; 1258b.

77) Тамъ же, I, 3, 15; 1257b.

78) 8 сл.; 1256 b.

79) 17; 1257: для такой надписи нѣтъ конечныхъ предѣловъ, конечнымъ предѣломъ является богатство и пріобрѣтенію денегъ. Ср. 18: съ одной стороны, кажется необходимымъ, чтобы всякому богатству былъ положенъ предѣлъ, а на дѣлѣ, мы видимъ, происходитъ совершенно обратное: всѣ ищущіе наживы станутъ увеличивать свои деньги до безпредѣльности.

80) 20b: (нажива), имѣющая въ виду пропитаніе, естественна и имѣетъ свои границы, не такъ, какъ та не необходимая нажива, которая безпредѣльна.

81) 17: богатство, получающееся въ результатѣ такой наживы, безпредѣльно.

82) 19.

83) Аристотелевское соціальное государство довольствуется этимъ обмѣномъ для удовлетворенія собственныхъ нуждъ; оно «не идетъ на рынокъ для другихъ», потому что въ такомъ случаѣ оно должно было бы искать только обогащенія. Въ «такой жаждѣ наживы» оно и не должно участвовать, IV, 5, 5; 1327a: государство должно быть купеческимъ для самого себя, а не для другихъ; такъ поступаютъ тѣ, кто предоставляетъ самихъ себя на рынкѣ для всѣхъ, имѣя въ виду получить доходъ; но государство не должно стремиться къ подобнаго рода корыстолюбію и не слѣдуетъ ему пріобрѣтать такого торжища.

84) Только тогда, по моему мнѣнію, и понятно, что порицается разсчитанное исключительно на барышъ отъ торговли искусство пріобрѣтенія, потому что оно «не естественно, но обусловлено взаимно другъ отъ друга» (23; 1285b). Вѣдь торговлю нельзя порицать только за то, что она основывается на «взаимномъ соглашеніи» (а не на природѣ), какъ это переводитъ Суземиль. Употребленіе денегъ тоже вѣдь «введено по соглашенію» (§ 14), и, тѣмъ не менѣе, Аристотель его вполнѣ одобряетъ.

85) I, 3, 17; 1257b.

86) Ibid., 17.

87) VI, 4, 1; 1291b. Ср. VII, 4, 3; 1321a.

88) Какъ это дѣлаетъ, напр., Grau («Ansichten der Volkswirtschaft», 15) и Kautz, «Geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomik», 139.

89) IV, 8, 1; 1328 b: нужно, чтобы было много земледѣльцевъ, приготовляющихъ матеріалъ для пропитанія, ремесленниковъ, воиновъ, зажиточнаго класса, жрецовъ, судей справедливаго и полезнаго, ср. 7, 4 и 9, 1; 1329a.

90) Упоминаніе о рынкѣ ничего не доказываетъ. Даже въ коммунистическихъ утопіяхъ Томаса Мора упоминается о рынкахъ, хотя у него о частнохозяйственной организаціи торговли не можетъ быть и рѣчи.

91) Даже Суземиль («Anmerk. zu Aristoteles' Politik», II, 30) присоединяется къ тому взгляду, что «правомѣрность и разумная необходимость процентовъ не могли быть вполнѣ ясными древнимъ», потому что «капиталъ даже тогда еще не достигъ своего полнаго развитія». Ср. Böhm-Bawerk, «Kapital und Kapitalzins», I, 17, гдѣ аристотелевское воззрѣніе объясняется «всеобщимъ теченіемъ того времени, крайне неблагопріятнымъ взиманію процентовъ за ссуды и вытекающимъ изъ слабаго развитія кредитной системы».

Подобной же односторонностью объясняется высказываемый Зиммелемъ въ его талантливой книгѣ о соціальной дифференціаціи (стр. 125) взглядъ, будто «недостаточное раздѣленіе труда» вызвало въ эллинской хозяйственной жизни такое треніе между разными торговцами, что вмѣсто истинно-хозяйственной цѣли—«побѣды надъ объектомъ»—силы направлялись совершенно односторонне на «личную побѣду надъ конкурентами», и поэтому греческіе соціальные политики имѣли право придти къ выводу, что въ сущности торговля, какъ промыселъ, вредна для государства, что только земледѣліе есть правомѣрное занятіе, что только оно получаетъ прибыль, не эксплуатируя и не грабя!

92) I, 70.

93) Если Böhm-Bawerk (указ. соч., I, 134) называетъ Дж. Б. Сея авторомъ этой «наивной теоріи производства», которая обосновываетъ происхожденіе достающейся капиталистамъ прибавочной стоимости производительной силой самого капитала, то, послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній, истинный первоисточникъ этой теоріи слѣдуетъ искать у греческихъ коммерсантовъ и банкировъ.

94) Соціалистическій въ болѣе спеціальномъ смыслѣ современнаго крайняго соціализма, какъ онъ проявился, главнымъ образомъ, во Франціи и Германіи.

95) Непосредственно къ изложеннымъ нападкамъ на наживу и торговлю примыкаетъ, напр., Fourier, высказывая упрекъ, что въ современной фазѣ цивилизаціи торговый духъ господствуетъ надъ политикой и управляетъ ею; что купцы въ нашемъ соціальномъ строѣ не что иное, какъ шайка объединившихся пиратовъ, которая во всѣхъ отношеніяхъ угнетаетъ соціальный организмъ.—Приблизительно то же говоритъ и Марксъ «о современномъ мірѣ дѣльцовъ». Ср. Adler, «Die Grundlagen der marxischen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft», 215, 246. Вообще отрицательное отношеніе къ «посредникамъ» (intermédiaires)—рѣзкая особенность соціализма,

96) «Bau und Leben des sozialen Körpers», I, 256.

97) Впрочемъ, тутъ мы замѣчаемъ нѣкоторое противорѣчіе съ его общимъ взглядомъ на античное народное хозяйство, въ которомъ, по мнѣнію Родбертуса «отсутствовала современная противоположность между земельной собственностью и капиталистической, между рентой земельной и рентой на капиталъ, потому что тогда только въ видѣ исключенія существовали отдѣльныя отъ земли отрасли промышленности, и поэтому какъ недвижимая, такъ и движимая собственность еще соединялась въ общемъ «домашнемъ богатствѣ», которое, слѣдовательно, и получало всю ренту цѣликомъ. «Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klass. Altertums, Jahrb. f. Nationalök.», IV 344 и слѣд. «Versuch die Höhe des antiken Zinsfusses zu erklären», ibid., N. F., VIII, 520 и слѣд.

Если бы владѣніе землей даже въ самыхъ развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи государствахъ греческаго міра заняло такое безусловно государственное положеніе; если бы «почти всѣ производительныя приложенія капитала имѣли въ бо́льшей или меньшей степени характеръ фиксированія въ землѣ», то отношеніе аристотелевскаго ученія о процентѣ къ дѣйствительности напоминало бы каноническое запрещеніе процентовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ. Но этотъ взглядъ, заключающій въ себѣ вѣрное ядро, все-таки сильно преувеличенъ, и Родбертусъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «въ эпоху Аристотеля деньги уже разрушили это единое владѣніе, хрематистика вытѣснила его»!

98) «Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes, II², 273 и слѣд.; ср.: die Vorrede VI и слѣд. Также R. Meyer-Berliner Revue, 1872, стр. 289 и сл.

99) I, 3, 19 и сл. 1258 a: онѣ допускаютъ всякаго рода денежныя спекуляціи, потому что онѣ служатъ имъ цѣлью, а для достиженія ея приходится идти на все.

100) Ihering, «Der Zweck im Recht», I, 519.

101) Ibid. 521.

102) «Ein Blick in die Zukunft», стр. 83 (Reclam).

103) 93 стр. и слѣд. Michaelis здѣсь прямо соприкасается съ историко-этическимъ направленіемъ нѣмецкой политической экономіи, глава которой, Шмоллеръ, точно также предлагаетъ путемъ введенія прогрессивныхъ налоговъ на доходы и наслѣдства ограничить накопленіе чрезмѣрныхъ богатствъ (Grundfragen, 95).

104) Ср., наприм., Lange, «Geschichte des Materialismus«, II ³, 460.

105) Theobald Ziegler, «Die sociale Frage eine sittliche Frage», стр. 30. Ср. Wolf, «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung», стр. 389: «Мы вступили въ нервный вѣкъ. Утерянъ послѣдній небольшой остатокъ сосредоточенности, полученный нами отъ прошлыхъ столѣтій. Лихорадочно гонимся мы за несуществующимъ счастьемъ,—несуществующимъ потому, что счастье возможно лишь въ ограниченіи, а послѣднее намъ невыносимо.

106) Adolf Wagner: о «систематической политической экономіи» въ Jahrb. f. Nation. u. Stat., 1886, стр. 238.

107) Такъ, напр., Wagner, «Grundlegung», I, 2, 152.

108) Выраженіе Schulze-Delizsch, «Kapitel zu einem Arbeiterkatechismus», стр. 91.

109) Зак., 919b. Не вѣрно, слѣдовательно, мнѣніе Гильдебранда («Rechts und Staatsphil.», I, 159), будто Платонъ нигдѣ не понялъ той мысли, что и въ самомъ низкомъ занятіи и въ господствѣ надъ мертвой матеріей можетъ проявиться благородство человѣческаго духа».

110) 918e: если бы оно было, дѣйствительно, не подвержено порчѣ, то въ такомъ случаѣ почиталось бы какъ мать и кормилица.

111) 918b: развѣ не благодѣтель всякій, кто безмѣрную и неодновую какую бы то ни было движимость сдѣлаетъ равномѣрной и одинаковой. Ср. 910e: всѣ онѣ постоянно служатъ странѣ и народу.

112) 918d.

113) 918e: посмотримъ, не въ состояніи ли мы уврачевать закономъ если не все, то хоть часть.

114) Это задача «участвующимъ въ этихъ занятіяхъ изобрѣсти такое средство, дабы нравственность съ трудомъ и несвободно соприкасалась съ безстыдствомъ и рабствомъ. 919, ср. 920a: чтобы наилучшій, а ни въ коемъ случаѣ не порочный былъ нашимъ сосѣдомъ въ государствѣ и пр.

115) 919c: дѣло, какъ кажется, не плохое и нуждается въ большой добродѣтели.

116) Ср. Hasbach, «Die allgemeine philos. Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie», стр. 114 и слѣд., а также его изслѣдованія объ Адамѣ Смитѣ, стр. 54 и слѣд.

117) «Politische Oekonomie vom gesch. Standpunkt», (2), 238 и слѣд.

118) Jahrb. f. Nationalök. u. Stat, 1886, стр. 230.

119) Grundfragen, стр. 57.

120) Knies, указ. соч., 438.

121) Etudes s. l. écon. pol. I, 3. Ср. Elster, Simonde de Sismondi. Ein Beitrag zur Geschichte der Volkswirtschaft». Jahrb. f. Nationalökonomie und Stat. N. F., XIV, 321 и слѣд.

122) «Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkt», I (²), 7.

123) «Zur Erklärung u. Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes», II (²), 370.

124) «Die drei Fragen des Grundbesitzes und seine Zukunft», стр. 14.

125) «Grundlegung der politischer Oekonomie», I ⁸, 859.

126) Указ. соч., стр. 61.

127) L. Stein, «Verwaltungslehre», I, 2, 32. Ср. ст. Штейна о развитіи науки о государствѣ у грековъ. Sitz. Ber. der Wien. Ak. (phil. hist.). Bd. 93.

128) Полит., II, 2, 8; 1263b: ни одно изъ этихъ (бѣдствій) не проистекаетъ отъ необщительности, но отъ порочности, такъ какъ, по нашему наблюденію, владѣющій и распоряжающіеся общимъ имуществомъ значительно сильнѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ тѣ, которые имѣютъ частную собственность. Здѣсь очень рѣшительно подчеркнута также та мысль, что именно ненасытная жадность, а не нужда создаетъ большинство преступленій, и что поэтому ошибочно ждать съ уничтоженіемъ нужды радикальнаго нравственнаго переворота.

129) Респ. 2, 9: fluctibus cinctae natant paene ipsae simul cum civitatum institutis et moribus.

ГЛАВА III.

Отдѣлъ I. Идеалъ государства Фалея изъ Халкедона.

1) Аристотель, «Политика«, II, 5, 1; 1267b.

2) См. выше, стр. 80.

3) Выраженіе Аристотеля, на которое опирается это предположеніе, во всякомъ случаѣ, не засвидѣтельствовано достовѣрно; Аристотель указываетъ на то, какое важное значеніе придавали уже и ранніе теоретики благопріятному распредѣленію собственности, и затѣмъ продолжаетъ: почему Фалей Халкедонскій установилъ это первый и пр. Но вѣдь чтеніе «впервые»..., принадлежащее менѣе хорошей рукописной традиціи и могущее легко быть наиболѣе правильнымъ, по смыслу лучше подходило бы къ предыдущему тексту. Такъ, мы лишаемся всякой прочной опоры въ ближайшемъ опредѣленіи времени Фалея. Внутреннія основанія, приводимыя Суземилемъ (въ его примѣчаніяхъ къ указанному мѣсту) въ пользу старшинства Фалея надъ Платономъ—«очевидная скудость» проекта и «отсутствіе сколько-нибудь тонкаго развитія»—еще ничего не доказываютъ. Весьма сомнительно также, насколько мы имѣемъ право, на основаніи единственнаго дошедшаго до насъ, и притомъ въ высшей степени скуднаго, извѣстія объ идеальномъ государствѣ Фалея, приходить къ такому неблагопріятному сужденію. Какъ бы мы смотрѣли на «Политику» или на «Законы» Платона, если бы основывались исключительно на односторонникъ и неполныхъ извѣстіяхъ Аристотеля?

4) Несмотря на это, Аристотель все-таки думаетъ, что все, что было достойно вниманія въ теоріяхъ его предшественниковъ, онъ изслѣдовалъ съ достаточной полнотой! II, 9, 1; 1273b.—Справедливо, по поводу этого утвержденія, замѣчаетъ S. von Stein, что древніе вообще не понимали того, что мы называемъ исторіей литературы и науки. «Die staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Plato». Tüb. Ztschr. f. d. ges. Staatsw., IX, 149.

5) Аристотель, Пол., II, 4, 13; 1267b: изъ его законодательствъ оказывается, что онъ имѣлъ въ виду государство небольшое, разъ всѣ ремесленники у него будутъ на службѣ у государства и не будутъ служить какъ-либо его дополненіемъ.

6) Употребляемое относительно ремесленниковъ выраженіе δημόσιοι (общественные слуги) оставляетъ въ сомнѣніи, считалъ ли ихъ Фалей чужестранцами и посадскими или рабами?

7) Это удостовѣряется тѣмъ фактомъ, что въ Халкедонѣ, дѣйствительно, съ начала IV столѣтія побѣда была на сторонѣ демократіи (Θεοπομπ у Атенея, II, 526d). Идеальное государство Фалея выражало собою реакцію противъ этого владычества народа такъ же, какъ государство Платона—реакцію противъ демократіи въ Аѳинахъ.

8) Аристотель, Пол., II, 4, 1, 1266b.

9) Тамъ же, II, 4, 1; 1266a.

10) Тамъ же, II, 4, 7; 1267a. Ср. выше, стр. 203.

11) Тамъ же, II, 4, 6; 1266b.

12) Суземиль, указ. мѣсто, примѣч. 255.

13) Аристотель, Пол. II, 4, 2; 1266b.

14) II, 4, 12b, 1267a.

15) II, 4, 3; 1266b.

16) II, 4, 6; 1266b.

17) Ср. II, 1, 1; 1261a.

Отдѣлъ II.—Платоновское государство разума.

I. Государство и его органы.

1) IV, 420bc. Ср. VII, 519e.

2) Ср. предварительную полемику противъ мнимаго права болѣе сильнаго на эгоистическую эксплуатацію политической власти I, 338 и слѣд. Также 346c и 347d объ обязанностяхъ всякой правящей власти относительно управляемыхъ и слабыхъ.

3) 420b: вѣдь мы устраиваемъ государство, имѣя въ виду сдѣлать счастливымъ не исключительно этотъ классъ народа, но упрочить счастье всего государства; вѣдь въ такомъ-то государствѣ мы и научались скорѣе всего найти справедливость; ср. 430d: ради этого мы во всемъ и ищемъ справедливость.

4) По прекрасному опредѣленію Schmoller'a («Das Wesen der Arbeitstheilung und sozialen Klassenbildung», указ. мѣсто), опредѣленію, въ существенныхъ чертахъ соотвѣтствующему Платону: каждому мы поручаемъ что-нибудь одно, къ чему онъ пригоденъ отъ природы, и чѣмъ онъ прекрасно занимался бы въ теченіе всей жизни, не пропуская благопріятнаго времени и не занимаясь ничѣмъ другимъ, II, 374b.

5) 370b: Каждый изъ насъ рождается не слишкомъ похожимъ на всякаго другого, но отличается отъ него своей природой и предназначается для совершенія извѣстнаго дѣла, ср. V, 456d: какъ ты думаешь объ этомъ! О чемъ? Предполагаешь ли ты, что одинъ мужъ лучше, другой хуже, или думаешь, что они всѣ одинаковы.

6) 370b. Что же? Кто лучше можетъ дѣлать, одинъ ли, занимаясь многими ремеслами, или одинъ, занимаясь однимъ ремесломъ?—Когда одинъ занимается однимъ ремесломъ.

7) Ibid.

8) 374e: итакъ, сказалъ я, чѣмъ важнѣе дѣло стражей, тѣмъ больше оно имѣетъ нужды въ полнѣйшемъ досугѣ отъ остальныхъ занятій, равно какъ въ искусствѣ и величайшемъ попеченіи.

9) III, 397e: у насъ человѣкъ не дѣлится и не развлекается многими дѣлами, такъ какъ каждый дѣлаетъ одно дѣло и пр.

10) 433a: дѣлать свое дѣло, а не хвататься за много дѣлъ—вотъ это справедливость.

11) 427d.

12) Изложеніе Платона является какъ бы отвѣтомъ на прославленіе Клеономъ необразованности у Θукид., III, 37: болѣе простые люди гораздо лучше живутъ въ государствахъ, нежели люди болѣе разумные.

13) Философія грековъ II⁴, 1, 903.

14) Nohle, «Die Staatslehre Platos in ihrer geschichtlichen Entwicklung», XV. Впрочемъ, Zeller, допуская опредѣленно, что «раздѣленіе сословій и безусловное подчиненіе низшихъ высшимъ требовалось уже политическими взглядами Платона», впадаетъ этимъ утверждоніемъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

15) II, 369a: если бы, сказалъ я, мы пожелали въ своемъ разсужденіи созерцать рождающееся государство, то развѣ мы не увидѣли бы, какъ въ немъ возникаетъ справедливость и несправедливость? Конечно, да, сказалъ онъ.

16) Ср. это изложеніе Платона (369b), напр., съ изложеніемъ Штейна («Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich» I, XIX, или Шмоллера («Wesen der Arbeitstheilung», указ. мѣсто, стр. 48 и слѣд.).

17) IV, 433a и слѣд.

18) Это опредѣленно подчеркивается 369a.

19) IV, 434d.

20) Xenophon Mem., III, 7, 5; ср. III, 1, 4.

21) Hildenbrand, «Gesch. ü. System der Rechts und Staatsphilosophie», I, 171.

22) 415d.

23) 412c.

24) 416b: итакъ, нужно всячески наблюдать, чтобы у насъ помѣщики не дѣлали ничего подобнаго гражданамъ, если они лучше послѣднихъ, и вмѣсто благосклонныхъ союзниковъ не походили на жестокихъ господъ.

25) 417a.

26) 416d. «Собственностью должны быть только средства потребленія—говоря современнымъ языкомъ,—но не средства производства». Dietzel, «Beiträge zur Gesch. des Sozialismus und des Kommunismus». Ztschr. f. Lit. u. Gesch. der Staatsw. I, 391.

27) 416e: относительно золота и серебра нужно говорить имъ, что у нихъ всегда въ душѣ божественное золото отъ боговъ, и что ни въ чемъ человѣческомъ они не нуждаются; пріобрѣтеніе этого золота и не слѣдуетъ осквернять примѣсью къ нему золота тлѣннаго. Монета людская породила много нечестиваго, а божеская монета чиста.

28) 417a: въ государствѣ имъ однимъ не должно брать въ руки и прикасаться къ золоту и серебру, даже вступать подъ одну и ту же кровлю, навѣшивать на себя золото и серебро или пить изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ. Такимъ путемъ они могутъ спастись сами и спасти государство.

29) 416d: прежде всего никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакой частной собственности, кромѣ самаго необходимаго; затѣмъ ни у кого изъ нихъ не должно быть никакого жилья или кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій.

30) Даже самая высшая профессія, профессія правителей, доступна имъ! 540c.

31) 451 и слѣд.

32) Ср. ниже.

33) «Свободную любовь» могутъ практиковать въ извѣстныхъ предѣлахъ только тѣ, кто уже вышелъ изъ возраста, въ которомъ можно имѣть дѣтей, 461b.

34) 457e.

35) 464d.

36) 463e.

37) 462c.

38) 462b; ср. 465b: развѣ не повсюду люди живутъ между собою въ мірѣ подъ охраною законовъ? И въ великомъ мірѣ.

39) 464c: (на основаніи сказаннаго) они дѣлаются истинными стражами и въ силу его не расторгаютъ государства.

40) 460b и слѣд.

41) 410b и слѣд. Ср. 591b: цѣль: «физическая гармонія» и «психическая симфонія».

42) «Хорошо сложенный», 412a.

43) Отсюда исключеніе драматическаго искусства, которое изображаетъ также и дурное и имѣетъ въ виду возбужденіе аффектовъ; исключеніе Гомера и другихъ поэмъ, распространяющихъ «недостойныя представленія о богахъ». Ср., впрочемъ, относительно драматической поэзіи замѣчательныя, совершенно аналогичныя выраженія Гете въ его «Wanderjahren» (въ 7 главѣ 2 книги) при описаніи «педагогической провинціи».

44) 401b: но только ли за поэтами должны мы наблюдать и побуждать ихъ къ тому, чтобы они въ своихъ произведеніяхъ давали образцы благонравія, или уже и не писали бы у насъ.

45) 401c.

46) 378c: насколько возможно, мы должны убѣждать, что никогда ни одинъ гражданинъ не питалъ ненависти къ другому, и что это нечестиво. Вотъ это-то въ особенности должны говорить дѣтямъ старики и старухи, какъ въ первомъ ихъ возрастѣ, такъ и тогда, когда они подрастутъ, и требовать, чтобы поэты сочиняли примѣнительно къ этому.

47) 415a: всѣ вы въ государствѣ братья, скажемъ мы имъ, излагая преданья.

48) 383c.

49) 517d.

50) θνητὸν γένος θανατῇ φορον, ср. 617e: ψυχαὶ ἐφήμεραι (эфемерныя души).

51) 614c, 615c.

52) 618e.

53) Легкій путь и небесный 619e, ср. 621 (конецъ «Политіи»): если всѣ убѣдились, что душа безсмертна и можетъ переносить всякое зло и всякое добро, то мы всегда будемъ идти вверхъ и всячески развивать справедливость съ разумностью, чтобы быть любезными и самимъ себѣ и богамъ.

54) 535a и слѣд.

55) 490b, 486a.

56) 496c.

57) 486a.

58) 485d, e.

59) Тамъ же.

60) 519c: одну цѣль имѣютъ въ жизни, сообразно съ которой должны дѣлать все, что бы ни дѣлали въ жизни частной и государственной и пр.

61) 519c.

62) Гдѣ они проводятъ «въ чистотѣ». 520d, ср. 500b.

63) 520b.

64) 521a и 521b.

65) 520c.

66) 521a: только въ немъ одномъ будутъ властвовать фактически богатые—не золотомъ, а тѣмъ, чѣмъ долженъ быть богатъ человѣкъ счастливый: благою и разумною жизнью.

67) Тамъ же: если нищіе и бѣдняки, жаждущіе многихъ благъ, устремятся на общественныя должности, разсчитывая похитить оттуда благо, то этого не должно быть: борьба за власть—такая домашняя и внутренняя война, которая губитъ и самихъ правителей, и все государство.

68) 520c.

69) 486b.

70) 487a.

71) 500c.

72) 505a.

73) 503b: теперь я осмѣливаюсь утверждать, что самыми точными стражами надо назначать философовъ.

74) 487e: въ государствахъ бѣдствія прекратятся не ранѣе, чѣмъ будутъ править въ нихъ философы.

75) Полит. 293a: слѣдуя этому, полагаю я, нужно искать правильной власти въ одномъ, двухъ, вообще въ немногихъ. «Изъ тысячи людей нѣтъ надобности и пятидесяти быть политиками». 292e и слѣд., ср. 297c и слѣд. Горгій 521d и слѣд., 537 и слѣд.

76) Если кто-нибудь одинъ превосходитъ всѣхъ другихъ, то ему нужно быть царемъ, 445d: если власть предпочтительно предъ правителями сосредоточена въ одномъ человѣкѣ, то это будетъ называться царствомъ, въ рукахъ многихъ—аристократіей. Ср. «Похвалы (истинной) монархіи,» 576c: всякому ясно, что нѣтъ государства болѣе жалкаго, нежели то, которое управляется тираномъ, и болѣе счастливаго, чѣмъ то, которое управляется царемъ. 506b: итакъ, не будетъ ли наша форма государственнаго устройства разукрашена вполнѣ, если таковой стражъ, знающій все это, будетъ управлять имъ? Во всякомъ случаѣ, владычество философовъ обозначается вообще какъ «царская власть» (βασιλεύειν). 473d.

77) 412d: должно изъ остальныхъ стражей выбрать такихъ мужей, которые, по нашему наблюденію, оказывались бы во всю свою жизнь усердными исполнителями дѣлъ, признаваемыхъ для государства полезными, а что не полезно ему, того они никоимъ образомъ не желали бы дѣлать.

78) 412e. Ср. 413d.

79) «Философы», которыхъ Платонъ хочетъ призвать къ господству, являются, слѣдовательно, опытными практиками, а отнюдь не чистыми лишь теоретиками, въ опытности (ἐμπειρία) они не отстаютъ ни отъ кого. 484d. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду, сравнивая платоновское господство философовъ съ господствомъ «ученыхъ» у Фихте или у Сенъ-Симона.

80) 540a.

81) 540b.

82) 414b. Они являются также ихъ учениками. Ср. заключительное положеніе изслѣдованія о носителяхъ правящей власти; оно характерно для всего положенія послѣднихъ. 540b: «Послѣ того, какъ они сформируютъ такихъ же людей изъ другихъ и оставятъ ихъ вмѣсто себя

охранителями государства, они могутъ удалиться на острова блаженныхъ, чтобы обрѣсти тамъ свою родину; государство же, по указанію прорицаній Пиѳіи, ставитъ имъ памятники и приноситъ жертвы, какъ полубогамъ, если не какъ любимцамъ боговъ и богоподобнымъ».

83) Полезное—прекрасно, вредное—постыдно. 457b. Мы видимъ тутъ, говоря вскользь, уже формулировку системы общественнаго утилитаризма, какъ она выражена въ совершенно аналогичномъ положеніи у Лейбница (все честное полезно вообще, т.-е. человѣческому роду и міру, все постыдное—вредно) и недавно обоснована у Іеринга. («Der Zweck im Recht» II, 158 и слѣд.).

84) Ср., напр., брачные обычаи въ Спартѣ, которые, для обезпеченія сохраненія семьи, въ случаѣ несостоятельности мужа, не задумываясь, жертвуютъ моногамическимъ характеромъ брака, Хен. Rep. Lac. I, 7 и слѣд.

85) Супружескія отношенія воспрещаются какъ въ слишкомъ юношескомъ, такъ и въ слишкомъ старческомъ возрастѣ. 459a и слѣд.

86) Платонъ опредѣленно ссылается на аналогію искусственнаго подбора животныхъ. 459a.

87) Правда, средства, которыми правительство достигаетъ этого, должны составлять его тайну. Присужденіе женщинъ должно производиться съ помощью «хитраго розыгрыша», имѣющаго видъ полнаго безпристрастія.

88) 460c, ср. 459e.

89) 461c. Должно по возможности остерегаться близкой опасности необузданнаго полового смѣшенія, запрещая всякій нелегализированный половой актъ, какъ «грѣхъ» по отношенію къ государству. Дѣти, зачатыя съ нарушеніемъ полового закона, называются «порожденіемъ мрака и грубой нецѣломудренности» (461a).

90) Тимей, 19a. Этимъ опредѣляется также смыслъ Респ. 459a. О формальномъ «выкидываніи» дѣтей по спартанскому образцу,—какъ это, напр., допускаетъ Zeller,—нѣтъ и рѣчи.

91) 460a: количество браковъ мы возложимъ на правителей, чтобы они, принимая во вниманіе войны, болѣзни и тому подобное, въ особенности позаботились сохранить нужное число мужчинъ, чтобы такимъ образомъ государство было, по возможности, ни большимъ, ни малымъ.

2. Граждане.

1) Zeller тоже держится этого взгляда II⁴, 1, 907.

2) Аристотель, Полит. II, 2, II b, 1263a.

3) Полит. 294b... законъ не могъ бы установить это никогда, хотя бы онъ точно охватывалъ и наилучшее и самое справедливое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наипрекраснѣйшее для всѣхъ: ибо неравенство и людей и ихъ поступковъ и то, что никогда ни въ чемъ, такъ сказать, нельзя быть спокойнымъ въ отношеніи человѣчества, не даетъ возможности установить чего-либо простого, касающагося всѣхъ и вся, и на все время дать какое-либо одно руководство.

4) 295a.

5) 294c: итакъ, развѣ возможно, чтобы постоянно возникающее простое находилось въ правильномъ отношеніи къ тому, что никогда не бываетъ простымъ? Кажется, что нѣтъ.

6) Болѣе плотное... какъ бы для многаго и многихъ. 294e.

7) Тамъ же, 300a и слѣд.

8) Ср. знаменитую картину кормчаго тамъ же, 297a: подобно тому, какъ кормчій постоянно охраняющій интересы корабля и матросовъ, ставитъ себѣ закономъ не письменныя предписанія, а искусство и тѣмъ спасаетъ своихъ товарищей, точно такъ же у могущихъ властвовать такимъ образомъ получается правильное государственное устройство въ томъ случаѣ, когда они выше законовъ ставятъ силу своего искусства. И что бы ни предпринимали разумные просители, не погрѣшатъ они, пока будутъ охранять одно великое: всегда распредѣляя жителямъ государства *наисправедливѣйшее съ разумомъ и искусно, они будутъ въ состояніи сохранить* ихъ и по мѣрѣ возможности изъ худшихъ сдѣлать лучшими.

9) Республ. 423d.

10) 425d. Ради боговъ, продолжалъ я, что сказать о дѣлахъ, касающихся народной площади, гдѣ всѣ связаны между собою условіями? Что сказать, если хочешь, о ремесленническихъ сдѣлкахъ, ссорахъ, обидахъ, распутываніи судебныхъ дѣлъ, постановленіяхъ судей, равно какъ и о томъ, нужно ли по дѣламъ народной площади или гавани, взысканіе или назначеніе какихъ-либо пошлинъ, вообще относительно порядка на площади, въ гавани, въ городѣ и т. п.?

Рѣшимся ли мы постановлять на этотъ счетъ какіе-либо законы? Не достойно, сказалъ онъ, приказывать мужамъ прекраснымъ и добродѣтельнымъ; вѣдь большую часть того, что должно узаконить, они легко и сами отыщутъ.

11) ὡς δόξειεν ἄν τις (423d). Ясно, что Платонъ очень хорошо предвидѣлъ указанный упрекъ со стороны Аристотеля, Целлера и друг.

12) Указ. мѣсто, стр. 907.

13) Это предположеніе, на которомъ покоится «знаменитѣйшее, далеко всѣхъ превосходящее» изображеніе Целлера.

14) Платонъ, въ видѣ примѣра, опредѣляетъ число охранителей въ тысячу человѣкъ; число крестьянъ, ремесленниковъ и торговцевъ должно было доходить, по меньшей мѣрѣ, до 20000.

15) У меня нѣтъ сомнѣній относительно происхожденія платоновскихъ «Законовъ», и я вижу въ нихъ чрезвычайно цѣнный источникъ для выясненія соціально-политической системы Платона; значеніе этого вспомогательнаго средства еще далеко недостаточно оцѣнено.

16) Такъ, Dietzel (Rodbertus II, 228), ставящій въ этомъ отношеніи Платона на одну доску съ Шеллингомъ и Гегелемъ, въ противовѣсъ Фихте и его «замкнутому торговому государству».

17) Ср., напр., антикапиталистическую торговую и промышленную политику государства законовъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

18) Ср. Зак. XI, 919, и выше, стр. 99 и слѣд.; также отдѣлъ III.

19) При такомъ взглядѣ, конечно, понятно, что недавно открыли даже сходство между Платономъ и доктринальнымъ либерализмомъ нашего вѣка! «Наша политическая литература,— говоритъ Krohn («Der platonische Staat», стр. 29)—пережила такое время, когда она думала, что покончила всякіе счеты съ вопросами о государственномъ управленіи. Самые трудные вопросы, которые важны для благосостоянія государствъ, помимо формальной организаціи властей, не находили себѣ признанія. Въ подобную же односторонность впалъ и Платонъ. Образованіемъ государственныхъ людей онъ считалъ дѣло покончеппымъ, «все остальное приложится».

20) Зак. XI, 919c и слѣд.

21) Ibid. 739e: поэтому-то нечего искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ образца государственнаго устройства, но, придерживаясь этого, по мѣрѣ возможности искать именно такового.

22) Зак. 936b.

23) 421a: значеніе остальныхъ классовъ маловажнѣе. Если, напримѣръ, сапожники сдѣлаются худыми и развращенными, а будутъ прикидываться не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, это для государства еще не страшно; наоборотъ, когда стражи законовъ и государства не бываютъ таковыми, а только кажутся, увидишь, они до основанія погубятъ все государство, между тѣмъ какъ отъ нихъ однихъ зависитъ его благоустройство и счастіе.

24) Томасъ Моръ, который отнюдь не пренебрегаетъ экономической дѣятельностью, еще рѣзче формулировалъ положеніе Платона: спасеніе и гибель государства—говорится въ утопіи (II, 217)... зависитъ отъ нравственности властей. Ср. также замѣчаніе Paulsen (Ethik II, 750) относительно необходимости интереса цѣлаго въ успѣхѣ хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго лица.

25) Zeller не замѣчаетъ, что говорится не о «никакомъ значеніи остального», а о «меньшемъ значеніи». Это уже игнорируетъ Гегель (Gesch. der Phil. I, 286), пониманіе котораго «Политіи» вообще въ высшей степени повліяло на взгляды позднѣйшаго времени.

26) 421c. Такимъ образомъ, Платонъ такъ же, какъ и его критикъ (Аристотель II, 2, 14; 1264b), убѣжденъ, что дѣйствительно качества другихъ классовъ играютъ важную роль въ прочности идеальнаго государства.—Это, до извѣстной степени, признано уже Nohle, «Die Staatslehre Platos in ihrer geschichtlichen Entwicklung» (стр. 145); это сочиненіе—несмотря на односторонности и многія преувеличенія—вообще проложилъ гораздо болѣе правильные пути, чѣмъ прежнее толкованіе.

27) Послѣдняго взгляда держится также Nohle.

28) 421c: съ одной стороны, хуже ремесла, съ другой—хуже сами ремесленники.

29) 442a.

30) Такъ же, какъ и относительно другихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ государства, напр., относительно организаціи правосудія, управленія и т. д. Отчего же отсюда Целлеръ не выводитъ заключенія, что «если бы Платонъ думалъ объ установленіи хорошихъ судовъ, управленія и т. д., то онъ долженъ бы и указать, какимъ образомъ они должны быть организованы».

31) Зак. 920c: и почти такъ же—т. е. согласно осуществленію проектовъ Платона, мелочная торговля приноситъ пользу отдѣльнымъ лицамъ, но очень мало вредитъ занимающимся ею въ государствахъ.

32) 920a: чтобы такого рода обитатель въ государствѣ былъ для насъ наилучшимъ и наименѣе порочнымъ, стражи законовъ должны обратить вниманіе на то, чтобы были стражи не только у тѣхъ, которыхъ легко охранять отъ того, чтобы они не стали преступниками и порочными, и которые хорошо вскормлены и воспитаны, но болѣе нужно предохранять, чтобы не принадлежащіе къ послѣдней категоріи не стали заниматься такими дѣлами, которыя имѣютъ сильное вліяніе на то, чтобы обратить ихъ на стези порока. Ср. 919c:... для занимающихся этими дѣлами должно изобрѣсти средство, чтобы до нравственности не касалось легко крайнее безстыдство и рабскій духъ.

33) Должно пріобрѣтать рабовъ самыхъ благонастроенныхъ и лучшихъ; 776d, ср. 777c, гдѣ на общераспространенныхъ историческихъ примѣрахъ доказывается, какъ опасно можетъ стать неисполненіе этого требованія.

34) 777e.

35) 777d.

36) Это требованіе искорененія несвободнаго состоянія для всѣхъ эллиновъ уже выставлено въ государствѣ (469b).

37) Государство законовъ требуетъ отъ нихъ, помимо скромности, довольно значительной подати.

38) Zeller, стр. 890.

39) Тамъ же, стр. 908.

40) Zeller, тамъ же, 890.

41) Респ. 495d: изъ области искусствъ перепрыгиваютъ въ философію тѣ, которые по своему искусству самые хвастливые. Несмотря на то, что философія подвергается такой участи, достоинство ея, сравнительно съ другими искусствами, остается великолѣпнѣйшимъ; многіе приступающіе къ ней, будучи несовершенны по своей природѣ, отъ искусства и мастерства чувствуютъ поврежденіе въ тѣлѣ, равно какъ отъ ремесла испытываютъ психическое разслабленіе и оцѣпенѣніе. Но такъ ли? Даже очень, сказалъ онъ.

42) Schmoller, въ примѣч. о раздѣленіи труда, указ. соч., стр. 102.

43) Собр. сочиненій, VII, 160. Стоитъ только прочесть мрачное описаніе трудовой жизни и обмѣна во второй книгѣ «замкнутаго торговаго государства»—и тогда Платона будутъ судить правильнѣе.

44) 38, 24.

45) 33: въ собраніи они не выдѣляются. Не сядутъ ужъ они на судейское кресло и не будутъ разбирать книгу закона, не покажутъ на судѣ ни справедливости, и въ притчахъ они не найдутся и пр.

46) «Allgemeines Staatsrecht» (6), 662.

47) Стоитъ только вспомнить разнообразныя мѣткія сравненія и примѣры изъ самыхъ различныхъ областей производства, наприм., разсужденіе въ «Политикѣ» о техникѣ ткацкой промышленности, изслѣдованіе о возникновеніи денегъ и торговли, о преимуществахъ раздѣленія труда и т. п.—Мнѣ не понятно, какъ можетъ Dilthey, «Einleitung i. d. Geisteswiss.», стр. 286, имѣя передъ собой эти разсужденія, утверждать, будто Платонъ «изъ ложной важности» и вслѣдствіе своего «ложнаго и высокомѣрнаго направленія, не далъ изслѣдованій о трудѣ промышленности и торговлѣ».

48) W. of. n. V, 3, 1, 2.

49) 590c.

50) Зак. 743d:

51) Респ. 410a.

52) Федонъ, 82a.

53) Респ., 500d.

54) Ср. ниже.

55) Указ. соч., 281.

56) Менонъ, 97 и слѣд. Респ., 500c.

57) Тимей, 51e.

58) Федонъ, 82b.

59) Респ., 621c.

60) Въ примѣчаніи о справедливости въ народномъ хозяйствѣ, *указ. соч.*

61) При этомъ Платонъ все же мягче осуждаетъ низость образа мыслей средняго человѣчества, чѣмъ одинъ изъ величайшихъ знатоковъ людей новаго времени (Шекспиръ, Гамлетъ), «Быть честнымъ въ здѣшнемъ мірѣ, значитъ—быть однимъ изъ десяти тысячъ».

62) Ср. Полит. 297: масса, какова бы она ни была, получивъ такое значеніе, будетъ въ

состояніи разумно жить въ государствѣ; нужно поискать еще самую малость, одно только: то одно правильное государственное устройство и пр.

63) Ср. перечисленіе тамъ же, 267e, 290a.

64) Тамъ же, 289e.

65) 290d.

66) 741e.

67) Ср. выше, стр. 114.

68) «Umrisse zur Naturlehre der Demokratie», стр. 28.

69) «Das Wesen der Arbeitstheilung», указ. соч., стр. 95.

70) Стр. 66.

71) Указ. соч., стр. 393.

72) A. Escher: «Praktische Politik», I, 41.

73) Ср. проникнутыя этой односторонней теоріей разсужденія Onckena («Aristoteles» I, 115), который, въ противовѣсъ Платону, становится на ту же точку зрѣнія, какъ и обвинители Сократа.

74) Chartism, c. 5.

75) Народное правленіе, стр. 63. Ср. также критику американской демократіи въ извѣстной статьѣ Герберта Спенсера, «Отъ свободы къ связанности»: «Какъ мало предвидѣли люди, составлявшіе американскую декларацію о независимости, что по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній законодательство попадетъ въ руки «проволочниковъ», что форма его будетъ зависѣть отъ погони за должностями, что избирателей, вмѣсто того, чтобы имъ судить самостоятельно, погонятъ ихъ «Bosses» къ избирательнымъ урнамъ, какъ безсловесное стадо, и что всѣ благопристойные люди воздержатся отъ политической жизни, чтобы избѣжать срама и злословія посредственно-ремесленныхъ политиковъ».

76) Grundfragen, стр. 133.

77) Wolf: «System der Sozialpolitik», I, 593.

78) Wolf, тамъ же, стр. 592.

79) Ксенофонтъ, Мем., III, 9, 15, ср. 1, 2, 5.

80) Тамъ же, III, 7, 5.

81) Ср., что самъ Платонъ говоритъ о себѣ въ Апологіи (29d) Сократа: я не перестану философствовать, увѣщевать и доказывать каждому изъ васъ, съ кѣмъ я встрѣчусь, и говорить то, что я привыкъ говорить, а именно: любезнѣйшій, о деньгахъ ты не стыдишься заботиться... а о благоразуміи, правдѣ и душевномъ усовершенствованіи ты не печешься и не заботишься?

82) Ксен., Мем., III, 2, 2: и царь хорошъ не только въ томъ случаѣ, если онъ прекрасно наблюдаетъ за своею жизнью, но и если онъ бываетъ виновникомъ благоденствія тѣхъ, надъ которымъ царствуетъ. § 4: и изслѣдуя такимъ образомъ, въ чемъ заключается добродѣтель хорошаго предводителя, онъ все остальное опускалъ, а оставлялъ только одно: когда онъ дѣлаетъ счастливыми тѣхъ, кѣмъ предводительствуетъ.

83) Ср. характерный вопросъ Сократа въ Горгіи, 515a: Ну, что жъ? Калликлъ сдѣлалъ кого-либо изъ гражданъ лучшимъ? Есть ли кто-нибудь, будь то иноземецъ или горожанинъ, рабъ, или свободный, который, будучи ранѣе низкимъ, несправедливымъ, необузданнымъ и безразсуднымъ, сдѣлался, благодаря Калликлу, нравственно совершеннымъ!

84) Полит., 308 и сл.

85) Тамъ же, 513e: развѣ намъ не слѣдуетъ пытаться служить государству и гражданамъ въ томъ направленіи, чтобы дѣлать самихъ гражданъ наилучшими? Разъ этого нѣтъ..., совершенно безполезно оказывать какое бы то ни было благодѣяніе, если не сдѣлать добродѣтельнымъ образъ мыслей тѣхъ, кто собирается либо получать большія деньги, либо властвовать надъ кѣмъ бы то ни было, либо проявлять какую-либо иную силу.

86) См. прекрасное мѣсто о выборѣ жизненной участи, Респ., 617e: первый, кто получитъ жребій, пусть первымъ изберетъ жизнь, и къ ней онъ будетъ привязанъ въ силу необходимости. Добродѣтели не свойственно владычество; каждый будетъ имѣть ее больше или меньше въ зависимости отъ того, почитаетъ онъ ее, или унижаетъ. Вина на избравшемъ; божество—не виновно. Ср. Зак., 904d, e.

87) Горгій, 517a.

88) Тамъ же, 515d.

89) μόνον ἔργον ἀγαθοῦ πολίτου, 517b: ср. 515b: взявшій въ свои руки дѣла государства о чемъ иномъ будетъ для насъ заботиться, какъ не о томъ, чтобы мы были лучшими гражданами.

90) Несмотря на то, что въ «Политикѣ» онъ принимаетъ ту же точку зрѣнія! Здѣсь

(297b) о «благоразумныхъ правителяхъ говорится, что они въ состояніи охранять и дѣлать гражданъ изъ худшихъ лучшими по мѣрѣ возможности».

91) 50d: законы, установленные на этотъ счетъ (т.-е. о кормленіи и воспитаніи), прекрасно установляли, чтобы твой отецъ воспитывалъ тебя въ музыкѣ и гимнастикѣ. Также и тотъ чрезвычайно важный для обсужденія соціально-политической теоріи Платона фактъ, что самъ Платонъ высказывался за эстетическое и гимнастическое развитіе членовъ государства, до сихъ поръ вполнѣ игнорировался даже и Strümpell'емъ, который въ своей исторіи практической философіи грековъ (стр. 387) до извѣстной степени правильно понялъ этотъ вопросъ.

92) Респ., 519e.

93) 414e, и слѣд.

94) 415a.

95) 415c.

96) 377b: развѣ ты не знаешь, что самое главное—начало всякаго дѣла, въ особенности для молодого и свѣжаго, какого бы то ни было? Тогда образуются и налагаются тѣ характерныя черты, которыя всякій желаетъ запечатлѣть въ каждомъ индивидѣ.

97) 378b: (такихъ рѣчей) нельзя говорить... въ нашемъ государствѣ и нельзя говорить ихъ молодому человѣку. 378d: не должно передавать въ государство.

98) Тамъ же.

99) 377b.

100) 378c.

101) 415e.

102) Ср. обозначеніе правителей идеальнаго государства «царями», 543a.

103) 423d и ниже.

104) 415c.

105) 431d: если въ какомъ-нибудь государствѣ и правители и подданные держатся одинаковаго мнѣнія о томъ, кому должно править, то и въ этомъ умѣстно то же самое. Или тебѣ не кажется! Даже очень,—сказалъ онъ.

106) «Скромность» есть добродѣтель, общая какъ правящимъ, такъ и подчиненнымъ, какъ опредѣленно говоритъ Платонъ. 431e: въ комъ же изъ гражданъ имѣется налицо скромность, когда они будутъ таковыми? Въ правителяхъ или подчиненныхъ? И въ тѣхъ и въ другихъ, сказалъ онъ. Какъ же можно (какъ это дѣлаетъ, напр., Ziegler, «Geschichte d. Ethik», I, 89), не зная это мѣсто, утверждать, что «у третьяго сословія вообще нѣтъ добродѣтелей»? Правда, скромность не является особой добродѣтелью третьяго сословія; но это, какъ справедливо замѣчаетъ Hirzel, отнюдь не исключаетъ того, что она въ смыслѣ платоновской психологіи оказывается «единственной добродѣтелью третьей части души», т.-е. именно поставленнаго въ параллель къ третьей части души третьяго сословія. «Ueber den Unterschied der δικαιοσύνη und der σωφροσύνη in der plat. Republik»: Hermes, VIII, 383.

107) 434c: занятіе собственными дѣлами, будутъ ли они касаться наживы, помощи, охраны, поскольку всякій будетъ въ государствѣ дѣлать свое, будетъ противоположно тому (т.-е., занятію чужими дѣлами) и будетъ справедливостью и сдѣлаетъ государство справедливымъ.

108) 519e.

109) 400d.

110) 401a.

111) 400d: хорошій подборъ словъ, гармоничность, благопристойность и ритмичность сопутствуютъ благонравію, благонравіе же у насъ—не безразсудство, не простосердечіе въ смыслѣ ласкательства, но дѣйствительно доброе и прекрасное свойство сердца съ нравственной стороны.

112) 401c.

113) Примѣчаніе указано ошибочно.

114) 401d: «(музыкальное образованіе) дѣлаетъ (человѣка) благопристойнымъ, если оно ведется правильно, въ противномъ случаѣ—наоборотъ». Конечная цѣль есть любовь къ прекрасному: «музыка должна кончить любовью къ прекрасному».

115) . если что-либо опущено или не хорошо сдѣлано или дурно начато, 401e.

116) Тамъ же.

117) Зак., 643b, c: я настаиваю на томъ, что всякій желающій сдѣлать кого-либо хорошимъ человѣкомъ, долженъ заботиться о немъ съ молодыхъ лѣтъ, когда онъ играетъ или занимается соотвѣтствующими его возрасту занятіями. Напримѣръ: кто хочетъ стать хорошимъ *земледѣльцемъ или домоправителемъ*, тотъ долженъ—будущій домоправитель—играть

въ какіе-нибудь дѣтскіе домики, будущій земледѣлецъ—долженъ имѣть у себя какіе-нибудь маленькіе инструменты, подражающіе настоящимъ; и объ этомъ долженъ позаботиться тотъ, кто слѣдитъ за ихъ воспитаніемъ. Точно такъ же нужно напередъ учить и наукамъ необходимымъ; напримѣръ, зодчаго нужно учить измѣрять, либо вымѣрять и пр. Платонъ предвосхищаетъ здѣсь мысли, принадлежащія новѣйшимъ идеямъ народнаго воспитанія, идею дѣтскихъ садовъ и расширенія послѣднихъ въ настоящее обученіе работѣ.

118) Тамъ же: нужно пытаться шутками направлять удовольствія и страсти дѣтей, чтобы они сами шли къ положенной цѣли. Главная же суть воспитанія замѣчается въ его правильномъ направленіи: оно приведетъ душу играющаго скорѣе всего къ любви, а это будетъ ребенку необходимо, когда онъ, ставъ мужемъ, будетъ совершененъ въ практической добродѣтели.

119) Относительно «правителей» воины и остальное государство образуютъ подчиненную массу, 414d. Охранители не-философы обозначаются такъ же, какъ подвластные ἀρόμενοι наравнѣ съ занимающимся промышленной дѣятельностью народомъ, напр., 459e. Поэтому ошибочно, вмѣстѣ съ Целлеромъ, называть правителей и воиновъ безъ различія «активными гражданами».

120) 420c и 421b.

121) 519e. Относительно значенія этихъ мѣстъ ср. разсужденіе въ слѣдующемъ параграфѣ.

122) Въ платоновскомъ государствѣ, какъ и демократовъ, каждый называетъ другого «гражданинъ», 463a: они всѣ называютъ другъ друга гражданами. Развѣ не такъ? Поэтому всюду Платонъ, въ противовѣсъ охранителямъ, называетъ членовъ промышленныхъ классовъ «прочими гражданами» (напр., 417b), или просто «гражданами» (напр., 416a). Слѣдовательно, тутъ Аристотель совершенно вѣрно понялъ Платона, говоря, что охранители собственно представляютъ собою военный гарнизонъ, а что просто гражданами слѣдуетъ считать крестьянъ, ремесленниковъ и т. д., II, 2, 12; 1264a. Ср. Платонъ 415d, 419: какъ наемные надсмотрщики, которые сидятъ въ городѣ, занимаясь, повидимому, только карауломъ. См. также Аристотеля, тамъ же, 11b: хотя почти масса элементовъ государства, т.-е. масса остальныхъ гражданъ, и составляетъ массу. О томъ, что по взгляду грековъ исключеніемъ изъ ἀρχή отнюдь не превращались въ не-гражданина, см. Szanto, «Das griechische Bürgerrecht», стр. 6 и слѣд.

123) См. выше, стр. 128.

124) . . союзники остальныхъ гражданъ. 417b. Ср. 416a: благородные союзники.

125) 547c. Въ этомъ отношеніи платоновское государство непосредственно соприкасается съ идеаломъ, выставленнымъ Schäffle въ «Bau und Leben des sozialen Körpers», 4, 279, съ идеаломъ «организованнаго по профессіямъ общественнаго тѣла, въ которомъ вообще нѣтъ рѣчи о государствѣ, а только о политической дѣятельности профессій».

126) 421c: этихъ попечителей и стражей должно принуждать къ этому и убѣждать ихъ, чтобы они отлично исполняли свое дѣло, равно какъ и всѣхъ остальныхъ, ср. 421d: смотри, не вредитъ ли это другимъ дѣятелямъ и пр. Этотъ взглядъ, впрочемъ, поддерживается еще и въ «Законахъ», 921d.

127) Ср. выше, стр. 114. «Какъ понимаютъ Платона тѣ, кто вмѣстѣ съ Zeller'омъ («Der platonische Staat» u. s. w, стр. 65) выводитъ «раздѣленіе сословія» у Платона «изъ презрѣнія грековъ къ ручному труду, которое заставляло смотрѣть на промышленность, а у спартанцевъ даже и на обработку земли, какъ на униженіе для свободнаго гражданина». Именно въ платоновскомъ государствѣ разума воздается должное свободному гражданину, занятому промышленной работой.

128) 590c: Всѣ развитыя въ текстѣ точки зрѣнія игнорируетъ Nohle, думая, что умственное или нравственное развитіе третьяго сословія ничуть не требуется интересами цѣлаго, и что промышленные классы вполнѣ выполняютъ свое назначеніе, или обладаютъ необходимой технической подготовкой (стр. 145).

129) Полит., 311b.

130) θείῳ ξυναρμοσαμένη δεσμῷ. Тамъ же, 309b.

131) Ср. Респ., 432a, опредѣленіе господствующаго во всѣхъ классахъ государства разума духа, «скромности», какъ «отзывающейся во всѣхъ струнахъ» государства. Къ этому 431e: скромность подобна своего рода гармоніи.

132) Полит., 309c.

133) Респ., 432a: такъ что весьма правильно сказали ли бы мы, что скромность есть то же самое единомысліе, согласіе худшаго и лучшаго по природѣ въ томъ, кому должно властвовать и въ государствѣ и въ каждомъ индивидѣ.

134) Полит., 309d.

135) 444c.

136) 423d: и остальные граждане, кто къ какому дѣлу способенъ, исключительно къ этому дѣлу и должны быть употребляемы, чтобы каждый, исполняя свое, былъ не множественъ, а единиченъ, и чтобы, такимъ образомъ, все государство стало однимъ, а не многими государствами.

137) 443e.

138) 431c.

139) Ср. о «скромности», какъ предпосылкѣ всякаго счастія, Хармидъ, 175e: это большое благо и, обладая имъ, ты блажененъ; 176a: чѣмъ ты будешь скромнѣе, тѣмъ счастливѣе.

140) Респ., 430e: скромность есть... своего рода украшеніе и воздержаніе отъ всякаго рода удовольствій и страстей и пр.

141) 442d.

142) Хармидъ, 163e.

143) Тамъ же, 157a.

144) Тамъ же, 161a; ср. 160e: итакъ, скромные—хорошіе люди? Да.

145) Тамъ же, 157a, гдѣ Сократъ объясняетъ, якобы словами Замолксиса: врачевать душу какими-то заговорами; а эти заговоры—суть прекрасныя рѣчи, и отъ такихъ-то рѣчей въ душахъ рождается скромность.

146) 504d.

147) Респ., 441e; ср. 410a: молодые люди... занимаясь тою простою музыкою, которая, какъ говорили мы, рождаетъ скромность, очевидно, будутъ остерегаться у тебя, какъ бы имъ не пришлось имѣть дѣло съ судебнымъ знаніемъ.

148) 442a. Тамъ же, 73a.

149) 442b.

150) 431a.

151) 589b: τὰ μὲν ἥμερα τρέφων καὶ τιθασεύων и пр.

152) Зак., 766a: человѣкъ, какъ мы утверждаемъ, есть ручное животное, а когда онъ обладаетъ правильнымъ воспитаніемъ и счастливыми природными свойствами, онъ оказывается божественнѣйшимъ и самымъ ручнымъ животнымъ, воспитанный же не въ достаточной степени и не прекрасно, становится самымъ дикимъ животнымъ изъ всѣхъ, какія только существуютъ на землѣ.

153) Тамъ же: поэтому-то не второстепенное и не лишнее дѣло позволить коснуться и воспитанія дѣтей.

154) Тимей, 86c.

155) Тамъ же, 51e. Ср. въ «Законахъ», 795d, опредѣленіе: можно воспользоваться науками въ двоякомъ отношеніи, такъ сказать: однѣми, поскольку это относится къ тѣлу (гимнастика), другими ради добродушія (музыка).

156) 87b.

157) 87a:... когда... говорятъ о дурныхъ государственныхъ устройствахъ и о рѣчахъ въ государствѣ, произнесенныхъ частнымъ и публичнымъ образомъ, когда нигдѣ съ молодыхъ лѣтъ не обучаютъ наукамъ, могущимъ уврачевать это, тогда мы всѣ становимся порочными по двумъ причинамъ.

158) Тамъ же: другъ Клиній, услышавъ самъ впослѣдствіи о нашей страсти къ этому, я удивился, и мнѣ показалось, что это дѣло не человѣческое, но скорѣе какихъ-то поросятъ, и я устыдился не только за себя, но и за всѣхъ грековъ.

159) Устроенные здѣсь государствомъ дѣтскіе сады оказываются общими для всѣхъ классовъ народа, 794b.

160) 819a: нужно говорить, что свободные должны изучать это такъ, какъ въ Египтѣ огромная толпа дѣтей обучается совмѣстно грамотѣ. Правда, подъ «свободными» подразумѣваются прежде всего граждане, но изъ общаго взгляда Платона неоспоримо вытекаетъ, что онъ для всѣхъ свободныхъ считаетъ необходимымъ извѣстный минимумъ знаній.

161) См. выше, стр. 91.

162) Респ., 421e.

163) 421d: разбогатѣвшій горшечникъ пожелаетъ ли заботиться о своемъ искусствѣ: никогда. Не облѣнится ли онъ скорѣе и не станетъ ли безпечнымъ? Конечно. Такъ что онъ станетъ худшимъ горшечникомъ? И это такъ.

164) Ibid. Кто по бѣдности не можетъ достать себѣ орудій или чего другого, относящагося къ ремеслу, тотъ и самъ будетъ производить предметы худшаго качества, а сыновей своихъ и другихъ, кого онъ обучаетъ, сдѣлаетъ худшими мастерами.

165) 421e. Ср. выше, стр. 91 и 137.

166) Платонъ приводитъ въ 423e высказанное имъ раньше мнѣніе, что, если кто-либо изъ стражей окажется выродкомъ, нужно отправлять его къ остальнымъ, а кто между остальными будетъ хорошъ, того переводить къ стражамъ. Съ этимъ связано и дальнѣйшее примѣчаніе: этимъ онъ хотѣлъ показать, что и остальные граждане, къ какому дѣлу кто способенъ, къ тому одному исключительно и долженъ употребляться, и пр.

167) 423b: до какихъ границъ можетъ распространяться (государство), оставаясь однимъ, до такихъ пусть и распространяется, но не далѣе.

168) 456c.

169) Зак., 805c: всякое государство, такимъ образомъ, есть государство вполовину вмѣсто двойного и пр.

170) Зак., 794e.

171) Мѣткое замѣчаніе Nohle! (стр. 136).

172) См. выше, стр. 84.

173) 564c. См. выше, стр. 84.

174) 433a: мы часто говорили, что изъ государственныхъ дѣлъ каждый гражданинъ долженъ дѣлать одно то, къ чему его природа наиболѣе приспособлена. Ср. характерное мѣсто, говорящее о наукѣ врачеванія (406c); тутъ считается неправильнымъ искусственно продлить жизнь неизлѣчимо-больному тѣмъ или инымъ способомъ лѣченія; такое продленіе жизни все равно препятствуетъ человѣку выполнять его профессію... «На каждаго человѣка, управляющагося хорошими законами, возможно въ государствѣ какое-нибудь одно дѣло, и никому нѣтъ времени такъ лѣчиться, чтобы хворать всю жизнь».

175) Зак., X, 901a.

176) Ср. Респ., 429e.—Если въ набросанномъ въ общихъ чертахъ разсужденіи о мотивахъ раздѣленія труда и объ образованіи соціальныхъ классовъ неизбѣжность войны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особаго сословія солдатъ объясняется борьбою за существованіе, ибо государство должно вести войну, лишь только одностороннее производство предметовъ роскоши и разрастаніе непродуктивныхъ классовъ начинаетъ вредить пропитанію народа и требуетъ расширенія территоріи за счетъ сосѣдей—или, значитъ, тутъ защита... «роскошествующаго государства» оказывается причиной возникновенія особаго сословія солдатъ (374a), то, конечно изъ этого нельзя, вмѣстѣ съ C. F. Hermann'омъ («Die historischen Elemente des platonischen Staatsideals» Ges. Abh. 140), дѣлать заключеній относительно условій «Идеальнаго государства!» Тутъ о защитѣ «роскошествующаго государства» не можетъ быть и рѣчи.

177) 434b.

178) Аристотель, Полит. II, 2, 13, 1264a: жалобы, судебные процессы и всѣ тѣ бѣдствія, какія онъ указываетъ въ государствахъ, все это будетъ на лицо и у этихъ.

179) По формулировкѣ Dietzel'я (Rodbertus, I, 22), данной имъ господствующему воззрѣнію. Ср., напротивъ, Респ., 742a.

180) Тамъ же, II, 2, 12, 1264a.

181) Этотъ вопросъ до извѣстной степени «родственъ» первому. 421c.

182) 421e: повидимому, мы нашли другое, что стражи должны оберегать всяческимъ образомъ, какъ бы это, безъ ихъ вѣдома, не проникло въ государство. Что такое? Богатство и бѣдность,—сказалъ я: богатство располагаетъ къ роскоши, лѣни, стремленію къ новшествамъ, а бѣдность—къ раболѣпству и злодѣйствамъ ради этихъ новшествъ. Значеніе этого мѣста совершенно ускользнуло отъ Целлера (стр. 609). Не удивительно, что Kleinwächter безъ колебаній утверждаетъ, что и позднѣйшіе коммунисты имѣли хоть представленіе о томъ, что распредѣленіе благъ при теперешнемъ экономическомъ строѣ заставляетъ многаго желать, и своимъ коммунизмомъ они, по крайней мѣрѣ, хотѣли устранить недостатки, изгнать нужду и горе, тогда какъ Платону эта мысль была совершенно чужда!!

183) 552a. Ср. 556a.

184) 556b.

185) Dietzel, «Rodbertus», II, 47.

186) Эйтидемъ, 291b.

187) Тамъ же (мы рѣшили) передать этому искусству и военное искусство и прочія, чтобы оно властвовало надъ тѣми дѣлами, которыя они обслуживаютъ, чтобы пользоваться только однимъ умѣлымъ искусствомъ.

188) 462a: что можемъ мы назвать для устроенія государства величайшимъ благомъ, стремясь къ которому, законодатель долженъ постановлять законы, и что величайшимъ зломъ.

189) 462b: есть ли у насъ для государства большее зло, чѣмъ то, которое расторгаетъ

его и дѣлаетъ вмѣсто одного государства многіе? Или благо большее, чѣмъ то, которое связуетъ его и дѣлаетъ однимъ? Нѣтъ.

190) Тамъ же: итакъ, общеніе въ удовольствіи и въ горѣ не объединитъ ли всѣхъ гражданъ, когда они, при однихъ и тѣхъ же пріобрѣтеніяхъ и лишеніяхъ, одинаково радуются и горюютъ? Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ онъ.

191) Тамъ же: обособленность въ этомъ отношеніи разрушаетъ согласіе, когда одни и тѣ же случаи государства и его обитателей для однихъ причинятъ горе, для другихъ—радость.

192) Ср. также Зак. 739d, гдѣ требованіе повторяется съ такой же общностью: хвалить и порицать за одно, чтобы всѣ вмѣстѣ радовались и печаловались однимъ и тѣмъ же.

193) Респ. 462d: если одинъ изъ гражданъ испытываетъ добро или зло, такого рода государство непремѣнно будетъ говорить, что оно само испытываетъ это и станетъ все либо вмѣстѣ радоваться, либо вмѣстѣ горевать. Необходимо такъ, сказалъ онъ, если государство имѣетъ хорошіе законы.

194) 462c: не тогда ли приходитъ это, когда въ государствѣ вмѣстѣ произносятся такія слова, какъ: это мое и это не мое, и не то же ли надо сказать и о чужомъ?

195) 417a: когда они сами пріобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги, тогда вмѣсто стражей сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто союзниковъ прочихъ гражданъ—ненавистными деспотами, и во всю жизнь свою будутъ ненавидѣть и ненавидимы, будутъ злоумышлять и подвергаться злоумышленіямъ.

196) Напр., Praetorius, «De legibus Platonicis a Philippo Opuntio retractatis», p. 8. Правда, приведенные здѣсь аргументы основательны только отчасти.

197) 419.

198) 417a.

199) 422d: мы ни въ чемъ не пользуемся ни золотомъ, ни серебромъ, да это намъ и не дозволено.

200) 462c: лучшій порядокъ будетъ въ томъ государствѣ, въ которомъ по отношенію къ одному и тому же, одно и то же «мое» и «не мое» произноситъ наибольшее число гражданъ. Да.

201) Зак. 739d: такимъ образомъ лучшіе: государство, государственный строй и законы будутъ тамъ, гдѣ то, что сказано было давно, распространяется на все государство, а именно: все—общее друзей.

202) 739d: тѣ законы, которые способны по преимуществу сдѣлать государство единымъ, не могутъ быть превзойдены по отношенію къ добродѣтели никакими другими болѣе правильными и лучшими законами.

203) 739c.

204) См. выше, примѣч. 200 и стр. 163.

205) Пол. II, 2, 12; 1264a: Сократъ не опредѣлилъ, да и не легко опредѣлить, какой же будетъ характеръ всего строя для лицъ, участвующихъ въ немъ. Вѣдь масса, составляющая государство, т.-е. масса остальныхъ гражданъ—о ней ничего не опредѣлено, должна ли быть, напримѣръ, у земледѣльцевъ общность владѣній, или можетъ быть частная собственность, равно какъ жены и дѣти—будутъ ли представлять общую или частную собственность.

206) Различіе между экономической организаціей сословія охранителей и сословія, на которое возложено пропитаніе государства, будетъ такимъ образомъ всегда существовать, и потому Платонъ свободно можетъ говорить (464a) спеціально о коммунизмѣ класса охранителей, не желая этимъ исключить частичное осуществленіе коммунистическихъ тенденцій въ организаціи третьяго сословія. Этимъ разрѣшается и возраженіе Beger'a, «Thomas Morus und Plato», Ztschr. f. d. ges. Staatswissenschaft. 1879, стр. 419 и слѣд.

207) Susemihl, примѣч. 170 къ «Политикѣ».

208) Если, впрочемъ, Susemihl считаетъ едва возможной большую неспособность перенестись въ ходъ идей Платона, то онъ забываетъ, что у самаго геніальнаго изъ новѣйшихъ критиковъ «Политіи», Гегеля, онъ долженъ былъ бы признать еще бо́льшую неспособность. Вѣдь то, что Аристотель считаетъ все-таки лишь за возможное мнѣніе Платона, Гегель прямо предполагаетъ какъ фактъ. О третьемъ сословіи Гегель говоритъ: «Оно занимается ремесломъ, торговлей, земледѣліемъ; оно создаетъ необходимое для общества, не пріобрѣтая своей работой собственности; цѣлое представляетъ собой одну семью, въ которой каждый дѣлаетъ свое, отведенное ему дѣло, но продуктъ работы остается общимъ, и изъ своихъ, какъ и изъ всякихъ продуктовъ, каждый получаетъ лишь то, что ему нужно» («Исторія философіи»), II, 291. Этотъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, не вѣренъ уже потому, что онъ предполагаетъ коммунистическую организацію народнаго хозяйства совершенно осуществленной, тогда какъ Платонъ

едва надѣется достигнуть только приблизительнаго ея осуществленія. Мотивировка, даваемая Гегелемъ, также недостаточна, и даже можетъ ввести въ заблужденіе; но то, что Платону представлялось высшимъ идеаломъ, Гегель обозначилъ вѣрно, и потому его взглядъ свидѣтельствуетъ о болѣе глубокомъ и совершенномъ, по сравненію со всей позднѣйшей критикой, проникновеніи въ ходъ мыслей Платона.

209) Въ этомъ смыслѣ говоритъ Ренанъ: «Главное не въ томъ, чтобы создать просвѣщенныя массы, а въ томъ, чтобы создать великихъ мастеровъ и способную понимать ихъ публику. Если необходимымъ условіемъ этого является невѣжественность, тѣмъ хуже! Природа не останавливается передъ такими опасеніями; она жертвуетъ цѣлыми видами для того, чтобы другимъ дать необходимыя условія существованія» «Философ. діалоги», 77).

210) Ср. формулировку этого возраженія у Аристотеля—«Политика», III, 7, 13, 1283b: нѣкоторые затрудняются рѣшить, что должно установить законодателю, желающему дать самые правильные законы, долженъ ли онъ при этомъ имѣть въ виду интересы лучшихъ или интересы большинства.

211) Какъ извѣстно, Treitschke выбралъ эти примѣры въ статьѣ о соціализмѣ и его поборникахъ (Preus Jahrb. 1874) для того, чтобы доказать необходимость сильныхъ экономическихъ контрастовъ.

212) 419.

213) 416d: все необходимое, что потребуется для разсудительныхъ и мужественныхъ соратниковъ на войнѣ, нужно имъ въ награду за охрану получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ такое количество всего, чтобы оно не было и не велико на годъ и не мало.

214) Ср. характерное обозначеніе «стражей», какъ «долговѣчныхъ, поджарыхъ собакъ».

215) 416c: опредѣленно.

3. Совпаденіе соціализма и индивидуализма въ государственномъ идеалѣ Платона.

1) «Исторія философіи», II, 289.

2) 283.

3) 278.

4) 289.

5) 278.

6) «Исторія философіи права», (2), 16.

7) Ср., напр., Susemihl, «Platonische Philosophie» II, 283, и Noble, указ. мѣсто, IX.

8) «Der Platonische Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit» (Vorträge ü. Abh., стр. 65), «Gesch. d. Phil», II, 2, 921.

9) «Государство Платона», указ. мѣсто, 67.

10) Тамъ же, 78.

11) Целлеръ примыкаетъ здѣсь къ невѣрному взгляду, относящему платоновскую «Политію», къ числу государственныхъ романовъ.

12) Тамъ же, 79.

13) Въ III томѣ германскаго права корпорацій.

14) Указ. мѣсто, стр. 8.

15) Тамъ же, стр. 12.

16) Тамъ же, стр. 13.

17) Зак. IX, 875b.

18) Зак. V, 731d и слѣд.

19) ... чтобы не пускать обращаться туда, куда каждый пожелаетъ. Rep. 520a.

20) 420e.

21) 421a. 421c.

22) Зак., 903a: будемъ убѣждать юношу рѣчами въ томъ, что если онъ будетъ во всемъ заботиться о сохраненіи и добродѣтели цѣлаго, все будетъ устроено такъ, что каждая часть будетъ въ состояніи и дѣйствовать и активно и пассивно въ надлежащей степени.

23) 903b: несчастный, одна твоя часть, какъ бы она ни была мала, взирая постоянно на все, стремится.

24) «а ты забылъ», дается тамъ же возраженіе сомнѣвающемуся, «о томъ, что всякій генезисъ происходитъ ради того, чтобы была счастливая собственность, служащая мысли всякаго; она произошла не ради тебя, а ты ради нея».

25) Всего «рода человѣческаго». Rep. 473d: мы называемъ собственностью боговъ все,

что относится къ области смертныхъ живыхъ существъ, въ томъ числѣ и все небо. Leg. 902b.

26) Хотя и говорится (903b): «всякій врачъ и всякій опытный мастеръ ради всего все дѣлаетъ, чтобы оно оказалось наилучшимъ вообще, часть ради цѣлаго, а не цѣлое ради части дѣлается», но тотчасъ же добавляется: «ты негодуешь, не зная, что наилучшее для тебя подходитъ и для всего и для тебя въ силу общаго происхожденія».

27) τὸ προσῆκον. 903a.

28) Ср. извѣстное положеніе Лейбница: Богъ сотворилъ, чтобы то, что полезно вообще, т.-е. роду человѣческому и міру, было бы также полезно индивидамъ, равно какъ, чтобы все честное было полезно и все постыдное вредоносно. Платоновская теорія о совпаденіи благоденствія цѣлаго съ благоденствіемъ индивидуума также до извѣстной степени съ theory of moral sentiments Адама Смита, гдѣ высказывается убѣжденіе, что Богъ «въ своемъ доброжелательствѣ и своей мудрости отъ вѣка такъ устроилъ и велъ этотъ громадный механизмъ мірового цѣлаго, что онъ во всякое время производитъ наибольшую массу счастья»; поэтому въ «систему своего правленія Богъ не можетъ принять никакого частичнаго зла, которое не было бы необходимо для общаго блага».

29) 519c.

30) 519e.

31) 492e. См. ниже.

32) Правильнѣе, чѣмъ Гирке, въ этомъ отношеніи разсуждаетъ «Естественное право» Ahrens'a (I, 6, 42) выдвигающее «трансцендентную, превосходящую земную жизнь, черту въ воспитательномъ государствѣ Платона», въ противовѣсъ Аристотелю, по взгляду котораго человѣческая жизнь находитъ свое удовлетвореніе и завершеніе въ самодовлѣющемъ автократическомъ государствѣ.

33) 731d: изъ всѣхъ золъ у большинства людей врождено то величайшее зло, которому каждый находитъ оправданіе, и ни мало не стремится избѣжать его: это зло заключается въ томъ, что каждый человѣкъ самъ себѣ по природѣ дорогъ и думаетъ, что это такъ и надо. На самомъ же дѣлѣ именно чрезмѣрный эгоизмъ бываетъ для каждаго постоянно виновникомъ всяческихъ заблужденій.

34) 732a: людямъ нужно всячески избѣгать чрезмѣрнаго себялюбія.

35) Респ. 399b: полезна ли справедливость?

36) 345a: я говорю тебѣ, что не вѣрю и не думаю, будто несправедливость выгоднѣе справедливости. Ср. 445a.

37) Особенно характерное для индивидуалистическаго момента платоновской этики сравненіе! 445b.

38) 612a. Ср. 367c.

39) Если 612d: говорятъ, что справедливость не обманываетъ тѣхъ, кто ея добивается, то радость, примыкающая, по Платону, къ нравственному поступку, очевидно, выставляется какъ ожидаемое индивидуумомъ слѣдствіе, она оказывается въ одно и то же время цѣлью и мотивомъ нравственнаго поступка.

40) 618a: живому и умершему важнѣйшій выборъ.

41) 619b: такимъ образомъ, человѣкъ становится самымъ счастливымъ. Ср. такое же представленіе Θукидида (I, 42): ибо польза слѣдуетъ преимущественно за тѣмъ, въ чемъ кто-либо менѣе всего погрѣшаетъ.

42) Ср. также интересную статистику у Іоёл («Der echte und der xenophontische Sokrates», стр. 435) о появленіи утилитаристическихъ выраженій въ сочиненіяхъ Платона, особенно въ «Республикѣ».

43) 614a:... Награды, воздаянія и дары бываютъ (для справедливаго), кромѣ благъ, которыя доставляла сама справедливость и пр.

44) 612b.

45) 613a и то же въ Зак., 732d.

46) 614a.

47) Наслажденія и чрезвычайныя зрѣлища по красотѣ, 615a.

48) Ср. Апол. 30b: добродѣтель получали не отъ денегъ, но отъ добродѣтели—деньги и прочія всѣ блага для людей въ частной и общественной жизни.

49) 621c.

50) Намекъ на упомянутый въ Tim. Gloss., p. 215, обычай: повсюду собирающіеся побѣдители, побѣдители на общественномъ состязаніи, получившіе дары отъ друзей и родныхъ и обходящіе съ ними. Дѣйствительно характерное для взгляда Платона сравненіе!

51) 115d: ради этого должно все дѣлать такъ, чтобы участвовать въ жизни, въ добродѣтели и разумности: награда прекрасна и надежда велика.

52) θεοφιλής Филеба, 39e.

53) О совпаданіи «хорошей» и пріятной жизни ср. Протаг., 351b: если, пріятно проживъ, умереть, не скажешь ли ты, что это значитъ хорошо прожить, 354b: развѣ не благо,—кончить жизнь въ удовольствіяхъ, избѣжавъ и отвративъ горести? Или вы можете указать на какую-нибудь другую цѣль, обративъ вниманіе на которую, вы назовете это благомъ, помимо удовольствій и горестей? 357a: сохраненіе жизни оказалось для насъ въ правильномъ выборѣ удовольствій и горестей и пр. Этого пункта, какъ доказываютъ приведенныя на стр. 386 и слѣд. мѣста «Политеи» и «Законовъ», Платонъ придерживается и позже.

54) Респ., 580d и слѣд.

55) 581c. Ср. 588a: гдѣ устанавливается форменный балансъ между радостными чувствами «справедливаго» и несправедливаго.

56) 732e.

57) 636d: въ законахъ относительно разсматриваемаго класса людей, главнымъ образомъ, разбираются удовольствія и горести въ государствахъ и въ обиходной нравственности.

58) Тамъ же: нужно пустить здѣсь два источника, черпая изъ одного въ надлежащее время и въ надлежащемъ количествѣ, будетъ счастливо и государство, и частный человѣкъ, и всякое живое существо и пр.

59) 733a: то, что мы ищемъ, заключается въ слѣдующемъ: побольше радости, поменьше горя въ теченіе всей жизни.

60) 733b: мы желаемъ, чтобы у насъ было удовольствіе.

61) 733c: мы желаемъ такой жизни, въ которой перевѣсъ давали бы удовольствія, а не желаемъ такой, въ которой встрѣчается противоположное.

62) 733d: каковы жизни и сколько ихъ, относительно которыхъ желательное и добровольное предпочтительно нежелательному и недробовольное встрѣчается на самомъ дѣлѣ, мы это поставимъ закономъ себѣ: а именно мы предпочитаемъ жить любезно, пріятно, самымъ лучшимъ и прекраснымъ образомъ, какъ только можно для человѣка, самымъ блаженнымъ образомъ. Также Респ., 580c. Самый нравственный, въ то же время самый счастливый! Тутъ Платонъ непосредственно соприкасается съ философіей моралистовъ XVIII столѣтія. Leslie Stephen могъ такъ же сказать и о Платонѣ, какъ о Hutcheson'ѣ, что, по его мнѣнію, вслѣдствіе предустановленной гармоніи указатель нравственнаго чувства постоянно направленъ на поступки, порождающіе величайшее счастье. Ср. Hasbach, «Adam Smith», I. 103.

63) Филебъ, 52b.

64) Респ., 582a и слѣд.; 583a, 585e, 586e.

65) Филебъ, 21e: согласился ли жить кто-нибудь... обладая разумностью, умомъ и знаніемъ, ни много, ни мало не участвуя ни въ удовольствіи, ни въ горести, но совершенно освободившись отъ всего подобнаго?

66) Ср. своеобразную оцѣнку количества радости и скорби въ жизни справедливаго и несправедливаго; настоящій балансъ радостей! Респ., 588a.

67) Тамъ же, 369b: государство возникаетъ тогда, когда каждый изъ насъ оказывается не самодовлѣющимъ, но имѣетъ нужду во многомъ. Или ты предполагаешь другое начало возникновенія государства? Никакого другого, сказалъ онъ.

68) 369c: такимъ-то образомъ одинъ изъ насъ принимаетъ другихъ, либо для той, либо для иной потребности; имѣя нужду во многомъ, мы собираемъ въ одно жилище многихъ сообщниковъ и помощниковъ; этому же сожитію мы и дали имя государства.

69) 371b: ради этого мы и установили общеніе и основали государство. Ср. 372a: изъ-за взаимной надобности.

70) 371b.

71) 369c: всякій сообщается съ другимъ, допускаетъ другого къ общенію, въ той мысли, что ему лучше.

72) Зак., 702a: все это сказано ради того, чтобы увидѣть, какимъ образомъ можетъ быть организовано государство, а въ частности, какимъ образомъ всякій лучше всего можетъ прожить свою жизнь.

73) Замкнутое торговое государство, III, 412.

74) Ср. стр. 175. Протаг., 351b и Респ., 580d.

75) Респ., 473e. Этимъ именно оно и оправдываетъ себя, какъ лучшее государство: чтобы въ другомъ никто не могъ быть счастливымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни. Зак. 875b.

76) Ihering, «Zweck im Recht», 1. 537.

77) Вмѣстѣ съ Платономъ они различаютъ истинную радость отъ кажущихся и «глупыхъ» радостей широкой массы. Какъ и Платонъ, они не терпятъ въ своемъ государствѣ «художниковъ пустыхъ удовольствій», лѣнтяевъ. Высшая радость для нихъ та, которая связана съ «созерцаніемъ истины». Всякая другая радость ограничивается трезвостью, умѣренностью, трудолюбіемъ, постояннымъ взвѣшиваніемъ блага другихъ и цѣлаго. И какъ высоко ни ставятъ и утописты радость, какъ условіе земного счастья, но и для нихъ, какъ для Платона, высшимъ счастьемъ въ жизни является блаженная смерть. Самая тяжкая смерть, ведущая къ Богу, кажется имъ лучше, чѣмъ самая счастливая жизнь; поэтому они съ одушевленіемъ принимаютъ исторію жертвъ мучениковъ и проповѣдь о Спасителѣ. Высшее счастье жизни они, вмѣстѣ съ Платономъ, видятъ въ возвышеніи угожденія плоти къ свободѣ духа.

78) Государство Платона, указ. мѣсто, стр. 80.

79) Zeller, тамъ же.

80) Какъ Zeller, «Gesch. der Phil.», II, (1), стр. 920.

81) Какъ Zeller, «Plat. Staat», стр. 80.

82) «Fichte als Politiker», Vorträge und Abh., стр. 166.

83) Ср. прекрасное изложеніе Paulsen'a, «Ethik», стр. 799. Насколько сильно Zeller находится въ этихъ вещахъ подъ вліяніемъ несогласныхъ съ исторіей воззрѣній эпохи, показываетъ его замѣчаніе, направленное противъ Фихте (указ. мѣсто, 165). «Не вѣрно, будто право собственности возникаетъ только въ государствѣ; государство находитъ его готовымъ такъ же, какъ и огражденіе личности и ненарушимость договоровъ, въ качествѣ естественнаго права отдѣльнаго лица; это право государство должно только упорядочивать и защищать (!). Впрочемъ, Zeller заблуждается, думая, что на основѣ естественнаго права «естественной» свободы необходимо должно строиться зданіе свободной экономической политики. Ср., напр., то, что говоритъ Hasbach («Untersuchungen ueber Adam Smith», стр. 195) о Hutcheson'ѣ, англичанинѣ, переработавшемъ естественное право Пуфендорфа.

84) J. G. Fichte («Zur Litteraturgeschichte der Staats und Sozialwissenschaften», стр. 62).

85) Ср. Heinze, «Der Eudämonismus in der griechischen Philosophie», Absh. der sächs. Ges. d. Wissensch., XIX, 645 и слѣд. Мнѣ не понятно, какъ Eucken, въ виду выдвинутыхъ здѣсь и въ текстѣ фактовъ, можетъ утверждать, что античному міросозерцанію вообще свойственно никогда не разсматривать индивидуума какъ самоцѣль.—Lebensanschauungen grosser Denker, стр. 123. Внушеніе, производимое этимъ ученіемъ о мнимой «античной идеѣ о государствѣ», дѣлаетъ людей смѣлыми относительно общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ.

86) Dietzel, «Rodbertus», II, 22.

87) 419 и слѣд.

88) 420b.

89) За правильность этого перевода говорятъ также Зак., 742d, e, и 743e, гдѣ опредѣленно счастье гражданъ выставляется цѣлью законодательства.—Ср., впрочемъ, также Респ., 500e и Зак., 945d.

90) 420 c: теперь мы о счастливомъ (государствѣ) составляемъ не частное понятіе и беремъ его по отношенію не къ немногимъ, а къ цѣлому.

91) Относительно этого не должно вводить въ обманъ употребленное здѣсь сравненіе законодателя съ художникомъ, которому нужно расписать статую (420c). Платонъ могъ употребить это сравненіе потому, что, какъ мы увидимъ, для него не существуетъ контраста между интересами государства, какъ самостоятельнаго субъекта цѣли (intérêt général) и (правильно понятымъ) интересомъ совокупности его гражданъ (intérêt de tous).

92) 421b: нужно изслѣдовать, обращая ли на то вниманіе, будемъ мы назначать стражей, чтобы у нихъ самихъ было наибольшее счастіе, или наблюдая за тѣмъ, есть ли оно у цѣлаго государства.

93) 420b: въ такомъ-то государствѣ мы разсчитывали преимущественно найти справедливость, равно какъ въ государствѣ, худо организованномъ, несправедливость, и, разсмотрѣвъ это, судимъ о томъ, что мы давно изслѣдуемъ.

94) 420e и слѣд.

95) 419d.

96) 519e: ты забылъ... что законодатель заботится не о томъ, какъ бы сдѣлать въ государствѣ особенно счастливымъ одинъ какой-нибудь родъ, но стремится устроить счастіе цѣлаго государства, приводя гражданъ въ согласіе убѣжденіемъ и необходимостью, чтобы они вообще приносили пользу другъ другу, какую кто можетъ и пр.

97) 421c: и такимъ образомъ при развитіи и благоустройствѣ всего государства предоставлять каждому классу столько счастья, сколько позволяетъ ему получить природа.

98) См. выше, стр. 134.

99) Пол., 295 a.

100) Ср. выше, стр. 134, прим. 8.

101) 412d: заботиться о немъ будетъ особенно тотъ, кто любитъ его. Такъ. А любятъ большею частью то, въ отношеніи къ чему полезное находятъ полезнымъ для себя и чье благоденствіе считаютъ залогомъ частнаго благоденствія, а если будетъ иначе, выйдетъ противное. Такъ, сказалъ онъ.

102) Зак., 875a: и для общаго и для частнаго блага полезно, если общее благо ставится выше частнаго. Ср. слова Платона о пользѣ, приносимой государствомъ разума тому народу, среди котораго оно возникаетъ, Респ., 541a: такимъ образомъ скорѣе и легче всего образуется государство и такое государственное устройство, о которомъ мы говорили; и это государство и само будетъ наслаждаться счастьемъ, и народъ, среди котораго оно находится, извлечетъ очень большую пользу.

103) Респ., 500d.

104) 592a.

105) 497a: (онъ ушелъ бы) не совершивъ и самаго великаго, сказалъ я, если попалъ въ подходящее для него государственное устройство; ибо только въ подходящемъ онъ самъ болѣе преуспѣетъ и вмѣстѣ съ частными интересами спасетъ и общественные.

106) Въ существующемъ государствѣ существуютъ условія для правильнаго философскаго образованія, а для самого философа—возможность дать философію другихъ въ желаемомъ объемѣ, отъ чего самъ онъ лично теряетъ.

107) 497c.

108) 347c.

109) Ср. описаніе, 487b—497a.

110) 347a. Впрочемъ, Платонъ и здѣсь лишь слѣдуетъ примѣру Сократа, требующаго на такихъ же утилитаристическихъ основаніяхъ участія въ политической жизни. Ксен. Мем., III, 7, 9: не пренебрегай государственными дѣлами, если можешь улучшить ихъ: когда они хорошо идутъ, не только остальные граждане, но и твои друзья, да и самъ ты, великую пользу получишь.

111) 520a: посмотри, сказалъ я, Главконъ, вѣдь мы не обидимъ людей, сдѣлавшихся у насъ философами, но скажемъ имъ правду, заставляя ихъ заботиться о другихъ и охранять ихъ.

112) Намъ самимъ по всему государству, 520b.

113) 520e.

114) 520d.

115) 458b.

116) 466a. Онъ такъ же, какъ и Сократъ, могъ сказать о себѣ (Мем., IV, 8, 6): развѣ ты не знаешь, что до сихъ поръ я ни одному человѣку не дозволялъ того, чтобы онъ не жилъ лучше или пріятнѣе, чѣмъ я?

117) 465c.

118) 466b: безразсудное и дѣтское представленіе о счастіи. Непонятно, какъ Zeller (Gesch. d. Phil., указ. мѣста, 921), совершенно игнорируя приведенные здѣсь факты, можетъ говорить о правителяхъ и воинахъ идеальнаго государства, что идея государства можетъ надѣлить ихъ лишь тѣмъ, что отнимаетъ у нихъ все, въ чемъ находитъ свое удовлетвореніе индивидуальный интересъ. Съ другой стороны, карикатурно звучитъ замѣчаніе Kleinwächter'a («Staatsromane», стр. 40) къ платоновскому описанію жизни «стражей», что, попросту говоря, «чтобы солдатамъ не пришло въ голову набрасываться на мирнаго гражданина и вырывать у него изо рта его картофель и его пиво, имъ нужно ежедневно давать жаркое и вино» (!!).

119) 466b.

120) 420b: . . . и эти, такимъ образомъ, самые счастливые.

121) 590e.

122) 347d: истинный, на самомъ дѣлѣ правитель, созданъ заботиться не о своей пользѣ, но о пользѣ своего подчиненнаго.

123) 590d.

124) Какъ же, послѣ всего этого, можно, вмѣстѣ съ Stahl'емъ (указ. мѣсто), называть эту преданность «возникающей у отдѣльнаго лица безъ всякой заботы о себѣ»?

125) Ср. прекрасныя изслѣдованія Schmoller'a, «Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft», Jahrb. f. Gesetzgeb., 1881, стр. 25. Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что отдѣльное лицо, чтобы быть справедливымъ, должно въ то же время быть въ состояніи чувствовать и по-

ступать альтруистически, и что, съ точки зрѣнія индивидуума, справедливость можетъ въ то же время быть и альтруизмомъ.

126) Гос., 276e.

127) Зак., 832c.

128) Тамъ же, 701e.

129) Гос., 296d.

130) Тамъ же, 296e.

131) Респ., 432a.

132) Ср., 474c, гдѣ о правителяхъ, что однимъ изъ нихъ подобаетъ по природѣ быть прикосновенными къ философіи и владычествовать въ государствѣ, другимъ философію оставить въ сторонѣ, а слѣдовать за руководителемъ.

133) Поэтому Платонъ могъ бы о своемъ государствѣ сказать вмѣстѣ съ Руссо, что принужденіе, налагаемое имъ на непослушнаго, «значитъ, только заставить его быть свободнымъ» (Contr. soc., I, 7).

134) Указ. мѣсто, 286.

135) 558c.

136) 757c: (равенство) большему удѣляетъ больше, меньшему—меньше, давая въ мѣру каждому изъ нихъ сообразно съ его природою, и почести бо́льшимъ въ отношеніи къ добродѣтели всегда бо́льшія, а имѣющимъ меньше добродѣтели и воспитанія удѣляетъ каждому надлежащее сообразно съ логикою. «Государственное» всегда является для насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справедливымъ.

137) Указ. мѣсто, 284.

138) Wolf, указ. мѣсто, стр. 608 (о «Формулѣ справедливости»).

139) Такъ Dietzel въ Hanwb. der Staatsw., стр. 531, характеризуетъ индивидуалистическую теорію права Гроте и Локка.

140) Ср., напр., 456c.

141) См. выше, стр. 122.

142) Къ гражданину идеальнаго государства можно примѣнить то же, что Посидоній говоритъ о человѣкѣ счастливой первобытной эпохи (у Сенеки, Ep., XIV, 2, 4: можетъ столько, сколько хочетъ, тотъ, который не думаетъ, что онъ можетъ только то, что долженъ).

143) «Хорошій человѣкъ, хорошее государство, хорошій міръ—все покажется на одной и той же гармоніи»; Herman, «Die historischen Elemente des platonischen Staatsideals». Ges. Abh., стр. 135.

144) Это прежде другихъ правильно понялъ Jastrow, «Ein deutsches Utopien» (Smollers Jahrb., 1891, стр. 527), хотя онъ и не далъ болѣе точнаго обоснованія. Я могу только согласиться съ его взглядомъ на принципіальную связь между Исаіей, Платономъ и позднѣйшими утопистами.

4. Осуществленіе государства разума.

1) Государственное устройство, о которой мы говоримъ, какъ о миѳическомъ, 501e.

2) Образецъ хорошаго государства, 472e.

3) 473a: Можно ли сдѣлать что-нибудь такъ, какъ говорится, или дѣло, по природѣ, менѣе касается истины, чѣмъ слово? Пусть это иному и не кажется; но ты-то согласенъ, или нѣтъ? Согласенъ, сказалъ онъ.

4) Тамъ же: не принуждай меня доказывать, что изложенное нами въ рѣчи непремѣнно будетъ осуществлено и на дѣлѣ. Но если бы мы могли найти, какъ могло бы устроиться государство приблизительно съ тѣмъ, что было сказано, скажи, что мы нашли, какимъ образомъ возможно то, что ты приказываешь.

5) 540d: не согласитесь ли вы, что относительно государства и его устройства мы высказали не одни благія пожеланія; все это трудно, но какъ-нибудь возможно? Ср. къ этому Гёте, «Максимы и размышленія» (6): Величіе древнихъ и въ особенности сократовской школы въ томъ, что источникъ и руководящую жизнь всякой жизни и дѣятельности они выясняютъ не ради пустыхъ спекуляцій, а для примѣненія къ самой жизни и дѣйствительности.

6) 456e: слѣдовательно, не невозможное и не подобное благимъ тщеславіямъ узаконяли мы, если постановили законъ, согласный съ природою. Скорѣе претитъ природѣ, повидимому, то, что вопреки этому бываетъ теперь. Но положеніе, прежде всего относя-

щееся къ требованію эмансипаціи женщинъ, годится не въ меньшей степени и для системы вообще.

7) 426e.

8) 426a.

9) Знаніе и сила должны совпадать. 473c.

10) 497b.

11) 499b. Ср. 473d.

12) 500e. 501c.

13) Тамъ же: одно, думаю я, станутъ они стирать, другое снова наводить, пока не сдѣлаютъ человѣческихъ нравовъ, по мѣрѣ возможности, боголюбезными.

14) 544d: Знаешь ли ты, сказалъ я, что и видовъ-то людей столько ли, сколько формъ государственнаго устройства! Или думаешь, что онѣ произошли отъ дуба или скалы, а не изъ нравовъ государствъ, которые куда сами ползутъ, туда и все остальное увлекаютъ? Именно отсюда, сказалъ онъ. Кому не вспомнятся тутъ прекрасныя слова В. ф. Гумбольдта о томъ, что «конституціи государствъ не растутъ на людяхъ, какъ ростки на деревьяхъ».—То, что не подготовили время и природа, напоминаетъ привязанные нитками къ дереву цвѣты. Первый лучъ полдневнаго солнца опаляетъ ихъ».

15) 501a: взявъ, сказалъ я, какъ бы доску, государство и нравъ людей, они сперва сдѣлаютъ ее чистою; а это не очень легко; и тутъ, знаешь, они будутъ отличаться отъ другихъ тѣмъ, что не пожелаютъ прикоснуться ни къ частному лицу, ни къ государству, и не будутъ писать законовъ, прежде чѣмъ не получатъ или не сдѣлаютъ сами доску чистою. Правильно, сказалъ онъ.

16) Собр. соч. VII, 293.

17) 541a.

18) Дѣло, во всякомъ случаѣ, оказывается уже менѣе ужаснымъ потому, что такое разрѣшеніе городскихъ общинъ въ греческой исторіи отнюдь не было чѣмъ-то неслыханнымъ. Стоитъ только вспомнить о діойкизмѣ Монтинеи (385), съ которымъ, если вѣрить, правда, тенденціознымъ извѣстіямъ Ксенофонта, совершенно сроднилась, по крайней мѣрѣ, консервативная часть населенія, Hell., V, 2, 7: и сначала они были недовольны, что нужно одни дома чистить, другіе строить; когда же собственники стали селиться ближе къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя были расположены у ногъ около селеній, они обратились къ аристократіи и избавились отъ тяжелыхъ демагоговъ, и радовались тому, что сдѣлали. Если даже это и прикраса, то все же она бросаетъ значительный свѣтъ на то, какъ смотрѣла на такой переворотъ анти-демократическая партія.

19) 502b: когда правитель, сказалъ я, даетъ законы и занятія, о которыхъ мы говорили, гражданамъ нельзя не хотѣть исполнять ихъ. Никоимъ образомъ.

20) Тамъ же: удивительно и невозможно ли, чтобы кажущееся намъ показалось и другимъ. Я-то не думаю, сказалъ онъ.

21) 498d. 499e: не удивительно, что этому не вѣритъ толпа; вѣдь она никогда не видала того, о чемъ теперь говорится.

22) 500e.

23) 500a: если она такъ будетъ смотрѣть, то скажешь ли, что она не станетъ думать иначе и отвѣчать иначе? Или ты думаешь, что кто-нибудь досадуетъ на человѣка недосадливаго и ненавидитъ не ненавидящаго, чуждаго ненависти, и кроткаго?

24) 499d.

25) 492b и слѣд.

26) 493a.

27) 493c.

28) 493d.

29) 546a.

30) Тамъ же.

31) Тамъ же.

5. Историческая оцѣнка «Политіи».

1) Kleinwächter, «Die Staatsromane», стр. 27.

2) У Kleinwächter'a это, въ сущности, превратилось даже въ настоящую каррикатуру. Съ указанной точки зрѣнія любовное проникновеніе въ детали, безъ котораго невозможно дать вѣрной картины, сразу кажется излишнимъ. Неправильно, впрочемъ, также и то, что здѣсь

«Политія» безъ колебаній причисляется къ «государственнымъ романамъ», которыми мы займемся въ слѣдующей главѣ. Какъ уже правильно замѣтилъ Mohl («Gesch. u. Lit. der Staatsw.»; I, 172) Платонъ вовсе не даетъ тутъ чисто-поэтической картины, описанія опредѣленнаго, вымышленнаго государства, въ видѣ разсказа; онъ даетъ теоретическое изслѣдованіе объ институтахъ, которые онъ считаетъ необходимыми для построенія идеальнаго государства вообще. Тѣмъ, что эти институты въ извѣстномъ смыслѣ «опоэтизированы» или, говоря словами Kleinwächter'a, «являются продуктомъ спекулятивной философіи и дедуктивнаго мышленія», еще далеко не дается понятія романа! «Политія» не романъ, а программа дѣятельности. Поэтому я не понимаю, почему должно считаться «ненаучнымъ» отдѣлять утопіи въ формѣ романа отъ утопій въ формѣ разсужденія (какъ думаетъ Oldenburg въ «Schmollers Jahrb.», 1893, стр. 255).

3) «Grundsätze der pol. Ökonomie», I, 237.

4) Указ. мѣсто, 214. Ланге, который, впрочемъ, всецѣло раздѣляетъ мнѣніе Mohl'я, правда, относительно послѣднихъ словъ замѣтилъ, что, хотя утопія можетъ быть предметомъ научнаго разсмотрѣнія и можетъ оказывать плодотворное и побудительное дѣйствіе на науку, но уже по самой своей природѣ она никогда не можетъ быть научнымъ твореніемъ и останется лишь предметомъ поэтическаго вымысла.

5) Jastrow, указ. мѣсто, стр. 211.

6) A. Wagner, «Grundlegung», I, 3, 859.

7) Указ. мѣсто.

8) Schmoller, «Grundfragen», стр. 115.

9) «History of Greece» X, 477.

10) «The personal life of G. Grote», стр. 313.

11) Ср. съ этимъ, высказаннымъ уже въ «Политикѣ», 296d, мнѣніемъ замѣчаніе Gneist'a, «Das englische Verwaltungsrecht der Gegenwart», II, 3 (IX).

12) Adolf Wagner, указ. мѣсто, 915, 922.

13) A. Wagner, «Allgem. Volkswirtschaftslehre», I, 2, 351.

14) «Der Zweck im Recht», стр. 517.

15) S. Schmoller, «Grundfragen», стр. 100.

16) Это недавно особенно хорошо выяснилъ Schmoller, «Grundfragen», стр. 111. Schmoller опасается даже упадка нашей культуры, если намъ не удастся достигнуть извѣстнаго уравненія имущественныхъ противорѣчій, если мы «будемъ уноситься стихійнымъ водоворотомъ все возрастающаго имущественнаго неравенства».

17) Ср. прекрасное изслѣдованіе о народно-экономическихъ и нравственныхъ задачахъ «борьбы съ бѣдностью» у Ziegler'a, «Die soziale Frage eine sittliche Frage», стр. 146.

18) S. Herkner, «Die soziale Reform als Gebot des wirtschaftlichen Fortschritts». И Sombart: «Archiv für soziale Reform», 1892, стр. 600.

19) Schmoller, указ. мѣсто, стр. 96 и слѣд. И онъ тоже, подобно Платону, держится того мнѣнія, что «колоссальныя богатства ни при какихъ обстоятельствахъ не являются общественной необходимостью, и что поэтому соціальная политика, направленная къ исправленію, отнимающая отъ богатыхъ и самыхъ богатыхъ и отдающая это бѣднымъ, очень далека отъ того, чтобы быть противной культурѣ.

20) Ср. замѣчаніе Paulsen'a, «Ethik», II, 417.

21) Schmoller, указ. мѣсто, стр. 96.

22) Schmoller, тамъ же. Вѣдь допускаетъ же даже Treitschke, что аграрные законы будущаго глубже врѣжутся въ строй собственности, чѣмъ законы фабричные. «Der Sozialismus und seine Gönner», указ. мѣсто, стр. 137.

23) Эта заботливость о наступленіи войны въ моментъ излишней густоты населенія характерна для значенія поселенческой проблемы въ мелкихъ эллинскихъ государствахъ.—Когда территоріи не хватаетъ для прокормленія возрастающаго населенія, этимъ государствамъ не остается ничего иного, кромѣ пути насильственнаго присоединенія луговъ и пашенъ за счетъ сосѣдей. См. Платонъ, Респ., 373d.

24) Жители здороваго государства обозначаются (372c) какъ «не рождающіе дѣтей выше средствъ изъ предосторожности предъ бѣдностью и войною».

25) Ср. A. Wagner, «Über systematische Nationalökonomie». Jahrb. f. Nationalök. u. Stat.» 1886, стр. 201. Также Sax, «Teoretische Staatswirtschaft», стр. 31. «По какимъ бы путямъ ни шло соціальное развитіе рода человѣческаго, категоріи индивидуализма и коллективизма всегда останутся живыми силами».

26) «Zur Litteraturgesch. der Staats und Sozialwissenschaften», стр. 72.

27) IV, 428e.

28) 592b: безразлично, будетъ ли оно гдѣ-нибудь, или не будетъ: вѣдь только съ нимъ однимъ (разумный человѣкъ) будетъ имѣть дѣло, а больше ни съ какимъ.

29) См. выше, стр. 189.

30) 592a.

31) 592b: но образецъ, если кто хочетъ видѣть его и, видя, благоустроить себя, можетъ-быть, находится на небѣ.

32) Во всякомъ случаѣ, осуществленіе возможно только для грековъ.

33) Ср. прекрасное разсужденіе Iodl'я о сущности естественнаго права и объ его значеніи для настоящаго времени. Juristische Vierteljahresschrift, 1893, B. 25.

34) Dietzel, «Rodbertus», II, 181.

35) «Jenseits von Gut und Böse», стр. 141, стр. 151.

36) Въ качествѣ матеріальнаго условія этого могущества, во всякомъ случаѣ, предполагается, что въ будущемъ будутъ существовать машины для войны, которыя въ рукахъ ученыхъ будутъ орудіями безъ всякой силы, но зато подъ управленіемъ умѣлой руки представятъ собою страшное вспомогательное средство для уничтоженія всѣхъ противниковъ. «Философскіе діалоги», стр. 78 и слѣд.

37) Ср. мѣткія замѣчанія Jastrow'a противъ «Freiland» Hertzka, указ. мѣсто. Конечно, иллюзіей является гипотеза, что при этомъ коммунизмѣ, ратующемъ за доставленіе отдѣльному лицу порядочной доли жизненнаго удовлетворенія, классъ охранителей долженъ себя чувствовать въ высшей степени счастливымъ.

38) На это справедливо указалъ Schäffle, «Aussichtslösigkeit der Sozialdemokratie», стр. 40.

39) 459a: намъ кажется, что правителямъ придется прибѣгать для пользы подданныхъ къ постоянной лжи и обману. «Хитрая лотерея» должна дать человѣку, недовольному выпавшей ему на долю женой, возможность винить въ этомъ случай, а не правительство, 460a. О допустимости обмана, какъ принципа правленія, ср. также 389b.

40) Parerga und Paralipomena, II, 273.

41) Указ. мѣсто, стр. 86.

42) Зак., 470a, см. ниже.

43) Зак., 875b, см. ниже.

44) Ср. прекрасное, но частью слишкомъ оптимистическое изслѣдованіе Lange о «Борьбѣ за предпочтительное положеніе» въ его книгѣ, посвященной рабочему вопросу (2), стр. 55 и слѣд. Онъ справедливо сомнѣвается, не приведетъ ли законъ «естественнаго подбора» (natural selection) къ тому, что будетъ предпочтительнымъ классамъ давать все возрастающій перевѣсъ, и тѣмъ самымъ, какъ результатъ дифференціаціи, вызоветъ полное распаденіе на высшую и низшую расы.

45) Указ. мѣсто, стр. 16.

46) Stahl, тамъ же.

47) Ср. прекрасное изображеніе этого процесса у Brentano, «Die Volkswirtschaft und ihre konkreten Grundbedingungen», Zeitschr. für sozial u. Wirtschaftsgesch., I, 98.

48) Ср. Brentano, указ. мѣсто, стр. 99.

49) Ср. прекрасное изслѣдованіе Schmoller'a, «Grundfragen», стр. 127, также «Ueber das Wesen der Arbeitstheilung», указ. мѣсто, стр. 65.

50) Ѳукидидъ, II, 40: однимъ и тѣмъ же возможно заботиться и о дѣлахъ частныхъ и государственныхъ, и другимъ, занимающимся работою, можно основательно узнать дѣла государственныя.

51) Ср. выдвинутый Roscher'омъ («Grundlagen der Nationalökonomie», § 25) фактъ, что именно самые геніальные государственные дѣятели—какъ выражался о себѣ Питтъ—обыкновенно гораздо болѣе инстинктивно чувствуютъ свой путь, чѣмъ видятъ его, съ ясностью, дающей возможность начертать его для другихъ.

52) «Умъ, все видящій и примѣчающій», какъ говорится о дальновидности истаго политика въ Зак., 875d. Ср. Пол., 301d: правитель, при помощи добродѣтели и знанія, желаетъ и можетъ распредѣлять справедливое и дозволенное правильно между всѣми.

53) Пол., 301d.

54) См. это положеніе о совпаденіи общественнаго и частнаго интереса; оно могло быть непосредственно заимствовано у Платона, указ. мѣсто, I, 549, также 553.

55) По доказательному замѣчанію Schuppe противъ Ihering'a въ Schmollers Jahrb., 1882, 1122: «Ethische Standpunkte». Также Shuppe, «Ethik», passim..

56) Я вижу здѣсь извѣстную родственность идей даже съ Рикардо, Адамомъ Смитомъ и Мальтусомъ, взгляды которыхъ на предустановленную гармонію между благомъ отдѣльнаго

лица и благомъ общества, на дѣйствіе «правильно понятаго личнаго интереса» едва ли менѣе оптимистичны, чѣмъ соотвѣтственные взгляды Платона.

57) Данныя «Этики» нѣм. изд., стр. 263.

58) 415d: дѣло другое... хорошо было бы, чтобы они болѣе заботились о государствѣ и другъ о другѣ.

59) 414b: итакъ,—сказалъ я,—какое у насъ средство, когда мы лжемъ, убѣдить въ особенности самихъ правителей, а не то и остальныхъ гражданъ, что въ числѣ необходимой лжи, о которой мы говорили, имѣется одна ложь благородная?

60) Недавно это особенно мѣтко выдвинулъ Dietzel, «Rodbertus» II, 214.

61) См. совершенно дышащее софистическимъ духомъ изслѣдованіе о допустимости обмановъ и о тенденціозномъ составленіи легендъ 382c и слѣд.

62) «Быть человѣчнымъ, не значитъ любить всѣхъ, но любить ближняго какъ самого себя». Ziegler, «Soziale Frage», стр. 103.

63) Ср. наблюденія Simmel'я, «Ueber soziale Differenzierung», стр. 61 и слѣд.

64) Пол. II, I, 10, 1261b: менѣе всего бываетъ заботы по отношенію къ большей части общихъ интересовъ: объ интересахъ частныхъ пекутся очень усердно, объ интересахъ общихъ—меньше и сколько каждому придется и пр.

65) II, 1, 17, 1262b.

66) Стоитъ сравнить, напр., что далеко стоящій отъ платоновскихъ взглядовъ писатель, какъ Гербертъ Спенсеръ, считаетъ возможнымъ для будущаго въ смыслѣ углубленія и распространенія чувства симпатіи, въ смыслѣ «перечеканки и преобразованія людей и общества для взаимнаго согласія». Указ. мѣсто, стр. 263 и слѣд.

67) Это придется допустить и въ «реалистическомъ» ученіи о государствѣ. См. Gumplowits, «Rechtstaat und Sozialismus», стр. 500.

68) 415b.

69) 415a. Теорія во всякомъ случаѣ не болѣе произвольная, чѣмъ извѣстныя гипотезы современнаго соціализма, напр., Фурье о гармоничномъ взаимоотношеніи между суммою родовъ профессій, въ которыхъ нуждается общество, и суммою отдѣльныхъ дарованій, заложенныхъ природой въ совокупность людей.

70) Автобіографія, стр. 166.

Отдѣлъ III.—«Второе по совершенству» государство Платона.

I. Историческія и психологическія предпосылки.

1) Ср. Респ., 499. Также выше, стр. 189.

2) Зак. 710d.

3) 710b: пусть правитель у насъ, сверхъ тѣхъ природныхъ свойствъ, имѣетъ еще это природное свойство, если государство желаетъ получить устройство по возможности скорѣе и лучше и, получивъ его, будетъ наслаждаться полнѣйшимъ счастьемъ. Болѣе скораго и лучшаго государственнаго устройства, чѣмъ это, нѣтъ и никогда не было.

4) Ср. замѣчаніе Платона въ «Политіи», 302 и 296, о монархіи, а также Аристотеля объ истинной царственности», какъ оплотѣ противъ классоваго господства III, 5, 2. 1279a.—VIII, 8, 6. 1311a.—VIII, 9, 19. 1315a.

5) Респ., 599b. Въ этомъ отношеніи авторъ седьмого псевдо-платоновскаго письма правильно оцѣнилъ положеніе, когда заставляетъ Діона мотивировать призывъ Платона словами: какого еще болѣе подходящаго времени ждать намъ, чѣмъ то, какое явилось теперь по божескому изволенію? 327e.

6) Діог. Лаэрт., III, 21: вторично онъ прибылъ къ Діонисію младшему, прося дать ему землю и людей, которые и жили бы по его проекту государственнаго устройства. Діонисій хотя и обѣщалъ, но обѣщанія своего не сдержалъ.

7) 711b: правителю, пожелавшему измѣнить нравы государства, не должно класть особыхъ трудовъ или требовать слишкомъ большого срока; ему слѣдуетъ прежде отправиться туда, куда онъ пожелаетъ, хочетъ ли онъ, чтобы граждане обратились къ занятіямъ добродѣтели либо къ противоположному имъ, онъ долженъ сначала все предначертать для исполненія, одно съ одобреніемъ и поощреніемъ, другое—съ порицаніемъ; а кто не будетъ повиноваться, того подвергать бичеванію за каждый изъ его поступковъ.

8) Тамъ же.

9) 711c.

10) 711d.

11) 712a.

12) Авторъ указаннаго письма (328bc и 336b) тоже—на основѣ ли хорошей передачи, или приведенныхъ словъ Платона—питалъ такія же надежды.

13) 691c.

14) 875b: если кто-либо, чтобы узнать, что это такъ было, достаточно усовершенствуется въ искусствѣ, а послѣ того безконтрольно и самовластно будетъ властвовать надъ государствомъ, онъ никогда не сможетъ оставаться при этомъ рѣшеніи и жить, поддерживая въ государствѣ то, что признали общимъ, а личное заставили слѣдовать за общимъ; смертная природа постоянно будетъ побуждать его на корыстолюбіе и служеніе личнымъ интересамъ, такъ какъ они, не отдавая отчета, стремились избѣжать горе и получить удовольствіе; природа и то и другое поставитъ выше справедливаго и хорошаго и, затемняя самое себя, наполнитъ, въ концѣ концовъ, и себя, и все государство всякими бѣдствіями. Ср. 689c.

15) 875d: нѣтъ нигдѣ, никоимъ образомъ, развѣ только рѣдко.

16) 875e.

17) 734b.

18) 712a.

19) 693b: не должно узаконять большую полную власть.

20) 875a:... человѣческая природа не чувствуетъ себя достаточной въ знаніи полезнаго людямъ въ отношеніи къ государственному устройству, и, узнавъ наилучшее, она всегда можетъ и желаетъ дѣйствовать. Потому что первоначальное знаніе трудно, такъ какъ истинному политическому искусству необходимо заботиться не о частномъ, а объ общемъ (общее связуетъ государства, частное—личное—расторгаетъ ихъ),—и такъ какъ это тогда полезно и общему, и частному, когда общее устроено прекрасно, устроено болѣе, чѣмъ частное.

21) Ср. только-что приведенное мѣсто.

22) 739d. О смыслѣ выраженія «боги и сыновья боговъ» см. ниже.

23) См. выше, стр. 96.

24) Чего лучшее государство желало избѣжать какой угодно цѣной.

25) Респ. 547b, гдѣ о «стражѣ» говорится: производя насилія и противодѣйствуя одни другимъ, они согласились отдѣленные имъ земли и дома обратить въ свою собственность, а прежнихъ своихъ стражей, людей свободныхъ, друзей и кормителей поработить, обратить ихъ въ періэковъ и рабовъ, о стражѣ же и о войнѣ заботиться самимъ. И къ этому постановленію «Законовъ» 920a: кто будетъ заниматься мелкой торговлей, долженъ быть метекомъ или иностранцемъ.

26) Зак. 803b.

27) 923a, 644d.

28) 803b: необходимо стараться

29) 739c и слѣд.

30) 875cd.

31) Въ этомъ отношеніи я соглашаюсь съ Steinhart'омъ (Platons Werke VII, [1], 210), какъ ни мало я раздѣляю его мнѣніе, будто указанное обозначеніе государства разума не свидѣтельствуетъ о болѣе сильномъ сомнѣніи относительно его осуществленія, чѣмъ извѣстныя мѣста самой «Политіи» (напр., 592ab). Этимъ совершенно отрицается разница между основной, оптимистической чертой «Политіи» и покорностью «Законовъ».

32) 740a: такъ какъ это болѣе, чѣмъ сказано о теперешнемъ рожденіи, кормленіи и воспитаніи.

33) Впрочемъ, Susemihl (Genet. Entw. d. plat. Philos. II, 622) думаетъ, что такой взглядъ невозможенъ, въ виду замѣчанія Платона (853c) о томъ, что проектъ государства законовъ тоже долженъ быть согласенъ съ уголовнымъ правомъ, потому что оно дастъ законы не для «героевъ, сыновей боговъ, а для людей».—Но антитеза тутъ къ государству разума, конечно, не входила въ намѣреніе! Вѣдь и государство разума отнюдь не такъ сильно богоподобно, чтобы могло совершенно обходиться безъ правосудія, кары.

34) 739c, гдѣ о коммунизмѣ идеальнаго государства говорится: это или теперь есть или будетъ когда-либо.

35) 739e: поэтому должно обращать вниманіе на образецъ государственнаго устройства не въ какое-либо иное мѣсто, но, придерживаясь этого, искать его преимущественно, по мѣрѣ возможности.

2. Соціально-экономическія основы государства «Законовъ».

1) См. выше, стр. 190.

2) 684e.

3) Ср. замѣчаніе о землѣ, уничтоженіи долговыхъ обязательствъ, пастбищѣ сильный и опасный споръ... если онъ будетъ принужденъ государствомъ узаконить его, то нельзя допускать, ни чтобы это узаконеніе оставалось безъ движенія, ни чтобы оно могло быть какимъ-либо образомъ сдвинуто.

4) 781e.

5) Ibid. (перемѣна) движимой собственности дѣлаетъ землю ихъ изобильною, доставляетъ имъ многихъ должниковъ-владѣтелей, а тогда они желаютъ либо, по благородству, содѣйствуютъ неимущимъ, то одно они отдаютъ, другое дѣлятъ.

6) 737a: нужно сказать теперь же, что въ виду невозможности быть корыстолюбивымъ и сохранять въ то же время справедливость, нѣтъ ни широкаго, ни узкаго пути для спасенія отъ этого средства. И пусть то, что теперь, будетъ положено, какъ опора государства.

7) 736e:.. какъ-нибудь придерживаясь умѣренности и имѣя въ виду бѣдность, чтобы не уменьшить собственность, но усилить ненасытность.

8) 736e: оно бываетъ величайшимъ началомъ сохраненія государства и на немъ, какъ на единственномъ фундаментѣ только и возможно возводить постройку, если кто-либо впослѣдствіи будетъ устроять на немъ политическое украшеніе, приличествующее таковому состоянію.

9) 737a: такъ какъ эта перемѣна имѣетъ недостатокъ, то потомъ политическая работа ни въ чемъ не окажется удобоисполнимой для государства.

10) 736c: не забудемъ и слѣдующаго счастливаго для насъ обстоятельства: какъ мы сказали, колонія Гераклидовъ имѣла удачу, такъ какъ удалось избѣгнуть ужасной и опасной вражды, вызываемой раздѣломъ земли и уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ. 684d: законодателямъ, устраивающимъ равенство имущества, не придется выслушивать того величайшаго упрека, который раздается во многихъ другихъ, получающихъ законы, государствахъ, если кто-либо стремится передѣлать землевладѣніе и уничтожить долговыя обязательства, видя, что безъ этихъ мѣръ никогда нельзя добиться удовлетворительнаго равенства.

11) 735d и слѣд.

12) 736b.

13) Тамъ же.

14) Hertzka, «Freiland», стр. 6.

15) 708a.

16) 747d.

17) Тамъ же. Ср. мои «Hellenischen Anschauungen über den Zusammenhang zwischen Natur und Geschichte», стр. 59 и слѣд.

18) По Платону подлежащая разсмотрѣнію страна прежде была заселена еессалійскими, но затѣмъ—со времени ихъ выселенія въ Азію—оставалась незаселенной и пустынной. Поэтому новое расположеніе онъ неоднократно называетъ «городомъ магнетовъ», 704c, 860d.

19) См. выше, стр. 96.

20) 705a.

21) 705b и слѣд.

22) Число 5040 выбрано въ виду сложныхъ дѣленій. Такъ какъ оно безъ дроби дѣлится на всѣ простыя числа до 10, и затѣмъ снова на 12, то оно и представляетъ удобную основу для раздѣла земли, а также и для политическаго и военнаго расчлененія народа. 737e.

23) Ibid.: нужно подѣлить и мужей на 12 частей, и остальное имущество въ соотвѣтствіи съ этимъ также на 12 равныхъ долей при всеобщей переписи. Это уравненіе, впрочемъ, только приблизительное (ср. 745a). Болѣе богатый колонистъ долженъ довольствоваться извѣстнымъ максимумомъ, чтобы болѣе бѣдному предоставить въ пользованіе минимальное владѣніе.

24) 745e, ср. 775e. Дворы на плоской землѣ въ особенности предназначаются для взрослыхъ сыновей и наслѣдниковъ владѣльца гуфы.

25) 848e.

26) 846d.

27) 807e.

28) 739e: пусть раздѣлъ произойдетъ съ такого рода разсужденіемъ: получившій свою долю долженъ смотрѣть на нее какъ на долю общую всего государства и пр.

29) Ibid.: такъ какъ земля—отечество, то должно ублажать ее болѣе, чѣмъ мать или дѣтей.

30) 741b: Гражданинъ долженъ думать, что его земля посвящена богамъ, и что жрецы и жрицы вымолили приношеніемъ не менѣе трехъ жертвъ, чтобы продающему или покупающему земельный надѣлъ выпало на долю заслуженное наказаніе.

31) 741c.

32) 740b.

33) 740c: усыновленіе происходитъ κατὰ χάριν μάλιστα.

34) 740d.

35) 740e. Здѣсь уже Платонъ не возвращается болѣе къ насильному средству, которое примѣняется политикой населенія въ идеальномъ государствѣ.

36) 924e.

37) 744d: цѣна надѣла пусть будетъ служить предѣломъ бѣдности; каковой долженъ оставаться неизмѣннымъ, и никакой правитель никогда не долженъ позволить, чтобы онъ у кого-либо уменьшился.

38) 745a.

39) 923a: я, какъ законодатель, постановляю, что ни вы сами не принадлежите самимъ себѣ, ни это имущество, но и то и другое принадлежитъ всему роду вашему и въ прошломъ и въ будущемъ, а еще болѣе того весь родъ и все имущество принадлежатъ государству. Ср. 877d: ни одинъ домъ изъ числа 5040 не принадлежитъ обитателямъ его, ни всему роду его, такъ какъ и государственный человѣкъ и частный принадлежатъ государству. А государство должно владѣть своими домами, какъ самыми священными и по возможности самыми счастливыми.

40) 923b: я установлю законы, обращая вниманіе на то, что является наилучшимъ для всего государства и рода, распредѣляя справедливо на меньшія доли то, что принадлежитъ каждому въ отдѣльности.

41) 742c.

42) 774d. Исключеніе допускается только въ обзаведеніи платьемъ и т. д., стоимостью въ 50, 100, 150 или 200 драхмъ, смотря по классу ценза.

43) 923c—924a.

44) См. выше, стр. 96 и слѣд.

45) 801b: въ государствѣ не должно быть мѣста ни золотому, ни серебряному богатству.

46) 742b.

47) 846d: . ни одинъ туземецъ пусть не занимается ремеслами, ни рабъ туземца. Ср. 741c, и опредѣленіе штрафовъ, 919d: кто занимается дѣломъ, относящимся къ мелочной торговлѣ, тотъ становится виновникомъ «безчестія своего рода» и присуждается къ тюрьмѣ на одинъ годъ. Если это не помогаетъ, и онъ снова провинится, срокъ заключенія удвоивается и возрастаетъ съ каждымъ слѣдующимъ случаемъ!

48) 780b и слѣд.

49) Ср. Böckh, «Staatshaushaltung der Athener», I ², 103 и слѣд.

50) 847e.

51) 849b. Въ первый день мѣсяца бываетъ хлѣбный рынокъ, на которомъ каждый посадскій и иностранецъ долженъ запастись хлѣбомъ на цѣлый мѣсяцъ; 10-го числа—рынокъ для всѣхъ жидкихъ продуктовъ, 20-го—мясной рынокъ—все на такой же срокъ. Въ послѣдній день рынка должны продаваться также всѣ второстепенные продукты сельскаго хозяйства, какъ, напр., шкуры, прочія матеріи для одежды, плетеныя издѣлія, войлочные товары и т. д.

52) 849c.

53) Въ этомъ государствѣ нѣтъ ни ввозныхъ, ни вывозныхъ пошлинъ, 847b.

54) 842d.

55) 920b.

56) 847b и слѣд.

57) 920e. Ср. выше, стр. 99 и слѣд. и 114 и слѣд.

58) 847d. Тутъ находятъ себѣ ясное выраженіе основные, разбиравшіеся на стр. 99 и слѣд. страницѣ, взгляды Платона относительно устраненія спекулятивнаго характера торговли.

59) 847b, 920c.

60) 919c.

61) 846e: ни одинъ кузнецъ пусть не будетъ плотникомъ, ни плотникъ пусть не помышляетъ о другихъ кузнецахъ болѣе, чѣмъ о своемъ ремеслѣ, выставляя предлогомъ, будто, забо-

тясь о многихъ рабахъ, работающихъ на него, онъ естественно болѣе о нихъ и заботится, такъ какъ-де отсюда онъ получаетъ бо́льшій барышъ, чѣмъ отъ своего ремесла; нѣтъ, пусть каждый, взявъ себѣ одно ремесло въ государствѣ, отъ этого ремесла и получаетъ средства къ жизни.

62) То же самое остается въ силѣ и для вольноотпущенниковъ, только послѣдній подлежитъ еще бо́льшему ограниченію; онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ стать богаче своего господина, и все, что онъ пріобрѣтетъ сверхъ нормы, должно отходить къ бывшему его владѣльцу. 915a.

63) 915b: если у кого-либо изъ вольноотпущенниковъ или остальныхъ иноземцевъ имущество перевѣситъ имущество третьяго класса, то чрезъ тридцать дней отъ того дня, когда это будетъ констатировано, пусть онъ оставитъ предѣлы государства, взявъ ему принадлежащее, и никакого ходатайства его о дальнѣйшемъ пребываніи правители пусть не удовлетворяютъ.

64) 850bc, 915b. Въ послѣднемъ случаѣ играетъ роль также и разрѣшеніе отпускающаго на волю.

65) 850a: если купленное или проданное окажется превышающимъ свою стоимость въ сравненіи съ тою стоимостью, какая опредѣлена закономъ, согласно которому торговыя сдѣлки выше или ниже положенной стоимости воспрещаются, то излишекъ долженъ быть представленъ стражамъ законовъ, въ противномъ же случаѣ онъ уничтожается. Точно также и жители должны представлять свѣдѣнія о своемъ имуществѣ.

66) Послѣднее выгравировано на колоннѣ передъ конторой завѣдующаго рынкомъ. 719e.

67) 915d, ср. 849d.

68) 915e. Исключеніе составляютъ данныя на заказъ работы. См. ниже.

69) 917b.

70) 917c.

71) Тамъ же.

72) 917d.

73) 921b.

74) 921c.

75) 920e: ремесленникамъ не подобало бы говорить ложь въ подобномъ случаѣ, благоговѣя предъ богами—предками ихъ.

3. Распорядокъ жизни гражданъ.

1) Liberty of individual thought and action, liberty and diversity of individual life, какъ обозначаетъ этотъ принципъ современный историкъ греческой демократіи.

2) Ѳукидидъ, II, 37.

3) 780a: кто думаетъ давать государствамъ законы, по которымъ должна быть организована государственная и общественная жизнь, пускай онъ не имѣетъ въ виду частныхъ интересовъ; пусть каждому предоставлено будетъ проводить день по его желанію; но все должно быть строго урегулировано; тотъ, кто, отдавая предпочтенія частнымъ интересамъ, оставитъ неузаконенными интересы общественные и государственные и будетъ надѣяться, что обитатели государства будутъ руководствоваться законами, въ этомъ отношеніи глубоко заблуждается.

4) 693b: государство должно быть свободно. Ср. 719—723 и 857e. Законы—для свободныхъ!

5) Ср. провозглашеніе принципа счастья, какъ основного мотива законодательства, 742de. и 743c. Мы, проектируя законы, смотримъ на то, чтобы (граждане) были самыми счастливыми и преимущественно любезными другъ другу.

6) 742de.

7) 790b: нравы господъ и свободныхъ въ государствахъ скоро достигнутъ правильнаго соглашенія, потому что, помимо частнаго управленія въ государствахъ, если оно правильно устроено, напрасно стремиться упрочить законодательствомъ общественные интересы; имѣя это въ виду, онъ самъ будетъ прибѣгать къ изданнымъ теперь законамъ, и, опираясь на нихъ, будетъ счастливъ, хорошо управляя домомъ и государствомъ.

8) 859a.

9) 720a, 722b, 857e.

10) 788a и слѣд.

11) 738c.

12) 771e, 772d.

13) 773b: и при заключеніи брака пусть царитъ одна мысль: каждый бракъ долженъ быть полезенъ для государства, а не доставлять вступающему въ бракъ высшее удовольствіе.

14) 773bc.

15) Вмѣстѣ съ тѣмъ, впрочемъ, слѣдуетъ бороться съ безбрачіемъ. Чувствительные, ежегодно повторяющіеся денежные штрафы взимаются съ каждаго, кто по достиженіи 35-лѣтняго возраста еще не женился. «Онъ не долженъ думать, что холостая жизнь приноситъ ему экономію и удобства», 721b и слѣд. Причитающіеся сокровищницѣ при храмѣ Геры штрафы достигаютъ 30, 60, 70 и 100 драхмъ, смотря по классу налоговъ. 774a.

16) 794b.

17) Виновный не долженъ принимать участія ни въ одномъ свадебномъ торжествѣ, ни въ одномъ жертвоприношеніи въ честь новорожденнаго ребенка; а если онъ все-таки придетъ, то его всякій можетъ подвергнуть тѣлесному наказанію! Такое же запрещеніе поражаетъ и виновную женщину, которая, кромѣ того, не должна больше принимать участія ни въ какой праздничной процессіи женщинъ или въ другихъ отличительныхъ торжествахъ ея пола, 784d. Если же конкубина рабыня, то вмѣстѣ съ ея ребенкомъ она высылается изъ предѣловъ государства, 930e. Охотнѣе всего Платонъ, конечно, преслѣдовалъ бы каждое, даже и тайное нарушеніе брака установленнымъ штрафомъ. 844d.

18) 841e.

19) 784b.

20) 930b и слѣд.

21) 788a, 790a.

22) Платонъ не пренебрегаетъ и такими указаніями. 789d и слѣд.

23) 794b.

24) 805c: мы не перестанемъ твердить, что въ воспитаніи и во всемъ прочемъ женщины должны принимать то же участіе, что и мужчины.

25) 794d. Очень характерно при этомъ указаніе на примѣръ извѣстныхъ первобытныхъ народовъ, напр., сарматовъ. 804e.

26) Ср. знаменитую формулу принципа всеобщей обязанности посѣщать школу. 804d: при всемъ томъ учителя наемные должны обучать приходящихъ обитателей государства и иноземцевъ всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ отношеніе какъ къ военному дѣлу, такъ и къ музыкѣ; при этомъ должны обучать не того, кого отецъ пожелаетъ пустить въ школу, а если не пожелаетъ, то и не обучать того; нѣтъ, они должны обучать по мѣрѣ возможности всякаго мужа и мальчика, такъ какъ и тѣ и другіе принадлежатъ болѣе государству, чѣмъ родителямъ.

27) 809e—812b.

28) 795d и слѣд., 812b—813a, 814d и слѣд.

29) 817e и слѣд.

30) 811c.

31) 957d.

32) 823a.

33) 718a.

34) О нихъ говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ о гимнахъ и другихъ пѣсняхъ или какъ о магическихъ изреченіяхъ. «Убѣжденіе» путемъ закона является ἐπᾴδειν. 773d. Ср. 854c: когда мы поемъ эти вступленія понимающимъ все это. 903b: думали, что для молитвъ потребны еще какіе-нибудь миѳы.

35) 673d.

36) 663e.

37) 631e.

38) 665c.

39) 664b.

40) 664d: послѣ того — такъ какъ они не въ состояніи переносить пѣсни — остались по божественной молвѣ, миѳологи, разсказывающіе объ ихъ нравахъ.

41) 785b, 829a и слѣд.

42) 814a.—Во всякомъ случаѣ эти обязанности женщинъ—въ отличіе отъ идеальнаго государства—только вспомогательныя. Онѣ дѣйствуютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., всѣ способные носить оружіе граждане должны идти въ походъ, и когда на стражѣ въ городѣ не остается необходимыхъ силъ. 813e и слѣд.

43) 805c и слѣд.

44) Ср. 631e.

45) ἐπὶ τὸ πονεῖν γεγονότες. 779a.

46) 807a и слѣд.

47) 807d. Послѣ того долженъ быть установленъ для всѣхъ свободныхъ весь распорядокъ времени, начиная отъ зари и до слѣдующей зари и восхода солнца.

48) 807e.

49) Если, какъ предписываетъ Платонъ, дѣти уже на зарѣ должны идти въ школу (808c), то и взрослые должны рано идти на работу.

50) 807e.

51) 674c: такъ что, согласно этому разсужденію, никакому государству не нужно имѣть много виноградниковъ; разъ обработанная земля и весь образъ жизни будутъ установлены, самая небольшая и умѣренная часть ея пошла бы на выдѣлку вина. Я не могу рѣшиться, подобно Bruns'y (Platos «Gesetze» vor und nach ihrer Herausgabe durch Philipp von Oropus, стр. 51), отказать въ этомъ разсужденіи о винѣ и о культурѣ винограда Платону и приписать его редактору. Напротивъ, я, во всякомъ случаѣ, совершенно воздерживаюсь отъ того, чтобы считать важными для характеристики государства законовъ чрезвычайно противорѣчивыя, въ различныхъ наброскахъ относительно чуждыя добавленія къ обратнымъ положеніямъ, трактующимъ объ обществахъ потребителей вина, въ первой книгѣ и хорахъ Діониса во второй (особенно 649a и 666a). Съ одной стороны, здѣсь дѣло идетъ о такихъ вопросахъ, про которые мы не знаемъ, какъ представлялъ себѣ Платонъ ихъ конечное разрѣшеніе, а, съ другой стороны, они не заключаютъ въ себѣ никакого новаго и характернаго момента для исторіи соціализма.

52) 775a. Къ этому присоединяются наставленія въ умѣренности въ интересахъ будущаго поколѣнія и предписанія относительно жилища и устройства дома молодыхъ супруговъ, отдѣльнаго отъ дома родителей и родственниковъ. Путемъ такого раздѣленія Платонъ надѣется достигнуть усиленія родственныхъ привязанностей. 776a.

53) 959de.—Мысль о томъ, что «землѣ предается трупъ родственника», не должна вводить въ чрезмѣрныя издержки. «Напротивъ, каждый долженъ думать, что его сынъ, братъ или вообще тотъ, кого онъ, какъ ему кажется, хоронитъ, въ дѣйствительности ушелъ отсюда для того, чтобы завершить свою судьбу. То, что каждому изъ насъ даетъ жизнь, что составляетъ его истинную сущность, безсмертное существо, то, что называется душою, отходитъ къ богамъ, чтобы тамъ представить отчетъ, и въ этомъ ей никто не можетъ оказать помощи. Долгъ, воздаваемый живымъ человѣкомъ умершему, подобенъ лишь тѣни; онъ—ничто. 959a и слѣд.—Дальнѣйшія ограниченія, часто примыкающія къ аттическому праву, см. въ 960a.

54) 959e.

55) 802a и слѣд.

56) 719bc.

57) 662b.

58) 801d.

59) Т.-е., законы, которые по своимъ поэтически-риторическимъ оборотамъ сравниваются со стихами.

60) 817a и слѣд.

61) 935e. Исключеніе составляютъ лишь упомянутые въ 829b случаи, когда сатира оффиціально примѣняется какъ средство государственной педагогики.

62) 802e: необходимо узаконить и виды ихъ.

63) 955a и слѣд.

64) 956b.

65) 669b.

66) Этого не понимаетъ Bergk, когда онъ—въ приложеніи къ своей гипотезѣ о якобы заключающихся въ «Законахъ» наброскахъ двоякаго государственнаго идеала—считаетъ допустимымъ вліяніе мыслителей только въ такъ называемомъ «второмъ государствѣ», тогда какъ въ «третьемъ государственномъ устройствѣ», которое старается «по возможности подойти къ общимъ нравамъ и народному сознанію», нѣтъ мѣста этому парадоксу («Platos Gesetze» in den «Fünf Abhandlungen zur Gesch. der griech. Philosophie und Astronomie», стр. 85).—Такъ далеко идущее подлаживаніе къ «народному сознанію», къ «свободному эллинскому духу», какое предполагаетъ здѣсь Bergk, для Платона означало бы то же, что отреченіе отъ всякаго идеала государства.

67) 656e.

68) L. v. Stein о St. Simon'ѣ, «Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich», II, 125.

69) 682e, 722c.

70) 662b.

71) 634d: восхваляетъ спартанскій законъ, который «запрещаетъ всѣмъ молодымъ людямъ разслѣдовать преимущества и недостатки существующихъ установленій и, напротивъ, повелѣваетъ имъ единогласно и единодушно признавать, что все, какъ божественное постановленіе, находится въ наилучшемъ порядкѣ»;—законъ, позволяющій только старцамъ выбрасывать что-либо изъ существующаго, да и то только съ тѣмъ, чтобы такія замѣчанія они дѣлали исключительно въ присутствіи одного изъ высшихъ магистратовъ и среди равныхъ себѣ по возрасту, и никогда въ присутствіи юношей.

72) 773e.

73) 803c.

74) 888b и слѣд.

75) 890d.

76) 891a.

77) 893a, 899d.

78) 899d—905d.

79) 905d—907a.

80) 905a.

81) Ср., напр., полемику 886c и слѣд. и 889b и слѣд.

82) 890b.

83) Ср. Meier-Schömann, «Der attische Prozess», (2), стр. 370, гдѣ, во всякомъ случаѣ, справедливо напирается на главнымъ образомъ политическій мотивъ этого религіознаго процесса.

84) И это несмотря на то, что Платонъ довольно безпристрастно признаетъ, что и тотъ, кто не вѣритъ въ боговъ, можетъ обладать природной честностью характера! 908b.

85) 907d.

86) ἐπὶ νουθετήσει τε καὶ τῇ τῆς ψυχῆς σωτηρίᾳ ὁμιλοῦντες говорится о нихъ по терминологіи, совершенно напоминающей христіанскую, 909a.

87) 909b.

88) 908a.

89) 909d.

90) 910c и слѣд.

91) Пол., 290c.

92) 759d. Въ этомъ отношеніи практика государства законовъ тѣсно соприкасается съ практикой демократическихъ Аѳинъ.

93) 760a.

94) 949e.

95) См. ниже, стр. 256 и слѣд.

96) Они имѣютъ надзоръ за ввозомъ военныхъ матеріаловъ.

97) Въ качествѣ такъ назыв. εὔθυναι, которыми чиновники должны представлять отчетъ о своей служебной дѣятельности. См. ниже.

98) 952d—953d.

99) 950b, 953c.

4. Государственное устройство.

1) 744bc.

2) 772c.

3) 772a.

4) 767c.

5) 855c. Относительно послѣднихъ см. ниже, стр. 255.

6) 768b: не имѣющій возможности судить думаетъ, что онъ совсѣмъ и не принадлежитъ къ государству.

7) Большой вѣсъ Платонъ придаетъ также и тому, чтобы въ его государствѣ граждане отлично знали другъ друга и уже по одному этому были въ состояніи поставить надлежащаго человѣка на подобающее ему мѣсто, 738e: . . . нѣтъ ничего болѣе важнаго для государства, какъ то благо, чтобы обитатели его знали другъ друга. Гдѣ во взаимныхъ отношеніяхъ царитъ не свѣтъ, а тьма, тамъ никогда ничто не получитъ надлежащимъ образомъ ни достойнаго почета, ни власти, ни присущихъ ему правъ. Каждый человѣкъ долженъ во всѣхъ государствахъ стремиться къ одному тому, чтобы ни онъ не показался кому-либо хитрецомъ, но человѣкомъ простымъ и всегда правдивымъ, ни чтобы другой, будучи таковымъ (т.-е. хитрецомъ), не обманулъ его.

8) Для того, чтобы и принципу «количественнаго равенства» предоставить нѣкоторое вліяніе.

9) 756c. Выбранные дѣлятся, какъ въ Аѳинахъ, на 12 депутатовъ, изъ которыхъ каждый занимается въ теченіе мѣсяца текущими дѣлами.

10) 765a.

11) Что, впрочемъ, имѣетъ значеніе вообще для выборовъ, 948e.

12) 753b и слѣд. Какъ на послѣдствіе этого установленія вторичнаго выбора при уже выбранныхъ предварительно, Аристотель указываетъ, что если бы даже небольшое количество гражданъ жили вмѣстѣ, то избирались бы по ихъ волѣ (Пол., II, 3, 12; 1266a). Неужели самъ Платонъ хотѣлъ чего-нибудь подобнаго?

13) О значеніи этого института ср. характерное для общей теоріи Платона мѣсто, 945d: если лица, контролирующія правителей, будутъ лучше этихъ послѣднихъ, и контроль будетъ происходить справедливо и безукоризненно, вся страна и государство будутъ процвѣтать и блаженствовать. А если контроль правителей будетъ обставленъ иначе, тогда рушится право, объединяющее въ одно цѣлое всѣ политическія учрежденія, и при этомъ всякая магистратура окажется оторванной одна отъ другой; магистратуры не будутъ объединены, изъ одного государства возникнетъ много государствъ, все наполнится возмущеніями и погибнетъ.

14) 946a.

15) 759d.

16) 755b и слѣд.

17) 760b.

18) 794b.

19) 765d и слѣд., 767c и слѣд. Въ первомъ случаѣ изъ права выборовъ исключаются даже совѣтъ и члены пританеи, 766b.

20) 735a. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ образованіи высшихъ чиновниковъ см. ниже.

21) 755a.

22) 766b.

23) Эвтины функціонируютъ до тѣхъ поръ, пока отвѣчаютъ возложенному на нихъ довѣрію, 946c.

24) 761e.

25) 910c.

26) 767a. Напр., о выборныхъ судьяхъ и объ эвтинахъ 948a; относительно послѣднихъ только въ связи съ выборными судьями и прочими эвтинами. Они принимаютъ участіе также и въ другихъ судахъ, напр., въ судахъ по разводамъ, 929e.

27) 762e.

28) 754d.

29) 740d, 877d, 929c, 930e.

30) 926e.

31) 929d, 932b и слѣд.

32) 847c и слѣд.

33) 799b. Тутъ въ связи съ жрецами, 801d, 810c, 829d.

34) 951a.

35) Конституція государства законовъ должна быть средней между монархіей и демократіей, 756e.

36) 947b и слѣд. Этотъ почетъ почти достигаетъ того, который выпадаетъ на долю философамъ—правителямъ въ государствѣ разума. Респ., 540b.

37) Ἀρετή. 963a.

38) 632c, 961c и слѣд., 965a.

39) 951c, 961a.

40) 966b, 968a и слѣд.

41) Относительно болѣе близкихъ условій для окончательнаго утвержденія государства надо воздержаться.

42) 966b.

43) 952a и слѣд.

44) 951d.

45) 952b.

46) 962b.

47) Тамъ же.

48) 966c. Тотъ, кто не обладаетъ этимъ знаніемъ, не годится для должностей правителей, а только на подчиненныя мѣста (968a). Мѣсто 632c не стоитъ въ противорѣчіи съ этимъ, а скорѣе подтверждаетъ выставленное здѣсь требованіе, раздѣляя всѣхъ чиновниковъ (потому что здѣсь, подъ «охранителями законовъ», очевидно, подразумѣваются они, а не только тѣ, кто хранитъ законы) на двѣ категоріи: тѣ, кто обладаетъ познаніемъ, и тѣ, кто просто имѣетъ «вѣрное представленіе».

49) 968c.

50) Полит., II, 3, 2; 1265a: и, желая сдѣлать это устройство для государствъ болѣе общимъ, онъ снова обращается къ другому устройству.

51) 962a: .... нужно, чтобы это собраніе обладало всяческою добродѣтелью. Властвующій надъ нею не будетъ блуждать въ стремленіяхъ къ многому, но, *смотря въ одну цѣль*, будетъ пускать въ нее всегда всѣ стрѣлы. Ср. 963a объ одной цѣли всякаго законодательства: мы утверждали, что всѣ наши законы должны постоянно имѣть въ виду одну цѣль, и мы соглашались, что цѣль эта правильно можетъ быть названа добродѣтелью. Къ этому 630c, 631a сл.

52) 757d о принципѣ равенства. Ср. къ этому въ спеціальномъ отношеніи къ магистратамъ, 715c: тому, кто будетъ наиболѣе повиноваться изданнымъ законамъ и окажется въ этомъ отношеніи въ государствѣ побѣдителемъ, первому должно быть дано величайшее покровительство законоположеній (по Орелли вм. «боговъ», слѣдующее затѣмъ покровительство слѣдующему побѣдителю, и согласно разсужденіямъ послѣдующимъ должно быть даровано каждое изъ послѣдующихъ.

53) Этому *единству* государства законовъ безусловно противополагается множественность магистратуры. Уже поэтому совершенно не основательно, вмѣстѣ съ Брунсомъ (стр. 220), принимать, что законоположенія XII, 960b, о «ночномъ совѣтѣ» есть отрывокъ болѣе древняго текста, который стоялъ еще ближе къ государству «Политіи», чѣмъ основная часть «Законовъ». При высказанномъ въ текстѣ мнѣніи, которое, впрочемъ, существенно отступаетъ отъ обычно принятаго (какъ, напр., Zeller'омъ, стр. 967 и сл.), отпадаютъ, между прочимъ, тѣ противорѣчія, которыя Брунсъ находитъ въ различныхъ положеніяхъ о «ночномъ совѣтѣ».

54) 964e.

55) «Якорь всего города», 961c.

56) 969b.

57) Для полноты указываю въ заключеніе на то, что «Законы» Платона разбираютъ и уголовное, частное и процессуальное право, и притомъ съ точекъ зрѣнія подчасъ весьма интересныхъ для юриста. Здѣсь мы не можемъ заняться этимъ подробнѣе.

5. Къ оцѣнкѣ государства законовъ.

1) «Они будутъ жить по характеру природы»—говорится о гражданахъ государства законовъ. 804a. Ср. 690c.

2) 746a; ср. 969c.

3) 746b: въ каждомъ изъ элементовъ будущаго (строя) самымъ справедливымъ, я думаю, будетъ то, чтобы показывать примѣръ того, какимъ долженъ стать нашъ проектъ: ни въ чемъ не отступать отъ самаго прекраснаго и справедливаго. Ср. 712a.

4) 746c: по общему признанію, «само» повсюду должно вырабатываться «собою самимъ», и чтобы творецъ самаго плохого былъ достоинъ упоминанія.

5) 746c: когда это произошло, законодатель дозволилъ положить конецъ желанію и тогда уже сообща съ нимъ смотрѣть, что̀ изъ сказаннаго полезно, и что̀ въ законодательствѣ сказано въ ущербъ полезному.

6) 708d: на самомъ дѣлѣ, законодательство и основанія государствъ имѣютъ конечною цѣлью добродѣтель всѣхъ мужей. 963a: мы утверждали, что у насъ законы должны постоянно имѣть въ виду одну цѣль, и согласились въ томъ, что правильно сказано, что эта цѣль—добродѣтель.

7) Цѣлью его учрежденій является: облегчить гражданамъ возможность достиженія «*двоякихъ* благъ»—благъ людей и боговъ. 631d. Также 742de, 743c. См. выше, стр. 239.

8) 790b, 864a.

9) 660e: вы заставляете поэтовъ говорить, что хорошій человѣкъ, будучи скромнымъ и справедливымъ, счастливъ и блаженъ, будетъ ли онъ великъ и силенъ или малъ и слабъ, богатъ или бѣденъ. А если онъ богаче Кинира или Мидаса, но несправедливъ, то онъ несчастенъ и

ведетъ печальную жизнь. 742e: необходимо, чтобы счастливые были вмѣстѣ съ тѣмъ и добрыми. Ср. выше, стр. 239.

10) 663b: итакъ, разсужденіе, не различающее пріятнаго, справедливаго, добраго и прекраснаго, убѣждаетъ, если не въ чемъ иномъ, то въ томъ, чего ради нужно вести благочестивую и справедливую жизнь. Для законодателя то разсужденіе самое непріятное и противное, которое отрицаетъ, что это такъ: никто добровольно не пожелаетъ съ убѣжденіемъ дѣлать то, въ результатѣ чего является болѣе горя, а не радости.

11) 875b; 790b.

12) 739e. Ср. 942c.

13) 945d.

14) 816c.

15) 739e: то же государственное устройство, которое проектируемъ мы теперь, если бы оно осуществилось, приблизилось бы всего болѣе къ безсмертію и было бы вторично единственнымъ.

16) 811c. Теперь, обративъ вниманіе на тѣ разсужденія, которыя мы имѣли отъ зари до сихъ поръ, и, какъ мнѣ кажется, не безъ нѣкотораго божескаго вдохновенія, мы рѣшили, что говорили какъ поэты. Ср. 934c: гдѣ посланный даръ законодательства обозначается какъ милость боговъ и сыновей боговъ, чтобы боги и дѣти боговъ дозволили намъ законодательствовать.

17) См. предыдущее примѣч. 16).

18) 817a.

19) 752a; 859e.

20) 745e: намъ должно всячески обратить вниманіе на то, чтобы все сказанное теперь никогда не нашло себѣ приложенія въ такое время, но чтобы оно, во всей его совокупности, касалось тѣхъ людей, которые отнесутся съ пріязнью къ начертаннымъ нами условіямъ жизни, которые постоянно будутъ имѣть установленное нами количество денегъ, будутъ всегда въ отношеніи къ нимъ умѣренны, равно какъ и къ указанному нами рожденію дѣтей, которые не будутъ имѣть золота и всего другого, о чемъ ясно опредѣлено въ законодательствѣ, равно какъ и будутъ имѣть умѣренное количество земли и городской территоріи и расположенныя кругомъ поселенія, вообще все то, о чемъ мы говорили какъ бы во снѣ, или какъ бы лѣпили городъ и гражданъ изъ воска.

21) 746c: кому осуществленіе этого покажется невозможнымъ, тотъ пусть одно отклонитъ и его не исполняетъ, а дѣлаетъ то, что изъ остального надлежащаго дѣлать болѣе всего близко и родственно этому послѣднему; вотъ пусть онъ и старается, чтобы это близкое осуществилось. Ср. 805b.

22) 739a.

23) См. сравненіе съ въ высшей степени смѣлымъ ходомъ въ игрѣ въ шашки, тамъ же.

24) 968e: наше утвержденіе, друзья, кажется, имѣетъ общій характеръ и занимаетъ центральное мѣсто, и разъ мы желали попробовать начертать государственное устройство во всей его совокупности, то нужно это сдѣлать, бросая, какъ говорятъ, или по три раза шесть или три игральныхъ кости.

25) 685a: мы должны, разсматривая и изслѣдуя теперь законы, играя въ старческую разумную игру, пройти безпечально тотъ путь, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей дороги. Ср. 688b, 690d, 769a.

26) 780d.

27) Paulsen, «Ethik», стр. 845.

28) Ср. прекрасныя изслѣдованія Buchenberger'a, «Agrarwesen und Agrarpolitik», I, 431 и слѣд.

29) Schmoller, «Zur Gesch. u. Lit. der Staatsw.», 77. Многое изъ того, что здѣсь говорится о Фихте, буквально примѣнимо и къ Платону и потому отчасти дословно повторялось въ текстѣ.

30) Обыкновенно забываютъ, что Аристотель и здѣсь развиваетъ идеи Платона.

31) Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ A. Wagner'омъ [Grundlegung (2), 580] и Pfizer'омъ [Soziales Recht (Allgem Ztg. 1893, Beil. 55)].

Отдѣлъ IV.—Фрагментъ аристотелевскаго идеала государства.

1) См. выше, стр. 75 и слѣд.

2) Полит. I, 2, 4; 1261a: государство по природѣ своей является чѣмъ-то множественнымъ, а если оно станетъ единымъ, то изъ государства возникнетъ семья, а изъ семьи—человѣкъ.

3) II, 2, 96; 1263b.

4) II, 2, 9b; 1263b: подобно тому, какъ если бы кто пожелалъ симфонію сдѣлать монофоніей, или ритмъ обратить въ одинъ тактъ.

5) с. 9.

6) Который, какъ извѣстно, рѣзче всѣхъ формулировалъ идею Платона объ μακράνθρωπος, впрочемъ, перенеся въ то же время понятіе государства на понятіе рода. Ср. Dietzel, стр. 45.

7) II, 2, 6; 1263a: ἡδονὴ ἀμύθητος!

8) II, 2, 9; 1263b: справедливо не только указать, сколько золъ они избѣгнутъ, вступивъ въ общеніе, но и сколько благъ: кажется, что и жизнь-то вообще станетъ невозможною. Не понимаю, какъ Gierke, въ виду этихъ изслѣдованій (указ. мѣсто, стр. 12), можетъ утверждать, что Аристотель сплошь строитъ свою пространную полемику противъ общности женъ, имущества и дѣтей только на истинной сущности и на правильно понятыхъ интересахъ цѣлаго.

9) II, 1, 6; 1261a.

10) IV, 8, 5; 1329a,

11) Тамъ же. Экономическая работа идетъ всецѣло въ стремленіи къ средствамъ жизни, она не облегчаетъ сама по себѣ той высшей жизни, которою долженъ жить тотъ, кто хочетъ жить жизнью государства. Ср. Bradley, «Die Staatslehre des Aristoteles»; обработка Imelmann'a, стр. 44 и слѣд.

12) На основаніи того же принципа, какъ и въ платоновскомъ государствѣ законовъ, каждый владѣетъ кускомъ земли вблизи отъ города, и другимъ—на границѣ государства. IV, 9, 7b. 1330a.

13) Относительно этого продолжающагося отъ 7 до 21 года государственнаго обученія, см. ниже.

14) III, 5, 8; 1280a: напримѣръ, справедливое предполагаетъ равенство и есть таковое на самомъ дѣлѣ, но не для всѣхъ, а только для равныхъ.

15) II, 1, 6; 1261a: очевидно, одни и тѣ же, поскольку возможно, лучше просятъ; но тамъ, гдѣ, по природнымъ условіямъ, невозможно всеобщее равенство, тамъ справедливо, чтобы всѣ—хорошіе и плохіе—принимали участіе въ правленіи. Это тоже вполнѣ игнорируетъ Gierke, думая, что въ аристотелевскомъ государствѣ повсюду, исключительно обществомъ и ради общества надѣляется и отмѣривается индивидуальное право (указ. мѣсто, стр. 18).

16) III, 7,1; 1282b: всѣмъ представляется, что справедливое есть нѣкое равенство, и до извѣстной степени всѣ соглашаются съ философскимъ обоснованіемъ этого, поскольку дѣло идетъ о нравственности (они говорятъ о томъ, что такое справедливое, кому оно служитъ, и что для равныхъ должно быть равное).

17) III, 5, 8; 1280a: прежде должно установить границы олигархіи и демократіи, что такое справедливость, олигархическая и демократическая; вѣдь всѣ имѣютъ касательство къ какой-то справедливости, но доходятъ только до извѣстнаго предѣла и тутъ-то утверждаютъ, что не все безусловно справедливо.

18) III, 7, 1; 1282b: не должно упускать изъ виду, въ чемъ заключается равенство и въ чемъ неравенство: въ этомъ-то и затрудненіе и политическая мудрость.

19) IV, 8, 4; 1229a. Только по истеченіи обязательныхъ для служенія лѣтъ жизни, т.-е., значитъ, только съ наступленіемъ 50 лѣтъ, гражданинъ получаетъ доступъ въ народное собраніе, въ судъ присяжныхъ, право отправленія должности. Самому преклонному возрасту остается забота о культѣ. Такъ какъ духъ старѣетъ, какъ и тѣло (II, 6, 17; 1271a), то старцы не могутъ больше принадлежать къ «военному классу», а скорѣе принадлежатъ къ «классу совѣтниковъ». Они, въ качествѣ жрецовъ, получаютъ «спокойные посты». IV, 8, 6; 1329a.

20) IV, 13 и сл. 1332b: остается одно: предоставить имъ однимъ такое государственное устройство, но не заразъ, а въ соотвѣтствіи съ законами природы—вѣдь сила у молодыхъ, разсудительность—у старыхъ. Такъ-то вотъ полезно и справедливо подѣлить между ними, а именно подѣлить по достоинству.

21) II, 1, 6; 1261b: одни править, другіе подчиняются (по очереди), какъ бы ставъ другими, и такимъ же точно образомъ другіе правители правятъ другія должности. IV, 13, 2; 1332b: по многимъ причинамъ необходимо, чтобы всѣ въ равной степени принимали поочередно участіе и въ правленіи и въ подчиненности. Вѣдь равенство (и справедливость, по дополненію Сузмиля)—одно и то же для однихъ и тѣхъ же людей; да и затруднительно оставлять государственное устройство организованнымъ вопреки справедливости. Ср. III, 4, 6; 1279a: поэтому-то и государственныя должности, разъ устройство будетъ организовано на принципѣ равенства и однообразія для всѣхъ гражданъ, послѣдніе будутъ отправлять поочередно; такъ что, есте-

ственно, прежде дѣйствительно думали, что каждый по очереди долженъ отправлять извѣстное время какую-либо должность, а потомъ пусть заботится о благѣ его кто-нибудь другой, какъ онъ самъ, будучи облеченъ властью, прежде заботился о благѣ его.

22) III, 4, 3; 1278b: желаніе общей пользы—главный принципъ государства постольку же, поскольку каждый индивидъ стремится въ своей жизни къ счастью. Эта цѣль, т.-е. счастливая жизнь, конечно, цѣль, къ которой стремится и общество и индивидъ.

23) Nic. Eth., 1157b, 16. Справедливо замѣчаетъ къ этому Encken («Aristoteles Urteile ueber die Menschen», Archiw. f. G. der Phil., III, 546), что нигдѣ Аристотель не требуетъ отъ насъ отказа отъ этого стремленія.

24) Полит., IV, 12, 2; 1331b: ясно, что всѣ стремятся къ счастливой жизни и къ блаженству; одни могутъ достигнуть этого, другіе нѣтъ, въ зависимости отъ естественныхъ или случайныхъ условій..., нѣкоторые тотчасъ же, неосновательно, стремятся къ счастію, разъ къ этому представляется возможность. Такъ какъ наша задача—найти лучшую форму государственнаго устройства, то эта форма и есть та, при которой государство будетъ имѣть наилучшую организацію, а послѣдняя осуществится въ томъ случаѣ, когда государству возможно будетъ пользоваться наибольшимъ счастіемъ. Очевидно, не должно упускать изъ виду, что такое счастіе.

25) III, 5, 14; 1281b: государство есть общеніе родовъ и селеній, возникшее (ради) совершенной и самодовлѣющей жизни. А это значитъ, какъ мы утверждаемъ, жить счастливо и прекрасно. Ср. IV, 7, 2b, 1328a: государство—есть общеніе подобныхъ ради возможно наилучшей жизни.

26) IV, 7, 3; 1328a: такъ какъ высшее благо есть счастіе, а послѣднее есть добродѣтельная дѣятельность и совершенное пользованіе, то случилось такъ, что одни могутъ принимать участіе въ немъ, другіе только въ малой степени или и вовсе не принимаютъ. Это-то, очевидно, и послужило причиною того, что образовалось нѣсколько видовъ государства и различій въ формахъ государственнаго устройства: каждый стремится къ счастью то однимъ, то другимъ способомъ, то одними, то другими средствами, а въ силу этого получаются и различные виды жизней и различныя формы государственнаго устройства.

27) IV, 2, 3; 1324a: лучшее государственное устройство то, при которомъ всякій будетъ поступать наилучшимъ образомъ и вести блаженную жизнь. Ср. II, 1, 1; 1260b: такъ какъ мы поставили своею задачею изслѣдовать политическое общеніе, какое общеніе является наилучшимъ для всѣхъ, могущихъ жить преимущественно согласно со своими желаніями, IV, 1, 1; 1328a: пользующимся наилучшимъ государственнымъ устройствомъ надлежитъ и поступать наилучшимъ образомъ на основаніи имѣющихся у нихъ данныхъ, если не случится чего-либо неожиданнаго.

28) По причинѣ большаго единодушія противъ внѣшняго врага.

29) IV, 9, 8; 1330a: равенство и справедливость заключаются въ томъ, чтобы быть болѣе согласнымъ въ отношеніи къ сосѣдямъ и врагамъ и пр.

30) III, 5, 1b; 1279a: или не принимающихъ участія не должно именовать гражданами, или они должны имѣть общеніе въ полезномъ.

31) Dietzel, указ. мѣсто, стр. 9 и слѣд. Въ этой теоріи заключалась попытка къ чрезмѣрному подчеркиванію индивидуалистическаго момента. Это ясно доказываетъ этика аристотелевскаго послѣдователя Евдемоса. Ср., напр., VIII, 10, 1242.

32) III, 7, 1; 1282b: справедливость—есть политическое благо, т.-е. полезное для государства.

33) См. разсужденіе о среднемъ сословіи VI, 9, 6; 1295b.

34) I, 2, 21b, 1255b: политическая (власть)—власть надъ свободными и равными. Ср. IV, 7, 2b; 1328: государство есть общеніе подобныхъ, ради возможно наилучшей жизни.

35) VI, 9, 5; 1295b: объ «выродившихся» государствахъ говорится: одни не умѣютъ править, но ими правятъ, какъ рабами, другія не подчиняются никакой власти, а правитъ власть деспотическая. Получается городъ рабовъ и господъ, а не людей свободныхъ, причемъ одни смотрятъ съ завистью, другія относятся съ презрѣніемъ; это далеко отстоитъ отъ дружбы и политическаго общенія, ибо общеніе заключаетъ въ себѣ элементы дружбы. Ср., I, 1, 1, 1252a; I, 1, 8; 1252b.

36) II, 2, 10; 1263b.

37) II, 4, 5b; 1266b.

38) II, 4, 12; 1267b.

39) II, 2, 5; 1263a.

40) См. выше, стр. 75.

41) V, 1, 2; 1337a.

42) IV, 15, 16; 1334a: такъ какъ одна и та же цѣль у людей и въ общественныхъ и въ частныхъ интересахъ, то одинъ и тотъ же предѣлъ и для лучшаго мужа и для лучшаго государственнаго устройства и пр.

43) IV, 13, 13; 1333b: ср. Nic. Eth., I, 2, 1094b. 7: (благо) одно и то же и для одного мужа и для государства.

44) «Законодатель, — продолжаетъ Аристотель въ только-что приведенномъ мѣстѣ «Политики», долженъ внѣдрить это въ души людей». Совсѣмъ какъ Платонъ!

45) Т.-е. части, принимаемыя въ разсчетъ въ качествѣ вообще конститутивныхъ элементовъ государства, какъ полноправные граждане лучшаго государства, которые одни являются «дѣйствительными» гостями государства. Только они могутъ претендовать на то благоденствіе, которое оказывается цѣлью государства.

46) II, 2, 16; 1264b: невозможно. чтобы все (государство) было счастливо, разъ не имѣютъ счастія большинство, либо всѣ части. либо только нѣкоторые.

47) IV, 8, 2; 1328b: (лучшая форма государственнаго устройства) та, при которой государство будетъ наиболѣе счастливымъ.

48) IV, 8, 5; 1329a: нужно называть государство счастливымъ, обращая вниманіе не на одну какую-либо часть его, но на всѣхъ гражданъ.

49) Une organisation politique dans laquelle l'individu serait sacrifié à cette entité, qu'on nomme la société. Ср. цитату у Dietzel'я, «Rodbertus», II, 31.

50) Ср. VIII, 7, 22. 1310a. О ложномъ принципѣ демократіи, ищущей свободу и равенство въ томъ, чтобы каждый могъ дѣлать то, что ему вздумается. Такъ что въ подобнаго рода демократіяхъ каждый живетъ, какъ хочетъ и какъ нуждается, по выраженію Еврипида. Но это плохое дѣло. Не слѣдуетъ думать, что цѣль государственной жизни есть рабство, но спасеніе.

51) См. выше, стр. 101 и слѣд.

52) IV, 5, 5; 1327b. См. выше, стр. 102. Въ общей оцѣнкѣ внѣшней торговли Аристотель во всякомъ случаѣ нѣсколько отклоняется отъ Платона. Онъ не сторонникъ упорной замкнутости, какъ Платонъ, особенно въ морской торговлѣ. Ср. разсужденіе о географическихъ условіяхъ лучшаго государства, IV, 5, 1 сл., 1327a.

53) IV, 5, 5; 1327b, гдѣ для облегченія этихъ полицейскихъ мѣропріятій требуется отдѣленіе города отъ гавани. Такъ какъ мы и теперь видимъ, что во многихъ земляхъ и государствахъ имѣются порты и гавани, расположенные около города, такъ что ни самъ городъ не живетъ своею жизнью, ни его ближайшія окрестности, но охраняются стѣнами и другими подобнаго рода защитами, то ясно,—если отъ сосѣдства ихъ можетъ произойти что-либо хорошее, то и городу будетъ хорошо, а если произойдетъ что-либо могущее принести вредъ, то легко уберечься отъ этого, указавъ въ законахъ и опредѣливъ, кто долженъ и кто не долженъ смѣшиваться другъ съ другомъ.

54) Которое, какъ и у Платона, поддерживается путемъ недѣлимости и неотчуждаемости земельныхъ надѣловъ. См. замѣчаніе о Ликургѣ, II, 6, 10; 1270a.

55) Онъ ссылается при этомъ на прототипы Крита; организацію сисситій на Критѣ, за ея характеръ общаго хозяйства онъ ставитъ гораздо выше спартанскихъ сисситій. II, 6, 21; 1271a. IV, 9, 7b; 1330b.

55) II, 4, 12b; 1267a: нужно найти или для всѣхъ нихъ равенство, либо какой-либо посредствующій порядокъ, либо все оставить.

57) II, 3, 6; 1265b.

58) IV, 9, 6; 1330a: (мы утверждаемъ), что ни одинъ изъ гражданъ не долженъ имѣть недостатка въ пропитаніи.

59) II, 3, 7; 1265b.

60) II, 4, 3; 1266b.

61) II, 3, 6; 1265a.

62) II, 3, 7; 1265b.

63) II, 4, 3; 1266b: законодатели не должны упускать изъ вниманія то, что теперь обходится молчаніемъ, а именно: устанавливая размѣры собственности, нужно опредѣлить также и количество дѣтей; если число дѣтей превзойдетъ величину собственности, то необходимо отмѣнить законъ, да и помимо отмѣны плохо будетъ то, что многіе изъ богатыхъ станутъ бѣдными; а въ результатѣ нужно, чтобы эти послѣдніе не стремились къ реформамъ.

64) Это должно производиться, во всякомъ случаѣ, до 4-го мѣсяца, прежде чѣмъ ребенокъ начнетъ «жить и чувствовать». IV, 14, 10; 1335b.

65) Тамъ же. Аристотель даже идетъ такъ далеко, что, по крайней мѣрѣ, предварительно открыто обсуждаетъ вопросъ о допустимости или предосудительности педерастіи, какъ вспомогательнаго средства въ поселенческой политикѣ, «чтобы мужчины какъ можно дальше держались отъ женщины»; онъ обѣщаетъ позже подвергнуть этотъ вопросъ пространному обсужденію (которое до насъ не дошло). II, 7, 5; 1272a.

66) II, 3, 7; 1265b.

67) IV, 13, 2; 1335a.

68) IV, 14, 6; 1335a.

69) ἀφεῖσθαι δεῖ τῆς εἰς τὸ φανερὸν γεννήσεως. IV, 14, 11; 1335b.

70) Тамъ же, 12b.

71) Тамъ же, 9.

72) Если государство, путемъ законодательныхъ предписаній, заботится о томъ, чтобы между мужчиной и женщиной, въ зависимости отъ возраста, существовали правильныя сношенія, то это дѣлается въ интересахъ самого индивидуума. Такимъ путемъ можно было бы избѣжать всѣхъ супружескихъ раздоровъ, которые должны возникнуть, когда въ брачной жизни наступитъ время. Далѣе—между дѣтьми и родителями невозможна слишкомъ большая или слишкомъ малая разница лѣтъ; съ одной стороны, она ведетъ къ тому, что родители въ старости могутъ быть лишены поддержки дѣтей, а дѣти—поддержки родителей; съ другой стороны, страдаетъ почитаніе родителей, или возникаютъ имущественныя распри. Наконецъ, запрещеніе вступать въ бракъ въ слишкомъ юные годы въ высшей степени полезно для здоровья какъ мужа, такъ и жены.

73) Аристотель подъ «политіей» понимаетъ не только форму правленія, но и весь соціально-экономическій правовой строй, на который она опирается.

74) V, I, 1; 1337a: каждое (государственное устройство) должно имѣть свою форму воспитанія.

75) VIII, 7, 20; 1310a: самое главное изъ всего сказаннаго, необходимаго для сохраненія государственныхъ устройствъ (на что теперь никто не обращаетъ вниманія), это—организація воспитанія въ соотвѣтствіи съ формами государственнаго устройства.

76) V, 1, 2b; 1337a: такъ какъ конечная цѣль у всякаго государства одна, то ясно, что для всѣхъ должно быть одно однообразное воспитаніе; забота о немъ должна быть заботою государственною, а не частныхъ лицъ, не такъ, какъ теперь, когда каждый заботится на свой ладъ о характерѣ воспитанія своихъ дѣтей и ихъ обученіи, уча ихъ, чему вздумается. Нужно, чтобы воспитаніе и обученіе общаго сдѣлано было общимъ.

77) Тамъ же, 2. См. выше, стр. 273.

78) IV, 15, 4 и слѣд.; 1336a. Упомянутый выше контроль является дѣломъ такъ называемыхъ надзирателей за мальчиками, которымъ, по спартанскому образцу, подлежитъ полиція нравовъ и воспитаніе всѣхъ юношей мужского поколѣнія. Ср. такъ же, 6b; 1336b.—Что же касается полиціи нравовъ надъ болѣе зрѣлымъ поколѣніемъ, то сюда относится запрещеніе молодымъ людямъ до ихъ принятія въ сисситіи (до 17 лѣтъ) принимать участіе въ качествѣ слушателей и зрителей въ произнесеніи ямбовъ и въ представленіи комедій. Тамъ же, 9.

79) Ср. чисто-платоновскія ограниченія въ занятіяхъ музыкой, въ допустимости или недопустимости извѣстныхъ инструментовъ и тоновъ, V, 6, 4 и слѣд. 1341a и слѣд. Сюда же 2, 1; 1337b, объ исключеніи «ремесленныхъ» знаній и подготовки.

80) Этика, X, 10; 1180a 1: не можетъ быть недостаточно правильнаго воспитанія и заботы въ одной только молодости, а возмужавъ, мы должны заботиться о томъ же и привыкать къ тому же, такъ что и относительно этого мы нуждаемся въ законахъ и вообще относительно всей жизни.

81) Это требованіе хотя и не заключается въ самомъ изображеніи лучшаго государства, но оно приводится въ числѣ мѣропріятій, которыя Аристотель считаетъ жизненными условіями всякой конституціи, VIII, 7, 8; 1308b: такъ какъ въ силу условій своей личной жизни они стремятся къ реформамъ, то нужно установить какую-либо должность, которая надзирала бы надъ живущими вредно по отношенію къ государственному устройству, въ демократіи—по отношенію къ демократическому, въ олигархіи—по отношенію къ олигархическому, равнымъ образомъ, и въ каждой изъ остальныхъ формъ государственнаго строя.

82) Что и въ лучшемъ государствѣ Аристотеля широко проведено это регулированіе жизни взрослыхъ людей, показываютъ случайныя замѣчанія въ дошедшей до насъ части самаго наброска и въ другихъ мѣстахъ «Политіи». Напр., требованіе государственнаго наблюденія за женщинами, II, 5, 6; 1269b, признаніе законовъ о роскоши и предписанія относительно умѣренности, II, 7, 5; 1272a, ограниченія занятій пѣніемъ и музыкой для взрослыхъ людей, V, 4, 7;

1339b, установленіе особыхъ музыкальныхъ пьесъ для гражданъ, съ одной стороны, и для ремесленниковъ, поденныхъ рабочихъ и т. д.—съ другой. (Истинно-свободный человѣкъ слушаетъ только музыку высокаго стиля; музыка, направленная болѣе на чувственную сторону, въ которой ищетъ отдохновенія масса, для него запрещена) V, 7, 7; 1342a.—Ср. также случайныя выраженія IV, 11, 6; 1331b.—IV, 15, 7; 1336b.

83) См. выше, стр. 101.

84) IV, 5, 1; 1326b. Болѣе точныя изслѣдованія этого вопроса отложены до болѣе поздняго разсмотрѣнія собственности и народнаго владѣнія, которое, къ сожалѣнію, въ нашемъ текстѣ не сохранилось.

85) IV, 9, 9; 1330a и только-что указанное мѣсто.

86) IV, 9, 9; 1330a.

87) VII, 3, 4; 1320a: истинный поклонникъ демократіи долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы масса народная не слишкомъ бѣдствовала.

88) Тамъ же... собирая въ одно цѣлое то, что получали отъ прибылей, слѣдуетъ дѣлить его между неимущими, въ особенности, если кто можетъ собрать столько, сколько нужно для пріобрѣтенія земли; въ противномъ случаѣ, для капитала, съ которымъ можно начать торговлю, либо обрабатывать землю; если невозможно произвести дѣлежъ между всѣми, то хоть по филамъ или по какимъ-либо другимъ подраздѣленіямъ.

89) Тамъ же, 5: дѣло образованныхъ и умныхъ людей знатныхъ—отдѣлить неимущихъ и дать имъ капиталъ на рабочую производительность.

90) Тамъ же, и выше, стр. 28.

91) Дѣло о б р а з о в а н н о е! Прекрасно подражать и власти тарантинцевъ—говорится въ указанномъ мѣстѣ.

92) См. выше, стр. 29 и 65.

ГЛАВА IV.

1) Аристотель (II, 4, 1; 1266a) указываетъ цѣлую литературу этого рода, о которой онъ вообще замѣчаетъ, что хотя она и заключаетъ въ себѣ реформы въ распредѣленіи собственности, но въ ней нѣтъ такихъ радикальныхъ новшествъ, какъ въ обоихъ государственныхъ идеалахъ Платона, общности женъ и дѣтей и т. д.—Выраженіе, уже, во всякомъ случаѣ, не подходящее къ государственному идеалу Зенона.—Есть и другія формы государственнаго устройства; одни изъ нихъ проектированы философами и частными лицами, другія политическими дѣятелями. Если сравнить ихъ съ проектами Платона, то, окажется, всѣ онѣ ближе подходятъ къ существующимъ почти формамъ государственнаго строя. Никто не предложилъ такихъ новшествъ, какъ общность дѣтей и женъ, или сисситіи женщинъ: напротивъ, всѣ онѣ касались скорѣе необходимыхъ предметовъ. Нѣкоторымъ кажется, что главнѣйшее дѣло есть правильная организація собственности.

2) Возбуждающее большее удивленіе политія Зенона. Плутархъ. De Alex. fort., I, 6.

3) Ликургъ, 31: (Ликургъ) полагая, что счастье какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего государства зависитъ отъ добродѣтели и согласія съ нею, сверхъ того, установилъ и устроилъ, чтобы спартанцы оставались свободными, самодовлѣющими и скромными на продолжительное время. Это же имѣлъ въ виду и Платонъ въ своемъ проектѣ, и Діогенъ, и З е н о н ъ, и всѣ тѣ, которые заслуживаютъ похвалы за попытки сказать что-либо по этому поводу.

4) Правда, мы не знаемъ, какой видъ приняли эти требованія у Зенона. Если, по Діогену Лаэрт. (VII, 132), въ государствѣ Зенона, также въ госуд. Хризиппа должна была осуществиться та же самая общность женъ, какъ и въ государствѣ Платона, а если эта общность въ то же время должна была быть «такъ, чтобы в с т р ѣ ч н ы й п о л ь з о в а л с я встрѣчной», то неправильность этого извѣстія очевидна. Авторъ его принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ Люціанъ говоритъ (Fugitiv. 18), какъ о «не знающихъ, что божественный тоже (т.-е. Платонъ) требовалъ общности женъ». Или Зенонъ тутъ пошелъ по стопамъ Платона, тогда онъ не можетъ указаннымъ образомъ проповѣдывать свободную любовь, или онъ проповѣдывалъ послѣднюю, и тогда его точка зрѣнія въ э т о м ъ отлична отъ платоновской.

5) Фр. 2 Dig. De leg., 1, 3: законъ—владыка всѣхъ божескихъ и человѣческихъ дѣлъ; онъ долженъ быть защитникомъ, начальникомъ и руководителемъ прекраснаго и постыднаго, и сообразно съ этимъ быть канономъ справедливаго и несправедливаго, онъ долженъ политическимъ отъ природы существамъ повелѣвать, что нужно дѣлать, и запрещать, чего нельзя дѣлать.

6) Cicero, De fin. III, 19 (64): они полагаютъ, что міръ управляется мановеніемъ боговъ что онъ—какъ бы городъ и государство, общее боговъ и людей, что каждый изъ насъ—часть того міра; изъ чего, по природѣ слѣдуетъ то, что мы противополагаемъ общую пользу нашей личной жизни. III, 20 (67): прекрасно сказалъ Хризиппъ, что остальное произошло ради людей и боговъ, что они—своего общенія и общества и пр. Ср. Маркъ Аврелій, IX, 23.

7) Органическій членъ (μέλος не только μέρος) въ общемъ тѣлѣ общественнаго цѣлаго. Маркъ Аврелій, II, I, VII, 13.

8) Сенека, 47, 3: нужно жить для другого, если хочешь жить для себя; это общеніе... смѣшиваетъ насъ, людей, съ людьми и пр.

9) Ср. изреченіе стоиковъ у Цицер. Туск., IV, 23 (51): nunquam privatum esse sapientem.

10) Вершиной беззаконія для стоиковъ является après nous le déluge, «послѣ моей смерти пусть земля смѣшается съ небомъ» крайняго индивидуализма. См. Цицеронъ, De fin., III, 19 (64).

11) Цицер., De off., I, 7, 20.

12) Діог. Лаэрт., VII, 4.

13) См. выше, привед. на стр. 55 (примѣч. 32 и 33) мѣста Плутарха и Аеинея.

14) Къ этой разницѣ прежде всего относится то, что Плутархъ говоритъ о Зенонѣ: онъ протестовалъ... противъ государственнаго устройства, проектированнаго Платономъ. De stoicorum rep., 8, 2.

15) Діог. Лаэрт., тамъ же, см. выше, стр. 55.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА V.

Отдѣлъ I.—Обѣтованная земля въ баснѣ и въ комедіи.

1) По мѣткому замѣчанію Зѣлинскаго, «Die Märchenkomödie in Athen», стр. 4. Я весьма признателенъ автору за любезную присылку мнѣ этого превосходнаго изслѣдованія, къ сожалѣнію, ставшаго библіографической рѣдкостью.

2) Коньетти-де-Мартіисъ даетъ обстоятельный обзоръ этихъ представленій, характеризуемыхъ имъ какъ Leggenda del Socialismo. Для насъ особый интересъ представляетъ греческое представленіе о златомъ вѣкѣ (у Страбона XV, 1, 64 по Онесикриту).

3) Приходится рѣзко подчеркивать этотъ чисто-психологическій мотивъ, вызвавшій возникновеніе миѳа о златомъ вѣкѣ, вопреки мнѣніямъ Лавеле, Л. Штейна и другихъ авторовъ, отмѣченнымъ въ первомъ томѣ.

4) Гесіодъ, «Труды и Дни»., 24.

5) Ib., 14 сл.

6) Ib., 205 сл.

7) Лукіанъ характеризуетъ этотъ идеалъ въ своихъ письмахъ къ Кроносу, I, 20.

8) Итакъ, мы находимъ, напр., у Бебеля, когда онъ («Die Frau», 316) прославляетъ «беззаботность», которой суждено стать нашимъ удѣломъ въ соціалистическомъ государствѣ будущаго, воспроизведеніе древнѣйшихъ европейскихъ соціальныхъ мечтаній.

9) Гесіодъ, ib., 109 сл.

10) Ib., 25 сл.

11) Ѳеокритъ, XII, 15.

12) Демосѳенъ, 24, 29.

13) Macrob. Saturnal. I, 10, 22. Поэтому у Лукіана Кронось говоритъ (Τὰ πρὸς Κρόνον, с. 7), что на его праздникѣ существуетъ всеобщая равноправность для всѣхъ, для рабовъ и для свободныхъ людей: «вѣдь въ мое время никто не былъ рабомъ». Взгляды, высказанные относительно этого Э. Графомъ, «Ad aureae aetatis fabulam symbola» (Leipziger Studien, VIII, 61) и Виламовицемъ, «Aristoteles und Athen», I, 119, неправильны. По мнѣнію послѣдняго, взглядъ на Кроноса, какъ на представителя блаженной первобытной эпохи, принадлежитъ позднѣйшему періоду, такъ какъ первоначально господствовало будто бы пренебрежительное осужденіе «сѣдой старины», эпохи, предшествовавшей цивилизаціи. Взглядъ на прошлое, какъ на потерянный рай, представляетъ собой лишь продуктъ эпохи софистовъ, «когда комедія часто изображала подобныя картины». Это совершенно произвольное и противорѣчащее исторіи утвержденіе, просто игнорирующее извѣстнѣйшіе факты сравнительнаго народовѣдѣнія, противорѣчитъ хотя бы уже тому факту, что уже у Гомера можно найти, по крайней мѣрѣ, отголосокъ сказанія о златомъ вѣкѣ: «Одиссея», XV, 403 сл. Этимъ опровергается и предположеніе Виламовица, что свобода рабовъ во время праздника Кроноса являлась лишь чертой, свойственной циклопической эпохѣ, не знавшей общественнаго порядка.—Впрочемъ, по мнѣнію Виламовица, «Weltperioden», 1897 (Gött.) S. 13, и «непочтительное отношеніе къ прошлому, при которомъ все былое представляется ничтожнымъ и жалкимъ по сравненію съ настоящимъ», свойственно софистическому просвѣщенію съ его «законною гордостью».

14) См. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 68 сл. (Zur geschichtlichen Beurteilung Homers).

15) Взглядъ Кирхгоффа, согласно которому пѣснь о вѣкахъ міросозданія принадлежитъ не автору увѣщанія, обращеннаго къ Персесу, не обоснованъ.

16) Porphyr. De abstinentia, II, 21.

Уже Бернаисъ («Theophrast über die Frömmigkeit», стр. 80) опровергнулъ аргументы Наука, заподозрившаго подлинность послѣднихъ словъ. Если, какъ основательно замѣчаетъ Дюммлеръ (Акад., стр. 221), Ѳеофрастъ, которому мы обязаны сохраненіемъ вышеприведенныхъ стиховъ,

отожествляетъ въ дошедшемъ до насъ важнѣйшемъ изъ отрывковъ, относящихся къ златому вѣку, Киприду съ дружелюбіемъ (φιλία), то онъ, несомнѣнно, нашелъ для этого отожествленія вѣскія основанія у самого Эмпедокла.

17) См. Rohde, «Psyche», стр. 64 сл.

18) См. также Ol., II, 78 сл. Пиндара. Между прочимъ, и это представленіе противорѣчитъ вышеприведенному взгляду Виламовица на Кроноса.

19) Ферекратъ въ комедіи Μεταλλῆς. См. Кокъ, «Comicorum Atticorum fragmenta», I, 174 сл., fr. 108. Тамъ, глубоко, въ нѣдрахъ горъ обитаетъ «мирное племя» счастливыхъ людей, «утопающихъ въ изобиліи богатствъ и въ избыткѣ блаженства». Спустившись внизъ въ надлежащемъ мѣстѣ въ надлежащее время, можно добраться до нихъ.

20) Ферекратъ въ Πέρσαι I, 182, fr. 130, и Никофонъ въ Σειρῆνες, ib., I, 177, fr. 13.

21) 'η'επὶ Κρόνον κοινωνία. Ср. томъ I, стр. 15.

22) Въ вольномъ переводѣ Зѣлинскаго. См. Телеклидъ 'Αμφικτύονες, I, 209, fr. 1.

23) См. томъ I, стр. 57.

24) См. ниже.

25) Кокъ, I, 175, fr. 108.

26) См. ниже.

27) Аристофанъ, Женское народное собраніе, 56 сл.

28) Пиндаръ, fr. 218 Christ.

29) По мѣткому замѣчанію Ф. А. Фойгта, въ миѳол. лекс. Рошера, I, 1081, статья «Діонисъ».

30) Кратинъ въ Πλοῦτοι у Кока, I, 64, fr. 165.

31) Телеклидъ въ 'Αμφικτύονες, I, 209, fr. 1.

32) У Никофона въ Σειρῆνες, l. c.

33) Кратесъ Θηρία K., I, 133, fr. 1. См. также Ферекратъ 'Αγριοι, K., 1, 147, fr. 10, и Атеней, VI, 267e.

34) У Кратеса, l. c.

35) И впослѣдствіи греческое народное вѣрованіе разукрашивало (у Василія Великаго († 379) περὶ παραδείσου, II, 348) и теперь все еще продолжаетъ разукрашивать прелести рая. Объ этомъ характерно свидѣтельствуютъ одна кипрская народная пѣснь и одна наксійская сказка. См. Пэшель, «Das Märchen vom Schlaraffenland», Beitr. z. G. d. deutschen Sprache und Literatur, V., 403.

36) См. собраніе поговорокъ у Крузіуса, «Märchenreminiscenzen im antiken Sprichwort». Verh. d. 40 Philol. Vers., 1889, S. 37 сл.

37) Все по Крузіусу, l. c.

38) Письма къ Кроносу, 20 сл.

39) Переводъ Зѣлинскаго. K. I, 183, fr. 130.

40) По Зѣлинскому, который, впрочемъ, на стр. 58 относитъ этотъ отрывокъ къ «златому вѣку» Эвполида. K. I., 134, fr. 15.

41) K. I, 337, fr. 290, 292. См. Зѣлинскій, l. c., 34.

42) Уже Зѣлинскій основательно ссылается на Ekkl., 626 сл.

43) Была представлена въ 390 г.

44) См. 578.

45) Уже Дитцель правильно указалъ на это въ своихъ «Beiträge zur Gesch. d. Sozialismus und Kommunismus» (Zeitschr. f. Lit. u. Gesch. d. Staatsw., I, 382), въ которыхъ впервые дана истинно-историческая оцѣнка «Женскаго народнаго собранія», съ которой я согласенъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. Тамъ же окончательно разрѣшенъ—понятно, въ отрицательномъ смыслѣ—и вопросъ о томъ, не имѣлъ ли въ виду Аристофанъ сатиры на платоново «Государство». Это избавляетъ меня отъ необходимости обсуждать этотъ вопросъ здѣсь.

46) Древнему поэту приходилось при этомъ считаться съ болѣе значительными затрудненіями, чѣмъ автору современнаго романа «Въ царствѣ женщинъ. Всеобщее равенство», по изображенію котораго аналогичный переворотъ совершается благодаря агитаціи женщинъ на выборахъ. Это, между прочимъ, отнюдь не единственное повтореніе аристофановскаго мотива. Уже въ одномъ изъ государственныхъ романовъ XVII вѣка изображается женское государство: Viraginia vel Gynia nova. См. Kleinwächter, «Staatsromane», S. 50.

47) V, 571.

48) 574 сл.

49) 580 сл.

50) 597 сл.

51) 604 сл.

52) 651 сл.
53) По мѣткому замѣчанію Дицеля, l. c., 388.
54) 676.
55) 681 сл.
56) 834 сл.
57) 1152 сл.
58) 672 сл.
59) 613 сл.
60) Дицель, стр. 399.
61) 6 4 сл.
62) 720 сл.
63) 616.
64) Дицель, стр. 383.
65) «Я такъ ясно доказываю преимущества общности благъ,—говоритъ Праксагора,—что даже мой мужъ ничего не можетъ возразить».
66) 593.
67) Ср. чудную сцену между двумя гражданами, изъ которыхъ одинъ какъ-разъ занятъ переноской своего имущества на площадь, согласно распоряженію новаго правительства, между тѣмъ какъ другой собирается еще сначала хорошенько обдумать этотъ вопросъ, 728 сл. Эта сцена показываетъ, до какой степени основательны опасенія, выраженныя Блепиромъ.
68) 604.
69) 667.
70) 669.
71) 671.
72) Впрочемъ, Праксагора не рѣшается назвать собственниковъ ворами, какъ, преувеличивая, утверждаетъ Л. Штейнъ («Die soziale Frage im Lichte der Philosophie», S. 194). Итакъ, основанное на этомъ сравненіе съ Прудономъ оказывается несостоятельнымъ.
73) 608.
74) По мѣткому замѣчанію Дицеля, стр. 383.
75) 660.
76) 662 сл.
77) Дицель, стр. 387.
78) 669 сл.
79) 1130 сл.
80) Такъ Моммзенъ мѣтко охарактеризовалъ картину будущаго, изображаемую въ «Женскомъ народномъ собраніи».
81) Ср. превосходную характеристику принципіальной противоположности между «Женскимъ народнымъ собраніемъ» и платоновымъ «Государствомъ» у Дицеля, l. c., стр. 397 сл. и томъ I, стр. 177 и сл. этого труда.
82) См. томъ I, стр. 53 и сл.
83) Платонъ. Политикъ, 271d сл.
84) Законы, 713e.
85) См. томъ I, стр. 55.
86) Ib. стр. 280 и сл.
87) Вѣдь заморская торговля влечетъ за собой роскошь и всѣ связанныя съ послѣдней соціальныя и моральныя неудобства. Ср. также характеристику ликурговской Спарты, въ гавани которой равнымъ образомъ не приплывало ни одно судно, нагруженное купеческими товарами. Плутархъ, «Ликургъ», гл. 9. Впрочемъ, пророчество П. Барта въ концѣ его книги, «Философія исторіи какъ соціологія», показываетъ, до какой степени склоненъ соціальный идеализмъ къ этой утопіи. Бартъ полагаетъ, что, когда «во всѣхъ классахъ общества снова появится сознаніе вѣчной цѣнности добра и красоты, сами собой возникнутъ новыя учрежденія; всякая страна снова станетъ работать на себя вмѣсто того, чтобы отправлять и получать товары» (!) (стр. 420 русскаго перевода). Впрочемъ и Шопенгауэръ также признавалъ роскошь «единственнымъ источникомъ стоящаго столько жизней мореплаванія и сложныхъ коммерческихъ интересовъ» (Parerga und Paralipomena, II², стр. 261 сл., изд. Фрауэнштедта).
88) У Сенски, «Письма», стр. 90.

Отдѣлъ II.—Государственный романъ.

1. Платонова «Атлантида».

1) Rohde, «Der Griechische Roman und seine Vorläufer». S. 197. Такъ какъ во второмъ изданіи указаны страницы перваго, то я цитирую по этому послѣднему.

2) См. томъ I, стр. 188.

3) Онъ прямо характеризуетъ ихъ какъ «пѣсни». См. томъ I, стр. 242.

4) См. ibid. Въ своей глубокомысленной статьѣ «Thomas Campanella, ein Dichterphilosoph der Renaissance» (Ztschr. f. Kulturgesch. I, 52) Готейнъ замѣчаетъ: «поэзія всегда останется правомѣрною въ философіи; вѣдь послѣдняя никогда не можетъ отказаться отъ выполненія своей высшей задачи, заключающейся въ объединеніи спеціальныхъ познаній, разрозненныхъ наукъ въ цѣльномъ міросозерцаніи, въ картинѣ міра. И уже въ словахъ «созерцаніе», «картина» содержится указаніе на то, что философія способна выполнить эту задачу лишь путемъ художественнаго творчества».

5) См. томъ I, стр. 127 и сл., 243.

6) См. томъ I, стр. 129, 219, 243.

7) См. томъ I, стр. 245.

8) См. томъ I, стр. 248.

9) Ср. Аристотель, Eth. Nicom., IV, 14, p., 1128a.

10) Timaeos, 19bc, 26cd. Съ этой стороны поэтическое произведеніе Платона, «Атлантида», относится къ «Государству» точно такъ же, какъ и «Утопія» Мора. Авторъ послѣдней говоритъ отъ ея имени:

«Теперь я рѣшаюсь вступить въ состязаніе съ платоновымъ государствомъ и, пожалуй,
Превзойду его, такъ какъ то, что онъ всего лишь намѣтилъ
Въ своемъ изложеніи, только я одна въ самомъ дѣлѣ представлю».

11) Ср. аналогичное замѣчаніе Виктора Консидерана въ его «Destinée sociale» (1837) о методѣ его «новой науки», который заключается въ томъ, что сперва измышляется «романъ всеобщаго благополучія», а затѣмъ изыскиваются условія этого благополучія; сперва мысленно представляется на какой-либо планетѣ общество, въ которомъ отсутствуютъ причины зла. По мнѣнію Консидерана, этотъ методъ, въ виду его примѣнимости въ математикѣ, доставляетъ системѣ непреложно «точное» обоснованіе.

12) Timaeos 20 d.

13) Во вступленіи къ Тимэю и въ Критіи.

14) Въ данномъ случаѣ Платонъ искусно пользуется для усиленія иллюзіи умозрѣніями относительно связи, будто бы существовавшей между греческими и египетскими исторіей и миѳологіей.

15) Слѣдовательно, приблизительно лѣтъ 9200 до того момента, въ который воспроизводится это повѣствованіе, стало-быть, въ болѣе счастливомъ началѣ великаго мірового года, какъ извѣстно, составляющаго 10000 лѣтъ, какъ, очевидно съ предвзятымъ намѣреніемъ, датируетъ Платонъ, выражая этимъ настроеніе fin-de-siècle». Пфлейдереръ, «Socrates und Plato», стр. 702.

16) Kritias 110e, согласно несомнѣнно правильному варіанту Беккера: στρατόπεδον πολὺ τῶν περὶ τὴν γῆν ἀργὸν ἔργων.

17) См. Tim. 24e. Krit. 111e.

18) Tim. 24d. Krit. 109d.

19) Krit. 110 и сл.

20) См. Belger, «Platos geologische Rekonstruktion einer Urburg». Berl. phil. Wochenschr. 1890. S. 802. Эта реконструкція геологически вполнѣ обоснована. Вся группа высотъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ нѣчто единое. Акрополь, Ликабеттъ, Ареопагъ являются изолированными остатками нѣкогда непрерывнаго, почти горизонтально расположеннаго пласта мѣлового известняка, подъ которымъ находится слой кристаллическаго сланца.

21) Правда, въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи объ общности женщинъ, свойственной идеальному государству. Какъ замѣтилъ уже Пфлейдереръ (S. 703), принципы идеальнаго государства представляются здѣсь слегка «покрытыми покрываломъ и въ смягченномъ видѣ». Впрочемъ, далѣе идетъ рѣчь о регламентаціи половыхъ отношеній, благодаря которой «число мужчинъ и женщинъ всегда оставалось приблизительно одинаковымъ» (около 20000). Krit. 112 c. Это доказываетъ, что въ этой сферѣ принципъ общности былъ проведенъ въ большей степени, чѣмъ прямо упоминается въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

22) См. Tim. 24a и сравненіе съ египетскимъ кастовымъ устройствомъ.

23) См. томъ I, стр. 123 и сл.

24) Krit. 111e.

25) Tim. 26.

26) Ремесленники и крестьяне добровольно одобряли правленіе воинскаго класса (Krit. 112d) точно такъ же, какъ и въ государствѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ разума. Между прочимъ, эти три мѣста (Tim. 26, Krit. 111e и Krit. 112d) содержатъ въ себѣ документальное свидѣтельство въ пользу правильности моего взгляда на положеніе гражданъ, занимающихся хозяйственною дѣятельностью, въ идеальномъ государствѣ. Целлеръ, очевидно, упустилъ изъ виду эти подлинныя слова Платона (Krit. 111e въ связи съ Tim. 26), идущія въ разрѣзъ съ его истолкованіемъ. Развѣ можно продолжать, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, называть «тѣлесно и душевно выродившимися» тѣхъ самыхъ людей, которыхъ Платонъ прославляетъ, какъ «хорошо сложенныхъ и друзей прекраснаго»? Въ своей полемикѣ противъ моего пониманіи (Archiv für Gesch. d. Phil. VIII 572 и сл.) Целлеръ долженъ былъ бы считаться съ этими и другими свидѣтельствами первоисточника! Вмѣсто этого—ничего, кромѣ софизмовъ и передержекъ! Несомнѣнный симптомъ несостоятельности отстаиваемой точки зрѣнія!

27) При которомъ возможно внутреннее единство государства. См. томъ I, стр. 159.

28) Врядъ ли нужно указывать на то, что сказочная страна—Атлантида, цѣликомъ представляетъ собой поэтическій вымыселъ Платона. Въ противоположность невѣроятнымъ фантазіямъ Кнэтеля («Atlantis u. d. Volk der Atlanten», 1893) см. Штейнгартъ, въ его изданіи, VI, 78, и Суземиль, «Litteraturgesch. der Alexandrinerzeit», I 471 и сл.

29) Krit. 114d и сл., ср. съ этимъ описаніе.

30) См. томъ I, стр. 95 и сл.

31) Krit. 112c.

32) См. томъ I, стр. 130.

33) См. томъ I, стр. 96 и Пфлейдереръ, стр. 705 сл. Въ описаніи Атлантиды Пфлейдереръ усматриваетъ намеки на перикловскія Аѳины. Относительно этого см. Гирцель Ἄγραφος νόμος Abh. d. sächs. Ges. d. W. Bd. 20., S. 76 и сл.

34) См. томъ I, стр. 96.

35) Krit. 121a.

36) См. томъ I, стр. 86.

37) См., между прочимъ, томъ I, стр. 220 и сл.

2. Меропія Ѳеопомпа и киммерійскій городъ Гекатея.

1) См. Rohde, «Der griechische Roman», S. 172 и сл.

2) См. томъ I, стр. 56 и сл.

3) См., напр., Od. IV, 561 и сл.; Гесіодъ, «Труды и дни»., 167; Pind. Olymp. II, 68 и сл.

4) Напр., въ сочиненіяхъ περὶ ὁμονοίας, см. томъ I, стр. 73.

5) По выраженію Готейна. См. томъ I, стр. 41.

6) Dietzel, «Beiträge z. Geschichte des Socialismus und Kommunismus» (mit Bezug auf Thomas Morus) Vierteljahresschr. f. Stats u. Volkswirtschaft, 1896, S. 225.

7) Fr. 122, у Мюллера F. H. Gr. I, p. 298.

8) Ср., напримѣръ, описаніе у Діодора. V, 40.

9) У Атенея, XII, 517d и сл., сообщающаго разсказъ Ѳеопомпа, затрагивается лишь эта сторона его изложенія.

10) Совершенно согласно идеалу Діогена въ изложеніи Діог. Лаэр.

11) По мѣткому замѣчанію Шварца, «Fünf Vorträge über den griechischen Roman», S. 148.

12) Конечно, нельзя предположить, что эти противорѣчія въ изложеніи возникли лишь впослѣдствіи, благодаря пересказу Атенея.

13) Aelian Var. hist. III. 18. (Müller F. H. Gr. I, p. 290, fr. 76).

14) По мѣткому замѣчанію Rohde, «Zum griechischen Roman». Rh. Mus., 48, 123. Роде указываетъ на то обстоятельство, что даже такой поклонникъ «философіи» Ѳеопомпа, какъ Діонисъ (Ep. ad Pomp., 6, 11) находитъ въ его разсказѣ «много ребяческаго» и дѣлаетъ правильный выводъ, что этотъ ребяческій элементъ, это увлеченіе разсказами о диковинномъ какъ таковыми, должны были преобладать у Ѳеопомпа.

15) Относительно аллегорическаго смысла этого разсказа см. Роде, ib. 6, 124.

16) Ср. Роде, l. c., стр. 111 и сл. и «Griech. Roman», стр. 204.

17) Какъ правильно указалъ уже Роде въ вышеупомянутой статьѣ, полемизируя съ Герделемъ («Zur Charakteristik Theopomps». Rh. Mus. 47, 381).

18) Аполлодоръ у Страбона, VII, p. 299, называетъ весь разсказъ просто повѣствованіемъ о меропійской землѣ.

19) Это замѣчаніе направлено противъ нынѣшней моды, сторонники которой, доставляя себѣ дешевое удовольствіе производить переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, не прочь усматривать въ сочиненіи Ѳеопомпа «важнѣйшее произведеніе греческой исторіографіи». Въ своей изобилующей подобными парадоксами греческой исторіи Белохъ (II, 420) заявляетъ, что это «пожалуй» можно «почувствовать», судя по отрывкамъ сочиненія Ѳеопомпа. Правда, тотъ же Белохъ открылъ, что въ изслѣдованіи такого историка, какъ Эфоръ, обнаруживается «значительный прогрессъ» по сравненію съ Ѳукидидомъ!

20) Относительно этого я раздѣляю мнѣніе Шварца, Hekataios von Theos, Rh. Mus. 40, 255. См. также Susemihl, Gesch. d. Alexandr., Lit. I, 310 и сл.

21) Діодоръ, XL, 3, 7. (Müller, F. H. Gr. II, 392, fr. 13).

22) Діодоръ, I, 70 и сл.

23) См. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 287 и сл.

24) Вѣдь вслѣдствіе этого Египетъ считался греками образцовой промышленной страной. См., напр., Исократъ, Бузирисъ, 16 и сл.

25) Ср. аналогичное запрещеніе въ государствѣ, изображаемомъ въ платоновыхъ «Законахъ». Т. I, стр. 236.

26) I, 93, 4. Хотя Діодоръ и дѣлаетъ это замѣчаніе отъ себя, онъ, тѣмъ не менѣе, лишь воспроизводитъ въ данномъ случаѣ взглядъ, выраженный въ его источникѣ. Ср. сказанное въ первомъ томѣ стр. 27 относительно его писательской манеры.

27) Эліанъ H. A. XI, 1 (Müller, Fr. H. Gr., II, 387, Fr. 4).

28) Schol. Apoll. Rhod., II, 675.

29) См. фрагменты у Мюллера, II, 386 и сл. Относительно этихъ фрагментовъ см. замѣчанія Роде, ib., стр. 208 и сл.

30) См. Плиній, Nat. h., VI, 17, 55.

31) См. Фотій. Epist. 55. Относительно этого см. замѣчанія Роде, ib., стр. 208 и сл.

3. Священная хроника Эвгемера.

1) Непонятно, что въ своей исторіи государственныхъ романовъ Клейнвэхтеръ даже и не упоминаетъ произведенія Эвгемера. И авторъ «Schlaraffia politica» (1892) лишь вкратцѣ отмѣчаетъ это произведеніе, но не даетъ исторической оцѣнки нашедшаго въ немъ свое выраженіе общественнаго идеала.

2) Т.-е. изъ нынѣшняго Іемена, получившаго вышеупомянутое, фактически совершенно не подходящее наименованіе въ эпоху Александра вслѣдствіе того, что, по правильному замѣчанію Шварца («Griech. Rom.», стр. 101), съ этими берегами, бывшими еще недоступными для эскадръ Александра, могли ассоціироваться старинныя представленія о блаженной странѣ на южномъ краю свѣта.

3) Относительно этой беллетристической отдѣлки см. Роде, стр. 220 и сл., и Шварцъ стр. 102 и сл.

4) Эти послѣдніе, во всякомъ случаѣ, властвовали лишь надъ частями страны. Вѣдь въ главномъ городѣ, Патарѣ, находившейся непосредственно подъ покровительствомъ Зевса трифилійскаго, царя вовсе не было, а ежегодно избиралось три республиканскихъ президента, «архонта» (Діодоръ, V, 42). Не вполнѣ ясно, какъ именно Эвгемеръ представлялъ себѣ взаимныя отношенія и полномочія этихъ различныхъ властей. Лишь относительно архонтовъ Патары сообщается, что они все рѣшали самостоятельно, и лишь важнѣйшее, напр., право казнить и миловать, предоставлялось жрецамъ. Отъ Діодора мы не узнаемъ рѣшительно ничего о томъ положеніи, которое жрецы занимали относительно царей.

5) Діодоръ, V, 45, 3.

6) Впрочемъ, какъ отмѣтилъ уже Роде (стр. 223), Панхея представляетъ въ этомъ отношеніи поразительное сходство и съ описаніями счастливой Аравіи, гдѣ предполагалось подобное же трехчленное географически-сословное раздѣленіе народа. См. Страбонъ, XVI, 4, 25, стр. 783.

7) См. мою книгу «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 287 и сл.

8) Такъ, напр., Гекатей у Діора, I, 73, объясняетъ то почтеніе, которое внушали къ себѣ египетскіе жрецы, кромѣ ихъ религіознаго авторитета, прежде всего тѣмъ, что эти весьма свѣдущіе люди приносили большую пользу своими совѣтами. Ср. также, напр., разсказы Мегасѳена,

Онесикрита и Неарха относительно браминовъ и индійскихъ аскетовъ, Страбонъ, XV, 1, 39 и сл. стр. 703 и 63 сл., стр. 715, особенно 64. Въ этомъ мѣстѣ отъ имени одного индійскаго аскета говорится: «для міра будетъ въ высшей степени хорошо, когда власть имущіе поймутъ, какъ слѣдуетъ образумливать податливыхъ людей доводами и пробуждать въ нихъ самопознаніе, а строптивыхъ—принуждать къ этому». Мудрецъ прославляетъ Александра за то, что онъ, будучи столь могущественнымъ властелиномъ, стремится къ мудрости..., за то, что онъ «философствуетъ въ вооруженіи».

9) Fr. Engels, «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft», стр. 43.

10) Діодоръ, V, 45, 5.

11) Бебель, «Die Frau», стр. 317.

12) См. томъ I, С. V, 161 и сл.

13) Страбонъ, XV, 1, 66 (777).

14) Страбонъ, XVI, 4, 25 (783).

15) Уже поэтому мнѣніе Лавелэ, согласно которому коммунизмъ, изображаемый Эвгемеромъ, сохраняетъ подлинныя черты первобытнаго аграрнаго строя, совершенно несостоятельно.

16) Называя «строй» Панхеи имѣющимъ «слегка коммунистическій оттѣнокъ», Сюземиль (ib., I, 318) совершенно искажаетъ сущность дѣла.

17) Діодоръ, V, 45, 4.

18) Ibidem.

19) Очевидно, это примѣнимо и къ выдаваемому солдатамъ (продуктами) вознагражденію. См. Діодоръ, 46, 1.

20) Вѣдь идея перехода промышленности въ руки государства была уже не нова. Ее формулировалъ уже Фалеасъ Халкедонскій!

21) Впрочемъ, даже и періодическій переходъ жилищъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и періодическое разыгрываніе домовъ въ лотерею, невозможное въ Панхеѣ вслѣдствіе того, что дома составляли тамъ частную собственность, было бы совмѣстимо съ институтомъ индивидуальной семьи, о чемъ свидѣтельствуютъ учрежденія въ Утопіи Мора.

22) См. Аристотель, Политика, II, 4, 5, p. 1267b.

23) Циглеръ, Thomas Morus, Utopia, XXI.

24) См. Роде, стр. 224. Ср. Блокъ, Euhémère, стр. 57 и сл.

25) См. мою книгу «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 283 и сл. (Возникновеніе Цезаризма), и ниже отдѣлъ, трактующій о соціальной революціи.

26) См. характерное выраженіе въ луврскомъ папирусѣ № 63, Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque imp., XVIII, 2, p. 361 и сл. Col. 3, 94. По этому поводу Шварцъ, Rhein. Mus., 40, 256.

27) См. «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 288.

28) См. Керстъ, «Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum», 1898.

29) Каутскій, «Thomas More und seine Utopie».

30) Какъ предполагаетъ Шварцъ, «Vorträge über den griechischen Roman», стр. 103.

31) Оттуда могутъ быть извлечены «образцы, способные содѣйствовать исправленію ошибокъ этихъ... націй. Стр. 12, изданія Михеля и Циглера.

4. Солнечное государство Ямбула.

1) Описаніе острова блаженныхъ въ «Истинной исторіи» Лукіана (II, 5—29), какъ извѣстно, представляетъ собою лишь сатиру на этнографическіе вымыслы. Пародируя ихъ, Лукіанъ заимствуетъ изъ нихъ отдѣльныя черты и грубо преувеличиваетъ ихъ.

2) По поводу этой беллетристической формы изложенія и литературно-историческихъ вопросовъ, относящихся къ роману Ямбула, см. Роде, стр. 224 и сл.

3) II, 55—60.

4) Діодоръ, II, 59, 7.

5) См. Крузіусъ, указ. м., стр. 37, и Тюмпель, «Aethiopenländer», стр. 171.

6) Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Ямбулъ оказывается менѣе фантастическимъ авторомъ, чѣмъ его подражатель Кампанелла, въ солнечномъ государствѣ котораго граждане достигаютъ даже не 150-лѣтняго, а 200-лѣтняго возраста.

7) Діодоръ, II, 59, 6.

8) Діодоръ, II, 58, 1.

9) 60, 1. Между прочимъ, Ямбулъ въ данномъ случаѣ высказываетъ ту же теорію, какъ и

Германъ Баръ въ драмѣ «Новые люди». Судьба, постигшая Ямбула въ солнечной странѣ, доказываетъ, что, какъ говоритъ Баръ, никогда не удастся приспособить людей стараго времени къ новымъ отношеніямъ, если уже при старыхъ отношеніяхъ не воспитаются новые люди. Люди черезчуръ закоснѣли; они никогда не могутъ вполнѣ отрѣшиться отъ стараго міра. Чѣмъ горделивѣе они возвышаются въ теченіе нѣкотораго времени надъ старымъ міромъ, тѣмъ стремительнѣе бываетъ ихъ паденіе.

10) II, 58, 1.

11) Вѣдь и планомѣрное производство коммунистическаго общества, составляющее идеалъ нынѣшняго марксизма, невозможно безъ абсолютнаго уничтоженія свободы труда. «Коль скоро товарищества достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ, и притомъ иной разъ весьма скромныхъ, равенство исчезаетъ, такъ какъ становится необходимымъ дифференцированіе функцій, слѣдовательно, и подчиненіе». Бернштейнъ, «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie», стр. 99.

12) II, 38, 6.

13) Что касается вопроса объ управленіи цѣлымъ государствомъ, относительно котораго мы ничего не узнаемъ, Роде предполагаетъ (стр. 240), что «всѣ остальныя житейскія отношенія были совершенно не урегулированы и не были подчинены опредѣленнымъ нормамъ». Все обстоитъ такъ, какъ само собой происходило бы при естественномъ удовлетвореніи примитивнѣйшихъ влеченій среди еще совершенно неорганизованной, но, благодаря наличности въ высшей степени благопріятныхъ условій, обезпеченной отъ дикихъ проявленій эгоизма и отъ острой нужды массы людей. Подобное сочиненіе вполнѣ соотвѣтствовало бы идеалу цинической и стоической школъ.— Я лично не стану отрицать возможности того, что все идеальное общежитіе мыслилось лишь какъ комплексъ мирно существовавшихъ другъ возлѣ друга товариществъ безъ единой главы. Однако, Роде впадаетъ въ преувеличеніе, говоря о «совершенно неорганизованной массѣ людей. Объ этомъ не можетъ быть рѣчи, въ виду коллективнаго хозяйства гражданъ солнечнаго государства. Вообще они гораздо культурнѣе, чѣмъ это представляется Роде, о чемъ свидѣтельствуютъ и ихъ научныя занятія. Въ данномъ случаѣ Роде дѣлаетъ ту же самую ошибку, какъ и большинство современныхъ критиковъ гражданъ Утопіи, въ которыхъ они слишкомъ склонны видѣть «дѣтей природы», какъ основательно замѣчаетъ Дицель (Vierteljahrschr., III, стр. 396).

14) Марксъ, Kapital, I, 3, 541.

15) Діодоръ, II, 57, 3.

16) Энгельсъ, «Anti-Dühring», стр. 315 и сл.

17) По мѣткому замѣчанію Фуртвэнглера въ его очеркѣ исторіи жанроваго ваянія у грековъ (человѣкъ, извлекающій колючку, и мальчикъ съ гусемъ). Стр. 66.

18) Фуртвэнглеръ, ib.

19) Фуртвэнглеръ, стр. 67.

20) Діодоръ, II, 57. Ср. и описаніе мѣстности у Эвгемера, ibid. V, 43.

21) Шварцъ, «Griechischer Roman», стр. 97.

22) Ib. C. 88.

23) Этого мнѣнія придерживается и Роде.

24) См. Роде, стр. 231 и 240 и сл.

25) Относительно этого я согласенъ со Шварцомъ (стр. 89).

26) Если Людв. Штейнъ (ib. стр. 292) утверждаетъ какъ относительно романа Ямбула, такъ и относительно романа Эвгемера, что ихъ соціально-философское содержаніе настолько ничтожно что онъ можетъ безъ ущерба не касаться ихъ, сославшись на прекрасный разборъ ихъ у Роде, то вѣдь это—сужденіе изъ вторыхъ рукъ. Оно основано не на собственномъ чтеніи, но на изложеніи Роде, вполнѣ чуждаго тѣмъ вопросамъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ идетъ дѣло, и вслѣдствіе этого упускающаго изъ виду важнѣйшія въ соціально-историческомъ отношеніи черты романа.

27) Такъ, напр., Каутскій, «Thomas Morus», стр. 291, и Циглеръ въ вышеупомянутомъ изданіи Мора, XXIX.

28) Каутскій, стр. 292.

29) Marx, «Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms». Neue Zeit., IX, 1, стр. 561 и сл.

30) Энгельсъ, «Anti-Dühring», стр. 315.

31) Ib., стр. 318.

32) Какъ это дѣлаетъ Циглеръ, l. c. XXXI. Впрочемъ, эта характеристика неправильна и относительно Мора. См. Дицель, l. c. III, C. 393 и сл.

33) Уже Аристотель упоминаетъ въ «Политикѣ» (I, 2, 3 p. 1253 b) о родѣ мыслителей,

отрицавшихъ рабство, какъ противорѣчащее природѣ, и требовавшихъ его уничтоженія въ виду того, что каждый естественно рождается для свободы. Представителемъ этого направленія онъ называетъ Алкидама Эгейскаго, ученика Горгія. См. Аристотель, Rhet., I, 12, p. 1373 b. и схоліи къ этому мѣсту.

34) Впрочемъ, и въ разсказѣ объ эвгемеровомъ идеальномъ государствѣ такъ же, какъ и въ изложеніи Ямбула, нѣтъ рѣчи о рабствѣ.

35) II, 56.

36) Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что уже Мору было извѣстно изложеніе соціальныхъ романовъ Эвгемера и Ямбула у Діодора. Вѣдь уже съ 1472 года существовалъ латинскій переводъ Діодора, сдѣланный Поджіо. Французскіе и итальянскіе переводы и спеціальныя изданія соотвѣтственныхъ отдѣловъ Діодора, издававшіеся въ XVI столѣтіи, свидѣтельствуютъ о томъ, какой интересъ вызывалъ въ данную эпоху въ особенности романъ Ямбула (см. каталогъ британскаго музея). Какъ отмѣчено выше, не подлежитъ сомнѣнію и вліяніе, оказанное этимъ романомъ на Кампанеллу.

37) Циглеръ, «Thomas Morus», XXXV.

38) Каутскій, «More», стр. 286.

39) Нынѣшняя соціалъ-демократія, понятно, весьма заинтересована въ томъ, чтобы какъ можно болѣе подчеркивать «коренное различіе» между античнымъ и новѣйшимъ соціализмомъ. Вѣдь въ противномъ случаѣ безуспѣшность античнаго соціализма могла бы имѣть значеніе прецедента, свидѣтельствующаго не въ пользу нынѣшняго соціализма. Эту точку зрѣнія прямо выражаетъ Каутскій, «More», стр. 1.

40) Г. Герцогъ «(Kommunismus und Sozialismus im Altertum». Beil. zur. Allg. Ztg., 1894 № 166) высказалъ этотъ невѣроятно наивный взглядъ, который можно было бы обойти молчаніемъ, если бы онъ не являлся прискорбнымъ симптомомъ, къ сожалѣнію, все еще весьма распространеннаго среди представителей науки о древнемъ мірѣ отсутствія соціально-историческаго образованія.

41) Дройзенъ, «Aristophanes». II, 3, 329.

ГЛАВА VI.

Отдѣлъ I.—Государство-городъ какъ родина соціализма.

1) Ср. Θук., II, 36, 2, и Аристотель, Pol. I, 1, 8, 1252b. Въ этомъ отношеніи и къ греческому πόλις примѣнима характеристика средневѣковаго города-государства, сдѣланная Шенбергомъ въ Jbb. f. Nationalök. u. Stat. 1867, стр. 1 и сл.

2) По мѣткому замѣчанію Ратцеля, «Politische Geographie», впервые систематически выяснившаго политическіе результаты тѣсныхъ и обширныхъ пространствъ (стр. 352 и сл.), хотя и не въ занимающемъ насъ въ данномъ случаѣ направленіи.

3) Буркхардтъ, «Griechische Kulturgeschichte», I, 271.

4) Такъ, напр., состояніе хлѣбныхъ запасовъ столь же часто служило предметомъ обсужденія въ аѳинскомъ народномъ собраніи, какъ и «безопасность страны». См. Аристотель Ἀθη. πολ. 43; см. тамъ же (50 и сл.) характерныя данныя относительно практики экономически-политическаго управленія въ Аѳинахъ.

5) Эта своеобразная особенность греческаго πόλις лучше выражается англійскими терминами city-community (Гротъ) или city-commonwealth, чѣмъ нѣмецкимъ терминомъ «Stadtstaat». Ратцель мѣтко замѣчаетъ въ прекрасной главѣ, трактующей о «государствѣ какъ опредѣляемомъ почвой организмѣ» («Политическая географія»): «Конечно, аѳиняне, въ ихъ небольшой странѣ, каждый уголокъ который былъ имъ знакомъ, и которую политически утилизировали въ теченіе вѣковъ, могли понять замѣчаніе Платона относительно того, что человѣкъ и государство отличались другъ отъ друга лишь размѣрами.

6) Особенно изящно эта мысль формулирована Еврипидомъ, fr. 795.

7) Аристотель, Pol., I, 1. 8. 1252b.

8) Какъ предполагаетъ Бэкъ, «Staatshaushaltung» I,3,66. См. относительно этого также Кэрстъ, «Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altert.», стр. 8.

9) Уже изъ того, что эта государственная идея вновь появляется въ силу однихъ и тѣхъ же комплексовъ причинъ, коренящихся въ психологіи массъ, какъ въ средневѣковомъ городѣ-государствѣ, такъ и нынѣ, вытекаетъ, что она не представляетъ собой чего-либо специфически античнаго. «Эта эпоха—замѣчаетъ Бюхеръ («Entstehung der Volkswirtschaft», S. 49) о среднихъ

вѣкахъ—«связывала съ наименованіемъ «гражданинъ» правовое и нравственное содержаніе, въ которомъ какъ бы вновь ожила государственная идея древнихъ грековъ». А относительно нынѣшняго времени Адольфъ Вагнеръ («Die akademische Nationalökonomie und der Socialismus») говоритъ: «Собственно говоря, теперь нѣмецкая экономическая и соціальная теорія и практика только сознательно вновь становятся на старинную, воистину классическую почву, на которой должны приблизиться къ осуществленію—конечно, въ истолкованіи, соотвѣтствующемъ духу новаго времени и съ помощью новыхъ средствъ—слова великаго Стагирита».

10) См. Аристотель Ἀθην. πολ., 49.

11) См. Ратцель, l. c.

12) «Geschichte des Hellenismus», III, 2, 181.

13) Буркардтъ, l. c.

14) πόλις имѣлъ для грека то преимущество, что число гражданъ было легко «обозримо» Аристотель Pol. IV, 4, 8 1326b), что граждане знали другъ друга (Ib. § 7).

15) Какъ характерно, что, въ концѣ концовъ, городъ обоготворяетъ самъ себя какъ башню счастья со стѣннымъ вѣнцомъ! Ср. превосходныя замѣчанія о городѣ у Буркхардта, который мѣтко называетъ его «выраженіемъ общей, въ высшей степени дѣятельной и способной къ дѣйствію воли» (I, стр. 77 и сл.).

16) Nic. Dam., 28 по Эфору.

17) Ps. Heracl. V. у Müller'a F. H. Gr. II, 212. Правда, нѣчто аналогичное, хотя врядъли въ такихъ размѣрахъ, существовало въ Коринѳѣ еще и въ позднѣйшую эпоху, согласно Дифилу (у Аѳенея, VI, 227).

18) Аристотель, Ἀθπ, 16, о Писистратѣ. То же самое утверждалось и относительно эпохи Гиппарха; см. псевдоплатоновъ діалогъ, Гиппархъ, 229 b.

19) По словамъ Плутарха (Солонъ, 15), таково было даже мнѣніе «большинства».

20) Въ эпоху первой мессенской войны, согласно Эфору (у Юстина III, 4).

21) Замѣчаніе Аристотеля («Политика», III, 1, 5 b) характерно выражаетъ общее народное убѣжденіе.

22) По заявленію любекскаго совѣта. См. Шенбергъ, ib., стр. 16.

23) До какой степени характерно хотя бы цѣликомъ сложившееся на почвѣ города-государства воззрѣніе, согласно которому политическій союзъ есть родъ дружбы, такъ что между согражданами должна существовать и общность, какъ между друзьями. См. Эвд., «Этика», 10, 1242.

24) Характерныя замѣчанія Аристотеля (IV, 4, 5 и сл. 1326 a и b) свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени принималось въ разсчетъ значеніе этихъ небольшихъ размѣровъ государства для осуществленія цѣли, заключающейся въ благополучіи гражданъ.

25) Ратцель, l. c., стр. 353 и сл.

26) Дѣло идетъ о томъ, чтобы «mettre l'homme vrai dans son vrai milieu».

27) Требованіе, формулируемое Э. Мейеромъ, G. d. A. II, стр. 30, относительно «равномѣрности изложенія», оказывается совершенно невыполнимымъ, именно поскольку дѣло идетъ о древней исторіи.

Отдѣлъ II. —Аристократическое государство и зачатки капитализма и соціализма.

1. Плутократическія тенденціи въ эпоху государства знати.

1) См. т. I, стр. 109.

2) Значеніе, придаваемое въ дальнѣйшемъ изложеніи понятію «капиталистическое хозяйство», совпадаетъ съ концепціей Кнапна, развитой въ прекрасной статьѣ о «наслѣдственной подчиненности и капиталистическомъ хозяйствѣ». См. его книгу, «Der Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit», стр. 43 и сл.

3) См. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 180 (изъ эллинскаго средневѣковья).

4) Ѳукидидъ характеризуетъ эпоху роста силы капитала: I, 13. Ср. характеристику у Мейера, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums , стр. 18 и сл. Ф. Кауэръ, Parteien und Politiker in Megara und Athen», подчеркиваетъ, что тогда на греческій рынокъ сразу попали продукты разработки лидійскихъ, кипрскихъ и испанскихъ рудниковъ. Онъ приписываетъ этому открытію новыхъ источниковъ золота и серебра дѣйствіе, аналогичное вліянію, оказанному открытіемъ Америки. Этотъ взглядъ пусть останется безъ разсмотрѣнія.

5) См. томъ I, стр. 101 и сл.

6) Fr. 13, v. 72. Ср. Theognidea, v. 227 и сл.

7) Ср. мою книгу «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 193 и сл.

8) Соотвѣтствующія цитаты см. ib., стр. 176.

9) «Одиссея», I, 185.

10) Геродотъ, II, 135. Страбонъ, p. 808. Аѳиней, p. 596.

11) Аристотель 'Αθπ. 11 о Солонѣ.

12) v. 1197 и сл. При этомъ для отношенія знати къ торговлѣ въ высшей степени характерно, что Ѳеогнидъ даетъ совѣтъ выбирать лишь знатнаго человѣка сотоварищемъ при торговыхъ путешествіяхъ, v. 1165 и сл.

13) v. 683.

14) v. 183 и сл.

15) v. 523 и сл. Нельзя не вспомнить проклятія золоту въ шекспировомъ Тимонѣ (IV, 3).

Тимонъ (*копаетъ землю*).

Земля, дай мнѣ кореньевъ, а тому,
Кто лучшее въ тебѣ найти желаетъ,
Вкусъ услади своимъ сильнѣйшимъ ядомъ!
Что вижу я? Какъ! золото? металлъ
Сверкающій, красивый, драгоцѣнный?
Нѣтъ, боги! нѣтъ, я искренно молилъ:
Кореньевъ мнѣ, безоблачное небо!
Тутъ золота довольно для того,
Чтобъ сдѣлать все чернѣйшее бѣлѣйшимъ,
Все гнусное—прекраснымъ, всякій грѣхъ—
Правдивостью, все низкое—высокимъ,
Трусливаго—отважнымъ храбрецомъ,
Все старое—и молодымъ, и свѣжимъ!
Къ чему же мнѣ, о боги, это все?
Безсмертные, къ чему—скажите? Это
Отъ алтарей отгонитъ вашихъ слугъ,
Изъ-подъ головъ больныхъ подушки вырветъ.
Да, этотъ плутъ сверкающій начнетъ
И связывать, и расторгать обѣты,
Благословлять проклятое, людей
Ницъ повергать предъ застарѣлой язвой,
Разбойниковъ почетомъ окружать,
Отличьями, колѣнопреклоненьемъ,
Сажая ихъ высоко, на скамьи
Сенаторовъ. Вдовѣ, давно отжившей,
Дастъ жениховъ; раздушитъ, расцвѣтитъ,
Какъ майскій день, ту жертву язвъ поганыхъ,
Которую и самый госпиталь
Изъ стѣнъ своихъ прочь гонитъ съ отвращеньемъ!

16) Ib., 520.

17) Гесіодъ, «Труды и дни», 313.

18) Ib., 685.

19) Алкей, Fr. 49. Ср. Poet. Lyr. Gr., III⁴, 168.

20) Ср. Pindar. Isthm., II, 11.

21) Fr. 5 у Бергка P. L. Gr. II⁴, 38. См. Аристотель 'Αθπ., 12, 1.

22) Fr., 4.

23) ἡ πλουτίς (ср. «Richerzeche» «стариннаго Кельна» (!), отстаивающая аристократическіе интересы противъ «партіи кулаковъ» (ἡ χειρομάχα). Плутархъ, Quaest. Gr., 32, p. 298c.

24) Уже у Солона Fr. 4.

25) По его мнѣнію, τροφή, естественно, сочетается съ ὀλιγαρχία, Пол., VIII, 8; 7, 1311a. Ср. § 21 относительно сыновей и VI, 12, 9, относительно женщинъ въ олигархическомъ обществѣ.

26) Эдуардъ Мейеръ правильно указываетъ (G. d. A., II, 366) и на изображеніе города феаковъ, который могъ представлять собой лишь воспроизведеніе реальныхъ отношеній, существовавшихъ хотя бы, напр., въ Милетѣ.

27) Ср. Зиттль, «Die Patrizierzeit der griechischen Kunst».

28) Pol. I, 13; 19, 1258a.

29) Ѳеогнидъ прямо-таки высказываетъ мысль, что избытокъ уже погубилъ большее количество людей, чѣмъ голодъ; v. 605 и сл. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи его выраженій мы можемъ заключить, что существовала весьма распространенная и пагубная роскошь. Въ одномъ мѣстѣ самъ онъ прямо-таки призываетъ къ раздѣльной жизни и къ расточительности, 1007 и сл. А если онъ и предостерегаетъ отъ послѣдней въ другомъ мѣстѣ, то все же изъ того, какъ онъ мотивируетъ свое предостереженіе, ясно, что въ глубинѣ души поэтъ склоняется именно къ тому, что онъ отсовѣтываетъ. 903 и сл.

30) Ѳеогнидъ, 1157 и сл.

31) Опредѣленіе богатства у Ѳеогнида, v. 1185 и сл., свидѣтельствуетъ о томъ, какое значеніе уже пріобрѣли деньги.

32) Фокилидъ, fr. 7.

33) Разсказъ одного очевидца объ отношеніяхъ, и теперь продолжающихъ существовать въ Сициліи, даетъ возможность судить о невыразимой нищетѣ, которую могутъ вызывать для бѣднаго арендатора аренда долями, связанная съ заимообразными ссудами, и эксплуатація затруднительнаго положенія помѣщика. Онъ описываетъ отмѣриваніе зернового хлѣба въ амбарѣ. «Когда отмѣриваніе окончилось, у крестьянина осталась лишь горсть зерна; все остальное принадлежало помѣщику. Крестьянинъ облокотился рукой и подбородкомъ о ручку лопаты и неподвижно смотрѣлъ то на эту горсть зерна, то на свою жену и на своихъ дѣтей. И, соображая, что послѣ цѣлаго года напряженной работы у него остается для прокормленія семьи всего лишь эта горсть, онъ буквально оцѣпенѣлъ, и у него вырвалась слеза. Извѣстно, что послѣ раздѣла нѣкоторымъ крестьянамъ не только совсѣмъ не достается зерна, но еще они же и остаются въ долгу».

34) «Кабалы», какъ выражается Солонъ, fr. 36, 4; Аристотель, Ἀθπ., 124. Онъ говоритъ о ὅροι πολλαχῆ πεπηγότας. Это свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени распространена была задолженность!

35) Фрезе. Ib. f. Nat. ök. u. St. Bd. 61, 666.

36) См. Аристотель, Ἀθπ., 11.

37) Pol., VIII, 6; 4, 1307a.

38) Гесіодъ, «Труды и Дни», 202 и сл. Это древнѣйшая, извѣстная намъ европейская басня

39) Гесіодъ. Ib., 247. Ср. также старинную нѣмецкую поговорку:

Сильный становится дерзкимъ. Большія рыбы пожираютъ маленькихъ.

40) У Гесіода, ib., 209 и сл.

41) Ib., v. 219 и сл., 260 и сл.

42) v. 300 и сл.

43) Ἀθπ., V, 3.

44) Аристотель. Ἀθπ., XII, 2.

45) Fr. 13; V, 73 и сл.

46) Fr. 4.

47) Fr. 36, $_{12}$. Аристотель, Αθπ. XII, 4. Характернымъ, роковымъ послѣдствіемъ этой неволи являлось то, что она еще значительно усиливала развиваемую капиталистической эволюціей тенденцію къ безнравственной эксплуатаціи. Пока существовало производство для собственнаго потребленія, эксплуатація, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени ограничивалась потребностями тѣхъ, въ чью пользу должны были поступать предметы потребленія. Но съ тѣхъ поръ, какъ къ принудительной работѣ присоединилось еще и производство для сбыта на рынкѣ, послѣдствія ставшаго необузданнымъ стремленія къ наживѣ должны были сдѣлаться особенно ощутительными именно для беззащитнаго, несвободнаго работника. Въ виду этого точка зрѣнія нынѣшней соціалистической критики общества, усматривающей въ товарномъ производствѣ при наличности принудительнаго труда наихудшую форму эксплуатаціи, не лишена основательности.

48) v. 847 и сл.

49) Правда, эта фразеологія была усвоена аристократами уже и въ прежнее время; напр., она встрѣчается у гомеровскихъ юнкеровъ. Вообще, уже въ эпосѣ можно констатировать отталкивающія черты, свидѣтельствующія объ униженности массы и о пренебрежительномъ обращеніи съ нею господъ (см. стр. 70, «Aus Altertum und Gegenwart»). Ср., напр., мѣсто у Гомера («Одисс.», 21, 85 съ выраженіями Ѳеогнида, v. 233 и сл. и v. 60.

50) v. 53 и сл.

51) v. 525 и сл.

52) Bergk, P. L. Gr., II^4, 942.

53) Это сравненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ и тому, что Ѳеогнидъ (v. 1255) объявляетъ идеаломъ жизни.

2. Пробужденіе массы и революціонизированіе общества.

1) Ѳеогнидъ, v. 234.

2) Ср. Зомбартъ, «Sozialismus und soziale Bewegung im XIX Jahrhundert» (1896), стр. 15 и сл.

3) 225 и сл.

4) v. 182.

5) v. 185.

6) Кирхгоффъ («Hesiods Mahnlieder an Perses», стр. 51) неосновательно оспариваетъ принадлежность стиховъ 178—197 Гесіоду. Ср. возраженія Э. Мейера противъ этого мнѣнія, «G. d. A.», II, 417.

7) Это чаяніе выражается въ желаніи поэта родиться или до желѣзнаго поколѣнія, т.-е. до современной ему эпохи, или позднѣе. v. 175.

8) И, по мнѣнію Кирхгоффа (стр. 56), говорить такимъ образомъ съ людьми на улицѣ— значитъ играть роль Ѳерсита.

9) По мнѣнію Аристотеля, ненависть къ богачамъ (ἀπέχθεια ἡ πρὸς τοὺς πλουσίους) была главной причиной того, что въ эту эпоху вожаки и лица, пользовавшіяся довѣріемъ народа, такъ часто достигали монархической власти. Pol. VIII, 4; 5, 1305a.

10) Какъ полагаетъ Зомбартъ, ib., стр. 8.

11) Врядъ ли нужно подчеркивать, что наше изложеніе относится только къ этимъ мѣстностямъ.

12) См. выше, стр. 55.

13) Солонъ, fr. 4. См. объясненіе этого мѣста у Виламовица, «Аристотель и Аѳины», II, 306.

14) Въ Theognidea, v. 671 и сл.

15) δασμὸς δ'οὐκέτ' ἴσος γίνεται ἐς τὸ μέσον. Намъ неизвѣстны тѣ факты, которые имѣются въ виду въ этомъ мѣстѣ. Однако, Э. Мейеръ (ib., стр. 610), конечно, правильно замѣчаетъ, что оно можетъ относиться не къ раздѣлу имуществъ революціонерами, стало-быть, не къ какому-нибудь коммунистическому акту, а только къ распредѣленію общихъ доходовъ. «Алчные люди, правящіе государствомъ, загребаютъ доходы въ собственные карманы, вмѣсто того, чтобы равномѣрно распредѣлять ихъ между всѣми».

16) Ѳеогнидъ, стр. 542 и сл., 603 и сл., 47 и сл., 39 и сл.

17) 233 и сл., 53 и сл.

18) 409 и сл.

19) 289 и сл.

20) 683 и сл., 819 и сл.

21) Аристотель, Ἀθπ., XIII.

22) По прекрасному замѣчанію Дондорфа, «Adel und Bürgertum im alten Hellas». Hist Zeitschr., 31, стр. 234 и сл.

23) Эрдманнсдэрферъ, «Das Zeitalter der Novelle». Preuss. Jbb., т. 25, стр. 40.

24) Ѳеогнидъ, v. 647 и сл.

25) Зомбартомъ, ib., стр. 11.

26) Превосходнымъ символомъ этого переворота является двойной бюстъ Гомера и Архилоха.

27) Ѳеогнидъ, 57.

28) Т.-е. въ наиболѣе передовыхъ приморскихъ и торговыхъ государствахъ на берегахъ Эгейскаго моря.

29) Ср. прекрасное описаніе этого культурнаго процесса у Э. Мейера. «Gesch. d. Alt.», т. III.

30) Гомперцъ, «Griechische Denker», т. I, стр. 65.

31) «Die Philosophie Herakleitos des Dunklen», I, 51; II, 443.

32) См. Аристотель, Ἀθπ., XII, 5.

33) Зомбартъ, ib., стр. 12, относительно исторіи соціализма новаго времени.

3. Аграрный соціализмъ и аграрная реформа въ шестомъ столѣтіи.

1) По замѣчанію Зомбарта (стр. 33), о первоначальной стадіи пролетарскаго движенія въ новое время, которое вполнѣ примѣнимо и къ занимающей насъ эпохѣ.

2) Аристотель, «Политика», XIII, 4, 5; 1305a.

3) Зомбартъ, стр. 34.

4) О томъ, какое значеніе получило въ Мегарѣ—равно какъ и въ Аттикѣ—овцеводство, свидѣтельствуютъ Θеогнидъ (v. 183), храмъ дарящей овецъ Деметры (Павзаній, I, 44, 4) и грандіозное развитіе мегарскихъ суконныхъ мануфактуръ, которыя, конечно, возникли задолго до того, какъ о нихъ упомянулъ Ксенофонтъ, Мет., II, 7, 6. Всюду, въ особенности до эпохи каменнаго угля и желѣза, ткацкая промышленность—особенно изготовленіе болѣе тонкихъ тканей—означаетъ достиженіе кульминаціоннаго пункта промышленнаго развитія. Итакъ, соціальная революція представляетъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, и результатъ отношеній, свидѣтельствующихъ объ экономическомъ прогрессѣ.

5) Подобно тому, какъ въ пролетарскихъ движеніяхъ въ нѣмецкихъ городахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ лозунгъ мятежныхъ массъ гласилъ: «se wolden dorch de huse ghan, nycht vele scholde dort bestan» (они хотѣли обходить дома; немного должно было тамъ уцѣлѣть). С. Казеръ, «Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des XVI Jahrh.», 1899. стр. 27.

6) Плутархъ, Moral, 295cd. Э. Мэйеръ истолковываетъ это въ томъ смыслѣ, что демосъ требовалъ допущенія къ пиршествамъ богачей, т.-е. къ общей трапезѣ правящихъ гражданъ. Однако, подобное объясненіе ни на чемъ не основано. Кромѣ того, оно упускаетъ изъ виду указываемый въ текстѣ характеръ этого движенія.

7) Фокилидъ, fr. 10.

8) См. Аристотель, Ἀθπ., XII, 3.

9) См. ib.

10) Ср. Θеогнидъ, 581 и сл.

11) Поэтому Кайбель и Кисслингъ очень вѣрно выразили смыслъ этого аграрнаго соціализма, передавъ въ своемъ переводѣ аѳинской политіи разъясненіе Солона относительно его увѣнчавшагося успѣхомъ сопротивленія этимъ требованіямъ словами: «не подобаетъ знатному и простолюдину одинаково пахать нашу тучную землю, раздѣленную на равные участки».

12) θεὸς ὣς τίετο δήμῳ, какъ гласитъ стереотипная формула у Гомера.

13) Напр., угрозу эмиссаровъ франконскаго отряда въ Нюрнбергѣ, что во всей странѣ не останется ни одного жилища, которое было бы лучше, чѣмъ крестьянская изба, и т. д.

14) Плутархъ, «Солонъ», стр. 16.

15) Бузольтъ, «Griech. Gesch». II, 2, 255, упускаетъ изъ виду значеніе движенія, полагая что требованіе раздѣла земель по существу дѣла относилось къ раздѣлу принадлежавшей крупнымъ землевладѣльцамъ земли, сдаваемой ими въ аренду подъ условіемъ отдачи извѣстной доли урожая (ἐπίμορτος γῆ) между обрабатывавшими ее шестидольниками (ἑκτήμοροι). И эта мысль содержится въ вышеуказанномъ требованіи, но она далеко не исчерпываетъ послѣдняго. Правильно поняли дѣло уже Аристотель, Ἀθπ. XI, 2, и Плутархъ, «Солонъ», 13. Ср. и вышеприведенное мѣсто изъ 16-ой главы.—Виламовицъ, исходя изъ правильнаго пониманія, полагаетъ («Aristoteles und Athen» II, 47), что среди демократовъ, требовавшихъ отъ Солона новаго раздѣла земли, господствовало сознаніе, что частное землевладѣніе возникло благодаря захвату земель, составлявшихъ ager publicus. Въ такомъ случаѣ, они по существу дѣла не признавали подлиннаго права частной собственности на землю. Я оставляю это предположеніе безъ разсмотрѣнія. Традиція не даетъ для него никакой точки опоры.

16) Впрочемъ, у Сенъ-Жюста дѣло шло даже и не о «полномъ», а лишь объ относительномъ равенствѣ.

17) См. Поллуксъ, VII, 151. Очевидно, сословіе шестидольниковъ было весьма многочисленно въ Аттикѣ.

18) Какъ правильно замѣчаетъ Зомбартъ, стр. 112.

19) Если, конечно, оставить въ сторонѣ такихъ наиболѣе крайнихъ доктринеровъ и идеологовъ, какъ Каутскій.

20) Какъ характерна двусмысленность въ программѣ соціалистическихъ половниковъ и сельскихъ рабочихъ нынѣшней Италіи. Въ этой программѣ провозглашается вмѣсто «собственности хозяевъ и богачей» собственность «всѣхъ рабочихъ»!.. «Собственность»—читалъ я весной 1897 года на одной соціалистической афишѣ на стѣнѣ достославнаго Broletto въ Брешіи—орудія труда, земля и т. д. должны быть отняты у незначительнаго класса хозяевъ и богачей и стать собственностью націи, т.-е. собственностью всѣхъ трудящихся». Подобно этому одна чисто-соціалистическая поэтесса выставляетъ на страницахъ журнала «Neue Zeit» требованіе: «Наиболѣе бѣдный долженъ жить на собственной землѣ подъ тѣнью своей

кровли»! Да и вообще утопически-коммунистическія конечныя цѣли, такъ называемые принципы, далеко не популярны среди массъ соціалъ-демократическихъ избирателей.

21) По выраженію соціалъ-демократическаго писателя Кальвера, («Einführung in den Sozialismus», VII), который усматриваетъ, слѣдовательно, соціалистическій элементъ и въ этомъ направленіи.

22) Все это упускаетъ изъ виду Адлеръ, утверждающій въ своей «Исторіи соціализма» (I, 17), что въ древности никогда не существовало соціалистической или коммунистической партіи, такъ какъ тогда боевой лозунгъ гласилъ не: «долой частный капиталъ!» или «долой частное землевладѣніе!», а развѣ «дайте намъ капиталъ!» или «дайте намъ поля»!.

23) Это упускаетъ изъ виду Плутархъ, сравнивающій («Солонъ», стр. 16) аттическое требованіе раздѣла земли (γῆς ἀναδασμός) съ «ликурговскимъ» раздѣломъ земли.

24) Конечно, только гражданъ государства, стало-быть, за исключеніемъ метэковъ и рабовъ.

25) Fr. 36.

26) Это доказываютъ и слова Солона, Аристотель, 'Αθπ., XII, 5.

27) Итакъ, эта была гораздо болѣе радикальная мѣра, чѣмъ та, которая, быть-можетъ, уже въ то же самое время была принята въ Мегарѣ, гдѣ кредиторы должны были вернуть лишь полученные отъ должниковъ проценты (παλιντοκία). Плутархъ, Moral., стр. 295c.

28) 'Αθπ., XIII, 3.

29) См. томъ I, стр. 202.

30) Ср. Поллуксъ, VII, 151.

31) Ф. Кауэръ, ib., стр. 69, и Бузольтъ, «G. G.», II, 2, 262, также считаютъ это вѣроятнымъ.

32) Аристотель, «Пол.», II, 4, 4, 1266 b. Для исторической концепціи представителей атомистическаго и односторонне капиталистическаго либерализма характерно, что Гротъ (II, стр. 106 нѣмецкаго перевода) не могъ рѣшиться признать, что это мѣсто имѣетъ тотъ смыслъ, который ему вообще придаютъ, хотя самъ онъ не былъ въ состояніи дать ему иное истолкованіе. Не мудрено, что требованіе раздѣла земли тѣмъ болѣе представляется Гроту чѣмъ-то «совершенно невѣроятнымъ». Правда, онъ располагалъ лишь свидѣтельствомъ Плутарха (с. 16) относительно этого требованія, между тѣмъ какъ теперь, благодаря «Аеинской политіи Аристотеля», мы имѣемъ недостававшее Гроту подтвержденіе изъ устъ самого Солона.—Въ данномъ случаѣ весьма осязательно сказывается противоположность между прежней доктринерски-либеральной исторіографіей и новымъ соціально-историческимъ трактованіемъ проблемъ. Ср. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 320 и сл.

33) Ibid.

34) Въ біографіи Солона Плутархъ превосходно характеризуетъ (с. 18) этотъ соціальный духъ, которымъ было проникнуто законодательство Солона, идеализируя, правда, его успѣхъ.

35) Относительно этого вопроса особенно прискорбна невѣроятная скудость традиціи. Мы не знаемъ, ни каковы были допускаемые закономъ размѣры земельной собственности, ни какимъ образомъ примѣнялся максимумъ, поскольку дѣло шло о существовавшихъ имущественныхъ отношеніяхъ; экспропріировался ли, напр., излишекъ, оказывавшійся у какого-либо лица, или же оно обязано было продать этотъ излишекъ, и т. п.

36) См. Аристотель, ib.

37) Лежавшая въ основѣ этихъ ограниченій идея характеризуется также приписываемыми Ѳалесу словами: наилучшая изъ демократій та, въ которой нѣтъ ни слишкомъ богатыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ гражданъ.

38) Возможно, что это не непосредственная традиція, а только выводъ Аристотеля. Но, во всякомъ случаѣ, онъ болѣе соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, чѣмъ мнѣніе Э. Мейера («G. d. A.», II, 663), согласно которому Солонъ «окончательно устранилъ соціальное бѣдствіе». Къ тому же этотъ взглядъ совершенно не согласимъ съ замѣчаніями Мейера относительно политики Писистрата (стр. 773) По словамъ Аристотеля, 'Αθπ., XIII, 5 къ Писистрату примкнули тѣ, «долги которыхъ были кассированы вслѣдствіе ихъ бѣдности». Ср. замѣчанія самого Солона о неудовлетворенности радикаловъ его реформою и объ ихъ склонности къ насильственному перевороту. Ib. с. 12. Пролетарскіе элементы, неимущая чернь, въ высшей степени враждебная богачамъ (ὁ θητικὸς ὄχλος καὶ μάλιστα τοῖς πλουσίοις ἀχθόμενος), какъ выражается Плутархъ («Солонъ», с. 29), должно-быть, преобладали особенно среди бѣднаго населенія нагорной полосы, на которое болѣе всего опирался Писистратъ.

39) И въ данномъ случаѣ историческая концепція нынѣшней соціалъ-демократіи, не желающей допустить, что въ прошломъ существовало что бы то ни было аналогичное теперешнему пролетарскому движенію, оказывается совершенно несостоятельной. Согласно этой концепціи, античный пролетарій будто бы всегда представлялъ собой нѣчто совершенно иное, чѣмъ проле-

тарій новаго времени, и относился къ этому послѣднему какъ «назойливый паразитъ-шалопай къ незамѣнимому труженику, на которомъ покоится вся культура» (Каутскій, «Томасъ Моръ», стр. 2). Усиленно работавшіе аттическіе поденщики, сельскіе рабочіе, половники, владѣльцы небольшихъ клочковъ земли—паразиты! И это выдаетъ себя за науку!

40) См. выше, стр. 61.

41) Этого мнѣнія придерживаются и Ф. Кауэръ (ib., стр. 95) и Бузольтъ, «Gr. G.», II 2, 327. Э. Мейеръ, «G. d. A.», II, 773, считаетъ достовѣрнымъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что Писистратъ предоставилъ бѣднѣйшему населенію невоздѣланные земельные участки и далъ необходимыя для первоначальнаго обзаведенія деньги. Относительно Коринѳа онъ считаетъ вѣроятнымъ, что тиранны Кипселъ воспользовался имѣніями Бакхіадовъ для надѣленія землею бѣднѣйшаго населенія и освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

42) Аристотель, Ἀθπ. XVI, 2.

43) Поскольку дѣло идетъ о сельскомъ хозяйствѣ, это была одна изъ тѣхъ эпохъ, для которыхъ Шмоллеръ («Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit», Jahrb. 1895, стр. 1073 и сл.) считаетъ характерной реакцію противъ эпохъ черезчуръ односторонняго соціальнаго дифференцированія.

Отдѣлъ III.—Гражданское общество и полное развитіе капитализма.

1. Капиталъ и трудъ.

1) См. перечисленіе у Аристофана, «Плутосъ», 162 и сл., 513 и сл., и у Поллукса, VII.

2) Характерно, какъ рано богатство отдѣльныхъ негоціантовъ обратило на себя вниманіе историковъ. См. Геродотъ, IV, 152. Относительно интенсивности меркантильнаго развитія см. Белохъ, «Die Handelsbewegung im Altertum», Jbb. f. Nationalök. u. Stat., 1899, стр. 626 и сл. Но его мнѣнію, торговые обороты аѳинской державы доходили до 500—600 милліоновъ марокъ, а греческаго міра вообще къ концу V вѣка—врядъ ли менѣе чѣмъ до двухъ милліардовъ марокъ.

3) Такъ, напр., существованіе фабричнаго производства можно констатировать въ мельничномъ и пекарномъ дѣлѣ, въ кожевничествѣ и въ производствѣ кожаныхъ вещей, въ столярномъ дѣлѣ и въ гончарномъ производствѣ, въ ткацкой промышленности, въ изготовленіи лампъ, ножей, мечей, щитовъ, музыкальныхъ инструментовъ, въ приготовленіи мазей и т. д. И притомъ здѣсь уже оказывается на лицо характерное для развитаго капитализма разграниченіе между предпринимателемъ и техническимъ руководителемъ (ἐπιστάτης, ἐπίτροπος, ἡγεμὼν τοῦ ἐργαστηρίου). Относительно крупныхъ предпринимателей, напр., въ строительномъ дѣлѣ, см. «Плутархъ», Периклъ, 13. Другіе примѣры у Чикотти, «Il tramonto della schiavitù nel mondo antico», 93. Доказательства наличности фабричнаго производства у Бюксеншютца, «Besitz und Erwerb», стр. 336 и сл., и у Белоха, «Die Grossindustrie im Altertum». Zeitschr. für Socialwissenschaft, т. II, стр. 21 и сл.

4) Ср. характерное для этого усовершенствованія техники описаніе Ксенофонта («Сугор.», VIII, 2, 5): «одинъ изготовляетъ мужскую, другой женскую обувь. Здѣсь одинъ живетъ лишь шитьемъ обуви, тамъ другой—исключительно кройкой. Одинъ только выкраиваетъ платья, другой лишь сшиваетъ куски матеріи. Чѣмъ проще работа, тѣмъ лучше она выполняется». Ксенофонтъ подчеркиваетъ и зависимость этого раздѣленія труда отъ размѣровъ рынка. Характерно, что этимъ разсужденіемъ онъ далъ поводъ нынѣшней соціалистической критикѣ направиться противъ будто бы выражающагося въ немъ «буржуазнаго инстинкта». См. Марксъ, «Капиталъ», I, 7381. Ср. также Hell, III, 4, 7, относительно достигшаго высокой степени развитія труда въ изготовленіи оружія.

5) См. предыдущее примѣчаніе.

6) Если Маури («I cittadini lavoratori dell' Attica nei secoli V° e IV° a. C.», c. 46) полагаетъ, что эта конкуренція не была особенно ощутительна для вольнаго труда, такъ какъ у фабрикантовъ не было машинъ, то онъ упускаетъ изъ виду, съ одной стороны, значеніе раздѣленія труда, съ другой стороны, техническія усовершенствованія, благодаря которымъ капиталистъ всегда зачастую могъ располагать болѣе выгодными техническими приспособленіями, чѣмъ тѣ, которыя былъ въ состояніи завести у себя мелкій ремесленникъ. Ср. Блюмнеръ, «Technologie», passim.

7) Аристотель, Ником. этика, VIII, 11, 6.

8) Μέρος τι τοῦ δεσπότου, Pol., I, 2, 20; 1255b.

9) Марксъ, I, 4, 342, относительно рабочаго новаго времени.

10) 20000 аттическихъ рабовъ, перешедшихъ къ непріятелю во время декелейской войны,

были, по словамъ Ѳукидида, VII, 27, 5, большею частью ремесленники. На фабрикѣ щитовъ оратора Лисія (см. его рѣчь противъ Эратосѳена, 8 и 19) было занято 120 рабовъ, на отцовской мебельной фабрикѣ Демосѳена (см. рѣчь противъ Афоба, I, 19)—20; на фабрикѣ ножей—30 (ib., I, 9). См. также Ксеноф., «Мем.», II, 3 и сл., и относительно рабовъ, занятыхъ въ горной промышленности, которые въ числѣ 300, 600 и даже 1000 человѣкъ являются собственностью отдѣльныхъ гражданъ, сочиненіе о доходахъ, 4, 14.—Индустріальные коринѳяне называются въ одномъ мѣстѣ χοινικομέτραι, какъ-будто ихъ главное занятіе заключалось въ томъ, чтобы отмѣривать рабамъ ихъ ежедневную порцію. Конечно, огромныя числа рабовъ, приводимыя у Аѳенея. VI, 272b, не заслуживаютъ довѣрія.

11) См. ниже.

12) Ср. Платонъ, «Законы», 846e. Относительно этого, т. I, стр. 237, и Діодоръ, I, 74.

13) Ср., напр., Лисій, Περὶ ἀδυνάτου.

14) См. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 189 и сл.

15) Такъ наз. ἀποφορά отъ ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα.

16) Впрочемъ, это было и косвеннымъ результатомъ того, что покупательная сила несвободнаго населенія не могла увеличиться; что она не могла значительно способствовать развитію производства путемъ спроса на предметы, служащіе для удовлетворенія новыхъ житейскихъ потребностей.

17) Тимей, fr. 67 (у Аѳенея, VI, 272b).

18) Надпись, относящаяся къ первому вѣку до Р. Хр., C. I, Gr. II add. 2374e, строка 15 и сл. Къ сожалѣнію, сохранилось еще одно только аналогичное сообщеніе относительно стачки въ послѣднюю эпоху древней исторіи, а именно: относительно забастовки ремесленниковъ и рабочихъ, занятыхъ въ строительномъ дѣлѣ, къ которой относится надпись № 628 у Леба-Вадингтона.

19) «Kapital» I, 4 305. Поучительную параллель представляетъ и Карлейлево описаніе ирландской конкуренціи («Chartism», c. 4).

20) Псевдо-Ксенофонтъ, Ἀθ. πολ., 11. Конечно, такъ выражается противникъ Демоса, но нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ правильности его утвержденія.

21) Аристофанъ, Женщины въ нар. собраніи, 310. Мнѣніе Франкотта, «L'industrie dans la Grèce ancienne», 1900, стр. 314, согласно которому упоминаемые въ данномъ случаѣ рабочіе были государственными рабами, ни на чемъ не основано.

22) Ср. домашній бюджетъ, составленный Бэкомъ, «Staatshaushaltung der Athener», I, 2, 142. Правда, по мнѣнію Белоха («Griech. Gesch.», I, 415 и сл., ср. II, 357 и сл.), рабочая семья могла «во всякомъ случаѣ прожить» при такомъ поденномъ заработкѣ. Но и онъ признаетъ, что, «когда поднимались цѣны на хлѣбъ, нужда была, конечно, очень велика». Мнѣ непонятно, какимъ образомъ, признавая это, Белохъ все-таки можетъ держаться того взгляда, что въ Аѳинахъ к а ж д ы й, желавшій трудиться, л е г к о находилъ выгодный з а р а б о т о к ъ (II, стр. 362).

23) Ѳук., VIII, 45; ср. 29. Ксенофонтъ, Hell., I, 5, 7. Белохъ, II, 358, основательно замѣчаетъ по этому поводу, что, быть-можетъ, прибавлявшееся къ этой платѣ содержаніе не имѣло большого значенія.

24) Конечно, приходится согласиться съ Кирхгоффомъ (Abh. d. Berl. Ak., 1876, стр. 56), что эта заработная плата, которую государство платило въ тяжелое военное время, не могла быть вполнѣ нормальной.

25) Столько получали пильщики камней и каменщики при постройкѣ Эрехѳейона въ послѣдніе годы Пелопонесской войны, C. I. A. I, 324; ср. 325, причемъ, конечно, приходится, вмѣстѣ съ Белохомъ, предположить, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ и объ обученныхъ рабочихъ.

26) Ксенофонтъ, Мем., II, 8, 2.

27) Въ разсчетахъ управленія элевсинскимъ храмомъ, C. I. A. II, 834b. Ср. 834c.

28) Ср. данныя у Белоха, II, 355 и сл., предполагающаго, что въ четвертомъ вѣкѣ произошла прямо-таки революція въ цѣнахъ, «въ родѣ той, которую мы наблюдали въ серединѣ XIX вѣка». Этотъ взглядъ оставляю безъ разсмотрѣнія.

29) Ср. тамъ же документъ 834b. Маури (ib., стр. 86) полагаетъ, что при заработной платѣ, равнявшейся 1½ драхмамъ, вознагражденіе за свободный трудъ превышало вознагражденіе за рабскій трудъ всего лишь на 2 обола ежедневно. Можетъ-быть, это предположеніе справедливо въ отдѣльныхъ случаяхъ, но его нельзя признать вѣрнымъ въ столь общей формулировкѣ.

30) Извѣстное свидѣтельство Аѳенея, IV, 168b, о томъ, что, будучи учениками, философы Менедемъ и Асклепіадъ (въ III вѣкѣ) зарабатывали лишь по двѣ драхмы тяжелымъ трудомъ на мельницѣ и притомъ работая ночью, подтверждаетъ, что такова приблизительно была средняя плата.

31) По словамъ Демосѳена, XLII, въ Аѳинахъ въ IV вѣкѣ было трудно просуществовать, имѣя капиталъ въ 45 минъ, т.-е.—при 12%—получая 540 драхмъ годового дохода. По вычисленію Маури, въ Аттикѣ минимумъ, необходимый для существованія семьи, состоявшей изъ четырехъ человѣкъ, равнялся 525 др. въ концѣ IV вѣка, а 400 др. въ концѣ V вѣка, такъ что заработная плата, равнявшаяся 1½ др. (въ IV вѣкѣ) или 1 др. (въ V вѣкѣ) оказывалась бы ниже этого минимума необходимаго для существованія.

32) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., и сохранившіеся въ надписяхъ разсчеты, относящіеся къ постройкамъ въ святыняхъ Делоса и Эпидавра. Ср. Homolle, Correspond. hell., XIV, 478 и сл., и Баунакъ, Aus Epidauros, стр. 47.

33) Судебныя рѣчи Лисія, Исея, Демосѳена, столь выясняющія намъ имущественное положеніе аттической буржуазіи, наглядно свидѣтельствуютъ объ этомъ предпочтеніи вкладывать капиталы въ землю.

34) Ср. Ѳукидидъ, II, 65, 2. Исократъ, VII, 52.

35) Ср. замѣчаніе Гекатея у Діодора, I, 74.

36) Ср. сопоставленіе данныхъ относительно этого у Гиро, «La propriété foncière, en Grèce», стр. 393.

37) Περὶ πόρων, IV, 6.

38) Демосѳенъ (въ защиту Форміона) V, 36 и сл. Относительно этого Белохъ, II, 351.

39) XXIII, 208.

40) Περὶ συντάξεως, 30.

41) (Демосѳенъ) XLII, 5, 7, 20; по этому поводу Бэкъ, I, 3, 563.

42) Демосѳенъ, I.V, 1. См. Діодоръ, XIII, 84 (изъ Агригента) и характерное выраженіе Менандра (Kock, III, 267, fr. 1099).

43) Такъ, напр., Аристотель, «Политика», VII, 2, 5 и сл. 1319a.

44) Ср. Серингъ, «Die Agrarfrage und der Sozialismus». Schmollers Jahrb., 1899 (Jahrg., 23), стр. 1543.

45) Для Демосѳена не подлежало сомнѣнію, что въ его время народонаселеніе Эллады значительно превышало ея народонаселеніе въ эпоху персидскихъ войнъ (Phil., III, 40). Ср. также Аристотель, Пол., III, 1; 8; 1286b и VI, 5, 5; 1293a.

46) Въ виду большого числа найденныхъ закладныхъ камней, изъ которыхъ ни одинъ не древнѣе четвертаго вѣка, было основательно замѣчено, что это не можетъ быть случайностью. Ср. «Recueil des inscriptions juridiques grecques par Dareste» etc., стр. 122. Конечно, эта задолженность вовсе не вездѣ является симптомомъ экономическаго упадка, но иногда она служитъ симптомомъ улучшенія и расширенія производства. Капиталъ повышаетъ цѣнность труда, повышая его производительность.

47) С. Гицигъ, «Das griechische Pfandecht», 1895.

48) Рошеръ («Ansichten der Volkswirtschaft», I, 2, 278) основательно считаетъ достовѣрно установленнымъ, что особенно въ Аттикѣ образованію большихъ имѣній предшествовало раздробленіе земельной собственности. Аналогичнаго взгляда придерживается и Гиро, l. c.

49) Упоминаемый Лисіемъ, VII, земельный участокъ чрезвычайно часто переходилъ отъ одного арендатора къ другому, что, конечно, отнюдь не рисуетъ положенія этого класса въ благопріятномъ свѣтѣ.—И мелкіе размѣры арендуемыхъ участковъ, удостовѣряемые надписями съ IV вѣка, по крайней мѣрѣ, отчасти являются неблагопріятнымъ симптомомъ.

50) Исократъ (Ареопаг., 32) съ грустью вспоминаетъ о томъ добромъ старомъ времени, когда богатые, чтобы помочь бѣднымъ, довольствовались дешевой арендной платой.

51) Ср., напр., какую значительную роль играли въ борьбѣ между корцирскими олигархами и демократами, очевидно, весьма многочисленные рабы, занимавшіеся земледѣльческимъ трудомъ. Ѳук., III, 73. Относительно совмѣстнаго труда рабовъ и свободныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ ср. Платонъ, Эвтифронъ, 4c, а относительно рабовъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще—Демосѳенъ, XVIII, 5, и Псевдо-Демосѳенъ, LIII, 21. Отрывокъ изъ Гиперида, очевидно, относящійся къ предложенному ораторомъ послѣ битвы при Херонеѣ собиранію ополченія, доказываетъ, какъ много ихъ было въ Аттикѣ. Очевидно, въ данномъ случаѣ предполагалось весьма значительное количество способныхъ сражаться рабовъ, если и признать—вмѣстѣ съ Белохомъ (Bevölkerung», стр. 98) и Э. Мейеромъ (Forschgn., II, 188) указываемое число—150000 человѣкъ—столь же апокрифическимъ, какъ и 400000 аттическихъ рабовъ въ 310 г., упоминаемыхъ Ктесикломъ у Аѳенея, VI, 272c. Правда, Сеекъ («Die Statistik in der Alten Gesch.», Jahrb. f. Nat. u. Stat., 1897, стр. 5) снова высказался за историчность этого послѣдняго числа, которое и представляется ему доказательствомъ «значительнаго усиленія нищеты и богатства, котораго мы и должны ожидать по обстоятельствамъ дѣла». Однако, тенденція развитія достаточно отчетливо выясняется и безъ

такихъ очевидно ложныхъ чиселъ (см. Белохъ, Jbb., l. c., стр. 324 и сл.).—Впрочемъ, существованіе еще болѣе многочисленной массы рабовъ въ Хіосѣ (Θук., VIII, 40, 2) доказываетъ, что относительно рабскаго населенія положеніе дѣлъ въ Аттикѣ не было хуже, чѣмъ въ другихъ достигнувшихъ такого же развитія мѣстностяхъ. Слишкомъ уменьшаетъ распространенность несвободнаго труда Чикотти, l. c., стр. 92 и сл.

52) Ср., напр., Аристотель, «Политика», IV, 8, 5. 1329a.

53) Уже въ шестомъ вѣкѣ Стесихоръ говоритъ о «пѣніи кобылокъ на землѣ». Аристотель, Рет., II, 21, 8; 1395.

54) 470c.

55) Орестъ, 919.

56) Пол., VIII, 6, 2; 1306b. «Какъ я слышалъ»,—говоритъ Демосѳенъ, LVII, 45, объ эпохѣ пелопонесской войны,—«вслѣдствіе несчастья, постигнувшаго тогда государство, многія гражданки стали кормилицами, поденщицами, помощницами при сборѣ винограда, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, многіе бѣдняки разбогатѣли».

57) Ср. Демосѳенъ, Περὶ τῶν συμμ., 25, отн. 354 года.

58) Многія мѣстности Аттики, прежде густо обсаженныя оливковыми деревьями, совершенно обнажились, вслѣдствіе войны, какъ выражается въ одной изъ своихъ рѣчей Лисій (VII, 7).

59) Нѣкто Исхомахъ сталъ богатымъ человѣкомъ благодаря подобной спекуляціи. См. Ксеноф., Экон., 20, 22 и сл. Анекдотъ о друзьяхъ Солона, злоупотребившихъ своею освѣдомленностью объ его проектахъ для спекуляцій, объектомъ которыхъ были земельные участки и капиталы (Плутархъ, «Солонъ , 15) является характернымъ симптомомъ того, до какой степени этого рода спекуляціи были обычнымъ явленіемъ.

60) Почетный декретъ, изданный въ четвертомъ вѣкѣ въ честь одного аѳинскаго гражданина за то, что онъ доставилъ капиталъ для того, чтобы вновь обработать опустошенную во время войны и оставшуюся незасѣянною землю, свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени велика была зачастую потребность сельскаго хозяйства въ кредитѣ послѣ войнъ. Ср. Hermes, VII, 3.

2. Полновластіе денегъ и возрастаніе общественной дифференціаціи.

1) Я снова подчеркиваю (см. т. I, стр. 68), что детально обосновываемая здѣсь точка зрѣнія на обостреніе экономическихъ противоположностей имѣетъ въ виду Элладу IV, III и II вѣковъ. Произвольно относя ее, главнымъ образомъ, къ V вѣку и просто игнорируя отмѣчаемые ниже соціально-экономическіе факты IV и III вѣковъ, Г. Адлеръ, «Gesch. d. Sozialismus», I, 20, и въ Zeitschr. für Sozialwissenschaft, 1898, обнаруживаетъ поверхностное отношеніе къ предмету.

2) Выраженіе «заставлять деньги трудиться» свойственно уже греческому дѣловому языку (Демосѳенъ, LVI, 29).

3) Карлейль правильно называетъ плутократію наихудшимъ родомъ всякаго господства, такъ какъ она менѣе всего налагаетъ обязанности на властителей и болѣе всего благопріятствуетъ эксплуатаціи подчиненныхъ.

4) Государство, 552d. См. т. I, стр. 84 и сл.

5) Политика, VI, 9, 9; 1296a.

6) Такъ полагаетъ Герцогъ, Beil. z. Allg. Ztg., 1894. Повидимому, онъ имѣетъ въ виду Полит., VIII, 7, 11b, но въ данномъ случаѣ слова Аристотеля прямо относятся лишь къ практикѣ отдѣльныхъ государствъ.

7) «Ибо—говоритъ Аристотель (Риторика, II, 16, 1391)—многіе нуждаются въ имущихъ».

8) Согласно, правда, слишкомъ обобщающему замѣчанію Рошера, Grundlagen der Nationalökonomie I, стр. 610, 22-го изданія.

9) На это недавно основательно указалъ А. Бауэръ, Zeitsch. f. oesterr. Gymnas., 1897, стр. 340.

10) Ср. описаніе въ «Характерахъ» Ѳеофраста, стр. 13. Поэтому поводу см. Биллетеръ, «Geschichte des Zinsfusses im griech.-röm. Altert.», стр. 44 и сл.

11) Впрочемъ, уже Эврипидъ, жившій въ эту будто бы болѣе счастливую эпоху, весьма противорѣчитъ этому взгляду. См. «Финикіянки», V, 441 и сл.

12) (Демосѳенъ) XIII, 31.

13) Впрочемъ, именно подобныя мѣры неоднократно влекли за собою опять-таки усиленіе плутократіи, вызывая реакцію со стороны состоятельныхъ элементовъ.

14) Политика, VIII, 2, 7 и сл., 1303a. И Полибій, VI, 9, 5, говоритъ о томъ, какъ въ демокра-

тіи, благодаря перевѣсу богатства, у состоятельнаго меньшинства возникаютъ олигархическія вожделѣнія.

15) Ифигенія въ Тавридѣ, 392 и сл.

16) I, 70, ср. т. I, стр. 106.

17) См. т. I, стр. 85 и сл. 87.

18) См. op. cit., стр. 244 и сл. Относительно пренебреженія къ образованію: Риторика, II, 2, 13.

19) Περὶ εἰρήνης, 7. Ср. также Менандръ, К. III, стр. 170, fr. 557.

20) XXXVII, 53.

21) Аристофанъ, Плутосъ, 193.

22) Конечно, до нѣкоторой степени масштабомъ служитъ та быстрота, съ которой банкиры, въ родѣ Пасіона, начавшаго бѣднякомъ, и Форміона, наживали большія богатства. Состояніе перваго доходило, какъ вычисляютъ, до 30 талантовъ, что, по мнѣнію Белоха («Griech. Gesch.», II, 351), соотвѣтствовало бы 3 милліонамъ марокъ въ рукахъ нынѣшняго банкира. Недостаточно удостовѣрено состояніе въ 600 талантовъ, упоминаемое у оратора Ликурга (Гарпокр. и Свида Ἐπιχράτης) и будто бы равнявшееся 200 талантамъ,—состояніе Кратеса (Діогенъ Лаэрт., VI, 87), а также и 160 талантовъ владѣльца рудниковъ Дифила въ эпоху Александра (Жизнь десяти ораторовъ, Ликургъ, p. 843 c.). Ср. также данныя, приводимыя у Бэка, I, 3, 560 и сл. Какъ бы то ни было, имѣетъ значеніе, что подобную концентрацію богатства вообще считали возможною. Это доказываетъ, что послѣдняя фактически весьма подвинулась впередъ, хотя у насъ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ для болѣе точныхъ выводовъ.

23) XXIII, 206; III, 29. Ср. относительно роскоши вообще, XXI, 159, и автора, XIII, 29. Аристофанъ называетъ домъ Тимоѳея Плут., 180, прямо-таки «замкомъ». У Аѳенея, XII, 548a. упоминается εἰκοσίκλινος οἶκος. По словамъ Демосѳена, XXI, 158, домъ Мейдія въ Элевсинѣ затмевалъ тамъ всѣ остальные дома. Относительно дома Хабрія см. Гиперидъ, 137, Blass, 3.

24) Какъ рѣзко подчеркиваетъ Аристотель, Риторика, II, 16, 1, 1390.

25) Государство, 572b. Ср. т. I, стр. 86.

26) Ср. Псевдо-Ксенофонтъ, Πόροι, IV, 8. Платонъ, op. cit., 373a. Аристотель, op. cit. Демосѳенъ, XXI, 158 и сл. Діодоръ, XIII, 83, относительно роскоши въ Акрагантѣ и т. д.

27) τρυφή. См. Платонъ, «Законы» II, 919b.

28) Аѳеней, XIII, 583. Сотіонъ у Геллія, I, 8, 5.

29) Ксенофонтъ, Мем., III, 11.

30) Аристотель причисляетъ въ Риторикѣ, II, 16, обычай содержать женщинъ легкаго поведенія къ послѣдствіямъ богатства. Впрочемъ, этимъ обычаямъ мужчинъ соотвѣтствовало и отмѣченное, напр., Ѳеофрастомъ повышеніе требовательности со стороны женщинъ.

31) Павзаній, IX, 27, 5; X, 15, 1.

32) Аѳеней, VIII, 591.

33) Начиная съ четвертаго вѣка, все болѣе и болѣе распространяется коринѳскій стиль!

34) Мавзолей!

35) Ср. замѣчаніе схоліаста къ 57 стиху Эврипидова Ореста относительно того, что теперь Елена, которая, по мысли автора, должна была прибыть ночью, появляется на сценѣ во время пролога, сопровождаемая настоящей тріумфальной процессіей, съ добычей, рабынями и т. д.

36) Таково мнѣніе Фуртвэнглера, котораго, какъ уже и другихъ, шокируетъ «грубость» композиціи. Но развѣ подобная грубость совершенно чужда той сферѣ, въ которой вращался художникъ и его гетеры? Относительно этого пункта ср. также Менандръ К. III, стр. 173, fr. 566: «Тяжело, Памфила, благородной женщинѣ бороться противъ блудницы».

37) Ср. интересный примѣръ форменной банды жуликовъ въ гавани Аѳинъ, упоминаемый Демосѳеномъ XXXII, 11. Попытка потопить нагруженный хлѣбомъ корабль для того, чтобы присвоить себѣ капиталъ, ссуженный подъ залогъ груза!

38) См. замѣчаніе Аристотеля, Пол., I, 3, 19; 1258a. Т. I, стр. 110.

39) Даромъ Фэбъ не прорицаетъ!

40) IX, 39.

41) Ср., впрочемъ, замѣчаніе Аристотеля, Пол., III, 4, 6; 1279a.

42) Аѳ., III, 3.

43) Менандръ, К. III, стр. 160, fr. 337. Ср. также Филемонъ (К. II, стр. 495, fr. 65).

44) Ср. классическое изображеніе у Ѳукидида, III, 81 и сл.

45) XXXI, 6.

46) Политика, VIII, 6, 4; 1307a.

47) VII, 4, 6; 1321b. Впрочемъ, это сужденіе не болѣе пессимистично, чѣмъ сужденіе, высказанное Карлейлемъ относительно нынѣшняго времени. Карлейль полагаетъ, что формули-

рованная теоріей подъ именемъ «чувство удовольствія» цѣль человѣческихъ дѣйствій въ переводѣ на практическій языкъ XIX столѣтія означаетъ «власть или деньги». Но для большинства стремленіе къ власти отходитъ на задній планъ по сравненію съ жадностью къ деньгамъ. Политическая власть все болѣе и болѣе разсматривается какъ средство къ обогащенію. Всякая политическая борьба клонится къ тому, чтобы обратиться въ денежную спекуляцію.

48) VI, 10, 5; 1297a. Ср. VIII, 6, 4. 1307a.

49) Ἀθπ., c. I. Ср. относительно этого мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart» стр. 261 и сл.

50) Θук., VI, 16.

51) Риторика, II, 16; 1390 и сл.

52) Этимъ объясняется замѣчаніе о плутократахъ въ Политикѣ; II, 5, 9. 1280 a.

53) Риторика, l. c., 1391.

54) Ib., II, 9. 1387a.

55) Характеры, XXVI, 1.

56) Плутосъ, 553 и сл.

57) Аристофанъ, ib. 549.

58) Муллахъ, Fragm. phil. graec., II, 139, fr. 2.

59) Если бы въ Аѳинахъ, по наивному утвержденію Герцога въ полемикѣ со мной, всякій, кто только хотѣлъ, могъ добиться «привольной, беззаботной жизни».

60) τοῦ ζῆν ἕνεκα. Осы, 702.

61) Ср. «Женщины въ народномъ собраніи», 188.

62) Плутархъ. Периклъ 11, очевидно, на основаніи какого-нибудь источника, современнаго эпохѣ Перикла.

63) Просительницы, 238 и сл.

64) Государство, 552a. Ср. т. I, стр. 84. См. также Аристотель, Пол., VI, 9, 3. 1295b.

65) l. c., стр. 565a.

66) «Демосъ, занятый работами», изъ чего само собой вытекаетъ противоположеніе городскому демосу данной эпохи. См. Пол., VIII, 4, 5; 1305b.

67) См. ниже.

68) Плутосъ, 627.

69) 224.

70) Какъ самъ говорящій, Хремилъ, 28 и сл.

71) 218.

72) Ареоп., 52.

73) Осы, 300 и сл.

74) Ареопаг., 83.

75) Ib.

76) Ib., 54.

77) Тутъ же можно напомнить и о стеченіи аѳинскихъ бѣдняковъ въ бани, которыми они пользовались зимой какъ мѣстомъ, гдѣ можно было обогрѣться. Ср. замѣчаніе Аристофана въ Плутосѣ v. 535 относительно бѣдняковъ, которые, окоченѣвъ отъ холода, пробираются къ банной печи и при этомъ получаютъ обжоги.

78) Ib.

79) Ареопаг., 54.

80) Фил., 120.—Ср. также Панег., 146 и 168. О мирѣ, 24. Демосѳенъ, XIV, 31.

81) Филипп., 40.

82) Я не могу заняться здѣсь изслѣдованіемъ относительно того, до какой степени эти тенденціи обнаруживались въ отдѣльныхъ случаяхъ. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не объ общей картинѣ соціально-экономической эволюціи, для которой у насъ и не нашлось бы источниковъ, а всего лишь объ указаніи соціально дифференцирующихъ моментовъ. Даже и тамъ, гдѣ дѣйствіе этихъ моментовъ ограничивалось другими уравнивающими моментами къ выгодѣ средняго сословія и мелкой буржуазіи, они все же могли оказывать матеріальное и психическое давленіе, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую часть общества.

83) Ср., напр., Платонъ. Законы. 707e. Ср. также 708b.

84) Пол., VI, 9, 10b. 1296a. Правда, Белохъ полагаетъ («Griech. Gesch.», II, 362), что въ Аѳинахъ пролетаризація общества, повидимому, нисколько не подвинулась впередъ въ теченіе четвертаго вѣка. Онъ дѣлаетъ этотъ выводъ на основаніи свидѣтельства Плутарха (Фокіонъ, 28) о томъ, что въ 332 г. 9000 гражданъ изъ 21000 обладали имущественнымъ цензомъ въ 2000 драхмъ. Но вѣдь это свидѣтельство скорѣе противорѣчитъ мнѣнію Белоха!

86) См. ниже отдѣлъ 7. Ср., напр., замѣчаніе Аристотеля относительно малыхъ государствъ. Пол., VI, 9; 9; 1296a.

Отдѣлъ IV.—Противорѣчіе между соціальною и политическою эволюціею въ свободномъ демократическомъ государствѣ.

1) II, 37 и сл.
2) Ib.
3) Ib.
4) Ib., 40, 1.
5) 43, 4. Ср. Платонъ, Государство, 562c.
6) 40, 2.
7) 41, 1.
8) Брентано, «Das Arbeitsverhältnis gemäss dem heutigen Recht», 211. Характерно, что традиціонное ученіе о древностяхъ до сихъ поръ вполнѣ игнорировало всю эту соціально-психологическую проблему, имѣющую величайшее значеніе для выясненія политическаго воздѣйствія экономическаго положенія неимущей массы на ея настроеніе и на духовную жизнь, и для исторической оцѣнки демократіи.
9) Уже Платонъ мѣтко подчеркнулъ, что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, идетъ дѣло о п р о д а ж ѣ, такъ какъ рабочая сила имѣетъ характеръ т о в а р а. Государство, 371e.
10) Примѣръ нѣкоего Панклеона, занятаго въ валяльной мастерской (см. Лисій, 23) доказываетъ, что и свободные работали въ рабочихъ мастерскихъ. См. также вышеприведенный примѣръ на стр. 174 нѣм. текста).
11) Менандръ, K. III, 201, fr. 699.
12) Ср., напр., характерное происшествіе, упоминаемое въ Платоновомъ діалогѣ, Эвтифронъ, 4 c.
13) «Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich», II, 71.
14) A. Гельдъ. Jb. f. Nationalök. u. Stat., 1869, стр. 14.
15) Менандръ, K. III, 229, fr. 857.
16) Плутосъ, 533.
17) „Вставай! или ты хочешь голодать“, по рѣзкому выраженію въ комедіи Аристофана. Ib., 539 и сл.
18) «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», 33, ср. 77 и сл.
19) K., III, 265, fr. 1093. Относительно заключенія договоровъ, влекшихъ за собою тяжелыя условія труда, правда, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ, но имѣющія общее значеніе, мѣста: Діонъ Хризостомъ, Or. XV, p. 241 M; Либаній, II, 652a: страхъ голода—нашъ господинъ. Ср. Эпиктетъ Diss., 4, 1, 34.
20) Правда, онъ, преувеличивая, высказываетъ это мнѣніе относительно положенія в с ѣ х ъ лицъ, занятыхъ физическимъ трудомъ, въ томъ числѣ и самостоятельныхъ ремесленниковъ. Ср. Пол., I, 5, 10; 1260b; и III, 2, 8; 1277.
21) Пол., III, 3, 3; 1278a. Приблизительно то же самое говоритъ «генеральный секретарь антропологическаго общества, профессоръ антропологической школы» Летурно въ своемъ вышедшемъ въ 1897 г. сочиненіи: «L'évolution de l'esclavage», въ эпиграфѣ на заглавной страницѣ: «такъ или иначе, болѣе или менѣе грубо, все количество труда, необходимое для существованія обществъ, почти всегда возлагалось лишь на нѣкоторую часть населенія, т.-е. этотъ трудъ былъ р а б с к и м ъ». Только въ данномъ случаѣ осуждается какъ нѣчто грубое то, что Аристотель просто принимаетъ за естественный фактъ.
22) Op. cit., VI, 3, 11; 1291a.
23) Поллуксъ, III, 83. Ср. замѣчаніе Рейно въ «Nouvelle Encyclopédie», въ статьѣ «Bourgeoisie»: «почему не всѣ граждане лично свободны? Потому что нѣкоторые, подъ давленіемъ голода, оказываются вынужденными продавать себя на первомъ встрѣчномъ рынкѣ. Эти люди, повторяю, не суть лично свободные граждане».
24) LVII, 45.
25) Впрочемъ, напр., тотъ фактъ, что K. Ф. Германъ въ юридическихъ древностяхъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующею юридическою концепціей, разсматриваетъ договоръ о заработной платѣ въ главѣ «Наемъ», свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени даже и это воззрѣніе не составляетъ специфической особенности древняго міра.

26) Въ этомъ отношеніи извѣстныя сужденія образованныхъ людей относительно результатовъ физическаго труда (напр., въ «Экономикѣ» Ксенофонта, IV, 2), какъ бы то ни было, содержитъ въ себѣ много вѣрнаго, что можно упускать изъ виду лишь съ точки зрѣнія доктринерскаго оптимизма.

27) См. Пол., VI, 9, 5; 1295b.

28) Пол., III, 2, 9. 1277 b.

29) Ib.

30) Какъ характерно, впрочемъ, и то, какимъ пренебрежительнымъ тономъ Демосѳенъ говоритъ о бѣдности Эсхина въ юности. Ср. «О вѣнцѣ», 257, 265.

31) Менандръ, К. III, 17, fr. 50.

32) Тимоклъ, К. II. 466, fr. 35.

33) Еврипидъ, Frag. graec. fr. (Nauck), стр. 320, fr. 143.

34) Еврипидъ, ib. стр. 373, fr. 364, 16.

35) Менандръ, К. III, 5, fr. 6.

36) Филемонъ, К. II, 574, fr. 105.

37) Тимоклъ Понт., К. II, 463, fr. 28. Ср. также замѣчаніе Ѳеогнида (177 Bergk) относительно бѣдняка, «у котораго связанъ языкъ».

38) Менандръ, К. III. 296, fr. 1110.

39) Grundlagen, 22, Aufl. I, 523.

40) Еврипидъ, Frag. graec., стр. 341, fr. 232.

41) Дифилъ, К. II, 574, fr. 105.

42) Каллимахъ у Аѳенея, Flor. 96, 12.

43) Аристонимъ у Аѳенея, Flor. Ib. 29.

44) Ксенофонтъ, Mem. II, 1, 13.

45) Frag. graec., fr. c. 309, fr. 96.

46) К. III, 84, fr. 294.

47) Плутосъ, 29 и сл.

48) 36 и сл.

49) Гос., 421c.

50) Аристофанъ. Осы, 241.

51) См. Лукіанъ: Ὄνειρος ἢ ἀλεκτρυών, 21.

52) См. Аристофанъ. Осы, 575. Ср. также Псевдоксенъ. Ἀθπ., I, 16, 18, и Платонъ, Ѳеэтетъ, 172e.

53) Относительно этой покорности бѣдноты см. Платонъ, «Законы», 729a, и Аристотель, Пол., VI, 9, 3; 1295b.

54) Еврипидъ, Просительницы, 429 и сл., ср. 409.

55) Ср. замѣчаніе Платона въ его критикѣ капиталистическаго общества (Гос., 552a, 556a) относительно того, что именно благодаря свободѣ «одни становятся слишкомъ богатыми, а другіе, наоборотъ, совершенно бѣднѣютъ».

56) См., напр., Шеель, «Die Theorie der sozialen Frage», стр. 16.

Отдѣлъ V.—Превращеніе политической демократіи въ соціальную.

1) Ἐναντιώσεις! См. вышеприведенное замѣчаніе Исократа, стр. 389, прим. 79.

2) Государство, 563d. Относительно этого духа необузданьости см. также Ксенофонтъ, Memor., III, 5, 5.

3) К. III, c. 118, fr. 405 и сл.

4) Дейнархъ, I, 36.

5) Эліанъ, V. H. 13, 24.—Псевдоплутархъ М., 842a.

6) Въ Данаѣ? См. Наукъ, Fragm. Trag. graec., 2-е изд.; Еврипидъ, fr. 324. По словамъ Сенеки, Письма, 115, 14, этотъ разсказъ относится къ Беллерофонту.

7) Пол., VIII, 1, 7. 1307b.

8) Ксеноф., Memor., II, 7, 5.

9) II, 8, 4.

10) Ib., 5.

11) Ib., II, 7. 12.

12) § 14.

13) Такъ формулировалъ эту самую мысль Брентано, «Die Stellung der Gebildeten zur sozialen Frage», стр. 13.

14) Ксенофонтъ, Mem., II, 1, 25. Замѣчательно, что авторъ книги «Ученіе Сократа какъ система соціальной реформы» (Дэрингъ) прямо-таки совершенно упустилъ изъ виду выясняемое въ текстѣ соціально-историческое значеніе разсказа о Сократѣ и о работницахъ!

15) II, 4, 8; 1381a. Непостижимо, что до сихъ поръ наука совершенно игнорировала это въ высшей степени важное мѣсто, которое, конечно, несовмѣстимо съ традиціонными взглядами на древнегреческую трудовую жизнь.

16) Ср. Аристотель, Риторика, I, 9, 27; 1367: Ничто такъ не угнетаетъ наемнаго рабочаго, какъ хищничество, жертвой котораго становится его личность. Рейнгольдъ, op. c., стр. 343.

17) Шеель, op. c., 16.

18) См. т. I, стр. 71.

19) Аристотель, Политика, VI, 3, 15; 1291b.

20) Уже въ пятомъ вѣкѣ на сценѣ аѳинскаго театра (см. Еврипидъ, «Просительницы», 414 и сл.) обсуждается вопросъ: какъ только можетъ народъ умѣть мыслить, умѣть править государствомъ? Досугъ, а не торопливость обусловливаетъ лучшее пониманіе: но бѣдный крестьянинъ, если даже онъ не лишенъ образованія, неспособенъ, работая, думать объ общественномъ благѣ.

21) Mem., IV, 2, 37. Ср. тамъ же, 45.

22) Государство, 423a. О распаденіи на богатыхъ и бѣдныхъ. См. также Аристотель, Пол., VIII, 7; 19, 1310a.

23) VII, 10, 1242a.

24) Въ VIII книгѣ «Государства». См. томъ I, стр. 82 и сл.

25) Пол., II, 4, 7; 1266b.

26) Ibid., II, 4, 1; 1266a.

27) Миттельштедтъ, «Vor der Flut» (1897), стр. 69.

28) См. выше, стр. 296 и сл. и 301.

29) См. томъ I, стр. 89 и сл.

30) Это произведеніе написано въ формѣ публичной рѣчи, предложенія, адресованнаго ко всѣмъ гражданамъ. См. VI, 1.

31) Этотъ памфлетъ относится къ срединѣ четвертаго вѣка. Относительно болѣе точнаго установленія времени, когда онъ былъ написанъ, но не относительно мнимаго авторства Ксенофонта, я раздѣляю мнѣніе Фридриха, высказанное имъ въ статьѣ «Zu den Πόροι des Xenophon», Jbb. f. kl. Philol. 1895, стр. 695 и сл.

32) I, 1.

33) I, 1.

34) См., напр., замѣчаніе Ѳукидида VI, 24, 3, относительно мотивовъ массы при сицилійской авантюрѣ. Ср. также Аристофанъ, Всадники, 797.

35) I, 1.

36) См. выше, стр. 76 (прим. 34).

37) IV, 22.

38) IV, 33.

39) IV, 22.

40) III, 9 и сл.

41) По поводу этого мѣста Фридрихъ, op. cit, стр. 704, основательно замѣтилъ, что оно напоминаетъ указаніе Бисмарка на французскую государственную ренту, сосредоточивающуюся, главнымъ образомъ, въ рукахъ мелкаго люда и поэтому предоставляющую собой противовѣсъ противъ революціоннаго настроенія, такъ какъ владѣльцы государственныхъ бумагъ заинтересованы въ сохраненіи порядка.

42) III, 11.

43) IV, 30.

44) 32.

45) VI, 1 и сл.

46) «Женщины въ народномъ собраніи», 558.

47) Несомнѣнно и духовное родство съ абстрактнымъ оптимизмомъ соціалистовъ новаго времени, который вѣдь также надѣется, что новая экономическая организація безпредѣльно увеличитъ запасъ подлежащихъ распредѣленію благъ и удовлетворитъ всякую правомѣрную потребность.

48) IV, 13 и сл.

49) См. выше, стр. 76 (прим. 34).

50) Ср. примѣры, приводимые у Цибарта, «Das griechische Vereinswesen», 1896.

51) См. т. I, стр. 121.

52) Который изъ упоминаемыхъ въ IV вѣкѣ Діофантовъ имѣется въ виду, остается невыясненнымъ. Ср. обзоръ у Вашинскаго, «De servis Atheniensium publicis» (1898), стр. 41.

53) Относительно совершенно неяснаго мѣста у Аристотеля, Пол., II, 4, 13, 1267b, быть-можетъ, правильна конъюнктура Бернайса (Переводъ «Политики», стр. 209). Относительно того, въ какихъ размѣрахъ примѣнялся трудъ государственныхъ рабовъ въ Эпидамнѣ, мы не знаемъ никакихъ подробностей.

54) «Женщины въ народномъ собраніи», 597.

Отдѣлъ VI. — Демократическій государственный соціализмъ и поворотъ къ радикальному революціонному соціализму.

1. Борьба противъ «богатыхъ» въ демократическомъ государствѣ.

1) См. Аристотель, Ἀθ. πολ., гл. XII.

2) Ibid.

3) Аристотель, Политика, VI, 3; 8, 1290b. Ср. III, 5, 7; 1279b.

4) Платонъ, Государство, 550c.

5) Въ Псевдоксенофонтовой Ἀθηναίων πολιτεία, I, 2; ср. относительно этого мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 261.

6) Аристотель, Политика, III, 5, 4; 1279 b.

7) Ср. характерныя пренія между Θесеемъ и Θивскимъ герольдомъ: Просительницы, 404 и сл., 408 и 434 и сл.

8) Ср. Аристотель, Политика, Трехчленное дѣленіе, VI, 9, 3; 1295b.

9) Ibid., VIII, 9, 19; 1315a. Ср. VI, 3 4. 1291b.

10) Еврипидъ, l. c., 238. Ср. т. I, стр. 87.

11) Политика, VIII, 6, 6. 1310b.

12) См. т. I, стр. 71.

13) I, 4. Ср. Демосеенъ, XV, 18.

14) Платонъ, Государство, 566 c.

15) Ср. замѣчаніе Аристотеля, op. cit., VIII, 3, 1. 1304b.

16) VI, 38, 4.

17) VI, 39.

18) Характеры, гл. VI.

19) «Демократія—это зависть» (Прудонъ); ср. характеристику настроенія въ тогдашнихъ Аѳинахъ у Ксенофонта, Memor., III, 5, 15. Въ этомъ отношеніи справедливы слова Фюстель де-Куланжа: «богатство въ большинствѣ случаевъ вызываетъ не чувство почтенія, а чувство зависти («La cité antique», с. 385).

20) Плутосъ, 614 и сл.

21) Ср., напр., насмѣшливое сравненіе между его жизнью и жизнью Эсхина, XVIII (о вѣнцѣ), 257 и 265.

22) XIX, 295.

23) XXI, 213.

24) Ibid., 211. Вытекающіе изъ этого взгляда выводы напоминали бы требованіе Марата въ «Другѣ народа», чтобы бѣдные положили конецъ своей нищетѣ, отнявъ у богачей излишнее.

25) Ibid., 159.

26) Ibid., 98.

27) III, 29.

28) XXIII, 206.

29) См. выше, стр. 400.

30) [Дем.], XIII, 31. См. выше, стр. 378.

31) [Дем.], XLII, 21.

32) III, 84, 2.

33) Какъ выражается авторъ вышеупомянутаго памфлета, Ἀθ. πολ., I, 9. Ср. то, что сообщаетъ Плутархъ въ жизнеописаніи Тимолеона относительно Сициліи, объ отвращеніи къ «площаднымъ» конституціямъ и къ ораторской трибунѣ.

34) Исократъ Περὶ εἰρήνης, 129. Ср. аналогичное замѣчаніе одного нынѣшняго автора относительно нѣкоторыхъ политиковъ, для которыхъ нищета трудящейся, жалующейся массы является не нищетой, а лишь сырымъ матеріаломъ, которымъ можно пользоваться въ интересахъ собственныхъ узкихъ теорій и личнаго эгоизма».

35) Политика, VIII, 7, 19; 1310a.

36) Платонъ, Государство, 565a.

37) I, 13.

38) Государство, 565a.

39) 564e. Ср. т. I, стр. 87.

40) Ксенофонтъ, Экономика, II, 6.

41) [Дем.], X, 41 и сл. въ такъ назыв. 4-ой Филиппикѣ.

42) Слѣдуетъ обратить вниманіе на повышеніе тона въ §§ 44—46: ἀπιστία, ὀργή, ταραχή!

43) 44.

44) Политика, VII, 3, 2, 1320a.

45) Ibid., VIII, 7; 11, 1309a.

46) Глава 3.

47) Symposion, IV, 31.

48) Ср., впрочемъ, и приписываемое Демокриту замѣчаніе, приводимое у Стобея, Flor. XLIII, 42, и Исократъ, VIII, 128.

49) Сонъ или пѣтухъ, с. 21.

50) См., напр., Лисій XIX, 10. Ср., также комплименты, расточаемые бѣдности (Ibid. 15), причемъ обвиняемый ставитъ на видъ присяжнымъ, что его отецъ отказалъ богатымъ женихамъ, желавшимъ жениться на его дочеряхъ безъ приданаго, и выдалъ одну изъ нихъ за человѣка, считавшагося «менѣе богатымъ, чѣмъ дѣльнымъ», а другую—за человѣка, бывшаго «не по своей винѣ бѣднымъ», между тѣмъ какъ, съ другой стороны, онъ посовѣтовалъ сыну предпочесть жену съ меньшимъ приданымъ другой, болѣе богатой женщинѣ.

51) Ibid. §§ 39, 45, 49, 51.

52) § 61.

53) § 62.

54) § 63.

55) XXI, 12. Итакъ, аѳинскій олигархъ не вполнѣ неправъ, говоря (Ἀθ. πολ. I, 13): въ судахъ они заботятся не столько о правѣ, сколько о собственной выгодѣ. Ср. также Исократъ, XVIII, 10.

56) XXI, 15.

57) Осы, 575.

58) Аристофанъ, op., cit., 626, выражаетъ эту мысль еще рѣзче.

59) Ср. Исократъ, XX, 19 и сл.

60) Аристофанъ, l. c., 564 и сл.

61) Ibid, 667.

62) Лисій, XXVII, 1.

63) Политика, VII, 3; 3, 1320a. Ср. откровенныя слова оратора относительно этой практики у Лисія, XXX, 22.

64) Ibid., § 2.

65) XXX, 22. Ср. также [Дем.], LVIII, 63.

66) Всадники, 1357. Онъ называетъ подобныхъ адвокатовъ βωμολόχοι. Это выраженіе напоминаетъ сбродъ, располагающійся у алтаря для того, чтобы выклянчить или стащить что-либо изъ остатковъ жертвы.

67) XV, 160.

68) XX, 19.

69) § 21.

70) § 18.

71) По мѣткому выраженію Буркхардта, I, 237.

72) Жизнеописанія десяти ораторовъ, 843 d.

73) Аристотель. Политика, VIII, 4, 3; 1305a.

2. Экономическое дополненіе къ политическому принципу демократіи.

1) Ἀθ. πολ., II, 9.

2) Плутархъ, praec. reip. ger., гл. 25.
3) (Противъ Ктесифона), III, 251.
4) Исократъ, XII, 140.
5) [Дем.], X, 40.
6) 41.
7) 43.
8) 36.
9) 44.
10) 1104.
11) 1106.
12) 1108.
13) 1207.
14) Mem., II, 1, 9.
15) 1216.
16) 1218 и сл.
17) 1125 и сл.
18) См. Осы, 695. Ср. 724.
19) Осы, 560 и сл.
20) 1111 и сл. Относительно сравненія съ трутнями ср. также замѣчанія Платона въ т. I, стр. 84, 87.
21) Всадники, 1174 и сл.
22) Женщины въ народномъ собраніи, 206 и сл.
23) Ibid., 180, 183.
24) 873.
25) 861. См. выше, стр. 389 (прим. 79) замѣчаніе Исократа.
26) Мюллеръ-Штрюбингъ, «Aristophanes und die historische Kritik», стр. 27 и сл.
27) Мюллеръ-Штрюбингъ, ibid., стр. 5.
28) Мюллеръ-Штрюбингъ, ibid., стр. 27.
29) Впрочемъ новый Аристофанъ въ самомъ дѣлѣ и тамъ нашелъ бы достаточно матеріаловъ для сатиры.
30) Цитировано у Бернштейна, op. cit., стр. 183.
31) Мюллеръ-Штрюбингъ, op. cit., стр. 27.
32) Относительно дальнѣйшаго ср. мои замѣчанія въ сочиненіи: «Sokrates und sein Volk», стр. 50 и сл.
33) Платонъ, Законы, 701b, характеризуетъ это охлократическое вырожденіе государства какъ пережитокъ старой титанической натуры.
34) Государство, 493a.
35) Fr. 111. Ср. Аристотель. Политика, VII, 3, 1; 1318b.
36) См. выше, стр. 406 (прим. 23).
37) Аристотель, Ἀθπ., XLI, мотивируетъ установленіе платы за посѣщеніе народнаго собранія послѣ пелопонесской войны тѣмъ, что безъ нея граждане не являлись, и поэтому невозможны были голосованія. Вѣдь гражданинъ, которому приходилось существовать на свой заработокъ, не могъ жертвовать своимъ временемъ, если онъ не получалъ вознагражденія за убытки.
38) Поэтому принципъ «ἄμισθος ὁ δῆμος» въ сущности означаетъ не что иное, какъ устраненіе демократіи. См. Демосѳенъ, XXIV, 99 и сл.
39) Гл. XII. Характерный взглядъ на военную службу!
40) Ἀθπ., гл. XXIV.
41) Плутархъ, Периклъ, гл. 9.
42) VII, 25.
43) Ibid., 24.
44) Платонъ, Горгій, 575e. Плутархъ. Периклъ, гл. IX.
45) Ср. замѣчаніе Аристотеля, Пол., VI, 6; 1293a.
46) Въ этомъ заключается несчастье, наступающее по словамъ Аристотеля, Пол., VI, 9, 9; 1296a, всюду, гдѣ масса располагаетъ большинствомъ.
47) Первоначальный размѣръ аѳинскихъ θεωρικά театральныхъ денегъ.
48) Пол., II, 4, 11. 1267a.
49) Ibid., VII, 3, 4. 1320a.
50) 656 и сл.
51) Аристотель, Пол., II, 9, 3; 1274a. Ibid., VIII, 9, 6; 1305a. Ср. Геродотъ, III, 80.

52) [Демосѳенъ], LIX, 88.

53) Аристотель, l. c.

54) 448. Ср. Аристотель, Пол., II, 9; 3, 1274a.

55) По замѣчанію Фюстель де-Куланжа, «La cité antique», 12, стр. 398.

56) 'Αθπ., § 13.

57) Положеніе, взятое изъ философіи права Сталя, на которую ссылается Рошеръ въ своемъ анализѣ причинъ возникновенія коммунизма. Grundlagen der Nationalökonomik, стр. 213 моего изданія (23-го).

58) Пол., VIII, 7, 11b. 1309a.

3. Соціально-революціонный демократизмъ.

1) Бэджотъ, «Der Ursprung der Nationen», стр. 188.

2) III, 38, 4.

3) I, 70, 2.

4) «Вѣдь кажется—говорится въ «Женщинахъ въ народномъ собраніи»,456, о проектируемомъ господствѣ женщинъ,—что только этого еще не бывало въ городѣ»!

5) Ibid. 586.

6) Относительно Аеинъ ср. мою книгу, «Sokrates und sein Volk», стр. 35 и сл.

7) По мѣткому замѣчанію Фиркандта («Natur und Kulturvölker», стр. 249) относительно поэтовъ въ эпоху расцвѣта культуры.

8) Гегель объ аттической комедіи. Werke III, 553, ср. 559.

9) Аристофанъ, «Лягушки», 971 и сл.

10) Облака, 1398.

11) Ibid. 420.

12) Ibid. 1423.

13) Fragm. 920. Наукъ 2, стр. 658.

14) Платонъ, Протагоръ, 337.

15) См. Платонъ, Горгій, 484b, и по поводу этого томъ I, стр. 70 и сл.

16) Ср. общую мотивировку у Еврипида, fragm., 446; Наукъ 2, стр. 496.

17) Fr. 52. Наукъ 2, стр. 376.

18) Псевдоплутархъ pro nob. 18, 2.

19) Аристотель, Риторика I, 13, 1373b, и схоліастъ по поводу этого мѣста.

20) Такъ формулируетъ вышеуказанную точку зрѣнія Аристотель, Пол., I, 2, 3; 1253b.

21) Еврипидъ fr. 402, H. 2, стр. 483. Fr. 653, H. 2, стр. 565.

22) Этимъ я, конечно, не хочу сказать, что «потрясеніе религіозныхъ вѣрованій» виновно въ возникновеніи соціализма. Послѣдній возникаетъ и тамъ, гдѣ можно констатировать очень мало проявленій невѣрія. Стоитъ лишь припомнить соціалистическихъ сельскихъ рабочихъ и колоновъ солоновой эпохи!

23) Еврипидъ, fr. 1, 2, стр. 772.

24) «Рутина всякаго зла», по мѣткому замѣчанію Буркгардта, I, 129. Ср. Ѳукидидъ, I, 76; III, 82 (о переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей), V, 85, 105—111; VI, 85. Относительно этого Еврипидъ (Эолъ) fr. 19, H. 2, стр. 368.

25) Буркгардтъ I, 260.

26) «Женщины въ народномъ собраніи», 776 и сл. Ср. Еврипидъ, Филокт., fr. 794. H. 2, стр. 618.

27) «Женщины въ народномъ собраніи», 592 и сл.

28) 502 и сл.

29) Плутосъ, 776 и сл.

30) Слова «Бѣдности» въ Плутосѣ, 430.

31) 262 и сл.

32) 509 и сл.

33) См. выше, стр. 296.

34) Въ Эолѣ, fr. 21, H. 2, стр. 369.

35) Ср. выше, стр. 392.

36) Ср. замѣчаніе грека позднѣйшей эпохи, Діона Кассія (fr. 22 ed. Melber.) относительно этого.

37) Впрочемъ, это было столь же необходимымъ результатомъ общаго культурнаго развитія, какъ и самъ либерализмъ.

38) Вѣдь этого слѣдовало бы не забывать, когда, какъ это дѣлаетъ Бернштейнъ (op. c., стр. 130), утверждаютъ, что «не существуетъ ни одной либеральной мысли, которая не входила бы въ идейное содержаніе соціализма».

39) Риторики, II, 23, 1399, 14.

40) III, 37, 4.

41) 191.

42) 185 и сл.

43) 190.

44) 180 и сл.

45) Діодоръ, XI, 87.

46) Аристотель, Политика, III, 5, 9; 1280a.

47) Это приходится безпрестанно подчеркивать вопреки тѣмъ, которые нападаютъ на либерализмъ какъ на «отца соціализма». Первый доставилъ равнымъ и неравнымъ извѣстное равенство, какъ выражается Платонъ (Государство, 558c) о демократіи, добившись признанія ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Требованіе полнаго равенства, не допускающаго никакихъ исключеній и не желающаго считаться съ своеобразіемъ индивидуумовъ, представляетъ собой не разумное дальнѣйшее проведеніе вышеупомянутаго принципа, а его искаженіе и—несмотря на ссылки на разумъ—чистѣйшее неразуміе.

48) См. выше, стр. 360 и сл.

49) «Женщины въ народномъ собраніи», 593 и сл.; см. выше, стр. 299.

50) Плутосъ, 225. Впрочемъ самъ демократическій жаргонъ наводитъ на мысль объ этомъ примѣненіи вышеуказаннаго принципа и въ экономической сферѣ. Ср. Демосѳенъ, LI, 11.

51) Аристофанъ, Плутосъ, 600.

52) См. выше, стр. 402 и сл.

53) См. въ особенности, стр. 414 и сл.

54) Въ хорошей и счастливой жизни! См. Аристотель. Политика, IV, 12, 2, 1332 a, и VII, 4, 3; 1278b.

55) Ср. томъ I, стр. 279 и сл.

56) Пол. IV, 9, 8; 1330a. Относительно этого см. томъ I, стр. 271.

4. Позитивныя идеи соціальнаго переустройства.

1) Кэхли правильно замѣчаетъ по этому поводу («Die Vögel des Aristophanes», ges. kl. phil. Sehr., стр. 242), что въ поэтическомъ изображеніи животныхъ птицы искони чаще всего выражали свободную, свѣжую, радостную естественную жизнь, представлялись невиннѣйшими и наиболѣе довольными созданіями.

2) Εὐελπίδης. Относительно его анти-аристократическаго настроенія см. стр. 126.

3) Πεισθέταιρος.

4) Ст. 120 и сл. Это напоминаетъ комедіи, въ которыхъ изображалась сказочная волшебная страна! См. стр. 11 и сл.

5) 127.

6) Какъ кукушка, 144, называетъ такой городъ, который, по ея увѣренію, находится на берегу Чермнаго моря, гдѣ вѣдь вообще искала города блаженныхъ сказочная фантазія. См. Зѣлинскій, op. cit., стр. 49, и Крузіусъ, op. c., стр. 36.

7) 157.

8) 115.

9) На вопросъ кукушки, 123:

Итакъ ты ищешь города, который былъ бы побольше города Кранаоса,

Эвелпидъ отвѣчаетъ:

«нѣтъ, не большого, но болѣе подходящаго для насъ»,

т.-е. съ лучшими соціальными условіями жизни.

10) Впрочемъ, трудно было бы понять этотъ пробѣлъ, если бы правъ былъ Кэхли, полагающій, что самъ поэтъ совершенно серьезно ставитъ вопросъ о блаженномъ городѣ и «смѣлою рукою рисуетъ патріотическую фантастическую картину осуществленія желаннаго идеала, конечно, въ шутовскомъ видѣ, какъ подобаетъ комедіи». Я не считаю убѣдительными доводы въ пользу этого взгляда. Кэхли думаетъ, что «согласно патріотическому плану поэта, все должно измѣниться, все должно обновиться для того, чтобы положеніе дѣлъ улучшилось; должна начаться новая жизнь безъ вырожденія, безъ соціальныхъ золъ разлагающейся цивилизаціи, безъ войны

всѣхъ противъ каждаго». И эта серьезная патріотическая тенденція примѣнима къ птичьему государству будущаго, обитатели котораго безъ кошельковъ всегда живутъ «какъ новобрачные» (161). Въ этомъ должно состоять «радикальное средство противъ общаго упадка». Пусть это согласитъ кто можетъ!

11) По мѣткому замѣчанію Дицеля, op. c., стр. 376.

12) «Женщины въ народномъ собраніи», 408 и сл.

13) Богатаго торговца мукой.

14) Дицель, op. c., стр. 381.

15) Дѣянія Апостоловъ, IV, 34.

16) Гом. къ Матѳею. Ср. мою книгу, «Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte», стр. 64.

17) Его проектъ коммунистической организаціи общества будетъ разсмотрѣнъ въ послѣднемъ томѣ, посвященномъ религіозному соціализму.

18) Подобные случаи и ростовщическіе проценты имѣетъ въ виду Діонъ Хризостомъ, XXXI, 69.

19) Ср., напр., Полибій, V, 93, относительно Мегалополя.

20) Эта тенденція, направленная противъ богатства какъ такового, явственно обнаруживается въ такихъ замѣчаніяхъ, какъ, напр., слова Юстина, 16, 4 (относительно Гераклеи Понтійской): когда простонародье тщетно добивалось новыхъ законовъ и раздѣла земель, принадлежавшихъ богачамъ.

21) Плутархъ, Діонъ, стр. 37.

22) Дицель, «Теоретическая соціалъ-экономика», 1, стр. 27.

23) Вторая часть тезиса Гиппона какъ-разъ совпадаетъ по своему содержанію съ формулировкой Дицеля (ibid., стр. 25): «Вмѣстѣ съ зависимостью человѣка отъ матеріи непосредственно дана еще другая зависимость, а именно з а в и с и м о с т ь тѣхъ, которымъ не удается овладѣть соотвѣтствующею уровню ихъ потребностей долею матеріи отъ тѣхъ, которымъ это удается, или, проще говоря: бѣдныхъ отъ богатыхъ».

24) Законы, 684d.

25) О Ликургѣ у Плутарха, Лик., 8.

26) Исократъ (Панаѳин.), XII, 259.

27) Діонисій, Ἀρχαιολ. Ῥωμ., VII, 8.

28) Напр., въ аѳинской судейской присягѣ, въ подлинности которой теперь, конечно, не сомнѣвается ни одинъ непредубѣжденный человѣкъ. Демосѳенъ, XXIV, 149. Относительно этого Андокидъ о мистеріяхъ, 88. См. Дрерупъ, «Ueber die beiden attischen Redner eingelegten Urkunden». Jbb. f. kl. Phil. Suppl., Bd. 24 (1), стр. 256.

29) Діонъ Хризостомъ, 31, 70.

30) Ibid.

31) Многія блага, о которыхъ говорили по этому поводу демагоги. См. Діонисій, op. c., гл. 7.

32) См. слѣдующую главу.

33) Согласно лозунгу аттическихъ сельскихъ рабочихъ шестого вѣка. См. выше, стр. 361.

34) См. выше, стр. 448.

35) Ликургу приписывается подобная—правда, не вполнѣ удавшаяся—попытка.

36) См. выше, стр. 296.

Отдѣлъ VII.—Соціальная революція.

1. Общій ходъ движенія.

1) Политика, II, 3, 7; 1265b. Гиро, «La propriété foncière en Grèce», стр. 596, не безъ основанія замѣчаетъ: «во всякомъ бѣдномъ гражданинѣ таился соціалистъ».

2) Законы, 735c, ср. Государство, 423a, и относительно этого томъ I, стр. 87.

3) Ср. вышеприведенныя слова Аристотеля (Политика, II, 4, 11; 1266b).

4) Ср. Аристотель, Ἀθπ. XI.

5) Полиб., XV, 21, 3.

6) Ibid., 7.

7) Ibid., VI, 9, 8.

8) Эліанъ, V. H., XIV, 24.

9) Такъ характеризуетъ это регрессивное движеніе Аристотель. Политика, VIII, 4, 1 и сл. 1304b.

10) Архидамъ, 67. Ср. томъ I, стр. 71.

11) Ibid.

12) Исократъ. Филипп., 52, объ Аргосѣ.

13) Какъ извѣстно, для смягченія этого напряженія Аристотель рекомендуетъ такую политику, которая клонилась бы къ сближенію богатыхъ и бѣдныхъ или, по крайней мѣрѣ, къ усиленію средняго сословія. Пол., VIII, 7, 8b. 1308b.

14) Полиб., XXXIX, 11, 12. Ср. Wunderer, «Polybios-Forschungen», I, 20.

15) Демосѳенъ (о лживомъ посольствѣ, 295).

16) Замѣчаніе Аристотеля относительно возникновенія царской власти, не вполнѣ соотвѣтствующее въ иныхъ случаяхъ высказываемому имъ взгляду, свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени эта точка зрѣнія опредѣляла общее положеніе дѣлъ.

17) [Демосѳенъ] XVII, 15.

18) Ibid.

19) Государство, 551d. Относительно этого см. томъ I, стр. 83.

20) Платонъ, ibid., 551e.

21) Гл. 13. Затѣмъ эти суммы возвращаются имъ изъ государственной казны.

22) Гл. 12.

23) Гл. 1.

24) Рекомендуется подражать примѣру босѳорскаго тиранна Левкона, разсчитавшаго всѣхъ солдатъ, впавшихъ въ долги, благодаря игрѣ и невоздержному образу жизни (гл. 5).

25) 22, 15.

26) О томъ, до какой степени основательно было это недовѣріе, свидѣтельствуетъ примѣръ Кротона, при осадѣ котораго кареагенянамъ достаточно было узнать, какіе посты у стѣнъ были заняты простолюдинами и какіе богачами, чтобы легко овладѣть городомъ. Ливій, XXIV, 2.

27) 38, 4.

28) 14.

29) V. H. XIV, 24. Ср. характерную мотивировку этого злодѣянія выше, стр. 452.

30) III, 84. См. выше, стр. 441. Лишь по отношенію къ этой 84-ой главѣ, принадлежность которой Ѳукидиду неосновательно отвергается, справедливо замѣчаніе Буркхардта, ор. с., I, 266, относительно всего изложенія (III, 70 и сл.), что уже въ немъ одномъ содержится вся философія греческой партійной борьбы.

31) Ѳукидидъ, III, 45, употребляетъ выраженіе ἐξουσία.

32) III, 70 и сл.

33) VIII, 21.

34) XIII, 48.

35) Какъ мѣтко замѣтилъ уже Буркхардтъ. Ор. с., I, 266.

36) См. томъ I, стр. 71.

37) Буркхардтъ, I, 261.

38) Эфоръ у Страбона, X, 4, 16, стр. 480.

39) Риторика, III, 1, 4.

40) Политика, VIII, 4, 3; 1304b, см. тамъ же другіе аналогичные примѣры.

41) Ѳукидидъ V, 4.

42) По мнѣнію Грота (гл. 57), раздѣлъ земель проектировался въ качествѣ мѣры чисто-политической, и при немъ имѣлось въ виду лишь надѣленіе землею новыхъ гражданъ, принятыхъ для усиленія леонтинской общины. Этотъ раздѣлъ, по мнѣнію Грота, не заключалъ въ себѣ ничего революціоннаго, и при немъ не имѣлись въ виду ни нанесеніе ущерба богатымъ, ни выгода бѣдныхъ. Мнѣ не ясно, какимъ образомъ Гротъ можетъ согласить этотъ взглядъ съ тѣмъ, что передѣлу должна была, по словамъ Ѳукидида, подлежать вся земля.

43) «Привлеченіе на свою сторону многихъ бѣдныхъ», о которомъ упоминаетъ Діодоръ, XI, 86, по поводу одного сиракузскаго претендента, характерно для тиранніи вообще.

44) Типично для возникновенія тиранніи при соціальной классовой борьбѣ и описаніе у Полибія, XV, 21.

45) Относительно затрудненій, возникавшихъ при подобномъ возвращеніи эмигрантовъ, см., напр., Цицеронъ, De off., II, 23.

46) Діодоръ, XIV, 7.

47) Это долженъ признать даже Гротъ, гл. 82. Онъ говоритъ о полной экспропріаціи собственниковъ, о массовомъ переходѣ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, о массовой конфискаціи. А о Діонисіи онъ замѣчаетъ: исходя отсюда (т.-е. послѣ конфискаціи иму-

ществъ всадниковъ), онъ расширилъ свой планъ, превратившійся въ идею о б щ а г о грабежа и передачи имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія.

48) Діодоръ, XIV, 7. См. Поліэнъ, V, 2, 20.

49) Аѳеней XI, стр. 509.

50) Плутархъ, Діонъ, 37.

51) Ibid.

52) Относительно этого интереснаго, конечно, чисто-доктринерскаго плана, см. Плутархъ, гл. 53.

53) Діодоръ, XIX, 6.

54) Діодоръ, 19, 7.

55) Діодоръ, XIX, 7.

56) По, конечно, преувеличивающему сообщенію Діодора болѣе 4000 человѣкъ было убито, а 6000 изгнано. Поліэнъ, V, 3, 7, насчитываетъ до 5000 изгнанниковъ. Ср. анализъ различныхъ извѣстій у Шуберта, «Leben des Agathokles», стр. 48 и сл.

57) Діодоръ, ibid.

58) Діодоръ, ibid., гл. 9.

59) Ibid. Не извѣстно, въ какой степени были выполнены эти обѣщанія. Но, во всякомъ случаѣ, пролетаріатъ и мелкая буржуазія въ значительной степени попользовались конфискованными имуществами противниковъ.

60) Діонисій Галикарнасскій, VII, 8. Замѣчаніе о тираннѣ прежняго времени, Аристодемѣ кумскомъ, во второй главѣ характеризуетъ типичнаго тиранна позднѣйшей эпохи. Ср. также замѣчаніе въ 3-ей главѣ о «грязнѣйшихъ изъ гражданъ» какъ о приверженцахъ тиранна. Конечно, встрѣчаются исключенія.

61) Діодоръ, XVIII, 18, 3 и сл.

2. Соціальная революція въ Спартѣ.

1) Аристотель, Политика, II, 2, 10; 1263b.

2) Ср. т. I, стр. 28 и сл.

3) I, 6.

4) Ср., конечно, преувеличивающее замѣчаніе Ѳеопраста у Плутарха: Ликургъ, гл. 10.

5) И Аристотель мѣтко подчеркнулъ противорѣчіе этого основному д е м о к р а т и ч е с к о м у принципу. Пол., II, 6, 21; 1271a.

6) Ксенофонтъ, Hell., III, 3, 11.

7) Исократъ. Панег., 179. Полиб., VI, 45.

8) Аристотель. Пол., VIII, 5, 12; 1307a. Ср. Павсаній, IV, 18, 1, и т. I, стр. 49 и сл.

9) См. т. I, стр. 49. Мы продолжаемъ считать Тиртея очевидцемъ событій, совершавшихся въ седьмомъ вѣкѣ, а не аеинянином пятаго вѣка, въ котораго его желаетъ обратить Шварцъ (Tyrtäos, Hermes, 1899). См. противъ Шварца Э. Мейеръ, Forschungen z. alt. Gesch., стр. 554 и сл.

10) Имѣя дѣло съ этого рода историческими произведеніями, слѣдуетъ не забывать именно къ нимъ относящееся замѣчаніе одного француза: что можетъ быть презрѣннѣе факта?

11) Это «подчиненіе влеченію стремленій черни и своихъ страстей» вызываетъ у Плутарха, или того автора, которому онъ слѣдуетъ въ своемъ изложеніи (Агидъ, гл. I), воспоминаніе о встрѣчающемся въ одной изъ трагедій Софокла сравненіи съ пастухами, говорящими о своихъ стадахъ, что, «будучи ихъ хозяевами, мы все-таки должны служить имъ». Ср. также Аристотель. Пол., VIII, 8, 2; 1310b: относительно возникновенія тиранніи.

12) Агидъ, гл. 4, 6.

13) Гл. 20, 3.

14) Гл. 5, 4. Белохъ («Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt», стр. 142) упускаетъ изъ виду смыслъ и тенденцію всего изложенія, полагая, что авторъ причисляетъ и эту «чернь» (ὄχλος) къ полноправнымъ гражданамъ (къ «равнымъ»). Допускать это можно, лишь истолковывая, какъ это дѣлаетъ Белохъ, данное мѣсто въ томъ смыслѣ, что въ немъ говорится, что лишь наибольшая ч а с т ь спартанскихъ земельныхъ участковъ была присвоена вышеупомянутою сотнею, между тѣмъ какъ, вѣдь, прямо упоминается, что это присвоеніе распространялось на в с ю землю, принадлежавшую спартіатамъ.

15) Эти числа врядъ ли заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ 50000 рабовъ, которыхъ, по утвержденію Плутарха, гл. 18 (т.-е., конечно, опять-таки Филарха), въ эту эпоху увели съ собой напавшіе на Спарту этолійцы.

16) Государство, 552d. Ср. т. I, стр. 84.

17) 'Αθπ., гл. 2, объ Аѳинахъ: «вся земля принадлежала немногимъ лицамъ». Пол. II, 6, 10; 1270a — о Спартѣ: «земля перешла въ руки немногихъ лицъ». Точно такая же фраза встрѣчается и въ легендѣ о Ликургѣ (Плутархъ, Ликургъ, 8). Вышеприведенное мѣсто изъ аристотелевой Политики, гдѣ непосредственно передъ утвержденіемъ, что вся спартанская земля перешла въ руки немногихъ лицъ, говорится, что у одной части спартіатовъ оказывается много имущества, а у другой—очень мало (стало-быть, все-таки имущества!). Ср. также замѣчаніе въ Политикѣ, VIII, 6, 6; 1307a, относительно Ѳурій: «вся земля перешла въ руки знатныхъ», съ чѣмъ совершенно несогласимы дальнѣйшія слова, какъ бы ихъ ни истолковывать.

18) См. Плутархъ, Агидъ, гл. 5, 3 (относительно закона Эпитадея). Насчетъ неисторичности этого взгляда см. т. I, стр. 52.

19) 6, 2.

20) По словамъ Аристотеля, Пол., II, 6, 11; 1270a, будто бы уже въ четвертомъ вѣкѣ почти двѣ пятыхъ всѣхъ спартанскихъ земель, по, конечно, и въ данномъ случаѣ преувеличивающему сообщенію Плутарха (Агидъ, 7, 4), «бо́льшая часть спартанскаго богатства» вообще.

21) ἀπειροκαλία. Агидъ, 7, 4. Въ данномъ случаѣ спартанскому царю пришлось испытать то же самое, что и платонову идеальному законодателю, также терпящему неудачу, главнымъ образомъ, изъ-за сопротивленія женщинъ. См. т. I, стр. 227.

22) Плутархъ, Ликургъ, 3.

23) 7, 5.

24) Гл. 9.

25) См. выше, стр. 416.

26) Т. I, стр. 53.

27) Агидъ, гл. 3.

28) См. т. I, стр. 227.

29) Такъ характеризуется цѣль Агида, гл. 19, 5.

30) Гл. 11.

31) 9, 1.

32) Ксенофонтъ, Hellen., III, 3, 6. Итакъ, въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о «фактически устарѣвшей легендѣ о пожираніи враговъ», о которой нѣсколько оптимистически говоритъ Бернштейнъ, ор. c., стр. 139, относительно нынѣшняго времени.

33) См. т. I, стр. 60.

34) Собственники могли бы возразить Агиду словами одного изъ позднѣйшихъ противниковъ царей-реформаторовъ о массѣ (Полибій, VI, 56, 11): «масса всегда легкомысленна, проникнута беззаконными стремленіями, приходитъ въ безсмысленное раздраженіе и склонна къ насилію».

35) Гл. 5, въ которой упоминается, что пролетаріатъ неохотно отражалъ даже нападеніе враговъ. Это аналогично заявленію «коммунистическаго манифеста»: «у пролетарія нѣтъ отечества».

36) По мѣткому замѣчанію Зиммеля, «Ueber soziale Differenzierung», стр. 99.

37) Невольно припоминается замѣчаніе одного выдающагося соціалиста относительно «комическаго гнѣва» одного «товарища» противъ лицъ, которыя «не приписываютъ заранѣе всему пролетаріату того, во что онъ долженъ обратиться, выполняя свое историческое призваніе, которыя еще усматриваютъ проблемы тамъ, гдѣ у него имѣются уже готовыя рѣшенія».

38) Гл. 10. Ср. Ликургъ, 9.

39) Приводимыя, кромѣ этого, возраженія относятся къ проектированному пополненію числа гражданъ.

40) Противъ Агида (гл. 6) было большинство совершенно испорченныхъ стариковъ.

41) Гл. 9.

42) Плутархъ вдругъ говоритъ о «женщинахъ», хотя до того шла рѣчь лишь о царицѣ-матери. Новое доказательство поверхностности его изложенія.

43) 7, 3.

44) Сравненіе характеристики молодежи (Агидъ, 6, 1) съ 8-ой главой жизнеописанія Ликурга показываетъ, до какой степени шаблонно это описаніе.

45) Плутархъ, Ликургъ, 11.

46) Вѣдь въ крайнемъ случаѣ и такъ можно было бы истолковать выраженіе οἱ νέοι.

47) Діогенъ Лаэртскій, VI, 87.

48) «σοφῶν συνουσία» зачастую является принципомъ управленія, все равно въ силу какихъ мотивовъ. См. Платонъ, Государство, 568 b.

49) Ср., напр., восхваленіе «практической жизни» у Дикэарха. Цицеронъ, ad Att., II, 16,

и замѣчаніе Плутарха въ духѣ Дикэарха, An seni sit gerenda res publica, гл. 26: вѣдь управленіе государствомъ подобно философствованію.

50) Т. I, стр. 54.

51) Свида, s. v., Дикэархъ.

52) Клеоменъ, гл. 2.

53) О Зенонѣ, какъ о поклонникѣ Спарты, см. Плутархъ, Ликургъ, гл. 31. Не мудрено, что стоиковъ влекло именно туда!

54) Въ 10-ой главѣ жизнеописанія Агида говорится о чтимыхъ въ Спартѣ Ѳалесѣ и Ферекидѣ.

55) Пол., II, 6, 12; 1270a.

56) Если виновникомъ этого пробѣла оказывается уже Филархъ, а не Плутархъ, то въ данномъ случаѣ оправдывается характеристика послѣдняго, сдѣланная Полибіемъ, II, 56, 13: «въ большинствѣ случаевъ онъ не указываетъ ни причинъ, ни деталей излагаемыхъ имъ происшествій».

57) Относительно сильнаго вліянія традицій и на нынѣшнюю соціалъ-демократію «интуитивнаго предпочтенія, оказываемаго всѣми практическими дѣятелями, какъ бы ни были революціонны ихъ цѣли, традиціи», см. Бернштейнъ, «Die Voraussetzungen des Sozialismus», стр. 168.

58) Именно, по отношенію къ такому идеальному образу, какъ плутарховскій Агидъ, слѣдуетъ вспомнить замѣчаніе Гёте по поводу плутарховскихъ героевъ: «вѣдь всѣ они были л ю д и».

59) По словамъ Плутарха (Агидъ, 7, 3), этотъ мотивъ болѣе всего повліялъ и на женщинъ, принадлежавшихъ къ царской семьѣ.

60) Пол., II, 6, 14; 1270b.

61) Аристотель, Пол., XII, 8, 7; 1311a.

62) Ср. относительно этой тенденціи: Зиммель, op. c., стр. 79.

63) Агидъ, 7, 5.

64) VI, 48.

65) Гротъ, II, гл. 6. Съ этимъ приходится согласиться и отвергая взглядъ Грота, согласно которому царь Агидъ в п е р в ы е предался «златой грезѣ» о соціальномъ спасителѣ Спарты.

66) Ср. Целлеръ, «Ueber den Begriff der Tyrannis bei den Griechen». Berichte der Berliner Ak. 1887, стр. 1137 и сл., и Пельманъ, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 266 и сл. («Die Entstehung des Cäsarismus»).

67) См. т. I, стр. 42.

68) Утверждаютъ, что при «ликурговскомъ раздѣлѣ земли число участковъ, доставшихся спартіатамъ, равнялось 9000 (по другимъ источникамъ 6000), а число участковъ, доставшихся періэкамъ,—30000 (Плутархъ, Ликургъ, 8). Въ платоновомъ государствѣ, изображаемомъ въ «Законахъ», которое, по всей вѣроятности, оказало вліяніе на соціальную философію данной эпохи, имѣлось въ виду 5040 участковъ. См. т. I, стр. 231.

69) Подробности см. гл. 11 Агида.

70) Гл. 12. Не существовало ли въ Спартѣ такое же воспрещеніе, направленное противъ этихъ соціально-революціонныхъ мѣръ, какъ въ Аѳинахъ?

71) Гл. 13.

72) По просьбѣ ахейскаго союза о помощи противъ угрожавшаго вторженія этолійцевъ.

73) Плутархъ, Клеоменъ, 2.

74) Ibid., ср. гл. 3.

75) Полибій, IX, 23, 3, который, конечно, пишетъ какъ противникъ Клеомена. Что же касается герусіи, то не извѣстно, была ли она уничтожена, или ей только было отведено подчиненное положеніе. Возможно, что, какъ утверждаетъ Павсаній, II, 9, 1, она была замѣнена другимъ учрежденіемъ, пользовавшимся меньшими правами (такъ наз. педономами).

76) Впрочемъ, повѣствователь утверждаетъ (гл. 11), что большинство подчинилось добровольно и охотно (!), и лишь относительно немногихъ могла быть рѣчь о принужденіи.

77) Новыясненнымъ остается, напр., что было сдѣлано съ движимымъ капиталомъ.

78) См. Плутархъ, Аратъ, 39.

79) Гл. 17.

80) Гл. 20.

81) Гл. 16.

82) Гл. 27.

83) См. ibid., и Полибій, II, 63.

84) Полибій, IX, 36, 4.

85) Ibid., § 5, и IX, 29, 8.

86) Полибій, IV, 81, 2.

87) Полибій, IV, 82, 13.

88) Полибій, III, 6, и Ливій, XXXIV, 31, 11 и 14.

89) Ливій, XXXII, 38, 9.

90) XXXIV, 31, 18.

91) Ibid. Такъ какъ Ливій слѣдуетъ въ своемъ повѣствованіи о Набидѣ изложенію Полибія, то эти черты, конечно, можно признать достовѣрными. Съ удачной ироніей римскій полководецъ Фламининъ называетъ (Ливій, 32, 5) Набида «tamquam aemulus Lycurgi»: тоже, такъ сказать, подражателемъ Ликурга.

92) Полибій, XXV, 8, 2.

3. Результаты.

1) См. выше, стр. 486 (прим. 78).

2) У Гераклида Descr. Graec. I, 14, 2 (Псевдодикеархъ).

3) XX, 6.

4) Продолжительность этого періода безправія мотивируется XXIII, 2, 3, тѣмъ, что «большинство было враждебно настроено противъ состоятельныхъ людей». Характерное противопоставленіе.

5) XX, 2.

6) Ibid., § 6.

7) XXXVII, 4.

8) XI, 8, 4.

9) Плутархъ, Филопэменъ, 4, 5. Фонъ-Скала правильно замѣчаетъ по этому поводу («Die Studien des Polybios», стр. 47), что въ этой біографіи Плутархъ, очевидно, излагалъ личные взгляды Филопэмена, строго придерживаясь Полибія.

10) Ср., правда, предвзятое сужденіе Полибія о народной морали въ данную эпоху XI, 8, 4.

11) Ливій XXXV, 34, 3.

12) IV, 17, 4.

13) VII, 10, 1.

14) Полибій, XIII, 1 и сл., въ данномъ случаѣ, конечно, партійный, утверждаетъ о послѣднемъ, что онъ въ изгнаніи въ Египтѣ получалъ, кромѣ доходовъ отъ выгоднаго мѣста, назначаемое ему царемъ содержаніе, составившее 10 минъ въ день, и что даже это не могло удовлетворить его алчность.

15) Какъ его называетъ Полибій, XXII, 9, 9.

16) Ibid., 12, 1.

17) XLII, 5, 7. Правда, и въ данномъ случаѣ мы не узнаемъ ничего болѣе точнаго относительно с о д е р ж а н і я требованій массы.

18) Полиб., XXXVIII, 3. Діодоръ XXXII, 26, 3.

19) Мнѣ непонятно, какъ можетъ Адлеръ, «Исторія соціализма», I, 6, утверждать въ виду этого распространившагося на Италію и Сицилію движенія несвободныхъ рабочихъ, что «рабскій пролетаріатъ не могъ самъ по себѣ составлять какой-либо проблемы». И откуда знаетъ Адлеръ, что «рабы никогда не выставляли собственной программы» (стр. 18)?

20) Какъ мѣтко замѣтилъ уже Бюхеръ, «Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143 bis 129 v. Chr.», стр. 115.

21) Бюхеръ, op. c., правильно характеризуетъ именно поэтому эти движенія какъ соціалистическія.

22) Выдавая себя за сына Эвмена II отъ дочери игрока на цитрѣ, онъ заявляетъ притязанія на тронъ присоединеннаго въ силу завѣщанія Аттала III пергамскаго царства.

23) Страбонъ, XIV, 38.

24) «Römische Geschichte», II, 54.

25) На это указывалъ уже Бюхеръ, l. c.

26) Бернштейнъ, l. c., стр. 129.

27) Относительно этого, конечно, часто совершавшагося и вопреки волѣ заинтересованныхъ сторонъ перехода отъ соціальной революціи къ тираніи ср. замѣчаніе Полибія, VI, 9, 8. Типиченъ также и разсказъ о тираннѣ Мольпагорѣ Кіосскомъ (XV, 21).

28) Пол., 488d.

29) Ср. выше, стр. 452, 489, и Полибій, XV, 21, 7.

30) Плутархъ упоминаетъ въ качествѣ причины запустѣнія страны, кромѣ войнъ, и «прежніе раздоры» (de defectu orac. 8).

31) Ср. Зиммель, «Ueber soziale Differenzierung», стр. 97, съ которымъ я вполнѣ согласенъ относительно психологической мотивировки принципа равенства.

32) Пол., 423a.

33) Этому препятствовала уже прямо-таки прирожденная грекамъ страсть къ обособленію и распаденію на партіи, такъ прекрасно осмѣянная однажды участникомъ одной партійной побѣды въ словахъ: «не изгоняйте всѣхъ противниковъ, но оставьте нѣкоторыхъ, чтобы мы, избавившись отъ всѣхъ враговъ, не замѣтили ссоры съ нашими друзьями». Плутархъ (de cap. ex inim. util., гл. 10) по поводу одного происшествія въ Хіосѣ.

34) Въ этомъ отношеніи раздѣлъ земель правильно представлялся собственникамъ просто грабежомъ. Діонисій Гал., VII, 8.

35) Ѳукидидъ, III, 82, 8.

36) По мѣткому замѣчанію Фюстель де-Куланжа, «Polybe ou la Grèce conquise par les Romains», стр. 130, вообще дающаго хорошій анализъ вышеуказанныхъ этическихъ моментовъ.

37) Относительно этого о б и х о д н а г о недовѣрія между бѣдными и богатыми см. Аристотель, Политика, VI, 10, 4, 1297a.

38) Ѳукидидъ III, 82, 3.

39) Ibid., § 7.

40) III, 83, 1.

41) III, 82, 4.

42) Ibid., § 5.

43) § 9.

44) Фюстель, стр. 135.

45) Ѳукидидъ, l. c.

46) Фюстель, l. c.

47) «σφετερίζεσθαι τἀλλότρια» Діонисій Гал., V, 66, 4.

48) На одно мѣсто изъ «Одиссеи», относящееся къ Криту.

49) Sillographi Graeci ed. Wachsmuth. Frg., 4, p. 196.

50) «Παραχαράττειν τὸ νόμισμα», характеризуемое какъ лозунгъ цинизма.

КНИГА ВТОРАЯ.—ЭЛЛАДА.

ГЛАВА I.

1) См. т. I, стр. 8.

2) Такъ выражается Ludwig Stein, «Die Soziale Frage im Lichte der Philosophie», стр. 111.

3) Стр. 49.

4) До какой степени совершенно непригодно всякое схематизированіе въ этой сферѣ, доказываютъ поразительные результаты новѣйшихъ изслѣдованій относительно аграрной собственности у первобытныхъ народовъ, сопоставленіе которыхъ даетъ Шурцъ, «Die Anfänge des Landesbesitzes , Ztschr. f. Sozialwissenschaft, 1900, стр. 245 и сл. и 352 и сл. Онъ указываетъ, напр., на то, что уже у нѣкоторыхъ чисто-охотничьихъ племенъ отчетливо обнаруживаются начатки частнаго землевладѣнія, между тѣмъ какъ у другихъ племенъ нельзя констатировать ни слѣда его.

5) Ратцель, стр. 71.

6) И Ценкеръ, «Natürliche Entwicklungsgeschichte der Gesellschaft», стр. 192 и слѣд., справедливо замѣчаетъ, что всѣ попытки установить такую «эмпирическую теорію формъ» оказались неудачными. Впрочемъ, я лично не склоненъ идти въ отрицаніи сравнительнаго метода такъ далеко, какъ Ценкеръ.

7) Какъ Штейнъ, вполнѣ находящійся подъ вліяніемъ этой устарѣлой точки зрѣнія и упрекающій меня въ «чрезмѣрномъ скептицизмѣ». Лишь совершенно игнорируя этнологическія изслѣдованія, какъ это дѣлаетъ Штейнъ, можно утверждать, что «въ настоящее время достовѣрно установленъ тотъ фактъ, что мы почти (стало-быть, все-таки лишь п о ч т и!) в е з д ѣ встрѣчаемъ коллективную собственность въ качествѣ первичной формы владѣнія» (стр. 193).

8) Адольфъ Вагнеръ, «Grundlegung der politischen Oekonomie», II, 3, 392.

9) Впрочемъ, новѣйшія изслѣдованія о славянскихъ родовыхъ общинахъ весьма наглядно показываютъ, до какой степени проблематичными могутъ оказываться и подобные выводы, при

которыхъ исходнымъ пунктомъ служатъ общинныя учрежденія историческаго періода. См. Пейскеръ, «Die serbische Zadruga», Ztschr. f. Sozial- u. Wirtschaftsgesch.», 1899, стр. 211 и сл.

10) R. G., I, 36.

11) См. т. I, стр. 81.

12) De re publ., II, § 16.

13) Вполнѣ согласное со словами Цицерона, не принимаемое въ соображеніе Моммзеномъ, замѣчаніе Плинія, N. H., XVIII, 3, 11 доказываетъ, что въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду земельная собственность.

14) Конечно, уже «индивидуализмъ владѣльца стадъ» въ эпоху, когда землею пользовались общинно какъ пастбищемъ, предполагаетъ значительныя различія состоятельности, почета и могущества. См. мою книгу, «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 150 и сл. Но вѣдь эту соціальную и экономическую дифференціацію въ занимающейся скотоводствомъ ордѣ нельзя сравнивать съ тѣмъ государствомъ патриціевъ, которое имѣетъ въ виду Цицеронъ.

15) Ibid., II, 14, 16.

16) De officiis, II, 41.

17) Впрочемъ, самъ Моммзенъ далъ въ римскомъ государственномъ правѣ III (1), 25 по существу дѣла иное истолкованіе вышеупомянутаго мѣста изъ Цицерона. Здѣсь онъ приводитъ его въ доказательство того, что эти старинныя «надѣленія общинной землей, очевидно, суть не что иное, какъ отнесенные заднимъ числомъ къ древнѣйшей эпохѣ раздѣлы полей, производившіеся въ болѣе поздніе времена».

18) Ливій, I, 19.

19) Плутархъ, Нума, гл. 16. Ср. Цицеронъ, De rep., II, § 26.

20) Діонисій Гал., II, 75.

21) Ibid., 62. Конечно, Діонисій по-своему стилизировалъ легенду о Нумѣ, но общая основная точка зрѣнія была навѣрное дана ему уже римской анналистикой.

22) См. ниже въ послѣдней главѣ.

23) Діонисій, l. c.

24) Ibid.

25) Плутархъ, Нума, l. c.

26) О томъ, насколько часты были эти захваты, см. Фронтинъ, ed. Лахманнъ, стр. 42, 10.

27) Діонисій, II, 74.

28) Ср., напр., Ливій, XLII, 1 и 19.

29) Плутархъ, quaest. Rom. 15.

30) Ливій, I, 21.

31) Діонисій, l. c.

32) Ibid.

33) Варронъ de l. l. v. 74. Ливій, I, 55.

34) R. G., l. c., и Röm. Staatsrecht, III, (I), 22.

35) T. I, стр. 45.

36) Фойгтъ, «Die zwölf Tafeln», II, 342.

37) Варронъ de r. r. I, 10, 2.

38) См. Варронъ, l. c., и de l. l. V, 35.

39) Festus, c. 53. По этому поводу М. Бюксеншютцъ, «Bemerkungen über die römische Volkswirtschaft der Königszeit», Progr. 1886, стр. 6, гдѣ содержатся возраженія противъ этой комбинаціи куріи и полевой центуріи по существу; о томъ, что эта послѣдняя, впрочемъ, отнюдь не была общераспространенной, свидѣтельствуетъ Варронъ de l. l. V, 35.

40) N. H. XVIII, 2, 7.

41) О томъ, до какой степени здѣсь все проблематично, свидѣтельствуетъ взглядъ Э. Мейера (G. d. A. 519), согласно которому heredium въ 2 моргена былъ собственною землею мелкихъ крестьянъ и поденщиковъ, обрабатывавшихъ поля крупныхъ землевладѣльцевъ.

42) «Siedlung und Agrarwesen der West- und Ostgermanen, der Kelten, Römer» u. s. w. Bd. I, 255.

43) Моммзенъ не считается надлежащимъ образомъ съ вышеприведенными выраженіями Варрона, Феста и Плинія, говоря, что у нихъ дѣло идетъ лишь о «земельномъ участкѣ» безъ всякаго точнаго опредѣленія. Вѣдь centuria agrorum есть именно полевая, а не садовая мѣра!

44) «Vorgeschichte der Indoeuropäer», стр. 475. Конечно, Іерингъ не правъ въ томъ отношеніи, что онъ придаетъ содержанію легенды значеніе историческаго факта!

45) N. H. XIX, 4, 50.

46) Quae heredem sequerentur, говорится въ вышеупомянутомъ мѣстѣ изъ Варрона о bina jugera Ромула.

47) Плиній, l. c. XIX, 19, 51.

48) R. Staats., l. c., стр. 26.

49) Предположеніе, согласно которому это право наслѣдованія распространяется на рабовъ и на скотъ лишь потому, что они «вѣдь пріурочены къ землѣ», произвольно, и приводимое Моммзеномъ мѣсто изъ гортинскаго городского права вовсе не доказываетъ его. Ср. мое замѣчаніе по поводу этого вопроса относительно греческаго права. Т. I, стр. 10.

50) «Staatsrecht», III, 1, 26 и 793.

51) Какъ это дѣлаетъ, напр., Веберъ въ своей римской аграрной исторіи (стр. 18).

52) Вслѣдъ за Нибуромъ, напр., Пухта (Institutionen, II, 180), по мнѣнію котораго сначала «единственнымъ земельнымъ собственникомъ было государство, а индивидуумъ чувствовалъ себя лишь владѣльцемъ и узуфруктуаріемъ земельныхъ участковъ, поскольку государство передало владѣніе и пользованіе». И Штейнъ, который вѣдь въ иныхъ случаяхъ разсматриваетъ gens, какъ носителя аграрнаго коммунизма, присоединяется (стр. 101) къ этому взгляду, снова преподнося при этомъ ни на чемъ не основанную гипотезу, согласно которой развитіе ager privatus изъ ager publicus находится въ связи съ политическими успѣхами плебеевъ. «Вступленіе плебеевъ въ сферу римской государственности» будто бы сдѣлало коммунизмъ невозможнымъ, вызвало полный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ! И подобныя фантазіи выдаются за исторію и непосредственно утилизируются для выводовъ относительно соціальнаго вопроса въ настоящемъ! (стр. 103).

53) R. G., l. c. Ср. относительно этого мои замѣчанія, т. I, стр. 10.

54) «Staatsrecht», III (1) 793.

55) Ibid., стр. 25.

56) Веберъ, l. c., стр. 52.

ГЛАВА II.

1) «Grassari in possessionem agri publici», какъ, по словамъ Ливія, называли это любостяжаніе знати народные трибуны. Ср. Аппіанъ, l. c., I, 7.

2) По мѣткому выраженію, Вебера, Hdwb. d. Staatsw. Suppl. Bd. «Agrarische Verhältnisse im Altertum», стр. 10.

3) Прежде всего воинственная завоевательная политика, благодаря которой уменьшалась численность крестьянъ, и во многихъ отношеніяхъ ускорялся упадокъ крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ войны непрерывно доставляли новый матеріалъ для толпъ рабовъ, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ.

4) «Вѣдь мы уже многіе годы терпимъ и молчимъ, видя, что всѣ богатства всѣхъ націй стекаются въ руки немногихъ людей»—говорится въ рѣчахъ Цицерона противъ Верреса, II, 5, 126.

5) Доказательства этого приводятся въ моей книгѣ, «Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte», 1881. Ср. дополнительныя данныя относительно недостатка въ квартирахъ въ большихъ городахъ въ древности въ моей книгѣ «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 292 и слѣд.

6) Ювеналъ, III, 166: magno hospitium miserabile.

7) Плутархъ, Крассъ, 2. См. мою книгу о большихъ городахъ, стр. 107.

8) Марціалъ I, 117, 7; II, 53; III, 30. Горацій, Сат., I, 8, 8. Цицеронъ, Фил., II, 27.

9) Пернисъ, Labeo, I, 467.

10) См. мою книгу «Aus Altertum und Gegenwart», стр. 312 и сл.

11) Іерингъ, «Geist des röm. Rechts», II³, (1), стр. 250 и сл. Ср. мои возраженія противъ этого, «Ueberv. d. a. Grossstädte», стр. 50 и сл.

12) De off., II, § 60. Я не понимаю, почему Іерингъ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ въ словахъ Цицерона лишь сказывается homo novus.

13) Цицеронъ, pro Sestio, § 103.

14) Catilina, 37.

15) De r. r. praef. 3.

16) b. c. II, 120.

17) Светоній Цезарь, 41.

18) По вычисленію Марквардта, «Röm. Staatsverwaltung», II, 114, и Гиршфельда, «Die Getreidew. i. d. röm. Kaiserzeit», Philol. 1870, стр. 12.

19) Саллюстія Hist. III, fr. 61, § 19. Ср. также рѣчь М. Эмилія Лепида относительно прекращенія хлѣбныхъ раздачъ, ibid. I, fr. 41, § 11.

ГЛАВА III.

1) Цицеронъ, pro Sest., 118.
2) R. G. XII, 28.
3) III, 21, I. Ср. Кассій Діонъ, XLII, 42.
4) Кассій Діонъ, XLII, 32.
5) См. Светоній Цезарь, 38.
6) Кассій Діонъ, XLII, 51. Впослѣдствіи Октавіанъ повторилъ эту мѣру. Ibid., XLVIII, 9.
7) Гл. 13.
8) Гл. 14.
9) Гл. 36.
10) 37.
11) Ibid.
12) Ibid.
13) И внѣ Рима въ движеніи особенно выдѣляются преступные патологическіе элементы. На ряду съ пролетаріемъ въ Этруріи знамя возмущенія поднимаетъ и преступный сбродъ всякаго рода, котораго имѣлось множество въ этой мѣстности, и колонисты Суллы, прокутившіе свою добычу», гл. 28.
14) Гл. 17.
15) Гл. 28 и 37.
16) 12. Ср. также рѣзкую сатиру на грубую надменность богатаго выскочки, какъ то (спрашивающаго), что же такое, собственно говоря, бѣднякъ!—у Петронія, 48, 5.
17) Гл. 37.
18) 36.
19) Какъ симптомъ этого ожесточенія, упоминается тотъ, съ болѣе глубокой точки зрѣнія, конечно, получающій совершенно иную оцѣнку, фактъ, что, несмотря на два сенатскихъ постановленія, никто изъ всей этой огромной массы лицъ не донесъ ради обѣщаннаго вознагражденія о заговорѣ, и никто не покинулъ лагеря Катилины.
20) Sub tegulas, Ювеналъ, III, 199. См. мою книгу о большихъ городахъ, стр. 98.
21) Ср. замѣчаніе самого Саллюстія, гл. 13. Далѣе, какъ ужасна та критика аристократовъ, которую онъ влагаетъ въ уста Катону. Послѣдній не находитъ для того, чтобы внушить имъ отвагу и рѣшительность противъ сторонниковъ Катилины, лучшаго аргумента, чѣмъ указаніе на то, что благодаря этому они смогли бы удержать въ своихъ рукахъ цѣнныя для нихъ вещи, а затѣмъ спокойно предаваться наслажденіямъ.
22) 52.
23) Въ подлинномъ видѣ приводится лишь пара короткихъ документовъ. См. Шварцъ, «Die Berichte über die catilinarische Verschwörung», Hermes, 1897, стр. 559 и сл.
24) По мѣткому замѣчанію Дицеля, «Theoretische Sozialökonomik», I, 39.
25) Съ этой соціально-политической точки зрѣнія уже никакъ нельзя считать трактатъ объ обязанностяхъ «полезнѣйшимъ руководствомъ морали», какъ это дѣлалъ Вольтеръ, или даже признавать его «наилучшимъ изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ или имѣющихъ быть написанными произведеній, относящихся къ этической философіи, подобно Фридриху Вел. (ср. превосходную книгу Зѣлинскаго, «Cicero im Wandel der Jahrhunderte», стр. 39 и сл.).
26) De off., I, 149.
27) I, 50 и сл.
28) I, 150 и сл.
29) Какъ удачно переводитъ Моммзенъ.
30) Евнухъ, II, 2, 26.
31) Т.-е., какъ выражается Моммзенъ, R. G., III, 505, наука въ качествѣ профессіи для грековъ и не принадлежащихъ къ господствующимъ сословіямъ римлянъ, которые, во всякомъ случаѣ, могутъ быть, благодаря этому, до нѣкоторой степени терпимы въ высшихъ кругахъ.
32) Ibid. За исключеніемъ выраженія «легкій нюансъ образованія», которое я могу отнести развѣ что къ точкѣ зрѣнія, а не къ данному лицу, я долженъ признать это сужденіе справедливымъ, хотя я и признаю въ иныхъ отношеніяхъ до извѣстной степени основательную

реакцію противъ характеристики Цицерона, данной Друманномъ и Моммзеномъ. Вообще, въ виду вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, не слѣдовало бы заходить въ этой реакціи въ пользу Цицерона такъ далеко, какъ это, по моему мнѣнію, сдѣлалъ Э. Шмидтъ, «Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero», 1893.

33) Ср. иронический вопросъ, съ которымъ обратился къ Цицерону обвинитель защищаемаго послѣднимъ въ 56 г. П. Сестія: что же такое представляетъ наша нація оптиматовъ? Cicero Pro P. Sestio, 96.

34) Ibid.

35) Ibid., 97.

36) Ibid.

37) Ср. характеристику оптиматовъ, какъ «здравыхъ, и добрыхъ, и счастливыхъ» (§ 98).

38) Ad. Att., I, 16.

39) P. Sest., 96.

40) 104.

41) Ad. Att., I, 18, 6.

42) Ibid., II, 1, 7.

43) Ibid., VIII, 13, 2.

44) Ibid., IX, 12, 3.

45) Ibid., IX, 13, 6.

46) Pro Sestio, 138.

47) Однако, тотъ же самый Цицеронъ упоминаетъ позднѣе (De rep., I, 51) о вульгарномъ заблужденіи тѣхъ, которые, не отдавая себѣ отчета въ добродѣтели, свойственной немногимъ и немногими цѣнимой и распознаваемой, считаютъ богатыхъ и знатныхъ людей наилучшими.—Ad. Att., IX, 2a, 3; IX, 1, 4.

48) 104, ср. 100.

49) 99.

50) Catil., IV, 19.

51) Pro Sest., 98. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ Цицеронъ не довѣряетъ своимъ единомышленникамъ. Онъ полагаетъ (§ 100), что они часто желаютъ спокойствія, во что бы то ни стало, хотя бы оно было куплено цѣной достоинства (otium sine dignitate)!

52) 99.

53) De rep., I, 39.

54) Ibid., I, 3.

55) De off., II, 73.

56) 78.

57) 73.

58) 85.

59) Ibid.

60) 85.

61) II, 72.

62) 84. Вѣдь и самъ онъ благотворно вліялъ въ этомъ отношеніи въ своей провинціи. См. Шмидтъ, l. c., стр. 5 и сл.

63) Pro Sestio, 137.

64) Ср. ироническое замѣчаніе Catil., II, 18: Meo beneficio tabulae novae proferentur, verum auctionariae! *Прим. переводчика*: Непереводимая игра словъ: tabulae novae—значитъ уничтоженіе или пониженіе долговъ, a tabulae (auctionariae)—перечисленіе вещей, продаваемыхъ съ публичнаго торга.

65) De off., II, 84.

66) Ibid.

67) De lege agr., II, 10.

68) Ibid.

69) § 9.

70) 70.

71) Самъ онъ неоднократно пользуется этимъ сравненіемъ, напр., ad, Att., I, 16, 11; I, 19, 4. Pro Flacco, 18.

72) 71.

73) Это вполнѣ соотвѣтствовало той логикѣ оптиматовъ, согласно которой консулъ Г. Фанній возражалъ противъ проектируемаго Г. Гракхомъ распространенія права римскаго гражданства

на союзниковъ, что отнынѣ на форумѣ, при зрѣлищахъ и народныхъ увеселеніяхъ не найдется мѣста для народа римскаго, такъ какъ всѣ мѣста будутъ заняты новыми гражданами!

74) Ibid.

75) Съ соотвѣтственными измѣненіями къ нему можно было бы примѣнить его ироническое замѣчаніе о Руллѣ, что «трибунъ имѣетъ въ данномъ случаѣ не ваши, а свои интересы» (68).

76) De officiis, II, 80.

77) De rep., I, 31.

78) Pro P. Sestio, 103.

79) Pro P. Sestio, 103.

80) Ibid. Ср. также характерное сравненіе съ Сатурниномъ, in Verrem Act., II, 1; I, 151.

81) Ibid. Ср. de rep., I, 52: противопоставленіе сторонниковъ Гракховъ и «добропорядочныхъ и богатыхъ гражданъ».

82) In Catil., I, 29. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Гракховъ выродившимися сыновьями почтеннаго отца: de prov. cons., 18.

83) Онъ называетъ (de off., II, 80) Спарту въ эпоху Агида въ высшей степени благоустроеннымъ государствомъ.

84) Шнейдевинъ (Die Antike Humanität, стр. 258 и сл.) вполнѣ игнорируетъ всѣ эти соображенія, важныя для соціально-политической оцѣнки Цицерона. При этомъ Шнейдевинъ совершенно извратилъ смыслъ мѣста въ рѣчи pro Sestio, 103, приписывая самому Цицерону соціальное требованіе (относительно обезпеченія существованія простолюдиновъ), которое Цицеронъ прямо отмѣчаетъ какъ требованіе партіи Гракховъ.

85) De off., II, 84.

86) Pro rege Dejot., 4 и 15.

87) Удивительно, что зачастую это все еще упускается изъ виду, напр., Моммзеномъ, почти совершенно усвоившимъ себѣ характеристику заговора Катилины, данную Цицерономъ и Саллюстіемъ.

88) Въ Catil., III, 21. См. III, 4.

89) IV, 6.

90) Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ рѣчи, произнесенной предъ сенатомъ (I, 14), у него все время идетъ дѣло о жизни и благополучіи всѣхъ. См. III, 22.

91) III, 1.

92) III, 23.

93) IV, 2.

94) III, 8.

95) III, 25.

96) Ibid.

97) Ibid.

98) IV, 7. Ср. § 10.

99) I, 12.

100) I, 3.

101) I, 9.

102) IV, 11.

103) § 12.

104) § 13.

105) R. G., III, 174.

106) IV, 12.

107) I, 14, 3.

108) I, 29.

109) I, 27.

110) II, 1.

111) I, 30. Ср. II, 12.

112) I, 33. Ср. 31; I, 23; I, 27.

113) I, 27.

114) «Ты обречешь ихъ при ихъ жизни и по ихъ смерти на вѣчныя муки» — этой молитвой, обращенной къ Юпитеру, консулъ заканчиваетъ первую рѣчь (§ 33).

115) I, 30.

116) I, 23.

117) I, 13. Ср. II, 10.

118) Ibid., I, 26.
119) I, 12.
120) Ibid.
121) II, 5.
122) II, 8.
123) II, 10.
124) II, 18.
125) II, 19.
126) II, 20.
127) II, 21.
128) II, 22.
129) Ibid.
130) Такъ выражается Моммзенъ о Катилинѣ.
131) II, 11.
132) Ibid.
133) II, 20.
134) II, 21.
135) II, 17.
136) II, 25.
137) I, 13.
138) I, 16 и сл. Для оратора характерно, что, несмотря на это, будто бы давно уже сложившееся у него убѣжденіе въ «нестерпимой» гнусности Катилины, безъ участія котораго въ теченіе уже многихъ лѣтъ не совершалось ни одного злодѣянія (§ 18), онъ незадолго до этого былъ готовъ выступить въ качествѣ защитника того же самаго Катилины въ процессѣ изъ-за вымогательства! И онъ готовъ былъ сдѣлать это, несмотря на то, что, по собственному его признанію, судьи смогли бы оправдать Катилину лишь въ томъ случаѣ, если у нихъ хватило настолько смѣлости, чтобы выдать ясный полдень за темную ночь! Ad Att. I, 1, 1. Поэтому можно судить о неподдѣльности нравственнаго негодованія Цицерона противъ Катилины!
139) I, 1. Ср. I, 32.
140) IV, 14.
141) II, 24.
142) I, 21. Ср. § 32.
143) Ср. вышеприведенную неприкрашенную характеристику, стр. 525.
144) IV, 15.
145) Ibid.
146) Ср. характерныя выраженія, приводимыя въ 5 главѣ.
147) IV, 8.
148) IV, 17.
149) Ср., впрочемъ, съ этой цицероновской характеристикой гораздо менѣе оптимистическое сужденіе, высказываемое о римскомъ городскомъ населеніи Діонисіемъ, VI, 51. По его словамъ, при первомъ уходѣ плебеевъ оно массами переходитъ на сторону зачинщиковъ. Саллюстій, De bello Jugurth., 73, подтверждаетъ, что это отнюдь не греческая тенденціозная ретушировка римской исторіи. Почему же сторонники Катилины обращались къ «ремесленникамъ и рабамъ» (какъ говорится у Саллюстія, Catilina, 50)? Конечно, лишь потому, что именно у послѣднихъ они предполагали соціально-революціонныя тенденціи!
150) Прежде, конечно, этотъ самый народъ не былъ столь безобиденъ. Въ эпоху Гракховъ и Сатурниновъ «уже однѣ раздачи и надежда наобѣщанную выгоду взбудораживали толпу и безъ уплаты денегъ». Pro Sestio, 49.
151) I, 30.
152) I, 31. Ср. также IV, 20: относительно многочисленныхъ заговорщиковъ.
153) IV, 6.
154) III, 17.
155) II, 28.
156) II, 5. Ср. также издѣвательство надъ «славными войсками Катилины», II, 24.
157) Вслѣдствіе котораго, по выраженію Саллюстій, Cat., 61, «побѣда была далеко не радостна и не безкровна».
158) Pro P. Sestio, 104.
159) Ibid.

160) Ibid., 106.

161) Ad Att., II, 1, 8.

162) Вѣдь самъ онъ требуетъ, чтобы истинное противорѣчіе оказывало такое дѣйствіе (Brutus, 290).

163) Какое дѣло вообще до уваженія къ фактамъ этой риторикѣ, выставляющей прямо-таки своимъ принципомъ не только «преувеличеніе и умаленіе», но даже и «лганье въ исторіи» (!), какъ это дѣлаетъ Цицеронъ. См. Brutus, 42. Ср. Orator, 127.

164) I, 14, 4.

165) II, 1, 2. Въ самомъ дѣлѣ, Цицеронъ правъ: бумага не краснѣетъ! (Ad. fam., V, 12 1).

ГЛАВА IV.

1) Благодаря этому, мы только замѣнили бы старую «легенду о Катилинѣ» новою легендой.

2) Іерингъ, «Geist des röm. Rechts», II (1)^5, 88 и сл.

3) De off., II, 12.

4) Какъ будто бы для этого всегда нужны были привилегіи, а не достаточно было уже «неблагосклоннаго отношенія права къ бѣднякамъ, проявляющагося въ томъ, что прибѣгать къ защитѣ права было легко для капиталистовъ, чрезвычайно трудно для бѣдныхъ людей», какъ столь наглядно выяснилъ самъ Іерингъ въ другомъ своемъ произведеніи («Scherz und Ernst in der Jurisprudenz»), въ главѣ о богатыхъ и бѣдныхъ въ римскомъ гражданскомъ процессѣ».

5) l. c., стр. 90.

6) Стр. 237.

7) Таково мнѣніе Адлера, «Geschichte des Socialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart», I, стр. 52. Отъ историческаго труда, авторъ котораго руководится «научными точками зрѣнія», все-таки прежде всего можно было бы ждать, что высказываемыя въ немъ сужденія всецѣло основаны на достаточномъ знакомствѣ съ состояніемъ традиціи, и что въ немъ не преподносятся поверхностныя фразы, прямо-таки сбивающія съ толку неосвѣдомленнаго читателя, такъ какъ онѣ внушаютъ ему превратныя представленія, скрывая отъ него неимовѣрную скудость и односторонность традиціи, и вызываютъ иллюзію знанія, совершенно недоступнаго для насъ въ такой формѣ.

8) Адлеръ, l. c. Въ качествѣ курьеза можно упомянуть и о взглядѣ Лоріа, согласно которому въ Римѣ не было соціальной революціи, такъ какъ онъ молъ элидировалъ земельную ренту посредствомъ «panem et circenses»! La rendita fondiaria et la sua elisione naturale. Стр. 24.

9) Если уже по отношенію къ антропологическимъ тѣлеснымъ признакамъ изслѣдованіе привело къ тому выводу, что «нѣтъ никакой надежды на то, что наука о человѣкѣ когда-либо сдѣлаетъ возможнымъ такіе опредѣленные отвѣты» (Ратцель, «Anthropogeographie», стр. 579), то вѣдь это еще гораздо болѣе примѣнимо къ духовной сторонѣ народной жизни.

10) Не лучше ли было бы принципіально отказаться отъ этого проблематическаго понятія?

11) Apol., 24.

12) Ср. прекрасныя біогеографическія изслѣдованія Ратцеля въ его политической географіи, стр. 1 и сл. (1899) и по поводу ихъ Шеффле, «Der Staat und sein Boden», Tüb. Zeitschr. f. Staatsw., 1899, стр. 199 и сл. и Беловъ, «Naturwissenschaft und Geschichte», Beil. z. Münch. Allg. Ztg., 1899, № 279. Въ виду все еще весьма распространенныхъ и въ наукѣ о древнемъ мірѣ некритическихъ воззрѣній относительно этого рода вопросовъ приходится въ высшей степени настойчиво рекомендовать эти работы.

13) Ратцель, «Anthropogeographie», стр. 598.

14) Генъ, «Italien», стр. 81.

15) De pet. cons., 54.

16) Flori epit., p. XLI. Ср. Симмахъ, IV, 28.

17) C. I Gr., 5923 A. 18.

18) Полемонъ у Аѳинея, I, 36.

19) VII, 905.

20) Cons. ad Helv., 6.

21) Какъ говорится въ одномъ отрывкѣ у Діодора, 34, 6 (Exc. Vat., p. 103).

22) Въ которой, благодаря обильному предоставленію гражданскихъ правъ вольноотпущенникамъ, кромѣ римлянъ, имѣлось множество элементовъ греческаго, восточнаго и, вообще, иноземнаго происхожденія.

23) Pro Flacco, VII, 17.

24) То, что Шиллеръ («Прогулка»), говоритъ о соціальной и духовной средѣ города, конечно, особенно примѣнимо къ большому городу.

Ближе сходится здѣсь человѣкъ съ человѣкомъ, тѣснѣе
Окружающій міръ, полнѣе міръ внутренній въ немъ.
Видишь, какъ въ огненной битвѣ калятся желѣзныя силы,
Но чѣмъ больше ихъ споръ, тѣмъ крѣпче ихъ будетъ союзъ.

25) Въ рѣчахъ римскихъ государственныхъ дѣятелей у Діонисія галикарнасскаго значительную роль играютъ указанія на примѣры изъ исторіи греческихъ государствъ. Конечно, этого рода аргументація не можетъ быть цѣликомъ приписана самому греческому автору. Она, въ самомъ дѣлѣ, играла нѣкоторую роль въ политическихъ рѣчахъ революціонной эпохи и поэтому встрѣчалась уже въ римскихъ анналахъ этого времени. Ср. Порціо, «Concetti greci nelle riforme dei fratelli Gracchi. Rivista di storia antica», 1899, стр. 60 и сл., 212 и сл., 412 и сл.

26) О томъ, до какой степени обычное представленіе о римской «трезвости» нуждается въ поправкѣ, свидѣтельствуетъ тотъ интересный фактъ, что, какъ доказываютъ подлинныя римскія пословицы, римляне точно такъ же, какъ и греки, предавались мечтамъ о баснословной волшебной странѣ и рисовали себѣ «чрезвычайно забавную картину міра наизнанку», которая могла быть лишь продуктомъ «въ высшей степени смѣлаго и живого воображенія». См. Крузіусъ, «Märchenreminiscenzen im antiken Sprichwort», l. c., стр. 40.

27) VII, 66, 4.

28) Ibid.

29) См. Вэльфлинъ, «Zur Psychologie der Völker des Altertums». Archiv f. lat. Lex. Bd. 7. Стр. 333 и слѣд.

30) См. приводимыя тамъ мѣста.

31) Ратцель, «Политическая географія», стр. 53: и въ Римѣ была зорко подмѣчена эта особенность настоящаго крестьянина. См. Катонъ, de r. r., 1.

32) Какъ выражается Ине, «Röm. Gesch.», II, 291. Какъ-будто способность къ правильному политико-экономическому мышленію дана уже вмѣстѣ съ національнымъ характеромъ! Впрочемъ, то, что придерживающемуся манчестерскихъ взглядовъ Ине кажется продуктомъ здраваго политико-экономическаго сужденія, наоборотъ, служитъ для другихъ доказательствомъ нездороваго политико-экономическаго мышленія у римлянъ! Напр., по мнѣнію Эртмана («Die Volkswirtschaftslehre des corpus juris civ.», стр. 11), у римлянъ совершенно отсутствовали пониманіе «взаимной связи отдѣльныхъ профессій и экономическихъ сферъ» и представленіе о «массовыхъ явленіяхъ экономической народной жизни», такъ что, благодаря этому, все производство, всякое, благопріятное или неблагопріятное, положеніе промышленности, представлялись имъ «чѣмъ-то чисто индивидуальнымъ, недосягаемымъ для государственнаго вмѣшательства» (!). Онъ предполагаетъ у римлянъ «значительный пробѣлъ въ основныхъ воззрѣніяхъ на человѣческую жизнь, исключавшій для нихъ всякую мысль о вмѣшательствѣ государства въ народное хозяйство». Какъ-будто бы въ Римѣ никогда не существовало законовъ о процентахъ и о ростовщичествѣ, никогда не издавалось аграрныхъ законовъ!

33) Какъ утверждаетъ Вейзе въ своей характеристикѣ латинскаго языка. 2-е изд., стр. 94.

34) Моммзенъ, R. G., I, 24.

35) Ср. относительно этихъ законовъ о процентахъ, издававшихся во вторую половину четвертаго вѣка, Биллетеръ, «Gesch. des Zinsfusses im Alter.», стр. 135. Въ виду вполнѣ достаточной и недвусмысленной традиціи, онъ правильно отвергаетъ сомнѣнія относительно исторической достовѣрности воспрещенія процентовъ.

36) Лица, считающія что-либо подобное невозможнымъ, когда дѣло идетъ о «римлянинѣ», упускаютъ изъ виду, что такой радикализмъ въ борьбѣ противъ признаваемой враждебною экономической силы вполнѣ соотвѣтствуетъ мышленію крестьянина.

37) Диль основательно замѣчаетъ, «Wirtschaft und Recht», JbB. f. Nat. u. Stat., 1897 (Bd. 69), стр. 846, имѣя въ виду Прудона, что безъ частнаго взиманія процентовъ со стороны владѣльца капитала не можетъ существовать и частное владѣніе самимъ капиталомъ, что логическимъ слѣдствіемъ принципіальнаго отрицанія процентовъ должно было бы явиться и отрицаніе частнаго владѣнія средствами производства.

38) Зомбартъ, l. c., 13.

39) «Gravitas et dignitas», которыя, впрочемъ, можно найти и у современныхъ итальянцевъ, даже и среди низшихъ классовъ, причемъ это не исключаетъ у нихъ тѣхъ свойствъ, которыхъ не желаютъ признать у римлянъ.

40) По характеристикѣ Ф. Гена, op. c., стр. 79. Какъ характерны для этого живого,

легко возбуждаемаго народнаго характера тѣ совѣты, которые Цицеронъ даетъ оратору, ср. напр., Orat., 131.

41) Libertas Romana! Ср. характерную фразу сторонника Катилины и вождя инсургентовъ Г. Манлія у Саллюстія, Catilina, гл. 33: «мы стремимся къ свободѣ, отъ которой не отказывается ни одинъ порядочный человѣкъ, пока онъ живъ».

42) Генъ, стр. 114.

43) Діонисій, VII, 18, говоритъ о начальныхъ стадіяхъ сословной борьбы, что тогда еще не бывало случаевъ, чтобы «бѣдные врывались въ дома богачей въ надеждѣ найти тамъ съѣстные припасы или же пытались похитить доставленный на рынокъ хлѣбъ». Это замѣчаніе наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени часты были впослѣдствіи въ Италіи подобные случаи.

44) Противъ этого характернаго для крайняго вырожденія капитализма стремленія богачей водворять и свободныхъ людей въ сноп темныя ergastula, послѣднихъ охранялъ лишь недостаточно строгій законъ, угрожавшій за обращеніе свободныхъ людей въ рабство денежнымъ штрафомъ!

45) Діодоръ, XXXVI, 5.

46) Впрочемъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ замѣчаніе Аппіана, I, 116, относительно свободныхъ земледѣльцевъ среди шаекъ Спартака!

47) Относительно этого достопримѣчательнаго сицилійскаго рабскаго государства сирійца Евна, о соціальномъ строѣ котораго до насъ не дошло никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, см. Бюхеръ, op. c.

48) О какихъ массовыхъ движеніяхъ шло дѣло въ данномъ случаѣ, выясняетъ, напр., Ливій, XXXIX, 29.

49) Да и вообще Моммзенъ не вполнѣ неправъ въ соціальномъ отношеніи, находя, R. G., III, 516, что Италія въ эпоху Цицерона весьма напоминаетъ Грецію въ эпоху Полибія.

50) Достаточно упомянуть хотя бы, напр., неистовства массъ рабовъ, натравленныхъ Маріемъ на господъ! Плутархъ, Серторій, 5.

51) Какъ бы то ни было, въ противоположность должностной знати нобилей, всадникамъ среднему сословію и мелкой буржуазіи можно говорить о римскомъ пролетаріатѣ какъ о четвертомъ сословіи.

52) См. выше, стр. 514.

53) Часто это была лишь жизнь, разсчитанная на внѣшнее впечатлѣніе, которой плохой обычай требовалъ и отъ другихъ сословій. Классическую формулировку даетъ Ювеналъ, VII, 136 и слѣд.: ему подобаетъ напоказъ жить не по средствамъ; но не знаетъ предѣла расходамъ расточительный Римъ... Этимъ объясняется столь часто встрѣчавшаяся бѣдность среди блестящей обстановки, дорогая жизнь впроголодь! См. Friedländer, «Sittengeschichte Roms» I, 6 22 и слѣд.

54) Ср. характеристику такихъ пролетаріевъ изъ сословія всадниковъ у Марціала VIII, 5 по поводу нѣкоего Мацера, «до тѣхъ поръ даровавшаго кольца женщинамъ легкаго поведенія, пока онъ не пересталъ обладать кольцами» (т.-е. лишился права носить золотое кольцо въ качествѣ знака принадлежности къ сословію всадниковъ). Ср. Ювеналъ, XI, 42, о нѣкоемъ Полліонѣ, котораго, послѣ того, какъ онъ все промоталъ, покидаетъ и кольцо, такъ что ему приходится попрошайничать, протягивая пальцы безъ кольца. Ср. Геллій, XI, 7, 3.

55) Какъ два ходатая по дѣламъ, о которыхъ упоминаетъ Марціалъ, III, 38: Neutri pensio toda fuit.

56) Ювеналъ, VII, 28.

57) Светоній, ill gramm., 9.

58) Въ седьмой сатирѣ.

59) Ювеналъ, VII, 17. Ср. 60 и слѣд.

60) См. Фридлендеръ, предисловіе къ его изданію Марціала, стр. 10 и слѣд.

61) Относительно столь характерной для пауперизма въ Римѣ многочисленности этихъ фигурантовъ и этого вопроса вообще см. мою книгу о большихъ городахъ древности. стр. 39 и слѣд.

62) См. Фридлендеръ, предисловіе къ изданію Ювенала, стр. 18 и слѣд.

63) Выразительно формулированное Марціаломъ, III, 30: ты утверждаешь, что ты долженъ жить въ высшей степени раціонально, но въ томъ, что ты живешь, нѣтъ ничего раціональнаго.

64) III, 38.

65) IV, 5.

66) III, 30.

67) III, 162 и слѣд.

68) III, 21 и сл.

69) См. мою книгу относительно большихъ городовъ древняго міра, стр. 52 и сл. Ср. также противоположеніе «integer populus» или «pars integra populi» и «humillimi» или «plebs sordida» у Ливія, IX, 46, 14, и Тацитъ, hist., I, 4.

70) Ср. вопросъ Чабоба въ рѣзкой сатирѣ Петронія (48), что же такое бѣдный? Quid est pauper?

71) См. выше, стр. 400 и сл.

72) У (Квинтиліана) decl. XIII, въ качествѣ особенностей большого города упоминаются: tumultus, ambitus и majoris fortunae cupiditas. Неужели же, спрашивается, это страстное стремленіе къ «большему счастью» было менѣе сильно развито у бѣдныхъ, чѣмъ у собственниковъ?

73) Fastidire minores, какъ выражается Марціалъ, III, 31.

74) Ср., напр., систематическую сводку обвиненій Ювенала противъ знати и богачей въ изданіи Фридлендера, стр. 20 и сл.

75) Кліенты и вольноотпущенники, связанные со знатными фамиліями общностью интересовъ, отчасти являются соціально-консервативнымъ элементомъ. Ср. Тацитъ, hist., I, 4.

76) Ср. замѣчаніе Тацита относительно этой демагогіи. De orat., 40.

77) Горацій, Сатиры, I, 1, 62: quia tanti, quantum habeas, sis, Луцилій, Schol. Juv. III. 143: quantum habeas, tantum ipse sies tantique habearis. Ср. относительно этихъ вошедшихъ въ поговорку выраженій A. Otto, Geldverkehr und Besitz im Sprichwort. Archiv. f. lat. Lex. Bd. VI. стр. 47 и сл.

78) Овидій, Fast., I, 218: pauper ubique iacet.

79) Петроній, 137: quisquis habet nummos, secura navigat aura; ср. ibid. 77: crodite mihi: assem habeas, assem valeas: habes, habeberis; sic amicus vester, qui fuit rana, nunc est rex.

80) Эта мысль нашла поэтическое выраженіе у Марціала, II, 53.

Ты хочешь стать свободнымъ? Неправда, ты этого не хочешь.
Но если ты этого хочешь въ самомъ дѣлѣ,
То ты будешь свободенъ...
Не будучи въ состояніи, не сгибаясь, войти въ свое жилище.

81) Конечно, при монополизаціи магистратуры и сената знатью происхожденіе имѣло существенное значеніе, однако, при все возраставшей дороговизнѣ выборовъ фактически тѣ матеріальныя средства, которыми располагалъ кандидатъ, въ значительной степени опредѣляли исходъ.

82) XXXIV, 31, 17. Ср. также жалобу Плинія, N. H., XIV, 1.

83) Ср. многочисленныя характерныя доказательства у Казера, «Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16. Jahrhunderts» (1899), въ особенности стр. 226 («Все раздѣлить и сдѣлать общимъ»). Въ этой книгѣ ясно обнаруженъ допускаемый уже Лампрехтомъ и неосновательно оспариваемый Ленцомъ коммунистическій и соціалистическій характеръ цѣлаго ряда этихъ городскихъ движеній.

84) Ср., напр., Цицеронъ Pro sestio, 160. О какихъ массахъ шло дѣло въ данномъ случаѣ, показываетъ, напр., то обстоятельство, что въ одномъ циркѣ въ эпоху Цезаря имѣлось 150000 мѣстъ, причемъ это число увеличилось въ эпоху Веспасіана до 250000, а въ IV вѣкѣ до 385000. О значеніи этихъ учрежденій для возможности массовыхъ демонстрацій см., напр., Тацитъ, hist. I, 72. См. Ann., VI, 13.

85) V, 64, 2. Ср. V, 67, и VI, 22. Какъ часто и римскіе историки упоминаютъ о contiones civium seditiosae, o contiones seditiose conciliatae и т. д. И какой бурный характеръ могли принимать подобныя массовыя движенія. Ср., напр., жалобы Цицерона (ad Quinctum fratrem, II, 1, 2): de Clodianis incendiis, trucidationibus, lapidationibus.

86) Зомбартъ, op. c., стр. 77.

87) Лео, «Geschichte Italiens», I, 31. «Итальянецъ скорѣе переходитъ отъ дѣтской зависимости къ болѣе свободному отношенію къ міру», къ «свободному духовному кругозору». «Народъ легче чувствуетъ себя свободнымъ въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ и дѣйствуетъ свободно. Въ Италіи чернь не отличается смиреніемъ, она чувствуетъ въ себѣ по отношенію къ высшимъ сословіямъ какую-то духовную силу» (29 и сл.). Нигдѣ все то, что вліяетъ на фантазію или рефлексію человѣка, на его чувственность или своекорыстіе, не оказывало столь сильнаго дѣйствія, какъ въ Италіи» (34).

88) Ср. также характерное замѣчаніе (Саллюстія) ad Caesarem de rep., II, 7. Ибо когда добропорядочный человѣкъ видитъ, что менѣе хорошій человѣкъ пользуется большимъ почетомъ

и уваженіемъ изъ-за своего богатства, онъ прежде всего негодуетъ и о многомъ размышляетъ. Согласно этому замѣчанію, такимъ размышленіямъ предаются не только бѣдняки!

89) Цезарь, B. c. III, 21. Кассій Діонъ, XLII, 32.

90) R. G. Bd., III, 512.

91) Относительно этого революціоннаго настроенія массы ср., навѣрно, также вызванное опытами, относящимися къ революціонной эпохѣ римской исторіи, замѣчаніе Цицерона de rep. I, 65, за которымъ слѣдуетъ переводъ анализа психологіи массы изъ платонова государства, VIII, 562c и сл. (ср. т. I, стр. 87), которое Цицеронъ, слѣдовательно, считаетъ о б щ е п р и м ѣ н и м ы м ъ и къ римскимъ массамъ!

92) Princ. hist., V, 11.

93) (Саллюстій) ad Caesarem de republ., I, 7, 2.

94) См., напр., Светоній Августъ, гл. 25. Амміанъ, XIV, 6 Ср. XXVI, 3, 6; XXI, 12, 24. Симмахъ, ep. IV, 5. Ср. ibid., II, 6.

95) Ср. изображеніе подобнаго подстрекателя (seditiosorum antesignanus) Амміанъ, XXVII, 7, 4.

96) Ярость возбужденныхъ бѣдняковъ, какъ выражается Амміанъ, XXVII, 3, 10.

97) Ср. ibid., § 8.

98) Ibid., § 4.

99) Какъ характерно въ этомъ отношеніи и описаніе, ibid., XV, 7, 3.

100) Catil., гл. 37.

Г Л А В А V.

1) Въ самомъ дѣлѣ «освобожденіе римскаго простонародья отъ ростовщичества», какъ выражается Ливій, VI, 15. Весьма характерна и легенда о Манліи (Liv., VI, 20), въ которой онъ особенно прославляется за выдачу множества безпроцентныхъ ссудъ.

2) Частое совпаденіе основныхъ мыслей рѣчей, приводимыхъ Діонисіемъ, съ рѣчами, приводимыми у Ливія, доказываетъ, что это въ самомъ дѣлѣ примѣнимо и къ Діонисію. Такъ какъ ни онъ не пользовался Ливіемъ, ни Ливій—имъ, то значительная часть рѣчей, приводимыхъ у Діонисія, должна быть заимствована изъ того же самаго оригинала, т.-е. изъ р и м с к о й а н н а л и с т и к и.

3) Ср. капитальное изслѣдованіе Моммзена: Spurius Cassius, M. Manlius, Sp. Maelius, die drei Demagogen der älteren republikanischen Zeit, Röm Forschgn., II, 153 и сл.

4) Діонисій, IV, 9. 8. Ср. излагаемый ниже въ 6-й главѣ взглядъ на «несправедливость» услуженія, находящій свое выраженіе въ легендѣ о вѣкѣ Сатурна.

5) Ср. взглядъ на «самодовлѣніе» гражданина, формулированный въ разсматриваемомъ въ 6-й главѣ «Посланіи къ Цезарю».

6) § 9.

7) Ibid.

8) Само собой разумѣется, эта параллель имѣетъ силу лишь для такихъ отдѣльныхъ спеціально отмѣчаемыхъ аргументовъ, а не для всей аргументаціи и не для самихъ партій.

9) V, 66, 1.

10) § 2.

11) Ibid.

12) Невольно вспоминается замѣчаніе Бисмарка, что соціальный вопросъ есть прежде всего вопросъ военный.

13) V, 67, 1. Природа человѣка такова, что онъ удовлетворяется лишь на одинъ моментъ, а слѣдующій день приноситъ съ собой новыя желанія, новыя требованія, новыя притязанія. «Вожделѣнія нынѣшняго, культурнаго человѣка безпредѣльны. По удовлетвореніи одной потребности ее смѣняетъ другая». Wolf, Zeitschr. f. Sozialw., II, 791. «Правительству нисколько не помогаетъ,—говоритъ одинъ современный соціалъ-демократъ,—то, что оно называетъ себя правительствомъ, стремящимся къ осуществленію соціальной справедливости, нашимъ либераламъ нисколько не помогаетъ то, что они не противятся соціальнымъ реформамъ, рабочіе все-таки все болѣе и болѣе многочисленными толпами присоединяются къ намъ». Ср. тамъ же, стр. 790 и сл.

14) Ср. выше, стр. 554 и сл.

15) Согласно формулировкѣ Вольфа. Op. c., стр. 7, 88 и сл.

16) Рѣчи князя Бисмарка, изданіе ф. Штейна, XII, 249 и сл. Ср. «Gedanken und Erinnerungen», II, 60: «въ концѣ концовъ, у большихъ массъ преобладаетъ вліяніе алчности». Ср. Wolf, «Das sozialpolitische Vermächtnis Bismarcks», Zeitschr. f. Sozialw., II, 477 и сл.

17) Ср. развиваемыя имъ мысли съ вышеприведенными взглядами Цицерона. См. выше, стр. 527 и сл.

18) См. V, 68, 5.

19) VI, 24, 1.

20) VI, 27 и 38.

21) VI, 59, 1.

22) VI, 60, 3. Ср. также VII, 15, 2, характерное сопоставленіе «упрямой и неразумной черни» и «наглой и невыносимой ярости льстецовъ народа».

23) VI, 28.

24) VI, 54.

25) VI, 36. Ср. Садлюстій, Bell. Jug. 41.

26) Ливій, II, 32. Діонисій, VI, 86.

27) Діонисій, VI, 86, 5.

28) Ливій, l. c.

29) А именно эта аргументація дошла до насъ при посредствѣ Зонары (Кассій Діонъ), VII, 14. Не подлежитъ сомнѣнію, что и она, въ концѣ концовъ, восходитъ къ позднѣйшей римской анналистикѣ. См. Шварцъ, Cassius Dio, въ реальной энциклопедіи Паули-Виссовы.

30) Ливій, VI, 36. Такимъ тономъ, замѣчаетъ Ливій, говорятъ люди, умѣющіе вліять на народное чувство (artifices tractandi animos plebis).

31) Діонисій, VI, 79, 2.

32) Ibid., V, 63, 1.

33) Діонисій, V, 65, 2.

34) Ср. насмѣшливое замѣчаніе одного демагога по поводу «важныхъ знатныхъ господъ», которымъ приходится унижаться предъ «простолюдинами». Діонисій, VI, 77, 1,

35) Діонисій, VI, 78, 3.

36) IV, 3, 8.

37) Ливій, VI, 18, 5.

38) Ibid., § 14. Въ 89 г. должники сдѣлали попытку упразднить фактически дѣйствовавшее право ссылкой на вышедшіе изъ употребленія законы о процентахъ. Вслѣдствіе этой попытки стоявшій на сторонѣ должниковъ преторъ былъ убитъ на площади кредиторами, имуществу которыхъ угрожала опасность!

39) Ливій, l. c.

40) Ливій, VI, 41, 10.

41) Ibid., VI, 17, 2.

42) «Ave Croese! Morituri te salutant!» могли бы они сказать вмѣстѣ съ англійскимъ солдатомъ, который вѣдь также проливаетъ свою кровь на полѣ брани ради увеличенія могущества господствующихъ ненасытныхъ и беззастѣнчивыхъ барышниковъ.

43) Плутархъ, Тиберій Гракхъ, 9. Эта аргументація напоминаетъ сцену, изображаемую у Діонисія, VI, 27, когда плебеи, лишенные свободы за долги, указываютъ при наборѣ на свои цѣпи и оковы и съ горькой ироніей спрашиваютъ, не это ли тѣ драгоцѣнныя отечественныя блага, ради которыхъ они должны идти на войну!

44) См. Шэффле, «Kapitalismus und Sozialismus», стр. 139.

45) Аппіанъ, Гражданскія войны, I, 14.

46) Ad Att., V, 16, 11. Ср. I, 16, 11, и X, 8, 6.

47) Моммзенъ, R. G., III, 293.

48) Гл. 21.

49) Гл. 35 (къ Кв. Катулу).

50) Гл. 20.

51) Ср. ту характеристику лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, которую у Саллюстія, гл. 25, даетъ ожесточенный врагъ Катилины, Катонъ. Онъ называетъ ихъ людьми, которые всегда болѣе дорожили «своими домами и имѣніями, статуями и картинами, чѣмъ государствомъ». Ихъ роскошь и корыстолюбіе вызвали «обѣднѣніе государства, чрезмѣрное накопленіе богатствъ у частныхъ лицъ». Они стремятся къ лѣнивому спокойствію. «Всякій имѣетъ въ виду

лишь свои частные интересы, у себя потворствуя своимъ похотямъ, а здѣсь, въ сенатѣ, служа золоту и домогаясь для себя милостей».

52) Гл. 33.

53) Гл. 39.

54) Jug., гл. 41.

55) Cat., гл. 39.

56) De leg. agr., III, 14.

57) Pharsalia, VI, 793.

58) I, 162 и сл.:

Praedaque et hostiles luxum suascre rapinae;
non auro testisve modus...
...tunc longos iungere fines
agrorum et quondam duro sulcata Camilli
vomere et antiquos Curiorum passa ligones
longa sub ignotis extendere rura colonis.

59) Конечно, и по поводу уничтоженія кредита законами о долгахъ.

60) 181 и сл.:

Hinc usura vorax avidumque in tempora fenus
et concussa fides et multis utile bellum.

61) Оды, II, 18.

62) Controv., V, 5.

63) Declam., XIII pro praupere contra divitem.

64) Гл. 11.

65) Чудовищная страсть къ увеличенію своихъ имѣній, какъ выражается Ливій, XXXIV, 4, чрезмѣрное любостяжаніе, по выраженію Колумеллы, I, 3.

66) Ibid. Ср. Sicul. Flaccus, 138, 11 и сл.

67) 7.

68) I, 113 и сл.:

funesta Pecunia, templo
nondum habitas; nullas Nummorum ereximus aras,
ut colitur Pax atque Fides, Victoria, Virtus,
quaeque salutato crepitat Concordia nido.

ГЛАВА VI.

1) См. выше, стр. 521 и сл.

2) Вирджилій, «Der wissenschaftliche Sozialismus in Italien», Vierteljschr. f. Staats- u. Volksw., V, стр. 4.

3) См. выше, стр. 562, и, правда, стоящее въ связи со словами Платона замѣчаніе Цицерона относительно конечной цѣли сторонниковъ охлократическихъ бурныхъ стремленій: «совершенно избавиться отъ всякихъ господъ». De rep., I, 67: ux plane sine ullo domino sint.

4) Mutari omnia. Ср. выше, стр. 556.

5) См. выше, стр. 360.

6) См. выше, стр. 557.

7) См. выше, стр. 563.

8) См. выше, стр. 563.

9) Конечно, въ данномъ случаѣ, эта теорія примѣнялась лишь къ гражданамъ.

10) Леонгардъ, «Roms Vergangenheit und Deutschlands Recht», стр. 66.

11) Рошеръ, «Grundlagen», 23-ье изд., стр. 215.

12) Адлеръ, op. cit., I, стр. 4.

13) Ср. мѣткое замѣчаніе Моммзена относительно мотивовъ оппозиціи противъ италійской политики Г. Гракха. R. G., II, 121.

14) См. выше, стр. 524, и приписываемое Цицерономъ pro Murena, 51, Катилинѣ замѣчаніе: у государства два тѣла: одно—слабое и со слабой головой; другое—сильное безъ головы.

15) Pro Sestio, 132, нѣкоего Ватинія, желавшаго, чтобы эта нація была уничтожена и сокрушена.

16) Гл. 21.

17) De off., II, 73.

18) Такъ, напр., Цицеронъ pro Sestio, 108, 114, 127.

19) Слова, приписываемыя, по утвержденію Цицерона, Катилинѣ, и во всякомъ случаѣ, фактически соотвѣтствовавшія чувствамъ весьма многихъ людей. Pro Murena, 50.

20) Pro Sest., 111.

21) Въ дѣйствительности это, конечно, зачастую бывало такъ, поскольку участки общественныхъ полей уже въ теченіе ряда вѣковъ отчасти разсматривались, совершенно какъ частная собственность, продавались, переходили по наслѣдству и т. д., такъ что ихъ конфискація основательно признавалась экспропріаціей частной собственности. Ср., конечно, одностороннюю аргументацію Цицерона. De off., II, 79: развѣ справедливо, чтобы поле, въ теченіе многихъ лѣтъ или даже ряда вѣковъ, составлявшее объектъ владѣнія, было отнято у прежняго владѣльца и передано неимущему?

22) Діонисій, IX, 515. Ibid., VI, 81, а также VI, 28, 2.

23) Постольку можно, конечно, согласиться съ Моммзеномъ, который, R. G., III, 517, говоритъ о «готовности объявить войну самой собственности». Т.-е., въ смыслѣ «отдайте намъ вашу собственность», а не «долой собственность»! (Какъ формулируетъ этотъ лозунгъ классовой борьбы въ древнемъ мірѣ Адлеръ).

24) И въ этомъ смыслѣ справедливо замѣчаніе во второмъ (саллюстіевомъ) посланіи «Къ Цезарю», гл. 5: «послѣ того, какъ они были мало-по-малу обезземелены и, вслѣдствіе ихъ лѣности и безпомощности, существованіе ихъ стало необезпеченнымъ, они стали предъявлять претензію на пользованіе чужими средствами»; хотя авторъ при этомъ имѣетъ въ виду прежде всего продажу голосовъ.

25) Цицеронъ, de off., II, 73.

26) Впрочемъ, содержаніе значительной части проектовъ аграрныхъ законовъ намъ очень мало извѣстно или даже совершенно не извѣстно. Еще менѣе мы знаемъ о томъ, какъ они обосновывались. При этомъ могли высказываться гораздо болѣе радикальныя идеи, чѣмъ тѣ, которыя мы можемъ теперь распознать. Къ тому же вѣдь соціально-революціонная идеологія лишь въ исключительныхъ случаяхъ находила государственно-правовое выраженіе въ формальныхъ законопроектахъ.

27) См. выше, прим. 21-е.

28) Цицеронъ основательно негодуетъ, de off., II, 83: хотятъ, чтобы они даромъ жили въ чужихъ домахъ. Съ какой стати? Почему же, разъ я купилъ или выстроилъ домъ и дѣлаю расходы на ремонтъ, ты будешь противъ моей воли пользоваться моимъ достояніемъ? Что же это такое, какъ не ограбленіе однихъ и раздача другимъ подарковъ на чужой счетъ? Ср. Кассій Діонъ о Руфѣ, XLII, 22: онъ дозволилъ всѣмъ безвозмездно жить въ чужихъ домахъ. Утвержденіе Іеринга, G. d. r. R., II, 5, 1, 76, согласно которому уничтоженіе долговыхъ статей никогда не было произвольнымъ актомъ, подаркомъ одной части народа на счетъ другой, но всегда оказывалось мѣрой, обусловливаемой требованіями высшей соціальной справедливости, актомъ общественнаго самосохраненія, односторонне. Такъ бывало иногда, но всегда ли?

29) Максъ Веберъ, «Agrarverhältnisse im Altertum», Handb. f. Staatsw. 2 Suppl., Bd., стр. 12, весьма мѣтко замѣчаетъ, что глубокія потрясенія въ имущественныхъ отношеніяхъ, вызванныя конфискаціями и отведеніемъ земельныхъ участковъ, въ особенности тѣми, которыя были произведены тріумвирами, представляли собой позднюю месть неимущихъ, вождями которыхъ были Гракхи.

30) De leg., III, 19.

31) Florus, III, 17. Ср. Aur. Vict. de vir. ill., 66.

32) Ср., напр., относительно «несчетныхъ суммъ», на которыя въ lex Servilia (64 г.) имѣлось въ виду купить для раздѣла земельные участки, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, Цицеронъ, de lege agraria, II, 67, и сказанное выше въ текстѣ относительно этого закона. Болѣе умѣренныя требованія относительно суммъ, предназначавшихся на покупку земельныхъ участковъ, предъявлялись въ rogatio Flavia agraria (60 г.) (см. Цицеронъ, ad Att., I, 19, 4) и lex Julia agraria Цезаря (59 г.; см. Діонъ Кассій, XXXVIII, 1, а также Цицеронъ, de domo, 9, 23). Къ этой политикѣ въ духѣ государственнаго соціализма относится также и, по утвержденію Ливія, будто бы осуществленная въ 403 г. идея возложить часть долговъ частныхъ лицъ на казну.

33) Съ этимъ вопросомъ Цицеронъ обращается къ «грозному и свирѣпому народному трибуну» П. Сервилію Руллу (de l. agr. II, 65).

34) Latrocinium domesticum, Цицеронъ, Pro Sestio, 1.

35) Ср. ироническое замѣчаніе Цицерона, направленное противъ Рулла, de l. agr. I, 14.

36) «Натискъ на имущества частныхъ лицъ» (Impetus in privatorum pecunias, по выраженію Цицерона, ad Att., X, 8, 2.

37) De lege agr., II, 15.

38) Цицеронъ, ibid., 66.

39) Ср. три рѣчи, произнесенныя Цицерономъ противъ закона, принятію котораго онъ воспрепятствовалъ.

40) IX, 52.

41) Ibid., 53, 3.

42) Плутархъ, Тиберій Гракхъ, гл. 9.

43) De off., II, 78.

44) Цицеронъ, Tusc., III, 48. Это замѣчаніе относится къ раздачѣ общественныхъ средствъ въ формѣ выдачи хлѣба.

45) De off., II, 73: capitalis oratio est. ad aequationem bonorum pertinens; qua peste quae potest esse maior?

46) De rep., I, 49.

47) De off., II, 78. Ср. также замѣчаніе, влагаемое Діонисіемъ въ уста Аппію Клавдію (470), конечно, воспроизводящее аналогичное замѣчаніе у псевдо-Демосеена.

48) De off., II, 75. Ср. также вполнѣ согласное со словами Цицерона замѣчаніе Аппія у Діонисія, V, 68.

49) Какъ характерно для этого настроенія въ данную эпоху опасеніе, вызванное у Цицерона сообщеніемъ Аттика о томъ, что онъ слышалъ отъ одного изъ близкихъ къ Цезарю лицъ, что «послѣдній имѣетъ въ виду предложить нѣчто такое, чѣмъ всѣ останутся довольными», ad Att., 16, 1. Ср. также у Pison., 2: Въ день январскихъ календъ я избавилъ сенатъ и всѣхъ благонамѣренныхъ людей отъ боязни аграрнаго закона и колоссальныхъ раздачъ.

50) Ср. также вышеприведенное (стр. 562) демагогическое заявленіе, упоминаемое Ливіемъ, VI, 18, 5.

51) De rep., IV, 5. Конечно, это была своеобразная логика, безъ дальнихъ околичностей признававшая капитализмъ (да еще римскій!) продуктомъ трудолюбія, а бѣдность—послѣдствіемъ вины самого бѣдняка. Этотъ высказанный въ древности взглядъ весьма напоминаетъ нынѣшнюю классовую логику, согласно которой всякое богатство, даже и пріобрѣтаемое благодаря биржевой игрѣ, и всякая иная хищническая спекулятивная нажива, являются продуктомъ труда!

52) Frgm., XXXIV, 6.

53) Pro Sestio, 103: fortunae constitui tenuiorum videbantur!

54) «In agros inopem plebem deducere» или «egentibus agrum dividere», какъ выражается у Ливія тираннъ Набидъ, XXXIV, 31, 11 и 14.

55) См. стр. 568 и сл.

56) § 5.

57) Діонисій, III, 1, 3.

58) Ibid.

59) Ibid.

60) См. выше, стр. 574 и сл.

61) Это согласіе съ выраженіями, встрѣчающимися у римскихъ писателей, доказываетъ, что греческій авторъ не внесъ произвольно своихъ идей въ римскую легенду.

62) [Саллюстій] ad Caesarem, II, 5.

63) Діонисій, конечно, заимствовалъ это тенденціозное изображеніе царя Тулла уже въ готовомъ видѣ изъ позднѣйшей аналистики. Да и самъ онъ характеризуетъ освободительное дѣло Тулла, какъ одинъ изъ тѣхъ политическихъ актовъ, которые приписывались этому царю уже въ наличной литературѣ (παραδίδοται).

64) Bell. Gall., VI, 22.

65) Ср., напр., Hildebrand, «Recht und Sitte auf den verschiedenen Wirtschaftlichen Kulturstufen», I, 87.

66) По мѣткому замѣчанію Roscher, «Grundlagen», 23-е изд., стр. 237.

67) Тацитъ, Ann., III, 53.

68) Мы не знаемъ, конечно, были ли эти посланія, въ самомъ дѣлѣ, адресованы къ Цезарю, или же они представляютъ собой лишь частное стилистическое упражненіе. Но вѣдь и въ такомъ случаѣ выраженныя въ нихъ мысли продолжаютъ быть характерными для идейной жизни данной эпохи. Впрочемъ, вопреки Іордану и др., я отнюдь не считаю вопроса о томъ, относятся ли эти посланія къ эпохѣ Цезаря или къ болѣе позднему времени, рѣшеннымъ.—Примѣчаніе переводчика. Выясненію этого вопроса посвящена статья проф. Пельмана, «Zur

Geschichte der antiken Publicistik». Sitzungsberichte der philol. und der histor. Klasse der Kgl. Bayer. Academie der Wissenschaften, 1904, Heft I.

69) Филиппо Вирджилій, «Die soziale Gesetzgebung in Italien», Brauns Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik, 1897, стр. 726. Въ виду этого, риторическій характеръ посланій отнюдь не доказываетъ, что они представляютъ собой риторическое школьное упражненіе.

70) I, 5.

71) Ibid.

72) Ibid. Ср. выше, стр. 562.

73) I, 7.

74) Ibid. Ср. II, 8.

75) II, 7.

76) Ibid.

77) I, 6.

78) II, 6.

79) II, 7.

80) Ср. т. I, стр. 60 и сл.

81) II, 7.

82) I, 8.

83) На это вѣдь указываетъ и самъ авторъ посланій: I, 7.

84) III, 67.

85) Fasi., VI, 401 и сл.; ср. III, 183.

86) Met., I, 89.

87) Плутархъ, Серторій, гл. 8 и сл.

88) Тибуллъ, Элег., I, 10.

89) Сенека, Письма, 90, 11.

90) Варронъ, ч. III, 1.

91) Georg., I, 125 и сл.

Ante Jovem nulli subigebant arva coloni,
Nec signare quidem aut partiri limite campum
Fas erat: in medium quaerebant.
Подобно тому какъ пчелы (IV, 157): In medium quaesita reponunt.

92) Eleg. I, 3, 35 и сл.

Non domus ulla fores habuit, non fixus in agris,
Qui regeret certis finibus arva, lapis.

93) Metam. I, 135.

Communemque prius, ceu lumina solis et auras,
Cautus humum longo signavit limite mensor.

Ср. 138 и сл.

...itum est in viscera terrae.
Effodiuntur opes, irritamenta malorum.

94) Ср. относительно этого взгляда выше, стр. 557.

95) Юстинъ, XLIII, 1.

96) Ibid. Ср. также разсказъ у Ливія, V, 13, относительно «достопримѣчательнаго подновленія первобытной древности» (Рошѐръ) по поводу такъ назыв. lectisternium.

97) Я согласенъ относительно опредѣленія этой основной нормы съ авторомъ «теоретической соціальной экономики» Дицелемъ.

98) Въ данномъ случаѣ спеціально обнаруживается вліяніе Посидонія. См. Шмекель, «Die Philosophie der mittleren Stoa», стр. 453.

99) Письма, 90, 15, ср. 36.

100) 38.

101) Ibid.

102) 40.

103) 41. Это была высшая степень альтруизма, непосредственно напоминающая христіанскую заповѣдь: «возлюби ближняго твоего какъ самого себя». По этому поводу я констатирую, что Цанъ, «Der Stoiker Epiktet und s. Verh. z. Christentum», стр. 25, неосновательно сомнѣвается въ томъ, что столь часто встрѣчающееся у Эпиктета и у Марка Аврелія наименованіе сочеловѣка какъ ὁ πλησίον, встрѣчается еще до Библіи. Вѣдь мы уже встрѣчали это у Аристотеля, т. I, стр. 168. Оно встрѣчается довольно часто и у другихъ авторовъ, напр., у Платона, Ксенофонта, Эсхина. См. мѣста, приводимыя у Роста-Пассова, s. v.

104) Впрочемъ, Сенека неоднократно затрагивалъ эту тему и въ своихъ драмахъ. Ср. Медея, 329 и сл.:

Candida nostri saecula patres videre,
Patrisque senex factus in arvo
Parvo dives, nisi quas tulerat
Natale solum, non norat opes.

Федра, 527:

...nulla his auri fuit
Caeca cupido, nullus in campo sacer
Divisit agros arbiter populis lapis.

Другіе драматурги также слѣдовали этому примѣру, напр., авторъ Октавіи, 403:

Communis usus omnium rerum fuit.

105) См. т. I, стр. 280 и сл.

106) Виргилій, Энеида, VII, 203.

Saturni gentem haud vinclo nec legibus aequam,
Sponte sua veterisque dei se more tenentem *),

и Овидій, Metam., I, 89.

Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo
Sponte sua sine lege fidem rectumque colebat.
Poena metusque aberant **).

107) Анналы, III, 26.

108) Vita Plotini, I, 12.

109) Эпиктетъ, fragm. LIII (Дюбнеръ).

110) Іоаннъ Златоустъ, Гомил., 11, къ Дѣяніямъ Апостоловъ: не обратитъ ли намъ землю въ небо?

---

*) Въ вѣкъ Сатурна люди были справедливы не по принужденію и не по требованію законовъ,
А добровольно и согласно желанію древняго бога.

**) Прежде всего наступилъ златой вѣкъ, когда безъ всякаго принужденія,
Добровольно и безъ законовъ, соблюдалась добросовѣстность.
Не существовало ни наказаній, ни угрозъ.